This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 605. 25

Transferred
SEP 19 1995

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ІЮЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **А. А. Фусъ и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.** Проф. Евгенія Боброва..... 5— 35
II. **Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи.** В. В. Тимощукъ.... 37— 59
III. **Бытовые очерки Б. П. Лободовскаго.**..... 61— 85
IV. **Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.** Сообщ. В. В. Щегловъ. 87—112
V. **Алексѣевскій равелинъ.** Ал. Маркевича.... 113—115
VI. **Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.**..... 117—130
VII. **Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка.** В. В. Тимощукъ..... 131—149
VIII. **Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго.** Сообщ. И. А. Бычковъ..... 151—166
IX. **1-я Московская гимназія въ 50-хъ годахъ.** (Отрывокъ изъ воспоминаній). 167—199
X. **Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи 1826 года.** 201—211
XI. **Воспоминанія педагога.** В. Г. фонъ-Бооля. 213—227
XII. **О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка.** И. Фр. Павловскаго..... 229—239
XIII. **Записная книжка „Русской Старины“:** О возобновленіи въ церквахъ молебновъ по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ. 6-го іюня 1815 г. (стр. 86).—Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко (60).—Письмо гр. А. А. Аракчеева М. М. Сперанскому. 24-го марта 1819 г. Спб. (86).—Пожертвованіе гр. Н. П. Румянцова (116). — Тульскому гражданск. губерн. Иванову. 16-го сент. 1801 г.—О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Крапкина (150).—Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ. Сообщ. Александръ Успенскій (200).—Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го мар. 1795 г. о государственномъ переворотѣ въ Швеціи. Сообщ. Александръ Успенскій. (212).— Осквернѣніе православнаго храма евреемъ. Сообщилъ А. Мердеръ (228).—Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 года (240).
XIV. **Библіографич. листокъ.** (въ оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ ген.-лейт. **Николая Ѳедоровича Дубровина** и два рисунка вида Алексѣевскаго равелина.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ первый. Крестьянское дѣло. Москва. 1903 г.

Первый томъ собранія статей, докладовъ и рѣчей Дмитрія Ѳедоровича Самарина посвященъ исключительно крестьянскому дѣлу. Въ виду предпринятаго правительствомъ пересмотра крестьянскаго законодательства, онъ еще въ 1898 г. задумалъ собрать и издать отдѣльною книгою все, что имъ было написано въ разное время по крестьянскому вопросу, и самъ привелъ въ порядокъ и приготовилъ къ печати всѣ свои прежнія работы, при чемъ дѣлалъ къ нимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимыя объясненія и дополненія; подъ его же наблюденіемъ было приступлено къ печатанію книги. Но, къ сожалѣнію, болѣзнь, постигшая Дмитрія Ѳедоровича въ декабрѣ 1899 г., помѣшала ему довести это дѣло до конца: печатаніе остановилось на 26-мъ листѣ. Остальные листы настоящаго тома напечатаны уже послѣ его кончины.

Работы Дмитрія Ѳедоровича Самарина появлялись въ разное время съ 1861 по 1899 гг. и по разнымъ, часто случайнымъ поводамъ; тѣмъ не менѣе въ нихъ нетрудно замѣтить внутреннее единство мысли. Подъ живымъ впечатлѣніемъ реформы 1861 г., въ подготовкѣ и введеніи которой Д. Ѳ. принималъ дѣятельное участіе, у него сложился самостоятельный взглядъ на дѣло, который онъ и примѣнялъ къ разрѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ по мѣрѣ того, какъ они выдвигались жизнію. Поэтому его статьи, при всемъ ихъ, повидимому, случайномъ происхожденіи и при отсутствіи между ними внѣшней связи, представляютъ, будучи собраны воедино, нѣчто цѣльное и внутренне законченное, и между различными отдѣлами этого собранія оказывается неразрывная связь, ибо они посвящены уясненію и разработкѣ различныхъ сторонъ одного воззрѣнія.

Бо́льшая часть того, что помѣщено въ разсматриваемой нами книгѣ, была напечатана въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ газетахъ „День“ и „Русь“, издававшихся И. С. Аксаковымъ, а также въ „Новомъ Времени“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Весь матеріалъ расположенъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а по содержанію. При такомъ порядкѣ читателю легче составить себѣ понятіе о главныхъ темахъ, которыя разрабатывались Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, и выяснить себѣ существенныя черты того воззрѣнія, которое онъ проводилъ въ своихъ трудахъ.

Первое мѣсто отведено вопросу о земельномъ надѣлѣ и о повинности. Въ статьяхъ, относящихся сюда, уясняется то, что было наиболѣе способствующаго въ воззрѣніяхъ Д. Ѳ. Самарина на крестьянское дѣло. Основная мысль состоитъ въ томъ, что отношеніе крестьянъ къ надѣльной землѣ никогда не опредѣлялось и не опредѣляется теперь нормами частнаго гражданскаго права. Крестьяне и при крѣпостномъ правѣ не были простыми арендаторами помѣщичьей земли, и ихъ право на пользованіе землею не основывалось на свободномъ договорѣ, а вытекало изъ всей совокупности крѣпостныхъ отношеній, которыя сложились подъ господствомъ понятія государственнаго тягла. Соотвѣтственно этому и повинность, которую отбывали крестьяне, не имѣла и не могла имѣть характера арендной платы. Размѣръ ея вовсе не опредѣлялся земельною рентою, а исключительно средствами крестьянъ, откуда бы эти средства ни получались, отъ земли или отъ промысловъ. Словомъ, это не была плата за пользованіе чужою землею, а личная повинность, отбывавшаяся лишь отчасти съ земли. Положеніе 19-го февраля, хотя ирріурочило эту повинность внѣшнимъ образомъ къ землѣ, но не измѣнило по существу ея основнаго характера. Оброкъ и барщина реформою 1861 года вовсе не были приведены въ соотвѣтствіе съ цѣнностью и доходностью надѣльной земли; законъ ставилъ себѣ задачею только урегулировать и до извѣстной степени облегчить существующія повинности. Поэтому и выкупная операція, въ основу которой была положена капитализація оброка, никогда не была и не могла быть выкупомъ земли, а была выкупомъ повинности, ложившейся частью на землю, частью на лицо, и замѣнившіе оброкъ выкупные платежи, хотя и платятся съ земли, не могутъ однако считаться платою за землю. Такимъ образомъ, и въ настоящее время право крестьянъ на земельный надѣлъ основывается не на покупкѣ, а на отводѣ его властью государства, и надѣльная земля имѣетъ характеръ собственности общественной.

Второе мѣсто въ разсматриваемомъ сборникѣ занимаютъ статьи по вопросу о крестьянской земельной общинѣ. Высказываясь рѣшительно противъ превращенія крестьянской надѣльной земли изъ собственности общественной въ частную, Д. Ѳ. Самаринъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ той формы землепользованія, которая сложилась у насъ въ великорусскихъ губерніяхъ и которая основана на уравнительномъ распредѣленіи земли между домохозяевами. Каковы бы ни были хозяйственныя неудобства, связанныя съ передѣлками земли и прочими особенностями мірскаго владѣнія, въ соціальномъ отношеніи общинное пользованіе представляетъ, по мнѣнію Самарина, неоспоримыя преимущества передъ личною собственностью и передъ участковымъ владѣніемъ: къ тому же и хозяйственныя затрудненія, имъ вызываемыя, вовсе нельзя считать непреодолимымъ препятствіемъ къ улучшенію техники земледѣлія; подъемъ и упадокъ крестьянскаго хозяйства зависитъ боль-

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ

ДУБРОВИНЪ.

Послѣ смерти перваго редактора-издателя М. И. Семевскаго, редакція журнала „Русская Старина“ была поручена Н. К. Шильдеру, который отъ этой обязанности долженъ былъ отказаться, вслѣдствіе предпринятаго имъ самостоятельнаго труда «Императоръ Александръ I». Тогда редакція была принята мною. Но занятый въ то время службою въ Военно-Ученомъ Комитетѣ Главнаго Штаба, я не имѣлъ возможности посвятить все свое время исключительно только этому изданію. Поэтому, проредактировавъ журналъ въ теченіе двухъ лѣтъ, я обратился къ Н. Ѳ. Дубровину съ предложеніемъ принять на себя редакцію. Я былъ убѣжденъ, что лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, его научно-историческіе труды, оцѣненные по достоинству Императорскимъ Историческимъ Обществомъ, его благородный личный характеръ и безукоризненно честное отношеніе ко всякому предпринятому имъ дѣлу служили ручательствомъ, что принятая имъ на себя тяжелая и отвѣтственная задача будетъ исполнена имъ безукоризненно.

По принятіи имъ редакціи, чтобы еще болѣе связать его съ изданіемъ, я предложилъ ему въ

1896 году принять и матеріальное участіе въ изданіи, на что̀ онъ охотно согласился, и съ тѣхъ поръ его и личные интересы тѣсно связались съ интересомъ самаго изданія.

Нынѣ, лишившись въ лицѣ Николая Ѳедоровича сотоварища по изданію и капитальнаго сотрудника, я считаю своимъ священнымъ долгомъ почтить его память и выразить глубочайшее сожалѣніе о смерти добросовѣстнаго редактора, честнаго человѣка и добраго товарища.

Миръ праху его.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1904.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1904.

~~Slav 25.10~~
P Slav 605.25
1158.46

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ «Русской Старины» 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

А. А. ФУКСЪ

и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.

XI [1]).

Говоря объ участникахъ литературныхъ бесѣдъ г-жи Фуксъ, на первомъ мѣстѣ надобно поставить очень близкаго ей человѣка и ея друга, Эраста Петровича Перцова. Перцовъ былъ по происхожденію еврей. Его отецъ, по фамиліи Перецъ, былъ привезенъ въ Россію Е. Ф. Канкринымъ, впослѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ. Перецъ, кажется, приходился ему сродни. Благодаря образованію и способностямъ, Перецъ въ Россіи выслужился и получилъ офицерское званіе; — принявъ православіе, онъ изъ Переца обратился въ Петра Алексѣевича Перцова и женился на дѣвицѣ Вишняковой, брата которой отличалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Отъ этого брака произошло 12 человѣкъ дѣтей, шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ. Старшая дочь Перцова вышла впослѣдствіи за богатаго саратовскаго помѣщика, Каховскаго, брата декабриста.

Старшій изъ сыновей, поэтъ Эрастъ Петровичъ, родился въ Воронежѣ 29-го декабря 1804 г., когда его отецъ уже имѣлъ чинъ поручика. Потомъ семейство Перцовыхъ переѣхало на жительство въ Ка-

---

[1]) См. «Русскую Старину», іюнь 1904 г.

зань; Петръ Алексѣевичъ держалъ въ Казани откупъ [1]) и пріобрѣлъ въ той же губерніи помѣстье. Эрастъ Петровичъ учился въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и по окончаніи тамъ курса въ 1823 г. поступилъ на службу въ Петербургъ, откуда потомъ перебрался въ Казань.

По смерти отца Эрастъ Петровичъ принялъ въ качествѣ опекуна своихъ братьевъ всѣ имѣнія и женился на генеральской дочери, Варварѣ Николаевнѣ Мандрыкиной, сестра которой Елена была величайшая подруга Александры Андреевны Фуксъ. Э. П. Перцовъ, артистическая натура, хотя и не кутила, зажилъ широко и запустилъ хозяйство, послѣдствіемъ чего была въ концѣ концовъ продажа всѣхъ имѣній Перцовыхъ. Остался одинъ лишь домъ на Сѣнной площади, дававшій доходъ, недостаточный для содержанія молодыхъ братьевъ Перцовыхъ. Тогда имъ изъ своихъ сбереженій сталъ помогать ихъ воспитатель, ссыльный полякъ изъ виленскихъ студентовъ, Лукашевскій, служившій учителемъ латинскаго языка при Казанской гимназіи. Благородный старецъ умеръ въ домѣ Перцовыхъ.

При своемъ появленіи въ Казани блестящій молодой человѣкъ, Э. П. сразу завоевалъ себѣ мѣсто губернскаго льва и души общества. Онъ сыпалъ стихами, писалъ въ альбомы, затѣвалъ спектакли, балы, пикники, концерты. Какъ любитель театра, онъ былъ друженъ съ великимъ московскимъ артистомъ, М. С. Щепкинымъ, который, пріѣзжая каждую весну въ Казань на гастроли, всегда останавливался въ домѣ у Перцовыхъ.

Всего болѣе Э. П. интересовался литературою и самъ имѣлъ большую и хорошую библіотеку изъ русскихъ и французскихъ авторовъ. Въ лицѣ Эраста Петровича А. А. Фуксъ нашла себѣ ревностнаго помощника по дѣлу устройства литературныхъ чтеній. Еще въ бытность въ Петербургѣ Э. П. завязалъ знакомство съ литераторами, особенно съ Пушкинымъ. Казанское преданіе гласитъ, будто Пушкинъ даже останавливался, будучи проѣздомъ въ Казани, именно у Э. П. Перцова. Впрочемъ, это преданіе, повидимому, неосновательно [2]). Э. П. былъ сотрудникомъ мѣстнаго органа «Заволжскій Муравей», но имѣлъ доступъ и въ столичные журналы, напр., печатался въ «Библіотекѣ для чтенія». Отдѣльнымъ изданіемъ вышла его комедія «Андрей Бичевъ или смѣшны мнѣ люди!» Спб. 1833. При первой встрѣчѣ Э. П. производилъ самое выгодное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, потомъ, кажется, испарялось. Такъ было, напр., съ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ, который, несмотря на всю свою осторожность, сначала

---

[1]) Сборникъ, стр. 409.

[2]) По этому вопросу мною написана особая статья. См. «Новое Время», суббота, 8-го ноября 1903 г., приложеніе № 9943, стр. 7—8.

просто былъ очарованъ Перцовымъ, встрѣтившись съ нимъ въ Казани. Въ своихъ интимныхъ письмахъ къ И. В. Кирѣевскому [1]) Е. А. пишетъ: «Подумай, кого я нашелъ въ Казани. Молодаго Перцова, извѣстнаго своими стихотворными шалостями, котораго намъ хвалилъ Пушкинъ, но мало: это человѣкъ очень умный и очень образованный, съ рѣшительнымъ талантомъ. Онъ мнѣ читалъ отрывки изъ своей комедіи въ стихахъ, исполненные живости и остроумія. Я постараюсь ихъ выпросить для «Европейца» [2]). Съ нимъ однимъ я здѣсь говорю натуральнымъ моимъ языкомъ». Тотъ же отзывъ, хотя уже съ оговорками, Баратынскій повторяетъ и далѣе [3]): «Посылаю тебѣ небольшое стихотвореніе Перцова, которымъ я очень недоволенъ. Онъ много мнѣ читалъ лучшаго, и я не знаю, почему онъ выбралъ эту пьэсу для «Европейца». Я съ нимъ объ этомъ поговорю. Онъ мнѣ читалъ комедію, написанную прекраснѣйшими стихами, исполненную остроумія, а ея многіе характеры изображены вѣрно и живо. Онъ съ рѣшительнымъ талантомъ; но видно, не всѣ роды ему одинаково даются». Но, когда самъ Перцовъ побывалъ въ Москвѣ и повидался съ И. В. Кирѣевскимъ,—въ томъ же году Баратынскій пишетъ уже совсѣмъ иное, повидимому, разочаровавшись въ своемъ новомъ другѣ [4]): «Перцовъ тебѣ совралъ. Будущую зиму я непремѣнно проведу въ Москвѣ . . . Знакомый мой, Перцовъ, кажется, не очень тебѣ понравился. Признаться, и у меня не весьма лежитъ къ нему сердце. Можетъ быть, онъ—человѣкъ съ умомъ и даже съ хорошими душевными качествами, но какъ-то существо его не гармонизуетъ съ моимъ. Мнѣ съ нимъ неловко и невесело». Такъ скоро изгладилось блестящее впечатлѣніе, оставленное Перцовымъ въ первый моментъ знакомства; а Баратынскій не былъ человѣкомъ, легко мѣняющимъ свои привязанности.

Э. П. пережилъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ друзей и знакомыхъ, но покончилъ жизнь плачевно—самоубійствомъ. Онъ скончался въ отставкѣ въ чинѣ надворнаго совѣтника 12-го іюля 1873 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ одинъ, безъ жены и дѣтей, остававшихся въ Казани. На столикѣ близъ кровати, въ которой нашли его трупъ, лежала записка, гдѣ Э. П. заявлялъ, что онъ отравился, благодаря совершенному разстройству своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Во вторую половину своей жизни онъ уже не выступалъ въ литературѣ. Неизвѣстно, съ какой стати Перцову, стихами котораго восхищались лучшіе стихотворцы,

---

[1]) «Татевскій Сборникъ» С. А. Рачинскаго, 1899, стр. 32, письмо № 23, отъ 18-го января 1832 г. изъ Казани.

[2]) Журналъ И. В. Кирѣевскаго.

[3]) № 26, стр. 35, отъ 1832 г.

[4]) № 32, стр. 42, отъ 1832 г.

Пушкинъ и Баратынскій,—проф. А. С. Архангельскій приписываетъ конфеточные пошлые стишки:

„Альбомъ сей прекрасенъ;
Я съ этимъ согласенъ“ и т. д. [1]).

XII.

Къ литературному салону А. А. Фуксъ принадлежалъ и наѣзжавшій изъ своего имѣнія въ Казань Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ. Сынъ симбирскаго помѣщика, потомокъ древняго рода, выѣхавшаго на Русь еще при Темномъ, Д. П. родился въ 1803 г. въ имѣніи отца, Карсунскаго уѣзда въ селѣ Троицкомъ, невдалекѣ отъ рѣки Суры. Образованіе получилъ Д. П. въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ и окончилъ курсъ. Еще студентомъ онъ обращалъ на себя вниманіе профессоровъ М. Т. Каченовскаго и И. И. Давыдова. Ознобишинъ дебютировалъ стихотвореніемъ «Старецъ» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1820 г., издававшемся подъ редакціею Каченовскаго. Вмѣстѣ съ С. П. Шевыревымъ и В. П. Титовымъ Ознобишинъ участвовалъ въ образованіи извѣстнаго «раичевскаго» литературнаго кружка. По окончаніи курса Д. П. поступилъ на службу въ московскій почтамтъ въ качествѣ цензора французскихъ газетъ. Въ то же время онъ продолжалъ печатать стихи; въ 1826 г. онъ участвовалъ въ альманахахъ «Уранія» (М. П. Погодина) и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» (барона Дельвига); въ 1827 г. онъ вмѣстѣ съ Раичемъ составилъ альманахъ «Сѣверная Лира» и сотрудничалъ въ журналѣ Раича «Галатея» 1829—1830 гг. Отдѣльною книгою въ 1830 г. вышелъ «Селамъ или языкъ цвѣтовъ». Наскучивъ службою, Ознобишинъ вышелъ въ отставку и поселился у себя въ деревнѣ, гдѣ его навѣщала проѣздомъ А. А. Фуксъ. Обладая прекрасною библіотекою, Ознобишинъ и у себя въ имѣніи продолжалъ заниматься литературою. Благодаря хорошему знанію языковъ, онъ могъ слѣдить за всѣми новинками западныхъ литературъ. Н. М. Языковъ въ 1835 г. въ особомъ стихотвореніи, посвященномъ Ознобишину, называетъ его «поэтомъ и полиглотомъ». Изъ своего сельскаго уединенія Д. П. поддерживалъ сношенія съ редакціями: онъ печаталъ свои стихотворенія въ «Молвѣ» 1834 г., въ плетневскомъ «Современникѣ» 1839 г., «Галатеѣ» 1840 г., погодинскомъ «Москвитянинѣ» 1841 г., въ альманахѣ жандармскаго офицера Владиславлева «Утренняя заря» 1844 г. Въ «Москвитянинѣ» за 1845 г. появились послѣдніе стихи Ознобишина: послѣ этого онъ замолкъ на 20 лѣтъ слишкомъ. Только въ 1866 и 1867

[1]) «Пушкинъ въ Казани», стр. 12.

годахъ онъ прервалъ свое молчаніе: напечаталъ стихи въ память Д. В. Веневитинова (въ «Русскомъ» Погодина), князю П. А. Вяземскому и прочелъ стихи на юбилейномъ въ честь Карамзина торжествѣ въ Симбирскѣ [1]). Въ отставкѣ Д. П. принималъ на себя по выборамъ должности: почетнаго смотрителя Карсунскаго уѣзднаго училища, потомъ попечителя Симбирской гимназіи. Хорошо зная мѣстный край и населяющихъ его инородцевъ, Д. П. съ успѣхомъ занимался мѣстною этнографіею и фольклоромъ. Эти знанія впослѣдствіи очень пригодились ему, когда на старости лѣтъ онъ опять вступилъ въ службу по новымъ учрежденіямъ въ качествѣ члена симбирскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (съ самаго его основанія). Д. П. Ознобишинъ былъ крѣпостникъ, но интересовался новою службой и даже издалъ особое руководство для пользованія Положеніемъ 19-го февраля, 1861 г. Скончался онъ на 75 году жизни 2-го августа 1877 г. на Кавказѣ въ Кисловодскѣ, куда онъ часто ѣздилъ для лѣченія. Д. П. Ознобишина навѣщала А. А. Фуксъ, когда ѣздила къ чувашамъ (стр. 47). Она характеризуетъ его такъ въ письмѣ къ мужу: «Д. П. не только поэтъ, но и ученый, знаетъ многіе языки, даже восточные, очень любитъ исторію и теперь особенно занимается англійской литературою. Познакомившись съ нимъ, какъ не пожалѣешь, что такихъ молодыхъ людей, которые не понапрасну проводятъ молодость, у насъ мало. Я видѣла его библіотеку и получила позволеніе брать изъ нея книги; они также получаютъ всѣ русскіе журналы. Однимъ словомъ я отъ нихъ (отъ Д. П. и его сестры) въ восхищеніи». На стр. 90—91 «Записокъ» приведено стихотвореніе Д. П. Ознобишина о Федѣ—чувашскомъ поэтѣ, котораго творенія онъ переслалъ г-жѣ Фуксъ. Ознобишину посвящено цѣлое посланіе въ «Стихотвореніяхъ» (стр. 180—184). А. А. благодарила его за его стихи, полученные ею въ тяжелый моментъ ея жизни:

Среди семейныхъ огорченій,
Почти съ растерзанной душой
Сидѣла я въ уединеньи,
Чтобъ горесть облегчить слезой.
И голосъ дружества совѣтный
Меня утѣшить не умѣлъ—
Вотъ въ этотъ часъ твой стихъ привѣтный
Какъ бы съ небесъ ко мнѣ слетѣлъ.
Я все прочла—о даръ чудесной!
Исчезъ моей печали слѣдъ,
И въ мигъ лучъ радости небесной
Лилъ на меня цѣлебный свѣтъ.

[1]) Въ вышедшемъ въ 1874 г. въ пользу голодающихъ сборникѣ «Складчина», стр. 241—242 помѣщено одно стихотвореніе Ознобишина отъ 22-го августа 1870 г. («Изъ народныхъ реляцій»).

Посланіе Ознобишина вдохновило ее самое, и она тоже «заиграла на лирѣ»:

И мысленно предъ судьбою
Свои колѣна преклоня,
Она съ поэзіею святою
Такъ ознакомила меня,
Твоею Музой вдохновенна,
Запѣла пѣсни я пѣвцамъ.

Она воспѣла Пушкина и Баратынскаго. Къ самому Ознобишину она обращается такъ:

А ты, пѣвецъ младой и нѣжной,
Возможно-ли тебя забыть,
Твой даръ и быстрой, и любезной?
Тебя увидѣть—п о л ю б и т ь!
Повѣрь: твои привѣтны звуки
Дошли тотчасъ къ душѣ моей,
А голосъ сердца и въ разлукѣ
Твердитъ: люби своихъ друзей!

XIII.

Изъ числа столичныхъ литераторовъ, примыкавшихъ, въ бытность свою въ Казани, къ кружку А. А. Фуксъ, какъ мы видѣли выше, былъ отмѣченъ Делярю. Михаилъ Даниловичъ Де-ля-Рю (какъ собственно пишется его фамилія) родился въ 1811 г. въ Казани, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ. Первые годы жизни и отрочество онъ провелъ въ домѣ родителей, а потомъ отецъ его отвезъ въ Петербургъ и помѣстилъ въ Царскосельскій Лицей, чрезъ три года послѣ выпуска Пушкина и Дельвига. Литературная традиція была еще очень живуча въ Лицеѣ, и писаніе стиховъ было между воспитанниками въ модѣ. М. Д. началъ заниматься стихотворствомъ съ самаго поступленія въ Лицей и писалъ, главнымъ образомъ, въ родѣ Дельвига. Делярю окончилъ курсъ въ 1829 г. и поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра, гдѣ и состоялъ въ теченіе 5 лѣтъ. Онъ сблизился съ своимъ образцомъ, бар. Дельвигомъ, и принималъ участіе въ его изданіяхъ, какъ-то въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Стихи Делярю критикою одобрялись, но публика оставалась къ нимъ довольно холодною. Пушкинъ чрезвычайно мѣтко отозвался о немъ въ своемъ письмѣ къ Плетневу изъ Москвы, въ апрѣлѣ 1831 г. (VII т. Морозовскаго изданія, стр. 226, № 282): «Делярю с л и ш к о м ъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно

пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется». Къ этому времени вышли отдѣльными изданіями: «Превращеніе Дафны», сельская поэма (изъ Овидія), 1829, «Сонъ и Смерть», 1831 (изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»). Имя Делярю никогда бы не получило извѣстности, если бы не бѣда, разразившаяся надъ нимъ. Въ XII кн. «Библіотеки для чтенія» былъ помѣщенъ его переводъ изъ В. Гюго «Красавицѣ», гдѣ поэтъ изъявляетъ готовность, будь онъ богомъ, промѣнять всѣ прелести неба и рая, «за единый поцѣлуй» этой красавицы. Стихотвореніе было, по указанію митрополита Серафима, признано страшно опаснымъ и вреднымъ; Делярю (въ концѣ 1834 г.) немедленно уволили со службы и даже, кажется, ему пришлось на нѣкоторое время оставить Петербургъ. Въ это время онъ и былъ въ Казани, гдѣ принималъ участіе въ литературныхъ бесѣдахъ г-жи Фуксъ. Затѣмъ онъ пріискалъ себѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Онъ продолжалъ печататься. Въ 1835 г. въ Петербургѣ появляются его «Опыты въ стихахъ»; послѣ смерти Пушкина онъ принималъ участіе въ «Современникѣ», оттискомъ изъ VIII т. котораго появилась «Дидона, IV пѣснь Энеиды», 1837 г. Затѣмъ М. Д. переѣхалъ въ Одессу, гдѣ съ 1837—1841 г. состоялъ инспекторомъ Лицея. Здѣсь онъ былъ сотрудникомъ «Одесскаго Альманаха», а въ 1839 г. выпустилъ въ Одессѣ же переводъ: «Пѣснь объ ополченіи Игоря сына Святославова». Переводъ вызвалъ рецензіи въ «Литературной Газетѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» за 1840 годъ. Въ 1842 г. онъ перестаетъ печататься; онъ вышелъ въ 1841 г. въ отставку, жилъ у себя на хуторѣ въ Харьковской губерніи и погрузился въ сельское хозяйство. Впрочемъ, для себя онъ продолжалъ переводы изъ Овидія и Виргилія, и смерть застала его за «Георгиками». М. Д. Делярю скончался въ Харьковѣ въ ночь на 24-е февраля 1868 г. Н. А. Лавровскій, тогда харьковскій профессоръ, посвятилъ ему некрологъ, помѣщенный въ №№ 26 и 27 «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1868 г. и перепечатанный въ «Голосѣ» за тотъ же годъ, въ № 74.

Теперь коснемся жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ профессоровъ мѣстнаго Казанскаго университета, которые тоже были постоянными гостями въ литературномъ салонѣ г-жи Фуксъ.

XIV.

Своимъ человѣкомъ въ семьѣ и домѣ Фуксовъ былъ престарѣлый Григорій Николаевичъ Городчаниновъ. Онъ родился въ 1771 г. въ

г. Балахнѣ, былъ сынъ мѣщанина. Сынъ называетъ его въ «Надгробіи моему родителю» (стр. 534 «Сочиненій») купцомъ:

Званіемъ к у п е ц ъ ты балахнинскій былъ.

Г. Н. учился въ Нижегородской духовной семинаріи и въ Московскомъ университетѣ, потомъ служилъ въ главномъ почтовомъ управленіи. Пользуясь дружбою и протекціею извѣстнаго Евгенія Болховитинова, Г. Н. былъ назначенъ въ 1806 г. въ Казанскій университетъ адъюнктомъ русской словесности, но брался здѣсь преподавать разные предметы, даже философію. Въ университетѣ онъ перебилъ дорогу любимому всѣми Н. М. Ибрагимову, о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Обижаясь, что ему не даютъ профессуры, Городчаниновъ вышелъ въ отставку, о чемъ студенты не очень жалѣли. С. Т. Аксаковъ описываетъ, какое тяжелое впечатлѣніе производилъ Городчаниновъ, изступленный старовѣръ-классикъ, не признававшій новыхъ литературныхъ вѣяній. Уйдя изъ университета, Городчаниновъ служилъ библіотекаремъ и ученымъ секретаремъ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, а въ 1810 г. опять опредѣленъ въ Казанскій университетъ уже профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. Съ 1822—1826 г. преподавалъ естественное право. 4 раза Городчаниновъ состоялъ деканомъ. Съ 1826 г. онъ былъ предсѣдателемъ Казанскаго общества любителей отечественной словесности, основаннаго сначала Н. М. Ибрагимовымъ среди своихъ товарищей и учениковъ. Университетская служба Городчанинова окончилась въ 1829 г. Выйдя въ отставку, Г. Н. продолжалъ жить въ Казани, гдѣ и умеръ 22-го декабря 1852 г.

Городчаниновъ былъ большой охотникъ писать стихи, но не обладалъ талантомъ [1]). Бывъ поклонникомъ чарочки, въ послѣдніе годы онъ совсѣмъ спился. Часть своихъ трудовъ онъ издалъ въ 1836 г. подъ заглавіемъ «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ», Казань (всего 547 стр., изъ нихъ прозы 475). Остальные труды Городчанинова указаны въ спеціальной о немъ брошюрѣ Н. П. Лихачева, 1886 г. Пушкинъ, будучи въ гостяхъ у А. А. Фуксъ и заглянувъ въ книгу Городчанинова, сказалъ съ досадою: «О, эти проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой». Кромѣ этого отзыва, еще очень обидѣлся Городчаниновъ на Пушкина за то, что, будучи членомъ

---

[1]) Н. И. Лажечниковъ въ статьѣ «Какъ я зналъ Магницкаго» (Сочиненія, т. XII, изд. 1884 г., стр. 372—373) характеризуетъ Городчанинова, какъ «профессора поэзіи, добраго старичка, въ изсохшей головѣ и сердцѣ котораго не было и чутья поэзіи, почитателя не только Хераскова, но и графа Хвостова. На лекціяхъ его разбирали одни переложенія п с а л м о в ъ!»

Казанскаго общества словесности, Пушкинъ не сдѣлалъ ему визита, какъ предсѣдателю.

Служа въ университетѣ, Городчаниновъ близко сошелся съ К. Ѳ. Фуксомъ, которому, по преданію, былъ полезенъ, исправляя ему русскій языкъ въ его статьяхъ и подыскивая цитаты для его археологическихъ и историческихъ трудовъ (Сборникъ, стр. 465 и 506).

Александрѣ Андреевнѣ Городчаниновъ посвятилъ такое стихотвореніе («Заволжскій Муравей», 1832 г., ч. I, кн. 8, стр. 440):

Къ портрету А. А. Ф.

Прекрасны здѣсь артистъ черты изобразилъ,
Огонь въ ея глазахъ онъ съ нѣжностію слилъ:
Но если бъ кто спросилъ объ этомъ здѣсь поэта,
Сказалъ бы, что душа прекраснѣе портрета [1]).

На выздоровленіе К. Ѳ. Фукса написана цѣлая ода («Сочиненія», стр. 536—537). Она начинается словами:

Вѣстникъ тлѣнія крылами
Твое ложе осѣнялъ
И иссохшими руками
Мрачный гробъ твой открывалъ...

Далѣе поэтъ полагаетъ:

Съ доброй только лишь душою
Жилъ не всуе человѣкъ:
Предъ минутой, Фуксъ, твоею—
Что другихъ и долгой вѣкъ!

Для ознакомленія съ музою Г. Н. Городчанинова, приведемъ еще его стихотвореніе, которое считалось лучшимъ, и которое онъ читалъ на одномъ изъ вечеровъ А. А. Фуксъ. Стихотвореніе было переведено на латинскій языкъ его коллегою, профессоромъ Ф. И. Эрдманомъ подъ заглавіемъ «Poëta immortalis». Подлинникъ помѣщенъ въ «Сочиненіяхъ» на стр. 528—530, а переводъ на стр. 530—531.

---

[1]) Къ ней, повидимому, относятся еще помѣщенные тамъ же рядомъ „Стихи племянника, найденные тетушкою при своемъ портретѣ". Этимъ племянникомъ могъ быть Вас. Ив. Рубановъ, внукъ Г. П. Каменева и двоюродный племянникъ А. А. Фуксъ, самъ поэтъ и участникъ ея бесѣдъ:

Совсѣмъ не то вы на портретѣ.
Хотя прекрасны, хороши,—
Но кисти нѣтъ такой на свѣтѣ,
Чтобъ срисовать красу души.

30-го января 1832 г.

Безсмертіе піита.

(Въ память Державина).

Старикъ крылатой и лихой
Въ быстрѣйшемъ молніи полетѣ
Все въ дальнемъ сокрушаетъ свѣтѣ
Непритупляемой косой.
И горды Вавилонски стѣны,
И Родосскій колоссъ надменный,
И славный во Ефесѣ храмъ
Его печальной стали жертвой.
Въ глубокой тишинѣ и мертвой,
Лишь вранъ ночной гнѣздится тамъ.
Все пало подъ косой Сатурна:
И свѣтлый тронъ, и мрачна урна.
Но, вижу, на Омировъ бюстъ
Съ почтеніемъ старикъ взираетъ:
Тридцатый вѣкъ уже сметаетъ
Крыломъ съ него зоиловъ пыль.
Сей властелинъ всего суровый
При каждомъ вѣкѣ лавры новы
Даритъ Виргилію въ вѣнокъ.
Гдѣ грозный повелитель міра?
Но Флакка сладостная лира
Звучитъ изъ глубины вѣковъ.
Піитъ, родясь, не умираетъ,
И намъ безсмертье доставляетъ.
Доколь Фебъ будетъ озарять
Наукъ, художествъ насъ лучами,
Дотоль безсмертными стихами
Державинъ будетъ восхищать
Потомства поздняго державы
Изъ вѣка въ вѣкъ, на крыльяхъ славы,
До той минуты преносясь,
Когда и слава онѣмѣетъ,
Когда и Хронъ оцѣпенѣетъ
И косу выронитъ изъ рукъ.

XV.

Кромѣ Городчанинова, живое участіе въ вечерахъ г-жи Фуксъ, какъ мы видѣли выше, принималъ еще проф. И. М. Симоновъ.

Ивану Михайловичу Симонову суждено было долгое время играть видную роль въ Казанскомъ университетѣ. По происхожденію изъ купцовъ, онъ родился въ Астрахани, въ 1795 г., учился въ мѣстной гимназіи, откуда въ 1808 г. перевелся въ Казанскую гимназію, а въ 1809 г.

перечисленъ въ студенты университета. Отличаясь очень хорошими способностями къ наукамъ, а главное, съ юныхъ лѣтъ постигнувъ величайшую науку—науку жизни, онъ уже черезъ годъ, въ 1810 г., признанъ достойнымъ быть произведеннымъ изъ студентовъ прямо въ магистры. Но утвержденъ былъ Симоновъ въ этой степени въ 1812 г. Въ 1811 г., по засвидѣтельствованію иностранца-профессора Бартельса, своего учителя, получилъ благодарность отъ министра народнаго просвѣщенія за успѣхи въ математикѣ и благодарность отъ попечителя учебнаго округа за наблюденіе кометы. Обладая очень ласковымъ по отношенію къ начальству нравомъ, Симоновъ принималъ на себя разныя услуги: напр. въ 1816 г. (какъ видно изъ архива) Симоновъ помѣстился на квартирѣ выходившаго въ отставку попечителя Салтыкова «для надзора» за оставленными его пожитками. И въ томъ же году Симоновъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора астрономіи на мѣсто знаменитаго Литтрова. Адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ онъ былъ еще съ 1814 г., преподавая въ этомъ званіи теоретическую, а потомъ и практическую астрономію. Въ 1819 г. онъ отправился въ качествѣ астронома въ кругосвѣтное путешествіе на шлюпѣ «Востокъ» подъ командою Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена. Это путешествіе сыграло громадную роль въ карьерѣ Симонова: оно ему придало непререкаемый авторитетъ у себя дома, въ Казани, тѣмъ болѣе, что, возвращаясь обратно, Симоновъ прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ, гдѣ въ то время было нѣсколько первоклассныхъ ученыхъ по части математики, астрономіи и естествовѣдѣнія вообще, какъ-то: Ф. Араго и Александръ Гумбольдтъ. И съ этими учеными Симоновъ сумѣлъ познакомиться довольно близко, а потомъ извлекалъ изъ такихъ знакомствъ большую для себя практическую пользу. Въ Россію Симоновъ вернулся въ 1821 г., а въ Казань въ 1822 г.

Казанскій университетъ переживалъ самую плачевную пору своего безславія и позора: въ немъ уже хозяйничалъ Магницкій. Многіе достойные профессоры были изгнаны изъ университета и замѣнены разными проходимцами; другіе притихли и преклонились. Одинъ Иванъ Михайловичъ и тутъ не пріунылъ, а наоборотъ только выигралъ—даже сталъ любимцемъ Магницкаго. Какими средствами, мы сейчасъ увидимъ. «Профессоромъ Симоновымъ», говорилъ Магницкій (см. брошюру Ѳеоктистова, стр. 102—103), «по возвращеніи изъ морского путешествія вокругъ свѣта, принесено въ даръ Казанскому кабинету естественной исторіи много рѣдкостей, и въ томъ числѣ, съ новооткрытаго острова одинъ значокъ начальника, прикрѣпленный къ его лодкѣ. Казанскій университетъ, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значокъ сей, составляющій родъ знамени, который отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неисто-

вымъ теоріямъ «естественнаго права» о равенствѣ и значеніи человѣка, доказалъ, что даже открытые предъ глазами нашими дикіе совсѣмъ иначе мыслятъ и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному самодержавію». Но Симоновъ не ограничивался только поднесеніемъ дубинки начальника дикарей съ соотвѣтствующими комментаріями. Мы увидимъ, за что особенно цѣнилъ Симонова Магницкій (тамъ же, стр. 127): «Г. Симонову дѣлаетъ честь преимущественно то, что онъ первый изъ ученыхъ нашихъ, занимающихся астрономіей, выглянулъ на нее съ истинной точки зрѣнія и истребляетъ въ слушателяхъ своихъ пагубную мысль, которую стараются нынѣ распространять авторы, повторяющіе выраженіе «Механики небесной», что міроздание есть какъ бы машина, разъ навсегда созданная и заведенная. Ибо сія пагубная мечта служитъ уже основаніемъ новѣйшихъ философическихъ системъ, допускающихъ эѳирный матеріализмъ (sic) и даже пантеизмъ». Хорошъ ученый, хорошъ астрономъ, пускающій въ оборотъ не только дубину дикаго предводителя, но и свою научную совѣсть, астрономъ, истребляющій «небесную механику»! За то Магницкій уже въ 1822 г. представилъ Симонова въ ординарные профессоры. Симоновъ же не унимался въ своемъ служебномъ рвеніи, но шелъ далѣе. Въ 1823 г. его вмѣстѣ съ профессоромъ Купферомъ отправили за границу для покупки инструментовъ (физическихъ и астрономическихъ). Симоновъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ. По возвращеніи Симоновъ представилъ въ министерство свои «замѣчанія по ученой и нравственной части въ Кёнигсбергѣ», гдѣ высказываетъ такія pia desideria: «Юношество брошено на произволъ счастья, и молодой человѣкъ ничего не можетъ ожидать со стороны нравственнаго образованія, будучи безъ всякаго надзора и руководимый однѣми страстями; новѣйшая нѣмецкая философія довершаетъ его погибель! Оттого-то изъ множества учащихся въ университетахъ Германіи столь мало выходитъ истинно ученыхъ людей (NB. вродѣ самого Симонова). Къ счастью, правительство, приставивъ къ Берлинскому университету уполномоченнаго чиновника, которому поручена особенно полицейская и нравственная (!) часть, приняло уже мѣры къ разсѣянію тайныхъ обществъ и къ истребленію безпорядковъ; но корень зла еще не уничтоженъ: въ университетахъ по-прежнему продолжаютъ преподавать философію и естественное право» (Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, картонъ 467, № 36885, журналъ ученаго комитета за 1823 г., листы 213—216—у Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 188 и 508, прим. 232). Симоновъ, радуясь появленію полицейскихъ въ университетѣ и поборая философію, зналъ, на какой струнѣ играть: «отчетъ этотъ былъ выслушанъ и одобренъ ученымъ

комитетомъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ». Въ то же время Симоновъ поддерживалъ сношенія съ заграничными учеными, не знавшими, что онъ за птица. Въ 1825 г. по его предложенію избраны въ почетные члены Казанскаго университета многія иностранныя знаменитости, какъ, напр., А. Гумбольдтъ и Араго. И ему за границей оказывали такія же любезности: въ 1824 г. его избрали въ члены Парижскаго географическаго общества, въ члены-корреспонденты Римской академіи наукъ. Александръ Гумбольдтъ, въ бытность свою въ Казани [1]) въ 1826 г., встрѣтился съ нимъ, какъ старый знакомый. Въ 1829 г. И. М. избираютъ въ члены-корреспонденты Петербургской академіи наукъ. Между тѣмъ служебная карьера его все развивалась. Въ 1830 г. Иванъ Михайловичъ уже директоръ Педагогическаго института при университетѣ и инспекторъ студентовъ. Кромѣ того, онъ былъ три раза деканомъ, а съ 1846 г. исправлялъ уже обязанности ректора, въ каковой должности и померъ 10-го января 1855 года въ возрастѣ 60 лѣтъ, изъ коихъ на службѣ провелъ 42 года. Похороны его описаны въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1855 г., № 3. Некрологъ, написанный И. Б—нымъ, помѣщенъ въ «Москвитянинѣ» за 1855 г., № 2, январь, стр. 163—172.

Недобросовѣстный, какъ ученый, истреблявшій «небесную механику», Симоновъ былъ никуда не годенъ, какъ преподаватель, хотя и занималъ каѳедру болѣе 40 лѣтъ. Вотъ что сообщаетъ о немъ его ученикъ, самъ впослѣдствіи профессоръ того же университета, Э. П. Янишевскій («Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента», Казань, 1893, стр. 26—29). Упоминая, что И. М. былъ весьма любезнымъ въ обществѣ человѣкомъ и охотно разсказывалъ анекдоты все о томъ же своемъ пресловутомъ путешествіи съ Беллинсгаузеномъ, г. Янишевскій добавляетъ, что и со студентами Симоновъ былъ очень обходителенъ, какъ ректоръ и какъ профессоръ, а на экзаменахъ даже слабъ, иногда вовсе не слушалъ, что студентъ отвѣчаетъ; но, если окончательный выводъ изъ вычисленія былъ написанъ вѣрно, то студентъ всегда получалъ хорошую отмѣтку. Иные студенты этимъ пользовались, выучивали твердо конечный результатъ какого-нибудь сложнаго вычисленія, а затѣмъ на экзаменѣ, если и напутаетъ что-нибудь въ самомъ выводѣ, то можно быстро его стереть съ доски и написать требуемую формулу. У самого Симонова на лекціяхъ астрономіи при сложномъ выводѣ какой-нибудь формулы иногда случалось, что формула

[1]) Объ этомъ пребываніи А. Гумбольдта въ Казани см. нашу статью въ I томѣ сборника «Поволжье», 1903.

не выходила должнымъ образомъ вслѣдствіе ошибки счета или описки. Симоновъ, видя это, обращался къ слушателямъ съ какимъ-нибудь разъясненіемъ, а самъ потихоньку стиралъ то, что мѣшало выводу—лишнюю степень, знакъ и проч., думая, что слушатели не замѣтятъ его уловку.

Но, если Симоновъ былъ нерадивый, неряшливый преподаватель своего предмета, очевидно, никогда не дававшій себѣ труда добросовѣстно готовиться къ чтенію, а на лекціяхъ прибѣгавшій къ подлогамъ, то, быть можетъ, онъ готовилъ практиковъ, астрономовъ-геодезистовъ. И этого, оказывается, ничуть не бывало. Симоновъ, свидѣтельствуетъ ученикъ, г. Янишевскій, приносилъ въ аудиторію какой-нибудь изъ измѣрительныхъ геодезическихъ инструментовъ, ставилъ его по срединѣ, аудиторіи и весьма подробно описывалъ его устройство и обращеніе съ нимъ, при чемъ, однако же, намъ не позволялъ даже и притрогиваться къ инструменту, вслѣдствіе чего мы и вышли изъ университета, не умѣя обращаться даже съ самымъ простымъ угломѣрнымъ инструментомъ, не говоря уже объ инструментахъ собственно астрономическихъ. Симоновъ только на четвертомъ курсѣ, читая практическую астрономію, всего одинъ разъ повелъ насъ въ башню обсерваторіи, гдѣ позволилъ посмотрѣть разные инструменты, но при этомъ зорко слѣдилъ, чтобы мы какъ-нибудь не дотронулись до котораго-нибудь изъ нихъ.

Спрашивается, для кого же и для чего читалъ Симоновъ свою «практическую» астрономію?

Когда по иниціативѣ Гумбольдта въ сороковыхъ годахъ и при Казанскомъ университетѣ была устроена магнитная станція, то Симоновъ привлекъ студентовъ къ наблюденіямъ надъ колебаніемъ магнитныхъ стрѣлокъ. Устройства инструментовъ, равно какъ и цѣли наблюденій, студентамъ не объяснили. Нѣкоторые студенты относились къ этимъ наблюденіямъ крайне небрежно: иногда ночью проспитъ студентъ въ дежурной комнатѣ при павильонѣ часы наблюденія, да потомъ и запишетъ на обумъ. Конечно, эти отмѣтки не имѣли никакой научной цѣнности, и наблюденія эти, якобы «руководимыя» Симоновымъ, пришлось потомъ прекратить. Но результаты подобныхъ наблюденій Симоновъ считалъ возможнымъ печатать!

И такой человѣкъ, очевидно, для студентовъ совершенно безполезный, просуществовалъ въ университетѣ четыре десятка лѣтъ, даже стоялъ во главѣ его, выслужилъ всякія отличія и создалъ себѣ ученую репутацію среди коллегъ и знакомыхъ изъ общества, которыхъ онъ морочилъ своими старыми анекдотами и розсказнями...

XVI.

Совсѣмъ другое, чѣмъ Симоновъ, впечатлѣніе производитъ адъюнктъ университета и редакторъ «Заволжскаго Муравья», Михаилъ Сампсоновичъ Рыбушкинъ. Сынъ чиновника, онъ родился въ Симбирскѣ въ 1792 г., учился въ Казанской гимназіи, потомъ тамъ же въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1812 г. со степенью кандидата, и въ томъ же году былъ назначенъ при Казанской гимназіи учителемъ славяно-россійскаго класса. Затѣмъ Рыбушкинъ проходилъ разныя должности: въ 1814 г. былъ комнатнымъ надзирателемъ и корректоромъ университетской типографіи (1814—1816), въ 1815 году учителемъ исторіи и географіи, съ 1820 г., наконецъ, старшимъ учителемъ историческихъ наукъ. Въ качествѣ преподавателя исторіи Рыбушкинъ былъ весьма любимъ учениками за очень откровенное, смѣлое изложеніе и освѣщеніе фактовъ прошлаго. Михаилъ Сампсоновичъ не удовлетворялся ролью гимназическаго преподавателя и порывался перейти въ университетъ. Составивъ славянскую грамматику, онъ на основаніи ея въ 1821 году просился въ адъюнкты-профессоры, но безуспѣшно. Въ 1823 году онъ былъ исполняющимъ должность директора гимназіи и тогда же добился своего: былъ опредѣленъ въ адъюнкты россійской словесности. Въ 1826—1828 гг. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ исполняющимъ должность директора училищъ Казанской губерніи. Популярный среди учениковъ гимназіи, какъ учитель исторіи, М. С. на каѳедрѣ славянской грамматики сталъ безцвѣтнымъ адъюнктомъ, что впрочемъ объясняется отчасти и тогдашнимъ состояніемъ его предмета. Кромѣ того, его ученой карьерѣ мѣшало то обстоятельство, что его постоянно отвлекали отъ своего дѣла: то поручали ему корректуру университетскихъ изданій, то посылали закупать бумагу для университетской типографіи, то ставили его на приведеніе въ порядокъ университетскаго архива.

М. С. Рыбушкинъ былъ человѣкъ симпатичный и очень популярный въ городѣ Казани. Извѣстность его особенно возросла послѣ очень смѣлаго по тогдашнимъ обстоятельствамъ его поступка: влюбившись въ Феклушу, извѣстную актрису городского театра (который тогда содержалъ казанскій помѣщикъ Сергѣй Петровичъ Есиповъ, работая крѣпостною своею труппою), М. С. выкралъ свою возлюбленную и женился на ней.

Въ 1823 г. М. С. былъ приглашенъ къ участію въ редактированіи оффиціальнаго журнала «Казанскій Вѣстникъ», выходившаго при университетѣ. Въ 1832—1834 г. онъ съ своимъ коллегою (адъюнктомъ по каѳедрѣ латинскаго языка) Полиновскимъ издавалъ «Заволжскаго Муравья». Въ 1834 г. онъ издалъ свой главный трудъ, результатъ боль-

шой и долголѣтней работы: «Краткую исторію города Казани». Книга была раскуплена на расхватъ.

Въ 1835 г. Рыбушкинъ былъ уволенъ изъ университета съ назначеніемъ въ директоры училищъ Астраханской губерніи. И здѣсь М. С. не оставилъ своихъ ученыхъ занятій, плодомъ которыхъ въ 1841 г. явились «Записки объ Астрахани». Въ 1843 г. Рыбушкина перемѣстили на такую же должность въ Пензу, гдѣ онъ прослужилъ до 1845 г., когда онъ вышелъ въ отставку послѣ большихъ непріятностей и полнаго упадка силъ. Онъ умеръ 57 лѣтъ отъ роду, 20-го марта 1849 г. въ Казани, отъ горячки, въ совершенной бѣдности. Его «Исторія Казани» была по его смерти переиздана въ 1850 г. на счетъ городского головы Анисима Кирилловича Месетникова, но съ корректурными неисправностями. Некрологъ М. С. Рыбушкина былъ помѣщенъ въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1849 г., № 15—16.

XVII.

Изъ числа мѣстныхъ участниковъ литературнаго кружка г-жи Фуксъ, не принадлежавшихъ къ университету, надобно отмѣтить Ѳ. М. Рындовскаго.

Ѳедоръ Михайловичъ Рындовскій по роду своихъ занятій былъ медикъ (штабъ-лѣкарь). Родился онъ въ Черниговской губерніи 7-го февраля 1783 г., но въ 1811 г. переселился въ поволжскій край — въ Казанскую губернію, и жилъ сначала въ г. Тетюшахъ, потомъ въ самой Казани. Здѣсь онъ женился на дочери тетюшскаго же помѣщика Панаева, Поликсенѣ Ивановнѣ, сестрѣ знаменитаго въ свое время поэта-идиллика, Владиміра Ивановича, учившагося въ Казанскомъ университетѣ вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ,—и теткѣ издателя «Современника», Ивана Ивановича Панаева. Ѳ. М. Рындовскій, несомнѣнно, обладалъ поэтическимъ талантомъ и любилъ литературу. Онъ былъ постояннымъ участникомъ литературныхъ вечеровъ г-жи Фуксъ и ревностнымъ сотрудникомъ протежируемаго ею журнала «Заволжскій Муравей», гдѣ помѣщено много сочиненій Рындовскаго. Отдѣльными изданіями вышли его сочиненія: «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца», СПБ., 1809, «Сотвореніе міра», поэма, СПБ. 1832 и «Путешествіе и отдыхъ», стихотворный разсказъ, Казань, 1833. Ѳ. М. Рындовскій остальную часть жизни провелъ въ Казани, гдѣ и скончался 27-го сентября 1839 г. О его столкновеніи съ вице-губернаторомъ Филипповымъ было разсказано выше.

Мы не будемъ останавливаться на двухъ Второвыхъ, отцѣ, Иванѣ Алексѣевичѣ, и сынѣ его, Николаѣ Ивановичѣ, потому что біографія ихъ подробно описана у Де-Пуле въ вышеуказанныхъ его произведеніяхъ. И. А. Второвъ былъ небогатый чиновникъ, занимавшій разныя должности въ поволжскихъ городахъ и склонный къ литературѣ, но не получившій образованія. Познакомившись съ г-ею Фуксъ, И. А. Второвъ сталъ часто бывать въ ея домѣ и посѣщалъ ея бесѣды. Де-Пуле (стр. 621) предполагаетъ, что Второвъ-отецъ не особенно симпатизировалъ «казанской стихотворкѣ» (какъ онъ ее называлъ): по крайней мѣрѣ, онъ не расхваливаетъ ее въ своихъ запискахъ, какъ всѣхъ прочихъ своихъ знакомыхъ. И. А. Второвъ принималъ участіе въ журналахъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Мы позволимъ себѣ только привести здѣсь полную библіографію его сочиненій.

Въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» въ I части: Къ сердцу (стр. 3), Иванъ Варѳоломеевичъ (11), Игра остроумія (17), Пословицы (33), Отрывки (48, 49, 95), Письмо дѣвицѣ Ф. о русскомъ стопосложеніи (97), О наружности стиховъ россійскихъ (113), Легкое средство къ благотворенію (201), Нѣчто о визитахъ (423).

Во II части: Къ жизни (3); ч. III, Къ уму (3); ч. IV, Къ смерти (3), ч. V, Нѣчто о надписяхъ (изъ Ленгетовыхъ лѣтописей, 141), Элегія на смерть одного араба, посвящавшаго жизнь и имущество благотворенію (224), Кораблекрушеніе (306), Три анекдота о Ж. Ж. Руссо (388); ч. VI, Суеты (стр. 3), Краткая исторія греческой поэзіи (149, 392); ч. VII, Покой (3), Эдвинъ и Малли (23), ч. VIII, Предпріимчивость (3), Пиндаръ (149), Краткая исторія римской поэзіи (336); ч. X, Кладбище (11); ч. XIX, Прости, май (123).

Въ журналѣ «Иппокрена»: ч. III, Царевъ курганъ Самарской губерніи (93), Перемѣна участи (105), Время (120), ч. VI, Моя прогулка (545), Здравствуй, май! (550).

По смерти его, сынъ, бывшій въ то время редакторомъ «Каз. Губ. Вѣд.», помѣстилъ въ нихъ некрологъ отца (№ 9, отъ 28-го февраля 1844 г., стр. 129—135). Некрологъ составленъ другомъ его К. О. Александровымъ. Еще въ № 7, отъ 14-го февраля, въ «частныхъ прибавленіяхъ» И. А. Второвъ свидѣтельствовалъ свою признательность проф. Александру Китеру за пособіе въ болѣзни и попеченіе о его лѣченіи. Второвъ-сынъ послѣ Казани служилъ еще въ Воронежѣ, гдѣ много работалъ по статистикѣ и этнографіи, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ дослужился до мѣста вице-директора въ одномъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Второвъ-отецъ оставилъ по себѣ многолѣтній и подробный дневникъ, на основаніи котораго Де-Пуле и составилъ свою монографію.

Отрывокъ изъ записокъ помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» за 1891 г., т. 70 (сообщенъ Яхонтовымъ).

XVIII.

Галлерею литературныхъ соратниковъ Александры Андреевны мы закончимъ на очень любопытной личности Л. Н. Ибрагимова.

Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ унаслѣдовалъ любовь къ литературѣ и стихотворству отъ своего отца, Николая Мисаиловича Ибрагимова. Ибрагимовъ-отецъ тоже былъ личность замѣчательная, а потому скажемъ нѣсколько словъ и о немъ. По происхожденію изъ татаръ, Н. М. родился въ 1778 г., воспитывался въ Москвѣ въ университетской гимназіи и тамъ же въ университетѣ, а по окончаніи курса въ 1798 г. назначенъ въ Казанскую гимназію учителемъ славяно-россійскаго и ариѳметическаго классовъ. Потомъ ему былъ порученъ въ 1804 г. высшій россійскій классъ, и въ послѣдствіи времени онъ дослужился при гимназіи до инспектора. Ибрагимовъ-отецъ былъ отличный преподаватель, страстно любившій свой предметъ и увлекавшій учениковъ, которые очень любили его, какъ это засвидѣтельствовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ. Ибрагимовъ стремился попасть въ университетъ, хотя бы со званіемъ адъюнкта. Но это долго не удавалось ему. Виною тому были, кажется, разгульная жизнь и непомѣрно острый языкъ, не щадившій никого, даже всемогущаго въ то время директора гимназіи и университета, И. Ѳ. Яковкина; однажды по случаю полученія послѣднимъ какого-то ордена Ибрагимовъ навеселѣ подошелъ къ начальнику, дававшему угощеніе, и публично продекламировалъ ему такой экспромтъ собственнаго сочиненія:

Господи, Іисусе Христе!
Спасъ ты вора на крестѣ;
Теперь тебѣ другое горе:
Спаси крестъ на в о р ѣ.

Дорогу Ибрагимову въ университетѣ перебилъ Г. Н. Городчаниновъ. Подъ конецъ дней, а именно въ 1817 г. Ибрагимовъ дожилъ до исполненія своей мечты, бывъ избранъ въ адъюнкты. Но недолго довелось ему прослужить въ новомъ званіи. Страдая чахоткою, онъ чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ новаго назначенія скончался 17-го апрѣля 1818 г. 40 лѣтъ отъ роду.

Н. М. Ибрагимовъ былъ учредителемъ и однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ казанскаго общества любителей отечественной сло-

вѣсности. Въ «Трудахъ» общества (вышла всего I ч. въ 1815 г.) онъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній. Одна изъ его «Пѣсенъ» (№ 3, стр. 289—290, статья XX) обошла положительно всю Россію: цѣлыя поколѣнія различныхъ классовъ общества распѣвали ее, и не подозрѣвая имени автора. Пѣсня обозначена въ подлинникѣ, какъ «подражаніе польской»:

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ за стадомъ шла;
Черноброва, бѣлолица
Такъ гуськовъ домой гнала:

Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый:
Ты не милъ моей душѣ.
Что мнѣ, что твои палаты?
Съ милымъ рай и въ шалашѣ!

Тига, и т. д.

Насъ однихъ для насъ довольно:
Все любовь намъ замѣнитъ.
А сердечны слезы больно
Черезъ золото ронить.

Тига, и т. д.

Этого развеселаго поэта и любителя чарочки Яковкинъ вздумалъ женить и заставить его остепениться (Буличъ, стр. 130—131). И вотъ онъ «воспріялъ по милости Господней благонамѣреніе сочетаться бракомъ съ Ѳедорою», какъ докладывалъ по начальству Яковкинъ. Эта Ѳедора была дочь покойнаго уже въ то время, перваго профессора богословія при Казанскомъ университетѣ, бывшаго учителемъ нѣмецкаго языка въ гимназіи, протоіерея Гавріила Данкова. Онъ былъ за границей сначала посольскимъ священникомъ въ Берлинѣ, потомъ духовникомъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Переѣхавъ въ Казань, онъ померъ. Яковкинъ пристроилъ его дочь за Ибрагимова. Семья Данкова совершенно онѣмечилась и не говорила по-русски. Отъ брака Николая Ибрагимова съ Ѳедорою Гавріиловною и произошелъ Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ, такъ же поэтъ не безъ дарованія. Онъ пошелъ по стопамъ отца. Съ одной стороны онъ также увлекался спиртными напитками и картами, съ другой писалъ эпиграммы на представителей казанскаго бомонда, особенно дамъ, не щадя никого. За стихи ему сильно попадало отъ попечителя округа, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина. Учился Л. Н. Ибрагимовъ въ Казанскомъ университетѣ съ 1833—1837 г., окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ и поступилъ учителемъ въ I-ю Казанскую гимназію. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ здѣсь, онъ перевелся учителемъ въ Тагилъ и оттуда уже

не возвращался. Два его внука въ восьмидесятыхъ годахъ учились въ Екатеринбургской гимназіи.

Въ 1841 г. онъ издалъ книжку въ Казани: «Стихотворенія Льва Ибрагимова» (58 стр.). Будучи учителемъ, онъ посвятилъ книжку своему начальнику, попечителю Мусину-Пушкину, «какъ покровителю съ самыхъ дней младенчества». На первомъ листѣ (стр. 1-я) помѣщено стихотвореніе «Ожиданіе Царя. Вечеръ въ Казани 1834 г. августа 30-го», въ народномъ стилѣ, начинающееся такъ:

Солнце, въ дальнихъ горахъ
Умирая, въ лучахъ
Закатается (sic).
И вечерній туманъ
Надъ Казанью, какъ ткань,
Разстилается
и т. д.

Эти стихи чрезвычайно понравились В. А. Жуковскому, и за нихъ Левъ Ибрагимовъ былъ награжденъ отъ Высочайшаго имени золотыми часами. Далѣе (стр. 4—6) слѣдуютъ стихи «На всерадостный день прибытія въ Казань Наслѣдника-цесаревича 1837 г. 21-го іюня».

Было время, было времячко
Для Казани, града славнаго,
И счастливое, и пріятное...
и т. д.

Левъ Ибрагимовъ принадлежалъ къ почитателямъ А. А. Фуксъ и былъ постояннымъ посѣтителемъ ея вечеровъ.

Хозяйку этихъ литературныхъ бесѣдъ онъ воспѣлъ такимъ стихотвореніемъ (№ XIII, стр. 27):

Къ портрету
Ея превосходительства
А. А. Ф.

Вотъ образъ женщины прекрасной:
Всѣ совершенства красоты;
Въ очахъ сіяетъ геній ясный,
И вдохновенныя мечты.

Остановимся нѣсколько на упомянутомъ выше стихотвореніи его, прочитанномъ на бесѣдѣ: «Память великому Державину» (№ III, стр. 7—9):

Какъ часто я на Волжскихъ берегахъ
Брожу задумчивый вечернею порою,
Когда луна на дремлющихъ водахъ
Въ лучахъ разстелется сребристою струею...

Тогда въ мечтѣ нашъ поэтъ видитъ небесныя селенья:

Тамъ, видѣлъ я, въ вѣнцѣ златомъ сидитъ
Старикъ, склонивъ на длань главу свою сѣдую,
И съ неба свѣтлаго привѣтливо глядитъ
На русскую страну, на родину святую.
Державинъ! это ты, пѣвецъ Екатерины,
Который путь ея цвѣтами устилалъ.

Слѣдуетъ характеристика Державина. Потомъ Ибрагимовъ обращается къ нему:

Зачѣмъ же пѣть тебѣ, божественный, теперь,
Когда предъ русскими отперта славы дверь?
И кто же, кто теперь гремящіе перуны
И славу мудраго и русскую страну
Такъ славно воспоетъ, какъ пѣлъ ты встарину?
Ты—въ лонѣ вѣчности, божественный поэтъ.
Уже и Пушкина на свѣтѣ больше нѣтъ...
Въ твои объятія душа его слетѣла,
И лира русская опять осиротѣла.

Поэтъ хотѣлъ было подражать обоимъ пѣвцамъ,

. . . . . но юноша не смѣетъ
На родинѣ Державина запѣть.

Онъ проситъ Державина склонить съ улыбкой взоръ и на юнаго пѣвца:

Тогда на лирѣ вдохновенной,
Восторгомъ сладостнымъ горя,
Я буду пѣть нашъ край благословенный
И славу Русскаго Царя.

Подобно своему отцу, Николаю Мисаиловичу съ его «раемъ въ шалашѣ», и Льву Николаевичу удалось написать пѣсню (№ XXV, 2, стр. 54—55), которая тоже обошла всю Россію и дожила въ провинціи до нашихъ дней, хотя имя ея автора почти никому неизвѣстно. Это—знаменитый романсъ, распѣваемый подъ аккомпаниментъ гитары:

Ты, душа ль моя, красна дѣвица,
Ты, звѣзда моя ненаглядная:
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!
Ахъ! какъ взглянешь ты, раскрасавица,
Мнѣ тогда твои очи ясныя
Ярче солнышка въ небѣ кажутся,
Черней сумрака въ ночь осеннюю.
И огнемъ горитъ, и ключемъ кипитъ
Кровь горячая, молодецкая,
Все къ тебѣ манитъ, все къ тебѣ зоветъ
Сердце пылкое, одинокое...

(повтореніе рефрена).
И склоню къ тебѣ я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдамъ тебѣ свою волюшку,
Во чужихъ рукахъ не бывалую;
Я скажу тогда: ты прости на вѣкъ,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мнѣ милѣй тебя моя милая,
Душа-дѣвица, раскрасавица.

XIX.

Перейдемъ къ обзору литературной дѣятельности самой Александры Андреевны Фуксъ.

За время существованія журнала «Заволжскій Муравей» оба супруги Фуксы принимали въ немъ горячее участіе. А. А. помѣщала въ журналѣ и стихотворенія, и прозаическія статьи. Изъ числа послѣднихъ отмѣтимъ весьма любопытныя «Письма изъ Москвы въ Казань» (въ «Муравьѣ» за 1833 г. августъ, № 15, стр. 813—832; всего помѣщено 8 писемъ къ мужу, начиная съ 20-го января 1833 г.) и вышедшую отдѣльными оттисками «Поѣздку изъ Казани въ Чебоксары» [1]), (всего 130 стр. Каз. 1834 г.). На эту книгу была рецензія кн. П. И. Шаликова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1834 г., стр. 3421. «Поѣздка» замѣчательна, какъ первый опытъ г-жи Фуксъ на томъ поприщѣ, на которое она вступила по совѣту мужа, найдя наконецъ общую съ нимъ научно-литературную почву,—на поприщѣ фольклора и этнографіи поволжскихъ инородцевъ. Труды А. А. Фуксъ по этнографіи заслужили ей почетную извѣстность и не утратили своей цѣны и до сихъ поръ, почему и заходила уже рѣчь о ихъ перепечаткѣ, ибо всѣ сочиненія г-жи Фуксъ давно сдѣлались большою библіографическою рѣдкостью. Этнографическія студіи знаменовали собою переломъ въ литературной ея дѣятельности. Въ «Поѣздкѣ», посвященной изученію чувашъ, мы находимъ на первой же страницѣ любопытныя слова: «Я воображаю, что мое описаніе чувашъ будетъ очень жалкое, но я рѣшилась, дала себѣ обѣщаніе и исполню его съ удовольствіемъ. Правду

---

[1]) Какой-то «Чувашскій житель Цивильскаго уѣзда» помѣстилъ свои поправки къ статьѣ А. А. Фуксъ („Зав. Муравей", 1834 г., ч. III, № 23, декабрь, стр. 507—516). Онъ замѣтилъ въ ней невѣрности, которыя онъ объясняетъ тѣмъ, что А. А. не знала сама языка и обыкновеній чувашскихъ и полагалась на постороннихъ лицъ (стр. 516, прим.).

сказать, пора уже перестать забавлять многихъ своими стихами и водевилями; надобно что-нибудь написать и для людей серьезныхъ».

Въ томъ же 1834 г. А. А. издала собраніе своихъ поэтическихъ трудовъ: «Стихотворенія Александры Фуксъ», Казань [1]); всего вошло сюда 23 пьесы на 192 стр. Сказка «Женихъ», которую она декламировала Пушкину, помѣщена на стр. 1—28. Содержаніе ея таково: Милонъ, женихъ Прелесты, уѣхалъ на войну и былъ изуродованъ. Измѣнившаяся наружность заставила невѣсту разлюбить жениха. Отецъ спѣшитъ разорвать обѣщаніе, Милонъ же, безъ приключеній и безъ романическихъ притворныхъ огорченій, сноситъ отказъ невѣсты. Авторъ совѣтуетъ:

Не правда-ли, такой конецъ?
Всѣмъ должно взять за образецъ?

Кромѣ «Жениха», здѣсь же помѣщены «Марія», «Павелъ и Виргинія» и другія болѣе или менѣе краткія эпическія и лирическія произведенія.

Въ 1836 г. въ Казани А. А. выпустила книгу «Основаніе города Казани. Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій». Книжка снабжена обширнымъ предисловіемъ мужа, Карла Ѳедоровича, о болгарахъ и основаніи Казани (стр. I—XXXIII). Далѣе слѣдуетъ преданіе, имъ же изложенное (стр. XXXIV—XXXIX); ученый авторъ сообщаетъ (стр. XXXII): «Предлагаю татарскую легенду о построеніи города Казани; отсюда и еще изъ нѣкоторыхъ изустныхъ преданій казанскихъ татаръ жена моя взяла матеріалъ для своего стихотворенія». Самая повѣсть занимаетъ стр. 1—127. Въ концѣ книги опять объяснительныя примѣчанія К. Ѳ. Фукса (стр. 129—136). Въ повѣсти 6 главъ. Начинается она такъ:

Издревле нѣсколько вѣковъ
Болгарско царство процвѣтало;
Неволи бѣдственныхъ оковъ
Оно ни разъ не испытало.

---

[1]) На «Стихотворенія» была помѣщена глумливая и не совсѣмъ приличная рецензія въ № 194 «Сѣверной пчелы», будто бы присланная изъ Казани, но принадлежавшая, повидимому, перу самого Ѳаддея Булгарина. «Заволжскій Муравей» (1834 г., ч. III, № 21, ноябрь, стр. 408—413) отвѣтилъ очень колкою антикритикою. «Цѣлью изданія со стороны г-жи Фуксъ не было ни авторское самолюбіе, ни желаніе получить отъ того себѣ выгоду, что несовмѣстно ни съ лѣтами ея, ни съ званіемъ, но истинное расположеніе въ кругу семейной жизни заниматься литературою и убѣжденіе многихъ особъ, къ ней расположенныхъ и ее уважающихъ (чего она весьма достойна), читать въ печати ея стихотворенія и имѣть ихъ у себя въ память родства и пріязни. При томъ вырученныя отъ продажи стихотвореній деньги были обращены въ пользу бѣдныхъ.

Конецъ повѣсти въ строго патріотическомъ духѣ:

. . . . . Мы торжествуемъ,
Всевышняго благодаря:
Живемъ въ Казани и ликуемъ
Подъ скиптромъ русскаго Царя.

«Основаніе Казани» и «Поѣздка въ Чебоксары» доставили автору высочайшую награду. Въ бумагахъ Александры Андреевны сохранилось слѣдующее письмо («Сборникъ», стр. 521):

«Милостивая государыня, Александра Андреевна!

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, получивъ, при письмѣ вашемъ отъ 19-го сего іюня, два сочиненія вашихъ «Описаніе Казани» и «Описаніе дикаго народа чувашскаго» (т. е. «Поѣздка въ Чебоксары»), которыя соизволилъ принять съ благосклонностью,—поручилъ мнѣ въ знакъ признательности за сіе приношеніе препроводить къ вамъ, милостивая государыня, брилліантовыя серьги, при семъ прилагаемыя, о полученіи коихъ прошу васъ не оставить меня увѣдомленіемъ». Бумага датирована 23-го іюня 1837 г. за № 160 и подписана Александромъ Кавелинымъ.

Печатная рецензія на «Основаніе Казани» была помѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1837 г., № 156 и въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 22 [1].

Къ 1837 г. относится комедія-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ «Она похудѣла», посвященная «съ усердіемъ» Эрасту Петровичу Перцову (стр. 90), изъ жизни губернскаго бомонда (съ куплетами) [2]. Н. П. Загоскинъ сообщаетъ, будто бы А. А. Фуксъ написала еще трагедію «Сумбека» и другой водевиль «Безземельное имѣніе», и что водевили ея ставились на мѣстной сценѣ (стр. 590). Насколько это вѣрно, мы не знаемъ.

Въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1838 г., самомъ модномъ журналѣ того времени, была помѣщена повѣсть А. А. Фуксъ «Черная коса» (т. 28, стр. 209—257) изъ великосвѣтской жизни. Въ томъ же году г-жа Фуксъ издала въ Казани книжку «Царевна-Несмѣяна, народная русская сказка, переложенная въ стихи для десятилѣтняго читателя П. А. Жмакина Александрою Фуксъ». Рецензіи на сказку были въ «Библіотекѣ для Чтенія», за 1839 г. т. 33 и въ «Сынѣ Отечества» за 1838 г. т. 7.

Главное сочиненіе ея по этнографіи появилось въ 1840 г.: «Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи», Казань. Заглавіе не совсѣмъ точно; собственно говоря, трудъ этотъ наполовину принадлежитъ ея мужу, Карлу Ѳедоровичу, потому что къ письмамъ путешествовавшей Александры Андреевны, писавшей

[1]) Рукопись-автографъ повѣсти казанскій книгопродавецъ Масниковъ принесъ въ 1860 г. въ даръ Императорской публичной библіотекѣ («Отчетъ» за 1860 г., стр. 60—61.

[2]) Рецензія на этотъ водевиль въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 26 за 1838 г.

своему мужу, приложены и отвѣты послѣдняго. Письма жены о чувашахъ занимаютъ стр. 1—113, а отвѣты мужа, заключающіе многія научныя дополненія и разъясненія, находятся на стр. 115—166. А къ черемисамъ относятся письма г-жи Фуксъ на стр. 167—264 и отвѣты ея мужа—стр. 265—329. Жена очень точно описываетъ обычаи и образъ жизни инородцевъ и приводитъ ихъ пѣсни въ своей транскрипціи и въ собственномъ стихотворномъ переводѣ. Мужъ даетъ лингвистическіе и грамматическіе экскурсы, сообщаетъ историческіе факты, приводитъ статистическія таблицы. У Н. П. Загоскина подрядъ цитируются (стр. 590) оба труда: «Записки о чувашахъ и черемисахъ», «Поѣздка въ Чебоксары» и нѣкот. др., какъ будто это разные труды. На самомъ же дѣлѣ «Поѣздка въ Чебоксары» дословно перепечатана въ «Запискахъ», начиная съ 33 страницы послѣднихъ. Книга была въ свое время встрѣчена сочувственными отзывами Сенковскаго и Сбоева [1]).

Сюжетомъ для книги «Княжна Хабиба. Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій», Каз. 1841 (стр. 64) послужило истинное, какъ говорятъ, происшествіе въ домѣ Тевкелевыхъ [2]). У Фуксъ дѣло разсказано такъ. Хабиба, красавица—дочь богатаго и знатнаго мусульманина, влюбилась въ русскаго, молодого казацкаго офицера, получившаго воспитаніе въ Петербургѣ. Молодой человѣкъ раздѣлялъ ея чувства. Но въ Хабибу влюбился мусульманинъ же, предводитель племени, находившагося во враждѣ съ русскими. Онъ засылаетъ свою сестру свахою къ родителямъ Хабибы, и тѣ даютъ слово. Офицеръ уѣхалъ въ дѣйствующій отрядъ, но поручилъ своему старому слугѣ являться на мѣсто свиданія—на случай, если его услуги понадобятся Хабибѣ. Красавица рѣшается бѣжать изъ родительскаго дома съ помощью офицерскаго слуги, переодѣвшись въ русское мужское платье. Она благополучно достигаетъ лагеря, гдѣ ея возлюбленный скрываетъ ее отъ своего отца, командующаго отрядомъ. Но отвергнутый женихъ не дремалъ—и, подстерегши однажды свиданіе возлюбленныхъ, убиваетъ своего соперника на глазахъ Хабибы, которая лишается чувствъ. Считая и ее мертвою, убійца бѣжитъ въ ужасѣ; Хабиба, очнувшись, утопилась въ рѣкѣ [3]).

Въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1844 годъ, № 2 А. А. Фуксъ помѣстила свои воспоминанія о Пушкинѣ и его письма къ ней, которыхъ мы касались выше.

---

[1]) Рецензіи въ журналахъ за 1840-й годъ: «Отечественныя Записки», № 10, «Литературная Газета», № 93; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», за 1841 г., ч. 29, отд. 6.; «Библіотека для Чтенія» за 1840 г., т. 6 и 1852 г., т. 7.

[2]) Исторія о капитанѣ Тимашевѣ и влюбившейся въ него Сальме Тевкелевой разсказана у С. Т. Аксакова въ его „Семейной Хроникѣ". Ср. Сборникъ, стр. 288—289.

[3]) Рецензіи на эту повѣсть шли въ «Библіотекѣ для Чтенія», за 1841 г., т. 49 и въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1842 г., № 18.

Въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ она помѣстила (№ 14, стр. 209—214, № 16, стр. 241—245, № 17, стр. 257—264, № 19, стр. 287—292, № 22, стр. 337—340, № 26, стр. 389—393 и № 29, стр. 431—432) свои письма къ мужу изъ имѣнія своей тетки Дѣдевой, Казанбаши, подъ заглавіемъ «Поѣздка къ вотякамъ Казанской губерніи» (въ іюлѣ 1841 г.) [1]).

Въ рукописи остались сочиненіе «Поѣздка въ Нижній-Новгородъ» [2]) и романъ «Зюлима», о которомъ Второвъ-сынъ сообщилъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», № 44 за 1847 г., стр. 260—261 слѣдующее:

«А. А. Фуксъ, безспорно, одна изъ трудолюбивѣйшихъ и талантливыхъ писательницъ нашихъ, пріобрѣтшая уже многочисленными трудами своими столь почетное мѣсто въ русской литературѣ, написала новое, весьма любопытное сочиненіе «Зюлима или Пугачевъ въ Казани», историческій романъ, которое намѣрена въ скоромъ времени издать въ свѣтъ. Мы съ жадностью прочитали его въ рукописи и, судя по впечатлѣнію, произведенному имъ на насъ, смѣло можемъ предсказать, что романъ этотъ будетъ самымъ пріятнымъ явленіемъ для любителей и любительницъ легкаго чтенія. Но для себя собственно мы нашли въ немъ неоцѣненныя сокровища: это примѣчанія и приложенія, составленныя почтеннымъ супругомъ сочинительницы, К. Ѳ. Фуксомъ, которыми сопровожденъ романъ, подобно тому, какъ и большая часть сочиненій А. А.». Самъ Фуксъ указывалъ, что собирать свѣдѣнія о пребываніи Пугачева въ Казани онъ сталъ по просьбѣ Пушкина, которому, однако, при его жизни не успѣлъ передать собранное. «4 года я собиралъ,—говорилъ онъ,—съ неусыпнымъ стараніемъ всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій». Несмотря на слабое здоровье, К. Ѳ., по словамъ редакціи, съ одинаковою ревностью продолжалъ свои полезныя занятія. Примѣръ его благодѣтельно дѣйствовалъ и на Александру Андреевну. Мы получили уже,—говоритъ Н. И. Второвъ,—обѣщаніе почтенныхъ А. А. и К. Ѳ. на содѣйствіе въ трудахъ нашихъ и можемъ порадовать читателей, что газета наша украсится многими трудами ихъ. «Настоящее сочиненіе А. А. передано намъ въ полное распоряженіе, и мы еще нѣсколько разъ будемъ имѣть удовольствіе сообщить изъ него отрывки прежде, нежели публика прочтетъ его полнымъ въ печати». Далѣе на стр. 261—265 помѣщено изъ этихъ приложеній къ роману сказаніе купца И. А. Сухорукова о Казани допугачевской и пребываніи въ ней

[1]) Изъ этихъ писемъ и имѣвшихся къ нимъ отвѣтовъ К. Ѳ. (см. выше), повидимому, должна была выйти особая книга по тому же плану, какъ книга о чувашахъ и черемисахъ.

[2]) Какъ видно изъ письма къ Пушкину, и эта „поѣздка“ подлежала печатанію. Быть можетъ, дѣло не осуществилось, благодаря препятствіямъ со стороны цензуры, не пропускавшей отзывовъ, сочувственныхъ раскольникамъ.

Пугачева, а въ № 51, стр. 330—331 сказаніе о томъ же купца Л. Ф. Крупеникова. Рукопись романа, повидимому, утрачена безвозвратно [1]).

Отмѣтимъ одну характерную черту, красной нитью проходящую черезъ всѣ сочиненія Александры Андреевны: это ея наклонность къ юмору [2]). Своего добраго мужа Карла Ѳедоровича она изображаетъ въ сказкѣ «Женихъ» (стр. 14– 15):

Считавъ себя въ наукахъ всѣхъ ученымъ,
Онъ натуральную исторію любилъ,
Свободные часы и дни ей посвятилъ
И въ ней считалъ себя мудренымъ:
Имѣлъ онъ въ чучелахъ премножество звѣрей,
Морскихъ пречудныхъ рыбъ и птицъ изъ-за морей,
Въ спирту животныхъ тьму и столько же уродовъ,
Костей, зубовъ, усовъ,
И въ нѣсколько аршинъ роговъ,
И черепа едва-ль не всѣхъ народовъ.
Онъ также бабочекъ ловилъ,
Безжалостно душилъ,
И всякій день жуковъ, козявокъ
Сажалъ на тысячу булавокъ.

Другіе стихи, несомнѣнно, относятся къ самой поэтессѣ и ея тетушкѣ, Дѣдевой (стр. 21—22):

Красавица лежитъ: какъ бы безъ чувствъ она;
Надъ ней сидитъ отецъ и неутѣшно плачетъ,
И такъ же тетушки въ слезахъ
Покоютъ голову больной въ своихъ рукахъ,
Даютъ ей нюхать спиртъ и имъ же натираютъ;
Двѣ горничныхъ стоятъ и сильно трутъ ей грудь,
Чтобы возможность дать скорѣе отдохнуть.
Но вотъ больная вдругъ свой слабый взоръ открыла,
Какъ будто бы она
Отъ крѣпкаго проснулась сна...
Проказница схитрила...

Въ «Греческой сказкѣ» она въ видѣ поэтической дѣвицы Лаисы отчасти рисуетъ себя въ дѣвушкахъ (стр. 80):

Преравнодушная, она
Ко всѣмъ изъ нихъ (жениховъ) всегда ровна;
Ее богатство не прельщаетъ,
И знатный родъ не занимаетъ.

---

[1]) Кн. Н. Н. Голицинъ въ своемъ „Библіографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ“, СПб., 1889, стр. 259—260 приводитъ объ А. А. Фуксъ подробныя свѣдѣнія, но въ числѣ ея трудовъ подъ № 9 приводитъ сочиненіе ея мужа, К. Ѳ. „Казанскіе татары“.

[2]) А. А. отрекается отъ сентиментальности: „Ты знаешь,—пишетъ она мужу въ „Поѣздкѣ къ черемисамъ“,—что я вовсе не сентиментальная любительница природы: птичка меня не забавляетъ, цвѣточекъ не восхищаетъ, журчаніе ручейка не разнѣживаетъ мои чувства, зефиръ не настроиваетъ моей лиры къ нѣжнымъ пѣснямъ“.

Ея вниманіе влечетъ или м у д р е ц ъ,
Или артистъ, или пѣвецъ;
Но кто же не имѣлъ таланта никакова,
Она съ тѣмъ ни полслова.

Ученая дѣвица имѣла печальный жребій. Поэтому свою дочь она уже воспитываетъ иначе (стр. 124):

При рожденіи богинь не созывали,
Какъ должно, смертную, ее образовали,
Давали ей совѣтъ быть дальше отъ боговъ,
Любить науки всѣ, но не п и с а т ь с т и х о в ъ.

XX.

Безмятежные дни счастія начали понемногу закатываться для Александры Андреевны. Первымъ тяжелымъ ударомъ была смерть мужа. Еще въ 1842 году (Сборникъ, стр. 523—524), однажды, когда К. Ѳ. сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ, у него отнялась рука и нога. Хотя апоплексическое состояніе и прошло черезъ нѣсколько времени, но тѣмъ не менѣе здоровье К. Ѳ. надломилось, рука и нога двигались уже не такъ свободно, энергія стала ослабѣвать, и, хотя К. Ѳ. выѣзжалъ къ больнымъ и казался веселымъ, но по временамъ на открытое лицо его набѣгали и темныя тучки. Особенно неблагопріятно отзывались на немъ непогодливые осенніе и зимніе дни. Онъ начиналъ хандрить: сумрачный, съ нависшей на лбу складкой, бродилъ онъ послѣ обѣда по кабинету жены, молча пуская дымъ изъ своей трубочки. «Что съ тобой»,—тревожно спрашивала А. А.—«Мрачныя мысли, мрачныя мысли»,—коротко отвѣчалъ онъ,—продолжая молчаливо ходить по комнатѣ. Очевидно, К. Ѳ. посѣщала въ это время мысль о близкой смерти. Ранней весною 1846 г. К. Ѳ. заболѣлъ уже серьезно и въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля скончался.

Въ Карлѣ Ѳедоровичѣ Александра Андреевна потеряла не только добраго и любящаго мужа, съ которымъ душа въ душу прожила 25 лѣтъ, но еще и вѣрнаго товарища по занятіямъ, и постояннаго сотрудника въ литературныхъ предпріятіяхъ. По смерти мужа А. А. Фуксъ уже ничего болѣе не печатала, но литературный свой салонъ еще поддерживала года 3—4 до замужества дочери (Де-Пуле, стр. 620).

Смерть мужа подорвала, кажется, и матеріальныя средства А. А. Фуксъ. Пришлось продавать домъ, продавать коллекціи мужа, особенно его драгоцѣнный нумизматическій кабинетъ (Сборникъ, стр. 463). Значительная часть послѣдняго попала въ руки какого-то московскаго

любителя, купца Правоторова, остальное распродано по мелочи, на вѣсъ. Такъ погибла вторая коллекція монетъ, собранная Фуксомъ послѣ продажи первой университету.

По смерти мужа вся привязанность Александры Андреевны сосредоточилась на ея дочери Софьѣ Карловнѣ, болѣзненной, слабой и некрасивой дѣвушкѣ. Это было послѣднее и единственное, оставшееся въ живыхъ дитя Фуксовъ. Мать постоянно трепетала за нее. Въ «Поѣздкѣ въ Москву» (стр. 824) мы читаемъ: «летаю между васъ всѣхъ, но всегда останавливаюсь подлѣ тебя и Сони», въ «Запискахъ о чувашахъ и черемисахъ»: «я представляю себѣ всѣ ужасы, какіе только могутъ случиться съ моею Сонечкою»... «Да сохранитъ Господь тебя, Сонечку и всѣхъ родныхъ моихъ, а другія горести я не сочту за несчастія» (стр. 35)... «Я ѣду къ тебѣ, къ Сонѣ, ѣду въ Казань, гдѣ все живетъ, что̀ мнѣ любезно, оставляю деревню, гдѣ совершенно ничто меня не занимаетъ, ни моей души, ни сердца, а тоскую, тоскую до того, что не знаю, куда дѣваться» (стр. 91). А. А. была нѣжная мать. Къ сожалѣнію, бракъ Софьи Карловны (умерла 14-го декабря 1878 г.) съ нѣкимъ Брылкинымъ оказался неудачнымъ. Брылкинъ прожилъ все уцѣлѣвшее; и фамильную драгоцѣнность, портретъ Г. П. Каменева, который всегда висѣлъ въ кабинетѣ г-жи Фуксъ, и которымъ любовался Пушкинъ, онъ черезъ бывшаго тогда въ Казани адъюнктъ-профессора Б. И. Ордынскаго продалъ М. П. Погодину [1]).

А. А. жила при дочери. Казанская старожилка П. К. Проскурякова хорошо помнитъ ее уже вдовой и жившею въ наемной квартирѣ. Она уже не напоминала болѣе красавицу, воспѣтую Баратынскимъ и Языковымъ, и не походила на ту полную женщину съ добродушно-насмѣшливымъ взоромъ, какою она глядитъ съ сохранившагося портрета. Это была молчаливая, печальная женщина. За то зять ея былъ человѣкъ веселый и гостепріимный. Неудачный бракъ дочери, должно быть, печалилъ бѣдную поэтессу [2]).

Александра Андреевна Фуксъ скончалась скоропостижно 4-го февраля 1853 года, въ среду, о чемъ было оповѣщено въ отдѣлѣ мѣстныхъ извѣстій въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1853 г. № 8 отъ 16-го февраля, стр. 59. Некрологъ ея появился еще въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ, № 46. Погребенъ прахъ Александры Андреевны въ Казани, на Куртинѣ, рядомъ съ могилой Н. И. Лобачевскаго, немного позади ея. За могилой никто не ухаживалъ, и на ней нѣтъ уже ни креста, ни памятника. Единственный, сколько

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. XVI, стр. 504.

[2]) Разсказывали (хотя, быть можетъ, то были сплетни), что въ этотъ періодъ своей жизни А. А. стала прибѣгать къ алкоголю...

мнѣ извѣстно, сохранившійся портретъ г-жи Фуксъ (масляными красками на полотнѣ, бюстъ, въ натуральную величину) хранится въ Казанскомъ городскомъ научно-промышленномъ музеѣ, подъ № 450; онъ пожертвованъ туда Ник. Викт. Рейнгардтомъ, получившимъ его въ даръ отъ правнучки А. П. Апехтина.

XXI.

Насколько позволялъ намъ весьма скудный, недостаточный и дробный матеріалъ, мы охарактеризовали казанскихъ литераторовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго XIX вѣка. Конечно, дѣла ихъ не велики, и творенія не безсмертны, но они ничѣмъ не хуже весьма многихъ продуктовъ столичной литературы того времени, а потому въ общемъ обзорѣ исторіи русской культуры, конечно, заслуживаютъ нѣчто большее, чѣмъ простое молчаніе. Если и теперь еще провинціальная литература по чисто внѣшнимъ условіямъ своего существованія и развитія не можетъ равняться съ столичною, то чего же можно требовать отъ провинціи въ ту эпоху, когда занятія литературою считались, если не прямо дѣломъ предосудительнымъ, то, по крайней мѣрѣ, пустяками, недостойными серьезнаго и солиднаго человѣка?...

Но и въ это нелегкое для литературы время, въ глуши захолустной провинціи, населенной на половину дикарями и язычниками, находились люди, которые знакомились съ сочиненіями геніевъ творчества, которые обожали корифеевъ отечественной словесности и даже робкою и трепетной рукой пытались имъ подражать. Было и нѣчто большее. Появились и такіе люди, которые разрозненныя усилія мѣстныхъ любителей и почитателей литературы пытались организовать и объединять, которые старались создать общій культъ литературы, которые стремились мѣстныя силы приводить въ соотношеніе и въ живое общеніе съ крупными дѣятелями поэзіи, жившими въ столицахъ. Такимъ лицомъ является героиня нашего очерка, А. А. Фуксъ. Она группируетъ казанскихъ литераторовъ вокругъ себя и при томъ въ теченіе почти 20 лѣтъ; она завязываетъ отношенія со столичными литераторами и пытается, хотя и безуспѣшно, привлечь ихъ къ участію въ мѣстной, провинціальной прессѣ.

Старый Карлъ Ѳедоровичъ, ея добрый мужъ и товарищъ, идетъ съ нею рука объ руку и помогаетъ ей въ ея начинаніяхъ. Но онъ былъ слабъ характеромъ и не имѣлъ спеціально-литературныхъ интересовъ. Онъ—ученый съ громадной и разнообразною эрудиціею, но не поэтъ и не эстетикъ. Поэзіею онъ начинаетъ интересоваться, благодаря за-

нятіямъ своей жены. Конечно, не будь подлѣ него Александры Андреевны, въ домѣ Фуксовъ никогда бы не были организованы бесѣды, и при томъ бесѣды литературныя.

А. А. Фуксъ придала собраніямъ въ домѣ своего мужа характеръ литературнаго салона или вольнаго общества друзей литературы—наряду съ оффиціальнымъ, университетскимъ обществомъ любителей отечественной словесности, уже прекращавшимъ свое призрачное существованіе. На ея вечерахъ собирались и старъ, и младъ, люди разныхъ литературныхъ поколѣній, разныхъ вкусовъ и разныхъ общественныхъ положеній: здѣсь были и устарѣлые поклонники XVIII вѣка, отжившіе старики въ родѣ Городчанинова и Второва-отца, и важные профессоры, генералы-звѣздоносцы, оставлявшіе здѣсь свою спеціальность—астрономію, медицину; была и зеленая молодежь, юные чиновники, поклонники запретнаго Гейне, какъ Второвъ-сынъ и К. О. Александровъ. Всю эту пеструю и разнообразную публику заставляла вмѣстѣ служить одной цѣли—культу литературы сама хозяйка дома, А. А. Фуксъ. Въ организаціи кружка любителей словесности видѣла она цѣль своихъ усилій и высшее свое честолюбіе въ томъ, чтобы снискать себѣ одобреніе свѣтилъ поэзіи, «русскаго Парнаса», какъ тогда выражались. Съ наивностью провинціалки она благоговѣйно склоняется передъ Пушкинымъ и Баратынскимъ. Это ея высшіе судьи.

Чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ выполнять свою роль, Александра Андреевна, несомнѣнно, должна была имѣть много энергіи, много такту, много организаціоннаго таланта и много любви къ литературѣ и поэзіи.

Если къ устроительницѣ литературныхъ собраній прибавимъ еще поэтессу не безъ дарованія, любящую мать и заботливую жену, то, конечно, мы не сумѣемъ отказать Александрѣ Андреевнѣ въ нашемъ уваженіи. Она была достойною подругою замѣчательнаго ученаго и врача-человѣколюбца, Карла Ѳедоровича Фукса—и ея скромное имя съ неменьшимъ основаніемъ, чѣмъ имя ея мужа, должно быть помѣщено въ лѣтописяхъ просвѣщенія въ Россіи вообще, и на Поволжьи въ частности.

Профессоръ **Евгеній Бобровъ**.

*

О возобновленіи въ церквахъ моленій по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ.

Именной высочайшій указъ князю А. Н. Голицыну.

6-го іюня 1815 г.

Изъ манифеста, въ 9-й день мая изданнаго, извѣстно вамъ о возгорѣвшейся новой брани, ради испроверженія коварныхъ замысловъ Наполеона Бонапарте.

Съ начатіемъ нынѣ военныхъ дѣйствій, я признаю нужнымъ, дабы установленныя въ прошедшую кампанію моленія къ Подателю всѣхъ благъ съ колѣнопреклоненіемъ паки возобновлены были, и потому повелѣваю вамъ предложить о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, и сдѣлать должное распоряженіе по части иностранныхъ исповѣданій.

Ежели бы по предмету сему нуженъ былъ особый Синоду указъ, то вы представьте оный къ подписанію моему, не останавливаясь между тѣмъ исполненіемъ по сему повелѣнію.

Польская конституція 3-го мая 1791 года

и

отношеніе къ ней Россіи.

VII [1]).

По возобновленіи засѣданій сейма, 4-го (15-го) марта 1792 г., маршалъ Малаховскій вознесъ прежде всего благодарность Всевышнему за то единодушіе, съ какимъ обыватели высказались, на февральскихъ сеймикахъ, о переворотѣ 3-го мая, напомнивъ, затѣмъ, что къ акту объ обнародованіи конституціи была приложена декларація сеймовыхъ депутатовъ, въ коей они выразили желаніе соорудить, въ память этого событія, храмъ Провидѣнія, онъ просилъ избрать день для закладки этого храма и для аудіенціи депутатамъ сеймиковъ.

Тогда же было избрано для этого 22-е апрѣля (3-е мая)—годовщина обнародованія конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію краковскаго посла Солтыка, было рѣшено обратиться къ королю съ просьбою ходатайствовать въ Римѣ о перенесеніи на этотъ день торжественнаго празднованія памяти Св. Станислава.

Между тѣмъ были произведены выборы въ Варшавскій муниципалитетъ, и мѣщане города Варшавы дали новое доказательство своей признательности правительству и своего довѣрія къ шляхтѣ, избравъ президентомъ города хорунжаго и познанскаго посла Игнатія Закрев-

---

[1]) См. «Русскую Старину» іюнь 1904 г.

скаго; въ Краковѣ былъ выбранъ маркграфъ Велепольскій, въ Вильно—хоружій Тизенгаузенъ. Одновременно было получено извѣстіе о признаніи конституціи нѣкоторыми воеводствами, которыя, во время февральскихъ сеймиковъ, были противъ нея.

6-го (17-го) марта присягнула конституціи шляхта Цеханова [1]). Упрямый до тѣхъ поръ Владиміръ-Волынскъ также рѣшилъ послать въ Варшаву депутатовъ [2]).

Наконецъ и изъ Рима прибылъ гонецъ съ папской грамотой, коей разрѣшалось перенести празднованіе памяти Св. Станислава съ 8-го на 3-е мая н. ст. Радость, вызванная благополучнымъ исходомъ городскихъ выборовъ и добрыми вѣстями изъ Цеханова и Владиміра, а также папской грамотой, была омрачена извѣстіями, привезенными изъ Дрездена княземъ Чарторыйскимъ, который возвратился въ Варшаву 23-го марта (3-го апрѣля). Мало хорошаго предвѣщали также сообщенія, полученныя отъ Деболи о намѣреніяхъ Петербургскаго двора. Эти извѣстія, въ связи съ нерѣшительностью курфирста Саксонскаго, убѣждали варшавское правительство въ возможности скораго вторженія русскихъ войскъ, противъ чего было необходимо тотчасъ принять мѣры.

«Полученныя нами, съ разныхъ сторонъ, донесенія подтверждаютъ,—писалъ Хрептовичъ 20-го (31-го) марта,—что отвѣтъ императрицы на предложеніе, сдѣланное Вѣнскимъ дворомъ въ интересахъ Польши, намъ не благопріятенъ, хотя есть основаніе предполагать, что дальнѣйшіе переговоры могутъ измѣнить положеніе дѣла. Тѣмъ не менѣе мы должны принять всѣ отъ насъ зависящія мѣры къ тому, чтобы обезпечить себя, по мѣрѣ возможности, отъ всякихъ случайностей» [3]).

«Мы собираемся принять необходимыя мѣры къ оборонѣ,—писалъ, со своей стороны, король Орачевскому 24-го марта (4-го апрѣля), если отъ насъ потребуютъ, чтобы мы отказались отъ конституціи 3-го мая.

«Оффиціально, императрица все еще хранитъ въ отношеніи насъ молчаніе,—писалъ онъ нѣсколько дней спустя,—а между тѣмъ она стягиваетъ войска и до насъ доходятъ отовсюду угрозы. Я имѣю основаніе думать, что изъ Вѣны и Берлина ей не посовѣтуютъ дѣйствовать про-

---

[1]) Gazeta warszawska отъ 31-го марта н. ст. 1792 № 26.

[2]) Когда жители Владиміра рѣшили отправить въ Варшаву пословъ, то Коллонтай писалъ 2-го (13-го) марта 1792 г. королю: совѣтую в. к. в. отнестись къ нимъ какъ хозяинъ въ евангельской притчѣ, который наградилъ одинаково тѣхъ, кои вышли на работу въ 12 часу, и тѣхъ, кои пришли въ 5 часу (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 922).

[3]) Письмо къ польскому послу въ Копенгагенѣ. (Рукоп. Оссолинск. № 411 ч. II, стр. 104).

тивъ насъ насильственно, однако, не слѣдуетъ забывать пословицы: на Бога надѣйся, а самъ не плошай» [1]).

Въ засѣданіи 5-го (16-го) апрѣля сеймъ выслушалъ донесеніе князя Адама Чарторыйскаго о его переговорахъ съ курфирстомъ и донесеніе министра иностранныхъ дѣлъ объ отношеніи Русскаго двора. «Москва,—сказалъ Хрептовичъ,—скрывала свои намѣренія относительно Польши, до тѣхъ поръ, пока у нея были связаны руки войною съ Турціей; въ настоящее время, получивъ, по заключеніи мира съ султаномъ, полную свободу дѣйствій и сосредоточивъ свои войска на границѣ Рѣчи Посполитой, императрица сообщила нѣкоторымъ дворамъ, что она не одобряетъ конституцію 3-го мая и желаетъ сохраненія въ неприкосновенности той формы правленія, которая была ею гарантирована въ 1775 г.». Когда Хрептовичъ присовокупилъ, что Россія намѣрена ввести свои войска въ Польшу, то сеймъ постановилъ разослать европейскимъ дворамъ декларацію о твердомъ намѣреніи Польши воспротивиться этому, въ то же время подлежащимъ властямъ было повелѣно принять мѣры къ оборонѣ страны [2]).

Послѣ короткаго перерыва въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ проектъ этихъ мѣръ, въ которомъ прежде всего была сдѣлана оговорка «что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны и дорожатъ дружественными отношеніями со всѣми сосѣдями и спокойствіемъ, которое царствовало до тѣхъ поръ въ Польшѣ, но что они заботятся о цѣлости принадлежащихъ Рѣчи Посполитой земель, о своей свободѣ, независимости, о твердости своего правленія, и о необходимости придать переговорамъ, происходящимъ между сосѣдними дворами, наиболѣе выгодный оборотъ для Польши. Въ виду этого сеймъ постановилъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно цѣли.

2) Королю поручалось пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, въ званіи командировъ, а также ему предоставлялось назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инженеровъ, получившихъ образованіе за границею.

3) Скарбовой коммиссіи поручалось, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцать милліоновъ злотыхъ, обезпечивъ

---

[1]) Письма къ Орачевскому въ Парижъ. (Рукоп. собр. Горскаго).

[2]) Pamiętnik hist. polit eck. z'r. 1792, стр. 363, апрѣль.

ихъ фондомъ, который долженъ былъ образоваться изъ остатка отъ продажи староствъ.

4) Королю дозволялось взять изъ суммъ, находившихся въ казнѣ Рѣчи Посполитой, на приготовленіе народной обороны 9 милліоновъ, немедленно; а остальныя деньги въ то время, когда начнется настоящая война.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ должны были донести на сеймѣ чинамъ Рѣчи Посполитой о наступившемъ употребленіи денегъ [1]).

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ, краковскій—Отвиновскій—волынскій—Крнуцкій и троцкій—Савицкій потребовали, чтобы онъ былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію. Шидловскій воскликнулъ: «если поляки, въ виду дѣлаемыхъ имъ угрозъ, не выкажутъ твердости, то они погибнутъ и не будутъ достойны сожалѣнія». Король, со своей стороны, сказалъ: «Настоящія обстоятельства такъ важны, что всякая минута промедленія можетъ навлечь на отечество великій и непоправимый вредъ».

Проектъ о мѣрахъ обороны Рѣчи Посполитой былъ одобренъ, и по предложенію краковскаго посла Солтыка было рѣшено сообщить постановленія сейма дворамъ Берлинскому, Вѣнскому и Саксонскому.

Прежде всего надобно было позаботиться о томъ, гдѣ достать денегъ.

Король писалъ въ Голландію, прося о ссудѣ, и предлагалъ подъ залогъ староства; обращался также къ варшавскимъ банкирамъ. Петръ Бланкъ предложилъ казнѣ 100.000 черв. зл. безъ процентовъ на пять мѣсяцевъ.

Вышеупомянутыя мѣры были приняты, какъ уже сказано, подъ впечатлѣніемъ донесеній, полученныхъ изъ Петербурга отъ Деболи, но собственно первое предостереженіе объ опасности, угрожавшей Польшѣ со стороны Россіи, было получено гораздо раньше. Еще на засѣданіи 22-го апрѣля (3-го мая) 1791 г. брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ указывалъ на эту опасность и побуждалъ сеймъ принять мѣры.

Въ январѣ 1792 г. Мѣрославскій увѣдомилъ, по пути изъ Яссъ, о готовившейся контръ-революціи въ Волыни и Подоліи.

Въ то же время генералъ Костюшко писалъ изъ Немирова въ военную коммиссію о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало принять «противъ иноземныхъ войскъ, кои собирались вторгнуться въ Рѣчь Посполитую». Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ доносилъ коммиссіи вторично о предполагаемомъ вторженіи русской арміи. Но самымъ серьезнымъ предостереженіемъ можно было считать приказъ, полученный въ январѣ

[1]) Костомаровъ, 419.

1792 г. консуломъ Рѣчи Посполитой въ Херсонѣ, Заблоцкимъ, коему русское правительство повелѣло въ два дня выѣхать изъ Россіи [1]).

По поводу этого факта, вице-канцлеръ Хрептовичъ сообщилъ, въ донесеніи королю отъ 13-го (24-го) января 1792 г. о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Булгаковымъ:

«Что значитъ высылка нашего консула Заблоцкаго, — спросилъ Хрептовичъ русскаго посла, и извѣстно-ли ему объ этомъ?

«Тотъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно; но что если это вѣрно, то должно быть Заблоцкій подалъ къ тому поводъ.

«Я отвѣчалъ ему на это,—писалъ Хрептовичъ,— что если бы онъ сдѣлалъ какой-нибудь проступокъ противъ долга, то его отдали бы подъ судъ».

Причина медлительности, съ какою сеймъ принималъ мѣры къ оборонѣ страны, заключалась въ увѣренности, что внутри и извнѣ Польшѣ не угрожало никакой опасности. Сеймъ не боялся горсти недовольныхъ и, будучи увѣренъ въ сочувствіи къ конституціи со стороны Австріи, Пруссіи и курфирста саксонскаго, полагалъ, что Россія одна не предприметъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Польши. Съ наборомъ же войска и вооруженіемъ милиціи не спѣшилъ, изъ опасенія, чтобы сосѣди не увидѣли въ вооруженіи Рѣчи Посполитой повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ [2]).

Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ на сеймѣ былъ прочитанъ «проектъ о мѣрахъ къ оборонѣ Рѣчи Посполитой», король получилъ изъ Петербурга депешу, въ которой Деболи сообщалъ ему подробныя свѣдѣнія о происках прибывшихъ на берега Невы польскихъ пановъ и о скоромъ вторженіи въ Польшу русскихъ войскъ. «Русское правительство,—писалъ Деболи,—даетъ эмигрантамъ 10.000 рублей ежемѣсячно; Потоцкій и Ржевусскій постоянно совѣщаются съ русскими сановниками». Кромѣ того онъ изложилъ дислокацію и силу корпусовъ, кои Екатерина предполагала двинуть въ Польшу; назвалъ поименно генераловъ, коимъ ввѣрялось командованіе войскомъ, въ томъ числѣ и брата епископа инфляндскаго, Симеона Коссаковскаго, который служилъ въ русскомъ войскѣ въ чинѣ генерала и долженъ былъ вступить вмѣстѣ съ Кречетниковымъ въ Литву.

На засѣданіи 10-го (21-го) апрѣля король прочелъ депеши, полученныя изъ Петербурга, не назвавъ, однако, Потоцкаго и Ржевусскаго; что же касалось Коссаковскаго, то онъ сказалъ: «я считаю долгомъ прибавить, что это извѣстіе не вѣрно, ибо годъ тому назадъ Коссаков-

---

[1]) Wolski. Obrona St. Augusta. (Rocznik Tow. hist. lit. w Paryżu. 1868).

[2]) O ustanowieniu i upadku konstytucyi polskiej 3 maia 1791. Lwów, 1793. II, стр. 79.

скій, уѣзжая въ кампанію, сказалъ мнѣ, что если бы, чего Боже упаси, дѣло дошло до враждебныхъ дѣйствій между Москвою и Польшею, то онъ броситъ службу въ тамошнемъ войскѣ».

Послѣ пятичасовыхъ преній состоялось новое постановленіе сейма, коимъ было положено увеличить немедленно численность войска до ста тысячъ, и королю было предоставлено право помѣстить по его усмотрѣнію въ войско двадцать офицеровъ, приглашенныхъ изъ-за границы, разрѣшалось производить реквизиціи и т. п.

Для того, чтобы собрать деньги, необходимыя для снаряженія войска, сейму предстояло уладить вопросъ о продажѣ староствъ. Игнатій Потоцкій умолялъ Станислава-Августа отказаться отъ принадлежавшаго ему права раздачи двухъ староствъ [1]) и пустить ихъ, наравнѣ съ другими,въ продажу, тѣмъ лицамъ, коихъ король пожелалъ бы наградить ими, дать взамѣнъ этого 100.000 злотыхъ. Король согласился на проектъ Игнатія Потоцкаго и тотчасъ испросилъ предложенное ему за староства денежное вознагражденіе для своего племянника Іосифа Понятовскаго.

Послѣ продолжительныхъ споровъ и преній, сеймъ изъявилъ на это свое согласіе, и 13-го (24-го) апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (Urządzenie wieczyste krolewszczyzn), заключавшій правила о порядкѣ продажи староствъ, объ уравненіи проданныхъ староствъ со всѣми прочими наслѣдственными имѣніями, по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, объ ихъ обязанностяхъ и правахъ.

Во главѣ оппозиціи стоялъ въ то время троцкій посолъ Савицкій, ярый противникъ новой конституціи, который энергично возсталъ противъ проекта предоставить верховную власть королю, доказывая опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы.

Но изъ числа остальныхъ «недовольныхъ» одни рѣдко высказывали свое мнѣніе, а другіе уѣхали изъ Варшавы.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Варшавѣ разнеслась вѣсть о смерти Щенснаго-Потоцкаго, послѣдовавшей, будто-бы, отъ огорченія, испытаннаго имъ по случаю нелюбезнаго пріема со стороны императрицы.

Письмо Потоцкаго отъ 9-го (20-го) марта, полученное Бенедиктомъ Гулевичемъ, опровергло этотъ слухъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало большое удивленіе въ патріотическихъ кружкахъ, такъ какъ оно было подписано полнымъ титуломъ: «генералъ коронной артиллеріи». Гулевичъ

---

[1]) Послѣ отнятія у короля стариннаго права раздавать королевщины, за нимъ оставалось, по закону 1775 г., право распоряжаться только четырьмя староствами. Изъ нихъ два были розданы Станиславомъ-Августомъ, а два оставались еще въ его распоряженіи.

показалъ это письмо Пясковскому, а тотъ передалъ его Ожаровскому, который въ свою очередь разсказалъ обо всемъ супругѣ гетмана Огинскаго и краковскому послу Солтыку.

Въ салонѣ гетманши удивлялись наглости бывшаго генерала артиллеріи и дѣлали разныя предположенія. Щенсный переписывался въ это время съ Рожаномъ, Ожаровскимъ и Гулевичемъ, и послѣдній высказывалъ готовность по первому его требованію пріѣхать въ Петербургъ. 6-го (17-го) апрѣля Гулевичъ писалъ ему:

«Выѣзжаю черезъ недѣлю. Грохольскій уѣзжаетъ завтра, Каменецкій—черезъ нѣсколько дней; такимъ образомъ, кромѣ канцлера, Коссаковскаго и Савицкаго, троцкаго посла, нашихъ останется въ Варшавѣ немного. Я ѣду на Волынь, гдѣ пробуду нѣсколько дней, чтобы склонять на нашу сторону колеблющихся и ободрить тѣхъ, кои намъ преданы; оттуда я поѣду прямо въ Хмельники, а по пути повидаюсь съ Свентославскимъ... Прошу васъ, именемъ отечества, дѣтей и друзей вашихъ, быть какъ можно осторожнѣе. Не ѣздить никуда одному, имѣть надежныхъ поваровъ... на которыхъ можно положиться... или лучше вовсе не обѣдать дома, а кушать каждый день въ иномъ мѣстѣ» [1]).

Благодаря тому, что многіе изъ «недовольныхъ» разъѣхались изъ Варшавы, засѣданія сейма прошли въ концѣ апрѣля менѣе бурно. Отсутствіе оппозиціи давало поводъ надѣяться, что празднованіе годовщины переворота пройдетъ спокойно, тѣмъ болѣе, что русскій посланникъ счелъ долгомъ уѣхать 21-го апрѣля (2-го мая) въ Сѣдлецъ.

Вскорѣ послѣ благополучнаго окончанія февральскихъ сеймиковъ, Коллонтай совѣтовалъ королю, для вящшаго впечатлѣнія, дать депутатамъ торжественную аудіенцію [2]).

По первоначальному плану предполагалось воздвигнуть для этой цѣли, въ предмѣстьѣ Воля эстраду, на которой король долженъ былъ принять депутатовъ, облаченный въ коронаціонное платье, но этотъ планъ былъ по разнымъ причинамъ оставленъ [3]). Программа торжественнаго празднованія годовщины 3-го мая была выработана маршалами сейма: Мнишекомъ и Игнатіемъ Потоцкимъ, и коронным маршаломъ Казиміромъ Рачинскимъ.

Площадь, напротивъ Уяздовскихъ казармъ, на которой предполагалось воздвигнуть храмъ Провидѣнія, была спланирована. Около того мѣста, гдѣ должна была происходить закладка фундамента, былъ по-

---

[1]) Рукоп. арх. кн. Чарторыйскихъ, № 3474.

[2]) Коллонтай королю 11-го (22-го) февраля 1792. (Рукоп. арх. кн. Чарторыйскихъ, № 922).

[3]) Дневникъ Булгакова отъ 18-го (29-го) февраля 1792. (Калинка. Ostatnie lata pan. St. Augusta, 302).

вѣшенъ колоколъ съ надписью: «Сей колоколъ, отлитый изъ мѣстнаго металла и пожертвованный генералъ-маіоромъ барономъ Солль-Денгофомъ для храма Провидѣнія, въ 1791 году, будетъ звонить въ память новой конституціи, данной того же года 3-го мая, благодаря отеческому попеченію короля Станислава-Августа, и утвержденной единодушно сеймомъ».

Въ костелѣ св. Креста, избранномъ для торжественной церемоніи, шли дѣятельныя приготовленія. Готовилась также иллюминація ратуши и самыхъ лучшихъ домовъ. Для безопасности въ Варшаву были стянуты войска и выставлены орудія, между которыми обращали на себя вниманіе шесть большихъ орудій, поставленныхъ передъ цейхгаузомъ и подаренныхъ княгиней Яблоновской.

Въ Варшаву со всѣхъ сторонъ стекались любопытные. Всеобщее вниманіе обращали на себя, расхаживавшіе по улицамъ, 1.200 человѣкъ эмигрантовъ изъ Монбельяра, прибывшихъ незадолго передъ тѣмъ на галерахъ изъ Кракова. Въ Варшавѣ все подорожало, не исключая сукна на мундиры и лентъ. За мундиръ вмѣсто 14 дукатовъ платили 20; за локоть лентъ вмѣсто 24 грошей 5 злотыхъ.

Наканунѣ торжества, 21-го апрѣля (2-го мая), жителямъ Варшавы было возвѣщено о томъ, что на слѣдующій день всѣ лавки будутъ закрыты.

Подъ впечатлѣніемъ вновь изданныхъ постановленій сейма и слуховъ о передвиженіи войскъ, всѣми овладѣлъ небывалый энтузіазмъ и воинскій задоръ, всѣ только и говорили о войнѣ.

Между прочимъ, передавали слухъ, будто во время празднества королю будетъ дарована неограниченная власть. Говорили также о заговорѣ противъ Станислава-Августа. Нѣкто Забѣлло утверждалъ, будто въ Вильно маіоръ русской службы Шульцъ предлагалъ ему 1.500 руб., если онъ убьетъ короля и, хотя, будучи арестованъ, онъ показалъ на допросѣ, что онъ выдумалъ всю эту исторію только для того, чтобы выманить деньги, но тревожные слухи росли и росли.

Вѣнскій дворъ увѣдомилъ короля, что клубъ якобинцевъ въ Страсбургѣ рѣшилъ произвести на него покушеніе. Короля предостерегали анонимными письмами, совѣтуя ему не присутствовать на торжествѣ празднованія 3-го мая.

Въ замкѣ царила тревога. Король хотѣлъ отдать приказъ, чтобы на улицахъ, по которымъ должна была слѣдовать процессія, всѣ окна были заперты. Наканунѣ празднества онъ исповѣдался, пріобщился и написалъ завѣщаніе. Піэтоли совѣтовалъ, чтобы во время процессіи передъ королемъ несли Св. Дары.

Въ костелѣ св. Креста, гдѣ происходила главная церемонія, у рѣшетки, отдѣляющей главный алтырь отъ церкви, былъ поставленъ тронъ,

обращенный къ главному входу. Возлѣ него стояли коронные и литовскіе чины, за ними дежурные офицеры. По обѣ стороны алтаря выстроились въ два ряда кадеты; нѣкоторые изъ нихъ стояли на ступеняхъ трона. За рѣшеткой помѣщались иностранные послы съ женами, пріѣзжіе иностранцы и герцогиня Курляндская со свитою. По обѣимъ сторонамъ трона, на креслахъ, заняли мѣста сенаторы и министры, на табуретахъ маршалы сейма, а позади нихъ депутаты, члены мѣстнаго суда, варшавской военно-гражданской коммиссіи и прочіе оффиціальныя лица; позади всѣхъ, на мѣстахъ, устроенныхъ амфитеатромъ, сидѣла публика. Между сенатомъ и польской избой стояли эскадроны народной кавалеріи, числомъ до 200 человѣкъ.

У дверей костела наблюдала за порядкомъ стража изъ 80 человѣкъ рядовыхъ скарбоваго батальона; гофъ-фурьеры отбирали разноцвѣтные входные билеты. Въ костелѣ указывалъ мѣста литовскій подкоморій Гутаковскій, коему помогали три камергера. Кавалерія явилась въ костелъ ровно въ 7 часовъ утра; сенаторы, сеймовые послы, депутаты и прочія лица заняли свои мѣста въ половинѣ девятаго.

По обѣ стороны Краковскаго предмѣстья выстроились шпалерами войска и варшавскіе цехи со своими значками. Улицы были переполнены народомъ. Пріѣзжихъ насчитывали до 38 тысячъ человѣкъ.

Въ половинѣ девятаго двинулась изъ замка процессія: впереди, въ каретѣ, ѣхалъ король, за нимъ примасъ съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи; карету окружалъ отрядъ гвардіи. Въ ту минуту, когда поѣздъ тронулся, зазвонили въ колокола; по всему Краковскому предмѣстью играла музыка и раздавались возгласы: «да здравствуетъ король и народъ!» У дверей костела короля встрѣтилъ епископъ познанскій съ духовенствомъ, поднесъ ему святую воду и повелъ его къ трону. Станиславъ-Августъ имѣлъ видъ слабый и изнуренный. Церемонія началась рѣчью маршала Малаховскаго, послѣ котораго говорили: великій коронный маршалъ Мнишекъ и маршалъ литовской конфедераціи Сапѣга. Малаховскій превозносилъ заслуги, оказанныя королемъ просвѣщенію страны, Мнишекъ привѣтствовалъ его отъ имени сената, Сапѣга высказалъ радость по поводу благополучно совершеннаго переворота. Послѣ отвѣтной рѣчи короля сенаторы, министры и послы были допущены къ цѣлованію его руки, затѣмъ говорили рѣчи депутаты, благодаря короля за конституцію отъ имени своихъ земель. По окончаніи церемоніи началось богослуженіе. Король, сошедши съ трона, преклонилъ колѣна; его свита стала за рѣшеткой главнаго алтаря. Обѣдню служилъ епископъ познанскій, а ксендзъ Малиновскій произнесъ проповѣдь на тему: «Будетъ едино стадо и единъ пастырь». Какъ только онъ окончилъ проповѣдь, въ костелѣ неожиданно стемнѣло; надъ городомъ разразилась гроза съ вихремъ и градомъ. Въ то время какъ раз-

далось пѣніе сочиненнаго на случай торжества «Te Deum'a», исполненнаго 200 музыкантами и пѣвцами, на противуположномъ берегу Вислы было произведено сто выстрѣловъ изъ орудій. По окончаніи богослуженія началось шествіе: процессія при звонѣ колоколовъ двинулась отъ костела св. Креста до Уяздовской улицы; впереди шли цехи со значками; за ними монашескіе ордена, городовой магистратъ, уполномоченные отъ городовъ, сеймовые послы и депутаты, сенатъ, министры, епископы, примасъ, наконецъ, самъ король, окруженный кадетами; за нимъ слѣдовали польскіе и литовскіе сановники и дворъ. Три хора исполняли подъ аккомпаниментъ музыки попеременно псалмы и патріотическія пѣсни. Изъ оконъ глазѣла многочисленная толпа. Во время процессіи надъ Варшавою вторично пронесся вихрь, вызвавшій въ присутствовавшихъ тяжелое предчувствіе. Примасъ окропилъ св. водою мѣсто, предназначенное для сооруженія храма; совершилъ освященіе камней, потомъ подалъ королю золотую кирку и молотокъ. Подъ камень была положена медаль и нѣсколько монетъ. Вслѣдъ за королемъ епископы, министры и маршалы брали по очереди въ руки рабочія орудія и прилагали свою руку; за ними эта честь была предоставлена послу кіевскаго воеводства Хоецкому, на томъ основаніи, что Кіевское воеводство первое и единственное заявило на сеймикахъ желаніе сдѣлать пожертвованіе на постройку храма. По окончаніи церемоніи, которая продолжалась до половины пятаго, король уѣхалъ въ Лазенки, всѣ остальные отправились на обѣды, устроенные въ разныхъ мѣстахъ по случаю торжества. Сенатъ и дипломатическій корпусъ обѣдали у великаго коронаго маршала Мнишека. Земскіе коронные послы и уполномоченные отъ городовъ—у маршала Малаховскаго; земскіе послы и уполномоченные отъ Литвы отправились къ маршалу литовской конфедераціи Сапѣгѣ; президентъ города Варшавы, Закржевскій, пригласилъ къ себѣ муниципалитетъ.

Во всѣхъ костелахъ, не исключая протестантской церкви, были совершены въ тотъ день молебствія и произносились проповѣди.

Вечеромъ въ городѣ была сожжена великолѣпная иллюминація. Особенно роскошно былъ иллюминованъ Саксонскій дворецъ, домъ маршала сейма, каштеляншн Коссаковской и ратуша. Въ театрѣ давали написанную къ этому дню драму Нѣмцевича «Казиміръ Великій». Сюжетомъ ея было приглашеніе Людовика венгерскаго на престолъ. Когда Овсинскій, игравшій Казиміра Великаго, произнесъ: «въ случаѣ нужды я стану во главѣ моего народа», Станиславъ-Августъ высунулъ голову изъ ложи и воскликнулъ: «да, стану и пойду во главѣ войска». Въ отвѣтъ на эти слова раздался громъ рукоплесканій. Когда же актеръ продекламировалъ: «хотя я и старъ и голова моя сѣда, но я пойду съ добрыми поляками и либо лягу костьми на полѣ брани, либо Польша

будетъ независима»,—король снова высунулся изъ ложи и воскликнулъ: «такъ, такъ, браво, виватъ». По окончаніи представленія въ театрѣ и въ Радзивилловскомъ дворцѣ состоялись публичные балы. Такъ закончилось торжественное празднованіе годовщины конституціи 3-го мая.

Передъ этимъ днемъ, въ столицѣ Литвы такъ же точно, какъ въ Варшавѣ, ходили тревожные слухи. Короля предостерегали, что епископъ виленскій что-то замышлялъ въ Вильнѣ и подготовлялъ со своими друзьями какую-то публичную демонстрацію противъ конституціи [1]); 21-го апрѣля (2-го мая) король послалъ эстафету президенту Тизенгаузену, съ просьбою извѣстить его о томъ, что дѣлается на Литвѣ.

Впрочемъ, вопреки всѣмъ опасеніямъ, празднованіе годовщины конституціи прошло въ Вильно спокойно. На торжественномъ засѣданіи въ главной школѣ произнесли рѣчи ректоръ Почобутъ и профессоръ церковной исторіи Богуславскій. Коадъюторъ виленскій Янъ Коссаковскій произнесъ проповѣдь. Литовскій канцлеръ Сапѣга далъ обывателямъ обѣдъ; вечеромъ муниципалитетъ далъ балъ.

24-го апрѣля (5-го мая), во время представленія комедіи Богуславскаго «Dowòd wdzięczności narodu» (Доказательство признательности народа) публика привѣтствовала слова, относившіяся къ королю, и конституцію кликами и рукоплесканіями.

Тизенгаузенъ успокоивалъ короля.

«Здѣсь, въ Вильно, все спокойно, и можно пожелать, чтобы во всей странѣ царствовалъ такой патріотизмъ, какой мы видимъ здѣсь. Только одинъ епископъ виленскій, по своей трусости и слабоумію, пугаетъ жителей; но его мало кто слушаетъ, какъ человѣка, который не пользуется болѣе никакимъ значеніемъ... Если бы кто-нибудь вздумалъ смущать здѣсь умы, то по всей вѣроятности поплатился бы за свою смѣлость жизнью и палъ бы отъ руки тѣхъ людей, которые готовы защищать законъ и короля съ неслыханной энергіей.—Здѣсь подозрѣваютъ нѣкоторыхъ лицъ въ томъ, что они шпіоны, подосланные изъ Москвы; за ними учиненъ строгій надзоръ. Для того чтобы собрать о нихъ точныя свѣдѣнія, отъ магистрата разослано всѣмъ обывателямъ приказаніе доносить: кто и какъ давно пріѣхалъ въ городъ и чѣмъ занимается» [2]).

День 22-го апрѣля (3-го мая) ознаменовался и въ другихъ городахъ Польши всевозможными празднествами; вездѣ служили торжественныя обѣдни, стрѣляли изъ орудій, давали обѣды, распѣвали гимны, сочиненные къ случаю на польскомъ языкѣ, сжигались иллюминаціи.

23-го, 24-го и 25-го апрѣля (4-го, 5-го и 6-го мая) король далъ

---

[1]) Popiel, l. c., стр. 71.

[2]) Тизенгаузенъ королю 25-го апр. (6-го мая) 1792 г. (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 932).

обѣдъ делегатамъ малопольскимъ, литовскимъ и великопольскимъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ ними за столомъ и угощалъ ихъ; 2-го (13-го мая) въ Радзивилловскомъ дворцѣ былъ данъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали король, сенаторы и муниципалитетъ. Приглашенныхъ было 500 человѣкъ; роль хозяевъ взяли на себя президентъ Закревскій и представитель литовскаго муниципалитета литовскій мечникъ Огинскій, бывшій посланникъ въ Голландіи. Посреди стола стояла колонна съ вензелемъ короля и конституціи и гербами маршаловъ сейма. Тутъ же стоялъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; колонна вѣрности, обвитая лаврами, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху; кромѣ того столъ былъ уставленъ множествомъ всевозможныхъ миѳологическихъ алтарей и изображеній; тутъ были и алтарь благодарности, и скала любви къ отчизнѣ и т. п. [1]).

Между тѣмъ, несмотря на эти празднества и всеобщее веселье, Варшава дѣятельно готовилась къ войнѣ.

VIII.

Засѣданія сейма, возобновившіяся по окончаніи празднествъ, 25-го апрѣля (6-го мая), были посвящены исключительно обсужденію вопросовъ, касавшихся обороны края. На первомъ же засѣданіи, по предложенію Игнатія Потоцкаго, заступавшаго мѣсто военнаго министра который находился въ отпуску, было положено учредить два казацкихъ и два татарскихъ полка и четыре батальона вольныхъ охотниковъ. Изъ 9 милліоннаго фонда, предназначеннаго для обороны страны, было рѣшено выдать по 2.000 червонцевъ на экипировку генераламъ, коимъ ввѣрялось командованіе отдѣльными корпусами. Къ предложенію кіевскаго посла Хоецкаго «объявить врагами отечества всѣхъ тѣхъ, кто присоединятся, во время войны, къ непріятелю, и наложить секвестръ на половину ихъ имущества» [2]), было прибавлено, по требованію жмудскаго посла Олендскаго, что «убытки, причиненные въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и селъ, должны быть пополнены впослѣдствіи раскладкою на всю націю».

3-го (14-го) мая, депутація, избранная для выработки закона о средствахъ обороны, подала проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно. «Тотчасъ послѣ этого посолъ Збонискій пожертво-

---

[1]) Король—Букатому 5-го (16-го) мая 1792. (Калинка, стр. 211).

[2]) Głos. J. W. Imci Pana Jana Chojeckiego, d. 10 maja r. 1792. na sesyi sejmowej miany. Warszawa, u Grölla, in f., K. nlb. 2.

валъ 40.000 злотыхъ, предоставивъ 5% съ этой суммы для раздачи наградъ отличившимся. Князь Iосифъ Любомирскiй пожертвовалъ четыре 6 фунтовыя пушки; многiя другiя лица сдѣлали также патрiотическiя пожертвованiя. Поляки заранѣе воспѣвали свои будущiя побѣды: «что полякъ, то богатырь; съ такимъ воинствомъ, съ тобою, король, на челѣ, мы достигнемъ нашихъ цѣлей»,—говорилось въ сочиненныхъ тогда виршахъ» [1]).

Наступило 7-е (18-е) мая—день памятный въ польской исторiи, въ который Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хрептовичу декларацiю императрицы Екатерины въ двухъ экземплярахъ: рукописномъ на русскомъ языкѣ съ французскимъ переводомъ и печатномъ на томъ и другомъ языкѣ.

—Я угадываю ея содержанiе,—сказалъ Хрептовичъ,—но я не буду ее читать, а передамъ ее королю».

Послѣ короткой и по обыкновенiю дружеской бесѣды съ Булгаковымъ, онъ присовокупилъ, прощаясь съ посланникомъ: «лишь бы все это удалось уладить по-дружески».

Русскiй посланникъ ручался въ дружескихъ намѣренiяхъ Россiи, которая, по его словамъ, стремилась только утвердить въ Польшѣ прежнiя вольности. Разставшись съ Хрептовичемъ, Булгаковъ поѣхалъ съ письмомъ императрицы и съ декларацiей къ примасу. Распечатывая письмо, примасъ сказалъ также, что онъ догадывается о его содержанiи, а по прочтенiи письма заявилъ, что императрица отдаетъ ему справедливость, называя его хорошимъ патрiотомъ. Примасъ, какъ и Хрептовичъ, выразилъ надежду, что «все удастся уладить, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ», и тотчасъ поѣхалъ къ королю [2]).

Отъ примаса Булгаковъ отправился къ посламъ прусскому и австрiйскому и передалъ имъ, по приказанiю императрицы, копiи съ декларацiи. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ разослалъ копiи съ декларацiи сторонникамъ Россiи. Вѣсть о полученiи декларацiи разнеслась по Варшавѣ и вызвала всеобщее волненiе. Никто не думалъ, что дѣло могло окончиться благополучно, но никто не ожидалъ, что оно приметъ такъ скоро угрожающiй оборотъ.

По странному стеченiю обстоятельствъ, письмо кн. Iосифа Понятовскаго, отъ 2-го (13-го) мая, въ которомъ онъ сообщалъ королю, что ни одинъ русскiй солдатъ не переступилъ еще границы Рѣчи Посполитой и что вторженiе русской армiи ожидается не раньше 15-го (26-го) мая, было получено Станиславомъ-Августомъ въ тотъ самый день,

[1]) Костомаровъ, 435.

[2]) Король—Букатому 8-го (19-го) мая 1792.

когда Булгаковымъ была подана декларація [1]). О ней зналъ ранѣе надворный коронный маршалъ Рачинскій, съ которымъ Булгаковъ былъ откровененъ, но онъ никого не предупредилъ объ этомъ и уѣхалъ изъ Варшавы до 7-го (18-го) мая, ничего не сказавъ.

8-го (19-го) мая, въ субботу, собрался совѣтъ у Коллонтая. Было рѣшено прочесть декларацію въ ближайшемъ засѣданіи сейма и спросить пословъ: прусскаго, австрійскаго и саксонскаго, можно-ли разсчитывать на помощь ихъ дворовъ. На этомъ засѣданіи было предложено ввѣрить начальство надъ арміей королю и обсуждались мѣры обороны и способы удержать въ повиновеніи провинцію. На слѣдующій день Коллонтай писалъ королю: «ваше королевское величество, прикажите точно разузнать, гдѣ находится Рачинскій; его пребываніе въ воеводствахъ опасно. Почему не предупредилъ онъ насъ о нотѣ, коль-скоро передъ отъѣздомъ ему было извѣстно, что Булгакову приказано въ скоромъ времени подать ее. Я зорко слѣжу за Рогожинскимъ и Мечковскимъ; эти господа передаютъ корреспонденцію; въ особенности я не вижу разумнаго основанія держать такихъ господъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ... Въ великой Польшѣ все будетъ спокойно, если только г.г. Рачинскій, Бнинскій и Мощенскій будутъ сидѣть спокойно... Слѣдовало бы также дать надлежащія указанія воеводствамъ, какъ поступить въ случаѣ, если бы вздумали объявить конфедерацію... Что касается декларацiи, то я совѣтовалъ бы обнародовать по поводу ея три акта: оффиціальный отвѣтъ, манифестъ къ европейскимъ державамъ, въ которомъ былъ бы изложенъ образъ дѣйствій Москвы и универсалъ къ народу».

Русская декларація была прочитана секретаремъ Стражи по иностраннымъ дѣламъ, референдаріемъ литовскимъ, княземъ Волловичемъ, въ засѣданіи сейма 10-го (21-го) мая. Въ залѣ воцарилось глубокое молчаніе; при чтеніи того мѣста декларацiи, въ которомъ императрица говорила, что, будучи дружески расположена къ Рѣчи Посполитой, она готова помочь добрымъ полякамъ возвратить утраченныя ими вольности, раздался ропотъ, покашливанія и смѣхъ. Маршалы поспѣшили водворить порядокъ.

По прочтеніи декларацiи король произнесъ рѣчь.

«Вы видите,—сказалъ онъ,—что въ этой декларацiи отзываются пренебрежительно не только о нашей конституцiи 3-го мая, но и о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ этому акту. Вы видите стараніе унизить настоящій сеймъ и угрозы нашей независимости. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе и благо отечества. Вы видите, наконецъ, угрозу всему народу, вѣрному своему рѣшенію и своей при-

[1]) Король—Букатому 8-го (19-го) мая 1792. (Калинка, l. c. II, 213).

сягѣ, такимъ образомъ очевидное насиліе противъ насъ со стороны Россіи. Вы видите поэтому, что намъ необходимо принять всевозможныя мѣры къ оборонѣ и спасенію отечества. Для этого есть два средства: первое составляетъ все, на что могутъ рѣшиться отвага и мужество; я заранѣе соглашаюсь на все, что вы въ этомъ смыслѣ рѣшите, и обѣщаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другой рядъ мѣръ, могущихъ служить къ нашему спасенію, можетъ и долженъ быть найденъ въ переговорахъ. И прежде всего намъ слѣдуетъ обратиться къ союзнику нашему, королю прусскому. Вы помните, что почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля, а именно: освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего края русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, обѣщая намъ ходатайства и помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Эти два пункта нынѣ нарушены декларацією, въ которой намъ ставятъ въ вину тѣ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единомысліи съ королемъ прусскимъ. Я нахожу, что намъ слѣдуетъ обратиться также къ его величеству, королю венгерскому, какъ къ нашему сосѣду, собственный интересъ коего требуетъ, чтобы Польша не была завоевана и не была бы въ зависимости отъ такой державы, отъ которой ее отдѣляли столько лѣтъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Всего естественнѣе намъ обратиться къ саксонскому курфирсту, коему мы оказали столько расположенія, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящія непріятности. Если бы нашлись и другіе пути, кои дали бы намъ возможность вести переговоры перомъ, а не оружіемъ, то не слѣдовало бы пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленіями, какія могутъ быть сдѣланы ей со всѣхъ сторонъ для отвращенія бѣдствій, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствія тяжелыя для человѣколюбія, безъ сомнѣнія, противны нѣжному сердцу этой государыни; тѣмъ болѣе, если ей докажутъ, что донесенія нашихъ собственныхъ соотечественниковъ не согласны съ истиной... Невѣроятно, чтобы ея величество императрица, будучи лучше освѣдомлена, пожелала бы домогаться силою исполненія выраженныхъ въ декларации желаній, когда истина, справедливость и миролюбіе заговорятъ въ ней»... Въ заключеніе своей рѣчи король призывалъ сеймъ изыскать средства къ оборонѣ отечества и напомнилъ,

*

что теперь слѣдуетъ охранять русскаго посла отъ всякихъ могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ непріятностей [1]).

Въ это же достопамятное засѣданіе сеймъ приступилъ къ обсужденію давно уже стоявшаго на очереди вопроса о диссидентахъ и призналъ, наконецъ, существованіе особой іерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи Посполитой.

Въ послѣдующіе дни сеймъ обсуждалъ съ небывалой поспѣшностью вопросы, касавшіеся обороны страны. На засѣданіи 13-го (24-го) мая жмудскій посолъ Олендскій просилъ короля открыть имена эмигрантовъ, которые находились въ Петербургѣ и составили заговоръ противъ отечества. Подольскій посолъ Ржевусскій требовалъ, чтобы были названы лица, кои, засѣдая въ сеймѣ, поддерживали сношенія съ русскимъ дворомъ; когда же король отказался назвать кого-либо, то стародубскій посолъ Ельскій предложилъ, чтобы Щенсному-Потоцкому, Северину Ржевусскому, Сухоржевскому, Мощенскому, каштеляну Четвертинскому и Загорскому было повелѣно явиться по истеченіи трехъ недѣль къ сеймовому суду, а Злотницкаго, который, согласно донесенію оффиціальныхъ лицъ, побуждалъ польское войско перейти на сторону Россіи— предать суду немедленно. Но такъ какъ король былъ противъ столь крутыхъ мѣръ, то была составлена, утвержденная единогласно, «декларація о теперешнемъ состояніи Рѣчи Посполитой», и на основаніи ея состоялось постановленіе, въ силу котораго всѣмъ полякамъ, находившимся на русской службѣ, повелѣвалось возвратиться въ Польшу; тѣ, кои оказались бы въ рядахъ войска, шедшаго на Рѣчь Посполитую, объявлялись врагами отечества точно такъ же, какъ и всѣ лица, кои, живя въ Польшѣ или за границей, составляли заговоръ противъ сейма и правительства Рѣчи Посполитой и не откажутся отъ своихъ замысловъ въ теченіе шести недѣль. Всѣмъ этимъ лицамъ, какъ принимавшимъ лично участіе въ заговорѣ, такъ и подстрекавшимъ къ оному другихъ, или осмѣливавшимся идти съ войскомъ россійскимъ на отечество, угрожало лишеніе всѣхъ правъ и смертная казнь. Для разсмотрѣнія всѣхъ таковыхъ дѣлъ учреждался сеймовый судъ.

18-го (29-го) мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма; послѣднее засѣданіе его, начавшееся послѣ полудня, продолжалось до 4-хъ часовъ ночи, когда сеймъ былъ закрытъ. Послѣднимъ его дѣломъ было составленіе трехъ актовъ: отвѣта на русскую декларацію, воззванія главнокомандующаго къ арміи и универсалъ короля и сеймовыхъ чиновъ къ народу.

Надъ составленіемъ отвѣта на русскую декларацію трудились: мар-

---

[1]) Głos Jego Krolewskiej Mci dnia 21 maja roka 1792.Bez. m. inf. kart. nlb. 2.

шалъ Потоцкій съ братомъ своимъ Станиславомъ, Вейсенгофъ, Мостовскій и Піэтоли. Они просидѣли за нимъ всю ночь съ 7-го на 8-ое (18-го на 19-ое) мая и долго колебались, отвѣчать-ли категорично, опровергнувъ все сказанное въ декларацiи по пунктамъ, или же высказать коротко, что независимый польскій народъ имѣлъ право совершить, въ лицѣ своихъ представителей, то, что считалъ необходимымъ для поддержанія своего благополучія и свободы; и когда на него нападаютъ, то онъ готовъ принести для обороны страны всѣ возможныя жертвы. Послѣ продолжительнаго совѣщанія было рѣшено отвѣтить по пунктамъ. Проектъ контръ-декларацiи, прочитанный на утреннемъ засѣданіи 18-го (29-го) мая, былъ выслушанъ въ глубокомъ молчаніи.

21-го мая (1-го іюня) Хрептовичъ подалъ отвѣтъ на русскую декларацію Булгакову, который нашелъ, что онъ составленъ напыщенно и полонъ софизмовъ.

Прежде всего въ немъ говорилось о тѣхъ грустныхъ чувствахъ, которыя декларація вызвала въ полякахъ, занятыхъ единственно заботою о своемъ спокойствіи и безопасности. Затѣмъ говорилось, что «этотъ актъ не согласуется съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы» и есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внушеній.

Вмѣсто того чтобы энергично опровергнуть высказанныя въ декларацiи обвиненія, дѣйствія Рѣчи Посполитой оправдывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ умалчивалось о побужденіяхъ, руководившихъ дѣйствіями сейма; и говорилось, что изложенныя въ декларацiи обвиненія представили дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Конституція 3-го мая изображалась дѣломъ единомышленія; поздравленія, полученныя изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись какъ доказательство, что нація приняла и одобрила дѣло 3-го мая, и т. д.

Въ заключеніе высказывалась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго народа найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, какая признана за ними всею Европою, но что если бы «Рѣчь Посполитая увидала посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то польскій народъ не поколебался бы въ выборѣ между спокойствіемъ подлой покорности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Не особенно удачный по формѣ и по содержанію, отвѣтъ этотъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на польскую публику.

«Мы ожидали,—писалъ Янъ Снедецкій,—что отвѣтъ на коварную, злобную и постыдную для насъ русскую декларацію, написанную впрочемъ на прекрасномъ польскомъ языкѣ, будетъ написанъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя дали бы понятіе о силѣ и мощи народа и выразили бы его твердую рѣшимость отстоять свою независимость. Но мы жестоко ошиблись. Отвѣтъ, котораго мы ожидали съ такимъ нетер-

пѣніемъ, написанъ слабо; онъ изображаетъ Польшу какъ какого-то молодаго хвастуна, который при первой угрозѣ и похвальбѣ со стороны врага способенъ поступить подло. Въ нашемъ воеводствѣ высказываютъ по поводу этого письма такія мнѣнія, которыя роняютъ Польшу въ глазахъ людей. Дипломатическій актъ, который будетъ прочтенъ всей Европою, написанъ такъ глупо, какъ будто вся цѣль его заключается въ грубомъ восхваленіи императрицы, внушенномъ людямъ не сознаніемъ ихъ невинности и рѣшимостью защищаться, а лицемѣріемъ и неувѣренностью въ себѣ» [1]).

Совершенно въ иномъ тонѣ было написано воззваніе короля къ войску. Напомнивъ объ утѣсненіяхъ, кои Польша испытала со стороны Россіи, онъ призывалъ народъ къ борьбѣ во имя святыхъ обязанностей гражданина; воззваніе заканчивалось возгласомъ: «Дѣти! будемъ независимы и всѣми уважаемы, либо умремъ съ честью!»

Универсалъ къ народу, написанный княземъ Пирамовичемъ и редактированный Коллонтаемъ, произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

«Вы будете воевать за вѣру, за законы, за свою свободу и достояніе,—говорилось въ универсалѣ;—вы будете сражаться за своихъ родителей, за женъ, за все то, что можетъ быть дорого человѣческому сердцу.

«У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ; что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая грозная, если всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!»

Поляковъ предостерегали не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ брошюръ, въ которыхъ старались очернить правительство, отвлечь поляковъ отъ конституціи и склонить ихъ на сторону Россіи.

«Вы знаете по опыту,—говорилось дальше,—что значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное на глазахъ короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненіе городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете-ли вы надѣяться, что это государство будетъ лучше обращаться съ вами, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которымъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастье всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ скотъ,

---

[1]) Письма къ Яну Снедецкому. Изд. Крашевскаго. Познань. 1878 г., ст. 50.

изъ плодоносныхъ полей своихъ въ безплодныя пустыни, наконецъ, окончательный раздѣлъ польской территоріи и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ» [1]).

За границей обратили вниманіе на большую разницу въ тонѣ отвѣта на русскую декларацію и универсала. Датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернсдорфъ, хваля первый, сожалѣлъ о томъ, что «кромѣ этого акта, вызвавшаго, по его словамъ, «восторгъ всей Европы», появился универсалъ, который старался изобразить въ глазахъ народа все дѣло совершенно иначе и былъ далекъ отъ умѣреннаго тона» [2]).

Любопытно было бы знать, думалъ-ли король, принимая командованіе надъ арміей и издавая прокламацію къ войску, что война неизбѣжна, и надѣялся-ли онъ на побѣду? Въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 10-го (21-го) мая, онъ выразился о войнѣ съ Россіей какъ о возможной случайности, послѣдствій которой слѣдовало избѣжать, прибѣгнувъ съ этой цѣлью къ переговорамъ. Сущность его намѣреній выразилась въ словахъ: «лучше перомъ, нежели оружіемъ». Онъ говорилъ о помощи Берлинскаго, Вѣнскаго и Дрезденскаго дворовъ, но вѣрилъ-ли онъ дѣйствительно въ эту помощь? На Австрію, занятую войною съ Франціей, трудно было разсчитывать; а надежды на поддержку со стороны Пруссіи были совершенно разрушены Луккезини. Получивъ присланную Хрептовичемъ Прусскому двору копію съ изданнаго сеймомъ акта: «Готовность Рѣчи Посполитой къ оборонѣ», Луккезини отвѣтилъ на это сообщеніе нотой отъ 23-го апрѣля (4-го мая), въ которой высказалъ, что его монархъ не можетъ входить въ обсужденіе рѣшеній Рѣчи Посполитой, такъ какъ они совершенно его не касаются. Передавая Хрептовичу ноту, онъ сказалъ: «Король прусскій былъ удивленъ и встревоженъ мѣрами, принятыми сеймомъ въ засѣданіи 5-го (16-го) апрѣля, которыя могутъ имѣть самыя нежелательныя для Рѣчи Посполитой послѣдствія».

«Въ войнѣ, которую Польша намѣревается вести для поддержанія силою оружія наслѣдственности престола и новой конституціи, она не должна разсчитывать на помощь ни со стороны Пруссіи, ни со стороны другихъ сосѣднихъ державъ. Король не желаетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла и отказывается даже отъ переговоровъ; онъ до того хочетъ отстранить себя отъ всего, что не желаетъ даже, чтобы ему вспоминали о Рѣчи Посполитой» [3]).

---

[1]) Костомаровъ, 445.

[2]) Депеша Анквича изъ Копенгагена, 16-го (27-го) іюня 1792. (Библ. Оссолинскихъ, т. III, стр. 264).

[3]) Содержаніе ноты отъ 23-го апрѣля (4-го мая) 1792 съ содержаніемъ заявленія, сдѣланнаго Луккезини устно, было отпечатано въ переводѣ на польскій языкъ и ходило въ Польшѣ по рукамъ.

Саксонскій дворъ, напуганный положеніемъ дѣлъ и недоброжелательными къ Польшѣ депешами своего резидента въ Варшавѣ, Эссена, также отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

«Ваше превосходительство понимаете, конечно, какія печальныя послѣдствія и какія бѣдствія можетъ повлечь за собою пагубное рѣшеніе, состоявшееся 5-го (16-го) апрѣля»,—писалъ Эссенъ Хрептовичу, ознакомившись съ содержаніемъ сеймоваго акта «Готовность Рѣчи Посполитой къ оборонѣ». Прусскій посланникъ, который такъ же точно, какъ и послы прочихъ державъ, отправилъ къ своему двору курьера, полагаетъ, что это рѣшеніе погубитъ Польшу. Всѣ иностранные послы говорятъ, что тотъ дворъ, который не хочетъ ссориться съ Россіей, долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ сношеніяхъ съ людьми столь ненадежными и безразсудными. Приглашая къ вооруженію мѣщанъ и людей запальчивыхъ словомъ и мѣрами, можно ожидать самыхъ ужасныхъ случайностей» [1]).

27-го апрѣля (8-го мая) прибылъ въ Варшаву саксонскій чрезвычайный уполномоченный Лобенъ; два дня спустя онъ имѣлъ аудіенцію у короля. На засѣданіи сейма 3-го (14-го) мая, король назначилъ для совѣщанія съ нимъ и Эссеномъ, канцлера Малаховскаго и подканцлера Хрептовича, но начатые ими переговоры были прерваны закрытіемъ сейма и неожиданнымъ отъѣздомъ Лобена, который не могъ ничего обѣщать Польшѣ, кромѣ того, что курфирстъ per bona officia (желая оказать Польшѣ добрую услугу) постарается склонить въ ея пользу сосѣднія державы.

11-го (22-го) мая былъ отправленъ въ Вѣну кн. Чарторыйскій съ порученіемъ упросить императора начать переговоры, а 14-го (25-го) мая Хрептовичъ подалъ Луккезини ноту, въ коей, ссылаясь на VI статью договора, заключеннаго 18-го (29-го) марта 1790 г., онъ просилъ короля прусскаго о помощи. Не ожидая отвѣта, было рѣшено послать кого-нибудь для личныхъ переговоровъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

«Для нашего дѣла было бы весьма важно послать въ Берлинъ такое лицо,—писалъ Станиславъ Потоцкій,—которое могло бы вести переговоры съ самимъ королемъ прусскимъ, а не съ Берлинскимъ кабинетомъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ посылка въ Вѣну князя Чарторыйскаго.

«Достаточно будетъ приподнять въ Берлинѣ ту завѣсу, которая скрываетъ отъ глазъ короля прусскаго интересы Польши, тѣсно связанные съ его собственными интересами» [2]).

---

[1]) Kalinka. Ostatnie lata pan. St. Augusta. 1868, II, стр. 341.

[2]) Письмо Ст. Потоцкаго королю безъ даты. (Wolski, l. c., стр. 159).

Для посылки въ Берлинъ выборъ палъ на Игнатія Потоцкаго, который однако не вполнѣ ясно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ и намѣревался настаивать, прежде всего, на исполненіи обязательствъ, принятыхъ Пруссіей по VI ст. договора, т. е. оказанія Рѣчи Посполитой, въ случаѣ надобности, вооруженной помощи, снабженія ея деньгами, либо оружіемъ и разрѣшенія прусскимъ офицерамъ вступить на службу Польши.

Онъ полагалъ, что ему будетъ легко добиться всего этого, а въ случаѣ отказа, рѣшилъ настаивать на томъ, чтобы король прусскій потребовалъ отозванія русскихъ войскъ; въ случаѣ же неисполненія этого къ указанному сроку, угрожалъ бы императрицѣ отказаться отъ исполненія и своихъ обязанностей, какъ союзника.

Наконецъ, если бы король и этого не исполнилъ, «что было бы, по мнѣнію Потоцкаго, явнымъ доказательствомъ равнодушія Пруссіи и нежеланія сдержать свое слово», то Потоцкій рѣшилъ домогаться окольными путями, чтобы было приступлено къ переговорамъ, но это не освободило бы Фридриха-Вильгельма отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя въ силу договора [1]).

Несмотря на то, что въ Варшавѣ были получены, въ это время, извѣстія, что прусскій посланникъ въ Россіи всячески старался склонить императрицу принять энергическое рѣшеніе относительно польскихъ дѣлъ, Станиславъ-Августъ вывелъ изъ отвѣта Луккезини на сообщеніе Хрептовича утѣшительное для себя заключеніе и на основаніе этого составилъ новый планъ дѣйствій.

«Въ виду того, что французы объявили Австріи войну,—такъ разсуждалъ король,—Пруссіи по неволѣ придется принять въ ней участіе, поэтому ей неудобно вмѣшаться въ войну съ Москвою, но ей также невыгодно, чтобы Польша была завоевана Екатериной, ибо въ такомъ случаѣ она очутилась бы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею, чего она не можетъ желать. Поэтому Пруссія только стращаетъ насъ, будто она насъ совсѣмъ оставитъ, чтобы мы испугались и полѣзли къ Москвѣ на колѣняхъ, въ надеждѣ, что Москва заставитъ насъ отказаться отъ наслѣдственнаго правленія, а все прочее въ конституціи оставитъ, но если Москва начнетъ одолѣвать Польшу, то прусскій король навѣрно ей поможетъ; слѣдовательно, рано или поздно, ему придется, ради своей собственной безопасности, принять участіе въ войнѣ между Россіей и Рѣчью Посполитой».

Изъ всего этого король выводилъ заключеніе, что ему «не было ни полезно, ни умѣстно сдѣлать какой-либо шагъ по отношенію къ Москвѣ

---

[1]) Собственноручная записка Игнатія Потоцкаго безъ даты. (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 929).

до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено извѣстіе о началѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны русскихъ».

Но изъ этого видно, что Станиславъ-Августъ, еще до полученія отъ Булгакова декларації, допускалъ необходимость войти рано или поздно въ переговоры съ Россіей, а приблизительно за мѣсяцъ до полученія извѣстій объ исходѣ переговоровъ кн. Чарторыйскаго въ Вѣнѣ и отвѣта Прусскаго двора на послѣднюю ноту Хрептовича и на миссію, возложенную на Игнатія Потоцкаго, эта мысль совершенно у него созрѣла, и онъ началъ подготовлять къ ней общественное мнѣніе. Выразительницею этой мысли явилась изданная Станиславомъ Потоцкимъ, по указанію короля, брошюра: «Raczey piórem, niż orężem, czyli droga do traktowania z Imperatorową Imcią rossyjską (8°) [1]), въ которой проводилась идея, что Россію натравили на войну съ Польшей эмигранты, но что они утратятъ вскорѣ у императрицы всякое значеніе, и тогда Рѣчь Посполитая обрѣтетъ вновь спокойствіе. Но это не могло случиться до тѣхъ поръ, пока эмигранты были нужны Россіи. А они будутъ ей ненужны только тогда, когда Польша откажется сама, по желанію императрицы, отъ преимуществъ, связанныхъ съ новой конституціей.

«Придумаемъ же какое-нибудь средство,—говорилось въ брошюрѣ,—уничтожимъ замыслы эмигрантовъ, покажемъ, что мы и безъ нихъ можемъ жить съ Россіей въ добромъ согласіи».

Средство было найдено. По мнѣнію автора брошюры, бракъ польской инфанты съ великимъ княземъ россійскимъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы желаніямъ императрицы.

«Она отозвала бы тогда изъ Польши свои войска и, одобривъ конституцію, признала бы наслѣдственность королевской власти полезною для Польши и для своихъ внуковъ, обезпеченныхъ этимъ отъ деспотизма аристократіи».

Таковъ былъ планъ короля, но событія шли столь быстрымъ темпомъ, что никакіе планы уже не могли предотвратить роковой развязки.

Вручивъ Булгакову отвѣтъ Варшавскаго правительства на декларацію Екатерины II, Хрептовичъ сказалъ ему въ дружеской бесѣдѣ:

«Мы видимъ, что Пруссія насъ обманула, она натравила насъ на все и теперь измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись съ Россіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили войти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами. Я старался, сколько могъ.

---

[1]) Лучше перомъ, нежели оружіемъ, или путь къ переговорамъ съ ея величествомъ императрицей россійской.

По моимъ внушеніямъ король и теперь хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію россійской государыни и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россіей, а Іосифу Понятовскому и теперь велѣно избѣгнуть сраженія. Можно-ли надѣяться на то, что вы войдете съ нами въ переговоры?»

Булгаковъ отвѣчалъ: «Я не могу иначе войти съ вами въ переговоры, какъ на основаніи поданной мною декларації. Приму всякое ваше разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ» [1]).

Но время переговоровъ миновало. Въ тотъ самый день, въ который Булгаковъ вручилъ Варшавскому правительству декларацію, русскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой для того, чтобы поддержать протестъ императрицы противъ переворота 3-го мая.

В. В. Тимощукъ.

---

[1]) Костомаровъ, 448.

Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко.

Теплая душа Жуковскаго принимала полное участіе въ освобожденіи Шевченко [1]), и онъ, прежде всего, просилъ императрицу Александру Ѳеодоровну, чрезъ посредство своего питомца [2]), но это ему не удалось. Тогда Жуковскій, будучи въ хорошихъ и, можно сказать, дружескихъ отношеніяхъ съ Карломъ Брюловымъ, говоритъ ему:

— Напиши мой портретъ для добраго дѣла.—Я думаю, я его продамъ, а деньги заплатимъ за Шевченко.—Если не удастся это, то мы разыграемъ въ лотерею.

Брюловъ согласился, портретъ былъ написанъ. Когда портретъ былъ оконченъ, то пріѣзжаетъ къ Брюлову Михайло Юрьевичъ Віельгорскій и проситъ Брюлова указать лицо, которое бы написало копію.— Брюловъ указалъ въ то время на меня, и я копію исполнилъ за 1 тыс. руб. Послѣ того портреты были разыграны въ лотерею, собраны деньги. Оригиналъ Брюлова достался императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а мой портретъ поступилъ въ галлерею Третьякова въ Москвѣ подъ именемъ Брюлова, и когда я просилъ Третьякова, чтобы онъ снялъ имя Брюлова, то онъ не охотно на то соглашался, и я не знаю, исполнилъ-ли онъ мою просьбу или нѣтъ [3]).

---

[1]) Помѣщикъ просилъ за него 2.500 рублей.

[2]) Наслѣдника Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II.

[3]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ письмахъ В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. См. „Рус. Стар.“ 1902 г. № 4.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

VI [1]).

Время шло медленно въ пути и скучно для генеральши и Амаліи Ѳедоровны. У той и другой день-отъ-дня все больше и больше стали разстраиваться нервы, и онѣ капризничали, доходили до злости и измучили горничныхъ, которыя, какъ ни старались, никакъ не могли угодить на нихъ. Не скучали только Перепелкинъ и Клодочка, занятые, — кромѣ возникавшаго у нихъ другъ къ другу новаго, незнакомаго еще имъ чувства,— серьезными дѣлами: одна—усиліями—и небезуспѣшными — побѣдить природный недостатокъ въ выговорѣ, другой—стремленіемъ усвоить разговорный французскій и нѣмецкій языки и познакомиться съ англійскимъ. Генеральша охладѣла къ тому и другому дѣлу, даже къ чтенію, во время котораго нерѣдко засыпала, и потому оно прерывалось. Но Амалія Ѳедоровна оживала, какъ бы пробуждаясь отъ глубокаго летаргическаго сна, когда Перепелкинъ, въ случаѣ затрудненія со стороны Клодочки, обращался къ ней за разъясненіемъ нѣкоторыхъ особенностей англійской рѣчи. Развлеченіемъ, правда, весьма непріятнымъ, особенно для нескучающихъ и безъ того Перепелкина и Клодочки, послужило одно обстоятельство, вызвавшее цѣлую бурю со стороны генеральши и которое—не будь Клодочки—могло бы окончиться добровольнымъ отложеніемъ Перепелкина отъ этой компаніи.

Въ какомъ-то кушаньи ея превосходительство почувствовала недостатокъ или полное отсутствіе каперсовъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1904 г.

Позванъ былъ поваръ, который, хотя, повидимому, и порядочно уже клюкнулъ, но предсталъ предъ ея превосходительствомъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, правоты и положенія.

— Почему въ кушаньи нѣтъ капорцовъ? — сердито спрашиваетъ генеральша.

— Есть, сударыня, но мало! — отвѣчаетъ громко и выразительно профессоръ кулинарнаго искусства.

— Почему мало?

— Этого, сударыня, я не могу знать.

— Какъ ты не можешь знать?—горячится ея превосходительство.

— Мнѣ, при отъѣздѣ, дано столько, что теперь день-отъ-дня надо уменьшить порцію, потому что на проселкахъ ихъ не достать ни за какія деньги.

— Пошелъ вонъ, болванъ!

Думали, что тѣмъ все и кончилось; но это было только началомъ взрыва.

Пошла переборка всѣхъ, распеканье камердинера, лакея, горничныхъ, допросы: кто выносилъ продукты изъ кладовой, по чьему распоряженію, въ какомъ количествѣ и согласно-ли съ росписаніемъ.

Бросились искать росписанія, но опять таковаго не оказалось ни у генеральши, ни у камердинера. Пришлось обратиться къ Перепелкину, который, по совѣту добрѣйшаго и предусмотрительнаго Эдуарда Ивановича, всегда носилъ свое при себѣ.

— Каперсы, каперсы,—говорилъ, входя въ комнату, Перепелкинъ и ища глазами, гдѣ бы они значились въ росписаніи.

— Да не каперсы, а капорцы,—поправила сердито и придирчиво генеральша.

Перепелкинъ промолчалъ и продолжалъ искать.

— А вотъ они, наконецъ!—воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ, думая, въ простотѣ души, что ничего больше и не нужно, какъ только отыскать ихъ въ росписаніи.

— Капорсовъ взято...

— Да вы ихъ и назвать не умѣете!—злорадостно взвизгнула ея превосходительство:—чему тамъ васъ и учатъ въ бурсѣ!

— Однако жъ и Эдуардъ Иванычъ, ученый естественникъ, такъ ихъ называетъ въ своемъ росписаніи,—огрызался Перепелкинъ, замѣтно кипятясь:—и я думаю, что это названіе правильнѣе, чѣмъ «капорцы»—слово, очевидно, искаж...

— Подите вы съ вашею дурацкою ученостью Эдуарда Ивановича и вашею бурсацкою! — вскрикнула уже она, вся побагровѣвъ отъ злости.

Перепелкинъ положилъ на столъ росписаніе и вышелъ. Онъ на-

правился въ рощицу, которая виднѣлась не вдалекѣ отъ станціи, и весь отдался горькимъ-прегорькимъ думамъ. Послѣ тяжелаго раздумья, первой мыслью было остаться здѣсь, пока уѣдутъ, и продолжать путь въ N. пѣшкомъ, давъ генеральшѣ подписку, что истраченныя на его экипировку деньги онъ возвратитъ при первой возможности. Но зачѣмъ же ему направляться теперь въ N., когда письмо Степана Ивановича къ ректору академіи потеряетъ всякую силу послѣ этой исторіи?

Погруженный въ эти думы, онъ стоялъ, прислонившись головой къ дереву. Вдругъ кто-то, тихонько подкравшись сзади, мягкой нѣжной рукой закрылъ ему глаза. Онъ вздрогнулъ, но не отъ испуга: всѣмъ существомъ своимъ онъ сразу почувствовалъ вѣрно, чье прикосновеніе это было.

— Испугались?—обратилась къ нему Клодочка съ зардѣвшимися щечками и пожимая его горячую, дрожащую отъ волненія руку:—ради Бога, ради Бога, не сердитесь на тетушку! Увѣряю васъ, она предобрая женщина и, навѣрное, ужъ теперь болѣетъ душой и долго будетъ болѣть за невольное безразсудное оскорбленіе васъ. Я ее хорошо знаю. Она разъ и меня глубоко оскорбила, а когда я послѣ этого заболѣла, она чуть съ ума не сошла.

— Какъ же это было?—спросилъ Перепелкинъ, смотря въ ея прекрасные глаза и волнуясь отъ сладкаго, неизвѣданнаго еще имъ чувства.

— Пройдемтесь,—сказала она, не выпуская его руки:—видите-ли, ко мнѣ присватывался въ прошломъ году полковникъ Б., и я бы, навѣрное, и вышла за него замужъ, если бы въ скоромъ времени онъ совершенно не опротивѣлъ мнѣ вотъ чѣмъ. Въ первый пріѣздъ онъ понравился всѣмъ и мнѣ также, какъ человѣкъ живаго и веселаго характера. Онъ бойко разсказывалъ смѣшные анекдоты, отъ которыхъ мы всѣ то и дѣло хохотали. Во второй пріѣздъ онъ прожилъ у насъ три дня и все такъ же смѣшилъ, смѣялась и я, но не знаю, почему-то его хохотъ производилъ на меня сначала непріятное, а потомъ до болѣзненности тяжелое впечатлѣніе. Слушаешь, бывало, его,—смѣшно, а взглянешь на него, когда, раскрывъ широко свой ротъ и выставивъ свои прекрасные бѣлые зубы, онъ начнетъ какъ-то трескуче гоготать и захлебываться, чувствуешь что-то непріятное, а, наконецъ, даже полное отвращеніе. Когда я сообщила объ этомъ теткѣ, она меня поразила въ самое сердце, сказавъ: «тебѣ-ли, убогой калѣкѣ, разбирать женихов»! Это былъ грубый и тяжелый для меня намекъ на мой природный недостатокъ въ выговорѣ. Я заплакала и вышла на крыльцо. Это было во второй половинѣ октября, къ вечеру. Въ холодномъ воздухѣ чувствовалась сырость, которая насквозь стала пронизывать меня,

когда, усѣвшись на крыльцѣ, я задумалась надъ вопросомъ: кому же я-то лично и могу быть нужна, если родная тетка такого мнѣнія обо мнѣ? Женятся, конечно, не на мнѣ, а на моемъ богатомъ приданомъ. Долго-ли я тутъ сидѣла, когда ушла и что со мной потомъ было—я ничего не помню: у меня открылась горячка, съ какими-то особенными осложненіями, по мнѣнію докторовъ. Когда три знаменитости, выписанныя для моего лѣченія изъ губернскаго города, объявили мое положеніе безнадежнымъ, а тетка до того растерялась, что ходила, какъ помѣшанная, Эдуардъ Ивановичъ, не спрашивая уже ее, поскакалъ въ нашъ уѣздный городъ и привезъ оттуда молодаго врача-гидропата. Онъ спасъ мнѣ жизнь, обернувъ меня немедленно по пріѣздѣ въ мокрую замороженную простыню, за что и получилъ отъ тетки три тысячи рублей,—сколько ихъ оказалось тогда въ наличности дома,—да еще какихъ-то два банковыхъ билета, не знаю на какую сумму. Я не узнала ее, при первомъ побужденіи у меня сознанія—такъ измѣнилась она въ лицѣ: ввалившіяся щеки, синіе круги подъ глазами, мутный блуждающій взоръ—все свидѣтельствовало, что она изстрадалась и морально, и физически. Такъ видите-ли, значитъ, она не безсердечная эгоистка,—заключила Клодочка, выпуская руку Перепелкина, въ виду показавшейся издали, шедшей имъ навстрѣчу, Амаліи Ѳедоровны.

Что Александра Андреевна была не безсердечная женщина,—въ этомъ уже могъ убѣдиться лично и самъ Перепелкинъ изъ многихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ короткое время, но что она не чужда и самаго грубаго эгоизма, свойственнаго людямъ, избалованнымъ богатствомъ, положеніемъ, привычкой повелѣвать, угодливостью имъ окружающихъ—для наблюденія всего этого представлялись не одиночные факты, которые почти ежедневно и постоянно приводили на память Перепелкину простодушныя слова разбѣжинскаго приказчика, при возвращеніи ихъ изъ губернскаго города, по исполненіи порученія дамъ: «Потрафятъ-ли они на барыню: она-де горячая и не скоро отходитъ». Тѣмъ не менѣе природный умъ, замѣтно развитый большою начитанностію, потребность въ любви окружающей среды, составляющая принадлежность людей сердечныхъ, не успѣвшихъ еще зачерствѣть душевно,—дѣлали проявленіе ея и грубаго эгоизма менѣе чувствительнымъ по сравненію съ таковымъ же Амаліи Ѳедоровны.

Два дня не происходило чтенія и два дня, подъ предлогомъ недомоганья, генеральша обѣдала одна, въ отдѣльной комнатѣ. На третій тдень Перепелкинъ былъ приглашенъ занять мѣсто въ каретѣ, для исполненія своей прямой обязанности.

Генеральша очень внимательно отнеслась къ нему и попросила дочитать послѣднюю почту, полученную въ Сухаревкѣ.

— Вотъ завтра мы пріѣдемъ въ имѣніе Клодочки, въ которомъ

живетъ извѣстная всѣмъ бабушка Флора,—сказала она, обращаясь къ Перепелкину, когда тотъ закончилъ статью.

— Вы не вздумайте еще обижаться ея обращеніемъ, которое, пожалуй, подъ-часъ еще хуже, чѣмъ тамъ, у васъ, бываетъ въ бурсѣ,— продолжала она весело улыбаясь: — она, обыкновенно, всѣмъ говоритъ «ты», все равно губернатору, архіерею, фельдмаршалу; не прочь сказать: «не бреши, ледащо!» какъ однажды она прервала продолжительный разсказъ новой губернаторши, которая, впрочемъ, говорятъ, не поняла значенія этого неожиданнаго комплимента, а когда ей впослѣдствіи объяснили его, то она всячески избѣгала встрѣчи съ безцеремонной бабушкой Флорой. Но надо вамъ сказать, что она любитъ хохловъ и, навѣрное, будетъ заговаривать съ вами по-малороссійски, когда узнаетъ, что вы тоже хохолъ.

Чтобы окончательно изгладить въ душѣ Перепелкина непріятное впечатлѣніе своей грубой вспышки, она вступила въ подробные разспросы о его семейномъ положеніи, средствахъ къ жизни, даже полюбопытствовала узнать—извѣстно-ли его отцу, что онъ ѣдетъ съ ними, а когда Перепелкинъ, совершенно обезоруженный ласковымъ обращеніемъ и уже примиренный съ нею въ душѣ, сообщилъ ей, что онъ не только написалъ объ этомъ, но и денегъ до ста рублей послалъ отцу, то она поспѣшила заявить, что уже за одно это увеличитъ его жалованье.

— Я высоко цѣню,—говорила она,—такое нравственное отношеніе дѣтей къ родителямъ, да и вообще люблю, когда молодые люди съ пользой для себя или для другихъ употребляютъ деньги.

Хорошему настроенію генеральши немало также содѣйствовало случайное открытіе, что вторую опасную гать, о которой какъ-то позабыли и думать, вслѣдствіе случившихся передрягъ, вчера еще благополучно проѣхали, такъ что изъ господъ никто этого не замѣтилъ.

— Сегодня выдался для меня денекъ особенно счастливый,—сказала она, уже подъѣзжая къ станціи,—и здоровьемъ чувствую себя хорошо, и на душѣ покойно, и даже радостно, особенно, когда подумаешь, что всѣ эти предполагаемыя опасности путевыя миновались.

— Я вамъ сдѣлаю на сегодняшній вечеръ маленькое порученіе, которое—даже думаю—доставитъ вамъ удовольствіе,—обратилась она къ Перепелкину: сообщите, пожалуйста, Лампіусу, что я очень довольна его управленіемъ моими имѣніями и назначаю ему съ 1-го января нынѣшняго года по шести тысячъ рублей жалованья, кромѣ наградныхъ. Онъ тоже добрякъ и все отдаетъ своей матери на поддержаніе ея многочисленнаго семейства.

Клодочка отъ всего этого была въ восторгѣ и, вперивъ глаза на Перепелкина, какъ-бы говорила: вотъ видите-ли, не права-ли я была, сказавъ вамъ, что моя тетка—вовсе не безсердечная эгоистка!

Бабушка Флора, задолго извѣщенная и письмами съ дороги и за три часа ранѣе прибывшими поварами, со всѣмъ своимъ штатомъ встрѣтила гостей у крыльца.

Это была низенькая, худенькая женщина, весьма пріятной наружности, на видъ не очень старая, хотя Перепелкинъ и зналъ, что ей далеко за семьдесятъ лѣтъ. На головѣ ея было надѣто что-то похожее на турецкую красную феску, изъ-подъ которой выбѣгали сѣдые вьющіеся волосы. Штатъ ея составляли пять-шесть особъ женскаго пола, разнаго возраста, разнохарактерно и пестро одѣтыхъ, да толстый, претолстый мужчина, съ просѣдью въ волосахъ, одѣтый въ длиннополый коричневый сюртукъ, поверхъ котораго отъ шеи были намотаны большія пасмы разноцвѣтной вязальной бумаги. Тутъ же сновали подъ ногами десятка два разновидностей мелкой собачьей породы: длинношерстыхъ, лохматыхъ и совершенно голыхъ, длиннохвостныхъ, коротко-хвостыхъ и совершенно безхвостыхъ, острорылыхъ и тупорылыхъ. Всѣ нѣ принялись лаять, визжать, пищать и всячески проявлять свои индивидуальности.

Когда камердинеръ высадилъ изъ кареты генеральшу, бабушка Флора стремительно бросилась ей на шею и долго ее цѣловала.

— Мать ты моя, ты все въ ширь ползешь! Смотри, какъ-бы тебя не хватилъ кондрашка. Ты бы умѣряла свой аппетитъ и поменьше кушала,—говорила она, опять кидаясь на шею Александры Андреевны и крѣпко ее цѣлуя.

— А ты, моя сирота-красавица,—обратилась она къ Клодочкѣ, сжимая ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ, цѣлуя и въ очи, и въ уста, и въ шею, и потомъ разрыдалась, какъ ребенокъ.

— Я всѣ глаза проглядѣла, смотря на дорогу и поджидая васъ,—говорила она, не много успокоившись, но сильно растроганнымъ голосомъ.

— Теперь, Яковъ Антоновичъ, спой мнѣ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ»,—обратилась она къ мужчинѣ въ коричневомъ сюртукѣ и съ большими мотками разноцвѣтной вязальной бумаги на шеѣ.

Яковъ Антоновичъ откашлялся и густымъ басомъ очень выразительно пропѣлъ священную стихиру, аккомпанируемый пріятными женскими голосами.

Это происходило на дворѣ, у крыльца, гдѣ высадились гости.

Бабушка Флора, обратившись на востокъ, осѣняла себя широкимъ крестомъ и земно кланялась, пока продолжалось пѣніе. Затѣмъ, взявъ подъ руки Александру Андреевну и Клодочку, направилась въ комнаты, но, войдя въ залу, быстро выпустила ихъ и, обернувшись назадъ, проговорила: да, вѣдь, я еще не со всѣми твоими поздоровалась!

— А ты, нѣмчура, и не напомнила о себѣ? Или все еще держишься

бусурманскихъ обычаевъ и не цѣлуешься по нашему православному?—говорила она, цѣлуясь съ Амаліей Ѳедоровной. Вотъ потому-то, мать, ты и жениховъ себѣ не нашла; теперь развѣ за какого нѣмца управляющаго выйдешь замужъ, коли еще есть охота.

— А это что за молодецъ?—спросила она—смотря на Перепелкина;—нашего поля ягода?

Генеральша отрекомендовала ей Перепелкина.

— Семинаристъ, семинаристъ! Да, вѣдь, это сейчасъ видно: на лицѣ либо гордость напускная, либо уныніе жестокое,—сказала бабушка Флора, смѣясь.

Клодочка поспѣшила пояснить, что онъ малороссъ.

— Що-жъ ты, хлопче, не челомкаешься со мною?

Перепелкинъ, раскраснѣвшійся, конфузливо подошелъ къ ручкѣ.

— Ни, ни!—говорила она, торопливо отнимая руку:—ты цилюй мене, стару, прямо въ губы.

Перепелкинъ повиновался.

— А скажи, хлопчику, по правди, чи богацько извели на тебе лозы въ бурси? А може, коштувавъ и дрючья а-бо-й батижья, якъ утикавъ зъ бурсы?

— Ни, не коштувавъ я зъ роду ни того, ни другого, ни третьяго,—отвѣчалъ ободрившійся уже, къ великой радости Клодочки, Перепелкинъ: бо ни за що було, та-й не утикавъ я зъ бурсы.

— Ну, ты, хлопче моторный, якъ я бачу: стрывай-же, мы еще набалакаемся вволю: я тоби рада не такъ, якъ торшинему снигови.

Послѣдняя фраза, не понятая Клодочкой, нѣсколько смутила ее, и она, воспользовавшись моментомъ, когда бабушка Флора занялась представленіемъ гостямъ своей свиты, просила объяснить ея значеніе. Но Перепелкинъ, внимательно вслушивавшійся въ то, что говорила бабушка Флора о своихъ приживалкахъ, далъ наскоро такое неудовлетворительное толкованіе, что Клодочка стала подозрѣвать, не злой-ли иронією заключила бабушка свой разговоръ съ нимъ.

— Маринка, мать ты моя, умерла, какъ я тебѣ, кажется, писала, а ужъ какая пѣвунья была и свѣтскихъ и духовныхъ вещей, такой, пожалуй, и не сыщешь теперь нигдѣ,—говорила бабушка. Вотъ теперь у меня и Анна Васильевна поетъ хорошо, но только все божественное, особенно духовныя кантаты поетъ она съ Яковомъ Антоновичемъ такъ хорошо, такъ чувствительно, что, кажется, хоть камень будь, то расчувствуешься, ну, а свѣтскаго ничего не поетъ и не знаетъ. Теперь мой домъ такъ и зовутъ скитомъ: съ утра и до вечера ежедневно взываемъ къ Богу—кто съ горя, кто изъ страха смерти, кто скуки ради, кто, иной разъ, и съ пьяныхъ глазъ. Вотъ, мать моя, Яковъ Антоновичъ и Евфросинья Ивановна—прекраснѣйшіе люди по будиямъ, а ужъ

въ праздникъ—не взыщи—непремѣнно облудятъ—или наливочки, или перцовки налижутся и, вѣдь, срамъ: ссору учинятъ между собой, такъ что приходится ихъ запирать на ночь отдѣльно по кладовымъ.

— Это мы только для встрѣчи тебя попринарядились такъ пестро, а то у всѣхъ у насъ все черное, какъ у монахинь,—продолжала бабушка безостановочно. Вотъ это тебѣ рекомендую—Наталья Петровна,—указала она на старушку съ болѣзненнымъ лицомъ,—сорокъ лѣтъ жила въ счастіи и довольствѣ, но умеръ мужъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутилась въ нуждѣ и страшномъ горѣ. Сыновья все спустили—кто въ карты, кто на развратъ,—а мать, въ чемъ была, выгнали въ холодъ, въ мятель изъ дома. Одинъ изъ нихъ, какъ слышно, найденъ убитымъ около своей квартиры, по всей вѣроятности, какъ думаютъ, солдатами, съ которыми онъ обращался какъ лютый звѣрь; а другой пьетъ запоемъ и въ бѣлой горячкѣ чуть не зарѣзалъ своей жены, которая ночью съ грудным ребенкомъ бѣжала къ своему отцу.

Наталья Петровна разрыдалась. Яковъ Антоновичъ поспѣшно вынулъ изъ кармана камертонъ, ударилъ имъ объ ноготь большаго толстаго своего пальца и задалъ тонъ. Раздалось стройное пѣніе четырехъ голосовъ, дирижируемое Яковомъ Антоновичемъ.

— Это, мать моя, поютъ кантату, сочиненную Яковомъ Антоновичемъ въ день моего ангела и переложенную на музыку Натальей Петровной: она, вѣдь, отличная музыкантша.

Генеральша полюбопытствовала прослушать стихи въ чтеніи.

— Ну, Яковъ Антоновичъ, ударь себя въ грудь и продекламируй!—обратилась бабушка Флора къ автору кантаты.

Яковъ Антоновичъ,—изъ авторской-ли скромности или по другой какой причинѣ—заупрямился и не исполнилъ общаго желанія.

— Прочитай, душечка Фрося, ты,—обратилась бабушка къ Евфросиньѣ Ивановнѣ,—а ты, Яшка, ступай сейчасъ въ кладовую и не смѣй показываться на мои глаза, пока не потребую,—сказала она грозно своему панегиристу.

Евфросинья Ивановна, пожилая женщина, съ очень добродушной и пріятной физіономіей, кокетливо оправила кое-что въ своемъ туалетѣ, легонько кашлянула въ платокъ и, граціозно полузакрывъ свои черные выразительные глаза, съ паѳосомъ продекламировала:

Богоподобная жена!
Страшатся всѣ тебя напрасно—
И панъ, и рабъ, и попъ, и сатана:
Утѣшишь всякаго всечасно,
Кому какая скорбь дана.
Но врагъ людскаго рода,
Обманутый твоею добротой,
Напрасно ждетъ такого года,
Чтобъ быть вполнѣ утѣшену тобой.

— Вѣдь, вотъ, и умный человѣкъ, а упрямъ, какъ оселъ,—сказала бабушка по адресу Якова Антоновича, который тотчасъ шмыгнулъ въ переднюю, у дверей которой, идя, по приказанію своей патронессы, въ кладовую подъ арестъ, онъ остановился, чтобы послушать декламацію своихъ стиховъ.

— Съ этими стихами была цѣлая исторія,—обратилась бабушка къ генеральшѣ. Онъ написалъ сначала только одинъ куплетъ, а по смыслу-то выходитъ, что я утѣшаю и сатану. Какъ же это я утѣшаю сатану? спрашиваю я Яшку. Молчитъ. Я пригрозила кладовой. Это, говоритъ, я только для риемы пристегнулъ сатану. А самъ смотритъ винзъ и не можетъ на меня поднять глазъ. Врешь, говорю, по глазамъ вижу, что врешь. Да и риема дальше идетъ, въ четвертомъ стихѣ, а тотъ стихъ, гдѣ ты включилъ сатану, совсѣмъ и не нуженъ, потому что куплетъ долженъ состоять изъ четырехъ стиховъ. Смотрю, смутился Яшка—и что ты думаешь?· Вѣжалъ, вѣдь! И гдѣ пропадалъ цѣлыхъ двѣ недѣли,—мы и до сихъ поръ не знаемъ. Наконецъ, явился и подаетъ прекраснымъ почеркомъ переписанные стихи съ новымъ куплетомъ. Ну, чѣмъ же я тѣшу сатану, по-твоему, хоть не вполнѣ?—спрашиваю. «А тѣмъ,—говоритъ,—что вы одной рукой ласкаете—это утѣшаетъ людей, а другой ихъ же обижаете—это утѣшаетъ сатану». Значитъ, ты съ умысломъ употребилъ лишній стихъ? Отвѣта не было, и я ужъ больше и не настаивала на немъ.

— Ну, теперь ступайте до обѣда въ садъ да захватите ужъ по дорогѣ и арестанта, а я съ Сашей потолкую о дѣлахъ,—сказала бабушка Флора.

Всѣ тотчасъ же тронулись подъ предводительствомъ Анны Васильевны, лучшей пѣвицы духовныхъ кантатъ.

Проходя по длинному корридору, со множествомъ дверей направо и налѣво, Евфросинья Ивановна постучалась въ одну изъ нихъ и громко сказала: выходите, отшельникъ, васъ простили.

— Правда?—послышался голосъ Якова Антоновича.

Чрезъ минуту онъ былъ уже въ саду, но не присоединился къ группѣ гуляющихъ, а занялся внимательнымъ осмотромъ цвѣтниковъ, которые, подобно островкамъ, разбросаны были по разнымъ направленіямъ сада и уходъ за которыми, по замѣчанію дамъ, составлялъ любимое его занятіе.

Клодочка успѣла сообщить Перепелкину, что Яковъ Антоновичъ былъ когда-то давно учителемъ рисованія и каллиграфіи въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, но за пьянство былъ удаленъ изъ службы, надѣлалъ дерзостей начальству и могъ бы серьезно пострадать за нихъ, если бы не вступилась за него бабушка, у которой съ тѣхъ поръ онъ и поселился.

— Вы, какъ видно, любите цвѣты,—сказалъ онъ, подходя къ Якову Антоновичу и привѣтствуя его поклономъ.

— Такимъ субъектамъ, какъ я, нѣтъ и не можетъ быть выбора для любви и нелюбви, а только для воловьяго терпѣнья...

Онъ, повидимому, не окончилъ фразы и, въ поискахъ за подходящимъ словомъ, какъ-то сурово взглянулъ на Перепелкина и замолчалъ, поминутно обрывая увядшіе листики и цвѣты и отбрасывая ихъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ въ сторону.

Перепелкинъ занялся тѣмъ же, въ надеждѣ возобновить разговоръ.

Подошла Клодочка и напомнила Якову Антоновичу, что она не забыла его, хотя и видѣлась съ нимъ чуть-ли не семи лѣтъ отъ роду.

— Вотъ именно, потому-то, сударыня, и не забыли, что видѣли въ такомъ возрастѣ, въ которомъ еще не разбираютъ людей по рангамъ,— сказалъ онъ съ оживленіемъ и даже улыбаясь. Сиръ и убогъ я для того, чтобъ помнить меня людямъ постарше возрастомъ.

— Однако жъ, года три тому назадъ, мы были съ теткой въ губернскомъ городѣ почти на всѣхъ балахъ, и тамъ многіе изъ бывшихъ вашихъ учениковъ, офицеры и чиновники, разспрашивали насъ, какъ вы поживаете у бабушки Флоры.

— Ну бывшіе гимназисты, можетъ быть, и дѣйствительно интересовались, а бывшіе кадеты... такъ себѣ... больше для того, чтобы имѣть предлогъ къ разговору.

— Почему бы вамъ, Яковъ Антоновичъ, не послужить еще въ другомъ какомъ городѣ?—сказалъ Перепелкинъ.

— На это «почему» можно бы отвѣчать многими «потому», но я ограничусь только двумя: слабъ волей и характеромъ. Только здѣсь я, въ рукахъ бабушки, и могу походить на человѣка. Она шутить не любитъ. Вонъ Приську-то, свою любимую кантаторшу, недѣли три назадъ, за наливочку, которой ужъ очень часто она стала до безобразія нализываться, она собственноручно въ своей комнатѣ такъ отстегала березовыми, что, я думаю, и теперь рубцы не зажили.

— Какую это Приську?—спросила Клодочка.

— Ну, Евфросинью Ивановну, что читала мои стихи. Эта тоже, что и я, безъ надзора погибла бы. Слаба, значитъ, какъ и я, характеромъ и волею. Да и несчастья, правда, перенесла она столько, что удивляться надо, какъ сохранилась еще у человѣка любовь къ жизни. Оставшись сироткой на третьемъ году жизни, она попала подъ опеку звѣроподобныхъ родныхъ, которые, какъ всѣмъ было извѣстно, только о томъ и думали, какъ бы ее извести и воспользоваться ея богатымъ наслѣдствомъ, а когда это не удалось, то они поспѣшили ее, едва достигшую 16 лѣтъ, выдать замужъ, предварительно, разумѣется, огра-

бивъ и доведя до послѣдняго разоренія ея имѣнія. Штабсъ-капитанъ Фигнеръ, осчастливившій сиротку своимъ именемъ, въ три года спустилъ всѣ оставшіяся имѣнія тѣмъ же роднымъ за безцѣнокъ, а жену неслыханными тиранствами довелъ до полнаго сумасшествія и, засадивъ ее въ домъ умалишенныхъ, самъ отправился искать себѣ счастья по бѣлу свѣту, и гдѣ нынѣ обрѣтается, Господь вѣдаетъ. Разсказы объ ея несчастіяхъ составили бы цѣлую эпопею и очень поучительную, но и способную, правда, подорвать всякую вѣру въ человѣка. Лучшимъ и примиряющимъ эпизодомъ въ этой эпопеѣ былъ бы только пріѣздъ за 700 верстъ, въ губернскій городъ Болотный, какой-то никому невѣдомой бабушки Флоры, съ единственною цѣлію выручить совсѣмъ незнакомую ей несчастную личность, надъ которою, по слухамъ, разразились всевозможные ужасы людского варварства или, лучше сказать, звѣрства самаго дикаго, плотояднаго.

Клодочку, которая вся обратилась въ слухъ и вниманіе, потребовали въ горницу. Яковъ Антоновичъ замолчалъ и съ прежнимъ ожесточеніемъ принялся обрывать завядшіе цвѣты и листы.

— Что жъ эта Евфросинья Ивановна дѣйствительно была въ сумасшествіи, или же такъ запрятали въ сумасшедшій домъ, чтобъ только сбыть куда-нибудь?—спросилъ Перепелкинъ, наконецъ, видя, что Яковъ Антоновичъ, повидимому, и не думаетъ продолжать съ нимъ бесѣду, которую онъ такъ воодушевленно велъ при Клодочкѣ.

Яковъ Антоновичъ внимательно посмотрѣлъ на Перепелкина, приподнялъ и оправилъ опустившійся на землю, но не увядшій еще цвѣтокъ, и наконецъ заговорилъ:

— По-моему, она и теперь еще не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, отчего и проявляется у нея подчасъ необыкновенное пристрастіе къ наливочкѣ. Ну, да бабушка отучитъ отъ этой слабости хоть кого.

— Удивительна для меня эта бабушка Флора,— замѣтилъ Перепелкинъ, сильно заинтересованный продолженіемъ разговора и боясь, какъ бы Яковъ Антоновичъ совсѣмъ не замолчалъ.

— Въ какомъ же это смыслѣ она удивительна для васъ?—спросилъ Яковъ Антоновичъ, вперивъ въ своего собесѣдника большіе черные глаза.

— А въ томъ, что, съ одной стороны, ея боятся, какъ будто недобраго существа, а съ другой—видишь, что на самомъ дѣлѣ она предобрѣйшая женщина.

— Да, она, дѣйствительно, очень добрая женщина, и признать это не помѣшаютъ ни блажь, ни нѣкоторое юродство, ей свойственныя, къ которымъ, можетъ быть, она и прибѣгаетъ только для достиженія добрыхъ цѣлей.

— Да неужели же прямымъ путемъ нельзя достигать добрыхъ цѣлей?

— Какъ это прямымъ путемъ?

— Ну, не прибѣгая къ юродству, не маскируя своихъ намѣреній, не насилуя чужой воли...

— Еще что?—перебилъ Яковъ Антоновичъ, строго смотря на юношу.

— Однимъ словомъ, дѣйствуя всегда по совѣсти и справедливости,— закончилъ Перепелкинъ, нѣсколько сконфуженный.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Да вотъ почти двадцать лѣтъ.

— Молодо—зелено! Я вотъ именно по причинѣ такихъ не прикрытыхъ добродѣтелей и былъ выброшенъ за бортъ, а теперь, какъ видите, до того подчинился чужой волѣ, что безпрекословно иду, по командѣ бабушки, подъ арестъ и не жалуюсь на насиліе, потому что на кой чортъ такимъ людямъ, какъ я и Приська, своя воля, когда мы пропьемъ ее въ нѣсколько мѣсяцевъ и загубимъ себя. Безпремѣнно загубимъ!— повторилъ Яковъ Антоновичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Пугаетъ меня жизнь при такихъ условіяхъ! — невольно и искренно сорвалось у Перепелкина.

— Да, батенька, жизнь прожить—не поле перейдти, справедливо говорится. Никогда не забуду тѣхъ ехидныхъ и жесткихъ подвоховъ, какіе мнѣ дѣлались на службѣ только потому, что я имѣлъ наивность честно относиться къ своему дѣлу и вѣрить въ справедливость людей. Вотъ, вѣдь, два равноправныя, повидимому, учебныя заведенія—корпусъ и гимназія, а какая между ними огромная разница!—продолжалъ, воодушевляясь, Яковъ Антоновичъ,—въ первомъ, напримѣръ, прочитаешь инструкціи о воспитаніи или программы и указаніе методовъ преподаванія—Господи, подумаешь, какая тутъ должна процвѣтать нравственность и образованность! А на самомъ-то дѣлѣ выходитъ фокусъ-покусъ. Во второй же все это просто и немногословно, а на дѣлѣ сколько образцовъ того и другаго, хотя во главѣ заведенія тоже, большею частью, стоитъ какой-нибудь отставной военный. Вотъ вы и разбирайте тутъ. Видно ужъ, таково свойство корпоративнаго духа, что онъ въ состояніи переработать иногда и чужаго человѣка на свой ладъ.

— Но какъ же программы... вѣдь программы же выполняются?— наивно спросилъ Перепелкинъ.

— Да развѣ трудно какую угодно программу выполнить формально? Да это еще что! Въ нихъ, ради эффекта, заносятся иногда и такія вещи, до разрѣшенія которыхъ не додумались еще даже представители науки. Пріѣхалъ, говорятъ, знаменитый естествоиспытатель Александръ Гумбольдтъ въ Петербургъ и, по приглашенію начальства, посѣтилъ корпусъ какой-то. «Счастливо ваше юношество,—сказалъ онъ съ улыб-

кой, пробѣжавъ въ классѣ программу по естественной исторіи,—оно будетъ знать и то, чего я до сихъ поръ никакими усиліями не могъ разрѣшить себѣ».

— Пожалуйте, господа кавалеры, обѣдать,—крикнула съ крыльца Евфросинья Ивановна, къ великому неудовольствію Перепелкина, жаждавшаго выслушать поучительную исторію всѣхъ служебныхъ похожденій несчастнаго Якова Антоновича.

Обѣдъ начался и закончился стройнымъ пѣніемъ подобающихъ молитвъ. Бабушка, съ искреннимъ благоговѣніемъ помолившись на образа, захлопоталась, какъ усадить дорогихъ гостей, Александру Андреевну и Клодочку. Сначала она посадила ихъ возлѣ себя одну съ правой стороны, другую съ лѣвой.

— Ахъ, что-жъ это я дѣлаю, глупая!—вскрикнула она тотчасъ же: вѣдь, я и забыла, что лѣвымъ-то глазомъ я ужъ плохо вижу. Сядь, моя милая, ненаглядная моя, напротивъ меня,—обратилась она къ Клодочкѣ:—чтобъ я поминутно имѣла тебя предъ глазами. Вѣдь, я еще не налюбовалась тобою,—сказала она съ такою задушевностью, что у многихъ проступили слезы на глазахъ.

— А признайся, хлопче, часто получалъ тумаки отъ Смарагда?—обратилась бабушка за столомъ къ Перепелкину.

— Нѣтъ, тумаковъ не получалъ.

— Ну, и повоевала же я съ нимъ изъ-за одного попика. Слышу, въ Милюжкѣ, говорятъ, попа сняли съ петли и чуть отводили. Что такое. Да, говорятъ, консисторія преслѣдуетъ его и вотъ уже четвертый годъ гоняетъ его съ мѣста на мѣсто, одно хуже другаго. Семейства у него десять душъ, обнищалъ кругомъ, ну, и повѣсился. Почти замертво снятъ. Правда все это? спрашиваю исправника. Хоть образъ, говоритъ, снимайте: клятвенное подтвержденіе дамъ. Лечу въ городъ и прямо къ Смарагду. Что ты, говорю, вѣруешь въ Бога? Онъ выпучилъ на меня глазища и руки развелъ. Что, говорю, не за сумасшедшую-ли меня принимаешь? Нѣтъ, я не сумасшедшая, а изъ тѣхъ, которыя по поступкамъ судятъ о томъ, кто вѣруетъ и кто не вѣруетъ въ Бога, а не потому, кто носитъ рясу, а кто зипунъ. Ты зачѣмъ, говорю, позволяешь воровской твоей консисторіи такъ обижать людей, что имъ не въ моготу становится жить и они прибѣгаютъ къ петлѣ? Расфыркался, какъ-де смѣть государственное учрежденіе такъ порочить. Не фыркай, говорю, а то все отпишу вашему полковнику (такъ я все еще зову ихъ военнаго командира, Протасова)—а не то и самому государю, тогда, пожалуй, придется и самому еще тебѣ посидѣть на покаяніи въ какомъ-нибудь захолустномъ монастырѣ. Вѣдь, твой секретарь консисторскій ужъ третій каменный домъ строитъ, а чей онъ сынъ? Дьячковскій. Ну, объяснились. Обѣщалъ все повернуть

и поправить дѣло. Дѣйствительно, священнику далъ хорошій приходъ, на которомъ онъ и теперь живетъ. Но я наплакалась, когда, на обратномъ пути, нарочно сдѣлала крюкъ, чтобъ посмотрѣть самой и воочію убѣдиться, дѣйствительно-ли нужда привела къ петлѣ, а не другое что. Было это зимой. Деревню занесло снѣгомъ. Гдѣ попъ живетъ? спрашиваютъ мои люди. Указали убогую избенку, не огороженную, безъ двора. Я велѣла скорѣй высадить меня изъ возка, чтобы застать всѣхъ и все въ расплохъ. Захожу въ избу. Куча дѣтей, очень маленькихъ, отъ 2 до 10 лѣтъ, стоятъ у печки и запекаютъ на углѣхъ картошку. Маленькая дѣвочка, не старше года, сидитъ въ рубашонкѣ на голомъ полу и муолитъ мякишъ чернаго хлѣба. Гдѣ жъ ваши папа и мама? спрашиваю. Папа ушелъ на требы, а мама къ сосѣдямъ попросить молочка для Ленки—указали дѣти на дѣвочку. Попа я не стала дожидаться, но попадью обрадовала и помогла. За Леночкой каждый годъ лѣтомъ посылаю лошадей, и въ это лѣто она прогостила у меня съ половины мая и почти до вашего пріѣзда. Хорошенькая дѣвочка становится.

— Ну, а скажи мнѣ, хлопче,—спрашивала неугомонная бабушка Перепелкина,—кто это изъ замѣчательныхъ людей выразился, что если бы и не было Бога, то его слѣдовало бы выдумать, иначе человѣкъ былъ бы хуже и лютѣе самаго лютаго звѣря?

Перепелкинъ ничего подобнаго никогда не слыхалъ и потому молчалъ и только раскраснѣлся.

— Ну, васъ тамъ, въ бурсѣ, воспитываютъ, какъ красныхъ дѣвушекъ: начиняютъ всякими тонкостями, а существеннаго ничего не даютъ. Неужели ничего не слыхалъ о знаменитомъ энциклопедистѣ Дидеро и его «Pensées philosophiques»?

— Да, вѣдь, это не Дидеро сказалъ, а Вольтеръ,—замѣтила Александра Андреевна.

— Нѣтъ, милая, не спорь: это сказалъ Дидеро! Я и карандашомъ подчеркнула это мѣсто у себя.

— Да и я могу даже припомнить приблизительно страницу, гдѣ это сказано у Вольтера.

— Ну, спорщица, вотъ тебѣ пари: если твоя будетъ правда, я обязываюсь сдѣлать для тебя все, чего бъ ты ни пожелала, лишь бы только было возможно для меня; но если окажется моя правда, то, во-1-хъ, ты обязываешься теперь прогостить у меня никакъ не менѣе двухъ недѣль, во-2-хъ, пріѣзжать изъ города ко мнѣ еженедѣльно на два дня. Идетъ пари?

— Идетъ, но вы проиграете,—самоувѣренно сказала, улыбаясь, Александра Андреевна:—если вы и отмѣтили у Дидеро такую фразу, то, навѣрное, это была цитата, приведенная изъ Вольтера.

— Махни-ка, хлопчику, въ мою библіотеку,—обратилась бабушка къ Перепелкину: тамъ во второмъ шкапу отъ дверей найдешь ты всѣхъ французскихъ энциклопедистовъ. Переберя Дидеро, тамъ увидишь помѣтки, сдѣланныя мною карандашомъ. Принеси сюда тотъ томъ, въ которомъ найдешь спорную между нами фразу.

Помѣтокъ у Дидеро было много, но требуемой фразы между ними не оказывалось. Перепелкинъ нашелъ Вольтера и сталъ перелистывать его сочиненія, гдѣ тоже были помѣтки карандашомъ. Онъ такъ углубился въ чтеніе, что и не слыхалъ, какъ въ библіотеку вошла Клодочка, подкралась къ нему сзади и повторила продѣланный уже разъ надъ нимъ маневръ, закрывъ рукой ему глаза. Перепелкинъ вздрогнулъ и такъ быстро и неловко повернулъ голову, что коснулся лица шалуньи, и уста молодыхъ людей невольно слились въ поцѣлуй, послѣ чего оба, переконфуженные и перепуганные такимъ неожиданнымъ казусомъ, дрожащими отъ волненія руками стали перебирать книги. Вошла Бланка, и, вѣроятно, отъ ея вниманія не ускользнула нѣкоторыя растерянность молодыхъ людей, не совладѣвшихъ съ собой.

— Что это васъ не могутъ дождаться никакъ?—сказала она, жестоко, по обыкновенію, коверкая русскія слова, и ехидно, съ злобной улыбкой посматривая то на одного, то на другую.

Провинившіеся молчали, но еще усерднѣе стали перелистывать,— кто Дидеро, кто Вольтера. Между тѣмъ разгоравшаяся краска на лицахъ предательски выдавала ихъ обоихъ опытной, по всей вѣроятности, въ этихъ дѣлахъ старой дѣвѣ, которая, какъ бы на зло, положительно не сводила съ нихъ глазъ.

Но вотъ раздалось пѣніе молитвъ—значитъ, обѣдъ кончился. Послышались шаги многихъ, идущихъ по корридору. Это шла бабушка подъ руку съ Александрой Андреевной, сопровождаемыя всей свитой людей, разновидныхъ собакъ и кошекъ. Бабушка собственноручно несла на тарелкѣ пирожное для своей любимицы.

— Что не нашли?—крикнула она, переступая порогъ библіотечной комнаты.

Бланка многозначительно взглянула на Александру Андреевну, которая, очевидно, поняла этотъ взглядъ и начала пристальнымъ взоромъ фиксировать молодыхъ людей, а они безбожно выдавали сами себя, краснѣя и обнаруживая крайнюю растерянность.

— Ну, ты, землякъ,—обратилась бабушка къ Перепелкину: ступай въ столовую и продолжай обѣдъ, на чемъ остановился; а ты, моя голубка, покушай своего любимаго пирожнаго,—нѣжно говорила она разрумянившейся Клодочкѣ:—сама несу, я, вѣдь, не забыла твоего вкуса. Вишь, какъ бросилась угодить нетерпѣливой бабушкѣ! Да, видно, и

молодые глаза не всегда находятъ то, что нужно,—продолжала бабушка держа любимицу за подбородокъ и покрывая ея лицо поцѣлуями.

VII.

Странно чувствовалъ себя Перепелкинъ весь остальной день. Случайный, совершенно неожиданный, дѣвственный поцѣлуй обожаемаго имъ существа вскипятилъ ему кровь. Онъ какъ-бы замеръ на одномъ чувствѣ сладостнаго упоенія этимъ поцѣлуемъ.

Мысль не работала. Ни стремленій, ни желаній впереди. Только изрѣдка наносилось не то желаніе, не то дума: хоть умереть сейчасъ съ этими ощущеніями, не повторится-де подобное мгновеніе.

Призванный, по окончаніи своего обѣда (до котораго онъ, впрочемъ, и не дотрогивался, а такъ только просидѣлъ за столомъ, чтобы исполнить желаніе бабушки)—для исполненія своихъ обязанностей, прочтеніемъ только-что полученной на имя Александры Андреевны почты, онъ представлялъ удобную и вѣрную мишень для наблюдательныхъ глазъ. А таковыми оказались глаза старшихъ его спутницъ, Амаліи Ѳедоровны и настроенной ею Александры Андреевны, отъ проницательности которыхъ не ускользнули ни нѣкоторая торжественность въ лицѣ и взорѣ молодаго человѣка, ни порывистая страстность тона, съ которымъ онъ прочелъ заинтересовавшій всѣхъ разсказъ такъ увлекательно, что бабушка подошла къ нему, трижды поцѣловала его и перекрестила.

— Такъ, хлопчику, гарно читаешь ты, що якъ-бы ще трошки, то я бъ и нюни распустила,—проговорила она съ чувствомъ.

Клодочка не смѣла глазъ поднять на него, интинктивно чувствуя наблюдательность тетокъ надъ собой и боясь выдать его и себя.

Подчасъ даже казалось, что и бабушка смекала, что между молодыми людьми произошло нѣчто особенное.

— Какъ хорошо читаетъ вашъ галушникъ!—говорила она, послѣ поцѣлуя его, подходя къ Клодочкѣ и смотря ей пристально въ глаза.

— Да гдѣ ты, Саша, выкопала его?

— А я нашла его въ камышахъ, въ корзинкѣ, какъ Фараонова дочь Моисея,—говорила, смѣясь, Александра Андреевна, но такимъ смѣхомъ, который для всякаго, знающаго ее, могъ казаться недобрымъ.

На другое утро Перепелкинъ еще спалъ, когда чья-то тяжелая неуклюжая рука опустилась вдругъ ему на грудь.

— Вставайте, господинъ, вамъ надо сейчасъ ѣхать въ городъ, по

приказанію барыни,—говорилъ камердинеръ, проводя своей шершавой рукой по разстегнутой груди изумленнаго Перепелкина:—онѣ долго еще будутъ почивать, а вотъ записка, которую онѣ вчера съ вечера велѣли вамъ отдать, когда проснетесь.

Въ запискѣ, наскоро набросанной карандашомъ, значилось: «Будьте любезны, Савва Павловичъ (какъ трудно, подумаешь, большимъ барамъ справляться съ плебейскимъ именемъ,—пробурчалъ Савва Саввичъ), съѣздите съ людьми въ городъ и устройте приготовленную тамъ для насъ квартиру, согласно инструкціямъ, словесно мною даннымъ камердинеру. Остальное въ другомъ письмѣ, которое онъ вамъ передастъ. До свиданья! Всегда доброжелательная вамъ Александра Бланквистъ».

Въ другомъ письмѣ, которое приказано было передать въ городѣ, говорилось: «Добрый и хорошій Савва Петровичъ! (А все-таки не Саввичъ,—сердито проговорилъ Перепелкинъ). Вы настолько умны и честны, что ни распространяться слишкомъ на счетъ моего рѣшенія временно удалить васъ отъ себя, ни оправдываться въ немъ передъ вами я не нахожу надобности. Между вами и моей племянницей, по наблюденію Амаліи Ѳедоровны, да отчасти и по моему личному, завязываются тѣ симпатичныя отношенія, которыя неминуемо приводятъ или къ браку, или къ паденію. Первый и не мыслимъ для васъ, какъ вы сами хорошо понимаете, ни по лѣтамъ, ни, главное, по вашему общественному положенію. А втораго,—я увѣрена,—и сами не пожелаете, какъ человѣкъ (припоминаю ваши слова), поставившій себѣ цѣлію слѣдовать высоко-нравственнымъ и благороднымъ стремленіямъ. Прилагаемые при семъ сто рублей на ваши личныя потребности (на столъ вамъ и людямъ деньги особенно даны камердинеру) обезпечатъ васъ во всемъ до нашего пріѣзда, который состоится не раньше двухъ недѣль. Всегда готовая къ вашимъ услугамъ и доброжелательная вамъ Александра Бланквистъ».

По пріѣздѣ въ городъ осмотрѣвъ внимательно всѣ комнаты и разспросивъ всѣхъ людей, что они, съ своей стороны, нашли неудобнаго, но устранимаго до пріѣзда генеральши, Перепелкинъ принялся за письма къ ней.

Дѣловая сторона исчерпана была скоро, но возраженія противъ опасеній Александры Андреевны за сближеніе молодыхъ людей никакъ на давались, а потому онъ ограничился извѣщеніемъ ея только о томъ, что уже готово въ нанятой для нея квартирѣ и что предстоитъ приготовить къ ея пріѣзду, согласно ея инструкціямъ письменнымъ и словеснымъ.

Оставшіеся съ Перепелкинымъ люди оказались очень внимательными къ нему и даже предупредительными. Вскорѣ выяснилась и причина того и другаго.

— Что вамъ, барчукъ, приготовить сегодня къ завтраку?—пришелъ спросить поваренокъ Павлуша, украшенный бѣлыми, какъ снѣгъ, фартукомъ и колпакомъ.

— Мнѣ все равно, что для себя приготовите, то мнѣ и подадите.

— Нѣтъ, мы вашей милости всѣ—и Груня, и комендинеръ, и я желали бы угодить во-какъ,—показалъ онъ руками.

— Зачѣмъ же такъ?

— А вотъ какъ бы, ваша милость, подучили всѣхъ насъ грамотѣ, пока господа пріѣдутъ въ городъ. Мы ужъ маленько маракуемъ — кто что: комендинеръ цыфирь знаетъ, Груша разбирать живети, арцы, люди, мыслети, а, може, еще что, а я, со словъ Терентьича, на память выучилъ всю, что ни есть, азбуку.

И, въ доказательство того, онъ принялся читать ее, но сбился подъ конецъ на буквахъ: укъ, оникъ, фертъ, и такъ переконфузился, что готовъ былъ заплакать.

— Я съ большимъ удовольствіемъ готовъ заниматься съ вами хоть по цѣлымъ днямъ,—сказалъ Перепелкинъ, обрадовавшись тому, что нашлось развлеченіе отъ гнетущей его тоски.

Груня и Павлуша оказались замѣчательно способными людьми: въ шесть дней они уже безошибочно разбирали и писали буквы, а чрезъ двѣ недѣли, хотя медленно, но сносно читали, такъ что Александра Андреевна, по пріѣздѣ, проэкзаменовавъ ихъ лично, не могла надивиться ихъ понятливости. Не то было съ почтеннымъ по лѣтамъ камердинеромъ. Онъ отличался такою непонятливостью, что, при величайшемъ своемъ усердіи и воловьемъ терпѣніи, въ двѣ недѣли едва достигъ умѣнья разбирать буквы, да еще, какъ бы въ награду за это, сталъ путаться въ цыфири, которую зналъ прежде, а подъ конецъ совсѣмъ разучился разбирать ее.

— Что это, сударь, со мной дѣлается, и самъ понять не могу,—жаловался онъ Перепелкину, сокрушительно качая головой:—бывало, прежде не токма одну цыфирку, а и съ коликомъ всякую разберу, а нонѣ хоть убей, все перепуталось въ проклятой головѣ.

Такъ и пришлось его оставить безъ цыфири и безъ буквъ, изъ опасенія, чтобъ отъ напряженія головы не сдѣлалось воспаленіе мозга.

Побудительной причиной такого рвенія всѣхъ этихъ людей къ книжному дѣлу, по словамъ Павлуши, былъ разсказъ Груни о томъ, что бабушка чуть не расплакалась отъ чтенія Перепелкина и трижды поцѣловала его за это.

Но проявленная ими за это короткое время любознательность свидѣтельствовала вмѣстѣ съ тѣмъ и о другой, болѣе существенной причинѣ, именно жаждѣ знанія, присущей и темнымъ людямъ. Только и

слышались вопросы: «Да гдѣ живутъ люди съ песьими головами? На чемъ земля стоитъ? Скоро-ли всѣ звѣзды перепадаютъ на землю? И правда-ли, что тогда и конецъ свѣта наступитъ»?

— А вотъ комендинеръ господъ Безпаловыхъ въ прошедшемъ году сказывалъ,—говорилъ самоувѣренно поваренокъ Павлуша, что всѣ цари земные, сколько ихъ ни на есть, просились въ подданство Рассеи, но нашъ батюшка-царь, Николай Павловичъ всѣмъ имъ отказалъ.

— Потому, примѣты есть,—еще самоувѣреннѣе замѣтилъ камердинеръ генеральши:—конецъ міра скоро будетъ, а съ ними, басурманами, только нагрѣшишь.

Отрицательныя разъясненія Перепелкина, повидимому, не утверждали ихъ въ противоположныхъ мысляхъ.

Груню занимали другіе вопросы: гдѣ течетъ живая вода, отъ которой и старость проходитъ, и мертвый воскреснетъ, если только не сгнилъ еще, а какъ сгнилъ уже совсѣмъ, тогда ничего не подѣлаешь,— наивно увѣряла она, обводя глазами компанію учащихся. Когда дошло дѣло до чертей, то оказалось, что въ ихъ деревнѣ нѣтъ ни одного мужика или бабы изъ взрослыхъ, которые такъ или иначе не видѣли бы ихъ. На увѣренія Перепелкина, что это такъ только всѣмъ имъ казалось, всѣ съ жаромъ протестовали.

— Казалось! Помилуйте, сударь,—съ несвойственною ему живостію говорилъ камердинеръ:—на Святой, разговѣвшись, прилегъ я соснуть въ кладовой. Слышу, кто-то тянетъ съ меня шубу—а кладовую, замѣтьте, заперъ я изнутра—я кричу: кто тутъ? А онъ, шельма, хвостомъ меня по губамъ, знай все по губамъ да по губамъ—это, значитъ, стираетъ христосованье... такъ-таки продъ и стеръ окончательно. А потомъ какъ навалится мнѣ на грудь, такъ ужъ я и не помню, какъ я всталъ. Вотъ оно, кажется—заключилъ камердинеръ, съ самодовольствіемъ смотря на всѣхъ.

— А то такъ ночью, передъ заутреней, въ Пасху,—говорилъ съ воодушевленіемъ Павлуша:—подбѣжитъ къ одному углу, гдѣ горитъ лампадка, къ другому, къ третьему, и все тукъ, тукъ, тукъ — стучитъ, значитъ, костлявой лапой. Не любитъ, ухъ! какъ не любитъ этихъ лампадокъ: однова, подъ Крещенье, пять разъ тушилъ лампадку у пономаря, пока не сдогадались поставить въ уголъ крестъ.

Александра Андреевна во всемъ отличалась аккуратностью и ровно чрезъ двѣ недѣли, какъ назначила, прибыла въ городъ. Свиданіе Перепелкина съ нею, съ Амаліей Ѳедоровной и Клодочкой, на первыхъ порахъ, повидимому, не обнаружило никакой перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Осмотрѣвъ комнаты и найдя, что всѣ ея инструкціи, какъ письменныя, такъ и переданныя черезъ людей, выполнены пунктуально въ

точности, Александра Андреевна выразила Перепелкину полное свое удовольствіе.

Первый день прошелъ, какъ и прежде: было чтеніе, обѣдали вмѣстѣ, послѣ обѣда пили кофе въ гостиной и перебирали новости дня, газетныя и домашнія. Затѣмъ этотъ порядокъ измѣнился, и было ни то, ни се, пока, наконецъ, не установился новый, совершенно не похожій на прежній, и поставившій Перепелкина въ изолированное положеніе. Первые два дня генеральша сама визитировала, вмѣстѣ съ м аліей Ѳедоровной и Клодочкой, затѣмъ нѣсколько дней сряду принима л а у себя визиты другихъ, и Перепелкинъ не только не былъ приглашенъ на дамскую половину для чтенія, но и чай, завтракъ, обѣдъ кофе и ужинъ были присылаемы ему въ его комнату. Этой перемѣной можетъ быть, и дѣйствительно случайной, какъ выражалась генеральша, по словамъ Груни, онѣ все-таки воспользовались, чтобъ и на будущее время Перепелкинъ являлся во внутренніе аппартаменты только по ея приглашенію, для исполненія своихъ обязанностей.

Между тѣмъ каникулы подходили къ концу, начали съѣзжаться уже нѣкоторые студенты академіи. Перепелкина стала безпокоить мысль, какъ бы не затянулъ дѣло отецъ ректоръ и тѣмъ не помѣшалъ ему пристроиться, къ началу учебнаго года, въ академію или въ университетъ.

Пользуясь полной свободой отъ исполненія своихъ обязанностей въ домѣ генеральши, такъ какъ начались выѣзды ея съ Амаліей Ѳедоровной по гостямъ и пріемы гостей по вечерамъ у нихъ, — Перепелкинъ отъ скуки часто уходилъ гулять.

Возвращаясь домой, онъ почувствовалъ пустоту на сердцѣ и тоску. Въ корридорѣ встрѣтила его Груня и проворно сунула ему что-то въ руку, тихонько шепнувъ: «отъ барышни». Это была небольшая кожанная сумочка, въ которой оказалась записка къ нему и два миніатюрные портретика, одинъ его, сдѣланный Клодочкой отъ руки, карандашомъ, и другой самой Клодочки, писанный красками какимъ-то бывшимъ ея учителемъ рисованія. Въ запискѣ она писала: «Не могу никакъ справиться съ чувствами, хотя и выдержала двухнедѣльную атаку со стороны бабушки, которая, впрочемъ, очень полюбила васъ и обѣихъ тетокъ. Всего несноснѣе Амалія Ѳедоровна. Я, вѣдь, и догадываюсь о причинахъ ея Аргусовской наблюдательности за нами и почти не скрываемой ненависти къ вамъ. При свиданіяхъ постарайтесь быть съ нею любезнѣе. Боюсь, чтобъ она существенно не повредила вамъ. Завтра вамъ придется много читать на нашей половинѣ, какъ сейчасъ сказала ma tante, а потому не уходите изъ дома, не предупредивъ тетку чрезъ камердинера».

На другой день, дѣйствительно, происходило чтеніе, но продолжалось не долго. Генеральша, повидимому, была не въ духѣ, слушала

разсѣянно и, казалось, больше была занята соображеніями—произошло-ли между молодыми людьми охлажденіе въ такой степени, чтобы не требовалось съ ея стороны особыхъ мѣръ для постояннаго наблюденія за ними, а въ случаѣ надобности, и для полнаго разъединенія ихъ, устраненіемъ Перепелкина отъ исполненія своихъ обязанностей на болѣе продолжительный срокъ, или даже и совсѣмъ.

Было 11 часовъ, когда перебрана была послѣдняя почта, и Перепелкинъ, раскланявшись съ дамами, поспѣшилъ къ отцу ректору съ просьбой принять его въ академію. Не прошло и полутора часа послѣ доклада о немъ, какъ раздался звонокъ и слугѣ велѣно было проводить Перепелкина въ кабинетъ его высокопреподобія.

Кабинетъ поражалъ громадностью своихъ размѣровъ и множествомъ шкафовъ, переполненныхъ книгами. Въ одномъ изъ нихъ рылся отецъ ректоръ, выдвигая впередъ и задвигая вглубь большіе фоліанты въ старинныхъ неуклюжихъ кожанныхъ переплетахъ. Раскрывъ одинъ изъ таковыхъ, онъ долго его перелистывалъ, наконецъ, весь погрузился въ чтеніе, повидимому, совершенно позабывъ о постороннемъ лицѣ, приглашенномъ въ кабинетъ и замѣченномъ имъ при входѣ.

Перепелкинъ всячески старался не заявлять о своемъ присутствіи, боясь подвергнуться упрекамъ въ нетерпѣливости, которая, по мнѣнію отца ректора, составляетъ большой порокъ въ мірянинѣ. Но какъ онъ ни крѣпился, по неволѣ пришлось хоть тихонько кашлянуть въ руку. Это, вѣроятно, произошло оттого, что онъ силился дышать не всей грудью.

Его высокопреподобіе взглянулъ вполоборота по направленію кашляющаго, чѣмъ воспользовался Перепелкинъ и, смиренно отвѣсивъ низкій поклонъ, хотѣлъ подойти подъ благословеніе и сдѣлалъ уже шагъ, но отецъ ректоръ, понявъ его намѣреніе, сказалъ: «сейчасъ», и опять погрузился въ чтеніе, которое уже продолжалось такъ долго, что чуть не довело до обморока юношу, стоявшаго неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, фоліантъ былъ закрытъ, но отецъ ректоръ долго еще провозился надъ нимъ, запирая его на мѣдные крючки и застежки.

Произошла процедура благословенія, и на этотъ разъ продолжалась, кажется, еще дольше, чѣмъ прежде: такъ медленно поднималъ и опускалъ его высокопреподобіе свою десницу для изображенія знаменія креста на истомленіемъ просителѣ.

— Я не могу вамъ дать теперь окончательнаго отвѣта,—сказалъ ректоръ послѣ переговоровъ,—но вы, на всякій случай, все-таки готовьтесь къ экзамену. Черезъ недѣлю, а можетъ быть, и раньше, вы будете извѣщены о моемъ рѣшеніи изъ канцеляріи, гдѣ и оставьте свой адресъ.

На другой день онъ раньше обыкновеннаго былъ потребованъ къ генеральшѣ, въ ея кабинетъ, но, какъ видно было, вовсе не для чтенія.

По первому взгляду на Александру Андреевну, можно было понять, что тутъ произойдетъ нѣчто рѣшительное, и что его свиданіе съ ней будетъ послѣднее.

Ея превосходительство имѣла серьезный и озабоченный видъ. Она сидѣла у письменнаго стола и въ то время, когда Перепелкинъ переступилъ порогъ ея кабинета, она клала на письмо облатку.

— А вотъ и тотъ, кому я приготовила это письмо,—сказала она, ласковой улыбкой привѣтствуя Перепелкина. Видите, мнѣ нужно многое вамъ сказать наединѣ, а между тѣмъ, намъ ежеминутно могутъ помѣшать и свои и чужіе, а потому недосказанное на словахъ вполнѣ выяснится вамъ изъ письма, которое я и попрошу васъ теперь же хорошенько припрятать въ карманъ. Присядьте, вотъ тутъ, поближе къ столу,—указала она ему мѣсто и подвинула къ нему письмо, повторивъ опять, чтобъ онъ поспѣшилъ припрятать его въ карманъ, что̀ Перепелкинъ и не замедлилъ сдѣлать.

— Меня озабочиваетъ Клодочка, — начала она послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія: шутить съ ея чувствами никакъ нельзя.

Перепелкинъ хотѣлъ что-то сказать, но она поспѣшила предупредить его.

— Вамъ не въ чемъ оправдываться, вы виноваты только тѣмъ, что имѣете способность производить на всѣхъ впечатлѣніе, подкупающее въ вашу пользу. Ужь, чего, когда даже бабушка полюбила васъ!—сказала генеральша, улыбаясь,—и просила меня не оставлять васъ на произволъ судьбы и употребить свое вліяніе, чтобъ вы достигли предположенныхъ цѣлей.

Здѣсь она полюбопытствовала узнать, какъ идутъ его переговоры съ начальствомъ академіи и, услышавъ отъ Перепелкина, что пока еще ничего окончательнаго нѣтъ и будетъ-ли что въ пользу его, онъ не слишкомъ надѣется, она замѣтила, что у нея здѣсь столько вліятельныхъ знакомыхъ, что по ея просьбѣ все можетъ устроиться для него, какъ нельзя лучше, но что и отъ него потребуется маленькая жертва.

— Въ виду серьезности чувствъ Клодочки къ вамъ, я уже нахожу совершенно неудобнымъ держать васъ при себѣ въ качествѣ лектора, а потому попрошу васъ, сегодня же, подыскать себѣ квартиру и, завтра, пораньше, когда на нашей половинѣ будутъ еще спать, переѣхать, оставивъ... вотъ тутъ маленькая жертва съ вашей стороны и потребуется: вы оставите на мое имя записку, въ которой объясните, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, вы находите невозможнымъ исполнять принятыя на себя обязанности въ моемъ домѣ и въ скоромъ времени должны будете оставить этотъ городъ. Вотъ и все, чего я въ правѣ отъ васъ попросить, полагаясь на вашу честность и благородство. Тамъ,— указала она рукой на боковой карманъ, куда Перепелкинъ положилъ ея

письмо,—вы найдете то, что я считала нравственнымъ своимъ долгомъ сдѣлать для васъ...

Когда Перепелкинъ запротестовалъ противъ подразумѣваемаго въ этихъ словахъ вложенія въ письмо денегъ и хотѣлъ вынуть пакетъ, она съ раздражительною живостью сказала:

— Ну, вы, пожалуйста, не оскорбляйте меня. Я дѣлаю то, что̀ должна была сдѣлать по условію, предъявленному мною вамъ. А вы, конечно, не забыли, что я вамъ обезпечивала, по крайней мѣрѣ, годовое пребываніе у меня въ качествѣ чтеца въ этомъ городѣ.

Два деревянныхъ сѣренькихъ домика составляли, такъ называемую, на жаргонѣ бурсаковъ, Камчатку, обыкновенный пріютъ семинаристовъ и академистовъ для временныхъ остановокъ, по пріѣздѣ въ городъ, иногда для постоянныхъ, а чаще всего для кутежей. Оба домика были о двухъ этажахъ, занимали по фасаду и въ глубину много мѣста и потому во всякое время могли вмѣщать въ себя немаленькое народонаселеніе, въ число котораго на другой день, рано утромъ, какъ желала того генеральша, включилъ себя и Перепелкинъ. Студентъ 3-го курса, рябоватый, Ѳоминъ, которому предстояло чрезъ нѣсколько дней переселиться въ академію, пригласилъ его въ свой номеръ, куда на-дняхъ ожидался еще одинъ студентъ 4-го курса, для котораго и оставлено было мѣсто. Не прошло и двухъ дней, какъ Перепелкинъ былъ уже какъ свой въ средѣ населенія того и другаго дома.

Тотъ домъ, въ которомъ занялъ квартиру Перепелкинъ, чаще всего посѣщался академистами разныхъ курсовъ, и постепенное знакомство съ ними пролило много утѣшенія въ его разбитое сердце. Это, большею частью, были люди очень даровитые, какъ выбранные изъ лучшихъ, по способностямъ и развитію, семинаристовъ, и отличались такими честными и благородными стремленіями, которыя не могли не возбуждать въ Перепелкинѣ глубокаго уваженія къ нимъ.

Съ поступленіемъ въ Академію, Перепелкинъ такъ заинтересовался лекціями начавшагося академическаго курса, что забылъ про все на свѣтѣ, и только и думалъ, что о нихъ, да составлялъ конспекты, и резюмировалъ въ особыхъ тетрадяхъ все, что̀ выносилъ изъ аудиторіи послѣ каждой лекціи.

«Вотъ она, настоящая-то наука гдѣ!»—думалъ онъ про себя, забравшись куда-нибудь въ уединеніе и стараясь переварить все, что выслушалъ.

Однажды подошелъ къ нему, любимый всѣми сторожъ, Сидоръ Ивановичъ Капелюха и что-то шепнулъ ему на ухо. Перепелкинъ вздрогнулъ и, то краснѣя, то блѣднѣя, быстро направился за Капелюхой.

Внизу, на крыльцѣ, за колонной стояла Груня, и едва Перепелкинъ

показался, та быстро сунула ему въ руку пакетъ и, симпатично ему улыбнувшись, мгновенно скрылась, шепнувъ только: «здорова и кланяется».

«А! такъ вы бѣжать отъ насъ такъ предательски вздумали?—писала Клодочка въ шутливомъ тонѣ: знайте же, что мы вездѣ найдемъ васъ, хотя бы лишь только для того, чтобы вы поработали въ стѣнахъ академіи надъ вопросомъ: какія книги рекомендовать мнѣ для серьезнаго изученія, чтобъ хоть сколько-нибудь пополнить нищенское свое полуобразованіе. Не отдѣлаетесь вы также и отъ вопросовъ по части богопознанія и укажете лучшее Богословіе. Груня, въ слѣдующее воскресенье, въ 6 часовъ вечера, будетъ ходить близъ академическаго сада, и вы ей вручите, что̀ найдете нужнымъ сообщить мнѣ.

«P. S. Ваше мѣсто занялъ отставной учитель, Сергѣй Ивановичъ Петрусенко, очень симпатичный старичокъ, но, къ сожалѣнію, глухой и съ такою ослабѣвшею памятью, что совершенно забываетъ часомъ раньше сказанное.

«Направленія онъ такого же, какъ и вы, но, видно, ужь новаго ничего не читаетъ, а восторгается старыми вещами, знаетъ ихъ почти всѣ наизусть и съ юношескимъ воодушевленіемъ ихъ произноситъ».

Грунѣ, явившейся въ условленное время, Перепелкинъ передалъ Клодочкѣ записку, въ которой она прочла слѣдующее:

«Вмѣсто указанія, пока, руководства по интересующему васъ предмету, я могу вамъ рекомендовать живое богословіе въ лицѣ вашего новаго лектора, почтеннаго Сергѣя Ивановича, который можетъ указать путь къ богопознанію вѣрнѣе, чѣмъ иной ученый представитель богословскихъ наукъ. Это воплощенная добродѣтель, по общему отзыву коротко его знающихъ. Онъ, положительно, живетъ для другихъ, а не для себя и его же наши оффиціальные богословы съ презрѣніемъ обзываютъ опаснымъ либераломъ, вольтеріанцемъ. Представьте себѣ, что, получая порядочную пенсію, онъ цѣлый день бѣгаетъ по урокамъ единственно только для того, чтобы удовлетворять насущныя потребности бѣдняковъ, на себя же онъ тратитъ всего 15 рублей въ мѣсяцъ и другаго костюма, кромѣ того, что̀ на немъ ежедневно видятъ, у него нѣтъ. Какъ видите, въ своемъ лицѣ онъ представляетъ различіе между теоретическимъ и практическимъ богопочитаніемъ, на что̀, въ дѣлѣ серьезнаго перевоспитанія себя, недурно обратить вниманіе».

Блистательная сдача Перепелкинымъ курсоваго экзамена, о которой всѣ заговорили въ академіи, высоко подняла его въ глазахъ товарищей, но она же вызвала зависть и вражду къ нему со стороны нѣкоторыхъ. Это явленіе, не сразу замѣченное, глубоко поразило и опечалило его, тѣмъ болѣе, что и прежняя холодность къ нему двухъ-трехъ профес-

соровъ, усилившаяся послѣ экзаменовъ, замѣтно стала переходить въ открытую вражду.

Надъ Перепелкинымъ стали исподтишка подтрунивать нѣкоторые изъ его товарищей, называя его гегеліанцемъ, натурфилософомъ, раціоналистомъ и проч., что все раздражало его и отталкивало отъ нихъ, не смотря на то, что много другихъ, лучшихъ студентовъ разныхъ курсовъ, всячески старались его успокоить и чуть на рукахъ не носили его. Всѣмъ бросалось въ глаза, что Перепелкинъ сталъ другимъ человѣкомъ: изъ веселаго, общительнаго и ласковаго со всѣми онъ сдѣлался мрачнымъ, угрюмымъ, сталъ, повидимому, многихъ чуждаться, а съ другими былъ такъ серьезенъ, что они неохотно заговаривали съ нимъ.

Мрачное расположеніе его духа, главнымъ образомъ, происходило отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ неудовлетворенности научныхъ стремленій, которыя имѣлись въ виду при поступленіи въ академію, во-вторыхъ, отъ разочарованія во многихъ идеальныхъ понятіяхъ о людяхъ.

Онъ рѣшился покинуть академію и отправиться въ Петербургъ для поступленія въ университетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо графа А. А. Аракчеева—М. М. Сперанскому.

24-го марта 1819 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Михайла Михайловичъ! Если вы, милостивый государь, на меня сердились за нескорое исполненіе вашего препорученія въ покупкѣ Новгородскаго имѣнія, то въ ономъ согрѣшили, ибо мнѣ пріятнѣе всего угождать вамъ, потому что я любилъ васъ душевно, тогда какъ вы были велики, и какъ вы ни смотрѣли на нашего брата, любилъ васъ и тогда, когда по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго страдали, протестовалъ противъ онаго, по крайнему моему разумѣнію не только въ душѣ моей, но всюду, гдѣ только голосъ мой могъ быть слышанъ; радовался и концу сего непріятнаго для васъ дѣла и буду не только радоваться, но и желать вашему возвышенію на степень высшую прежней. Вотъ вамъ, милостивый государь, отчетъ въ моихъ чувствахъ, а дѣло о покупкѣ имѣнія, конечно, уже вамъ извѣстно по слухамъ и формальному моему отношенію, отправленному мною, по неизвѣстности нынѣшняго высочайшаго расположенія 18-го марта по почтѣ за № 273.

На письмо ваше отъ 11-го марта прилагаю мой формальный отвѣтъ и въ душѣ своей я съ онымъ соглашаюсь, бывъ увѣренъ, что дѣйствіе ваше согласно съ онымъ много будетъ служить къ вашему въ мірѣ семъ возвышенію. Желаніе мое въ ономъ по слабости человѣческой основано на слѣдующемъ: становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ Грузинскомъ монастырѣ, откуда буду утѣшаться, какъ истинно русской, новгородской, неученой дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болѣе еще по дѣламъ суетъ міра сего, и въ случаѣ обыкновеннаго къ несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей въ необходимомъ только случаѣ, отнестись смѣю и къ вамъ, милостивому государю.

Окончу сіе письмо тѣмъ, что какъ вы далеко отъ Волхова ни удаляетеся, не отъ васъ зависѣть будетъ быть близкимъ къ дряхлому волховскому жителю, которой пребудетъ всегда съ истиннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорный слуга.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 51.

Ce Dimanche, 25 Juillet 1815.

Le comte Orlof-Dénissof est arrivé peu de moments avant la messe, c'est vous dire que je me sens heureuse et contente d'avoir reçu des lettres de l'empereur et son portrait par Isabey, qui me fait un plaisir inexprimable étant des plus ressemblants et faisant un superbe portrait, il est parlant et me rend extrêmement heureuse; les nouvelles espérances que le comte Orlof nous a données du prochain retour de l'empereur me comblent de satisfaction et vos lettres, mes chers enfants, sont venues rendre ma joie parfaite; je vous en remercie de tout mon coeur et vous embrasse, cher Nicolas, pour les détails dans lesquels vous entrez sur le prince d'Orange: tout ce que vous m'en dites augmente mon désir sur la réussite de la chose, car l'éloge que vous m'en faites ne peut que prévenir en sa faveur. Enfin l'espoir de la réussite vient naître dans mon coeur d'après la lettre que je viens de recevoir hier de l'empereur. Je vous copie le passage: «Je vous demande encore une dizaine de jours après lesquels je vous parlerai du prince royal des Pays-Bas». J'attends tout de la bonté Divine. Je m'explique tout cela à bien, mes bons amis, et me dis que si la chose réussit, on m'annoncera un de

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1904 г.

ces beaux jours Chernichef, qui arrivera en courrier. Dieu le veuille, car cette union, vu le caractère individuel du prince, me donne l'espoir du bonheur pour Annette; je suis charmée de le voir si sensible à la faveur que l'empereur vient de lui accorder de le décorer de la croix de St. Georges de la seconde classe; il me paraît en même temps que c'est de très bon augure, tant comme son empressement d'être lié avec vous deux. Enfin, cher Nicolas, j'attends vos lettres avec impatience extrême, chaque détail m'est précieux, n'en négligez aucun. Donnez m'en aussi beaucoup sur vous-mêmes, mes bons amis, sur vos occupations, vos sociétés, vos délassements. Je vois par vos lettres que vous avez dû aller en société chez Madame (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*). Vu la très parfaite mauvaise opinion que j'ai de la société des dames parisiennes, je suis persuadée que vous aurez un vaste champ aux remarques et réflexions, et probablement à la critique et au dégoût, car c'est ainsi que tous ceux qui reviennent de Paris parlent des sociétés. Ce n'est pas que je croie qu'il n'y a pas de femmes vertueuses dans ce nombre; non, certainement; je suis persuadée qu'il y en a femmes de très estimables, mais je parle du nombre qui doit être perverti et c'est contre celles-là que je vous conjure d'être en garde. Je suis bien aise, cher Nicoche, de l'intention où vous étiez d'assister à une leçon d'art militaire des élèves de l'école polytechnique. Cette séance vous sera instructive et intéressante; et c'est employer votre temps d'une manière utile. Je vous prie, cher Michel, de me parler des objets que vous voyez, des établissements que vous visitez, de vos réflexions; rendez vos lettres un peu plus détaillées, je vous en prie: ce sera me faire grand plaisir. Ma journée d'aujourd'hui a été très agréable, le temps était superbe, j'avais un monde infini, toutes les dames qui ne m'avaient pas vue à ma fête sont venues aujourd'hui; en suite j'avais invité l'ambassadeur lord Walpol et le comte .....[1]). Après le dîner nous avons été au Pavillon des roses qui est dans toute sa beauté les roses étant épanouies; on y a goûté, après quoi on s'est promené en ligne et puis on a soupé; la société était très gaie et à son aise. L'ambassadeur part pour Paris à ce qu'il dit pour chercher sa femme, mais on prétend qu'il ne reviendra pas et qu'un autre sera nommé à sa place. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien et aimez-moi aussi tendrement que vous l'êtes par moi.

Ce Lundi, 26 Juillet.

Voilà deux jours de suite de beau temps, la journée a été superbe, sans faire trop chaud, j'en ai bien profité pour montrer mon jardin au comte Arakchéef; tous mes clumbs de roses sont en fleur ce qui embellit Pavlowsk. Nous avons dîné au Pavillon des roses et soupé à la ferme. Je

[1]) Фамилія не разобрана.

n'ai rien à vous mander d'ici, mes bons amis, nous abondons tout de vous. Dites-moi, mes enfants, laissera-t-on impunis tous les scélérats qui ont manqué à leur serment et se sont donné un cachet d'infamie, comme Ney, Regnaud d'Angely, Labédoyère, Soult etc.; que fera-t-on avec Madame Hortense et compagnie? Où restera mon neveu Jérôme et qui gardera cette prise princière? Nous ignorons encore où Napoléon sera conduit. Il me tarde d'apprendre l'effet que sa prise aura produit en Angleterre. Puisse-t-on bien le garder. Savez-vous, cher Nicolas, que je suis persuadée qu'une de vos lettres est perdue, car encore dans celle, que je viens de recevoir par le comte Orlof, vous ne me dites mot sur l'événement de la prise de Napoléon, et cependant certainement vous m'en avez parlé. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Avez-vous vu M-r Pougens et que fait le bon vieillard?

Ce 27 Juillet.

Mes bons amis, vous rappelez-vous de la fête de l'année passée? J'en suis très occupée aujourd'hui et crois nous voir tous très occupés, très inquiets du temps et cependant de très bonne humeur; et le soir, Nicoche, vous vous rappelez de vos terreurs par le feu d'artifice: c'était une journée bien agréable et qui me laissera toujours le plus doux souvenir. Le Pavillon des roses a beaucoup embelli cette année, et les roses sont dans leur plus belle floraison, il y en a immensément. Mes neveux et mes nièces m'ont fait la surprise hier d'un petit divertissement de chants et danses russes. Marie s'en est acquittée à merveille, sa voix est divine et elle est charmante musicienne, elle a bien joliment dansé la russe. Enfin nous avons encore une belle journée aujourd'hui, il fait chaud, sans faire trop chaud; et l'air est des plus agréables. Parlez-moi donc, mes bons amis, de Napoléon, où est-il, où sera-t-il? J'ai lu sa lettre au prince royal; il m'indigne d'oser se comparer à Thémistocle; son appel à la protection des lois anglaises me donne à douter sur son séjour; enfin tout ceci s'éclaircira, mais donne en attendant beaucoup d'impatience. Adieu, mes bons amis. Toute à vous pour la vie. Que Dieu vous conserve et vous ramène bientôt dans mes bras.

Marie.

Mes compliments à vos messieurs et à nos braves militaires. Où est Constantin Benckendorf?

Воскресенье, 25-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Гр. Орловъ-Денисовъ пріѣхалъ за нѣсколько минутъ до обѣдни; вы поймете, какъ я была рада и счастлива получить письма отъ императора и его портретъ работы Изабея, который доставилъ мнѣ несказанное удовольствіе, такъ какъ онъ очень похожъ; это великолѣпный портретъ, онъ только не говоритъ, и я очень счастлива имѣть его; надежда, поданная намъ гр. Орловымъ на скорое возвращеніе императора, чрезвычайно порадовала меня, а ваши письма, дорогія дѣти, довершили мою радость; благодарю васъ за нихъ отъ всего сердца и цѣлую васъ, дорогой Николай, за сообщаемыя вами подробности относительно принца Оранскаго; все, что вы пишете мнѣ о немъ, еще болѣе усиливаетъ мое желаніе, чтобы это дѣло уладилось, ибо ваши похвалы располагаютъ въ его пользу. Письмо, полученное мною вчера отъ императора, также заронило въ мое сердце надежду на успѣхъ. Выписываю вамъ соотвѣтствующее мѣсто: «Прошу васъ повременить еще дней десять, по прошествіи которыхъ я напишу вамъ о нидерландскомъ наслѣдномъ принцѣ». Я возлагаю всѣ надежды на милосердіе Божіе. Я толкую все это въ хорошую сторону, добрые друзья мои, и думаю, что если дѣло уладится, то въ одинъ прекрасный день мнѣ доложатъ о пріѣздѣ Чернышева, который будетъ присланъ ко мнѣ курьеромъ: дай Богъ, ибо, въ виду личныхъ качествъ принца, этотъ бракъ даетъ мнѣ надежду на счастье Аннеты; мнѣ очень пріятно, что онъ былъ тронутъ благосклонностью императора, пожаловавшаго ему Георгія 2 ст.; вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю это хорошимъ предзнаменованіемъ, точно такъ же, какъ поспѣшность, съ какою онъ постарался сблизиться съ вами обоими. Словомъ, дорогой Николай, я ожидаю отъ васъ писемъ съ большимъ нетерпѣніемъ; каждая подробность для меня драгоцѣнна, не опускайте ни одной. Пишите мнѣ также подробно о себѣ, добрые друзья мои, о вашихъ занятіяхъ, о томъ, съ кѣмъ вы видитесь, о вашихъ развлеченіяхъ. Я вижу изъ вашихъ писемъ, что вы были приглашены къ г-жѣ (*пробѣлъ*); такъ какъ я весьма дурнаго мнѣнія о парижскихъ дамахъ, то я увѣрена, что вамъ представится обширное поле для наблюденій и замѣчаній и, вѣроятно, для критики и отвращенія, ибо въ такомъ духѣ говорятъ о тамошнемъ обществѣ всѣ возвращающіеся изъ Парижа. Это вовсе не означаетъ, будто я думаю, что тамъ нѣтъ добродѣтельныхъ женщинъ; конечно, нѣтъ; я увѣрена, что въ Парижѣ есть женщины весьма почтенныя, но я говорю о тѣхъ, которыя испорчены, и умоляю васъ остерегаться ихъ. Меня очень порадовало, Никошъ, ваше намѣреніе присутствовать на одной изъ лекцій о военномъ искусствѣ, которыя читаются воспитанникамъ Политехнической школы. Она будетъ для

васъ поучительна и интересна, и это будетъ полезное препровожденіе времени. Прошу васъ, дорогой Михаилъ, описывать мнѣ все, что вы видите, всѣ учрежденія, которыя вы посѣщаете; дѣлитесь со мною вашими впечатлѣніями; прошу васъ писать мнѣ нѣсколько подробнѣе, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Я провела сегодняшній день очень пріятно, погода была великолѣпная, у меня было множество гостей; всѣ дамы, которыя не видѣли меня въ день моего ангела, посѣтили меня сегодня; кромѣ того я пригласила посланника лорда Вальполя и графа....[1]). Послѣ обѣда мы ѣздили въ Розовый павильонъ. Онъ теперь во всей красѣ, розы въ полномъ цвѣту. Тамъ мы закусили, потомъ катались въ линейкахъ, а затѣмъ ужинали; общество было очень веселое и непринужденное. Посланникъ ѣдетъ въ Парижъ, по его словамъ, за женою, но говорятъ, будто онъ болѣе не вернется, а на его мѣсто будетъ назначенъ другой. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно и любите меня такъ же нѣжно, какъ я люблю васъ.

Понедѣльникъ, 26-го іюля.

Послѣдніе два дня стоитъ хорошая погода, сегодня день былъ прекрасный, но было не особенно жарко; я воспользовалась этимъ, чтобы показать свой садъ графу Аракчееву; всѣ мои клумбы розъ въ цвѣту, это очень украшаетъ Павловскъ. Мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ и ужинали на фермѣ. Мнѣ нечего сообщить вамъ отсюда, добрые друзья мои, мы живемъ только извѣстіями, получаемыми отъ васъ. Скажите мнѣ, дѣти мои, останутся-ли безнаказанны негодяи, нарушившіе клятву и покрывшіе себя позоромъ, какъ-то: Ней, Реньо д'Анжели, Лабедойеръ, Сультъ и т. д.; что сдѣлаютъ съ королевой Гортензіей и прочими? гдѣ будетъ находиться мой племянникъ Жеромъ и кто будетъ стеречь этого царственнаго узника? Намъ неизвѣстно пока, куда отправятъ Наполеона. Я горю нетерпѣніемъ узнать, какое впечатлѣніе произвело въ Англіи взятіе его въ плѣнъ. Только бы его хорошенько караулили. Знаете-ли, дорогой Николай, я увѣрена, что одно изъ вашихъ писемъ затерялось, ибо въ томъ письмѣ, которое я только-что получила чрезъ гр. Орлова, вы не пишете ни слова о взятіи въ плѣнъ Наполеона, а я увѣрена, что вы написали бы мнѣ объ этомъ. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Видѣли-ли вы г. Пуженса и что подѣлываетъ добрый старикъ?

27-го іюля.

Добрые друзья мои, помните-ли вы прошлогодній праздникъ? Я очень озабочена имъ сегодня, и мнѣ представляется, что мы всѣ

[1]) Фамилія не разобрана.

озабочены этимъ, что мы волнуемся по поводу того, какова будетъ погода, и что вмѣстѣ съ тѣмъ мы всѣ въ прекрасномъ настроеніи духа; вечеромъ, Никошъ, помните, какъ вы боялись за фейерверкъ; это былъ очень пріятный день, который оставилъ во мнѣ навсегда самое пріятное воспоминаніе. Розовый павильонъ сталъ еще красивѣе въ этомъ году; розы въ полномъ цвѣту; ихъ великое множество. Мои племянники и племянницы сдѣлали мнѣ вчера сюрпризъ, устроивъ маленькій дивертиссементъ съ русскими пѣснями и танцами. Марія справилась съ этимъ какъ нельзя лучше, у нея божественный голосъ, она прекрасная музыкантша и премило протанцовала русскую. Сегодня у насъ также отличная погода, тепло, но не слишкомъ жарко; воздухъ очень пріятный. Напишите же мнѣ о Наполеонѣ, добрые друзья мои, гдѣ онъ будетъ находиться? Я читала его письмо къ наслѣдному принцу; онъ привелъ меня въ негодованіе, осмѣлившись сравнить себя съ Ѳемистоклomъ; его обращеніе къ покровительству англійскихъ законовъ внушаетъ мнѣ сомнѣніе относительно его теперешняго мѣстопребыванія; конечно, все это выяснится, но я ожидаю этихъ извѣстій съ большимъ нетерпѣніемъ. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша на всю жизнь. Да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ вскорѣ въ мои объятія. Марія.

Поклонъ вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Гдѣ Константинъ Бенкендорфъ?

Num. 52.

Ce 27 Juillet 1815.

Je viens de terminer ma lettre par courrier et sans poser ma plume je vous dis ces deux mots, chers enfants, qui vous portent mes bénédictions et mes souvenirs. La journée d'aujourd'hui me rapporte beaucoup à celle de l'année passée et me donne de la sérénité. Grâce à Dieu nous pouvons et osons nous livrer à la satisfaction, car Dieu a fait des miracles pour nous. Reconnaissons Ses bienfaits et devenons meilleurs de jour en jour. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments aux vôtres.

27-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Сію минуту окончила письмо, посылаемое съ курьеромъ, и, не выпуская изъ рукъ пера, пишу вамъ пару словъ, дорогія дѣти, чтобы сказать вамъ, что я васъ благословляю и вспоминаю васъ. Сего-

дня я невольно переношусь въ воспоминанiи къ прошлому году, и это навѣваетъ на меня какое-то спокойствiе. Благодаря Бога мы можемъ и имѣемъ право радоваться, ибо Господь сотворилъ для насъ чудеса. Будемъ Ему благодарны за Его благодѣянiя и постараемся становиться день ото дня лучше. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марiя. Мой поклонъ вашимъ.

Num. 53.

Ce 28 Juillet 1815, Mercredi.

Nous avons profité du beau temps, mes chers et bons enfants, pour faire une course à Czarsko Sello pour y dîner sur la collonade; après le dîner nous avons parcouru le château et puis le jardin; nous avons été à l'île où nous avons pris le thé et de là nous avons gagné le chemin de la maison. Cette promenade ajoutée à celle que j'ai faite le matin me fait sentir que j'ai des pieds et qu'il faut se reposer. Nous ne savons rien de vous, mes bons amis. Je cherche vos noms dans les gazettes et me réjouis quand je les trouve. Est-il vrai que vous avez reçu le St. Esprit? Elles le disent, mais, comme vous ne m'en dites rien, je n'y crois pas. Parlez-moi donc un peu de vous, mes bons amis, et dites-moi vos pensées et réflexions. Je suis dans l'attente et l'espérance d'une lettre de l'empereur au sujet du prince d'Orange. Dieu veuille que les nouvelles soient bonnes. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme.

Ce 29 Juillet, Jeudi.

Ma journée s'est passée à la promenade et à l'occupation. J'ai vu M-r de Krusenstern ce matin dont la conversation m'intéresse toujours beaucoup; il va à Réval, ses yeux le font beaucoup souffrir; je n'ai vu personne de plus. Auguste est avec nous depuis le 21, ce qui est bien aimable et je lui en suis bien reconnaissante; il attendra le retour de l'empereur et retournera à Réval jusqu'à ce temps. J'espère que, s'il plaît à Dieu, il ne sera pas longtemps à l'attendre: je nourris l'espoir de voir l'empereur pour le 30 Avril, et vous, mes bons amis, ne tarderez aussi pas longtemps à nous revenir: comme j'en bénirai le Ciel! Bonsoir, chers enfants, je vous donne mille bénédictions.

Ce 30 Juillet, Vendredi.

J'ai fait une grande promenade à pied, mes bons amis, et puis je me suis mise à écrire. J'ai eu la visite du général Knjazéwitsch qui va par-

tir pour l'Oukraïne; il souffre beaucoup de sa blessure et les médecins le chassent d'ici: sa poitrine est très délabrée; avec cela il a pris beaucoup d'embonpoint, ne s'étant pas donné du mouvement. C'est un homme qui me paraît très estimable. J'attends avec bien de l'impatience un courrier, espérant qu'il m'apportera de bonnes nouvelles sur le prince d'Orange. Le public s'occupe de ce parti et le désire beaucoup pour Annette, le trouvant le seul convenable pour elle. J'ai vu une lettre de la princesse Kutusof qui fait l'éloge d'Alexandrine, elle la trouve charmante: voilà qui vous fera plaisir, cher Nicoche. Nous jouissons d'un bien beau temps depuis quelques jours, ce qui fait que nous dînons et soupons dehors. Aujourd'hui nous dînerons à la volière. Demain je ferai une course d'inspection à Alexandrovski, pour laquelle il faut me souhaiter des jambes. Adieu, mes bons amis, il me tarde beaucoup de savoir ce que vous faites, de ce que vous pensez, à quoi vous vous occupez et à quand est fixé votre retour. Ne m'oubliez pas et aimez-moi autant que je vous chéris.

Marie.

Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs. Assurez de mon souvenir tous les braves militaires de ma connaissance.

28-го іюля 1815 г., среда.

(Переводъ). Мы воспользовались хорошей погодой, добрыя и дорогія дѣти, чтобы съѣздить въ Царское Село, гдѣ мы обѣдали на колоннадѣ; послѣ обѣда мы обошли дворецъ и садъ; были на островѣ, гдѣ мы пили чай, а оттуда отправились домой. Эта прогулка вмѣстѣ съ той, которую я совершила по утру, дала мнѣ почувствовать, что у меня есть ноги и что мнѣ слѣдуетъ отдохнуть. Мы ничего не знаемъ о васъ, добрые друзья мои. Я ищу ваши имена въ газетахъ и радуюсь, находя ихъ. Правда-ли, что вы получили орденъ Св. Духа? Объ этомъ пишутъ, но такъ какъ вы объ этомъ не упоминаете, то я не вѣрю этому. Пишите же мнѣ что-нибудь о себѣ, добрые друзья мои, и подѣлитесь со мною своими мыслями и соображеніями. Я ожидаю отъ императора письма по поводу принца Оранскаго и надѣюсь вскорѣ получить его. Дай Богъ, чтобы извѣстія, которыя онъ сообщитъ мнѣ, были благопріятны. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душою и сердцемъ.

29-го іюля, четвергъ.

Сегодня я провела весь день въ прогулкѣ и занятіяхъ; по утру видѣла Крузенштерна, съ которымъ бесѣда для меня всегда интересна; онъ ѣдетъ въ Ревель, у него очень болятъ глаза; кромѣ него я никого не видѣла. Августъ находится у насъ съ 21-го числа,—это очень

любезно съ его стороны, и я очень благодарна ему за это; онъ дождется возвращенія императора, а пока побываетъ въ Ревелѣ. Если Богу будетъ угодно, надѣюсь, что ему не долго придется ожидать; я надѣюсь, что императоръ пріѣдетъ къ 30-му апрѣля, и что вы, добрые друзья мои, также не замедлите возвращеніемъ; какъ я буду благодарна за это Господу Богу. Прощайте, дорогія дѣти, тысячу разъ благословляю васъ.

30-го іюля, пятница.

Я сдѣлала большую прогулку пѣшкомъ, добрые друзья мои, а затѣмъ принялась писать. У меня былъ генералъ Княжевичъ, который собирается въ Малороссію. Онъ очень страдаетъ отъ раны; доктора гонятъ его отсюда; у него очень повреждена грудь; къ тому же онъ очень пополнѣлъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ мало движенія; по-моему, это человѣкъ весьма почтенный. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ курьера, надѣясь, что онъ привезетъ мнѣ благопріятныя извѣстія о принцѣ Оранскомъ. Публика очень интересуется этимъ бракомъ, очень желаетъ его для Аннеты и находитъ, что это единственная подходящая для нея партія. Я видѣла письмо княгини Кутузовой, которая восхваляетъ Александрину и находитъ ее очаровательною; вѣроятно, это будетъ вамъ пріятно, дорогой Никошъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы пользуемся прекрасной погодой, поэтому мы обѣдаемъ и ужинаемъ на воздухѣ. Сегодня мы будемъ обѣдать на птичьемъ дворѣ. Завтра я поѣду осматривать Александровское; поэтому надобно пожелать, чтобы у меня были здоровыя ноги. Прощайте, добрые друзья мои, мнѣ очень хочется знать, что вы дѣлаете, чѣмъ занимаетесь и когда именно назначенъ день вашего отъѣзда. Не забывайте меня и любите меня такъ же сильно, какъ я люблю васъ. Марія.

Привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Передайте всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я ихъ не забываю.

Num. 54.

Ce 30 Juillet 1815, Vendredi.

Je ne me dégoûte pas de la poste, mes bons amis, et vous écris toujours parce que j'aime à vous assurer de mes bénédictions, de mon souvenir et de ma tendresse. Je ne puis rien vous mander d'ici, chers enfants, si non, cher Michel, que votre Makarof est le meilleur sujet qui soit sur terre: il aime les fleurs et soigne mes roses devant le théâtre comme si c'étaient ses enfants. En général ces invalides sont des êtres

précieux, ils ont l'air content et je le suis beaucoup d'eux. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même.

Marie.

Mes compliments au général et à tous les vôtres.

30-го іюля, пятница. 1815 г.

(Переводъ). Я не отказываюсь прибѣгать къ услугамъ почты, добрые друзья мои, и часто пишу вамъ, такъ какъ мнѣ пріятно сказать вамъ, что я посылаю вамъ свое благословеніе, что я васъ помню и люблю. Я не могу ничего сообщить вамъ отсюда, дорогія дѣти, кромѣ того, дорогой Михаилъ, что вашъ Макаровъ прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ любитъ цвѣты и ухаживаетъ за моими розами передъ театромъ, какъ за своими дѣтьми. Вообще, инвалиды люди драгоцѣнные; они видимо довольны, и я очень довольна ими. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и искренно люблю васъ. Марія.

Передайте мой поклонъ генералу и всѣмъ вашимъ.

Num. 55.

Ce 31 Juillet 1815, Samedi.

Tenez-moi compte, mes bons enfants, de vous écrire aujourd'hui; nous avons été à Alexandrofski; nous sommes partis à 8 heures du matin et sommes revenus à 10 heures du soir; nous avons marché depuis les 11 heures du matin jusqu'à 3 heures après-midi, ne faisant qu'un intervalle d'une-demi-heure et pas même pour déjeuner; ensuite j'ai marché encore depuis les $4^1/_2$ jusqu'à $6^1/_2$. La fabrique devient si étendue qu'il faut du temps pour en faire le tour. J'ai vu la nouvelle machine à feu de la force de 70 chevaux qui est la plus belle chose du monde. Wilson nous a apporté tout plein de nouvelles machines des plus intéressantes. Cet établissement devient superbe. Toute la société, excepté Kurakin et deux de nos demoiselles qui ont craint la fatigue, ont été avec nous jusqu'au bon vieux Nélédinski qui a monté tous les escaliers avec moi; notre bonne comtesse en a monté un de 96 degrés; grâce à Dieu elle se porte bien et a été de la plus grande gaieté. Bonsoir, mes chers enfants, il me tarde bien de recevoir de vos lettres; demain il y aura 8 jours que j'ai reçu les dernières. Je vous embrasse bien tendrement. Annette s'est bien amusée, mais a été très fatiguée. Dormez bien, mes bons amis.

Ce Dimanche, 1 Août.

J'ai oublié de vous dire hier, mes enfants, que nous avons beaucoup parlé en route de vous; nous nous sommes rappelé mille petites anecdotes et bien des moments de gaieté que vous nous avez fait passer et qui paraissent nous avoir quittés depuis votre départ. Nous voici 8 jours sans avoir de vos nouvelles: les courriers tardent cruellement, ils me font toujours regretter la poste; on la dit établie déjà entre Paris et Berlin, aussi il y aurait moyen d'écrire. J'ai vu aujourd'hui le prince Gorchakof et lui ai demandé s'il avait reçu des ordres pour le retour des gardes; il m'a répondu que non et que même les régiments non arrivés encore à leur destination continuaient à marcher pour s'y rendre; voilà qui est fâcheux, car cela jette du vague dans nos suppositions. Gorchakof m'a dit que le comte Miloradovitch avait donné une fête à mon jour de nom à Vilna. Notre temps s'est gâté de nouveau et il n'a fait que pleuvoir toute la journée, aussi ma pauvre Boster a terminé. Bonsoir, mes enfants, je m'endors malgré moi.

Ce 2 Août.

Pas de courrier de l'empereur, nous voici à neuf jours: c'est une école de patience qu'on supporte avec peine. Que puis-je vous dire d'ici, mes bons amis, qui puisse vous intéresser? En vérité rien au monde, si non que mes invalides me charment par leur zèle, leurs soins; ce bon Makarof est parfait, il a soin de mes roses comme si c'étaient des enfants; nous sommes grands amis et je ne passe jamais devant lui sans lui parler, et très souvent il reçoit des cadeaux; je lui fais quelquefois vos compliments, comme aussi à Osipof, et alors ils m'en chargent pour vous. L'ambassadeur de Perse se promenera chez moi aujourd'hui; il est amateur des roses et désire voir les miennes qui sont dans leur beauté. Grävenitz lui fera les honneurs du Pavillon. Adieu, mes bons amis, je fais mes comliments au g(énéral) Konovnizin, à vos cavaliers, qui tous oublient de m'écrire quoique ce soit marqué dans leur instruction. Assurez de mon souvenir mes connaissances militaires et ne m'oubliez pas, mes bons amis. Il me tarde extrêmement de vous revoir et surtout de vous savoir partis de Paris: au reste dites-vous que c'est le voeu général. Adieu, chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

31-го іюля 1815 г., суббота.

(Переводъ). Поставьте мнѣ въ особую заслугу, добрыя дѣти мои, что я пишу вамъ сегодня. Мы были въ Александровскомъ, куда мы отправились въ 8 часовъ утра и откуда вернулись въ 10 часовъ вечера; мы проходили пѣшкомъ съ 11 часовъ утра до 3 часовъ по полудни, сдѣлавъ только получасовую остановку, и не останавливались даже, чтобы позавтракать; затѣмъ я ходила пѣшкомъ еще съ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ часовъ. Фабрика такъ разростается, что надобно довольно много времени, чтобы обойти ее. Я осматривала новую паровую машину въ 70 лошадиныхъ силъ; это великолѣпнѣйшая вещь. Вильсонъ привезъ намъ много весьма интересныхъ новыхъ машинъ. Эта фабрика становится великолѣпнымъ учрежденіемъ. Съ нами было все наше общество, за исключеніемъ Куракина и двухъ фрейлинъ, которыя боялись утомиться; даже добрый старикъ Нелединскій ходилъ съ нами и поднимался вмѣстѣ со мною на всѣ лѣстницы; наша добрая графиня поднялась на лѣстницу въ 96 ступеней; благодаря Бога, она здорова и была очень весела. Прощайте, дорогія дѣти. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ васъ писемъ. Завтра недѣля, какъ я получила послѣднія письма. Нѣжно обнимаю васъ. Аннета очень веселилась, но очень устала. Доброй ночи, добрые друзья мои.

Воскресенье, 1-го августа.

Я забыла сказать вамъ вчера, дѣти мои, что дорогою мы много говорили о васъ; мы припоминали тысячу мелкихъ анекдотовъ и много пріятныхъ минутъ, которыя мы провели, благодаря вамъ, и которыхъ мы лишились съ вашимъ отъѣздомъ. Вотъ уже недѣля, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій: курьеры страшно запаздываютъ, они заставляютъ меня постоянно сожалѣть о почтѣ; говорятъ, что она уже установлена между Парижемъ и Берлиномъ, слѣдовательно, есть возможность переписываться. Я видѣла сегодня кн. Горчакова и спросила его, получилъ-ли онъ приказъ о возвращеніи гвардіи; онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно и сказалъ даже, что полки, не прибывшіе къ мѣсту назначенія, все еще идутъ впередъ; это досадно, ибо это сбиваетъ съ толку всѣ наши расчеты и предположенія. Горчаковъ сказалъ мнѣ, что гр. Милорадовичъ далъ, въ день моего ангела, праздникъ въ Вильнѣ. Погода у насъ снова испортилась, весь день идетъ дождь.

Прощайте, дѣти мои, я невольно засыпаю.

2-го августа.

Вотъ уже девять дней, какъ нѣтъ курьера отъ императора; это настоящая школа терпѣнія, съ которой трудно мириться. Что сообщить

вамъ отсюда, добрые друзья мои, что было бы для васъ интересно? По истинѣ, писать нечего; скажу только, что мои инвалиды приводятъ меня въ восторгъ своимъ усердіемъ и стараньемъ; добрый Макаровъ безупреченъ, онъ ухаживаетъ за моими розами, какъ за дѣтьми: мы съ нимъ большіе друзья, и я никогда не прохожу мимо, не поболтавъ съ нимъ, и часто дѣлаю ему подарки; я передаю ему иногда отъ васъ поклонъ, равно и Осипову, и они въ такомъ случаѣ также просятъ кланяться вамъ. Сегодня въ моемъ саду будетъ гулять персидскій посланникъ; онъ любитель розъ и хочетъ видѣть мои розы, которыя теперь въ полномъ цвѣту. Гревеницъ покажетъ ему павильонъ. Прощайте, добрые друзья мои, шлю привѣтъ ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ, которые и не думаютъ писать мнѣ, хотя объ этомъ упоминается въ ихъ инструкціи. Передайте моимъ знакомымъ военнымъ, что я вспоминаю ихъ, и не забывайте меня, добрые друзья мои. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю свиданія съ вами; въ особенности какъ мнѣ хотѣлось бы знать, что вы уже уѣхали изъ Парижа; впрочемъ, это всеобщее желаніе. Прощайте, дорогія дѣти, нѣжно обнимаю и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 56.

Ce 3 Août 1815.

Point de courrier, mes enfants, nous voici au dixième jour; je vous déclare que je préfère la poste à tous ces envois qui vous arrivent après tant d'inquiétude et d'attente. Le temps, après avoir été agréable, ce matin s'est changé de nouveau: il pleut à verse; voilà un triste été. Nous avons eu hier l'ambassadeur de Perse en promeneur dans mon jardin; nous l'avons vu de loin; on le dit très aimable et parlant très bien l'anglais; il a une barbe noire très respectable. Je n'ai rien d'intéressant à vous mander, mes enfants, et le moyen d'écrire à des gens qui ne répondent jamais. Adieu, mes bons amis, portez-vous bien, ne m'oubliez pas. Je fais mes comliments au bon g(énéral) Konovnitzin, à vos messieurs et à nos cavaliers militaires. Que Dieu vous conserve et vous ramène au plus tôt chez nous: voilà ma prière quotidienne. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur.

Marie.

3-го августа 1815 г.

(Переводъ). Вотъ уже десятый день, какъ нѣтъ курьера, дѣти мои; скажу вамъ откровенно, что я предпочитаю почту всѣмъ этимъ послан-

цамъ, въ ожиданіи которыхъ приходится такъ много волноваться. Погода, которая была довольно пріятная, снова измѣнилась сегодня утромъ: идетъ проливной дождь; какое скучное лѣто! Вчера въ моемъ саду гулялъ персидскій посланникъ; мы видѣли его издали; говорятъ, что онъ очень любезенъ и очень хорошо говоритъ по-англійски; у него очень большая черная борода. Я не могу сообщить вамъ ничего интереснаго, дѣти мои, да и возможно-ли писать людямъ, которые никогда не отвѣчаютъ. Прощайте, добрые друзья мои, будьте здоровы, не забывайте меня. Шлю привѣтъ доброму ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и нашимъ г.г. военнымъ. Да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ какъ можно скорѣе къ намъ: вотъ о чемъ я прошу Его ежедневно. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца. Марія.

Num. 57.

Ce 4 Août 1815, Mercredi.

Je suis affligée et peinée jusqu'au fond de l'âme de la privation de vos nouvelles, mes chers enfants; nous voici 11 jours sans vos lettres et les gazettes du jour sont si inquiétantes sur l'état de la France, expiment en tout caractère que les royalistes se joignent à l'armée de Davoust, qui avait reconnu le roi, lui avait prêté serment de fidélité, mais voulait combattre les troupes alliées, que les partis se réunissaient sous ce rapport, et même les gazettes disent que le roi se trouve dans une position très difficile par ces circonstances. Elles ajoutent qu'on sait que les forteresses ne se rendent pas par l'ordre du roi même, pour qu'elles ne soient pas remises aux alliés. Enfin les gazettes font quitter le d(uc) Wellington Paris pour aller combattre cette armée. Tout cela n'est pas réjouissant; le sang va donc encore couler, et Dieu sait où tout cela nous conduira pour le retour de l'empereur et le vôtre. Le manque total de vos nouvelles ajoute à la masse de ces inquiétudes si bien que je me sens triste et rêveuse. Les gazettes annoncent que le cours de poste est rétabli entre la France et l'Allemagne; ainsi, mes amis, si votre séjour se prolonge, écrivez, je vous en conjure, par la poste, car du moins verrai-je alors que vous existez. Rien de nouveau chez nous, mes amis. Le temps est affreux et les ondées perpétuelles, aussi la fenaison est perdue, on est très inquiété pour le blé. Bonsoir, mes bons amis, je supplie votre amitié et tendresse pour me donner de vos nouvelles. Je vous embrasse et vous donne mille bénédictions.

Ce 5 Août, Jeudi.

Pas de courrier, pas de lettres, un temps affreux; dites-moi, mes bons amis, si après cela on est disposé à écrire; non, en vérité, car l'âme est triste, inquiète. Voyez donc, mes amis, si vous ne faites pas mal de ne pas adoucir ma peine par quelques mots par la poste: je ne vous demande que ce peu de mots: nous nous portons bien; et certes ils peuvent être lus par tout le public de Paris sans tirer à conséquence. Ne savoir rien de vous c'est un supplice. Adieu, mes bons enfants, portez-vous bien, restez les mêmes, occupez-vous sérieusement, conservez le respect pour la vertu et l'horreur du vice: voilà ce que vous demande instamment maman en vous serrant dans ses bras et vous donnant mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves connaissances militaires.

4-го августа 1815 г., среда.

(Переводъ). Я огорчена и опечалена до глубины души, не имѣя отъ васъ извѣстій, дорогія дѣти; вотъ уже 11 дней, какъ мы не имѣемъ отъ васъ писемъ, а въ газетахъ сообщаютъ весьма тревожныя вѣсти о состояніи Франціи и говорятъ ясно, что роялисты присоединяются къ арміи Даву, которая признала короля и присягнула ему, но намѣревается сражаться съ союзными войсками, и что партіи соединяются съ этой цѣлью; въ газетахъ говорится даже, что король поставленъ всѣмъ этимъ въ крайне затруднительное положеніе. Прибавляютъ, что крѣпости, какъ всѣмъ извѣстно, не сдаются даже по повелѣнію самого короля, чтобы не быть переданными союзникамъ. Наконецъ, по словамъ газетъ, герцогъ Веллингтонъ уѣхалъ изъ Парижа, чтобы сражаться съ этой арміей: все это далеко неутѣшительно; слѣдовательно, кровь снова будетъ литься, и одному Богу извѣстно, какъ это повліяетъ на возвращеніе ваше и императора. Совершенное отсутствіе отъ васъ извѣстій еще болѣе усиливаетъ мою тревогу, такъ что я скучаю и задумываюсь. Въ газетахъ объявлено, что почтовое сообщеніе между Франціей и Германіей возстановлено; поэтому, друзья мои, если ваше пребываніе (за границею) продолжится, пишите мнѣ, умоляю васъ, по почтѣ; тогда, по крайней мѣрѣ, я буду знать, что вы живы. У насъ нѣтъ ничего новаго, друзья мои. Погода отвратительная; то и дѣло идутъ проливные дожди, сѣнокосъ пропалъ, весьма опасаются за урожай ржи. Про-

щайте, добрые друзья мои; взываю къ вашей дружбѣ и любви, чтобы получить отъ васъ извѣстія. Цѣлую васъ и посылаю вамъ тысячу благословеній.

5-го августа, четвергъ.

Нѣтъ курьера, нѣтъ писемъ, погода отвратительная; скажите, добрые друзья мои, можно-ли послѣ этого быть расположенной писать,—конечно, нѣтъ, такъ какъ на душѣ скучно, тревожно. Подумайте же, друзья мои, какъ дурно съ вашей стороны не облегчить моего горя, написавъ мнѣ нѣсколько словъ по почтѣ; я прошу васъ написать только два слова: «мы здоровы»; безъ сомнѣнія, они могутъ быть прочитаны всѣми жителями Парижа, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Ничего не знать о васъ для меня пытка. Прощайте, добрыя мои дѣти, будьте здоровы, не измѣняйтесь, занимайтесь серьезно, сохраняйте уваженіе къ добродѣтели и отвращеніе къ пороку; вотъ о чемъ настоятельно проситъ васъ мамаша. Обнимаю васъ и посылаю вамъ тысячу благословеній. Марія.

Поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ знакомымъ молодцамъ-военнымъ.

Num. 58.

Paw(lowsk), ce 6 Août 1815.

En vérité, mes chers enfants, nous sommes plus aimables que vous, car nous vous écrivons toujours malgré votre obstiné silence. Nous voici 13 jours sans signe de vie de vous tous: c'est désolant; je ne sais qu'en croire, surtout lorsque je vous sais tous en place; cela ne me rend ni gaie ni contente, mais par contre triste et inquiète. Adieu, mes bons amis, je ne vous soupçonne pas d'oubli, je sais qu'avec vos coeurs c'est impossible, mais pourquoi ne pas écrire par la poste, pourquoi aucun de vos messieurs ne m'écrit, lorsque cela leur est intimé par leur instruction, c'est ce que je ne comprends pas. Adieu encore une fois, mes chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Павловскъ, 6-го августа 1815 г.

(Переводъ). Въ самомъ дѣлѣ, дорогія дѣти, мы любезнѣе васъ, такъ какъ мы продолжаемъ писать вамъ, несмотря на ваше упорное молчаніе. Вотъ 13 дней, какъ вы не подаете признака жизни; это прискорбно; я не знаю, что думать, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ извѣстно, вы всѣ находитесь на мѣстѣ; поэтому я не могу быть ни весела, ни довольна; напротивъ, я грущу, я волнуюсь. Прощайте, добрые друзья мои, я не

думаю, что вы забыли меня; я знаю, что, имѣя ваше сердце, это невозможно; но почему же вы не пишете по почтѣ, почему ни одинъ изъ вашихъ кавалеровъ не пишетъ мнѣ, коль скоро это предписано въ данной имъ инструкціи, этого я понять не могу. Прощайте еще разъ, дорогія дѣти, нѣжно обнимаю и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 59.

Ce Samedi, 7 Août 1815.

Enfin, mes chers et bons amis, j'ai reçu de votre écriture après 14 jours d'attente et d'inquiétude; le courrier est arrivé à trois heures de l'après-dînée, le coeur m'a battu de joie en ouvrant vos lettres, mes chers enfants. J'en ai reçues deux de vous, cher Nicolas, qui embrassent du 13 au 15 Juillet, je ne puis assez vous en remercier et vous dire tout l'intérêt que j'ai donné à leur lecture, tout le plaisir qu'elles m'ont fait et sous le rapport de votre amitié, souvenir, tendresse et confiance; je vois que vous m'écrivez presque journellement et les moments que vous me donnez sont bien appréciés par mon coeur qui vous les repaye en bénédictions. Cher Michel, je vous remercie aussi pour votre lettre, mais, mon bon ami, je ne peux m'empêcher de vous faire la remarque, qu'elle n'est qu'un journal militaire de quelques lignes, que vous terminez par me dire que vous me remerciez de ma lettre: ainsi depuis le 9 Juillet jusqu'au 16 vous ne m'avez écrit que ce dernier jour, et encore n'était-ce que pour me transcrire quelques lignes de votre journal militaire. Vous ne me dites mot de vous, de vos occupations, de l'emploi de votre temps, de vos lectures; j'en suis, je l'avoue, peinée; il m'importe, cher Michel, de savoir ce que vous faites, de vous entendre raisonner juger sur ce que vous voyez, et puis j'ai cru que votre coeur aurait toujours quelque chose à me dire, mais vous ne répondez pas même à mes lettres; je n'en accuse certainement que la grande distraction que le séjour de Paris entraîne après soi, mais, cher Michel, c'est contre elle que je vous mets en garde et vous conjure de vous fixer des heures d'étude sérieuse et d'occupation sérieuse: cela vous est d'une nécessité indispensable dont vous sentirez l'utilité. J'en reviens au contenu de votre lettre, cher Nicoche, et vous dirai qu'Annette et moi sommes bien parfaitement contentes de ce que vous nous dites du prince d'Orange; sa manière d'être me paraît porter le cachet de la loyauté et de la franchise, et c'est toujours le moyen et le bon moyen de captiver le coeur. J'ai en idée que, si la chose s'arrange, nous nous aimerons mutuellement, et je m'y sens toute disposée par tout ce que vous me dites de lui; tous les détails ont fait grand plaisir à Annette et la disposent avantageusement

pour le prince. Voyons ce qui en sera et si le papa se rendra aux voeux du fils. J'ai en idée que, si le consentement arrive, ce sera Tschernichef qui sera le porteur de la nouvelle, et vous vous direz, cher Nicoche, s'il sera bien reçu. Je désire infiniment ce parti pour Annette et y vois son bonheur; il est très désiré chez nous et la joie sera universelle, s'il s'arrange. Je suis bien aise de voir l'empereur aimer et estimer le prince d'Orange, j'en ai d'autant meilleure opinion de lui; mais je suis bien étonnée de voir que le prince royal de Wur(temberg) a démérité chez lui après l'éloge qu'il m'en a fait: j'en suis peinée pour la pauvre Catau. Dieu veuille qu'elle soit heureuse et ne regrette jamais le choix qu'elle a fait, mais bien certainement elle n'aura de reproches à faire qu'à elle-même, car si elle eût écouté mes conseils, elle aurait donné plus de temps à la réflexion et à se décider. Que Dieu veille sur elle. Parlez-moi en attendant de lui, mes amis, et dites-moi s'il tient une conduite sage et réservée à Paris? D'où vient, mes amis, que vous ne me parlez pas de Napoléon, vous ne me le nommez pas, cher Nicoche. Avez-vous vu la d(uchesse) d'Angoulème, comment la trouvez-vous après tous ses malheurs? Faites-lui mes compliments et assurez-la de mes voeux pour son bonheur. Comment est le d(uc) d'Orléans? Comment se conduit-il? Voyez-vous souvent le m(aréchal) Wellington? Enfin, mes amis, parlez-moi de vos sociétés. Comment était le bal de madame de Duras? Y vous êtes-vous amusés? La société était-elle bonne et choisie? Je vous remercie de l'envoi du charmant éventail que je dois à votre amitié, cher Nicoche. Je m'en parerai demain; il est bien joli; et croyez que j'ai été bien sensible au choix que vous en avez fait, étant parsemé de roses que vous savez que j'aime. Bonsoir, mes amis, le reste à demain, s'il plaît à Dieu. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. D'où vient donc qu'aucun de vos cavaliers ne m'écrit malgré que cela leur est intimé dans l'instruction? Le bon Glinka est arrivé aujourd'hui, il vous présente ses tendres hommages. Les gardes ont eu ordre de revenir, elles doivent partir le 10 Août de Wilna.

Ce 8 Août, Dimanche.

M. d'Achverdof vous fait dire mille choses; nous parlons toujours de vous. Le bon Glinka a trouvé du changement en mieux à Smolensk, et pour la ville, parce qu'il a retrouvé des quartiers rebâtis et les terres ensemencées: la récolte serait superbe, mais la pluie l'abîme. M-r Markéwitch m'a envoyé les fusils, casques empaquetés, et les caisses seront expédiées par Levis à Stettin et de là à Berlin. Le sujet de la conversation du moment est un accident arrivé à Taïzi, où le comte, la comtesse Kotschoubei, son père, la comtesse Woronzof, le prince Jacques Lobanof et Madame Démidof sont tombés avec un balcon à la hauteur

de 5 à 6 archines; grâce à Dieu personne ne s'est rien fracturé, mais tous de plus ou moins ont été froissés; Madame Démidof s'est fait le plus mal et on a dû la saigner d'abord; le prince Jacques est déjà des nôtres aujourd'hui avec quelques taches bleues; le comte Kotschoubei m'a écrit hier, qu'il se sentait mieux, de même que la comtesse; on a saigné la comtesse Woronzof, parce qu'elle avait reçu ou plutôt qu'on craignait l'effet du contre-coup, mais elle est bien. Les 4 poutres du balcon ont cassé à la fois. J'ai pensé avec plaisir au contenu de votre lettre, cher Nicoche, et prié Dieu de bénir les bonnes intentions de l'empereur pour notre Annette. Cher Nicoche, soyez bien précautionné, mon bon ami, de ne pas faire voir au prince de l'empressement d'âme pour ce mariage, il faut ménager sa délicatesse; mais vous pouvez lui dire tout l'intérêt que j'ai pris à sa blessure, à son rétablissement et que je suis bien aise de le voir se lier avec vous, par la bien bonne opinion que j'ai de lui. Je suis bien aise, cher Nicoche, de vous voir rassuré sur le souvenir d'Alexandrine. J'attends sa réponse avec impatience et je sais bien l'usage que j'en ferai. Le devinez-vous? Adieu, mes bons amis. Mes compliments au général et à vos messieurs; assurez de mon souvenir tous nos braves militares. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Суббота, 7-го августа 1815 г.

(Переводъ). Наконецъ то, дорогіе и добрые друзья мои, я получила отъ васъ письмо послѣ двухнедѣльнаго ожиданія и тревоги; курьеръ прибылъ въ половинѣ четвертаго по полудни; сердце радостно забилось у меня, вскрывая ваши письма, дорогія дѣти. Я получила два письма отъ васъ, дорогой Николай, отъ 13-го—15-го іюля; не знаю, какъ достаточно благодарить васъ и какъ выразить вамъ, съ какимъ вниманіемъ я ихъ прочитала, и какое удовольствіе они мнѣ доставили, какъ доказательство вашей дружбы, вашей памяти обо мнѣ, вашей любви и довѣрія; я вижу, что вы пишете мнѣ чуть не ежедневно, я вполнѣ цѣню тѣ минуты, которыя вы посвящаете мнѣ, и отъ всего сердца благословляю васъ за нихъ. Дорогой Михаилъ, благодарю васъ также за письмо, но, добрый другъ мой, не могу не замѣтить, что оно представляетъ собою всего нѣсколько строкъ изъ вашего военнаго журнала, который вы заканчиваете благодарностью за мое письмо: такимъ образомъ, съ 9-го по 16-е іюля вы писали мнѣ только 16-го числа, да и то ограничились перепискою нѣсколькихъ строкъ изъ своего военнаго журнала. Вы не пишете мнѣ ни слова о себѣ, о своихъ занятіяхъ, о препровожденіи времени, о вашихъ знакомствахъ, о томъ, что вы читаете; признаюсь,

это огорчаетъ меня; для меня важно, дорогой Михаилъ, знать, что вы дѣлаете, слышать ваши сужденія, имѣть понятіе о томъ, что вы видите; кромѣ того, я полагала, что сердце всегда подскажетъ вамъ нѣсколько словъ для меня, но вы даже не отвѣчаете на мои письма; я приписываю это, разумѣется, только той крайне разсѣянной жизни, какую влечетъ за собою пребываніе въ Парижѣ; но, дорогой Михаилъ, противъ этого-то я и предостерегаю васъ и умоляю васъ опредѣлить извѣстные часы дня на серьезныя занятія и науку, это для васъ необходимо; вы сами сознаете всю пользу этого. Возвращаюсь къ содержанію вашего письма, дорогой Никошъ, и скажу вамъ, что мы съ Аннетой вполнѣ довольны тѣмъ, что вы сообщаете намъ о принцѣ Оранскомъ; онъ держитъ себя, на мой взглядъ, искренно и чистосердечно, а это всегда наилучшее средство привлечь сердца; мнѣ кажется, что если дѣло уладится, то мы будемъ взаимно любить другъ друга, я къ этому вполнѣ готова подъ вліяніемъ всего, что вы пишете о немъ. Аннета выслушала съ удовольствіемъ всѣ эти подробности; онѣ много говорятъ въ пользу принца. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ, и согласится-ли папаша на желаніе сына; я думаю, что если согласіе послѣдуетъ, то извѣстіе объ этомъ привезетъ намъ Чернышевъ; вы можете быть увѣрены, дорогой Никошъ, что ему будетъ оказанъ хорошій пріемъ. Я очень желаю для Аннеты этой партіи и полагаю, что она составитъ ея счастье: у насъ этого брака очень желаютъ, и если онъ устроится, то радость будетъ всеобщая. Мнѣ пріятно видѣть, что императоръ любитъ и уважаетъ принца Оранскаго, это еще болѣе усиливаетъ мое благопріятное мнѣніе о немъ; но я удивляюсь тому, что наслѣдный принцъ Виртембергскій провинился передъ нимъ, тогда какъ онъ отзывался о немъ ранѣе съ такою похвалою; это огорчаетъ меня ради бѣдной Катò. Дай Богъ, чтобы она была счастлива и никогда не жалѣла о сдѣланномъ ею выборѣ, но, разумѣется, ей некого будетъ упрекать, кромѣ самой себя, ибо, если бы она послушалась моихъ совѣтовъ, то она не приняла бы рѣшенія столь поспѣшно и обдумала бы его болѣе зрѣло. Да хранитъ ее Господь. Напишите мнѣ о немъ, друзья мои, и скажите, ведетъ-ли онъ себя въ Парижѣ благоразумно и сдержанно? Отчего вы не пишете, друзья мои, ничего о Наполеонѣ? Вы даже не упоминаете о немъ, дорогой Никошъ. Видѣли-ли вы герцогиню Ангулемскую, какъ находите вы ее послѣ всѣхъ испытанныхъ ею несчастій? Передайте ей мой привѣтъ и скажите, что я желаю ей счастья. Какъ вы находите герцога Орлеанскаго? Какъ онъ держитъ себя? Часто-ли вы видите фельдмаршала Веллингтона? Словомъ, друзья мои, пишите мнѣ о тѣхъ лицахъ, съ коими вы видитесь. Опишите мнѣ балъ у г-жи Дюрасъ; веселились-ли вы у нея? Было-ли у нея хорошее, избранное общество? Благодарю васъ за присылку прелестнаго вѣера, я обязана этимъ вашей нѣжной заботливости,

дорогой Никошъ; я украшу имъ свой нарядъ завтра; онъ очень красивъ; повѣрьте, я была очень тронута тѣмъ, что вы выбрали именно этотъ рисунокъ, такъ какъ онъ усѣянъ розами, которыя, какъ вамъ извѣстно, я такъ люблю. Прощайте, друзья мои, остальное напишу завтра, если Богу будетъ угодно. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Почему же никто изъ вашихъ кавалеровъ не пишетъ мнѣ, хотя это предписывается имъ инструкціей? Сегодня пріѣхалъ добрый Глинка; онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое глубочайшее почтеніе. Гвардія получила приказаніе возвратиться; она должна выступить изъ Вильны 10-го августа.

8-го августа, воскресенье.

Ахвердовъ проситъ передать вамъ его привѣтъ, мы постоянно говоримъ о васъ. Добрый Глинка нашелъ въ Смоленской губерніи большія перемѣны къ лучшему: въ самомъ городѣ отстроены цѣлые кварталы, и въ окрестностяхъ засѣяны поля; урожай былъ бы великолѣпный, но его портятъ дожди. Маркевичъ прислалъ мнѣ ружья и каски, уже уложенныя; ящики будутъ отосланы Левисомъ въ Штеттинъ, а оттуда въ Берлинъ. Въ настоящую минуту всѣ говорятъ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ въ Таицахъ, гдѣ графъ и графиня Кочубей, ея отецъ, графиня Воронцова, князь Яковъ Лобановъ и г-жа Демидова свалились вмѣстѣ съ балкономъ съ высоты 5—6 аршинъ; благодаря Бога, ни у кого не переломлены члены, но всѣ получили болѣе или менѣе сильные ушибы; особенно пострадала г-жа Демидова; ей тотчасъ пришлось пустить кровь. Князь Яковъ уже былъ у насъ сегодня; у него еще замѣтно нѣсколько синяковъ; графъ Кочубей писалъ мнѣ вчера, что онъ чувствуетъ себя лучше, точно такъ же, какъ и графиня; графинѣ Воронцовой пустили кровь, боясь послѣдствій ушиба, но она чувствуетъ себя хорошо. Всѣ четыре столба, поддерживавшіе балконъ, обломились сразу.

Я припоминаю съ удовольствіемъ содержаніе вашего письма, дорогой Никошъ, и молю Господа благословить добрыя намѣренія императора относительно нашей Аннеты. Дорогой Никошъ, будьте очень осторожны, добрый другъ мой, чтобы не выказать принцу слишкомъ большаго желанія, чтобы этотъ бракъ состоялся; надобно щадить его деликатность, но вы можете передать ему, что я принимала большое участіе въ немъ, узнавъ о томъ, что онъ раненъ, и очень интересовалась его выздоровленіемъ и что я очень довольна, что онъ сходится съ вами, такъ какъ я о немъ очень хорошаго мнѣнія. Я очень рада, дорогой Никошъ, что вы успокоились относительно того, что Александрина не позабыла васъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ нея отвѣта и знаю, какое я сдѣлаю изъ него употребленіе. Догадываетесь, какое? Прощайте, добрые друзья мои. Передайте отъ меня поклонъ генералу и вашимъ

кавалерамъ и скажите всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, что я ихъ не забыла. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 60.

Ce 10 Août 1815.

Chers enfants, je vous ai écrit hier soir comme à mon ordinaire et même je crois que vous me lisez avec plaisir, pour ce moment ce n'est que par la poste que je vous trace ces lignes, ainsi c'est du расхожій et de la pâture pour les maîtres de poste, mais toujours vous verrez que je pense à vous, mes enfants, que je m'occupe de vous. En vérité vous êtes constamment présents à mon coeur, à mes yeux, à ma mémoire: oui, mes bons enfants, on n'aime pas plus que je ne vous chéris. Le temps est toujours bien mauvais chez nous et jamais je ne vis un été pareil, le soleil est d'une rareté extrême et le ciel constamment noir; on aurait presque besoin de bougie au moment que je vous écris. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous prie de faire mes compliments au général, à vos messieurs et à mes connaissances militaires. Toute à vous pour la vie.

Marie.

10-го августа 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я писала вамъ, по обыкновенію, вчера вечеромъ и полагаю даже, что вы прочли мое письмо съ удовольствіемъ; въ настоящую минуту пишу вамъ нѣсколько строкъ только по почтѣ, поэтому это «расхожій» [1]) и пожива для содержателей почты, но все-таки вы увидите, что я думаю о васъ, дѣти мои, и что я забочусь о васъ. Въ самомъ дѣлѣ, душою я всегда съ вами; вы всегда стоите у меня передъ глазами, и я всегда думаю о васъ; да, добрыя дѣти мои, нельзя любить болѣе, нежели я люблю васъ. У насъ все еще стоитъ отвратительная погода, я никогда не видала подобнаго лѣта, солнце показывается очень рѣдко, небо постоянно обложено тучами; въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, едва не приходится зажечь свѣчей. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и прошу васъ передать мой поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и моимъ знакомымъ военнымъ. Ваша навѣки. Марія.

---

[1]) Это слово написано по-русски въ оригиналѣ.

Num. 61.

Ce Lundi, 9 Août 1815.

Bonsoir, mes chers enfants! J'ai l'âme réjouie de la pensée du plaisir que vous donnera ma lettre d'aujourd'hui, cher et bon Nicoche, par l'envoi que je vous fais de celle que j'ai reçue hier au soir d'Alexandrine: elle est charmante; les sentiments qu'elle y exprime me sont chers et sont rendus avec grâce et sensibilité; je vous en fais don, cher Nicoche, gardez-la, elle vous donnera, tout comme à moi, l'expérience d'un heureux avenir, car Alexandrine me paraît bonne, sensible et aimante. Je sais que j'ai gardé copie de cette lettre que je lui ai écrite, je tâcherai de la retrouver pour vous l'envoyer aussi, mon bon ami. Je vais lui écrire de nouveau pour la prier de remettre les fusils à son frère cadet. Vous voyez, cher enfant, que je sers bien vos voeux et votre tendresse parce que je la trouve bien placée. Si le temps de votre séjour à Paris vous le permettait ou plutôt si vous êtes encore à Paris à la réception de cette lettre, vous me feriez grand plaisir tous deux, mes bons amis, en vous faisant peindre par Isabey: le portrait de l'empereur est si parfait que j'ai le vif désir d'avoir le vôtre à tous deux peint par le même artiste. Dans la suite du temps ce modèle pourra servir pour en tirer copie et l'offrir à Alexandrine, tout comme un jour à celle que vous auriez choisie, cher Michel. Je n'ai rien de nouveau à vous dire, mes bons amis. Je crois n'avoir pas oublié de vous marquer hier que les gardes ont eu ordre de rebrousser chemin, elles doivent quitter Wilna demain, le 10 du mois; ainsi nous pouvons les attendre vers le commencement d'Octobre. Cette nouvelle fait grand plaisir, mais celle de votre retour à tous en fera un bien plus grand. Dieu veuille nous ramener bientôt l'empereur. Sa présence est des plus nécessaires, et tout retard est désolant. Les gazettes parlent d'un congrès; cette pensée fait battre le coeur d'angoisse, mais je n'y crois pas, tout comme non plus à l'arrivée de l'impératrice Elisabeth, de l'impératrice d'Autriche et de tous les rois à Paris. Je regarde cette nouvelle puisée dans l'imagination des gazetiers. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, ne m'oubliez pas et dites-vous que je vous aime bien tendrement.

Ce Mercredi, 11 Août.

Je vous ai écrit hier par la poste et continue aujourd'hui cette lettre-ci, quoique j'ai bien peu de choses à vous dire qui puissent vous intéresser, mes bons enfants. Notre temps est toujours détestable et, ayant usage de sortir deux fois, aujourd'hui j'ai été mouillée chaque fois: c'est une véritable désolation pour l'habitant de la campagne qui

ne peut recueillir la moisson. Je me flatte d'un courrier ces jours-ci espérant que l'empereur m'aura écrit le 22 Juillet. Les gazettes parlent du congrès et de l'arrivée des rois à Paris: on nomme même celui d'Espagne; mais je n'y crois rien, tout aussi peu qu'à l'arrivée des impératrices et de Constantin; j'ai reçu hier de ses lettres, il me dit, cher Nicoche, que vous lui avez écrit, ce qui lui a fait grand plaisir, car toutes les nouvelles lui manquent, ce qui le chagrine. Parlez-moi du prince d'Orange, du prince r(oyal) de W(urtemberg). Que fait-il? Comment est-il avec vous? Vous recherche-t-il? Le voyez-vous souvent? Dieu veuille que Cateau soit heureuse, elle l'affectionne tendrement et en a la plus haute pensée; puisse-t-elle pouvoir la conserver. Parlez-moi de vos occupations, de vos lectures, de la manière dont votre temps est partagé, de vos connaissances; ne laissez rien ignorer de ce qui vous concerne à maman et dites-moi bien sincèrement et ouvertement si vous êtes contents de vous-mêmes. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon coeur. Faites mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves connaissances militaires. Ne m'oubliez pas, chers enfants, et dites-vous que toutes mes bénédictions reposent sur vous.

Marie.

Dites-moi, mes amis, que fait le bon M-r Pougens? Vous ne me dites rien, je n'ai pas de ses nouvelles, je crains qu'il ne lui soit arrivé malheur.

Понедѣльникъ, 9-го августа, 1815 г.

(Переводъ). Здравствуйте, милыя дѣти. Я отъ души радуюсь при мысли, что мое сегодняшнее письмо доставитъ вамъ удовольствіе, мой милый и хорошій Никошъ, такъ какъ я пересылаю въ немъ письмо, полученное мною вчера вечеромъ отъ Александрины; оно очаровательно; чувства, которыя она выражаетъ въ немъ съ такимъ изяществомъ и такою чувствительностью, мнѣ очень дороги. Я вамъ дарю это письмо, милый Никошъ, храните его, оно дастъ вамъ, такъ же, какъ дало мнѣ, надежду на счастливое будущее, такъ какъ мнѣ кажется, что Александрина очень добра, чувствительна и любяща. Мнѣ помнится, что я сохранила копію съ того письма, которое я ей послала; я постараюсь отыскать ее и пришлю вамъ, мой дорогой другъ. Я напишу ей еще и попрошу ее передать ея младшему брату ружья. Вы видите, милое дитя, что я исполняю ваше желаніе и забочусь о тѣхъ, кого вы любите, потому что они этого достойны. Если во время вашего пребыванія въ Парижѣ вы найдете возможнымъ или, лучше сказать, если при по-

лученіи моего письма вы будете еще тамъ, то вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, добрые друзья мои, заказавъ Изабею ваши портреты; портретъ императора такъ хорошъ, что я очень хочу имѣть ваши портреты, работы этого же художника. Впослѣдствіи эти портреты могутъ послужить оригиналами, съ которыхъ можно будетъ снять копіи и подарить ихъ Александринѣ и той, которую вы изберете себѣ въ жены, дорогой Михаилъ. Я не могу вамъ сообщить ничего новаго, добрые друзья мои; кажется, вчера я писала вамъ, что гвардія получила приказаніе возвратиться, она должна выступить изъ Вильны завтра, 10-го числа, такъ что мы можемъ ожидать ее въ началѣ октября. Это очень пріятная новость, но вѣсть о вашемъ возвращеніи доставитъ всѣмъ гораздо большее удовольствіе. Дай Богъ, чтобы императоръ скоро вернулся, его присутствіе въ высшей степени необходимо; малѣйшее промедленіе прискорбно. Газеты сообщаютъ о предстоящемъ конгрессѣ; мысль объ этомъ заставляетъ мучительно сжаться сердце, но я этому не вѣрю, точно такъ же, какъ прибытію въ Парижъ императрицы Елизаветы, императрицы австрійской и всѣхъ королей. Я считаю это извѣстіе газетнымъ вымысломъ. Прощайте, мои добрые друзья, спите спокойно, не забывайте меня и вѣрьте, что я васъ нѣжно люблю.

Среда, 11-го августа.

Я вамъ писала вчера по почтѣ, милыя дѣти; сегодня продолжаю это письмо, хотя я мало могу сообщить для васъ интереснаго. Погода стоитъ у насъ все время отвратительная; я сегодня два раза промокла, такъ какъ привыкла два раза выходить изъ дому. Это истинное бѣдствіе для крестьянъ, которые не могутъ собрать жатву. Я ожидаю на-дняхъ курьера, ибо надѣюсь, что императоръ писалъ мнѣ 22-го іюля. Газеты извѣщаютъ о конгрессѣ и о съѣздѣ королей въ Парижъ: называютъ даже короля испанскаго, но я не вѣрю этому, такъ же точно, какъ не вѣрю пріѣзду императрицъ и Константина. Я получила вчера отъ него письма; онъ мнѣ сообщаетъ, милый Никошъ, что вы ему писали; это доставило ему большое удовольствіе, такъ какъ онъ не получаетъ никакихъ извѣстій, и это его огорчаетъ. Напишите мнѣ о принцѣ Оранскомъ и о Виртембергскомъ наслѣдномъ принцѣ, что онъ подѣлываетъ? Какъ онъ къ вамъ относится? Ищетъ-ли онъ вашего общества? Часто-ли вы его видите? Дай Богъ, чтобы Като была счастлива; она нѣжно его любитъ и очень высокаго о немъ мнѣнія; дай Богъ, чтобы ей не пришлось перемѣнить его. Пишите мнѣ о вашихъ занятіяхъ, о вашемъ чтеніи, о распредѣленіи вашего времени, о вашихъ знакомствахъ; не опускайте сообщить вашей матери все, что только касается васъ, и скажите мнѣ вполнѣ правдиво и откровенно, довольны-ли вы собой. Прощайте, дорогія, добрыя дѣти; цѣлую васъ отъ всего сердца.

Кланяйтесь отъ меня генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ-военнымъ, коихъ я знаю. Не забывайте меня, дорогія дѣти, и будьте увѣрены, что мое благословеніе будетъ надъ вами.

Марія.

Скажите, милыя дѣти, что подѣлываетъ добрый г. Пуженсъ? Вы мнѣ о немъ ничего не пишете; я не имѣю извѣстій отъ него, и боюсь, не случилось-ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

Алексѣевскій равелинъ.

Прилагаемые два снимка съ двухъ сторонъ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости представляютъ, сколько я знаю, величайшую рѣдкость, такъ какъ ни рисовальщики, ни фотографы для изображенія его никогда не допускались, а теперь зданія этого равелина уже не существуютъ; снимки же, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи, сняты лицомъ, нѣсколько времени проживавшимъ въ 60-хъ годахъ въ Петропавловской крѣпости и занимавшимся фотографіей. Между тѣмъ Алексѣевскій равелинъ нерѣдко упоминается какъ въ русской исторіи, такъ и въ исторіи русской литературы. Здѣсь заключена была и скончалась несчастная княжна Тараканова, здѣсь сидѣли многіе декабристы, Шевченко, Костомаровъ и пр.

Полагаютъ даже, что въ Алексѣевскомъ равелинѣ былъ заключенъ, умеръ и похороненъ царевичъ Алексѣй Петровичъ (см. далѣе), вслѣдствіе чего равелинъ этотъ и получилъ будто свое названіе; но это невѣрно: Алексѣевскаго равелина въ то время еще не существовало, а царевичъ былъ заключенъ и умеръ въ Трубецкомъ раскатѣ, по сосѣдству съ которымъ Алексѣевскій равелинъ былъ выстроенъ.

По поводу этого равелина въ извѣстномъ сочиненіи Богданова: «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга» (изд. 1779 г.) сообщаются (стр. 43—44) такія свѣдѣнія:

«Равелинъ стоитъ (вблизи) отъ Васильевскихъ воротъ, начатъ строить 1733 г. іюня 20-го дня, именованъ св. Алексѣй. При зачатіи сего равелина надпись высѣченная на камнѣ слѣдующая: «Во имя Господне, Божіею поспѣшествующею милостію, повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійскія Анны Іоанновны, матери отечества, основаніе сего равелина со фланки и контрогарды, именуемаго Алексія, во имя блаженныя и вѣчнодостой-

ныя памяти Государя Царя и великаго князя Алексія Михайловича, а ея Императорскаго Величества дѣда, положися каменнымъ зданіемъ въ четвертое лѣто, благочестивыя державы царства Ея, лѣта Господня 1733, іюня въ 20 день, въ которое зданіе того равелина оный первый камень съ надписью, во основаніе изволила положить сама Ея Императорское Величество собственными своими руками при присутствіи тогда при Ней многихъ кавалеровъ, и штатовъ, и другихъ разныхъ чиновъ, и людей, и всего священнаго духовнаго сана».

Далѣе продолжаетъ Богдановъ: «Равелинъ отъ западной стороны, противъ Васильевскихъ воротъ, зачатъ отъ болверка Трубецкова треугольникомъ до болверка, именуемаго Зотова».

Кромѣ Алексѣевскаго въ Петропавловской крѣпости былъ еще другой равелинъ—св. Іоанна, въ честь царя Ивана Алексѣевича, заложенный каменнымъ зданіемъ въ 1731 г. іюня въ 20 день (Богдановъ, l. c.).

Надо полагать, что названія двухъ равелиновъ: Алексѣевскій и Іоанновскій, наводя на мысль о судьбѣ несчастнаго царевича и еще болѣе злочастнаго малолѣтняго императора, и дали основаніе преданію, что оба эти лица и похоронены здѣсь, и даже будто бы именно въ Алексѣевскомъ равелинѣ (Записки Смирновой, стр. 73).

Въ показаніи Богданова говорится о постройкахъ каменнаго строенія; можетъ быть на мѣстѣ Алексѣевскаго и Іоанновскаго равелиновъ были сперва земляныя укрѣпленія; по крайней мѣрѣ такъ можно понять указанія о постройкѣ Петропавловской крѣпости, П. Свиньина (Достопамятности С.-Петербурга. Спб. 1810—1818, ч. III, стр. 8), хотя не совершенно сходныя съ показаніями Богданова и не вполнѣ точныя. Но изъ обоихъ этихъ показаній можно узнать, кто были строители равелиновъ.

Богдановъ сообщаетъ о нихъ слѣдующее: «Сію Петропавловскую крѣпость и внутри при ней надлежащее каменное строеніе сначала строилъ съ 1703 г. до 1734 г. февраля по 19 число итальянецъ архитекторъ и полковникъ Андрей Трезинъ, который вышеписаннаго числа при С.-Петербургѣ и умре, и по немъ опредѣленъ былъ къ строенію той крѣпости у строенія ея быть и нѣкоторые недостатки ея достроить изъ иноземцевъ же инженеръ и полковникъ Христіанъ фонъ Минихъ, который тщательнымъ и искуснымъ раченіемъ сію С.-Петербургскую крѣпость всю строеніемъ къ окончанію привелъ».

У Свиньина же читаемъ, что въ 1703 г. начата постройка крѣпости, но земляной; каменная же Петропавловская крѣпость «начата 30-го мая 1706 г., когда положенъ первый камень на фланкѣ Меньшикова болверка. Вскорѣ того крѣпость и выстроилась и въ ней было между прочимъ 2 равелина: Іоанновскій и св. Алексѣя, во имя царя Алексѣя

Михайловича. Крѣпостнымъ архитекторомъ былъ инженеръ-полковникъ Трезинъ съ 1703 по 1734 г.».

О томъ, чѣмъ былъ Алексѣевскій равелинъ во время заключенія въ немъ декабристовъ, находимъ свѣдѣнія въ запискахъ И. Д. Якушкина. Авторъ сидѣлъ въ № 1, а всѣхъ номеровъ было 17; онъ такъ описываетъ свой номеръ, на который, вѣроятно, были похожи и остальные: «Комната, въ которую меня посадили, была 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, послѣ наводненія 1824 г., были покрыты пятнами; стекла были выкрашены бѣлою краской и внутри отъ нихъ была вдѣлана въ окно крѣпкая желѣзная рѣшетка [1]). Около окна въ углу стояла кровать, на ней былъ тюфякъ и гошпитальное бумажное одѣяло. Возлѣ кровати стоялъ маленькій столикъ, на немъ кружка съ водою; на кружкѣ были вырѣзаны буквы А. Р. [2]). Въ другомъ углу, противъ кровати, была печь. Въ третьемъ углу, противъ печи, стольчакъ. Кромѣ того было еще 2 стула и на одномъ изъ нихъ ночникъ. Въ двери было небольшое стеклянное окошко, внутри загороженное желѣзною рѣшеткой, а снаружи закрытое зеленымъ фланелевымъ мѣшкомъ».

Внутри равелина находился, по словамъ Якушкина, маленькій трехугольный садъ, а въ немъ была могила—по мѣстному преданію, княжны Таракановой. Садъ этотъ виденъ и на фотографіяхъ, ко времени снятія которыхъ онъ уже успѣлъ вырости. Заведенъ объ былъ по распоряженію извѣстнаго М. Я. фонъ Фока. Декабристъ Батеньковъ, просидѣвшій 18 лѣтъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, посадилъ въ саду его отростокъ яблони и имѣлъ удовольствіе ѣсть яблоки съ этого дерева.

Ал. Маркевичъ.

---

[1]) Изъ окна, однако, видна была улица и можно было узнать, кто по ней проходитъ; такъ Шевченко увидѣлъ мать Костомарова, идущую навѣстить заключеннаго въ равелинѣ сына, и замѣтилъ, что она

„Чорнійша чорної землі,
Иде, з хреста неначе знята".

[2]) Очевидно, Алексѣевскій равелинъ.

*

Пожертвованія графа Н. П. Румянцова.

Въ ноябрѣ 1813 года гр. Н. П. Румянцовъ передалъ въ Академію наукъ 25.000 руб. на изданіе лѣтописей, начиная съ Кенигсбергскаго списка Несторова лѣтописца.

Въ 1814 году графъ Н. П. Румянцовъ пожертвовалъ опредѣленные ему оклады и вещи, полученныя отъ иностранныхъ дворовъ, на составленіе инвалиднаго капитала и обязался вносить ежегодно по 3.000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пожертвовалъ въ пользу изувѣченныхъ воиновъ семь пожалованныхъ ему табакерокъ, которыя были оцѣнены кабинетомъ въ 75.000 руб.

Въ октябрѣ 1822 г. онъ пожертвовалъ 500 руб. на памятникъ дѣйствительному статскому совѣтнику Павлу Григорьевичу Демидову, сооружаемый въ Ярославлѣ. Демидовъ былъ извѣстенъ своими благотвореніями на пользу просвѣщенія, преимущественно Московскаго университета, Кіевской и Тобольской гимназій, Харьковскаго института и особенно бѣдныхъ дворянъ Ярославской губерніи, гдѣ основалъ Демидовское училище высшихъ наукъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIV [1]).

Раскрытіе мятежной организаціи.—Арестованіе главнаго руководителя Калиновскаго и его сообщниковъ.—Древняя плащаница.—Священникъ Антоній Пщолко. — Намѣреніе М. Н. Муравьева закрыть Остробрамскую часовню.

Собранныя къ концу 1863 года изъ слѣдственныхъ политическихъ дѣлъ данныя ясно указывали, что цѣлый Сѣверо-Западный край обвитъ былъ неразрывною сѣтью искусно веденнаго подпольнаго заговора, центръ котораго тяготѣлъ въ Вильнѣ и Минскѣ. Неутомимо слѣдившій за ходомъ политическихъ слѣдствій, главный начальникъ края М. Н Муравьевъ командировалъ въ Минскъ 3-го января 1864 г. жандармскаго полковника А. М. Лосева, возложивъ на его отвѣтственность открыть, во что бы то ни стало, укрывавшихся главныхъ коноводовъ мятежа. Выборъ, какъ оказалось, сдѣланъ былъ самый удачный. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Минскъ полковника Лосева, полный успѣхъ увѣнчалъ его старанія по исполненію возложеннаго на него весьма труднаго и важнаго для спокойствія края порученія. Отъ него получена была шифрованная телеграмма, извѣщавшая М. Н. Муравьева, что въ Вильнѣ скрывается весьма важный политическій преступникъ Калиновскій. Вечеромъ того же дня, по выходѣ изъ кабинета главнаго начальника края, виленскій полиціймейстеръ М. А. Саранчевъ, подошедши ко мнѣ, спросилъ меня своимъ ровнымъ, тихимъ голосомъ:

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

— Не знаете-ли вы здѣсь какого-нибудь Калиновскаго? Вѣдь вы старожилъ здѣшній.

— Какъ не знать,—отвѣтилъ я ему,—а вамъ зачѣмъ это понадобилось?

— Получилъ приказаніе главнаго начальника края навести по этому предмету подъ рукою справку.

— На двоихъ Калиновскихъ я вамъ могу указать: одинъ былъ директоромъ здѣшняго дворянскаго института, а другой сначала служилъ приказчикомъ въ магазинѣ, а въ настоящее время торгуетъ суконнымъ товаромъ въ домѣ Познанскаго; помнится мнѣ, что еще былъ какой-то ремесленникъ Калиновскій, но про него ничего положительнаго сообщить вамъ не могу.

Записавши въ свою памятную книжку сообщенныя ему мною свѣдѣнія, полиціймейстеръ, пожелавъ всѣмъ намъ присутствовавшимъ покойной ночи, отправился изъ дворца на ночную работу. Обыски въ то ужасное время производились чуть не ежедневно по цѣлому городу одновременно ночью въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ какъ открытія по подпольной организаціи слѣдовали за открытіями. Но главный коноводъ мятежа, скрывавшійся въ Вильнѣ, несмотря на принятыя мѣры, ускользалъ отъ всѣхъ розысковъ полиціи. Дня чрезъ два послѣ описанной мною сцены снова получена была изъ Минска отъ полковника Лосева телеграмма, сообщавшая, что «Калиновскій подъ именемъ Виторженца проживаетъ въ Свято-Янскихъ мурахъ, то есть въ строеніяхъ, занимающихъ цѣлый кварталъ и принадлежавшихъ прежде іезуитамъ, въ которыхъ помѣщался Виленскій университетъ, а въ настоящее время занятыхъ гимназіею и разными другими учрежденіями». Это обстоятельство крайне усложняло успѣхъ обыска; но такъ какъ съ іюня мѣсяца, по распоряженію М. Н. Муравьева, заведены были не только въ Вильнѣ, а и по всему краю домовыя книги, въ которыя записывались по квартирамъ всѣ проживавшія въ домахъ лица и таблицы о жильцахъ обязательно вывѣшивались при воротахъ каждаго дома, поэтому хотя по полученному свѣдѣнію и можно было найти отыскиваемую личность, если она дѣйствительно тамъ проживала, все-таки для пресѣченія Калиновскому возможности скрыться, на обыски назначены были двѣ роты солдатъ, при десяти полицейскихъ офицерахъ и особо командированныхъ туда же нѣсколькихъ лицъ.

Весь кварталъ былъ оцѣпленъ около полуночи, съ приказаніемъ никого не выпускать изъ воротъ, и затѣмъ начались обыски въ разныхъ квартирахъ. Той партіи, которой досталось производство обыска въ помѣщеніяхъ, гдѣ жили учителя, посчастливилось вскорѣ захватить и скрывавшагося коновода мятежа. Онъ, какъ оказалось, проживалъ въ правомъ флигелѣ, внизу. Когда прибывшія для обыска лица постучали

въ дверь, ее отворилъ какой-то молодой человѣкъ, со свѣчею въ рукахъ. На вопросъ полицейскаго офицера—кто онъ таковъ?—послѣдовалъ отвѣтъ:

— Витольдъ Виторженецъ...

— Васъ-то намъ и нужно; вы арестовываетесь...

Тотчасъ же послѣ этого распоряженія приступили къ обыску занятаго имъ жилища и къ опечатанію всѣхъ найденныхъ тамъ бумагъ. Въ одномъ изъ березовыхъ полѣньевъ, лежавшихъ при печкѣ, открытъ былъ тайникъ, въ которомъ хранились—революціонная печать и другіе компрометирующіе арестанта документы.

Политическій преступникъ вмѣстѣ со всѣмъ найденнымъ у него при обыскѣ тотчасъ же препровожденъ былъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Доминиканскую тюрьму, гдѣ работала слѣдственная коммиссія, въ которой состояли генералъ Соболевскій, полковникъ Шелгуновъ и другія лица, стойкія по своимъ убѣжденіямъ.

Когда Калиновскій подвергнутъ былъ на другой день допросу, то съ полнымъ озлобленіемъ сталъ отрицать всѣ взведенныя на него тяжкія обвиненія, добытыя слѣдствіемъ полковника Лосева въ Минскѣ и произведеннымъ обыскомъ. Наконецъ, послѣ нѣсколько-часоваго запирательства, арестантъ, признавая себя Калиновскимъ, добавилъ: — «Одному только лицу открылъ я настоящее свое имя, и попался».

Сознавшись затѣмъ, что онъ былъ главнымъ представителемъ народнаго ржонда въ цѣломъ краѣ, Калиновскій отказался дать объясненія слѣдственной коммиссіи о подпольной организаціи и въ заключеніе прибавилъ, что, хотя польская справа и понесла въ немъ незамѣнимую потерю, но что русское правительство не съумѣетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ сильно ошибся. Никакія затѣмъ увѣщанія и обѣщанія не могли поколебать упорства этого крамольника, которому было тогда всего 26 лѣтъ. По приговору полеваго суда Калиновскій былъ повѣшенъ на Лукишкахъ, нѣсколько дней спустя послѣ его поимки.

Я не рѣшился пойти посмотрѣть на это потрясающее зрѣлище, но тамъ бывшіе разсказывали, что Калиновскій былъ блондинъ, съ рѣзкими хотя и довольно выразительными чертами лица; шелъ на казнь смѣлою поступью, сталъ прямо къ висѣлицѣ и при чтеніи приговора, гдѣ онъ названъ былъ дворяниномъ,—громко произнесъ: «дворянъ нѣтъ, мы всѣ равны». Внутреннее его волненіе пробивалось наружу только въ томъ, что онъ какъ бы машинально обводилъ окружающую его толпу глазами; а можетъ быть онъ отыскивалъ тамъ кого-либо изъ своихъ сотоварищей, желая дать ему понять какимъ-нибудь знакомъ, что тайну о нихъ несетъ онъ съ собою въ могилу, но, и въ такомъ случаѣ, онъ крайне ошибался. Вся подпольная организація была открыта, и

хотя многія изъ виновныхъ лицъ успѣли скрыться за границу, но край былъ уже очищенъ отъ организаторовъ, и можно было сказать съ достовѣрностью, что главный нашъ начальникъ окончательно поборолъ мятежъ, страшный не по вооруженной силѣ, а по таинственности организаціи, о которой до самаго послѣдняго времени мы не имѣли никакого понятія.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ темныхъ личностяхъ, которыя играли главныя роли въ кровавой комедіи послѣдняго польскаго мятежа. Къ нимъ относится нѣкто Дюоранъ, служившій въ главномъ обществѣ Виленской желѣзной дороги. Когда шайка кинжальщиковъ, покусившаяся на убійство виленскаго губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Домейки, была вскорѣ переловлена и казнена на Лукишкахъ въ Вильнѣ, Дюоранъ, опасаясь той же участи, счелъ за лучшее удрать за границу. Послѣ его бѣгства началось сильное замѣшательство между членами подпольнаго ржонд; тогда, чтобы возстановить расшатавшуюся власть, Викентій Калиновскій, бывшій до того революціоннымъ коммиссаромъ въ Гроднѣ, заступилъ мѣсто бѣглеца и сталъ круто распоряжаться. При немъ состоялъ въ званіи агента и довѣреннаго лица двадцати трехъ-лѣтній молодой человѣкъ—Титъ Долецкій, на сестрѣ котораго былъ женатъ повѣшенный въ Вильнѣ Сѣраковскій (Доленго). Долецкій былъ вскорѣ арестованъ послѣ Калиновскаго и разстрѣлянъ въ Вильнѣ. Кандидатъ Петербургскаго университета Здановичъ, сынъ бывшаго профессора Виленскаго университета, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи хозяйственную и денежную часть мятежа; онъ былъ арестованъ въ домѣ своего отца, на Зарѣчьѣ. Тамъ, на заднемъ дворѣ, въ одномъ изъ сараевъ за дровами устроена была имъ тайная комната съ небольшимъ окномъ, выходившимъ на совершенно глухой берегъ рѣки Вилейки, гдѣ онъ и занимался подпольной работой. Во время обыска въ этой комнатѣ забраны были революціонная печать, разные бланки, приказы подпольнаго комитета и другіе мятежные документы. Несмотря на то, что всѣ улики виновности Здановича были на лицо, онъ упорно во всемъ запирался. Ни мольбы стараго отца, чтобы онъ открылъ всю истину, ни данное главнымъ начальникомъ края обѣщаніе полнаго помилованія виновнаго, если онъ чистосердечно во всемъ повинится и укажетъ на своихъ сообщниковъ по мятежной организаціи, не смогли поколебать его. Здановичъ былъ повѣшенъ въ Вильнѣ съ нѣкіимъ Дверманновскимъ, занимавшимъ должность революціоннаго коммиссара, иначе губернатора Виленской губерніи. Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о преступникѣ Титѣ Долецкомъ, казнь котораго оставила во мнѣ самыя тяжелыя воспоминанія. Ему было 23 года, когда злосчастная судьба привела его на роковое мѣсто предмѣстья Лукишекъ. Сухоща-

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

вый, средняго роста, брюнетъ, гладко остриженный, съ суровымъ взглядомъ исподлобья, стоялъ онъ скромно при чтеніи приговора военнаго суда и, опустивши голову на грудь, обводилъ изрѣдка окружавшую его толпу тоскливымъ взглядомъ. Чтеніе приговора окончено, раздался грозный барабанный бой... Къ осужденному на разстрѣляніе политическому преступнику медленно подошелъ ксендзъ съ крестомъ въ рукахъ и началъ напутствіе въ загробную жизнь, продолжавшееся недолго. Осужденный затѣмъ началъ читать вслухъ молитву Господню, по-польски и при словахъ: «да будетъ воля Твоя», произнесенныхъ дрогнувшимъ голосомъ, но съ избыткомъ чувства, палъ на колѣни и сдѣлалъ земной поклонъ. При этой раздирающей душу сценѣ послѣдняго прощанія съ молодою жизнію сильно дрогнуло трепетавшее въ груди моей сердце; мнѣ стало невыразимо жаль гибнущую молодость и страшно досадно на тѣхъ, которые, скрываясь гдѣ-нибудь вдалекѣ, подталкивали легковѣрную молодежь на путь погибели, ради своихъ корыстныхъ цѣлей... Когда ксендзъ удалился отъ осужденнаго, на него надѣли бѣлый съ очень длинными рукавами саванъ и, завязавъ бѣлымъ платкомъ глаза, повели его къ роковому столбу, ожидавшему свою жертву...

Не лишнимъ будетъ разсказать здѣсь одинъ изъ эпизодовъ послѣдняго мятежа, который выяснитъ наглядно то безвыходное положеніе, въ которомъ находился Сѣверо-Западный край и всѣ русскіе люди, не сочувствовавшіе кровавой рухавкѣ, и какая участь ожидала ихъ въ первое время по пріѣздѣ въ Вильну М. Н. Муравьева. 23-го мая 1863 года, въ шесть часовъ вечера, отрядъ мятежниковъ въ сорокъ человѣкъ изъ шайки мѣстнаго помѣщика Игуменскаго уѣзда Болеслава Свенторжецкаго, тихо подкрался къ имѣнію его—мѣстечку «Богушевичи» и тотчасъ же окружилъ домъ православнаго священника Даніила Конапасевича, который, исполняя честно долгъ православнаго пастыря и вѣрноподданнаго слуги государя и отечества, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, боролся съ мятежниками и помогалъ войскамъ въ открытіи и преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ, несмотря на угрозы мѣстнаго коновода-предводителя шайки Свенторжецкаго. За нѣсколько дней до появленія мятежниковъ предъ домомъ священника Конапасевича, онъ совершилъ новый подвигъ честнаго служенія своего русскому дѣлу, за который и положилъ свою душу, по словамъ Спасителя «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы». Узнавши отъ крестьянъ, что въ волостномъ правленіи начальникъ шайки Свенторжецкій, бывшій ихъ помѣщикъ, объявилъ манифестъ революціоннаго комитета, которымъ они, подъ угрозою смерти, призывались къ возстанію, съ обѣщаніемъ даровать имъ надѣлъ земли и, замѣтивъ, что на нихъ былъ наведенъ этимъ документомъ паническій страхъ, для поддержанія упавшаго въ нихъ духа, онъ отправился въ волостное правленіе въ сопровожденіи крестьянъ.

Тамъ на столѣ лежалъ этотъ грозный для простодушныхъ поселянъ манифестъ. Священникъ Конапасевичъ, взявши со стола страшную грамоту, разорвалъ ее при крестьянахъ пополамъ и затѣмъ при своемъ извѣщеніи, тамъ же написанномъ, отправилъ ее къ минскому губернатору. По этому-то поводу и появились предъ его домомъ непрошенные гости. Священникъ Конапасевичъ, захваченный врасплохъ и не имѣя возможности скрыться, вышелъ къ нимъ навстрѣчу вмѣстѣ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ—въ надеждѣ, что крамольники пощадятъ его ради семьи; но, увы, эти ожиданія оказались тщетными; послѣ долгихъ ругательствъ и истязаній надъ несчастнымъ, когда револьверъ былъ приложенъ уже къ груди страдальца, молодая его жена бросилась съ мольбами къ разбойнику и, схвативъ его руку, удержала выстрѣлъ, въ эту критическую минуту раздался вдругъ чей-то голосъ изъ толпы мятежниковъ: «подать веревку и повѣсить»... Ни просьбы священника Конапасевича, ни вопли жены и слезы несчастныхъ не могли смягчить ожесточенныя сердца крамольниковъ; они схватили мученика и поволокли его къ воротамъ, на перекладинѣ которыхъ довѣренный лакей Свенторжецкаго, Александръ, повѣсилъ несчастнаго страдальца, глумясь при этомъ надъ его вдовою, упавшею безъ чувствъ при видѣ подобнаго звѣрства. Жители мѣстечка Богушевичи, несмотря на свое числительное превосходство надъ ничтожною толпою мятежниковъ, оставались равнодушными зрителями совершоннаго безчеловѣчія.

Когда объ этомъ звѣрскомъ убійствѣ доведено было до свѣдѣнія главнаго начальника края М. Н. Муравьева, онъ далъ слѣдующую телеграмму на имя начальника военнаго отдѣла генерала Заболоцкаго: «Пошлите немедленно отрядъ въ имѣніе Свенторжецкаго, селеніе Богушевичи, Игуменскаго уѣзда, и прикажите все семейство этого помѣщика взять и доставить въ Минскъ, гдѣ и содержать оное подъ арестомъ; на имѣніе наложить секвестръ и, забравъ все движимое имущество, немедленно продать, вырученныя деньги обратить въ пособіе семействамъ повѣшеннаго священника и другихъ лицъ, отъ Свенторжецкаго пострадавшихъ; всю же усадьбу его уничтожить до основанія—въ примѣръ и урокъ другимъ подобнымъ злодѣямъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ».

На другой день по полученіи этого приказанія усадьба богача-пана не существовала, семейство мятежника Свенторжецкаго было отвезено въ Минскъ и посажено подъ домашній арестъ, который длился, впрочемъ, весьма недолго; движимость вся была распродана частію на мѣстѣ, болѣе же цѣнныя вещи перевезены въ Минскъ и проданы съ публичныхъ торговъ; вырученныя отъ продажи четыре тысячи рублей, по обращеніи въ процентныя бумаги, переданы были консисторіею на храненіе въ Минское попечительство до совершеннолѣтія и окончанія курса наукъ

дѣтей покойнаго Конапасевича—Алексѣя и Людмилы, а проценты съ капитала положено было выдавать вдовѣ его на содержаніе съ дѣтьми.

Вѣсть о плачевной кончинѣ священника Конапасевича сообщилъ мнѣ и сослуживцамъ моимъ, членамъ повѣрочныхъ по крестьянскимъ дѣламъ коммиссій, явившимся въ церковь съ Л. С. Маковымъ во главѣ, архимандритъ Св. Троицкаго монастыря Іосифъ, который послѣ отслуженнаго по просьбѣ нашей молебна предъ началомъ нашихъ занятій по великому дѣлу—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объявилъ намъ съ амвона въ прочувствованномъ словѣ про эту бѣду, поразившую нашего православнаго священника. Сильно было попріуныли мы при этомъ потрясающемъ извѣстіи, но послѣдовавшее распоряженіе главнаго начальника края по этому случаю успокоило наши взволнованныя чувства, такъ какъ становилось яснымъ, что съ мятежниками церемониться болѣе, по примѣру столь еще недавняго прошлаго, не станутъ. Въ послѣдствіи времени на мѣстѣ мученической кончины священника Конапасевича построена была православная церковь.

7-го августа 1864 года получилъ я оффиціальное письмо отъ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи А. Д. Туманова, которое гласило слѣдующее: «Предложеніемъ отъ 6-го сего августа, за № 2416, его высокопревосходительству угодно было поручить мнѣ открыть, подъ предсѣдательствомъ моимъ, коммиссію, пригласивъ въ оную васъ, милостивый государь, и соборнаго священника Антонія Пщолко, для разсмотрѣнія присланной изъ царства Польскаго древней плащаницы и о заключеніи, къ которому придетъ коммиссія относительно этой святыни, представить его высокопревосходительству въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнія. Исполняя предложеніе г. главнаго начальника края, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, пожаловать завтра, въ 10 часовъ утра, въ генералъ-губернаторскую канцелярію для совѣщанія по этому предмету».

— Что за древняя плащаница и какъ она попала въ царство Польское?—невольно пришло мнѣ на мысль, по прочтеніи этого письма. Такъ какъ назначенный въ коммиссію соборный протоіерей А. И. Пщолко былъ моимъ другомъ и духовнымъ отцомъ во все время моего пребыванія въ Вильнѣ, то я тотчасъ же и обратился къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ встрѣченное мною недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что главный начальникъ края ожидалъ скорый и серьезный отвѣтъ отъ коммиссіи. Достойный Антоній Ивановичъ, прибывшій тотчасъ же на мое приглашеніе, сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя данныя про нашу древнюю московскую святыню, прежде изложенія которыхъ да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ про эту свѣтлую личность.

Магистръ богословія, одаренный отъ природы представительною на-

ружностію и христіанскимъ сердцемъ, добрый семьянинъ, пылкій и ревностный поборникъ православной вѣры, вполнѣ русскій по духу, Антоній Ивановичъ Щолко сосредоточилъ всѣ силы своего свѣтлаго ума и честной души на истинное служеніе святой православной церкви и русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Подъ руководствомъ знаменитаго митрополита литовскаго, Іосифа Сѣмашки, считавшаго его однимъ изъ ревностнѣйшихъ и способнѣйшихъ пастырей, отецъ Антоній былъ дѣйствительно незамѣнимъ въ борьбѣ противу явныхъ и тайныхъ ковъ латинства и польской пропаганды въ нашемъ искони русскомъ краѣ. Испытавшій на самомъ себѣ и на близкихъ къ нему лицахъ всю тяготу несноснаго положенія здѣшняго православнаго духовенства и подготовленный научно, онъ съ перваго же раза не могъ не обратить на себя вниманіе и главнаго начальника края М. Н. Муравьева, который возлагалъ на него неоднократно разработку разныхъ проектовъ по возстановленію поруганныхъ храмовъ—собора Пречистыя Богородицы, Пятницкой и Николаевской церквей, а также и по устройству въ Вильнѣ православнаго женскаго монастыря во имя св. равноапостольныя Маріи Магдалины. При одномъ изъ такихъ докладовъ, при бытности виленскаго губернатора С. Ѳ. Панютина, отецъ Антоній прочелъ Михаилу Николаевичу свой переводъ описанія древней московской плащаницы, составленнаго въ 1820 году монахомъ Базиліанскаго монастыря, и представилъ ему тогдашнее печатное изображеніе этой древней святыни. Плащаница эта, замѣчательная по художественной работѣ инокинь Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, была вышита золотомъ, шелками и жемчугомъ, украшена драгоцѣнными камнями и поднесена въ даръ, три столѣтія тому назадъ, смоленскому епископу Гурію. Во время польскаго нашествія въ 1612 году, когда ляхи были изгнаны изъ предѣловъ Россіи, они похитили у насъ въ числѣ многихъ награбленныхъ ими драгоцѣнностей и эту древнюю святыню изъ Смоленска, которая была подарена польскимъ королемъ Базиліанскому монастырю въ Вильнѣ. Въ послѣдствіи времени, а именно въ 1820 году, монастырь преподнесъ эту плащаницу въ даръ князю Адаму Чарторыйскому, злѣйшему врагу православія и русской народности, для пріумноженія коллекцій древностей въ его Пулавскомъ музеѣ. По этому случаю напечатано было монахомъ, въ какомъ-то журналѣ, вышеизложенное описаніе плащаницы, съ приложеніемъ и снятаго съ нея рисунка, послужившаго, какъ увидимъ ниже, фактическимъ доказательствомъ подлинности отысканной плащаницы. Заинтересованный этимъ описаніемъ, графъ М. Н. Муравьевъ, не любившій ничего откладывать въ дальній ящикъ, тотчасъ же порѣшилъ: отыскать, во что бы то ни стало, нашу древнюю святыню и возвратить ее въ Москву. Добытыя отцемъ Антоніемъ о ней свѣдѣнія были на другой же день сообщены

намѣстнику царства Польскаго графу Бергу, съ покорнѣйшею просьбою не отказать помочь въ отысканіи древней русской святыни. Отнесясь сочувственно къ благочестивому желанію Михаила Николаевича, намѣстникъ царства Польскаго поручилъ варшавскому генералъ-полицеймейстеру Трепову принять мѣры къ немедленному розысканію плащаницы. Несмотря на трудность этого дѣла, такъ какъ незадолго до мятежа 1831 года многія драгоцѣнности изъ Пулавскаго музея были частію вывезены въ Галицію, частію же поступили къ графамъ Замойскимъ, родственникамъ Чарторыйскихъ, а затѣмъ самый музей былъ окончательно разграбленъ во время вспыхнувшаго тогда вооруженнаго мятежа,—порученіе это увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Древняя православная святыня была отыскана, и гдѣ же? Между попонами и другимъ древнимъ хламомъ изъ трофеевъ предковъ Замойскихъ.

— Обстоятельства тогдашняго положенія дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, ко времени начатія розысковъ плащаницы, сложились такимъ образомъ. Брошенная, незадолго передъ тѣмъ въ Варшавѣ въ графа Берга, бомба, изъ окна графа Замойскаго, послужила поводомъ къ конфискаціи его имѣнія въ казну; поэтому поручено было провѣрить опись конфискованнаго движимаго имущества, но плащаница, какъ оказалось,—по ней не значилась. Дальнѣйшіе розыски по Варшавѣ выяснили, что много драгоцѣнностей графовъ Замойскихъ хранилось въ Люблинской губерніи, въ ихъ Клеменсовскомъ замкѣ, куда тотчасъ же и былъ командированъ офицеръ. Когда онъ сталъ разспрашивать тамъ про плащаницу, то ему отвѣтили, что, еще въ 1850 году, самыя цѣнныя вещи были перевезены изъ Клеменсова въ Варшаву въ палацъ графовъ Замойскихъ и что, по всей вѣроятности, она должна находиться тамъ, такъ какъ никто изъ служащихъ въ замкѣ не видѣлъ шитаго золотомъ и шелками изображенія Спасителя. Зная съ достовѣрностью, что отыскиваемая древняя православная святыня не могла находиться въ Варшавѣ, командированный офицеръ потребовалъ сдѣлать подробный осмотръ всѣхъ Клеменсовскихъ рѣдкостей, въ чемъ ему, по тогдашнему положенію края, разумѣется, не могло быть отказано. Произведенный осмотръ не привелъ, однако же, ни къ какимъ утѣшительнымъ результатамъ. Казалось бы, что, послѣ такой неудачи, наступитъ конецъ порученію, но, въ тогдашнее время, не такъ-то легко было утаить истину. Благодаря честному усердію исполнителей, она, непремѣнно, всплывала наружу. Такъ случилось и здѣсь... Командированный офицеръ не остановился передъ встрѣченнымъ затрудненіемъ и сталъ наводить самыя подробныя справки о плащаницѣ, подробно описывая всѣмъ и каждому ея наружные признаки, и вотъ, наконецъ, по счастливой случайности, въ разговорѣ съ однимъ старикомъ-полотеромъ, онъ узналъ отъ него, что тотъ дѣйствительно видѣлъ, и очень уже давно, во время провѣриванія ковровъ,

большое, шитое золотомъ и шелками покрывало съ изображеніемъ Спасителя. Однако, дорогихъ камней на немъ не замѣтилъ, и гдѣ оно теперь можетъ находиться, не знаетъ съ достовѣрностью, но полагаетъ, что оно должно храниться въ одномъ изъ двухъ тайныхъ складовъ, находящихся въ старыхъ флигеляхъ замка. Заручившись подобными свѣдѣніями и давъ обѣщаніе старику не выдавать его, офицеръ хотѣлъ еще разъ попытать счастія, повтореніемъ обыска, твердо рѣшившись произвести самый подробный осмотръ въ Клеменсовскомъ замкѣ. Пригласивши съ собою всѣ мѣстныя власти, предшествуемый старшимъ надсмотрщикомъ замка, въ сопровожденіи прислуги, въ числѣ которой находился и старикъ-полотеръ, онъ принялся снова за осмотръ жилища польскаго магната. Такъ какъ въ самомъ замкѣ плащаницы не оказалось и на этотъ разъ, то перешли къ осмотру двухъ старыхъ флигелей, въ которыхъ помѣщалась библіотека и хранились старыя картины, но и тутъ плащаницы не нашлось. Оставалось приступить къ осмотру двухъ тайныхъ складовъ за библіотекою, которые отворялись весьма рѣдко и не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ графовъ Замойскихъ, для провѣтриванія хранившихся тамъ древнихъ вещей. Когда отворена была дверь перваго склада, оттуда понесло спертымъ воздухомъ, подтверждавшимъ справедливость сдѣланнаго заявленія, что туда давно не входилъ уже никто; тамъ хранились старыя картины, дорогой фарфоръ, старинныя люстры, разные домашніе предметы, бывшіе тогда въ употребленіи; всѣ вещи были тщательно пересмотрѣны и перебраны, но плащаницы не находилось. Перешли, наконецъ, во второй и послѣдній складъ, гдѣ сохранялись разные древніе трофеи предковъ графовъ Замойскихъ. При взглядѣ на обстановку этого склада, у офицера родилась какая-то отрадная надежда, обѣщавшая ему находку отыскиваемаго имъ нашего древняго сокровища. Оказалось, что тутъ хранилось множество турецкихъ знаменъ, ковровъ, попонъ и т. п. Тщательно перебирая и пересматривая поодиночкѣ находившіяся въ этомъ складѣ древности, офицеръ нашелъ между попонами какой-то старинный, шитый золотомъ, коверъ. Когда онъ развернулъ его, то передъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ открылось изображеніе Спасителя. Не подлежало никакому сомнѣнію, что древняя плащаница, хорошо сохранившаяся, наконецъ, отыскана. Одинъ только изъ угловъ, съ частію надписи, былъ оторванъ у ней, да не оказалось драгоцѣнныхъ камней, хотя слѣды таковыхъ можно было замѣтить. Выдавши росписку въ полученіи древней русской святыни и тщательно уложивши ее, отвезъ онъ плащаницу въ Варшаву къ графу Бергу, который тотчасъ же переслалъ ее, при любезномъ письмѣ, въ Вильну къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. Когда коммиссіи пришлось осматривать плащаницу, всѣ члены единогласно признали ея подлинность. На слѣдующій за тѣмъ день древняя святыня

наша была выставлена напоказъ въ пріемной комнатѣ дворца, такъ какъ главный начальникъ края пожелалъ еще разъ лично осмотрѣть плащаницу передъ отправленіемъ ея въ Москву. Ежедневно, въ 11 часовъ утра, начинался пріемъ у главнаго начальника края, который и выходилъ иногда изъ кабинета въ красную гостиную къ представляющимся; въ этотъ день число явившихся было довольно значительное, такъ какъ извѣщеніе о счастливой находкѣ древней русской святыни быстро разнеслось между служащими лицами. По окончаніи пріема всѣ присутствовавшіе двинулись вслѣдъ за графомъ М. Н. Муравьевымъ къ столамъ, на которыхъ помѣщена была плащаница. Тамъ, протоіерей А. И. Пщолко предъявилъ публикѣ печатный отъ нея рисунокъ и прочелъ, сдѣланное базиліанскимъ монахомъ, описаніе, послужившее къ отысканію этой драгоцѣнной древности. Подлинность ея была признана всѣми, безусловно, такъ какъ ни въ комъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что печатный рисунокъ былъ сдѣланъ совершенно сходно съ отысканнаго подлинника; потускнѣвшія, отъ времени, надписи были очень легко прочитаны по рисунку. На другой день плащаница была отправлена въ Москву, при письмѣ, къ митрополиту Филарету. Порученіе это было возложено на губернскаго архитектора Н. М. Чагина, который былъ командированъ туда для представленія московскому архипастырю проектовъ иконостасовъ, передѣлывавшихся въ то время въ Вильнѣ: Николаевскомъ соборѣ и древней Николаевской церкви, составленныхъ профессоромъ Резановымъ и по предположенному обращенію упраздненнаго римско-католическаго францисканскаго монастыря, на Трокской улицѣ, въ православную Маріинскую обитель инокинь, которая, впослѣдствіи, и была устроена въ Повизитскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, суждено было поруганной ляхами русской святынѣ возвратиться съ торжествомъ въ ту самую Московскую обитель, инокини которой, за 300 лѣтъ предъ тѣмъ, выказали такое искусство въ ея созданіи.

По распоряженію митрополита Филарета полученная изъ Вильны плащаница была выставлена и освѣщена вторично въ Успенскомъ соборѣ и въ первое затѣмъ воскресенье отнесена съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, при вратахъ котораго и была встрѣчена тамошнимъ духовенствомъ и цѣлою обителію. Въ послѣдствіи времени, когда графъ М. Н. Муравьевъ оставилъ управленіе краемъ, Новодѣвичій монастырь отблагодарилъ его посланною ему въ Петербургъ св. иконою Смоленской Божіей Матери, риза на которой была вышита инокинями съ большимъ искусствомъ жемчугомъ. Какъ цѣнилъ онъ такое вниманіе къ нему, показываютъ слѣдующія заключительныя слова его записокъ: «но не могу не высказать, что всѣ эти манифестаціи и заявленія русскаго чувства составляютъ для меня высшую изъ всѣхъ

наградъ, которыя я могъ получить въ своей жизни. Это выше всего, что могло дать мнѣ правительство, ибо ленты и звѣзды суть награды рядовыя, которыя даются весьма часто по искательству и интригамъ, безъ разсмотрѣнія настоящихъ заслугъ. Заявленіе же благодарности Россіи, удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы съ мятежомъ и крамолою въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и присылка святыхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи во время управленія краемъ и даже послѣ того, также радушныя и сердечныя заявленія благодарности русскими людьми, коими я былъ удостоенъ значительно послѣ оставленія мною управленія, т. е. когда я не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на дѣла службы,—составляютъ такія награды, которыя превосходятъ все, что можетъ получить человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе отечеству! Богъ благословилъ меня этимъ счастіемъ, которое, еще разъ скажу, превыше всѣхъ правительственныхъ наградъ: его никто не можетъ ни дать, ни взять».

Послѣ упраздненія въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 года Виленскаго женскаго монастыря Визитокъ, одного изъ зловреднѣйшихъ въ политическомъ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ краѣ, такъ какъ въ находившемся тамъ пансіонѣ воспитывались въ польскомъ духѣ дочери высшаго польскаго дворянства, незадолго до отъѣзда своего въ Петербургъ, графъ М. Н. Муравьевъ, при одномъ вечернемъ моемъ докладѣ, завелъ разговоръ со мною на эту тему и очень былъ доволенъ, что отъѣздъ монахинь за границу совершился тихо.

— Пусть ихъ попробуютъ, какъ живется за границею, если были недовольны здѣшнею жизнью. Пріемъ, оказанный имъ нѣмцами въ Эйдкуненѣ, будетъ надолго имъ памятенъ... Слава Богу, съ этой минуты Вильна станетъ еще болѣе русскимъ городомъ.

— Справедливо, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я ему,—но польскій типъ Вильнѣ придавалъ собственно не монастырь Визитокъ, онъ вѣдь стоялъ въ глуши, а существующая въ Вильнѣ понынѣ Остробрамская часовня, древне-православная икона которой забрана у насъ римско-католиками самымъ наглымъ образомъ...

— Братъ мой, Андрей Николаевичъ, описалъ этотъ печальный эпизодъ невниманія нашего правительства къ нуждамъ здѣшняго края.— Удивителенъ онъ тѣмъ болѣе, что окончательное закрѣпощеніе иконы Богоматери въ латинство совершилось на глазахъ знаменитаго нашего митрополита.

Этотъ грустный фактъ совершился въ 1839 году, въ годъ присоединенія уніатовъ къ православной церкви. Папа металъ тогда громъ и молніи на Россію и на нашего незабвеннаго государя. Митрополиту и новообращенному духовенству было и безъ того довольно заботы: опасались безпорядковъ въ случаѣ отобранія иконы.

— Жаль, ваше высокопревосходительство, что вы не признали возможнымъ поднять этотъ вопросъ въ настоящее время и не закрыли часовни, а вѣдь передъ нею и днемъ и ночью совершались для русскаго чувства самыя оскорбительныя манифестаціи. Подобное распоряженіе еще болѣе увѣковѣчило бы ваше имя въ здѣшнемъ краѣ.

— При Божіей помощи непремѣнно закрою часовню,—отвѣтилъ мнѣ Михаилъ Николаевичъ, стукнувши рукою по столу. Нужно доказать этимъ отщепенцамъ, что мятежи да крамолы ни къ чему доброму ихъ не приведутъ.

Дня черезъ два послѣ этой бесѣды, я удивленъ былъ совершенно неожиданнымъ посѣщеніемъ меня въ особой канцеляріи, управлявшимъ тогда римско-католическою епархіею прелата Жилинскаго, который со мною не былъ знакомъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, ваше превосходительство, по весьма важному дѣлу, съ предложеніемъ моихъ услугъ главному начальнику края.

Нужно замѣтить, что я тогда былъ статскимъ совѣтникомъ и хотѣлъ было попросить прелата не величать меня не принадлежащимъ мнѣ титуломъ, но воздержался, увлеченный любопытствомъ; при томъ мнѣ пришло въ голову, что поляки величаютъ постоянно статскихъ совѣтниковъ превосходительствами, поручиковъ — капитанами, маіоровъ— полковниками.

— Позвольте, ваше преосвященство, по какому, именно, дѣлу вы изволили пожаловать?—спросилъ я его.

— Я слышалъ, что Михаилъ Николаевичъ затрудняется закрыть Остробрамскую часовню, опасаясь безпорядковъ... Но я ручаюсь головою, что все будетъ спокойно. Пусть скажетъ одно слово закрыть, и я самъ перенесу икону въ костелъ.

Сознаюсь откровенно, что подобное предложеніе прелата крайне поразило меня. Отъ кого онъ могъ узнать про нашъ разговоръ? Я былъ нѣмъ, какъ рыба. Не началъ-ли ужъ дѣйствовать главный начальникъ края? невольно пришло мнѣ на мысль, а потому мнѣ захотѣлось вывѣдать отъ прелата что-нибудь объ этомъ.

— Меня крайне удивляетъ, ваше преосвященство, откуда вы взяли эту новость? Мнѣ ничего неизвѣстно про закрытіе Остробрамской часовни; впрочемъ, я передамъ ваше желаніе главному начальнику края.

— Повторяю вамъ, что его высокопревосходительство порѣшилъ это дѣло, а я ручаюсь, что никакихъ безпорядковъ не будетъ...

— Смѣю увѣрить васъ, ваше преосвященство, что если Михаилъ Николаевичъ порѣшилъ не только закрыть часовню, но даже взять оттуда и икону Богоматери, древнее достояніе православной нашей церкви,

то никакихъ безпорядковъ быть при этомъ не можетъ, но ему пріятно будетъ узнать о вашей готовности помочь ему въ этомъ благомъ дѣлѣ...

Послѣ моихъ словъ прелатъ, видимо, растерялся. Предложивъ сигару, я снова повторилъ ему, что о закрытіи часовни до настоящей минуты никакихъ распоряженій въ виду не имѣется. Затѣмъ разговоръ нашъ перешелъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ краѣ, принимавшемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе русскій обликъ, и послѣ получасовой пріятной бесѣды мы разстались дружелюбно. Нужно отдать полную справедливость прелату Жилинскому. Онъ честно исполнялъ свои обязанности въ отношеніи русскаго правительства и помогалъ по мѣрѣ своихъ силъ успокоенію взволнованныхъ умовъ. Минутъ черезъ двадцать послѣ его ухода наступила очередь моего доклада, по окончаніи котораго я передалъ Михаилу Николаевичу бывшій разговоръ съ прелатомъ.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла; боится потерять доходъ, который доставляетъ часовня,—отвѣтилъ, смѣясь, графъ;—спасибо ему за обѣщанное содѣйствіе; будетъ нужно,—припомнимъ ему объ этомъ; впрочемъ, и безъ его помощи, надѣюсь, что спокойствіе въ краѣ не нарушится...

Но, увы! къ крайному прискорбію, упраздненію Остробрамской часовни не суждено было состояться; 19-го марта главный начальникъ края уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда уже не возвратился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1]).

II.

При вступленіи на престолъ Іоанна Грознаго, система управленія Московскаго государства была уже довольно сложная. Завѣдываніе отдѣльными отраслями государственныхъ дѣлъ и отдѣльными областями сосредоточивалось въ приказахъ, появленіе которыхъ относится къ XV вѣку. Во главѣ ихъ стояла боярская дума—совѣтъ «лучшихъ» людей, рѣшавшихъ вмѣстѣ съ княземъ высшіе государственные и законодательные вопросы.

Въ началѣ составъ думы былъ строго опредѣленный, въ ней засѣдали только близкіе къ князю люди, его непосредственные совѣтники; но по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ въ составъ думы вошли лишившіеся удѣловъ князья, а впослѣдствіи назначеніе въ думу зависѣло почти исключительно отъ воли государя.

Отсутствіе корпоративной организаціи не дало, по словамъ Валишевскаго, боярской думѣ возможности пріобрѣсти прочную организацію. Хотя въ ней участвовало большое число бояръ и князей; но рядомъ съ ними засѣдало еще бо̀льшее число служилыхъ людей: окольничьихъ, дворянъ и даже дьяковъ, и въ сущности было недостаточно принадлежать къ знатному роду для того, чтобы засѣдать въ думѣ.

«Въ спискѣ 1527 г. не встрѣчается именъ ни Голицыныхъ, ни Ку-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1904 г.

*

ракиныхъ, ни Воротынскихъ, Пронскихъ, Хованскихъ, Прозоровскихъ, Репниныхъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ людямъ XVI вѣка. Точно также недостаточно было присутствовать однажды на великокняжескомъ совѣтѣ, чтобы быть приглашаемымъ на него впредь. Случалось, что изъ числа ста и даже болѣе членовъ думы, занесенныхъ въ списокъ, къ разсмотрѣнію дѣла приглашалось человѣкъ двадцать, а то и восемь. На это не существовало ни закона, ни правила, все зависѣло отъ воли государя».

Полномочіе боярской думы было очень велико, почти что безграничнo. Она обладала законодательной и административной властью и управляла государствомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Организація провинціальнаго управленія была тѣсна связана съ землевладѣніемъ.

«Владѣніе землею, помѣстьемъ [1]), влекло за собою двоякаго рода обязательства: крестьянинъ платилъ за нее подать, а вотчинникъ или помѣщикъ долженъ былъ «служить» за землю, т. е. несъ не только гражданскую службу, но составлялъ «государево войско», которое въ мирное время жило такимъ образомъ на этой землѣ, а въ случаѣ войны немедленно призывалось къ оружію». Каждый владѣлецъ извѣстнаго участка земли, въ случаѣ надобности, былъ обязанъ пожизненно и лично являться на службу со своими людьми, лошадьми и вооруженіемъ («конно, людно и оружно», какъ тогда говорилось),

«Службу начинали нести съ 15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ помѣщичій сынъ получалъ часть отцовской земли или, если семейство было слишкомъ многочисленно, то получалъ новый надѣлъ. По смерти помѣщика земля дѣлилась между его сыновьями; дочери также получали надѣлъ, но только пожизненно и теряли на него право при вступленіи въ бракъ.

Помѣстья могли переходить отъ одного владѣльца къ другому, но съ условіемъ, чтобы интересы государства отъ этого не страдали, т. е. чтобы новый помѣщикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилымъ человѣкомъ. Что касалось вотчинъ, то государство не вмѣшивалось принципіально въ раздѣлъ имущества вотчинника, но слѣдило за тѣмъ, чтобы каждая вотчина принадлежала человѣку, способному нести государеву службу.

«Очевидно, помѣщики болѣе удовлетворяли нуждамъ государства. Располагая ихъ имуществомъ, государь держалъ ихъ въ своихъ рукахъ; поэтому московская политика клонилась постоянно къ тому, чтобы замѣнить вотчины помѣстьями, т. е. наслѣдственныя владѣнія пожизнен-

[1]) Помѣстьемъ называлось въ Московскомъ государствѣ недвижимое имущество, отдаваемое государствомъ въ пользованіе, какъ жалованье за службу. Вотчина была земельное имущество съ правами полной частной собственности на него. Понятіе о вотчинѣ противуполагалось помѣстью, какъ земельному имуществу съ правами условнаго, временнаго и личнаго владѣнія.

ными. На земляхъ, завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Московскому княжеству, эта замѣна совершалась легче и быстрѣе. Этому способствовали законы военнаго времени, коими разрѣшалась конфискація имущества и раздача конфискованныхъ земель».

«Судя по одному документу, относящемуся къ 1500 г., мы видимъ,—говоритъ Валишевскій,—что двадцать лѣтъ спустя послѣ присоединенія Новгорода, въ двухъ его повѣтахъ: Ладожскомъ и Орѣшковскомъ было 106 помѣщиковъ, коимъ принадлежала половина обрабатываемой земли: это были люди по большей части низкаго происхожденія: ремесленники и рабочіе, въ лицѣ коихъ государство имѣло покорныхъ слугъ».

«Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ объединеніе страны совершилось мирнымъ путемъ, большинство землевладѣльцевъ были вотчинники, ладить съ которыми было несравненно труднѣе. Съ ними-то Іоаннъ Грозный и велъ ожесточенную борьбу, доставившую ему славу кровожаднаго тирана.

«Помѣстная система, получившая при немъ широкое распространеніе, породила новое неудобство: при недостаткѣ свободныхъ земель, которыя можно было бы раздавать служилымъ людямъ, возникъ настоящій денежный пролетаріатъ. Случалось нерѣдко, что призываемый на войну помѣщикъ жаловался, что ему не на что купить лошадь; иной человѣкъ, исполнявшій въ ожиданіи обѣщаннаго ему помѣстья, обязанность церковнаго пѣвчаго, не имѣлъ даже необходимаго, чтобы нести службу въ пѣшемъ строю. Но какъ бы то ни было, число воиновъ было на-лицо, и государь имѣлъ войско, которое ничего ему не стоило».

Изложивъ вкратцѣ систему управленія страною, которая сводилась въ XVI вѣкѣ къ «кормленію» и была обременительна только для управляемыхъ, и коснувшись тогдашняго судопроизводства съ неизбѣжнымъ въ то время тѣлеснымъ наказаніемъ, выведеніемъ виновнаго на «правежъ» и взяточничествомъ, Валишевскій переходитъ къ описанію торговаго и промышленнаго положенія Московскаго государства.

«Россія XVI вѣка была страною исключительно земледѣльческою,—говоритъ онъ,—несмотря на это, обработка земли совершалась самымъ первобытнымъ способомъ. Наиболѣе хлѣбородными мѣстами считались на сѣверъ отъ Москвы Ярославскій округъ, а на юго-востокѣ побережье рѣки Оки, отъ Рязани до Нижняго Новгорода. По словамъ Герберштейна, на берегахъ Оки земля давала урожай самъ 20, самъ 30. Берега Сѣверной Двины, несмотря на суровый климатъ, славились также хорошими урожаями. Пшеницы сѣяли мало; обыкновенно же воздѣлывались рожь, овесъ и пшено, которые потреблялись внутри страны. Весьма ограниченная вывозная торговля шла черезъ Нарвскій портъ, позднѣе черезъ Архангельскъ и сухимъ путемъ черезъ Польшу. Но она не могла достигнуть большихъ размѣровъ. Потребности Европы

были въ то время ничтожны, и государство само тормозило вывозную торговлю, монополизируя ее; наконецъ, вывозъ большаго количества зерна считался вреднымъ и ведущимъ къ обѣднѣнію страны».

На цѣну зернового хлѣба вліяли: урожай, бо́льшая или меньшая отдаленность отъ центровъ производства, войны и прочіе кризисы, которые переживала страна.

«По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, Герберштейна, Флетчера и современныхъ лѣтописцевъ, средняя стоимость четверти ржи колебалась, въ началѣ шестнадцатаго вѣка, отъ 10 до 69 копѣекъ; цѣны на прочіе продукты подвергались такимъ же колебаніямъ.

Въ зависимости отъ этого находилась и заработная плата. Нижеслѣдующія цифры, приводимыя въ сочиненіи Валишевскаго, даютъ нѣкоторое понятіе о существовавшихъ въ то время цѣнахъ на трудъ и землю.

«Въ 1598 г., напр., крестьянинъ брался срубить потребное для постройки моста количество дерева, очистить его и доставить на мѣсто за полторы деньги [1]).

«Обжа или количество земли, которое человѣкъ могъ вспахать съ одной лошадью, стоила въ 1573 г. отъ 8—10 рублей. Домъ стоилъ 3 рубля. За 4 р. и 16 алтынъ можно было купить четыре коровы и двадцать штукъ барановъ; лошадь стоила 1—3 рублей.

«Система хозяйства была трехпольная. Владѣя одной обжей, крестьянинъ могъ посѣять на ней отъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ четвертей ржи, столько же овса и, при хорошемъ урожаѣ, получалъ въ годъ 3 рубля дохода. Онъ былъ сытъ съ земли, но ему надобно было одѣться. Полное одѣяніе, не считая пояса и рукавицъ, необходимыхъ въ морозъ, стоило полтину. На подати (по даннымъ за 1555 г.) приходилось тратить отъ 75 к. до 1 р. Всѣ эти данныя относятся къ такъ называемымъ «чернымъ» землямъ, которыя находились въ общинномъ владѣніи волости, считались соботвенностью великаго князя и на которыхъ жили вольные люди. Положеніе крестьянъ, жившихъ на бѣлыхъ, помѣщичьихъ земляхъ и получавшихъ отъ помѣщика пособіе на первое обзаведеніе или въ случаѣ падежа скота и неурожая, было сноснѣе. Еще лучше было положеніе тѣхъ, которые жили на монастырскихъ земляхъ, менѣе отягощенныхъ податями и гдѣ поэтому менѣе требовали и съ крестьянъ.

«Что касается промышленности, то развитію ея мѣшало то обстоя-

---

[1]) Монетной единицей былъ, какъ и въ настоящее время, рубль, но онъ вѣсилъ по закону 16 зол. серебра, т. е. содержалъ въ семь разъ болѣе серебра, чѣмъ теперь, поэтому англійскіе купцы цѣнили его въ 16 шил. 8 пенсовъ. Въ рублѣ содержалось сто денегъ (то же, что нынѣ копейка). Изъ прочихъ монетъ существовали алтыны = 6 коп., полтины и мѣдныя полушки. Деньга была столь малыхъ размѣровъ, что ее легко было потерять, и купцы, при расплатахъ, набирали ихъ въ ротъ обыкновенно по 50 штукъ.

тельство, что въ каждомъ боярскомъ домѣ ютились въ то время всякаго рода ремесленники, изготовлявшіе всѣ предметы домашняго обихода, что совершенно исключало возможность самостоятельнаго развитія ремеслъ.

«Тѣмъ не менѣе нѣкоторые виды кустарныхъ промысловъ существовали издавна. Такъ, напр., въ Козмодемьянскѣ, по близости отъ Нижняго Новгорода, изготовлялись весьма извѣстные въ то время сундуки и ларцы; таковые же изготовлялись въ Холмогорахъ, гдѣ они славились отдѣлкою изъ краснаго сафьяна или изъ моржевой кожи. Большой извѣстностью пользовались также вяземскія сани и калужскія деревянныя ложки; но всѣ эти издѣлія не приносили особенныхъ барышей. Холмогорскіе сундуки употреблялись для перевозки различныхъ товаровъ въ Москву, а затѣмъ продавались за безцѣнокъ. Сотня калужскихъ ложекъ стоила 20 алтынъ, а санки, сдѣланныя въ Вязьмѣ, можно было купить за полтину».

Предметъ вывозной торговли составляли почти исключительно сырые продукты, среди которыхъ первое мѣсто занимали мѣха, коихъ вывозили въ Европу и въ Азію на 500.000 р. въ годъ. Лучшіе собольи мѣха привозились изъ Обдорска (нынѣ Тобольская губернія); шкуры бѣлыхъ медвѣдей и куньи мѣха доставлялись съ береговъ Печеры и съ Кольскаго полуострова. За великолѣпную соболью шкурку платили до 30 флориновъ зол.; опушка боярской шапки изъ черной лисицы стоила 15 фл.; но горностаевый мѣхъ цѣнился въ то время не высоко; его можно было купить за 3 или 4 деньги.

«Второе мѣсто въ вывозной торговлѣ занималъ воскъ; его продавали до 50.000 пудовъ ежегодно. Затѣмъ шло сало, вывозившееся также въ большомъ количествѣ, отъ 30 до 40.000 пудовъ изъ окрестностей Смоленска, Ярославля, Углича, Новгорода, Вологды и Твери. Внутри государства сало употреблялось въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ богатые люди жгли только восковыя свѣчи, а народъ жегъ лучины. Медъ, который получался въ изобиліи въ Рязанскомъ и Муромскомъ округахъ, а впослѣдствіи въ Казанской землѣ, шелъ, главнымъ образомъ, на приготовленіе любимаго русскими хмѣльнаго напитка, но его вывозили также изъ Пскова, Новгорода, Ярославля и Вологды ежегодно до 10.000 пудовъ. Лосиныя шкуры, коими восторгается Флетчеръ, охотно покупались за границу. Самые крупные лоси водились въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Ростова, Новгорода, Мурома и Перми. Быки, очень мелкой породы, цѣнились не высоко. Въ окрестностяхъ Архангельска добывался моржевый жиръ; рыболовныя тони Ярославля, Бѣлоозера, Нижняго-Новгорода и Астрахани доставляли въ изобиліи рыбу и икру, которая высоко цѣнилась голландскими, французскими и англійскими купцами. Ее продавали даже въ Италію и въ Испанію».

«За границею были въ большомъ спросѣ нѣкоторыя породы птицъ; въ особенности кречеты, за которыхъ платили большія деньги. Псковскій ленъ и конопля, воздѣлывавшіеся въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ, находили покупателей за границей, такъ же точно, какъ соль Старорусскихъ солеваренъ и смоленскій и двинскій деготь. Въ Персію шли моржевые клыки, которые употреблялись на разныя издѣлья и на приготовленіе славившихся своими цѣлебными средствами лѣкарствъ и противоядій. На берегахъ Сѣверной Двины и въ Кареліи добывалась въ огромномъ количествѣ слюда, замѣнявшая въ странѣ стекло и т. д.

«Европейскіе купцы привозили въ Московію серебро въ слиткахъ, пряденое золото, мѣдь, ножи, иголки, кошельки, зеркала, сукна, кружева, вино и фрукты; изъ Азіи шли шелковыя ткани, парча, ковры, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Всякій купецъ долженъ былъ представить сначала товаръ въ Москву, гдѣ великій князь отбиралъ то, что ему нравилось, и тогда только давалъ позволеніе продавать остальное. Этой привилегіей пользовалась еще дочь Петра Великаго, по отношенію къ модамъ, которыя привозились изъ Франціи.

«Русскіе и иноземные купцы съѣзжались у сліянія Мологи и Волги, гдѣ существовалъ въ то время маленькій городъ, называемый «Холопьимъ городкомъ», отъ котораго уцѣлѣла только одна церковь. По словамъ преданія, этотъ городокъ былъ основанъ новгородскими рабами, бѣжавшими отъ гнѣва своихъ господъ, которые были ими жестоко оскорблены во время ихъ отсутствія, оказавшагося слишкомъ продолжительнымъ для добродѣтели ихъ женъ.

«Въ Холопьемъ городкѣ происходила самая знаменитая въ Россіи ярмарка. Она продолжалась четыре мѣсяца, и въ это время обширный лиманъ Мологи наполнялся столькими судами, плотно поставленными одно возлѣ другаго, что можно было переходить съ берега на берегъ, какъ посуху. На берегу толпились купцы всевозможныхъ національностей; нѣмцы, поляки, литовцы, греки, италіанцы, персы, которые разставляли свой товаръ на обширномъ лугу, окруженномъ наскоро сколоченными лачугами, гдѣ ютились харчевни и кабаки. Этихъ заведеній насчитывали тамъ до семидесяти. Мѣновая торговля шла бойко и приносила великому князю въ худой и въ хорошій годъ 180 пудовъ денегъ. Вообще, торговля велась въ Московскомъ государствѣ болѣе мѣновая, нежели на деньги, которыя были рѣдки и находились въ рукахъ немногихъ богачей и главнымъ образомъ самого великаго князя.

«Мѣновая торговля съ заграницей была чрезвычайно невыгодна, такъ какъ мѣстные товары шли за безцѣнокъ, а заграничные стоили дорого. Одинъ аршинъ бархата, камки или атласа стоилъ рубль, кусокъ тонкаго англійскаго сукна 30 рублей; боченокъ французскаго вина 4 рубля.

«Русскіе купцы, коихъ очень цѣнили за ихъ ловкость и предпріимчивость, пользовались, съ другой стороны, не особенно хорошей славою. Иностранцы говорятъ единогласно объ ихъ хитрости и недобросовѣстности, дѣлая исключеніе только относительно псковскихъ и новгородскихъ купцовъ, издавна славившихся своею честностью. Русская пословица: «продать товаръ лицомъ» примѣнялась широко, такъ же точно, какъ привычка запрашивать за всякую вещь чуть не въ десять разъ больше ея стоимости, если покупатель производилъ впечатлѣніе человѣка богатаго и добродушнаго. Оптовые торговцы привозили обыкновенно съ собою экспертовъ, но тѣ старались нажить съ той и съ другой стороны. Иностранцы подмѣтили, что чѣмъ болѣе купецъ призывалъ въ свидѣтели Бога, тѣмъ болѣе онъ старался обмануть покупателя. Обвѣсить, обмѣрить, продать поддѣльный товаръ, подмѣнить проданную вещь—таковы были обычные пріемы торговли.

«Этимъ объясняется въ значительной мѣрѣ слава, какою пользовались въ Московскомъ государствѣ иноземные купцы, и привилегіи, которыя успѣли отвоевать себѣ уже въ XV вѣкѣ нѣмецкіе, фламандскіе и голландскіе торговые дома, а съ теченіемъ времени англійская торговая кампанія, хотя нельзя сказать, чтобы иностранцы были совершенно чужды вышеупомянутыхъ недостатковъ. По свидѣтельству Герберштейна, нерѣдко случалось, что они продавали, напр., за 12 дукатовъ вещь, стоившую не болѣе 1 или 2 дукатовъ.

«Невѣжественный и всѣми обираемый, русскій купецъ смотрѣлъ на торговлю какъ на войну, во время которой не только позволительно, но даже необходимо прибѣгать къ всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ. Поборы съ товаровъ въ пользу казны были огромные. Всякій предметъ, прежде чѣмъ попасть на рынокъ, подвергался всевозможнымъ сборамъ на заставахъ, паромахъ, въ таможняхъ, существовавшихъ при въѣздѣ въ каждый городъ. Если городъ былъ на берегу рѣки, то взималась пошлина за нагрузку и выгрузку. Если въ немъ существовалъ гостиный дворъ, то купецъ былъ обязанъ остановиться въ немъ, уплативъ за это установленную таксу и т. д.

«Если крестьянинъ привозилъ на рынокъ лошадь или двухъ коровъ, двадцать гусей или десять штукъ барановъ, или нѣсколько четвертей ржи, т. е. много много на рубль товара, то ему приходилось истратить по пути на поборы отъ 8 до 10 денегъ, т. е. болѣе того, что онъ могъ заработать въ день.

Если прибавить къ этому плохое состояніе дорогъ, отсутствіе безопасности на востокѣ отъ татаръ, которые то и дѣло совершали набѣги и грабили путешественниковъ, на югѣ отъ казаковъ и во всей странѣ отъ разбойниковъ, то получится понятіе о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ,

которыя тормозили въ Московскомъ государствѣ развитіе торговыхъ сношеній.

Среди всей этой неурядицы иностранные путешественники отмѣчаютъ одно обстоятельство, которое поражало ихъ своею неожиданностью: это превосходная организація почтоваго сообщенія».

«Зимою, когда устанавливался хорошій санный путь,—говоритъ Валишевскій,—можно было проѣхать изъ Новгорода въ Москву 542 версты въ 72 часа за ничтожную плату: 6 копѣекъ за станцію въ 20 верстъ; на почтовыхъ станціяхъ лошади были наготовѣ. По пути уставшую лошадь можно было всегда замѣнить свѣжей въ первой же попавшейся деревнѣ или даже взявъ ее у перваго прохожаго. Это была государева служба! Для этого достаточно было имѣть открытую подорожную. Правда, лѣтомъ картина мѣнялась. Такъ какъ лошади находились на пастбищѣ или работали въ полѣ, то проходило не мало времени, пока ихъ удавалось собрать. Но лѣтомъ было удобное сообщеніе водянымъ путемъ».

Впрочемъ, это единственное удобство не уравновѣшивало всѣ бѣдствія, которыя парализовали, въ XVI вѣкѣ, развитіе экономической жизни.

Немаловажную роль играли также повальныя болѣзни: свирѣпствовавшая постоянно чума, частые пожары, постоянные неурожаи и вызываемый ими голодъ, отъ котораго гибли тысячи людей.

«Богатство и даже достатокъ составляли въ XVI вѣкѣ явленіе исключительное.

«Кромѣ монастырей одни Строгановы владѣли значительнымъ состояніемъ. Флетчеръ утверждаетъ, что у нихъ было 300.000 р. с. наличными деньгами, помимо обширныхъ помѣстій, которыя тянулись отъ Вычегды до границъ Сибири, и заводовъ, гдѣ работало 10.000 свободныхъ людей и 5.000 крѣпостныхъ.

«Все остальное населеніе было задолжено, самые бѣдные уплачивали процентъ за долгъ своимъ трудомъ, который былъ такимъ образомъ потерянъ въ общей экономіи государства.

«Самая рѣдкость денегъ была признакомъ всеобщей бѣдности. По свидѣтельству итальянца Гваньино (Guagnino), бѣличьи шкуры замѣняли до конца XVI вѣка деньги при мѣховой торговлѣ. Серебро часто употреблялось не въ видѣ монетъ, а въ слиткахъ; первыя Новгородскія монеты были не что иное, какъ слитки».

«Привычка смотрѣть на золото и серебро какъ на товаръ держалась довольно долго,—говоритъ Валишевскій. Но матеріала, изъ котораго изготовлялись деньги, было очень мало. Хотя въ Московскомъ государствѣ, начиная съ XV вѣка, добывалось золото и серебро и Іоаннъ III еще въ 1482 г. просилъ венгерскаго короля, Матвѣя Корвина, прислать ему

инженера для разработки руды, а въ 1491 г. были открыты мѣсторожденія серебра на берегахъ Цильмы, притока Печоры, но все же золото и серебро добывалось въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и Россія получала его изъ-за границы. Что касается золота, то въ Россіи водились только иностранныя монеты, венгерскіе и голландскіе, дукаты, флорины, нѣмецкіе талеры.

«Золото составляло такую рѣдкость, что при всѣхъ случаяхъ, когда его требовалось большое количество, напримѣръ, въ случаѣ бракосочетанія или крестинъ въ великокняжеской семьѣ, или въ случаѣ отправленія посольства за границу, цѣнность золотой монеты возростала вдвое.

«Въ Московскомъ государствѣ существовалъ обычай, чтобы во время свадебъ или крестинъ бояре и представители другихъ классовъ подносили великому князю золотые дукаты; чужеземнымъ посламъ золото было необходимо для представительства, даже въ Польшѣ.

«У великаго князя было всегда достаточно золота въ погребахъ. Онъ поражалъ всѣхъ, не исключая западныхъ путешественниковъ, чисто восточнымъ богатствомъ и роскошью, но это былъ «богатый владѣлецъ очень бѣдной страны».

«Точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, какъ великъ былъ бюджетъ Московскаго государства до конца XVI вѣка—не существуетъ.

«По вычисленіямъ Флетчера, доходъ государевой казны, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, т. е. въ послѣдніе годы XVI вѣка, доходилъ до 1.400.000 рублей, который составлялся изъ 400.000 рублей прямыхъ налоговъ и 800.000 косвенныхъ налоговъ».

«Если сравнить эти цифры съ тѣми данными, которыя мы имѣемъ относительно царствованія Алексѣя Михайловича,—говоритъ Валишевскій,—то они оказываются весьма близки къ истинѣ, и на этомъ основаніи можно принять, что въ царствованіе Іоанна Грознаго цифра государственнаго дохода равнялась, среднимъ числомъ, 1.200.000 рублей. Въ Англіи, гдѣ еще не существовало тогда прямыхъ налоговъ, косвенные налоги приносили въ то же время всего 140.000 кронъ, и весь доходъ короля Генриха VIII не превышалъ милліона кронъ; такъ какъ рубль цѣнился тогда 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, слѣдовательно, Іоаннъ IV взималъ со своего народа въ четыре раза больше, нежели Генрихъ VIII со своихъ англійскихъ подданныхъ.

«Въ дѣйствительности же Іоаннъ получалъ съ народа гораздо болѣе. Обильнымъ источникомъ дохода была для великаго князя земля, раздаваемая «служилымъ людямъ», которая удовлетворяла такимъ образомъ самыя существенныя нужды государства—на содержаніе войска и администраціи. Такимъ образомъ монархъ могъ собирать или копить деньги. Хотя пріобрѣтеніе боевыхъ матеріаловъ и уплата жалованія сформи-

рованному, уже въ то время регулярному войску, составившему ядро будущей россійской арміи, поглощало, по свидѣтельству современниковъ, три четверти государева дохода, но одну четверть онъ могъ смѣло откладывать. Дѣйствительно, на содержаніе двора шли доходы съ собственныхъ вотчинъ великаго князя, въ составъ которыхъ входило 36 городовъ съ принадлежавшими съ нимъ селами и деревнями; они платили ему подати деньгами и доставляли кромѣ того хлѣбъ, скотъ, рыбу, медъ, овесъ, сѣно, словомъ, все необходимое для содержанія огромнаго двора и въ такомъ количествѣ, что эти продукты составляли для казны довольно обширный предметъ торговли. Іоаннъ IV получалъ отъ продажи ихъ ежегодно 60.000 рублей, а его болѣе разсчетливый преемникъ имѣлъ до 230.000 рублей дохода».

Указавъ въ бѣгломъ очеркѣ на печальное экономическое положеніе Россіи въ XVI вѣкѣ, Валишевскій переходитъ къ описанію ея умственной жизни, по сколько она выразилась въ тогдашней литературѣ и искусствѣ, въ стремленіи народа къ просвѣщенію, и, давая картину московскихъ нравовъ того времени, старается выяснить причины умственнаго упадка и слабости Московскаго государства.

III.

Монголы, завоевавшіе Россію въ XIII вѣкѣ и отторгнувшіе ее отъ Западной Европы, считаются обыкновенно главными виновниками ея умственнаго застоя, главною причиною, задержавшею ея дальнѣйшіе успѣхи на пути цивилизаціи и прогресса.

«Я раздѣлялъ долгое время этотъ общераспространенный ошибочный взглядъ,—говоритъ Валишевскій,—и откровенно признаюсь въ этомъ. Все, повидимому, говоритъ за это, тѣмъ болѣе, что исторія этого нашествія покрыта мракомъ. Но меня поразилъ совершенно противуположный взглядъ, высказанный однимъ изъ извѣстнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, свидѣтельство котораго пріобрѣтаетъ особенно вѣское значеніе, если принять во вниманіе, что вся умственная жизнь страны сосредоточивалась, по крайней мѣрѣ до XVIII вѣка, почти исключительно въ нѣдрахъ православной церкви.

«Судя по состоянію образованности и успѣхамъ, сдѣланнымъ ею въ теченіе тѣхъ 250 лѣтъ, кои предшествовали нашествію татаръ, пишетъ въ своей исторіи русской церкви, митрополитъ Макарій, нельзя думать, чтобы эти успѣхи были бы значительно больше въ послѣдующіе два вѣка, даже въ томъ случаѣ, если бы татары не посѣтили насъ...

Эти азіаты нисколько не мѣшали духовенству, въ особенности въ монастыряхъ, заниматься наукою. Но русскіе, повидимому, не чувствовали еще въ то время ни малѣйшей потребности въ болѣе высокомъ образованіи. Идя по стопамъ своихъ предковъ, они довольствовались возможностью свободно читать и понимать священное писаніе. Дальше этого ихъ желанія не шли».

«Помимо мнѣнія, высказаннаго столь авторитетнымъ лицомъ, работы новѣйшихъ изслѣдователей опровергли существовавшее ранѣе ошибочное мнѣніе, будто татары внесли съ собою изъ Азіи потокъ варварства, погубившій зачатки европейской культуры. Въ сущности, спутники Батыя были далеко не такіе варвары, какъ принято думать. Превосходные стратеги и еще лучшіе организаторы, они были достойными представителями той цивилизаціи, которая менѣе, нежели сто лѣтъ спустя, привела въ Самаркандѣ въ изумленіе пословъ Генриха Кастильскаго (1405 г.) и которой Европа обязана астрономическими таблицами, составленными Улу-Бекомъ [1]).

«Мало того, татары вовсе не стремились разрушать во что бы то ни стало, если этого не требовали надобности военнаго времени; они никого не притѣсняли, иначе какъ для удовлетворенія своихъ фискальныхъ надобностей; при томъ численность ихъ была не такъ велика, чтобы они могли въ буквальномъ смыслѣ «наводнить» страну. Легенда о наводненіи Россіи татарами, которые пронеслись по ней подобно бурному потоку—не болѣе, какъ мелодраматическая выдумка: предводитель татарскихъ войскъ побѣждалъ русскихъ съ весьма малыми, но прекрасно обученными отрядами, коими командовали искусные полководцы.

«Татары встрѣтили на своемъ пути однѣ развалины; они нашли государство, уже пришедшее въ упадокъ, жившее совершенно обособленно отъ Европы, въ полной политической и умственной отъ нея отчужденности.

«Со временъ Ярослава (1016—1054), выдавшаго свою сестру за короля польскаго Казиміра, одну изъ своихъ дочерей за венгерскаго короля, другую за короля норвежскаго и третью за французскаго короля Генриха I, подобныхъ браковъ болѣе не заключалось, и Кіевъ былъ разграбленъ въ 1169 г. и опустошенъ варварами, пришедшими не изъ Азіи. Мелкіе русскіе удѣльные князья, неустанно боровшіеся за обладаніе Кіева—древней столицы Ярослава, сами предали ее огню и мечу.

---

[1]) Улу-Бекъ ханъ, внукъ Тимура, р. 1393 † 1449 г. Извѣстенъ своимъ покровительствомъ наукѣ, особенно математикѣ; онъ завелъ обсерваторію, высшее училище и т. п. Астрономическія таблицы Улу-Бека на персидскомъ и татарскомъ языкѣ изданы въ Оксфордѣ Томасомъ Гайдомъ (1665 г.).

«Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, которую разоряли и опустошали ея собственныя дѣти, воспринявъ вѣру и образованность изъ Византіи, была связана этимъ съ разлагавшимся трупомъ. Византія наградила ее греческой ученостью въ то время, когда закрытіе въ ней древнихъ школъ и введеніе въ нихъ восточныхъ идей изгнали изъ области науки свободу изслѣдованія,—это необходимое условіе прогресса.

«Изученіе исторіи сводилось въ то время въ Византіи къ собранію легендъ, обученіе философіи было строго воспрещено, всякое умственное движеніе ограничивалось богословскими спорами—все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствовало о несомнѣнномъ упадкѣ умственной жизни. Монастыри Востока уже съ XII вѣка выказали полную неспособность воспользоваться тѣмъ научнымъ матеріаломъ, который былъ въ ихъ распоряженіи.

«Умственное отчужденіе православной Россіи было прямымъ послѣдствіемъ ея присоединенія къ Византіи. Изъ числа 240 русскихъ писателей, извѣстныхъ до конца семнадцатаго вѣка, 190 были монахи, 20 принадлежали къ бѣлому духовенству; остальные тридцать оставили сочиненія, по большей части, посвященныя разработкѣ религіозныхъ темъ. Такимъ образомъ литература и наука были почти исключительно достояніемъ церкви. Между тѣмъ она представляла собою уже въ XIII вѣкѣ замкнутый и недоступный для постороннихъ міръ. Православная вѣра воспрещала всякое общеніе съ невѣрными, доходившее до того, что великіе князья московскіе усвоили привычку умывать себѣ руки, по окончаніи аудіенціи даваемой иностраннымъ посламъ,—обычай, глубоко оскорбившій Поссевина, когда онъ прибылъ ко двору Іоанна Грознаго. Присоединеніе ставленника Византіи, митрополита Исидора, къ Флорентійской уніи и взятіе Константинополя турками еще болѣе отдалили Россію отъ Запада, который сдѣлался подозрителенъ въ глазахъ русскихъ людей, въ то время, какъ торжество ислама считалось вполнѣ заслуженной имъ карою.

«Между тѣмъ православная русская церковь не возсіяла послѣ этого событія новымъ блескомъ, а погружалась все болѣе и болѣе въ мракъ и невѣжество. Въ исходѣ XV вѣка при монастыряхъ не существовало болѣе школъ, о которыхъ упоминаютъ многочисленные свидѣтели.

«Въ началѣ XVI вѣка, архіепископъ новгородскій, Геннадій, отмѣчаетъ съ грустью, что причетъ, который ему приходилось посвящать въ духовный санъ, былъ поголовно безграмотенъ. Священнослужители не обучали свою паству словомъ, не произносили проповѣдей, и, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, изъ 10 церковниковъ съ трудомъ находился одинъ умѣвшій прочесть Отче нашъ, такъ что сто лѣтъ спустя, въ 1620 г., ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, серьезно

обсуждалъ вопросъ о томъ, исповѣдуютъ-ли московиты христіанскую вѣру.

«Хотя въ монастыряхъ по-прежнему собирали книги и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были даже свои библіотекари, но чтеніе книгъ сдѣлалось спеціальностью небольшаго числа избранныхъ лицъ и считалось синонимомъ учености. Читать какъ можно болѣе, даже заучивать прочитанное наизусть, считалось верхомъ учености, далѣе этого желанія не шли. Ученый былъ книжникъ, человѣкъ, владѣвшій большимъ числомъ книгъ. Но какихъ книгъ? Въ монастырскихъ библіотекахъ большое и почетное мѣсто занимали апокрифическія сочиненія въ родѣ: «Рукопись Адама, порученная на храненіе чорту», «Завѣщаніе Моисея», «Видѣніе Исаака», которыя пользовались такимъ же авторитетомъ, какъ и книги духовнаго содержанія. Максимъ Грекъ, приглашенный въ началѣ XVI вѣка въ Москву въ качествѣ переводчика священныхъ книгъ, первый рѣшился опровергнуть распространенные среди русскихъ предразсудки, въ родѣ, напр., убѣжденія, что солнце не заходило цѣлую недѣлю послѣ Воскресенія Христова и что ехидна охраняетъ на берегахъ Іордана завѣщаніе Адама и т. п.

«Въ сохранившемся каталогѣ библіотеки Троицо-Сергіевой лавры XVII вѣка значатся 4011 древнихъ рукописей, почти столько же, сколько ихъ насчитывали въ Гластонбюри [1]) въ XIII столѣтіи. Но какая разница по содержанію книгъ! Въ Гластонбюри первое мѣсто занимали римскіе классики, историки и поэты; въ Троицо-Сергіевой лаврѣ находимъ 101 библію, 46 богослужебныхъ книгъ, 58 собраній сочиненій отцовъ церкви, 17 книгъ церковнаго права и всего одно сочиненіе по философіи. Греческіе и латинскіе писатели были незнакомы русскимъ читателямъ до XVII вѣка. Изъ свѣтскихъ сочиненій читались преимущественно однѣ только лѣтописи.

«По части географіи и космографіи пользовались авторитетомъ такія сочиненія, въ которыхъ идеи Птоломея и Аристотеля смѣшивались съ фантазіями манихеевъ и гностиковъ и которыя распространяли самыя нелѣпыя идеи. Изъ философскихъ сочиненій наибольшимъ авторитетомъ пользовались сочиненія Іоанна Дамаскина и его научная теорія, сводящаяся къ любви къ Богу.

«Одновременно съ умозрительными сочиненіями Василія Великаго и Дениса Ареопагита излюбленной книгою считалась вплоть до XVIII вѣка, П ч е л а: это была смѣсь цитатъ изъ священнаго писанія, извлеченій изъ сочиненій отцовъ церкви, отрывочныхъ мыслей,

---

[1]) Гластонбюри—въ англійскомъ графствѣ Сомерсетъ, гдѣ существовало нѣкогда знаменитое бенедиктинское аббатство, основанное св. Августиномъ.

заимствованныхъ изъ сочиненій Аристотеля, Сократа, Эпикура, Діодора, Катона; нѣчто совершенно безсвязное и лишенное здраваго смысла.

«Подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ знаній, русскіе считали предсказаніе солнечныхъ затменій колдовствомъ; математическія сочиненія, къ коимъ причислялась ариѳметика и астрономія, географія и музыка, подвергались запрету, какъ нѣчто безбожное; «книжникъ» былъ какъ бы заколдованъ въ горизонтѣ узкихъ понятій, въ которыхъ онъ топтался на одномъ мѣстѣ, вдали отъ умственнаго движенія, увлекавшаго его западныхъ сосѣдей.

«Въ XVI вѣкѣ въ этотъ мракъ проникъ лучъ свѣта. Появившійся въ Москвѣ Максимъ Грекъ, монахъ изъ Албаніи, былъ до извѣстной степени европеецъ. Ограничиваясь въ своей литературной и научной дѣятельности вопросами религіи и морали, онъ принесъ съ собою въ Москву нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя имъ въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Феррарѣ и въ особенности въ Падуѣ, гдѣ онъ увлекался умственнымъ теченіемъ, заставлявшимъ образованные круги подражать языческимъ нравамъ и возставать противъ средневѣковой схоластики. Онъ понималъ великое значеніе для науки такого просвѣтительнаго центра, какимъ одѣлался Парижъ. Но при всемъ томъ онъ былъ совершенно лишенъ критическаго ума, который составляетъ главный двигатель умственной жизни Западной Европы, и относился съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ къ свѣтской наукѣ, что осуждалъ появленіе русскаго перевода извѣстнаго сочиненія XII вѣка Lucidaire, въ которомъ были изложены довольно сносно нѣкоторыя теоріи космографіи и физики; Максимъ Грекъ рѣшительно изъялъ это сочиненіе изъ библіотекъ, изъ которыхъ были изгнаны греческіе и латинскіе классики.

«Существуетъ легенда о томъ, будто въ Московскомъ Кремлѣ XV вѣка находилось собраніе классиковъ вмѣстѣ со многими другими свѣтскими сочиненіями и нѣсколькими еврейскими рукописями. Мнимое существованіе этой библіотеки, о которомъ возвѣстили русской публикѣ изысканія двухъ европейскихъ ученыхъ Клозіуса (1834 г.) и Тремера (1891 г.), вызвало въ 1894 г. въ печати цѣлую полемику; какъ извѣстно, были предприняты даже раскопки въ подвалахъ древняго терема, но онѣ не привели ни къ чему, и легенда эта не имѣетъ, повидимому, никакой реальной основы. Еще раньше существовала подобная же басня, коей приписывалось московскимъ князьямъ обладаніе цѣлой связки византійскихъ рукописей, будто бы присланныхъ на храненіе въ Москву передъ взятіемъ Константинополя турками. На основаніи этого слуха, кардиналъ Санъ Джіорджіо поручилъ греку Петру Аркудіусу, сопровождавшему польское посольство въ Московію въ 1600 г., провѣрить этотъ фактъ, оказавшійся съ начала до конца вымышленнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Іоаннъ IV и его предшественники имѣли кое-какія книги

и рукописи; но достовѣрно извѣстно лишь то, что въ его книгохранилищѣ, среди разныхъ богослужебныхъ книгъ, лѣтописей и трактатовъ по астрологіи, фигурировало только одно сочиненіе на иностранномъ языкѣ—нѣмецкій травникъ.

«Отъ состоянія первобытнаго варварства и невѣжества, въ которомъ Россія находилась до введенія христіанства, она перешла непосредственно подъ иго суровыхъ и не менѣе дикихъ нравственныхъ воззрѣній, изгонявшихъ во всѣхъ областяхъ свободу знаній и свободу изслѣдованія и не признававшихъ даже за человѣкомъ даже свободу жить. Всѣ жизненныя силы, коимъ человѣчество обязано своимъ прогрессомъ, были осуждены и чуть не прокляты. Наука была проклята, какъ очагъ ереси и невѣрія; свобода изслѣдованія проклиналась, какъ источникъ порчи; проклиналась самая жизнь съ ея радостями, веселіемъ и съ мірскими удовольствіями, какъ ведущая къ соблазну. Подъ вліяніемъ этой новой морали при дворѣ великаго князя исчезли барды и пѣсельники; въ лѣтописяхъ изсякъ живой, поэтичный тонъ, присущій писателямъ XI и XII вѣка, который смѣнился сухимъ, дидактическимъ способомъ изложенія; самый разговоръ, если онъ не касался религіозныхъ сюжетовъ, подвергался осужденію. Воздержаніе, во всѣхъ его видахъ, сдѣлалось главнымъ правиломъ жизни. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ двухлѣтнихъ дѣтей пріучали къ воздержанію отъ молока, заставляли ихъ поститься. Мясо разрѣшалось употреблять только три раза въ недѣлю; на супружескія отношенія также налагался запретъ три раза въ недѣлю и во всѣ праздничные дни и посты».

Подъ вліяніемъ тѣхъ же принциповъ, церковь смотрѣла на женщину, какъ на сосудъ бѣсовскій, какъ на исчадіе зла, и проклинала ее и всѣ виды искусства, вдохновительницею котораго являлась вездѣ женщина.

«Въ религіозной жизни это направленіе привело непосредственно къ нелѣпому формализму духовныхъ лицъ, которыя придавали бритью бороды и одеждѣ значеніе вѣковыхъ истинъ и неприкосновенныхъ догматовъ. Послѣ Флорентійской уніи и провозглашенія православной церкви единственной хранительницей священныхъ преданій, форма сдѣлалась святою святыхъ, ковчегомъ истинной вѣры. Внѣ православнаго міра существовалъ латинскій, католическій или протестантскій раціонализмъ, который считался источникомъ невѣрія и ереси. Всякое разсужденіе подвергалось запрету, и Москва, исключивъ это необходимое условіе всякаго прогресса, стала въ умственномъ отношеніи ниже Византіи, гдѣ догматическіе споры пользовались всегда правомъ гражданства. Въ Москвѣ же, начиная съ XII вѣка, обсуждались только такіе, напримѣръ, вопросы:

«Можетъ-ли священникъ, не поспавъ послѣ ѣды, совершать таинство?

«Можетъ-ли онъ совершать его, если къ его одеждѣ пришитъ женскій платокъ?

«Даже самыя проповѣди, если таковыя произносились, говорилось на темы обрядовыя.

«Слѣдуетъ-ли, совершая богослуженіе, ходить по солнцу или противъ солнца?

«Слѣдуетъ-ли креститься двумя или тремя перстами?» Этотъ вопросъ обсуждался на первомъ соборѣ, созванномъ Іоанномъ Грознымъ, и двуперстное сложеніе было признано неправильнымъ.

«Вѣра, отождествленная съ обрядами, низвела благочестіе къ исполненію нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, къ соблюденію постовъ, къ продолжительному стоянію въ церкви. Исповѣданіе вѣры, какъ актъ внутренней религіи, отошло на второй планъ. Самые богомольные люди исповѣдались всего разъ въ годъ. Самые добросовѣстные не считали грѣхомъ утаить на исповѣди часть своихъ грѣховъ. Соблюденіе обрядовъ замѣняло все остальное. Число ихъ пріумножалось, и они совершались все болѣе и болѣе театрально.

«Въ Вербное воскресенье митрополитъ, сидя на ослѣ, объѣзжалъ храмы, благословляя народъ, который разстилалъ передъ нимъ свою одежду; память трехъ еврейскихъ отроковъ, ввергнутыхъ въ горящую печь, праздновалась торжественно: на мѣсто амвона ставилась большая печь, въ которую вводили со всевозможными церемоніями трехъ юношей, облаченныхъ въ бѣлое одѣяніе.

«Религіозное чувство, очень сильное въ русскомъ народѣ, не находило себѣ исхода.

«Въ то время, какъ Домострой предписывалъ читать извѣстную молитву 600 разъ въ день, обѣщая, что по прошествіи трехъ лѣтъ въ лицѣ читавшаго воплотится Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, многіе спорили о томъ, можно-ли безъ грѣха переступить порогъ родильницы и можно-ли считать чистымъ молоко телившейся коровы. Съ того же времени, какъ изъ благочестивыхъ душъ искоренилась, такимъ образомъ, всякая чувственность, среди нихъ распространялись всевозможныя суевѣрія».

Въ религіозныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ явно преобладалъ языческій духъ, отразилось вліяніе финскаго полу-языческаго элемента.

Еще въ XVI вѣкѣ финскія племена, населявшія Водскую пятину, нынѣшнюю Петербургскую губернію, поклонялись деревьямъ и камнямъ и приносили имъ жертвоприношенія. По ихъ понятіямъ весь міръ былъ населенъ фантастическими существами: крылатыми ехиднами съ птичьей головой и хоботомъ, которыя могли разрушить землю; драконами о десяти головахъ; растеніями въ видѣ барана, отъ которыхъ рождались ягнята и т. п. Русскіе XVI вѣка показывали иностранцамъ шапки, сдѣланныя изъ шкуръ этихъ чудовищъ.

Православное духовенство боролось съ этими суевѣріями, но бывало, что оно и поощряло ихъ. Нѣкоторыя духовныя лица сами сочиняли колдовскія книги, успѣвали ввести ихъ въ духовную литературу и извлекали изъ нихъ большіе барыши. Люди, занимавшіеся вызываніемъ духовъ, встрѣчались даже въ монастыряхъ. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка среди лицъ, окружавшихъ Грознаго, были колдуны.

«Подъ вліяніемъ этихъ суевѣрій самыя простыя явленія жизни получали таинственный и прорицательный смыслъ: потрескиваніе стѣнъ, шумъ въ ушахъ, зудъ въ пальцахъ предвѣщали путешествіе; кряканье утки, дрожанье вѣкъ предвѣщало пожаръ. Существовала цѣлая литература, въ которой объяснялись эти примѣты, а также сны, которымъ придавалось огромное значеніе. Беременныя женщины кормили хлѣбомъ медвѣдей, которыхъ водили скоморохи, и по рычанью этихъ звѣрей угадывали полъ будущаго ребенка.

«Скоморохи пользовались большимъ вліяніемъ; имъ приписывали нерѣдко чудодѣйственную силу. Они могли защитить человѣка отъ царскаго гнѣва, давъ ему носить подъ лѣвой мышкой правый глазъ орла, завернутый въ платокъ. Они брали горсточку земли изъ-подъ ногъ человѣка, отъ котораго хотѣли избавиться, и человѣкъ этотъ былъ приговоренъ къ смерти. Если эту землю бросали въ огонь, то въ то время, какъ она сгорала, человѣкъ высыхалъ. При этомъ не забывали ангеловъ и св. Никиту, который могъ изгнать домового въ томъ домѣ, гдѣ къ нему прибѣгали съ молитвою. Язычество и христіанство, религія и суевѣріе смѣшивались и сливались во-едино. Подъ большіе праздники, на Ивана Купалу, въ Рождественскій и Крещенскій сочельники, православный людъ молился Богу и въ то же время тѣшилъ чорта.

«Наканунѣ Троицы танцовали на могилахъ, испуская дикіе вопли. Въ Великій Четвергъ жгли солому, чтобы вызвать тѣни умершихъ, и приносили изъ-за алтаря щепотку соли, которая считалась вѣрнымъ средствомъ противъ нѣкоторыхъ болѣзней».

«Правда,—говоритъ Валишевскій,—въ XVI вѣкѣ суевѣріе было распространено во всей Европѣ, при самыхъ просвѣщенныхъ дворахъ и даже въ Ватиканѣ.

«Не говоря уже объ астрологахъ, съ коими папа Павелъ III совѣтовался въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предстояло принять какое-нибудь важное рѣшеніе, и которые считались людьми науки, въ то время въ Европѣ придавали значеніе всякимъ суевѣрнымъ примѣтамъ, такъ, напримѣръ, паденіе съ дерева совы было принято папою Александромъ VI за предзнаменованіе близкой кончины.

«Но въ Московскомъ государствѣ XVI вѣкъ соотвѣтствовалъ величайшему расцвѣту суевѣрія, составлявшаго сущность умственной жизни, которая была лишена иной болѣе существенной пищи. Этими суевѣріями

*

питались въ широкой степени самыя распространенныя въ то время сочиненія, между тѣмъ, какъ другія были столь бѣдны содержаніемъ, что не могли ничѣмъ удовлетворить потребности читателей.

«Писатели XIV и XV вѣка ограничивались по большей части компиляціями, въ которыхъ не встрѣчается ни черточки нравовъ. Лѣтописи этого вѣка были не болѣе, какъ перечень событій. Самый замѣчательный изъ современныхъ сборниковъ, «Степенная книга», составленная митрополитомъ Макаріемъ, выдѣляется изъ общаго уровня только тѣмъ, что авторъ старался установить въ ней параллель, между фактами и генеалогіей московскихъ государей. Это сочиненіе имѣло политическую тенденцію, и это составляло его отличительную черту.

«По формѣ и содержанію, литература XVI вѣка стояла несравненно ниже произведеній кіевскаго періода. Вмѣстѣ съ поэзіей исчезли естественность и простота, свѣжесть и прелесть произведеній, которыя замѣнились искусственностью. Ни въ одномъ сочиненіи не встрѣчается ни строчки, въ которой проглядывало бы искреннее чувство и гдѣ бы глубина этого чувства искупала поверхностность мысли. Въ это время въ Россіи не появилось ни одной поэмы, не было издано ни одного научнаго или философскаго сочиненія, а между тѣмъ это былъ вѣкъ Петрарки, Боккаччіо, Шекспира, Сервантеса, Бэкона, Декарта.

«Даже въ сосѣдней Польшѣ, клонившейся уже къ неизбѣжному упадку, народилась въ шестнадцатомъ вѣкѣ цѣлая плеяда мыслителей и артистовъ и существовала богатая литература. Польскій языкъ былъ замѣчательно выработанъ и достигъ совершенства въ проповѣдяхъ Петра Скарги. Баторій имѣлъ при себѣ неотлучно типографію, которая сопутствовала ему даже въ его походахъ. Въ Московскомъ же государствѣ типографское искусство въ то время даже не зарождалось и хотя на русскомъ языкѣ существовали печатныя книги, но онѣ печатались въ Венеціи, Цетиньѣ, Тюбингенѣ, Прагѣ, Вильнѣ, и когда типографчики появились въ Москвѣ, то ихъ едва не убили и дома ихъ были сожжены. Впрочемъ, что же они могли печатать? часословы, псалмовики, да книги Ветхаго Завѣта.

«Вся самостоятельная литературная дѣятельность русскихъ выразилась въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка въ двухъ произведеніяхъ, въ коихъ вылился весь запасъ пріобрѣтенныхъ знаній, вся ходячая мораль, все умственное богатство народа.

«То были Домострой и Четьи-Минеи.

«Митрополитъ Макарій, составившій Четьи-Минеи, задался задачею собрать въ двѣнадцати огромныхъ томахъ всѣ «чтомыя книги, яже въ Русской землѣ обрѣтаются», и дать назидательное чтеніе на каждый день.

«Для собиранія старыхъ и составленія новыхъ житій русскихъ

святыхъ, вошедшихъ главнымъ образомъ въ этотъ сборникъ, Макарій собралъ вокругъ себя многихъ дѣятелей и самъ былъ между ними не только руководителемъ и редакторомъ, но и ревностнымъ сотрудникомъ.

«Придавая огромное значеніе слогу, онъ замѣнилъ старинное безхитростное изложеніе житій святыхъ на народномъ языкѣ витіеватымъ церковно-славянскимъ, вмѣсто прежней краткой молитвы присоединилъ похвальныя слова въ честь святого и описанія чудесъ, совершавшихся по его кончинѣ въ разныя времена».

Было бы, конечно, излишне останавливаться здѣсь, какъ это дѣлаетъ Валишевскій, имѣя въ виду иностранныхъ читателей, на любопытномъ, но всѣмъ знакомомъ содержаніи замѣчательнаго памятника русской литературы XVI вѣка, именуемаго Домостроемъ, который рисуетъ такъ прекрасно весь домашній обиходъ, всю житейскую мудрость мелкопомѣстнаго боярина тѣхъ временъ и даетъ ясное представленіе объ обществѣ, въ которомъ семья составляла не только центръ, но и краеугольный камень соціальной жизни, въ коемъ первенствующую и даже единственную роль игралъ глава семьи, отъ котораго все зависѣло и которому все подчинялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тульскому гражданскому губернатору Иванову.

16-го сентября 1801 г.

По первому свѣдѣнію, до меня дошедшему, о намѣреніи тульскаго дворянства учредить для неимущихъ дворянъ училище, я уже изъявилъ ему чрезъ васъ мою признательность. Теперь на донесеніе ваше о семъ предположеніи повторяя тѣ же самыя изъясненія, хотя не мышлю я, чтобы въ дѣлѣ общей пользы имя могло присоединить новое достоинство, но чтобы показать, сколь много уважаю я подвигъ дворянства къ сему заведенію, соглашаюсь удовлетворить желанію его, называть его Александровскимъ.

О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Еропкина.

Божіею Милостію мы Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Нашей военной коллегіи:

Сего іюня 7 дня пожаловали мы архитекта Петра Еропкина за его службы и въ архитектурскомъ дѣлѣ искуство, указали имѣть ему рангъ полковничій, и нашей военной коллегіи о томъ вѣдать. А въ Сенатъ о вышеписанномъ нашъ указъ посланъ. Данъ въ нашемъ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ іюня 9 дня 1728 года.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1].

XIV. Записки В. А. Жуковскаго [2].

1.

(Январь 1838 г.).

Я просилъ васъ о двухъ вещахъ, любезный князь: 1-е, похлопотать о томъ, чтобы наконецъ г-нъ Вражскій [3]) сдѣлалъ какой-нибудь разсчетъ съ издателями «Современника». 2-е, подписаться на «Прибавленія къ Русскому Инвалиду» для Безобразова, живущаго въ Москвѣ. Есть еще третья вещь, о которой я просилъ васъ, продажа трехъ экземпляровъ Niebelungen [4])—все это предано забвенію; Вражскій не думаетъ объ отчетѣ, и мы, издатели «Современника», публично расхваставшіеся своимъ великодушнымъ пособіемъ сиротамъ Пушкина, еще менѣе объ немъ думаемъ; Безобразовъ не получаетъ «Прибавленія» и пишетъ объ немъ изъ Москвы; Нибелунгены вами презрѣны. Что мнѣ дѣлать въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, сами скажите, князь Владиміръ Ѳедоровичъ?

Жуковскій.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1904 г.

[2]) Нѣсколько писемъ и записокъ Жуковскаго къ князю В. Ѳ. Одоевскому было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., сентябрь, стр. 53—54, и въ „Русской Старинѣ“ 1901 года, іюль, стр. 106—107.

[3]) Т. е. Враскій (см. выше, апрѣль, стр. 196, прим. 4-е).

[4]) Рѣчь идетъ о книгѣ „Les Niebelungen, poème traduit de l'ancien idiôme Teuton par M-me Moreau de la Meltière“, вышедшей въ свѣтъ въ 1837 году Шарлотта Морò де ла Мелтіеръ († 1854, въ Москвѣ) была старинная знакомая Жуковскаго (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20, прим. 5-е).

Нельзя-ли мнѣ прислать еще о д и н ъ полный экземпляръ «Современника» за прошлый 1837 годъ и д в а за 1836.

2.

(Въ послѣднихъ числахъ января 1838 г.).

Пріѣзжайте ко мнѣ, князь, обѣдать. Отобѣдаемъ вдвоемъ или вмѣстѣ съ Вяземскимъ и кончимъ дѣло Крыловскаго обѣда [1]), о коемъ надобно переговорить. Жду васъ непремѣнно и посылаю вамъ свою карету.

Жуковскій.

3.

(Вѣроятно, 1-го февраля 1838 г.).

Любезный князь. Вы очень, очень меня одолжите, если сдѣлаете въ моей рѣчи поправку необходимую; я не знаю, какъ это мнѣ вчера не пришло въ голову. Но можно-ли успѣть?

У меня стоитъ: «Коихъ присутствіе было бы л у ч ш и м ъ его украшеніемъ».

Велите выбросить л у ч ш и м ъ и послѣ точки поставьте тире [2]). Будетъ это истолковано дурно. Ибо говорится и о Пушкинѣ. Прошу васъ, если можно, исполните просьбу мою.

Ж.

4.

(Вѣроятно, 2-го февраля 1838).

Посылаю корректуру [3]). Въ 12 часовъ буду у Оленина [4]). Пріѣзжайте туда къ этому времени непремѣнно. Привезите, если можно, и поправленную корректуру.

Ж.

---

[1]) По случаю пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. А Крылова. Празднество происходило 2-го февраля.

[2]) Желаніе Жуковскаго было исполнено, и въ печатномъ текстѣ его привѣтственной рѣчи эта фраза читается такъ: „На праздникѣ нашемъ недостаетъ д в у х ъ (т. е. Д м и т р і е в а и П у ш к и н а), которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ".

[3]) Привѣтственной рѣчи И. А. Крылову

[4]) Алексѣя Николаевича.

5.

(1841 г.).

Посылаю вамъ 40 рублей; 10 за одинъ вашъ билетъ и 30 за три, полученные отъ Жустиньяни [1]). Извините меня передъ нимъ; я простудился и боюсь еще болѣе простудиться отъ импровизаціи. Сижу дома.

Вашъ Жуковскій.

Не забудьте сказать Жустиньяни о моей болѣзни. Я точно отъ того не ѣду, что боюсь простуды.

6.

Любезный князь, возвращаю вамъ свой долгъ; а васъ прошу поправить въ пѣснѣ Кашина [2]) одинъ только хоръ на слова Многи лѣта царю государю; пѣсни же самой не трогайте, чтобы намъ не обидѣть старика. Онъ далъ мнѣ carte blanche на одинъ только хоръ. Пришлите мнѣ партицію; между тѣмъ, какъ будете обработывать хоръ, пѣвчіе выучатъ пѣсню.

Жуковскій.

7.

Я боленъ и сижу дома. Благодарю за журналъ. Вотъ бы нынче вамъ можно было побывать у меня съ Глинкою [3]).

Ж.

8.

Возвращаю вамъ и музыку, и стихи. Очень обяжете, если завтра доставите. Нынче увидимся у Вьельгорскаго и условимся о чтеніи. Принесите къ Вьельгорскому свою музыку. Да лучше заѣзжайте ко мнѣ въ 7-мь часовъ. Поѣдемъ вмѣстѣ.

9.

Творенье по приказанію вашему я отправилъ къ А(нтонинѣ) Дмитріевнѣ [4]). А васъ прошу позаботиться о нашихъ душахъ и ушахъ въ

---

[1]) Извѣстный итальянскій импровизаторъ (см. „Русскую Старину“, май 1904 г., стр. 372, прим. 7-е).

[2]) Композиторъ Даніилъ Никитичъ Кашинъ (р. 1769 † 1842), ученикъ Сарти. Изъ положенныхъ имъ на музыку пѣсенъ Жуковскаго была издана пѣсня „Слава на небѣ солнцу“ (теноръ, басъ и хоръ). См. напечатанную Н. И. Стояновскимъ брошюру „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29-го и 30-го января 1883 года“, стр. 81.

[3]) Композиторомъ Михаиломъ Ивановичемъ.

[4]) Блудовой, дочери Д. Н. Блудова.

субботу, то есть что-нибудь приготовить для пѣнья. Да смотрите же, чтобы намъ залучить и Глинку.

Жуковскій.

10.

Вторникъ.

Любезный князь. По поводу моихъ смиренныхъ именинъ соберется у меня нынче нѣкоторое количество благовоспитанныхъ людей [1]). Пріѣзжайте. Начало комедіи скоро послѣ осьми часовъ.

Вашъ Жуковскій.

11.

Посылаю вамъ переводъ Freude [2]). Уломайте ихъ на ноты и возвратите съ нотами.

XV. Письма и записки А. Н. Оленина.

1.

30-го января 1838 г.

Любезному и досужему князю Владимиру Ѳедоровичу всеусерднѣйше кланяется нижеподписавшійся и препровождаетъ цѣлый грузъ бумагъ къ напечатанію—безъ отлагательства; а именно:

1-е) Порядокъ празднества и встрѣчи И. А. Крылову.

2-е) Экземпляръ рѣчи, по которой должны быть тиснуты печатные экземпляры, и наконецъ

3-е) Проектъ золотой медали въ честь И. А. Крылова, который можетъ быть оттиснутъ послѣ сегодняшняго нашего засѣданія.

Преданный А. Олениинъ.

2.

1-го февраля 1838 г.

Вотъ вашему сіятельству — рѣчь ваша [3]). Прекрасно! — коротко, ясно и прилично. Это не я одинъ говорю, а нѣкоторыя особы, которыя слышали у меня чтеніе этой рѣчи.

---

[1]) Вѣроятно, Жуковскому вспомнилась пригласительная записка А. Ѳ. Воейкова къ князю В. Ѳ. Одоевскому (отъ 11-го февраля 1838 г.), въ которой тотъ писалъ: „У меня никого не будетъ, кромѣ благомыслящихъ, благонамѣренныхъ и благопристойно ведущихъ себя писателей“ (см. „Русскій Архивъ“ 1864 года, ст. 832).

[2]) Вѣроятно, переводъ стихотворенія Шиллера An die Freude.

[3]) Напечатана въ брошюрѣ „Привѣтствія И. А. Крылову“ и т. д. (см. выше, іюнь, стр., 572 прим. 5-е) и въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1838 г., ч. XVII, стр. 218—219 (въ подстрочномъ примѣчаніи).

Теперь обратимся къ общему нашему дѣлу и скажемъ, какъ говорилъ князь Мстиславъ Мстиславичъ передъ Липецкимъ сраженіемъ: «Се убо, братіе, пришли есмя въ землю сильную—ничтоже намъ помощь, точью Богъ и правда; станемъ убо мужественно и крѣпко и не озираясь назадъ»!

Итакъ поговоримъ о слѣдующемъ:

1-е) вотъ корректура нѣкоторыхъ піесъ, входящихъ въ составъ нашего libretto, а именно:

1) мое привѣтствіе, которое убѣдительно прошу перепечатать;

2) рѣчь В. А. Жуковскаго;

3) стихи князя Вяземскаго, и

4) рѣчь вашего сіятельства.

Теперь слѣдуетъ еще напечатать:

5) предложеніе на подписку для выбитія медали въ честь И. А. К.[1]).

6) тосты—какъ условлено.

7) Не нужно-ли будетъ приглашенія коротенькія, съ означеніемъ часа для пріѣзда на торжество и съ замѣчаніемъ о простомъ костюмѣ, въ которомъ гражданскіе чиновники могутъ быть.

Вслѣдъ за симъ я пришлю форму 5-й піесы и 7-й. Между тѣмъ можно приступать къ печатанію первыхъ четырехъ.

Vale et me ama. А. Оленинъ.

3.

3-го февраля 1838 г.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Оленинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его сіятельству князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, проситъ покорнѣйше не забыть обѣщаніе подарить Оленину нѣсколько экземпляровъ вчерашнихъ печатныхъ листовъ, розданныхъ всѣмъ присутствовавшимъ [2]). Его сіятельство тѣмъ много обяжетъ Оленина.

4.

4-го февраля 1838 г.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Оленинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его сіятельству князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, поспѣшаетъ его увѣдомить, что онъ сейчасъ сообщилъ гг. членамъ-распорядителямъ Крылова празднества о невозможности князю быть сегодня на совѣщаніи и просилъ ихъ отложить назначенное собраніе до

---

[1]) Крылова.

[2]) Т. е. брошюры „Привѣтствія И. А. Крылову“.

завтрашняго дня, т. е. въ воскресенье, къ 2 часамъ по-полудни; къ которому времени Оленинъ будетъ ожидать его сіятельство князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго.

P. S. Въ запискѣ его сіятельства было сказано, что онъ при ней посылаетъ два экземпляра Крыловой тетрадки [1]). Но этихъ тетрадокъ Оленинъ не получилъ, а желалъ бы очень ихъ имѣть!

XVI. Письмо Ф. Ф. Вигеля.

27-го марта (1838).

Вамъ несправедливо сказали, почтеннѣйшій князь, будто я ожидаю отъ васъ какого-то билета: за деньги, которыя имѣлъ я честь вамъ вручить, уже я получилъ прошлогодній «Современникъ», а на изданіе г. Плетнева [2]) я все сбирался подписаться и не знаю, какъ сего доселѣ не сдѣлалъ. Я все надѣюсь какъ будто бы еще бесѣдовать съ Пушкинымъ, когда буду читать «Современникъ» нынѣшняго года: я въ немъ вижу алтарь, сооруженный стараніями его сотрудника, собрата и пріятеля. Не почитатели его высокихъ дарованій (ими полна Россія), но избранные имъ счастливцы, коимъ ближе были извѣстны высокія чувства его души и кои сами одарены талантами, кладутъ на сей жертвенникъ цвѣты своего искусства и воображенія. Я также зналъ его, дивился ему и всей душой его любилъ, но увы! безталанный, что кромѣ бѣднаго лепта, бѣлой бумажки могу принесть я въ даръ? И въ этомъ сталъ бы я себѣ отказывать? Только я не знаю, прикажете-ли къ себѣ прислать или подписаться гдѣ-нибудь? Сердечно благодарю за присылку собственныхъ новыхъ вашихъ произведеній; одно уже читалъ я въ «Альманахѣ» [3]), который купилъ, а въ другомъ [4]) узналъ человѣка, который хочетъ выдать себя за bon diable, тогда какъ одно только прилагательное ему прилично.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга Ф. Вигель.

---

[1]) Т. е. брошюры: „Привѣтствія И. А. Крылову".

[2]) П. А. Плетневъ былъ редакторомъ „Современника" въ 1838—1846 гг.

[3]) Въ „Альманахѣ на 1838 г.", изданномъ В. А. Владиславлевымъ, былъ напечатанъ (стр. 221—288) разсказъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: „Записки гробовщика".

[4]) „Сегеліель, или Донъ Кихота XIX столѣтія. Сказка для старыхъ дѣтей. Отрывокъ изъ 1-й части", помѣщ. въ „Сборникѣ на 1838 г.", изданномъ А. Ѳ. Воейковымъ и В. А. Владиславлевымъ въ память открытія въ 1837 году ихъ типографіи.

XVII. Письмо Я. М. Невѣрова [1]).

Берлинъ. 25-го ноября (нов. ст.) 1838.

Ваше сіятельство, милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

По возвращеніи моемъ въ Берлинъ я имѣлъ удовольствіе писать къ вамъ съ дѣвицею, жившею въ домѣ Полуехтовыхъ (нѣмкою, не знаю, право, ея имени; это было въ началѣ октября). Я послалъ вамъ съ нею облатки и увѣдомлялъ, что одна изъ присланныхъ вами повѣстей вашихъ будетъ переведена. Этотъ переводъ теперь конченъ—и очень удачно: я читалъ его въ рукописи. Для меня такъ пріятно было видѣть васъ въ нѣмецкой одеждѣ, что я, прочтя нѣмецкую «Сильфиду», почелъ долгомъ извѣстить васъ, что вслѣдъ за «Сильфидою» переведенъ будетъ и «Гробовщикъ». «Сильфида» уже печатается въ первой книжкѣ Мундова журнала на 1839 годъ «Freyhafen» [2]). Фарнгагенъ [3]), вашъ переводчикъ, прибавилъ къ «Сильфидѣ» маленькое notice; онъ въ восторгѣ отъ того, что могъ прочесть изъ вашихъ вещей,—и теперь переводитъ «Гробовщика». Я обѣщалъ доставить ему свѣдѣніе о вашемъ «Сельгіелѣ» [4]), но, къ несчастію, у меня затерялся тотъ листокъ «Литературныхъ Прибавленій», въ которомъ была статья о немъ [5]); если вамъ можно, князь, сообщить маленькое извѣстіе о главномъ содержаніи этого романа, то вы бы очень одолжили тѣмъ меня и здѣшнихъ литераторовъ. Вы представить не можете, какъ интересуются здѣсь, по крайней мѣрѣ въ томъ кругу, который я знаю, русскимъ словомъ вообще и особенно тѣмъ, что вы для него сдѣлали. «Княжна Мими» переведена въ Russische Hundert und Eins [6]), въ сборникѣ русскихъ повѣстей. «Послѣдній квартетъ Бетховена» также переведенъ Тицемъ въ изданномъ имъ томѣ Russische historische und romantische Erzählun-

---

[1]) Яннуарій Михайловичъ Невѣровъ (р. 1801 † 1893), другъ Грановскаго и Станкевича, писатель и педагогъ, въ 1864—1879 гг. попечитель Кавказскаго учебнаго округа.

[2]) Журналъ „Freihafen“ издавался Теодоромъ Мундтомъ (Mundt, р. 1808 † 1861) въ 1837—1844 гг.

[3]) Извѣстный Varnhagen von Ense.

[4]) Т. е. Сегеліелѣ (см. выше, стр. 156, прим. 4-е).

[5]) Въ №16 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ 1838 г., отъ 16-го апрѣля, помѣщенъ разборъ „Сборника на 1838 годъ“, и тутъ, на стр. 310—312, идетъ рѣчь о „Сегеліелѣ“.

[6]) Сборникъ: „Russisches Hundert und Eins, enthaltend Erzählungen, Novellen, Mährchen, Schilderungen russischer und morgenländischer Sitten“ вышелъ въ свѣтъ, въ двухъ томахъ, въ Берлинѣ, въ 1835—1836 гг.

gen, Begebenheiten und Skizzen von Tietz [1]). 1838. Berlin. Еслибъ были подъ рукою «Себастьянъ Бахъ», «Насмѣшка мертваго» и проч(ія) ваши вещи, то и ихъ бы также перевели тотчасъ. Но здѣсь книги русскія рѣдкость, хотя теперь очень многіе ими интересуются. Я знаю въ Берлинѣ до десяти литераторовъ, хорошо знающихъ по-русски, которые охотно бы знакомили нѣмцевъ съ русскою литературою, еслибъ имѣли книги и журналы, но ихъ достать здѣсь ужасно трудно. Фарнгагенъ хочетъ выписывать для себя какой-нибудь журналъ и просилъ моего совѣта и выбора, но я такъ давно не видалъ русскихъ журналовъ, что рѣшительно былъ въ затрудненіи, что̀ ему отрекомендовать.

Не знаю, обратили-ли вы вниманіе на статью его о Пушкинѣ въ октябрскихъ номерахъ Jahrbücher der wissenschaftlichen Kritik [2])— она возбудила здѣсь живой интересъ какъ содержаніемъ своимъ, такъ въ особенности именемъ Фарнгагена, и русская литература на-ряду съ современными политическими вопросами составляла на нѣсколько недѣль предметъ общаго разговора. Забавно, что профессоръ Гансъ [3]), одна изъ остроумнѣйшихъ головъ между тяжеловѣсными нѣмецкими учеными, высказалъ подозрѣніе, что это написано не Фарнгагеномъ, а русскимъ, и именно мною—онъ знаетъ, что я хорошо знакомъ съ Фарнгагеномъ, такъ что мнѣ надобно было оправдываться. Главное дѣло въ томъ, что Гансъ на своихъ лекціяхъ, на которыя каждодневно сбирается болѣе 400 человѣкъ всѣхъ званій, возрастовъ и націй, жарко нападаетъ на славянскіе народы и старается доказать, что они способны только воспринимать пассивно, ничего не производя, а потому всѣ его послѣдователи никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы русскіе могли имѣть поэта съ европейскимъ значеніемъ, и думали, что статья написана русскимъ. Со всѣмъ тѣмъ она чрезвычайно заинтересовала здѣсь всѣхъ. Одинъ мой знакомый французъ перевелъ ее и теперь переводитъ книгу Кёнига [4]) съ измѣненіями, въ которыхъ я обѣщался помочь ему. Если вы, князь, имѣете переписку съ Мельгуновымъ [5])

---

[1]) Писатель Friedrich Tietz (р. 1803 † 1879), бывшій одно время (въ 1844 г.) директоромъ театра въ Ревелѣ.

[2]) Переводъ этой статьи Фарнгагена о Пушкинѣ былъ помѣщенъ въ приложеніи къ тому III „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 г. (въ переводѣ М. Н. Каткова) и въ „Сынѣ Отечества“ 1839 г., т. VII, Критика, стр. 1—37.

[3]) Профессоръ Берлинскаго университета Эдуардъ Гансъ (р. 1798 † 1839), читавшій естественное право и прусское гражданское право.

[4]) Извѣстную книгу Генриха-Іосифа Кёнига (р. 1790 † 1870): „Literarische Bilder aus Russland“, вышедшую въ свѣтъ въ 1837 году.

[5]) Николаемъ Александровичемъ (см. выше, апрѣль, стр., 196 прим. 3-е), на основаніи устныхъ сообщеній котораго была написана книга Кёнига.

или по крайней мѣрѣ знаете, гдѣ онъ [1]), то потрудитесь написать ему объ этомъ; я охотно бы писалъ къ нему самъ, но не знаю, гдѣ онъ. Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ: скоро явится очень удачный переводъ въ стихахъ «Бахчисарайскаго фонтана». Гёте [2]), внукъ поэта, посвятившій себя музыкѣ и учащійся у Мендельсона-Бартольди,—положилъ на музыку пѣснь Земфиры и всю эту сцену; потомъ одну изъ своихъ музыкальныхъ фантазій назвалъ «Кавказскій плѣнникъ»—но мнѣ не удалось слышать ни того, ни другаго. Кстати о музыкѣ. Кажется, мнѣ доведется вамъ рекомендовать одну артистку, извѣстную миссъ Клару Новелло [3]), которая отправляется въ Петербургъ. Меня просили Маербееры [4]) дать ей писемъ; несмотря на холодную и бездушную методу, ея чудный голосъ и техническое совершенство сдѣлали ее любимицею здѣшней музыкальной публики.

Я останусь въ Берлинѣ до конца семестра, до апрѣля—потомъ черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ возвращусь въ Петербургъ въ половинѣ или концѣ мая; до тѣхъ поръ я къ вашимъ услугамъ и радъ буду исполнить всякую коммиссію, которую вы на меня возложите.

Съ искреннимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и глубокою преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Ян. Невѣровъ.

XVIII. Письмо Н. А. Полевого.

С.-Петербургъ, 21-го декабря 1838.

Вы позволили, милый князь, прислать къ вамъ за статейкой [5]) во вторникъ въ 6 часовъ—посылаю въ среду, въ 8-мь, надѣясь, что вы простите мою докуку.

Въ XII книжкѣ «С(ына) О(течества)» я помѣщу въ Литтер(атурныхъ) извѣст(іяхъ) самое дружеское, но извините!.. осто-

---

[1]) Н. А. Мельгуновъ находился въ это время въ Москвѣ (см. статью А. И. Кирпичникова „Между славянофилами и западниками“ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., т. 96, стр. 325).

[2]) Вальтеръ Гёте (р. 1818 † 1885).

[3]) Извѣстная пѣвица Клара Новелло (р. 1818), въ 1838 году дававшая съ большимъ успѣхомъ концерты въ Германіи, а въ 1839 г. въ Петербургѣ; въ 1843 году она вышла замужъ за итальянскаго графа Gigliucci.

[4]) Знаменитый композиторъ Мейерберъ былъ въ это время придворнымъ капельмейстеромъ въ Берлинѣ.

[5]) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду повѣсть князя В. Ѳ. Одоевскаго „Свидѣтель“, напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1839 года (т. VII, Русская Словесность, стр. 77—90). Полевой былъ въ это время негласнымъ редакторомъ „Сына Отечества“.

рожное извѣщеніе объ изданіи «Отеч(ественныхъ) Записокъ» [1]). Осторожное потому, милый князь, что заговори я безусловно панегирикомъ, и Смирдинъ [2]) взбѣсится, да и кто еще знаетъ будущую участь «От(ечественныхъ) Записокъ»? Можетъ быть (отъ чего да сохранитъ ихъ Богъ), онѣ перейдутъ Богъ знаетъ куда... Словомъ, я изъявляю дружбу и почтеніе, только съ оговоркой [3]). Говорю откровенно.

Касательно конторы ничего сдѣлать не могу, ибо это выходитъ уже изъ предѣловъ власти моей надъ «С(ыномъ) О(течества)». Я въ немъ даири [4]), а мой кубо [5]) дѣйствуетъ самобытно по всему, не касающемуся внутренняго содержанія.

Весь вашъ Н. Полевой.

XIX. Письма графини Е. П. Ростопчиной [6]).

1.

Пятигорскъ, 25-е маія 1839.

Зачѣмъ васъ здѣсь нѣтъ?.. здѣсь такъ хорошо, тепло, свѣтло, воздухъ такъ чистъ, такъ тихъ, дышется легко, живется такъ же, безъ заботъ, безъ мыслей, безъ занятій, словомъ, мнѣ здѣсь такъ привольно и пріятно, что часто приходитъ въ голову: «Зачѣмъ же васъ здѣсь нѣтъ?».. Какъ вы бы отдохнули отъ всѣхъ своихъ труженическихъ обязанностей и хлопотъ! Какъ вы бы помолодѣли и духомъ, и сердцемъ, и здоровьемъ; какъ мы съ вами наболтались бы до-сыта!.. Но вы, между тѣмъ, душитесь за перомъ и бумагами, да еще казенными, скучаете въ опустѣломъ Петербургѣ и убиваете свое бѣдное существо надъ тысячью непріятныхъ и досадныхъ трудовъ.—Почти недѣля, что я здѣсь, и еще не раскрывала книги, не подходила къ письменному снаряду; и теперь, желая поздороваться съ вами, изъ-за тридевяти земель, тридесяти горъ и рѣкъ, нахожу вмѣсто чернилъ какую-то размазню изъ сажи, явный

---

[1]) „Отечественныя Записки“ стали выходить съ 1839 года, подъ редакціею А. А. Краевскаго. Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала.

[2]) Книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, бывшій издателемъ „Сына Отечества“.

[3]) Въ 12-й книжкѣ „Сына Отечества“ 1838 года въ отдѣлѣ Извѣстія и Смѣсь (стр. 93) явилось только слѣдующее краткое упоминаніе объ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Съ новаго года толстыми книгами являются: Библіотека для чтенія, Отечественныя Записки, Московскій Наблюдатель и смиренный Сынъ Отечества“.

[4]) Даири—духовный императоръ Японіи, первымъ подданнымъ котораго признавалъ себя кубо—свѣтскій императоръ Японіи.

[5]) Т. е. А. Ф. Смирдинъ.

[6]) Нѣсколько писемъ графини Е. П. Ростопчиной къ князю В. Ѳ. Одоевскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года, ст. 846—849.

признакъ необразованности, слѣдственно благоденст(в)ія сего края, спокойнаго, малограмотнаго, малопишущаго. Сюда на-дняхъ долженъ прибыть вашъ двоюродный братъ [1]), находящійся въ службѣ въ здѣшнемъ корпусѣ, и я горю нетерпѣньемъ съ нимъ познакомиться. Въ дѣтствѣ моемъ, семейство Ренкевичевыхъ [2]) представляло мнѣ его идеаломъ ума и души; если это точно правда, что онъ таковъ, то знакомство съ нимъ будетъ мнѣ и пріятно, и опасно, и дружба одного изъ князей Одоевскихъ [3]) врядъ-ли будетъ мнѣ защитою противъ привлекательности другаго. Но во всякомъ случаѣ я обѣщаюсь не утаивать отъ васъ ни мнѣнія моего о вашемъ родственникѣ, ни подробностей нашей встрѣчи. Il aurait beaucoup à faire pour vous effacer de mon coeur, et je l'en défie, en votre nom et au mien [4]). Говорятъ, что онъ много написалъ въ послѣдніе года и что дарованье его обѣщаетъ замѣнить Пушкина, и говорятъ это люди умные и дѣльные, могущіе судить о поэзіи. Посмотримъ, посмотримъ!.. Онъ Одоевскій, и это уже большое достоинство въ моихъ глазахъ.

Знаете-ли вы, что вы должны меня спасти, меня избавить и защитить въ одномъ щекотливомъ случаѣ? Уже здѣсь, дня съ четыре тому, получила я чрезъ нашего управляющаго въ Москвѣ письмо отъ Бенкендорфа [5]), написанное 24-го генваря, въ которомъ онъ проситъ очень вѣжливо и обязательно моего соучастія для альманаха Владиславлева [6]). Гдѣ это письмо завалялось, почему такъ поздно дошло до меня,—не знаю, но предвижу, что меня обвинятъ въ неучтивости

---

[1]) Декабристъ, поэтъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, въ концѣ 1837 года переведенный изъ Сибири на Кавказъ рядовымъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Князь А. И. Одоевскій скончался 15-го августа 1839 г.

[2]) Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ (р. 1772 † 1834), бывшій въ 1818—1821 гг. московскимъ вице-губернаторомъ, а съ 1830 г. вятскимъ губернаторомъ, и жена его Александра Александровна, рожденная Пашкова (р. 1770 † 1825). Ихъ сынъ Александръ Ефимовичъ служилъ вмѣстѣ съ княземъ А. И. Одоевскимъ въ л.-гв. Конномъ полку и, по прикосновенности къ дѣлу декабристовъ, былъ въ 1826 г. переведенъ въ Бакинскій гарнизонный батальонъ прапорщикомъ.

[3]) Т. е. князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[4]) Т. е. Ему стоило бы много труда изгладить васъ изъ моего сердца, и ему это не удастся—порукой въ томъ вы и я.

[5]) Шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа.

[6]) Рѣчь идетъ объ альманахѣ „Утренняя Заря“ на 1840 годъ, издававшемся Владиміромъ Андреевичемъ Владиславлевымъ (служившимъ въ корпусѣ жандармовъ). Доходъ отъ этого изданія былъ пожертвованъ Владиславлевымъ въ пользу С.-Петербургской дѣтской больницы, предсѣдателемъ которой состоялъ графъ Бенкендорфъ. См. письмо гр. Бенкендорфа къ М. Н. Загоскину, отъ 24-го января 1839 года, въ „Русской Старинѣ“ 1902 года, іюль, стр. 87.

за то, что я не отвѣчала, и прошу васъ, душенька-благодѣтель и доброжелатель, возьмите на себя трудъ меня оправдать и чрезъ Владиславлева доведите до Бенкендорфа причину моей невольной невѣжливости. Я теперь ничего запаснаго не имѣю, чтобы замаслить подаяньемъ безвинную вину, но попросите Плетнева, чтобъ онъ уступилъ что-нибудь изъ присланныхъ ему недавно мелочей, и отдайте Владиславлеву [1]). Не правда-ли, что отвѣчать прямо Бенкендорфу было бы неловко и не кстати? Но, ради Бога, будьте моимъ заступникомъ и ходатаемъ, и устройте дѣло такъ, чтобъ меня бранили какъ можно менѣе, ибо на отсутствіе осужденій я уже перестала надѣяться въ здѣшнемъ мірѣ. Если вамъ будетъ досужно, напишите мнѣ нѣсколько словъ; до 10-го августа адресуйте сюда, а позже въ Анну какъ всегда. Addio, caro amabilissimo, siate per me sempre qual che siate adesso ed io non posso e non voglio cambiare mai [2]).

Е. Ростопчина.

Посылаю вамъ цвѣты, сорванные на здѣшнихъ горахъ, а именно на Машукѣ.

2.

(1844 г.)

Merci [3]) pour la nouvelle et aussi pour la dédicace, que j'accepte de grand coeur; seulement je crains qu'à l'inspection du titre ceux des lecteurs qui me voient quelquefois de près n'aillent supposer que vous vous voulez railler en me dédiant un «Живой Мертвецъ» [4]), à moi qui en ai l'air.—Mais cela me donnera une teinte intéressante que je

---

[1]) Въ „Утренней Зарѣ“ на 1840 г. напечатаны слѣдующія стихотворенія графини Ростопчиной: Опыты простонародныхъ мелодій (стр. 119—121); Искушенье (стр. 298—301) и Цвѣтокъ на могилу Елисаветы Михайловны Хитровой, урожденной княжны Кутузовой-Смоленской (стр. 438—439).

[2]) Т. е. Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте для меня всегда такимъ, какимъ вы были доселѣ, а я не могу и не хочу никогда перемѣниться.

[3]) Переводъ: Благодарю васъ за повѣсть, а также за посвященіе ея мнѣ, которое я принимаю отъ всей души; но боюсь только, какъ бы, взглянувъ на заглавіе, тѣ изъ читателей, которые иногда видятъ меня вблизи, не подумали, что вы хотите посмѣяться, посвящая мнѣ „Живого Мертвеца“, мнѣ, которая такъ на него походитъ. Но это придастъ мнѣ интересный колоритъ, которымъ я отнюдь не гнушаюсь. Надѣюсь, что все то, что вы мнѣ нѣкогда посвящали, будетъ напечатано съ моимъ именемъ въ новомъ изданіи вашихъ сочиненій, и если вы выставляете даты при своихъ произведеніяхъ, вы сами убѣдитесь, что въ былые годы вы несравненно болѣе обо мнѣ помнили и что я гораздо сильнѣе властвовала надъ вашимъ вдохновеніемъ. А затѣмъ Господь да хранитъ васъ.

[4]) „Живой Мертвецъ“ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 года, т. 32, Словесность, стр. 305—332.

suis loin de dédaigner.—J'espère que tout ce que vous m'avez dédié autrefois ne me sera pas enlevé dans la nouvelle édition, et si vous mettez les dates à vos productions, vous pourrez vous convaincre vous-même qu'au temps jadis j'étais beaucop plus présente à votre souvenir et beaucoup plus l'arbitre de vos inspirations..... Et sur ce Dieu soit avec vous.

3.

Москва, 15-го генваря 1848.

Милый князь—невидимка, неуслышка и нечитанка,—что это съ вами дѣется и какъ вы живете-поживаете на нашемъ ужъ чрезъ чуръ не бѣломъ свѣтѣ, вращаемомъ теперь въ какомъ-то страшномъ адскомъ вальсѣ, отъ котораго у него голова до горячки закружилась и послѣ котораго онъ едва-ли уцѣлѣетъ, если Богъ не сжалится и не пошлетъ ему въ лейбъ-медики порядочной чумы, добраго потопа или полдесятка Аттилъ, Мамаевъ и Чингисъ-хановъ, чтобъ привести его въ порядокъ и спокойствіе, освободивъ отъ лишнихъ и враждебныхъ членовъ, которыхъ въ немъ такъ много набралось и развелось. Что моя добрая княгиня?... Ничего ровно объ васъ не знаю, и боюсь, чтобъ вы меня не забыли. Это, право, было бы грѣшно, ибо о друзьяхъ-покойникахъ велѣно вспоминать и молиться, а я, если и не совсѣмъ покойница, но рѣшительно похоронена въ грязи, ссорѣ и запустѣніи того, что смѣютъ звать московской жизнію. Хороша жизнь!.. стоитъ смерти, но не имѣетъ ея выгодъ,—уединенья и молчанья! Недавно я было отдохнула умственно и расправила крылья мысли въ бесѣдѣ Чихачева [1]); онъ прожилъ здѣсь недѣлю, ежедневно бывалъ у меня, и мы съ нимъ толковали объ Европѣ, о которой здѣсь хотя и имѣютъ нѣкоторыя понятія, но вообще очень сбивчивыя и неопредѣленныя; иные представляютъ ее себѣ въ видѣ ресторація, гдѣ безсмѣнно подаются и пожираются лучшаго сорта трюфли и паштеты; для другихъ она—сераль продажныхъ баядерокъ; для дамъ—модный магазейнъ; для Хомякова и его шумливыхъ, нечесанныхъ, немытыхъ приверженцевъ—бѣдный заграничный міръ только сцена, на которую они поглядываютъ спокойно съ своего тепленькаго мѣстечка, зѣвая или припѣвая, какъ кому случится, покуда бѣдные арлекины и паяцы, дѣйствующіе единственно для вящшей ихъ, зрителей, забавы, стукаются, дерутся и суетятся, а славяне глядятъ презрительно, да поглаживаютъ свою бородку.—А мнѣ невыразимо отрадно за обновленную, вдохно-

[1]) Извѣстный географъ и путешественникъ Петръ Александровичъ Чихачевъ (р. 1808 † 1890). Русская наука обязана ему трудомъ по геологіи и географіи Алтая („Voyage scientifique dans l'Altaï oriental", 1845).

вленную, благородно-патріотическую Италію, невыразимо-больно за моихъ парижскихъ друзей. Во Франціи теперь двѣ Франціи: одна высшее званіе, благонамѣренное, благомыслящее, добродѣтельное, почтенное—страдаетъ отъ бури, которой она не въ силахъ противиться и которая угрожаетъ ее поглотить; другая—гнусные, завистливые возмутители и еще гнуснѣйшая толпа, которая, какъ хищный звѣрь, бросается на все, что богаче, образованнѣе и выше ея. Это повтореніе фараонова сна—les vaches maigres qui dévorent les vaches grasses [1]); это исчадіе Каина, уничтожающее потомковъ Сифовыхъ. Чѣмъ и какъ все это кончится?.. Слава Богу, наше дѣло сторона; намъ только должно повторять слова Христовы: «да мимо идетъ чаша сія!» и не допускать нашу Русь, еще здоровую и молодую, отравляться мнимымъ просвѣщеньемъ, гдѣ ядъ сокрытый и тлетворный подносится ей злоумышленно или неосторожно. Еслибъ намъ теперь себя духовно оградить китайскою стѣною, запретить в с ѣ безъ изъятія книги и журналы, прервать всѣ сношенія съ Западомъ, мы бы еще на много вѣковъ отвратили отъ себя заразу....

Но это, кажется, не мое дѣло, а у меня, милый мой Одоенка, есть до васъ дѣло мое собственно, и очень для меня важное: можете-ли вы отъ меня спросить Л и х т е н т а л я, продастъ-ли онъ мнѣ піанино въ двѣсти пятьдесятъ или 300 рублей серебромъ?.. Буде у него такое есть и подержанное, но хорошее, пусть онъ его мнѣ тотчасъ вышлетъ. Въ прелестной степи, называемой первопрестольнымъ градомъ, нѣтъ, рѣшительно н ѣ т ъ порядочнаго инструмента или порядочнаго мастера. Для дѣтей мы наняли кое-что въ видѣ клавесина, отъ котораго ушн болятъ и нервы содрогаются; а я должна поститься въ музыкальномъ отношеніи, что́ мнѣ чрезвычайно грустно. Давая вамъ это, впрочемъ скучное, порученье, я надѣюсь на вашу дружбу, а еще болѣе благотворительность: это въ своемъ родѣ благодѣянье, которое вы мнѣ окажете, и вы лучше всякаго другаго это поймете. Поговорите о мнѣ со всѣми нашими дорогими, съ Вяземскимъ, котораго люблю заочно и молча столь же, какъ въ глаза, съ Михаиломъ Юр(ьевичемъ) Віельгорскимъ, съ Карамзиными, съ Н. Ланскою [2]); поминайте меня чаще; авось-ли ваши воспоминанья меня магнетическою силою къ вамъ притянутъ. Простите, люблю васъ всѣхъ, всѣ вы мнѣ недостаете, а в ы едва-ли не болѣе всѣхъ; v o u s veut dire ici le ménage, la chère princesse adorablement bonne, tout comme le prince adorablement

---

[1]) Тощія коровы пожираютъ тучныхъ коровъ.

[2]) Наталья Николаевна Ланская (въ первомъ бракѣ бывшая за А. С. Пушкинымъ).

volage [1]). Прошу это прочитать вашей женѣ и расцѣловать ее за меня. Кланяйтесь добрымъ Путятамъ [2]). Преданная вамъ не на шутку Евдокія Ростопчина.

Remettez de grâce la lettre ci-incluse à son adresse [3]).

XX. Письмо К. Д. Кавелина.

Москва, 17-го февраля 1841 года.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ!

Господинъ Невѣровъ [4]) сообщилъ мнѣ, что ваше сіятельство съ благосклонностію приняли желаніе мое служить подъ вашимъ начальствомъ въ Собственной канцеляріи его императорскаго величества [5]), требуя, чтобъ я представилъ опыты трудовъ своихъ по ученой юридической части на предварительное ваше усмотрѣніе. Спѣшу воспользоваться этимъ лестнымъ дозволеніемъ. Представляю разсужденіе, написанное мною въ послѣдній годъ бытности моей студентомъ Московскаго университета, за которое я удостоился получить золотую медаль, и планъ готовимой мною диссертаціи, для публичнаго защищенія на степень магистра. Самой же диссертаціи, которую ваше сіятельство желали имѣть, я потому не могу вамъ теперь представить, что до сихъ поръ запасаю еще матеріалы изъ Полнаго Собранія Законовъ и другихъ юридическихъ актовъ и примусь за это важное для меня дѣло тогда, когда добросовѣстно могу сказать, что все возможное не опустилъ изъ виду. Если же вамъ угодно видѣть отрывокъ диссертаціи изъ готовыхъ теперь у меня матеріаловъ, то я исполню вашу волю, испрашивая на эту работу недѣли три отсрочки.

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, обременить ваше вниманіе еще нѣсколькими строками относительно лично меня. Находясь еще въ университетѣ, я получилъ почти непреодолимое желаніе посвятить себя изученію отечественнаго гражданскаго законодательства, а поэтому почту себя особенно счастливымъ, если удостоюсь поступить на службу во II-ое Отдѣленіе Собственной его императорскаго величества канце-

---

[1]) Т. е. подъ словомъ вы здѣсь надо разумѣть вашу семью: дорогую княгиню, восхитительно добрую, равно какъ и князя, восхитительно вѣтреннаго.

[2]) Старому знакомому князя В. Ѳ. Одоевскаго, писателю Николаю Васильевичу Путятѣ (р. 1802 † 1877) (о немъ см. „Русскій Архивъ“ 1878 г. книга первая).

[3]) См. выше, стр. 157, прим. 1-е.

[4]) Т. е. передайте, пожалуйста, вложенное здѣсь письмо по его адресу.

[5]) Князь В. Ѳ. Одоевскій занималъ въ это время должность старшаго чиновника во II Отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи.

ляріи, мѣсто, для достиженія этой цѣли единственное, изобилующее огромными юридическими матеріалами [1]).

Лаская себя надеждою, что любимый для меня родъ службы начнется прямо подъ непосредственнымъ вашего сіятельства начальствомъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Константинъ Кавелинъ.

P. S. Прилагаю при семъ адресъ мой, если ваше сіятельство удостоите меня отвѣтомъ: Константину Дмитріевичу Кавелину, въ Москвѣ, близъ Арбата, въ Большомъ Толстовскомъ переулкѣ, въ домѣ д(ѣйствительной) ст(атской) сов(ѣтницы) Кавелиной.

Къ письму приложена слѣдующая памятная записка:

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Константинъ Кавелинъ, родомъ изъ дворянъ, поступилъ въ 1835 году въ университетъ, по юридическому факультету. Въ 1839 году удостоенъ золотой медали, за разсужденіе о римскомъ гражданскомъ владѣніи (de possessione) степени кандидата, и по высочайше дарованному господину министру народнаго просвѣщенія позволенію представлять его величеству объ отличнѣйшихъ изъ окончившихъ курсъ своекоштныхъ студентахъ удостоился быть представленнымъ государю императору. Въ 1840-мъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, кандидатъ Кавелинъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго законодательства и теперь занимается приготовленіемъ диссертаціи о россійскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ отъ Уложенія до царствованія императрицы Екатерины II [2]). Онъ желаетъ вступить въ службу въ С.-Петербургѣ, но, не имѣя средствъ содержать себя безъ жалованья, желалъ бы получить мѣсто съ жалованьемъ отъ 1.500 до 2.000 рублей.

Сообщ. **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) К. Д. Кавелинъ не поступилъ на службу во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи.

[2]) Свою магистерскую диссертацію „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“ Кавелинъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ въ 1844 году.

1-ая Московская гимназія въ 50-хъ годахъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ началѣ іюня 1854 г. моя мать сочла меня болѣе или менѣе подготовленнымъ для 2-го класса и отправилась къ директору 1-ой гимназіи (бывшему инспектору студентовъ) Ивану Абрамовичу Шпейеру съ просьбою проэкзаменовать меня немедленно, чтобы успокоить ея родительское сердце и дать возможность ребенку погулять лѣто на свободѣ, безъ страха экзамена. Теперь такая несвоевременная просьба покажется просто нелѣпостью; но тогда наплывъ учениковъ въ гимназіи былъ далеко не такъ великъ, и начальство старалось подбирать мальчиковъ изъ семействъ болѣе достаточныхъ, а мать моя пріѣхала въ собственной коляскѣ; кромѣ того, можетъ быть, возъимѣлъ свое дѣйствіе и золотой, подсунутый письмоводителю канцеляріи. Какъ бы то ни было, мать моя получила такой отвѣтъ: «Теперь, сударыня, невозможно собрать господъ учителей: у нихъ вакація, и они разбрелись, кто куда могъ. А вы пожалуйте съ вашимъ мальчикомъ 20-го числа, когда жалованье выдаютъ, часовъ около 12; тогда авось и наберется достаточно, чтобы проэкзаменовать во 2-ой классъ». 20-го іюня мать одѣла меня въ новый костюмъ и повезла къ Предтеченскимъ воротамъ въ гимназію, которая въ этомъ году только-что была перестроена и отдѣлана заново. Мы явились прямо въ канцелярію, гдѣ я увидалъ директора и человѣкъ 6—7 учителей въ разнообразныхъ неформенныхъ костюмахъ. Мать представила меня Шпейеру, который довольно ласково потрепалъ меня жирной рукой по щекѣ и велѣлъ отвести меня прежде всего къ учителю ариѳметики, который задалъ мнѣ довольно большое дѣленіе и велѣлъ потомъ провѣрить его умноженіемъ; я исполнилъ это удовлетворительно и получилъ 4. Затѣмъ

я попалъ въ руки учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ; у перваго я получилъ, кажется, 3, а у второго оказался ниже всякой критики, такъ какъ зналъ только буквы, да и то плохо: ни мать, ни готовившій меня учитель изъ семинаристовъ не имѣли никакого понятія о гимназической программѣ. При всей своей очевидной снисходительности экзаменаторъ не могъ поставить мнѣ удовлетворительный баллъ и заявилъ о своемъ затрудненіи директору. Тотъ обратился къ матери, сильно сконфуженной моимъ неуспѣхомъ.

— Да сколько, сударыня, лѣтъ вашему сыночку, что вы непремѣнно хотите его въ 2-ой классъ отдать?

— Девять, т. е. будетъ девять 18-го августа.

Директоръ расхохотался.

— И вы хотѣли его во второй классъ втиснуть! Да кто же это вамъ позволитъ? Да мы и никакого права не имѣемъ, хотя бы онъ изъ всѣхъ предметовъ по 5 получилъ!

— Я думала, что онъ такой большой и развитой,—пробормотала еще болѣе сконфуженная мать.

— И не думайте! Это дѣло совершенно невозможное; самъ г. попечитель этого разрѣшить не можетъ. Тутъ прямой законъ. Мы и въ 1-й-то классъ, по-настоящему, не можемъ экзаменовать его, развѣ только изъ особаго снисхожденія въ виду того, что ему будетъ 9 лѣтъ при началѣ ученія; да и то, если г.г. учителя будутъ согласны взять на себя мой грѣхъ.

Мать смотрѣла на учителей умоляющими глазами. Учитель ариѳметики и «нѣмецъ» стали просить за меня директора.

Я былъ такъ мало запуганъ дома и такъ мало импонировала на меня обстановка канцеляріи, что, пока рѣшалась моя участь, я приспособлялся взобраться на спинку стула, покинутаго «нѣмцемъ». Директоръ это замѣтилъ.

— Видите, сударыня: онъ еще совсѣмъ дитя, а вы его во 2-ой классъ! (Мать поспѣшила положить конецъ моимъ эквилибристическимъ упражненіямъ). Ну, да ужъ Богъ съ вами! Г.г. учителя желаютъ, и авось онъ учиться хорошо будетъ. Изъ чего ему еще проэкзаменоваться нужно? Да, изъ Закона Божьяго и изъ русскаго. Иди къ батюшкѣ! Въ 1-й классъ, батюшка!

Экзаменъ мой окончился въ три минуты: батюшкѣ я громко отбарабанилъ: «Вѣрую»; учитель русскаго языка, просматривавшій у окна газету, велѣлъ мнѣ читать изъ «Извѣстія съ Бѣлаго моря» изъ той же газеты и продиктовалъ мнѣ двѣ строчки. Оба поставили по 4 (о конкурсѣ въ то время не могло быть и рѣчи). Директоръ поздравилъ мою мать и даже меня погладилъ по головѣ; что-то пріятное сказали моей матери и два—три учителя. Письмоводитель подсунулъ ей заго-

товленное прошеніе и сказалъ, какія именно бумаги должна она представить. Директоръ милостиво отпустилъ насъ, сказавъ, что 16-го августа я долженъ уже въ вицмундирѣ явиться съ 9 часамъ въ гимназію; нехудо, если у меня къ тому времени будетъ и мундирчикъ.

Мать была довольна на половину; я—въ полномъ восторгѣ: принятъ въ гимназію, гдѣ и учителя и даже директоръ оказались такіе ласковые и гдѣ такъ легко учиться по-русски—только газеты читать. Но какъ все это измѣнилось къ 16-му августа!

Мать привезла меня къ половинѣ девятаго и надѣялась присутствовать при моемъ вступленіи на новое поприще. Но надзиратель надъ своекоштными, Адольфъ Ивановичъ Яннау, сухой поджарый человѣкъ съ ястребинымъ носомъ и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, сейчасъ же отдѣлилъ меня отъ матери и поставилъ въ ряды такихъ же малышей, а матери указалъ пріемную комнату, гдѣ находились и другіе родители. Насъ же помѣстили къ актовой залѣ у входа въ гимназическую церковь; въ самой же церкви стояли въ рядахъ такъ называемые «казенные», т. е. пансіонеры, одѣтые вмѣсто вицмундировъ въ новенькія курточки. Намъ велѣли стоять тихо, да и примѣръ «казенныхъ», которые держались, какъ солдаты на ученьѣ, дѣйствовалъ на насъ угнетающимъ образомъ. Около 10 часовъ явился директоръ въ мундирѣ, со шпагой, съ орденами. Я не узналъ бы его, еслибъ не слышалъ кругомъ себя робкаго шопота: «директоръ!»—до того измѣнилось выраженіе его лица: коротко остриженные волосы стояли, какъ у ежа; заплывшіе глаза метали молніи; онъ грозно пыхтѣлъ, какъ бы заранѣе гнѣваясь.

— Смир-на!—привѣтствовалъ онъ насъ, хотя мы и безъ того застыли отъ страха.—Велите тамъ начинать!—сказалъ онъ надзирателю и кивнулъ головою по направленію къ алтарю.

Отслужили молебенъ съ многолѣтіемъ. Когда діаконъ возгласилъ: Начальствующимъ, учащимъ и учащимся многая лѣта, директоръ гордо посмотрѣлъ на насъ, и большіе гимназисты съ восторгомъ рявкнули многолѣтіе вмѣстѣ съ хоромъ. Затѣмъ надзиратели отвели всѣхъ насъ во внутренній дворъ гимназіи, среди котораго стояла новешенькая гимнастика, поставили по классамъ полукругомъ и велѣли стоять смирно. Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами появился директоръ и замѣчательно зычнымъ голосомъ (онъ былъ изъ моряковъ) сказалъ намъ рѣчь приблизительно такого содержанія:

— Сейчасъ васъ разведутъ по классамъ—показать, куда каждый долженъ являться на уроки. Вы увидите, что тамъ все чистое и новое съ иголочки; бѣда вамъ, если вы вздумаете столы или скамейки портить: жестоко пороть буду. Въ большую перемѣну, пока хорошая погода, васъ будутъ выводить на этотъ дворъ. Не вздумайте на гимна-

стикѣ упражняться и портить ее: не для того она поставлена. Когда учитель въ классъ входитъ, вы должны встать, и дежурный прочтетъ молитву. Когда я войду въ классъ и скажу: здравствуйте, дѣти, вы должны мнѣ отвѣтить: здравія желаемъ, ваше превосходительство (Шпейеръ былъ въ генеральскомъ чинѣ). Остальное вамъ скажутъ надзиратели и учителя. Ну, какъ вы будете отвѣчать мнѣ, когда я войду и скажу: здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—гаркнули триста юношескихъ и дѣтскихъ голосовъ.

Шпейеръ, до тѣхъ поръ мрачный и грозный, просіялъ и милостивымъ движеніемъ руки отпустилъ насъ по классамъ.

Три младшихъ своекоштныхъ класса повелъ попарно Яннау, разсадилъ насъ въ соотвѣтствеиныя мѣста (корридоры, украшенные картинами, болѣе или менѣе педагогическаго содержанія, и классы, дѣйствительно, блистали новизной) и опять таки велѣлъ сидѣть смирно. Мы, первоклассники, осматривали новую обстановку и другъ друга и шопотомъ знакомились. Грозная фигура и рѣчь директора и не на такихъ малышей, какъ я, нагнала бы страхъ и трепетъ.

Черезъ полчаса тотъ же Яннау сдѣлалъ намъ перекличку, сказалъ намъ, какіе уроки будутъ завтра, и велѣлъ явиться непремѣнно къ 9 часамъ съ тетрадками, карандашами и перьями, и затѣмъ насъ «распустили». Я и нѣсколько другихъ мальчиковъ, привезенныхъ родителями, были въ затрудненіи, какъ отыскать ихъ: дѣятельный Яннау довольно ласково провелъ насъ черезъ церковь и актовую залу на парадное крыльцо, гдѣ я и нашелъ свою мать. Оказалось, что она не потеряла времени даромъ; во время молебна успѣла познакомиться съ Яннау, попросить его обратить на меня особенное вниманіе, успѣла вручить ему что-то и, освѣдомившись объ его адресѣ, намекнуть ему, что онъ и впредь будетъ получать пріятныя неожиданности. Адольфъ Ивановичъ вовсе не воспылалъ при этомъ благороднымъ негодованіемъ, а напротивъ разсыпался, насколько могъ, въ благодарностяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и другіе заботливые родители вступали съ нимъ въ такое же полюбовное соглашеніе. Да и могло-ли это быть иначе? Надзиратель за своекоштными получалъ всего 25 рублей въ мѣсяцъ безъ квартиры и въ гимназіи оставался отъ 8 часовъ до 3-хъ. А въ Москвѣ уже и въ то время сколько-нибудь приличную семейную квартиру съ отопленіемъ нельзя было имѣть меньше 20 рублей, частныхъ же уроковъ надзиратели не могли давать и потому, что и сами обыкновенно были люди безъ всякаго образованія.

А. И. Яннау получалъ отъ моихъ родителей, пока у нихъ были средства, какъ я потомъ узналъ отъ матери, 3 рубля въ мѣсяцъ и къ праздникамъ приношеній натурою рублей на десять. А все-таки,

какъ теперь я полагаю, онъ былъ одинъ изъ самыхъ честныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ 1-ой гимназіи. Педагогомъ онъ, конечно, не былъ ни капельки; но за то и не воображалъ себя таковымъ, какъ другіе надзиратели, нѣмцы и русскіе, которые, пользуясь казенными довольно обширными квартирами, набирали себѣ пансіонеровъ, держали ихъ обыкновенно впроголодь и передвигали изъ класса въ классъ черезъ посредство пятирублевыхъ (т. е. получавшихъ 5 рублей въ мѣсяцъ) репетиторовъ и умаливаній учителей «прибавить моему одну единичку»; учителю, который, можетъ быть, вчера же угощался до второго часу у этого же самаго Ивана Францовича, было неловко отказать «товарищу»; а родители учениковъ за эти угощенія и за дешевыхъ репетиторовъ расплачивались сторицею. Адольфъ Ивановичъ (въ ученическомъ просторѣчіи просто Адольфъ) получалъ небольшія благодарности за особое вниманіе къ ученику, которое выражалось въ томъ, что онъ еженедѣльно выписывалъ всѣ баллы ученика и посылалъ въ субботу родителямъ (до 1858 г. казенныхъ «балльниковъ» не существовало), подыскивалъ репетиторовъ, являлся къ родителямъ самолично, если ученику грозила серьезная бѣда, совѣтовалъ попросить директора, учителя, но и только: никогда онъ не просилъ учителей за своихъ и вообще держался вдали отъ нихъ; никогда мы не замѣчали, чтобы онъ былъ снисходительнѣе къ тѣмъ, чьи родители благодарили его, или суровѣе къ остальнымъ: за мелкія шалости онъ и тѣмъ и другимъ дѣлалъ одинаковыя словесныя внушенія, постукивая, для большей убѣдительности, въ лобъ пальцемъ съ перстнемъ весьма почтенныхъ размѣровъ; за среднія ставилъ подъ звонокъ на колѣни послѣ классовъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ обращался къ авторитету инспектора. Когда мои родители впослѣдствіи обѣднѣли и перестали благодарить его за меня, я не почувствовалъ никакой перемѣны въ его обращеніи со мною, а когда я былъ въ 6-мъ классѣ, онъ же доставилъ мнѣ первый урокъ (взяточники по натурѣ, какъ извѣстно, ненавидятъ тѣхъ, кто перестаетъ давать имъ).

А ужъ служака онъ былъ, какихъ мало на свѣтѣ: ни въ семь лѣтъ моего ученья въ гимназіи, ни въ три года моего учительства тамъ же, онъ, сколько помню, ни разу не манкировалъ, хотя и приходилъ иногда съ повязаннымъ горломъ. Во время большой перемѣны онъ никогда не присаживался, и его сѣрые глаза имѣли способность выдѣть одновременно все во всѣхъ четырехъ залахъ, гдѣ шумѣла наша трехсотенная толпа: всякій толчекъ товарищу, всякая попытка вступить въ борьбу или драку или даже пробѣжать по залѣ немедленно вызывали съ его стороны не тяжелую, но неизбѣжную кару.

За то съ Адольфа Ивановича нечего было и спрашивать какихъ-либо педагогическихъ соображеній. Вотъ какая сцена, напр., по-

вторялась десятки разъ каждый годъ. Пуститъ кто-нибудь безъ всякаго основанія слухъ, что завтра не учиться. При отпускѣ своекоштныхъ учениковъ «Адольфъ» непремѣнно стоитъ на площадкѣ чугунной лѣстницы и пропускаетъ мимо себя всѣ классы.

— Адольфъ Ивановичъ! завтра не приходить?—спрашиваетъ его какой-нибудь первоклассникъ.

— Отчего это?

— Говорятъ, праздникъ.

— Какой вздоръ! Никакого праздника нѣтъ.

Двѣ-три «пары», слышавшія этотъ отвѣтъ, проходятъ молча.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра праздникъ?—спрашиваетъ другой мальчикъ.

— Вотъ я тебѣ задамъ праздникъ!—отвѣчаетъ Адольфъ уже съ раздраженіемъ.

Опять проходятъ двѣ-три пары безъ вопроса.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра не приходить?—спрашиваетъ третій.

— Подъ звонокъ, на колѣни!—уже гремитъ Адольфъ, и бѣдный козелъ отпущенія съ ревомъ идетъ подъ звонокъ. Адольфъ Ивановичъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что нелѣпый вопросъ столько разъ задается ему съ дурнымъ умысломъ.

Но возвращаюсь къ началу своей гимназической карьеры.

17-го августа, въ $8^1/_2$ часовъ, я съ пачкою тетрадей уже былъ на внутреннемъ гимназическомъ дворѣ, знакомился кое съ кѣмъ изъ товарищей и со страхомъ созерцалъ гимнастику, за пользованіе которой было обѣщано столь суровое воздаяніе. Адольфъ Ивановичъ прохаживался между нами и наблюдалъ за порядкомъ.

Безъ пяти минутъ девять прозвонилъ звонокъ, и мы попарно двинулись въ классы. Мы въ своемъ классѣ уже нашли вывѣшенный на стѣнѣ списокъ всѣхъ насъ по алфавиту и распредѣленіе уроковъ. Такъ какъ Адольфъ не могъ быть одновременно во всѣхъ трехъ классахъ, а порядокъ передъ приходомъ учителей долженъ быть образцовый («чтобъ муху слышно было», объяснилъ намъ тотъ же Адольфъ), такъ намъ былъ присланъ «старшій», т. е. ученикъ VI или VII класса съ нашивками и съ властью надзирателя. Онъ назначилъ изъ насъ дежурнаго (перваго по алфавиту) и объяснилъ ему его обязанности: приготовить губку и мѣлъ, вытереть доску и, главное, составить списокъ отсутствующихъ; на первый разъ онъ сдѣлалъ намъ перекличку и самъ составилъ такой списокъ.

Ровно въ 9 часовъ въ классъ вошелъ учитель ариѳметики Александръ Тимоѳеевичъ Раменскій (онъ 20-го іюня экзаменовалъ меня во второй классъ и тогда показался мнѣ очень добродушнымъ; но теперь въ вицмундирномъ фракѣ имѣлъ видъ несравненно болѣе суровый),

плотный четырехъ-угольный человѣчекъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; говорилъ онъ сильно въ носъ.

По выслушаніи молитвы, которая тогда читалась передъ каждымъ урокомъ, онъ обратился къ намъ съ такою рѣчью:

— Ну, поросята, раскрывайте тетради, берите перья и пишите ясно, раздѣльно и правильно.

«Вопросъ. Что есть ариѳметика?

«Отвѣтъ. Ариѳметика есть наука о числахъ.

«В большое и точка. Что есть число?

«О большое и точка. Число есть собраніе единицъ.

«В. Что есть единица?» и т. д.

Продиктовавъ страницы три очень медленно, онъ велѣлъ одному изъ насъ прочесть написанное и за сдѣланную имъ ошибку щелкнулъ чтеца въ носъ.

Къ слѣдующему разу мы должны были все продиктованное выучить и говорить наизусть съ вопросами и отвѣтами.

Раменскій былъ учитель ужасно старозавѣтный по дидактическимъ пріемамъ—мы и задачи должны были говорить наизусть,— но въ сущности недурной и неглупый. Онъ рѣдко бралъ на себя трудъ «толковать» уроки, въ особенности въ началѣ (большинство изъ насъ уже знали четыре дѣйствія), но когда убѣждался, что даже и порядочные ученики не понимаютъ продиктованнаго, онъ кряхтя сходилъ съ каѳедры и объяснялъ кратко, но очень удобопонятно, такъ что послѣ него и плохой ученикъ могъ повторить объясненіе; впередъ шелъ онъ медленно, и только тогда, когда и плохіе ученики усвоивали отдѣлъ. «Науку» онъ сокращалъ елико возможно, но программу исполнялъ въ точности; онъ никогда не опаздывалъ и не пропускалъ уроковъ. Частныхъ уроковъ своимъ ученикамъ (какъ извѣстно, тѣ же взятки, но въ смягченной формѣ) онъ никогда не давалъ; да и едва-ли кто и вводилъ его въ искушеніе: при его системѣ частыхъ повтореній, кромѣ отчаянныхъ к а м ч а т н и к о в ъ, никто у него, начиная со второго полугодія, меньше тройки не получалъ.

Ученики разсказывали анекдоты объ его феноменальной скупости (напр., какъ онъ, пріобрѣтя при посредствѣ кухарки въ магазинѣ Ермолова фунтъ орѣховъ и, найдя въ немъ орѣхъ со свищомъ, посылалъ ее снова въ магазинъ перемѣнить негодный орѣхъ); не знаю, насколько въ нихъ было правды; но увѣренъ, что онъ при своихъ донельзя простыхъ привычкахъ—никто никогда не видалъ Раменскаго ѣдущимъ на извозчикѣ; ту же фуражку съ кокардою, которую я зналъ первоклассникомъ, я видѣлъ на Раменскомъ и черезъ одиннадцать лѣтъ, самъ служа учителемъ въ той же гимназіи—не проживалъ и половины своего скромнаго жалованья. А человѣкъ привычки былъ онъ до такой степени,

что, выйдя въ отставку въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ все же ежедневно въ половинѣ девятаго направлялся тихимъ шагомъ къ гимназіи; дойдетъ до воротъ, вздохнетъ и поплетется назадъ домой.

Черезъ недѣлю или двѣ послѣ начала уроковъ я былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены, за которую я надолго возненавидѣлъ Раменскаго и, какъ потомъ оказалось, не совсѣмъ справедливо.

Былъ у насъ ученикъ Самоваловъ изъ новенькихъ, но довольно великовозрастный, съ глупымъ и жалкимъ лицомъ, очевидно очень бѣдный, судя по вицмундиру изъ грубаго сукна; сидѣлъ онъ на задней скамейкѣ, слушая въ десятый или двадцатый разъ: «Вопросъ: что есть уменьшаемое? Отвѣтъ: уменьшаемое есть число, отъ котораго при вычитаніи» и пр.; онъ, вѣроятно, безсознательно вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и сталъ что-то вырѣзывать на новенькомъ столѣ, покрытомъ блестящимъ чернымъ лакомъ. Раменскій замѣтилъ.

— Ты что это, поросенокъ, тамъ дѣлаешь?—воззвалъ математикъ и двинулся къ виновному. Самоваловъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и спряталъ ножикъ; но улика была на лицо.

— Ну ужъ, братъ, не прогнѣвайся, а я Адольфу Ивановичу скажу, и тотъ тебѣ такую порку задастъ...

Когда кончился урокъ, Раменскій велѣлъ Самовалову идти за нимъ; но на того напалъ такой страхъ, что онъ, почти обезумѣвъ, грубо отвѣтилъ: «Не хочу, не пойду» и оттолкнулъ Раменскаго, когда тотъ попытался взять его за руку.

Раменскій покраснѣлъ отъ гнѣва; необычно быстрымъ шагомъ вышелъ изъ класса и черезъ минуту явился съ страшнымъ для насъ Адольфомъ. Несчастный Самоваловъ и тутъ продолжалъ «оказывать сопротивленіе властямъ» и спасаться отъ нихъ, бѣгая по столамъ и тѣмъ усугубляя свою вину. Наконецъ, призванъ былъ солдатъ, и Самовалова увели.

Пока мы смотрѣли на эту охоту за нашимъ товарищемъ, наши сердчишки колотились отъ чисто животнаго страха, а когда Самоваловъ явился минутъ черезъ двадцать назадъ смертельно блѣдный, съ какими-то красными полосами на лбу и дрожащими губами, нашъ животный страхъ осложнился и состраданіемъ, и въ то же время какимъ-то отвращеніемъ къ потерпѣвшему.

Позднѣе я убѣдился, что Раменскій вовсе не былъ жестокимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ былъ благодушнѣе и сострадательнѣе большинства нашихъ учителей; но онъ былъ до крайности исполнительнымъ чиновникомъ, а такъ какъ директоръ рекомендовалъ всѣмъ смотрѣть за чистотой столовъ, то онъ, скрѣпя сердце, и предалъ Самовалова на казнь; весьма возможно, что самъ же онъ и попросилъ при этомъ Адольфа наказывать преступника полегче. А наказывать въ то время

значило д р а т ь; всѣ другія наказанія: единицы, стояніе на колѣняхъ въ классѣ или подъ звонкомъ въ корридорѣ, изгнаніе изъ класса, оставленіе послѣ класса, тройка за поведеніе и проч., имѣли въ нашихъ глазахъ значеніе постолько, посколько они приближали наказуемаго къ розгамъ. Три единицы въ недѣлю вели къ субботней поркѣ, которой подвергалось не менѣе 20—30 учениковъ каждый разъ; стоять на колѣняхъ или быть изгнаннымъ изъ класса въ хорошей компаніи было гораздо веселѣе, нежели сидѣть на урокѣ; но Шпейеръ иногда дѣлалъ набѣги въ гимназію, и если былъ въ дурномъ расположеніи духа, захватывалъ стоящихъ въ корридорѣ или на колѣняхъ и уводилъ драть; подъ звонкомъ постоять (противъ учительской) или остаться послѣ класса и вдвоемъ-втроемъ побѣгать по пустымъ корридорамъ тоже занятіе пріятное; но могъ придти инспекторъ и увести съ собою для той же жестокой расправы; инспекторъ у насъ (Л. О. Новицкій) былъ человѣкъ добрый и хорошій; но такова была тогда с и с т е м а в о с п и т а н і я.

Чтобы не возвращаться къ этому гнусному предмету, я теперь же скажу, какъ производилась эта расправа и какъ «система» дѣйствовала на наши характеры и міровоззрѣніе.

Удовольствіе видѣть самый актъ мнѣ и моимъ товарищамъ доставилъ г. директоръ (убѣжденный любитель «системы») на второй или третій мѣсяцъ моего пребыванія въ гимназіи. Разъ явился онъ со своимъ штабомъ—при немъ всегда находился одинъ надзиратель еврейскаго типа и экономъ Росціусъ—во время большой перемѣны въ рекреаціонный залъ, когда мы едва-едва успѣли купить у булочника или вынуть изъ заднихъ кармановъ свои завтраки. Мгновенно воцарилась мертвая тишина, и мы прижались къ стѣнкамъ.

— Становись по росту; маленькіе впередъ!—загремѣлъ Шпейеръ.

Въ нѣсколько секундъ приказъ его былъ исполненъ; завтраки исчезли безслѣдно.

Въ это время въ залу вошли трое служителей; двое несли скамейку, а третій мѣдный тазъ съ пучками намоченныхъ розогъ. За ними шли, опустивъ головы, два «казенныхъ» гимназиста, уже подростки, лѣтъ по 15—16.

— Эти два негодяя,—началъ хриплымъ басомъ директоръ,—совершили скверный поступокъ [1]), за который ихъ слѣдовало бы выгнать

---

[1]) Мудрый педагогъ такъ и не объяснилъ намъ, въ чемъ состоялъ проступокъ наказуемыхъ; проступокъ, какъ черезъ нѣсколько дней сказалъ мнѣ кто-то изъ старшихъ, былъ достоинъ „системы“: юноши ночью, переодѣвшись въ солдатскія шинели, ушли изъ гимназіи, напились водкой и на Предтеченскомъ бульварѣ о б и д ѣ л и двухъ дѣвушекъ, за что и были препровождены въ полицію, а оттуда въ гимназію на расправу.

изъ гимназіи; но ихъ несчастные родители упросили меня оставить ихъ пока, увѣряя, что они исправятся. Только я при васъ всѣхъ накажу ихъ примѣрно, чтобъ вы знали, какъ въ гимназіи поступаютъ съ негодяями. Зубрицкій! раздѣвайся, ложись!

— Ваше превосходительство! простите! помилуйте!—завылъ дикимъ голосомъ Зубрицкій, упалъ на колѣни и обхватилъ толстыя ноги директора. Тотъ оттолкнулъ его сапогомъ въ лицо и сдѣлалъ знакъ служителямъ. Въ одинъ мигъ (при помощи усерднаго черненькаго надзирателя) Зубрицкій оказался полураздѣтымъ и распластаннымъ на скамейкѣ; одинъ солдатъ крѣпко держалъ его за голову, другой за ноги, и началось истязаніе. Пучки были длинные и толстые; били со всего плеча, такъ что послѣ 15 — 20 ударовъ вся кожа сдѣлалась синебагровой, а черезъ двѣ-три минуты потекла кровь. Зубрицкій не кричалъ, а вылъ нечеловѣчески. Но басъ директора все-же былъ слышанъ отчетливо: — «Хорошенько, хорошенько его, мерзавца!», и онъ въ тактъ притопывалъ ногою.

Было дано ударовъ сорокъ; но какихъ! Вѣроятно, и солдатъ не часто такъ наказывали.

Принялись за другого, и съ такимъ же усердіемъ; этотъ не вопилъ, но грызъ лавку и стоналъ; въ результатѣ подъ нимъ оказались двѣ лужицы крови.

— Довольно!—провозгласилъ, наконецъ, директоръ.—Такъ и съ каждымъ изъ васъ будетъ поступлено, если вы будете дурно вести себя. Прощайте, дѣти!

Едва-ли два-три десятка хриплыхъ голосовъ крикнуло: Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Странно для нынѣшняго поколѣнія: ни съ кѣмъ изъ насъ ни во время казни, ни послѣ нея не сдѣлалось дурно; только большинство маленькихъ были бѣлѣе стѣны; а когда я досталъ изъ кармана свой розанчикъ и хотѣлъ ѣсть его, въ немъ оказался вкусъ сырого мяса, и я съ отвращеніемъ бросилъ его въ плевальницу; то же дѣлали и многіе другіе.

Какое вліяніе имѣла на насъ такая система? Конечно, на разныхъ разное; но можно было подмѣтить и нѣчто общее, впрочемъ, съ раздѣленіемъ по группамъ.

Такъ какъ это не было традиціонное ежедневное и ежечасное всеобщее дранье бурсацкое, извѣстное намъ по Помяловскому и по воспоминаніямъ, напримѣръ, Н. И. Гилярова-Платонова, и дѣти «благонравныя» и изъ «хорошихъ домовъ» ему не подвергались, то каждый классъ непремѣнно распадался на не отвѣдавшихъ казенныхъ розогъ и на близко знакомыхъ съ ними. Каждая группа имѣла свою гордость; первые страшно боялись перейти въ число вторыхъ и жили въ непре-

станномъ трепетѣ; не было униженія, на которое не согласился бы съ восторгомъ «благонравный» (я, конечно, не говорю объ исключеніяхъ, «о герояхъ») изъ страха передъ роковой скамейкой и не столько изъ-за физической боли, сколько изъ опасенія перейти въ «разрядъ штрафованныхъ»; никогда онъ и про себя не осмѣливался критиковать какія-либо слова или дѣйствія человѣка, имѣющаго власть послать его «внизъ».

Въ результатѣ—запуганные умы и души, рабы и трусы, если не на всю жизнь, то съ отзвуками этой физической, не разсуждающей трусости, прекрасный матеріалъ для изготовленія слѣпыхъ исполнителей на службѣ и часто тирановъ въ семьяхъ и вообще надъ слабѣйшими. Но если «благонравный» по ребяческой живости подпадалъ экзекуціи и не могъ скрыть совершившагося факта, онъ сразу становился «отчаяннымъ», для котораго ужъ нѣтъ ничего завѣтнаго. Послѣ казенной серьезной порки всѣ домашнія наказанія были для него сущій пустякъ, и онъ заставлялъ трепетать передъ собою не только братьевъ и сестеръ, но часто и родителей. Подъ вліяніемъ закоренѣлыхъ въ «отчаянности» товарищей онъ необыкновенно быстро терялъ всякій стыдъ и совѣсть, и становился донельзя циниченъ и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ, способенъ на всякую гадость, иногда и на преступленіе, но при этомъ часто храбръ до безумія.

Нѣсколько смутно припоминается мнѣ фигура нѣкоего Грешнера (вслѣдствіе ея легендарности я не отвѣчаю за точность фактовъ, но такое преданіе сложилось среди насъ, живыхъ свидѣтелей), моего «товарища» по третьему классу [1]), который въ одинъ день съумѣлъ совершить два дѣянія (п о д в и г а съ нашей точки зрѣнія), заставившія говорить о немъ всю гимназію. Въ продолженіе цѣлаго урока рисованія онъ былъ дѣятельно занятъ въ своемъ уголкѣ изготовленіемъ въ плевальницѣ особаго снадобья; самодѣльнымъ сифономъ изъ бумажки онъ вытягивалъ чернила изъ ввинченныхъ чернильницъ, мѣшалъ чернила съ пескомъ, туда же крошилъ бумажки и кусочки мѣла. Потомъ онъ

[1]) Мнѣ, 11-лѣтнему мальчику, странно было и считать своими „товарищами“ 17—18-лѣтнихъ юношей, которые по многу лѣтъ засѣдали въ „камчаткѣ“ третьяго класса, въ надеждѣ, что когда-нибудь ихъ перепустятъ въ четвертый, а оттуда они уже прямо направлялись въ юнкера или въ гражданскую службу. Эти юноши во всякомъ случаѣ насъ не считали товарищами и выдавали насъ начальству, если мы расшумимся или сдѣлаемъ дѣтскую шалость. Отношеніе физической силы между нами и ними было настолько неравное, что я живо помню, какъ одинъ изъ нихъ, раздраженный пристававшимъ къ нему мальчикомъ съ первой скамейки, запустилъ руку въ его хоть и остриженныя кудри и поднялъ его на воздухъ. Эти камчатники, переодѣвшись въ штатское, ходили на Бабій городъ драться на кулаки и считались тамъ витязями не изъ послѣднихъ.

взялъ у кого-то чистый листъ бумаги, въ двѣ минуты нарисовалъ какую-то фигуру и обратился къ учителю:

— Александръ Трофимовичъ! Посмотрите пожалуйста мой рисунокъ; я окончилъ.

Учитель, польщенный такимъ неожиданнымъ усердіемъ отчаяннаго лѣнтяя, поспѣшилъ на его зовъ; когда онъ наклонился къ рисунку, Грешнеръ надѣлъ ему на голову плевальницу съ всѣмъ содержимымъ въ ней. Можете себѣ представить нашъ восторгъ при этомъ зрѣлищѣ (мы не любили учителя). Къ тому же въ эту минуту раздался звонокъ, двери отворились, и учитель долженъ былъ въ этомъ видѣ идти въ корридоръ и въ учительскую.

Разсудили-ли, что на Грешнера розги не дѣйствуютъ, приберегали-ли его для торжественнаго наказанія, не знаю. Во всякомъ случаѣ его не водили внизъ, а рѣшили запереть послѣ уроковъ въ одномъ изъ классовъ и проморить голодомъ до вечера. Сидитъ Грешнеръ подъ замкомъ, а дверь стеклянная. Видитъ онъ, что по корридору проходитъ надзиратель за казенными, нѣмецъ Нейманъ, человѣкъ, кажется, хорошій, во всякомъ случаѣ ему, Грешнеру, не сдѣлавшій никакого зла, но носившій плохо пригнанный парикъ. Грешнеръ стучитъ въ стекло и знаками показываетъ, что онъ умираетъ отъ жажды и что вообще чувствуетъ себя нехорошо. Добрый Нейманъ достаетъ стаканъ воды и ключъ у солдата и идетъ къ заключенному. Но только-что онъ вошелъ, Грешнеръ сорвалъ съ него парикъ и опять-таки надѣлъ ему на голову плевальницу; затѣмъ онъ заперъ нѣмца, положилъ ключъ въ карманъ и ушелъ домой, сказавъ, что его отпустилъ г. Нейманъ. А на другой день онъ явился въ гимназію, чтобы показать намъ парикъ Неймана! Конечно, ему предложили «отставку съ мундиромъ», т. е., жестоко выдравши, уволили навсегда изъ гимназіи.

Разсказывали, будто Грешнеръ черезъ нѣсколько дней взломалъ у отца ящикъ съ деньгами, похитилъ 400 рублей и уѣхалъ на Кавказъ (тогда еще не замиренный) въ юнкера; тамъ и сложилъ онъ свою буйную голову.

Какъ ни антипедагогично было дранье за шалости, еще безсмысленнѣе и нелѣпѣе было дранье за три единицы въ недѣлю (рисованіе и чистописаніе не считались). Иной скромный и усердный, но малоспособный и плохо подготовленный по языкамъ мальчикъ пять-шесть разъ въ годъ подвергался этому жестокому наказанію, которое нисколько не улучшало ни его французскаго выговора, ни умѣнья угадывать родъ именъ по-нѣмецки. Самъ исполнительный «Адольфъ» потомъ говорилъ мнѣ, что его возмущало это *правило*, и онъ приказывалъ бить какъ можно легче такихъ несчастныхъ.

Съ четвертаго класса, по обычаю, дранье прекращалось, только

иногда въ видѣ экстренной мѣры прилагалось оно къ пансіонерамъ. Но далеко не всѣ были согласны подвергаться этому, теперь унизительному, по мнѣнію даже самыхъ отчаянныхъ, наказанію: до насъ то и дѣло доходили слухи, что такой-то вынулъ ножъ и грозилъ зарѣзаться, другой хотѣлъ пырнуть солдата и предпочелъ быть выключеннымъ или отсидѣть двѣ недѣли въ карцерѣ на водѣ и хлѣбѣ; а третій и дѣйствительно ударилъ ножемъ инспектора, который вылежалъ недѣли три въ постели.

Освобожденные, вслѣдствіе обычая, отъ страха дѣйствительно страшнаго наказанія и привыкшіе съ десяти лѣтъ съ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ другимъ видамъ взысканія, мы съ четвертаго класса дѣлались какими-то башибузуками по отношенію къ надзирателямъ и многимъ учителямъ, не говоря уже о маленькихъ гимназистахъ, которыхъ мы позволяли себѣ бить, какъ говорится, походя. То же продолжалось и въ пятомъ классѣ; только съ шестаго мы становились нѣсколько серьезнѣе и какъ-будто цивилизованнѣе; но у многихъ вплоть до самаго университета отношенія къ начальству носили дикій и свирѣпый характеръ. Дальше я приведу примѣры; теперь же позволю себѣ забѣжать лѣтъ на семь впередъ и указать на то, какія послѣдствія имѣло на нравы гимназистовъ упраздненіе розогъ.

Въ 1861 году я окончилъ курсъ въ гимназіи, а въ 1865 году былъ приглашенъ учителемъ исторіи въ ту же первую гимназію въ 3-й, 4-й и 5-й параллельные классы. Не безъ страха думалъ я о томъ, какъ-то я сумѣю поддержать дисциплину среди этихъ подростковъ, изъ которыхъ иные еще помнили меня самого гимназистомъ; но я надѣялся на хорошаго и энергичнаго директора. Первый урокъ пришлось мнѣ давать въ пятомъ классѣ, и я былъ убѣжденъ, что директоръ просидитъ у меня весь часъ, чтобы поддержать новичка. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда директоръ, отрекомендовавъ меня ученикамъ, сейчасъ же скрылся, сказавъ съ любезною улыбкой:

— Ну, не хочу вамъ мѣшать!

Хороша любезность,—думалъ я.—Надо мной, безъ сомнѣнія, сейчасъ продѣлаютъ рядъ штукъ, которыя навсегда уничтожатъ мой авторитетъ. Нечего дѣлать, пока надо терпѣть. Вѣроятно, мои не геройскія чувства отражались на лицѣ моемъ, такъ какъ мнѣ показалось, что нѣкоторые ученики улыбались.

— Ваша фамилія?—спросилъ я юношу лѣтъ семнадцати, на видъ довольно дерзкаго (а про себя думаю: сейчасъ начнется. Такую «фамилію» мнѣ ляпнетъ, что весь классъ со смѣху покатится).

Юноша всталъ во весь ростъ и почтительно отвѣтилъ мнѣ.

— Аинцевъ.

Классъ молчитъ. Заглянулъ я въ списокъ: тамъ есть такая фамилія и противъ нея отмѣтка: в т о р., т. е. на второй годъ.

*

— Вы изъ какого предмета не выдержали?

— Изъ математики.

— А изъ исторіи держали?

— Да-съ. Три получилъ.

— Ну-ка, разскажите мнѣ,—и я началъ урокъ. Ученики сидятъ, не шелохнутся. Одинъ шопотомъ спросилъ о чемъ-то сосѣда. Я строго посмотрѣлъ въ ту сторону; сосѣдъ, не отвѣчая, отмахнулъ на вопрошающаго рукою. Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

Прозвонилъ звонокъ, а я еще не кончилъ разсказа; я ожидалъ взрыва буйства и невольно остановился на серединѣ фразы; но ученики сидятъ неподвижно и смотрятъ, какъ говорится, мнѣ въ ротъ. Я окончилъ, сложилъ списокъ и поклонился.

— До свиданья, А. И.,—отвѣчаютъ мнѣ два десятка привѣтливыхъ голосовъ.

Слѣдующій мой урокъ былъ послѣ большой перемѣны, во время которой учителя параллельныхъ классовъ, или такъ называемаго директорскаго дома не имѣли особой комнаты, а находились въ залѣ среди учениковъ. Ученики завтракаютъ, болтаютъ, смѣются, ходятъ группами или парами, обнявшись, какъ институтки. Среди нихъ спокойно ходитъ молодой надзиратель, изрѣдка дѣлая замѣчанія маленькимъ. И только, нѣтъ и въ поминѣ тѣхъ наглыхъ шалостей, героическихъ дракъ; нѣтъ и подобострастной трусости «благонравныхъ» передъ нами или передъ надзирателями.

Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ и, зайдя къ директору послѣ окончанія уроковъ, выразилъ ему свое удивленіе и спросилъ его, какимъ чуднымъ способомъ достигъ онъ такихъ результатовъ?

Директоръ былъ польщенъ моимъ вопросомъ и сказалъ: «Конечно, тутъ есть частица и моей работы, но главная причина—отмѣна розогъ. Мое поступленіе сюда какъ разъ совпало съ распоряженіемъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, и я настоялъ, чтобъ надзиратели исполняли его, какъ слѣдуетъ, т. е. воздерживались безусловно отъ всякихъ «внушеній», кромѣ нравственныхъ, за что обѣщалъ имъ свою поддержку. Ну, конечно, не обошлось безъ жертвъ: пришлось разстаться съ двумятремя надзирателями, которые не могли примѣниться къ новымъ порядкамъ; пришлось исключить и десятка два учениковъ, которые не поддавались нравственнымъ воздѣйствіямъ. Но за то, видите, что вышло».

Впослѣдствіи я убѣдился, что дѣло идетъ не такъ ужъ гладко, какъ мнѣ показалось съ перваго раза; что въ нормальныхъ классахъ, куда директоръ заглядываетъ рѣже и куда не подбираются дѣти изъ интеллигентныхъ семействъ, бываютъ и единоборства, и массовыя шалости, и «исторіи» съ малоуважаемыми учителями, что блестящая медаль

имѣетъ и свою оборотную сторону: исключенія и увольненія изъ гимназіи и по закону (больше двухъ лѣтъ нельзя пробыть въ классѣ), и по постановленію совѣта, и по настойчивому внушенію директора стали несравненно чаще и что за всякую шалость, тѣмъ болѣе за недостаточные успѣхи ученика теперь стали отвѣчать «родители», которыхъ начали вызывать еженедѣльно, и поодиночкѣ, и группами, и «внушать» и угрожать имъ безъ конца... Но въ общемъ все-же перемѣна была разительная и въ высшей степени отрадная.

Отъ 1865 года возвращаюсь къ 1854-му.

Учителемъ русскаго языка въ младшихъ 3-хъ классахъ былъ у насъ Павелъ Петровичъ Магницкій, котораго потомъ мнѣ пришлось узнать довольно близко. Оригинальное впечатлѣніе производилъ онъ и какъ человѣкъ, и какъ учитель даже и среди русскаго общества того времени, столь богатаго оригинальными явленіями. Сынъ священника, изъ Московскаго военнаго госпиталя, онъ съ дѣтства обладалъ выдающимися способностями: памятью, находчивостью, умѣньемъ сочинять звучные стихи и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и незаурядной лѣнью и безшабашностью. Онъ воспитывался въ той же гимназіи уваровскаго времени, гдѣ его дядя Лебедевъ былъ инспекторомъ; Лебедевъ былъ человѣкъ нелицепріятный, наказывавшій своего роднаго племянника въ примѣръ другимъ. Онъ окончилъ курсъ не въ числѣ первыхъ, но древніе языки и математику зналъ, навѣрно, лучше иныхъ первыхъ. Поступивъ на филологическій факультетъ, онъ скоро попалъ гувернеромъ въ аристократическій домъ Чертковыхъ и тамъ имѣлъ случай безъ особыхъ усилій узнать хорошо и языки новые; кромѣ того въ богатой чертковской библіотекѣ онъ узналъ если не содержаніе, то названіе массы источниковъ и пособій по русской и всеобщей исторіи и, что̀ еще того важнѣе, познакомился съ профессорами, или посѣщавшими домъ Чертковыхъ, или дававшими тамъ уроки.

Когда въ 1849 году (если не ошибаюсь) студенты-филологи читали при министрѣ лекціи товарищамъ на вольныя темы, лекція Магницкаго была изъ первыхъ. Короче сказать, все слагалось такъ, что, имѣй онъ немножко честолюбія и выдержки, передъ нимъ открывалась карьера видная, тѣмъ болѣе, что когда онъ хотѣлъ, онъ могъ быстро постигнуть любой характеръ и просто очаровать любаго человѣка (кого грубой,—кого тонкой лестью, кого начитанностію и умомъ, кого находчивостью и смѣлостью, кого остроуміемъ). Честолюбія-то или, вѣрнѣе, самолюбія, у него было очень много, но выдержки, устойчивости ни малѣйшей. Когда обстоятельства его вынудятъ или когда онъ захочетъ показать себя, онъ могъ просидѣть пятьдесятъ часовъ подъ рядъ и сдѣлать въ два-три дня то, на что̀ другому понадобятся мѣсяцы (здоровьемъ и крѣпостью головы и нервовъ онъ отличался изумитель-

ными); но за то послѣ такого подвига онъ засыпалъ умственно (занимаясь только картами или чтеніемъ французскихъ романовъ) на цѣлые годы. Кромѣ того, его самолюбіе, не поощряемое большими успѣхами (а откуда могли они взяться при такой лѣни?), переходило въ непомѣрное самомнѣніе и въ стремленіе издѣваться надъ тѣми средними людьми, которые становились рядомъ съ нимъ или даже выше его, а этими издѣвательствами и своею дерзостью, въ минуту возбужденія, онъ способенъ былъ на самую отчаянную выходку; онъ хоть и внушалъ страхъ и невольное уваженіе, но еще больше возбуждалъ ненависть въ сослуживцахъ и начальствѣ, что конечно, карьерѣ не могло способствовать, въ особенности въ то время, когда «почтительность» была высшей служебной добродѣтелью.

И вотъ въ 30 лѣтъ, этотъ такъ много обѣщавшій молодой человѣкъ, стоявшій по подготовкѣ, способностямъ и даже знаніямъ головой выше большинства товарищей, былъ только *младшимъ* учителемъ русскаго языка; но учителемъ особаго рода. Во-первыхъ, онъ рѣзко отличался отъ своихъ сослуживцевъ и самымъ костюмомъ: ходилъ не въ вицъ-мундирѣ, а въ модномъ фракѣ съ красными шелковыми отворотами на рукавахъ, въ отличномъ бѣльѣ и лаковыхъ сапожкахъ (у него были очень дорогіе частные уроки), любилъ, несмотря на свою не особенно красивую наружность, изящныя бездѣлушки: золотыя запонки, часики съ эмалью, духи и пр.

Во-вторыхъ, онъ пропускалъ массу уроковъ, а на остальные, чуть не на всѣ, являлся за полчаса и за 20 минутъ до звонка. Но и это время онъ не насъ училъ, а самъ забавлялся на счетъ насъ и своихъ сослуживцевъ. Войдетъ медленно и важно, стряхнетъ барежевымъ платкомъ пыль съ кресла, усядется, возьметъ перо, чтобы отмѣтить отсутствующихъ, осмотритъ его кончикъ, прищуривъ свои небольшіе глазки, и начнетъ издѣваться.

— Дежурный!—ты откуда, братецъ мой, это перо досталъ?

— Въ лавкѣ купилъ-съ.

— Врешь! Ты его въ навозной кучѣ нашелъ. Это не перо, а помело! (Классъ сдержанно и робко смѣется на счетъ ни въ чемъ не повиннаго дежурнаго).

— Ты его и другимъ учителямъ подавалъ?

— Точно такъ-съ.

— Что ты, братецъ, точно солдатъ отвѣчаешь? Ты вѣдь не солдатъ еще; можетъ быть, будешь имъ. А пока отвѣчай, какъ люди отвѣчаютъ: Да, подавалъ?

— Подавалъ-съ.

— Кому же ты его подавалъ? Александру Трофимовичу?

— Да-съ.

— А онъ тебя «поросенкомъ» не назвалъ?

Классъ смѣется теперь уже на счетъ учителя ариѳметики, у котораго «поросенокъ» любимое слово. А Магницкій начинаетъ перебирать другихъ учителей и высказывать предположенія, что каждый изъ нихъ долженъ былъ сказать.

Надоѣстъ ему эта забава; выдумаетъ другую: исказитъ, напр., умышленно и всегда обидно фамилію какого-нибудь ученика, преимущественно изъ барчуковъ, и если тотъ надуется или заплачетъ, начнетъ рисовать картину, какъ его дома нянюшки и мамушки пѣстуютъ и балуютъ.

Читатель можетъ подумать, что у такого учителя-забавника ученики чувствовали себя очень свободно. Ничуть не бывало: его боялись, какъ огня, хотя онъ никогда никого не записывалъ въ журналы, никогда ни на кого не жаловался и очень рѣдко ставилъ единицы. Тѣмъ не менѣе у него сидѣли, какъ истуканы, и не смѣли ни слова шепнуть товарищу: ужъ очень боялись его насмѣшекъ, которыя намъ казались непомѣрно ѣдкими. Кромѣ нихъ онъ пускалъ въ ходъ только одно наказаніе—изгнаніе изъ класса, да и то потому, что устраивалъ себѣ изъ него забаву: если ученикъ не выходитъ самъ и проситъ прощенія (обыкновенно всѣ такъ дѣлали изъ глупаго стремленія доставить потѣху учителю и всему классу), Магницкій велитъ, бывало, растворить двери, засучитъ правый рукавъ своего дорогаго фрака, возьметъ ученика за шею и ждетъ, когда по корридору будетъ проходить экономъ или кто-нибудь изъ надзирателей и пускаетъ въ него ученикомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы тотъ ударился ему въ животъ; послѣ этого онъ насмѣшливо извинится передъ пострадавшимъ и вполнѣ довольный усядется на каѳедру.

Помню такой характерный случай. Я былъ уже въ 3 классѣ, а Магницкій, намѣревавшійся выходить изъ гимназіи въ отставку [1]), былъ особенно небреженъ и въ классѣ почти все время проводилъ въ подобныхъ забавахъ. Былъ у насъ «силачъ» Игнатьевъ, подростокъ лѣтъ пятнадцати, отличавшійся непомѣрно длинными и для его возраста, дѣйствительно, очень крѣпкими руками. Въ классѣ Магницкаго онъ что-то шепнулъ сосѣду; Магницкій позвалъ его къ каѳедрѣ, милостиво пошутилъ и велѣлъ выдти вонъ. Игнатьевъ, хвалившійся прежде передъ нами, что Магницкій **не посмѣетъ** «вышвырнуть» его, какъ другихъ, довольно дерзко отвѣчалъ:—Я не пойду.

У Магницкаго, который, несмотря на невысокій ростъ, обладалъ незаурядной силой, лицо потемнѣло; онъ быстро всталъ, кивнулъ чтобъ отворили двери, и на этотъ разъ, уже не дожидаясь пѣли пу-

[1]) Онъ перешелъ на службу въ коммерческое училище.

стилъ Игнатьева такъ, что тотъ проѣхался, какъ на конькахъ, черезъ половину обширнаго класса и выкатился въ корридоръ; но тамъ, остановившись, обернулся къ Магницкому и, поднявъ кулакъ, гнѣвно произнесъ:

— Ты у меня, Павелъ Петровъ, смотри: впередъ такъ не толкайся!

Мы замерли отъ ужаса; а Магницкій искренно весело разсмѣялся и только сказалъ:

— Экой дуракъ какой! Дежурный, запри дверь.

Послѣ этого онъ не только не мстилъ Игнатьеву, а какъ будто даже полюбилъ его.

Читатели, конечно, увѣрены, что такой лѣнтяй учитель ничему насъ не научилъ, но Магницкій былъ настолько способный человѣкъ, что въ тѣ 10—15 уроковъ, которые онъ все же посвящалъ дѣлу, онъ успѣвалъ съ нами столько, что мы переходили въ 4-й классъ, пожалуй, болѣе подготовленными, чѣмъ еслибы насъ училъ усердный, но заурядный учитель.

Во-первыхъ, онъ любилъ стихи (и прекрасно читалъ ихъ), а потому заставлялъ насъ заучивать массу басенъ Крылова и тѣхъ стихотвореній, которыя нравились ему самому.

Далѣе: по грамматикѣ онъ не давалъ намъ никакого учебника, такъ какъ не удовлетворялся существовавшими, и, какъ бы предугадывая то, что войдетъ въ употребленіе черезъ 6—7 лѣтъ, начиналъ не съ этимологіи, а съ синтаксиса простаго предложенія, который проходилъ исключительно на разборѣ, при чемъ самъ-ли выдумалъ или усвоилъ отъ кого-нибудь довольно остроумный способъ представлять этотъ разборъ графически: отъ опредѣленія къ слову опредѣляемому вела подстрочная дуга, заканчивающаяся стрѣлкою; отъ дополненія или обстоятельства вела такая же подстрочная дуга.

Склонять и спрягать мы выучивались уже въ I классѣ; во II производили это почти безошибочно и тогда же проходили на разборѣ всѣ части рѣчи, а въ концѣ года получали 2—3 листика почтовой бумаги, въ которыхъ заключалась вся суть этимологіи, ихъ мы безъ особаго труда выучивали на зубокъ; подобные же 3—4 листика, заключавшіе суть синтаксиса сложнаго предложенія, получались въ концѣ III класса, и устный экзаменъ сходилъ блестяще, тѣмъ болѣе, что ассистенты, опасаясь злаго языка Магницкаго, рѣдко рѣшались вмѣшиваться.

Что касается до орѳографіи, надъ которой нынѣ обыкновенно убиваются учителя и учительницы въ 3-хъ первыхъ классахъ, Магницкій не училъ насъ ей вовсе, а между тѣмъ выучивалъ не хуже, чѣмъ другіе его современники. Онъ дѣлалъ такъ: до втораго полугодія третьяго класса, сколько помню, вовсе не занимался ни диктантами, ни изложе-

ніями; но то, что мы учили наизусть, мы должны были умѣть писать на доскѣ и, дѣйствительно, умѣли не столько изъ страха единицъ, сколько изъ страха его остроты и насмѣшекъ. А въ III классѣ послѣ Рождества онъ продиктовалъ намъ, какъ сейчасъ помню, отрывокъ изъ «Портрета» Гоголя, объявивъ предварительно, что за каждую ошибку будетъ вычитать по баллу. Въ результатѣ получилось штукъ пять пятерокъ, столько же четверокъ, меньше четверти единицъ и двоекъ, остальныя тройки. Повидимому, онъ былъ доволенъ результатомъ, такъ какъ диктантовъ цѣлому классу онъ, кажется, и не возобновлялъ. Вотъ и всѣ его труды надъ нами.

Рѣшительно не помню, кто у насъ въ I классѣ былъ «батюшкой». Но ясно припоминаю, что всѣ трое «батюшекъ», перемѣнившіеся у насъ въ теченіе 7 лѣтняго курса, пользовались нашимъ уваженіемъ: единицъ почти не ставили, подъ розги никого не подводили, а между тѣмъ какъ-то заставляли насъ учиться (даже всѣ тексты учить изъ катехизиса Филарета) и умѣли держать классъ. Батюшка Надеждинъ, преподававшій въ старшихъ классахъ, позволялъ себя «заговаривать», т. е. охотно отвѣчалъ на наши болѣе или менѣе хитроумные вопросы [1]) и тратилъ иногда половину урока на разъясненія и споры. Мы тогда втихомолку смѣялись, что онъ поддается нашей хитрости; но теперь я думаю, что онъ насквозь насъ видѣлъ; а считалъ такіе разговоры для насъ далеко не безполезными. И кто не согласится съ нимъ?

Было-ли такое наше отношеніе къ закону Божію обусловлено особеннымъ нашимъ счастіемъ, или вообще столичные законоучители (всѣ изъ окончившихъ академію) выбирались тогда изъ лучшихъ священниковъ, не могу сказать съ увѣренностію.

Какъ разъ наоборотъ стояло дѣло съ новыми языками и особенно съ чистописаніемъ и рисованіемъ. Ничего нельзя себѣ представить антипедагогичнѣе постановки этихъ преметовъ. Нашъ учитель «искусствъ» (Александръ Трофимовичъ Скино) былъ, можетъ быть, и прекрасный техникъ, но о томъ, какъ держать классъ и какъ учить насъ, имѣлъ такъ же мало понятія, какъ курица о мореплаваніи. Я прекрасно помню, что въ продолженіе всего втораго класса я писалъ одно слово: т и ш и н а по двумъ линейкамъ, а въ третьемъ прямо перешелъ къ скорописи; два года подъ-рядъ я рисовалъ классическій шлемъ и такъ наловчился въ этомъ дѣлѣ, что всегда получалъ 5, но никогда и не пытался нарисовать что-либо другое. Если въ гимназіи не было ни директора, ни инспектора, классъ Скино превращался въ нѣчто неска-

---

[1]) Напр. слѣдуетъ-ли подавать нищему, если знаешь, что милостыня будетъ снесена въ кабакъ?

занно ярмарочное. Вотъ въ чемъ состояло, напр., наше времяпрепровожденіе:

Только-что усѣлся учитель на каѳедрѣ, выставилъ abs'ы и разложилъ свой рисунокъ (частная работа, не имѣвшая никакого отношенія къ нашему классу), поднимается одинъ ученикъ.

— Александръ Трофимовичъ, я перо забылъ.

— Становись на колѣни,—отвѣчаетъ тотъ, не поднимая головы.

— Александръ Трофимовичъ, я тетрадь забылъ.

— Становись на колѣни.

— Александръ Трофимовичъ, у меня линейки нѣтъ.

— Становись на колѣни и т. д., и т. д.

Черезъ пять минутъ больше половины класса стоитъ (вѣрнѣе: сидитъ, лежитъ и ползаетъ) на колѣняхъ. Между наказанными шумъ, гамъ, толкотня; немногіе сидящіе на скамейкахъ смѣются, посылаютъ наказаннымъ «галокъ» (бумажная стрѣла). Александръ Трофимовичъ поднимаетъ наконецъ голову.

— Ступайте всѣ вонъ!—говоритъ онъ колѣнопреклоненнымъ.

Тѣ съ хохотомъ убѣгаютъ въ корридоръ. Оставшимся завидно.

— Александръ Трофимовичъ! и у насъ перьевъ нѣтъ.

— Становитесь всѣ на колѣни! Тѣ со смѣхомъ оставляютъ скамейки. Но вотъ «Адольфъ», призванный какимъ-нибудь учителемъ сосѣдняго класса, вгоняетъ толпу изгнанныхъ, поощряя ихъ толчками, и что-то шепчетъ на ухо Скино.

— Инспекторъ здѣсь!—догадывается кто-то изъ насъ, и у всѣхъ моментально являются и перья, и тетради, а Скино столь же моментально прячетъ свой рисунокъ и начинаетъ ходить между нами. Но тревога оказалась ложною, и черезъ пять минутъ опять начинается:

— Александръ Трофимовичъ! Я перо сломалъ.

— Становись на колѣни, и т. д., и т. д.

Учитель французскаго языка М-г Фуке, или М-г Фукъ, какъ мы его называли и въ глаза, во-первыхъ, очень плохо зналъ по-русски и понималъ насъ такъ же мало, какъ и мы его. Хотя онъ былъ строгъ и временами даже бѣшенъ, все же мы продѣлывали надъ нимъ непозволительныя штуки. Начинаетъ, напримѣръ, дежурный читать молитву и, заранѣе сговорившись, чтобы никто не смѣялся, читаетъ ее три раза подъ-рядъ, а потомъ тѣмъ же тономъ и скороговоркою читаетъ:

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинахъ по холмамъ и т. д.

Потомъ Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, потомъ басни, ему извѣстныя и пр. Иные художники растягивали молитву минутъ до двадцати, пока въ рядахъ учениковъ поднимался неистовый смѣхъ, а Фукъ начиналъ дико вращать глазами...

М-г Фуке не училъ насъ переводить ни съ русскаго, ни на русскій, а задавалъ намъ зубрить грамматику по какому-то учебнику со всѣми тонкостями и исключеніями; девять десятыхъ класса ровно ничего не понимали изъ того, что отвѣчали ему. Все, чѣмъ мы, не говорившіе по-французски, воспользовались отъ него за цѣлые три года, это навыкомъ спрягать глаголы.

Но М-г Фуке не былъ худшимъ изъ тѣхъ трехъ учителей, которыхъ пережилъ я за 7 лѣтъ въ гимназіи. Въ старшихъ классахъ, правда, насъ училъ человѣкъ очень умный и замѣчательно образованный, владѣвшій превосходно и русскимъ языкомъ, Густавъ Ивановичъ Коппъ (бывшій позднѣе ученымъ секретаремъ Румянцевскаго лицея); но онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ строгостямъ, что у него занимался, только тотъ, кто хотѣлъ заниматься, а таковыхъ было немного. Ясно помню двѣ сценки, характеризующія не его методу ученія, а нашу методу обращенія съ нимъ. Первая—изъ курса VI класса. На задней скамейкѣ трое учениковъ играютъ въ преферансъ; я сижу по близости и читаю романъ. Проходитъ по классу Густавъ Ивановичъ Коппъ и крѣпко возмущается не моимъ романомъ, конечно, а картежниками.

— Господа! Вѣдь ваше поведеніе совершенно неприлично: развѣ можно такъ явно на урокѣ въ карты играть?

— Нельзя-то, нельзя, Густавъ Ивановичъ,—отвѣчаетъ ему одинъ изъ игроковъ, задумавшійся надъ ходомъ.—Да, вотъ вы скажите-ка, какъ тутъ поступить: я семь трефъ играю, съ чего идти теперь? Густавъ Ивановичъ (самъ отличный игрокъ) подумалъ секунду и сказалъ: «разумѣется, съ дамы» и, сконфузившись, пошелъ прочь.

Черезъ годъ, въ VII классѣ, Густавъ Ивановичъ изучаетъ списокъ, въ виду окончанія четверти и видитъ, что у меня нѣтъ балла.

— Г. Кирпичниковъ!—онъ былъ изысканно учтивъ съ нами:—у васъ отмѣтки нѣтъ. Потрудитесь отвѣтить урокъ.

— Погодите, Густавъ Ивановичъ, минутъ десять: я очень занятъ,—отвѣчалъ я, не вставая и уткнувшись въ книгу, вовсе не французскую Коппъ вызываетъ другаго, а черезъ 10 минутъ снова обращается ко мнѣ: кончили вы, наконецъ? Можете отвѣтить?

— Нѣтъ, еще не кончилъ.

— Да, въ чемъ дѣло?

— Не могу понять двухъ стиховъ изъ Горація, а у насъ сейчасъ латынь.

— Покажите мнѣ!

Я показываю; Коппъ сразу разрѣшаетъ мое недоумѣніе и проситъ въ благодарность отвѣтить ему. Я у него же спрашиваю что задано? отвѣчаю, и получаю пятерку.

Это былъ можетъ быть, лучшій учитель во всей Москвѣ, по крайней

мѣрѣ, по степени подготовки и по порядочности. За то М-г Ге, который у ч и л ъ насъ въ среднихъ классахъ, былъ навѣрно изъ худшихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подзывалъ къ каѳедрѣ говорящихъ по-французски и преимущественно богатенькихъ, продавалъ имъ, будто-бы, по случаю, пріобрѣтенные фуляровые платки и полушопотомъ разсказывалъ такіе скабрезные анекдоты, что мальчики попорядочнѣй отказывались идти на его вызовъ и жаловались родителямъ; намъ же, не говорившимъ по-французски, онъ ставилъ тройки или четверки, по указаніямъ своихъ любимцевъ.

Цѣлый годъ терпѣло его начальство, но, къ чести своей, не больше.

Чтобы покончить съ новыми языками, скажу о нѣмецкомъ. Въ 3-хъ младшихъ классахъ н ѣ м ц е м ъ былъ нѣкто Томсонъ; впрочемъ, несмотря на англійскую фамилію, онъ дѣйствительно былъ нѣмецъ и по-англійски не зналъ ни слова. Это былъ человѣкъ очень добродушный, даже добрый по-своему, неглупый, но мало образованный и, конечно совсѣмъ не педагогъ; родной языкъ зналъ онъ только практически и, не мудрствуя лукаво, шелъ по учебнику, не прибавляя и не упуская ни одного слова.

Не могу не припомнить относительно его одного факта, весьма характернаго для такъ называемаго добраго стараго времени. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, честнѣе половины своихъ сослуживцевъ, но вовсе не считалъ грѣхомъ, съ вѣдома всего начальства и всѣхъ гимназистовъ, давать уроки своимъ ученикамъ въ самой гимназіи. Онъ отнюдь не тѣснилъ богатенькихъ, вымогая такіе уроки, и бралъ за нихъ очень дешево: по 1 р. за часъ; но соединялъ 7, 8 и болѣе учениковъ вмѣстѣ и давалъ такіе сводные уроки 3 раза въ недѣлю, отъ 8 часовъ утра до 9, въ одномъ изъ пустыхъ классовъ, какъ разъ противъ учительской. Родителямъ было не тяжело платить 12—13 руб. въ мѣсяцъ и пріятно, когда сынъ изъ троечниковъ дѣлался пятерочникомъ, а ему выгодно, такъ какъ онъ за 3 недѣльные часа получалъ около 100 рублей въ мѣсяцъ.

Это продолжалось десятки лѣтъ подъ-рядъ; но когда я поступилъ учителемъ въ ту же гимназію въ 1865 г. и спросилъ его, продолжаются-ли по-прежнему его ранніе уроки, онъ даже сконфузился:

— Да, что вы! Какъ можно? Развѣ при нынѣшнихъ порядкахъ это дозволяютъ? Да, я и самъ усталъ!

Въ старшихъ классахъ по-нѣмецки насъ училъ нѣкто Сиверсъ, старшій надзиратель, кажется, человѣкъ неглупый и учитель довольно строгій, не пропустившій ни одного урока, и все-таки же, по полному равнодушію къ дѣлу, ухитрившійся не выучить насъ ровно ничему. На выпускномъ экзаменѣ я могъ получить 5 только потому, что переводилъ,

будто-бы à livre ouvert, статью, надъ которой мы сидѣли недѣли четыре.

Естественную исторію преподавалъ намъ всѣ семь лѣтъ одинъ учитель, очень хорошо знавшій свой предметъ, воспитанникъ Педагогическаго института Вл. Вас. Григорьевъ. Талантливый и добрый человѣкъ, онъ, когда мы были въ младшихъ классахъ, покучивалъ весьма основательно, но, впрочемъ, въ классъ приходилъ (если приходилъ) вполнѣ трезвый; потомъ онъ женился, остепенился и издалъ нѣсколько учебниковъ, для своего времени, говорятъ, очень хорошихъ. Какъ у учителя, у него былъ одинъ недостатокъ: онъ занимался не съ цѣлымъ классомъ, а съ тѣми немногими, которые окружали его каѳедру. Поэтому изъ его учениковъ вышло довольно много естествоиспытателей, но мы, остальные, не интересовавшіеся предметомъ спеціально, выносили за всѣ семь лѣтъ лишь нѣсколько десятковъ названій ни на что намъ не нужныхъ, а передъ живой природой были такъ же немощны, какъ самые завзятые классики.

Географіи училъ насъ Оскаръ Гебель, впослѣдствіи директоръ одной изъ московскихъ же гимназій, училъ, сколько помню, хорошо.

Григорьевъ и Гебель это было уже молодое поколѣніе учителей, съ отвращеніемъ смотрѣвшее и на взятки, и на розги, и своимъ примѣромъ замѣтно умягчавшее наши дикіе нравы.

Возвращаюсь къ собственной въ то время очень маленькой личности. Въ первомъ классѣ я былъ не только хорошимъ ученикомъ (цѣлый годъ третьимъ на золотой доскѣ), но и хорошимъ мальчикомъ, а со второго, учась въ общемъ недурно и переходя съ наградами, я пустился во всѣ тяжкія по части дракъ и всякихъ шалостей. Руководило мною, сколько помню, честолюбіе, желаніе играть роль въ классѣ; а духъ заведенія былъ такой, что смирные и скромные мальчики внушали товарищамъ не уваженіе, а антипатію и почти презрѣніе. «А! маменьки боишься! Маменька за ушко выдеретъ и конфетки не дастъ!»—говорили такому мальчику, когда онъ отказывался принять участіе въ какой-нибудь самой дикой и грубой шалости, и это производило на живыхъ и честолюбивыхъ дѣтей сильное дѣйствіе. У меня же, какъ на грѣхъ, въ это время разстроилось семейное положеніе: умеръ внезапно отецъ, мы обѣднѣли, и мать не могла очень усердно слѣдить за моимъ ученіемъ. Я и пожелалъ стать молодцомъ и достигъ своей цѣли. И знаешь, бывало, урокъ, но неприлично его отвѣтить безъ какого-нибудь надувательства или грубости учителю, и считываешь съ ногтя имена, которыя и безъ того мнѣ извѣстны, и просишь подсказывать, когда это совсѣмъ не нужно. Грубости говорили рѣшительно всѣмъ, кромѣ развѣ Магницкаго, что̀ не мѣшало, въ случаѣ угрозы розгами, вопить и валяться въ ногахъ даже у Адольфа. Въ разговорахъ между собою сквернословили

самымъ отчаяннымъ образомъ, хотя многіе, и я въ томъ числѣ, совсѣмъ не понимали тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя говорили мы. Что дѣлать! Мода того требовала.

Четвертый классъ, куда мы перешли въ 1857 году, служилъ какъ-бы передѣломъ въ гимназической жизни того времени. Съ него начинался новый главный предметъ—латинскій языкъ [1]); переходъ въ этотъ классъ, какъ увѣряли у насъ, давалъ какія-то права «на чинъ», такъ какъ равнялся окончанію курса въ уѣздномъ училищѣ, а главное: въ силу древняго обычая въ немъ тѣлесныя наказанія примѣнялись только въ экстренныхъ случаяхъ, да и тогда возбуждали глубокое негодованіе учениковъ, иногда выражавшееся даже готовностію на преступленіе. Такъ за годъ до насъ въ одно прекрасное утро по гимназіи разнесся слухъ, что «казенный» четвероклассникъ К., котораго инспекторъ повелъ сѣчь, въ самый критическій моментъ досталъ изъ-за голенища ножъ и разрѣзалъ инспектору животъ. Дѣйствительно, послѣ этого воспитанникъ К. исчезъ изъ гимназіи навсегда (разсказывали, будто онъ избѣгъ суда, такъ какъ былъ признанъ психически больнымъ), а инспекторъ Гривцовъ не показывался недѣли три. Въ 1-й Московской гимназіи, кромѣ того, съ 4-го класса мы, своекоштные, соединялись съ пансіонерами и переселялись изъ полутемнаго внутренняго корридора въ свѣтлый, гдѣ помѣщались всѣ старшіе классы и куда обыкновенно направлялись высокіе посѣтители.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также въ виду того, что къ намъ поступило нѣсколько новыхъ учениковъ изъ хорошихъ дворянскихъ семей (двое являлись экзаменоваться даже въ пажескихъ мундирахъ) и въ виду значительнаго измѣненія нашего учительскаго персонала, большинство моихъ товарищей почувствовали себя въ 4-мъ классѣ полувзрослыми; но я былъ слишкомъ еще юнъ для этого—мнѣ только-что минуло 12 лѣтъ, и для меня лично этотъ классъ промелькнулъ мало замѣтно. Изъ новыхъ преподавателей сильнѣе всѣхъ врѣзался въ нашу память новый инспекторъ Копосовъ, взявшій на себя обязанность внѣдрить въ насъ элементы латинскаго языка. Онъ терроризировалъ насъ своею строгостью, но за то склоненія и спряженія вбилъ основательно, въ иныхъ чуть-ли не на всю жизнь. Метода онъ держался новаго и интереснаго, единственно пригоднаго при томъ маломъ количествѣ времени, которое отпускалось тогда на латынь (по 4 часа въ недѣлю въ 4 старшихъ классахъ), но пріемы употреблялъ весьма курьезные, и не будь онъ въ то же время строгимъ инспекторомъ, едва-ли мы выучились бы у него чему-нибудь путному. Онъ велѣлъ купить намъ басни

[1]) Таковыми признавались Законъ Божій, русскій языкъ и математика; только въ нихъ двойка считалась непереводнымъ балломъ.

Федра и сразу началъ чтеніе 1-й басни: Lupus et agnus; за чтеніемъ слѣдовалъ переводъ 1-й фразы, а потомъ обстоятельный разборъ съ изученіемъ краткой этимологіи (1-ое склоненіе—lupa, 2-ое lupus и т. д.); затѣмъ долженъ былъ слѣдовать переводъ на латинскій и съ латинскаго всевозможныхъ комбинацій изъ разученныхъ словъ; но до этого мы, кажется, дойти не успѣли. Пріемы же у него были такіе: ученикъ, напримѣръ, спрягаетъ глаголъ sum и пропускаетъ, положимъ, imperfectum.

— Что же ты перескочилъ черезъ imperfectum? Ты, стало быть, какъ теленокъ скачешь: скокъ! скокъ! И почтенный инспекторъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица начинаетъ показывать, какъ скачетъ теленокъ, что̀ было мукой не только для провинившагося, но и для всего класса, такъ какъ смѣяться никто не смѣлъ.

Отчего мы его такъ боялись, я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета; несомнѣнно, что его черные «строгіе» глаза и вообще вся его довольно мрачная наружность была первой причиной, но важнѣйшая заключалась въ манерѣ держать себя съ учениками, выработанной, очевидно, опытомъ. Вотъ для образца сценка, въ которой я игралъ довольно печальную роль.

На второй день послѣ вступленія въ должность, инспекторъ входитъ къ намъ послѣ перваго звонка (по первому звонку мы шли въ классъ и усаживались; по второму шли по классамъ учителя); мы встали, разумѣется, и затѣмъ опять сѣли, не дождавшись его кивка.

Обведя насъ всѣхъ мрачнымъ взоромъ, инспекторъ заявляетъ:

— Пока начальникъ не велитъ вамъ садиться, вы должны стоять, хотя бы онъ вышелъ изъ класса. Поняли?

Въ слѣдующую перемѣну онъ входитъ опять; мы встаемъ; онъ сейчасъ же повертывается и выходитъ. Мы продолжаемъ стоять, видя въ этомъ испытаніе.

— Если мы, какъ лакеи, въ ожиданіи барина стоять должны, намъ бы слѣдовало хоть шинели дать держать,—остритъ въ полголоса стоящій сзади меня товарищъ.

Я былъ очень смѣшливъ и фыркнулъ, хоть и подозрѣвалъ, что черный инспекторскій глазъ смотритъ въ дверную скважину.

Мгновенно явился Коносовъ, велѣлъ всѣмъ сѣсть, а меня поманилъ за собою пальцемъ въ корридоръ.

— Ты чему смѣялся?—спросилъ онъ, устремивъ на меня свои безжалостные глаза.

— Такъ-съ; виноватъ! Смѣшно показалось.

— Что же это тебѣ смѣшно показалось?

— Вспомнилъ смѣшное.

— Такъ вотъ, чтобъ ты впередъ не вспоминалъ чего не надобно,

я тебя въ книжечку внесу. Ты знаешь эту книгу?—и онъ показалъ мнѣ переплетенную темную тетрадь.

— Нѣтъ, не знаю-съ.

— Это черная книга; плохо тому будетъ, кто попадетъ сюда два раза! А ты уже разъ попалъ сюда. Какъ твоя фамилія?

Я сказалъ и воротился въ классъ, какъ въ воду опущенный, да и товарищей черной книгой напугалъ. Къ счастію, мои бойкіе отвѣты изъ латинской этимологіи нѣсколько примирили со мною строгаго инспектора.

Новый учитель русскаго языка Г. (онъ, кажется, живъ до сихъ поръ) былъ человѣкъ не безъ способностей и не безъ знаній по словесности (судя по его печатнымъ трудамъ), но насъ онъ училъ славянскому языку, который онъ и самъ зналъ плохо, и синтаксису, по очень толстому учебнику Перевлѣсскаго, въ которомъ объ одномъ предлогѣ о говорилось на 3-хъ или 4-хъ страницахъ; эту безполезную премудрость мы запоминали черезъ пятое на десятое. Учитель былъ доволенъ и этимъ, и ставилъ пятерки тѣмъ, кто говорилъ побойчѣе. Г. поступилъ къ намъ изъ провинціи и черезъ годъ опять перешелъ въ провинцію инспекторомъ.

Въ томъ же IV классѣ начиналась и исторія; положимъ, два урока ея полагалось и въ III классѣ, но тамъ они давались совмѣстно съ географіей, и опредѣленнаго курса для исторіи не полагалось: учи, чему хочешь. И исторіи и географіи въ III классѣ училъ насъ очень извѣстный въ то время по Москвѣ педагогъ Зенгбушъ, довольно удачно воскресившій полузабытый методъ Язвинскаго, по которому всякій подлежащій запоминанію фактъ долженъ быть связанъ съ какимъ-нибудь изображеніемъ. Такъ, напримѣръ, нарисовавъ Скандинавскій полуостровъ, учитель изображалъ на немъ и массу условныхъ фигуръ, которыя представляли животныхъ, растенія, занятія жителей и пр. Ученикъ разсказывалъ сперва по такой разрисованной картѣ, а потомъ постепенно переходили и къ картѣ нѣмой. По исторіи этотъ способъ сосредоточивалъ дѣло на хронологіи: въ классъ вносилась разграфленная доска, изображавшая изъ себя 20 столѣтій. Преподаватель, положимъ, говорилъ годъ крещенія Руси 988-й и кратко повѣствовалъ объ этомъ событіи. Затѣмъ спрашивалъ: которое это будетъ столѣтіе? Найдите его на доскѣ? Которое десятилѣтіе? Найдите клѣточку, соотвѣтствующую году крещенія, и поставьте здѣсь крестикъ. На слѣдующемъ урокѣ учитель спрашиваетъ:

— Покажите годъ крещенія Руси? Который это будетъ годъ?— Медленно, но вѣрно ученикъ опредѣляетъ годъ 988-й. Черезъ 2—3 урока отъ частаго повторенія годъ врѣзается въ память, какъ врѣзается и степень его близости къ другимъ важнымъ годамъ изъ русской и всеобщей исторіи. Метода, проводимая энергичнымъ и предан-

нымъ ей преподавателемъ, приносила хорошіе плоды (доска эта и сейчасъ мнѣ ясно представляется); но исторіей этого нельзя было назвать.

Съ IV класса по всеобщей и русской исторіи бралъ насъ въ свои руки В. И. Сончаковъ, о которомъ я встрѣчалъ воспоминанія (и всегда въ очень отрадномъ смыслѣ) въ разсказахъ Максимова объ А. Н. Островскомъ и еще гдѣ-то, хотя онъ едва-ли дожилъ и до 35 лѣтъ. Это была во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тогда выражались, с в ѣ т л а я л и ч н о с т ь, и моя, по крайней мѣрѣ, память о школьномъ времени была бы втрое тусклѣй и мрачнѣй, еслибъ не училъ въ 1-й гимназіи Сончаковъ; да и вся дальнѣйшая жизнь моя, по всей вѣроятности, сложилась бы совсѣмъ иначе. Ученикъ Грановскаго и Кудрявцева, онъ связывалъ наше поколѣніе съ ихъ незабвенными именами и, какъ мнѣ теперь кажется, сразу, точно чудомъ, превращалъ насъ изъ противныхъ звѣренышей въ маленькихъ, но уже почти воспитанныхъ дѣтей. Если бы первый с и л а ч ъ изъ казенныхъ осмѣлился сказать грубость Сончакову и тѣмъ огорчилъ его, любой изъ насъ бросился бы на силача, какъ раздраженный воробей на ворона. Несмотря на свою болѣзненность, Сончаковъ не только не пропускалъ ни одного урока и готовился къ каждому изъ нихъ, какъ только могъ лучше, но, главное, онъ и въ классѣ не терялъ ни одной минуты и работалъ неустанно, изъ всѣхъ силъ. Учительство для него было не чиновничьей службой и не ремесломъ, а свѣтлымъ, великимъ дѣломъ и подвигомъ. Онъ не былъ особенно талантливъ, говорилъ онъ не очень красиво; но когда я черезъ два года прочелъ Тургеневскаго Рудина, я не могъ не сравнить съ Рудинымъ-учителемъ нашего Сончакова, и сравненіе было не въ пользу великаго фразера, а въ пользу нашего болѣзненнаго историка, который только скромно дѣлалъ с в о е дѣло при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и дѣйствовалъ на насъ не столько словомъ, сколько примѣромъ своимъ. Оцѣнили мы его и поняли, конечно, не сразу; но когда поняли, то многіе изъ насъ уже мѣры своему увлеченію не знали.

Въ IV классѣ у насъ полагалась древняя исторія. Ни по Кайданову, ни по Смарагдову Сончаковъ не рѣшился вести насъ, а выкопалъ очень небольшой, но довольно толковый учебникъ Бертѐ, сухой скелетъ котораго онъ облачалъ плотію посредствомъ своихъ разсказовъ. Въ V классѣ для средней исторіи онъ, какъ самъ говорилъ, былъ такъ с ч а с т л и в ъ, что могъ назначить намъ только-что вышедшій учебникъ Стасюлевича; но онъ пугалъ насъ VI классомъ: новая исторія всѣхъ важнѣе, а проходить ее придется по тупому и пошлому Смарагдову!

И вотъ трое изъ насъ лѣтомъ, при переходѣ изъ V класса въ VI-й (мнѣ въ то время едва минуло 14 лѣтъ, моимъ соратникамъ было не-

многимъ больше) рѣшили, для общей пользы и для удовольствія Сончакова (хотя онъ и называлъ наше предпріятіе глупостью) составить свой учебникъ по всѣмъ лучшимъ пособіямъ. Учебникъ мы, конечно, не составили [1]), но каждый изъ насъ прочиталъ съ конспектомъ по полудюжины хорошихъ книгъ и исписалъ по дюжинѣ тетрадей. Судите, насколько эта добровольная работа была полезна намъ.

Въ V классѣ мы получили еще двухъ, даже пожалуй трехъ хорошихъ учителей. Латыни насъ сталъ учить едва-ли не лучшій знатокъ этого предмета изъ гимназическихъ учителей всей Москвы Яковъ Вас. Смирновъ [2]), которому я безконечно много обязанъ не только въ гимназіи, но далеко за предѣлами ея. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Педагогическомъ институтѣ и въ мое время былъ уже сѣдымъ одинокимъ старикомъ, проводившимъ жизнь по-монашески. Онъ состоялъ старостой нашей гимназической церкви, жилъ въ самомъ зданіи гимназіи (гдѣ теперь одна изъ залъ попечительской канцеляріи) и бывалъ у всѣхъ церковныхъ службъ безъ исключенія, при чемъ онъ буквально первымъ входилъ въ церковь и послѣднимъ выходилъ изъ нея, потушивъ свѣчи. Все остальное его время уходило на работу надъ классиками, лучшими изданіями которыхъ вмѣстѣ съ Forcellini, Стефани и др. дорогими пособіями, была сплошь завалена его большая комната и даже его крошечная спальня, и на тайныя добрыя дѣла, куда шли всѣ его доходы почти до копѣйки; самъ на себя онъ едва-ли проживалъ больше гривенника или пятіалтыннаго въ день, такъ какъ просвирка и чай, кажется, составляли его единственную пищу. Человѣкъ идеальной доброты и честности, онъ какъ-то умудрялся представлять себѣ и всѣхъ другихъ людей такими же и жилъ въ мирѣ и любви и съ начальствомъ, и съ товарищами, и съ учениками, которые, впрочемъ, вовсе не считали за грѣхъ обманывать его самымъ безсовѣстнымъ образомъ; иногда онъ и замѣчалъ обманъ, дѣлалъ видъ, что сердится, но сейчасъ же прощалъ и забывалъ. Но въ общемъ учительской ловкости у него не было и слѣда, и одинъ ученикъ, хорошо знающій грамматическія формы, могъ вполнѣ удобно отвѣчать за цѣлый классъ, когда Яковъ Васильевичъ спрашивалъ насъ съ мѣста и въ разбивку; за то

---

[1]) Да онъ, къ счастію, оказался и не нуженъ, такъ какъ въ эту же зиму вышелъ Веберъ въ переводѣ Соколова.

[2]) Кромѣ краткой этимологіи, которая выдержала нѣсколько изданій, Я. В. Смирновъ напечаталъ подробную латинскую грамматику въ 2-хъ частяхъ, Саллюстія и Метаморфозы Овидія съ примѣчаніями и словарями, и книгу для перевода съ русскаго на латинскій.

Кромѣ древнихъ языковъ онъ вполнѣ свободно читалъ по-нѣмецки, хотя произносилъ и очень плохо.

если кто изъ насъ хотѣлъ заниматься латынью, всѣ связи и всѣ книги Якова Васильевича такъ же, какъ и все его время, были къ услугамъ любознательнаго мальчика. Мало этого: и по окончаніи курса въ гимназіи, Яковъ Васильевичъ не покидалъ хорошаго ученика: рекомендовалъ его профессорамъ въ университетъ и доставлялъ ему хорошіе уроки.

Этотъ по истинѣ святой человѣкъ слишкомъ далеко стоялъ отъ насъ, насмѣшливыхъ мальчишекъ, уже испорченныхъ и системой воспитанія нашего въ младшихъ классахъ, и вліяніемъ крѣпостной прислуги, и плохихъ романовъ, чтобы имѣть на всѣхъ насъ сильное вліяніе; но кто по обстоятельствамъ хоть нѣсколько сближался съ нимъ, на всю жизнь выносилъ изъ этого сближенія идеальный образъ учителя, беззавѣтно преданнаго своему дѣлу.

Ближе къ намъ былъ другой хорошій преподаватель, доставшійся на нашу долю съ того же V класса, преподаватель русской словесности, представители которой по традиціи должны вліять на гимназистовъ старшихъ классовъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ филологическаго факультета Московскаго университета, нѣкто С., и теперь еще крѣпкій и сильный, но въ полномъ уединеніи живущій старикъ. Передъ поступленіемъ въ 1-ую гимназію, онъ прослужилъ уже года четыре гдѣ-то въ провинціи; тѣмъ не менѣе явился къ намъ до того конфузливымъ, что не поднималъ глазъ отъ списка и въ началѣ совсѣмъ не произвелъ на насъ особо-благопріятнаго впечатлѣнія; къ тому же и задавалъ онъ намъ учить наизусть стихи и образцы ораторской рѣчи. Но прошло три-четыре мѣсяца, и мы невольно стали прислушиваться къ его содержательнымъ, хотя и не краснорѣчивымъ разборамъ всякихъ образцовъ (хотя и смѣялись надъ его полнымъ неумѣніемъ произносить букву р), да и въ рецензіяхъ на наши письменныя упражненія не могли не усмотрѣть искренняго желанія выучить насъ честно думать и правильно писать по-русски. Перешли мы въ 6-й классъ, и С. пріятно поразилъ насъ предложеніемъ сходиться черезъ воскресенье вечеромъ въ гимназіи на литературные вечера, на которыхъ желающіе изъ насъ должны были читать свои переводы и оригинальныя статьи и, подъ руководствомъ преподавателя, подвергать прочитанное обсужденію. Если память меня не обманываетъ, сперва начальство гимназіи приняло эту выдумку подъ свое покровительство: оно предоставило намъ актовый залъ, согнало всѣхъ «казенныхъ» изъ 3-хъ высшихъ классовъ и почтило нѣсколько первыхъ вечеровъ своимъ стѣснительнымъ присутствіемъ. Но это продолжалось мѣсяцъ—два, затѣмъ мы стали собираться въ одномъ изъ классовъ подъ отвѣтственностію только С., въ числѣ несравненно меньшемъ, и тогда-то дѣло пошло живѣе и лучше: въ «рефератахъ» никогда недостатка не было, а споры, еслибъ ихъ не направлялъ умѣлою рукою нашъ предсѣдатель и еслибъ сол-

даты не тушили лампы въ 10 часовъ, могли бы затягиваться до полуночи. Я помню, что особенно посчастливилось у насъ одной темѣ, въ тотъ моментъ довольно современной, хотя, пожалуй, для насъ и не совсѣмъ подходящей. Кто-то предложилъ характеристику героя въ повѣсти Тургенева: «Рудинъ»—подъ заглавіемъ: Что такое фразеръ? Безконечные споры наши побудили С—а предложить наиболѣе рьяному оппоненту написать свой контръ-рефератъ; онъ вызвалъ рекритику со стороны перваго автора, которая со своей стороны заставила вмѣшаться третьяго и т. д. Дѣло тянулось съ полгода, и рѣшеніе вопроса о фразерствѣ заставило и насъ самихъ пофразерничать въ достаточной степени. Но въ общемъ эти литературные вечера были намъ чрезвычайно полезны; они пріучили насъ къ сознательному чтенію и расширили нашъ умственный кругозоръ, а наши добровольные переводы и компиляціи помогли намъ относительно новыхъ языковъ и пріучили насъ къ серіозной работѣ.

Когда мы въ 1860 г. перешли въ 7-ой классъ, С., кажется, поссорившійся къ этому времени съ инспекторомъ, усерднымъ, но не умнымъ, самодовольнымъ и до крайности рутиннымъ педагогомъ, сталъ нашимъ любимѣйшимъ учителемъ. Едва онъ входилъ въ классъ, какъ треть учениковъ окружала его каѳедру, отъ которой онъ не могъ отогнать насъ никакими силами, и начинались безконечные разговоры на весьма разнообразныя, но всегда серіозныя, историко-литературныя, историческія или, по крайней мѣрѣ, литературныя темы. Здѣсь мы получили весьма ясныя понятія и о гомеровскомъ вопросѣ, и работахъ Буслаева, и о народной поэзіи, и о древней Эддѣ, и объ Оссіанѣ, и о братьяхъ Гриммахъ, и объ Маркѣ Кралевичѣ, и о Песталоцци и пр. и пр. По окончаніи урока мы бѣжали за С—ымъ въ библіотеку и тамъ продолжали бесѣду съ нимъ до послѣдней возможности. Мы сидѣли на мѣстахъ и занимались у р о к о м ъ только въ томъ случаѣ, когда въ классъ заходилъ нашъ инспекторъ, усердно наблюдавшій за преподаваніемъ С—а; но тотъ сумѣлъ довольно скоро освободить и себя и насъ отъ соглядатая. Разъ инспекторъ появился въ нашъ классъ и усѣлся на окнѣ въ то время, какъ С. велъ съ нами частный разговоръ о Гамлетѣ; предупрежденные однимъ изъ товарищей, который во-время замѣтилъ «начальство» въ корридорѣ, мы успѣли усѣсться по мѣстамъ, а С., никогда не унижавшій себя перемѣной предмета рѣчи, покончилъ съ характеристикой Гамлета и принялся характеризовать Полонія, смотря въ упоръ на инспектора и такими чертами, что и мы не могли отвести глазъ отъ живаго Полонія, а потомъ начали такъ откровенно пересмѣиваться, что инспекторъ покраснѣлъ, какъ ракъ, демонстративно удалился и больше уже не появлялся на урокахъ русской словесности.

Какъ же при такихъ условіяхъ шло у насъ настоящее дѣло? Какъ исполнялась программа?

Исполнялась такъ хорошо, какъ только могла исполняться тогдашняя нелѣпая программа, заключавшая въ себѣ и теорію и исторію литературы во всемъ объемѣ отъ XI вѣка до XIX включительно, по безъименнымъ министерскимъ учебникамъ. С—ъ, конечно, не могъ выносить этихъ учебниковъ, а диктовалъ намъ краткіе отвѣты на всякій §§ программы, а разсказами и чтеніемъ пополнялъ продиктованное, такъ что мы, поступая въ университетъ, не только имѣли понятіе о Кириллѣ Туровскомъ, Серапіонѣ и пр. и пр., но и о хронографахъ, палеяхъ и апокрифахъ, и уже не говоря о Державинѣ, Фонфизинѣ, но даже изъ Сумарокова, Княжнина, Аблесимова прочли отрывки по хрестоматіи Галахова. Любя учителя, мы старались даже отличиться у него на экзаменѣ, чтобы не дать его въ обиду инспектору, и въ количествѣ 7—8 человѣкъ пошли на словесный факультетъ. Мы поддерживали съ нимъ дружескія отношенія и въ университетѣ на первыхъ курсахъ и собирались у него раза два въ годъ, а готовившіеся къ учительству или болѣе серьезно занимавшіеся пользовались его совѣтами и книгами.

Я лично, сверхъ всего прочаго, обязанъ всецѣло С—у и тѣмъ знаніемъ нѣмецкаго языка, какое я принесъ въ университетъ. Дѣло было такъ. Передъ Рождествомъ я попросилъ у С—а какой-нибудь работы или темы для сочиненія. Зная всѣхъ насъ, какъ свои пять пальцевъ и, вѣроятно, жалѣя, что такой усердный юноша идетъ въ филологи, не будучи въ состояніи прочесть и полустраницы по-нѣмецки (читать по-французски я выучился на романахъ), онъ принесъ мнѣ не помню ужъ кѣмъ написанную нѣмецкую книжку по гомеровскому вопросу и отмѣтилъ изъ нея страницъ 60—70, гдѣ излагались позднія, сравнительно съ Гомеровской эпохой, преданія о Троянской войнѣ и о возвращеніяхъ героевъ; я долженъ былъ прочесть ихъ и составить конспектъ, чтобы потомъ, пользуясь имъ, изложить прочтенное С—у. Языкъ въ содержаніи поэмъ и преданій оказался, конечно, очень простымъ; тѣмъ не менѣе первыя страницы отняли у меня массу времени, и свой лексикончикъ я истрепалъ за двѣ недѣли до невозможности; потомъ мнѣ стало все легче и легче, и послѣднія страницы я уже прочелъ, только коекогда заглядывая въ словарь. Въ январѣ я возвратилъ книгу, а случая изложить прочтенное такъ и не дождался. Когда года черезъ два я напомнилъ объ этомъ С—у, разсказалъ, что былъ очень тогда обиженъ его невниманіемъ къ моей работѣ, и высказалъ мое предположеніе о томъ, не хотѣлъ-ли онъ просто заставить меня почитать по-нѣмецки, онъ только улыбнулся, по своему обыкновенію, одною стороною рта.

Кстати по поводу новыхъ языковъ мнѣ припоминается одна сценка

изъ послѣдняго года нашей гимназической жизни, которая мнѣ кажется очень характерною для того времени, когда извѣстное свободомысліе дошло уже и до старшихъ классовъ средней школы. Въ серединѣ 2-го полугодія мы какъ-то вдругъ пришли къ сознанію, что новые языки въ университетѣ намъ необходимы, а между тѣмъ большая часть изъ насъ ни по-французски, ни по-нѣмецки, что называется, ступить не умѣютъ. Поговорили мы между собою на эту тему и рѣшили принять энергичныя мѣры.

— Директора! Директора!—стали мы кричать на пустомъ урокѣ во всѣ 28—30 здоровыхъ голосовъ. Сполошились надзиратели; почти бѣгомъ прибѣжалъ инспекторъ: «Чего вы орете?»—вѣжливо обратился онъ къ намъ; «съ ума вы что-ли сошли?» Изъ нашей среды выступили два депутата и очень сдержанно заявили ему, что намъ надо поговорить съ г. директоромъ, хотя мы ничего не имѣемъ и противъ того, чтобы при этомъ разговорѣ присутствовалъ и г. инспекторъ. «По какому это важному (и онъ передразнилъ депутата) дѣлу? Говорите со мною! Стану я для васъ, мальчишекъ, тревожить г. директора!» «Директора! Директора!» забасили наши «казенные», оскорбленные названіемъ мальчишекъ, и забасили такъ, что въ сосѣднихъ классахъ стало невозможно заниматься; въ корридоръ вышли учителя и за ними ученики смотрѣть, какъ бунтуютъ 8-классники.

Директоромъ у насъ былъ Г. К. Виноградовъ, повидимому, очень добрый человѣкъ и даже, говорятъ, хорошій педагогъ—онъ впослѣдствіи управлялъ женскими гимназіями и оставилъ тамъ по себѣ благодарную память,—но нашей гимназіей онъ занимался мало и рѣдко къ намъ показывался, можетъ быть, потому, что не хотѣлъ мѣшать не по разуму ревностному инспектору.

Нечего дѣлать! Инспекторъ побѣжалъ за директоромъ; во время его отсутствія мы вели себя примѣрно; въ другихъ классахъ возобновились уроки. Черезъ 10 минутъ пришелъ директоръ, обладавшій очень величественной фигурой; за нимъ нашъ кругленькій инспекторъ, видимо взволнованный. Мы всѣ встали и очень вѣжливо поклонились. «Здравствуйте, господа!—отвѣтилъ вѣжливо директоръ; о чемъ вамъ угодно говорить со мною?»

Выступилъ одинъ изъ депутатовъ [1]) и очень обстоятельно изложилъ начальству желаніе товарищей. Сущность его сводилась къ тому, чтобы намъ на послѣднее передъ университетомъ полугодіе оставили одинъ день въ недѣлю (кажется, среду) свободнымъ именно для занятія

---

[1]) Если не ошибаюсь, кн. А. И. Урусовъ, впослѣдствіи знаменитый адвокатъ и извѣстный литераторъ.

новыми языками, при чемъ два важныхъ урока этого дня мы согласны перенести на другіе дни недѣли.

Я не помню, что отвѣчалъ намъ директоръ, да, вѣроятно, и плохо понялъ его: не только на меня, но и на старшихъ моихъ товарищей едва-ли могла произвести большое впечатлѣніе ссылка на уставъ гимназій, на недостатокъ власти у него, директора, и т. п. чиновничьи аргументы; но прекрасно помню, что послѣ получасовыхъ очень сдержанныхъ съ обѣихъ сторонъ преній—инспекторъ молчалъ и только вздергивалъ плечами—онъ обѣщалъ намъ доложить объ этомъ нашемъ желаніи педагогическому совѣту и о рѣшеніи его насъ увѣдомить. Онъ удалился, провожаемый нашимъ очень почтительнымъ поклономъ и единодушно выраженною благодарностью.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе совѣта по этому вопросу (если только было какое-нибудь рѣшеніе) такъ и не дошло до насъ, а недѣль черезъ пять-шесть мы и сами сообразили, что наше желаніе было едва-ли исполнимо. Я привелъ этотъ случай только для того, чтобы показать, насколько мы стали смѣлы по отношенію къ начальству отчасти потому, что мы были въ послѣднемъ классѣ, а больше по духу времени: со святою вѣрою мы, какъ и весь міръ, вступили въ 1861 г., годъ освобожденія крестьянъ и первой всероссійской студенческой исторіи.

Но она—внѣ предѣловъ этой статейки, и чтобъ закончить послѣднюю, мнѣ остается сказать хоть по нѣсколько строкъ объ остальныхъ преподавателяхъ VII класса, которые не производили на насъ такого сильнаго вліянія, какъ Сончаковъ, Смирновъ и С—въ. Начну по порядку.

Законъ Божій преподавалъ намъ уже не молодой, но, кажется, очень умный священникъ Надеждинъ. Баллы онъ ставилъ довольно щедро, а мы, изъ уваженія къ нему, учили то, что полагалось намъ болѣе или менѣе, усердно. Въ этомъ году, сколько помню, ученики съ одной стороны, а батюшка съ другой, благочестиво обманывали другъ друга: мы по очереди заговаривали его, чтобы не отвѣчать скучнаго и, можетъ быть, не всѣмъ хорошо извѣстнаго урока, а онъ, зная что мы уже выходимъ въ жизнь и даже въ университетъ, всѣ наши духовнонравственные труды ограничилъ зубреніемъ одной тетрадки лекцій богословія, охотно говорилъ съ нами о милостынѣ, о постахъ, о хожденіи къ службѣ и пр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ.

9-го апрѣля 1791 года дѣйствительный тайный совѣтникъ гофмейстеръ графъ А. А. Безбородко писалъ нижегородскому и пензенскому генералъ-губернатору, генералъ-поручику Ив. Мих. Ребиндеру слѣдующее:

«Здѣсь явились Нижегородскаго намѣстничества дворцовый крестьянинъ Алексѣй Гребенщиковъ и Симбирскаго—сызранскій купецъ Василій Ладвановъ и подали общую просьбу ея императорскому величеству отъ имени многихъ тамошнихъ селеній обывателей, содержащихъ вѣру и законъ по старопечатнымъ книгамъ, съ жалобою на притѣсненія и обиды, чинимыя имъ отъ церковнослужителей. Ея величество, предостерегая, чтобъ поводомъ къ таковымъ жалобамъ не служило корыстолюбіе церковнаго причта, высочайше повелѣть мнѣ изволила, съ одной стороны, объясниться съ преосвященнымъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, дабы отъ него написано было къ преосвященнымъ архіереямъ тѣхъ епархій о запрещеніи духовенству дѣлать просителямъ какія-либо обиды и притѣсненія, тѣмъ болѣе, что, ежели сіи люди показаны были прежде несправедливо бывшими у исповѣди изъ корысти священниковъ, то сіе завело бы только слѣдствія и для сихъ послѣднихъ предосудительныя, а съ другой,—сообщить вашему превосходительству о надлежащемъ со стороны вашей начальникамъ покровительствѣ въ случаѣ обидъ имъ, и чтобъ, если какія-либо отъ духовныхъ правительствъ послѣдуютъ къ вамъ подобныя требованія, ваше превосходительство доносили ея императорскому величеству. Впрочемъ, всемилостивѣйшей государынѣ угодно, чтобъ какъ никто изъ старообрядцевъ, въ образѣ мыслей ихъ и исповѣданіи вѣры, притѣсненъ не былъ, такъ, напротивъ, не можетъ быть дозволено, чтобъ и они распространяли заблужденіе свое уловленіемъ въ оное другихъ вновь и, слѣдственно, нужно за поступками ихъ надзирать и всякія вредныя поползновенія отвращать, особливо давъ приказанія о наблюденіи и извѣщеніи васъ исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ ихъ селенія или же монастыри и другія собранія находятся, но и тутъ надзирая, чтобъ по корыстолюбію не произошло никакого угнетенія и непорядка».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи [1]

1826 года.

Начальникъ главнаго штаба вашего императорскаго величества препроводилъ ко мнѣ, по высочайшему повелѣнію, выписку, заключающую въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цензуры и книгопечатанія въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы я представилъ вашему величеству свое по сему предмету мнѣніе.

Обративъ надлежащее вниманіе на означенную выписку, я нахожу, что содержаніе оной заключается въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ: въ разсмотрѣніи разныхъ сословій, составляющихъ у насъ такъ называемую публику, въ исчисленіи недостатковъ существовавшей доселѣ цензуры и, наконецъ, въ представленіи нѣкоторыхъ мыслей о преобразованіи оной.

Изложивъ на каждую изъ сихъ статей подробно мое мнѣніе и представляя оное при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе, я долгомъ почитаю всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что сочинитель выписки, говоря о настоящемъ положеніи цензуры, не имѣлъ въ виду новаго, высочайше утвержденнаго въ 10-й день протекшаго іюня, устава о цензурѣ, которымъ отклонены всѣ извѣданные опытомъ недостатки прежняго цензурнаго управленія. Но какъ избранныя на сей конецъ средства не совсѣмъ согласны съ предполагаемыми сочинителемъ выписки нововведеніями, то въ прилагаемомъ при семъ мнѣніи моемъ и показаны неудобства сихъ послѣднихъ.

Новое образованіе цензуры, постановленное высочайше утвержден-

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. (т. 103 № 9 стр. 579—591) была напечатана записка о цензурѣ Ѳ. В. Булгарина, которая по высочайшему повелѣнію 5 іюля 1826 г. была препровождена Дибичемъ на заключеніе министра народнаго просвѣщенія.—Это заключеніе и печатается въ настоящее время.—

Ред.

нымъ въ 10-й день протекшаго іюня уставомъ, чуждо всѣхъ сихъ неудобствъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ сей части. Верховный цензурный комитетъ имѣетъ въ трехъ членахъ своихъ главныхъ начальниковъ трехъ важнѣйшихъ, по отношенію къ цензурѣ, отраслей государственнаго управленія и отъ того снабженъ всѣми средствами наблюдать за хорошимъ направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи книгъ и сочиненій.

Разсмотрѣніе рукописи подъ заглавіемъ: о цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще.

«Необыкновенные перевороты въ политическомъ мірѣ, воспослѣдовавшіе въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, порождавшіе постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества, сдѣлали людей любопытными, внимательными ко всѣмъ происшествіямъ и распространили вкусъ къ средствамъ, сообщающимъ познанія, свѣдѣнія и извѣстія, то-есть, къ чтенію» [1]).

Гораздо ближайшею и болѣе естественною причиною умножившейся у насъ наклонности къ чтенію почитаю я быстрое, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, распространеніе просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ. Многія сотни учебныхъ заведеній воспріяли въ Россіи въ сіе время свое начало, и мудрено-ли, что вмѣстѣ съ тѣмъ умножились въ разныхъ состояніяхъ любители чтенія и возросло любопытство? Впрочемъ, исключая Отечественную войну, немного окажется политическихъ происшествій, которыя бы могли въ теченіе означеннаго времени порождать у насъ постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества.

«Россія не столь просвѣщена, какъ другія государства Европы, но, по своему положенію, она болѣе другихъ государствъ имѣетъ нужду въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей и направленіи ихъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ» [2]).

Направленіе подданныхъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ, равно важно для всякаго государства, и я не знаю, почему предстоитъ въ томъ преимущественная надобность для Россіи. Сочинитель выписки говоритъ, что сего требуетъ положеніе ея; но какое положеніе? Географическое, физическое или политическое, сего не объясняетъ. По крайней мѣрѣ въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей, если бы и предположить возможность онаго, не менѣе должны нуждаться Франція, Неаполь, Испанія и другія государства, въ кото-

[1]) „Рус. Стар.“ 1900 г. № 9, стр. 579.
[2]) Тамъ же, стр. 580.

рыхъ, въ продолженіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, возникали политическія неустройства и перевороты.

«Силою не возможно остановить распространеніе идей, подобно какъ корабля на ходу, при сильномъ волненіи. Можно снять флюгеръ, указующій направленіе вѣтра, но этимъ не возможно перемѣнить вѣтра. Напротивъ того, искусное управленіе парусами и рулемъ, даже вопреки вѣтру, введетъ корабль мимо опасныхъ мѣстъ къ желаемой пристани» [1]).

Распространеніе идей полезныхъ для блага государства отнюдь не должно быть стѣсняемо; что касается до вредныхъ для общества мнѣній, какъ-то противныхъ вѣрѣ, правительству и правамъ, то таковыя и можно и должно останавливать рѣшительно; ибо неоспоримо, что симъ мнѣніямъ или идеямъ нельзя дать хорошаго направленія. Надежда, вопреки распространяющимся ложнымъ и вреднымъ мнѣніямъ, достигать предположенной правительствомъ цѣли не сбыточна и опасна. Всякое зло должно быть пресѣкаемо въ корнѣ; въ противномъ случаѣ, не взирая на всѣ другія мѣры, оно рано или поздно непремѣнно произведетъ тѣ горестныя послѣдствія, которыя отклонить старались.

II. Сословія, составляющія публику.

1) «Знатные и богатые люди: Большая часть ихъ, т. е. девятнадцать двадцатыхъ, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ пріуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ литовскихъ и остзейскихъ губерній. Отданные съ дѣтства на руки французскимъ гувернерамъ (въ числѣ коихъ весьма мало достойныхъ воспитателей), молодые русскіе дворяне, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ и получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ. Верхомъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которыя и называются у нихъ философіею. Хотя по своему положенію въ свѣтѣ, сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность заставляетъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства. Весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правитель-

[1]) „Рус. Стар." 1900 г. № 9, стр. 580.

ству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить, дать настоящее направленіе ихъ умамъ» [1]).

Сомнѣваюсь, чтобы легко было перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе умамъ людей, зараженныхъ подражаніемъ французамъ. Немало писано противъ сего благомыслящими писателями, но не послѣдовало отъ того никакой пользы. Можно было съ основательностію надѣяться, что происшествія 1812 года произведутъ спасительный переломъ въ пользу характера народнаго; но и сіе не имѣло надлежащаго успѣха. Послѣ сего напрасно бы было кричать родителямъ: воспитывайте дѣтей своихъ по-русски. Ибо если бы кто-либо и воспользовался таковымъ совѣтомъ, то по необходимости вскорѣ бы раскаялся въ томъ, увидѣвъ, что недостаточное познаніе французскаго языка и непривычка къ французскому обхожденію не мало вредятъ дѣтямъ его. На французскомъ языкѣ разсуждаютъ у насъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ министры въ кабинетахъ своихъ; на французскомъ языкѣ говорятъ генералы передъ войскомъ; французскій языкъ сдѣлался какъ бы признакомъ образованности и необходимою принадлежностію лучшаго общества и особливо между женщинами. И при всѣхъ таковыхъ обстоятельствахъ, можно-ли истребить сіе зло, столь сильно вкоренившееся въ нашихъ нравахъ, дѣйствіемъ нѣкоторыхъ писателей, которыхъ, по всей вѣроятности, и читать никто не захочетъ?

2). Говоря о среднемъ состояніи, въ которое входятъ достаточные и бѣдные дворяне, чиновники гражданскіе, приказные люди, купцы, заводчики и даже мѣщане, сочинитель выписки говоритъ, что оно составляетъ такъ называемую русскую публику. По мнѣнію его, не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ; для того потребны два средства: справедливость и гласность (publicité). Нашу публику, говоритъ онъ, можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ на счетъ мѣръ и проектовъ правительства, какъ сіе было до 1816 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что справедливость есть однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ пріобрѣтенію любви народной; но чтобы сіе не требовало большихъ усилій, въ томъ я никакъ не могу согласиться. Относительно къ гласности въ распоряженіяхъ правительства, то, по мнѣнію моему, гласность сія отнюдь не должна быть безусловная, но разсчетливая и основанная на опытномъ познаніи свойствъ и нравственныхъ потребностей народа. Что касается до возможности совершенно покорить, увлечь, привязать нашу публику къ трону одною только свободою въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства, то сіе, кажется

[1]). Тамъ же, стр. 530.

мнѣ, скорѣе можетъ произвесть неуваженіе къ правительству, нежели привязанность къ трону. Мѣры и проекты правительства, предаваемыя на сужденіе журналистовъ, уже часто отъ сей одной причины не достигнутъ желаемой цѣли. Никакая важная мѣра не должна быть предпринимаема въ государственномъ управленіи безъ зрѣлаго о пользѣ оной разсужденія; но разсужденіе сіе въ монархическомъ правленіи принадлежитъ не публикѣ и народу, а государю и высшимъ правительственнымъ мѣстамъ. При таковомъ положеніи, если бы правительство усмотрѣло невыгоду предполагаемыхъ имъ мѣръ, или затруднительность приведенія ихъ въ исполненіе, то можетъ безъ всякаго неудобства отложить на время, или вовсе отмѣнить намѣренія свои, и сіе не будетъ сопровождаться никакими непріятными послѣдствіями. Напротивъ того, допуская о своихъ намѣреніяхъ неумѣстныя разсужденія подданныхъ, оно поставляетъ себя какъ бы въ нѣкоторую зависимость отъ ихъ заключеній и какъ бы обязывается отчетомъ предъ ними, такъ что въ случаѣ неудачи непремѣнно даетъ мѣсто праздными толкамъ и превратнымъ сужденіямъ; а все сіе не только нарушаетъ должное къ верховной власти уваженіе, но и бываетъ причиною весьма важныхъ неустройствъ. Въ подтвержденіе сего заключенія, довольно будетъ привесть слѣдующее:

Извѣстно, что въ нѣкоторое время царствованія блаженной памяти государя императора позволялось писать о свободѣ крестьянъ, и, кромѣ нарочно изданныхъ о семъ книгъ, всѣ почти наши журналы наполнены были разными о семъ разсужденіями. Что же изъ сего послѣдовало? Обстоятельства сіи не укрылись отъ простаго народа, и безпрепятственное печатаніе подобныхъ статей принято было несомнительнымъ знакомъ желанія правительства дать крестьянамъ свободу. Отселѣ произошло неповиновеніе ихъ помѣщикамъ и частые бунты, которые даже и до сего времени пресѣчены быть не могутъ. Я очень помню, что одна взбунтовавшаяся большая вотчина, при всеподданнѣйшемъ прошеніи на имя блаженной памяти государя императора, представила книжку «Вѣстника Европы», въ которой разсуждаемо было о пользѣ освобожденія крестьянъ, какъ доказательство, что само правительство подало поводъ къ таковымъ съ ихъ стороны дѣйствіямъ, и что они, не повинуясь своему помѣщику, только входятъ въ его виды.

3) О нижнемъ состояніи. Сочинитель выписки говоритъ, что оно заключается у насъ въ мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянахъ и мѣщанахъ, деревенскихъ священникахъ и вообще церковникахъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ важнаго класса раскольниковъ. «Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу симъ состояніемъ, есть Матушка Россія. Искусный писатель, продолжаетъ онъ, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видахъ,

какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаютъ[1])».

Правда, что посредствомъ любви къ отечеству и привязанности къ родинѣ, свойственныхъ нашему народу, можно успѣвать во многомъ по отношенію къ направленію образа мыслей простаго класса людей, но какъ въ немъ вообще весьма мало находится читателей, то и не такъ-то легко дѣйствовать на оный посредствомъ писателей, какъ полагаетъ сочинитель выписки. Что касается до раскольниковъ, сего закоренѣлаго въ своихъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ класса, то едва-ли Магическій жезлъ сочинителя не останется безъ всякой силы. Единственнаго средства къ убѣжденію сихъ людей, по мнѣнію моему, искать должно въ стараніяхъ духовенства нашего.

4) По отношенію къ ученымъ и литераторамъ, сочинитель выписки утверждаетъ, что вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напр. о театрѣ и т. д.

Раздражать безъ всякой причины никого не должно; запрещенія же писать о бездѣлицахъ и даже о театрѣ въ новомъ Уставѣ о цензурѣ не существуетъ, а потому, пропуская все, что говоритъ о семъ сочинитель выписки, я поспѣшаю къ разсмотрѣнію указанныхъ имъ недостатковъ существовавшаго доселѣ цензурнаго управленія.

III. О недостаткахъ цензуры.

1) «Въ отношеніи къ вѣрѣ. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ мистицизма, а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ; нынѣ покровительствуются книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего боренія партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности; напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя дурныя идеи о правительствѣ»[2]).

До вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, цензура, какъ объясняется сочинителемъ замѣчаній, состояла подъ вліяніемъ мистицизма, и тогда выходило множество сектаторскихъ и мистическихъ книгъ. Естественнымъ послѣдствіемъ сего зла было размноженіе сектъ, толковъ о вѣрѣ и самыхъ вредныхъ мнѣній для

[1]) Тамъ же, стр. 582.
Тамъ же, стр. 584.

правительства; но сіе произошло не отъ боренія партій, или отъ нынѣшняго сопротивленія сему злу, какъ угодно утверждать о томъ сочинителю, но единственно отъ покровительства мистицизму. По случаю доклада вашему императорскому величеству въ 3-й день января сего года о книгахъ духовнаго содержанія, напечатанныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ безъ дозволенія духовной цензуры, я имѣлъ счастіе представить выписку изъ оныхъ и замѣчанія, которыя ясно показываютъ, что въ сихъ духовныхъ или мистическихъ книгахъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія священнаго писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ такъ называемому нравственному, но въ сущемъ дѣлѣ развратному ученію, искажена святость книгъ Божественнаго Откровенія и разсѣяны явныя и возмутительныя лжеученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ. Для меня весьма удивительно, что послѣ сего запрещеніе печатать подобныя книги называется вліяніемъ партіи, и покровительству книгъ, служащихъ опроверженіемъ первымъ, приписывается размноженіе сектъ, толковъ о вѣрѣ и самыхъ вредныхъ идей для правительства. Не говоря уже о томъ, что отъ опроверженія нечестивыхъ и возмутительныхъ книгъ не могло произойти никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ добрыхъ, нельзя не замѣтить, что со времени вступленія моего въ управленіе министерствомъ, ни одной книги, въ опроверженіе мистическихъ, не напечатано, а слѣдовательно сочинитель замѣчаній, или не знаетъ порядочно дѣла, о которомъ изъясняется, или утверждаетъ вещи небывалыя.

2) Въ отношеніи къ правительству. Сочинитель замѣчаній говоритъ, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненій, но на одни слова и фразы. Вмѣсто того, чтобы запрещать писать противъ правительства, цензура запрещаетъ писать о правительствѣ. Самыя сильныя препоны для словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 году, которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы относящихся, и о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ противномъ смыслѣ и не позволяетъ печатать никакихъ, даже маловажныхъ извѣстій, безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписаній, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, и множество любопытныхъ вещей пропадаютъ для наукъ.

Я не знаю, на чемъ сочинитель замѣчаній основываетъ столь рѣшительное утвержденіе, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненій, но на

одни только слова и фразы. По крайней мѣрѣ во все управленіе мое министерствомъ народнаго просвѣщенія, къ сему наипаче обращаемо было все вниманіе цензуры, и кромѣ немногихъ случаевъ неосмотрительности цензоровъ, о которыхъ тогда же доводимо было до высочайшаго свѣдѣнія, я желалъ бы видѣть хотя одно сочиненіе, написанное въ дурномъ духѣ и въ сіе время пропущенное. Впрочемъ, цензура какъ прежде, такъ и нынѣ не можетъ оставлять безъ вниманія самыхъ словъ и фразъ, ибо они даютъ настоящее значеніе составнымъ частямъ сочиненія. Что касается до запрещенія печатать всякаго рода статьи, безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается, то, по мнѣнію моему, ничто не можетъ быть благонадежнѣе для правительства, какъ сіе распоряженіе: ибо никто не можетъ разсудить съ большею основательностію, полезно-ли пропустить къ напечатанію ту или другую статью, какъ правительственное мѣсто, гдѣ производятся дѣла, имѣющія непосредственное къ тому отношеніе, и получаются свѣдѣнія о происшествіяхъ, обнаруживающія справедливость или неосновательность предполагаемыхъ къ напечатанію свѣдѣній и разсужденій. Иногда маловажное по видимому извѣстіе дѣлается весьма важнымъ по стеченію обстоятельствъ, и обнародованіе онаго въ превратномъ видѣ можетъ влечь за собою самыя непріятныя послѣдствія.

3) Въ отношеніи къ нравственности. Здѣсь сочинитель замѣчаній повторяетъ прежде сказанное, что цензура, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускаетъ самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещаетъ самыя невинныя статьи.

Такъ какъ я уже достаточно говорилъ о неосновательности такового утвержденія, по отношенію ко времени управленія моего министерствомъ народнаго просвѣщенія, то и излишнимъ почитаю еще болѣе распространяться о семъ.

4) «Касательно личности. У насъ до сихъ поръ защищали не лица, а пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ, и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными» [1]).

Такового запрещенія вовсе не существовало и существовать не можетъ. Въ защиту пороковъ и дурныхъ поступковъ не сдѣлано ни одного распоряженія по цензурѣ съ самаго учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, и я не могу не удивляться столь превратному толкованію о дѣйствіяхъ цензуры. Она запрещаетъ вымышленныя повѣствованія о министрахъ, графахъ, князьяхъ и проч., а также и переводы

[1]) Тамъ же, стр. 587.

сего рода, приноровленные, по сходству обстоятельствъ, къ обидѣ чести какого-либо изъ нашихъ государственныхъ людей; и ничего не можетъ быть справедливѣе. Извѣстно, что злонамѣренные писатели, желая выказать недоброжелательство свое къ какому-либо лицу, облеченному довѣренностію правительства, и не смѣя осмѣивать или охуждать его въ сочиненіяхъ своихъ явно, прибѣгаютъ къ вышеизъясненному средству, и подъ вымышленными именами министровъ, графовъ или князей, описываютъ помянутое лицо самыми черными красками, а выставляя въ то же время нѣкоторыя сходныя съ обстоятельствами происшествія и отношенія разныхъ лицъ, намекаютъ довольно ясно, о комъ они говорятъ такимъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цензура обязана тщательно пресѣкать всякое покушеніе къ подобнымъ соблазнительнымъ дѣйствіямъ.

IV. Мысли о преобразованіи цензуры.

Упомянувъ о недостаточномъ числѣ цензоровъ въ С.-Петербургѣ, коихъ по прежнему штату было только три, сочинитель замѣчаній полагаетъ полезнымъ составить многочисленный цензурный комитетъ изъ академиковъ и профессоровъ, безъ малѣйшей прибавки жалованья, гдѣ могутъ засѣдать, какъ почетные члены, нѣсколько литераторовъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, сверхъ того двѣ духовныя особы должны быть прикомандированы только для разрѣшенія духовныхъ пунктовъ, встрѣчающихся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Всѣ же духовныя сочиненія должны подлежать Синоду и духовной цензурѣ.

Неудобство предоставленія права цензуры большему числу чиновниковъ извѣдано многолѣтними опытами при нѣкоторыхъ университетахъ, гдѣ лекторами цензуры полагались всѣ ординарные, экстраординарные профессоры и даже магистры. Какой же пользы ожидать можно отъ предполагаемаго въ С.-Петербургѣ цензурнаго комитета, который, по назначенію сочинителя замѣчаній, долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 50 или 60 человѣкъ. Не говоря уже о медленности дѣлопроизводства, неразлучной съ таковымъ образованіемъ, обязанности цензоровъ раздробятся на множество разныхъ лицъ, между коими не можетъ существовать единства. Сверхъ того, при таковомъ порядкѣ вещей, важное цензурное дѣло будетъ почитаться какъ бы второстепеннымъ или побочнымъ занятіемъ употребленныхъ для сего чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что многотрудному званію цензоровъ не полагается предоставить никакой особенной выгоды и даже не назначается производства жалованья.

«Сей комитетъ долженъ раздѣляться на два о т д ѣ л е н і я подъ предсѣдательствомъ президента, назначеннаго правительствомъ.

1-е отдѣленіе, по части математическихъ и физическихъ наукъ,
2-е о т д ѣ л е н і е, по части исторіи, статистики и словесности [1]).

Таковое раздѣленіе нахожу я весьма недостаточнымъ: ибо въ немъ опущены весьма важныя отрасли человѣческихъ познаній, какъ-то: науки философическія, юридическія и медицинскія. Сверхъ того не упоминается ни слова о музыкальныхъ сочиненіяхъ и произведеніяхъ гравированія и литографіи, которыя также должны быть подвергаемы цензурѣ.

«3-е О т д ѣ л е н і е театральныхъ піесъ и періодическихъ изданій, журналовъ, газетъ и альманаховъ, должно быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи (la haute police). Сюда же принадлежитъ и цензура приходящихъ изъ чужихъ краевъ книгъ. Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей или читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И такъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ тому орудія. 3-е отдѣленіе можетъ быть въ сношеніяхъ, но не должно быть въ зависимости отъ двухъ первыхъ, и должно дѣйствовать особо по волѣ государя императора, изъявляемой министру. Сіе третье отдѣленіе должно быть составлено изъ чиновниковъ, просвѣщенныхъ въ полномъ смыслѣ слова, надежныхъ и нравственныхъ. Они должны получать хорошее содержаніе. Шесть человѣкъ, включая въ то число и секретаря, весьма достаточно для сего отдѣленія» [2]).

При составленіи новаго устава о цензурѣ, касательно театральныхъ сочиненій приняты въ разсужденіе слѣдующія обстоятельства: 1) что сочиненія сіи печатаются не для представленія только, а преимущественно для чтенія, а 2) что многія театральныя сочиненія печатаются исключительно только для чтенія. На семъ основаніи, наблюденіе за представленіемъ театральныхъ сочиненій и позволеніе играть новыя сего рода произведенія оставлено принадлежностью министерства внутреннихъ дѣлъ; что касается до одобренія къ напечатанію ихъ, то сіе отнесено къ министерству народнаго просвѣщенія. Распредѣленіе сіе почитаю я совершенно соотвѣтствующимъ существу самого дѣла и пользѣ общественной.

Относительно отдѣленія отъ министерства народнаго просвѣщенія цензуры журналовъ, газетъ и альманаховъ, то, по мнѣнію моему, сіе не только было бы вовсе безполезно, но даже и не безвредно. Ибо кромѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 588.
[2]) Тамъ же, стр. 589.

того, что цензуры во всѣхъ сихъ случаяхъ руководствоваться должны тѣми же правилами, правительство безъ единства и согласія въ распоряженіяхъ, стремящихся къ одной и той же цѣли, т. е. къ охраненію вѣры, преданности къ престолу и нравовъ народныхъ, не можетъ имѣть никакого надежнаго въ семъ важномъ дѣлѣ обезпеченія. Всеобщность и согласіе дѣйствій при цензурѣ всѣхъ вообще печатаемыхъ въ Россіи книгъ гораздо болѣе представляетъ возможности и способовъ министерству народнаго просвѣщенія направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли, нежели сколько можетъ имѣть ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ, или полиціи.

Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го марта 1796 года о государственномъ переворотѣ въ Швеціи.

Приводимое ниже сообщеніе о государственномъ переворотѣ въ Швеціи доставлено было императрицѣ Екатеринѣ II правителемъ Выборгскаго намѣстничества, княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Щербатовымъ, при слѣдующемъ рапортѣ его изъ Выборга, отъ 26-го марта 1796 года: «Каково мною сейчасъ отъ фридрихсгамскаго капитанъ исправника Клайгилса съ нарочнымъ получено письмо, содержащее нѣкоторыя извѣстія изъ Швеціи, оное вашему императорскому величеству у сего всеподданнѣйше подношу».—Письмо же Клайгилса, отъ 25-го марта, было такого содержанія: «Милостивый государь! Полученныя мною отъ стороны Швеціи извѣстія содержатъ въ себѣ слѣдующее: 1) Пріѣхавшій на первыхъ дняхъ прошедшей недѣли въ Гельсингфорсъ изъ Стокгольма курьеръ привезъ генералу Клингспорну вѣдомость, что въ Стокгольмѣ обнаружилась революція; что городскія ворота заперты и что молодой государь [1]) при помощи трехъ сословій народныхъ объявленъ царствующимъ, ибо одно только дворянство держало сторону герцога-правителя [2]), у котораго возжи правленія уже отняты. 2) Въ Пумалѣ въ Швеціи находятся 24 человѣка егерей, а въ Аньялѣ поставлены пикеты, и во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ удвоена стража. Въ аньяльской киркѣ обнародовано повелѣніе, чтобы каждый крестьянинъ до привозу казеннаго провіанта давалъ ежедневно солдатамъ по 2 фунта хлѣба и 1-му фунту овощей. 3) Что изъ Свеаборга перевозятся на границу пушки, и что всѣ финляндскіе полки получили приказъ быть въ готовности къ походу. Наняты также для перевозу полковаго багажа лошади, коего часть находится уже противъ Райволы. Напослѣдокъ, кажется, что нѣтъ вѣрныхъ извѣстій о происходившемъ въ Стокгольмѣ, гдѣ крайне безпокоятся въ разсужденіи королевской особы. Многіе утверждаютъ, что вѣдомость о его коронованіи сомнительна, и подозрѣваютъ о существованіи его между живыми. Слухъ носится, что 30.000 россійскаго войска идутъ къ границѣ. На сихъ дняхъ пріѣхалъ со стороны Швеціи въ Биркенейландъ лодочникъ, который подаетъ собою видъ совершеннаго обо всемъ невѣдѣнія. Нелишне было бы присматривать за нимъ вблизка. Повидимому, все сіе откроется въ нѣсколько дней, почему и прошу ваше сіятельство доставить ко мнѣ со вручителемъ сего нѣсколько бланкетовъ для паспортовъ и нѣкоторое количество денегъ на нужные по поводу сего расходы».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

---

[1]) Король Густавъ-Адольфъ IV.

[2]) Герцога Карла Зюдерманландскаго.

Воспоминанія педагога [1].

Вскорѣ послѣ моего перехода въ спеціальные классы началась война съ Турціей, и всѣхъ насъ старшихъ воспитанниковъ охватило сильнѣйшее патріотическое чувство. Кадеты 1-го корпуса всегда отличались патріотизмомъ, чему болѣе всего спосособствовала исторія корпуса. Портреты фельдмаршаловъ, бывшихъ воспитанниковъ 1-го корпуса: Прозоровскаго, Каменскаго, Румянцева-Задунайскаго и такихъ знаменитыхъ генераловъ, какъ Кульневъ, Толь и мн. др., заставляли кадетъ гордиться тѣмъ, что они воспитываются въ столь славномъ 1-мъ корпусѣ. Мраморныя доски, съ именами убитыхъ въ сраженіяхъ, бывшихъ воспитанниковъ, занимавшія всѣ стѣны корпусной церкви,—все это развивало воинственный духъ кадетъ, и воспитанники, начиная съ неранжированной роты и до старшихъ ротъ, всѣ искренно желали быть убитыми въ сраженіи, чтобы попасть на эти доски.

— Мы, — говорили обыкновенно кадеты, — не должны посрамить 1-го корпуса.

Привожу все это, какъ свидѣтельство противъ того крайне ложнаго взгляда на значеніе исторіи прежнихъ корпусовъ, которымъ проникались преобразователи военно-учебныхъ заведеній въ 1863 году, когда, выражаясь словами поэта:

... въ глаза исторіи плевали.

Война съ Турціей на Дунаѣ, затѣмъ осада Севастополя заставили насъ, старшихъ воспитанниковъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдить за каждымъ извѣстіемъ съ театра войны; всѣ рвались въ Крымъ,

[1] См. „Русскую Старину“ 1904 г. май.

въ Севастополь. Но опытъ 1848 и 1849 годовъ показалъ невыгоды усиленныхъ выпусковъ, надолго уменьшившихъ число офицеровъ для послѣдующихъ выпусковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понизившихъ качество офицеровъ, и потому, несмотря на надобность въ офицерахъ, усиленные выпуски болѣе не допускались, такъ что каждый долженъ былъ ожидать окончанія курса.

Хорошо помню я послѣдній выпускъ, произведенный въ іюнѣ 1854 г. Императоръ Николай, послѣ смотра на Марсовомъ полѣ, собралъ къ себѣ выпускныхъ воспитанниковъ всѣхъ корпусовъ и сказалъ имъ трогательную рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами:

— Тяжелое время настало для меня и для Россіи, но съ такими, какъ вы, я ничего не боюсь.

Какой восторгъ вызвали эти слова! Воспитанники бросились цѣловать государю руки и ноги; многіе рыдали, всѣ клялись въ готовности умереть въ бою.

18-го февраля 1855 года, во время утреннихъ классовъ, пришло распоряженіе отъ Я. И. Ростовцева вести воспитанниковъ въ церковь на молебствіе о здравіи государя. Тутъ только мы узнали въ первый разъ, что онъ сильно боленъ. Къ концу молебна пріѣхалъ въ церковь докторъ Обломьевскій и сообщилъ, что государь скончался. Послѣ обѣда мы снова пошли въ церковь, но уже на панихиду.

Кончина императора Николая поразила насъ, какъ громомъ; мы чувствовали себя какъ бы осиротѣвшими; намъ казалось, что осиротѣла и вся Россія; многіе воспитанники плакали, и когда пришло въ корпусъ распоряженіе, чтобы на часахъ у гроба государя стояли два унтеръ-офицера 1-го корпуса, то всѣ они просились идти ко гробу. Была составлена очередь, и по два унтеръ-офицера день и ночь стояли у гроба сперва въ Зимнемъ дворцѣ, а потомъ въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ пришлось три дня стоять во дворцѣ и два дня въ крѣпости, оставаясь на часахъ подрядъ по два часа, и отдыхая затѣмъ четыре часа.

Какъ кадеты всѣхъ корпусовъ любили Николая Павловича, видно изъ слѣдующаго печальнаго событія, бывшаго спустя мѣсяцъ послѣ смерти государя. Въ Пажескомъ корпусѣ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности Благосвѣтловъ (бывшій потомъ редакторомъ журнала «Дѣло»). Одинъ изъ пажей подалъ ему сочиненіе съ изложеніемъ царствованія Николая I, гдѣ назвалъ его «великимъ». Благосвѣтловъ съ ироніей замѣтилъ: «чѣмъ же онъ былъ великъ?» Пажи вскочили съ своихъ мѣстъ, бросились на Благосвѣтлова и вытолкали его изъ класса. Исторія эта окончилась удаленіемъ Благосвѣтлова изъ всѣхъ тѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ, а пажи понесли сравнительно легкое домашнее наказаніе, такъ какъ

проступокъ этотъ, по мнѣнію Ростовцева, выкупался преданностью и любовью къ покойному и къ только-что вступившему на престолъ государю.

Черезъ руки очень многихъ учителей прошелъ я въ теченіе десятилѣтняго пребыванія своего въ корпусѣ; но буду говорить только о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Русскій языкъ въ приготовительномъ классѣ преподавалъ Орѣшниковъ — послѣдній представитель старыхъ учителей прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, приготовляемыхъ изъ мѣщанъ, съ спеціальною цѣлью преподавать въ корпусѣ. Въ 1772 году Бецкій получилъ разрѣшеніе императрицы Екатерины II опредѣлять въ Сухопутный шляхетный корпусъ (впослѣдствіи 1-й кадетскій), черезъ каждые 3 года, отъ 14-ти до 16-ти лицъ изъ мѣщанъ, съ цѣлью образовать изъ нихъ для корпуса учителей. Порядокъ этотъ держался, кажется, только до Павла Петровича. Вотъ изъ этихъ-то учителей, давно уже выслужившихъ свой обязательный срокъ службы, и былъ старикъ Орѣшниковъ. Въ прежнее время начальство корпуса нисколько не стѣснялось въ своемъ обращеніи съ мѣщаниномъ, хотя бы занимавшимъ должность учителя.

Старые ротные командиры, воспитывавшіеся сами въ корпусѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, впослѣдствіи разсказывали мнѣ, что бывало директоръ корпуса приходитъ въ классъ и обращается къ этому учителю прямо на «ты»; замѣтивъ же его въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ, безъ церемоніи вызывалъ его изъ класса и наказывалъ тѣлесно, послѣ чего велитъ ему опять идти въ классъ [1]).

Въ мое время Орѣшниковъ хотя такому наказанію не подвергался, но страхъ къ начальству питалъ необыкновенный. Передъ ротнымъ командиромъ, передъ дежурными офицерами онъ кланялся такъ низко, что мы, дѣти, передразнивали его, встрѣчая такими же низкими поклонами, при входѣ его въ классъ. Многіе шалуны, зная, что Орѣшниковъ никогда не пожалуется начальству, позволяли себѣ дерзкія насмѣшки: подходили къ нему и, кланяясь передъ нимъ также низко, произносили на распѣвъ, подражая его манерѣ говорить: «г-нъ Орѣшниковъ, изъ породы грѣшниковъ, сидитъ на печкѣ, ѣстъ ватрушки».

---

[1]) Находясь уже на службѣ, я встрѣтился съ однимъ генераломъ, который также когда-то учился у Орѣшникова; онъ разсказалъ мнѣ, что при немъ было еще много учителей изъ мѣщанъ, и директоръ, генералъ Перскій, за пьянство наказывалъ ихъ тѣмъ, что на недѣлю дѣлаетъ его маляромъ, такъ что воспитанники видятъ изъ класснаго окна, какъ ихъ учитель краситъ въ саду стѣну или заборъ, а по окончаніи срока наказанія, онъ снова приходитъ въ классъ.

На что Орѣшниковъ обыкновенно отвѣчалъ: «шалунъ! садитесь, садитесь».

Какъ учитель маленькихъ классовъ, Орѣшниковъ велъ свое дѣло недурно, поэтому-то онъ такъ долго держался въ корпусѣ. Когда директоромъ былъ назначенъ Лихонинъ, то онъ былъ пораженъ манерами Орѣшникова и велѣлъ его удалить.

Въ первомъ и во второмъ общихъ классахъ преподавателемъ русскаго языка у меня былъ Н. Я. Прокоповичъ, извѣстный другъ и товарищъ Н. В. Гоголя. Панаевъ, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, говоритъ о Прокоповичѣ, между прочимъ, слѣдующее: «онъ былъ большой чудакъ, а главное—добрякъ». Если бы Панаевъ поучился у Прокоповича, то, конечно, никогда не сказалъ бы послѣдняго. Мы, ученики его, вынесли о немъ совершенно другое мнѣніе и говорили, что это злой и мстительный человѣкъ. Мы трепетали, ожидая его въ классъ. Едва начинался грамматическій разборъ, Прокоповичъ требовалъ, чтобы мы съ перваго же урока могли производить разборъ безошибочно. Каждая ошибка или остановка выводила его изъ себя: онъ бросалъ въ полъ или въ доску мѣломъ, топалъ ногами, словомъ, выказывалъ всѣ признаки крайняго раздраженія, наконецъ, прогонялъ отвѣчающаго на мѣсто и ставилъ ему въ журналъ единицу.

Но все это продѣлывалось только тогда, когда онъ былъ одинъ въ классѣ; если же въ классъ приходилъ директоръ или инспекторъ, то Прокоповичъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Откуда только у него являлось терпѣніе; онъ объяснялъ ученикамъ то, что они плохо понимали, поправлялъ ихъ, и все это такимъ мягкимъ, любезнымъ голосомъ, что мы считали себя счастливыми, если кто-нибудь посѣтилъ классъ. Въ добавокъ ко всему этому у Прокоповича были любимцы и отверженцы; къ числу послѣднихъ нерѣдко принадлежали нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ класса, такъ что намъ дѣлалась непонятною причина нелюбви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бросавшагося намъ въ глаза несправедливаго преслѣдованія такихъ учениковъ. Хотя крайняя раздражительность Прокоповича отчасти и объяснялась его чахоточнымъ состояніемъ, но для его учениковъ это нисколько не было легче.

Однажды во время урока Прокоповича (во 2-мъ классѣ) зашелъ въ классъ инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, который если и приходилъ въ классъ, то всегда на двѣ-три минуты. Кушакевичъ почувствовалъ въ классѣ запахъ яблоковъ и, съ свойственной ему шутовской манерой, сталъ кричать: «ха-ха, яблоками пахнетъ, кто принесъ яблоки? у кого яблоки?» Долго никто не отвѣчалъ ни слова; но такъ какъ Кушакевичъ продолжалъ допрашивать, то вдругъ Прокоповичъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, заговорилъ: «это я, ваше пре-

восходительство, идя въ классы, купилъ яблоки для своихъ дѣтей и принесъ ихъ въ карманѣ». Кушакевичъ успокоился: «ха-ха, дѣло объяснилось, вонъ гдѣ яблоки» и вышелъ изъ класса.

Въ старшихъ классахъ теорію словесности и исторію русской литературы преподавалъ у насъ Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ, прослужившій учителемъ 40 лѣтъ, изъ нихъ 30 лѣтъ въ 1-мъ корпусѣ.

Онъ съ искренней любовью относился къ своимъ ученикамъ, но въ то же время заставлялъ насъ заниматься, строго и требовательно относясь къ нашимъ занятіямъ. Самъ онъ никогда не заводилъ въ классахъ посторонннихъ разговоровъ, уроковъ не пропускалъ никогда (по крайней мѣрѣ въ тѣ 4 года, когда я у него учился), и мы относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ.

Плаксинъ очень не любилъ Булгарина и Греча. Послѣдній иногда, въ качествѣ наставника-наблюдателя русскаго языка, являлся къ намъ на экзаменъ; Плаксинъ державъ себя передъ нимъ съ большимъ тактомъ: встрѣчалъ его какъ старшаго, но не низкопоклонничалъ. На лекціяхъ онъ не пропускалъ случая передъ нами ядовито отозваться о Гречѣ, хотя всегда въ приличной формѣ. Такъ, говоря о нашихъ старыхъ писателяхъ романовъ, Плаксинъ указывалъ на тридцатые и сороковые годы, какъ на время увлеченія романами, при этомъ прибавлялъ: «кто тогда только не писалъ романовъ? и даже Гречъ увлекся и написалъ два романа, но, изъ уваженія къ Николаю Ивановичу, мы говорить о нихъ не будемъ». На юбилей Н. И. Греча Плаксинъ подписался, но, несмотря на свою любовь при всякомъ случаѣ пооораторствовать,—рѣчи не говорилъ. Считаю не безъинтереснымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ юбилеѣ, на которомъ мнѣ случайно привелось присутствовать.

Въ 1854 году, если не ошибаюсь 27-го декабря, въ сборной залѣ 1-го корпуса назначено было праздновать юбилей пятидесятилѣтней педагогической и литературной дѣятельности Н. И. Греча. По подпискѣ былъ назначенъ обѣдъ, и воспитанники 3-го спеціальнаго класса должны были встрѣтить юбиляра при входѣ въ залу, при чемъ воспитаннику К. К. Случевскому (въ настоящее время извѣстному писателю) была дана, не знаю кѣмъ составленная, рѣчь, которую онъ выучилъ и сказалъ юбиляру отъ лица старшихъ воспитанниковъ 1-го корпуса. Воспитанники 3-го спеціальнаго класса были затѣмъ приглашены къ обѣду, и такъ какъ остались еще незанятыя мѣста, то пригласили нѣсколько воспитанниковъ изъ унтеръ-офицеровъ 2-го спеціальнаго класса, въ числѣ ихъ попалъ и я. На обѣдѣ было участниковъ, какъ мнѣ казалось, около 200 человѣкъ, но я никого изъ литераторовъ въ лицо не зналъ и потому не могу сказать, кто изъ нихъ былъ.

Было произнесено нѣсколько рѣчей, въ которыхъ восхвалялась дѣятельность Николая Ивановича на поприщѣ литературномъ и педагогическомъ. Дѣло не обошлось безъ маленькаго скандала. Въ концѣ обѣда, передъ Гречемъ выросъ какой-то господинъ, уже порядочно выпивши, и началъ говорить слѣдующее: «никакихъ заслугъ русской литературѣ вы не оказали»... Но тутъ этого господина увели прочь. Въ корпусѣ былъ у меня товарищъ Погоржельскій, родной внукъ Ѳ. В. Булгарина; онъ постоянно ходилъ къ Булгарину въ отпускъ. Въ день юбилея Греча, Погоржельскій былъ въ отпуску и потомъ разсказалъ намъ, что Булгаринъ пріѣхалъ домой съ юбилейнаго обѣда до крайности взбѣшенный.

— Гречъ,—говорилъ онъ,—въ своей рѣчи благодарилъ даже тѣхъ, кто когда-нибудь далъ ему четвертушку бумаги, а обо мнѣ, сотрудничавшемъ съ нимъ много лѣтъ, даже не упомянулъ ни единымъ словомъ.

— Послѣ этого—добавилъ Ѳ. В. Булгаринъ,—я и самъ ни слова не напишу объ его юбилеѣ.

Исполнилъ-ли Булгаринъ свою угрозу, я, не читавшій въ то время газетъ, не знаю.

Инженерный полковникъ Лука Лукичъ Германъ былъ совершенно особенный преподаватель и оригинальный человѣкъ. Въ началѣ года одинъ изъ учениковъ долженъ былъ поднести ему толстую, хорошо переплетенную тетрадь, затѣмъ онъ бралъ перо, садился на каѳедру и начиналъ писать геометрію, диктуя въ то же время самъ себѣ въ слухъ. Кто желалъ, могъ тоже писать за нимъ. Одинъ изъ второгодниховъ воспитанниковъ чертилъ на доскѣ мѣломъ тѣ фигуры, ставя на нихъ соотвѣтствующія буквы, о которыхъ диктовалъ Германъ. Такъ шло дѣло въ теченіе цѣлаго года. Большая часть воспитанниковъ занималась въ это время постороннимъ дѣломъ и потомъ уже переписывала себѣ изъ тетради Германа. Понятно, что Лука Лукичъ, постоянно только диктуя, долженъ былъ бы окончить курсъ приблизительно въ полгода, если бы воспитанники не принимали мѣръ къ тому, чтобы этого не случилось. Дѣлалось это такъ: какъ только замѣчалось, что Германъ слишкомъ подвинулся впередъ, воспитанники вырывали около половины того, что уже было написано Германомъ, тетрадь отдавалась переплетчику, который вставлялъ вмѣсто вырванныхъ листовъ чистую бумагу, и Лука Лукичъ, никогда ничего не помнившій и потому ничего не подозрѣвавшій, снова диктовалъ и писалъ то же самое. Искусно регулируя, достигали того, что въ послѣдній, предъэкзаменный урокъ, Лука Лукичъ какъ разъ оканчивалъ положенный по программѣ курсъ геометріи.

Другой способъ остановки слишкомъ быстраго движенія курса впередъ состоялъ въ заговариваніи Германа. Никогда никого не спрашивая, Германъ не зналъ почти ни одной фамиліи своихъ воспитанниковъ

а называлъ каждаго просто «ты, братецъ» (только двухъ учениковъ зналъ Германъ: хозяина тетради и писавшаго на доскѣ). Неожиданный вопросъ поражалъ Луку Лукича, онъ пріостанавливался, какъ говорили воспитанники, «ошалѣвалъ», потомъ слегка ударялъ себя въ лобъ и говорилъ: «что ты такое, братецъ, спрашиваешь?» при этомъ обыкновенно повторялъ то, что ему говорили.

Подойдетъ кто-нибудь къ Герману съ цѣлью пріостановить его занятіе и говоритъ: «Полковникъ (иначе Германа никто не называлъ и онъ это очень любилъ), что это мы все идемъ впередъ да впередъ, такъ мы ничего не будемъ знать, надо повторить пройденное».

Германъ пріостанавливается писать, смотритъ нѣсколько времени на говорящаго и говоритъ:

— А ты, братецъ, вѣрно замѣтилъ. Да, надо повторить, я буду теперь спрашивать. Садитесь всѣ на мѣста!

Онъ вынимаетъ изъ кармана книжку (которая къ нашему удивленію у него оказывалась) и хочетъ кого-нибудь вызвать. Но въ это время подходитъ другой воспитанникъ и, показывая программу, говоритъ:

— Полковникъ, мы не успѣемъ окончить курсъ, надо продолжать, вонъ какъ еще много осталось.

Германъ смотритъ на программу.

— Что ты, братецъ, вздоръ говоришь, развѣ мы такъ мало прошли?

— Да вотъ посмотрите, мы не окончимъ, надо скорѣе продолжать, лучше въ другой разъ будемъ отвѣчать.

— Да, ты, братецъ, вѣрно говоришь (обращается къ классу): вѣдь мы, пожалуй, не успѣемъ окончить курсъ (общій крикъ: конечно, не успѣемъ, надо продолжать). Да, братцы, я буду продолжать, дайте мнѣ тетрадь. И пойдутъ тѣ же занятія.

Но иногда Лука Лукичъ заупрямится, и тогда его невозможно сбить съ толку. Несмотря на то, что нѣсколько воспитанниковъ указываютъ на необходимость продолжать, онъ стоитъ на своемъ.

— Ты, братецъ, все врешь, я буду спрашивать!

Подымается общій шумъ, всѣ кричатъ: надо продолжать. Но Германъ стоитъ на своемъ.

— Молчите, я хочу спрашивать.

И онъ вызоветъ кого-нибудь къ доскѣ. Одно спасеніе: выходитъ не вызванный, а кто-нибудь изъ постоянно занимающихся геометріей и бойко отвѣчаетъ на всѣ вопросы. А съ боку товарищи подсказываютъ Герману.

— Полковникъ, онъ хорошо отвѣчаетъ.

— Ты, братецъ, хорошо отвѣчаешь,—повторяетъ Германъ.

— Полковникъ, онъ отлично знаетъ геометрію.

— Ты, братецъ, отлично знаешь геометрію.

— Полковникъ, мы всѣ также хорошо знаемъ, будемъ лучше продолжать.

— Да, братцы, будемъ продолжать,—соглашается Германъ. И дѣло улажено.

Одинъ разъ какъ-то Германъ заупрямился до того, что, спросивъ одного, вызвалъ затѣмъ другаго, потомъ третьяго и четвертаго. Но такъ какъ въ классѣ было всего трое всегда знавшіе все, что было пройдено, то на вызовъ четвертаго вышелъ опять одинъ изъ отвѣчавшихъ. Германъ какъ будто замѣтилъ.

— Да ты, братецъ, кажется, уже отвѣчалъ?

— Нѣтъ, полковникъ, вы только-что меня вызвали.

— Странно, ты, должно быть, похожъ на другаго.

На этомъ онъ и успокоился.

Инженеръ-капитанъ Паукеръ [1]) отличался крайней неаккуратностью въ своихъ занятіяхъ. Курсъ высшей алгебры въ 3-мъ спеціальномъ классѣ былъ обширный и трудный, а онъ пропускалъ бо́льшую часть своихъ уроковъ, черезъ что̀ во̀-время не оканчивалъ курсъ и самую трудную часть, интегральное исчисленіе, проходилъ во время нашихъ экзаменовъ, такъ что мы не имѣли возможности повторять пройденное и не сдѣлали ни одной задачи. Результатомъ такого преподаванія вышло слабое знаніе нами интегральнаго исчисленія, и когда я вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей поступилъ въ Артиллерійскую академію, то мы не въ состояніи были слѣдить за курсомъ академіи, гдѣ большая часть преподаваемыхъ наукъ была основана на интегральномъ исчисленіи. Три года такимъ образомъ преподавалъ Паукеръ въ 1-мъ корпусѣ и только послѣ третьяго года сдѣлалъ честный шагъ, отказался отъ уроковъ, да и то обидѣвшись на Лихонина, который прямо сказалъ ему, что изъ-за его пропусковъ ученики ничего не знаютъ изъ математики.

Исторію преподавалъ у насъ въ среднихъ классахъ Твелькмейеръ, а въ старшихъ В. П. Макинъ. Твелькмейеръ былъ лѣнивъ, уроки пропускалъ часто (сравнительно съ другими), никогда къ нимъ не готовился, а пока воспитанникъ отвѣчаетъ, онъ бралъ записки и прочитывалъ по нимъ то, что ему надо было объяснить намъ къ слѣдующему уроку. В. П. Макинъ наоборотъ былъ очень усерденъ и хорошо намъ читалъ новую исторію. Преподаваніе исторіи происходило по литографированнымъ записямъ, разсылавшимся по корпусамъ черезъ главный штабъ военно-учебныхъ заведеній.

По поводу составленія этихъ записокъ я слышалъ уже впослѣдствіи, когда самъ служилъ преподавателемъ въ 1-мъ корпусѣ, отъ самого Макина слѣдующій небезынтересный и весьма характерный разсказъ. За-

[1]) Впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

писки составлялись, по распоряженію Якова Ивановича Ростовцева, слѣдующими преподавателями исторіи: 1-го корпуса—В. П. Макинымъ, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ—Шакѣевымъ и профессоромъ академіи генеральнаго штаба—Иваномъ Шульгинымъ. Онѣ писались согласно основаніямъ, указаннымъ въ извѣстномъ Наставленіи Ростовцева [1]). Составленныя записки поступали на цензуру къ инспекторамъ классовъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ составители находились на службѣ. В. П. Макину было поручено составить записки по древней исторіи; говоря о Греціи, Макинъ указалъ, что образъ правленія тамъ былъ республиканскій,—н а и л у ч ш і й для этого государства, раздѣленнаго на отдѣльныя небольшія части. Послѣ цензуры инспектора классовъ, записки отсылались въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, а Я. И. Ростовцевъ отправлялъ ихъ на просмотръ и одобреніе въ 3-е отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи. Записки Макина были возвращены въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, съ отмѣткою краснымъ карандашемъ противъ вышеприведенныхъ мѣстъ. Яковъ Ивановичъ тотчасъ же послалъ за инспекторомъ классовъ 1-го корпуса А. Я. Кушакевичемъ и за В. П. Макинымъ, и оба они, въ теченіе слишкомъ полчаса, должны были, молча, выслушивать много непріятностей, высказанныхъ горячимъ Яковомъ Ивановичемъ. Затѣмъ, записки были возвращены Макину и другимъ составителямъ для болѣе тщательнаго пересмотра, а инспектора классовъ, въ глазахъ Якова Ивановича, потеряли кредитъ, и цензура была возложена на директоровъ. Такимъ образомъ, записки Макина уже цензуровалъ О. С. Лихонинъ, записки Шакѣева—директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ — Сутгофъ [2]), кто цензуровалъ записки Шульгина, я теперь не помню.

Въ спеціальныхъ классахъ читалъ намъ статистику (въ 1-мъ спеціальномъ классѣ — Европы, во 2-мъ — Россіи) Соколовскій, человѣкъ очень умный и знавшій свое дѣло, умѣвшій своимъ краснорѣчивымъ чтеніемъ заинтересовать воспитанниковъ. Будучи очень малъ ростомъ, Соколовскій съ особымъ неудовольствіемъ относился къ кадетамъ высокимъ и нерѣдко острилъ на счетъ высокаго роста. Кадеты часто кричали ему изъ-за двери: «маленькій», на что онъ спокойно отвѣчалъ: «большой, да глупъ». Въ концѣ 1853—1854 учебнаго

---

[1]) Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Высочайше утверждено 24-го декабря 1848 года. Спб. 1849 г. Книга эта не находится и, кажется, никогда не находилась въ продажѣ, а въ большомъ числѣ экземпляровъ хранилась въ каждомъ корпусѣ.

[2]) Генералъ Сутгофъ даже прочелъ извѣстныя историческія сочиненія Капфига (Capefigue) и послѣ этого постоянно вставлялъ въ разговоръ фамилію прочитаннаго автора, почему и ему самому дали кличку К а п ф и г ъ, которую кадеты постоянно ему выкрикивали.

года Соколовскій внезапно умеръ, а на его мѣсто поступилъ Самойловичъ, далеко уступавшій Соколовскому и въ знаніи предмета, и въ краснорѣчіи, такъ что любовь къ статистикѣ стала въ воспитанникахъ ослабѣвать.

Естественную исторію читали два учителя: Зельгеймъ (бывшій впослѣдствіи директоромъ, кажется, гимназіи человѣколюбиваго общества) и Станиславъ Осиповичъ Жолкевичъ; оба они, а въ особенности послѣдній, были преданы своему дѣлу, что̀ отражалось и на ученикахъ, такъ что въ общихъ классахъ воспитанники почти поголовно занимались составленіемъ гербаріевъ. Жолкевичъ отличался также умѣніемъ говорить, при чемъ нерѣдко привиралъ въ своихъ разсказахъ о наблюденіяхъ надъ животными и своихъ путешествіяхъ.

Въ старшихъ классахъ физику, химію и физическую географію читалъ Николай Ивановичъ Черухинъ, человѣкъ очень умный и способный, но до крайности лѣнивый. Являясь на уроки, онъ постоянно занимался разговорами съ воспитанниками или разсказами анекдотовъ, нерѣдко нескромнаго свойства. Онъ никогда никого не спрашивалъ и, такъ какъ по физикѣ учебника тогда не было и мы сами составляли за нимъ записки, то должны были сами побуждать его перейти отъ разговоровъ къ дѣлу. Только постоянными напоминаніями намъ удавалось заставить его, хотя полчаса (изъ полуторачасоваго урока) прочесть намъ нѣсколько изъ физики; несмотря на эти побужденія, онъ не каждый годъ успѣвалъ окончить курсъ по программѣ. Однажды, въ разговорѣ съ воспитанниками, Черухинъ узналъ, что у воспитанниковъ хранится альбомъ съ карикатурными рисунками на всѣхъ служащихъ, онъ просилъ показать ему альбомъ, и воспитанники, выдѣливъ его карикатуру, показали ему; Черухинъ много смѣялся, находилъ рисунки очень остроумными и затѣмъ спросилъ, почему же здѣсь нѣтъ его. Когда же воспитанники сказали, что они не хотятъ ему показать, то онъ приставалъ съ просьбой показать, давая слово, что это его не обидитъ. Послѣ усиленной его просьбы, воспитанники показали ему его изображеніе и, несмотря на данное слово, Черухинъ оскорбился, что̀ и выразилъ на словахъ. Изображенъ Черухинъ былъ въ видѣ шарманщика, который одной рукой вертитъ ручку шарманки, а другой указываетъ на сидящую на шарманкѣ обезьяну и говоритъ: «вотъ, господа, посмотрите на этого субъекта» (любимое слово Н. И.).

Законовѣдѣніе военное и гражданское преподавалъ Добровольскій, человѣкъ, отличавшійся необыкновенной толщиной и большими на выкатѣ глазами, которыми, впрочемъ, дурно видѣлъ: близорукъ онъ былъ въ такой сильной степени, что буквально мазалъ носомъ книгу, когда читалъ. Подобно Черухину, Добровольскій мало занимался въ классѣ и больше проводилъ время въ разсказахъ анекдотовъ, впрочемъ,

всегда приличныхъ. Уроки задавалъ намъ по учебнику, имъ же составленному. Говорилъ Добровольскій хорошо, и нѣкоторые уроки его, состоявшіе въ разсказѣ о розыскахъ виновныхъ въ различныхъ уголовныхъ дѣлахъ, доставляли намъ большое удовольствіе. Вмѣстѣ съ Черухинымъ и Макинымъ Добровольскій впослѣдствіи перешелъ на частную службу къ Демидову.

По военнымъ наукамъ у насъ были вообще хорошіе учителя. По тактикѣ генеральнаго штаба капитаны Зотовъ и Карцевъ. Первый изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ, какъ участникъ Плевненскаго боя, въ качествѣ корпуснаго командира и начальника штаба Румынской арміи. Карцевъ же умеръ командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа.

Въ 1855 году я окончилъ курсъ во 2-мъ спеціальномъ классѣ и имѣлъ право выйти изъ корпуса прапорщикомъ въ артиллерію или въ саперы, или въ армію подпоручикомъ; но остался еще на одинъ годъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ для приготовленія къ академіи.

По окончаніи нашихъ домашнихъ экзаменовъ, начались по всѣмъ предметамъ, до крайности тяготившіе насъ, вторичные экзамены—публичные. На этихъ экзаменахъ Я. И. Ростовцевъ былъ главнымъ лицомъ, затѣмъ приглашались академики и профессора университета, бывшіе главными наставниками-наблюдателями въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, также профессора и учителя военно-учебныхъ заведеній и члены Совѣта. На экзамены собирались воспитанники 3-го спеціальнаго класса всѣхъ петербургскихъ и московскихъ корпусовъ и юнкера артиллерійскаго и инженернаго училищъ, такъ что экзамены, начавшись въ 8 часовъ утра, тянулись безъ перерыва до третьяго или четвертаго часа. Экзамены публичные были уничтожены только за годъ до преобразованія кадетскихъ корпусовъ.

Первая мысль публичныхъ экзаменовъ принадлежала Я. И. Ростовцеву, который устроилъ ихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ для 2-го спеціальнаго класса и обратился къ бывшему тогда главному начальнику военно-учебныхъ заведеній великому князю Михаилу Павловичу съ просьбой осчастливить ихъ личнымъ присутствіемъ. Отъ одного изъ лицъ, служившихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ очень долго, съ начала тридцатыхъ годовъ, я слышалъ слѣдующій интересный разсказъ по поводу этихъ экзаменовъ. Хотя Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ Ростовцева, и согласился присутствовать на публичномъ экзаменѣ, но очень не охотно и видимо тяготился этимъ. Въ первый разъ экзаменъ былъ назначенъ изъ русской словесности и математики. Михаилъ Павловичъ вызвалъ троихъ воспитанниковъ, которые должны были писать сочиненіе, и троихъ для отвѣта по математикѣ.

Послѣ каждаго отвѣтившаго Михаилъ Павловичъ подзываетъ къ

себѣ Я. И. Ростовцева и видимо выражаетъ желаніе уѣхать. Ростовцевъ уговариваетъ остаться. Но такъ какъ нетерпѣніе Михаила Павловича съ каждымъ отвѣтомъ возрастало и онъ дѣлался все суровѣе, то, послѣ третьяго призыва, Я. И. сказалъ ему: «теперь можно» (уѣхать). Михаилъ Павловичъ быстро поднялся, за нимъ встали всѣ бывшіе въ залѣ; Михаилъ Павловичъ благодаритъ академиковъ, профессоровъ и преподавателей и говоритъ, что онъ съ своей стороны постарается имъ также доставить удовольствіе. Дня черезъ два Михаилъ Павловичъ отдаетъ приказъ: такого-то числа назначается парадъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній на Марсовомъ полѣ, присутствовать на которомъ приглашаются всѣ преподаватели и главные наставники-наблюдатели кадетскихъ корпусовъ. Въ назначенный день погода стоитъ отличная, всѣ начали одѣваться, но вдругъ разсылаются повѣстки, что парадъ отмѣняется до слѣдующаго дня. На другой день повторяется то же, на третій день—то же, наконецъ, на четвертый день погода сомнительная, каждую минуту надо ждать дождя, всѣ ждутъ отмѣны парада, но время идетъ, а отмѣны нѣтъ; нечего дѣлать,—всѣ одѣваются, съѣзжаются на Марсово поле къ половинѣ десятаго. Тучи усиливаются, начинаетъ накрапывать дождь, наставники-наблюдатели и преподаватели ищутъ, куда бы спрятаться, но вдругъ махальные закричали: его императорское высочество изволитъ ѣхать. Всѣ выстроились, профессора и преподаватели впереди, Остроградскій на правомъ флангѣ. Великій князь пріѣхалъ и, хотя дождь началъ усиливаться, медленно объѣхалъ строй и приказываетъ проходить церемоніальнымъ маршемъ, при этомъ обращается къ преподавателямъ, профессорамъ и академикамъ: «господа, пожалуйте сюда, благодарю васъ за доставленное мнѣ на экзаменѣ удовольствіе, позвольте мнѣ теперь доставить вамъ удовольствіе на моемъ экзаменѣ». Воспитанники, подъ проливнымъ дождемъ, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо великаго князя, сзади котораго стояли приглашенные. Такъ отплатилъ великій князь за то, что его заставили провести нѣсколько часовъ на экзаменѣ!..

Во время публичныхъ экзаменовъ одно обстоятельство заставило меня выйти изъ корпуса въ тотъ полкъ, въ который я самъ никогда бы не вышелъ. Библіотекарь корпуса, капитанъ Бойсманъ, два раза писалъ записки моему ротному командиру — фонъ-деръ-Вейде, чтобы онъ передалъ мнѣ, что въ опредѣленный имъ часъ онъ будетъ ожидать меня съ тѣми книгами, которыя я взялъ изъ библіотеки для обязательныхъ своихъ сочиненій. Съ свойственной ему безпечностью, фонъ-деръ-Вейде забылъ объ этихъ запискахъ. Между тѣмъ Бойсманъ, не предполагая, чтобы записки эти не доходили до меня, приписалъ несдачу мною книгъ моей неисполнительности и моему невниманію къ

его требованіямъ и написалъ третью записку съ различными угрозами; эта записка была привезена разсыльнымъ прямо ко мнѣ. Я тотчасъ собралъ всѣ книги и отнесъ ихъ къ Бойсману, при этомъ сказалъ ему, что, не получивъ первыхъ двухъ записокъ, я былъ удивленъ, когда въ ней упоминалось о какихъ-то другихъ запискахъ. Слово «удивленъ» почему-то показалось Бойсману обиднымъ; онъ пожаловался инспектору—полковнику Линдену.

Во время моего разговора съ Линденомъ пришелъ Бойсманъ; дѣло объяснилось и уже окончилось; но въ это время вошелъ директоръ Лихонинъ. Онъ приказалъ выпустить меня вмѣсто гвардіи, куда я по экзамену имѣлъ право выйти,—въ артиллерію. Двѣ недѣли я прожилъ въ увѣренности, что меня выпустятъ въ артиллерію, но за три дня до выпуска Лихонинъ объявилъ мнѣ прощеніе, при этомъ оказалось, что въ представленіи, посланномъ въ главный штабъ, я былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ.

16-го іюня государь императоръ, послѣ сдѣланнаго имъ смотра воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, поздравилъ насъ съ офицерскимъ чиномъ. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ подзывалъ затѣмъ къ себѣ по очереди каждаго изъ насъ, цѣловался съ нами и вручалъ при этомъ приказъ о производствѣ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ дополнить характеристику нѣкоторыхъ лицъ, служившихъ въ то время въ корпусѣ.

О дѣятельности директора корпуса Ореста Семеновича Лихонина въ моихъ запискахъ сказано достаточно; что касается его душевныхъ качествъ, то мы, кадеты, считали его человѣкомъ крайне сухимъ, дежурные же офицеры почти поголовно его не любили, считая его гордецомъ, черствымъ эгоистомъ, нисколько не входящимъ въ ихъ положеніе. Онъ охотно слушалъ сплетни на кадетъ и служащихъ.

Даромъ слова Лихонинъ не владѣлъ совершенно, и потому никогда никто изъ насъ не слышалъ его рѣчей, обращенныхъ къ классу или къ ротѣ.

Инспекторомъ классовъ, при моемъ поступленіи въ корпусъ былъ дѣйств. статскій совѣтникъ Александръ Яковлевичъ Кушакевичъ. Въ классы онъ заходилъ очень рѣдко и всегда на нѣсколько минутъ. Придетъ на урокъ математики, обратится къ учителю:

— Что какъ отвѣчаютъ?

— Не очень хорошо.

— Ха! Ха!—говоритъ Кушакевичъ, повернувшись къ классу,—трудно, не могу учиться? Грешневку ѣсть могу (при сильно малороссійскомъ акцентѣ, выходило такъ: хрешнеуку истъ моху), ароматный сбитень пить могу, а математики учиться не могу? Срамъ, срамъ, а всему мы виноваты, мы виноваты.

Кто это мы, для насъ, воспитанниковъ, это никогда не разъяснилось. Прочелъ Кушакевичъ въ классномъ журналѣ запись учителя: «Поповъ и Титовъ шалили», приходитъ въ классъ и поетъ: «и Поповъ и Титовъ не поѣдутъ со двора».

Послѣдній годъ пребыванія своего въ корпусѣ Кушакевичъ поднялъ гоненіе на тетради и книги на классныхъ столахъ. Онъ сталъ требовать, чтобы классные столы были всегда чисты и на нихъ бы ничего не лежало. Но такъ какъ учителя на это не обращали вниманія, то приказаніе Кушакевича исполнялось только тогда, когда воспитанники увидятъ Кушакевича, или услышатъ его голосъ въ классномъ корридорѣ. Тогда все прибирается со столовъ, и Кушакевичъ, заглянувъ въ классное окно, очень довольный отходитъ прочь. Если же онъ подошелъ къ окну нечаянно, такъ что воспитанники его не замѣтили раньше, то онъ тотчасъ идетъ въ классъ; но въ это время книги и тетради быстро прячутся, и когда онъ входитъ, всѣ столы уже чисты.

— Спрятали,—говоритъ онъ,—вотъ такъ чтобы всегда было; этого нельзя дозволять, нельзя дозволять.

Эта исторія повторялась безпрестанно, иногда по нѣсколько разъ въ день въ различныхъ классахъ.

Кушакевичъ былъ крайне честолюбивъ, ему все казалось, что дежурные офицеры, которые при входѣ его въ классный корридоръ рапортовали ему,—относятся къ нему не съ должнымъ уваженіемъ. Часто мы, кадеты, слышали замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ дежурнымъ офицерамъ.

Въ 1852 году Кушакевичъ былъ назначенъ членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній, а должность инспектора 1-го корпуса получилъ капитанъ Линденъ. Устроилъ это Кушакевичу Лихонинъ, который нѣсколько лѣтъ хлопоталъ о замѣнѣ Кушакевича другимъ лицомъ.

Въ молодости своей Кушакевичъ былъ извѣстнымъ учителемъ математики; онъ написалъ очень хорошіе для своего времени учебники по различнымъ отдѣламъ математики (вмѣстѣ съ Киндеревымъ), былъ учителемъ математики великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.

Константинъ Александровичъ Линденъ былъ образованнымъ и дѣятельнымъ инспекторомъ классовъ въ теченіе десяти лѣтъ. Въ 1861 году, въ чинѣ генералъ-маіора, Линденъ былъ назначенъ директоромъ корпуса въ Омскѣ.

Священникомъ корпуса при моемъ поступленіи былъ протоіерей Раевскій, человѣкъ умный и многосторонне образованный, обладавшій краснорѣчіемъ; многія изъ проповѣдей его были имъ прекрасно произнесены и произвели на кадетъ впечатлѣніе. Раевскій былъ очень высокаго роста, плотный мужчина, говорилъ съ особымъ семинарскимъ

выговоромъ на *о*; онъ имѣлъ привычку бранить воспитанниковъ словомъ «о к а я н н ы й».

Вмѣсто Раевскаго, въ 1850 году, былъ назначенъ въ 1-й корпусъ, только-что рукоположенный священникъ Бенедиктовъ, который отличался безпримѣрной добротой; во все время пребыванія въ заведеніи Бенедиктова (въ теченіе 15-ти лѣтъ) никогда никто не видѣлъ не только гнѣвающимся, но даже на лицѣ его никогда не бывало и тѣни неудовольствія. Это удивительное добродушіе Бенедиктова располагало воспитанниковъ, которые относились къ нему съ полною откровенностью.

Батальоннымъ командиромъ въ корпусѣ былъ полковникъ Владиміръ Степановичъ Малевичъ, человѣкъ, говорившій о фронтѣ и никогда ни о чемъ болѣе. Воспитанники его не любили, называли С ы ч е м ъ, на котораго онъ былъ очень похожъ своими круглыми глазами и острымъ носомъ. Малевичъ очень хорошо зналъ свою кличку и когда бывало въ лагеряхъ слишкомъ долго держалъ воспитаанниковъ и ученьѣ, то достаточно было, чтобы въ двухъ мѣстахъ раздался тихій возгласъ: «Сычъ», чтобы онъ тотчасъ прекратилъ ученье.

В. Г. Фонъ-Вооль.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

Осквернение православнаго храма евреемъ.

4-го сентября 1850 года обыватели города Балты были взволнованы необычайнымъ происшествіемъ: сынъ мѣстной еврейки-мѣщанки, Абрамко Хворостянскій, во время заутрени, стремительно вбѣжалъ въ православный соборъ и, испражнившись на церковномъ помостѣ, на разстояніи 1 аршина отъ порога, къ сторонѣ западныхъ дверей, попытался скрыться, но былъ задержанъ. Единовѣрцы приложили старанія къ тому, чтобы выдать его за сумасшедшаго. Юноша, на первыхъ порахъ, отказался отъ дачи показаній, но товарищамъ по острогу созиался, что былъ подговоренъ содержателемъ заѣзжаго дома Хуссидомъ Гершемъ Шапиръ.

Домъ Шапира стоялъ вблизи храма. Хуссиду былъ нестерпимъ колокольный звонъ; онъ будто-бы надѣялся на то, что оскверненный храмъ закроютъ. Хворостянскій явился послушнымъ въ его рукахъ орудіемъ и удовольствовался всего лишь однимъ полтинникомъ, на который первые дни покупалъ себѣ въ острогѣ булки.

Сестра Абрамки, якобы, и сама хвалилась совершить нѣчто подобное тому, что̀ сдѣлалъ братъ. На-ряду съ обвиненіемъ Шапира, среди балтскихъ христіанъ прошла молва, будто осквернение храма было слѣдствіемъ того, что торговецъ-еврей купилъ у солдата краденное сало, оказавшееся не гусинымъ, а собачьимъ (чего, впрочемъ, солдатъ не зналъ, найдя то сало въ горшечкѣ, въ одной мастерской). Невольные потребители сабачьяго сала предъ суднымъ днемъ рѣшились отомстить христіанамъ, увѣренные въ томъ, что продавецъ-солдатъ имѣлъ злой умыселъ.

По доведеніи до свѣдѣнія его величества подробностей дѣла, государь высочайше повелѣть соизволилъ отдать еврея Хворостянскаго въ вѣчные арестанты, а мать и сестру его, по подозрѣнію въ знаніи объ умыслѣ его, выдержать подъ арестомъ годъ.

(Ежели откроется въ томъ удостовѣреніе—то оставить въ заключеніи не менѣе 3-хъ лѣтъ).

По истеченіи года обѣ женщины освобождены.

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ) [1]).

Пройдетъ еще пять лѣтъ, и настанетъ двухсотлѣтіе со дня Полтавской битвы, событія, имѣвшаго большое значеніе въ исторіи русскаго народа. Думаемъ, что все, относящееся къ этому событію, имѣетъ интересъ. Въ настоящей статьѣ мы остановимся на заботахъ о Шведской могилѣ въ началѣ прошлаго вѣка и на пожертвованіи Судіенка.

Шведская могила отстоитъ отъ Полтавы въ пяти верстахъ. Это большой курганъ, гдѣ, при участіи самого Петра Великаго, погребены русскіе воины, павшіе въ Полтавскомъ сраженіи. Могила эта до начала прошлаго столѣтія не была предметомъ заботъ ни правительства, ни общества. Впервые на нее обратилъ вниманіе первый малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ, установившій здѣсь совершеніе торжественной панихиды, 26-го іюня, наканунѣ дня самаго сраженія. Преемникъ его, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, пожелалъ устроить около могилы храмъ, о чемъ и сообщилъ тому же самому князю Куракину, занимавшему тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ. «Случай довершенія монумента Полтавской побѣды,—писалъ онъ,—(здѣсь онъ разумѣетъ памятникъ, сооруженный въ Полтавѣ по случаю столѣтія битвы), позволяетъ заняться дать и самому мѣсту той уважительной печности, коею государь императоръ увѣнчиваетъ память

---

[1]) Составлено на основаніи дѣла архива Полтавскаго губернскаго правленія, по описи № 402, 1809 г., на 279 листахъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы указываемъ страницы и листы изъ этого дѣла.

августѣйшаго предка своего, почему и нахожу нужнымъ представить нѣкоторыя мѣстныя соображенія и чертежъ предположенія исполнить удобнаго». Далѣе онъ предлагаетъ построить храмъ во имя св. Петра и Павла или Самсонія, «яко патрона дня той знаменитой баталіи», и при немъ домъ для инвалидовъ, на 25 человѣкъ, которые бы охраняли этотъ храмъ. На самой же могилѣ онъ предполагалъ поставить бронзовый крестъ, «ибо изъ преданіевъ извѣстно, что въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, по совершеніи церковнаго обряда надъ павшими тѣлами, воздвигнулъ тогда же собственноручно деревянный крестъ». Желаніе князя не осуществилось. Оно совпало съ заботами правительства устроить въ Россіи нѣсколько инвалидныхъ домовъ. Эти дома предполагалось устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Черниговѣ и Курскѣ. Когда этотъ проектъ былъ поднесенъ императору Александру I, то онъ выразилъ пожеланіе устроить, взамѣнъ этихъ пяти городовъ, инвалидный домъ на Шведской могилѣ. Но это также не осуществилось, за недостаткомъ средствъ [1]).

На помощь князю, въ осуществленіи его благаго намѣренія, явился тайный совѣтникъ Іосифъ Степановичъ Судіенко. Судіенко служилъ по почтовому вѣдомству и завѣдывалъ всѣми имѣніями и капиталами князя А. А. Безбородка, въ домѣ котораго онъ игралъ роль совѣтника и друга. Дослужился онъ до чина тайнаго совѣтника. Въ день своей коронаціи императоръ Павелъ пожаловалъ ему имѣніе въ Конотопскомъ уѣздѣ въ 600 дес., да самъ Безбородко, въ 1787 году, подарилъ ему шесть селъ. Словомъ, это былъ очень богатый человѣкъ. Онъ пожелалъ помочь князю, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и высказалъ ему свое желаніе дать 50 тысячъ на постройку этого храма.

Князь Лобановъ-Ростовскій поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ князя Куракина. «Не будетъ оно (т. е. это пожертвованіе) препятствіемъ предположенію, при лучшей удобности, помѣщенію инвалидовъ, а созидатель удовлетворится въ благомъ намѣреніи своемъ общеполезнаго дѣла. Въ воздаяніе чего, если удостоится онъ получить единую строку, изъявляющую монаршее ему благоволеніе, почтетъ себя счастливымъ». Получить монаршее благоволеніе желалъ самъ Судіенко, что̀ и высказалъ князю. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, отвѣтилъ «что постарается сдѣлать все къ приведенію къ должному окончанію столь богоугоднаго дѣла къ чести и славѣ соорудителя такого храма» [2]). Судіенко получилъ желаемое. 1-го августа 1811 года онъ былъ удостоенъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Господинъ тайный совѣтникъ Судіенко.

---

[1]) Отношеніе отъ 28-го іюня 1809 г., за № 2381.

[2]) 9-го ноября 1810 г., за № 14861.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе отношенія къ нему малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, довелъ до свѣдѣнія моего о желаніи вашемъ воздвигнуть собственнымъ вашимъ иждивеніемъ памятникъ съ церковью надъ курганомъ, близъ города Полтавы, на полѣ, гдѣ въ Бозѣ почивающимъ предкомъ моимъ, императоромъ Петромъ Великимъ, одержана надъ непріятелемъ побѣда. Столь достохвальное намѣреніе ваше, съ пожертвованіемъ весьма значущаго капитала, сохранить память сей знаменитой для Россіи побѣды есть для меня пріятнымъ доказательствомъ примѣрной вашей къ отечеству преданности, исполняющей васъ толикою любовью къ пользѣ и славѣ онаго. И потому я особливымъ удовольствіемъ поставляю себѣ удостовѣрить васъ черезъ сіе въ совершенномъ моемъ къ вамъ благоволеніи. Александръ» [1]).

Этотъ рескриптъ Судіенко получилъ незадолго до своей кончины, остался имъ доволенъ и, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ его, пожертвовалъ еще 50 тысячъ, о чемъ и заявилъ своему душеприкащику графу И. В. Завадовскому. Это пожертвованіе не вошло въ его духовную, которая была составлена въ 1808 году. Князь Лобановъ-Ростовскій, получивъ извѣщеніе отъ Судіенка о желаніи его пожертвовать на храмъ 50 тысячъ, предписалъ хорунжему стародубскому получить ихъ отъ Судіенка, что̀ онъ и сдѣлалъ. Деньги эти были помѣщены въ стародубскомъ казначействѣ. Завѣщанныя же другія 50 тысячъ Завадовскій внесъ въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія [2]). Такъ образовался капиталъ Судіенка въ 100 тысячъ, давшій возможность, хотя и поздно, но все-таки устроить храмъ на могилѣ.

Капиталъ этотъ въ 1812 году былъ отданъ на «подкрѣпленіе казенной палатѣ» для покупки воловъ въ армію. Правительство ассигновало на этотъ предметъ 100 тысячъ, но деньги еще не были отпущены, а потому и было разрѣшено пользоваться капиталами приказа общественнаго призрѣнія [3]). Въ 1831 году казна разсчиталась съ приказомъ, и всѣ деньги были ему возвращены.

Проектъ храма былъ составленъ въ Петербургѣ архитекторомъ Стасовымъ [4]). Но смѣта его была слишкомъ велика. Стасовъ предполагалъ сдѣлать надъ могилой сводъ, большія арки, площадки, а также карнизы, и все это изъ гранита. Полъ въ храмѣ долженъ быть мраморный. Помимо этого, Стасовъ предполагалъ поставить четыре статуи, а

---

[1]) Дѣло, стр. 16.

[2]) 1802 г., № 804, л. 30.

[3]) 12-го іюня 1812 г. № 1207, л. 39, и № 241, л. 40.

[4]) Василій Петровичъ Стасовъ (1769†1848) былъ придворнымъ архитекторомъ. Въ 1811 г. за планы и фасады храма на Шведской могилѣ былъ удостоенъ Академіею художествъ званія академика.

равно трофеи и фигуры въ барельефахъ изъ бронзы; надъ куполомъ крестъ съ глобусомъ изъ мѣди, съ позолотой черезъ огонь. Естественно, что такой проектъ требовалъ большихъ затратъ. По смѣтѣ Стасова необходимо было на это полмилліона. Этотъ проектъ понравился императору Александру, и онъ утвердилъ его, но, въ виду большой стоимости, предложено было другому архитектору Гваренги составить смѣту, а Стасову повелѣно, «чтобы свою апробованную мысль привелъ только въ размѣръ проекта Гваренги». Всѣ эти проекты и смѣты были отосланы князю Лобанову для соображенія, но князь Лобановъ медлилъ; это вызвало въ 1815 г. запросъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о постройкѣ храма. Началась переписка, при томъ очень долгая и осложнившаяся интереснымъ эпизодомъ. Князь Лобановъ въ своемъ отвѣтѣ министру писалъ, что онъ лично докладывалъ императору еще въ 1812 году, «дабы благоволилъ до начатія того дѣла разрѣшить испытать о той же матеріи мысль Гваренги, на что̀ послѣдовало высочайшее соизволеніе, что ему отъ меня и сообщено; но были-ли тѣ бумаги ему представлены, осталось то мнѣ неизвѣстнымъ». Но министръ не признавалъ нужды въ томъ, чтобы спрашивать мнѣнія Гваренги о постройкѣ, и, въ свою очередь, спрашивалъ князя, для какой цѣли ему нужно было «знаніе мысли о семъ Гваренги и нужно-ли требовать отъ него отзыва» [1]). Но отвѣтъ на это пришлось дать уже преемнику князя Лобанова, князю Н. Г. Репнину. Князь Репнинъ иначе посмотрѣлъ на дѣло. Князь Лобановъ почему-то медлилъ, не хотѣлъ приступить ни къ составленію смѣты стоимости матеріала, изслѣдованію грунта могилы и т. п., а князь Репнинъ вообще относился къ этому дѣлу равнодушно и не сочувствовалъ ему. Онъ началъ собирать справки, и оказалось, что плановъ, присланныхъ Лобанову, нѣтъ при дѣлахъ, а они остались у него. На запросъ министра кн. Репнинъ могъ отвѣтить только въ сентябрѣ 1818 года, т. е. спустя два года послѣ того, какъ получилъ этотъ запросъ.

Лобановъ отвѣчалъ, что, согласно проектамъ, сдѣланнымъ архитекторами Гваренги и Стасовымъ, потребуется по крайней мѣрѣ втрое больше той суммы, какая была въ капиталѣ Судіенка. Но плановъ и чертежей кн. Лобановъ не прислалъ. Послѣ долгой переписки выяснилось, что кн. Лобановъ всѣ эти планы передалъ графу В. П. Кочубею. Это было уже въ 1827 году [2]). Капиталъ же Судіенка возросъ за это время до 200 тысячъ руб. асс. Конечно, вполнѣ возможно было построить храмъ и на эти деньги, но не по смѣтамъ и плану Стасова, гдѣ требо-

---

[1]) 21-го февраля 1816 г., л. 14.

[2]) См. письмо отъ 11-го мая 1827 г.

вались гранитъ, бронза, чугунъ и т. п.; все же это приходилось въ то время привозить за сотни верстъ, а гранитъ съ далекаго сѣвера. Надо сказать, что князь Репнинъ въ это время былъ озабоченъ учрежденіемъ въ Полтавѣ кадетскаго корпуса, о чемъ очень усердно хлопоталъ. На учрежденіе корпуса средствъ нужно было много; помимо пособій, полученныхъ отъ дворянскаго сословія, необходимы были еще средства на постройку зданія, квартиръ для служащихъ. Князю Репнину пришла мысль испросить высочайшее повелѣніе употребить капиталъ Судіенка на «устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса», чѣмъ уничтожалась самая цѣль пожертвованія и нарушалась воля завѣщателя, которая должна быть священна для тѣхъ, кто принимаетъ пожертвованія. Но Репнинъ иначе смотрѣлъ на это и лично просилъ императора Николая I, что̀ видно изъ его отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Закревскому. Репнинъ писалъ, что имъ «сдѣлано всеподданнѣйшее представленіе и хотя его императорскому величеству благоугодно было изъявить словесно высочайшее свое соизволеніе на предположеніе, но предписанія по сему мною еще не получено» [1]). Въ ожиданіи отвѣта, князь Репнинъ ничего не предпринималъ, хотя и была образована въ Полтавѣ коммиссія изъ семи человѣкъ съ предсѣдателемъ Дьяковымъ [2]) во главѣ, для разработки проекта, съемки плана мѣстности, изслѣдованія грунта и т. п. Отвѣтъ на ходатайство князя Репнина послѣдовалъ только въ мартѣ 1831 года. Императоръ Николай не согласился на предположенія Репнина, находя, что «это было бы несправедливо» [3]). Надо замѣтить, что шелъ уже двадцатый годъ съ того времени, когда было принято пожертвованіе Судіенка. Но министерство внутреннихъ дѣлъ все-таки продолжало запрашивать о ходѣ дѣла; запросилъ сначала управляющій министерствомъ Новосильцовъ, а затѣмъ и самъ министръ, графъ Блудовъ. Князь не замедлилъ отвѣтомъ, но теперь явился съ новымъ проектомъ, который, какъ и первый, не согласовался съ волею завѣщателя. Кн. Репнинъ находилъ, что капитала, пожертвованнаго Судіенкомъ, недостаточно (его было въ то время 220 тысячъ), такъ какъ на постройку потребуется 500 тысячъ, да на покупку земли около могилы, для образованія площади, нужны также средства, и безъ пособія правительства князь Репнинъ находилъ невозможнымъ исполнить волю завѣщателя. Сверхъ того, устройство самаго храма князь находилъ неудобнымъ.

«Храмъ этотъ,—писалъ князь,—какъ отстоящій отъ Полтавы въ пяти верстахъ и нахожденіе храмовъ въ ближайшихъ къ оному селеніяхъ не только не можетъ имѣть прихода, но едва-ли найдутся и молель-

---

[1]) 6-го апрѣля 1829 г. № 1344.

[2]) Дьяковъ былъ впослѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты.

[3]) 1831 г. № 963, л. 126.

щики, развѣ въ храмовой праздникъ, слѣдовательно, для содержанія какъ храма, такъ и церковнослужителей для онаго, должно будетъ внести также капиталъ въ государственныя кредитныя установленія». «По всѣмъ симъ уваженіямъ полагаю я,—заканчиваетъ князь,—невозможнымъ привести нынѣ въ исполненіе завѣщанія тайнаго совѣтника Судіенка и составлять смѣту на будущее время безполезно, ибо цѣны на все необходимое измѣнятся». Припоминая указъ Петра Великаго о построеніи, въ память Полтавской викторіи, мужскаго монастыря, князь Репнинъ предлагалъ,—думая, что этимъ будетъ выполненъ завѣтъ Петра,—употребить капиталъ Судіенка на улучшеніе Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря (находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шведской могилы), пристроивъ къ собору два придѣла, одинъ во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, а другой во имя преподобнаго Сампсонія Страннопріимца (Петропавловскій монастырь и долженъ быть, по завѣту Петра, съ придѣломъ Сампсонія), а на самой могилѣ устроить чугунную вокругъ ея ограду, обсадить ее тополями, а при входѣ построить часовню отъ этого монастыря [1]). Этотъ второй проектъ князя не былъ утвержденъ, такъ какъ являлся нарушеніемъ воли завѣщателя. Графъ Блудовъ отвѣчалъ князю, что, «при всей удобности и приличіи, не можетъ быть приведено въ дѣйствіе» и предлагалъ сократить смѣту въ предѣлахъ имѣющихся средствъ и приступить къ постройкѣ храма [2]).

Самая постройка храма нѣсколько затормозилась, помимо несочувствія князя, эпизодомъ, который раскрываетъ намъ архивъ. І. С. Судіенко скончался 4-го декабря 1811 года, оставивъ большое состояніе ему воспитаннику, усыновленному повелѣніемъ Александра I и принявшему фамилію Судіенко [3]). Въ годъ смерти Судіенка наслѣднику его было девять лѣтъ, и, понятно, нужна была опека по управленію имѣніями. Духовнымъ завѣщаніемъ І. С. Судіенко опекунами малолѣтняго назначилъ: графа В. П. Кочубея, своего благодѣтеля которому обязанъ былъ чинами, орденами и помѣстьями, графа И. А. Безбородка, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго и графа И. В. Завадовскаго. Но изъ этихъ четырехъ опекуновъ графъ Кочубей тотчасъ же отказался, графъ Безбородко скоро скончался (1815 г.); остались двое: кн. Лобановъ-Ростовскій и графъ Завадовскій. Наиболѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія опеки принималъ графъ Завадовскій, такъ какъ

[1]) 20-го мая 1832 г., № 2422.

[2]) 1832 г., № 472, л. 152.

[3]) Михаилъ Іосифовичъ Судіенко († 1872) служилъ въ кирасирахъ; въ 1827—28 гг. былъ адъютантомъ графа А. Х. Бенкендорфа; затѣмъ до 1835 г. находился въ отставкѣ; съ 1835 по 1841 г. былъ новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства.

князь Лобановъ-Ростовскій занималъ до 1816 г. постъ малороссійскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ, бывъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Князь Лобановъ, вскорѣ же по учрежденіи опеки, далъ полный просторъ въ управленіи Завадовскому «по всѣмъ случаямъ, гдѣ ни залога, ни займа, ни продажи не оказывается нужнымъ» [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. служившій въ канцеляріи князя Репнина Адріанъ Лантуховъ, бывшій секретаремъ у Лобанова-Ростовскаго, подалъ князю оффиціальную бумагу, въ которой сообщалъ, что изъ сохранившейся у него «партикулярной переписки» кн. Лобанова-Ростовскаго съ гр. Завадовскимъ видно, что покойный Судіенко, за четыре дня до своей кончины, пожертвовалъ на Шведскую могилу еще сто тысячъ, сверхъ пожертвованныхъ имъ ранѣе. Вмѣстѣ съ этимъ Лантуховъ представилъ письмо, въ которомъ Завадовскій сообщалъ князю о смерти Судіенка, и записку на четвертушкѣ простой бумаги. Записка эта была безъ подписи, но впослѣдствіи, при дознаніи объ этихъ деньгахъ, ни наслѣдникъ покойнаго Судіенка, ни сама опека не усомнились въ ея подлинности, а наслѣднику Судіенка, М. І. Судіенку, штабсъ-ротмистру лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка, конечно, былъ хорошо знакомъ почеркъ его опекуна, отъ котораго онъ лично принималъ наслѣдство въ 1827 году, когда ему исполнилось 25 лѣтъ. Да и сравнивая почеркъ этой записки съ подписью графа, нельзя усомниться, чтобы она была не подлинна. Приводимъ эту небольшую записку:

«Людей нѣкоторыхъ велѣлъ покойникъ отпустить на волю, а прочихъ наградить деньгами. На Полтавскую могилу прибавилъ еще сто тысячъ. Это оставляю исполнить до пріѣзду вашего сіятельства въ Малороссію, ибо есть такого много, что̀ должно рѣшить съ общаго совѣта. Лошадей много есть, которыхъ, почитаю, и не нужно держать до возрасту наслѣдника, то таковая статья требуетъ рѣшимости, но все сіе удобнѣе будетъ на мѣрахъ положить въ пріѣздъ вашъ сюда.

«Зима насъ не веселитъ, ибо частые дожди разстраиваютъ оную, какъ то и сими днями великій дождь согналъ и снѣгъ послѣдній. Суммы наличной осталось полтораста тысячъ, кромѣ векселей; оные хранятся въ цѣлости, кромѣ расходу на его поминовеніе, какову онъ особо отложилъ и означилъ на расходы разные» [2]).

Письмо Завадовскаго съ извѣщеніемъ о кончинѣ Судіенка и приложенная къ нему вышеприведенная записка были получены кн. Лобановымъ-Ростовскимъ въ декабрѣ 1811 года; но князь отвѣтилъ графу

---

[1]) Письмо кн. Лобанова-Ростовскаго, отъ 7-го мая 1812 года.

[2]) Л. 190 и слѣд.

только въ маѣ слѣдующаго года. Извиняясь за долгое молчаніе, чему причиной было много дѣлъ, князь писалъ: «При какомъ объявленіи наличныя деньги отправлены должны быть въ Московскій опекунскій совѣтъ, пріобщаю форму; дополнительныя на церковь выслать должно въ здѣшнее общественное призрѣніе (т. е. въ Приказъ), и то и другое черезъ почту, ибо полупроцентныя за пересылку удобнѣе заплатить, нежели рисковать другою какою-либо сюда пересылкою оныхъ» [1]).

Князь Репнинъ, получивъ сообщеніе Лантухова, въ томъ же мѣсяцѣ донесъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Блудову, распорядившись въ то же время о производствѣ дознанія. Изъ опекуновъ въ это время въ живыхъ былъ только графъ В. П. Кочубей, который, какъ мы сказали выше, отказался отъ опекунства еще при учрежденіи самой опеки. На сдѣланный ему запросъ графъ Кочубей отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно объ этомъ распоряженіи покойнаго Судіенка. Графъ Блудовъ предписалъ произвести тщательное дознаніе. «При всей неопредѣлительности сего случая,—писалъ онъ,—имѣя въ виду удостовѣреніе, заключающееся въ доставленной отъ васъ собственноручной запискѣ покойнаго графа И. В. Завадовскаго, состоявшаго также въ числѣ попечителей, что на сіе новое пожертвованіе воля Судіенка дѣйствительно была и способы къ исполненію сей воли, судя по извѣстной обширности оставшагося имущества, вѣроятно, остались, я нахожу, что обстоятельства сего нельзя оставить безъ вниманія» [2]). Началось разслѣдованіе дѣла, продолжавшееся пять лѣтъ. Предписаніе о дознаніи получилъ черниговскій губернаторъ, который, въ свою очередь, предписалъ заняться этимъ дѣломъ дворянскимъ опекамъ въ Стародубѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, а эти послѣднія запросили наслѣдника, штабсъ-ротмистра Судіенка, жившаго въ Москвѣ. Занялась этимъ дѣломъ и Черниговская палата гражданскаго суда. Словомъ, работа закипѣла, а въ результатѣ ничего не вышло. Черниговская палата представила черниговскому губернатору обстоятельный докладъ [3]), въ которомъ помѣщенъ и отвѣтъ Судіенка.

Судіенко писалъ, что «до нынѣшняго времени не имѣлъ не только письменнаго, но даже и приватнаго свѣдѣнія». Далѣе онъ сообщилъ, что попечители, «отдавая ему имѣнія по завѣщанію, ни слова не упомянули и нигдѣ въ бумагахъ не показали сихъ вновь яко бы пожертвованныхъ онымъ Судіенкомъ ста тысячъ рублей; забыть имъ о столь важной суммѣ невозможно было, тѣмъ паче, что онъ, воспитываясь безотлучно при лицѣ одного изъ нихъ, Якова Ивановича (т. е. кн. Лоба-

---

[1]) Дѣло, стр. 192 и 193.
[2]) Дѣло, 7-го марта, 1833, л. 120.
[3]) Дѣло, л. 173—182.

кова-Ростовскаго), зналъ, можно сказать, всѣ дѣйствія по управленію завѣщаннымъ ему имѣніемъ. Онъ не только въ малолѣтствѣ былъ благодѣтельнымъ наставникомъ, но и во время службы его не оставлялъ его своимъ покровительствомъ, а потому можно-ли думать, что онъ умолчалъ о важной обязанности, которую предлежало ему исполнить, если бы подлинно сія обязанность утверждена была какимъ-либо согласіемъ Осипа Ивановича (т. е. покойнаго Судіенка)». Въ заключеніе Судіенко просилъ опеку прислать ему всѣ бумаги по этому дѣлу, чтобы онъ отъ представитьи возраженіе «основательнымъ образомъ». Конечно, получить эти сто тысячъ на основаніи одной только записки покойнаго Завадовскаго нельзя было, главнымъ образомъ, потому, что завѣщаніе покойнаго Судіенка было изустное. По закону 21-го марта 1823 года словесныя духовныя завѣщанія, или такъ называемыя изустныя памяти вовсе уничтожались, и впредь было повелѣно не принимать ихъ ни въ какое уваженіе. На этотъ законъ и опирался Судіенко и просилъ опеку «оказать ему законное покровительство къ сгражденію его спокойствія и оградить его отъ такого платежа силою законовъ». Черниговская палата такъ и поступила; она рѣшила «увольнить штабсъ-ротмистра Судіенка отъ платежа сихъ денегъ, буде самъ добровольно не пожелаетъ внести ихъ». Но Судіенко не пожелалъ этого сдѣлать.

Графъ Блудовъ, а также и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ Толь очень интересовались ходомъ этого дѣла. Въ управленіи путей сообщенія были составлены архитекторомъ Мельниковымъ новые планы устройства храма, одинъ въ 445 т., а другой въ 341 т. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, графъ Толь просилъ графа Блудова о новомъ разсмотрѣніи дѣла объ этихъ ста тысячахъ. Харьковскій, черниговскій и полтавскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ, что въ дѣлахъ никакихъ слѣдовъ о новомъ пожертвованіи Судіенка нѣтъ, что деньги не были переданы, и производство новаго разслѣдованія безполезно. Наслѣдникъ покойнаго Судіенка «почти рѣшительно отвергаетъ, — писалъ онъ,—изустную волю завѣщателя тѣмъ, что попечители надъ имѣніями сего послѣдняго никогда ему объ оной не объявляли, ни лично, ни словесно (sic)». Графъ Толь согласился съ этимъ отзывомъ генералъ-губернатора. Да и захотѣлъ-ли бы Судіенко дать эти 100 тысячъ, когда онъ не сочувствовалъ волѣ своего благодѣтеля, пожертвовавшаго капиталъ на постройку храма? Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1836 году Михаилъ Судіенко, бывшій въ это время въ отставкѣ, подалъ харьковскому, черниговскому и полтавскому генералъ-губернатору гр. В. В. Левашову прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ, чтобы сто тысячъ, пожертвованныя покойнымъ Судіенкомъ, съ наросшими процентами, были обращены «на устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы изъ получаемыхъ процентовъ капитала сего вос-

питывать нѣсколько человѣкъ кадетъ изъ бѣдныхъ дворянъ Черниговской и Полтавской губерній и воспитанниковъ именовать «воспитанниками тайнаго совѣтника Судіенка». Графъ Левашовъ, получивъ это прошеніе, отправилъ черезъ черниговскаго губернатора, для передачи Судіенку, копію бумаги, полученной кн. Репнинымъ въ 1831 г. съ отвѣтомъ императора Николая I на просьбу его обратить капиталъ Судіенка на «устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса» [1]). Какъ сказано выше, отвѣтъ былъ слѣдующій: «Это было бы несправедливо».

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ нами изъ архива Полтавскаго губернскаго правленія.

Настоящее дѣло интересно и съ другой стороны. Оно точно указываетъ цѣль пожертвованія покойнаго Судіенка. Хотя мы и читаемъ въ рескриптѣ императора Александра I о желаніи Судіенка воздвигнуть «памятникъ съ церковью», но дальнѣйшая переписка объ устройствѣ этого храма указываетъ вполнѣ точно, что Судіенко желалъ устроить **только храмъ**.

Изъ дѣла видно также, что Судіенко не желалъ устройства инвалиднаго дома на Шведской могилѣ. Надо сказать, что до сей поры держится преданіе объ этомъ. Въ духовномъ завѣщаніи Судіенка, которое нами найдено въ архивѣ (до сей поры оно не было извѣстно), нигдѣ не находится упоминанія объ этомъ [2]). Намъ могутъ возразить, что, быть можетъ, было другое завѣщаніе, какъ это нерѣдко бываетъ, и послѣднее, въ такомъ случаѣ, имѣетъ законную силу. Но въ архивномъ дѣлѣ мы нашли актъ о передачѣ имущества въ 1827 году наслѣднику, штабсъ-ротмистру Судіенку, гдѣ и приведено цѣликомъ это духовное завѣщаніе, на основаніи котораго состоялся актъ передачи имущества покойнаго І. Судіенка [3]).

Такимъ образомъ, не подлежитъ нынѣ сомнѣнію, на основаніи этихъ данныхъ, что желаніе Судіенка построить инвалидный домъ должно отнести къ области преданій.

Происхожденіе этого преданія слѣдующее. Въ 1809 г., какъ мы видѣли, кн. Лобановъ-Ростовскій вошелъ съ проектомъ устройства храма на Шведской могилѣ. Но императоръ Александръ I, озабоченный устройствомъ инвалидныхъ домовъ въ Россіи, пожелалъ устроить такой домъ на Шведской могилѣ. Желаніе императора народная молва смѣшала съ желаніемъ Судіенка.

На основаніи разсмотрѣнныхъ нами матеріаловъ мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

---

[1]) Дѣло, л. 263 и 264.
[2]) Дѣло, лл. 231—239.
[3]) Дѣло, тамъ же.

1) Забота о построеніи храма на Шведской могилѣ на капиталъ Судіенка занимала мѣстную администрацію и правительство вскорѣ послѣ смерти завѣщателя, а не начиная съ 1840-хъ годовъ, какъ думали до сей поры.

2) Переписка о построеніи храма ясно указываетъ на волю покойнаго Судіенка — построить на могилѣ только храмъ, а не памятникъ.

3) Желаніе Судіенка построить на Шведской могилѣ инвалидный домъ есть преданіе. Изъ духовнаго завѣщанія Судіенка ясно видно, что такого желанія у Судіенка не было.

На капиталъ Судіенка, по иниціативѣ послѣдняго черниговскаго, харьковскаго и полтавскаго генералъ-губернатора Кокошкина, построенъ былъ на Шведской могилѣ храмъ и освященъ въ 1857 году. Этотъ храмъ существовалъ до конца прошлаго столѣтія, когда онъ былъ вновь передѣланъ на тотъ же капиталъ, переданный въ 1890 году, по высочайшему повелѣнію, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода [1])

И. Фр. Павловскій.

Полтава.

---

[1]) См. нашу статью „Шведская могила“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г. и нашу книгу: „Полтавская битва и ея памятники“ (2-е изданіе).

Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева министру юстиціи.

10-го августа 1827 года.

«Государь императоръ, разсмотрѣвъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія о причинѣ двухъ-мѣсячнаго замедленія въ исполненіи по объявленному статсъ-секретаремъ Муравьевымъ ему, министру народнаго просвѣщенія, повелѣнію его величества о училищныхъ строеніяхъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и находя въ томъ виновными попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, за неисполненіе высочайшаго повелѣнія и директора департамента народнаго просвѣщенія, за несвоевременный докладъ министру народнаго просвѣщенія, о неисполненіи высочайшей воли, высочайше повелѣть соизволилъ: попечителю сдѣлать строжайшій за то выговоръ, съ взнесеніемъ въ его формуляръ; а директора департамента посадить подъ арестъ на сутки при сенатской гауптвахтѣ, равномѣрно со взнесеніемъ въ его формуляръ. Его величество повелѣваетъ, чтобъ министръ народнаго просвѣщенія, по принадлежности, о семъ сдѣлалъ надлежащее исполненіе и донесъ его величеству».

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

нею частью отъ причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ формѣ землепользованія.

Слѣдующій отдѣлъ составляютъ двѣ статьи по поводу пересмотра Устава Крестьянскаго поземельнаго банка. Съ точки зрѣнія Д. Ѳ. Самарина, выдача банковыхъ ссудъ подъ залогъ покупаемой крестьянами земли—способъ совершенно непригодный для расширенія площади надѣльной земли, ибо надѣлъ, какъ собственность общественная, имѣющая цѣлью обезпечить массу населенія, долженъ быть навсегда закрѣпленъ за тѣми обществами, которымъ онъ отведенъ. Между тѣмъ, если земля покупается при содѣйствіи банка, то неисправность въ платежѣ долга по ссудѣ ведетъ неизбѣжно къ принудительной продажѣ земли, которая служитъ обезпеченіемъ долга. Такой порядокъ является вполнѣ законнымъ при покупкѣ земли съ промышленными цѣлями, но онъ совершенно не цѣлесообразенъ, когда требуется надѣлить крестьянъ землею, необходимою для обезпеченія ихъ существованія. Поэтому, находя совершенно правильнымъ, чтобы государство само покупало земли для расширенія площади крестьянскаго надѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется по мѣстнымъ условіямъ, Дмитрій Ѳедоровичъ полагалъ, что дѣло это по самому свойству своему не можетъ быть осуществляемо путемъ банковой операціи и потому не должно быть возлагаемо на Крестьянскій банкъ.

Четвертый отдѣлъ составляютъ статьи по продовольственному дѣлу. Онѣ написаны по поводу неурожаевъ 1891 и 1898 гг., и потому, конечно, въ нихъ много мѣста удѣлено разсмотрѣнію временныхъ мѣръ для борьбы съ продовольственною нуждою, уже проявившеюся. Вмѣстѣ съ тѣмъ разработанъ и вопросъ о томъ, что могло бы быть сдѣлано для предупрежденія хроническихъ неурожаевъ и для подъема народнаго благосостоянія. Поэтому эти статьи находятся въ тѣсной связи съ трудами Дмитрія Ѳедоровича по вопросамъ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства на общинныхъ земляхъ и объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. Здѣсь Самаринъ возвращается опять къ мысли о возможности перехода отъ трехпольнаго хозяйства къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства и въ связи съ этимъ доказываетъ необходимость и возможность болѣе ранней обработки пароваго поля. Съ другой стороны, онъ снова выясняетъ необходимость пониженія выкупныхъ платежей. Установивши то положеніе, что выкупными платежами выкупается не земля, а повинность, Дмитрій Ѳедоровичъ доказываетъ, что принятая въ Положеніи 19-го февраля система выкупа повинности самими крестьянами безъ участія государства вовсе не есть единственно возможная; что она была принята лишь по финансовымъ соображеніямъ, и что наше законодательство въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ 1864 г. въ царствѣ Польскомъ, примѣняло систему вознагражденія владѣльцевъ за повинности изъ общихъ государственныхъ средствъ съ участіемъ крестьянъ, освобождаемыхъ отъ повинности. Эту систему онъ считалъ болѣе правильною въ принципѣ и болѣе выгодною для крестьянъ, ибо она даетъ возможность уменьшить окладъ выкупныхъ платежей безъ отсрочки и разсрочки въ зависимости отъ средствъ государства и отъ экономическаго положенія плательщиковъ.

Послѣдній отдѣлъ перваго тома посвященъ переселенческому дѣлу. Здѣсь помѣщенъ докладъ, составленный Дмитріемъ Ѳедоровичемъ во время работъ коммиссіи свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу. Докладъ этотъ былъ включенъ въ объяснительную записку къ проекту означенной коммиссіи, какъ ея введеніе. Въ немъ развивается та мысль, что въ основу всѣхъ мѣропріятій по переселенческому дѣлу должно быть прежде всего положено признаніе за крестьянами права переселяться по своему усмотрѣнію. Законъ можетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ нормировать это право, но не долженъ его отрицать или молчать о немъ. Такое признаніе вытекаетъ изъ дарованной крестьянамъ въ 1861 году свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣламъ безусловной государственной необходимости, ибо только этимъ путемъ возможно освободить отъ избытка населенія внутреннія губерніи и заселить окраины. Такимъ образомъ, настаивая на необходимости сохранить за надѣльной землей особый характеръ, возставая противъ попытокъ обратить ее въ частную собственность и горячо ратуя за ея неприкосновенность, Дмитрій Ѳедоровичъ высказывался вмѣстѣ съ тѣмъ за отмѣну всего того, что прикрѣпляетъ крестьянина къ мѣсту его приписки, къ данному опредѣленному обществу и стѣсняетъ свободу его передвиженія.

Не находится въ непосредственной связи съ остальными трудами Дмитрія Ѳедоровича помѣщенная въ приложеніи статья „Баронъ Шульцъ фонъ-Ашераденъ и докторъ Меркель". Это—первый трудъ, съ которымъ Д. Ѳ. Самаринъ выступилъ въ печати. Она была написана еще до открытія губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, и въ ней нѣтъ еще слѣдовъ того особеннаго воззрѣнія на крестьянскій вопросъ, которое впослѣдствіи выработалось у Дмитрія Ѳедоровича и послѣдовательно проводилось во всѣхъ его трудахъ; она касается исторіи освобожденія крестьянъ въ балтійскихъ провинціяхъ,—предмета, къ которому Самаринъ впослѣдствіи никогда уже не возвращался.

По этому краткому обзору содержанія разсматриваемаго нами перваго тома можно судить о характерѣ трудовъ Дмитрія Ѳедоровича по крестьянскому дѣлу.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

Slav. 234

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. АВГУСТЪ 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Записки Василія Антоновича Инсарскаго**..... 241 - 266

II. **Записки Михаила Чайковскаго.** (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ..... 267—286

III. **Воспоминанія педагога.** В. Г. фонъ-Бооля. 287 - 305

IV. **Изъ записокъ Ивана Акимовича Кикотина**..... 306—320

V. **Нѣкоторыя обстоятельства жизни Владиміра Ивановича Даля.** (По поводу статьи: «В. И. Даль» (по воспоминаніямъ его дочери). — «Русск. Вѣсти.» 1879 года, іюль). Дмитрія Завалишина. 321—339

VI. **«Дѣло» о философіи Круга.** (Къ характеристикѣ казанскихъ профессоровъ эпохи Магницкаго). Сообщ. П. Головачевъ. 340 - 352

VII. **Изъ русской военно-уголовной старины.** (Высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-судимымъ дѣламъ). Сообщ. Михаилъ Соколовскій. 353—368

VIII. **Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо - Западнаго края.** Сообщилъ А. Миловидовъ..... 369—384

IX. **Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка.** В. В. Тимощукъ..... 385—412

X. **Изъ переписки князя З. Ѳ. Одоевскаго.** (Окончаніе). Сообщилъ И. А. Бычковъ..... 413—442

XI. **Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской.** (Біографическій очеркъ по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка). П. Адамовича..... 443—456

XII. **Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.** Сообщилъ В. В. Щегловъ..... 457—480

XIII. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“.
Большая Подъяческая. № 39.
1904.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.). Эпоха цензурнаго террора (1844—55 гг.). Русское „Bureau de la presse". Отдѣлъ Булгаринъ. Съ 19 портретами и 81 карикатурой. Спб. 1904 г.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ четырехъ очерковъ, первоначально напечатанныхъ,—въ сокращенномъ и менѣе обработанномъ видѣ,—въ „Мірѣ Божьемъ" и „Русскомъ Богатствѣ" за 1903 г.,—и посвящена исключительно исторіи литературной цензуры, не касаясь театра, техники книгопечатнаго дѣла и книжной торговли.

Мы остановимся наиболѣе подробно на первомъ очеркѣ,—эпохѣ обличительнаго жара (1857—1864 гг.), какъ на болѣе выдающейся изъ неблестящаго вообще существованія русской сатирической литературы.

Въ 1855 г. извѣстный карикатуристъ Н. С. Степановъ выпустилъ альбомъ „Карикатуръ", сплошь посвященные событіямъ восточной войны, особенно же Наполеону III и Пальмерстону. Издателемъ альбома былъ А. Беггровъ. Въ теченіе года вышли три выпуска, по 10-ти листовъ каждый. Карикатуры того времени были вообще лишены своеобразной пикантности, которую публика въ изобиліи находила въ брошюрахъ и частью въ газетахъ, просто къ силу высочайшаго повелѣнія отъ 30-го декабря 1854 г., данная именно для карикатуръ, т. е. произведеній, могущихъ имѣть распространеніе и внѣ предѣловъ Россіи. Повелѣніе гласило: „карикатуры политическаго содержанія, направленныя противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, допускать къ печати въ такомъ только случаѣ, если онѣ представляютъ смѣшную сторону предмета, съ соблюденіемъ приличія, и не заключаютъ въ надписяхъ брани". Публика приняла „Карикатуры" очень сочувственно и, несмотря на стоимость, 9 руб. за три выпуска, раскупала ихъ бойко.

Съ паденіемъ Севастополя, литература, въ видѣ брошюръ, правда, прекращается, но Степановъ все еще продолжаетъ подогрѣвать массу: снова Беггровъ издаетъ альбомъ его картинъ, названный „Современныя шутки", полный патріотизма и насмѣшки надъ побѣдителемъ. Приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ и четвертый альбомъ „Карикатуръ", но миръ заключенъ, выходки противъ бывшаго непріятеля найдены неумѣстными, альбомъ конфискованъ.

Въ августѣ 1856 г. Н. Щедринъ выступаетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" съ своими „Губернскими очерками". Это былъ первый крикъ рождавшейся истинной сатиры послѣ цѣлаго ряда темныхъ годовъ.

Въ ноябрѣ того же года Н. А. Степановъ началъ выпускать новый карикатурный альбомъ „Знакомые", издаваемый тѣмъ же Беггровымъ. Предполагалось названіе „Наши знакомые", но цензура не нашла возможнымъ пропустить слово „Наши". „Знакомые", принятые публикою холодно, прекратили свое существованіе въ концѣ 1858 г.

Съ 1857 г. въ текстѣ „Сына Отечества" замѣчается обличительный характеръ; А. В. Старченковъ пригласилъ О. И. Сенковскаго, который и велъ фельетоны „Листокъ барона Брамбеуса". Но съ первыхъ же шаговъ такое оживленіе журнала встрѣтило препятствія. Такъ, въ №№ 38 и 39 за 1857 г. былъ помѣщенъ разсказъ Пизна Кушнерева „Червячки". Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, подъ нажимомъ главноуправляющаго путями сообщенія, извѣстнаго реакціонера—Чевкина, сдѣлалъ замѣчаніе за пропускъ этого произведенія Петербургскому цензурному комитету. И вотъ, 7-го октября 1857 г. послѣдовалъ приказъ по цензурѣ, гдѣ, указавъ на то, что въ „Червячкахъ" выставляются въ самой грубой картинѣ личности и дѣйствія губернскихъ чиновниковъ и въ особенности чиновъ вѣдомства путей сообщенія, министръ „обращалъ вниманіе на эту статью и вообще на полицейское направленіе, которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. Обязанность цензуры—имѣть благоразумное понятіе того, что должно допускать къ печати и чего нельзя, безъ потрясенія и подрыва общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Подтверждаю всѣмъ цензорамъ быть впредь осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то уголовную палату, а всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ, безъ разбора лицъ,—подсудимыхъ журнальному суду".

Одновременно съ „Знакомыми" выходилъ „Карикатурный Листокъ" К. Д. Данилова. Г. Лемке помѣстилъ очень остроумный листъ, озаглавленный „Три эпохи тяжбы", рисующій порядки дореформеннаго суда. Вотъ текстъ подъ соотвѣтственными рисунками: 1) Молодой человѣкъ начинаетъ дѣло; 2) 30 лѣтъ спустя.—„Ну, что мое дѣло?—„Потерпите еще немного; мы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ". 3) „Петя, когда ты будешь большой, не забудь сдѣлать рукоприкладство по моему дѣлу, а то пропустишь срокъ" и 4) 30 лѣтъ спустя. Объявленіе рѣшенія (чиновникъ, во всѣхъ регаліяхъ и въ треуголкѣ, надъ могилою не дожившаго до окончанія дѣла тяжебщика читаетъ рѣшеніе).

Первымъ, въ сущности, по виду сатирическимъ журналомъ былъ „Весельчакъ"—„журналъ всякихъ разныхъ странностей, свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ",—издававшійся А. Плюшаровымъ, при главномъ сотрудничествѣ О. И. Сенковскаго. Вотъ небезынтересное обращеніе къ читателямъ: „Земля наша широка и обильна, но смѣху въ ней нѣтъ. Люди умные, мужи разумные, послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы пріятно посмѣяться ради истомаха, для движенія крови и мысли, для здоровья садятся на весь вечеръ играть въ карты, насиживаютъ себѣ болѣзни или головныя боли и на слѣдующее утро являются къ дѣламъ въ дурномъ расположеніи духа. Смѣху нѣтъ! Приходите смѣяться съ нами, смѣяться надъ нами, надъ ними, надъ собою, надъ всѣми и обо всѣмъ смѣяться, лишь бы только не скучать".

1-го января 1859 г. вышелъ первый нумеръ „Искры", за подписью редакторовъ-издателей Н. А. Степанова и В. С. Курочкина. По замѣчанію г. Скабичевскаго,—„Искра" сдѣлалась грозою для всѣхъ, у кого была не чиста совѣсть, и попасть въ „Искру", увечь въ „Искру"—были самыми обыденными выраженіями въ

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ [1]).

I.

Мое возвращеніе въ Тифлисъ.—Поиски финансоваго человѣка.—Интриги противу меня.—Борьба князя съ дурными народными обычаями.—Безпрерывныя заботы его о всевозможныхъ улучшеніяхъ, разбиваемыя фразою: „несогласно съ законами“.—Стремленіе князя замѣнить при тостахъ шампанское кахетинскимъ.—„Милые опекуны“ князя.—Личность К—на въ дѣловомъ отношеніи.—Робость его предъ княземъ.

Пріѣздъ нашъ въ Тифлисъ совершился благополучно. Слѣдя за впечатлѣніями, какія новый край производилъ на мою жену, я не могъ не замѣтить, что они не благопріятны; она смотрѣла на все равнодушно, или даже непріязненно. Я утѣшалъ себя надеждою, что время, этотъ могущественный цѣлитель всевозможныхъ ранъ, перемѣнитъ это душевное настроеніе: печаль ослабится, а выгоды новаго значительнаго и вліятельнаго моего положенія пріобрѣтутъ должную оцѣнку. Надежда эта, однако же, какъ послѣдствія покажутъ, не оправдалась. Ясно было, что за эти выгоды этого новаго положенія я долженъ былъ поплатиться ущербомъ въ стройности моего семейнаго быта. Когда жена моя видала старшаго нашего сына Анатолія, котораго я прежде увезъ съ

[1]) Первыя три части интересныхъ записокъ Инсарскаго были помѣщены «Русской Старинѣ» въ 1897—1898 годахъ.

собою и помѣстилъ въ пансіонъ Гаке, считавшійся лучшимъ въ Тифлисѣ, она пришла въ ужасъ: до такой степени онъ преобразился изъ приличнаго петербургскаго мальчика въ туземнаго «бичо». Сосредоточивая въ себѣ татаръ, грузинъ, армянъ, пансіонъ этотъ, дѣйствительно, не могъ не имѣть сильнѣйшаго вліянія на нашего сына: видомъ, манерами, рѣчью онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ походить на сына какого-нибудь мѣстнаго татарскаго бека или грузинскаго князя. Немедленно было рѣшено отправить его, такъ или иначе, опять въ Петербургъ, чтобы спасти отъ окончательнаго и пагубнаго превращенія, къ чему я и сталъ принимать соотвѣтственныя мѣры, въ ряду которыхъ зачисленіе его въ воспитанники Императорскаго училища правовѣдѣнія было первымъ моимъ дѣломъ.

Придерживаясь, однако, того убѣжденія, что семейныя мои обстоятельства должны входить въ мои разсказы только въ тѣхъ случаяхъ, когда они или сами по себѣ представляютъ какой-либо интересъ, или имѣютъ соотношеніе съ моимъ, такъ сказать, политическимъ положеніемъ, я спѣшу обратиться къ дѣловому міру, который, въ этотъ періодъ, кипѣлъ различными новыми идеями подъ вліяніемъ сильнаго воображенія, какъ говорили другіе, или несомнѣннаго творчества князя [1]), какъ я всегда думалъ и утверждалъ.

По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ, я тотчасъ занялся обработкою мысли князя о ревизіи или «составленіи картины» края, о которой я выше говорилъ.

При исполненіи этого труда, я проводилъ, между прочимъ, ту мысль, что ревизія, направленная собственно на присутственныя мѣста, не можетъ принести большихъ плодовъ; что надо взглянуть глубже на тѣ предметы, на которые доселѣ мало или вовсе не смотрѣли: нравственное состояніе народа, естественныя богатства края, состояніе торговли и промышленности, однимъ словомъ, на все то, что можетъ вести правителя къ общему поднятію края, а не къ замѣнѣ однихъ плохихъ чиновниковъ другими, столь же плохими.

И, дѣйствительно, я былъ глубоко убѣжденъ, и весьма часто высказывалъ князю это убѣжденіе, что для него всего нужнѣе одинъ изъ тѣхъ талантливыхъ финансовыхъ людей, которые какъ-то умѣютъ чутьемъ угадывать, гдѣ кроется нетронутая сила народнаго богатства, и своими мѣрами поднимать благосостояніе цѣлой страны. Между тѣмъ кругомъ князя были многіе, безспорно умные люди, но нисколько не подходившіе къ тому финансовому идеалу, о которомъ я мечталъ. Но если цѣлая Россія ищетъ и не находитъ министра финансовъ и по необходимости ставитъ на это мѣсто самыхъ ординарныхъ чиновниковъ, то

---

[1]) Барятинскаго.

понятно, что для князя еще труднѣе было найти своего министра финансовъ.

До пріѣзда нашего на Кавказъ финансовою репутаціею тамъ пользовался тотъ же пресловутый Д—си, такъ что во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ, вносимыхъ въ Совѣтъ, его слово имѣло, какъ говорили, огромный вѣсъ, какъ неопреодолимаго спеціалиста. Репутація эта вѣроятно имѣла то происхожденіе, что Д—си завѣдывалъ таможенными сборами. Но я говорилъ уже, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ этому господину новыхъ идей князя оказалось, что, несмотря на свое французское прозвище, онъ былъ только закоренѣлый рутинеръ и никакихъ финансовыхъ талантовъ рѣшительно не имѣлъ. Затѣмъ князь, совершенно раздѣляя мои убѣжденія о необходимости найдти во что бы то ни стало финансоваго человѣка, присматривался, не кроется-ли этотъ финансовый человѣкъ въ лицѣ барона То—ау, такъ смѣло и торжественно взявшагося за огромное коммерческое предпріятіе; но быстрое паденіе этого предпріятія скоро разрѣшило вопросъ.

Пословица говоритъ: «на безрыбье и ракъ рыба». Сама необходимость заставила взять Х—ва, но скоро въ немъ и разочароваться.

Еще въ Каджарахъ, когда, бывало, стоишь въ кабинетѣ князя и докладываютъ о Х—вѣ, князь дѣлалъ уже гримасы и нетерпѣливо говорилъ: «какой скучный человѣкъ!», хотя дружбѣ ихъ прошло только нѣсколько мѣсяцевъ. И, дѣйствительно, многословный до безконечности Х—въ утомлялъ князя длиннѣйшими объясненіями о какомъ-нибудь вздорѣ. Съ другой стороны въ немъ не было ни привычки, ни таланта къ быстрому пониманію идей князя, и отъ этого происходило то, что какая-нибудь серьезная бумага передѣлывалась нѣсколько разъ, а въ заключеніе все-таки переходила въ другія руки. Потомъ, съ приближеніемъ преобразованія всего главнаго управленія, князь положительно уже и не одинъ разъ говорилъ мнѣ: «я ошибся; онъ не способенъ къ этому мѣсту».

Ясно было, что Х—ву готовится другое положеніе. Какое же? Прежняя практика его въ должности предсѣдателя казенной палаты значительно объясняла и разрѣшала этотъ вопросъ. По Тифлису заранѣе, шутливымъ образомъ, стали называть его министромъ финансовъ, и замѣчательно, что Х—въ гордился потомъ этимъ наименованіемъ.

И, дѣйствительно, когда преобразованіе состоялось, Х—ву порученъ былъ финансовый департаментъ; но увы! это былъ такой же министръ на Кавказѣ, какъ какой-нибудь Р. или Б. въ Россіи, ни чуть не лучше и не хуже.

Впрочемъ, я забѣжалъ впередъ, по своей привычкѣ; группируя эти обстоятельства, я хочу показать только соотношеніе ихъ съ дѣломъ ревизіи или обозрѣнія края. Въ моихъ соображеніяхъ по этому вопросу я

именно хотѣлъ освѣтить тѣ точки, на которыхъ отыскиваемый нами финансовый человѣкъ могъ развернуть свою благодатную распорядительность. Къ сожалѣнію, ни та, ни другая цѣль не достигнуты: лѣнивый К—бу отступилъ отъ этихъ соображеній и остался въ предѣлахъ канцелярскаго міра; а финансовый человѣкъ не отыскивался, и когда заходила объ этомъ рѣчь съ княземъ, онъ говорилъ: «что прикажете дѣлать? гдѣ его взять? надо только наблюдать, чтобы важные финансовые вопросы они разсматривали втроемъ (т. е. Х—въ, Д—си и баронъ Т.), все-таки лучше!» Но и это никогда не исполнялось уже потому собственно, что Х—въ, управлявшій финансовымъ департаментомъ, считалъ себя, какъ всегда и во всемъ, геніемъ, не имѣющимъ надобности ни въ какихъ совѣтахъ и способнымъ, напротивъ того, освѣщать своею мудростью дѣятельность другихъ, къ какому бы роду она ни относилась; въ то же время въ отношеніяхъ его къ Д—си существовали шпильки на томъ основаніи, что завистливый Д—си не могъ равнодушно видѣть, что въ новомъ устройствѣ главнаго управленія онъ не имѣлъ уже почти никакого значенія и что финансовою репутаціею, на которой онъ такъ долго покоился, силится завладѣть тотъ же Х—въ.

Мнѣ трудно было бы исчислить всѣ разнородныя порученія, которыми князь болѣе и болѣе меня надѣлялъ и потому, мимо ихъ, я прямо перехожу къ наиболѣе важному, особенно въ то время, положенію, къ которому я былъ призванъ довольно неожиданно. Дѣло въ томъ, что въ концѣ того же 1857 года, директоръ канцеляріи выпросилъ продолжительный отпускъ на родину, и я долженъ былъ заступить его мѣсто. Я говорилъ уже о томъ значеніи, какое имѣла канцелярія намѣстника въ то время. Всѣ безъ исключенія гражданскія части сосредоточивались въ ней, начиная отъ какой-нибудь медицинской и кончая судебной. Директоръ канцеляріи былъ страшный, по силѣ и могуществу, человѣкъ. К—нъ не былъ впрочемъ страшенъ, потому что въ душѣ былъ добрякъ высочайшей степени и, какъ говорится, мухи не былъ въ состояніи обидѣть; таковъ же, по разсказамъ, былъ и Щербининъ, его предмѣстникъ, потомъ сенаторъ, а затѣмъ начальникъ цензурнаго управленія. Но о какомъ-нибудь Сафоновѣ, предмѣстникѣ Щербинина, разсказывали просто чудеса: до такой степени онъ заставилъ трепетать весь чиновничій міръ отъ губернатора до смиреннаго канцелярскаго чиновника. Однимъ словомъ, канцелярія была то, что впослѣдствіи было главное управленіе намѣстника, а директоръ то, что начальникъ главнаго управленія, если не больше и сильнѣе.

Понятно, что здѣсь личность начальника канцеляріи, главнаго и единственнаго докладчика намѣстнику, составляла для всего гражданскаго міра самый животрепещущій вопросъ. Какая личность была прежній

начальникъ, всѣ знали; какою личностью былъ я—почти никто не зналъ. Между тѣмъ царствующія на Кавказѣ интриги успѣли значительно уже задѣть и меня. Всему человѣчеству какъ-то свойственно подкидывать камни подъ ноги тому, кто опережаетъ другихъ и за фалды осаживаетъ его назадъ; этотъ принципъ, столь свойственный святой заповѣди Христа: «люби ближняго какъ самого себя», царствуетъ повсюду; но нигдѣ онъ не имѣетъ такого обширнаго практическаго приложенія, какъ на Кавказѣ. Стоитъ кому-нибудь выдвинуться впередъ, чтобы все остальное накинулось на него.

Такъ было и со мной. Не говоря о томъ: расположенъ-ли я былъ по природѣ своей дѣлать зло своимъ ближнимъ, я не могъ еще имѣть физической возможности, только-что пріѣхавъ на Кавказъ и не имѣя еще никакой самостоятельности, сдѣлать какое-либо зло какому-нибудь изъ моихъ тувемныхъ ближнихъ. Кромѣ того, если бы я былъ прирожденный подлецъ и интриганъ, то и въ такомъ случаѣ, по разсчетамъ разума, въ которомъ я никогда не ощущалъ недостатка, я припряталъ бы эти милыя свойства до времени и на первыхъ порахъ прикинулся бы кроткимъ и незлобивымъ агнцемъ. Никакихъ положительно причинъ и побужденій интриговать противу меня не существовало; а между тѣмъ интриги уже дѣйствовали, невѣдомо для меня самого. Свое вступленіе въ управленіе канцеляріею я считалъ дѣломъ совершенно простымъ, естественнымъ и рѣшительно никого не затрогивающимъ. На дѣлѣ было совершенно не такъ. Интрига высунула свою отвратительную физіономію при обстоятельствѣ, совершенно ничтожномъ и тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ее ожидать.

При отъѣздѣ К—на возникло предположеніе задать ему прощальный праздникъ, безъ котораго, какъ я уже говорилъ, никто не уѣзжаетъ съ Кавказа. Ужъ не помню почему, явилось, однако же, какое-то колебаніе въ осуществленіи этого предположенія. Я явился самымъ жаркимъ и усерднымъ защитникомъ его и въ своихъ доказательствахъ приводилъ, между прочимъ, тѣ общія мѣста, которыя такъ употребительны во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ напр.: «Всѣ мы подъ Богомъ» или «Богъ знаетъ, увидимся-ли?» и т. п. Этого было достаточно, чтобы дать пищу интригѣ. Слова эти разнеслись по Тифлису и приняли такое значеніе, что я будто заявляю ими, что К—нъ уже не возвратится, и я окончательно занимаю его мѣсто. Такое милое толкованіе дошло до меня на другой день праздника, гдѣ я говорилъ одну изъ рѣчей, гдѣ, при общихъ громкихъ рукоплесканіяхъ, проводилъ ту мысль, что если въ этотъ моментъ кавказскій гражданскій міръ сливается въ одномъ единодушномъ желаніи, такъ это именно въ желаніи, чтобы К—нъ скорѣе возвратился и что я, лично, прошу только Бога дать мнѣ силы, умѣнье, возможность поддержать на

этотъ краткій періодъ тѣ гуманныя начала, которыя пріобрѣли ему такую горячую любовь и преданность во всѣхъ классахъ и сословіяхъ.

Когда мнѣ передали злохитростное толкованіе моихъ искреннихъ словъ, чуждыхъ всякой затаенной мысли, я смекнулъ, что, при безграничной мнительности и подозрительности князя, оно произведетъ и на него не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что князь отвергнетъ справедливость этого толкованія; но можетъ замѣтить съ перваго же разу, что я не имѣю довольно такту, сдержанности, осторожности, чтобы выгодно держаться на томъ высокомъ положеніи, которое принадлежало въ краѣ директору канцеляріи намѣстника. Подъ вліяніемъ этого соображенія, я рѣшился разсказать князю, какъ было дѣло и какая сочинена сплетня. Князь, я живо помню, внимательно и какъ-то задумчиво меня выслушалъ:

— Да, я уже слышалъ объ этомъ,—сказалъ онъ,—это дѣйствительно неосторожно; будьте осторожнѣе; на васъ всѣ пристально смотрятъ! Ну, а какое вино вы пили при тостахъ?

Чтобы понять этотъ, повидимому, странный вопросъ, я долженъ сдѣлать значительное отступленіе. Многіе, претендуя на близкое знаніе натуры князя, говорили: «это человѣкъ съ большимъ воображеніемъ». Мнѣ, который имѣлъ возможность изучить князя болѣе, чѣмъ кто-либо, такое опредѣленіе кажется далеко не точнымъ и, главное, недостаточнымъ, хотя оно несравненно снисходительнѣе того нелѣпаго опредѣленія, созданнаго его врагами, которое отказывало ему рѣшительно во всемъ и низводило его на степень даже совершенно бездарнаго человѣка. Что такое воображеніе въ государственномъ человѣкѣ? Можетъ-ли оно, одно, само по себѣ, служить вѣрною основою государственной дѣятельности! Напротивъ, не увлечетъ-ли оно, это сильное воображеніе, не подкрѣпляемое ничѣмъ другимъ, къ ряду разнородныхъ административныхъ глупостей? Я всегда признавалъ князя, и теперь признаю, человѣкомъ положительно одареннымъ громадною силою творчества. Если онъ не былъ способенъ къ упорному, бумажному труду, на которомъ съ такою славою выѣзжаютъ другіе наши государственные люди, то съ другой стороны онъ самъ не имѣлъ силы на минуту остановить процессъ своего мышленія, своей изобрѣтательности, своего творчества. «Кухня» его, которою онъ называлъ свою прекрасную голову, ни на минуту не переставала работать; въ ней ежеминутно, безпрерывно что-нибудь изготовлялось. Прогулки пѣшкомъ или верхомъ, которыя вообще считаются и принимаются за отдыхъ отъ умственныхъ занятій государственнаго человѣка, были для князя минутами самыхъ сильныхъ умственныхъ занятій. Онъ без-

прерывно возбуждалъ новые вопросы: можно-ли это сдѣлать? нельзя-ли такъ устроить?

Къ сожалѣнію, окружающіе его, ближайшіе его помощники, съ одной стороны далеко не подходящіе по плечу князю, по самой природѣ своей, а съ другой, какъ люди дѣловые, страшно зараженные рутиной, были очень не подъемисты сравнительно съ милыми, свѣтлыми и разнообразными идеями, которыми осыпалъ ихъ князь. Подобныя атаки они встрѣчали большею частію упорствомъ, скрѣпленнымъ казеннымъ, такъ сказать, цементомъ. «Не согласно съ законами», отвѣчали они на проекты князя. Князь, плохой законникъ, смиренно отступалъ и весьма часто жаловался мнѣ на законы. «Боже мой,—говорилъ онъ нерѣдко,—что это за законы наши? Что ни придумаешь, что ни предложишь, все говорятъ «несогласно съ законами!» Но тамъ, гдѣ не ставили ему этой преграды, онъ былъ неудержимъ.

Одаренный сильнымъ умомъ и величайшею наблюдательностью, князь постоянно имѣлъ запасъ своихъ творческихъ идей, которыя касались не только сферы государственной дѣятельности, но проникали, такъ сказать, въ самую глубь частныхъ и общественныхъ отношеній народа. Онъ находилъ, что одни обычаи и порядки надо всевозможно поддерживать, другіе разрушать всѣми средствами. Къ крайнему огорченію его ничтожныхъ завистниковъ, я долженъ засвидѣтельствовать, что нравственное состояніе народа, его благоденствіе—было главнѣйшею задачею его правленія, его жизни. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, блестящимъ юнымъ ротмистромъ, онъ уже смотрѣлъ серьезно на этотъ предметъ и, какъ я выше говорилъ, порядкомъ мучилъ меня различными сочиненіями, сюда относящимися. Понятно, что, стакъ могущественнымъ правителемъ страны, онъ съ любовію старался приложить къ дѣлу свои завѣтныя мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ этихъ идей дѣйствительно были неприложимы; другія могли бы быть съ пользою приложимы, если бы не разбивались объ упорство помощниковъ его и неодолимый для него отзывъ: «несогласно съ законами»; третьи, наконецъ, могли бы оставить блестящіе слѣды его мудрой, благодатной дѣятельности, если бы первое время его управленія Кавказомъ не было поглощено исключительно военными дѣлами, которыя онъ привелъ къ такому окончанію, которое, если не оцѣнено теперь, какъ должно, неблагодарными современниками, то будетъ непремѣнно оцѣнено справедливымъ потомствомъ, а потомъ болѣзни, постоянно осаждавшія его, вынудили его покинуть Кавказъ съ страшнымъ ущербомъ для его славы.

Разстаюсь съ этимъ не въ мѣру многорѣчивымъ отступленіемъ и возвращаюсь къ вопросу князя: какимъ виномъ были питы тосты на проводахъ К—на? Дѣло въ томъ, что князь Александръ Ивано-

вичъ считалъ многіе обычаи, укоренившіеся въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ народѣ, глупыми или вредными. Но ни одинъ изъ этихъ обычаевъ не возбуждалъ въ немъ такого сильнаго протеста, какъ обычай провозглашать тосты непремѣнно съ шампанскимъ въ рукахъ. Глупымъ онъ находилъ его потому, что пить чье-нибудь здоровье можно всякимъ виномъ, потому, что собственно вино не имѣетъ здѣсь никакого отдѣльнаго значенія и не увеличиваетъ, ни уменьшаетъ цѣны тоста. Вреднымъ этотъ обычай онъ признавалъ уже потому, что онъ разорителенъ для многихъ.

— Каждый бѣдный чиновникъ,—говорилъ князь,—даже писарь какой-нибудь, унтеръ-офицеръ, празднуя свои именины, напр., непремѣнно изъ кожи лѣзетъ, чтобы купить шампанскаго, и убиваетъ на это послѣднія свои деньги.

Потомъ князь развивалъ ту мысль, что въ краѣ есть прекрасное и дешевое кахетинское вино, которое точно такъ же можетъ служить для тостовъ, какъ и шампанское, не разоряя никого.

— Я нисколько не противъ того,—продолжалъ князь,—чтобы любители шампанскаго пили его, сколько имъ угодно, но пили, какъ всякое другое вино, въ продолженіе стола или послѣ него; но хочу, чтобы оно потеряло свою нелѣпую связь съ тостами, связь, ради которой убыточатся многіе недостаточные люди.

Тема эта служила основаніемъ для разнообразныхъ соображеній и разсказовъ князя. Всѣ слушали его, разумѣется, поддакивали, хотя про себя таили сомнѣніе, чтобы стремленія князя въ этомъ отношеніи могли успѣшно осуществиться на дѣлѣ. И, дѣйствительно, когда онъ пошелъ войною противъ этого обычая, оказалось, что побѣдить и уничтожить его было труднѣе, чѣмъ побѣдить и уничтожить самого Шамиля. Шамиль низверженъ, а шампанское во всей силѣ своей игривой прелести и своего могущества существуетъ. Князь началъ съ того, что на своихъ обѣдахъ и балахъ сталъ провозглашать тосты кахетинскимъ, разрѣшая, впрочемъ, посѣтителямъ, которые не равнодушны къ шампанскому, требовать его и пить сколько угодно, но только какъ обыкновенное вино, прежде или послѣ тостовъ, и никакъ при тостахъ. Могущество намѣстника на Кавказѣ таково, что если бы ему вздумалось предложить пить при тостахъ, вмѣсто шампанскаго, не только кахетинское, но простую воду, то и тогда всѣ, особенно въ его присутствіи, стали бы пить и находить, что это и умно, и здорово, и экономически, однимъ словомъ, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ пить шампанское. Поэтому, наиболѣе видныя персоны распространяли свое благоговѣніе къ нововведенію князя до того, что и въ своихъ домахъ слѣдовали ему; несмотря на такое подобострастіе, замѣтно было, что существовалъ какой-то глухой протестъ

противу стремленій князя; молодежь, для которой питейная часть составляла главную задачу тифлисской жизни, въ дружескихъ кружкахъ явно бунтовалась; однимъ словомъ, чѣмъ болѣе шампанское было подавляемо въ домѣ самого князя и въ домахъ знатныхъ особъ, тѣмъ болѣе оно пользовалось сочувствіемъ и поддержкою тамъ, куда, по соображеніямъ, не могли достигнуть глазъ и ухо повелителя страны.

Такъ было и на проводахъ К—на. Шампанское, можно сказать, лилось рѣкой. Рѣчей было множество, и каждая была заливаема обильными струями сего веселаго, великолѣпнаго вина. Проповѣди князя, въ которыхъ онъ взывалъ о пользѣ и необходимости замѣнить въ подобныхъ случаяхъ дорогое шампанское скромнымъ и дешевымъ кахетинскимъ, рѣшительно были забыты въ эту минуту. Поэтому ясно, что когда внезапно, на другой день, князь атаковалъ меня вопросомъ: какое вино пили при тостахъ?—я почувствовалъ нѣчто въ родѣ того, что̀ испытываетъ пойманный въ какомъ-нибудь проступкѣ школьникъ. Углубленный весь въ исторію о сплетнѣ, которая меня занимала, я менѣе всего думалъ о винѣ, которое мы пили наканунѣ, и только въ минуту сдѣланнаго мнѣ княземъ, совершенно не ожиданно, вопроса, увидѣлъ, что эта статья займетъ князя гораздо сильнѣе, чѣмъ хитросплетенныя нападки на мое служебное положеніе. Послѣ минутнаго колебанія, я какъ-то трусливо, сквозь зубы, сказалъ:—шампанскимъ.

— Очень жаль, — какъ-то печально замѣтилъ князь. — Вы знаете мое мнѣніе на этотъ счетъ.

Я не зналъ, что отвѣчать, хотя сознавалъ, что не отъ меня зависѣло заставить все огромное и подгулявшее общество пить тосты кахетинскимъ, а не шампанскимъ. Я зналъ, что если бы я сдѣлалъ подобное приглашеніе, меня бы осмѣяли, а можетъ быть втихомолку назвали бы подлецомъ, даже въ минуты разгула думающимъ, какъ бы угодить князю, хотя бы для этого нужно было стѣснить всю достопочтенную компанію пріятелей и сослуживцевъ. Наконецъ, тутъ были многія значительныя лица, на которыхъ лежалъ болѣе обязательный, чѣмъ на мнѣ, долгъ сдѣлать поддержку этому нововведенію. Все это мигомъ мелькнуло въ моей головѣ, и, подъ вліяніемъ этихъ мыслей, я сказалъ нерѣшительно князю:

— Ваше сіятельство, тамъ было такъ много...

— Вотъ тутъ-то и слѣдовало меня поддержать, — живо возразилъ князь, — именно потому, что было большое общество. Именно среди большихъ собраній и должно проводить мою идею, потому что она выставляется рельефнѣе и разомъ дѣлается извѣстною мно-

гимъ. Если вы будете поддерживать ее въ маленькихъ дружескихъ вашихъ кружкахъ, она тамъ и останется, а мнѣ вовсе не это нужно. Вѣдь вы не разоритесь на шампанское... Мнѣ нужно, чтобы она перешла въ массы, а для этого именно нужно, чтобы вы и другія ближайшія ко мнѣ лица заявляли ее и отстанвали среди большихъ собраній. Объ этомъ я прошу васъ убѣдительно. Согласитесь, что если я не буду находить поддержки въ моихъ приближенныхъ, ничего и не выйдетъ. Будемъ дѣйствовать дружно и общими силами.

Получивъ такое опредѣленное приказаніе, я долженъ уже былъ исполнять его такъ же ревностно и усердно, какъ исполнялъ и всѣ другія порученія князя. Я говорилъ уже, что въ Тифлисѣ безпрерывно совершаются какіе-нибудь праздники, то по поводу пріѣзда кого-нибудь, то по случаю отъѣзда, то по случаю полученія кѣмъ-нибудь новаго мѣста и т. п. Директоръ канцеляріи, по самому положенію своему, неизбѣжная жертва этихъ праздниковъ. Его всюду и всегда таскаютъ. То же было и со мной. Пріѣзжая на какой-нибудь обѣдъ я, прежде всего, обращался къ распорядителямъ съ вопросомъ: какое вино будутъ пить при тостахъ, прибавляя, что если будутъ пить шампанское, а не кахетинское, то я не могу остаться на праздникѣ. Такое заявленіе было такъ многозначительно, что всегда имѣло полнѣйшую силу. Всѣ знали хорошо, что если тутъ и есть нѣкоторый деспотизмъ, то онъ принадлежитъ не мнѣ и что я лично не любилъ никакого другаго вина, кромѣ шампанскаго. Повторяю, однако, что, несмотря на обоюдную энергію нашу въ борьбѣ съ шампанскимъ, какъ виномъ заздравнымъ, успѣхъ нашъ былъ сомнителенъ: видно было, что какъ только уничтожится наше тяготѣніе, это блестящее вино возстановитъ всѣ свои права и свое милое господство на всѣхъ веселыхъ пирахъ... Несмотря, однако же, на неудачу этой оригинальной мѣры, я полагаю, что она составляетъ значительную черту въ общей характеристикѣ князя, свидѣтельствуя, во всякомъ случаѣ, что онъ умѣлъ заглядывать въ самую жизнь народа.

Вступивъ въ управленіе канцеляріею намѣстника, я простодушно вѣрилъ, что интрига, пустивъ сплетню, о которой я выше говорилъ, тѣмъ только и ограничилась. На дѣлѣ было не такъ. Когда, при первыхъ шагахъ моихъ въ новой должности, сталъ раздаваться одобрительный и замѣтный для меня самого гулъ о моихъ способностяхъ, о моей опытности въ дѣлахъ, о моемъ обращеніи съ чиновниками, князь сказалъ мнѣ однажды: «Ну, слава Богу!—мои милые опекуны начинаютъ успокаиваться и сознавать, что я умѣю таки распознавать и выбирать людей!»—я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на князя. Надо замѣтить, если я не замѣчалъ уже прежде, что «милыми опеку-

нами» онъ называлъ лицъ Д—си, барона Н. и нѣкоторыхъ другихъ, которые знали его молодымъ офицеромъ и никакъ не довѣряли его опытности и умѣнью въ дѣлѣ управленія страною. Нигдѣ, кажется, не выражалось такъ плѣнительно искуство князя разсказывать, какъ именно въ разсказахъ о томъ, какъ эти господа смотрѣли на него и какъ находили необходимымъ непремѣнно сдѣлаться его «милыми опекунами». Все это, само собою разумѣется, создалось въ его воображеніи, которое съ этой стороны дѣйствительно можно назвать блестящимъ въ высшей степени.

— Ну, что жъ?—думали они, по словамъ князя—«Намѣстникъ молодой человѣкъ, хорошій офицеръ. Само собою разумѣется, что совершенно не опытенъ въ дѣлахъ; но порядочныхъ правилъ и съ добрымъ направленіемъ. Нашъ долгъ его поддержать, мы его и поддержимъ!»

Такъ или почти такъ князь передавалъ мнѣ, угадывая своимъ умомъ тѣ отношенія, въ которыя эти господа предполагали поставить себя. До какой степени они вѣрно поняли возможность этихъ отношеній, можно уже заключить изъ того, что онъ окрестилъ ихъ комическимъ именемъ: «милыхъ опекуновъ».

Кто хорошо зналъ, какъ я, характеръ и убѣжденія князя, для того понятно было, что этимъ милымъ опекунамъ не устоять на ногахъ уже потому собственно, что онъ предполагалъ въ нихъ, вѣрно или нѣтъ, «милыхъ опекуновъ». Князь, по натурѣ своей, не могъ сносить никакого опекунства. Тотъ, кто имѣлъ малѣйшую претензію вліять на него, непремѣнно долженъ былъ повалиться. Такъ именно и повалились Д—си, баронъ Н. и др. Сильные, вліятельные дотолѣ, они потеряли у князя всякое значеніе и, можно сказать, отъ стыда разбѣжались съ Кавказа, гдѣ они думали руководить молодымъ намѣстникомъ.....

Когда князь замѣтилъ на моемъ лицѣ недоумѣніе, произведенное его непонятными для меня словами, онъ продолжалъ:

— Вы, конечно, не знаете, какъ они сильно перетревожились по случаю вашего назначенія?

— Чѣмъ же оно могло ихъ встревожить?—живо замѣтилъ я,—это назначеніе, какъ мнѣ кажется, весьма естественное и во всякомъ случаѣ до нихъ совершенно не касается.

— Совершенно справедливо,—отвѣчалъ князь,—да они-то не такъ думаютъ и страшно переполошились. И письменно, и изустно они убѣждали меня въ совершенной невозможности поручить вамъ канцелярію, какъ человѣку новому, совершенно незнакомому съ краемъ и всѣми мѣстными обстоятельствами. Я отвѣчалъ имъ: «спите спокойно!»

Надо замѣтить, что совершенно неспособный, по самой природѣ

своей, ни интриговать, ни даже противуборствовать интригамъ другихъ, я совершенно равнодушно относился къ подобнымъ кознямъ моихъ благопріятелей и если заботился о чемъ-нибудь преимущественно въ моемъ служебномъ положеніи, такъ это единственно о томъ, чтобы поддержать хорошее мнѣніе обо мнѣ самого князя и вовсе не для того, чтобы личнымъ его расположеніемъ ворочать, какъ могущественнымъ рычагомъ, дѣлами и людьми Кавказа, а въ силу того, можно сказать, полудѣтскаго стремленія, по которому хорошій и восхваляемый воспитанникъ какого-нибудь заведенія старается удержать за собою занятое уже мѣсто въ ряду другихъ воспитанниковъ. Я страшно боялся, что князь, постоянно и въ теченіе многихъ лѣтъ довольный мною, перестанетъ когда-нибудь благоволить и найдетъ, что есть много и другихъ такихъ же, да еще получше.

Что касается до мнѣнія самого князя о моей казенной, такъ сказать, дѣятельности, то мнѣ не трудно было поднять это мнѣніе уже потому собственно, что я наслѣдовалъ человѣку милому, доброму, благородному, истинному «джентльмену», но въ то же время человѣку, мало дѣловому и значительно лѣнивому. К—нъ не только не тщеславился своимъ высокимъ и вліятельнымъ положеніемъ, но даже значительно тяготился имъ. Онъ утверждалъ, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ вовсе не искалъ мѣста директора канцеляріи и что оно навязано ему, какъ я выше разсказывалъ, единственно совокупнымъ желаніемъ князя Барятинскаго и Буткова поскорѣе свалить падавшаго уже Муравьева. Съ благородною искренностью истинно порядочнаго человѣка онъ мнѣ лично говорилъ не одинъ разъ: «какой же я дѣловой человѣкъ?» Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что К—нъ постоянно стремился уйти съ этого мѣста, и только самыя настоятельныя убѣжденія князя заставили его остаться на немъ нѣкоторое время, пока князь осмотрится и устроитъ главное управленіе соотвѣтственно своимъ идеямъ.

И, дѣйствительно, К—нъ былъ истиннымъ мученикомъ на этой должности: съ одной стороны, онъ долженъ былъ читать, докладывать, подписывать массу дѣлъ, полагаясь почти исключительно на своихъ подчиненныхъ, а съ другой—добрый, онъ былъ жертвою безчисленныхъ просьбъ и ходатайствъ, въ которыхъ значительная доля была неосновательныхъ, просто нахальныхъ, съ которыми, однако же, онъ, по добротѣ своей, никакъ не могъ и не умѣлъ бороться. Въ заключеніе, онъ хотя и считался другомъ князя, однако же сильно его боялся, какъ боялись князя и всѣ другіе, считавшіеся друзьями его. Князь имѣлъ въ своей личности, въ высшей степени деликатной и благовоспитанной, что-то сильно подавляющее личности другихъ. Поэтому, слабая натура К—на не могла находить особеннаго наслажденія въ

столкновеніяхъ съ сильною, подавляющей и значительно избалованной и капризной натурой князя; князь въ особенности не прощалъ ему забывчивости, которою страшно страдалъ милый К—нъ. При какомъ-нибудь докладѣ, напр., князь надаетъ ему разныхъ порученій; К—нъ непремѣнно половину перезабудетъ. При слѣдующемъ докладѣ, разумѣется, это обнаружится, и князь начинаетъ капризничать. Въ отвращеніе такихъ послѣдствій, К—нъ придумалъ записывать приказанія князя въ то самое время, какъ ихъ получаетъ. Нетерпѣливый и вѣчно говорящій князь, продолжая говорить и въ то же время замѣчая, что К—нъ, углубленный въ свои замѣтки, не внимательно его слушаетъ, начинаетъ опять капризничать, восклицая: «да что вы тамъ пишете? Господи! какое съ нимъ мученье! Выслушайте, что я говорю, послѣ успѣете записать!» К—нъ начинаетъ слушать и потомъ опять забывать. Эти столкновенія съ комической точки зрѣнія разсказывалъ мнѣ много разъ самъ князь, который несомнѣнно любилъ К—на за его истинную порядочность и быть-можетъ именно за слабость его натуры, надъ которою князь могъ неограниченно господствовать. Доказательства же, что К—нъ значительно трусилъ князя, я видѣлъ самъ, и не одинъ разъ, своими глазами. По какому-то вопросу князь, высказавъ свое мнѣніе, которое и я находилъ совершенно удобоисполнимымъ, поручилъ мнѣ переговорить съ К—мъ. Тотъ сдѣлалъ какія-то замѣтки о неудобствахъ предстоящей мѣры, которыя и надобно было принять въ соображеніе. Между тѣмъ какъ-то случайно, въ бытность насъ обоихъ въ кабинетѣ князя, князь, обратившись ко мнѣ, неожиданно спросилъ: «а что то дѣло?» я тотчасъ отвѣчалъ: «Алексѣй Ѳедоровичъ находитъ не совсѣмъ удобнымъ». Надобно было видѣть смущеніе К—на. Сильно и вдругъ покраснѣвъ, какъ-будто уличенный въ чемъ-нибудь незаконномъ, онъ началъ сбивчиво говорить: «нѣтъ, я ничего; я совершенно согласенъ...» и т. п. Я тотчасъ увидѣлъ, что поступилъ опрометчиво и что въ отношеніяхъ милаго К—на съ княземъ никакой самостоятельности не оказывается.

Однимъ словомъ, К—нъ считалъ и чувствовалъ свое положеніе отяготительнымъ и постоянно мечталъ о томъ, когда онъ будетъ совершенно свободенъ. Въ ожиданіи этого блаженства, онъ взялъ продолжительный отпускъ, во время котораго князь сыгралъ съ нимъ такую штуку, которая, удививъ самого К—на, изумила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь Кавказскій міръ.....

ГЛАВА II.

Вступленіе мое въ управленіе канцеляріею намѣстника.—Сложность и обширность обязанностей директора канцеляріи.—Стремленіе князя наполнить меня его государственными идеями и соображеніями.—Порядокъ докладовъ князю.—Его неограниченное довѣріе къ сотрудникамъ.—Одинъ изъ деликатныхъ пріемовъ князя, котораго всѣ боялись.—Давленіе идей намѣстника на общественное мнѣніе.—Знаменитая фраза генерала Иваницкаго: „надо примолчать". Критика князя бумажной дѣятельности нашихъ министровъ.—Быстрота и сила соображеній князя.—Педантизмъ князя въ отдѣлкѣ нѣкоторыхъ бумагъ.—Дѣло объ избраніи новаго армянскаго католикоса.—Знаменитый Нерсесъ, прежній католикосъ, и Матеосъ, выбранный на его мѣсто.—Айвазовскій, братъ художника, какъ претендентъ на это мѣсто.—Встрѣча Матеоса въ Тифлисѣ.—Неудачныя послѣдствія этого выбора.—Учрежденіе генералъ-губернаторствъ въ Тифлисѣ и Кутаисѣ.

Обращаюсь къ обязанностямъ, которыя предстали мнѣ по должности директора канцеляріи. Обязанности эти были такъ сложны и разнообразны, что несомнѣнно превышали средства и способности самаго даровитаго директора, не говоря уже о насъ съ Кр—омъ. Справляться съ ними отчетливымъ образомъ не было матеріальной возможности: входящія и исходящія бумаги неотступно являлись предъ нимъ горами. Не говоря уже о массахъ входящихъ бумагъ, поступающихъ изъ всѣхъ мѣстъ цѣлаго края, которыя, какъ принято во всѣхъ другихъ высшихъ учрежденіяхъ, не требовали внимательнаго чтенія, а, говоря слогомъ чиновниковъ, «пробѣгались», директоръ канцеляріи буквально не могъ прочитать всей массы однѣхъ исходящихъ бумагъ, вырабатываемыхъ и заготовляемыхъ громаднѣйшею канцеляріею.

Увидѣвъ предъ собою такую страшную работу, я на первыхъ же порахъ просилъ у князя вице-директора и даже назвалъ человѣка, которому я полагалъ поручить эту должность. Къ удивленію, князь не согласился, и я очутился въ страшно отяготительномъ положеніи, которое заставляло меня работать день и ночь. Когда, утомленный, просидѣвъ въ канцеляріи отъ 8-ми до 4-хъ или 5-ти часовъ, я возвращался домой, за мною слѣдовали многіе картоны, наполненные дѣлами и бумагами.

Впрочемъ собственно канцелярскій трудъ, какъ онъ ни обширенъ, не одолѣлъ бы меня; но дѣло въ томъ, что онъ составлялъ, можно сказать, послѣднее дѣло для директора канцеляріи. Время его употреблялось большею частію на пріемы значительныхъ лицъ и безконечныхъ просителей; на доклады намѣстнику, на участіе въ пріемныхъ дняхъ намѣстника, которые отличались особенною торжественностью. Но, болѣе всего этого, занятія директора прерывались и нарушались безпрерывными требованіями князя: едва-ли проходилъ одинъ день,

въ теченіе котораго князь не потребовалъ бы къ себѣ нѣсколько разъ директора, не зная или считая для себя вовсе необязательнымъ знать, что его письменный столъ заваленъ грудою дѣлъ, а въ кабинетѣ его вѣчно толкаются различные чиновники съ своими докладами и различными вопросами.

Я говорилъ уже, что князь не былъ вовсе способенъ къ усидчивому труду: онъ не могъ углубиться въ какое-нибудь чтеніе; писать же для него было просто невыносимою скукою. Главнымъ его занятіемъ было думать и говорить. Говорилъ онъ безконечно. Отъ этого происходило, что, потребовавъ меня къ себѣ, по поводу какой-нибудь просьбы или идеи, внезапно явившейся въ его соображеніяхъ, онъ не ограничивался простымъ приказаніемъ, сюда относящимся, но или по поводу собственнаго того вопроса, по которому меня потребовалъ, или по поводу какой-нибудь другой, совершенно посторонней идеи, пускался говорить, расхаживая по своему длинному и прекрасно устроенному имъ самимъ кабинету. Казалось—онъ желалъ и считалъ необходимымъ перелить въ мою голову все то, что было въ его головѣ.

Природа не надѣлила меня никакою геніальностью; но по части здраваго смысла отпустила мнѣ значительный запасъ, который время и обстоятельства дополнили удовлетворительнымъ количествомъ опытности и въ жизни и въ дѣлахъ; ко всему этому присоединялось искреннее благоговѣніе предъ блестящимъ умомъ князя и свѣтлыми его идеями. Прозорливый князь все это видѣлъ и, безъ сомнѣнія, признавалъ, что я наиболѣе достоинъ къ воспринятію его воззрѣній. Все, что онъ говорилъ, всегда исполнено было величайшей мудрости, и я истинно сожалѣю, что чувствую себя не въ силахъ совокупить и представить здѣсь въ сжатомъ очеркѣ сводъ его мнѣній по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности и по всѣмъ вопросамъ народной жизни.

Но по моему заботливому характеру, слушая князя, я постоянно думалъ о томъ, какая масса работы меня ожидаетъ въ канцеляріи, соображалъ мысленно, когда я успѣю сдѣлать то, написать другое, и съ этими раздвоенными мыслями часто нетерпѣливо ожидалъ—совѣстно признаться – окончанія бесѣды. Надо замѣтить, что потому-ли, что князь былъ очень большой баринъ, или потому, что на служебномъ своемъ поприщѣ онъ не попадалъ въ такое положеніе, гдѣ нужно было нести черновую, такъ сказать, работу, то-есть читать и писать кучу разнородныхъ бумагъ, онъ относился къ этой работѣ довольно жестокосердымъ образомъ. Онъ, конечно, могъ понимать, идетъ-ли работа быстро или медленно, хорошо или дурно; но только въ общемъ, такъ сказать, видѣ, опредѣлить, въ какое время та или другая работа можетъ быть сдѣлана, онъ былъ не въ состояніи. Отъ этого происходило,

что, задавая какую-нибудь работу, онъ назначалъ невозможные по краткости сроки. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи я самъ былъ значительно виноватъ, пріучивъ князя къ этой краткости сроковъ, своею быстротою въ работахъ, которую еще старикъ Кожуховъ ставилъ мнѣ нѣкогда въ большой недостатокъ, именно потому, что она балуетъ моихъ начальниковъ. Отъ этого же происходило и то, что, продержавъ меня все утро и пригласивъ меня сдѣлать то и другое, князь, на другое утро, вновь требовалъ меня, спрашивалъ: сдѣлано-ли то, о чемъ вчера говорили, а потомъ опять удерживалъ меня и снова начиналъ говорить. Бесѣды эти прерывались большею частію или докладомъ дежурнаго адъютанта—что такой-то проситъ дозволенія явиться, или наступленіемъ времени для обычной прогулки верхомъ.

Если бы я предпринялъ исчислять всѣ дѣла, которыя совершены въ гражданскомъ мірѣ Кавказа, въ періодѣ князя Барятинскаго, то, конечно, не было бы и конца. Да такое перечисленіе, какъ мнѣ кажется, было бы не нужно и во всякомъ случаѣ чрезвычайно скучно. Я вовсе не имѣю намѣренія писать исторію гражданскаго преуспѣянія на Кавказѣ за время князя Барятинскаго; это сдѣлано мною въ оффиціальномъ отчетѣ князя, представленномъ государю и разосланномъ всѣмъ знатнымъ лицамъ государства; здѣсь я предположилъ разсказать только про свое житье-бытье на бѣломъ свѣтѣ и при этомъ, въ силу самой необходимости, указать на дѣла и лица, которыхъ я касался или которыя меня касались. Нѣтъ сомнѣнія, что личность князя Барятинскаго въ моей судьбѣ занимаетъ первое мѣсто, и потому я долженъ стараться, если сумѣю, выставить преимущественно тѣ черты, которыя съ наибольшею вѣрностью, съ наибольшею истиною, могутъ изобразить эту высокую и замѣчательнѣйшую личность.

Въ этомъ отношеніи я считаю нужнымъ разсказать порядокъ докладовъ князю разныхъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, впереди которыхъ стоялъ безспорно директоръ канцеляріи, какъ первый его сотрудникъ и проводникъ его идей и видовъ. При этихъ докладахъ князь вполнѣ и самымъ широкимъ образомъ прилагалъ тотъ принципъ, который онъ давно и много разъ высказывалъ уже мнѣ, когда онъ самъ былъ далекъ отъ положенія намѣстника и когда я зналъ только одно, что есть страна, называемая Кавказомъ, и больше ничего, ни о ея устройствѣ, ни о ея администраціи. Принципъ, усвоенный княземъ самымъ глубокимъ образомъ, состоялъ въ томъ, что главная и существенная задача начальника—выбрать надежныхъ сотрудниковъ. Если задача эта успѣшно исполнена—то эти сотрудники должны пользоваться неограниченнымъ его довѣріемъ. Князь, ставъ начальникомъ, облекалъ своихъ докладчиковъ дѣйствительно самымъ неограниченнымъ

довѣріемъ и отъ того самый порядокъ докладовъ у него мало или вовсе не походилъ на тотъ порядокъ, котораго держатся наши бумажные министры и съ которымъ я болѣе или менѣе былъ уже знакомъ по прежней петербургской своей дѣятельности.

Бумажнаго характера въ докладахъ князю, несмотря на то, что тутъ подписывались груды бумагъ, вовсе не существовало. Когда я, бывало, являлся въ назначенный день и урочный часъ съ своимъ докладомъ къ князю, онъ большею частію говорилъ: «ну, положите ихъ, поговоримъ!». Затѣмъ начиналъ ходить по кабинету и говорить, а я обращался въ почтительнаго слушателя, изрѣдка только дѣлая какое-нибудь замѣчаніе. Сколько князь любилъ говорить, столько же не любилъ, когда другіе говорили, а онъ долженъ былъ слушать, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, гдѣ самъ князь приказывалъ разсказать какое-нибудь обстоятельство или изложить существо какого-нибудь дѣла. Я зналъ это хорошо, хотя пріобрѣтеніе этого знанія обошлось не дешево для личнаго моего самолюбія. Когда, бывало, я не имѣлъ этого знанія и, пустившись въ изложеніе собственныхъ взглядовъ, самъ любовался своимъ краснорѣчіемъ, князь вдругъ, среди волнъ этого краснорѣчія, говорилъ: «однако извините! мнѣ надо ѣхать» или «потрудитесь позвать того-то»». Трудно было не покраснѣть при такомъ неожиданномъ заявленіи, разомъ уничтожавшемъ потоки краснорѣчія и значительно задѣвавшемъ чувство личнаго достоинства.

Чрезвычайно деликатный и благовоспитанный князь любилъ, какъ онъ выражался, «вгонять въ краску»; «какъ вгонишь разъ, два въ краску»,—нерѣдко говорилъ онъ,—«онъ и пойметъ, въ чемъ дѣло». Такъ точно дѣлалъ онъ и со всѣми, кто думалъ плѣнять его силою ума и богатствомъ идей, т. е. среди потока словъ, которыми выражались эти идеи, круто повертывалъ свое вниманіе въ другую сторону и оставлялъ разговорившагося господина съ растерянными мыслями и «краскою на лицѣ». Само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени ключій этотъ пріемъ со стороны князя сдѣлался болѣе или менѣе общеизвѣстнымъ, и охотниковъ натыкаться на эту рогатину было мало. Отъ этого происходило, что всѣ обращались въ слушателей, а ораторомъ оставался одинъ князь; если же кто и рѣшался ввернуть свое слово, то дѣлалъ это съ такою осторожностью, съ какою переходятъ неизвѣстную рѣку въ бродъ. Здѣсь кстати можно повторить приведенную уже выше, столь же остроумную, сколько и вѣрную замѣтку князя Георгія Мухранскаго, что при разговорѣ съ княземъ на каждое слово надо надѣвать нѣсколько пальто.

Самыми смѣлыми въ объясненіяхъ съ княземъ являлись люди, такъ сказать, втораго порядка, не бывшіе съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и потому не знавшіе близко ни его характера, ни его пріемовъ.

Какой-нибудь, напр., предсѣдатель приказа, изъ хохловъ, призванный въ кабинетъ князя для спеціальнаго вопроса, знать не хотѣлъ никакихъ придворныхъ тонкостей и громкимъ голосомъ, малороссійскимъ складомъ, каталъ, что зналъ, а иногда на какое-нибудь замѣчаніе князя возражалъ съ такой рѣзкой наивностью, что присутствующіе значительно переглядывались. Въ подобныхъ случаяхъ князь держался другой, противоположной манеры. Въ продолженіе громкаго и безцеремоннаго объясненія подобнаго господина онъ снисходительно улыбался, а иногда переглядывался только съ своими приближенными, какъ бы говоря: «вотъ забавный оригиналъ!». Потомъ, за обѣдомъ или на вечерѣ, разсказывалъ, какъ ему понравился этотъ господинъ. «Такой простой и добрый!» прибавлялъ князь. Но эти частныя исключенія изъ общаго правила, дѣлаемыя для лицъ, только изрѣдка или единожды допускаемыхъ къ князю, не представляли никакого облегченія для лицъ, постоянно и ежедневно его окружающихъ. Они должны были слушать князя, сдерживая проявленія собственнаго мышленія.

Здѣсь кстати, я полагаю, припомнить знаменитое изреченіе знаменитѣйшаго изъ тифлисскихъ говоруновъ съ нигилистическимъ оттѣнкомъ Иваницкаго, который, при всей своей смѣлости, прославившей его, особенно при князѣ Воронцовѣ, объявилъ въ значительномъ обществѣ, собравшемся у меня, что каждый долженъ всѣми мѣрами защищать собственныя убѣжденія; но что если эти убѣжденія не сходятся съ убѣжденіями начальства, т. е. князя, то «надо примолчать!». Это знаменитое «примолчать» сдѣлалось потомъ, какъ я говорилъ уже, мученіемъ Иваницкаго, который этимъ словомъ нанесъ сильный ударъ своей репутаціи, какъ либерала и стойкаго человѣка. Но если онъ сдѣлалъ ошибку въ отношеніи къ собственной своей репутаціи, то тутъ не было ни малѣйшей ошибки въ отношеніи къ существу дѣла. Въ дѣйствительности всѣ «прималчивали». Приведу еще одно изреченіе, сюда относящееся и также служащее къ уясненію вопроса, надъ которымъ я засѣлъ въ сію минуту. Б., человѣкъ злой, ненадежный, но безспорно ученый, когда однажды шла также рѣчь о давленіи князя на его окружающихъ, сказалъ: «да, князь отличный человѣкъ; но у него есть тотъ недостатокъ, что онъ любитъ господствовать въ кругу своихъ п р і я т е л е й». Одномъ словомъ, повторяю, что князь любилъ говорить и любилъ, чтобы его почтительно слушали. Такъ точно и я болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ былъ слушать его почтительно. Но я не былъ бы вѣренъ истинѣ, еслибы сказалъ, что я никогда не выходилъ изъ роли почтительнаго слушателя.

Но это были, конечно, отдѣльные, частные случаи, составлявшіе отступленіе отъ общаго порядка. Общій же порядокъ былъ тотъ, что при моихъ докладахъ князю груда бумагъ, мною принесенныхъ, ле-

жала въ сторонѣ; князь говорилъ, а я слушалъ. Къ этой грудѣ бумагъ князь относился такимъ образомъ, что какъ будто сознавалъ и вполнѣ вѣрилъ, что тамъ все сдѣлано и написано вполнѣ согласно его видамъ и цѣлямъ; что все важное и замѣчательное рѣшается его разговорами со мной и что кучи текущихъ бумагъ, которыя онъ подписываетъ, не достойны вниманія намѣстника. Взглядъ этотъ подробно развивался въ пространныхъ объясненіяхъ, къ которымъ онъ любилъ часто обращаться. Онъ критиковалъ дѣятельность нашихъ министровъ, посвященную преимущественно бумагамъ, и утверждалъ, что, независимо отъ даровитости или бездарности ихъ, они не могутъ придумать ничего порядочнаго именно потому, что вѣчно завалены бумагами, поглощающими всѣ умственныя силы ихъ. Онъ приводилъ въ примѣръ англійскихъ министровъ, которые разъѣзжаютъ верхомъ, живутъ въ своихъ замкахъ, занимаются охотою и въ то же время отлично управляютъ своими министерствами. Онъ утверждалъ, что эти прогулки верхомъ, эти охоты даютъ государственному человѣку болѣе свободы и возможности обдумывать важнѣйшія дѣла, дѣйствительно достойныя ихъ вниманія, чѣмъ вѣчная кабинетная возня съ бумагами, составляющими большею частію одно обычное текущее дѣлопроизводство. На этомъ основаніи князь просто негодовалъ, что по существующимъ законамъ къ подписи его представлялось множество бумагъ незначительныхъ, и требовалъ или расширить права директора такимъ образомъ, чтобы онъ могъ подписывать всѣ эти бумаги за своею отвѣтственностью, а если этого нельзя, то преобразовать главное управленіе такъ, чтобы все текущее и обыкновенное дѣлалось его помощниками и сотрудниками, а ему, намѣстнику, представлялось только то, что важно, замѣчательно и достойно его вниманія.

Понятно, что при такихъ взглядахъ, особенно если присоединить къ нимъ убѣжденія князя, что выбранные имъ сотрудники должны пользоваться неограниченнымъ его довѣріемъ, мои груды бумагъ не имѣли въ глазахъ его большаго значенія. Проговоривъ бо́льшую часть утра, князь круто обращался къ этимъ грудамъ и какъ-то не совсѣмъ пріязненно спрашивалъ: «ну что у васъ тамъ? Есть что-нибудь особенное?». Отъ директора канцеляріи зависѣло сказать: «ничего нѣтъ!». Но въ громадной массѣ дѣлъ, движущихся чрезъ канцелярію, всегда было что-нибудь особенное и замѣчательное. Поэтому К—нъ и я слѣдовали такому порядку, что всѣ доклады предварительно раздѣляли на двѣ части; въ одну, бо́льшую, отдѣляли всѣ дѣла и бумаги, не стоящія по нашимъ соображеніямъ того, чтобы говорить о нихъ князю, а во вторую, значительно меньшую, все то, что, по мнѣнію нашему, было достойно вниманія князя или что мы считали рискованнымъ принять на свою отвѣтственность. Когда князь переходилъ къ обычному своему во-

просу: «что у васъ тамъ?»,—я старался наибыстрѣйшимъ образомъ разсказать важнѣйшую часть доклада и при этомъ постоянно находился подъ вліяніемъ понукающаго выраженія глазъ князя. По окончаніи этого разсказа князь тотчасъ садился подписывать бумаги, или, что дѣлалось большею частію, оставлялъ ихъ у себя и подписывалъ потомъ. Быстрота его пониманія была изумительна въ той же степени, какъ и сила его соображеній. Кажется, въ предъидущихъ чертахъ я уже уподобилъ князя, сравнительно съ нами, его сотрудниками, кровному рысаку въ отношеніи простыхъ рабочихъ клячъ. Какъ ни тривіально это сравненіе—оно въ сущности вѣрно. И, дѣйствительно, случалось нерѣдко, занимаясь обработкою какого-нибудь серьезнаго дѣла, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, приводишь его, кажется, къ самому разумному разрѣшенію. При докладѣ князю это разумное разрѣшеніе не рѣдко опрокидывалось вверхъ дномъ. Надобно только, чтобы князь выслушалъ и понялъ, въ чемъ заключается сущность дѣла, иногда весьма сложнаго. «Это не такъ, Василій Антоновичъ!»—говорилъ въ подобныхъ случаяхъ князь и вслѣдъ затѣмъ озарялъ дѣло такими свѣтлыми соображеніями, что только стоишь, разиня ротъ, восхищаясь княземъ и недоумѣвая, какимъ это образомъ эти, поразительные по простотѣ и истинѣ, доводы не пришли въ голову ни мнѣ, ни моимъ помощникамъ.

Если князя мало занимали дѣла, такъ сказать, восходящія къ нему, то трудно представить, какъ сильно занимали его нѣкоторыя дѣла и вопросы, исходящіе отъ него. Тутъ надобно было вооружаться нескончаемымъ терпѣніемъ. Поручаетъ онъ, напримѣръ, изложить мысли его по какому-нибудь вопросу; работа сдѣлана и представлена ему. Князь восхищенъ и благодаритъ. Кажется, дѣлу конецъ. Нисколько. Только начало. Князь начинаетъ углубляться въ вопросъ и перерабатывать его «въ своей кухнѣ». Постоянно думая и передумывая, онъ начинаетъ безпрерывно требовать васъ и совѣщаться: не лучше-ли такъ, не рельефнѣе-ли эдакъ? И эта щепетильность, эта скучная привязчивость простирается не только на сущность дѣла, но на самый слогъ, на запятыя даже. Сегодня одинъ періодъ переносится выше, другой ниже, завтра тотъ, который былъ возвесенъ, спускается опять внизъ, а тотъ, который былъ спущенъ, превозносится; на третій день опять все разставляется въ прежнемъ порядкѣ, который уже забытъ и принимается за новый.

Этого мало. Самыя слова переставляются. Если, напримѣръ, сказано: «человѣкъ отличный», князь переставляетъ: «отличный человѣкъ», потомъ опять: «человѣкъ отличный» и такъ далѣе, безконечно. Удивительное дѣло! Человѣкъ не письменный и, какъ я выше говорилъ, ненавидѣвшій бумажныя дѣла, являлся здѣсь величайшимъ, безпримѣрнымъ, педантомъ этого бумажнаго дѣла, этой письменности.

Но главная бѣда какъ для него самого, такъ и особенно для его сотрудника, заключалась въ томъ, что, не будучи самъ въ состояніи зачеркнуть то, что ему не нравится, и написать, вмѣсто того, какъ ему нравится, онъ выражалъ свои мнѣнія и желанія какими-то іероглифическими знаками, которые не только затрудняли его сотрудника, но потомъ дѣлались непонятными для самого князя. Такимъ образомъ онъ одновременно мучилъ и себя самого, и своего сотрудника, каковымъ большею частью имѣлъ честь состоять я. Случалось и такъ, что, указавъ лично тѣ измѣненія, какія онъ желаетъ сдѣлать, онъ, вслѣдъ затѣмъ, начиналъ высылать съ казаками коротенькія записочки: «не лучше-ли сказать тамъ-то такъ-то» или: «мнѣ кажется, вмѣсто того-то лучше поставить то-то». Въ подобныхъ случаяхъ скука и нѣкоторая досада моей нетерпѣливой натуры, противу моей воли, выступала на лицо, такъ что князь не могъ не читать на немъ этихъ ощущеній. Замѣчая ихъ, онъ говорилъ: «со мной тяжело работать? не правда-ли?» «Это, ваше сіятельство, не важный вопросъ»,—уклончиво отвѣчалъ я; «но удивительно видѣть, какъ много ваше сіятельство обременяете себя подробностями, которыя кажутся мнѣ неимѣющими большаго значенія. Я осмѣливаюсь выразить глубокое убѣжденіе, что результаты труда вашего сіятельства не могутъ соотвѣтствовать размѣру его. Для того, кто будетъ читать эту бумагу, нужно, чтобы она ясно и складно была написана; никому въ голову не придетъ, чтобы вы сами посвятили на отдѣлку малѣйшихъ подробностей столько личной заботливости». «Ну, ужъ что дѣлать, любезнѣйшій, если у меня натура такая. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я самъ знаю, что я безпокойный. Я не могу успокоиться до тѣхъ поръ, пока все не будетъ сдѣлано по моему вкусу».

Если съ одной стороны въ массѣ дѣлъ и бумагъ, предоставляемыхъ мною князю, дѣйствительно значительная часть относилась къ вопросамъ, такъ сказать, обыденнымъ, то съ другой нерѣдко встрѣчались въ ней дѣла величайшей важности. Таково, напримѣръ, было дѣло объ избраніи новаго армянскаго католикоса. До моего пріѣзда на Кавказъ, только-что умеръ прежній католикосъ Нерсесъ, именемъ котораго, можно сказать, была полна страна, какъ человѣка, въ высшей степени замѣчательнаго по обширному уму и величайшей самостоятельности.

Я говорилъ уже выше, что когда я отправлялся изъ С.-Петербурга въ Москву на коронацію, почти весь путь я проговорилъ съ моимъ старинымъ пріятелемъ Хрущовымъ, который въ то время былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и, какъ я замѣтилъ уже, обрисовывая эту замѣчательную личность, отличался также величайшею самостоятельностью. Большая часть нашей бесѣды посвящена была именно борьбѣ Нерсеса съ министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ и разсказамъ о разныхъ продѣлкахъ этого господина превосходящихъ всякое вѣроятіе. Дѣло въ томъ, что армянскій католикосъ, наравнѣ съ представителями всѣхъ другихъ исповѣданій, по существовавшимъ законамъ, былъ въ зависимости отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; на самомъ же дѣлѣ онъ не хотѣлъ знать ни этихъ узаконеній, ни этого министерства. До поступленія Хрущова въ управленіе департаментомъ иностранныхъ исповѣданій на самовольство Нерсеса смотрѣли, такъ сказать, спустя рукава. Съ назначеніемъ же Хрущова директоромъ этого департамента, онъ составилъ, какъ самъ разсказывалъ мнѣ на желѣзной дорогѣ, подробное историческое обозрѣніе всѣхъ отступленій Нерсеса отъ закона и повелъ на него сильнѣйшую атаку. Война загорѣлась страшная. Нерсесъ не только не отступилъ и не смирился; напротивъ, съ неслыханною рѣзкостью и презрѣніемъ сталъ относиться къ министерству; самого министра онъ сталъ осыпать положительно бранью, признавая въ немъ только чиновника, а себя выставляя служителемъ или посланниковъ Бога и наставникомъ многочисленнаго народа, разсыпаннаго по всей вселенной.

Для меня тогда совершенно чужды были интересы этого дѣла; но Хрущовъ любилъ разсказывать свои дѣловые подвиги, а въ настоящемъ случаѣ, быть можетъ, разсчитывалъ, что я при случаѣ передамъ князю непохвальное поведеніе Нерсеса и тѣмъ самымъ привлеку сочувствіе его на сторону министерства. Но скоро обнаружилось, что князь, забирая въ свое исключительное и непосредственное вѣдѣніе всѣ административныя отрасли въ Кавказскомъ краѣ, предпринялъ подчинить тому же принципу и духовныя дѣла. Ланской, безъ сомнѣнія, по настояніямъ упорнаго Хрущова, вздумалъ было заявить что-то въ родѣ протеста; вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Кавказскаго комитета или Комитета министровъ, гдѣ, при содѣйствіи ловкаго и преданнаго въ то время князю Буткова, побѣда осталась на сторонѣ князя. Такимъ образомъ Хрущову, въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, пришлось прекратить съ Нерсесомъ всякую дальнѣйшую борьбу, тѣмъ болѣе, что самъ Хрущовъ вслѣдъ затѣмъ получилъ новое назначеніе товарища министра государственныхъ имуществъ; послѣдовавшая же скоро послѣ того кончина Нерсеса не только избавила князя отъ всякихъ отношеній къ этому строптивому человѣку, но даже лишила его возможности передать ему Андреевскую ленту, которую князь привезъ для него, вѣроятно, разсчитывая этимъ способомъ вѣрнѣе подѣйствовать на усмиреніе его и на возбужденіе сочувствія его новому періоду русскаго управленія на Кавказѣ.

Съ кончиною Нерсеса предстояло избрать новаго католикоса тѣмъ порядкомъ, который установленъ законами и который, повидимому, предоставлялъ этотъ вопросъ всецѣло и независимо самому армянскому народу. На совершеніе этого избранія полагался годъ. Не только для

мудраго князя, но и для каждаго смертнаго ясно было, какую необъятную важность представляло для русскаго управленія избраніе въ это высокое положеніе той или другой личности. Вліяніе и могущество католикоса не ограничивается собственно предѣлами Закавказскаго края и даже предѣлами Русской имперіи; но распространяется, дѣйствительно, на всю вселенную, ибо трудно сказать, гдѣ нѣтъ промышленныхъ армянъ. Всѣ армяне, въ какой бы отдаленной части свѣта они ни находились, смотрятъ на Эчміадзинъ съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ другіе христіане смотрятъ на Іерусалимъ. Понятно, какъ это духовное вліяніе католикоса важно и для политическаго нашего вліянія на Востокѣ. Понятно, что если католикосъ будетъ послушенъ нашимъ видамъ, наше правительство пріобрѣтаетъ въ немъ сильное орудіе этого политическаго вліянія. Поэтому нашей администраціи предстояло употребить всѣ мѣры, чтобы направить это избраніе на такую личность, которая соотвѣтствовала бы нашимъ видамъ.

Изъ лицъ, извѣстныхъ управленію намѣстника, явились два кандидата: тифлисскій епископъ Саркисъ и архимандритъ Айвазовскій, родной братъ извѣстнаго художника. Саркисъ признавался всѣми умнѣйшимъ человѣкомъ, но страшнымъ интриганомъ, находившимся въ постоянной борьбѣ съ покойнымъ Нерсесомъ, и вообще мало любимымъ и уважаемымъ народомъ. Архимандритъ Айвазовскій славился глубокимъ образованіемъ; воспитанный въ Парижѣ, онъ первоначально тамъ основалъ какое-то армянское училище, а потомъ, когда переселился въ Россію, то здѣсь тоже учредилъ школу или училище. Этотъ господинъ сильно заподозрѣвался въ наклонности и даже служеніи, посредствомъ своихъ школъ, католицизму и также вѣчно находился въ распрѣ съ Эчміадзинскимъ синодомъ. Я помню, что во время управленія моего вновь созданнымъ потомъ, въ составѣ главнаго управленія намѣстника, департаментомъ общихъ дѣлъ, къ завѣдыванію котораго относились, между прочимъ, и духовныя дѣла, Эчміадзинскій синодъ, злобствовавшій на Айвазовскаго, представилъ однажды, для уличенія его, какой-то Катихизисъ, составленный имъ для его училища. Въ этомъ Катихизисѣ дѣйствительно папѣ отведено первое мѣсто въ областяхъ духовнаго міра. Такого подозрѣнія слишкомъ было достаточно, чтобы кандидатство Айвазовскаго было лишено надежды на успѣхъ. Впрочемъ, лично самъ онъ не выступалъ на арену; за него дѣйствовалъ самымъ усерднымъ образомъ братъ его, живописецъ Айвазовскій, и осыпалъ постоянно князя такими великолѣпными письмами, что не трудно было догадаться, что они писаны не художникомъ, но столь же талантливымъ, какъ и знаменитая кисть его, перомъ его ученаго брата. Вѣрность этой догадки положительно подтверждалась исполненными ума и учености соображеніями о томъ, какъ легко возвести архимандрита въ католикосы, въ то время, когда существуютъ въ

армянскомъ духовенствѣ маститые епископы и архіепископы, и множествомъ историческихъ указаній, взятыхъ изъ католическаго міра, о томъ, какъ молодые и невысокаго чина люди, но добродѣтельные, благочестивые, просвѣщенные, шагали прямо къ папы, мимо толпы различныхъ и знатныхъ стариковъ. Все это ученое краснорѣчіе не повело, однако же, ни къ чему. Надобно было искать католикоса за границей.

Для этой цѣли и отправленъ былъ какой-то особенно тонкій армянинъ, когда то и чѣмъ-то служившій, но въ это время бывшій уже частнымъ человѣкомъ. Фамилію его я уже забылъ; но знаю, что, пользуясь особеннымъ покровительствомъ К—на, онъ не рѣдко употреблялся, какъ человѣкъ искусный, во многихъ административныхъ дѣлахъ, требовавшихъ тайны. Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ онъ былъ отправленъ за границу еще К—мъ, до моего вступленія въ управленіе канцеляріею. Конецъ всѣхъ этихъ административныхъ тонкостей былъ тотъ, что вниманіе остановилось на константинопольскомъ, если не ошибаюсь, патріархѣ или епископѣ Матеосѣ, какъ человѣкѣ, способномъ быть отличнымъ католикосомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оставалось направить самые выборы въ его пользу. Выборы должны были производиться въ самомъ Эчміадзинѣ членами синода и особыми депутатами, избранными изъ народа различныхъ епархій. Члены синода и депутаты епархій края были въ рукахъ управленія, и этого было достаточно, чтобы оно могло господствовать надъ выборами. Матеосъ выбранъ. Изъ Петербурга прислали обычные грамоту, рескриптъ, кажется, ленту какую-то и со всѣмъ этимъ отправили къ Матеосу, въ Константинополь, молодаго и тоже искуснаго генерала изъ армянъ Михаила Лорисъ-Меликова, занимавшаго потомъ должность командующаго войсками Терской области, который и привезъ его, новаго католикоса, въ Тифлисъ.

Это, кажется, было лѣтомъ 1859 г. предъ знаменитымъ походомъ, въ отсутствіе князя, который уѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ государемъ по вопросамъ, къ этому достославному походу относящимся. Я живо помню страшно жаркій день. Палящее солнце сильно и безпрепятственно обдавало своими жгучими лучами собравшіяся на площади для встрѣчи Матеоса толпы народа, все армянское духовенство и значительную, отдѣльно стоявшую, группу знатныхъ тифлисскихъ особъ. Ничѣмъ рѣшительно не защищаемыя, всѣ эти толпы и группы должны были ожидать католикоса лишнихъ часа два вслѣдствіе какого-то замедленія, всегда являющагося въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ, показались экипажи, заключавшіе католикоса и всю его свиту. Раздался колокольный звонъ во всѣхъ армянскихъ церквахъ. Многочисленное армянское духовенство, его ожидавшее, вытянулось для торжественнаго шествія въ армянскій

соборъ или монастырь, расположенный на Курѣ, названіе котораго я уже не помню. Католикосъ вышелъ изъ экипажа и, встрѣченный знатнѣйшими лицами, присоединился къ процессіи, которая тотчасъ и двинулась. Впереди шла толпа мальчишекъ, нѣчто въ родѣ нашихъ пѣвчихъ, и завывала на армянскій гнусливый манеръ самымъ отвратительнымъ для благоустроеннаго уха образомъ. Во время этого шествія мы пристально разсматривали наружность этого новаго католикоса. Это былъ небольшаго роста, довольно тучный человѣкъ, съ огромнымъ носомъ, большими оловянными и какъ-то выдавшимися впередъ глазами и вообще съ сильнымъ оттѣнкомъ во всей его личности именно какой-то туретчины. Въ свитѣ его наибольшее вниманіе обращалъ на себя маленькій, худенькій, съ очками на носу, человѣкъ, съ пріемами, если можно такъ сказать, католическими: умъ, ложное смиреніе и хитрость проявлялись во всѣхъ движеніяхъ этой маленькой фигуры, покрытой, по обычаю, армянскимъ капюшономъ, изъ-подъ котораго онъ бросалъ на все окружающее свои умные и любопытные взгляды. Это и былъ тотъ самый архимандритъ Айвазовскій, о которомъ я выше говорилъ. Видя, что дѣло проиграно, онъ какъ-то ухитрился прилѣпиться къ свитѣ новаго католикоса, хотя въ душѣ конечно желалъ, чтобы онъ провалился сквозь землю.

Когда процессія пришла въ церковь, началось длиннѣйшее богослуженіе, и другой не удавшійся кандидатъ, тифлисскій епископъ Саркисъ, говорилъ пространную рѣчь, разумѣется, на армянскомъ языкѣ, которую всѣ знакомые мнѣ армяне чрезвычайно хвалили. Въ этой рѣчи, по отзывамъ ихъ, Саркисъ благодарилъ Небо за счастіе, посланное армянскому народу въ лицѣ новаго католикоса, хотя внутреннія его ощущенія, безъ сомнѣнія, были сходны съ ощущеніями Айвазовскаго. Потомъ началъ говорить самъ католикосъ чрезвычайно много и, по отзыву тѣхъ же армянъ, такъ же хорошо. Не понимая армянскаго языка, и потому ни содержанія, ни достоинства самаго «слова», я слѣдилъ только за жестами и выраженіемъ лица проповѣдника, въ которыхъ, на непривычный глазъ, было много страннаго и оригинальнаго. По окончаніи богослуженія, католикосъ перешелъ въ приготовленныя для него комнаты, гдѣ и началось представленіе ему знатныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ. Изъ этого представленія нельзя было сдѣлать никакихъ выводовъ потому, что разговоры шли, за немногими исключеніями, чрезъ переводчиковъ, которые въ томъ краѣ особенно славились способностью перевирать все... Ясно было одно, что католикосъ старался быть привѣтливымъ, усаживалъ насъ и угощалъ чаемъ.

На другой день, во дворцѣ намѣстника, происходило торжественное врученіе ему высочайшихъ бумагъ, обыкновенно утверждающихъ избраніе каждаго новаго католикоса. Бумаги эти, прежде вручения,

должны были быть прочитаны, и, по общему настоянію, чтеніе это было исполнено моимъ звучнымъ баритономъ. Католикосъ опять сказалъ какую-то рѣчь, а затѣмъ скоро и уѣхалъ въ свой Эчміадзинъ. Такимъ образомъ князь, находившійся въ это время въ Петербургѣ, и не видалъ новаго католикоса. Затѣмъ оставалось ожидать: въ какомъ видѣ проявится личность его въ самыхъ дѣлахъ?

Увы! она скоро и рельефно проявилась, но совсѣмъ не въ нашу сторону. Независимость, къ которой этотъ турокъ сталъ выказывать не церемонное стремленіе, доходила до самовольства. Онъ сталъ назначать и переводить съ мѣста на мѣсто архіереевъ собственною властью, тогда какъ на это требовалось высочайшее утвержденіе. Протесты и замѣчанія нашего прокурора, состоящаго при Эчміадзинскомъ синодѣ, онъ просто сталъ презирать. Загорѣлась страшная бумажная война, которая принимала болѣе и болѣе широкіе размѣры. Съ цѣлію прекратить такое ненормальное положеніе дѣлъ, князь, по настоянію нашему съ К—мъ, сталъ требовать его въ Тифлисъ, для личныхъ объясненій. Католикосъ отвѣчалъ, что у него лихорадка и что онъ пріятнымъ долгомъ поставитъ пріѣхать въ Тифлисъ, какъ только поправится, однако же не пріѣзжалъ. Князь повторялъ свои приглашенія. Католикосъ повторялъ свои отвѣты, и такимъ образомъ дѣло тянулось до того времени, когда князь, а вмѣстѣ съ нимъ и я, оставили поле кавказскихъ дѣлъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что какъ избраніе католикоса, такъ и послѣдующая строптивость его мало занимали князя. Если я привелъ здѣсь это дѣло, то единственно для того, чтобы показать, что въ огромной массѣ такъ называемыхъ текущихъ дѣлъ, съ которыми я долженъ былъ бороться, во время управленія моего канцеляріею, являлись дѣла, которыя, по справедливости, можно назвать капитальными. Сюда можно отнести также образованіе кутаисскаго генералъ-губернаторства, учрежденіе генералъ-губернаторства въ Тифлисѣ, изготовленіе различныхъ проектовъ по многимъ частямъ и т. п., но повторяю, что подобное изложеніе каждаго замѣчательнаго дѣла никогда не привело бы меня къ окончанію моихъ записокъ и самыя записки приняли бы видъ дѣловаго доклада. Поэтому я прямо перехожу къ дѣлу, которое лично и сильнѣйшимъ образомъ занимало князя, которое онъ считалъ, по собственному его выраженію, «лучшимъ памятникомъ своей кавказской дѣятельности», которое, однако же, несмотря на всѣ его самыя энергическія усилія, онъ все-таки не успѣлъ поставить на прочномъ основаніи, отчего оно, тотчасъ по его удаленіи, почти совсѣмъ развалилось, а именно къ дѣлу «о возстановленіи христіанства на Кавказѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Михаила Чайковскаго.

LXXIX [1]).

Новыя интриги противъ меня.—Лизикевичъ, Коваленко и Хлѣбовскій.—Назначеніе къ намъ Фарнезе. — Фарнезе нарушаетъ данное слово. — Происки сестры Изабеллы Домбровской.—Всѣ мои старанія помѣшать назначенію Фарнезе оказываются безуспѣшны.—Торжественная встрѣча Фарнезе.—Я рѣшаю выйти въ отставку. — Маіоръ Али-эфенди. — Приказъ о передвиженіи въ Шумлу.—Отношеніе къ намъ болгарскаго населенія.—Кіатубъ-оглу.—Подъемъ духа, вызванный среди болгаръ фирманомъ объ отдѣленіи церкви.—Приказъ Абдулъ-Керима.—Болѣзнь Фарнезе.—Побѣгъ Петровича.—Драгуны выступаютъ на Ливанъ.—Участіе моего сына въ интригахъ противъ нашей организаціи.

Справедливо говорятъ, что легче разрушать и истреблять, нежели создать и сохранять что-либо, и что разрушители всегда изобрѣтательнѣе на зло, нежели прочіе люди на добро; также точно можно сказать, что легче интриговать, нежели разрушать интриги. Люди, относившіеся ко мнѣ недоброжелательно и не одобрявшіе польскаго характера, приданнаго мною нашему казацкому войску, видя, что всѣ ихъ происки не вели ни къ чему и что слава нашихъ казаковъ и драгунъ росла все болѣе и болѣе въ военныхъ кругахъ, и что я стоялъ непоколебимо во главѣ ихъ, рѣшили дѣйствовать инымъ путемъ. Было бы неумѣстно описывать здѣсь подробно всѣ ихъ козни, но все-таки любопытно разсказать о нихъ хотя въ общихъ чертахъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину», іюнь 1904 г.

Одинъ изъ адъютантовъ султана, полковникъ Мехмедъ-бей, пользовался особымъ его расположеніемъ и считался его любимцемъ. Онъ не былъ тонкій политикъ, но стремился пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній, былъ самолюбивъ и не прочь играть извѣстную роль; быть можетъ, онъ искренно желалъ принести посильную пользу государству и султану, но онъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ поляковъ, которые употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы взять его въ руки. Всѣмъ было извѣстно благоволеніе султана къ казацкой организаціи, доходившее до того, что всѣ остальные военные намъ завидовали, такъ какъ при султанѣ всегда были чауши изъ казаковъ и адъютантъ-казакъ; мой младшій сынъ также пользовался особой милостью султана, употреблялся имъ для словесныхъ сношеній съ иностранными послами и назначался состоять при иностранныхъ монархахъ, пріѣзжавшихъ въ Константинополь; неудивительно поэтому, что поляки въ глазахъ Мехмедъ-бея пріобрѣли особое значеніе.

Мой младшій сынъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ къ тому роду службы, которую онъ несъ: хорошо воспитанный, онъ умѣлъ держать себя въ обществѣ, былъ образованъ, отлично зналъ военное дѣло и выдѣлялся среди другихъ лицъ свиты султана своей наружностью, манерами и исполнительностью, что возбуждало къ нему всеобщую зависть. Его начальство, Джемиль-паша и впослѣдствіи Реуфъ-паша, нуждались въ немъ, поэтому были съ нимъ ласковы и предупредительны, но я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ нихъ сталъ заботиться о его дальнѣйшемъ повышеніи; это совершенно не въ характерѣ турокъ, къ тому же многихъ и въ особенности Мехмедъ-бея должно было возмущать то обстоятельство, что христіанинъ и иноземецъ пользовался бо̀льшимъ значеніемъ, нежели они, турки, потомки завоевателей, съ дѣтства привыкшіе считать себя выше райи. Весьма возможно, что и мой сынъ, опьяненный благоволеніемъ султана и своими успѣхами, держалъ себя нѣсколько высокомѣрно и возстановилъ этимъ кое-кого противъ себя.

Поляки, находившіеся въ Турціи въ столь исключительномъ, ненормальномъ положеніи, которое способствовало развитію въ нихъ многихъ несимпатичныхъ чертъ характера, были самыми ярыми, заклятыми врагами не только моими, но и моего сына, несмотря на то, что они были намъ обязаны своимъ положеніемъ. Конечно, я отчасти самъ былъ виноватъ въ томъ, что подавалъ руку помощи каждому поляку, не обращая вниманія на его нравственныя качества, лишь бы онъ былъ полякъ. Сколько разъ я страдалъ изъ-за этого и все-таки не могъ поступать иначе. Невольно вспоминается мнѣ по этому поводу исторія съ Лизикевичемъ, который получилъ, по протекціи моего сына,

мѣсто при дворѣ. Симпатія моего сына къ этому господину была для меня совершенно необъяснима.

Бруно Лизикевичъ, военный агентъ барона Окши, о которомъ я упоминалъ выше, былъ величайшая посредственность, въ полномъ смыслѣ этого слова; при томъ человѣкъ очень злостный, вѣчно интриговавшій противъ начальства, всегда готовый подставить ножку товарищу, который чѣмъ-либо выдѣлялся. Онъ зарекомендовалъ себя съ этой стороны еще въ полку, все это было какъ нельзя лучше извѣстно моему сыну, и тѣмъ не менѣе онъ рекомендовалъ Лизикевича сераскиру, сказавъ, что султану хотѣлось имѣть адъютанта въ очкахъ, а Лизикевичъ носилъ очки. Выборъ оказался злополучнымъ для моего сына и для всей нашей организаціи.

Но сыну показалось мало одного Лизикевича; онъ рекомендовалъ ему въ помощники Коваленко, или Ковалевскаго, имѣвшаго свидѣтельство объ окончаніи Петербургскаго университета; и несмотря на это, онъ былъ большимъ невѣждою и не владѣлъ даже французскимъ языкомъ. Человѣкъ легкомысленный и опрометчивый болѣе, чѣмъ злой, онъ занимался только своей физіономіей и своими нарядами; по легкомыслію, онъ сдѣлался въ 1863 г. дезертиромъ, просрочивъ отпускъ, и подпалъ затѣмъ подъ вліяніе барона Окши, который употреблялъ его для своихъ происковъ. Сочувствуя ему, какъ поляку, носившему при томъ казацкій мундиръ, я помогъ ему выбраться изъ этой трясины и причислилъ его къ нашему полку, сынъ же мой, которому онъ постоянно льстилъ, вывелъ его въ адъютанты.

Но Богъ любитъ троицу—и у насъ оказался третій полякъ, Станиславъ Хлѣбовскій, котораго Фуадъ-паша, по моей просьбѣ, также устроилъ при дворѣ. Его участіе въ поддѣлкѣ Окшею кредитныхъ бумажекъ и непріятное выраженіе его лица не располагали въ его пользу, но покойная жена моя, которой я не могъ ни въ чемъ отказать, просила меня позаботиться о немъ, и я дѣйствительно пекся о немъ, какъ о своемъ родномъ сынѣ и о казачьемъ войскѣ.

Въ благодарность за это, Хлѣбовскій вездѣ высмѣивалъ мою бѣдную жену, смѣялся надъ ея увлеченіемъ политикой, передразнивалъ ея жесты, паясничалъ. Все это было извѣстно моему младшему сыну, тѣмъ не менѣе онъ относился къ Хлѣбовскому вполнѣ дружественно, былъ съ нимъ откровененъ, принималъ его совѣты, а когда Хлѣбовскій очутился въ немилости у султана и былъ удаленъ отъ двора, то мой сынъ сдѣлалъ все возможное, чтобы его взяли обратно, и добился этого. Когда же сынъ въ свою очередь лишился благоволенія султана, то Хлѣбовскій ничѣмъ не помогъ ему и даже въ концѣ концовъ совершенно отдалился отъ него, говоря, что онъ самъ виноватъ во всемъ.

Осмѣивая мою политическую дѣятельность, Хлѣбовскій подорвалъ въ

моемъ младшемъ сынѣ довѣріе къ ней, увѣрялъ его, что она скорѣ повредитъ ему, нежели принесетъ пользу, что онъ самъ можетъ достигнуть гораздо бо̀льшаго безъ моей помощи, и возбудилъ въ немъ своими рѣчами такую самоувѣренность, что онъ потерялъ всякую вѣру въ мою политическую дѣятельность, сталъ критиковать всѣ мои дѣйствія и сталъ дѣйствовать наперекоръ мнѣ, полагая, что это будетъ ему выгодно.

Въ то же время Фарнезе, позабывъ о данномъ мнѣ честномъ словѣ, что онъ не будетъ хлопотать о зачисленіи его вновь въ казацкій или драгунскій полки, вздумалъ добиваться мѣста скончавшагося подполковника Хаджи-Юзуфъ-бея, былъ представленъ Мехмедъ-бею Ковалевскимъ и Лизикевичемъ, какъ наилучшій офицеръ польской кавалеріи, прекрасно знающій свое дѣло, и бывшій жертвою моего самовластія и зависти. Онъ явился къ Мехмедъ-бею съ телеграммою Залѣсскаго и пьянаго Ласковскаго въ рукахъ, коей они извѣщали его о томъ, что общество офицеровъ желаетъ состоять подъ его командою и проситъ его похлопотать объ этомъ. Давъ обѣщаніе, что онъ введетъ въ полкъ турецкій языкъ и искоренитъ въ немъ польскій и славянскій духъ, Фарнезе заручился покровительствомъ Мехмедъ-бея.

Ковалевскій увѣрилъ Мехмедъ-бея, что я дѣйствую самовольно и что я обращаюсь съ офицерами какъ съ моими рабами, увольняю ихъ изъ полка за малѣйшую вину десятками, чуть не сотнями. Говоря это, Ковалевскій расчувствовался до слезъ, перечислилъ всѣ качества и достоинства Фарнезе и его супруги, говорилъ, что если онъ не будетъ назначенъ на мѣсто Хаджи-Юзуфъ-бея, то всѣ поляки подадутъ въ отставку, что онъ уполномоченъ ими заявить объ этомъ и что назначеніе Фарнезе будетъ принято поляками, какъ особая милость и т. п.

То же самое говорили Мехмедъ-бею прочіе знакомые его поляки, такъ что онъ взялся хлопотать за Фарнезе, просилъ за него командовавшаго гвардіей Эссадъ-пашу и сераскира Авни-пашу; участіе, принятое имъ въ этомъ дѣлѣ, дало имъ поводъ думать, что это дѣлалось по желанію султана. Впрочемъ, у Мехмедъ-бея былъ очень сильный аргументъ въ пользу Фарнезе.

Полякъ принималъ на себя обязательство искоренить польскій духъ изъ польско-славянской организаціи и отуречить ее. Это былъ для поляковъ человѣкъ давно жданный и желанный.

Фарнезе получилъ просимое имъ мѣсто, мой сынъ объ этомъ не зналъ или не хотѣлъ знать; онъ притворился глухимъ и слѣпымъ, и въ концѣ концовъ даже не донесъ мнѣ о томъ: я узналъ всю эту исторію отъ Горенштейна со всѣми подробностями и тотчасъ написалъ моему сыну и самому Фарнезе, напомнивъ ему данное мнѣ честное слово.

Появился приказъ о назначеніи Фарнезе (Арифа-бея) подполков-

никомъ драгунскаго полка, на мѣсто Гаджи-Юзуфъ-бея и о принятіи въ казацкій полкъ маіоромъ Али-эфенди, смотрителя конюшенъ войсковой школы въ Стамбулѣ, а также о присылкѣ учителей для введенія въ полкъ команды на турецкомъ языкѣ. Все это было дѣломъ барона Окши, и надобно отдать ему справедливость, онъ дѣйствовалъ очень ловко и умно, обѣщавъ офицерамъ ввести, съ помощью Фарнезе и Мустафы-паши (Боржецкаго), новыя правила, благодаря которымъ, всѣ быстро получатъ повышеніе.

Въ числѣ прочихъ выдумокъ, Фарнезе пришла въ голову мысль, что онъ принадлежитъ къ извѣстному италіанскому роду Фарнезе, и онъ немедленно написалъ папѣ письмо, съ просьбою признать его въ награду за его преданность католицизму потомкомъ знаменитыхъ Фарнезе. Папа велѣлъ отвѣтить ему, что родъ Фарнезе угасъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но такъ какъ онъ заявляетъ о себѣ, какъ о ревностномъ католикѣ, то св. отецъ будетъ молиться за него и посылаетъ ему свое благословеніе.

Много времени спустя, когда я уже разстался съ полкомъ, во время распрей, возникшихъ между сестрами милосердія Изабеллой Домбровской и Теофилой Сущинской, вслѣдствіе которыхъ послѣдняя даже вышла изъ ордена, Сущинская упрекала сестру Изабеллу за ея вмѣшательство въ политику, за ея интриги съ барономъ Окшею противъ меня и ссылалась въ доказательство на ея переписку съ поляками, проживавшими въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, и въ особенности съ генераломъ Быстроновскимъ. Сущинская, съ которой сестра Изабелла была вполнѣ откровенна, выдала всѣ ея тайны. Узнавъ всѣ подробности этого дѣла отъ одного изъ моихъ пріятелей, мнѣ не хотѣлось касаться этихъ грязныхъ и въ высшей степени непріятныхъ для меня интригъ польской католической партіи, но я все-таки написалъ генералу Быстроновскому, что мнѣ все извѣстно и что я очень сожалѣю о томъ, что вмѣшательство конгрегаціи въ наше польское дѣло причинило ему немало вреда; высказавъ это, я прекратилъ съ нимъ не только переписку, но и всякія сношенія.

Возвращаясь къ Фарнезе, скажу откровенно, что всѣ предыдущія его интриги и вся его неспособность и бездарность, какъ кавалерійскаго офицера, и вообще какъ военнаго какого бы то ни было рода оружія, не могли окончательно возстановить меня противъ него; за послѣднія семнадцать лѣтъ мои подчиненные научили меня мириться со всѣмъ, но въ лицѣ Фарнезе я видѣлъ гибель организаціи, видѣлъ человѣка, нарушившаго данное имъ честное слово, и который для того только, чтобы вернуться въ полкъ, обѣщалъ уничтожить въ немъ польскій языкъ и польское знамя, которые составляли историческое наслѣдіе бывшаго войска Рѣчи Посполитой. Я содрогался при одной мысли, что полякъ

будетъ способствовать искорененію польскаго духа изъ нашей организаціи. Этого я не могъ ему простить. Я высказалъ это гг. офицерамъ лично и чрезъ нашихъ общихъ съ ними знакомыхъ, и они поняли, что я не имѣлъ ничего противъ Фарнезе, но возставалъ противъ взятой имъ на себя миссіи.

Написавъ Фарнезе, я послалъ одновременно письмо командующему войсками гвардіи, въ которомъ описалъ прошлое Фарнезе и его полную неспособность къ кавалерійской службѣ и просилъ оставить его при вещевыхъ складахъ, гдѣ онъ могъ принести болѣе пользы, нежели въ полку; я послалъ это письмо моему младшему сыну, поручивъ ему не отдавать его, если Фарнезе выразитъ желаніе сдержать свое слово, и даже похлопотать отъ моего имени, чтобы ему дали мѣсто при складѣ. Въ противномъ случаѣ я просилъ сына вручить письмо командующему гвардіей.

Фарнезе сказалъ моему сыну, что онъ не возьметъ своего слова назадъ, такъ какъ это его личное дѣло, и тутъ замѣшанъ вопросъ о средствахъ нужныхъ ему на содержаніе семьи, что онъ офицеръ турецкой службы и долженъ исполнять приказаніе сераскиріата. Оставшись въ Стамбулѣ для окончанія кое-какихъ формальностей, касавшихся его новаго назначенія, онъ поручилъ Залѣсскому отправиться впередъ и устроить ему въ полку торжественную встрѣчу.

Командующій войсками гвардіи отвѣтилъ на мое письмо слѣдующее:

«Все, что вы пишете объ Арифъ-бей (Фарнезе)—сущая правда, но вы сами спасли его отъ наказанія, и теперь вамъ придется терпѣть его. Что касается его неспособности, то объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно, но онъ обязался ввести въ войско турецкій языкъ; это вполнѣ согласуется съ желаніемъ правительства, поэтому онъ и назначенъ. А въ виду того, что онъ можетъ оказаться неспособнымъ къ командованію, вмѣстѣ съ нимъ будетъ посланъ маіоръ Али-эфенди, знатокъ строевой службы; такимъ образомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ этихъ двухъ офицеровъ, вы не будете имѣть основанія говорить, что у васъ нѣтъ возможности ввести въ полкъ турецкій языкъ.

Я сообщилъ это письмо маршала Изетъ-паши въ копіи и переводѣ на польскій языкъ всѣмъ офицерамъ, дабы они твердо знали, что въ данномъ случаѣ былъ поставленъ на карту вопросъ о польскомъ характерѣ нашей организаціи. Кромѣ того я составилъ обстоятельную записку, въ которой доказывалъ, что лишеніе нашего войска его славянскаго характера не только не принесетъ пользы турецкому правительству, но, напротивъ, повредитъ ему, такъ какъ оно возстановитъ этимъ противъ себя славянъ, которые выказали во время войны такую вѣрность и преданность правительству; искоренивъ изъ нашего войска славянскій духъ, Турція будетъ имѣть, правда, два лишнихъ полка кавалеріи, но у нея

не будетъ болѣе кадровъ христіанско-славянскаго войска, которое могло бы принести, въ будущемъ, большую пользу государству съ точки зрѣнія политики. Въ заключеніе я указывалъ на преданную и вѣрную службу поляковъ, въ награду за которую имъ слѣдовало оставить ихъ народное знамя, которое они храбро отстаивали на полѣ битвы, присовокупивъ, что, служа подъ этимъ знаменемъ Оттоманской имперіи, я непрестанно думалъ о томъ, что служу вмѣстѣ съ тѣмъ польскому дѣлу; и что только эта мысль поддерживала и воодушевляла меня; иначе совѣсть не позволила бы мнѣ продолжать службу, и я бы обманулъ довѣріе правительства, которымъ я такъ былъ облагодѣтельствованъ.

Я далъ прочитать эту записку г.г. офицерамъ, а затѣмъ послалъ одинъ экземпляръ великому визирю, а другой сераскиру. Все это дѣлось мною съ вѣдома общества офицеровъ; такъ какъ тутъ шло дѣло о чести польскаго имени, слѣдовательно, поляки должны были знать обо всемъ.

Въ то время какъ это происходило въ Адріанополѣ, Фарнезе отправился въ полкъ; но онъ не счелъ нужнымъ, какъ того требовали первыя правила приличія, увѣдомить меня объ этомъ ни изъ Стамбула, ни съ дороги; я узналъ это частнымъ образомъ отъ Горенштейна, который уже не служилъ въ то время болѣе въ полку; онъ сообщилъ мнѣ, что Фарнезе готовится торжественная встрѣча, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ демонстраціей противъ меня, что за это агитируетъ Залѣсскій, а въ тайнѣ всѣмъ руководитъ высшее начальство. Грустно и тяжело было слышать, что поляки собирались привѣтствовать того, кто ѣхалъ къ нимъ съ цѣлью искоренить въ ихъ войскѣ польскій духъ, и намѣревались сдѣлать враждебную манифестацію противъ меня, въ теченіе семнадцати лѣтъ со славою и честью поддерживавшаго въ Турціи польское имя. Подобная манифестація была съ ихъ стороны болѣе чѣмъ отсутствіемъ всякаго политическаго такта. Возможно-ли было долѣе служить польскому дѣлу при такихъ обстоятельствахъ? Я твердо рѣшилъ разстаться съ этими людьми и только выжидалъ дальнѣйшихъ фактовъ, которые оправдали бы мое рѣшеніе.

Дѣйствительно, Фарнезе, не доѣзжая Адріанополя, былъ встрѣченъ полковыми дамами, которыя ожидали его на одной изъ станцій со всевозможными закусками и яствами. Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы, онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Адріанополь, нарочно проѣхавъ мимо моихъ оконъ; по обѣ стороны улицы ѣхали шпалерами офицеры въ полной парадной формѣ. Самъ Фарнезе ѣхалъ верхомъ, насмѣшливо поглядывая на мои окна, съ видомъ побѣдителя.

Я смотрѣлъ изъ окна на эту манифестацію, которая имѣла значеніе постолько, поскольку она свидѣтельствовала, какъ мало поляки дорожили своей національностью.

Какъ только это тріумфальное шествіе скрылось изъ моихъ глазъ, я тотчасъ написалъ просьбу объ увольненіи меня въ отставку и послалъ ее сераскиру-пашѣ.

Но такъ какъ я долженъ былъ до конца исполнить свои обязанности, то я приказалъ посадить подъ арестъ на 24 часа всѣхъ офицеровъ, которые позволили себѣ, безъ вѣдома высшаго начальства, участвовать въ этой торжественной встрѣчѣ; Фарнезе явился ко мнѣ въ конакъ со своимъ фирманомъ, только на другой день безъ всякаго письма отъ сераскира-паши; такъ какъ въ фирманѣ было сказано, что онъ назначается эскадроннымъ командиромъ драгунскаго полка, то я приказалъ дать ему эскадронъ.

Фарнезе обратился къ офицерамъ своего эскадрона съ напыщенной рѣчью, въ которой онъ заявилъ имъ, что его эскадроны составятъ первый кавалерійскій полкъ въ мірѣ. Это было очень не любезно и даже оскорбительно по отношенію ко мнѣ, но дѣло не въ томъ! Я не знаю, удалось-ли ему это, сдержалъ-ли онъ хоть этотъ разъ свое слово, это меня не касалось и не касается, такъ какъ вскорѣ послѣ этой манифестаціи я оставилъ командованіе казацкимъ и драгунскимъ войскомъ.

Однако я не получилъ отвѣта на поданное мною прошеніе объ отставкѣ, а вмѣсто этого получилъ прелюбезное письмо отъ сераскира паши съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ мнѣ двѣсти лошадей для ремонта и причисляетъ къ моему отряду четвертый полкъ конной гвардіи, съ которымъ я долженъ буду отправиться въ Шумлу, гдѣ будетъ большой лагерный сборъ; при этомъ онъ присовокупилъ, что этотъ корпусъ предназначается для военной демонстраціи, и намекалъ на то, что есть основаніе ожидать войны, что мое присутствіе въ корпусѣ необходимо и что правительство султана возлагаетъ большія надежды на мою храбрость и опытность, доказанныя моей многолѣтней службой.

Это было какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ на мое прошеніе объ отставкѣ. Одновременно съ этимъ письмомъ былъ полученъ мною приказъ отъ командующаго гвардіей, чтобы по полученіи и распредѣленіи лошадей и выступленіи моихъ войскъ изъ Адріанополя я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Стамбулъ, а затѣмъ отправился уже въ Шумлу, гдѣ меня будетъ ожидать войско.

Было очевидно, что военное министерство, или, лучше сказать, сераскиръ, уступивъ просьбамъ Мехмедъ-бея, который дѣйствовалъ въ угоду полякамъ, хотѣлъ показать, что, назначая ко мнѣ Фарнезе, онъ подчинился приказанію, полученному изъ дворца, но находилъ нужнымъ переговорить со мною лично. Это было вполнѣ возможно, но манифестація, произведенная офицерами, отбила у меня всякую охоту отъ

дальнѣйшей службы съ этими господами. Если бы я вздумалъ удалить ихъ изъ полка, чтобы очистить его отъ плевелъ, которыя въ немъ завелись, то пришлось бы оставить въ немъ всего нѣсколько человѣкъ. Мнѣ не хотѣлось прибѣгать къ подобному средству; я готовъ былъ скорѣе отказаться отъ командованія войскомъ.

Поблагодаривъ сераскира за разрѣшеніе пріѣхать въ Стамбулъ, я написалъ, что не могу имъ воспользоваться, такъ какъ я долженъ до конца честно исполнять свое дѣло, а у меня нѣтъ надежныхъ штабъ-офицеровъ, коимъ я могъ бы поручить войско.

У меня была и другая, чисто личная причина не ѣхать въ Стамбулъ. Какъ разъ въ это время должна была состояться свадьба моего младшаго сына съ дѣвицей Кириковой; мнѣ не хотѣлось присутствовать на этой свадьбѣ потому, что мой сынъ, стремясь къ достиженію своихъ цѣлей, позабылъ свой долгъ по отношенію ко мнѣ и способствовалъ гибели дѣла, которое составляло мою гордость и на которое я, какъ полякъ, возлагалъ всѣ свои надежды.

Въ описываемое мною время между Наполеономъ III и королемъ прусскимъ существовали уже тѣ натянутыя отношенія, которыя грозили нарушить спокойствіе Европы и привели дѣйствительно вскорѣ къ франко-прусской войнѣ. Я отлично видѣлъ, что этотъ разъ Турція не приметъ участія въ войнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вполнѣ увѣренъ, что, при полномъ отсутствіи въ польскихъ офицерахъ патріотизма, не удастся сохранить польскаго характера нашей организаціи, хотя бы на то и было согласіе правительства. Подвергать же себя новымъ непріятностямъ и хлопотамъ для того только, чтобы удержать организацію въ предсмертныхъ судорогахъ—не стоило. Гораздо лучше и честнѣе было отказаться отъ командованія войскомъ, возлагая надежду на то, что тѣ люди, кои вынудили меня къ этому шагу, сдѣлаютъ, быть можетъ, лучше меня. Послѣ вышеописанной манифестаціи между нами уже не могло существовать дружескихъ отношеній, поэтому слѣдовало устраниться, чтобы не нарушать по крайней мѣрѣ согласія, существовавшаго между остальными.

Маіоръ Али-эфенди, посланный къ намъ съ лошадьми, прибылъ въ полкъ; такимъ образомъ компанія, подобранная для искорененія изъ нашей организаціи польскаго духа, была въ полномъ сборѣ; г.г. офицеры могли быть довольны.

Маіоръ Али-эфенди, какъ офицеръ и какъ человѣкъ, оказался полной посредственностью; получивъ образованіе въ школѣ подъ руководствомъ европейскихъ наставниковъ, онъ усвоилъ европейскія манеры и нѣкоторый внѣшній лоскъ, но въ общемъ производилъ впечатлѣніе выдрессированной собачки; здороваясь, напр., онъ подавалъ по-европейски руку, но дѣлалъ это такъ неуклюже, какъ собачка, которая

подаетъ лапку. Онъ дѣлалъ все машинально, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, но внѣшніе пріемы вѣжливости выполнялъ артистически. Онъ ѣздилъ верхомъ не важно, но имѣлъ прекрасный зычный голосъ, велъ себя безукоризненно, былъ недурнымъ службистомъ; дѣлалъ видъ, что занимается науками, но засыпалъ надъ книжкою. Какъ турку, я не могъ поставить ему въ укоръ его преданности всему турецкому, напротивъ, это было въ моихъ глазахъ его заслугою. Вначалѣ между нами установились вполнѣ пріязненныя отношенія, и я до конца не дѣлалъ ему никакихъ непріятностей; напротивъ, я старался облегчить ему сношенія съ офицерами, и если мое отношеніе къ нему впослѣдствіи измѣнилось, то виною этого были интриги Фарнезе и прочихъ офицеровъ.

По всему пути въ Шумлу болгары встрѣчали насъ такъ сердечно, какъ своихъ единоплеменниковъ. Въ городахъ и селахъ насъ встрѣчали старшины, цехи, хоры дѣтей; пока мы размѣщались по квартирамъ, насъ провожали съ пѣснями и музыкой; и если въ то время въ какой-нибудь школѣ происходилъ экзаменъ, насъ тотчасъ просили присутствовать на немъ, ибо въ Болгаріи придаютъ школѣ огромное значеніе; всѣ болгары грамотны, умѣютъ пѣть, читаютъ газеты. Ученье для болгарина то же, что театръ и балъ для француза, верховая ѣзда и охота для англичанина, и если англичанинъ заслуживаетъ по преимуществу названія спортсмена, то современныхъ болгаръ можно назвать, по справедливости, людьми науки; они любятъ книги такъ же, какъ нѣмецъ любитъ пиво и сигару. По окончаніи экзамена болгары бесѣдуютъ, пьютъ вино и угощаютъ присутствующихъ «чѣмъ Богъ послалъ».

Я перешелъ, быть можетъ послѣдній разъ въ жизни, съ войскомъ Балканы, съ которыми для меня всегда будутъ связаны самыя дорогія воспоминанія, такъ какъ я могу сказать по совѣсти, что мнѣ удалось, съ помощью Божіей, сдѣлать много для турецкаго правительства и для мѣстнаго населенія; и мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить благодарность, которую высказывалъ мнѣ за это болгарскій народъ. Куда бы я *ни* пріѣхалъ, меня встрѣчали всегда привѣтливо и благословляли. Во время послѣднихъ волненій, бывшихъ въ странѣ, я спасъ болгаръ отъ многихъ бѣдъ и убѣдилъ правительство въ ихъ вѣрности и преданности. Поэтому, начиная отъ Сливенъ, я чувствовалъ себя какъ въ родномъ городѣ; мѣстные жители: старцы, взрослые, дѣти, мужчины и женщины сбѣгались ко мнѣ какъ къ родному отцу, какъ къ опекуну и благодѣтелю.

Когда мы прибыли въ Сливны, я получилъ приглашеніе отъ владѣльца одного фольварка отъужинать у него и засталъ у него въ числѣ другихъ беевъ, пріѣхавшихъ привѣтствовать меня, Кіатуба-оглу, древ-

няго старца, на видъ еще довольно бодраго, который прославился въ войну 1855 г., командуя башибузуками, съ коими онъ чинилъ всевозможныя звѣрства, грабя мѣстное населеніе; христіанскихъ дѣвушекъ и женщинъ онъ приказывалъ башибузукамъ безчестить до смерти, а самъ смотрѣлъ на нихъ, покуривая трубку и попивая кофе; если которая-нибудь изъ этихъ несчастныхъ жертвъ оставалась жива, то онъ приказывалъ вырѣзать ей груди и бросить ихъ на съѣденіе голоднымъ псамъ; женщинъ подвѣшивали по его приказанію за ноги и, разложивъ листья и вѣтки, поджигали ихъ, чтобы несчастныя мучились въ дыму какъ можно сильнѣе и дольше; мужчинъ садили по его приказанію на колъ, или привязывали за ноги къ дикой лошади и пускали ее вскачь; онъ грабилъ и жегъ дома, а награбленное имущество и скотъ отсылалъ въ свой фольварокъ. По удаленіи Мустафы-паши изъ Добруджи Кіатубъ-оглу былъ арестованъ въ Шумлѣ, отданъ подъ судъ и приговоренъ, вмѣстѣ съ многими другими товарищами по разбою, къ наказанію 600 ударами палкою по плечамъ и животу. Всѣ остальные испустили духъ подъ палкою, одинъ только Кіатубъ-оглу выдержалъ наказаніе. Когда его отнесли въ госпиталь, то первою его мыслію было спросить, дошли-ли отправленныя имъ вещи въ его имѣніе Кизилъ-Ахагу, такъ какъ онъ надѣялся вскорѣ выздоровѣть и воспользоваться своей добычей.

Кіатубъ-оглу поправился. Награбленное имъ имущество не было конфисковано, и онъ продолжалъ свои разбойничьи подвиги по большимъ дорогамъ. Но этотъ разбойникъ былъ гостепріименъ, у него бывали беи и иностранные консулы, и никто не ставилъ ему въ вину прошлаго, всѣ оказывали ему уваженіе, какъ какому-нибудь сановнику, удалившемуся отъ дѣлъ.

Я долженъ сказать откровенно, что этотъ человѣкъ, котораго описывали мнѣ какъ нѣчто любопытное и особенное, изъ ряда выходящее, возбуждалъ во мнѣ не жалость или состраданіе, а отвращеніе; это былъ завзятый разбойникъ, котораго терпѣли потому, что онъ былъ богатъ; я изобразилъ его въ моей повѣсти «Болгарія», написанной мною уже въ отставкѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ Турціи совершаются постоянные разбои, коль скоро въ ней возможны типы, подобные Кіатубъ-оглу.

Когда мы проходили чрезъ Сливны, мѣстное населеніе было радостно настроено по случаю полученія фирмана объ отдѣленіи болгарской церкви отъ Константинопольской патріархіи. Обнародованіе этого фирмана совершилось самымъ страннымъ образомъ, который свидѣтельствуетъ какъ нельзя болѣе о нерѣшительности и трусости Али-паши. Фирманъ былъ подписанъ и переданъ уполномоченнымъ Филиппопольскаго комитета, которые разослали его въ кои по всей

Болгаріи, отдавъ приказаніе прочитать его въ церквахъ. Вали и мутезарифы, получивъ копіи съ фирмана, не получили одновременно приказанія обнародовать его и не знали, какъ поступить. Когда адріанопольскіе болгары пришли ко мнѣ за совѣтомъ, что имъ дѣлать, такъ какъ вали-паша не хотѣлъ оглашать фирмана оффиціально, а сказалъ имъ: «дѣлайте какъ знаете», то я отправился къ вали-пашѣ и старался доказать ему, что подобное отношеніе къ дѣлу со стороны высшихъ властей и отказъ обнародовать фирманъ, данный султаномъ, предоставляя это самимъ болгарамъ, равносильны признанію за ними какихъ-то политическихъ правъ, что можетъ произвести совершенно нежелательное впечатлѣніе на прочихъ подданныхъ турецкаго правительства; я совѣтовалъ телеграфировать великому визирю и спросить его, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Вали-паша еще колебался, когда къ нему пришелъ англійскій консулъ и посовѣтовалъ не мѣшаться въ это дѣло, касающееся исключительно религіи, и предоставить болгарамъ самимъ объявить народу содержаніе фирмана, присовокупивъ, что таково мнѣніе и англійскаго посланника. Такъ и было поступлено.

Англійскій консулъ присутствовалъ при провозглашеніи независимости болгарской церкви отъ Константинопольской патріархіи; но прочіе консулы не были на церемоніи. Изъ мѣстныхъ властей также никого не было, даже заптіямъ было запрещено являться на чтеніе фирмана.

Я послалъ въ церковь всѣхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ-болгаръ и музыку, но самъ не былъ на церемоніи по просьбѣ вали, который могъ бы, впрочемъ, приказать мнѣ это.

Въ другихъ городахъ церемонія происходила торжественнѣе. Въ Сливнахъ мутезарифъ Джаудъ-паша, человѣкъ смѣлый и тонкій политикъ, приказалъ прочитать фирманъ въ конакѣ съ церемоніаломъ, какимъ сопровождается обыкновенно чтеніе фирмановъ, а затѣмъ присутствовалъ при чтеніи его въ церкви, куда собрались всѣ должностныя лица, беи и жандармерія; этимъ онъ исправилъ ошибку, сдѣланную его начальникомъ.

Такъ же торжественно былъ прочитанъ фирманъ и во многихъ другихъ городахъ; мало кто поступилъ такъ трусливо, какъ адріанопольскій вали.

Этотъ фирманъ, можно сказать, совершенно преобразилъ болгарскій народъ. Какое-то чувство свободы, какое-то неудержимое стремленіе къ наукѣ и къ знанію, проявившееся среди населенія, было наилучшимъ доказательствомъ того, что автономія, данная церкви, была предвѣстницей политической автономіи болгарскаго народа. Но этотъ фирманъ, такъ же точно, какъ и всѣ правительственныя мѣры Али-паши, не

былъ рѣшеніемъ спора болгаръ съ греческимъ патріархомъ, напротивъ, оно было отложено на неопредѣленное время.

Комиссія за комиссіей подавали проектъ за проектомъ, которые ни къ чему не привели до тѣхъ поръ, пока русское посольство не взяло этого дѣла подъ свое покровительство. Тогда только былъ избранъ экзархъ, и провозглашена, несмотря на протестъ греческаго патріарха, полная независимость болгарской національной церкви. Такимъ образомъ болгары обязаны Россіи окончаніемъ этого важнаго вопроса ихъ народной жизни, хотя русская дипломатія, свято соблюдая постановленія Парижскаго трактата 1856 г., долго не вмѣшивалась, по крайней мѣрѣ оффиціально, въ этотъ нескончаемый споръ.

Я слышалъ впослѣдствіи въ Стамбулѣ отъ одного извѣстнаго русскаго дипломата, что Россія не хотѣла вмѣшиваться въ вопросъ о болгарской церкви до тѣхъ поръ, пока я буду стоять во главѣ турецкаго болгарскаго войска.

И, дѣйствительно, русскій посланникъ завелъ рѣчь о дѣлахъ церкви съ болгарскимъ епископомъ и съ уполномоченными Филиппопольскаго комитета, впервые въ тотъ день, когда я, уже въ статскомъ платьѣ, посѣтилъ въ русскомъ посольствѣ моего пріятеля, генерала Богуславскаго, уѣзжавшаго въ Петербургъ.

Какъ много потеряло турецкое правительство вслѣдствіе робости Али-паши и вслѣдствіе того, что оно прислушивалось къ интригамъ барона Окши и подобныхъ ему лицъ!

Въ Казанѣ [1]), гдѣ мы остановились по пути въ Сливны, мѣстное общество многимъ отличалось отъ прочаго населенія Болгаріи. Здѣсь всѣ говорили по-французски, по-русски, по-нѣмецки, у всѣхъ были газеты, книги, и при томъ очень хорошія. Болгарки были одѣты въ платья европейскаго покроя, сшитыя въ Бухарестѣ и Яссахъ, играли на фортепіано, щебетали по-французски, на столахъ у нихъ лежали романы Жоржъ-Занда, Дюма, стихотворенія Виктора Гюго, Мюссе, модные и иллюстрированные журналы; однимъ словомъ, все было точно такъ, какъ въ Яссахъ или въ Бухарестѣ. Большая часть молодежи получила образованіе въ этихъ двухъ румынскихъ столицахъ; изъ мужчинъ многіе окончили курсъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Парижѣ; это уже не были дѣятели послѣдняго, плохо организованнаго возстанія, но люди, сознательно шедшіе къ намѣченной ими цѣли. Все говорило о пробужденіи въ Болгаріи національнаго самосознанія.

По прибытіи съ казацкими эскадронами въ Шумлу, я увидѣлъ, что маршалъ Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить, относился ко мнѣ и къ моему войску въ высшей сте-

[1]) Казанъ или Кошель—городокъ въ Балканахъ.

пени сочувственно. Онъ понималъ лучше всѣхъ остальныхъ военныхъ властей Турціи, какое значеніе имѣли для Порты славяне и какъ было важно для нихъ, чтобы наша организація сохранила свой польскій характеръ. Онъ видѣлъ ее на дѣлѣ и, получивъ образованіе въ военномъ училищѣ въ Вѣнѣ, былъ самъ вполнѣ европеецъ; поэтому не мудрено, что онъ умѣлъ оцѣнить значеніе польско-славянской конницы съ точки зрѣнія военной и политической, гораздо вѣрнѣе, нежели другіе. Я разсказалъ ему вполнѣ откровенно, до мельчайшихъ подробностей, обо всѣхъ распоряженіяхъ Гуссейнъ-Авни-паши и командующаго гвардіей Иззета-паши, а также всю исторію мою съ Фарнезе, и даже о манифестаціи поляковъ противъ меня въ Адріанополѣ и о поданномъ мною прошеніи объ отставкѣ.

Интриги поляковъ и манифестація, произведенная ими, не удивили его, ибо, командуя довольно долго третьимъ корпусомъ, къ которому принадлежали казаки и драгуны, онъ имѣлъ случай хорошо узнать ихъ. Но онъ не хотѣлъ вѣрить приказу сераскира, который такъ плохо согласовался съ интересами государства, и допускалъ, что онъ былъ жертвою польской интриги, которую поддерживалъ великій визирь Али-паша, въ надеждѣ сдѣлать угодное русскому и австрійскому посольствамъ, безо всякой о томъ, съ ихъ стороны, просьбы. По его мнѣнію, главною пружиною въ этомъ дѣлѣ были поляки, для которыхъ происки и интриги стали второю натурою; онъ не могъ повѣрить, чтобы турокъ сознательно отдалъ подобный приказъ; поэтому, онъ приказалъ съ своей стороны, чтобы въ нашихъ эскадронахъ команда произносилась попрежнему по польски, чтобы польскій языкъ считался оффиціальнымъ языкомъ для всѣхъ сношеній офицеровъ между собою по дѣламъ организаціи и чтобы одни только офицеры учились командовать на турецкомъ языкѣ для того, чтобы они могли понимать отдаваемыя имъ приказанія, въ случаѣ совмѣстныхъ дѣйствій съ турецкими войсками.

Приказъ этотъ былъ прочитанъ передъ фронтомъ, и служба пошла своимъ чередомъ; маіору Али-эфенди было приказано обучать офицеровъ командѣ на турецкомъ языкѣ, къ чему тотчасъ и было приступлено. Я присутствовалъ при этихъ урокахъ и замѣтилъ, что тѣ самые господа, кои хлопотали болѣе всего о введеніи въ наше войско турецкаго языка для того, чтобы искоренить изъ него польскій духъ, либо не являлись вовсе на занятія подъ предлогомъ болѣзни, либо, посѣщая ихъ, относились къ дѣлу въ высшей степени небрежно. Какъ я узналъ впослѣдствіи, это дѣлалось съ умысломъ, чтобы не снискать своимъ рвеніемъ и прилежаніемъ одобренія правительства, которое въ награду за это могло отмѣнить свое распоряженіе и оставить польско-славянскую организацію на прежнихъ началахъ. Это была, какъ оказалось, тонко разсчитанная хитрость. Примѣръ къ тому былъ поданъ старшими

офицерами, руководившими интригою, которая велась противъ меня и противъ польскаго характера нашей организаціи.

Вышеупомянутый приказъ Абдулъ-Керима произвелъ большое впечатлѣніе на болгаръ, такъ, что болѣе двадцати молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ самымъ богатымъ и знатнымъ фамиліямъ Шумлы и ея окрестностей, записались въ казаки и драгуны.

Корпусный командиръ, воспользовавшись готовностью болгаръ поступить на турецкую службу, написалъ пространный рапортъ сераскиру, въ которомъ защищалъ славянское знамя, перечислялъ всѣ выгоды нашей организаціи и, опираясь на факты, доказывалъ неопровержимо, что горсточка славянской кавалеріи привлечетъ славянъ къ султану и къ Турціи, и что поэтому необходимо сохранить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до тѣхъ поръ. Поступленіе въ нашъ полкъ болгарской молодежи было, по его словамъ, доказательствомъ справедливости его словъ. Онъ прочелъ мнѣ этотъ рапортъ, написанный очень обстоятельно и толково, и послалъ его сераскиру въ Стамбулъ.

Какъ я уже говорилъ, мои отношенія къ маіору Али-эфенди были самыя пріязненныя во все время нашего перехода отъ Адріанополя до Шумлы. Видя, что болгары относились сочувственно ко мнѣ и къ нашему войску, онъ постарался сойтись съ офицерами и солдатами и неоднократно высказывалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, необходимо сохранить польско-славянскій характеръ нашего войска и что это можетъ принести большую пользу государству. Когда я разсказалъ ему о томъ, что мною подано прошеніе объ отставкѣ, такъ какъ это не было уже ни для кого тайною, то маіоръ Али-эфенди нѣсколько разъ повторялъ, что, разговаривая въ Стамбулѣ съ офицерами и даже съ моимъ младшимъ сыномъ о томъ, что съ назначеніемъ меня членомъ военнаго суда или какой-нибудь военной коммиссіи, въ которой я могъ бы спокойно дослуживать свой вѣкъ, онъ былъ всегда того мнѣнія, что любой офицеръ могъ занять мое мѣсто, но что теперь, ознакомившись лучше съ организаціей нашего войска, онъ убѣдился, что съ моимъ уходомъ оно утратитъ все свое значеніе съ точки зрѣнія военной и политической, и что заявленіе Фарнезе о томъ, что подъ его командою казаки станутъ первымъ полкомъ въ мірѣ, онъ считаетъ пустымъ хвастовствомъ и не можетъ даже себѣ представить, чтобы человѣкъ, столь ограниченный, могъ командовать такой кавалеріей. Онъ порицалъ моего младшаго сына за то, что тотъ, по какимъ-то непонятнымъ для него побужденіямъ, увѣрялъ высшее начальство, что мнѣ нуженъ отдыхъ и что наше войско будетъ такъ же точно процвѣтать подъ командою другаго лица. Али-эфенди говорилъ, что подобныя разсужденія со стороны моего сына свидѣтельствовали о не-

знаніи дѣла и могли принести вредъ организаціи. Таковъ былъ взглядъ этого офицера, присланнаго Фарнезе въ помощники для отученія славянской кавалеріи.

Въ то время, когда полковыхъ лошадей, по существовавшему издавна въ турецкой кавалеріи обычаю, выгоняли на пастбище, лошадь драгунскаго поручика Егора Костова понесла и ударила въ грудь подполковника Фарнезе, который, какъ плохой ѣздокъ, не успѣлъ отстраниться. Ушибъ былъ сильный, но не опасный, тѣмъ не менѣе Фарнезе, сдѣлавъ видъ, что ему очень худо, просидѣлъ довольно долго дома, не являлся на ученье, къ которому онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія, и занялся интригами. Его домъ сдѣлался сборищемъ «недовольныхъ»; по желанію его жены, на собранія, происходившія у него въ домѣ, приглашались Али-эфенди и вновь назначенный полковой писарь. Правду говоритъ пословица, что гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ.

Очаровательная г-жа Фарнезе совсѣмъ сбила съ толку маіора Али-эфенди, онъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ея мужа для того, чтобы понравиться женѣ.

Маіоръ Али-эфенди давно уже былъ недоволенъ тѣмъ, что мой старшій сынъ, хотя моложе его по службѣ, командовалъ уже полкомъ и что маршалъ относился къ нему, Али-эфенди, менѣе предупредительно, нежели къ моему сыну; эти мелкія причины неудовольствія въ соединеніи съ наущеніями очаровательной г-жи Фарнезе довели Али-эфенди до того, что онъ рѣшилъ подать прошеніе о переводѣ его изъ казацкаго полка подъ предлогомъ, что корпусный командиръ приказываетъ ему дѣйствовать совершенно несогласно съ приказаніемъ, полученнымъ отъ сераскира. Прошеніе это было подано черезъ меня, и я препроводилъ его сераскиру. Въ то же время Фарнезе со своей стороны сдѣлалъ запросъ командующему гвардіей, какъ ему поступить въ виду того, что приказъ, полученный имъ отъ корпуснаго командира, не даетъ ему возможности исполнить принятое на себя обязательство искоренить изъ войска польско-славянскій духъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ мы пришли въ Шумлу, изъ Стамбула былъ присланъ къ намъ молодой черногорецъ, по имени Петровичъ, считавшій себя родственникомъ Нѣгошей, какъ онъ говорилъ внукомъ послѣдняго владыки.

Этотъ молодой человѣкъ, мечтавшій о черногорскомъ престолѣ, странствовалъ по бѣлу свѣту; былъ въ Италіи, сражался подъ начальствомъ Гарибальди; воевалъ подъ чужимъ именемъ въ Черногоріи противъ Омера-паши, позднѣе участвовалъ въ польскомъ возстаніи, наконецъ сражался на островѣ Критѣ противъ турокъ и въ концѣ концовъ сдался на волю турецкаго правительства и просилъ позволенія

вступить въ славянское войско султана, въ надеждѣ при помощи и покровительствѣ Высокой Порты вернуть свой наслѣдственный престолъ.

Сераскиръ-паша приказалъ мнѣ принять его въ полкъ и зорко слѣдить за нимъ, что̀ можно было понять такъ: держать его подъ присмотромъ въ лагерѣ. Я помѣстилъ его вмѣстѣ съ маіоромъ Котурчу, очень гостепріимнымъ, привѣтливымъ старичкомъ, и просилъ его не выходить въ городъ иначе какъ въ сопровожденіи офицера или приставленнаго къ нему унтеръ-офицера; но, вообще, я относился къ нему съ уваженіемъ, какъ къ славянину и будущему казацкому офицеру.

Петровичъ былъ человѣкъ довольно образованный, говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и получилъ тщательное воспитаніе. Все шло своимъ порядкомъ; молодой черногорецъ занимался своимъ дѣломъ ретиво и видимо былъ признателенъ за хорошее обращеніе съ нимъ.

Донося о его поведеніи маршалу, корпусному командиру и командующему гвардіей, я высказалъ, что его слѣдуетъ принять въ полкъ не иначе, какъ въ офицерскомъ чинѣ, чтобы привязать его этимъ къ правительству и къ войску, ибо иначе онъ могъ потерять всякую охоту къ службѣ. Одновременно я просилъ о производствѣ въ офицеры Путкамера, племянника Бисмарка (сына его сестры), бывшаго прусскаго гусара, который, влюбившись въ польку, участвовалъ въ возстаніи 1863 г.; пробывъ по окончаніи его нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и разсердившись на дядю, который не принялъ въ немъ участія, онъ уѣхалъ въ Турцію и записался въ казаки; это былъ очень приличный молодой человѣкъ и обѣщалъ быть со временемъ прекраснымъ офицеромъ.

Однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ въ палатку дивизіонный генералъ, Арифъ-паша, и засталъ у меня нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ Петровича; онъ тотчасъ узналъ его и припомнилъ, что Петровичъ сдался со своимъ отрядомъ, сложивъ оружіе. Петровичъ не отрицалъ этого факта, а даже сообщилъ нѣкоторыя подробности, которыя были подтверждены пашою; послѣдній хвалилъ храбрость и стойкость Петровича, называя его однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ предводителей повстанцевъ. Однимъ словомъ, послѣ этой встрѣчи, Петровичъ сдѣлался въ глазахъ офицеровъ героемъ.

Нѣсколько дней спустя жандармскій унтеръ-офицеръ, Боснякъ, донесъ мнѣ, что нѣсколько офицеровъ изъ друзей Фарнезе начали стращать Петровича, будто я подалъ рапортъ о ссылкѣ его въ отдаленную азіатскую провинцію, и что ему не безопасно оставаться въ Румыніи; поэтому они совѣтовали ему бѣжать. Унтеръ-офицеръ говорилъ, что онъ самъ слышалъ это, и счелъ долгомъ донести мнѣ.

Я пригласилъ къ себѣ маіора Котовича и, разсказавъ ему все, не называя впрочемъ унтеръ-офицера, далъ ему черновикъ своего рапорта, прося сообщить его черногорцу и посовѣтовать ему не слушать розсказней офицеровъ.

Я не велѣлъ усилить надзора за Петровичемъ, будучи увѣренъ, что маіоръ Котовичъ исполнитъ данное ему порученіе. На другой день тотъ же унтеръ-офицеръ явился ко мнѣ съ рапортомъ, что Петровичъ вышелъ изъ лагеря съ штабсъ-капитаномъ Залевскимъ, другомъ и пріятелемъ Фарнезе, самымъ отчаяннымъ изо всей этой клики интригановъ, что они вошли вмѣстѣ съ нимъ въ харчевню, гдѣ застали поджидавшихъ ихъ Канели и Яблоновскаго. Жандармы вошли вслѣдъ за ними, но офицеры тотчасъ приказали имъ выйти изъ харчевни.

На другой день маіоръ Котовичъ донесъ мнѣ, что Петровичъ исчезъ изъ лагеря и при этомъ признался, что онъ ничего не говорилъ съ нимъ и не показывалъ ему моего рапорта, такъ какъ прочіе офицеры совѣтовали не дѣлать этого. Напуганный мною маіоръ хотѣлъ, чтобы я посадилъ всѣхъ офицеровъ подъ арестъ, и высказалъ опасеніе, какъ бы черногорцы въ ту же ночь не напали на нашъ лагерь и не перерѣзали всѣхъ насъ. Я едва успокоилъ его, посадивъ его однако подъ арестъ за неисполненіе даннаго мною приказанія. Петровича я не велѣлъ разыскивать, но донесъ о его побѣгѣ корпусному командиру. Мнѣ было извѣстно, что въ тотъ же вечеръ у г-жи Фарнезе собрались полковыя дамы, маіоръ Али-эфенди, писарь Гамди-бей и многіе другіе офицеры и что они радовались по поводу непріятности, которую причинитъ мнѣ этотъ побѣгъ.

Все это я разсказываю для того, чтобы показать, могъ-ли я оставаться долѣе съ такими людьми и не лучше-ли было для меня и для нихъ самихъ, чтобы они остались съ Фарнезе, который могъ сдѣлать изъ нихъ первый полкъ въ мірѣ!

Маіоръ Монастырскій, одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ нашихъ офицеровъ, давно уже задумалъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на губернаторовъ Ливана—Даудъ-пашу и Франко-пашу, добиться перевода на Ливанъ двухъ драгунскихъ эскадроновъ, оставшихся при казацкомъ полку. Я былъ противъ этого и доказывалъ начальству, что если понадобится, то я пошлю туда два эскадрона казаковъ, а драгунъ оставлю при себѣ, чтобы имѣть возможность принимать охотниковъ, которые изъявятъ желаніе поступить въ тотъ или другой полкъ, и чтобы поддержать въ нихъ воинскій духъ, ибо мнѣ было извѣстно, что на Ливанѣ строевая служба, за недостаткомъ инструкторовъ, была въ большомъ упадкѣ и что драгуны, неся въ этой провинціи жандармскую службу, не имѣли времени заниматься серьезно полковымъ ученіемъ. Мнѣ удалось такимъ образомъ, несмотря на требованія губернаторовъ,

отстоять цѣльность нашей организаціи, какъ въ отношеніи военномъ, такъ и политическомъ.

Какъ вдругъ мой младшій сынъ извѣстилъ меня о возобновленіи этого ходатайства и спрашивалъ, что дѣлать? Я отвѣчалъ: «не препятствуй, пусть дѣлаютъ какъ хотятъ, такъ какъ я выхожу въ отставку. Быть можетъ, Монастырскій при его способности и добромъ желаніи спасетъ драгунъ, и они сослужатъ службу въ то время, когда поляки опомнятся и лучше сознаютъ свои интересы, ибо я увѣренъ, что Фарнезе въ концѣ испортитъ казаковъ».

Вскорѣ на имя корпуснаго командира былъ полученъ приказъ о томъ, чтобы драгуны сдали своихъ лошадей первому кавалерійскому полку, а сами отправились по желѣзной дорогѣ и пароходомъ въ Стамбулъ, откуда они пойдутъ на Ливанъ. Сообщая мнѣ этотъ приказъ, маршалъ присовокупилъ, чтобы я перечислилъ изъ казаковъ въ драгуны всѣхъ тѣхъ офицеровъ, отъ коихъ мнѣ хотѣлось бы избавиться, и письменно приказалъ мнѣ отправить съ ними Фарнезе, какъ подполковника драгунскаго полка. Я же написалъ сераскиру, прося его оставить казаковъ въ томъ видѣ, какъ они были, а въ случаѣ какихъ-либо перемѣнъ прислать полковника Туфанъ-бея (Госциминскаго), которому я и передамъ командованіе.

— Избавившись отъ Фарнезе, вамъ, быть можетъ, удастся спасти казаковъ,—говорилъ мнѣ маршалъ,—такъ какъ едва-ли найдется еще полякъ, который взялся бы отуречить это войско.

Быть можетъ, онъ былъ правъ, но, рѣшивъ сложить съ себя командованіе и любя казаковъ и драгунъ, какъ своихъ дѣтей, какъ надежду поляковъ, я хотѣлъ сдѣлать все возможное, чтобы спасти ихъ отъ гибели, и поэтому прикомандировалъ къ эскадрону драгунъ штабсъ-капитана Залѣсскаго и поручика Христофоровича, который долженъ былъ слѣдить за всякимъ шагомъ Фарнезе.

Вскорѣ явился ко мнѣ Фарнезе съ вопросомъ, желаю-ли я, чтобы онъ отправился съ драгунами на Ливанъ, или чтобы онъ вернулся въ Шумлу. Я отвѣчалъ, что, лично, я ничего не желаю; такъ какъ я не сегодня завтра оставляю полкъ, то для меня безразлично, гдѣ онъ будетъ, но я хотѣлъ бы для пользы дѣла, чтобы онъ ѣхалъ на Ливанъ и не возвращался къ казакамъ и что этимъ онъ вполнѣ докажетъ мнѣ свою признательность за все сдѣланное для него, и я буду въ состояніи подать ему, какъ поляку, руку за то, что онъ не погубилъ войска, нужнаго для польскаго дѣла.

Я надѣялся въ то время, что мнѣ удастся выхлопотать, чтобы командиромъ казацкаго полка былъ назначенъ мой сынъ или, въ крайнемъ случаѣ, Туфанъ-бей (Госциминскій), и такимъ образомъ дѣло было бы спасено.

Не знаю, что думалъ Фарнезе послѣ моего разговора съ нимъ, но я слышалъ впослѣдствіи, что онъ совѣтовался со своими друзьями армянами и поляками о томъ, что ему дѣлать; когда же ему сказали, что онъ будетъ произведенъ въ полковники лишь въ томъ случаѣ, если онъ выполнитъ данное имъ обѣщаніе отуречить наше войско, то онъ рѣшилъ возвратиться въ Шумлу.

Докторъ Козловскій передавалъ мнѣ впослѣдствіи, что Фарнезе говорилъ въ Стамбулѣ ему и своимъ друзьямъ, что ему рѣшительно все равно, командовать турками или поляками, лишь бы заслужить золотые галуны.

Въ турецкомъ войскѣ подполковникъ имѣетъ на рукавѣ два золотыхъ и два серебряныхъ галуна, а у полковника всѣ галуны золотые. Такимъ образомъ цѣною золотыхъ галуновъ Фарнезе былъ готовъ погубить польское дѣло. Правда, что каждый золотой галунъ приноситъ ежемѣсячно слишкомъ пятьсотъ піастровъ. Товарищи Фарнезе одобряли его за это. И это были поляки!

Посланный мною въ Стамбулъ адъютантъ Казиміръ Буржинскій писалъ мнѣ оттуда, что не слѣдуетъ убаюкивать себя несбыточными мечтами, и что вопросъ объ отуреченіи нашего войска рѣшенъ окончательно; Фарнезе, желая получить обѣщанную награду, подтвердилъ данное имъ слово и возвращается въ Шумлу.

Меня огорчало болѣе всего то обстоятельство, что въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе мой младшій сынъ Музафферъ-бей (Владиславъ Чайковскій), поддавшійся совѣтамъ неблагомѣренныхъ людей, и что онъ покровительствовалъ такимъ лицамъ, какъ маіоръ Али-эфенди и Фарнезе. Баронъ Окша и его друзья, видя заблужденіе моего сына, поощряли его на этомъ пути. Болѣе всего воспользовался этимъ Фарнезе.

Всѣ рапорты и представленія, которые я посылалъ въ Стамбулъ, прятались подъ сукно и не представлялись ни сераскиру, ни великому визирю. Въ то время какъ мои противники дѣйствовали втайнѣ противъ меня, мой младшій сынъ молчалъ, и въ высшихъ сферахъ полагали, что все это дѣлается съ моего вѣдома и согласія. Интрига была ведена искусно.

Турокъ, принимавшихъ въ ней участіе, винить въ этомъ случаѣ нельзя, такъ какъ это было всецѣло дѣломъ самихъ поляковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія педагога.

Полковая служба [1]).

Въ іюлѣ 1857 года я прибылъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, который въ это время стоялъ лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ, и явился полковому командиру—ген.-маіору Дарагану.

Тяжелое чувство тоски и одиночества, которое я испыталъ когда-то въ дѣтствѣ, при поступленіи въ Александровскій корпусъ, теперь снова овладѣло мною; въ полку я не встрѣтилъ ни одного офицера, вышедшаго изъ 1-го корпуса, все чужіе люди и совершенно новые, незнакомые мнѣ порядки. Чтобы какъ-нибудь облегчить свое положеніе, я въ тотъ же день обошелъ всѣ офицерскія палатки и сдѣлалъ визиты. Положеніе мое этимъ хотя и улучшилось, такъ какъ я уже не былъ въ совершенно незнакомомъ мнѣ обществѣ, но одно обстоятельство съ перваго же дня произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что я тогда же рѣшилъ во что бы то ни стало какъ можно скорѣе оставить строевую службу. Вечеромъ перваго же дня моего прибытія, я получаю приказъ на слѣдующій день, въ 5-ть часовъ утра, собраться всему полку за лагеремъ и построиться покоемъ. Когда всѣ собрались въ назначенномъ мѣстѣ, является полковой командиръ генералъ Дараганъ, за нимъ подъ конвоемъ ведутъ солдата. Дараганъ говоритъ передъ полкомъ: «вчера вечеромъ я иду мимо рядоваго, стоявшаго на часахъ, и вижу его сидящимъ на дерновой тумбѣ, я велѣлъ его тотчасъ смѣнить, и теперь онъ будетъ наказанъ передъ полкомъ за нарушеніе обязанностей часоваго». Затѣмъ онъ обращается къ часовому:—«Какъ ты смѣлъ сидѣть?»

— Ваше превосходительство,—отвѣчаетъ тотъ,—у меня закружилась голова, и я чуть не упалъ, такъ что долженъ былъ сѣсть.

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1904 г.

— Это не отговорка, ты и долженъ былъ упасть, а не садиться. Возьмите его.

Началась экзекуція. Несчастнаго солдата сѣкли до того, что онъ уже пересталъ кричать. Экзекуцію пріостановили, полковой врачъ—Олешкевичъ, пощупавъ пульсъ, нашелъ, что можно продолжать. Дали еще ударовъ 50, послѣ чего Олешкевичъ, пощупавъ снова пульсъ, нашелъ, что надо прекратить сѣченіе. Солдата сняли и подъ руки увели прочь. Мы все время стояли въ строю и любовались этой раздирающей душу сценой. Придя домой, я взялся за книги, рѣшившись въ слѣдующемъ году держать экзаменъ въ старшій курсъ Артиллерійской академіи и затѣмъ болѣе не служить въ строю.

Дальнѣйшее мое пребываніе въ полку и бо́льшее ознакомленіе со строевой службой не только не ослабило моего рѣшенія, но еще болѣе укрѣпило его. Ротные командиры (между которыми были очень умные и хорошіе люди) всѣ безъ исключенія во время ученій и на маневрахъ ругали солдатъ самыми послѣдними (непечатными) словами; на маневрахъ, бывало, со всѣхъ сторонъ раздается русская брань, которая просто стояла въ воздухѣ, такъ что некуда было отъ нея спрятаться. Когда я вступилъ по этому поводу въ разговоръ съ однимъ изъ офицеровъ, уже нѣсколько послуживши, то онъ мнѣ отвѣтилъ: «послужите—привыкнете, а безъ этого нельзя, вѣдь это русскому солдату какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ». Надо было бѣжать.

Не знаю какъ теперь, но въ то время ротный командиръ являлся особымъ типомъ, который вѣроятно вырабатывался продолжительнымъ пребываніемъ въ казармахъ. Новому человѣку невольно бросалась въ глаза рѣзкая черта, раздѣлявшая старыхъ служакъ: капитановъ, штабсъ-капитановъ и болѣе старыхъ поручиковъ отъ подпоручиковъ и прапорщиковъ. Въ то время какъ офицеры двухъ послѣднихъ чиновъ были обыкновенными молодыми людьми, три старшіе чина были отчаянные служаки, грубаго солдатскаго склада. Разговоръ ихъ обыкновенно былъ разговоръ о строѣ, о шагѣ, о ружейныхъ пріемахъ и объ уставѣ; ихъ желанія заключались въ томъ, чтобы получить полкъ или еще лучше батальонъ внутренней стражи; они имѣли своеобразную выправку и походку. Впрочемъ, я близко узналъ офицеровъ лишь въ лагерное время и на маневрахъ, когда почти постоянно бываешь на службѣ; можетъ быть въ другое время и въ частныхъ домахъ они показались бы мнѣ другими людьми, но въ гостиныхъ я ихъ никогда не видалъ и въ короткое время моего пребыванія въ полку ни съ кѣмъ не успѣлъ познакомиться въ ихъ частной жизни, и потому я могъ составить себѣ объ обществѣ офицеровъ односторонній взглядъ.

Въ умственномъ отношеніи офицеровъ полковыхъ можно было раздѣлить на двѣ группы: офицеры, вышедшіе въ гвардію изъ кадет-

скихъ корпусовъ, были по большей части люди образованные и умные; офицеры же, переведенные изъ арміи (такихъ въ мое время въ Волынскомъ полку было не менѣе половины), были люди умственно ограниченные, щеголявшіе въ разговорахъ плоскими остротами. Они, правда, относились строго къ своимъ служебнымъ занятіямъ (фронтовымъ), но за то ничего не признавали дальше фронта: науку и академіи они презирали, относясь къ нимъ съ насмѣшкой и даже выдумали особое слово, выражавшее полное ихъ пренебреженіе къ наукѣ, но которое они признавали верхомъ остроумія. Къ чему, говорили они, идутъ въ разныя академіи изучать «іеромалафію» (т. е. науку), намъ нуженъ строй и преданность службѣ и престолу, а для этого никакой іеромалафіи не нужно; пусть бы надѣвали фракъ, и тогда бы шли въ академіи. Къ сожалѣнію, къ этимъ господамъ примыкали также нѣкоторые офицеры, вышедшіе изъ корпуса, правда, болѣе ограниченные но все-таки болѣе ихъ образованные, которые вѣроятно раньше разсуждали иначе.

Несмотря на то, что вся энергія высшихъ чиновъ полка была почти исключительно направлена на службу, и что къ службѣ люди эти относились съ самой строгой серьезностью и при томъ считали своей обязанностью пріучать къ ней молодыхъ офицеровъ, что̀ они и старались дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ, они однако сами не понимали, въ чемъ состоитъ сущность службы, придавая исключительное значеніе мелочамъ и формальностямъ, и потому изъ ихъ уроковъ молодые офицеры не выносили ничего путнаго. Такъ, напр., въ назначенный день полкъ собирается для занятія петербургскихъ карауловъ на площади, передъ соборомъ Св. Троицы (л.-гв. Волынскій полкъ помѣщался въ казармахъ л.-гв. Измайловскаго полка). Является дежурный по карауламъ полковникъ и пользуется случаемъ поучить молодыхъ офицеровъ. Онъ приказываетъ офицеру, стоящему на правомъ флангѣ и командующему первымъ карауломъ, вести свой караулъ. Офицеръ командуетъ: «на плечо», дежурный по карауламъ кричитъ: «отставить» и дѣлаетъ замѣчаніе: «прапорщикъ Н., вы командуете тихо, командуйте еще разъ!» Снова крикъ: «отставить!— вы не раздѣляете команду, еще разъ!»—и т. д., заставляя иногда командовать разъ по пятнадцати, пока наконецъ караулъ пойдетъ. Затѣмъ то же начинается со вторымъ карауломъ и т. д. Намучившись самъ и помучивши людей, полковникъ съ самодовольнымъ видомъ говоритъ:—«ну, немного подучилъ молодыхъ офицеровъ». А между тѣмъ разсчетъ карауловъ сдѣлали унтеръ-офицеры, а офицеръ приходитъ, становится, гдѣ ему покажутъ, и ведетъ свой караулъ на мѣсто, совершенно не зная, сколько у него рядовъ, сколько постовъ, какіе посты, что̀ долженъ имѣть при себѣ солдатъ, отправляясь въ караулъ,

и имѣетъ-ли все должное. И въ цѣлую зиму моего пребыванія въ полку положительно ни одного раза ни полковой командиръ, ни дежурный по карауламъ никогда никого изъ молодыхъ офицеровъ не спросилъ: знаетъ-ли онъ, сколько человѣкъ ведетъ въ караулъ? и никто изъ офицеровъ не считалъ даже своимъ долгомъ справиться объ этомъ.

Полковой командиръ являлся ежедневно въ роты на одиночное ученье (которое начиналось въ 7 ч. утра даже зимою) и записывалъ всѣхъ отсутствовавшихъ офицеровъ, чтобы нарядить ихъ на лишнее дежурство, хотя учили солдатъ унтеръ-офицеры, а офицеры приходили только для того, чтобы ходить по казармѣ и разговаривать между собою, и даже ротные командиры не позволяли субалтернъ-офицерамъ учить свое отдѣленіе. Полковой командиръ нерѣдко собиралъ всѣхъ офицеровъ, распекалъ ихъ за то, что они не исправно ходятъ на ученье, указывалъ, какъ надо служить, при чемъ всегда довольствовался формальной стороной дѣла, но ни однажды не обратился къ молодымъ прапорщикамъ съ такими, напр., вопросами: какъ поступитъ онъ въ случаѣ пожара караульнаго дома, который занимаетъ его караулъ; какъ поступитъ онъ въ случаѣ бѣгства арестанта изъ подъ его караула и т. п. тысячами вопросовъ, надъ которыми никто изъ молодыхъ офицеровъ никогда не думалъ, да и не нашелся бы въ случаѣ надобности. Между тѣмъ, идя въ караулъ въ первый разъ, никто изъ офицеровъ не получалъ никакой инструкціи ни устной, ни письменной. Такимъ же образомъ мы вступали на дежурство и считали своей обязанностью лишь сидѣть цѣлый день безотлучно въ дежурной комнатѣ, вступали на дежурство по различнымъ петербургскимъ военнымъ госпиталямъ, и никто изъ насъ не зналъ, что мы должны были тамъ дѣлать, и потому опять только отсиживали цѣлыя сутки въ дежурной комнатѣ. Исправно являвшійся ежедневно въ роту на ученье на тѣ два часа, когда оно происходило, для разговоровъ съ товарищами, исправно являвшійся на всѣ дежурства, для того, чтобы дежурная комната не оставалась свободной, исправно являвшійся для отведенія своего караула на указанную гауптвахту, гдѣ исправно отсиживалъ сутки въ офицерской комнатѣ, такой офицеръ считался полковымъ командиромъ образцовымъ офицеромъ и ставился имъ въ примѣръ остальнымъ. Такого офицера батальонный и ротный командиры съ особымъ рвеніемъ поучали произносить громко и отчетливо командныя слова, и успѣвшему въ этомъ предстояла впереди карьера, которую теряли лица, не имѣвшія зычнаго голоса. Все сказанное мною относится къ тому времени, когда еще не поняли, что только-что совершившійся Севастопольскій погромъ былъ результатомъ такого лишь формальнаго отношенія къ дѣлу всѣхъ высшихъ и низшихъ военныхъ

чиновъ, когда блестящая внѣшность и наружное благополучіе принимались за несомнѣнные признаки глубокаго знанія начальниками военнаго дѣла. Я убѣжденъ въ томъ, что въ настоящее время въ полкахъ совершенно другіе порядки, и говорю только о томъ, что было въ мое время.

Полковая служба отличалась тогда замѣчательной пустотой. Я указалъ уже на то, что тогда значило исправно служить; если прибавить къ этому строевыя занятія при приготовленіи полка къ смотрамъ, парадамъ и разводамъ съ церемоніею, когда за двѣ или за три недѣли приходилось ежедневно ходить куда-нибудь въ отдаленный манежъ или на плацъ съ ранняго утра и возвращаться въ четыре часа, такъ что цѣлый день былъ убитъ, а дѣло заключалось лишь въ утаптываніи мостовой, то дѣлается понятнымъ то чувство отвращенія, какое приходилось испытывать при этой безполезной для всѣхъ службѣ, при которой самъ чувствуешь, какъ начинаешь тупѣть и мельчать. Спросятъ, какъ же другіе служили, и служили всю свою жизнь, и не тяготились пустотой своей жизни? На это я отвѣчу, что у всякаго свой взглядъ на вещи; вѣроятно, находились люди, которые иначе смотрѣли на дѣло; но кому не извѣстна безшабашная, полная кутежей жизнь прежнихъ офицеровъ? не топилась-ли въ винѣ, попойкахъ и въ кутежахъ та тоска, которая должна была закрасться въ душу каждаго изъ нихъ, когда онъ оставался лишь съ самимъ собою? Поневолѣ искали развлеченій, которыя, конечно, не измѣняли пустоту жизни, но по крайней мѣрѣ давали возможность забываться и жить весельемъ сегодняшняго дня. Одному молодому офицеру, съ которымъ мнѣ пришлось на маневрахъ помѣщаться въ одной палаткѣ, я самъ сдѣлалъ такой вопросъ, и получилъ въ отвѣтъ, что объ этомъ онъ старается не думать и не заглядывать впередъ, а живетъ онъ лишь сегодняшнимъ днемъ. Впослѣдствіи оказалось, что офицеръ этотъ имѣлъ деньги только въ день полученія жалованья (и то только части, такъ какъ часть жалованья вычиталась кредиторами), въ этотъ день онъ являлся въ одинъ извѣстный въ Петербургѣ ресторанъ и выплачивалъ полученное жалованье въ счетъ своего долга, остальные дни онъ ходилъ въ тотъ же ресторанъ, обѣдалъ, игралъ на бильярдѣ и потомъ расписывался въ книгѣ подъ счетомъ; ему отпускали въ долгъ въ счетъ будущихъ благъ, которыя должны были явиться къ нему съ полученіемъ доходной должности. Такъ жили многіе. Извѣстно, что въ 1849 г., когда гвардія выступила въ походъ въ Венгрію (до которой однако не дошла), то петербургскіе портные явились къ военному министру съ огромными счетами на гвардейскихъ офицеровъ; и Николай Павловичъ велѣлъ имъ заплатить изъ суммъ государственнаго

казначейства. Большая часть гвардейскихъ офицеровъ того времени жила въ долгъ, что̀ нисколько не считалось предосудительнымъ.

Я уже говорилъ, что старые ротные командиры Волынскаго полка, будучи грубоватыми въ манерахъ, въ то же время отличались преданностью къ службѣ. Это качество въ прежнихъ офицерахъ Волынскаго полка умѣлъ развить бывшій полковой командиръ, генералъ Овандеръ, который потомъ былъ начальникомъ 3-й гвардейской дивизіи, въ составъ которой входитъ Волынскій полкъ. Я хотя не засталъ Овандера даже и начальникомъ дивизіи, но въ полку еще много осталось о немъ воспоминаній. Большую часть времени своего Овандеръ проводилъ въ полку и потому отлично зналъ своихъ офицеровъ, чему также много способствовала постоянная стоянка полка въ маленькомъ городишкѣ—Ораніенбаумѣ, состоявшемъ въ то время всего изъ одной улицы и нѣсколькихъ коротенькихъ переулковъ. Зимой офицеры не имѣли никакихъ развлеченій кромѣ прогулки по единственной улицѣ, и Овандеръ пользовался этимъ обстоятельствомъ, занимая солдатъ и офицеровъ ученьями, разводами, такъ что большую часть праздnаго своего времени офицеры, не чувствуя особой тягости, наполняли исполненіемъ различныхъ служебныхъ обязанностей. Надо замѣтить, что сообщенія съ Петербургомъ въ то время не было, ѣздить можно было только на почтовыхъ и не иначе, какъ по разрѣшенному отпуску, уѣзжать же безъ отпуска, въ виду постояннаго строгаго надзора полковаго командира въ Ораніенбаумѣ и великаго князя Михаила Павловича въ Петербургѣ,—было опасно. Одинъ офицеръ, воспользовавшись нѣсколькими праздничными днями, уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ Михаиломъ Павловичемъ, который и потребовалъ у него отпускной билетъ. За самовольную отлучку офицеръ этотъ былъ простымъ приказомъ великаго князя переведенъ тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи—въ армію. Послѣ такого примѣра охотниковъ самовольныхъ поѣздокъ въ Петербургъ не было.

Проведя бо́льшую часть дня на службѣ, офицеры втягивались въ эту службу, сживались съ нею и даже потомъ тяготились своимъ свободнымъ временемъ. Многолѣтнее пребываніе полка въ скучномъ Ораніенбаумѣ, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ офицеровъ была служба, сдѣлало то, что въ Волынскомъ полку сформировался особый духъ—любовь ученій, парадовъ и карауловъ, и этимъ духомъ вскорѣ заражались молодые офицеры. Съ 1853 года полкъ былъ переведенъ въ Остзейскій край на время войны и съ тѣхъ поръ уже болѣе не возвращался въ Ораніенбаумъ, передъ тѣмъ и Овандеръ былъ замѣненъ ген. Довбышевымъ, а потомъ—Корфомъ. Во время похода духъ полка сталъ измѣняться. Этимъ, вѣроятно, и можно объяснить такую

рѣзкую разницу, какая бросалась съ перваго же взгляда каждому новому человѣку, между старыми и молодыми офицерами въ мое время.

Овандеръ былъ страшный формалистъ. Всякій гвоздикъ въ казармѣ долженъ былъ находиться на своемъ мѣстѣ и сидѣть въ стѣнѣ ровно съ другими. У него все было расписано по днямъ и по часамъ. Офицеры разсказывали, что даже въ домашней своей жизни у него было составлено росписаніе, въ которомъ часу его будить, въ которомъ часу подавать обѣдъ, самоваръ и пр. На случай пожара въ домѣ, Овандеръ указалъ каждому изъ вѣстовыхъ, прислуги и другимъ, жившимъ въ его домѣ, кому что брать изъ вещей, куда выносить, что брать при вторичномъ возвращеніи и т. д. Чтобы всѣхъ пріучить къ указанному порядку, Овандеръ днемъ, а иногда и ночью, дѣлалъ тревогу, звоня въ особый колоколъ; по этому звону всѣ сбѣгались и выносили изъ квартиры вещи. Послѣ нѣсколько разъ повторенной тревоги, Овандеръ имѣлъ удовольствіе видѣть, что, безъ особой суеты, изъ квартиры выносилось все его добро въ нѣсколько минутъ. Послѣ этого онъ могъ спать спокойно, зная, что въ случаѣ пожара (котораго онъ особенно боялся) имущество его будетъ въ короткое время вынесено и затѣмъ оберегаться служителями, которые также должны были находиться около него въ указанныхъ мѣстахъ. Наконецъ, случился и самый пожаръ, но... отчаянный звонъ Овандера не помогъ. Бо́льшая часть прислуги не явилась вовсе, кто явился, забылъ, что ему надо брать, и тащитъ что попало и не въ указанное мѣсто; при этой толкотнѣ и суматохѣ было вынесено очень не многое, а остальное и при томъ болѣе цѣнное—сгорѣло.

Формализмъ Овандера иногда отзывался на солдатахъ слишкомъ тяжело. Однажды полку пришлось переходить изъ Ораніенбаума въ Красное Село на лагерную стоянку. Передъ этимъ только-что начали чинить шоссе, засыпали его щебнемъ, который не успѣли утрамбовать. Идти по свѣженасыпанному щебню невозможно, не поранивъ себѣ ноги, и потому солдаты, избѣгая средней части полотна шоссе, гдѣ былъ щебень, шли по бокамъ его. Овандеръ, увидѣвъ это, остановилъ полкъ, раскричался на батальонныхъ и ротныхъ командировъ и заставилъ идти полкъ въ ногу по самому щебняку. Офицеры разсказывали, что они, идя сбоку, значительно избѣгали щебень и все-таки пришли въ лагерь въ совершенно разорванныхъ сапогахъ. Можно себѣ представить, что вынесли при этомъ солдатскія ноги!

Во время моего служенія въ полку, общество офицеровъ, вообще говоря, жило между собою въ добромъ согласіи; обыкновенно выдѣлялся изъ этого общества почти одинъ полковой адъютантъ, который почему-то считалъ своей обязанностью играть роль шпіона, донося

полковому командиру о всѣхъ неисправностяхъ офицеровъ. Въ бытность мою въ полку были послѣдовательно два полковыхъ адъютанта: капитанъ Эйхенъ (который потомъ былъ сдѣланъ дивизіоннымъ адъютантомъ) и ш.-к. Журавлевъ; оба они считали своимъ долгомъ на всѣхъ разводахъ и выходахъ во дворцѣ приносить съ собою списки всѣхъ офицеровъ и тихонько отмѣчать въ нихъ отсутствующихъ, представляя затѣмъ эти списки полковому командиру, который сажалъ за это неисправныхъ на гауптвахту, или наряжалъ на лишнее дежурство.

Полковаго командира,— генерала Дарагана,— офицеры за что-то очень не любили. Пробывши въ полку безъ малаго годъ, я, несмотря на разспросы, такъ и не могъ съ точностью узнать, за что онъ пользуется общимъ нерасположеніемъ. Говорили о его крайней заносчивости, о его грубомъ и даже дерзкомъ отношеніи къ офицерамъ, но все это говорилось лишь въ общихъ словахъ, я же ничего подобнаго не успѣлъ замѣтить.

Въ сентябрѣ 1857 года полкъ перешелъ въ Петербургъ и занялъ часть казармъ Измайловскаго полка, около Троицкаго собора, а полковому командиру была отведена казенная квартира въ домѣ Гарновскаго. Устроившись на новой квартирѣ, Дараганъ, желая сблизиться съ обществомъ офицеровъ, сталъ приглашать къ себѣ на обѣдъ дежурныхъ. Въ это время полкъ изъ трехбатальоннаго состава былъ переформированъ въ двухбатальонный составъ, и потому дежурили два молодыхъ офицера по батальонамъ и одинъ ротный командиръ по полку. Когда я былъ въ первый разъ назначенъ дежурнымъ по батальону, ко мнѣ явился вѣстовой отъ полковаго командира и говоритъ: «генералъ проситъ васъ къ себѣ на обѣдъ». Въ назначенный часъ я пришелъ на обѣдъ и, сидя за столомъ, сталъ раздумывать, почему изъ трехъ дежурныхъ приглашенъ только одинъ я. По возвращеніи въ дежурную комнату, я спросилъ объ этомъ другихъ дежурныхъ и получилъ отвѣтъ, что Дараганъ приглашалъ и ихъ, но только они отказались отъ этой чести.

— Почему же?—спросилъ я.—Потому,—отвѣтилъ мнѣ дежурный по полку,—что онъ скотина, къ которой мы не желаемъ ходить въ домъ. Пришлось и мнѣ подумать о томъ, чтобы въ слѣдующій разъ отказаться отъ приглашенія; но къ тому времени и самъ Дараганъ уже пересталъ приглашать къ обѣду.

Сколько я успѣлъ замѣтить, Дараганъ былъ въ сущности добрый человѣкъ и могъ бы согласно жить съ офицерами, но онъ былъ до крайности самолюбивъ, и его страшно оскорблялъ отказъ офицеровъ ходить къ нему на обѣдъ и вообще удаленіе ихъ отъ его дома. Полковые адъютанты вмѣсто того, чтобы служить сближающимъ звеномъ

общества офицеровъ съ полковымъ командиромъ, своимъ шпіонствомъ раздражали полковаго командира противъ офицеровъ, которые съ своей стороны точно также раздражались противъ полковаго командира. Взаимное раздраженіе росло изо-дня въ день и кончилось тѣмъ, что въ слѣдующемъ году (когда я уже выбылъ изъ полка) одинъ изъ офицеровъ (ротный командиръ ш.-к. Окуловъ) нанесъ Дарагану личное оскорбленіе, и послѣдній даже ни въ комъ изъ сослуживцевъ не нашелъ сочувствія. Вообще вся эта печальная исторія была результатомъ огромнаго недоразумѣнія, въ ней болѣе всего пострадалъ ген. Дараганъ (Окулова перевели въ армію тѣмъ же чиномъ), котораго можно было только пожалѣть, винить же надо было полковыхъ адъютантовъ и тотъ странный взглядъ, который установился (не знаю, во всѣхъ-ли это было полкахъ) на обязанности полковаго адъютанта.

Хотя служба моя въ полку продолжалась меньше года, но, будучи въ чинѣ прапорщика, я успѣлъ вынести множество самыхъ разнообразныхъ нарядовъ, такъ какъ именно въ этомъ чинѣ въ то время запрягали офицера почти постоянно на службу. Сегодня въ караулъ, завтра возвращаешься изъ караула въ 3-мъ часу, иногда и позже, слѣдующій день дежуришь по какому-нибудь изъ многочисленныхъ петербургскихъ военныхъ госпиталей, потомъ назначаешься съ рабочей командой въ новый арсеналъ на Выборгскую сторону или въ крѣпость (этотъ день почему-то считается свободнымъ отъ служебныхъ обязанностей), на слѣдующій день—дежуришь по батальону, тамъ опять какое-нибудь дежурство. Въ двѣ недѣли одинъ день выпадалъ свободный, да и то если это былъ будень, то утромъ ученье, въ 10 часовъ стрѣльба въ цѣль на Семеновскомъ плацу, а вечеромъ въ караулъ въ Большой театръ, или долженъ сидѣть дома, чтобы идти съ карауломъ на пожаръ, если онъ случится, а если праздникъ, то утромъ съ ротой идешь къ обѣднѣ, послѣ которой долженъ поспѣть въ Михайловскій манежъ для присутствія на разводѣ съ церемоніей. Впрочемъ, лично меня эти постоянные караулы и дежурства не особенно тяготили, потому что, забравшись въ дежурную комнату какого-нибудь госпиталя или караула, я имѣлъ цѣлый день для занятій по приготовленію къ Артиллерійской академіи, куда я рѣшился снова поступить, но уже прямо въ старшій курсъ, и поэтому долженъ былъ сдавать два экзамена: вступительный и переходный. Но другіе офицеры очень тяготились такой службой, и въ мое время очень многіе приходили на дежурство только для того, чтобы смѣнить и отпустить стараго дежурнаго, а затѣмъ уходили домой и больше не показывались. Бывали даже такіе случаи, хотя болѣе рѣдкіе, что офицеръ уходилъ изъ караула и приходилъ туда только къ ночи. Вообще это время было временемъ значительной служебной распущенности молодыхъ офицеровъ.

12-го декабря полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ, и государь пригласилъ всѣхъ офицеровъ Волынскаго и Финляндскаго полковъ (который также празднуетъ тотъ же день) къ столу въ Зимній дворецъ. Здѣсь произошло ничтожное само по себѣ обстоятельство, которое однако показываетъ, до какой щепетильности доходили полковые офицеры въ своихъ понятіяхъ о такъ называемой мундирной чести. Въ числѣ приглашенныхъ были также всѣ офицеры этихъ двухъ полковъ, состоявшіе при академіяхъ; между послѣдними явился прапорщикъ Крыловъ, который сразу обратилъ на себя вниманіе всѣхъ необыкновенной блѣдностью лица. Очевидно, что онъ пришелъ больной, не желая пропустить случая, который могъ никогда въ жизни его болѣе не повториться, присутствовать при высочайшемъ столѣ. Во время обѣда однако болѣзнь его усилилась, и онъ, почувствовавъ тошноту, долженъ былъ выйти отъ стола. Это пустое обстоятельство надѣлало между офицерами большаго шума. На другой день всѣ полковые офицеры собрались въ дежурной комнатѣ полка и, не разбирая причинъ, стали говорить, что Крыловъ безчеститъ мундиръ полка неприличнымъ поведеніемъ своимъ и т. п. Было рѣшено не принимать его въ полкъ, если онъ вздумаетъ вернуться изъ академіи. Узнавъ объ этомъ, Крыловъ самъ куда-то перешелъ изъ Волынскаго полка.

Служба въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Осенью 1859 года я поступилъ репетиторомъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Перейти на учебную службу заставили меня, во 1-хъ, любовь къ предмету физики, которымъ я особенно занимался еще въ корпусѣ затѣмъ въ академіи, гдѣ окончательно рѣшился избрать себѣ его для своихъ спеціальныхъ занятій; во 2-хъ, я любилъ 1-й корпусъ, гдѣ я воспитывался въ теченіе 10-ти лѣтъ, и всегда мечталъ служить именно въ этомъ заведеніи и непремѣнно преподавателемъ.

Въ первый же день моего вступленія въ заведеніе, я былъ совершенно неожиданно пораженъ словами бывшихъ моихъ учителей. Они высказывали мнѣ столько жалобъ на свое положеніе, столько сожалѣнія, что избрали себѣ учительское поприще, что мнѣ стало жутко, тѣмъ болѣе, что все это были старики, увѣнчанные сѣдовласою опытностью; на меня они смотрѣли съ сожалѣніемъ, зачѣмъ я промѣнялъ строевую карьеру на скромную учительскую должность. Странно, что эти жалобы я слышалъ только отъ гражданскихъ преподавателей и никогда ни одной жалобы отъ военныхъ учителей, хотя между послѣдними были

люди, прослужившіе учителями болѣе тридцати лѣтъ; изъ гражданскихъ преподавателей только молодые не жаловались на свою судьбу. Желаніе служить именно по учебной части у меня было такъ сильно, что, несмотря на такія предостереженія старыхъ учителей, я нисколько не поколебался въ выборѣ дѣятельности и, поступивъ временно репетиторомъ, тотчасъ же принялся за спеціальныя занятія физикою и черезъ годъ читалъ при штабѣ военно-учебныхъ заведеній пробныя лекціи, получивъ затѣмъ и уроки физики въ 1-мъ корпусѣ.

По должности репетитора у меня было очень мало дѣла. Я былъ обязанъ бывать ежедневно въ будни на вечернихъ занятіяхъ кадетъ старшей роты (т. е. отъ 6 до 8½ час. вечера) и помогать въ занятіяхъ математикою и друг. предметами тѣмъ воспитанникамъ, которые обращались ко мнѣ. Жалованье я получалъ всего 26 р. въ мѣсяцъ по своему чину прапорщика гвардіи.

Всего три года я служилъ внѣ корпуса и какую рѣзкую перемѣну за это время нашелъ я въ немъ: дисциплина была расшатана, даже наружное уваженіе кадетъ къ начальству замѣтно упало, порядки заведенія исполнялись плохо, религіозная сторона кадетъ стала неузнаваема; только къ класснымъ занятіямъ кадеты относились еще довольно усердно, но и здѣсь замѣтно было охлажденіе, видно было, что учились болѣе изъ-за баловъ. Сравнительно съ другими корпусами 1-й корпусъ еще кое-какъ держался; въ другихъ корпусахъ уже происходили безобразія; съ ужасной деморализаціей кадетъ другихъ корпусовъ мы познакомились вполнѣ въ 1863 году, когда къ намъ въ 1-й корпусъ перевели кадетъ изъ 2-го и Павловскаго корпусовъ, о чемъ скажу ниже.

Какая однако была причина такого упадка корпусовъ? Во 1-хъ, послѣ Крымской кампаніи, какъ извѣстно, общество наше стало относиться съ пренебреженіемъ и даже нѣсколько враждебно къ военному званію, что̀ стало извѣстно и самимъ кадетамъ, изъ разговоровъ при нихъ во время ихъ нахожденія въ отпуску; это имѣло деморализующее вліяніе на воспитанниковъ, которые и сами стали смотрѣть на себя и на свое будущее званіе не съ гордостью, какъ было въ наше время, а съ нѣкоторой приниженностью, а на своихъ дежурныхъ офицеровъ даже съ ироніей. Во 2-хъ, поднятые въ это время въ обществѣ педагогическіе вопросы указали на несостоятельность тѣхъ мѣръ, которыя до того считались единственными въ воспитаніи, каковы тѣлесное и всякое другое наказаніе и всякія награды; стали говорить о необходимости чисто воспитательныхъ началъ, о которыхъ корпусные офицеры почти не имѣли понятія; такимъ образомъ тѣлесныя и другія наказанія были ослаблены, а замѣнить ихъ не нашли чѣмъ, и строгіе корпусные порядки, державшіеся лишь изъ страха строгаго наказанія,

стали разрушаться. На сколько растерялись тогдашніе воспитанники, при новомъ вѣяніи, я укажу въ немногихъ примѣрахъ въ послѣдующихъ запискахъ, когда буду говорить о военныхъ гимназіяхъ. Въ 3-хъ, самое общество наше, такъ долго сдерживаемое при Николаѣ Павловичѣ, уже при началѣ царствованія Александра Николаевича стало обнаруживать нѣкоторую распущенность; учителя на урокахъ стали позволять себѣ относиться критически къ корпусному начальству и къ корпуснымъ порядкамъ; говорятъ (хотя лично мнѣ не извѣстны эти примѣры), что были учителя, которые высказывали либеральные взгляды на различныя правительственныя учрежденія, и вообще говорили съ воспитанниками много лишняго, что, разумѣется, имѣло самое пагубное вліяніе на кадетъ. Само начальство, сбитое съ толку новымъ вѣяніемъ, обнаруживало нерѣшительность въ своихъ дѣйствіяхъ, и даже черствый директоръ корпуса—Лихонинъ сталъ обнаруживать слабость. Когда кадеты одной роты выражали неудовольствіе своему ротному командиру, не отвѣтивъ на его привѣтствіе, то Лихонинъ не наказалъ кадетъ, какъ бы сдѣлалъ это прежде, а призвалъ къ себѣ старшихъ кадетъ этой роты и сталъ разспрашивать ихъ, чѣмъ они недовольны, и никакого взысканія не наложилъ.

Между кадетами взаимныя отношенія также измѣнились. Въ наше время кадеты младшихъ классовъ всегда съ уваженіемъ относились къ кадетамъ старшихъ классовъ; но теперь появилось общее равенство: младшіе перестали слушать старшихъ, и даже унтеръ-офицеры потеряли прежнее вліяніе на воспитанниковъ. Какимъ образомъ въ такое короткое время кадеты успѣли уничтожить вѣковую традицію заведенія,—мнѣ неизвѣстно; не только сами кадеты хвастались, что они уничтожили, какъ они выражались,—«классничество», т. е. уваженіе и повиновеніе младшихъ воспитанниковъ—старшимъ.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія моего въ военно-учебныя заведенія, въ февралѣ 1860 года, скончался начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, который послѣдніе два года, состоя предсѣдателемъ коммиссіи для освобожденія крестьянъ, не могъ заниматься кадетскими корпусами, и потому въ помощь ему была придумана новая должность: помощникъ начальника штаба, которую и занялъ бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса генералъ Путята. Не знаю, съ вѣдома-ли Ростовцева или нѣтъ, но въ это время учебная часть военно-учебныхъ заведеній начала падать: вмѣсто двухъ новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), оставили только одинъ, статистика (оба курса) была выкинута изъ обоихъ спеціальныхъ классовъ, естественная исторія была сдѣлана сперва необязательнымъ предметомъ преподаванія, а потомъ и вовсе уничтожена, и такимъ об-

разомъ реальный курсъ военно-учебныхъ заведеній потерялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ реальнаго образованія.

Со смертью Ростовцева въ 1860 году, начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній назначенъ былъ ген. Путята, при этомъ государь императоръ снялъ съ себя званіе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и передалъ его вел. князю Михаилу Николаевичу. Въ это время деморализація корпусовъ дошла до того, что между кадетами и приказанія государя считалось возможнымъ не всегда исполнять. Во время лагеря 1860 года государь, посѣтивъ кадетъ наканунѣ смотра вмѣстѣ съ кѣмъ-то изъ великихъ князей, сказалъ: «люблю смотрѣть, какъ это поросята купаются въ лужѣ». Когда на другой день, на смотру государь приказалъ бить атаку, то кадеты 1-го корпуса, дойдя до небольшой рѣчки, протекающей на лѣвомъ флангѣ лагеря, замялись на берегу. На повторенный бой къ атакѣ кадеты все-таки не пошли въ воду. Государь прогналъ кадетъ со смотра и приказалъ ихъ вывести послѣ обѣда на ученье и учить ходить въ водѣ. Начальникъ отряда ген. Степановъ водилъ ихъ взадъ и впередъ въ этой рѣчкѣ почти часъ.

Какъ я сказалъ выше, само начальство въ это время потеряло голову и не знало, какъ относиться къ младшимъ. Молодежь стала дерзка, а старшіе не знали, что дѣлать: проявлять прежнія строгости никто не рѣшался и хотя и морщились, но молчали, чѣмъ окончательно расшатывали дисциплину.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Во время студенческихъ безпорядковъ въ 1861 году, на уличныхъ сходкахъ было взято нѣсколько молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ. Плацъ-маіоръ и плацъ-адъютантъ пригласили ихъ немедленно во дворецъ къ вел. князю Михаилу Николаевичу. Въ числѣ взятыхъ былъ служившій при Петербургскомъ арсеналѣ прапорщикъ гвардейской артиллеріи Семевскій (родной братъ Михаила Ивановича). Онъ явился къ великому князю въ старомъ неряшливомъ сюртукѣ и безъ шапки. Неформенная одежда прошла ему даромъ, а за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ онъ, вмѣстѣ съ другими, былъ переведенъ изъ Петербурга на ту же должность въ Кіевскій арсеналъ.

Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній ген. Путята (которому тогда были подчинены артиллерійское училище и академія) получилъ приказаніе отъ вел. кн. Михаила Николаевича сдѣлать внушеніе полковнику П. Л. Лаврову за сочувствіе студентскимъ безпорядкамъ. Путята призвалъ къ себѣ Лаврова и сталъ было дѣлать ему замѣчаніе; но Лавровъ перебилъ его и сталъ самъ выговаривать ему за его неправильный взглядъ на дѣло, и Путята замолчалъ.

Тотъ же Путята пріѣхалъ однажды въ Новгородскій Аракчеевскій

кадетскій корпусъ; день былъ воскресный, и Путята, осматривая корпусъ, зашелъ въ столовую, гдѣ, какъ ему сказали, въ это время нѣкоторые служащіе занимались съ дѣтьми мѣстныхъ крестьянъ, которые приходили въ корпусъ на воскресные классы. На одномъ столѣ занимался преподаватель заведенія прапорщикъ Лачиновъ; онъ совершенно лежалъ на столѣ и, несмотря на то, что къ нему подошелъ генералъ-адъютантъ, его начальникъ, онъ не только не поклонился ему, но даже не перемѣнилъ позу. И Путята промолчалъ, боясь показаться не современнымъ человѣкомъ.

Я могъ бы привести очень много подобныхъ примѣровъ, но думаю, что и эти уже достаточно показываютъ, на какой ложной дорогѣ стояли въ то время высшія власти, послѣдствіемъ чего и были неурядицы конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ 1862 году директоръ 1-го корпуса О. С. Лихонинъ вышелъ въ отставку. Что было причиной его выхода, осталось намъ неизвѣстнымъ, но тогда говорили, что ему было приказано подать въ отставку отъ великаго князя. Назначенъ былъ новый директоръ, бывшій полковой командиръ какого-то армейскаго полка, полковникъ Николай Павловичъ Гартонгъ, человѣкъ въ высшей степени слабый, который не могъ поднять въ заведеніи дисциплину. Правда, воспитанники полюбили этого добраго человѣка, представлявшаго контрастъ черствому Лихонину; но Гартонгъ былъ не только добръ, но и слабъ, а въ то время нуженъ былъ человѣкъ съ характеромъ. Одинъ годъ заведеніе кое-какъ прожило съ нимъ, да и тутъ была исторія, окончившаяся исключеніемъ изъ заведенія двоихъ кадетъ.

Воспитанники, недовольные батальоннымъ командиромъ, полковникомъ Совримовичемъ (поступившимъ въ корпусъ вслѣдъ за Гартонгомъ) что-то крикнули ему, когда онъ проходилъ по корридору мимо спальни; Совримовичъ, человѣкъ энергическій, тотчасъ вошелъ въ комнату и переписалъ бывшихъ тамъ кадетъ; при разборѣ этого дѣла, двоихъ исключили. Когда Гартонгъ доложилъ вел. князю о происшедшемъ въ корпусѣ безпорядкѣ, послѣдній разсмѣялся и, обращаясь къ бывшему при этомъ ген. Корсакову, сказалъ: «смотри, какъ онъ испугался».

Въ принципѣ уже было рѣшено, что корпуса никуда негодны и требуютъ преобразованія; всякій фактъ распущенности, кажется, только радовалъ высшее начальство, доставляя ему новыя данныя для доказательства передъ государемъ необходимости преобразованія кадетскихъ корпусовъ. Александръ Николаевичъ, выслушивая постоянные доклады о неудовлетворительномъ состояніи корпусовъ, сказалъ: «не знаю, почему теперь корпуса стали такъ дурны, при мнѣ они были въ отличномъ состояніи; если преобразованіе такъ необходимо,—дѣлайте это, хотя я этому не сочувствую».

Въ 1862 году мнѣ была предложена въ 1-мъ корпусѣ должность библіотекаря, и я получилъ въ зданіи казенную квартиру. Въ это же время начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній ген. Путята былъ замѣненъ генераломъ Никитой Васильевичемъ Корсаковымъ. Какъ тогда говорили, причина послѣдней перемѣны состояла въ томъ, что ген. Путята, получивъ какую-то бумагу, приготовился написать на ней резолюцію, но докладчикъ указалъ ему, что резолюція уже написана вел. кн. Михаиломъ Николаевичемъ. Путята прочелъ эту резолюцію и сказалъ: «вел. кн. слишкомъ молодъ». Что произошло дальше, не знаю, но вслѣдъ затѣмъ Путята былъ смѣненъ и остался не у дѣлъ на все остальное время своей жизни. Впрочемъ, и генералъ Корсаковъ не долго занималъ постъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ началѣ 1863 года вел. князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ на Кавказъ, военно-учебныя заведенія были переданы въ военное министерство, и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ, а ген. Корсаковъ сдѣлался его помощникомъ. Коммиссія, назначенная еще при Михаилѣ Николаевичѣ для составленія проекта преобразованія кадетскихъ корпусовъ, стала собираться подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Д. А. Милютина, и въ томъ же 1863 г. окончила свой трудъ. Самыя преобразованія начались съ августа 1863 года, о чемъ будетъ сказано подробно въ слѣдующей главѣ.

Лѣтомъ 1862 г. я получилъ приказаніе отъ штаба военно-учебныхъ заведеній повѣрить съемочныя работы кадетъ 2-го корпуса. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ въ поле и инспекторъ классовъ 2-го корпуса Г. Г. Даниловичъ. Съемка вообще оказалась неудовлетворительной, но Даниловичъ старался отводить мнѣ глаза при всякомъ дурномъ отвѣтѣ воспитанника, тотчасъ объясняя мнѣ, что воспитанникъ этотъ заикается, а потому не можетъ отвѣтить, или былъ боленъ и оттого не вполнѣ усвоилъ себѣ. Когда мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ домой, онъ всю дорогу говорилъ мнѣ, какъ усердно занимались воспитанники съемкой и какъ они конфузятся новаго человѣка; все это говорилось сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Замѣчательно, что отчеты о съемочныхъ работахъ, представляемые повѣрявшими, всегда печатались, а за 1862 г. отчеты эти остались подъ сукномъ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Лѣтомъ 1863 г., когда Г. Г. Даниловичъ былъ назначенъ директоромъ 2-го корпуса съ приказаніемъ преобразовать корпусъ въ военную гимназію, онъ вспомнилъ обо мнѣ и предложилъ мнѣ въ своемъ заведеніи должность воспитателя. Въ это время я былъ въ 1-мъ корпусѣ представленъ на должность помощника инспектора классовъ; дорожа

именно 1-мъ корпусомъ и при томъ не симпатизируя характеру Григорія Григорьевича, я отказался отъ его предложенія, и вотъ онъ началъ своимъ сладкимъ голосомъ уговаривать меня не отказываться отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, потому что это первое заведеніе съ новымъ характеромъ, оно обратитъ на себя взоры всѣхъ, всѣ воспитатели будутъ на виду, и первыя назначенія на высшія должности получатъ именно эти первые воспитатели, о чемъ онъ и самъ позаботится. Хотя я рѣшительно отказался, но Даниловичъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ считать должность за мной цѣлый мѣсяцъ, послѣ котораго только замѣститъ мою вакансію.

Вслѣдъ за этимъ вышло распоряженіе отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній передать зданіе перваго кадетскаго корпуса Павловскому корпусу, а 1-му корпусу принять зданіе Павловскаго корпуса на Петербургской сторонѣ. Тогда приглашаетъ меня къ себѣ директоръ Павловскаго корпуса П. С. Ванновскій и предлагаетъ мнѣ мѣсто библіотекаря и преподавателя физики въ будущемъ Павловскомъ военномъ училищѣ. На мой отказъ Ванновскій отвѣтилъ:— Напрасно, у меня вы только выиграли бы.

Генералъ Гартонгъ, узнавъ объ этихъ приглашеніяхъ, очень напугался и просилъ меня не оставлять его въ столь трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно, заведеніе въ это время переселялось въ другое зданіе, лучшихъ воспитанниковъ изъ корпуса отбирали и вмѣсто нихъ назначали изъ другихъ корпусовъ самыхъ дурныхъ; въ это же время инспекторъ классовъ генералъ Линденъ уѣхалъ директоромъ въ Омскій кадетскій корпусъ, помощникъ инспектора классовъ капитанъ Неовіусъ былъ назначенъ инспекторомъ въ Орелъ, я, исправлявшій должность помощника инспектора, въ то же время не успѣлъ еще сдать должность библіотекаря и исправлялъ также должность инспектора классовъ и оставался такимъ образомъ по учебной части однимъ лицомъ, которое должно было не только приготовить все къ новому курсу, но и все сдать въ старомъ зданіи и все принять въ новомъ. Понятно, что Гартонгъ опасался, чтобы я его не оставилъ: онъ меня обѣщалъ наградить за всѣ мои труды, которые я несъ не только въ началѣ учебнаго года, но и весь годъ, такъ какъ назначенный въ сентябрѣ инспекторомъ классовъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ пробылъ всего двѣ недѣли въ этой должности, а затѣмъ опять все перешло въ мои руки. И я дѣйствительно получилъ въ тотъ годъ награду: орденъ Станислава 3-й степени.

Какъ я сказалъ уже, въ началѣ іюля мѣсяца пришло къ намъ совершенно неожиданно приказаніе ген. Исакова передать зданіе 1-го корпуса Павловскому кадетскому корпусу, а 1-му корпусу перейти въ зданіе Павловскаго корпуса. Лично для меня это было соединено съ

огромной работой: я долженъ былъ передавать Павловскому корпусу библіотеку, кабинеты: фортификаціонный, артиллерійскій, химическую лабораторію, физическій кабинетъ, всѣ учебники по военнымъ наукамъ, затѣмъ принять отъ Павловскаго корпуса кабинеты физическій, естественно-историческій, всѣ учебники по обще-образовательнымъ предметамъ и въ то же время перевезти на Петербургскую сторону нашъ зоологическій кабинетъ и всѣ учебники и пособія по общимъ предметамъ; мнѣ же надо было позаботиться объ устройствѣ классовъ. Въ первомъ помѣщеніи все оказалось въ безпорядкѣ: классная мебель плохая, въ классахъ даже не оказалось стульевъ для учителей, кабинеты перенесены изъ прежнихъ помѣщеній въ другія, и всѣ предметы сложены какъ-нибудь, большею частью поломаны и побиты. Наслѣдство отъ Павловскаго корпуса мы получили плохое и въ полномъ неустройствѣ. Къ счастію моему уже успѣли назначить новаго библіотекаря поручика Загорскаго, а то бы мнѣ пришлось еще принимать и библіотеку, которая оказалась также въ полномъ безпорядкѣ. По порученію Ванновскаго до пяти тысячъ книгъ были вынуты изъ шкафовъ какъ негодныя и свалены въ библіотекѣ въ уголъ, а описи имъ не успѣли составить, почему онѣ не были сданы въ аукціонную камеру, какъ предполагалось. Я совѣтовалъ Загорскому не принимать библіотеку въ этомъ видѣ, а принять только тогда, когда книги будутъ разставлены на свои мѣста [1]). Однако старый библіотекарь полковникъ Руктешель разжалобилъ его своими слезами, и библіотека была принята, но зато и Загорскій черезъ годъ, когда ему пришлось снова сдавать библіотеку, наплакался съ ней. Дѣло въ томъ, что въ теченіе года Загорскій не успѣлъ, по безпечности своей, составить опись этимъ книгамъ и исключить ихъ, а когда корпусъ, при преобразованіи его, при-

[1]) Надо замѣтить, что ген. Ванновскій, имѣя въ виду недостатокъ мѣста въ библіотекѣ, составилъ коммиссію для удаленія изъ библіотеки негодныхъ книгъ и продажи ихъ съ аукціоннаго торга; какъ видно, назначенные въ коммиссію члены не были достаточно знакомы съ достоинствомъ книгъ и, судя по каталогу, выкинули хотя и очень старыя, но весьма рѣдкія книги, таковы, напр., первое сочиненіе Хладки о звуковыхъ фигурахъ, знаменитый энциклопедич. словарь Даламбера, Дидеро (правда, ихъ было въ библ. два экз. и выкинутъ былъ одинъ изъ нихъ, какъ дубликатъ, но и это было не простительно, можно было бы передать его въ другія военно-учебныя заведенія), многія старыя цѣнныя математическія книги и, наконецъ, около 3.000 старыхъ книгъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ, доставшихся Павловскому корпусу отъ бывшаго Калишскаго корпуса, закрытаго послѣ польскаго возстанія. Имѣя въ виду драгоцѣнное качество многихъ изъ этихъ книгъ и кромѣ того незаконный пріемъ ихъ въ видѣ кучи, гдѣ могло лежать не то, что указано въ каталогѣ, я и совѣтовалъ библіотекарю не принимать ихъ, пока ихъ не поставили на свои мѣста.

нялъ генералъ Баумгартенъ, то онъ не пожелалъ ихъ исключить и приказалъ ему разобрать ихъ по мѣстамъ. Дѣло тянулось четыре мѣсяца, и Загорскому пришлось бы сильно поплатиться, такъ какъ вѣроятно процентовъ 20 книгъ не было на-лицо, но на его счастіе, онъ встрѣтилъ на улицѣ одного солдата изъ служителей съ книгами, которыя оказались изъ библіотечной кучи.

Солдатъ былъ отправленъ имъ къ полицеймейстеру корпуса (который въ это время переименованъ былъ смотрителемъ дома), полицеймейстеръ (полковникъ Н. С. Гераковъ) не обратилъ на это должнаго вниманія и черезъ два дня уволилъ этого солдата въ безсрочный отпускъ, а Баумгартенъ подписалъ видъ, данный ему за безпорочную службу. Этимъ и воспользовался Загорскій, подалъ рапортъ о воровствѣ въ библіотекѣ, въ которомъ заявилъ, что такъ какъ воръ отпущенъ въ безсрочный отпускъ за безпорочную службу, то онъ не можетъ отвѣчать за цѣлость библіотечнаго склада. Бумгартенъ, который задерживалъ Загорскаго только изъ мести за какое-то съ нимъ столкновеніе, вышелъ изъ себя. Геракову была похлобучка, но, для скрытія этого дѣла, онъ приказалъ сдать всю кучу книгъ въ аукціонную камеру, гдѣ ихъ и продали вѣсомъ на пуды.

Возвращаюсь къ 1-му корпусу. Лучшихъ нашихъ воспитанниковъ выбрали и перевели во 2-й корпусъ, худшихъ изъ 2-го корпуса, а также изъ бывшаго Павловскаго корпуса перевели къ намъ (подробности объ этомъ изложу въ слѣдующей главѣ). Однако, мы кое-какъ устроились на Петербургской сторонѣ и начали классы. Дней черезъ десять является къ директору полковникъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ съ запиской отъ Исакова, въ которой приказывалось директору дать Воронцову квартиру и выдавать инспекторское жалованье, такъ какъ онъ вскорѣ будетъ назначенъ на эту должность. Но государь не утвердилъ Воронцова, о чемъ будетъ подробно изложено также въ слѣдующей главѣ, и черезъ двѣ недѣли послѣ начала своей службы Воронцовъ пересталъ ходить въ классы. Я опять остался одинъ. Что дѣлалось въ этотъ годъ въ 1-мъ корпусѣ, составленномъ большею частью изъ отбросовъ другихъ корпусовъ, будетъ отчасти сказано въ слѣд. главѣ; скажу о себѣ, что годъ этотъ былъ самымъ тяжелымъ годомъ во всей моей какъ предыдущей, такъ и послѣдующей службѣ; исправляя должность инспектора классовъ цѣлый учебный годъ въ заведеніи съ шестисотеннымъ интернатомъ плохаго состава и не имѣя помощника, я могъ вынести этотъ годъ только благодаря своей молодости, полной энергіи. Къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежали на мнѣ въ это время, присоединились еще и постороннія занятія, отнявшія у меня рѣшительно всякую свободную минуту даже и во время каникулъ.

Въ 1863 г. былъ упраздненъ Александровскій Брестскій кадетскій

корпусъ; всѣ кабинеты его: артиллерійскій, физическій, минералогическій и химическая лабораторія, были кое-какъ уложены въ ящики и, по приказанію главнаго начальника, присланы въ зданіе 1-го корпуса. Я получилъ приказаніе разобрать всѣ эти кабинеты, составить опись вещамъ, починить испорченные приборы и отдѣлить для физическаго кабинета Финляндскаго корпуса тѣ приборы, которыхъ у нихъ не значится по ихъ описи, а артиллерійскій и минералогическій кабинеты цѣликомъ отправить въ этотъ корпусъ. Все это потребовало отъ меня занятій болѣе полугода. Потомъ мнѣ приказано было все это упаковать въ ящики и отправить въ Финляндскій корпусъ, а остальные приборы дополнить покупкой новыхъ и отправить въ Тульскій корпусъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XV [1]).

Пріисканіе преемника М. Н. Муравьеву.—Назначеніе К. П. фонъ Кауфмана.—Радость поляковъ.—Характеристика К. П. Кауфмана, сдѣланная М. Н. Муравьевымъ.—Отъѣздъ Кауфмана въ Вильну.—Прощальный обѣдъ, данный ему М. Н. Муравьевымъ.—Стихи Никотина.—Разговоръ его съ М. Н. Муравьевымъ о разныхъ государственныхъ вопросахъ.

На 24-е марта 1865 года назначенъ былъ М. Н. Муравьеву всеподданнѣйшій докладъ во дворцѣ. Возвратясь оттуда, онъ объявилъ въ тѣсномъ кругу своихъ домашнихъ лицъ, что въ Вильну не возвратится, просилъ государя объ увольненіи и получилъ на это его согласіе, подъ условіемъ повременить до пріисканія ему преемника. Вѣсть эта поразила меня какъ громомъ. Странное существо человѣкъ! Пока у него остается хотя малѣйшая надежда на осуществленіе его ожиданій, онъ не теряетъ бодрости, несмотря на видимую безвыходность его положенія; но вотъ суровая дѣйствительность отнимаетъ у него эту отраду, и картина мгновенно измѣняется: настоящее, которое еще такъ недавно радовало его, представляется ему, при потерѣ послѣдней надежды, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Еще утромъ этого дня, когда М. Н. Муравьевъ собирался уже ѣхать съ докладомъ во дворецъ, мнѣ все еще не вѣрилось, что онъ рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе—отказаться отъ управленія только-что умиротвореннымъ имъ краемъ; дума-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

лось мнѣ, что онъ снова поѣдетъ въ Вильну, дабы окончательно утвердить тамъ наше святое русское дѣло, такъ блистательно имъ поставленное... И вотъ дорогія мечты мои разлетѣлись въ прахъ, а если бы кто-нибудь полюбопытствовалъ спросить меня, на чемъ онѣ у меня основаны, то я не могъ бы ничего ему отвѣтить, такъ какъ уже въ Вильнѣ можно было догадаться объ окончательномъ намѣреніи Михаила Николаевича оставить этотъ несчастный край. Сборы его въ Петербургъ совершенно не походили на прошлогодніе, и онъ постоянно твердилъ одно и то же, что силы его окончательно ослабли—пора подумать и объ отдыхѣ... Кто будетъ назначенъ въ Вильну, какъ поведетъ онъ тамъ русское дѣло, что будетъ съ краемъ? Вотъ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ, я думаю, ломали свои головы всѣ окружающіе этого незамѣнимаго начальника. Нѣсколько дней спустя прошли слухи, что со стороны М. Н. Муравьева выставлены два кандидата—генералъ-лейтенантъ Хрущовъ и генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Перваго я зналъ по Вильнѣ, фамилію втораго я услыхалъ тогда въ первый разъ; онъ занималъ должность директора канцеляріи военнаго министерства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ указывалъ съ своей стороны на генерала Потапова и сочинилъ, по словамъ Михаила Николаевича, какой-то дуализмъ управленія: генералъ Хрущовъ, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ управлять военною частію, а Потаповъ, въ званіи его помощника,—гражданскою частію. Назначеніе послѣдняго казалось невѣроятнымъ, такъ какъ М. Н. Муравьевъ недолюбливалъ его за постоянныя заигрыванія съ поляками, въ которыхъ онъ дѣйствительно сильно вѣровалъ, и заявилъ о немъ государю, что, кромѣ вреда краю, онъ тамъ ничего болѣе сдѣлать не можетъ. Дня черезъ три, наконецъ, случилось мнѣ увидѣть и К. П. Кауфмана, который пріѣхалъ къ М. Н. Муравьеву. Генералъ просидѣлъ у него въ кабинетѣ болѣе часа. О чемъ велась тамъ бесѣда, осталось неизвѣстнымъ, только будущій генералъ-губернаторъ произвелъ на бывшаго пріятное впечатлѣніе.

Какимъ старикомъ показался мнѣ тогда К. П. Кауфманъ. Сѣдой, плѣшивый,—но пріятная его улыбка придавала добродушное выраженіе его оживленной физіономіи. Послѣ перваго своего пріѣзда онъ сталъ бывать у М. Н. Муравьева ежедневно, а 31-го марта, по высочайшему повелѣнію, поѣхалъ въ Вильну для собранія нужныхъ свѣдѣній по предмету назначенія туда преемника удаляющемуся главному начальнику края. 4-го апрѣля К. П. Кауфманъ возвратился изъ Вильны и, посѣтивъ М. Н. Муравьева, заявилъ ему, что генералъ-лейтенантъ Хрущовъ не понимаетъ раздѣленія власти между имъ и Потаповымъ и ни подъ какимъ видомъ не согласенъ принять генералъ-губернаторство на подобныхъ условіяхъ. На слѣдующій день М. Н. Муравьевъ

повезъ къ государю записку и системѣ его управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ съ собою представленія къ наградамъ. Въ 7 часовъ вечера этого дня, когда я пріѣхалъ къ нему съ обычнымъ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня словами:

— Ну, любезный Иванъ Акимовичъ, хотѣлъ было я поздравить васъ вашимъ превосходительствомъ, но государю не благоугодно было утвердить мое представленіе о награжденіи васъ чиномъ. Министръ успѣлъ, видно, доложить, что и безъ того вы получили много наградъ...

— Совершенная правда, ваше высокопревосходительство, благодаря вашему благосклонному вниманію ко мнѣ и по милости государя, я получилъ при васъ болѣе наградъ, чѣмъ за 12 лѣтъ прежняго моего служенія въ здѣшнемъ краѣ.

— А что вы получили при мнѣ?

— По представленію В. И. Назимова я награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени безъ короны, къ которой былъ представленъ и получилъ чинъ статскаго совѣтника за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ 11 мѣсяцевъ и 12 дней.

— Какая же это награда? Цѣлый годъ вы ждали то, что давнымъ-давно выслужили; очень жаль, что я не зналъ этого прежде; непремѣнно доложилъ бы государю. Ну, а при мнѣ-то что вы получили?

— 1-го января 1864 года 2.500 руб. изъ 10% сбора и 30-го августа—орденъ св. Владиміра 3-й степени.

— Все-таки мнѣ очень прискорбно, что передъ разставаніемъ съ вами мнѣ не удалось вознаградить васъ за ваши добросовѣстные труды.

— Я уже вознагражденъ вполнѣ тѣмъ, ваше высокопревосходительство, что вы признали во мнѣ способность къ серьезному труду и отличили меня вашимъ дорогимъ довѣріемъ. Вѣдь до васъ на меня смотрѣли, какъ на человѣка, который только все попусту спѣшитъ да торопится.

— Ну, такъ могли толковать про васъ люди, сами ничего не дѣлавшіе и ничего не смыслившіе въ дѣлахъ. Сегодня вы свободны, я хочу отдохнуть, такъ какъ чувствую себя крайне утомленнымъ; веселитесь и до свиданія на завтра.

Освободившись такъ неожиданно отъ вечерняго доклада, я тотчасъ же поѣхалъ въ гостиницу, чтобы надѣть сюртукъ и отправиться провести вечеръ въ семьѣ А. Р. Дрентельна, жившаго на Вознесенскомъ проспектѣ, противъ самой церкви; но едва я успѣлъ войти къ себѣ въ номеръ, какъ вошедшій вслѣдъ за мною лейбъ-казакъ передалъ мнѣ приказаніе моего начальника поскорѣе пріѣхать къ нему.

— Не случилось-ли чего-нибудь?

— Не могу знать; приказано только доложить вамъ, что нужно экстренно васъ видѣть.

— Ѣдемъ поскорѣе,—отвѣтилъ я посланному, и вмѣстѣ съ нимъ вышли на улицу. Извозчикъ, на которомъ пріѣхалъ я съ Сергіевской, стоялъ невдалекѣ и повезъ меня туда же обратно.

Что такое тамъ случилось?—думалось мнѣ невольно цѣлую дорогу. Минутъ черезъ двадцать я входилъ уже въ кабинетъ къ М. Н. Муравьеву, пившему чай въ углу за столомъ.

— Честь имѣю поздравить васъ, ваше превосходительство, съ монаршею милостію,—проговорилъ онъ мнѣ съ улыбкою, подавая руку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взявши со стола какую-то бумагу, передалъ ее мнѣ. Оказалось, что это было конфиденціальное письмо министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, въ которомъ онъ, увѣдомляя его о моемъ производствѣ, заявляетъ, что объ этой наградѣ будетъ отдано въ высочайшемъ приказѣ. На мою благодарность за столь неожиданную монаршую милость Михаилъ Николаевичъ разсказалъ слѣдующее:

— Я вамъ давеча не разсказалъ мой разговоръ съ государемъ, по случаю представленія васъ къ наградѣ; выслушайте же теперь, чтобы понять безграничную доброту его. Государь видимо сожалѣлъ, что огорчилъ меня своимъ отказомъ и, пройдясь по комнатѣ, сказалъ мнѣ: «оставьте ваше представленіе о награжденіи Никотина, я поручу разсмотрѣть». Не желая получить оффиціальный отказъ, черезъ министра, на мое ходатайство, я отвѣтилъ его величеству: простите меня великодушно, государь, что осмѣлился утруждать васъ просьбою наградить человѣка, который, выбиваясь изъ силъ, трудился безупречно при мнѣ во все время управленія моего краемъ, и забудьте о моей просьбѣ..

— Этакій упрямецъ,—отвѣтилъ мнѣ государь, подходя ко мнѣ Взявши затѣмъ изъ моихъ рукъ портфель, онъ хотѣлъ вынуть оттуда мое представленіе о васъ, но такъ какъ замокъ довольно туго отворяется, онъ, торопясь, немного надорвалъ шагрень около замка. Я тотчасъ же помогъ государю отпереть пружину и, передавая ему бумагу, снова извинился передъ нимъ за причиненное безпокойство. Вѣроятно, по моемъ уходѣ его величество и утвердилъ ваше производство.

Дорогой для меня портфель, до котораго прикасалась рука незабвеннаго государя, подаренъ былъ мнѣ, послѣ смерти М. Н. Муравьева, зятемъ его С. С. Шереметевымъ и хранится у меня, какъ святыня. На другой день послѣдовалъ и высочайшій приказъ о моемъ производствѣ. По этому поводу произошелъ въ Вильнѣ курьезъ, показавшій затаенное нерасположеніе ко мнѣ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи Туманова, которое вскорѣ за перемѣною начальства и обнаружилось. Въ этотъ же самый день отправленъ былъ въ Вильну списокъ лицъ, которымъ М. Н. Муравьевъ, передъ своимъ оставленіемъ края, назначилъ изъ штрафныхъ суммъ, по своему усмотрѣнію, денеж-

ную награду; въ числѣ прочихъ назначено было и мнѣ пятьсотъ рублей, какъ бы на экипировку по новому чину. А такъ какъ въ наградномъ спискѣ, заготовленномъ еще до моего производства, я значился статскимъ совѣтникомъ, то, чтобы не задерживать перепискою доклада, я поручилъ писарю Тихановскому исправить мой чинъ. Вмѣстѣ съ почтъ-пакетомъ отправлено было мною въ Вильну и письмо къ женѣ, въ которомъ я сообщилъ ей пріятное извѣстіе о полученной мной двойной наградѣ. Та, недолго думая, отправилась къ правителю канцеляріи за свидѣтельствомъ на проѣздъ въ Петербургъ. Тотъ выдалъ ей просимое, какъ женѣ статскаго совѣтника и, на заявленіе ея о моемъ производствѣ, отвѣтилъ, что это подлежитъ еще сомнѣнію, такъ какъ въ наградномъ спискѣ мой чинъ подскобленъ, а оффиціальнаго свѣдѣнія по этому случаю не получено. Вотъ какъ люди мѣняются, подумалось мнѣ невольно, при одной вѣсти о перемѣнѣ начальника, передъ которымъ онъ трепеталъ.

17-го апрѣля состоялось назначеніе генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края. Нужно было видѣть тотъ неописуемый восторгъ, которымъ были воодушевлены поляки при вѣсти объ оставленіи М. Н. Муравьевымъ Вильны. Уже и прежде они распускали про него подъ рукою разные пасквили; когда же состоялось оффиціальное назначеніе на его мѣсто К. П. Кауфмана, по этому случаю происходило у нихъ полнѣйшее бѣснованіе. Мнѣ случалось по воскреснымъ вечерамъ бывать въ гостяхъ у моего давнишняго пріятеля Е. П. К—ча, женатаго на полькѣ, или правильнѣе на литвинкѣ, у котораго постоянно собирались знакомые ему поляки. Когда я пришелъ къ нему, то засталъ тамъ въ числѣ гостей и нѣсколькихъ ихъ мосьцей изъ Вильны; одинъ изъ нихъ, сынъ аптекаря, былъ также мнѣ извѣстенъ. Бесѣда шла по случаю назначенія новаго начальника края, котораго бывшіе тамъ поляки единогласно называли милымъ, дорогимъ и близкимъ для нихъ человѣкомъ, такъ какъ у него было много родныхъ между ними. Признаюсь откровенно подобная аттестація меня сильно озадачила. Не будетъ толку отъ подобнаго выбора, подумалось мнѣ невольно, когда наши заклятые враги не находятъ словъ для его восхваленія...

Чего, чего не пришлось мнѣ понаслушаться въ этотъ вечеръ про М. Н. Муравьева; безпощадная ложь про него переходила изъ устъ въ уста и завершилась, наконецъ, секретнымъ сообщеніемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что государь рѣшился отдать М. Николаевича Муравьева подъ военный судъ за расхищеніе нѣсколькихъ милліоновъ рублей изъ процентныхъ сборовъ, въ которыхъ онъ не могъ дать отчета, и что приведеніе этого въ исполненіе отложено до возвращенія государя изъ-за границы. Тяжело мнѣ было слушать подобные гнусные разговоры про

того, который не воспользовался ни единой копѣйкою и, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, не зналъ въ теченіе двухъ лѣтъ покоя, заставилъ крамолу смириться и, умиротворивъ залитый мятежемъ край, укрѣпилъ его навсегда за Россіею. Пытался было я возражать на это безпощадное вранье, но мой правдивый голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; мнѣ оставалось только незамѣтно уйти домой до ужина, что̀ я и сдѣлалъ. Тяжело и обидно было слушать нечестивыя разглагольствованія поляковъ о дорогомъ моемъ начальникѣ, а неизвѣстность его положенія, такъ какъ онъ не былъ ничѣмъ награжденъ за оказанныя услуги Россіи, усиливала еще болѣе тяжелую мою думу.

Но вотъ насталъ и конецъ томительной неизвѣстности. 18-го апрѣля М. Н. Муравьевъ возведенъ былъ въ графское достоинство; высочайшій рескриптъ, по этому случаю, блестящимъ образомъ высказалъ всѣ его труды и заслуги престолу и отечеству. Это радостное для всѣхъ честныхъ русскихъ событіе было тотчасъ же опубликовано въ «Русскомъ Инвалидѣ». Номеръ этой газеты, присланный графу М. Н. Муравьеву военнымъ министромъ, я получилъ изъ собственныхъ его рукъ въ восемь часовъ вечера, а въ 9 часовъ входилъ въ столовую комнату Е. П. К—ча, гдѣ на столѣ привѣтливо кипѣлъ самоваръ, и шла оживленная бесѣда на прежнюю тему. Поляковъ на этотъ разъ собралось еще болѣе, чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Польская фантазія бываетъ вообще неисчерпаема, когда она развиваетъ гнусную ложь про честнаго русскаго дѣятеля,—и тутъ она показала себя во всей своей мощи. Несмотря на то, что бывшій грозный для однихъ только мятежниковъ и негодяевъ главный начальникъ края сошелъ со сцены, они глумились надъ нимъ и ругали его на всѣ лады, вѣдь это у насъ, у русскихъ только, лежачаго не бьютъ; у поляковъ—наоборотъ, бей москаля, когда онъ безсиленъ или у него связаны руки, и падай до ногъ, если онъ въ силѣ. Желая подтрунить въ этотъ вечеръ надъ ихъ мосьцями, я перемѣнилъ свою тактику и началъ, какъ говорится, подливать масло на огонь, чтобы въ удобную минуту сообщить имъ вѣсть о новопожалованномъ русскомъ графѣ. Случай къ тому мнѣ скоро представился. Одинъ изъ собесѣдниковъ, въ заключеніе своего вранья, пожелалъ, чтобы за назначеніемъ новаго генералъ губернатора надъ прежнимъ людоѣдомъ поскорѣе совершили судъ и правду!..

— Ваше желаніе уже исполнилось,—отвѣтилъ я ему: у меня въ карманѣ «Русскій Инвалидъ», гдѣ помѣщенъ высочайшій рескриптъ о Муравьевѣ.

— Покажите, прочтите!—послышались ко мнѣ просьбы со всѣхъ сторонъ.

— Прошу слушать со вниманіемъ, господа,—отвѣтилъ я имъ, вы-

нимая газету изъ кармана;—новость эта должна вполнѣ удовлетворить обиженное польское самолюбіе.

Если бы молнія съ страшнымъ громомъ разразилась бы тогда въ столовой, то конечно она произвела бы меньше переполоху, чѣмъ начавшееся чтеніе рескрипта государя о графскомъ достоинствѣ нашего великаго государственнаго дѣятеля. Съ каждою прочитанною мною строкою, сидѣвшіе въ столовой поляки поникали головами и въ концѣ совершенно растерялись. Тутъ они только поняли, что я глумился надъ ихъ выходками; возмездіе было полное, блестящее...

Не даромъ выстрадалъ я предыдущій вечеръ, выслушивая нечестивую ихъ брань. Да, подобныя минуты въ жизни не позабываются. Въ этотъ вечеръ многіе изъ польскихъ гостей, не дождавшись обычнаго ужина, убрались по домамъ; видно, сообщенная имъ мною новость окончательно разстроила ихъ аппетитъ.

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, несмотря на нѣмецкую свою фамилію, былъ православный и вполнѣ русскій человѣкъ. Однажды въ разговорѣ съ нимъ, я спросилъ у него: зачѣмъ онъ подписывается фонъ?

— Я самъ сознаю, что это не хорошо,—отвѣтилъ онъ мнѣ:—порывался было въ дѣтствѣ откинуть эту нѣмецкую частицу, да отецъ мой больно высѣкъ меня за это, строго внушивъ, что не слѣдуетъ пренебрегать родовой фамиліей, дѣло вѣдь не въ названіи, а въ духѣ человѣка.

Въ военномъ министерствѣ Константинъ Петровичъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія; даже швейцаръ и тотъ объявилъ мнѣ при отъѣздѣ его въ Вильну: «какого ангела вы отъ насъ увозите... Такого добраго и общительнаго генерала у насъ еще и не было». Вмѣсто того, чтобы порадоваться такому выраженію чувствъ простаго служиваго, не знаю почему мнѣ пришло въ голову, что доброта бываетъ иногда вредна, особенно если она примѣняется одинаково и къ порядочнымъ людямъ, и къ негодяямъ; подобный примѣръ я видѣлъ недавно въ моей служебной практикѣ. Что будетъ изъ новаго назначенія,—покажетъ будущее. Утѣшительно было только то, что графъ М. Н. Муравьевъ считалъ К. П. Кауфмана прямо русскимъ человѣкомъ, хотя и сильно увлекающимся въ разныхъ своихъ предположеніяхъ насчетъ будущихъ своихъ дѣйствій въ краѣ. 24-го апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе объ откомандированіи меня въ распоряженіе графа Муравьева для составленія отчета и записокъ по управленію имъ Сѣверо-Западнымъ краемъ, и такимъ образомъ мнѣ пришлось по 5-е іюня работать при немъ и управлять походною канцеляріею при вновь назначенномъ генералъ-губернаторѣ. Трудовъ я не боялся, а добавочное содержаніе по триста рублей въ мѣсяцъ пришлось мнѣ очень кстати. Занятія мои распредѣлены были такъ: утромъ часовъ до 3-хъ или 4-хъ я занимался

у М. Н. Муравьева, а вечеромъ съ 9 часовъ въ кабинетѣ у К. П Кауфмана, который жилъ тогда въ военномъ министерствѣ близъ Исаакіевскаго собора.

Въ день представленія своего государю, по возвращеніи его изъ Ниццы, К. П. Кауфманъ, тотчасъ же послѣ пріема, пріѣхалъ въ полной парадной формѣ къ графу М. Н. Муравьеву и просидѣлъ съ нимъ въ кабинетѣ часа два. Дежурилъ въ тотъ день штабъ-ротмистръ В. Ѳ. Самаринъ, а я занимался тогда въ угловой комнатѣ, первой изъ передней налѣво. Когда хозяинъ со своимъ гостемъ вышли, наконецъ, изъ кабинета, то мы оба сидѣли и разговаривали въ угловой комнатѣ. Услыхавши ихъ выходъ, мы встали и подошли къ дверямъ гостиной, чрезъ которую они проходили. Подойдя къ намъ и обращаясь къ К. П. Кауфману, графъ М. Н. Муравьевъ, указавъ ему на Самарина, сказалъ:

— Рекомендую вамъ, Константинъ Петровичъ, моего бывшаго адъютанта Самарина. Очень способный, трудолюбивый и отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Вы имъ останетесь довольны.

Въ отвѣтъ на эту похвалу, Константинъ Петровичъ пожалъ руку Самарину.

Затѣмъ графъ, положивъ обѣ руки мнѣ на плечи, продолжалъ:

— Управляющій особенною канцеляріею дѣйствительный статскій совѣтникъ Никотинъ, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Это мое сокровище, моя правая рука. Прошу васъ поберечь его—онъ у васъ поработаетъ за многихъ.

На мой молчаливый поклонъ Константинъ Петровичъ, привѣтливо поклонившись мнѣ, крѣпко, крѣпко пожалъ мнѣ руку. Сознаюсь чистосердечно, что, при мелькнувшей въ головѣ моей мысли о предстоявшемъ разставаніи съ графомъ М. Н. Муравьевымъ, у меня захватило въ груди дыханіе, и слезы невольно покатились по моимъ щекамъ. Замѣтивъ мое сильное смущеніе, графъ обратился ко мнѣ съ ободряющими словами и затѣмъ, когда уѣхалъ Константинъ Петровичъ, взявши меня подъ руку, повелъ въ кабинетъ на бесѣду по отчету, которую и заключилъ слѣдующимъ:

— Помните, что вамъ готово мѣсто директора департамента; не безпокойтесь поэтому о себѣ. А. А. Зеленый мнѣ обѣщалъ. Константину Петровичу я васъ тоже отрекомендовалъ, и онъ обѣщалъ мнѣ отличить васъ особеннымъ своимъ вниманіемъ. Человѣкъ онъ вполнѣ русскій, но, изъ сегодняшняго разговора съ нимъ, еще болѣе убѣдился, что онъ сильно увлекается, а потому ваша бытность при немъ въ Вильнѣ необходима, удерживайте его... Вамъ знакомы дѣла, край и люди, а вѣдь онъ будетъ тамъ человѣкъ совершенно новый, я боюсь за него, у него появилось здѣсь много враговъ, а теперь не время увлекаться, нужно работать хладнокровно и осмотрительно. Буду его здѣсь

поддерживать всѣми силами. Теперь время суровыхъ каръ миновало, но труда тамъ предстоитъ много. Константинъ Петровичъ пробудетъ здѣсь съ мѣсяцъ; утромъ вы будете заниматься со мною, а съ послѣ обѣда принадлежите ему; считаться вы будете по-прежнему въ моемъ распоряженіи. Съѣздите къ Константину Петровичу сегодня же и представьтесь ему, какъ своему начальнику, а теперь до свиданія.

Возвратившись домой отъ графа, я тотчасъ же поѣхалъ къ К. П. Кауфману, который принялъ меня очень любезно и произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе. Открытая и привѣтливая его физіономія невольно внушала къ нему довѣріе; но говорилъ онъ, говорилъ—безъ конца; заниматься съ нимъ, какъ оказалось, было труднѣе, чѣмъ при графѣ М. Н. Муравьевѣ, по случаю вводимыхъ имъ толковъ о совершенно посторонннихъ обстоятельствахъ, да и пріемы-то въ работѣ были совершенно другіе. Выслушавши прочитанную ему бумагу, онъ, какъ бы недовѣряя или не зная, что дѣлать, перечитывалъ ее снова самъ, затѣмъ начиналъ пересматривать бывшую переписку и терялъ по-пустому дорогое время, а ты сиди и ожидай. Нужно сознаться, что подобные пріемы сильно замедляли доклады и дѣйствовали на меня крайне утомительно, а я былъ въ этомъ отношеніи очень выносливъ. Не разъ пришлось мнѣ вспоминать графа Михаила Николаевича, съ которымъ работалось по нѣскольку часовъ сряду такъ легко и пріятно. Но прошедшее не вернуть, думалось мнѣ невольно, и нужно привыкать тянуть служебную лямку по указанію новаго начальника, тогда честно выполнить возложенное на меня моимъ бывшимъ благодѣтелемъ трудное и щекотливое порученіе. Результатъ моихъ занятій при графѣ выразился во всеподданнѣйшей запискѣ, въ томъ видѣ, какъ она диктовалась мнѣ имъ, была овѣрена и исправлена мною. Послѣ моего отъѣзда въ Вильну эта записка выдержала его окончательную редакцію. Сколько разъ приходилось мнѣ выслушать при этой работѣ скорбь наболѣвшей души замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, постоянно возмущавшагося тѣмъ, что, несмотря на всю ясность и правоту нашего русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ Петербургѣ постоянно находились такія высокопоставленныя лица, которыя не хотѣли понять истины и какъ бы умышленно вредили его успѣху, играя въ руку нашихъ заклятыхъ враговъ. Скажу нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ пребыванія моего при графѣ. Въ это время мнѣ приходилось почти, что ежедневно у него обѣдать; за столомъ онъ сажалъ меня на углу по правую руку, между собою и графинею Пелагеею Васильевной, которая занимала обычное мѣсто хозяйки. Въ жизни моей я не рѣшался никогда ѣсть устрицъ, а тутъ, на мою бѣду, подавали ихъ, какъ нарочно, чуть не каждый день такъ какъ Михаилъ Николаевичъ былъ большой до нихъ охотникъ; мнѣ приходилось по этому случаю выслушивать его шутки на мой счетъ по

этой части. Подаетъ, бывало, блюдо человѣкъ съ этимъ лакомствомъ отъ графини мнѣ, и вотъ хозяинъ командуетъ ему:

— Мимо! Иванъ Акимовичъ все умѣетъ дѣлать, а вотъ ѣсть устрицъ еще не научился и даже не рѣшается испытать всю прелесть этого блюда; дѣлать нечего—подавай мнѣ; самъ виноватъ, что будетъ сидѣть ложа руки да глотать слюнки.

На всѣ его совѣты попробовать хоть одну только устрицу я постоянно отвѣчалъ отказомъ, чувствуя, что отъ одного прикосновенія къ ней мнѣ непремѣнно сдѣлается дурно. И вотъ какъ-то мнѣ однажды пришло въ голову переспилить себя въ этомъ чувствѣ; дай, думаю, попробую, что за вкусъ; вѣдь ѣдятъ же люди устрицъ десятками и находятъ ихъ очень вкусными, а доктора признаютъ устрицъ здоровою пищею. Но, въ одиночку, продѣлать эту пробу я не рѣшился и пригласилъ помочь мнѣ П. А. Черевина. Съ этою цѣлію отправились мы съ нимъ въ Милютины лавки къ Одинцову. Войдя къ нему въ лавку, мой гость спросилъ у приказчика про одного изъ своихъ кавалергардскихъ товарищей.

— Каждый день посѣщаютъ насъ исправно и пополняютъ-съ бухгалтерію,—отвѣтилъ приказчикъ.

— Что это значитъ, Петръ Александровичъ,—спросилъ я его, входя за нимъ въ слѣдующую небольшую комнату, куда велѣли подать устрицъ съ надлежащею къ нимъ обстановкою.

— Очень просто—беретъ въ долгъ и ничего не платитъ.

Когда усѣлись мы тамъ за столъ и я взялъ уже въ руки одну устрицу, то почувствовалъ вдругъ къ ней такое отвращеніе, что и описать трудно; челюсти у меня судорожно сжались, и невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Видя мое отвращеніе, Петръ Александровичъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— Дайте-ка, я пересмотрю предварительно ваши устрицы, свѣжія-ли онѣ? а то попадись между ними мертвое тѣло, такъ вы навѣрное навсегда отъ нихъ откажетесь...

Устрицы оказались превосходными. Дѣлать было нечего; нужно побороть отвращеніе и рѣшиться на пробу. И вотъ съ замираніемъ сердца взялъ я въ руки одну изъ нихъ, подрѣзалъ, выдавилъ на нее лимоннаго соку, положилъ въ ротъ кусочекъ швейцарскаго сыру и вслѣдъ за нимъ сунулъ устрицу. Къ моему величайшему удивленію, никакихъ дурныхъ послѣдствій со мною не было, отвращенія къ устрицамъ простылъ и слѣдъ. На первый разъ я ихъ съѣлъ только нѣсколько штукъ; хотѣлъ приберечь аппетитъ къ обѣду, да и пора настала поспѣшить на обычныя занятія къ графу, куда мы вмѣстѣ съ Петромъ Александровичемъ и отправились. Судьба готовила мнѣ сюрпризъ. Нужно же было такъ случиться, что въ этотъ день къ обѣду поданы

были Фленсбургскія устрицы, очень большія и въ большомъ количествѣ. Когда мы всѣ усѣлись за столъ и началось подаваніе устрицъ, человѣкъ, по обыкновенію, хотѣлъ обнести меня; остановивъ его, я положилъ себѣ на тарелку нѣсколько штукъ устрицъ. Графъ, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ, спросилъ:

— Что съ вами сдѣлалось, неужели будете ихъ кушать?

— Сегодня подано у васъ такое множество этого лакомства, что я рѣшился съѣсть ихъ нѣсколько штукъ.

— Смотрите, смотрите, пожалуйста, вѣдь кушаетъ, да скрягами еще насъ высмѣялъ, Пелагея Васильевна,—сказалъ онъ женѣ,—ну, теперь я вижу, что для васъ ничего нѣтъ невозможнаго.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно, смѣялись много надъ моимъ разсказомъ объ утреннемъ моемъ похожденіи съ устрицами.

Съ этого дня онѣ сдѣлались для меня настоящимъ лакомствомъ; каждый разъ, когда мнѣ случалось ѣсть ихъ, мнѣ становилось смѣшно при воспоминаніи о прежнемъ моемъ къ нимъ отвращеніи. Не даромъ только первый шагъ бываетъ въ жизни нашей труденъ.

За три дня до отъѣзда К. П. Кауфмана въ Вильну графъ М. Н. Муравьевъ далъ ему прощальный обѣдъ, на который были приглашены только прибывшія съ нимъ въ Петербургъ оттуда лица, такъ что обѣдъ этотъ носилъ чисто семейный характеръ. Во время стола разговоръ вертѣлся на тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ краѣ. Когда подали шампанское, радушный хозяинъ предложилъ тостъ за отъѣзжающаго гостя и пожелалъ ему въ самыхъ задушевныхъ словахъ полнѣйшаго успѣха на предстоявшемъ ему трудномъ поприщѣ служенія государю и Россіи. Отвѣтъ Константина Петровича звучалъ тою же задушевностію, при чемъ онъ обѣщалъ Михаилу Николаевичу неуклонно идти по намѣченному имъ пути. Передъ самымъ концомъ обѣда А. Д. Левшинъ, завѣдывавшій крестьянскимъ дѣломъ, обратился, было, къ Михаилу Николаевичу съ рѣчью, но послѣ нѣсколькихъ словъ окончательно сконфузился, ввернувъ фразу: «что скажетъ Европа».

— А пускай она болтаетъ, что хочетъ,—отвѣтилъ Михаилъ Николаевичъ,—намъ, русскимъ, больше чести, когда Европа насъ ругаетъ, это вѣрный признакъ, что мы идемъ къ цѣли вѣрнымъ историческимъ путемъ. Вотъ отъ европейскихъ похвалъ намъ навѣрное не поздоровится.

Послѣ этого всѣ встали и вышли въ гостиную, гдѣ я обратился къ графу Михаилу Николаевичу съ слѣдующимъ экспромтомъ:

Пускай клеймятъ тебя позоромъ—
Презрѣнный Западъ и враги,
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Царя ты славу береги.
Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ...

Въ литовской Руси миръ взойдетъ,
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ! и вздохнетъ
О томъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой поворъ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ...
Нѣтъ! не помогутъ тамъ уголья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ...
Зри—надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ Архангелъ Михаилъ!.. [1])

Образъ Архангела Михаила висѣлъ въ углу столовой и виденъ былъ изъ гостиной. Похваливъ стихи и поцѣловавъ меня, графъ пожелалъ имѣть ихъ отъ меня на память. Отправившись съ С. С. Шереметевымъ въ угловую комнату, я написалъ стихи на почтовомъ листѣ и передалъ Михаилу Николаевичу. Послѣ обѣда, во время кофе, около часу времени продолжалась оживленная бесѣда. Внучата брали приступомъ поцѣлуи отъ дѣдушки, сидѣвшаго съ трубкою въ креслахъ, и взбирались на него одинъ за другимъ. Затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ, и уставшій хозяинъ отправился въ этотъ день на обычный послѣобѣденный отдыхъ нѣсколько позже обыкновеннаго.

Наступило, наконецъ, время моего разставанія съ дорогимъ, незабвеннымъ моимъ начальникомъ; 5-го іюля назначенъ былъ отъѣздъ К. П. Кауфмана въ Вильну. Вечеръ, проведенный у графа наканунѣ отъѣзда, останется навсегда въ моей памяти. Сидѣли мы съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ за угловымъ столомъ и пили чай. Послѣ разныхъ толковъ о томъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе новому генералъ-губернатору, я высказалъ ему сожалѣніе всѣхъ честныхъ русскихъ людей о томъ, что онъ поторопился оставить Вильну и не пробылъ еще хоть годъ въ краѣ для пользы русскаго дѣла.

— Если бы я былъ увѣренъ, что, оставаясь въ Вильнѣ, принесъ бы пользу этому святому дѣлу, то, несмотря на мое нездоровье, не колеблясь ни минуты, поѣхалъ бы туда обратно, чтобы послужить Россіи, но, къ сожалѣнію, обстоятельства сложились неблагопріятно для моего тамъ пребыванія. Государь слишкомъ добръ и началъ колебаться...

---

[1]) Къ крайнему моему удивленію прочелъ я въ „Новомъ Времени“, что этотъ экспромптъ, слитый воедино съ сказаннымъ два года передъ тѣмъ въ Вильнѣ за обѣдомъ повѣрочныхъ коммиссій, приписывается поэту Некрасову, котораго даже заподозрили въ ложности чувствъ. Смѣю увѣрить неизвѣстнаго мнѣ автора, одобрившаго стихи, что русскій нашъ поэтъ былъ тутъ ни при чемъ; за достоинство моихъ стиховъ я не стою, но за искренность высказанныхъ въ нихъ чувствъ—смѣю ручаться. Грустно, что такъ пишутся у насъ правдивыя повѣствованія о нашихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ.

Мнѣ необходимо поддерживать здѣсь Константина Петровича, такъ какъ противъ него сплотилась сильная лига, которая дѣйствовала и противъ меня. Я буду полезнѣе для дѣла въ Петербургѣ, чѣмъ въ Вильнѣ, тамъ оно твердо поставлено, нужно только неукоснительно продолжать его.

— Вы постоянно, ваше сіятельство, выходили побѣдителемъ, проводя энергически вашъ взглядъ по благоустроенію умиротвореннаго вами края, навѣрное и теперь результатъ былъ бы тотъ же, тѣмъ болѣе государю было благоугодно, чтобы вы оставались въ Вильнѣ.

— Въ жизни государственнаго человѣка, какъ и въ жизни частнаго лица, разумѣется, благоразумнаго, дорожащаго своимъ достоинствомъ,—есть моментъ, въ, который голосъ разсудка заставляетъ его остановиться и сообразить свои силы. Молодость быстро взбирается на горы, перепрыгиваетъ черезъ пропасти, становится безъ колебанія на краю стремнины и, чувствуя подъ своими ногами почву, рвется неудержимо впередъ и легко преодолѣваетъ встрѣчаемыя по пути къ намѣченной цѣли препятствія. Но вотъ приходитъ, наконецъ, время, когда при восхожденіи на гору начинаетъ захватывать духъ, кружится голова при взглядѣ на зіяющую подъ ногами бездну, закрадывается въ душу сомнѣніе, удастся-ли сдѣлать безопасно предстоящій трудный шагъ; тутъ благоразумный человѣкъ долженъ остановиться и не рисковать, чтобъ не сломать себѣ по пути шею на посмѣшище людямъ. Можетъ быть, на этотъ разъ и удалось бы усумнившемуся въ собственныхъ силахъ лицу преодолѣть встрѣченное препятствіе, но, повторяю, разъ закрадется въ душу сомнѣніе насчетъ своихъ силъ, благоразумный человѣкъ обязанъ непремѣнно остановиться и примириться съ непреоборимыми законами природы... Такъ точно долженъ поступать и государственный человѣкъ, у котораго запало въ душу сомнѣніе насчетъ своихъ силъ, насчетъ того, сможетъ-ли онъ продолжать нести тяготу исполненія государственнаго долга—честнаго служенія государю и Россіи. Можетъ быть, дѣйствительно, мнѣ бы и удалось съ успѣхомъ поработать еще годъ въ краѣ, ну, а какъ всесильная петербургская интрига съумѣетъ сломить мнѣ шею безъ всякой пользы для дорогаго русскаго дѣла и съ однимъ только безславнымъ паденіемъ для меня? Могъ-ли я, при такъ грустно сложившихся обстоятельствахъ, рисковать всею прошлою моею службою на посмѣхъ врагамъ. Одинъ въ полѣ—не воинъ, говоритъ пословица. Доводя до свѣдѣнія государя святую правду и ратуя здѣсь за родное наше дѣло, я смогу гораздо болѣе принести ему пользы; вѣдь не Варшава, не Вильна страшны намъ; тамъ, при малѣйшемъ надзорѣ, все будетъ тихо и спокойно; наша грозная бѣда—это Петербургъ, гдѣ польская крамола свила себѣ теплое гнѣздо

и подъ разными личинами разсѣваетъ ненависть противъ священныхъ основъ русской исторической жизни; разселили чуть не по цѣлой Россіи мятежниковъ и полагаютъ, что они не занесутъ съ собой разной заразы. Этого никакъ не хотятъ понять наши гуманныя европейскія обезьяны. Они не понимаютъ или, хуже еще того, если умышленно не хотятъ понять, куда могутъ довести насъ эти псевдо-либеральничества и эти замашки пошло-злопамятной ихъ гуманности... Правительству силой власти нужно зорко смотрѣть впередъ и дѣйствовать, пока есть еще время, а то нагрянетъ бѣда пострашнѣе открытаго польскаго мятежа. Польская подпольная интрига не дремлетъ, она только сосредоточилась, перемѣнила тактику. Денежныхъ средствъ Константину Петровичу на управленіе краемъ хватитъ; я ему приберегъ довольно; пусть только не увлекается и дѣйствуетъ осмотрительно. О себѣ не безпокойтесь. Повторяю — я васъ не забуду; при малѣйшей невзгодѣ пишите прямо ко мнѣ и будете удовлетворены.

Поблагодаривши графа за его любезное ко мнѣ вниманіе и воспользовавшись его молчаніемъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Простите мой нескромный вопросъ, ваше сіятельство. Имѣя въ виду отказаться отъ Вильны, зачѣмъ вы устраняли себя отъ министерства финансовъ, которое, какъ носились слухи, было вамъ предложено государемъ. Народный голосъ звучалъ увѣренностію, что вы съумѣли бы повысить высоко нашъ рубль...

— Спасибо русскимъ людямъ за ихъ вниманіе ко мнѣ и довѣріе. Я имъ обязанъ всѣмъ моимъ успѣхомъ въ дѣлѣ умиротворенія края, они поддержали меня... Вотъ, чтобы не лишиться дорогаго ихъ довѣрія я и не взялся за такое дѣло, которое мнѣ мало извѣстно.

— При вашемъ вѣрномъ практическомъ взглядѣ и настойчивости въ трудѣ, ваше сіятельство, безъ всякаго сомнѣнія, съумѣли бы обезпечить успѣхъ и этого труднаго дѣла.

— Не говорите, только знаніе и опытность обусловливаютъ успѣхъ въ дѣлѣ. Государь не предлагалъ мнѣ, а только спросилъ меня, принялъ-ли бы я на себя исправленіе нашихъ финансовъ. Я попросилъ сроку два мѣсяца на отвѣтъ; занялся чтеніемъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій по этой части и убѣдился, что далеко не знакомъ съ этимъ важнымъ государственнымъ вопросомъ, а потому, не ожидая истеченія даннаго мнѣ срока, доложилъ всю правду государю.

Въ эту минуту дверь въ кабинетъ отворилась, и вошелъ министръ государственныхъ имуществъ Александръ Алексѣевичъ Зеленый, появленіе котораго прекратило нашу интересную бесѣду. Когда я сталъ откланиваться графу Михаилу Николаевичу, онъ, поцѣловавши меня,

обратился къ министру и поручилъ меня благосклонному вниманію этого вполнѣ русскаго человѣка, который и оказалъ мнѣ впослѣдствіи большую поддержку. На другой день, 5-го іюля, К. П. Кауфманъ отправился въ Вильну и забралъ насъ, виленцевъ, съ собою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НѢКОТОРЫЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ
Владиміра Ивановича Даля.

(По поводу статьи: „В. И. Даль“ (по воспоминаніямъ его дочери).—„Русскій Вѣстникъ“ 1879 года, іюль).

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1879 годъ, въ іюльской книжкѣ, напечатана статья: «В. И. Даль» (по воспоминаніямъ его дочери) Е. В. Даль. Статья эта не заслуживала бы не только разбора, но даже и упоминовенія о ней въ печати, если бы г-жа Даль не вздумала свои смутныя воспоминанія и даже свои собственныя измышленія прикрывать уважаемыми именемъ и авторитетомъ своего отца, навязывая ему сообщеніе такихъ ложныхъ фактовъ, какихъ онъ никогда не могъ сдѣлать, и такое невѣжество, какого онъ никогда не могъ обнаружить, даже при ослабленіи памяти (вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія въ послѣднее время), относительно иныхъ вещей и событій.

Мои отношенія къ покойному В. И. Далю слишкомъ извѣстны: они засвидѣтельствованы въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» П. И. Мельниковымъ, въ его статьѣ о В. И. Далѣ. Меня соединяла съ В. И. Далемъ слишкомъ 50-ти-лѣтняя дружба, не измѣнившаяся ни отъ времени, ни отъ превратностей жизни и устоявшая до самой его кончины; на это существуютъ доказательства и въ собственноручныхъ запискахъ, въ которыхъ онъ постоянно называлъ меня товарищемъ и другомъ, и въ дѣйствіяхъ его передъ смертью, когда онъ непремѣнно требовалъ отъ меня, чтобы я былъ въ числѣ свидѣтелей его завѣщанія; наконецъ, моей же памяти передалъ онъ на сохраненіе, до времени возможности ихъ обнародованія, самые важные факты изъ записокъ его, сожженныхъ имъ по совѣту В. А. Перовскаго.

Чтобъ показать сразу, что̀ взваливаетъ г-жа Даль на своего отца, и каковы ея познанія, приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ ея статьи. Познанія г-жи Даль по русской географіи таковы, что городъ Бѣлевъ приходится у ней въ Тверской губерніи, и пусть не подумаютъ, что это опечатка, потому что вслѣдъ за тѣмъ говорится и о бѣлевскихъ купцахъ. Вотъ ея слова о дѣдѣ, по матери, служившемъ, какъ и мнѣ извѣстно, въ одномъ уланскомъ полку, стоявшемъ въ Тверской губерніи: «Левъ Васильевичъ выздоровѣлъ и вернулся въ полкъ, стоявшій въ Тверской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ... Бѣлевскіе купцы постоянно избирали его третейскимъ судьей». «Русск. Вѣстн.» 1879 г., іюль, стр. 73)...

А вотъ образецъ познаній г-жи Даль по русской исторіи, которыя она отваживается приписывать своему отцу: «Онъ (отецъ) былъ свидѣтелемъ, какъ брали приступомъ Шумлу». (Тогда какъ главнымъ дѣйствіемъ Дибича именно то и считалось, что онъ перешелъ Балканы, обойдя Шумлу) (тамъ же, стр. 104)...

У ней Дибичъ беретъ и Варшаву: «между тѣмъ наши войска все плотнѣе и плотнѣе облагаютъ Варшаву. Она почти уже взята, и жители отстрѣливаются по одиночкѣ въ каждомъ окнѣ. Дядя Левъ поскакалъ въ городъ и былъ убитъ изъ какого-то окна на повалу» (стр. 109)..

У ней «курьеръ (въ 1812-мъ году) кричалъ на всемъ скаку содержаніе привезенныхъ имъ депешъ» (стр. 82), тогда какъ в[illegible] что помнитъ еще 1812 годъ, знаетъ, что было совершенно противное, какъ это и изображено вѣрно въ извѣстной статьѣ: «1812-ый годъ въ провинціи». Ни курьеръ, ни почтальонъ, ни даже частный пріѣзжій, до сообщенія начальству, не смѣлъ разсказывать и самымъ близкимъ людямъ даже того, что и самъ видѣлъ. Всякое сообщеніе народу дѣлалось главнымъ начальникомъ во всякомъ мѣстѣ. Хороши депеши содержаніе которыхъ знали бы курьеры! И всю эту выдумку г-жа Даль выдаетъ за яко-бы слышанную отъ своего отца!

Даже относительно самыхъ близкихъ своихъ родныхъ она все перепутываетъ, увѣряя, напр., что братъ Владиміра Ивановича, Карлъ, былъ въ походѣ гардемаринъ въ Швецію и Данію (стр. 86 и 87); а ей бы стоило только заглянуть въ собственноручный, писанный во время самаго похода, Дневникъ Владиміра Ивановича, чтобъ узнать, что Карлъ Даль вовсе не былъ въ этомъ походѣ, и, слѣдовательно, она и не могла слышать отъ отца, что будто бы его братъ былъ въ походѣ съ нами...

Еще непростительнѣе съ ея стороны путаница, когда она увѣряетъ, что Карлъ Даль выпущенъ вмѣстѣ съ Влм. Ив-мъ изъ корпуса, и что они вмѣстѣ поѣхали въ Черноморскій флотъ (стр. 89), тогда какъ Карлъ выпущенъ годомъ позже, и именно въ 1820 году, какъ

показано въ спискахъ, приложенныхъ къ «Исторіи Морскаго корпуса», изданной г. Веселаго въ 1852 году, къ столѣтнему юбилею корпуса.

Смѣшонъ разсказъ г-жи Даль, что будто бы ея отецъ «былъ убѣжденъ, что начальникъ Роченсальмскаго порта прислалъ князю Ширинскому свѣжихъ огурцовъ, опять таки съ цѣлью почтить въ его лицѣ кадетовъ» (!). Но начальнику Роченсальмскаго порта, Ѳедору Васьевичу Веселаго, не было нужно никакихъ косвенныхъ изворотовъ, ни предлоговъ, чтобы выразить свое расположеніе къ гардемаринамъ. Если бы г-жа Даль читала со вниманіемъ Дневникъ своего отца, то помнила бы, что тамъ прямо было сказано, что г. Веселаго выпросилъ, чтобъ меня отпустили къ нему на все время пребыванія нашего въ Роченсальмѣ, а другихъ гардемариновъ отпускали бы къ нему по очереди. Причины его расположенія къ гардемаринамъ были такъ просты и естественны, что ему незачѣмъ было прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ для выраженія его; дѣти его находились также въ Морскомъ корпусѣ и были нашими товарищами, а относительно собственно меня было сверхъ того еще и то обстоятельство, что Ѳ. В. Веселаго благоговѣлъ, можно сказать, къ моему отцу, у котораго служилъ подъ командою, въ качествѣ начальника эскадры, въ Каспійской экспедиціи въ 1806 и 1807 годовъ, въ которой отецъ мой былъ главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, и, разбивъ персіанъ при Перибазарѣ и овладѣвъ Энзелійскимъ портомъ, произвелъ, угрожая Тегерану, какъ сказано въ его формулярѣ, диверсіи въ пользу князя Цицианова, заставя Аббасъ-Мирзу поспѣшно отступить для прикрытія столицы.

Далѣе г-жа Даль разсказываетъ, что послѣ поѣздки въ Швецію и Данію Владиміръ Ивановичъ «получилъ, такъ сказать, право гражданства въ корпусѣ, да и онъ былъ вѣдь послѣдній годъ въ немъ, стало быть, кадетомъ на выпускѣ» (стр. 98). Тутъ нѣтъ ни одного слова правды. Если подъ правомъ гражданства г-жа Даль разумѣла нѣкоторыя льготы и большее огражденіе, которыми въ сравненіи съ кадетами пользовались гардемарины, то это право имѣли всѣ гардемарины, какъ состоявшіе уже какъ бы въ офицерскомъ чинѣ (гардемарины поступали тогда въ армію прапорщиками; гардемаринскіе классы соотвѣтствовали тогда офицерскимъ классамъ въ другихъ заведеніяхъ), и мы пользовались этимъ правомъ еще съ начала 1816 года, когда вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ были произведены въ гардемарины; если же рѣчь идетъ о тѣхъ правахъ, которыя давались старшему выпуску, изъ котораго гардемарины назначались на всѣ начальственныя должности (старшихъ, т. е. въ родѣ фельдфебелей, въ ротахъ и въ частяхъ дежурныхъ по всему корпусу, по ротамъ и по лазарету), то этихъ правъ мы

*

не могли получать еще и по возвращеніи изъ похода въ Швецію и Данію; потому что въ 1818-мъ году не принадлежали еще къ старшему выпуску, которымъ былъ тогда тотъ, который былъ выпущенъ въ 1818 году; и были мы поэтому въ корпусѣ не послѣдній годъ, а должны были сдѣлать и послѣ похода въ Швецію и Данію въ 1817-мъ году еще одну кампанію въ 1818-мъ году, и произведены были въ мичманы и выпущены изъ корпуса только въ мартѣ 1818 года, слѣдовательно, и сдѣлаться старшимъ выпускомъ и проводить въ корпусѣ послѣдній годъ мы могли только послѣ выпуска въ 1818 году старшихъ насъ годомъ гардемаринъ.

Еще говоря о томъ же походѣ въ Швецію и Данію, г-жа Даль разсказываетъ, что будто-бы насъ на бригѣ «Фениксъ» считали «гостями». Это также неправда, потому что мы отправляли всѣ должности, какія исправляютъ гардемарины на военныхъ судахъ. Что же касается до хорошаго стола въ сравненіи съ корпуснымъ, то и тутъ не было ничего особеннаго; мы получали офицерскія порціонныя деньги по заграничному положенію и обѣдали за однимъ столомъ съ офицерами, какъ это было и съ другими гардемаринами, одновременно съ нами бывшими въ походѣ на флотѣ, ходившемъ во Францію, для перевоза оттуда находившихся тамъ нашихъ войскъ корпуса графа Воронцова...

Наконецъ, г-жа Даль увѣряетъ, что «будучи казеннымъ воспитанникомъ, онъ (отецъ ея) былъ обязанъ отслужить семь лѣтъ (стр. 89 и 95). Какой вздоръ! Въ Морскомъ корпусѣ въ то время, кромѣ казенныхъ воспитанниковъ, другихъ и не было; и самые знатные, и самые богатые, всѣ воспитывались на казенный счетъ; и никакого обязательства отслужить не только семь лѣтъ, но и одинъ годъ не было: доказательствомъ служитъ переходъ еще изъ званія гардемарина въ гражданскую службу, по болѣзни, а тѣмъ болѣе изъ мичманскаго или лейтенантскаго чина, что случалось обыкновенно вскорѣ послѣ производства въ эти чины, такъ какъ только въ этихъ случаяхъ переходъ былъ особенно выгоденъ.

Теперь посмотримъ, въ похвалу или въ порицаніе отцу ея обращается то, что она разсказываетъ о пребываніи его въ Дерптскомъ университетѣ.

Она говоритъ, что онъ (отецъ ея), будто бы, гордился вообще тѣмъ духомъ р ы ц а р с к о й ч е с т и, какимъ былъ проникнутъ Дерптскій университетъ (стр. 97). Но какъ согласить не только съ рыцарскою честію, но и съ простымъ понятіемъ о честности, тотъ поступокъ, что студенты, чтобы доставлять удобство «своему профессору», вмѣсто того чтобы сдѣлать между собою складчину для устройства вещи, которую считаютъ для него необходимою, обращаются, чтобы достать, что нужно, къ воровству, да еще къ какому! О н и о т д и р а ю т ъ

ночью у чужаго дома лучшее крыльцо въ городѣ и прилаживаютъ его къ дому профессора, и когда профессору не понравился такой преступный и безчестный видъ ихъ усердія, то они относятъ крыльцо назадъ и идутъ на другой день къ начальству, не повиниться въ безчестномъ поступкѣ и предложить по крайней мѣрѣ вознагражденіе тому домохозяину, чей домъ обворовали со взломомъ; нѣтъ! а—разсказать исторію (какая, подумаешь, невинность! и какая увѣренность въ потворствѣ начальства и безнаказанности!) и просить починить крыльцо у профессора! (стр. 96 и 97)... Хороша рыцарская честь у студентовъ! хорошо и начальство! Никто не подумалъ только о томъ, что должны были чувствовать при этой исторіи дерптскіе обыватели! Не спросили только того, какъ смотрѣлъ на подобное дѣйствіе хозяинъ того дома, у котораго отломали крыльцо; какъ на проявленіе-ли рыцарской чести студентовъ, оказывающихъ услуги на чужой счетъ воровствомъ, или прямо какъ на воровство, сопряженное при томъ съ отягчающими обстоятельствами, какъ на произведенное ночью, со взломомъ, да еще цѣлою шайкою? И не въ правѣ-ли былъ хозяинъ дома обвинить въ потворствѣ такимъ безчестнымъ дѣламъ начальство, не предавшее виновныхъ заслуженному наказанію, такъ какъ изъ разсказа г-жи Даль не видно, чтобы они были наказаны.

Говоря о Морскомъ корпусѣ, г-жа Даль приводитъ отзывъ о немъ, будто бы ея отца, что въ корпусѣ въ свободное отъ занятій время кадеты только повѣсничали. Но я зналъ Морской корпусъ въ теченіе десяти лѣтъ, и какъ воспитанникъ, и какъ кадетскій офицеръ и преподаватель высшихъ наукъ, но никогда не слыхалъ, чтобы кадеты сдѣлали что-нибудь подобное описанному поступку дерптскихъ студентовъ, даже и въ несравненно болѣе извинительной формѣ; а конечно, если бы г-жа Даль придумывала бы самое мягкое выраженіе для названій дѣлу студентовъ, то она не нашла бы сказать ничего другаго, что въ этомъ случаѣ и они только «повѣсничали», но для извиненія, даже если бы дѣло было одинаково и у кадетъ и у студентовъ, все-таки была бы огромная разница; неразумные-ли это, несовершеннолѣтніе кадеты, или студенты, между которыми многимъ было далеко за 20 лѣтъ; самъ Владиміръ Ивановичъ поступилъ въ Дерптскій университетъ изъ лейтенантовъ флота; слѣдовательно, имѣлъ около 25 лѣтъ.

Теперь относительно ученья: «къ Петерсону придешь просить книги, мило заговоритъ, а книги не дастъ; къ Моргенштерну придешь, тотъ просто обругаетъ, а все-таки отправитъ ни съ чѣмъ» (стр. 100 и 101). А въ Морскомъ корпусѣ офицеры и учитель радехоньки были, когда воспитанникъ просилъ, бывало, книгу; и давали не только изъ корпусной библіотеки, но и свои собственныя, и даже тѣ, которыя офицеры

доставали для себя. Такъ поступали, напр., кн. Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, имѣвшій богатую библіотеку русскихъ и иностранныхъ книгъ; онъ заставилъ меня даже переводить подъ его руководствомъ: Discours sur l'histoire universelle, Боссюэта, и у него, будучи еще воспитанникомъ, я прочиталъ Массильона и немало и другихъ книгъ. М. М. Генингъ давалъ воспитанникамъ его роты нѣмецкія книги изъ его библіотеки; инспекторъ наукъ Горковенко охотно давалъ книги вообще ученаго содержанія; учитель исторіи Струковскій—книги историческаго содержанія; И. А. Подчертковъ—книги по физикѣ, химіи и естественнымъ наукамъ, которыми самъ занимался, и т. д.

А вотъ какъ въ прославляемомъ г-жею Даль Дерптскимъ университетѣ производились, по словамъ ея, экзамены: «въ Дерптѣ экзамены кончались въ одинъ день» (стр. 102)... «Профессора очевидно уже впередъ переговорили между собой, кого можно рѣшиться выпустить. Задана была отцу диссертація. Выбраны оппоненты, въ томъ числѣ и Розенбергъ, одинъ изъ задушевныхъ его друзей».—«Розенбергъ принялъ серіозный видъ и объявилъ, что пропустить отца едва-ли можно; что въ диссертаціи его сказано: во-первыхъ, во-вторыхъ, въ четвертыхъ, а въ третьихъ пропущено».—Для вида сдѣлана была придирка,—для вида отецъ и защищался: очень просто отвѣчалъ онъ; въ третьихъ ничего не было»; «sehr gut», сказалъ Розенбергъ». Наконецъ, отцу объявлена была побѣда, наконецъ, услыхалъ онъ слова, что онъ докторъ медицины (стр. 103).

И это разсказываетъ родная дочь, полагая, конечно, что это служитъ въ похвалу и отцу, и университету, гдѣ возможны были такія продѣлки. И такъ весь экзаменъ былъ ложь, обманъ, насмѣшки надъ наукою, глумленіе надъ испытаніемъ, униженіе и поруганіе университета, поруганіе профессоровъ надъ довѣріемъ къ нимъ государства опредѣлять полученіе ученаго званія и соединенныхъ съ ними даруемыхъ правъ. Возможно-ли болѣе циническимъ образомъ насмѣхаться надъ наукой и болѣе позорить высшее заведеніе!

Такъ вотъ онъ тогдашній пресловутый Дерптскій университетъ, если вѣрить г-жѣ Даль! Теперь одно изъ двухъ: или, стало быть, не даромъ тогдашніе многіе доктора изъ русскихъ такъ мало уважали дерптскія ученыя степени и медицинскія свидѣтельства, или, изъ уваженія къ памяти Владиміра Ивановича, необходимо предположить путаницу въ разсказѣ его дочери и о Дерптскомъ университетѣ, какъ путала она и о всемъ другомъ, потому что всѣ, кто зналъ Владиміра Ивановича, его усидчивость и добросовѣстность въ занятіяхъ, думали до сихъ поръ, что именно этимъ качествомъ онъ былъ обязанъ и званіемъ доктора медицины; а вотъ теперь дочь его говоритъ, что онъ получилъ это званіе благодаря дружбѣ Розенберга вслѣдствіе экзамена для

вида, т.-е. благодаря преступному нарушенію профессорами ихъ священныхъ обязанностей!

И послѣ этого осмѣляться еще говорить о превосходствѣ порядковъ и быта въ Дерптскомъ университетѣ и стараться унизить Морской корпусъ, извращая для этого также все, что могла слышать о немъ отъ отца, выдавая шутку за серьезное дѣло, отдѣльный какой исключительный случай за постоянное явленіе!

Мы не говоримъ уже о продѣлкахъ студентовъ съ профессорами; о дерзкихъ открытыхъ насмѣшкахъ надъ ними, разсказанныхъ г-жею Даль, въ родѣ того, что собрали всѣ деревянныя закладки, вставляемыя на мѣсто вынутыхъ книгъ, поставили въ рядъ и подписали: «полное собраніе сочиненій профессора такого-то!» Ничего подобнаго ни порядкамъ на экзаменахъ, ни отношеніямъ студентовъ къ профессорамъ Дерптскаго университета въ Морскомъ корпусѣ не было!

Да! Дѣйствительно Морской корпусъ отличался въ наше время отъ восхваляемаго Дерптскаго университета. Въ немъ не было и тѣни пристрастій, хвастовства, надувательства. Никакое знакомство, никакая протекція не имѣли тамъ тогда ни малѣйшаго вліянія; даже старшіе штабъ-офицеры въ корпусѣ, имѣвшіе сыновей въ немъ, даже самые главные учители ничего не могли сдѣлать въ ущербъ не имѣющимъ никакой протекціи, никакой защиты; такъ что гардемарины напередъ всегда съ точностію опредѣляли съ головы списка, кто станетъ по наукамъ на какомъ мѣстѣ, и окончательная баллотировка всегда была съ этимъ согласна, исключая тѣхъ лицъ, которыя понижались за неудовлетворительное поведеніе; а мѣсто въ спискѣ имѣло тогда огромное значеніе, потому что опредѣляло старшинство и по службѣ, которое за рѣдкими исключеніями (при производствѣ за особенное отличіе, что̀ тогда было рѣдкостію), сохранялось въ теченіе всей службы.

Относительно ученья можно утвердительно сказать, что и въ наше время не было въ Морскомъ корпусѣ недостатка въ средствахъ къ серіозному занятію и къ пріобрѣтенію познаній, но не было хвастовства, ни тщеславнаго стремленія выставить знанія напоказъ, особенно, Боже сохрани! какимъ бы то ни было надувательствомъ; да и при той системѣ и порядкѣ экзаменовъ, какіе тогда существовали, это не было и возможно. Въ Морскомъ корпусѣ, въ наше время, не было небрежности и обмана при экзаменахъ, ни отказа въ книгахъ, ни потворства и фамильярничанья со стороны офицеровъ и учителей, ни насмѣшекъ и грубости со стороны даже старшихъ гардемариновъ, хотя многіе учителя, вышедшіе изъ учительской гимназіи, приготовлявшей собственныхъ учителей для корпуса, не имѣли даже и чина, будучи не изъ дворянскаго сословія, и потому долго служившіе до полученія и перваго чина, тогда какъ старшіе гардемарины, бывшіе послѣдній

годъ въ корпусѣ, равнялись званіемъ подпоручикамъ, такъ какъ производились въ поручики. И если бывали примѣры грубости противъ начальниковъ, то отъ засидѣвшихся кадетъ, которые, не будучи въ состояніи попасть въ гардемарины, ни даже въ ученики артиллеріи, знали, что и безъ того ихъ участь была быть переведенными въ Дворянскій полкъ и что лишній проступокъ не ухудшитъ уже ихъ положенія. Но въ Морскомъ корпусѣ никогда въ наше время не было и слыхано о чемъ хоть сколько-нибудь похожемъ на явныя дерзкія насмѣшки надъ начальниками, хотя и бывали общія крупныя заявленія неудовольствія на эконома. Ни о хожденіи по ночамъ въ городъ воровать и ломать въ чужихъ домахъ, ни о безчестныхъ какихъ-либо дѣлахъ не было и помину, и дѣйствія, подобныя поступкамъ дерптскихъ студентовъ, были неслыханною вещію, хотя въ самомъ корпусѣ и бывали свалки между двумя выпусками и, слѣдовательно, было не мало горячихъ и задорныхъ характеровъ, но составъ офицеровъ, взятый въ массѣ, такъ былъ хорошъ, и они такъ умѣли держать себя относительно воспитанниковъ, что если иные и не могли заслужить расположенія, то ради цѣлаго общества, даже старшіе гардемарины чтили въ нихъ представителей того званія, которое вообще уважали.

Наконецъ, во всѣхъ разсказахъ г-жи Даль и о Морскомъ корпусѣ, и о Дерптскомъ университетѣ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу рѣзкія противорѣчія.

Никто лучше меня не сознавалъ тѣхъ недостатковъ, какіе были д ѣ й с т в и т е л ь н о въ наше время въ Морскомъ корпусѣ, и никто, имѣю полное право сказать, такъ настойчиво и энергически не боролся противъ нихъ, какъ я, когда былъ уже кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ астрономіи и высшей математики въ корпусѣ, но эти недостатки были тогда общіе по всѣмъ другимъ корпусамъ. Мнѣ это извѣстно лучше, нежели кому, потому, что я былъ депутатомъ отъ Морскаго корпуса въ коммиссіи, составлявшей общее положеніе для всѣхъ этихъ заведеній и потому изслѣдовавшей ихъ во всѣхъ отношеніяхъ и личнымъ осмотромъ. Коммиссія эта собиралась въ Морскомъ корпусѣ, такъ какъ директоръ его, адмиралъ, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, П. Н. Карцевъ, былъ старше всѣхъ директоровъ. Никто неуклончивѣе меня не боролся съ недостатками Морскаго корпуса, когда я, не успѣвши еще забыть всѣ впечатлѣнія и весь опытъ и воспитанника и ученика, черезъ годъ по выпускѣ, былъ взятъ въ корпусъ (и замѣчу, противъ своей воли, а подчиняясь только требованію отца, что̀ и дало мнѣ независимость и силу въ борьбѣ) и кадетскимъ офицеромъ (слѣдовательно, и воспитателемъ), и преподавателемъ, какъ и разсказано о томъ въ статьѣ моей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Воспоминанія о Морскомъ корпусѣ»). Но всѣ недостатки

Морскаго корпуса были вовсе не тѣ и не въ томъ видѣ, какъ описываетъ ихъ г-жа Даль, преувеличивая и искажая тѣ отзывы, какіе и могла слышать отъ семьи отца. Въ постоянныхъ моихъ бесѣдахъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, въ теченіе десяти лѣтъ по возвращеніи въ Москву, Морской корпусъ былъ естественно предметомъ весьма частыхъ, чтобъ не сказать ежедневныхъ воспоминаній; но, несмотря на все нерасположеніе Даля къ Морскому корпусу, о причинахъ чего скажу ниже, я никогда не слыхалъ отъ него отзывовъ о корпусѣ, подобныхъ тѣмъ, которые приписываетъ отцу г-жа Даль; да, онъ и не могъ, разумѣется, говорить мнѣ ничего подобнаго, такъ какъ зналъ, что мнѣ все было лучше извѣстно, нежели ему, который зналъ одну только сторону, тогда какъ я зналъ обѣ, бывши не только вмѣстѣ съ нимъ воспитанникомъ и ученикомъ, но вслѣдъ за этимъ и воспитателемъ и учителемъ. При томъ, кто станетъ ежедневно возвращаться къ предмету, воспоминаніе о которомъ непріятно, а Владиміръ Ивановичъ безпрестанно и охотно возвращался въ бесѣдахъ и со мною, и съ другими къ Морскому корпусу, и слѣдилъ внимательно за судьбою всѣхъ нашихъ товарищей.

Въ упомянутой выше статьѣ нашей о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ мы изложили безпристрастно какъ недостатки, такъ и хорошія стороны тогдашняго состоянія корпуса; здѣсь мы прибавимъ, что недостатки проистекали отъ общихъ причинъ, не зависѣвшихъ отъ начальства; хорошія же стороны, которымъ могли бы позавидовать и нынѣ многія учебныя заведенія, какъ выразились мы и въ прежней статьѣ своей, были дѣломъ отличнаго состава офицеровъ и большей части старшихъ преподавателей главныхъ предметовъ, хотя многіе изъ нихъ были воспитанниками собственной учительской гимназіи при корпусѣ.

Вслѣдствіе того, что Морской корпусъ былъ не учебное только, а вмѣстѣ съ тѣмъ для большей части воспитанниковъ и благотворительное заведеніе, существовала по тогдашнимъ понятіямъ и, въ особенности по просьбѣ самихъ родителей, неизбѣжность и суровость наказаній, какъ меньшее еще зло, въ сравненіи съ лишеніемъ карьеры. Тогда вѣдь не было легкаго нынѣшняго средства освободиться, выключая изъ заведенія, отъ неспособнаго или дурнаго поведенія ученика.

Поступали обязательно дѣти большею частію бѣднаго, хотя и столбоваго дворянства, особенно сироты, преимущественно дѣти отставныхъ бѣдныхъ моряковъ, часто испорченные уже и въ домашнемъ воспитаніи и не рѣдко безъ всякой подготовки, даже безграмотные У насъ въ ротѣ былъ одинъ круглый сирота, нѣкто Ермолаевъ, поступившій 6-ти лѣтъ, еще даже невнятно и говорившій и который вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же малюткой, подъ моимъ надзоромъ обучался и

грамотѣ въ корпусѣ. Взглядъ тогда былъ въ дѣйствительности болѣе гуманный, хотя о гуманности и не толковали, да и слово это не было въ употребленіи. Онъ потому былъ гуманный, что не презиралъ и мало-способныхъ, тѣмъ болѣе, что и по опыту знали, что иные даже вовсе неспособные къ наукамъ, не будучи отвергнуты, становились дѣльными и полезными людьми на другихъ поприщахъ. Засидѣвшихся до зрѣлаго возраста, но не оказавшихся способными выдержать экзаменъ въ гардемарины, переводили въ Дворянскій полкъ, или такъ называемый волонтерный корпусъ; неспособныхъ къ морской службѣ по слабости здоровья выпускали въ гражданскую службу, въ административныя учрежденія морскаго вѣдомства; не имѣвшихъ способностей къ высшимъ теоретическимъ морскимъ наукамъ приготовляли къ практическимъ; а неспособныхъ и къ этимъ—отдѣляли въ разрядъ учениковъ морской артиллеріи, офицеры которой состояли преимущественно по цейхвахтерской части [1]), но никого, ни за неспособность, ни за шалости, не выбрасывали на всѣ четыре стороны.

Очень понятно, что ребенку, привыкшему къ заботамъ о немъ въ семьѣ, было тяжело поступить въ Морской корпусъ; мнѣ, быть можетъ, было еще тяжелѣе, нежели Далю. Когда я родился, то отецъ мой былъ давно уже генераломъ и занималъ важныя мѣста; тѣмъ болѣе было уже его значеніе, когда я поступилъ въ корпусъ; одно уже это показываетъ, какая должна была быть разница между положеніемъ моимъ дома и тѣмъ, въ какомъ я долженъ былъ находиться въ Морскомъ корпусѣ; и для меня существовало и еще одно невыгодное обстоятельство; всѣ связи отца были въ военно-сухопутной службѣ (гдѣ самые высшіе начальники, Тормасовъ, Милорадовичъ, Остерманъ, Платовъ и др. были его боевые товарищи и до конца сохраняли съ нимъ дружескія отношенія и посѣщали его) или въ корпусѣ путей сообщенія, гдѣ онъ состоялъ въ званіи генералъ-инспектора, а въ то самое время, когда я былъ въ корпусѣ, исправлялъ должность генералъ-директора (главноуправляющаго), какъ упомянуто было выше, и потому и мои знакомства, и товарищества, всѣ были въ семействахъ людей этихъ двухъ родовъ службы; въ Морскомъ же корпусѣ я очутился въ совершенно незнакомой по лицамъ и чуждой по привычкамъ и понятіямъ сферѣ, тогда какъ Даль, воспитывавшійся въ Николаевѣ и состоявшій подъ покровительствомъ самого морскаго министра, маркиза

[1]) Батареями на кораблях командовали морскіе офицеры; исключенія были только для штабъ-офицеровъ артиллеріи морской, которые, гдѣ были, командовали также нижнею батареею. Но, напр. у насъ, на фрегатѣ „Крейсеръ“, въ кругосвѣтномъ походѣ, вовсе не было артиллерійскаго офицера, хотя мы шли и для военныхъ дѣйствій.

де-Траверсѣ, былъ достаточно уже знакомъ съ кругомъ моряковъ и имѣлъ, какъ и многіе другіе воспитанники, даже знакомыхъ между прежде поступившими, между тѣмъ какъ я не имѣлъ никого, и между начальниками не слышалъ ни одной даже знакомой фамиліи. Но необходимость подчиняться дисциплинѣ и пріучаться къ лишеніямъ въ военной службѣ внушена была мнѣ съизмала, и потому я нисколько не тяготился пребываніемъ въ корпусѣ, убѣдясь съ перваго же раза, что избѣжать невыгодныхъ послѣдствій исключительнаго положенія зависѣло уже отъ самого воспитанника; и я, и самъ Даль, и весь нашъ выпускъ служатъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Чтобъ быть произведену въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ (съ серебрянымъ темлякомъ и офицерскимъ украшеніемъ на киверѣ), надо было быть никогда не наказаннымъ, даже и легкимъ наказаніемъ; а въ нашемъ выпускѣ было пятнадцать человѣкъ унтеръ-офицеровъ отъ гардемаринъ; слѣдовательно, не наказывали же всѣхъ безъ разбора. А между тѣмъ, была одна причина, заключавшаяся въ самомъ уже Далѣ, по которой онъ легко могъ подвергнуться наказанію, и можетъ быть неизбѣжно подвергся бы ему во всякомъ другомъ заведеніи, гдѣ начальники были менѣе разсудительны, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ. У В. И. Даля было слишкомъ много заслугъ и достоинствъ, такъ что можно свободно говорить и о нѣкоторыхъ его недостаткахъ, не опасаясь умалить уваженіе къ нему. Даль имѣлъ сильную наклонность къ насмѣшкамъ, которая отразилась и въ его литературныхъ произведеніяхъ, и которую онъ сохранилъ до конца жизни и въ изустной бесѣдѣ, въ разсказахъ, Онъ «задиралъ», какъ выражались, многихъ и часто; и понятно, что это не могло нравиться и его товарищамъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ воспитанникамъ, которые были старше его; отсюда въ корпусѣ пришлось ему испытывать много непріятностей и было на него много жалобъ, что̀ очень легко могло подвесть его и подъ взысканіе, если бы начальство въ корпусѣ было таково, какимъ хочетъ его представить г-жа Даль. Вѣдь сама же она разсказываетъ, что ея отецъ не пропускалъ случая подразнить даже его ротнаго командира, старика-полковника, говоря кстати и не кстати нелюбимое тѣмъ слово; да еще, какъ выражается г-жа Даль: «онъ, отецъ, о т ч е г о-т о никакъ не хотѣлъ подарить ему это слово»! и, замѣтьте, что это говорится о кадетѣ относительно полковника! Спрашивается: что̀ сдѣлали бы теперь съ воспитанникомъ, который позволилъ бы себѣ подобную вещь? Очевидно, что особенно въ тогдашнее время, въ какомъ бы другомъ заведеніи ни находился Даль, ему было бы хуже, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ, даже если бы находился и въ нѣмецкомъ учебномъ заведеніи, такъ какъ даже и въ послѣднее время нигдѣ столько не жаловались на грубость обращенія, какъ въ иныхъ нѣмецкихъ школахъ. По обстоятельству,

которое было изложено выше, мнѣ были извѣстны всѣ тогдашнія высшія казенныя учебныя заведенія въ Петербургѣ, и могу сказать, очт вездѣ и обращались съ воспитанниками хуже, и наказывали чаще еще, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ. Въ другихъ заведеніяхъ наказывали всѣ начальники [1]) безъ ограниченія и не разсуждая о вредѣ или пользѣ тѣлеснаго наказанія, а потому, что это была тогда общепринятая и въ домашнемъ быту и въ заведеніяхъ система наказанія, тогда какъ именно въ одномъ только, быть можетъ, Морскомъ корпусѣ тѣлесныя наказанія, по крайней мѣрѣ въ наше время, подвергались, большимъ ограниченіямъ, о которыхъ я говорилъ въ статьѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и были постоянно предметомъ обсужденія всего состава офицеровъ, даже въ приложеніи къ частнымъ случаямъ. У преосвященнаго Леонида бывшіе мои ученики и воспитанники засвидѣтельствовали публично, что я никого не наказывалъ тѣлесно, будучи офицеромъ въ корпусѣ, какъ не наказывалъ потомъ и на фрегатѣ въ походѣ вокругъ свѣта, будучи вахтеннымъ командиромъ и ревизоромъ.

Была еще и другая причина, которая дѣлала для иныхъ дѣтей особенно чувствительнымъ переходъ отъ домашней жизни въ корпусъ; это—смѣшеніе дѣтей всѣхъ возрастовъ въ однѣхъ камерахъ.

Для Владиміра же Ивановича переходъ отъ домашней жизни въ общественное и при томъ русское заведеніе былъ еще тяжелѣе, чѣмъ другимъ, и потому, что его считали нѣмцемъ, а нѣмцевъ въ корпусахъ вообще не любили, и тѣ насмѣшки и колкія замѣчанія, которыя позволялъ себѣ Даль и которыя, вѣроятно, прощались бы ему, если бы онъ былъ русскій, раздражали особенно потому, что его считали нѣмцемъ.

Но спрашивается: есть-ли какое основаніе сравнивать два заведенія по впечатлѣніямъ, одно—десятилѣтняго мальчика, поступившаго въ него прямо изъ домашней жизни, а другое,—самостоятельнаго уже человѣка, въ чинѣ лейтенанта флота (т. е. тогда, капитана), къ которому поэтому не только товарищи-студенты, но и начальники и учителя должны были уже относиться со вниманіемъ; и который, испытавъ и въ офицерскомъ уже званіи, и непріятности, и лишенія, даже бо̀льшія, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ, не могъ, конечно, быть уже такъ чувствителенъ къ лишеніямъ студенческой жизни, которымъ подвер-

[1]) Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за 1880 г., въ № 1, см. статью о первомъ кадетскомъ корпусѣ (Кадетскій монастырь), въ которой, восхваляя директора Перскаго, говорится однако, что онъ не вмѣшивался въ наказанія, а предоставлялъ ихъ на волю ротныхъ командировъ, которые такъ наказывали за все и про все, что одинъ изъ нихъ, Ореусъ, даже получилъ прозваніе „Сѣкуна“.

гался при томъ добровольно, хотя, по его разсказамъ лично мнѣ, матеріальная его обстановка въ Дерптѣ была несравненно хуже, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ; жилъ онъ на чердакѣ, подъ крышей, которую пробивалъ дождь, въ тѣсной конуркѣ съ однимъ полукруглымъ окошечкомъ; а относительно ѣды не рѣдко довольствовался хлѣбомъ съ кускомъ холоднаго мяса или колбасы.

Обратимъ теперь вниманіе и на противорѣчіе въ разсказахъ г-жи Даль даже и о Морскомъ корпусѣ; это доказываетъ, что и относительно тѣхъ вещей, которыя она дѣйствительно могла слышать отъ отца, она передавала слышанное, примѣшивая къ нему собственныя искаженія, или совершенно не понимая значенія того, что слышала.

Она говоритъ, что отца ея хотѣли было наказать за пустое, по ея мнѣнію, дѣло, хотя и знала, что до того случая, о которомъ идетъ рѣчь, отецъ ея никогда не былъ еще наказанъ, а случай этотъ былъ тогда, когда Владиміръ Ивановичъ былъ уже старшимъ гардемариномъ. Слѣдовательно, по ея же разсказу, можно же было и ему провести нѣсколько лѣтъ въ Морскомъ корпусѣ, не подвергшись наказанію, и стало быть, не наказывали же всѣхъ и всегда безъ разбора. Пойдемъ далѣе: мы уже упомянули, что для того, чтобъ быть произведену въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ, надлежало не быть подвергнуту въ теченіе всего времени съ производства въ гардемарины никакому, даже легкому, наказанію; здѣсь же скажемъ и еще болѣе: въ Морскомъ корпусѣ было въ наше время нѣсколько человѣкъ, носившихъ, считавшееся относительно поведенія и прилежанія самымъ важнымъ, названіе «незамѣченныхъ», т. е. такихъ, которые не подвергались не только наказанію, нижѐ выговору, но даже и простому замѣчанію, ни относительно ученья, ни относительно поведенія, ни относительно служебныхъ обязанностей; и вообще даже относительно неисправности и нарушенія приличія въ чемъ бы то ни было.

Г-жа Даль говоритъ, что отца ея хотѣли наказать будто бы за то, что онъ на перекличкѣ «назвалъ одного кадета Алексашей, а не Александромъ», и считаетъ такое дѣйствіе отца пустяками. Такъ судить отецъ ея не могъ. Перекличку производилъ въ своей части старшій гардемаринъ, въ присутствіи начальника, и это было дѣло служебное. Назначеніе старшимъ въ части считалось важнымъ порученіемъ и большимъ отличіемъ (гардемарина, бывшаго въ своей части старше другихъ по старшинству въ спискѣ, но не способнаго къ занятію должности старшаго въ значеніи особаго званія, переводили въ другую часть и даже въ другую роту, гдѣ имѣлся старшимъ стоящій выше его въ спискѣ), потому что старшій, относительно поддержанія порядка, имѣлъ больше значенія и несъ бóльшую отвѣтственность, чѣмъ даже ротные офицеры, командиры частей.

Вотъ почему кто бы и гдѣ бы ни сдѣлалъ подобную вещь, означавшую небрежность, невниманіе къ установленному порядку и неуваженіе къ присутствующему на перекличкѣ начальнику, офицеру, а можетъ быть и умышленную насмѣшку, вездѣ бы съ него взыскали, а тѣмъ болѣе, что это сдѣлано было не ребенкомъ, а старшимъ гардемариномъ, готовящимся къ выпуску, который, слѣдовательно, долженъ былъ лучше другихъ ее знать и соблюдать порядокъ и дисциплину; и если бы Даль разсказалъ это мнѣ, то онъ зналъ напередъ, что я сказалъ бы ему, что онъ подлежалъ взысканію по справедливости. Но чтобы только за это хотѣли его высѣчь, этого быть не могло уже и потому, что старшіе въ частяхъ (каждая рота раздѣлялась на четыре части) всѣ были изъ такъ называемыхъ трехкампанцевъ, т. е. сдѣлавшихъ три кампаніи, и готовящихся къ производству въ мичмана, а такихъ безъ разрѣшенія директора не наказывали, и хотя это распоряженіе для поддержанія дисциплины и не было оглашено, но оно было объявлено всѣмъ офицерамъ. Странно также, что я не слыхалъ ничего объ этомъ въ корпусѣ, хоть дѣло шло о моемъ товарищѣ и близкомъ пріятелѣ, да и сверхъ того, такой случай, что хотѣли наказать старшаго (если даже и меиѣе важнымъ наказаніемъ),—это было такое особенное и даже необычайное событіе, что оно сію же минуту разнеслось бы по корпусу и, конечно, было бы предметомъ нескончаемыхъ толковъ. Наконецъ, какъ согласить разсказы г-жи Даль объ отношеніяхъ офицеровъ къ воспитанникамъ въ Морскомъ корпусѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы отца ея простили по просьбѣ кадетъ, какъ будто бы при описанныхъ ею отношеніяхъ просьба воспитанниковъ могла имѣть какое-либо вліяніе; очевидно, что скорѣе она могла бы подвергнуть взысканію самихъ заступниковъ. По всему этому несомнѣнно, что если г-жа Даль и слышала отъ отца что-нибудь подобное, то все перепутала въ своихъ туманныхъ воспоминаніяхъ.

Хорошо рекомендуетъ она отца и въ другомъ случаѣ. «Онъ позволяетъ себѣ довольно явно подтрунивать надъ малороссомъ Метельскимъ, принимавшимъ за личную насмѣшку, когда при немъ скажутъ слово «метелица». Какая метелица на дворѣ,—скажетъ отецъ.—«Не говоры метелица, говоры сруха, т. е. вьюга». Разъярится Метельскій, но отецъ, отчего-то, никакъ не хотѣлъ подарить ему слово: «метелица». Теперь спрашивается, что сдѣлали бы и въ настоящее время въ любомъ порядочномъ заведеніи съ воспитанникомъ, который осмѣлился бы «довольно явно» (т. е. въ глаза) насмѣхаться и надъ самымъ младшимъ изъ начальниковъ и учителей, а Метельскій былъ заслуженный полковникъ.

Бывали, правда, примѣры грубости со стороны воспитанниковъ, какъ и сказали мы выше, и какъ разсказали въ нашей статьѣ въ

«Русскомъ Вѣстникѣ», т. е. отъ засидѣвшихся кадетъ, не попавшихъ въ гардемарины, которые, зная, что имъ готовится переводъ въ Дворянскій полкъ, ничѣмъ уже въ Морскомъ корпусѣ не дорожили; но чтобы гардемаринъ, ожидающій производства въ мичмана и выпуска изъ корпуса, рѣшился погубить свою карьеру дерзостью начальнику или насмѣшкою надъ нимъ, то подобнаго примѣра при мнѣ не было, какъ не было и того, что̀ разсказываетъ г-жа Даль и что̀ взваливаетъ на отца, да и быть не могло, а происходило иначе.

Когда ротный командиръ приходилъ въ роту, то дежурный офицеръ, смотря по приказанію, или становилъ роту во фрунтъ, или приказывалъ воспитанникамъ стоять каждому при своей кровати. Никакихъ разговоровъ между воспитанниками и ротнымъ командиромъ не было; воспитанникъ могъ только отвѣтить на предложенный вопросъ, и если бы кто-нибудь осмѣлился въ это время разговаривать, то конечно подвергся бы штрафу даже не отъ ротнаго командира, а отъ дежурнаго офицера, если разговаривавшій былъ гардемаринъ, или отъ старшаго гардемарина, если то былъ кадетъ. Слѣдовательно, въ прямомъ разговорѣ съ Метельскимъ ни Даль, ни кто-либо другой не имѣлъ никогда случая вставить слово «метелица» и тѣмъ болѣе повторять это часто. Происходило же это совершенно иначе: обыкновенно за обѣдомъ или ужиномъ, когда не запрещалось воспитанникамъ разговаривать, а дежурные по корпусу прохаживались обыкновенно по залѣ, случалось, дѣйствительно, что въ день дежурства Метельскаго какой-нибудь изъ воспитанниковъ и ввернетъ въ разговорахъ между собою, при проходѣ Метельскаго мимо, слово: «метелица», разумѣется, если время года и предметъ разговора къ тому подавалъ случай. Большею частію Метельскій не обратитъ на то вниманія, можетъ быть, и не разслышитъ, но если обратитъ, то сдѣлаетъ замѣчаніе, что слѣдуетъ говорить: «вьюга», только никогда этого слова не исковеркаетъ такъ, какъ повѣтствуетъ г-жа Даль, а только букву *г* выговаривалъ, какъ и всѣ малороссіане, такъ, какъ мы выговариваемъ ее въ словѣ Господь. Но замѣчаніе дѣлалъ онъ всегда самымъ добродушнымъ образомъ, а вовсе не «разъярившись», какъ и въ этомъ несправедливо увѣряетъ г-жа Даль, и не только при такомъ пустомъ обстоятельствѣ, но и въ самыхъ важныхъ случаяхъ, никогда я не видалъ Метельскаго, въ теченіе шести лѣтъ, когда зналъ его, и какъ воспитанникъ, и какъ кадетскій офицеръ, чтобы онъ приходилъ въ раздраженіе; это былъ самый добродушный и безобидчивый человѣкъ и самый снисходительный начальникъ, что̀ и было причиною даже нѣкотораго неряшества, которое отличало кадета его роты отъ кадетъ другихъ ротъ, особенно роты М. М. Генинга, весьма взыскательнаго въ этомъ отношеніи.

Кромѣ того, развѣ не кидается въ этомъ разсказѣ въ глаза явное

противорѣчіе, въ которое впадаетъ г-жа Даль. Если бы Метельскій, «разъярившись», запретилъ В. И. Далю употреблять при немъ слово «метелица», видя въ томъ насмѣшку надъ собою, а тотъ бы продолжалъ, то Метельскій несомнѣнно бы наказалъ его, если, по словамъ же г-жи Даль, въ корпусѣ всегда и за все сѣкли. Напутала г-жа Даль и въ томъ, что говоритъ (стр. 88) о «Геркулесовыхъ столбахъ», разсказывая, что будто бы это были какіе-то вѣчные кадеты (такихъ и не бывало, потому что, кто до 17-лѣтняго возраста не попадалъ въ гардемарины, тѣхъ переводили изъ корпуса), засѣвшіе въ корпусѣ чуть не съ самаго основанія его (разсказывается о 1817—1819 годахъ, а корпусъ основанъ въ 1752 году!) Во всемъ разсказѣ г-жи Даль, что ни слово, то путаница. Дѣло идетъ о нашихъ (моихъ и В. И. Даля) товарищахъ Л... и Т... (какъ и упомянулъ я въ статьѣ своей: «Воспоминаніе о Морскомъ корпусѣ», напечатанной въ «Русск. Вѣстникѣ», гдѣ я именно сказалъ, что они принадлежали къ выпускному классу, слѣдовательно, не были уже вѣчными кадетами, и дѣло шло объ исторіи, учитель которой и далъ имъ вышеприведенное прозваніе, но далъ въ шутку, отъ того, что они сидѣли на скамьяхъ послѣдними, сзади всѣхъ, какъ не дорожившіе тѣмъ, чтобы явственно слышать лекцію). Во-первыхъ, они находились не между маленькими кадетами, а въ старшемъ гардемаринскомъ классѣ, въ которомъ одинъ изъ нашихъ же товарищей, именно Шпицбергъ, былъ выше и ихъ ростомъ, по меньшей мѣрѣ, на полголовы; во-вторыхъ, математикѣ и другимъ необходимымъ для морской службы наукамъ они учились хорошо, доказательствомъ чему служитъ то, что въ выпускномъ спискѣ, опредѣлявшемъ старшинство, они стояли далеко не изъ послѣднихъ; ниже ихъ было еще человѣкъ двадцать, не считая еще артиллеристовъ. Но, не будучи одарены слишкомъ хорошими способностями, они не могли обнимать съ равнымъ успѣхомъ весь нашъ слишкомъ многопредметный учебный курсъ, преподаваемый тогда въ Морскомъ корпусѣ, и потому по необходимости должны были ограничиться усиленнымъ изученіемъ тѣхъ предметовъ, безъ знанія которыхъ не могли быть произведены въ офицеры, вслѣдствіе чего и жертвовали, какъ и другіе неимѣвшіе хорошихъ способностей, обыкновенно второстепенными предметами, въ числѣ которыхъ считалась и исторія, и даже языки.

Эта необходимость для малоспособныхъ и не подготовленныхъ дома учениковъ жертвовать иностранными языками и была поводомъ къ анекдоту и о французскомъ языкѣ: и этотъ случай разсказанъ г-жею Даль вовсе не такъ, какъ было на дѣлѣ.

Но если не совсѣмъ одинаково требовалось удовлетворительное знаніе по предметамъ не существеннымъ для морской службы, если иные были слабы въ языкахъ, въ исторіи, въ словесности и пр., то изъ этого

еще не слѣдуетъ, что учили худо, или чтобъ нельзя было изучить хорошо какіе-либо предметы тѣмъ, кто хотѣлъ и имѣлъ способность изучать ихъ. Сама же г-жа Даль, разсказывая исторію наведенія моста въ польскую войну 1830 г. ея отцомъ, говоритъ, что отцу ея пригодилось тогда морское воспитаніе, но наведеніе мостовъ не входило въ морскія науки; а между тѣмъ преподавалось въ классѣ инженернаго искусства, въ отдѣлѣ наведенія мостовъ и понтоновъ, потому что инженерныя науки преподавались тогда въ Морскомъ корпусѣ въ такомъ же полномъ объемѣ, какъ и во второмъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпускались въ то время и инженеры, и артиллеристы, потому что въ то время не было еще отдѣльныхъ училищъ, ни Инженернаго (Николаевскаго), ни артиллерійскаго (Михайловскаго), учрежденныхъ послѣ. Я, охотно учившійся всѣмъ предметамъ и искусный въ черченіи, представилъ къ выпускному экзамену болѣе чѣмъ по 30 чертежей по инженерному и артиллерійскому классамъ.

Укажемъ на противорѣчіе г-жи Даль и въ отзывахъ о кадетскихъ офицерахъ. Она говоритъ, что отецъ ея расхваливалъ кн. Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова, бывшаго въ родѣ гувернера при насъ въ походѣ гардемаринъ въ Швецію и Данію, но кн. Шихматовъ не могъ же быть хорошимъ въ походѣ и дурнымъ въ корпусѣ. Въ статьѣ моей о Морскомъ корпусѣ (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») я указалъ на нѣсколькихъ и другихъ отличныхъ офицеровъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что ни въ какомъ заведеніи воспитанники не были въ то время такъ мало отчуждены отъ общества офицеровъ, какъ въ Морскомъ корпусѣ. Было у насъ въ обычаѣ, что дежурные по корпусу гардемарины обѣдали вмѣстѣ съ офицерами, а вечеромъ пили чай вмѣстѣ съ дежурными и всѣхъ ротъ у старшаго дежурнаго по корпусу штабъ-офицера, къ которому обыкновенно собиралось и все общество офицеровъ, и тутъ, въ присутствіи дежурныхъ гардемаринъ, обсуждались нерѣдко случаи, къ ученью и воспитанію относящіеся, при чемъ спрашивалось и ихъ мнѣніе, и чрезъ то разъяснялись гардемаринамъ причины тѣхъ или другихъ распоряженій начальства. Старшіе въ частяхъ, приходя по утру съ рапортомъ къ своимъ частнымъ офицерамъ, приглашались обыкновенно къ чаю, точно такъ же и дежурные по ротѣ гардемарины, являясь по утру къ дежурному по ротѣ. Кромѣ того, хорошіе воспитанники постоянно приглашались къ вечернему чаю и ротными командирами, и инспекторомъ, и даже помощниками директора, генераломъ Баратынскимъ, а послѣ него адмираломъ Головнинымъ.

Каково же было напротивъ положеніе В. И. Даля въ Дерптскомъ университетѣ? По его собственнымъ разсказамъ мнѣ, онъ жилъ, какъ

упомянуто выше, въ самомъ тѣсномъ чердакѣ, подъ крышей, и пища состояла нерѣдко изъ одного сухояденія. Почему же онъ не жаловался на такія лишенія? Очевидно, потому, что, поступивъ въ это положеніе добровольно, не изъ среды домашней нѣги, а взрослымъ уже человѣкомъ, испытавшимъ уже многія лишенія на службѣ, несмотря и на офицерское званіе. Но зато, въ противоположность матеріальному положенію, обращеніе съ нимъ естественно не могло быть такое, какое было въ корпусѣ съ малолѣтнимъ и новичкомъ, попавшимъ въ среду совершенно противоположную семейной обстановкѣ, вполнѣ неизвѣстную, и среди людей, хотя отчасти и знакомой морской сферы, но въ иныхъ отношеніяхъ къ нему, нежели когда онъ ихъ зналъ только какъ знакомыхъ его отца. Въ Дерптскій же университетъ онъ поступилъ, будучи уже лейтенантомъ, съ пріобрѣтенными уже занятіями и службою правами; болѣе товарищъ, чѣмъ ученикъ профессоровъ; имѣвшій всегда возможность покинуть заведеніе; слѣдовательно, подчинявшійся и порядкамъ, и лишеніямъ вполнѣ добровольно. Понятно, что поэтому и впечатлѣнія должны были быть иныя, чѣмъ въ Морскомъ корпусѣ; иныя и воспоминанія о Дерптѣ, чѣмъ о корпусѣ.

Г-жа Даль говоритъ, что будто бы отецъ ея никогда не хотѣлъ даже взглянуть на Морской корпусъ. Я, во-первыхъ, никакъ не могу понять вражды противъ мѣста, ни въ чемъ неповиннаго, если бы даже и пришлось гдѣ испытать невзгоды и страданія (были же люди, сосланные въ Сибирь, которые проклинали и ее, и даже Ермака, завоевавшаго Сибирь!); во-вторыхъ, это увѣреніе г-жи Даль, вовсе не согласно съ тѣмъ, что у ея отца, напротивъ, любимые разговоры были постоянно именно о Морскомъ корпусѣ.

Я, испытавшій и самъ въ Морскомъ корпусѣ все, что могъ испытать и В. И. Даль, никогда однако не забывалъ корпуса, но, напротивъ, и по возвращеніи изъ похода вокругъ свѣта, и среди великосвѣтской и роскошной жизни у графа Остермана-Толстаго, всегда посѣщалъ Морской корпусъ съ удовольствіемъ, потому что хоть и зналъ его недостатки, которые были общіе тогда всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и противъ которыхъ я и самъ боролся, но зналъ и то, что было хорошо въ немъ и даже лучше, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, и чѣмъ могли воспользоваться и воспользовались тѣ, кто былъ къ тому способенъ и того хотѣлъ.

Я не пишу біографію В. И. Даля. Даль въ одномъ психологическомъ отношеніи можетъ представить обширный предметъ для изслѣдованія. По своей крайней добросовѣстности, онъ при малѣйшемъ сомнѣніи не успокоивался на принятомъ однажды мнѣніи, только потому, что оно согласовалось съ выгодами его положенія. Отсюда его колеба-

нія, переходъ отъ аллопатіи къ гомеопатіи, стремленіе къ спиритизму, переходъ въ православіе. Цѣль настоящей статьи предостеречь будущаго біографа Даля, чтобы онъ статью г-жи Даль не счелъ надежнымъ источникомъ для біографіи В. И. Даля, единственно потому, что статья писана родною его дочерью.

Дмитрій Завалишинъ.

„Дѣло“ о философіи Круга.

(Къ характеристикѣ казанскихъ профессоровъ эпохи Магницкаго) [1]).

Его высокородію г. ректору Императорскаго Казанскаго университета, статскому совѣтнику и кавалеру Карлу Ѳедоровичу Фуксу.

Отъ ординарнаго профессора
Петра Сергѣева

Донесеніе.

Изъ приложеннаго при семъ письма г. экстраординарнаго профессора Караблинова ваше высокородіе усмотрѣть изволите не только присвоеніе г. Караблиновымъ власти, ему не принадлежащей, и личное оскорбленіе, но и замыселъ, не соотвѣтствующій благородному образу мыслей. А потому считаю обязанностью раскрыть сіе дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно подлинно извѣстно мнѣ, т. е., 1) показать въ немъ ложное освѣщеніе, 2) интригу и 3) неблагопристойность.

1) Въ первомъ отношеніи долженъ сказать, что Handbuch der Philosophie Круга есть твореніе отличнаго писателя германскаго. Ясность и полнота изложенія съ возможной краткостью, прекрасная система и особливо весьма хорошо обработанная литература заставили меня еще прежде, при самомъ моемъ опредѣленіи, избрать сіе сочиненіе для своихъ руководительскихъ книгъ относительно общаго обозрѣнія

---

[1]) Сообщаемые здѣсь документы являются яркой иллюстраціей того глубокаго упадка, къ которому привела дѣятельность Магницкаго не только ученое значеніе Казанскаго университета, но и личную нравственность казанскихъ профессоровъ, упадка, являющагося, впрочемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ приниженнаго и стѣсненнаго состоянія университетской науки и профессоровъ во всякое время и во всякомъ университетѣ. П. Головачевъ.

взаимной связи умозрительныхъ свѣдѣній, критики философскихъ основаній, литературы философіи и логики. По возвращеніи моемъ изъ Москвы, узнавъ, что гг. ревизорами сдѣлано замѣчаніе о краткости курса философіи въ университетѣ, я предложилъ, на основаніи устава, преподаваніе всѣхъ частей философіи и указалъ на тѣ книги, которыми предполагалъ руководствоваться, въ томъ числѣ и на Круга, предполагая извлечь изъ нихъ то, что можетъ быть полезно. Но до полученія утвержденія каталога лекцій отъ его высокопревосходительства г. министра я медлилъ приступить къ настоящему преподаванію и составленію каталоговъ метафизики и нравственной философіи, ибо не зналъ, будетъ-ли преподаваніе сихъ частей угодно правительству. А потому занималъ студентовъ только общими разсужденіями. Но дабы они не оставались праздными въ домашнихъ занятіяхъ по философіи, далъ имъ списывать литературу сихъ частей. При чемъ замѣтивъ, что студенты по незнанію нѣмецкаго языка дѣлаютъ множество весьма грубыхъ ошибокъ (въ чемъ можетъ удостовѣрить прилагаемый листокъ), я вынужденъ былъ дать имъ печатную книгу Круга, дабы они могли правильнѣе списать лучшія сочиненія философскія, тѣмъ болѣе, что если бы въ сей книгѣ, въ отдѣленіи о правѣ естественномъ, которое не входитъ въ курсъ моего ученія, и находились какія-либо мелкія замѣчанія, въ коихъ могли бы почесться вредныя, то однакожъ на сей разъ я могъ почесть книгу сію совершенно безопасной, ибо студенты, по незнанію языка нѣмецкаго, совершенно не могли даже и читать оной. Изъ сихъ обстоятельствъ можете ваше высокородіе заключить, имѣлъ-ли я какой-либо умыселъ на возмущеніе и развращеніе студентовъ. Впрочемъ, долженъ присовокупить, что книга сія куплена для меня г. бывшимъ попечителемъ университета Магницкимъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ списка книгъ, присланнаго изъ его канцеляріи. Въ бытность мою въ Петербургѣ она была въ собственныхъ рукахъ его и вмѣщена мною въ конспектъ философіи, столь отлично имъ одобренный и поправленный собственной его рукой. Онъ хранится въ попечительской канцеляріи. При всемъ томъ никогда не находилъ онъ сію книгу такою, какою теперь, когда выразился между прочимъ мнѣ самому, желавшему удостовѣриться въ источникѣ поступка г. Караблинова: «Онъ знаетъ сіе дѣло, и если бы сія книга попалась ему, то онъ съ первымъ бутошникомъ отправилъ бы ее въ полицію, какъ вывѣску бунта на стѣнахъ университета послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его отставки». Извѣстно искусство бывшаго попечителя выводить злонамѣреніе изъ вещей самыхъ ничтожныхъ.

2) Изъ сихъ словъ уже можно понять дѣло во второмъ отношеніи. Г. Караблиновъ—вѣрное орудіе бывшаго попечителя во всѣхъ его замыслахъ, доказавшій сіе во время ревизіи и послѣ поступками сво-

ими относительно и васъ самихъ, не удержался дѣйствовать и въ семъ дѣлѣ на предосужденіе университета и ученаго званія. Давнія и постоянныя покушенія разгласить различными путями и довести до свѣдѣнія высшаго правительства, что съ перемѣною начальства разстроенъ порядокъ и допущены возмутительныя преподаванія, служили, безъ сомнѣнія, основаніемъ и пружиною дѣйствій г. Караблинова, его собственное соединенное съ симъ и обнаруженное его желаніе получить съ моею отставкою каѳедру философіи и званіе ординарнаго профессора, въ которое онъ по желанію бывшаго попечителя былъ избранъ вмѣстѣ съ предположеніемъ моего увольненія, служило собственно для него цѣлью, ибо пріѣздъ мой положилъ ему преграду для достиженія сихъ видовъ. А посему съ самаго пріѣзда моего онъ дѣлалъ мнѣ всякія неудовольствія, ловилъ каждое слово, чтобы имѣть предлогъ къ начатію какого-либо дѣла. Вашему высокородію извѣстно поведеніе его противу меня въ совѣтѣ и отдѣленіи. Напрасно выяснять всѣ его поступки; достаточно замѣтить стремленіе всей партіи вынудить меня отказаться отъ одной изъ каѳедръ, мною занимаемыхъ. Вы сами были свидѣтелемъ, какъ г. Караблиновъ самопроизвольно нѣсколько разъ п е р е м а р ы в а л ъ мои предметы въ каталогѣ лекцій, какъ онъ все минувшее засѣданіе совѣта уговаривалъ другихъ членовъ совѣта къ содѣйствію въ его замыслахъ, и нужно-ли сомнѣваться, что онъ найдетъ сіе содѣйствіе въ лицахъ, заодно съ нимъ дѣйствующихъ въ пользу предположеній г. бывшаго попечителя.

3) Неблагопристойность сего дѣла обнаруживается сама собой. Г. Караблиновъ, поступившій прямо изъ семинаріи, не знавшій университета, едва знавшій имя того самаго предмета, для котораго опредѣленъ былъ, явился ко мнѣ съ рекомендаціей. Я изумился его невѣдѣнію, но далъ ему совѣты, свои записки и книги, которыми онъ пользуется доселѣ, и поправилъ, насколько позволяло приличіе, его конспекты. Можетъ-ли съ какою-либо благопристойностью сей человѣкъ быть судіею тѣмъ и такого автора, который пріобрѣлъ себѣ славу въ ученомъ свѣтѣ?

Въ заключеніе сего донесенія я покорнѣйше прошу ваше высокородіе, прекративъ замыслы и неприличные поступки г. Караблинова, окончить дѣло, если возможно, домашнимъ образомъ, на основаніи 14 гл. устава. Въ противномъ же случаѣ, потребовавъ отъ г. Караблинова отобранную имъ отъ студента казенную книгу, поручить разборъ ея одному изъ докторовъ философіи, удостовѣриться, знаютъ-ли студенты нѣмецкій языкъ въ такой степени, чтобы могли читать философскія книги? Говорилъ-ли я имъ на лекціяхъ что-либо возмутительное? И таковое безпристрастное изслѣдованіе представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства и вмѣстѣ съ тѣмъ испросить разрѣшеніе, какіе

предметы должны входить въ курсъ философіи, препроводивъ при семъ и прежній мой конспектъ философіи, какъ уже одобренный отдѣленіемъ и совѣтомъ, благоугодно-ли будетъ правительству, чтобы къ оному присоединены были метафизика и нравственная философія, или же оставить по-прежнему, дабы я могъ приступить къ составленію новыхъ конспектовъ и курсовъ. Но дабы вывести меня изъ затруднительнаго положенія, покорнѣйше прошу до полученія отвѣта остановиться преподаваніемъ метафизики и нравственной философіи.

Ноября 7-го дня 1826 г. Орд. проф. Петръ Сергѣевъ.

«Донесеніе» это было вызвано слѣдующимъ письмомъ проф. Караблинова:

Почтеннѣйшій Петръ Сергѣевичъ! Вторая часть философіи Круга у меня. Въ субботу я вамъ сказывалъ объ оной. Она отобрана мною у студента Матюнина, не столько для того, чтобы пользоваться мнѣ ею, сколько для того, чтобы молодой человѣкъ, воспитаніе коего мнѣ ввѣрено, неосторожно обращаясь съ нею, не заразился ею и не повредилъ и политической, а вмѣстѣ нравственной своей жизни, или скажу болѣе, не потерялъ бы оныхъ. Книга сія есть убійственный ядъ для юныхъ умовъ и сердецъ. Я ее не выпущу изъ рукъ дотолѣ, пока вы не оставите продолжать чтеніе философіи по оной; и всякій честный человѣкъ, на моемъ мѣстѣ, сдѣлалъ бы то же. Она не пропадетъ, я ее блюду и въ свое время доставлю вамъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Караблиновъ.

Матюнинъ не виноватъ — я отнялъ у него сію книгу. Вамъ не съ студентомъ и не съ инспекторомъ, а со мною имѣть нужно дѣло.

Ректоръ Фуксъ сначала старался уладить это дѣло «домашнимъ образомъ» и представилъ его въ Петербургъ, какъ столкновеніе двухъ профессоровъ по теоретическому вопросу. Но въ Петербургѣ инциденту придали такое значеніе, что въ Казань, по именному повелѣнію Николая I, спеціально для разсмотрѣнія этого дѣла былъ посланъ генералъ-маіоръ графъ Гурьевъ. Два слѣдующихъ документа содержатъ объясненія Караблинова и Фукса графу Гурьеву.

По словесному приказанію его сіятельства генералъ-маіора графа Гурьева относительно философіи Круга, честь имѣетъ донести экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Яковъ Караблиновъ: 1) когда по окончаніи академическаго года въ іюнѣ мѣсяцѣ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ нужно было составить со своей стороны росписаніе лекцій и на сей текущій годъ, тогда экстраординарный профессоръ, деканъ сего отдѣленія Караблиновъ, предварительно извѣстилъ членовъ сего отдѣленія, чтобы каждый изъ нихъ приготовилъ по своей каѳедрѣ росписаніе съ указаніями, какія

части своей науки и какому отдѣленію студентовъ проходить, какому методу слѣдовать и какими авторами руководствоваться будетъ; потомъ спустя немного времени поручилъ кандидату Потѣхину, прикомандированному для исполненія письменныхъ дѣлъ, на время увольненія въ отпускъ адъюнкта Протасова, секретаря сего отдѣленія, пригласить членовъ, ежели они составили росписаніе лекцій, въ сіе отдѣленіе для разсмотрѣнія оныхъ и представленія въ совѣтъ къ совокупному соображенію и составленію одного изъ нихъ общаго росписанія университетскаго ученія, на основаніи 63 § устава Казанскаго университета. Но профессоръ Сергѣевъ не явился въ отдѣленіе и вмѣсто себя прислалъ своей руки росписаніе, на которое никакъ не могло согласиться отдѣленіе, какъ потому, что вмѣсто важнѣйшихъ по юридической части помѣщены были ненужные предметы, а по философской каѳедрѣ избраны были имъ сомнительные, по новости, руководители; почему отдѣленіе, дабы вопросами своими не остановить нужнаго дѣла, приказало кандидату Потѣхину приказать заготовить въ совѣтъ представленіе, которое въ то же время почти и изготовлено было, а деканъ Караблиновъ взялъ на себя между тѣмъ просмотрѣть всѣ каталоги, вмѣщающіе въ себѣ соблазнительныя и вредныя книги, и, найдя между ними многія сочиненія Круговы и особливо прочитавъ въ прежнемъ конспектѣ Сергѣева, бывшимъ попечителемъ одобренномъ, указаніе на ту самую книгу (Handbuch der Philosophie Krug's), которую теперь избираетъ тотъ же самый профессоръ для себя руководительною, какъ на примѣрно нечестивое сочиненіе, съ согласія ординарнаго профессора Городчанинова, прибавивъ своей рукой во мнѣніи отдѣленскомъ **не принимать въ руководство Круга**, и представленіе сіе внесъ въ совѣтъ на разсмотрѣніе, въ которомъ профессоръ Сергѣевъ, узнавъ неожиданное измѣненіе своего росписанія, горячо вступился за оное, а деканъ Караблиновъ отстаивалъ мнѣніе отдѣленія. Слѣдствіемъ сего было то, что господинъ ректоръ взялъ на себя съ профессора Сергѣева распорядиться каѳедрой философской и спустя нѣсколько времени дѣйствительно прислалъ росписаніе лекцій философскихъ на запискѣ, рукою профессора Сергѣева написанной, для внесенія онаго въ общій каталогъ, г. министру приготовляемый. Деканъ Караблиновъ, правившій въ то время и должность секретаря совѣта, занимавшійся по должности приготовленіемъ чернового каталога, получивши отъ г. ректора оную записку и нашедши въ ней между руководительными книгами и книгу Круга, обратился къ г. ректору съ просьбою и упросилъ для общей безопасности **вымарать** оную, а равно сдѣлать и другія нѣкоторыя собственной рукою г. ректора измѣненія, съ каковой записки, у сего приложенной, деканъ Караблиновъ, какъ правящій должность секретаря совѣта, написалъ на полѣ отдѣленскаго представленія роспи-

саніе лекцій каѳедры философской съ руководителями оной, опустивши Круга, вымаранная г. ректоромъ, и приказалъ письмоводителю совѣта написать общій каталогъ лекцій со всѣхъ представленій отдѣленскихъ показаннымъ ему порядкомъ. Но за увольненіемъ экстраординарнаго профессора Караблинова отъ должности секретаря совѣта ему неизвѣстно, въ какомъ видѣ представленъ каталогъ и г. министру, а извѣстно только то, что Кругъ внесенъ въ число руководителей философіи рукою профессора Сергѣева въ черновомъ отпускѣ; и извѣстно только то, что курсъ философіи начатъ по началамъ Круга; и извѣстно только то, что разрушительная система Круга, весьма яснымъ и удобопонятнымъ языкомъ написанная, дана въ руки студентовъ для списанія и перевода; а извѣстно только то, что соблазнительныя и вредныя сочиненія Круга, черезъ посредство студентовъ, могли быть читаны каждымъ знающимъ нѣмецкій языкъ въ городѣ. Вразумительность языка сей книги подтвердить можно тѣмъ, что когда проф. Караблиновъ заставилъ студ. Матюнина, родителями ввѣреннаго особенному его надзору, прочитать одно мѣсто, направленное противъ молитвъ угодниковъ Божіихъ и ликовъ ихъ, то студентъ безъ пособія лексиконовъ перевелъ оное. Что же онъ могъ сдѣлать съ помощью словаря нѣмецкаго, съ пособіемъ нѣмцевъ, обучающихся въ университетѣ Казанскомъ, съ помощью студентовъ, кончившихъ курсъ и знающихъ языкъ сей отлично, съ которымъ, какъ извѣстно Караблинову, и совѣтуются нѣкоторые; да и не могутъ-ли сочиненія сіи быть камнемъ преткновенія и соблазна для самыхъ сихъ кандидатовъ?

2) Проф. Сергѣевъ, желая остановить неудовольствіе проф. Караблинова, высказавшагося противъ философской его методы и избраннаго имъ руководителя Круга, въ началѣ обратился съ нѣкоторымъ родомъ навѣтовъ на него къ бывшему попечителю Магницкому, который при первой встрѣчѣ не оставилъ безъ замѣчанія проф. Караблинова, но, узнавъ отъ послѣдняго, что онъ не къ проф. Сергѣеву, но избранному имъ руководителемъ Кругу питаетъ неудовольствіе, напомнилъ о семъ въ свое время Сергѣеву; впрочемъ, послѣдній успѣлъ увѣрить г. Магницкаго, что избранный имъ въ руководители Кругъ, Handbuch котораго, на основаніи 79 § устава Казанскаго университета, купилъ Сергѣевъ въ Петербургѣ 1823 г. іюня 18-го дня, что явствуетъ изъ бумаги, данной правленіемъ за № 1586 для того единственно, чтобы критикою метафизическихъ его началъ довершить нелѣпость германской философіи, каковыя онъ и выставилъ въ прежнемъ своемъ конспектѣ, какъ примѣрно вольнодумнаго и безбожнаго автора, но другаго благонамѣреннаго сочинителя, написанныя ясно и для учащихся вразумительно. Такимъ образомъ, проф. Караблиновъ, полагать должно, оставался въ нѣкоторомъ подозрѣніи относительно безпокойнаго духа у г.

Магницкаго до того времени, пока не попалась въ руки ему дѣйствительно возмутительная книга Круга, данная студентамъ въ назиданіе проф. Сергѣевымъ; пока проф. Караблиновъ не остановилъ оной, пока не доставилъ г. Магницкому и не указалъ въ оной возмутительныхъ началъ противъ Бога, монарховъ, церкви, троновъ и обществъ. Проф. Сергѣевъ, узнавши, что 2-я часть философіи Круга отобрана у студента Матюнина, взявшаго у своекоштнаго студента Моисеевыхъ, письменно просилъ инспектора студентовъ наказать Матюнина за то, что начальникъ его не позволилъ ему читать возмутительныя книги, о чемъ извѣстившись, проф. Караблиновъ черезъ того же студента вынужденнымъ нашелъ написать проф. Сергѣеву, что не должно имѣть дѣло съ студентомъ, но съ проф. Караблиновымъ, на что онъ отвѣчалъ противное и съ письмомъ Караблинова бросился къ г. Магницкому въ третій разъ доказывать ему безпокойство характера Караблинова; но г. Магницкій, узнавшій изъ книги его безпокойство, просилъ оставить его въ покоѣ, такъ какъ онъ не начальникъ его; послѣ сего онъ обратился уже съ жалобой на Караблинова къ г. ректору, вслѣдствіе которой первымъ ордеромъ за № 68 и требовано было отъ него объясненіе о родившейся враждѣ между имъ и проф. Сергѣевымъ за какую-то книгу, а вторымъ за № 71 за философію Круга, данную для чтенія студенту Матюнину, а Караблиновымъ удержанную; отвѣтъ на оба ордера для нужныхъ соображеній при семъ прилагается.

3) Изъ всего хода дѣла сего остается заключить пр. Караблинову: а) что пр. Сергѣевъ усиливался, не взирая на словесныя и письменныя возраженія Караблинова, распространять возмутительныя начала Круга между студентами Казанскаго университета, потому что когда уже остановлена была 2-я часть философіи Круга, когда Сергѣевъ зналъ о семъ, когда начальство требовало отъ Караблинова объясненія по сему дѣлу, то въ продолженіе всего сего времени первая часть ходить по рукамъ студентовъ въ городѣ, отобрана была впослѣдствіи, какъ слышно, инспекторомъ студентовъ и передана г. ректору, b) ректоръ, обязанный инструкціей, высочайше утвержденной, наблюдать за добрымъ направленіемъ университетскаго ученія, не только не обратилъ въ свое время надлежащаго вниманія на преподаваніе проф. Сергѣева, на отвергнутую отдѣленіемъ книгу Круга и самимъ имъ на запискѣ Сергѣева по настоянію декана Караблинова вычеркнутую, впослѣдствіи допустилъ внести въ общій каталогъ лекцій и преподавать по ней курсъ философіи студентамъ, вѣроятно, по убѣжденію его въ новѣйшей сей системѣ и по участію съ пр. Сергѣевымъ распространять разрушительныя начала Круга среди монархическаго и христіанскаго заведенія.

Мысль сію подтвердить можно тѣмъ, что г. ректоръ, взявши на

себя распорядиться лекціями философскими, какъ извѣстно выше, вмѣстѣ съ пр. Сергѣевымъ, вопреки уставу университета, сдѣлалъ дѣйствительно то, что искалъ Сергѣевъ; можно доказать тѣмъ, что когда возникла переписка о философіи Круга, г. ректоръ росписаніе лекцій, составленное цѣлымъ совѣтомъ, напечатанное и выставленное для руководства всѣхъ преподавателей и студентовъ въ университетской залѣ, измѣнилъ безъ вѣдома совѣта такъ, что изъ него изъяты предметы нравственной философіи для студентовъ 3-го отдѣленія и метафизическіе для студентовъ 2-го отдѣленія предметы, которые по инструкціи преподавать не положено, и студенты въ сіи назначенные часы ничѣмъ не занимаются, и при томъ измѣнилъ тогда, когда пр. Караблиновъ на второе предписаніе г. ректора отвѣчалъ съ убѣдительной просьбой внести въ совѣтъ дѣло о Кругѣ, такъ какъ начатое въ оном и имъ, г. ректоромъ, оставленное и при томъ тогда, когда Караблиновъ заявилъ уже важность сего дѣла; можно доказать тѣмъ, что и доселѣ не внесъ онъ сего дѣла въ совѣтъ на общее сужденіе, ограничиваясь только приватнымъ порученіемъ 4 профессорамъ: Купферу, Фогелю, Эрдману и Лобачевскому разсмотрѣть 1-ю часть философіи Круга, отобранную у студентовъ инспекторомъ оныхъ. Впрочемъ, его распоряженіе ни съ чѣмъ не сообразно, потому что книгу сію, найденную отдѣленіемъ недостойною того, чтобы руководствоваться оною, нужно было разсматривать въ то время, когда шло дѣло о росписаніи университетскихъ курсовъ: ежели бы г. ректоръ не согласился съ мнѣніемъ отдѣленія и убѣжденіями декана Караблинова, можно доказать тѣмъ, что пр. Сергѣевъ преподавалъ философію, не представивъ въ началѣ академическаго года конспекта оной, безъ чего на основаніи предписаній г. министра ни одинъ профессоръ не долженъ читать лекцій, а г. ректоръ сіе упустилъ, ибо конспекты Сергѣева недавно внесены были въ совѣтъ университета послѣ того уже времени, какъ возникло дѣло о философіи Круга, и при томъ старые, одобренные года 3 тому назадъ уже совѣтомъ и бывшимъ попечителемъ г. Магницкимъ, но нынѣ не сообразные и противные новымъ предписаніямъ г. министра. Подлинное подписалъ: экстраординарный профессоръ Яковъ Караблиновъ.

Его сіятельству г. генералъ-майору и разныхъ орденовъ кавалеру гр. Алексѣю Дмитріевичу Гурьеву отъ ректора Казанскаго университета объясненіе.

По личному приказанію вашего сіятельства о философской книгѣ Круга честь имѣю донести: 1) что книга сія при назначеніи лекцій въ университетѣ на текущій академическій годъ не была введена въ число руководительныхъ, что̀ доказывается представленіемъ совѣту нравственно-политическаго отдѣленія отъ 10-го іюня сего года за № 6 и

журналомъ постановленій во всемъ отдѣленіи. 2) при неослабномъ наблюденіи моемъ и инспектора студентовъ за преподаваніями въ университетѣ никогда не было замѣчено въ лекціяхъ Сергѣева ничего противнаго высочайше утвержденной инструкціи ректору, что̀ доказывается отобранными мною у студентовъ подлинными тетрадками, которыя при семъ представляются; что же касается до распри ординарнаго профессора Сергѣева и экстраординарнаго проф. Караблинова о книгѣ Круга, то обстоятельство сіе не относится до университета и произошло внѣ онаго. Профессоръ Караблиновъ, какъ извѣстно мнѣ, давно желалъ занять каѳедру философіи и употреблялъ для сего разныя средства. Между прочимъ, увидѣвъ въ квартирѣ у своекоштнаго студента Матюнина вышеозначенную книгу, данную ему проф. Сергѣевымъ, какъ онъ самъ мнѣ послѣ донесъ, для списанія философской литературы, удержалъ у себя. Когда же Сергѣевъ потребовалъ отъ студента книгу, Караблиновъ запискою отвѣчалъ ему, что онъ никогда не возвратитъ ему оной. Послѣ сего оба они обратились съ жалобами своими другъ на друга къ бывшему попечителю г. Магницкому, не давъ о себѣ знать мнѣ. Сергѣевъ, послѣ троекратной жалобы г. Магницкому, прежде словесно, а потомъ письменно донеся мнѣ о личномъ оскорбленіи, причиненномъ ему Караблиновымъ запискою, о ложномъ обвиненіи, интригѣ и неблагопристойности, просилъ меня, потребовавъ отъ Караблинова казенную книгу, подвергнуть ее разсмотрѣнію. По жалобѣ Сергѣева я двукратно предписывалъ Караблинову, чтобы онъ представилъ мнѣ книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ причину вражды его съ Сергѣевымъ, но Караблиновъ, считая книгу сію запрещенною, не доставлялъ ко мнѣ, а передалъ, какъ то маѣ извѣстно, бывшему попечителю г. Магницкому. Сколько я ни былъ убѣжденъ въ благонамѣренности преподаваній по университету вообще, за всѣмъ тѣмъ незнакомъ, дабы совершенно удостовѣриться въ духѣ философскихъ лекцій Сергѣева и въ то же время узнать, какимъ образомъ и для чего употребляемо имъ было сочиненіе Круга, я тотчасъ вытребовалъ черезъ инспектора тетрадки студентовъ и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго ректорской инструкціи, между тѣмъ 1-ю часть сей книги отдалъ на разсмотрѣніе профессорамъ: Купферу, Эрдману, Лобачевскому и Фогелю, а для предосторожности запретилъ Сергѣеву чтеніе философіи. Изъ сего усмотрѣть изволите, ваше сіятельство, что дѣло о сочиненіяхъ Круга никакой связи съ университетскими преподаваніями не имѣетъ, ибо оно началось внѣ университета, что если сочиненіе Круга и было въ рукахъ Сергѣева, то оно не могло произвести вреднаго дѣйствія на студентовъ, потому что Сергѣевъ 3 только далъ философскихъ лекцій, и, наконецъ, что существо сего дѣла состоитъ не въ томъ, что Караблиновъ дѣйствительно хотѣлъ выказать вредный духъ

сочиненія, но чтобы по давно продолжающимся между ними личностямъ и искательству Караблинова открыть себѣ путь къ занятію каѳедры вмѣсто Сергѣева. Въ заключеніе сего долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства: 1) сочиненіе Круга прислано было въ университетъ по предложенію бывшаго попечителя г. Магницкаго отъ 21-го декабря 1823 г. за № 1586. 2) Профессоры Сергѣевъ и Караблиновъ поступили въ университетъ не по избранію совѣта, какъ бы слѣдовало на основаніи высочайше утвержденнаго устава, но по выбору и ходатайству г. Магницкаго, а потому они и не были извѣстны совѣту ни по нравственности, ни по ученымъ достоинствамъ.

3) За все время служенія своего при университетѣ чиновники сіи не показали никакихъ ученыхъ заслугъ; напротивъ, Сергѣевъ $1^1/_2$ года находился въ отпускѣ изъ университета, а Караблиновъ всегда отличался безпокойнымъ характеромъ и употреблялъ разные происки, чему служитъ доказательствомъ; 4) когда возродилось между нимъ и Сергѣевымъ дѣло о философіи Круга, то онъ, желая нанести болѣе вреда сопернику своему Сергѣеву, прибавилъ своею рукою между строкъ въ представленіи и протоколѣ факультета совѣту слѣдующія слова: «не принимая въ руководство Круга», тогда какъ при сужденіи о семъ дѣлѣ не было упомянуто о Кругѣ. 5) Обратился съ доносомъ своимъ о семъ дѣлѣ не къ ректору университета, а къ г. Магницкому, по отставкѣ уже сего послѣдняго, къ лицу, постороннему для университета. 6) Онъ обиесъ меня передъ вашимъ сіятельствомъ, будто бы я взялся, вмѣстѣ съ Сергѣевымъ, составлять расположеніе философскихъ лекцій и вмѣстилъ въ оное философію Круга, какъ руководительную книгу, прислалъ ему таковое расположеніе, чего въ актахъ ни совѣта, ни факультета не находится и чего вовсе не было, ибо я, увидѣвъ росписаніе, составленное Сергѣевымъ по преподаванію философіи, при немъ же Караблиновъ тотчасъ вымаралъ Круга, но Сергѣевъ, несмотря на сіе, стараясь доказать безвредность Круга, спорилъ въ присутствіи моемъ съ Караблиновымъ, но я не позволилъ внести его въ общее расположеніе лекцій по университету, представленное на одобреніе г. министру, послѣ чего Сергѣевъ самовольно, безъ вѣдома моего, внесъ Круга въ черновое росписаніе, своею рукою, взявши оные у письмоводителя совѣта. 7) Несправедливо говоритъ, будто бы я по участію съ Сергѣевымъ разрушительныхъ началъ Круга измѣнилъ росписаніе лекцій. Выше сего я имѣлъ честь объяснить, что преподаваніе Сергѣева, изъ предосторожности, было мною остановлено, слѣдовательно, и росписаніе само собою должно было измѣниться, ибо часы, назначенные для философскихъ лекцій, остались праздными. И профессоръ Сергѣевъ, въ поданной мнѣ жалобѣ на Караблинова, отозвался, что послѣ сего онъ, до полученія утвержденія г. министра каталога лекцій

университетскихъ, не можетъ принять на себя преподаваніе нравственной философіи и метафизики. 9) Точно также несправедливо показываетъ, что будто бы, по участію съ Сергѣевымъ, не внесъ я дѣла въ совѣтъ: несправедливо потому, что Караблиновъ, во второй ко мнѣ бумагѣ, самъ изъявилъ намѣреніе войти о семъ въ совѣтъ и потому не прислалъ, по двухкратному требованію моему, и книги, о которой надлежало имѣть сужденіе. 10) Профессоръ Сергѣевъ преподавалъ философію по конспекту на 1824—1825 академическій годъ, отлично одобренному бывшимъ попечителемъ г. Магницкимъ; за всѣмъ тѣмъ однакожъ я предписалъ ему отъ 10-го ноября, за № 70-мъ, представить въ совѣтъ, въ самоскорѣйшемъ времени, новые конспекты на нынѣшній годъ и, наконецъ, 11) Не оправдывая поступка Сергѣева, дозволившаго себѣ дать въ руки молодаго человѣка сомнительную книгу и внесть оную самовольно въ черновой каталогъ лекцій, я не могу также оправдать и Караблинова, ибо если онъ въ отношеніи философіи Круга побуждался не личнымъ неудовольствіемъ и интригою противъ Сергѣева, въ такомъ случаѣ имѣлъ прямую дорогу объявить о семъ ректору, какъ мѣстному начальнику; но какъ онъ не сохранилъ въ семъ случаѣ ни порядка, ни должнаго уваженія къ ректору и обратился къ бывшему попечителю Магницкому, который, по увольненіи его отъ университета, находилъ свои виды отсрочивать настоящее управленіе онаго, то послѣ сего справедливо слѣдуетъ заключить, что существо сего дѣла есть интрига Караблинова, а книга Круга употреблена какъ средство увеличить важность и силу сей интриги.

22-го декабря 1826 г. [1]).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о лицахъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ «дѣлѣ»: Сергѣевѣ, Караблиновѣ, Городчаниновѣ, Фуксѣ и, наконецъ, самомъ Кругѣ. Сергѣевъ не имѣлъ никакой ученой степени, какъ сообщаетъ Ѳеоктистовъ («Магницкій»). Его назначеніе ординарнымъ профессоромъ было сдѣлано по приказанію Магницкаго, а совѣту университета было предписано лишь составить актъ избранія. Всѣ профессора, за исключеніемъ Суровцова, безпрекословно подчинились и подписали незаконный актъ избранія. Сергѣевъ былъ одновременно и директоромъ гимназіи, а въ вопросѣ о проведеніи «реформы» въ университетѣ— правой рукой Магницкаго.

---

[1]) Орѳографія документовъ измѣнена, примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Что касается пунктуаціи, то измѣненій пришлось сдѣлать гораздо больше: Караблиновъ и Сергѣевъ особенно грѣшили капризной разстановкой знаковъ.

Для характеристики философскихъ взглядовъ Сергѣева можетъ послужить мѣсто, приводимое Сухомлиновымъ изъ конспекта философіи, составленнаго Сергѣевымъ: «магія родилась отъ вымысловъ, кабалистика съ примѣсью ученія индійскихъ браминовъ произвела гностиковъ, родоначальниковъ всѣхъ новѣйшихъ ересей» («Матеріалы», I, 223). За все время Магницкаго Сергѣевъ вообще старательно носилъ маску піэтизма.

Отношенія Сергѣева къ студентамъ по поводу переходныхъ экзаменовъ бросили на него неблаговидную тѣнь. Съ Караблиновымъ Сергѣевъ раньше былъ въ дружбѣ и одинаково раздѣлялъ благоволеніе Магницкаго. Впрочемъ, въ Казанскомъ университетѣ того времени были профессора, подготовленные, повидимому, еще хуже Сергѣева: напр., въ формулярѣ профессора Мистаки значилось, что онъ занимался преподаваніемъ уроковъ въ Константинополѣ, потомъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Ипсиланти, отъ котораго и получилъ въ награду табакерку. У Мистаки не было никакихъ документовъ, и формуляръ записанъ былъ съ его словъ.

Магницкій выхлопоталъ для Мистаки званіе ординарнаго профессора и чинъ VII класса. Караблиновъ принадлежалъ, повидимому, къ типу беззастѣнчивыхъ и жадныхъ семинаристовъ, которыхъ въ александровское и даже николаевское время было такъ много среди профессоровъ русскихъ университетовъ, дававшихъ поэтому своимъ питомцамъ не дѣйствительныя знанія, а лишь права на чинъ и пышный дипломъ, который далеко не отражалъ дѣйствительныхъ познаній его обладателя. Семинаристъ Караблиновъ читалъ въ Казани слѣдующіе курсы: латинскую словесность, практическую логику, исторію философскихъ системъ, чистую и прикладную логику, политическую экономію и дипломатію. Городчаниновъ (1771—1852) является типичнымъ и крайне благонамѣреннымъ образцомъ ученаго невѣжества. Сначала онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, но въ 1806 г. былъ назначенъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ «краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка». Назначенный профессоромъ, онъ просилъ митрополита Евгенія указать ему нужныя книги и пособія. Но ему хотѣлось преподавать и философію; такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ ученыхъ трудовъ, то онъ лишь въ 1810 г., послѣ двухлѣтней отставки, распоряженіемъ министра былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Городчаниновъ не пошелъ дальше Шишкова въ своихъ взглядахъ на русскій языкъ и литературу, и Карамзинъ казался ему страшнымъ новаторомъ.

Старательно, хотя и неумѣло, Городчаниновъ подлаживался къ тѣмъ идеямъ и тому содержанію, которыхъ требовалъ Магницкій. Онъ преподавалъ естественное право въ смыслѣ обличительномъ, по своему сочиненію: «Мнѣніе христіанина о правѣ естественномъ», «россійскую поэзію и россійской словесности исторію» по собственному сочиненію:

«Опытъ критическаго руководства къ эстетическому разбору по части россійской словесности», гдѣ совѣтуетъ, между прочимъ, чаще читать «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскомъ Шишкова»: «Превосходная, классическая книга!» Бездарный, съ характеромъ робкимъ, нерѣшительнымъ, возбуждавшій и тогда улыбки своими архаизмами мысли и формы, Городчаниновъ, въ сущности, былъ мало полезенъ Магницкому, который послѣ ревизіи отозвался о немъ такъ: «Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—человѣкъ весьма доброй нравственности и знаетъ языкъ правильно, но подаетъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ гр. Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный». Въ 1829 г. Городчаниновъ вышелъ въ отставку и до смерти жилъ въ Казани, всѣми забытый. О Городчаниновѣ имѣются свѣдѣнія въ обоихъ томахъ книги Булича «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» и въ отдѣльной брошюрѣ Н. Лихачева «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (Казань, 1886 г.). Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ (1779—1846 г.), докторъ медицины Марбургскаго университета, оказывается въ Россіи (въ Петербургѣ) уже въ 1800 г. и въ 1805 г. назначается въ Казань преподавать естественную исторію и ботанику. Какъ питомецъ иностраннаго университета, съ солидной ученой подготовкой и прочными научными вкусами, Фуксъ и въ Казани менѣе пострадалъ отъ тяжелой окружающей обстановки, чѣмъ его русскіе товарищи. Онъ всю жизнь продолжалъ пріобрѣтать знанія и сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ Казанскаго края въ разныхъ отношеніяхъ, даже мѣстной нумизматики, мѣстнаго инородческаго и раскольничьяго населенія. Кромѣ того, Фуксъ былъ прекраснымъ, внимательнымъ и безкорыстнымъ практическимъ врачемъ, хорошо извѣстнымъ даже въ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ домѣ его происходили литературныя собранія, привлекавшія все образованное общество Казани и проѣзжавшихъ черезъ Казань русскихъ и иностранныхъ знаменитостей. Какъ личность, Фуксъ отличался необыкновенно привлекательнымъ характеромъ и былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Казани въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Буличъ въ своей книгѣ посвятилъ Фуксу рядъ симпатизирующихъ страницъ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Кругѣ, послужившемъ предлогомъ для нападенія Караблинова на Сергѣева и самого Фукса. Wilhelm-Traugott Krug (1770—1842), профессоръ философіи въ Кенигсбергѣ (непосредственно послѣ Канта). Кругъ былъ популяризаторъ критической философіи съ точки зрѣнія «здраваго смысла», ревнитель свободомыслія и просвѣщенія. Онъ полемизировалъ съ Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ и иными гегельянцами, чѣмъ, вѣроятно, и понравился Магницкому. Изъ крупныхъ его работъ слѣдуетъ отмѣтить: «Handbuch der Philosophie» и «Logik oder Denklehre».

Сообщилъ П. Головачевъ.

Изъ русской военно-уголовной старины.

(Высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-суднымъ дѣламъ).

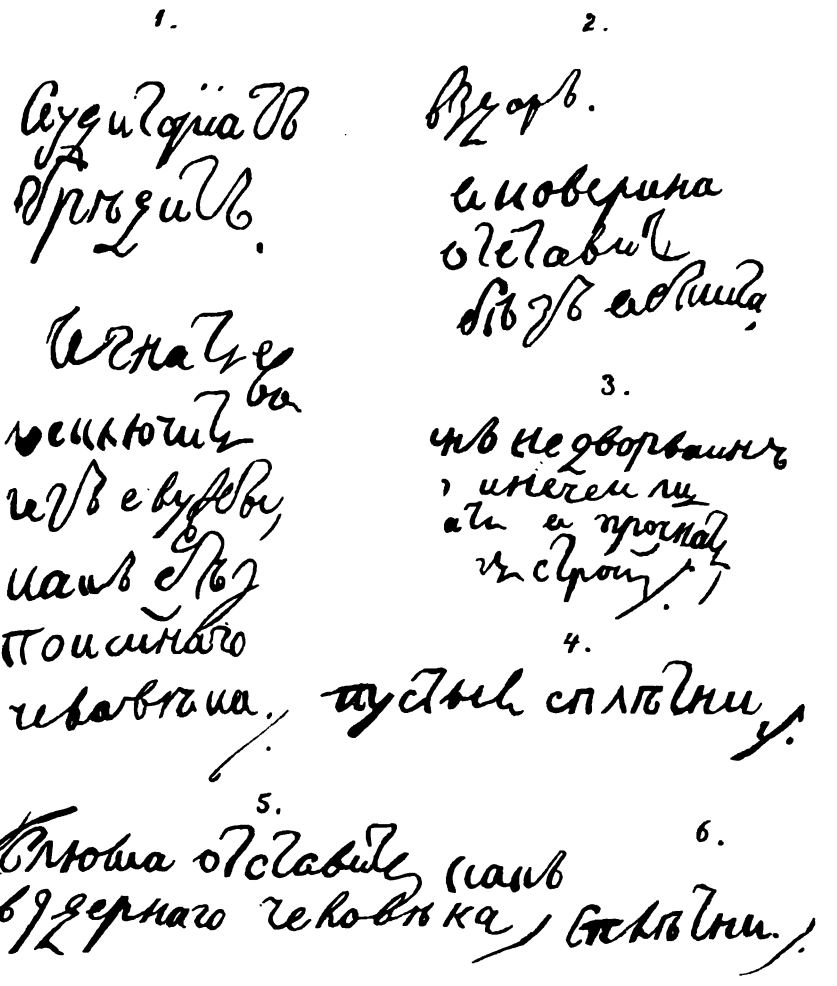
Сохраненіе правоваго порядка всегда составляло цѣль государства, и отклоненіе отъ установленныхъ правовыхъ нормъ, являясь преступнымъ дѣяніемъ, каралось законами. Но, какъ нѣчто подвижное, какъ нѣчто, принадлежащее жизни, уголовное законодательство не оставалось безъ дальнѣйшаго развитія, а, измѣняясь съ духомъ времени и примѣняясь къ существующему режиму, воспринимало специфическія черты извѣстной эпохи. Павловское время, съ его оригинальностью, граничащею со сказочностью и доходящею до баснословности, представляетъ, конечно, одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ русской лѣтописи. Если же принять во вниманіе, что эта страница русскаго прошлаго до сихъ поръ уснащается—за немногими исключеніями—непровѣренными и несоотвѣтствующими исторической правдѣ анекдотами, то станетъ понятнымъ, почему группировка высочайшихъ конфирмацій Павла I по военно-суднымъ дѣламъ, представляя сколокъ съ ненарумяненной жизни, является драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую уголовную старину. Пора, кажется, псевдо-исторіи съ ея анекдотичностью отойти въ область преданій, уступивъ мѣсто истинной исторіи, по подлиннымъ документамъ, а не по феерическимъ даннымъ. Приводимыя ниже конфирмаціи, снабженныя мною датами, сообщаются по подлиннымъ докладамъ, исключающимъ всякую возможность не только ошибокъ, но даже неточностей, или сомнѣній. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что въ этихъ конфирмаціяхъ проскальзываетъ всегда нѣчто присущее исключительно Павлу I, и подборъ ихъ рисуетъ съ достаточною подробностью чистый нравственный обликъ высокаго конфирматора, порой сообщая кой-какія новыя черты, порой же закрѣпляя, такъ сказать,

фиксируя уже́ установленныя исторической наукой данныя. И въ этомъ заключается интересъ приводимыхъ конфирмацій съ точки зрѣнія вообще русской старины, помимо интереса съ точки зрѣнія русской уголовной старины.

Императоръ Павелъ I любилъ дѣло, любилъ достовѣрность фактовъ и точность донесеній. Столь распространенная въ общественной жизни склонность къ сплетнямъ и слухамъ, часто имѣющимъ лишь весьма отдаленное сходство съ истиной, была ему ненавистна, и онъ понималъ, что одинъ недостовѣрный слухъ родитъ гору другихъ слуховъ, одинъ другаго нелѣпѣе и чудовищнѣе. Это положеніе подтверждается и высочайшими резолюціями. Денферъ, освѣдомившись о томъ, что жена генералъ-маіора Кастелія съ хвастовствомъ заявляла знакомымъ о существованіи переписки его жены съ ея мужемъ, явился къ Кастеліи, дабы личнымъ разспросомъ убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ; г-жа Кастелія встрѣтила Денфера бранью. Въ концѣ концовъ Денферъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ, но все дѣло, очевидно основанное на слухахъ, кончилось ничѣмъ: 9-го іюня 1800 года государь положилъ по этому дѣлу резолюцію: «пустыя сплетни».

Другое дѣло, получившее отъ государя такой же эпитетъ, началось съ того, что грузинскій царевичъ Миріанъ обратился какъ-то къ поручику Кабардинскаго мушкетерскаго полка Грекову съ вопросомъ, почему онъ говорилъ генералъ-маіору Корсакову, что онъ, царевичъ, подговариваетъ дворовыхъ дѣвокъ къ побѣгу въ Грузію, о чемъ ему передавалъ подпоручикъ Арсеньевъ; государь, по докладѣ этого дѣла о Грековѣ, написалъ 20-го мая 1798 г. резолюцію: «какъ дѣло все состоитъ въ сплетняхъ, то и не у мѣста Мнѣ входить въ оное; дѣло уничтожить, а ему по-прежнему служить». Незаслуживающимъ вниманія императоръ Павелъ призналъ дѣло о нанесеніи маіоромъ Блиновымъ, въ нетрезвомъ видѣ, побоевъ отставному вахмистру Незамаеву за то, что онъ якобы занимался тайнымъ врачеваніемъ въ то время, какъ стояла эпидемія моровой язвы; 7-го іюня 1799 года Павелъ I коротко написалъ: «вздоръ».

На каждое судное дѣло тратится извѣстная умственная энергія. Въ видахъ достиженія экономіи при ея расходованіи, конечно, желательно, чтобы мелочныя дѣла, касающіяся какихъ-либо второстепенностей, не загромождали напрасно дороги юстиціи и не давили своею тяжестью, какъ ненужнымъ балластомъ, и безъ того значительную ношу суда. И вполнѣ разумными являются мѣропріятія Павла I, клонящіяся къ очищенію судебныхъ установленій отъ всякихъ «пустыхъ» дѣлъ. Примѣромъ подобныхъ дѣлъ является дѣло о приведеніи въ негодность лошади эскадрона ротмистра Ярцова, упавшей съ обрушившимся подъ нею мостомъ; понятно, что дѣло могло бы быть причислено къ случайнымъ



Автографы высочайшихъ конфирмацій.

1. Аудиторіатъ брѣдитъ. Игнатьева исключить изъ службы, какъ безпокойнаго человѣка (11-го февраля 1799 г.).
2. Вздоръ. А Коверина отставить безъ абшита (28-го марта 1800 г.).
3. Онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй (30-го марта 1800 г.).
4. Пустыя сплѣтни (9-го іюня 1800 г.).
5. Блюма отставить, какъ вздорнаго человѣка (6-го іюня 1800 г.).
6. Сплѣтни (12-го іюня 1800 г.).

*

дѣяніямъ, въ вину невмѣняемымъ, однако здѣсь вопросъ усложнялся тѣмъ, что паденіе лошади произошло, когда ее вели на водопой, а на водопой лошадей разрѣшалось водить лишь въ лагерное время. Поэтому 11-го января 1799 г. на докладѣ упомянутаго дѣла была положена высочайшая резолюція «дѣло пустое, ибо забыто, что по уставу не велѣно лошадей кромѣ лагеря на водопой водить, и такъ деньги взыскать съ того, который упущеніе сдѣлалъ противъ устава». Дѣло было признано пустымъ, очевидно, въ смыслѣ возможности разрѣшенія его административнымъ порядкомъ, безъ суда, путемъ взысканія съ виновнаго—причиненнаго имъ ущерба казнѣ. Далѣе, обращаетъ вниманіе дѣло, возбужденное по жалобѣ дѣвицы Беленъ противъ прапорщика Тюльпанова за то, что онъ, якобы обѣщавъ на ней жениться, не сдержалъ своего слова; между тѣмъ, допрошенный судомъ Тюльпановъ показалъ, что «хотя онъ, по вольному съ нимъ дѣвицы обхожденію, къ чему подавала и мать ея случай, и соблазнился, но влюбленъ въ нее не былъ, жениться на ней не обѣщалъ и исполнить того не клялся». 16-го іюня 1799 г. по дѣлу состоялась высочайшая конфирмація: «дѣло оставить, а его отправить къ полку».

Неподтверждаемые разслѣдованіями доносы—опасная вещь: еще одинъ шагъ, одно движеніе—и можно попасть въ сферу анонимныхъ доносовъ, тяжелой опричнины, чудовищнаго произвола. Это зналъ императоръ Павелъ; каждый доносъ влекъ разслѣдованіе, и если послѣднее шло въ разрѣзъ съ доносомъ, то доносчикъ подвергался уголовному преслѣдованію. Такъ было поступлено, напримѣръ, съ доносомъ эстандартъ-юнкера Шикулина 1-го, жаловавшагося на притѣсненія начальства; 13-го іюня 1799 г. государь положилъ резолюцію: «съ доносчикомъ поступить такъ, какъ слѣдуетъ съ каждымъ доносчикомъ».

Въ противовѣсъ всѣмъ приведеннымъ дѣламъ, не признаваемымъ заслуживающими уваженія либо по своему обоснованію на пустыхъ сплетняхъ и недостовѣрныхъ слухахъ, либо по своей уголовной микроскопичности, можно противоположить дѣла, гдѣ былъ замѣшанъ казенный интересъ. Съ безпощадною настойчивостью проводитъ императоръ Павелъ идею объ особомъ попеченіи о казенномъ интересѣ. Каждая копѣйка должна быть дорога. Каждый казенный грошъ долженъ быть на счету и свято оберегаемъ. И это общее стремленіе нашло въ частности отраженіе въ высочайшихъ конфирмаціяхъ по военно-уголовнымъ дѣламъ: виновные въ причиненіи ущерба казнѣ всегда несли извѣстное наказаніе.

Обращаясь къ примѣрамъ, остановлюсь на дѣлѣ командира кирасирскаго графа Игельстрома полка. Въ полку сгорѣла во время пожара

аммуниція; пожаръ охватилъ конюшни, крытыя соломою; лошадей удалось вывести, но аммуниція, хранившаяся вопреки запрещенію въ конюшняхъ и выданная на руки нижнимъ чинамъ, сдѣлалась жертвою огня. Командиръ полка былъ преданъ суду, и государь, по докладѣ ему дѣла, 28-го сентября 1799 г. написалъ: «посадить въ Рижскую крѣпость до выплаты суммы». Слѣдующая резолюція, тоже касающаяся вопроса о возмѣщеніи казеннаго убытка, носитъ характерныя черты тогдашняго времени. Подпоручикъ гарнизоннаго Уколова полка Леоновъ, состоявшій «сортовымъ офицеромъ» при «мундирномъ магазинѣ», растратилъ казенное имущество свыше чѣмъ на десять тысячъ рублей; резолюція Павла I отъ 25-го января 1800 г. гласила: «лиша чиновъ, на каторгу къ заработкѣ, а деньги взыскать съ смотрителя и съ выбравшихъ его, и аудитору выговоръ за написаніе его въ солдаты, во мнѣніи упомянутое»; иначе говоря, возмѣщеніе казеннаго убытка было обращено на тѣхъ офицеровъ, которые выбрали подсудимаго въ должность сортоваго офицера, хотя въ своихъ показаніяхъ офицеры-сослуживцы удостовѣрили, что при производствѣ выборовъ они были крайне стѣснены—«по тогдашнему состоянію гарнизонныхъ батальоновъ, укомплектованныхъ почти до одного изъ престарѣлыхъ офицеровъ». Любопытно также, по бытовымъ подробностямъ, дѣло о пропажѣ части церковныхъ суммъ у ктитора Исаакіевской церкви въ С.-Петербургѣ; эту должность съ 1779 г. занималъ гарнизоннаго Вязьмитинова полка поручикъ Дмитріевъ; по 1796 г. чрезъ его руки прошло болѣе двухъ милліоновъ рублей, и все шло благополучно, какъ вдругъ былъ обнаруженъ прочетъ въ 1.700 р.; Дмитріевъ, внушавшій долголѣтнею службою полное къ себѣ довѣріе, показалъ, что этотъ прочетъ для него совершенно необъяснимъ и непонятенъ, такъ какъ этихъ денегъ онъ «себѣ не бралъ и никому не давалъ»; великодушный государь не пожелалъ подвергать отвѣтственности неповиннаго Дмитріева, но въ то же время признавалъ необходимымъ пополнить убытокъ, а потому и положилъ 29-го января 1797 г. резолюцію: «деньги за несмотрѣніе взыскать съ присутствовавшихъ, имѣніе Дмитріеву возвратить, какъ и деньги, ибо неудивительно безъ счетчика прочесть, и его опредѣлить по-прежнему въ полкъ». Далѣе упомяну еще о дѣлѣ командира Кинбургскаго мушкетерскаго полка бригадира Корсакова. Корсаковъ былъ преданъ суду за то, что приказалъ вынуть изъ пороховаго погреба 50 пудовъ пороха, заключавшагося въ девятнадцати боченкахъ, и закопать его въ землю, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить его въ свою пользу и употребить на приготовленіе фейерверка; однако вскорѣ покража пороха получила гласность, и Корсаковъ, при дошедшихъ до него объ этомъ слухамъ, рѣшилъ, для со-

крытія слѣдовъ преступленія, бросить порохъ въ рѣку. 12-го января 1798 г. государь написалъ по этому дѣлу резолюцію: «за ветренность отставить, взыскавъ деньги».

При причиненіи кѣмъ-либо ущерба казнѣ подробности дѣла и обстановка дѣянія подвергались тщательному изученію съ тѣмъ, конечно, чтобы наказаніе было положено на лицо, дѣйствительно того заслуживающее. Для примѣра приведу резолюцію на дѣлѣ ротмистра Осипова 2-го. Для хозяйственныхъ командировокъ военнымъ частямъ было запрещено употреблять строевыхъ офицеровъ: для этой цѣли существовали особые квартермистры; между тѣмъ генералъ-маіоръ Чевкинъ, командиръ Кирасирскаго полка, отправилъ въ командировку строеваго офицера, ротмистра Осипова 2-го, который, къ несчастью, утерялъ казенныя деньги; 4-го іюня 1798 г. на это дѣло государь положилъ резолюцію: «генералъ-маіора Чевкина за употребленіе строеваго офицера вмѣсто квартермистра, отчего и произошло все сіе дѣло, въ примѣръ другимъ, выключить изъ службы, и деньги съ него, Чевкина, взыскать; ротмистра Осипова выключить изъ службы». По другому дѣлу былъ судимъ артиллерійскій обозный Миловановъ за убійство «саповатой» лошади, чѣмъ, конечно, причинилъ ущербъ казнѣ; судъ вынесъ суровый приговоръ, присудивъ Милованова къ политической смерти и ссылкѣ въ Сибирь; генералъ Амбразанцевъ полагалъ ограничить наказаніе лишеніемъ дворянства и разжалованіемъ въ рядовые, а генералъ-аудиторъ заключалъ о возможности вмѣненія суда и ареста въ наказаніе; какъ видно, лѣстница наказанія постепенно понижалась, и она совершенно свелась къ нулю, когда 19-го февраля 1798 г. послѣдовала краткая высочайшая резолюція—«сіе дѣло оставить»; подобная резолюція объясняется тѣмъ, что свое преступное дѣяніе Миловановъ совершилъ въ припадкѣ «болѣзни».

Любопытный разрядъ дѣлъ представляютъ тѣ, по коимъ была поколеблена нормальность соотношеній властей военныхъ и гражданскихъ, т. е. въ коихъ замѣшаны представители гражданской власти и военные начальники. Ненарушаемое преступленіями взаимное соприкосновеніе этихъ двухъ общественныхъ элементовъ безспорно представляется явленіемъ не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ для успѣшнаго пульсированія общественной жизни. Однако оба элемента настолько противоположны другъ другу по своимъ характернымъ особенностямъ, по своимъ специфическимъ свойствамъ, по своей природѣ, что нерѣдко излишняя заносчивость и чрезмѣрная притязательность одного элемента, ударяясь о пагубную безразличность и опасную непокладистость другаго, производятъ искры, порою вспышки, порою даже пожаръ, а съ огнёмъ шутить опасно, какъ это извѣстно еще изъ дѣтскихъ прописей. Его нужно

тушить. Какими же резолюціями тушилъ императоръ Павелъ эти вспышки?

При слѣдованіи чрезъ Костромскую губернію партіи рекрутъ ея начальникъ, штабсъ-капитанъ Канищевъ, раздраженный отсутствіемъ должнаго числа подводъ для провоза рекрутъ и дерзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ десятскаго Васильева, нанесъ ему побои; судъ, принявъ во вниманіе, что виновникомъ всего происшествія былъ самъ Васильевъ, нагрубившій офицеру и побившій унтеръ-офицера, ограничился въ опредѣленіи наказанія Канищеву лишь мѣсячнымъ арестомъ; генералъ-аудиторъ, соглашаясь съ судомъ въ размѣрѣ назначеннаго Канищеву наказанія, усмотрѣлъ, что «главной причиной былъ земскій судъ, который не сдѣлалъ должнаго распоряженія, чтобы для рекрутскихъ партій были на станціяхъ подводы, и земскому коммиссару или члену онаго суда должно было встрѣтить команду и проводить чрезъ уѣздъ». Императоръ Павелъ 14-го іюля 1800 г. положилъ на дѣлѣ резолюцію, совершенно освобождавшую Канищева отъ уголовной отвѣтственности «судъ оставить; Канищевъ не виноватъ, а земскихъ чиновниковъ судить гражданскимъ судомъ». Другой случай столкновенія между гражданскимъ лицомъ и военнымъ чиномъ произошелъ на мосту въ г. Смоленскѣ: шедшій по мосту фельдшеръ Гаевскій получилъ отъ проѣзжавшаго сзади него экипажа ударъ оглоблей, онъ упалъ и задѣлъ впереди шедшаго человѣка, несшаго на коромыслахъ воду, которая и разлилась; человѣкъ этотъ обидѣлся, нанесъ Гаевскому ударъ по лицу рукою и побѣжалъ, Гаевскій—за нимъ и, выхвативъ коромысло, ударилъ человѣка по спинѣ столь сильно, что несчастный умеръ. Высочайшая резолюція отъ 25-го марта 1799 г., дышащая мягкостью по отношенію къ военно-служащему, гласила «предать просто церковному покаянію». Серьезное столкновеніе произошло близъ Дерпта; «казну» въ пятнадцати бочкахъ везъ подпоручикъ Врангель; въ пяти верстахъ отъ Дерпта транспортъ остановился въ Ратсгофской корчмѣ; пьяные мужики стали приставать къ конвойнымъ, убили одного нижняго чина и держали себя настолько вызывающе, что для охраны казны Врангель приказалъ командѣ стрѣлять по мужикамъ; сперва были сдѣланы выстрѣлы горохомъ, а затѣмъ было дано два боевыхъ залпа. Врангель былъ отданъ подъ судъ, однако императоръ Павелъ, всегда ревниво охранявшій принципъ цѣлости казеннаго имущества, не наложилъ никакого взысканія на Врангеля, и 12-го марта 1799 г. дѣло о немъ конфирмовалъ резолюціей: «Врангелю сказать спасибо».

Здѣсь же у мѣста привести дѣло по жалобѣ «вдовствующей царицы Карталинской и Кахетинской» на полковника Спѣшнева. Въ жалобѣ, между прочимъ, было указано, что отрядъ Спѣшнева занимался маро-

дерствомъ и, забирая грузинскихъ обывателей, причинялъ имъ «мученія». Это были наиболѣе существенныя обвиненія въ указанной жалобѣ. Но они не подтвердились разслѣдованіемъ: Спѣшневъ предоставилъ удостовѣреніе царя Ираклія объ отсутствіи въ отрядѣ мародеровъ, а относительно «мученій», будто причиненныхъ грузинамъ, объяснилъ, что караулы выставлялись въ предостереженіе отъ набѣговъ «хищныхъ лезгинъ». Въ общемъ жалоба была настолько не основательна, что генералъ-аудиторъ призналъ возможнымъ совершенно освободить отъ наказанія полковника Спѣшнева. Однако здѣсь замѣшалась политика, эта выжившая изъ красоты старая кокетка, все же требующая за собою ухаживанія. Только этимъ вмѣшательствомъ объясняется резолюція Павла I, положенная 23-го ноября 1798 г. и гласившая: «во уваженіе къ царскому дому, въ сатисфакцію оному, полковника Спѣшнева исключить изъ службы». Строго говоря, это былъ доносъ, и доносъ не основательный. Воинская служба отличается своими особенностями; душою ея является, главнымъ образомъ, дисциплина, для поддержанія которой между прочимъ служитъ военный судъ. Это—та устрашающая сила, которая своимъ дыханіемъ должна смести всякаго недисциплинированнаго воина, въ случаѣ особаго нарушенія имъ дисциплины. Суровыя наказанія понятны въ военномъ судѣ, и безъ нихъ этотъ судъ теряетъ свой raison d'être. Но, конечно, и въ военномъ судѣ должна примѣняться общая юридическая формула—наказаніе налагается соотвѣтственно содѣянному.

Иллюстрируемъ примѣрами.

Рота капитана Писанскаго, возмущенная якобы чрезмѣрно строгимъ съ ней обращеніемъ командира, узнавши, что фельдфебель, за небрежное поданіе рапорта, долженъ быть подвергнутъ ударамъ палками, пошла съ жалобой на ротнаго командира къ своему батальонному командиру Харламову, хотя два субалтеръ-офицера и уговаривали роту успокоиться. Начался судъ. По докладѣ дѣла 21-го іюня 1798 г. государь положилъ резолюцію: «какъ Харламова, такъ и всѣхъ офицеровъ, виновными не нахожу, а изъ рядовыхъ главныхъ зачинщиковъ ослушанія наказать кнутомъ, сослать въ Сибирь». Штабсъ-капитанъ гарнизоннаго Мальева полка Кирпичниковъ обвинялся, между прочимъ, въ оскорбленіи дѣйствіемъ дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера, имѣвшаго знакъ отличія, и въ «надруганіи» надъ самимъ орденомъ; 2-го мая 1800 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціею: «лиша чиновъ и дворянства, написать вѣчно въ рядовые и прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ разъ».

Приходилось налагать строгое наказаніе и за общія преступленія. Унтеръ-цейхвартеръ Страубингъ написалъ фальшивый вексель отъ

имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Тизенгаузена и подъ него досталъ денегъ у купца Анкудинова; текстъ векселя писалъ купецъ Барышниковъ, а подпись Тизенгаузена поддѣлалъ Страубингъ. Оба, Страубингъ и Барышниковъ, были преданы суду, по обнаруженіи преступленія. По сентенціи военнаго суда Страубингъ былъ приговоренъ къ выкинутію изъ службы, а Барышниковъ оправданъ. 27-го февраля 1800 г. высочайшая конфирмація—«наказать кнутомъ»—значительно ухудшила участь подсудимаго. Воспитанникъ военно-сиротскаго отдѣленія въ Симбирскѣ Хвощевскій былъ признанъ виновнымъ въ кражѣ изъ церкви серебряныхъ вѣнцовъ съ образа. Судъ приговорилъ Хвощевскаго къ наказанію розгами; 17-го марта 1800 г. Павелъ I положилъ резолюцію: «согласенъ, а при выпускѣ написать въ рядовые».

Но при всемъ томъ слѣдуетъ указать, что старое время напрасно любятъ упрекать въ чрезмѣрной жестокости, въ безсердечіи, въ особенности по отношенію къ военной службѣ. Несомнѣнно гуманное теченіе общественной мысли коснулось, и при томъ весьма сильно, также и военной среды, весьма рѣзко перемѣнившей свою физіономію въ настоящее время. Однако Павловское время никоимъ образомъ не можетъ быть выдѣлено особо яркимъ пятномъ, бликомъ, какъ выражаются художники, ни по сравненію съ временемъ Екатерины, ни по сравненію съ эпохой Александра I. Было тяжело, былъ чадъ строгаго режима, но было также и заботливое попеченіе о нуждахъ солдата, и настойчивое стремленіе къ поднятію значенія воинскаго званія. Военно-судныя конфирмаціи Павла I подтверждаютъ со своей стороны изложенное положеніе.

«За неумѣренныя наказанія рядовыхъ и за ученіе оныхъ послѣ вечерней зори» былъ преданъ суду драгунскаго бывшаго Шрейдера 2-го полка капитанъ Лагинъ; коммиссія военнаго суда нашла однако, что Лагинъ наказывалъ провинившихся нижнихъ чиновъ «умѣренно, во время ученія», и что это было «учинено не изъ чего иного, какъ изъ ревности и усердія къ службѣ»; генералъ-аудиторъ полагалъ ограничиться вмѣненіемъ Лагину въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ и судомъ. Государь могъ бы положить весьма строгую резолюцію, если бы на судѣ полностью подтверждались обвиненія Лагина; но оказалось, что не было ни особой жестокости со стороны подсудимаго, ни превышенія власти, а потому высочайшая конфирмація изъявляла согласіе государя съ мнѣніемъ генералъ-аудитора. Въ 1799 г. былъ сужденъ за упускъ арестантовъ поручикъ Шлиппенбахъ; по дѣлу выяснилось, что часовые, охранявшіе арестантовъ, стояли по пяти часовъ подрядъ; понятное отсюда ихъ утомленіе имѣло слѣдствіемъ побѣгъ арестантовъ. Побѣгъ былъ на-лицо; слѣдовательно, на-лицо было пре-

ступленіе, и несчастный Шлиппенбахъ попалъ подъ судъ. Павелъ I однако посмотрѣлъ въ корень вещей и, убѣдившись въ виновности высшаго военнаго начальства, допустившаго чрезмѣрно продолжительное стояніе караульныхъ на часахъ, 9-го декабря 1799 г. положилъ резолюцію, весьма мягкую по отношенію къ самому подсудимому: «г. генералъ-аудиторъ забылъ порядокъ службы и то, что часовые стояли по пяти часовъ, что совсѣмъ противно порядка службы, то и относится сіе безпосредственно къ шефу, котораго за сіе и выключить изъ службы; о корнетѣ же Шлиппенбахѣ согласенъ съ коммиссіею, также и о унтеръ-офицерахъ»; коммиссія же присудила Шлиппенбаха къ 6-ти мѣсячному аресту.

Кстати объ охранѣ арестантовъ. Дѣла подобнаго рода, представляющія любопытный эпизодъ русской тюремной старины, не были въ рѣдкость въ то время. Такъ, прапорщикъ гарнизоннаго Вязьмитинова полка Глазуновъ былъ усмотрѣнъ въ нетрезвомъ видѣ въ бытность свою на караулѣ въ Петропавловской крѣпости; до этого случая онъ былъ «штрафованъ» за «взятіе, по бытности въ той же крѣпости на гауптвахтѣ въ караулѣ, изъ приносимыхъ въ подаяніе арестантамъ денегъ шести рублей, посылкою на недѣлю не въ очередь на караулъ». Государь отмѣнилъ характеръ послѣдняго наказанія, и 7-го февраля 1797 г. положилъ резолюцію: «за взятіе себѣ присланнаго подаянія исключить изъ службы». Въ другой разъ въ Петропавловской крѣпости стоялъ въ караулѣ поручикъ Ермолинскій; къ крѣпости подошло пять человѣкъ, которые, «согласясь для подаянія колодникамъ милостыни», принесли арестантамъ подаяніе; въ виду того, что одинъ изъ жертвователей оказался въ нетрезвомъ видѣ, его арестовали, но затѣмъ за два рубля Ермолинскій согласился его освободить; вечеромъ же въ гостяхъ у Ермолинскаго былъ унтеръ-офицеръ Измайловскаго полка, съ которымъ онъ пилъ пиво; 14-го іюля 1799 г. государь положилъ резолюцію: «согласенъ; унтеръ-офицера Измайловскаго (полка) написать въ рядовые въ Долгорукова полкъ»; согласіе государь изъявилъ на «выкинутіе» Ермолинскаго изъ службы съ лишеніемъ чиновъ.

Типичный для того времени образецъ дѣла о дуэли, хотя и не состоявшейся, представляетъ случай съ двумя офицерами Лейбъ-Гусарскаго полка. Передъ утреннимъ ученьемъ поручикъ Эммануэль будилъ корнета Милютинова, который все же опоздалъ на ученье и получилъ за это выговоръ; въ частномъ послѣ сего разговорѣ Эммануэль сказалъ, что по его мнѣнію Милютиновъ наказанъ слишкомъ слабо; послѣдній назвалъ перваго доносчикомъ, и Эммануэль вызвалъ Милютинова на дуэль. 27-го іюня 1798 г. государь конфирмовалъ дѣло ре-

золюціей: «корнета Милютинова, который, будучи причиною всего дѣла, подалъ случай поручику Эммануэлю въ горячности своей забыться, выключить изъ службы, а Эммануэлю зачесть въ штрафъ, что былъ подъ арестомъ, изъ подъ онаго освободя, оставить въ службѣ по-прежнему».

Любопытнымъ на современный юридическій взглядъ служитъ еще дѣло о поручикѣ Глуховскаго Кирасирскаго полка Уманцѣ. Онъ обвинялся въ оскорбленіи на словахъ своего начальника; подобное дѣло, по теперешнему военно-уголовному кодексу, не могло бы быть оконченнымъ въ порядкѣ примирительнаго разбирательства; иначе однако взглянулъ Павелъ I, который 17-го іюня 1798 г. положилъ резолюцію: «пусть проситъ прощенія при офицерахъ, а вины свои продолженіемъ службы заслуживаетъ».

Случались дѣла любовныя. Подпоручикъ Полоцкаго мушкетерскаго полка Рыттеръ былъ преданъ суду за покушеніе на самоубійство изъза супружеской невѣрности своей жены; 17-го іюля 1798 г. государь положилъ резолюцію: «сіе дѣло оставить». Проѣздомъ чрезъ Рязань поручикъ Тамбовскаго мушкетерскаго полка Горюшкинъ, «учинивъ» своей матери «немалыя обиды и ругательство», увезъ съ собою одну изъ ея «дѣвокъ»; любовныя продѣлки и сыновнее неповиновеніе Горюшкина сперва было возмутили мать, которая и подала жалобу на сына; противъ него возбудилось дѣло, во время производства коего мать простила сына. 7-го іюня 1798 г. императоръ Павелъ конфирмовалъ дѣло резолюціей: «дѣло уничтожить, а вамъ примѣчается, что на манифестъ ссылаться здѣсь нужды не было, ибо и безъ того ясно, что примиреніе истца съ отвѣтчикомъ дѣло оканчиваетъ»; упоминаемый манифестъ былъ отъ 21-го апрѣля 1787 г. Обѣ конфирмаціи даютъ право на вѣроятное предположеніе о томъ, что дѣла, гдѣ были замѣшаны частные интересы, гдѣ трагедія преступленія разыгрывалась въ узкихъ рамкахъ любовной сферы, встрѣчались государемъ въ общемъ съ большою снисходительностью. Мнѣ удалось найти лишь одну суровую конфирмацію на дѣлѣ подобнаго рода. Поручикъ Грушецкаго полка Баранцовъ былъ преданъ суду за увозъ отъ полковника Собакина вольной женщины Ивановой, жившей у послѣдняго восемнадцать лѣтъ и имѣвшей отъ него двухъ дѣтей. Обстоятельства этого романическаго похищенія крайне не сложны: въ полдень одного зимняго дня къ дому Собакина подъѣхалъ на тройкѣ Баранцовъ, заранѣе заручившійся согласіемъ Ивановой на побѣгъ отъ Собакина; Иванова вышла изъ дому, и экипажъ умчалъ ее въ сосѣднюю слободу, гдѣ остановился у часовни; обманнымъ способомъ, «яко бы исповѣдывать и пріобщить больную жен-

щину и отпѣть молебенъ», былъ вызванъ священникъ, который, подъ угрозою смерти, былъ вынужденъ совершить таинство брака, который и «сдѣлалъ малое только чтеніе молитвъ, безъ надлежащаго установленнаго порядка». Въ это же время дозоромъ по слободѣ проходилъ капитанъ Степановъ; увидя свѣтъ въ часовнѣ, онъ взошелъ туда и, зная Баранцова за человѣка, не состоящаго въ родствѣ съ Ивановой, благословилъ брачущихся образомъ; наконецъ, къ дѣлу былъ привлеченъ поручикъ Дзюбинъ, который разрѣшилъ Ивановой поставить временно въ своей квартирѣ узелъ съ вещами, часть коихъ оказалась похищенною отъ Собакина. Всѣ три офицера были преданы суду, и 24-го января 1800 г. императоръ Павелъ положилъ на ихъ дѣло резолюцію: «всѣхъ трехъ, лиша чиновъ и дворянства, послать въ Сибирь».

Изъ высочайшихъ же конфирмацій явствуетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей частнаго характера. Нерѣдкое и въ наше время явленіе—ошибки въ приговорахъ относительно правъ состоянія встрѣчались и прежде. Былъ преданъ суду рядовой Бондаревскій, происходившій изъ коллегско-протоколистскихъ дѣтей; генералъ-аудиторъ полагалъ наказать его за воровство и пьянство шпицрутенами, съ лишеніемъ дворянства, но государь 30-го марта 1800 г. положилъ резолюцію: «онъ не дворянинъ, то и нечего лишать, а прогнать сквозь строй». Далѣе приведу примѣръ того важнаго значенія, которое удѣлялось въ Павловское время на степень достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Былъ сужденъ Чернозубовъ; свидѣтелемъ являлся, между прочимъ, сотникъ Данниковъ, но показаніе его, какъ не бывшаго въ теченіе семи лѣтъ на исповѣди, не было принято въ основу приговора; Павелъ I положилъ 20-го февраля 1799 г. резолюцію, заключительныя слова которой гласили: «сотника же Данникова, за небытіе семь лѣтъ у причастія, послать Суздальской епархіи въ Спасо-Ефимьевской монастырь». Затѣмъ обращалось вниманіе на состояніе здоровья подсудимаго, и, если онъ, въ моментъ преступленія, былъ настолько боленъ, что ему нельзя было бы поставить въ вину совершенное имъ дѣяніе, то онъ освобождался отъ всякаго наказанія; такъ, дворянинъ поселеннаго въ Кизлярѣ Терскаго казачьяго войска Леонтьевъ обвинялся «въ зарѣзаніи въ припадкѣ падучей болѣзни своего брата»; Павелъ I положилъ по этому дѣлу 1-го февраля 1800 г. резолюцію: «согласенъ, а какъ онъ боленъ, то отставить отъ службы». Терминъ—дѣяніе «не умышленное» примѣнялся къ дѣламъ, по коимъ не налагалось наказанія на обвиняемыхъ; такъ, подпоручикъ Родіоновъ, какъ удостовѣрили свидѣтели, «безъ запальчивости и горячности», нанесъ ударъ шпагою гатлангеру Ѳедорову, отставшему при захожденіи взво-

домъ отъ рядовъ; Ѳедоровъ, пройдя еще шаговъ пять или десять, упалъ «вдругъ» на землю; Павелъ I 23-го августа 1798 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: «оставить волѣ Божіей, какъ неумышленное». Конечно, это выраженіе «неумышленное» соотвѣтствуетъ современному юридическому понятію о случайномъ дѣяніи, въ вину невмѣняемомъ.

На конфирмацію дѣла представлялись вмѣстѣ съ приговоромъ—по тогдашнему сентенціей коммиссіи военнаго суда и мнѣніемъ начальствующихъ лицъ о размѣрѣ наказанія подсудимаго. Значительное число мнѣній облегало трудную задачу окончательной конфирмаціи военно-судныхъ дѣлъ императоромъ Павломъ, всегда стремившимся строго осуществлять девизъ—«каждому по заслугамъ». Отсутствіе мнѣнія какого-либо начальствующаго лица обращало сейчасъ же высочайшее вниманіе; такъ, въ дѣлѣ о прапорщикѣ провіантскаго штата Ростопчинѣ не имѣлось мнѣнія генералъ-провіантмейстера, и 14-го апрѣля 1798 г. императоръ Павелъ, вмѣсто окончательной конфирмаціи этого дѣла, положилъ резолюцію: «забыли спросить мнѣніе генералъ-провіантмейстера»; вмѣстѣ съ мнѣніемъ послѣдняго, дѣло было вторично представлено государю; въ своемъ заключеніи генералъ-провіантмейстеръ, между прочимъ, выразился о Ростопчинѣ, что онъ «потерялъ всякую довѣренность»; между тѣмъ генералъ-аудиторъ полагалъ, за самовольную отлучку Ростопчина изъ Кекскольма въ С.-Петербургъ, вмѣнить ему въ наказаніе судъ и арестъ и перевести на службу въ гарнизонный полкъ, т. е. все-таки оставить на службѣ государь, прислушавшись къ мнѣнію генералъ-провіантмейстера и къ оцѣнкѣ имъ служебной дѣятельности Ростопчина, 22-го апрѣля 1798 г. конфирмовалъ дѣло резолюціею: «генералъ-аудиторъ права не имѣетъ въ полки опредѣлять не свѣдущихъ, а Ростопчина исключить изъ службы». Слѣдовательно, здѣсь мнѣніе Обольянинова сыграло, вѣроятно, рѣшающую роль въ судьбѣ Ростопчина. Но наличность мнѣній разныхъ военныхъ начальниковъ, выгодная въ одномъ отношеніи, была невыгодна въ томъ смыслѣ, что участь подсудимаго, совершившаго извѣстное дѣяніе, подвергалась большой случайности, и лѣстница проектированныхъ ими наказаній отличалась большою неустойчивостью. Для примѣра приведу мнѣнія военныхъ начальниковъ о нѣсколькихъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ злоупотребленіи при пріемѣ рекрутъ. Слѣдственная коммиссія полагала двухъ офицеровъ сослать въ каторжныя работы, а двухъ другихъ исключить изъ службы. Генералъ-маіоръ Балашевъ заключалъ о необходимости двухъ офицеровъ выкинуть изъ службы, а двухъ другихъ—исключить изъ нея. Генералъ-лейтенантъ Нефедьевъ находилъ возможнымъ ограничить наказаніе одного изъ офицеровъ двухмѣсячнымъ арестомъ. Генералъ-аудиторъ предполагалъ

одного офицера—сослать въ каторжныя работы, другаго—выключить изъ службы, а остальныхъ двухъ—отправить въ ссылку. Государь 14-го марта 1800 г. конфирмовалъ дѣло строгой резолюціей: «лишa всѣхъ ихъ какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ, сослать въ каторжную работу въ Екатеринбургъ».

Несоразмѣрно слабый, со степенью виновности подсудимаго, приговоръ вызывалъ высочайшее неудовольствіе. Польскаго князя Раттева полка намѣстникъ изъ польскихъ шляхтичей Орлицкій былъ сужденъ за то, что, призвавъ въ свою квартиру товарища Скржынинскаго и шеренговаго Лозинскаго, «прочиталъ имъ выписанное на двухъ лоскуточкахъ якобы изъ газетъ объявленіе, касающееся до генералиссимуса князя италійскаго графа Суворова, будто ему нога оторвана» и что онъ взятъ французами въ плѣнъ, и при этомъ онъ, Орлицкій, сказалъ: «теперь у насъ шефа нѣтъ, намъ нечего дѣлать, соберемъ человѣкъ 30 съ лошадьми и уйдемъ въ Пруссію». Слѣдственная коммиссія находила возможнымъ потребовать отъ подсудимаго лишь очистительную присягу. Генералъ-аудиторъ, въ виду того, что Орлицкій «никакого вреда службѣ не учинилъ и злаго намѣренія не имѣлъ» и аттестуется хорошо, «предложилъ» все дѣло на высочайшее «благоизволеніе». 26-го апрѣля 1800 г. государь положилъ резолюцію: «вамъ выговоръ за слабость, а Орлицкаго написать въ гусары въ Линдеровъ полкъ». Въ табунъ на подножномъ корму нужно было назначить офицера, чего не было однако сдѣлано и о чемъ подполковникъ Игнатьевъ подалъ рапортъ генералъ-маіору Трегубову; послѣдній сдѣлалъ Игнатьеву выговоръ, а Игнатьевъ подалъ новый рапортъ. Генералъ-аудиторъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи военнаго суда, постановившей оправдательный приговоръ. Государь же 11-го февраля 1799 г положилъ довольно рѣзкую для аудиторіата резолюцію: «аудиторіатъ бредитъ; Игнатьева исключить изъ службы, какъ безпокойнаго человѣка».

Если сопоставить съ приведенными двумя примѣрами тѣ случаи, когда государь ставилъ резолюціи болѣе мягкія, чѣмъ мнѣнія начальствующихъ лицъ и приговоры военнаго суда и аудиторіата, то слѣдуетъ признать, что при конфирмаціяхъ всѣ письменные документы являлись только матеріаломъ, на которомъ государь строилъ свое личное мнѣніе. А мягкихъ резолюцій было сколько угодно! Вотъ, на выдержку дѣло о подпоручикѣ Михальскомъ, преданномъ суду, между прочимъ, за ношеніе неформенной одежды. При экзерцигаузномъ направленіи тогдашней военной службы это было тяжкое преступленіе, ибо соблюденіе формы было возведено въ своего рода культъ. Между тѣмъ, по дѣлу выяснилось, что Михальскій «одежды не по формѣ никакой не выдумывалъ, кромѣ, когда сдѣлано было отъ шефа офицерамъ

носить фуражныя шапки, то онъ, дабы отличиться отъ солдатъ, такія же шапки имѣющихъ, по незнанію привязалъ къ своей бантикъ и султанъ»; государь 18-го сентября 1798 г. написалъ по этому дѣлу резолюцію: «виновнымъ не нахожу, а у Апраксина взять отвѣтъ, какъ смѣлъ на офицерахъ шапки заводить».

Наконецъ, нельзя упустить нѣсколько деталей, весьма драгоцѣнныхъ вообще для бытовой стороны царствованія Павла I. Отрицаніе отъ прежнихъ боговъ было однимъ изъ девизовъ этого государя, неоднократно выражавшаго протестъ противъ государственнаго направленія дѣятельности его даровитой предшественницы на престолѣ. Это сквозитъ и въ резолюціяхъ Павла по военно-суднымъ дѣламъ: на дѣлѣ о генералъ-маіорѣ Гессенѣ 15-го февраля 1800 г. была положена резолюція: «сіе дѣло было прежде меня, а я Гессеномъ весьма доволенъ». Павелъ I стремился поднять офицерское достоинство. Битому офицеру оставаться на службѣ было немыслимо: «офицеру съ пощечиной трудно остаться, да и видно, что онъ шпаги не носилъ»— писалъ императоръ на докладѣ дѣла объ офицерѣ, коему было причинено оскорбленіе дѣйствіемъ. Съ другой стороны, на офицера не могло быть наложено тѣлесное наказаніе. Такъ, суду былъ преданъ Нашебургскаго мушкетерскаго полка капитанъ Гофманъ за то, что, выйдя на дворъ для естественной надобности, на замѣчаніе стоявшаго рядомъ съ нимъ человѣка, оказавшагося впослѣдствіи полковникомъ Грушевскимъ, о его, Гофмана, неучтивости, онъ, Гофманъ, сказалъ сему человѣку: «за что?» Сейчасъ же Гофманъ былъ арестованъ, а затѣмъ онъ подалъ на высочайшее имя прошеніе, «почитая себѣ сіе тѣлесное наказаніе (слѣдовательно, арестъ) не по винѣ своей». Государь это дѣло конфирмовалъ высочайшей резолюціей: «тѣлеснаго наказанія офицеру быть не можетъ, и арестъ не есть тѣлесное наказаніе, коммиссіи дѣлается выговоръ; тѣлесная нужда не могла никому обидою быть, и такъ Гофмана опредѣлить по-прежнему въ службу въ С.-Петербургской полкъ, при коемъ онъ теперь находится». Обращалось особое вниманіе на то, чтобы офицеры происходили изъ дворянъ. Суду былъ преданъ каменецъ-подольскій плацъ-адъютантъ Нуджевскій, бывшій прежде секретаремъ въ Днѣстровскомъ нижнемъ земскомъ судѣ; 5-го апрѣля 1800 г. государь на его дѣло положилъ резолюцію: «какъ сей Нуджевскій поступилъ изъ такого званія людей, изъ коего офицерамъ быть не слѣдуетъ, то, выключа его изъ сего званія, отдать къ гражданскому суду». Офицеръ долженъ быть образованнымъ человѣкомъ; Элатомской штатной команды подпоручикъ Никифоровъ, преданный суду за самовольные поборы съ обывателей, въ службѣ находился съ

1772 г., а «за отличность при Измаилѣ, по рекомендаціи генералъ-маіора Лассія», былъ произведенъ въ 1790 г. въ прапорщики, «хотя и грамотѣ не знаетъ»; генералъ-аудиторъ полагалъ написать Никифорова въ рядовые на три года, но государь 24-го января 1797 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: «написать въ рядовые въ гарнизонъ; деньги взыскать; суду дать примѣтить, какъ могъ безграмотнаго паки въ офицеры назначать; ген.-маіору Лассію дать выговоръ, какъ рекомендовалъ въ офицеры безграмотнаго и пьяницу».

Стремленіе государя все дѣлать самому, вникая во всѣ мелочи, нашло также отголосокъ въ его военно-конфирмаціонной дѣятельности: нерѣдко не только означался родъ наказанія, но даже отмѣчалось мѣсто, гдѣ долженъ былъ отбывать наказаніе осужденный. Такъ, по дѣлу о капитанѣ Ховенѣ, сужденномъ за оскорбленіе на словахъ своего начальника, 12-го іюля 1800 г. была положена высочайшая резолюція: «капитана Ховена, лиша дворянства и чиновъ, послать въ крѣпостную работу въ Дюнамюнде». Подобная же резолюція того же числа положена по дѣлу о капитанѣ Бекѣ, обнажившемъ шпагу на аудитора Голубева: «аудитора судить, а Бека, лиша дворянства и чиновъ, сослать въ Дюнамюнде, въ крѣпостную работу».

Михаилъ Соколовскій.

Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края.

По крестьянскому вопросу Сѣверо-Западнаго края существуетъ обширная переписка, хранящаяся въ архивахъ правительственныхъ учрежденій губернскихъ городовъ этого края, въ Муравьевскомъ музеѣ, въ рукописномъ отдѣленіи Виленской публичной библіотеки, въ архивахъ сенатскомъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. Эта цѣнная переписка ждетъ своихъ издателей, а мы пока рѣшаемся познакомить читателей «Русской Старины» только съ шестью любопытными оффиціальными бумагами, ярко характеризующими эпоху освобожденія крестьянъ на западной окраинѣ.

Первая изъ нихъ открываетъ край завѣсы, скрывавшей отъ взоровъ историковъ начало освобожденія крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Какъ извѣстно, въ 1857 г., когда, послѣ извѣстной рѣчи государя московскому дворянству, въ самомъ уже воздухѣ чувствовалась скорая отмѣна крѣпостнаго права, дворяне западныхъ губерній первые подали государю просьбу объ освобожденіи ихъ крестьянъ, что̀ имъ и было сочувственно принято. Основываясь на этомъ ходатайствѣ, нѣкоторые изъ польскихъ историковъ настойчиво проводятъ мысль, что въ Россіи «лучъ крестьянской свободы впервые загорѣлся на берегахъ Вислы и Нѣмана». Помѣщаемое нами ниже отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ гр. Ланскаго къ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову ясно свидѣтельствуетъ, что упомянутое ходатайство исходило не изъ идеальныхъ побужденій даровать крестьянамъ свободу, а изъ скрытаго желанія польскихъ помѣщиковъ сохранить за собой землю, а вмѣстѣ съ нею свою экономическую и моральную власть надъ крестьянами. Вотъ почему они, когда въ концѣ 1860 г. выяснилось оконча-

тельно, что реформа предполагаетъ обязательное надѣленіе крестьянъ землею, стараются всѣми мѣрами затормозить дѣло освобожденія крестьянъ и даже противодѣйствуютъ ему.

Другія печатаемыя нами бумаги также подтверждаютъ скрытый политическій маневръ литовско-польскихъ помѣщиковъ, прикрывавшихся знаменемъ эмансипаціи. Послѣ объявленія манифеста они, занявъ должности мировыхъ посредниковъ, съумѣли оставить крестьянъ въ прежней отъ себя зависимости, а по мѣстамъ даже ухудшилось ихъ положеніе [1]). Собственно освободительный манифестъ получаетъ свою силу для сельскаго населенія Сѣверо-Западнаго края со времени вступленія въ управленіе имъ гр. М. Н. Муравьева. Его письма къ министру внутреннихъ дѣлъ, къ Н. А. Милютину, къ великороссійскимъ епископамъ со всею убѣдительностію говорятъ, что онъ былъ истинный другъ и ревнитель крестьянской свободы и сдѣлалъ для нея (во имя высшихъ политическихъ соображеній) много. Нѣкоторыя мѣры свои М. Н. и самъ признавалъ не совсѣмъ правильными, но онѣ были вызваны современными обстоятельствами: экстраординарныя событія требуютъ такихъ же и мѣръ.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго къ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову по поводу предстоящей крестьянской реформы.

Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ.

Отъ 27-го минувшаго декабря № 379, ваше высокопревосходительство изволили сообщить мнѣ письмо виленскаго предводителя дворянства Домейко, который, осуждая въ общихъ выраженіяхъ, составленный редакціонными коммиссіями, проектъ Положенія для крестьянъ Литовскихъ губерній, ходатайствуетъ о пересмотрѣ вновь этого проекта. Передавая мнѣ сіе ходатайство для испрошенія высочайшаго повелѣнія о тщательномъ и всестороннемъ обсужденіи настоящаго дѣла, вы указываете, по отзыву предводителя Домейко, что ни одинъ членъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта не владѣетъ населенными имѣніями въ Литовскихъ губерніяхъ и что равнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ нѣтъ ни одного изъ представителей мѣстнаго дворянства, который могъ бы представить личныя объясненія по крестьянскому дѣлу.

Въ отвѣтъ на это, считаю долгомъ сообщить вамъ, милостивый государь, со всею откровенностію, что я прочелъ съ крайнимъ удивле-

[1]) Подробности въ нашихъ статьяхъ: 1) освобожденіе крестьянъ Сѣверо-Западнаго края и 2) Устройство общественнаго быта крестьянъ Сѣверо-Западнаго края при М. Муравьевѣ и Виленскій календарь 1902 и 1903 гг.

ніемъ письмо г. Домейко, наполненное весьма рѣзкими и притомъ бездоказательными порицаніями; еще болѣе удивило меня выраженіе недовѣрія къ сужденіямъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта, потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ; наконецъ, не могу признать основательнымъ изъявленное нынѣ желаніе, чтобы депутаты отъ литовскаго дворянства, уже неоднократно спрашиваемые и высказавшіеся столько разъ и съ такою подробностію по крестьянскому дѣлу, были вновь призваны къ участію въ ономъ въ такое время, когда дѣло это вошло въ окончательный періодъ законодательнаго обсужденія. Не говоря о трудахъ губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, въ коихъ главнѣйше участвовали представители мѣстнаго дворянства, достаточно указать на обширныя записки, проекты и отдѣльныя мнѣнія, которые представлены были вызванными сюда членами виленской общей коммиссіи и экспертами редакціонныхъ коммиссій и которые всѣ напечатаны и предъявлены членамъ главнаго комитета и Государственнаго Совѣта. Въ письмѣ г. Домейко, равно какъ и въ запискѣ его (сообщенной мнѣ графомъ В. Н. Паниным) нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ, ни соображеній, которыя не были бы выражены въ прежнихъ отзывахъ и мнѣніяхъ. Между тѣмъ, при внесеніи въ высшія учрежденія проектовъ редакціонныхъ коммиссій, представлены и всѣ поступившія противъ нихъ возраженія и новыя предположенія. Такимъ образомъ, при трехмѣсячныхъ, почти ежедневныхъ и продолжительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ главномъ комитетѣ, всѣ разнородныя данныя и разногласныя мнѣнія по крестьянскому дѣлу уже имѣлись въ виду и дѣло это, согласно высочайшей волѣ государя императора, подвергнуто было самому тщательному и всестороннему обсужденію.

Изъ всего изложеннаго ваше высокопревосходительство, конечно, изволите удостовѣриться, что для разрѣшенія предстоящихъ нынѣ важныхъ вопросовъ нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ. Такого обилія въ матеріалахъ (изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостію) едва-ли было когда-нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса. Для высшаго правительства, въ настоящемъ случаѣ, есть другое затрудненіе; это устранить пагубное дѣйствіе крайнихъ и преувеличенныхъ мнѣній, выражающихся въ ту или другую сторону. По самому свойству дѣла, лицамъ, близко въ немъ заинтересованнымъ, хотя бы и вполнѣ добросовѣстнымъ, весьма трудно избѣжать крайностей и преувеличеній въ сужденіяхъ. Отсюда возникаетъ то раздраженіе, которое замѣчается въ нѣкоторыхъ отзывахъ и которое должно лишь усиливаться отъ всякой новой полемики и словесной, и письменной. Пока окончательное царское слово не положитъ конецъ всѣмъ возникшимъ разномыслiямъ и

взаимнымъ пререканіямъ, обязанность каждаго изъ насъ, стоящихъ въ главѣ разныхъ отраслей управленія: устранять все то, что можетъ еще болѣе раздражать возбужденные споры. Съ этой точки зрѣнія, я полагаю, что теперь,—такъ сказать наканунѣ рѣшенія дѣла,—желательно всѣми мѣрами отклонять всякія попытки неумѣстнаго вмѣшательства въ рѣшенія законодательной власти. Въ продолженіе трехъ лѣтъ открыта была полная возможность каждому, и оффиціальному, и частному лицу, высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались (какъ и слѣдовало) этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. За симъ дворянству остается нынѣ ожидать съ довѣріемъ безпристрастнаго рѣшенія высшихъ государственныхъ учрежденій, чему первый примѣръ долженъ быть поданъ самими мѣстными начальствами.

Не знаю, извѣстно-ли вашему высокопревосходительству, что вслѣдъ за отправленіемъ письма и записки г. Домейко, другой (ковенскій) губернскій предводитель Довгирдъ разослалъ письма и записки подобнаго же содержанія нѣкоторымъ членамъ Государственнаго Совѣта, вопреки положительному закону (Св. Зак. т. I, Учрежд. Госуд. Сов., ст. 96). Въ этихъ бумагахъ ковенскій предводитель ссылается постоянно на такіе печатные документы, которые даже не могли быть ему извѣстны, ибо напечатаны въ самомъ маломъ числѣ экземпляровъ, лишь для бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій и для высшихъ правительственныхъ лицъ. Подобныя ссылки, а также самое содержаніе замѣчаній г.г. Домейко и Довгирда показываютъ, что эти новые отзывы суть не что иное, какъ продолженіе той же полемики, которая возникла еще въ средѣ самыхъ редакціонныхъ коммиссій и которая въ настоящее время, не прибавляя никакихъ новыхъ данныхъ для соображеній высшаго правительства, усиливаетъ лишь то вредное раздраженіе, о которомъ я упомянулъ выше. Во всякомъ случаѣ, означенное дѣйствіе г. Довгирда нельзя признать ни законнымъ, ни умѣстнымъ, ибо если допустить по одной губерніи непосредственныя сношенія дворянскаго предводителя съ высшими правительственными лицами по дѣлу, получившему законодательный ходъ, то не было бы достаточнаго основанія не допускать того же и по всѣмъ другимъ губерніямъ, что было бы очевиднымъ нарушеніемъ государственнаго порядка и коренныхъ законовъ.

Впрочемъ, я пишу это вашему высокопревосходительству собственно лишь для поясненія моего откровеннаго вамъ сообщенія; но считаю удобнѣйшимъ оставить, на этотъ разъ, безъ вниманія, переписку, возбужденную ковенскимъ губернскимъ предводителемъ, ибо хотя она и незаконна, но не имѣла особыхъ послѣдствій.

Я не коснулся самой сущности возраженій, представленныхъ обоими предводителями, потому, что окончательное по сему предмету разрѣшеніе еще не послѣдовало. Но, прочитавъ внимательно полученныя бу-

маги, не могу не замѣтить, что въ присланныхъ отзывахъ главное, и можно сказать самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постояннаго наслѣдственнаго пользованія инвентарными ихъ участками; тогда какъ, съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, бывшихъ по сему предмету въ главномъ комитетѣ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ постоянное пользованіе землею, какъ для обезпеченія ихъ быта, такъ и для отвращенія по возможности опасной подвижности и обезземеленія сельскаго населенія. Все это не безъ извѣстно вашему высокопревосходительству, ибо еще въ 1854 году, исполняя всемилостивѣйшія предначертанія государя императора, вы были однимъ изъ первыхъ дѣятелей въ крестьянскомъ дѣлѣ, вы склонили дворянъ Литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, вмѣсто безполезнаго исправленія инвентарей; послѣ того, вы участвовали въ составленіи перваго рескрипта и перваго циркуляра, въ которомъ выражено коренное начало сохраненія надѣла въ постоянномъ пользованіи крестьянъ; наконецъ, подъ руководствомъ вашимъ, Виленская общая коммиссія приняла и развила это самое начало, согласно съ видами правительства и съ особенностями Литовскихъ губерній, гдѣ поземельный вопросъ рѣшенъ уже въ этомъ смыслѣ прежнимъ инвентарнымъ порядкомъ и конечно не можетъ перерѣшиться къ ущербу крестьянъ, по поводу предпринятаго улучшенія ихъ быта. Между тѣмъ, нынѣшніе протесты г.г. предводителей Домейко и Довгирда имѣютъ совершенно противуположное направленіе. Отвергая наслѣдственное постоянное пользованіе крестьянъ инвентарными ихъ участками, стараясь при томъ значительно сократить нынѣшній крестьянскій надѣлъ, утвержденный дѣйствующими инвентарями и древнимъ обычаемъ, и, наконецъ, устраняя отдѣльный выкупъ крестьянами усадебной ихъ осѣдлости, г.г. предводители, быть можетъ безсознательно, стремятся къ удержанію крестьянъ въ той вещественной зависимости отъ помѣстнаго дворянства, которая, во ввѣренномъ вамъ краѣ, могла бы сдѣлаться крайне опасною и въ политическомъ отношеніи. Посему мнѣ остается только покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство при всякомъ удобномъ случаѣ отклонять подобныя неправильныя толкованія правительственныхъ видовъ, которыя неоднократно заявлялись по высочайшей волѣ и въ свое время были столь ревностно поддерживаемы вами.

Въ заключеніе мнѣ остается присовокупить, что, согласно желанію вашего высокопревосходительства, я представлялъ на высочайшее благоусмотрѣніе его императорскаго величества какъ письмо ваше ко мнѣ, такъ и настоящій мой отзывъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Ланской.

Письмо М. Н. Муравьева Н. А. Милютину.

25-го сентября 1863 г. № 2237.

Милостивый государь
Николай Алексѣевичъ.

До свѣдѣнія моего доходитъ, что ваше превосходительство особо занимаетесь теперь дѣломъ устройства крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.

Предметъ этотъ чрезвычайно важенъ для будущаго утвержденія нашего владычества въ царствѣ Польскомъ, а особенно въ Западномъ краѣ. Сельское населеніе есть единственная наша тамъ опора; прочія сословія явно намъ враждебны, угнетаютъ крестьянъ и стараются возстановить ихъ противъ насъ. Я дѣлаю здѣсь все, что могу, чтобы дать сельскому населенію самостоятельный и независимый бытъ и отнять у помѣщиковъ возможность угнетать оное;—кажется, что начинаю достигать до желаемаго результата.

Крестьяне это чувствуютъ и почти повсемѣстно во ввѣренныхъ мнѣ шести губерніяхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, содѣйствуютъ правительству къ подавленію мятежа и крамолы.

Въ царствѣ Польскомъ дѣло труднѣе, но я не считаю его невозможнымъ. Я послалъ уже во ввѣренную моему управленію Августовскую губернію особенную коммиссію для составленія предположенія объ исторженіи изъ рукъ помѣщиковъ и управленія гминныхъ войтовъ тамошняго сельскаго населенія, а также объ измѣненіи принятаго тамъ порядка очиншеванія.

Надѣюсь скоро получить подробныя по этому свѣдѣнія, чтобы приступить къ дѣлу, ибо медлить этимъ нельзя. Не знаю, удастся-ли мнѣ достигнуть въ Августовской губерніи желаемаго результата, но крайней мѣрѣ употребены къ тому возможныя усилія, знаю только, что и тамъ крестьяне къ намъ расположены, надобно только уничтожить наведенный тамъ страхъ отъ убійствъ и истязаній, производимыхъ надъ сельскимъ населеніемъ революціонною партіею.

Душевно желая, чтобы это важное дѣло устройства крестьянъ, какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ царствѣ Польскомъ, вполнѣ бы обезпечило будущее владычество наше въ этомъ краѣ,—я съ радостью услышалъ, что предположенія по царству Польскому поручены вашему превосходительству, ибо вполнѣ увѣренъ, что если можно еще что сдѣлать въ этомъ отношеніи въ царствѣ Польскомъ, то конечно вы сего достигнете.

Мы должны идти въ семъ важномъ дѣлѣ рука объ руку; я съ совершенною искренностью предлагаю свое содѣйствіе.

Мы желаемъ одного,—пользы Россіи, и, безъ всякаго сомнѣнія, даже и могущее тогда произойти разномысліе не повредитъ дѣлу, но послужитъ къ выясненію онаго.

Я призналъ нужнымъ сообщить вамъ о всемъ вышесказанномъ и о полной готовности моей содѣйствовать вамъ по крайнему моему разумѣнію, оставаясь въ увѣренности, что ваше превосходительство съ такою же искренностью присоедините и свои силы для общаго нашего дѣйствія къ устройству сказаннаго дѣла.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ.

Отвѣтъ Н. А. Милютина М. Н. Муравьеву на его письмо отъ 25-го сентября 1863 г.

1-го октября 1863 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь
Михаилъ Николаевичъ.

Позвольте мнѣ отъ глубины души выразить вашему высокопревосходительству искреннѣйшую признательность за ваше благосклонное и радушное письмо. Скажу чистосердечно, что оно придало мнѣ бодрости въ предпринятомъ тяжеломъ трудѣ. Сознавая вполнѣ, какія послѣдствія для Россіи можетъ имѣть въ настоящее время и удачное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, я, при недостаткѣ спеціальныхъ познаній о краѣ и вообще при отсутствіи необходимой подготовки, долго колебался принять дѣятельное участіе въ разработкѣ столь жизненнаго для насъ вопроса. Рѣшившись на это лишь изъ одной вѣрноподданнической покорности къ непремѣнной волѣ государя, я буду, съ истинною благодарностью, пользоваться указаніями вашей опытности и съ своей стороны готовъ всѣми силами содѣйствовать видамъ и предначертаніямъ, выраженнымъ въ вашемъ письмѣ ко мнѣ.

Застигнутый, такъ сказать, врасплохъ, я долженъ былъ прежде всего ознакомиться съ нынѣшнимъ положеніемъ польскаго крестьянскаго дѣла, чѣмъ и занялся первоначально по имѣющимся здѣсь матеріаламъ. Въ началѣ будущей недѣли предполагаю выѣхать отсюда, и если не встрѣтится неожиданныхъ препятствій, то въ середу утромъ (9-го октября) надѣюсь явиться въ Вильнѣ къ вашему высокопревосходительству, чтобы переговорить обо всѣхъ подробностяхъ дѣла и лично условиться на счетъ дальнѣйшаго его направленія.

Съ высочайшаго соизволенія, въ предстоящихъ мнѣ работахъ согласились участвовать извѣстные вамъ чиновники министерства государственныхъ имуществъ дѣйствительные статскіе совѣтники Протопоповъ

и Петерсонъ, а также бывшіе мои сотрудники Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій.

Принося еще разъ благодарность за нравственную поддержку, оказанную вашимъ высокопревосходительствомъ при самомъ приступѣ нашемъ къ дѣлу, пользуюсь случаемъ, чтобы удостовѣрить васъ въ чувствахъ отличнаго моего уваженія и совершенной преданности.

Николай Милютинъ.

Письмо М. Н. Муравьева къ епископу калужскóму съ просьбой о присылкѣ въ С.-Западный край: воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній для занятія должностей волостныхъ писарей и сельскихъ учителей [1]).

18-го декабря 1863 г.

Съ подавленіемъ мятежа въ высочайше ввѣренномъ управленію моему краѣ, озабочиваясь упроченіемъ, на будущее время, спокойствія въ оном, я нахожу, что вѣрнѣйшимъ залогомъ онаго есть утвержденіе въ сѣверо-западныхъ нашихъ провинціяхъ русскаго начала, которое, заключаясь здѣсь до нынѣ въ одномъ только крестьянскомъ сословіи и будучи слабо малочисленно въ другихъ, болѣе образованныхъ сословіяхъ, уступало, по этой причинѣ, нравственный перевѣсъ враждебному намъ польскому элементу. Перевѣсъ этотъ болѣе всего злокачественно отразился на крестьянскомъ сословіи, бывшемъ до настоящаго времени подъ гнетомъ польскихъ помѣщиковъ, которые, поставляя отъ себя по волостямъ и селеніямъ управляющихъ, экономовъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, направляли чрезъ нихъ нравственное развитіе крестьянъ сообразно съ своими религіозно-политическими цѣлями. Принявъ мѣры къ устраненію вреднаго вліянія на народъ польской партіи, старающейся возстановить противъ насъ крестьянъ, и озабочиваясь, чтобы, съ совершеннымъ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній между здѣшними помѣщиками и крестьянами, поставить сихъ послѣднихъ внѣ всякой зависимости отъ бывшихъ ихъ владѣльцевъ и сообщить ихъ мѣстному сельскому управленію самобытный характеръ, основанный на родномъ ихъ русскомъ началѣ, я сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ по волостямъ новыхъ выборовъ на должности по сельскому управленію, устранивъ отъ оныхъ всѣхъ тѣхъ, которые могли бы зловредно вліять на народъ, вопреки его собственнымъ и государственнымъ интересамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая

[1]) Подобныя же письма (почти дословно) были посланы Филарету, митрополиту московскому, епископу тульскому, рязанскому, костромскому.

важнымъ въ сельскомъ быту званіе волостныхъ писарей, имѣющихъ, по своей грамотности, большое вліяніе на общественныя дѣла въ волостяхъ, я предписалъ во всѣхъ губерніяхъ ввѣреннаго мнѣ края—удалить сельскихъ писарей, неблагонадежныхъ по своему образу мыслей и направленію, и замѣнить ихъ болѣе благонадежными, а равно стараться замѣщать эти должности лицами русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія. Для достиженія сей послѣдней цѣли встрѣчается въ этомъ краѣ значительное затрудненіе, потому что изъ крестьянскаго сословія, по причинѣ слабаго распространенія между народомъ русской грамотности, весьма мало находится такихъ, которые были бы въ состояніи исполнить должность сельскихъ писарей; въ другихъ же сословіяхъ русскій элементъ такъ малочисленъ, что не въ состояніи пополнить собою убылыя мѣста, за отрѣшеніемъ писарей польскаго происхожденія. Вслѣдствіе сего, обращаясь къ вашему преосвященству, я имѣю честь покорнѣйше просить вашего содѣйствія, не признаете-ли вы возможнымъ приказать распорядиться о приглашеніи къ занятію должностей волостныхъ писарей въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края тѣхъ изъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ Калужской епархіи, которые при свой благонадежности, хорошей нравственности и благонамѣренномъ направленіи, лишены возможности, по недостаточному состоянію или по другимъ причинамъ, продолжать высшій курсъ наукъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица эти, поступивъ на должности волостныхъ писарей въ здѣшнемъ краѣ могли бы, если окажутся способными, независимо отъ сей должности, занять мѣста сельскихъ учителей, въ которыхъ ощущается сильный недостатокъ, какъ въ здѣшнемъ краѣ, такъ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Принося, такимъ образомъ, двойную пользу обществу, среди котораго будутъ находиться, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечатъ и свой матеріальный бытъ, получая содержаніе, присвоенное обѣимъ должностямъ. Полагая, что въ виду необходимости утвержденія русскаго элемента въ здѣшнемъ сельскомъ населеніи на твердыхъ началахъ православія, искони господствующаго здѣсь, но подавленнаго неблагопріятными для края политическими обстоятельствами и насильственнымъ вторженіемъ католической пропаганды, ваше преосвященство не откажете въ содѣйствіи своемъ къ осуществленію приведенной мною выше мѣры, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ почтить меня увѣдомленіемъ, на какое количество молодыхъ людей ввѣренной вамъ епархіи можно разсчитывать при распредѣленіи должностей волостныхъ писарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и учителей сельскихъ школъ, дабы, сообразясь съ полученными отъ васъ свѣдѣніями, я могъ приступить къ надлежащимъ по этому предмету распоряженіямъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ

Письмо гр. М. Н. Муравьева министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву объ устройствѣ быта крестьянъ Сѣверо-Запад. края.

Милостивый Государь

Петръ Александровичъ!

При вступленіи моемъ въ управленіе здѣшнимъ краемъ, я обратилъ особенное вниманіе на положеніе, въ которомъ находилось тогда мѣстное сельское населеніе. Вниманіе мое было обращено преимущественно на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ быту коихъ, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа 1-го марта должна была совершиться коренная реформа. Крестьянское сословіе съ самаго начала происходящаго здѣсь мятежа, несмотря на постоянныя и настойчивыя старанія бывшихъ мировыхъ посредниковъ, помѣщиковъ и ксендзовъ привлечь народъ къ участію въ безпорядкахъ, осталось за рѣдкими исключеніями, вѣрнымъ законному своему правительству.

Вѣрность свою государю здѣшній народъ доказалъ на самомъ дѣлѣ, не поддаваясь заманчивымъ для него обѣщаніямъ злонамѣренныхъ подстрекателей, многочисленными жертвами, павшими отъ злобы и звѣрства мятежниковъ, и, наконецъ, принятіемъ участія въ подавленіи мятежа, чрезъ скорое устройство сельскихъ карауловъ.

Событія, совершившіяся въ здѣшнемъ краѣ въ теченіе послѣдней половины нынѣшняго столѣтія, и настоящія обстоятельства убѣждаютъ меня, что единственною прочною связью этого края съ Россіей можетъ и должно быть одно только крестьянское сословіе, которое, несмотря на угрозы, жестокости и иногда разоренія отъ мятежниковъ, продолжаетъ оставаться вѣрнымъ своему долгу.

Крестьянское дѣло, со времени обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года, развивалось въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи. Можно почти съ достовѣрностію сказать, что благодѣтельный законъ, улучшившій бытъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ, оставался здѣсь мертвою буквою. Мировые посредники изъ здѣшнихъ дворянъ-помѣщиковъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должности, старались всѣми зависящими отъ нихъ способами положить преграду къ развитію самостоятельной жизни крестьянъ съ явною ихъ худоскрываемою цѣлію, оставить ихъ надолго въ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствія мировыхъ учрежденій носили на себѣ отпечатокъ или польской революціонной пропаганды, или угнетанія народа, съ тѣмъ, чтобы доказать ему, что дѣйствительное облегченіе своей участи они могли ожидать не отъ правительства, а только отъ бывшихъ своихъ помѣщиковъ.

Такое положеніе дѣлъ побудило меня, какъ извѣстно вашему превосходительству, закрыть прежнія мировыя учрежденія, замѣнивъ ихъ, по мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи моемъ средствъ, чиновниками отъ правительства изъ русскихъ уроженцевъ. Вступленіе новыхъ лицъ въ отправленіе своихъ обязанностей и открытіе дѣйствій провѣрочныхъ коммиссій немедленно обнаружили, до какой степени были злонамѣренны дѣйствія прежнихъ мировыхъ учрежденій.

Находя, что при обязательномъ выкупѣ крестьянами предоставленныхъ имъ въ собственность угодій необходимо приступить къ окончательному по возможности устройству сельскаго населенія и еще болѣе укрѣпить въ немъ чувство благодарности и преданности правительству, должно принять нѣкоторыя мѣры, настоятельная потребность коихъ вызывалась въ тѣхъ видахъ, что только въ одномъ сельскомъ населеніи Россія можетъ найти опору къ своему преобладанію въ этомъ краѣ и только при помощи его оно будетъ имѣть возможность противодѣйствовать польскимъ стремленіямъ дворянства и духовенства. Въ обыкновенное, не столько смутное время, мѣры эти не могли бы быть примѣняемы съ успѣхомъ, не возбудивъ неудовольствія, но при настоящихъ обстоятельствахъ онѣ возможны и положительно необходимы и непремѣнно послужатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ совершенному умиротворенію края и положатъ конечный предѣлъ преступнымъ намѣреніямъ помѣщиковъ-возмутителей, которые такъ долго и такъ безнаказанно обманывали народъ, умышленно скрывая отъ него права и льготы, дарованныя ему законодательствомъ 19-го февраля.

По полученнымъ мною донесеніямъ и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ начальниками губерній и мировыми посредниками, большая часть уставныхъ грамотъ составлены неправильно, повинности крестьянъ исчислены не вѣрно, въ весьма многихъ имѣніяхъ крестьянамъ не отведено земель, слѣдующихъ имъ по мѣстному положенію, и почти повсемѣстно неудобныя земли и какъ неисключенныя изъ надѣла обложены повинностями наравнѣ съ удобною. Въ такомъ, ясно противозаконномъ примѣненіи Положенія слѣдуетъ искать начала и тѣхъ многочисленныхъ безпорядковъ, которые возникли въ здѣшнихъ губерніяхъ при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ.

Обстоятельство это побудило меня предоставить провѣрочнымъ коммиссіямъ право исправлять всѣ замѣченныя ими неточности и отводить крестьянамъ слѣдующія имъ по мѣстному положенію земли. Въ инфлянтскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ нѣкоторые еще изъ дворянъ-помѣщиковъ состоятъ на службѣ мировыми посредниками, я призналъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи отъ должностей тѣхъ изъ нихъ, въ участкахъ которыхъ провѣрочными коммиссіями будутъ обнаружены подобныя злоупотребленія.

Допустить оставленіе уставныхъ грамотъ безъ измѣненія я не считалъ возможнымъ, такъ какъ на этихъ существенно важныхъ для каждаго имѣнія данныхъ должно было опираться составленіе выкупныхъ актовъ и, слѣдов., будущее поземельное устройство крестьянъ. Сверхъ того распоряженіемъ моимъ объ ихъ исправленіи и окончательномъ отводѣ земель, слѣдующихъ крестьянамъ по мѣстному положенію, помѣщики лишатся на будущее время возможности подъ видомъ благодѣяній переманивать народъ на свою сторону, возвращая ему тѣ же угодья, коими онъ долженъ нынѣ же воспользоваться по праву. Крестьяне же, какъ неудовлетворенные въ своихъ ожиданіяхъ, имѣли бы справедливый поводъ къ ропоту и неудовольствію. Другая мѣра, заключающаяся въ предоставленіи губернскимъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ права принимать и разбирать жалобы крестьянъ на отобраніе у нихъ помѣщиками земельныхъ участковъ, въ промежутокъ времени отъ составленія инвентарей до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, вызвана тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что безземельные крестьяне, какъ ничѣмъ не обезпеченные, по легковѣрію своему уступая обѣщаніямъ и угрозамъ мятежниковъ, приняли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ участіе въ безпорядкахъ.

Подтвержденіемъ сего служатъ какъ донесенія мѣстныхъ начальниковъ, такъ и неоднократно заявленныя мнѣ волостными старшинами свѣдѣнія, что только безземельный крестьянинъ какъ ничего не лишающійся и надѣявшійся на полученіе дароваго надѣла земли, могъ поддаться ложнымъ и заманчивымъ для него обѣщаніямъ крамольниковъ и ксендзовъ.

И такъ послѣдовавшія отъ меня распоряженія, вызванные крайнею необходимостью, имѣли цѣлью какъ устройство быта сельскаго населенія, такъ и отнятіе на будущее время у революціи всѣхъ средствъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ. Ограждая, на сколько представляетъ въ настоящее время возможность, сельское населеніе отъ того гнета и униженія, въ которомъ оно такъ долго находилось, я полагаю прочное основаніе владычеству Россіи въ здѣшнемъ краѣ и будущему преуспѣянію народа въ нравственномъ и экономическомъ его развитіи.

Настоящее положеніе края оправдываетъ вполнѣ мои распоряженія и даетъ возможность приводить ихъ въ исполненіе. Спустя два или три мѣсяца, т. е. при большемъ успокоеніи края, они будутъ уже несвоевременны и невозможны.

Я убѣжденъ также, что временное неудовольствіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ уступитъ впослѣдствіи, при болѣе хладнокровномъ обсужденіи дѣла и его результатовъ, чувству справедливости, такъ какъ только при подобномъ образѣ дѣйствій можетъ быть въ будущемъ обезпечена

собственность и личность каждаго благонадежнаго владѣльца, не принимавшаго участіе въ крамолѣ и потрясеніяхъ, произведенныхъ при содѣйствіи здѣшняго польскаго дворянства, которое, повинуясь приказаніямъ мятежныхъ властей, не колебалось возбудить всѣхъ вообще крестьянъ къ возстанію обѣщаніями даровато надѣла.

Надѣленіе землею крестьянъ, лишившихся своихъ устастковъ по произволу владѣльцевъ, и устройство остальныхъ на болѣе широкихъ и справедливыхъ основаніяхъ будетъ залогомъ къ спокойствію и умиротворенію Сѣверо-Западнаго края, и народъ, пережившій въ послѣднее время такъ много тяжкихъ испытаній, сдѣлается твердымъ оплотомъ противъ той части дворянства и римско-католическаго духовенства, которая, покоряясь нынѣ силѣ предпринятыхъ для уничтоженія революціи мѣръ, не перестаетъ однакожъ въ тайнѣ оставаться враждебною нашему правительству.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

№ 1649. Муравьевъ.

23 августа 1863 года.

Записка гр. Муравьева господину министру внутреннихъ дѣлъ относительно устройства быта безземельныхъ крестьянъ (батраковъ и кутниковъ Сѣверо-Западнаго края. Отъ 21-го апрѣля 1865 г. за № 292).

Вниманіе мое постоянно было обращено на необходимость принять мѣры къ устройству быта безземельныхъ крестьянъ, какъ въ виду бѣдственнаго ихъ положенія, такъ равно и въ виду политическихъ событій въ краѣ за послѣднее время.

Безземельные крестьяне, составляя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и въ особенности въ Ковенской губерніи, многочисленный классъ батраковъ и кутниковъ, представляютъ собой подвижной элементъ, всегда готовый поддаться лживымъ и заманчивымъ обѣщаніямъ проводниковъ революціи; классъ этихъ людей, ничѣмъ не обезпеченный и не связанный, не можетъ воплощать идеи консерватизма, а напротивъ того являлся всегда поборникомъ и участникомъ всѣхъ безпорядковъ, и въ настоящее время безземельные первые вербовались въ мятежническія шайки, тогда какъ осѣдлые крестьяне остались вѣрными своему долгу и являлись опорою правительства.

Достаточно однихъ послѣднихъ событій, чтобы убѣдиться въ необходимости отстранить этотъ мѣстный элементъ, въ которомъ враждебная намъ революціонная партія могла бы на будущее время найти

опору для возобновленія неоднократно повторявшагося въ здѣшнемъ краѣ мятежа.

При устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости на основаніи высочайшаго указа 1-го марта 1863 года, я обратилъ особенное вниманіе на тѣхъ крестьянъ, которые лишились своихъ участковъ по произволу помѣщиковъ и остались ничѣмъ не обезпеченные. Сдѣланнымъ мною распоряженіемъ я старался обезпечить возможно большее число крестьянъ землею и, предоставляя имъ прочную осѣдлость, положить предѣлъ бродяжничеству, нищенству и тунеядству. Такимъ образомъ, всѣ семейства крестьянъ, записанныхъ по инвентарю пользующимися землею, получаютъ таковую на правѣ выкупа, но оставшееся затѣмъ количество безземельныхъ крестьянъ также требуетъ о себѣ попеченія правительства, тѣмъ болѣе, что на нихъ лежатъ наравнѣ съ крестьянами, надѣленными землею, всѣ казенныя и частныя денежныя и рекрутскія повинности, тогда какъ рядомъ съ этимъ, крестьянамъ, надѣленнымъ 3-хъ десятинными участками, предоставлена 6-ти лѣтняя въ семъ случаѣ льгота.

Изъ получаемыхъ свѣдѣній отъ повѣрочныхъ коммиссій видно, что распоряженіе о возвращеніи земель обняло только небольшое число безземельныхъ крестьянъ. Значительное же число ихъ осталось необезпеченнымъ, а именно всѣ тѣ крестьяне, которые были обезземелены до 1846 года, затѣмъ всѣ тѣ крестьяне, кои не были записаны по инвентарю въ числѣ домохозяевъ съ ихъ нисходящимъ потомствомъ, наконецъ, такъ называемые примаки и сдольники.

Вслѣдствіе исторіи образованія этого класса людей, они неминуемо сохранили сознаніе права на землю; обнародованіе манифеста 19-го февраля подкрѣпило въ нихъ это сознаніе, наконецъ, нѣкоторыя статьи мѣстнаго положенія, допуская въ извѣстныхъ случаяхъ батраковъ къ пользованію землею, породили въ нихъ надежду на полученіе надѣла. число подаваемыхъ прошеній это доказываетъ. Ожиданіе это обусловливало до сихъ поръ тотъ фактъ, что они оставались по большей части при прежнихъ хозяевахъ, считаясь при тѣхъ семействахъ не только по ревизіи, но и по уставнымъ грамотамъ.

Наконецъ, крестьянское дѣло, первоначально направляемое дѣятелями мѣстныхъ мировыхъ учрежденій, развилось исключительно въ своекорыстныхъ сословныхъ интересахъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія закона, стремящагося поселить въ народѣ понятіе, что только одни домохозяева имѣютъ право на землю, явился тотъ грустный фактъ, что стремленіе къ обезземеленію развилось между крестьянами-домохозяевами почти что на основаніи права сильнаго, по которому въ одномъ случаѣ отецъ выгоняетъ изъ дома сына, а въ другомъ сынъ отказываетъ отцу въ пользованіи зем-

лею. Явленіе это особенно часто встрѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ плодородіе почвы обусловливаетъ выгоду пріобрѣтенія земли. Ковенскій губернаторъ при объѣздѣ Шавельскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ повсемѣстно слышалъ жалобы крестьянъ на лишеніе ихъ земли и принужденіе заключать контракты на работу по три дня въ недѣлю за огородъ въ одну десятину и за пользованіе пастбищемъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время при допущеніи развиваться такому ненормальному понятію права на владѣніе землею окажется, что собственно надѣленныхъ землею крестьянъ едва-ли будетъ и четвертая часть всего населенія крестьянъ-собственниковъ.

Находя, что понятіе о правѣ на землю всѣхъ членовъ семейства, согласно 81 ст. мѣстн. полож., не лишено основанія, я сдѣлалъ распоряженіе о пресѣченіи ложнаго пониманія объ исключительномъ правѣ на землю одного домохозяина и признаю необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться переходнымъ состояніемъ крестьянъ, чтобы устроить по возможности быть безземельныхъ, ограничивъ пользованіе ихъ хотя бы усадебною осѣдлостію и небольшимъ пространствомъ земли, чтобы избавить ихъ отъ новой крѣпостной зависимости крестьянъ-домохозяевъ. Средство къ тому заключается въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года, при обнародованіи которыхъ законъ, отдавая въ постоянное пользованіе крестьянъ за повинность всю ту землю, которой они пользовались, постановилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что общее количество крестьянской земли можетъ быть уменьшено въ извѣстномъ случаѣ на $^1/_6$ часть, обязательно тогда отрѣзаемую отъ нихъ въ пользу помѣщика, слѣдовательно, гарантировалъ имъ собственно пользованіе только $^5/_6$ всего надѣла. Таковой отрѣзки произведено не было, а потому нисколько не подрывая силу закона, не уменьшая общаго количества крестьянскаго надѣла и не нарушая правъ собственности помѣщиковъ, я полагалъ бы возможнымъ обязать общества въ настоящее время тѣхъ имѣній, гдѣ это представится необходимымъ, отдѣлить до $^1/_6$ части количества земли, предоставленнаго всему сельскому обществу въ пользу безземельныхъ членовъ онаго, которые по грамотамъ считаются пользующимися въ участкахъ домохозяевъ, распредѣливъ таковую между ними участками въ размѣрѣ не свыше 3-хъ десятинъ на семейство на общемъ основаніи выкупа, съ слѣдующими при томъ условіями: 1) если часть всего количества надѣла, предоставленнаго всему сельскому обществу, будетъ превышать требуемое количество земли для надѣленія безземельныхъ крестьянъ данной деревни 3-хъ десятинными участками, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отрѣзать только до требуемаго размѣра. 2) Если же одной шестой части крестьянскаго надѣла будетъ недостаточно для надѣленія всѣхъ безземельныхъ данной деревни трехъ-

десятинными участками, то земля дѣлится между ними поровну участками и въ меньшихъ размѣрахъ.

Мѣра эта, при живучести въ народѣ понятія о правѣ каждаго члена общества на землю, не можетъ представлять затрудненія въ ея исполненіи по необходимости произвести внутреннее разверстаніе участковъ для управленія между крестьянскими семействами. Разсчеты же выкупныхъ платежей еще менѣе представляютъ затрудненія, такъ какъ и нынѣ платежи вносятся по цѣлому сельскому обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ не отозваться благодѣтельно, какъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, такъ и для правительства. Первымъ она обезпечитъ навсегда потребное количество рукъ для дешовой обработки земли, потому что крестьяне эти, получая почти что одну осѣдлость, неминуемо должны будутъ искать себѣ заработковъ (для прокормленія семейства и для уплаты лежащихъ на нихъ повинностей), всегда предпочтутъ дешевую домашнюю работу болѣе дорогой, но гдѣ-нибудь на сторонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣра эта прекратитъ возможность въ будущемъ эксплоатировать трудъ крестьянъ и подъ старость оставлять ихъ безъ крова и насущнаго хлѣба. Съ государства же снимется тяжкое бремя опеки надъ этими пролетаріями.

Сообщая вашему превосходительству настоящія мои соображенія объ устройствѣ безземельныхъ крестьянъ Сѣверо-Западнаго края, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, представить ихъ на усмотрѣніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Подлинное подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи М. Муравьевъ. Скрѣпилъ управляющій коммиссіею по крестьянскимъ дѣламъ Левшинъ.

Сообщилъ **А. Миловидовъ.**

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1]).

IV.

Коснувшись, довольно кратко, вопроса о состояніи искусства въ Московскомъ государствѣ, въ описываемую эпоху, и о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли на него иноземные мастера, начиная съ грековъ, первыхъ строителей московскихъ храмовъ, и кончая италіанцами, которые, несмотря на ненависть русскихъ ко всему западному, приглашались въ Москву уже въ XV и XVI в. для сооруженія церквей и царскихъ палатъ, Валишевскій задаетъ вопросъ, существовало-ли вообще въ Россіи искусство, какъ проявленіе самостоятельнаго народнаго творчества?

Не отказывая русскому народу въ нѣкоторомъ художественномъ дарованіи, онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ того взгляда, который отрицаетъ всякую самобытность русскихъ поэтическихъ и художественныхъ произведеній.

«Если присмотрѣться внимательнѣе,—говоритъ онъ,—то отличительную черту русской поэзіи и русской орнаментаціи, которыя многіе считаютъ самобытными, составляетъ именно отсутствіе всякой оригинальности; въ нихъ видна только подражательность и величайшая скудость, чтобы не сказать полное отсутствіе мотивовъ, заимствованныхъ у окружающей жизни и природы».

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1904 г.

Издѣліямъ русскихъ кустарей, въ которыхъ большинство русскихъ и даже иностранныхъ писателей видятъ проявленіе самостоятельной творческой фантазіи народа, онъ также не придаетъ художественнаго значенія.

«Возьмемъ, напр., платокъ, вышитый какой-нибудь крестьянкой Тверской губерніи,—говоритъ онъ,—его изящный рисунокъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи заимствованнымъ изъ Персіи; также точно какъ какая-нибудь изящно выточенная чашка напоминаетъ формою индѣйскую чашу».

«Русскіе, лишенные изобрѣтательности и художественнаго чувства, не только не вносили въ свои произведенія чего-либо своего, національнаго, но ограничивались только тѣмъ, что подражали, прилаживали и обезображивали (ils n'ont fait que copier, ajuster et défigurer), искажая художественные образцы, и при полномъ отсутствіи вдохновенія, давали одни плохія копіи съ оригинала».

«Природа и историческія условія не давали въ Россіи возможности развиться искусству, такъ какъ художникамъ (занимавшимся въ то время исключительно иконописью) указывалось на Византію, съ ея застывшими и обветшавшими идеалами, какъ на единственный источникъ вдохновенія; въ нѣдрахъ православной церкви, которая подавляла всякій видъ умственной дѣятельности, искусство также испытало на себѣ вліяніе аскетизма».

«А между тѣмъ, какъ это ни странно, въ той же духовной или скорѣе даже въ монашеской средѣ зародились въ XV и XVI вѣкѣ идеи и стремленія, коимъ суждено было внести обновленіе въ духовный міръ государства, которое начало дряхлѣть, не успѣвъ еще достигнуть полнаго расцвѣта своихъ духовныхъ силъ.

«Какъ обособленно ни жила Россія, какъ она ни была мало доступна внѣшнимъ вліяніямъ, все же она не могла остаться совершенно чуждой тому реформаторскому движенію, которое охватило въ ту пору Европу. Въ Новгородской губерніи, этой колыбели и послѣднемъ убѣжищѣ русской вольности, уже въ исходѣ XIV в. зародилось умственное движеніе, распространившееся съ теченіемъ времени далеко за предѣлы Новгородскаго края.

«Начало его можетъ быть отнесено къ 1376 году, когда въ вольномъ городѣ Новгородѣ были казнены, или по просту сброшены въ Волховъ съ моста, три еретика, основавшіе секту стригольниковъ, которая отвергала священство, такъ какъ оно поставлялось «на маздѣ» (продажѣ духовныхъ званій и мѣстъ), и самыя таинства.

«Господствующая церковь быстро подавила распространеніе этой ереси, но не могла искоренить ее окончательно; стригольники заставили говорить о себѣ еще во второй половинѣ XV в., когда ихъ ученіе

почерпнуло новую силу въ появившихся въ то время сочиненіяхъ духовнаго содержанія, также византійскаго происхожденія, но написанныхъ въ болѣе независимомъ духѣ; въ нихъ указывалось на нѣкоторыя прискорбныя стороны религіозной жизни, осуждался чрезмѣрный аскетизмъ, который могъ низвести вѣру и благочестіе на матеріальную степень, въ ущербъ духовной сторонѣ религіи, и бичевалась испорченность монастырскихъ нравовъ. Одновременно проникли въ Россію ученія нѣкоторыхъ византійскихъ еретиковъ, павликіанъ и богомиловъ, заимствовавшихъ свои идеи у гностиковъ и манихеевъ.

«На этой почвѣ развилось вскорѣ множество еретическихъ ученій, которыя по внѣшнимъ признакамъ, заимствованнымъ еретиками у евреевъ, отвергавшихъ Талмудъ и искавшихъ убѣжища въ Новгородѣ (около 1471), стали извѣстны подъ общимъ названіемъ «жидовствующихъ».

Нѣкоторые изъ этихъ сектантовъ соблюдали даже еврейскую пасху, приняли еврейскій календарь и совершали обрѣзаніе. Всѣ эти секты стремились къ раціонализму, отрицали св. Троицу, загробную жизнь и всѣ внѣшніе обряды православной церкви.

«Появленіе этихъ ересей оказало большую услугу православной церкви,—говоритъ Валишевскій.

«Во-первыхъ, оно заставило духовенство заняться толкованіемъ священнаго писанія, для того чтобы имѣть возможность вести споры съ противниками, а во-вторыхъ, заставило его оглянуться на себя и приступить къ преобразованію своего внутренняго быта».

Всѣ современники свидѣтельствуютъ о страшномъ упадкѣ нравовъ чернаго и бѣлаго духовенства въ XVI вѣкѣ. Пьянство, невоздержанность въ ѣдѣ и разные другіе пороки, несовмѣстные съ иноческой жизнью, составляли обычное явленіе въ монастыряхъ.

Не лучше было и нравственное состояніе бѣлаго духовенства. На соборѣ 1551 г. говорилось о священникахъ, которые совершали богослуженіе не болѣе 5—6 разъ въ годъ, являлись въ церковь въ нетрезвомъ видѣ, ссорились тамъ и читали молитвы, безъ должнаго благочестія. При такомъ отношеніи духовенства, церковь перестала быть молитвеннымъ домомъ, а сдѣлалась мѣстомъ сборища, клубомъ, торжищемъ. Мужчины входили въ церковь, даже во время богослуженія, не снимая шапки, говорили громко, смѣялись, ссорились, устраивали свои дѣла и прерывали церковное пѣніе непотребными словами.

Поэтому неудивительно, что въ средѣ самихъ монастырей, въ наи болѣе просвѣщенныхъ умахъ, возникла мысль о необходимости поднять нравственный уровень духовенства. Но относительно того, какимъ путемъ, какими средствами, можно было достигнуть того, существовали различные взгляды.

*

Такъ, напр., «Иванъ Санинъ, въ монашествѣ Іосифъ Волоцкій, основавшій въ 1479 г. Волоколамскій монастырь, внукъ литовскаго перебѣжчика, полагалъ, что этого нравственнаго подъема можно было достигнуть, вернувшись къ строгому соблюденію старыхъ правилъ. По своему образованію, онъ принадлежалъ къ типу старинныхъ русскихъ книжниковъ, которые отличались полнымъ отсутствіемъ критическаго ума и преклоненіемъ передъ стариною, передъ тѣмъ, «что было прежде». Но подобные взгляды не могли удовлетворить всѣхъ.

«Изъ глубины скитовъ, которые появились въ XIV в. на сѣверѣ и быстро умножались, пронеслась въ Россіи струя новыхъ болѣе идеальныхъ вѣяній.

«Представителемъ этихъ новыхъ взглядовъ былъ Нилъ Сорскій. Происходя изъ стариннаго боярскаго рода Майковыхъ, онъ родился въ 1433 г., прожилъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, а затѣмъ основалъ въ окрестностяхъ Бѣлаго озера, по близости отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, скитъ, на рѣчкѣ Соркѣ, по имени котораго онъ и сталъ называться. Нилъ много путешествовалъ, много и съ большимъ толкомъ читалъ и, подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ имъ такимъ путемъ знаній, изъ книжника и начетчика выработался настоящій богословъ, дошедшій до сознанія, что «не все то свято, что написано въ книгахъ», и осмѣлившійся отвергать непреложность письменныхъ свидѣтельствъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимало большинство современниковъ, т. е. независимо отъ источника, изъ котораго заимствовано свидѣтельство, и отъ степени довѣрія, какое заслуживаетъ лицо, высказавшее его. Онъ старался найти въ священномъ писаніи нѣчто болѣе важное, чѣмъ тексты, онъ искалъ въ немъ внутренняго смысла, вдохновенія свыше. Такимъ образомъ, онъ не только высказывалъ совершенно новые взгляды на церковь и на религіозную жизнь, но создалъ новый идеалъ иноческой жизни, состоявшій не въ одномъ буквальномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, но главнымъ образомъ, въ нравственномъ усовершенствованіи».

Сообразно съ этимъ, онъ проповѣдывалъ уединенное пустынно-жительство, которое существовало и ранѣе, но подъ его вліяніемъ получило болѣе широкое развитіе.

Вокругъ Нила Сорскаго собралось вскорѣ нѣсколько сотъ послѣдователей, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Заволжскихъ или Бѣлозерскихъ старцевъ», коихъ жизнь и правила играли видную роль въ религіозномъ движеніи, происходившемъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ.

«Уходя въ скитъ, они не были стѣснены никакими правилами, подчиняясь только нравственному вліянію своего учителя, могли свободно избирать матеріальныя условія и средства къ жизни; единственнымъ, обязательнымъ для нихъ условіемъ была бѣдность, отсутствіе корысти

и «безсловесныхъ (неразумныхъ) попеченій». Этотъ идеалъ жизни былъ совершенной противуположностью тому, что проповѣдывалъ Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи «іосифляне», и между обоими ученіями возгорѣлся споръ, который продолжался во все царствованіе Іоанна Грознаго и даже послѣ его смерти».

На соборѣ 1503 г., созванномъ для рѣшенія церковныхъ вопросовъ, Нилъ возсталъ противъ монастырскаго землевладѣнія и богатства, которыя защищалъ Іосифъ Волоцкій; споръ между нестяжателями и любостяжателями окончился побѣдою Іосифа, и Нилъ долженъ былъ удалиться въ свою пустынь.

«Но вопросы, поднятые этими двумя представителями совершенно противуположныхъ міровоззрѣній, продолжали обсуждаться въ литературѣ, и идеи Сорскаго отшельника нашли энергичнаго защитника въ лицѣ Вассіана Косого.

«Въ мірѣ князь Василій Ивановичъ Патрикеевъ-Косой, потомокъ Гедимина и близкій родственникъ царствующаго дома, Вассіанъ Косой остался свѣтскимъ человѣкомъ и въ монашеской рясѣ. Видный государственный дѣятель и дипломатъ, онъ впалъ въ немилость при дворѣ и постригся въ 1499 г., по повелѣнію свыше, но онъ не порвалъ своихъ связей съ міромъ и своихъ дружескихъ отношеній съ людьми свободомыслящими, склонными къ принятію новыхъ еретическихъ ученій, а во время своего вынужденнаго пребыванія на Бѣломъ озерѣ онъ близко сошелся съ Ниломъ Сорскимъ.

Вызванный въ Москву на соборъ 1503 г., онъ рѣшительно принялъ сторону «нестяжателей» и защищалъ ихъ съ искусствомъ и энергіей, коихъ не хватало его противнику Іосифу Волоцкому. Присущій ему писательскій талантъ доставилъ ему видное мѣсто въ ряду немногочисленныхъ публицистовъ древней Руси, хотя онъ ограничивался распространеніемъ чужихъ мыслей.

«Послѣ кончины Нила Сорскаго (1508 г.), Вассіанъ нашелъ сотоварища въ своей борьбѣ съ Волоцкимъ, въ лицѣ Максима Грека, который, трудясь надъ переводомъ и исправленіемъ книгъ, указалъ на многіе источники нравственной испорченности тогдашняго общества.

«Іосифъ Волоцкій сошелъ въ могилу вскорѣ послѣ Сорскаго (1515), но его послѣдователи, іосифляне, продолжали отстаивать его идеи, и на соборѣ 1525 г. Максимъ Грекъ былъ, въ свою очередь, осужденъ, чему способствовали ошибки, вкравшіяся въ его переводные труды, вслѣдствіе недостаточности его научной подготовки и несовершеннаго знанія русскаго языка.

«Онъ встрѣтился въ Волоцкомъ монастырѣ съ Вассіаномъ Патрикеевымъ, который, въ свою очередь, былъ сосланъ въ 1531 г. и провелъ остатокъ своихъ дней въ монастырскомъ заточеніи.

«Лобызаемъ ваши узы, но не можемъ ничего сдѣлать для васъ,— писалъ ему митрополитъ Макарій, еще болѣе тонкій дипломатъ, нежели Вассіанъ, умѣвшій ловко лавировать между двумя враждебными лагерями».

Однако, съ ссылкою этихъ людей, борьба, затѣянная ими, не окончилась.

Въ числѣ лицъ, осужденныхъ и сосланныхъ въ томъ же 1531 г. былъ игуменъ Троицко-Сергіева монастыря Артемій, который возставалъ противъ признаваемаго «іосифлянами» права казнить еретиковъ, въ чемъ онъ сходился съ заволжскими старцами.

«Мы не имѣемъ права судить этихъ несчастныхъ, мы должны только молиться за нихъ»,—писалъ одинъ изъ этихъ схимниковъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ реформамъ, къ обновленію неудовлетворительнаго строя религіозной жизни обнаружилось въ XVI в. въ разныхъ концахъ Россіи; «Заволжскіе старцы» и «іосифляне» стремились разными путями къ переустройству церкви, а сектанты въ родѣ игумена Артемія преслѣдовали одновременно цѣли чисто революціоннаго и разрушительнаго характера. Въ спорахъ, которые они вели, всегда проглядывалъ политическій элементъ.

«Волоцкій былъ ярымъ консерваторомъ не только въ своемъ стараніи поддержать обрядовое благочестіе, но и въ своихъ понятіяхъ о необходимости упрочить извѣстныя отношенія между церковью и государствомъ, которое по его мнѣнію должно было поддерживать церковь, за что̀ послѣдняя, въ свою очередь, должна была проявить по отношенію къ нему полную покорность. Въ этой организаціи монастыри, матеріальное положеніе которыхъ обезпечивалось землевладѣніемъ, получали характеръ государственныхъ учрежденій, являвшихся какъ бы центромъ и разсадникомъ духовной аристократіи; это ученіе, восторжествовавшее надъ болѣе идеалистическимъ ученіемъ Нила Сорскаго, безъ сомнѣнія, не мало способствовало утвержденію самодержавной власти московскихъ князей.

«Заволжскіе старцы» смотрѣли на дѣло иначе. Нилъ Сорскій лично не интересовался этими вопросами. Они были ему чужды, но какъ бы совершенно не существовали для него, съ его чисто христіанской точки зрѣнія. Нравственные принципы, возведенные имъ на недосягаемую высоту, могли мириться съ любой формой политической жизни.

«Но у Вассіана Патрикеева были на этотъ счетъ иные взгляды. Онъ не могъ забыть своего происхожденія, своихъ родныхъ, и подчиненіе неограниченной и безконтрольной политической власти возмущало его боярскую душу. Такимъ образомъ онъ поддерживалъ своимъ личнымъ авторитетомъ и вліяніемъ, которое пріобрѣли его послѣдователи, оппозицію, съ которой московскому самодержавію пришлось вести борьбу

до тѣхъ поръ, пока Іоанну Грозному не удалось сломить ее своей желѣзной дланью».

«Въ борьбѣ, которую самодержавіе вело съ боярской партіей, принимали участіе всѣ вышеуказанные элементы». Побѣда господствующей церкви и самодержавной власти втоптала въ землю и потопила въ потокахъ крови благотворныя сѣмена, о существованіи коихъ въ ту мрачную эпоху русской исторіи свидѣтельствуетъ печальная участь, постигшая нѣкоторыхъ, впрочемъ, мало кому извѣстныхъ героевъ-борцовъ. Эти сѣмена глубоко залегли въ землю, они едва пускаютъ ростки и не скоро еще принесутъ жатву. Но, какъ извѣстно, сѣмена, пролежавъ тысячелѣтія въ египетскихъ пирамидахъ, не утратили своей жизненной силы, и поэтому утѣшительно думать, что подъ вѣковою пылью таятся тѣ благотворные атомы, которые могутъ проявить свою жизненность, когда настанетъ для этого благопріятное время».

Чтобы выяснить нагляднѣе ту обстановку, среди которой разыгралась борьба, на которую намекаетъ авторъ въ вышеприведенныхъ строкахъ и описанію которой посвящена, главнымъ образомъ, его книга, онъ даетъ вслѣдъ затѣмъ картину семейныхъ и общественныхъ нравовъ московской Руси XVI вѣка.

V.

«Татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, не мѣшали русскому народу развиваться,—говоритъ Валишевскій,—напротивъ, они даже навязали ему отчасти свою собственную цивилизацію. Если судить по внѣшнимъ признакамъ, то ихъ вліяніе на русскій народъ было даже очень велико. Взглянувъ на русскаго человѣка XVI вѣка, мы увидимъ, что онъ былъ одѣтъ съ головы до ногъ по восточному образцу.

«Башмакъ, армякъ, зипунъ, кафтанъ, башлыкъ, колпакъ, клобукъ, темлякъ—все это татарскія слова, вошедшія въ употребленіе въ Россіи, точно такъ же, какъ излюбленное русскими слово дуракъ, или кнутъ, казна, караулъ, ямщикъ, кабакъ и т. д.

«Но все это касалось одной внѣшности. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что покоренные, повидимому, довольно скоро смѣшались съ монголами; но въ какой степени монгольская кровь примѣшалась къ русской, рѣшить трудно. Въ русскихъ источникахъ на это не встрѣчается никакихъ указаній; наблюденія же иностранныхъ путешественниковъ противорѣчивы.

«Природные уроженцы Московскаго княжества»,—пишетъ Vigenère (Description du royaume de la Pologne et des pays adjacents, 1573), по большей части невелики ростомъ, но сильны и коренасты; лицо у нихъ бѣлое, глаза зеленоватые, борода длинная, ноги короткія, животъ большой».

Если не считать этого послѣдняго признака, на счетъ котораго согласно большинство очевидцевъ, то портретъ московита далеко не сходится съ описаніемъ другихъ лицъ. Peer Person или Petreus (Voyage. Въ Rerum Rossicarum scriptores exteri, 1851, I т.) встрѣчалъ, по его словамъ, въ Россіи, напротивъ того, только мужчинъ ростомъ въ 6 футъ и женщинъ, которыя привлекали его своими черными глазами, стройнымъ станомъ и маленькими руками съ тонкими длинными пальцами; Дженкинсонъ упоминаетъ также о чудныхъ черныхъ глазахъ русскихъ женщинъ. Что касается цвѣта лица, то это вопросъ еще болѣе спорный. Пирсонъ утверждаетъ, что цвѣтъ лица у нихъ бѣлый отъ природы, но испорченъ притираніями, которыми злоупотребляли красавицы-москвитянки, между тѣмъ какъ Флетчеръ объясняетъ чрезмѣрное употребленіе притираній именно ихъ дурнымъ отъ природы цвѣтомъ лица.

Эти противорѣчивые разсказы объясняются отчасти тѣмъ, что разглядѣть женщинъ высшаго класса, сидѣвшихъ въ теремахъ, и мужчинъ, надѣвавшихъ на себя по нѣсколько одѣяній,—было дѣломъ не легкимъ.

«Ширина одежды соотвѣтствовала у русскихъ дородности стана. Праздность высшаго класса и отсутствіе движенія были причиною того, что мужчины были дородны и имѣли большіе животы и женщины также рано начинали полнѣть.

«Полнота, неразлучная съ идеаломъ жизни въ праздности и довольствѣ, считалась въ Россіи, въ свою очередь, красотою; она цѣнится и до сихъ поръ среди петербургскихъ кучеровъ и московскихъ кумушекъ»,—не безъ иронiи прибавляетъ Валишевскій.

«Любовь къ нарядамъ и заботы о личной красотѣ — вотъ въ чемъ выразилось стремленіе некультурнаго еще народа, къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей и высшихъ проявленій цивилизованной жизни; но подъ своимъ роскошнымъ одѣяніемъ они оставались попрежнему грубы матеріально и нравственно.

«Что касается нравственнаго облика московита, то въ этомъ отношеніи современники говорятъ болѣе единогласно и далеко не въ пользу русскихъ. Да иначе и не могло быть, ибо, какъ подтверждаетъ исторія всѣхъ народовъ, высокое развитіе нравственныхъ качествъ при низкомъ уровнѣ культуры—вещь невозможная.

«Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать,—говоритъ авторъ,—что, при сужденіи о той эпохѣ, приходится пользоваться преимущественно

свидѣтельствомъ иностранцевъ, которые могли быть пристрастны и недоброжелательны къ русскимъ.

«Гордость, плутовство, недовѣрчивость и недобросовѣстность—вотъ тѣ черты характера, которыя подмѣчены всѣми. Московиты простодушно считали себя выше всѣхъ прочихъ людей. Они никогда не скупились на обѣщанія, которыя они не думали держать. У нихъ никто не довѣрялъ другъ другу. Отецъ не довѣрялъ сыну, сынъ матери. Никто не одолжалъ ни полушки безъ залога. Такъ говорятъ нѣмцы Бухау (Buchau) и Ульфельдъ, шведъ Пирсонъ и литовецъ Михалонъ. То же подтверждаютъ англичане Флетчеръ и Дженкинсонъ.

«По истинѣ можно сказать, что русскіе, за весьма малыми и рѣдкими исключеніями, отъ мала до велика не вѣрили тому, что имъ говорятъ и сами не заслуживали ни малѣйшаго довѣрія, такъ говорятъ о нихъ всѣ иностранцы.

«Флетчеръ и Дженкинсонъ были представителями народа, который пользовался въ Московіи привилегированнымъ положеніемъ, поэтому ихъ слова заслуживаютъ всего болѣе довѣрія. Между тѣмъ,—говоритъ Валишевскій,—они отзываются о русскихъ еще хуже другихъ и обвиняютъ ихъ, кромѣ всего, въ жестокости, чему Флетчеръ находитъ, впрочемъ, оправданіе, говоря: «когда судьи и высшіе классы относятся къ народу сурово, то онъ становится жестокъ къ близкимъ и въ особенности къ стоящимъ ниже его».

«Эта черта характера, встрѣчающаяся у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени культуры, усугублялась въ Московіи суровымъ климатомъ, который отнюдь не располагалъ людей къ мягкосердечію. Поэтому русскіе историки напрасно старались видѣть а въ этомъ вину татаръ, которые будто бы испортили нравы и были плохими воспитателями побѣжденнаго народа, который они пріучили къ коварству и насилію.

«Кіевская Русь уже за двѣсти лѣтъ до нашествія татаръ была объята пламенемъ междоусобныхъ войнъ, которыя сами по себѣ способствовали порчѣ нравовъ. Война—по существу вещь жестокая, которая руководствуется своими собственными законами, не совмѣстимыми съ высокими понятіями о чести и съ гражданскими и евангельскими законами; она признаетъ коварство—заслугою, а насиліе добродѣтелью. Нельзя винить татаръ въ томъ, что въ этой странѣ, испоконъ вѣка раздираемой междоусобіями, вмѣсто рыцарства, процвѣтавшаго въ Европѣ, развились грабежи и разбои, которые были опоэтизированы народными сказаніями, воспѣты народными пѣвцами и олицетворены въ образѣ народныхъ героевъ.

«Подъ поверхностнымъ, наноснымъ слоемъ монгольскаго вліянія, на нравы московской Руси имѣлъ вліяніе преимущественно ближайшій

востокъ, Византія, но въ XVI вѣкѣ противъ этого вліянія началась весьма замѣтная реакція. Физическая и нравственная природа русскаго человѣка, изнывавшая подъ тяжелой и строгой ферулой аскетизма, дѣлая усилія, чтобы освободиться отъ этихъ путъ, предавалась, по инерціи, самымъ грубымъ инстинктамъ, самому чудовищному разврату, доходившему до забвенія женщиною всякой стыдливости, въ тѣхъ случаяхъ, когда ей удавалось вырваться изъ стѣнъ терема, въ которомъ протекала ея жизнь».

Это бросалось, разумѣется, въ глаза, при изученіи семейной и общественной жизни Московскаго государства, и вызывало строгое осужденіе.

«Условія жизни, созданныя для женщины московскимъ законодательствомъ и укладомъ жизни, не были продуктомъ воззрѣній славянской расы, которая отводила, напротивъ того, женщинѣ высокое мѣсто. Славянскіе законы, въ противоположность законамъ римскимъ, германскимъ и скандинавскимъ, не допускали понятія о женщинѣ какъ о существѣ низшемъ, которое должно находиться всю жизнь подъ опекою родственниковъ мужскаго пола или даже быть приравниваемой къ вещи, которой можно располагать по своему усмотрѣнію. По законамъ Ярослава гловчизна (цѣна за голову) или пеня за убійство женщины была даже выше, нежели за убійство мужчины, и оба пола пользовались одинаковою юридическою правоспособностью вплоть до изданія судебника Іоанна IV.

«Теремъ, въ которомъ обречена была жить русская женщина, также точно не былъ ни славянскаго, ни азіатскаго происхожденія. Это былъ греко-римскій гинекей, преобразованный на Византійскій ладъ.

«Но теремъ существовалъ во всей полнотѣ только для женщинъ высшаго класса. Въ народѣ женщина была работницей, и ей разрѣшалось работать въ полѣ, мыть бѣлье и совершать разныя другія работы внѣ дома. Даже въ среднемъ классѣ женщина не вела вполнѣ замкнутой жизни. По большимъ праздникамъ мелкопомѣстныя дворянки, купчихи и крестьянки толпились около качелей, которыя устраивались для ихъ забавы, или танцовали на лужайкѣ».

Кому неизвѣстно, какъ заключались въ древней Руси браки, съ неизбѣжными при этомъ смотринами, сговоромъ и всевозможными свадебными обрядами, послѣ чего начиналась для русской женщины замкнутая, домашняя жизнь съ человѣкомъ, котораго она до тѣхъ поръ, большею частью, совсѣмъ не знала.

«Молиться, ѣсть и спать—вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь богатой боярыни, которая, чтобы не умереть со скуки, принималась иногда вышивать какой-нибудь предметъ церковнаго облаченія.

«Но при тогдашнемъ способѣ заключенія брачныхъ узъ, скука была

не самою страшною гостью у домашняго очага. Какую бездну горя порождали браки между людьми, которые до вѣнца даже не видали другъ друга, и какихъ печальныхъ послѣдствій можно было ожидать отъ этого, видно уже потому, что закономъ было предусмотрѣно особое наказаніе для женщины, отравившей своего мужа. И какое это было страшное наказаніе!

«Виновную погребали заживо, оставляя надъ землею только одну голову, чтобы она мучилась какъ можно долѣе. Нѣкоторыя избѣгали этой страшной участи, постригаясь въ монахини, но въ такомъ случаѣ онѣ должны были жить въ отдѣльной кельѣ и носить кандалы.

«И все-таки, не смотря на всю строгость теремной жизни, женщины, не встрѣтившія счастья въ бракѣ, нерѣдко находили утѣшеніе въ преступной любви. Если вѣрить разсказамъ путешественниковъ, то нарушенію супружеской вѣрности не препятствовало даже то отвращеніе, которое въ Россіи питали къ «нехристямъ», какъ называли въ то время всѣхъ иностранцевъ. Одна глава Домостроя, воспрещающая доступъ въ терема разнымъ подозрительнымъ кумушкамъ, какъ бы указываетъ на то, что при ихъ содѣйствіи происходили нерѣдко отступленія отъ слишкомъ строгаго закона. Этихъ кумушекъ, исполнявшихъ роль сводней, можно было встрѣтить постоянно въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ; въ прачешныхъ, на рынкѣ, у водокачалки; ихъ принимали въ то же время въ самыхъ почтенныхъ домахъ, гдѣ онѣ зачастую оказывали услуги и женамъ и мужьямъ.

«Что касается простаго народа, то испорченность нравовъ доходила у него до чудовищныхъ размѣровъ. Отсутствіе всякой скромности и стыдливости у простыхъ женщинъ засвидѣтельствовано всѣми современниками.

«Материнство приносило женщинѣ также мало отрады и хотя уваженіе къ родителямъ считалось залогомъ долгой и счастливой жизни, но почтеніе къ нимъ со стороны дѣтей основывалось повидимому единственно на одномъ страхѣ.

«Эти печальныя семейныя отношенія, которыя не можетъ пройти молчаніемъ ни одинъ изслѣдователь той эпохи, тяготѣли, подобно проклятію надъ всѣмъ прошлымъ русскаго народа, и не давали ему возможности пріобщиться къ цивилизованной жизни прочихъ европейскихъ народовъ.

«Подъ семейной кровлей, подъ которой нерѣдко скрывался настоящій адъ, одна смерть была окружена какимъ-то ореоломъ. Умереть среди семьи въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей считалось благословеніемъ Божіимъ, и всемогущество вѣры было такъ велико, что этотъ моментъ никого не страшилъ. Къ нему готовились задолго, писали завѣщаніе и старались угодить въ эту торжественную

минуту Богу добрыми дѣлами: раздачею милостыни, отпущеніемъ на волю крѣпостныхъ, прощеніемъ долговъ. Это называлось «строить душу». Нерѣдко бывало, что бояре и въ особенности цари принимали, на смертномъ одрѣ, монашескій постригъ. Если человѣкъ, принявшій схимну, выздоравливалъ, то онъ былъ обязанъ удалиться въ монастырь.

«Но и на порогѣ вѣчности, къ христіанскимъ обрядамъ примѣшивались грубые языческіе обычаи, въ родѣ причитаній, и тризны или поминокъ съ неизбѣжной кутьей.

«Разумѣется,—говоритъ Валишевскій,—не взирая на всѣ вышеприведенные отзывы современниковъ, нельзя сказать, чтобы добродѣтель совершенно отсутствовала въ семейной жизни».

Конечно были отрадныя исключенія, но они не могутъ измѣнить общей, весьма безотрадной картины тогдашнихъ нравовъ.

«Любопытною чертою ихъ является чувство солидарности и глубокой преданности къ хозяину, которыя были сильно развиты въ многочисленномъ классѣ служащихъ и прихлебателей, коими окружалъ себя, въ то время, всякій бояринъ; эти слуги, крѣпостные или вольные люди, составляли дворню, среди которой бояринъ розыгрывалъ роль властелина.

«Обыкновенно плохо накормленная, такъ какъ ключникъ не упускалъ случая поживиться изъ денегъ, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе, плохо одѣтая, такъ какъ даже въ великокняжескомъ дворцѣ парадныя ливреи и богатые кафтаны употреблялись лишь въ торжественные дни, дворня зачастую питалась подаяніемъ, или водилась съ разными нищими и бродягами, либо грабила по ночамъ проѣзжихъ.

«Вознаграждаемые и наказуемые хозяиномъ какъ попало, по его доброй волѣ, они имѣли самое смутное представленіе о справедливости, но всегда были готовы пожертвовать за хозяина жизнью. Челядь всегда принимала участіе въ распряхъ, возникавшихъ между боярами, считая это какъ бы вопросомъ личной чести, что̀ напоминало отчасти отношенія, существовавшія между служилыми людьми и монархомъ.

«Обкрадываемый своими слугами, которые подъ часъ готовы были предать его, также точно какъ онъ самъ злоупотреблялъ ихъ личностью, ихъ самыми близкими и дорогими интересами, бояринъ также точно не стѣснялся относительно своего властителя, котораго онъ обманывалъ и грабилъ, когда и сколько могъ, но это не мѣшало ему, въ свою очередь, выказать ему при случаѣ величайшую преданность.

«Іоаннъ Грозный всю жизнь боролся съ вѣроломствомъ своихъ ближайшихъ слугъ, однако всегда находилъ между ними, для выполненія своихъ замысловъ, людей, которые, обладая той особенной нравственностью, которой чуждо понятіе о добрѣ и злѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ такъ глубоко преданы ему, что онъ могъ на нихъ вполнѣ поло-

житься. Въ этой безграничной преданности выразился всецѣло руководившій ими принципъ «служебнаго долга».

«Этотъ принципъ, положенный въ основу всего соціальнаго и политическаго строя государства, поработилъ всѣ умственныя силы крѣпкаго и выносливаго народа, но въ немъ-то и кроется тайна его побѣдъ и его славы. На этомъ стимулѣ, который руководилъ всѣми дѣйствіями русскихъ, созидалось величіе Россіи».

Очертивъ семейный бытъ московитовъ, Валишевскій посвящаетъ затѣмъ нѣсколько страницъ вопросу о томъ, какъ складывались общественныя отношенія въ Московскомъ княжествѣ.

«Бояринъ никогда не выѣзжалъ изъ дому иначе, какъ верхомъ или въ экипажѣ. Его лошадь была покрыта такимъ же богатымъ чепракомъ, какъ богатъ былъ нарядъ ея хозяина.

«Подъѣхавъ къ дому, который онъ желалъ удостоить своимъ посѣщеніемъ, боярину предстояло рѣшить, прежде всего, вопросъ, гдѣ ему слѣдовало сойти съ лошади или выйти изъ экипажа. Если тотъ, къ кому онъ пріѣзжалъ, былъ выше его по положенію, то обычай требовалъ оставить лошадь или повозку у въѣзда во дворъ.

«Только немногіе изъ знатнѣйшихъ бояръ имѣли право въѣзжать во дворъ Кремля, но проѣхать его запрещалось подъ страхомъ наказанія кнутомъ.

«Если боринъ посѣщалъ равнаго себѣ, то онъ подъѣзжалъ къ самому крыльцу, гдѣ его встрѣчалъ хозяинъ дома или кто-либо изъ слугъ, мотря по обстоятельствамъ и по правиламъ строгаго этикета.

«Войдя въ комнату, гость кланялся прежде всего образамъ, дотрогиваясь пола пальцами правой руки. Затѣмъ онъ здоровался съ хозяиномъ, соблюдая общепринятыя правила вѣжливости, въ которыхъ все было предусмотрѣно, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Даже разговоръ начинался всегда съ стереотипныхъ словъ «бью челомъ». Послѣ всевозможныхъ церемоній и привѣтствій подавалось угощеніе. Прощаясь, гость кланялся снова иконамъ.

«При встрѣчахъ въ общественныхъ мѣстахъ соблюдались меньшія церемоніи, но онѣ случались рѣдко. Бани знатными боярами не посѣщались. Хотя люди всѣхъ классовъ имѣли привычку совершать омовеніе тѣла, ежедневно, или по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ недѣлю, но у самаго скромнаго боярина была своя баня. Чувствуя недомоганіе, московитъ выпивалъ рюмку перцовки, съѣдалъ ломоть лука и отправлялся въ баню. Это было лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Весьма немногіе знатные бояре имѣли довѣріе къ докторамъ, коихъ въ то время было очень мало и которые были всѣ иноземцы. Первый врачъ, пріѣхавшій въ Россію вмѣстѣ съ женою Іоанна III, Софіей Палеологъ, былъ приговоренъ къ смерти за случай неудачнаго излѣченія.

Разумѣется, этотъ примѣръ не могъ поощрить другихъ къ поѣздкѣ въ Россію. Тѣмъ не менѣе, въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ Россіи появились кромѣ нѣмца Бомеліуса, четыре англичанина: Стандишъ, Эльмсъ, Робертсъ и аптекарь Френшгамъ. Но всѣ они соединенными усиліями не заставили бы русскаго человѣка проглотить пилюлю или поставить промывательное.

«Кромѣ бань русскіе встрѣчались на пиршествахъ, происходившихъ по случаю большихъ церковныхъ или семейныхъ праздниковъ, свадебъ, крестинъ, похоронъ. При дворѣ бывали пиршества по случаю коронованія, посвященія въ санъ новаго митрополита или пріема иноземныхъ пословъ и т. п. На этихъ собраніяхъ играло, какъ извѣстно, большую роль мѣстничество, изъ-за котораго нерѣдко возникали не только споры, но и кровавыя распри.

«На двухъ гостей подавалось одно блюдо, съ котораго они ѣли, беря кушанье руками и кладя кости на тарелки, которыя для этого только и подавались и не смѣнялись во все продолженіе пира. Хозяинъ раздавалъ всѣмъ хлѣбъ и соль и посылалъ самымъ почетнымъ гостямъ нѣсколько кусковъ кушанья по своему выбору. Число перемѣнъ было безконечно, что̀, при непривычныхъ для иностранцевъ приправахъ нѣкоторыхъ блюдъ и распространявшемся отъ нихъ запахѣ лука, чеснока и протухшей рыбы, а также при обильныхъ и обязательныхъ возліяніяхъ и непристойныхъ разговорахъ, которыя вело большинство присутствующихъ, превращало продолжительныя трапезы, для нихъ, въ пытку. Нерѣдко случалось, что женщинъ, которыя угощались отдѣльно, отвозили по домамъ въ безчувственномъ состояніи и когда хозяйка дома посылала, на другой день, справиться объ ихъ здоровьи, то, чтобы показать, что угощеніе было на славу, считалось вполнѣ благопристойнымъ отвѣтить: «я была вчера такъ навеселѣ, что не помню, какъ вернулась домой».

«У людей богомольныхъ съ этими пирушками сочетались, самымъ удивительнымъ образомъ, религіозные обряды. Духовенство, приглашаемое на нихъ, занимало за столомъ почетное мѣсто, благословляло яства и питіе, читало молитвы, кадиловъ ко мнатахъ. Пиршество начиналось пѣніемъ молитвъ. Въ передней угощали нищихъ; нѣкоторыхъ сажали даже за столъ вмѣстѣ съ гостями.

«Но въ иныхъ домахъ пиръ переходилъ въ оргію. Двери терема растворялись, женщины принимали участіе въ пирушкѣ, музыканты и фокусники развеселяли общество, раздавались непристойныя пѣсни.

«Что касается вопроса о невоздержанности къ крѣпкимъ напиткамъ, то въ этомъ отношеніи свидѣтельства современниковъ такъ же разнорѣчивы, какъ и во всемъ остальномъ».

Англичанинъ Дженкинсонъ говоритъ о крайней невоздержанности

русскихъ въ царствованіе Іоанна IV, между тѣмъ какъ записка, составленная въ Любекѣ въ 1567 г., по случаю отправленія нѣмецкаго посольства ко двору того же Іоанна IV, содержитъ совершенно противоположныя свѣдѣнія. Въ ней настоятельно совѣтуется посламъ быть какъ можно воздержаннѣе, такъ какъ пьянство считается въ Москвѣ величайшимъ порокомъ. Между тѣмъ авторомъ этой записки былъ купецъ, жившій довольно долго въ Москвѣ (Forsten. La question de la Baltique, I. 475). Литовецъ Михалонъ, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ пристрастіи, говоритъ то же самое; впрочемъ, онъ утверждаетъ также, что въ Москвѣ не было кабаковъ, что̀ завѣдомо ложно. По свидѣтельству Тетальди (Tetaldi, d'apres Chmourlo, Спб. 1891), въ послѣдніе годы царствованія Іоанна Грознаго продажа спиртныхъ напитковъ была разрѣшена только въ одномъ предмѣстьи Москвы, Наливкахъ, о чемъ упоминаютъ также Герберштейнъ, Гваньино и Олеарій. Это предмѣстье, вошедшее впослѣдствіи въ черту города, обозначено нынѣ церковью Преображенья, которая называется и до нынѣ на Наливкахъ. Продажа спиртныхъ напитковъ дѣйствительно производилась одно время только въ этомъ предмѣстьи старинной Москвы; а между тѣмъ прочіе города и села пользовались въ этомъ отношеніи полною свободою, благодаря кабакамъ, которые разрѣшалось открывать во множествѣ для доставленія дохода казнѣ».

«Церковь тщетно боролась противъ этого повальнаго пьянства. Постановленія собора 1551 г. рисуютъ картину нравовъ низшаго класса, которая свидѣтельствуетъ о крайней распущенности. Во время гульбищъ, происходившихъ на Ивана Купала и на Ярило, пьянство способствовало всяческому разврату. Мужчины, женщины и подростки обоего пола проводили ночь въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ и, какъ гласятъ протоколы собора, «на разсвѣтѣ, они, какъ сумасшедшіе, бѣжали къ рѣкѣ, съ громкими криками; тутъ они купались всѣ вмѣстѣ, и когда начинался благовѣстъ къ заутренѣ, они возвращались по домамъ и падали отъ изнеможенія, словно мертвые».

Но приговоръ церкви могъ быть слишкомъ суровъ; церковь, какъ извѣстно, была слишкомъ требовательна. Она налагала запретъ на всякія удовольствія и развлеченія и, между прочимъ, на скомороховъ.

«По словамъ народной легенды, сложившейся подъ вліяніемъ церкви, самъ чортъ принималъ образъ этихъ бродячихъ музыкантовъ и фокусниковъ, чтобы погубить міръ. Но и помимо участія чорта скоморохи были людьми довольно опасными; нерѣдко воры и разбойники, они бродили зачастую толпою человѣкъ въ тридцать или пятьдесятъ и наводили ужасъ на страну. Въ своемъ родѣ артисты, они первые ввели въ Россіи тотъ родъ развлеченія и забавы, который составляетъ нынѣ

потребность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Они разыгрывали комедіи, и ихъ, отчасти забавныя, отчасти грубыя представленія были прообразомъ народнаго театра.

«У нихъ были, соперники, противъ коихъ церковь также метала громы и молніи: это были вожаки медвѣдей.

«Медвѣдь игралъ въ московской жизни большую роль. Онъ не только изображалъ всевозможныя штуки, но являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ цѣломъ рядѣ излюбленныхъ народомъ пьесъ, гдѣ Мишка изображалъ то судью, произносящаго смѣшные и нелѣпые приговоры, и берущаго взятки, то обманутаго мужа. Иногда между нимъ и собаками или иными животными происходили кровавыя состязанія; иногда въ единоборство съ медвѣдемъ вступали люди. Это было одно изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ того времени.

«Борцами избирались обыкновенно царскіе псари, но иногда выходили на арену и бояре. Такъ, напр., въ 1628 г. князю Гундорову былъ пожалованъ кусокъ голубой камки за убитаго въ единоборствѣ медвѣдя, а въ 1632 г. борьба съ медвѣдемъ боярскаго сына Ѳедора Сытина окончилась для него трагически, онъ былъ растерзанъ разъяреннымъ звѣремъ.

«Дѣла чести рѣшались въ то время кулакомъ или палкою, а не шпагою; этого достаточно, чтобы показать, какъ дико и первобытно было русское общество, какъ оно было далеко отъ тѣхъ утонченныхъ формъ общественной жизни, которыя выработались уже въ то время въ Европѣ, и какъ ничто не напоминало въ Московскомъ государствѣ французскіе и италіанскіе дворцы, гдѣ поэтизировалась любовь, гдѣ въ то время игры и танцы уже смѣнялись бесѣдою, гдѣ любили гостей, умѣвшихъ разсказать со вкусомъ анекдотъ или сказать острое словцо; гдѣ уже понимали все изящное и восхищались имъ, хотя еще не умѣли пользоваться комфортомъ.

«Въ противоположность тѣмъ образцамъ художественной красоты и изящества, какія выработались на западѣ, въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, въ Москвѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ нравовъ, выработался своеобразный типъ юродивыхъ или блаженныхъ, которые пользовались любовью народа и снисходительностью духовенства.

«Они обманывали легковѣрный народъ внѣшнимъ благочестіемъ и яко бы присущей имъ чудодѣйственной силою, ходили голые въ самый сильный морозъ, съ распущенными, всклокоченными волосами, дѣлали видъ, что могутъ обходиться безъ ѣды и одежды, а между тѣмъ, заходя въ лавки, брали тамъ, не платя, все, что имъ было нужно. Быть обобраннымъ ими предвѣщало благополучіе и считалось вѣрнымъ признакомъ благословенія Божія. Ихъ считали святыми. Они пользовались привилегіей говорить правду государямъ. Церковь не только терпѣла

ихъ, но даже сопричисляла ихъ къ лику святыхъ. При совершенномъ съ большой торжественностью погребеніи извѣстнаго Василія Блаженнаго, въ честь котораго сооруженъ въ Москвѣ храмъ, самъ Іоаннъ IV несъ на своихъ плечахъ гробъ этого святаго человѣка».

«Сказаннаго вполнѣ достаточно,—говоритъ Валишевскій, заканчивая на этомъ набросанную имъ картину древней Москвы,—чтобы составить себѣ понятіе, какая пропасть отдѣляла Московское государство отъ остальной Европы въ тотъ моментъ, когда оно готовилось войти въ соприкосновеніе съ сосѣдними цивилизованными державами, и для того чтобы уяснить себѣ, при какихъ условіяхъ совершился этотъ важный шагъ въ исторіи Россіи».

VI [1]).

25-го августа (4-го сентября) 1530 г., въ день рожденія Іоанна IV, по всей странѣ слышны были раскаты грома, которые сопровождались страшной молніей, а когда младенецъ зашевелился, впервые, во чревѣ матери, то московское войско, сражавшееся тогда подъ Казанью, почувствовало внезапно приливъ необычайнаго мужества и отваги. Такъ говорятъ, повѣствуя объ этомъ событіи, народныя преданія.

Несравненно реальнѣе всѣхъ этихъ чудесныхъ явленій, коими народная фантазія украсила появленіе на свѣтъ Іоанна Грознаго, были треволненія, пережитыя въ ту пору Европою, гдѣ появились тогда Виклефъ, Гусъ, Лютеръ и Кальвинъ и гдѣ, подъ вліяніемъ ихъ проповѣди, между христіанами начались братоубійственныя войны, а на городскихъ площадяхъ начали воздвигать костры, и католики, протестанты, духовныя лица, солдаты, коронованныя особы и простолюдины съ яростью и ожесточеніемъ старались превратить великій призывъ къ свободѣ, раздавшійся въ Вартбургѣ [2]), въ военный кликъ, въ орудіе убійства и угнетенія.

Церковь, потрясенная въ своихъ основахъ, вооружилась, отъ папы до нищенствующаго монаха, на защиту своихъ правъ, между тѣмъ какъ въ

---

[1]) Начинающаяся съ этой главы вторая часть труда Валишевскаго, посвященная собственно царствованію Іоанна Грознаго, въ виду ея особеннаго интереса, передается здѣсь въ возможно полномъ и точномъ переводѣ.

[2]) Вартбургъ, замокъ въ вел. герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, служилъ мѣстопребываніемъ Лютеру.

самомъ Римѣ, который былъ взятъ приступомъ германскими войсками, Священная имперія оспаривала у Франціи владычество надъ міромъ, въ то время какъ на сѣверѣ, опираясь на реформацію, новая династія завладѣла престоломъ Швеціи и Норвегіи.

Это умственное движеніе, происходившее въ Европѣ, не могло коснуться Московіи, которая жила совершенно обособленно, да она имъ и не интересовалась. Но время все-таки дѣлало свое дѣло, и западная Европа, которую Россія не хотѣла знать и къ которой она относилась съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, начинала мало-по-малу интересоваться своей таинственной сосѣдкой.

Еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ, когда въ Европѣ только-что началось помянутое броженіе, грозившее нарушить ея спокойствіе и поколебать ея единство, на ея горизонтѣ появилась новая опасность: то былъ исламъ, ополчившійся на христіанскій міръ и, подобно эху, отозвавшійся бряцаніемъ оружія на бурю, которая клокотала въ нѣдрахъ европейскихъ державъ и грозила сокрушить папу и его престолъ. Римъ, Венеція и Генуя, взволнованные опасностію, которая угрожала имъ съ двухъ сторонъ, искали средства спасенія и въ этихъ поискахъ вспомнили про Москву.

Италіанскіе дипломаты давно уже старались уничтожить пропасть, которая отдѣляла ее отъ запада.

Дѣдъ Іоанна IV, заключивъ, подъ покровительствомъ папскаго престола, бракъ съ Софіей Палеологъ, вступилъ, тѣмъ самымъ, въ семью европейскихъ монарховъ, и въ 1473 г. Венеціанскій сенатъ напомнилъ великому князю московскому о его правахъ на византійскій престолъ. Въ 1480 и 1490 гг. законный наслѣдникъ этого престола, Андрей Палеологъ, явился въ Москву и пытался передать Іоанну III свои права на этотъ престолъ, за извѣстное денежное вознагражденіе. Получивъ вѣжливый отказъ, онъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ королемъ Карломъ VIII, но въ Европѣ считали по-прежнему, что ключемъ къ этому сокровищу владѣетъ Римъ, и воображали, что папа былъ готовъ отдать его великому князю, чтобы получить взамѣнъ помощь войскомъ для борьбы съ турками, такъ, что въ 1484 г., папа Сикстъ IV счелъ даже нужнымъ успокоить на этотъ счетъ польскаго короля Казиміра, опасавшагося, какъ бы не были нарушены его права, какъ старшаго члена въ семьѣ славянскихъ народовъ.

Хотя Іоаннъ III не придавалъ значенія какому-то призрачному титулу и отвѣчалъ на предложеніе Андрея Палеолога презрительнымъ отказомъ, но онъ вполнѣ понималъ, что съ идеей о великой славянской имперіи, которая получила бы инвеституру изъ Рима, былъ связанъ вопросъ о русскихъ земляхъ, составлявшихъ спорный вопросъ между Москвою и Польшею; поэтому, отказавшись имѣть дѣло съ Палео-

логомъ, онъ оказалъ болѣе любезный пріемъ посланцу императора, фонъ-Турну, и заявилъ ему о своей готовности заключить союзъ съ Максимиліаномъ, для совмѣстной, въ случаѣ надобности, борьбы съ исламомъ, поставивъ, однако, условіемъ, чтобы императоръ помогъ ему свести счеты съ сосѣдней Польшею.

Не ожидая папскихъ буллъ, Іоаннъ III сталъ именоваться царемъ, титулъ, по понятіямъ православныхъ христіанъ, соотвѣтствующій императорскому, свидѣтельствуя въ то же время о правахъ на византійское наслѣдіе, а въ 1493 г. Іоаннъ принялъ титулъ государя всея Россіи, что было равносильно заявленію о своихъ правахъ на Кіевъ и Вильно.

У Іоанна III осталось пять сыновей; раздѣливъ между ними свои наслѣдственныя владѣнія, онъ оставилъ старшему Василію не треть этихъ земель, какъ было принято издавна, но двѣ трети, а именно: шестьдесятъ шесть городъ съ округами и столицу.

Женатый на дочери боярина, Саломоніи Сабуровой, Василій не имѣлъ отъ нея дѣтей, что повергало его въ отчаяніе.

«Какъ счастливы птицы»,—говорилъ онъ, смотря на гнѣзда и когда колдовство, къ которому прибѣгла безплодная супруга, оказалось безсильнымъ, то бояре, созванные великимъ княземъ въ 1525 г. на совѣтъ, предложили ему иное средство, которое согласовалось, какъ можно думать, съ тайными желаніями Василія.

«Безплодная смоковница должна быть вырвана съ корнемъ»,—рѣшили они. Только одинъ изъ совѣтниковъ великаго князя, князь Симеонъ Курбскій, дерзнулъ замолвить слово въ защиту священныхъ узъ, которыя остальные совѣтывали попрать; изъ духовныхъ лицъ его поддержали Вассіанъ Патрикеевъ и Максимъ Грекъ.

Саломонія была заточена въ монастырь, а Василій обвѣнчался съ дочерью литовскаго перебѣжчика, Еленою Глинской, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ. Весьма возможно, что безплодіе Саломоніи было только удобнымъ предлогомъ для ея заточенія въ монастырь.

Красавица собою, по тогдашнему времени, хорошо образованная, Елена Глинская обладала такими чарами, какихъ Василій не могъ встрѣтить въ русской боярынѣ. Оставшись рано сиротою, по смерти отца своего, Василія Львовича Глинскаго, она выросла подъ надзоромъ своего дяди Михаила Глинскаго, странствующаго рыцаря, товарища по оружію Альберта Саксонскаго и императора Максимиліана, который во время своихъ странствованій побывалъ, между прочимъ, въ Италіи и даже принялъ тамъ католическую вѣру. Такимъ образомъ въ Кремль проникло нѣкоторое вліяніе Западной Европы.

По свидѣтельству Герберштейна, Василій, желая понравиться своей

*

новой супругѣ, даже обрилъ себѣ бороду,—это было неслыханнымъ новшествомъ.

Но Господь, повидимому, не благословилъ и этотъ второй бракъ, который «заволжскіе старцы» называли прелюбодѣяніемъ. Время шло, а столь желаннаго наслѣдника все не появлялось. Въ народѣ уже пошелъ слухъ, будто Саломонія разрѣшилась въ монастырѣ отъ бремени сыномъ.

Наконецъ, были услышаны молитвы монаха Пафнутія Боровскаго, который, въ признательность за совершенное имъ чудо, былъ провозглашенъ впослѣдствіи чудотворцемъ и сопричисленъ къ лику святыхъ.

У Елены родился давно жданный наслѣдникъ, а три года спустя, 4-го (15-го) октября 1533 г., она разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Юріемъ, и вскорѣ послѣ этого овдовѣла.

Хотя законъ о престолонаслѣдіи, въ силу котораго престолъ переходилъ прежде къ братьямъ умершаго великаго князя, былъ измѣненъ Іоанномъ III, но правленіе, по смерти Василія, должно было, во всякомъ случаѣ, перейти къ нимъ, къ его братьямъ, до совершеннолѣтія Іоанна, ибо, насколько извѣстно, Василій не сдѣлалъ инаго распоряженія.

Но Елена, женщина энергичная, честолюбивая и предпріимчивая, какъ всѣ ея предки, имѣла много сторонниковъ и сумѣла воспользоваться этимъ для того, чтобы захватить и удержать за собою власть.

Но она сдѣлала ошибку, не желая раздѣлить власть со своимъ дядей, который былъ уменъ и ловокъ, а предоставивъ ее своему возлюбленному, князю Телепневу-Оболенскому, человѣку безпокойному и вздорному. Вскорѣ начались смуты. Заточивъ своего дядю и брата своего мужа, Юрія, которые оспаривали у нея власть, Елена вступила въ борьбу съ другимъ деверемъ, Андреемъ, который, получивъ въ удѣлъ Старицу, заявилъ, по этому поводу, свое неудовольствіе, вслѣдствіе чего, едва не возгорѣлась междоусобная война, которой Елена избѣжала, только поймавъ князя въ западню и засадивъ его въ одну изъ московскихъ темницъ, откуда мало кто выходилъ. Голодъ и тяжесть надѣтыхъ на него оковъ ускорили его смерть; а тридцать человѣкъ его сторонниковъ погибли на висѣлицахъ, разставленныхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Новгородъ, который, какъ полагали, оказывалъ помощь князю Андрею.

Елена вела, такимъ образомъ, еще нѣсколько лѣтъ борьбу за власть и одновременно должна была воевать съ внѣшними врагами: поляками и татарами, которые напали на Московское княжество, думая воспользоваться слабостью ея правленія. Въ 1538 г. ея враги прибѣгли, какъ

говорятъ, къ яду для того, чтобы отдѣлаться отъ нея. Іоаннъ остался круглымъ сиротою, и власть перешла въ руки бояръ. Олигархія выразилась въ полномъ безначаліи.

Оболенскій, предоставленный самому себѣ, совершенно растерялся. Его соперники, которыхъ правительница умѣла обуздывать, были рады возможности отомстить ему. Особенно высоко подняли голову Шуйскіе, близкіе родственники царствующаго дома, честолюбивые замыслы которыхъ простирались значительно далѣе обладанія временной властью.

Они принадлежали, такъ же точно, какъ Іоаннъ III и Василій III, къ потомкамъ Александра Невскаго и при томъ къ старшей линіи Рюриковичей, тогда какъ на престолѣ возсѣдала младшая линія этого княжескаго дома; поэтому понятно, какъ далеко заходили ихъ честолюбивыя мечты. Они справились въ нѣсколько дней съ фаворитомъ покойной Елены, который исчезъ навѣки въ темницѣ; Іоаннъ потерялъ въ немъ своего воспитателя и одновременно свою кормилицу Аграфену, сестру Оболенскаго, раздѣлившую участь брата.

Но Василій Васильевичъ Шуйскій и его двоюродный братъ Андрей освобожденные въ это время изъ заключенія, очутились лицомъ къ лицу съ новыми соперниками. На сцену явилась цѣлая толпа соискателей престола, освобожденныхъ изъ темницъ, въ которыхъ они томились; въ числѣ ихъ былъ князь Иванъ Бѣльскій, который не хотѣлъ никому уступить своего мѣста, противопоставляя правамъ Рюриковичей свои собственныя права на престолъ, какъ потомокъ Гедимина. Его отецъ, Ѳедоръ Бѣльскій, былъ женатъ на княжнѣ Рязакской, племянницѣ Іоанна III, а братъ, Симеонъ, преслѣдуемый Еленою, бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ въ Крымъ и Константинополь, гдѣ онъ искалъ не только убѣжища, но и помощи для возврата своихъ наслѣдственныхъ удѣловъ, Бѣльска и Рязани, присоединенныхъ къ великому княжеству Московскому.

Во время ожесточенной борьбы, происходившей въ Москвѣ съ 1538 по 1543 г., которая ознаменовалась всевозможными актами насилія и страшною рѣзнею, личность Іоанна и его наслѣдственныя владѣнія остались неприкосновенны только благодаря соперничеству двухъ вышеупомянутыхъ семействъ и ожесточенію, съ какимъ они старались истребить другъ друга.

Но маленькому Іоанну пришлось испытать много горя. Шуйскіе, побѣдивъ своего соперника, забыли всякую мѣру,—грабили царскую казну и самовластно распоряжались всѣмъ.

Иванъ Шуйскій, ставъ, по смерти Василія Васильевича, главою семьи, не считалъ нужнымъ оказывать Іоанну ни малѣйшаго уваженія, онъ ложился въ его присутствіи, въ сапогахъ, на постель его покойнаго

отца, о чемъ съ горечью вспоминалъ впослѣдствіи Грозный, ѣлъ не иначе какъ на золотыхъ блюдахъ, въ то время какъ Іоаннъ терпѣлъ лишенія во всемъ, въ одеждѣ и въ пищѣ, и долженъ былъ разстаться съ самыми любимыми имъ людьми.

Послѣ своей кормилицы, онъ лишился, въ 1543 г., своего перваго друга, Ѳедора Семеновича Воронцова. Избитый Шуйскими, которые угрожали ему смертью, этотъ несчастный искалъ спасенія въ Кремлѣ и остался живъ только благодаря заступничеству митрополита, который не могъ, однако, избавить его отъ ссылки въ Кострому.

Но положеніе самого митрополита не было надежно въ это тревожное время. Ему приходилось уступать мѣсто новому лицу всякій разъ, какъ тотъ или другой изъ соперниковъ одерживалъ верхъ. Въ 1539 г. Бѣльскіе посадили на мѣсто Даніила—Іоасафа. Въ 1542 г. Шуйскіе, одержавъ верхъ, сослали Ивана Бѣльскаго на Бѣлое озеро, и митрополитъ Іоасафъ раздѣлилъ его опалу. Вообще правленіе Шуйскихъ отличалось особенной жестокостью и всеобщей неурядицей. Они распоряжались самовластно во всей странѣ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, назначаемые ими правители вели себя вездѣ, за исключеніемъ Новгорода, къ которому они благоволили и гдѣ у нихъ были свои люди, какъ «лютые звѣри».

Города пустѣли; кто только могъ, бѣжалъ изъ нихъ за предѣлы княжества. Италіанскій архитекторъ Фрязинъ, вызванный въ Россію Василіемъ III, бѣжалъ за границу въ тотъ моментъ, когда его хотѣли послать въ Себежъ, для сооруженія укрѣпленій.

Онъ объяснилъ епископу Дерптскому, что изъ-за распрей бояръ жизнь стала невыносимой. Бѣльскіе выказывали болѣе человѣколюбія и ума; но тѣ и другіе не умѣли править иначе, какъ злоупотребляя властью.

Управляя страною съ самой неумолимой жестокостью, они давали вмѣстѣ съ тѣмъ своему будущему государю самый отвратительный примѣръ. Глядя на нихъ, воображеніе и чувство юноши свыклось съ насиліемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, которое проникло въ его плоть и кровь. Неудивительно, что, выросши въ этой атмосферѣ вѣчной борьбы, всегда готовый отразить наносимые ему удары—ударами, Іоаннъ сдѣлался чрезвычайно нервенъ, раздражителенъ, жестокъ и необузданъ. Его дѣтскія игры, которыя раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько товарищей, были такъ же жестоки, какъ и все то, что его окружало. Онъ самъ не могъ еще истязать людей, но мучилъ животныхъ, подобно тому, какъ на его глазахъ терзали людей. Величайшимъ наслажденіемъ для него было кидать собакъ съ дворцовой террасы и наслаждаться ихъ агоніей. Ему не только не препятствовали въ этомъ, но даже

поощряли его къ этимъ звѣрскимъ продѣлкамъ. Со временемъ насталъ чередъ людей.

Воспитывая Іоанна въ такомъ духѣ, со стороны Шуйскихъ и Бѣльскихъ было большою смѣлостью предполагать, что имъ удастся долго управлять самодержцемъ, у котораго уже начала расти борода и который могъ уже отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Онъ не разъ видѣлъ, какъ тѣ самые люди, которые ежедневно оскорбляли его и обращались съ нимъ дурно, появлялись предъ нимъ, въ дни оффиціальныхъ церемоній, придворныхъ празднествъ или при пріемахъ иноземныхъ пословъ, колѣнопреклоненные, какъ пресмыкающіеся рабы, занимая вокругъ его престола подобавшія имъ мѣста. Эти наблюденія не прошли даромъ

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1543 г. у Іоанна отняли силою Воронцова; въ декабрѣ, испытавъ предварительно покорность своихъ псарей, онъ приказалъ имъ схватить Андрея Шуйскаго. Негодяи повиновались ему и сдѣлали болѣе того, что онъ отъ нихъ требовалъ, задушивъ боярина, котораго имъ велѣно было отвести въ темницу. Іоаннъ нашелъ, что они поступили правильно; тогда всѣ поняли, что у Россіи явился новый правитель.

Бояре, пощаженные Іоанномъ, продолжали управлять страною по своему усмотрѣнію, но уже не осмѣливались противорѣчить монарху, который, гораздо ранѣе Людовика XIV, заявилъ по-своему: «Государство— это я».

Іоаннъ бѣгалъ теперь по улицамъ, избивалъ встрѣчныхъ мужчинъ, насиловалъ женщинъ и выслушивалъ за все это похвалы окружающихъ. Въ числѣ ихъ находился и Ѳедоръ Воронцовъ, возвращенный имъ изъ ссылки. Но Іоаннъ удостоивалъ, въ то время, своимъ благоволеніемъ иныхъ людей, болѣе послушныхъ его волѣ и которыхъ происхожденіе и личныя связи не защищали отъ его произвола. Онъ предпочиталъ боярамъ, среди которыхъ опасался встрѣтить вторыхъ Шуйскихъ,—своихъ псарей.

Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ 1546 г., будучи на охотѣ въ окрестностяхъ села Коломенскаго, Іоаннъ встрѣтилъ толпу вооруженныхъ людей, которые преградили ему путь. Это были новгородскіе мушкатеры, которые пришли жаловаться ему на своего воеводу. Не понимая, что они хотятъ, онъ приказалъ разогнать ихъ. Произошла свалка, во время которой раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Молодой Іоаннъ не былъ раненъ, но очень испугался; онъ никогда не отличался храбростью. Кромѣ весьма возможной наслѣдственности, это можетъ быть объяснено дѣтствомъ, проведеннымъ среди всякихъ ужасовъ, которые сдѣлали его чрезвычайно впечатлительнымъ, такъ что при малѣйшей тревогѣ онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и поддавался величайшему страху.

Іоаннъ поспѣшно ускакалъ отъ этихъ людей и, вообразивъ, что это былъ заговоръ противъ его личности, приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе. Его будущему любимцу, а въ то время еще простому дьяку, Василью Захарову, не трудно было убѣдить Іоанна въ томъ, что это былъ дѣйствительно заговоръ, и обвинить во всемъ Воронцова и его родныхъ, которые уже возбудили своимъ поведеніемъ подозрѣніе великаго князя, и коимъ угрожала опала.

Ученикъ сразу превзошелъ своихъ учителей. Грозный выступилъ на сцену. Ѳедоръ Воронцовъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ сложили голову на плахѣ. Другіе, предполагаемые соучастники заговора были сосланы.

Весьма вѣроятно, что не одинъ Захаровъ повліялъ въ этомъ случаѣ на рѣшеніе Іоанна. Въ числѣ его приближенныхъ, пользовавшихся его особымъ довѣріемъ, появился уже въ то время Алексѣй Адашевъ, котораго многіе историки идеализировали, связавъ его дѣятельность съ самой блестящей и свѣтлой порою царствованія Грознаго, который будто бы сдерживалъ подъ его вліяніемъ свои кровожадные порывы, началъ стремиться къ реформамъ и ознаменовалъ свое царствованіе славными побѣдами и завоеваніями. Алексѣй Адашевъ, человѣкъ низкаго происхожденія, такъ же точно, какъ Захаровъ, находился съ 1543 г. въ числѣ придворныхъ слугъ Іоанна и исполнялъ должность постельника.

Въ исходѣ того же 1546 года, когда произошла вышеупомянутая кровавая расправа съ новгородцами, Іоаннъ заявилъ еще рѣшительнѣе о своемъ намѣреніи дѣйствовать вполнѣ самовластно, не руководствуясь ничьими совѣтами. 6-го (17-го) декабря въ Москвѣ распространился слухъ, что великій князь намѣренъ вступить въ бракъ, избравъ себѣ въ жены одну изъ русскихъ боярышень.

Разумѣется, это рѣшеніе было принято не такъ внезапно, какъ обыкновенно полагаютъ. Уже въ 1543 г. съ этой цѣлью были отправлены въ Польшу Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ и Истома Стояновъ, коимъ было поручено дать понять, кому слѣдуетъ, что великій князь достигъ возраста, позволявшаго ему вступить въ бракъ[1]). Есть основаніе предполагать, что были сдѣланы и другія попытки въ этомъ родѣ и что только убѣдясь окончательно въ томъ, что его желаніе взять въ жены, по примѣру Ярослава, иноземную принцессу, не увѣнчается успѣхомъ, Іоаннъ рѣшилъ избрать себѣ жену среди своихъ подданныхъ. Но онъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь вознаградить себя за эту неудачу.

На другой день послѣ того какъ было объявлено это рѣшеніе, въ Успенскомъ соборѣ было отслужено молебствіе, послѣ котораго вели-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Дипломатическая переписка. Чт. ист. общ. 1860, стр. 72.

кій князь объявилъ собравшимся боярамъ, что онъ рѣшилъ также короноваться, но не какъ великій князь, по примѣру своихъ предковъ, а принявъ царскій титулъ.

Для русскаго сердца съ этимъ титуломъ связывался цѣлый сонмъ преданій и воплощались честолюбивыя мечты о возстановленіи въ столицѣ православнаго міра древней восточной имперіи.

Коронованіе совершилось 5-го (16-го) января 1547 г. со всевозможной торжественностью, при огромномъ стеченіи народа и красномъ звонѣ колоколовъ. Епископы, священники и монахи, присутствовавшіе при совершеніи обряда, возносили къ Господу молитвы о томъ, чтобы вновь коронованный царь былъ милостивъ и справедливъ, между тѣмъ какъ бояре осыпали его золотыми монетами, въ знакъ его будущаго благоденствія.

Однако «преемникъ греческихъ и римскихъ императоровъ» не рѣшился извѣстить иностранныхъ монарховъ о совершенной имъ перемѣнѣ титула. Ему было хорошо извѣстно, что его отецъ и дѣдъ встрѣтили отпоръ въ своихъ домогательствахъ на этотъ счетъ. Хотя Василію и удалось въ 1514 г. подписаться «императоромъ» въ договорѣ, заключенномъ съ императоромъ Максимиліаномъ, но послѣдній выразилъ по этому поводу неодобреніе своему уполномоченному Шницпаннеру и отказался подписать, съ своей стороны, договоръ. Польша также упорно не признавала за великимъ княземъ новаго титула. Сговорчивѣе оказались нѣкоторыя мелкія нѣмецкія государства да константинопольскіе патріархи.

Іоаннъ рѣшилъ, однако, попытать счастье у патріарха въ 1561 г., уже послѣ того, какъ имъ были одержаны самыя крупныя побѣды, при чемъ его просьба сопровождалась значительнымъ денежнымъ приложеніемъ. Результатъ его ходатайства былъ не особенно блестящій, хотя патріархъ Іоасафъ призналъ Іоанна царемъ и потомкомъ принцессы Анны, сестры императора Василія, и предлагалъ даже повторить обрядъ коронованія, для чего посылалъ въ Москву митрополита, что уже было совершенно излишне, но впослѣдствіи оказалось, что изъ тридцати семи подписей, сдѣланныхъ на грамотѣ, которая была прислана въ Москву изъ Константинополя, тридцать пять были поддѣльныя [1]).

Православная церковь также уклонилась отъ признанія за Іоанномъ царскаго титула, хотя патріархи Александрійскій и Антіохійскій спѣшили, наперерывъ другъ передъ другомъ, признать совершившійся фактъ, а Іерусалимскій патріархъ даже объявилъ вновь провозглашеннаго царя «главою христіанскаго міра». Но большая часть православнаго духовенства отказывалась слѣдовать ихъ примѣру. Народу, раз-

[1]) Pierling. La Russie et le Saint Siège, I, 319

умѣется, не были извѣстны эти подробности и, смѣшивая факты и даты, онъ съ гордостью воспѣлъ это событіе въ своихъ былинахъ въ самыхъ фантастическихъ краскахъ. Въ рисункахъ, коими украшенъ символическій тронъ, стоящій донынѣ въ Успенскомъ соборѣ, русскіе художники передали содержаніе сложившихся по поводу этого событія легендъ, и Іоаннъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ своихъ обширныхъ владѣній, былъ окруженъ такимъ ореоломъ могущества и славы, какой не снился его предкамъ.

Немногимъ изъ нихъ довелось также испытать счастье, какое выпало на его долю въ бракѣ. Выборъ супруги Іоанна былъ произведенъ по всѣмъ правиламъ. Всѣмъ взрослымъ дочерямъ «служилаго люда» было повелѣно прибыть въ Москву, гдѣ онѣ были помѣщены въ обширномъ домѣ, со множествомъ комнатъ, изъ коихъ въ каждой было по двѣнадцати кроватей.

Въ Византіи, гдѣ выборъ царскихъ невѣстъ производился точно также, правителямъ провинцій посылались подробныя инструкціи, съ указаніемъ роста и прочихъ, требуемыхъ отъ невѣсты, качествъ. Когда онѣ были въ сборѣ, императоръ отправлялся смотрѣть ихъ въ сопровожденіи только одного старѣйшаго царедворца и, пройдя по комнатамъ, даритъ каждой изъ красавицъ платокъ, шитый золотомъ и драгоцѣнными камнями, который онъ накидываетъ ей на шею. Когда выборъ былъ сдѣланъ, подруги избранной невѣсты отсылались обратно, получивъ подарки.

Такимъ же образомъ была избрана, въ 1547 г., Анастасія, дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, принадлежавшаго къ старинному боярскому роду, который сумѣлъ удержать свое мѣсто у престола, уклоняясь отъ соперничества и распрей, отъ котораго юному Іоанну такъ много пришлось страдать. Весьма возможно, что въ этомъ случаѣ выборъ невѣсты былъ произведенъ только для вида. Захарьины-Кошкины были баловнями судьбы. Одного изъ братьевъ Анастасіи ожидала еще болѣе блестящая судьба: онъ сдѣлался родоначальникомъ дома Романовыхъ.

Молодой царь былъ такъ же страстно влюбленъ въ свою супругу, какъ Василій любилъ Елену Глинскую. Много лѣтъ спустя, Іоаннъ еще горько оплакивалъ преждевременно сошедшую въ могилу Анастасію, которая соединяла всѣ прелести ума и сердца съ тѣлесной красотою и доставила ему всѣ утѣхи и радости супружеской жизни. Но Іоанну не долго суждено было наслаждаться безмятежнымъ счастьемъ.

Менѣе чѣмъ три мѣсяца спустя послѣ его свадьбы, которая была отпразднована 23-го января (3-го февраля) 1547 г., огонь истребилъ цѣлый кварталъ Москвы; это вывело Іоанна изъ той тихой, очарованной жизни, которой онъ наслаждался и которую окружающіе считали

уже залогомъ болѣе счастливаго будущаго, полагая, что красавица Анастасія будетъ тѣмъ ангеломъ-хранителемъ, который спасетъ царя отъ гнѣвныхъ вспышекъ и дастъ спокойствіе его подданнымъ. Но это оказалось обманчивой мечтою, и надобно думать, что въ странѣ, гдѣ по поводу всего быстро слагались легенды, вліяніе Анастасіи на царя было сильно преувеличено.

Временно усыпленная раздражительность Іоанна пробудилась съ новой силою, и когда къ нему явилось 19-го (30-го) іюня 1547 г. нѣсколько псковскихъ гражданъ съ жалобою на своего воеводу, то онъ принялъ ихъ еще хуже, нежели новгородцевъ. Вспомнивъ жестокія забавы дѣтства, онъ приказалъ облить несчастныхъ пылавшимъ спиртомъ, а затѣмъ, велѣвъ снять съ нихъ одежду, собирался, вѣроятно, казнить ихъ, когда его вниманіе было отвлечено другимъ.

Это происходило въ одномъ селѣ, въ окрестностяхъ Москвы, куда, какъ разъ въ эту минуту, прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что большой кремлевскій колоколъ упалъ на землю. По тогдашнему времени, это было сочтено за зловѣщее предзнаменованіе, предвѣщавшее новыя, еще болѣе ужасныя бѣдствія.

И, дѣйствительно, предзнаменованіе оправдалось; наступили событія, которыя выдвинули на сцену новыхъ людей и придали начавшемуся царствованію новый обликъ.

Выслушавъ сообщеніе гонца, Іоаннъ позабылъ о своихъ жертвахъ и, потребовавъ коня, поскакалъ на мѣсто происшествія.

10-го (21) іюня въ Москвѣ снова вспыхнулъ пожаръ, причинившій этотъ разъ такое бѣдствіе, какого никто не запомнилъ. Огонь не пощадилъ даже Кремля. Куполъ Успенскаго собора, царскія и митрополичьи палаты, сокровищница, арсеналъ, два монастыря и нѣсколько церквей со всѣми ихъ сокровищами сдѣлались добычею пламени. Митрополитъ Макарій едва не задохнулся отъ дыма; спасаясь, онъ упалъ и сильно расшибся. 17.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей сгорѣли заживо. Въ торговой части города были истреблены пламенемъ всѣ лавки. Лишившись своего жилища, Іоаннъ удалился въ село Воробьево, на Воробьевы горы, гдѣ онъ собралъ совѣтъ. Его духовникъ, Ѳедоръ Барминъ, высказалъ предположеніе, что причиною несчастія было колдовство.

На этотъ счетъ существовало такое повѣрье. Колдуны брали человѣческія сердца, вырѣзанныя изъ труповъ, погружали ихъ въ ведро воды и, поливая улицы этой водою, производили пожаръ. Нѣсколько бояръ поддержали это обвиненіе. Начались розыски; толпа народа, собравшаяся нѣсколько дней спустя передъ сгорѣвшимъ соборомъ, повинуясь коварнымъ навѣтамъ, назвала виновныхъ.

Правленіе Елены Глинской еще не было забыто, и во многихъ

сердцахъ жила жажда мщенія, которое было направлено противъ ея матери и братьевъ. Нашлись свидѣтели, видѣвшіе, какъ они поливали мостовую и стѣны водою съ наговоромъ. Дядя царя, князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій, жилъ со своей матерью въ вотчинѣ, въ окрестностяхъ Ржева, но его братъ, Юрій, былъ въ Москвѣ. Видя угрожавшую ему опасность, онъ искалъ спасенія въ той самой церкви, въ поджогѣ которой его обвиняли. Толпа ворвалась вслѣдъ за нимъ въ храмъ и волочила его трупъ до Лобнаго мѣста. Слуги его также подверглись преслѣдованію.

Три дня спустя, убійцы явились въ Воробьево и требовали новыхъ жертвъ. Родственники и сторонники Андрея Шуйскаго, сосланные послѣ того какъ онъ былъ казненъ, но получившіе затѣмъ позволеніе возвратиться въ Москву, состоя при особѣ царя, побуждали его къ кровавой расправѣ съ виновными въ пожарѣ.

Но время, когда Іоаннъ руководствовался совѣтами другихъ лицъ, миновало безвозвратно. Онъ не былъ уступчивъ отъ природы. Грозный и нерѣдко несправедливый судья, онъ считалъ себя полновластнымъ творить судъ и расправу по своему благоусмотрѣнію.

Вѣрилъ онъ или нѣтъ взведенному на Глинскихъ обвиненію, трудно сказать, хотя весьма возможно, что суевѣрный, какъ всѣ его современники, онъ могъ въ свои лѣта повѣрить этому, но онъ находилъ, должно быть, что тѣ, кои осмѣлились присвоить себѣ принадлежавшее ему одному право суда и дерзнули не только подсказать ему приговоръ, который онъ долженъ былъ произнести, но даже самовольно привели его въ исполненіе, были виновнѣе, нежели истинные или ложно обвиненные поджигатели. Какъ бы то ни было, онъ захотѣлъ проявить свою державную власть. За обликомъ тирана, какимъ онъ уже заявилъ себя, показался полновластный царь. Іоаннъ приказалъ освободить Михаила Глинскаго, который бѣжалъ на литовскую границу и былъ схваченъ Петромъ Шуйскимъ и не выданъ врагамъ его матери. При этомъ многіе были казнены, но въ числѣ ихъ были именно всѣ тѣ, кои волновали умы и мнили, что имъ удастся построить свое благополучіе или удовлетворить свою месть на развалинахъ обращенной въ пепелъ столицы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

XXI. Письмо В. Г. Бѣлинскаго.

С.-Петербургъ, 29-го іюня 1841.

Извините, князь, что я безпокою васъ дѣломъ, которое мало до васъ касается, а между тѣмъ обязываетъ васъ не совсѣмъ пріятнымъ посредничествомъ и отнимаетъ время, котораго и безъ того у васъ немного. Будьте добры, возьмите на себя трудъ написать г-ну Гурцеву о деньгахъ. Хорошо или дурно, но, какъ умѣлъ, я выполнилъ его вторую коммиссію, которая была для меня несравненно скучнѣе и труднѣе первой. Мнѣ теперь крайняя нужда въ деньгахъ, а у Краевскаго, моего единственнаго рессурса, какъ вамъ самимъ извѣстно, теперь нѣтъ ни копѣйки. Въ ожиданіи отвѣта, который вы можете мнѣ сдѣлать всего лучше и обстоятельнѣе черезъ Краевскаго, если скоро съ нимъ увидитесь, еще разъ прошу васъ извинить меня за мою докучливость и остаюсь вашимъ покорнымъ слугою Виссаріонъ Бѣлинскій.

P. S. Впрочемъ мой адресъ: въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между первою линіею и Госпитальною улицею, въ домѣ Буторовой, № 22.

Въ бумагахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго сохранилась, кромѣ этого письма Бѣлинскаго, еще слѣдующая записка его къ А. А. Краевскому, относящаяся приблизительно къ тому же времени и, очевидно, пересланная Краевскимъ князю Одоевскому:

Нѣтъ ничего тяжелѣе, Краевскій, какъ назначать цѣну своему труду, когда онъ уже конченъ. Въ первый разъ я получилъ отъ г.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1904 г.

Гурцева 300 р. асс., но вторую мою работу я безъ преувеличенія считаю втрое тяжелѣе первой, почему и думаю, что 500 р. асс. не были бы вознагражденіемъ, превышающимъ трудъ. Впрочемъ, если г. Гурцевъ уѣхалъ, то, разумѣется, кн. Одоевскій тутъ ничѣмъ не виноватъ, и я нисколько не почитаю его обязаннымъ принимать въ чужомъ пиру похмѣлье—мнѣ бы давно слѣдовало увѣдомить его о дѣлѣ. И потому, потрудитесь только добиться удовлетворительнаго отвѣта—да или нѣтъ, чтобы такъ или сякъ, но только считать это дѣло рѣшеннымъ и конченнымъ. В. Бѣлинскій.

Сегодня я обѣдаю у Михайловскаго-Данилевскаго [1]) — вотъ что значитъ писать такія прекрасныя статьи, какъ о «Сто русскихъ литераторовъ» [2]): какъ разъ во дворецъ будешь ѣздить и съ посланникомъ впятеромъ въ вистъ играть.

Посылаю стихи Сатина [3])—непремѣнно помѣстите, иначе онъ можетъ оскорбиться.

XXII. Письмо А. В. Кольцова [4]).

Воронежъ, 24-го октября 1841.

Ваше сіятельство

любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Опять я къ вамъ съ тою же просьбою, о которой я васъ еще весною просилъ, когда уѣхалъ отъ насъ губернаторъ Ладыгинъ [5]). Говорили, вмѣсто его будетъ (забылъ ужъ кто), и я писалъ вамъ объ немъ письмо [6]); дѣла измѣнились, и вмѣсто его пріѣхалъ на губернаторство его превосходительство генералъ-маіоръ фонъ-деръ-Ховенъ [7]), чело-

---

[1]) Александра Ивановича, военнаго историка.

[2]) Разборъ 2-го тома альманаха „Сто русскихъ литераторовъ“ былъ напечатанъ Бѣлинскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г., т. 17, отд. V, Критика, стр. 1—22.

[3]) Николая Михайловича Сатина (р. 1814 † 1873), поэта, извѣстнаго преимущественно своими переводами изъ Шекспира и Байрона. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г., т. 17, стр. 189, напечатано стихотвореніе Сатина: „Поэту—судіи“, съ датою: „1юля 8 1841. Москва“.

[4]) Два письма Кольцова къ князю Одоевскому (1839 и 1840 гг.) были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., ст. 834—838; см. также Стихотворенія и письма А. В. Кольцова, изд. подъ редакціею А. И. Введенскаго, Спб. 1895, стр. 215—217 и 235—237.

[5]) Генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Лодыгинъ.

[6]) Этого письма нѣтъ въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[7]) Баронъ Христоферъ Христоферовичъ фонъ-деръ-Ховенъ (р. 1795 †1890), участникъ войнъ 1829 и 1831 гг., впослѣдствіи сенаторъ и генералъ-отъ-инфантеріи.

вѣкъ дѣятельный и умный; объ немъ-то опять моя къ вамъ просьба: нельзя-ли меня познакомить съ нимъ. У меня теперь къ нему нѣтъ дѣлъ никакихъ, но, въ случаѣ нужды, я къ нему пойти и не могу... Особенно я боюсь нашего большаго барина управляющаго, безсребреннаго Карачинскаго [1]). Онъ, пріѣхавши изъ Петербурга, косится на меня косѣе прежняго, а у него въ палатѣ есть еще кой-какія отца моего старыя дѣлишки неконченны. Они пустыя; но есть мастера изъ ничего сдѣлать гору, и онъ ихъ все замѣтно протягиваетъ вдаль. Дѣлайся все какъ должно—хорошо. А если неровенъ часъ, и я одинъ здѣсь безъ поддержки. Какъ идетъ управленіе въ палатѣ г(осударственныхъ) и(муществъ), сказать вамъ не могу; по пріѣздѣ изъ Москвы, великимъ постомъ, было своихъ дѣлъ много; въ апрѣлѣ сдѣлался нездоровъ и до сихъ поръ. Кромѣ этого, едва-ли подобныя вещи вамъ нужны; вѣдь въ прошлый разъ осталось же все безо всего, и слова святой истины не сдули пылинки съ чернаго дѣла. Не знаю, какъ пойдетъ настоящій наборъ, а прошлогодній былъ самый безчеловѣчный. Были жалобы — ихъ никто не слушалъ. Кто больше обиженъ, тотъ больше остался виноватъ. А кто сіе учинилъ, тѣ всѣ остались людьми благородными. Ваше сіятельство, если не затруднитъ васъ слишкомъ моя просьба, то прошу васъ покорнѣйше не оставить ея безъ вниманія. Почитающій и любящій васъ, вашего сіятельства покорный слуга Алексѣй Кольцовъ.

XXIII. Письмо М. Н. Загоскина.

Москва. 13-го февраля 1843.

Почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Благодарю васъ отъ всей души за ваше дружеское и любезное письмо [2]). Я имѣлъ уже несчастіе быть въ рукахъ у духовной цензуры, слѣдовательно, нимало не дивлюсь, что она хотѣла или не пропустить или по крайней мѣрѣ коверкать по-своему мою статью [3]) и сдѣлать изъ нея какую-то проповѣдь—по крайней мѣрѣ вступленіе очень походитъ на проповѣдь. Я не могу обѣщать вамъ ничего для второй

[1]) Николай Ивановичъ Карачинскій, управляющій Воронежскою палатою государственныхъ имуществъ.

[2]) Это письмо князя Одоевскаго къ Загоскину, отъ 4-го февраля 1843 г., напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., сентябрь, стр. 631—632.

[3]) Рѣчь идетъ о статьѣ Загоскина „Отецъ Василій“, напечатанной въ 1-й книжкѣ сборника „Сельское Чтеніе“, издававшагося княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. По требованію духовной цензуры, передъ этою статьею было помѣщено небольшое предисловіе, въ которомъ указывалась важность священническаго сана (см. тамъ же, стр. 631).

книжки [1]), потому что воображеніе мое становится очень лѣнивымъ и я занятъ «Москвой и Москвичами» [2]), которыхъ намѣренъ выдать по крайней мѣрѣ книжекъ шесть. Ваше сравненіе народа русскаго съ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ совершенно справедливо [3]) — то-то бѣда, если ему подсунутъ какого-нибудь Фоблаза [4])—и конечно теперь для него лучше ничего нельзя придумать «Сельскаго Чтенія». Спасибо вамъ за намѣреніе и выполненіе. Дай Богъ, чтобъ наши мужички полюбили это чтеніе, которое рѣшительно должно имъ принести пользу.

Что у васъ въ Петербургѣ дѣлается? Такъ же-ли вы мокнете, какъ мокнемъ мы бѣдные въ нашей Москвѣ; намъ скоро придется ѣздить по улицамъ на лодкахъ. Иностранцы стараются насъ утѣшить, говоря, что точно такая зима бываетъ во Франціи и южной Германіи. Если это правда, то я не поздравляю ихъ съ этимъ—то-ли дѣло нашъ морозъ—чистый, сухой воздухъ и санный путь;—отъ холода есть защита—завернулся въ шубу, да и знать его не хочешь,—а отъ этой сырой, мокрой и гнилой погоды нѣтъ никакого спасенія. Нѣтъ во всей Москвѣ человѣка, который не страдалъ бы отъ нея: или насморкомъ, или кашлемъ, или по крайней мѣрѣ тоскою.

Прощайте, почтеннѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ, обнимаю васъ отъ всей души и прошу поцѣловать за меня ручку у вашей барыни.

Всѣмъ сердцемъ вамъ преданный Михайла Загоскинъ.

XXIV. Письма А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго [5]).

1.

(1843 г.).

Вотъ экземпляръ «Сельскаго Чтенія», принадлежащій Перовскому [6]). Вчера я получилъ отзывъ изъ Мин(истерства) нар(роднаго) просвѣ-

---

[1]) „Сельскаго Чтенія".

[2]) „Москва и Москвичи" Загоскина вышли въ свѣтъ въ 1842—1850 гг. всего въ четырехъ выпускахъ („выходахъ").

[3]) „Наша минута—важная минута:—писалъ князь Одоевскій—теперь нашему простому народу—кажется не болѣе лѣтъ 13-ти; бѣда, если къ нему попадется Фоблазъ или Выжигинъ; испортится и физически, и нравственно—и послѣ не поправить никакимъ лѣкарствомъ" („Русская Старина", 1902 г., сентябрь, стр. 632).

[4]) Скабрезный романъ французскаго писателя Луве-де-Кувре (р. 1760 † 1797).

[5]) Писатель и государственный дѣятель Андрей Пареенович Заблоцкій-Десятовскій (р. 1807 † 1881, въ званіи члена Государственнаго Совѣта) служилъ въ 1838—1859 гг. по министерству государственныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ онъ издавалъ въ 1843—1848 гг. сборникъ „Сельское Чтеніе" (вышло всего четыре книжки).

[6]) Льву Алексѣевичу Перовскому, въ то время министру внутреннихъ дѣлъ и товарищу министра удѣловъ.

щ(енія), которое требуетъ 2 т(ысячи) экземп(ляровъ) «Сельскаго Чтенія». Изъ 2-хъ тысячъ, по-настоящему, не стоитъ дѣлать новое изданіе, ибо 500 р. сер. только только что окупятъ издержки; я однакоже, для видовъ на будущее, рѣшаюсь приступить къ изданію [1]). Хорошо бы, если бы вы успѣли повидаться съ Далемъ [2]); не возьметъ-ли удѣльное начальство хоть 1.000 экземп(ляровъ) съ тѣмъ, что статьи по сельскому хозяйству будутъ исправлены согласно съ замѣчаніями Байкова [3]) Если бы на это согласилось удѣльное начальство, тогда бы можно было печатать не 2.000, а 4.000 экземпляровъ, и это принесло бы и намъ какую-нибудь хотя небольшую выручку. Если вы хотите приступить къ этому, то дѣйствуйте, не отлагая въ долгій ящикъ: сегодня, послѣ обѣда, Даль бываетъ дома. Съ будущей недѣли я приступлю къ печатанію, и тогда уже будетъ позд(н)о. Видѣлись-ли вы съ Крыловымъ насчетъ басенъ [4])? Нужно приступать ко 2-й книжкѣ «Сельскаго Чтенія», которая можетъ имѣть еще бо̀льшій успѣхъ, нежели первая книжка, если только повести дѣло порядкомъ.

Вашъ А. Заблоцкій.

2.

(1846 г.).

Вчера вы меня такъ накормили-напоили, что я не въ состояніи былъ хорошо разсуждать о календарѣ; сегодня я сообразилъ и разсчиталъ это дѣло, и нахожу не болѣе, какъ копеечные счеты; ежели съ каждаго экземпляра очистится 10 к. сер.—то это будетъ maximum, чего я впрочемъ и не надѣюсь; 5 к. надобно отдать Академіи [5]), а 5 к., положимъ, будутъ раздѣлены на-двое, стало быть съ каждой тысячи экземпляровъ придется получить на одинъ пай 25 руб. сер. Согласитесь, что игра не стоитъ свѣчей—въ экономическомъ отношеніи. Что касается до нравст(веннаго), то и здѣсь предстоитъ вотъ что: предполагаемый календарь будетъ нѣчто въ родѣ «Сельскаго Чтенія», и какъ

---

[1]) Второе изданіе первой книжки „Сельскаго Чтенія“ вышло въ томъ же 1843 году. „Сельское Чтеніе“ имѣло большой успѣхъ (напр., первая книжка „Сельскаго Чтенія“ выдержала 11 изданій; вторая—семь).

[2]) Владиміръ Ивановичъ Даль былъ въ то время секретаремъ при товарищѣ министра удѣловъ.

[3]) Матвѣй Андреевичъ Байковъ (р. 1800 † 1849), писатель, основатель и директоръ удѣльнаго земледѣльческаго училища въ Петербургѣ.

[4]) Во 2-й книжкѣ „Сельскаго Чтенія“, вышедшей въ свѣтъ въ 1844 году, между прочимъ, помѣщены: статья князя В. Ѳ. Одоевскаго „Кто такой дѣдушка Крыловъ?“ и три басни Крылова: „Крестьянинъ въ бѣдѣ“, „Совѣтъ мышей“ и „Лягушка и Волъ“.

[5]) Императорской Академіи Наукъ, которая имѣла привилегію издавать календари.

издавать его будутъ почти тѣ же люди, то это значитъ разъединять и силы, и дѣятельность, которыхъ и на «Сельское Чтеніе» достаетъ весьма мало. Но «С(ельское) Чтеніе» есть дѣло установившееся, вѣрное,— стоитъ только поддерживать его, а календарь? Богъ знаетъ, что еще съ нимъ будетъ. По моему мнѣнію, самой Академіи выгоднѣе уступить право «С(ельскому) Чтенію» напечатать святцы за нѣкоторую умѣренную плату; это будетъ для нея тѣмъ выгодно, что вовсе не будетъ подрывать ея календаря,—а для «С(ельскаго) Чтенія»—это будетъ опытомъ. Если хотите, я отъ своего имени вступлю по этому дѣлу въ переговоры съ Фуссомъ [1]). Во всякомъ случаѣ, ясно, что не слѣдуетъ торопиться давать положительный отвѣтъ Усову [2]). Подождите до вторника, мы еще разъ потолкуемъ.

Письмо это доставитъ къ вамъ M-me Pauli; позвольте кстати замолвить слово за нее. Все, чего она ищетъ и въ чемъ имѣетъ крайнюю нужду—это 300 р. сер. въ годъ на воспитаніе двухъ ея дѣтей.

Вчера вы проговорились о какомъ-то благотворительномъ Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго [3]): вотъ прекрасный случай для дебюта этого Общества! Нельзя-ли сдѣлать чего-нибудь по этому предмету?

Вашъ А. Заблоцкій.

XXV. Письмо М. В. Юзефовича [4]).

Кіевъ. 28-го марта 1844.

Препровождаю при семъ для васъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, экземпляръ романа Кулѣша [5]) «Чарнышенко» [6]). Я увѣ-

---

[1]) Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ (р. 1798 † 1855), академикомъ по каѳедрѣ математики и непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ.

[2]) Степанъ Михайловичъ Усовъ (р. 1797 † 1859), адъюнктъ, а потомъ профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и редакторъ „Земледѣльческой Газеты", издававшейся министерствомъ государственныхъ имуществъ.

[3]) Общество посѣщенія бѣдныхъ, возникшее въ 1846 году. Почетнымъ попечителемъ Общества состоялъ (въ 1846—1852 гг.) герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Князь В. Ѳ. Одоевскій, при самомъ учрежденіи Общества, единогласно былъ избранъ его предсѣдателемъ.

[4]) Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ (р. 1802 † 1889), воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, былъ въ это время помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; послѣдніе годы своей жизни онъ состоялъ предсѣдателемъ Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

[5]) Извѣстный малорусскій писатель Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (р. 1819 † 1897).

[6]) Историческій романъ П. А. Кулиша „Михайло Чернышенко, или Ма-

ренъ, что вы найдете въ немъ признаки неподдѣльнаго дарованія; а это будетъ достаточно, чтобъ заслужить ваше участіе и покровительство 24-хъ-лѣтнему юношѣ, которому предстоитъ весьма трудная въ наше время забота: открыть себѣ пути къ вѣдѣнію и прочтенію публики. Ежели въ настоящемъ положеніи нашей книжной торговли этого достигнуть почти невозможно, то пусть, по крайней мѣрѣ, онъ дѣлается извѣстнымъ хотя небольшому кругу достойныхъ цѣнителей. Вы принадлежите къ числу главнѣйшихъ старшинъ нашей литературы. Вашъ одобрительный голосъ будетъ для Кулѣша и поощреніемъ, и утѣшеніемъ. Пособите, любезнѣйшій князь, спасти молодой талантъ отъ уныніи и поддержать его дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю А. В. Никитенку новую повѣсть его для напечатанія гдѣ-нибудь. Эту повѣсть я поручаю также вашему покровительству. Я прошу Александра Васильевича сообщить вамъ ее до напечатанія.

Поручая себя вашей доброй памяти и благорасположенію, прошу васъ вѣрить отличному уваженію и искренней преданности, съ коими навсегда пребуду къ вамъ М. Юзефовичъ.

XXVI. Письмо М. П. Розберга [1]).

Дерптъ. 31-го марта 1846.

Незабвенный, любезнѣйшій товарищъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Письмо ваше, отъ 28-го ноября [2]) прошедшаго года, я получилъ недавно отъ г-на Неймана [3]). Я постараюсь сдѣлать для него все, что отъ меня будетъ зависѣть; впрочемъ, въ надеждахъ своихъ получить здѣсь, вмѣстѣ со степенью магистра, права, соединенныя съ нею на службѣ, онъ обманулся: въ Дерптскомъ университетѣ, касательно этого, существуютъ тѣ же постановленія, какія и въ остальныхъ нашихъ русскихъ. Невзгода не остановила однакожъ твердаго въ намѣреніяхъ своихъ правовѣдца:—онъ приготовляется къ испытанію.

Горькими слезами оплакалъ я неожиданную кончину стариннаго

лороссія 80 лѣтъ назадъ" былъ изданъ, въ трехъ частяхъ, въ Кіевѣ въ 1843 году. Средства для изданія этого романа были даны Кулишу М. В. Юзефовичемъ.

[1]) Михаилъ Петровичъ Розбергъ (р. 1804 † 1874), воспитанникъ Московскаго университета (кончилъ курсъ въ 1829 году со степенью кандидата философскаго факультета), занималъ въ 1835—1867 гг. каѳедру русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ; въ 1841 г. онъ былъ выбранъ въ академики Императорской Академіи Наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словесности.

[2]) Письмо кн. Одоевскаго было отъ 18-го ноября; въ подлинникѣ дата написана невполнѣ ясно, и Розбергъ ошибочно прочелъ: 28-го ноября.

[3]) См. о немъ помѣщаемое ниже письмо кн. Одоевскаго къ Розбергу.

друга нашего Николая Алексѣевича Полеваго [1]). Въ его домѣ, за Сухаревой башней, я часто встрѣчался съ вами; съ его именемъ соединяется въ душѣ моей толпа литературныхъ и житейскихъ воспоминаній; онъ возникъ метеоромъ между нами, въ Москвѣ, когда она еще кипѣла во дни нашей молодости любознательной дѣятельностью и безкорыстною страстью къ наукамъ. Что бы ни думали, какъ бы ни говорили, онъ, несмотря на свои уклоненія, ошибки и промахи, одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей Россіи, и отечество можетъ имъ гордиться. Позже ему отдадутъ болѣе справедливости, нежели теперь. Неутомимый въ трудѣ, гибкій, раздражительный, одушевленный какимъ-то чутьемъ, хотя не всегда отчетливымъ, истины, новизны, свѣжести, онъ на многое указалъ, многое предчувствовалъ, многое прекрасно исполнилъ, проложилъ смѣло нѣсколько до него у насъ невѣдомыхъ путей и сдѣлался яркимъ воплощеніемъ всей нашей современной образованности, съ ея преимуществами и недостатками. Хвала ему! Жизнь его—подвигъ: онъ выстрадалъ ее, прикованный слишкомъ двадцать лѣтъ къ письменному своему столу, какъ Прометей къ скалѣ Кавказа; но завѣтный огонь, имъ похищенный, съ тѣхъ поръ уже не угасалъ. Мысль о Полевомъ перейдетъ къ потомству....

Народная педагогія, которая покамѣстъ составляетъ предметъ вашихъ занятій [2]),—дѣло важное и полезное. Да благословитъ васъ Богъ Простите моей нескромности: я къ вамъ съ просьбой—если вы сами издатель вашихъ сочиненій, пришлите мнѣ экземпляръ съ надписью вашей руки. Это будетъ для меня драгоцѣнно. Не забывайте меня. Вашъ голосъ вызываетъ меня изъ вязкой нѣмецкой тины, наполняя сердце роднымъ, близкимъ, любимымъ.

Преданный вамъ душою Михаилъ Розбергъ.

Приводимъ письмо князя Одоевскаго къ Розбергу отъ 18-го ноября 1845 года, изъ Петербурга [3]):

Любезнѣйшій Михайло Петровичъ!

Податель сего письма г. Нейманъ, сынъ извѣстнаго юриста Ней-

---

[1]) Н. А. Полевой скончался въ Петербургѣ 22-го февраля 1846 г.

[2]) Князь В. Ѳ. Одоевскій увлекался элементарною педагогіею (для занятій съ дѣтьми отъ 6-лѣтняго до 10-тилѣтняго возраста) и былъ занятъ большимъ сочиненіемъ „Наука до науки“.

[3]) Подлинникъ письма былъ въ 1898 г. принесенъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ Г. А. Тройницкимъ (см. „Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1898 годъ“, стр. 147).

мана [1]), правой руки Сперанскаго и который извѣстенъ своимъ разборомъ Русской Правды [2]), о которой въ его время никто еще и не помышлялъ. Сынъ пошелъ по слѣдамъ отца. Онъ теперь намѣренъ держать экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ на ученую степень; сдѣлайте милость, приласкайте и не оставьте; симъ много меня обяжете. Что вы подѣлываете, любезнѣйшій товарищъ? Что замолкли? Я же вожусь съ моею элементарною педагогіею и, чтобы не развлекаться въ мысляхъ, не принимаюсь пока ни за что литературное. Теперь печатается первая изъ цѣлаго ряда книжекъ, мною приготовленныхъ: Наука до науки. Какъ скоро выйдетъ—пришлю.

Вамъ душевно преданный к. В. Одоевской.

XXVII. Письмо Н. В. Гоголя [3]).

Неаполь, 16-го марта (1847).

Прежде я бы на тебя разсердился, несмотря на то, что любилъ всегда добрую твою душу и зналъ, что никому въ жизнь свою ты не нанесъ еще никакой непріятности. Но я бы на тебя разсердился за твое молчаніе въ такую минуту, когда тягостнѣй всего было получить мнѣ отъ друзей моихъ молчаніе. Я думалъ, что, по поводу выхода книги моей [4]), друзья мои поставятъ себѣ въ непремѣнную обязанность — передать мнѣ свои ощущенія, указать мнѣ мои заблужденія, ошибки или промахи, довести до моего свѣдѣнья замѣчанія умныхъ людей словомъ, дать мнѣ случай оглянуться на самого себя и построже раз-

---

[1]) Іоганнъ-Георгъ (Иванъ Егоровичъ) Нейманъ (р. 1780 въ Марбургѣ † 1855) былъ вызванъ въ 1807 г. въ Россію для участія въ работахъ Коммиссіи о составленіи законовъ, въ которой состоялъ сначала помощникомъ редактора, потомъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ законовъ и наконецъ секретаремъ совѣта. Въ 1809 г. былъ назначенъ профессоромъ русскаго права въ Казанскій университетъ, въ 1811 г. перешелъ въ Дерптъ, въ 1814 г. опять въ Казань, а въ 1817 г. снова въ Дерптъ, гдѣ и оставался профессоромъ до 1826 г., когда вышелъ въ отставку. Въ 1826 г. былъ приглашенъ для занятій во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, но въ концѣ года, по болѣзни, былъ освобожденъ отъ занятій въ Отдѣленіи.

[2]) Князь В. Ѳ. Одоевскій, вѣроятно, имѣетъ въ виду записку Неймана: „Ueber die Wichtigkeit der Kenntniss und der Bearbeitung des alten slavischen Rechts für die Erklärung der ältesten russischen Gesetze und für die russische und slavische Geschichte überhaupt“, представленную имъ въ 1814 году въ Академію Наукъ (см. Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, ч. II (Казань. 1891, стр. 94—95, и Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета, т. I (Юрьевъ. 1902), стр. 586).

[3]) Это письмо Гоголя къ князю Одоевскому было принесено послѣднимъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1857 году (см. „Отчетъ“ Библіотеки за 1857 годъ, стр. 85). Послано оно было князю Одоевскому черезъ графиню А. М. Вielьгорскую (см. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. III, стр. 413).

[4]) Т. е. Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

смотрѣть себя. И хоть бы какое-нибудь слово отъ кого-нибудь изъ Петербурга! Я могу только догадываться, что есть обо мнѣ слишкомъ много невыгодныхъ толковъ, къ которымъ подалъ я самъ поводъ темнотой, неясностью словъ и выраженій (которыми страдалъ долго и слѣды которыхъ остались слишкомъ ощутительны въ моей книгѣ), неполнымъ развитіемъ тѣхъ истинъ, которыя слѣдовало подать въ видѣ доступномъ для читателя. Но какіе именно эти толки — я не знаю. Тогда какъ мнѣ слѣдуетъ знать, потому что потомъ бы я впалъ въ такія ошибки, въ какихъ и не думаю подозрѣвать себя. Ради самого Христа передай мнѣ хотя важнѣйшіе изъ нихъ. Ты видишь много умныхъ людей, у тебя же они притомъ и собираются всякую недѣлю. Что тебѣ стоитъ передать мнѣ мнѣнія ихъ всѣхъ и прибавить въ заключенье свое. Не бойся, я не вынесу изъ избы сору и ни на кого не разсержусь, хотя бы онъ выразился обо мнѣ, какъ объ напрезрѣннѣйшемъ человѣкѣ. Грѣхъ будетъ тебѣ, если ты не исполнишь этого, потому что это дѣло души моей и душа моя требуетъ въ спасенье свое осужденій. Передай мой душевный поклонъ княгинѣ. Скажи ей, что мнѣ слишкомъ совѣстно, что я дерзнулъ было наложить на нее одно хлопотливое дѣло. Я послѣ увидѣлъ самъ, что это было не умно; а она, добрая душа, несмотря на все, изъявила готовность великодушную исполнить мою просьбу. Богъ ее да наградитъ за то и тебя, если ты также великодушно исполнишь мою нынѣшнюю просьбу.

Весь твой Г.

Спроси у Вяземскаго, получилъ-ли онъ письмо черезъ Россети Ар(кадія) О(сиповича) [1]). Я до сихъ поръ еще не получилъ никакой книги изъ Петербурга, ни моей, ни чужихъ.

XXVIII. Письмо А. В. Никитенка.

Генваря 1-го дня 1851 года.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Всякой, кто принялъ на себя какую-нибудь обязанность, долженъ исполнять ее, а если не можетъ, долженъ сказать о томъ добросовѣстно и откровенно—истина аксіоматическая для честнаго человѣка. Извѣстно, что обязаниость члена Общества посѣщенія бѣдныхъ есть двоякая: денежная и дѣятельная. Одну, т. е. послѣднюю, я исполняю по силамъ

---

[1]) Это письмо Гоголя къ кн. Вяземскому, отъ 28-го февраля н. ст. 1847 г., см. въ Письмахъ Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. III, стр. 379—382; письмо же Гоголя къ Аркадію Осиповичу Россету (брату извѣстной А. О. Смирновой), черезъ котораго было послано письмо къ кн. Вяземскому, см. тамъ же, стр. 376—378.

моимъ и крайнему разумѣнію, другой не могу, хотя бы и радъ, по причинѣ весьма простой и отъ меня не зависящей — именно я самъ бѣденъ, и весьма бѣденъ. Казалось бы, этого не должно быть съ человѣкомъ, который пользуется полнымъ употребленіемъ своихъ силъ и достаточною репутаціей въ своемъ художествѣ, въ особенности какъ профессоръ отечественнаго слова — въ своемъ отечествѣ. Однакожъ истина для меня очевидна, что я едва могу существовать наискромнѣйшимъ образомъ съ моимъ семействомъ. Университетское жалованье, какъ вы знаете, одно не доставляетъ возможности жить въ Петербургѣ, драгоцѣннѣйшемъ мѣстѣ во вселенной, а я остаюсь почти при немъ одномъ. Прежде я дополнялъ мое содержаніе перомъ и свѣдѣніями моими; о первомъ нечего говорить, на вторыя нѣтъ запроса, слѣдовательно нѣтъ сбыта, слѣдовательно нѣтъ и денегъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для меня, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, не только обременительно вносить въ Общество положенную сумму и уплатить числящуюся на мнѣ недоимку, но просто невозможно, хотя бы я хотѣлъ даже продать часть моего имущества: ибо имущество мое почти изъ однѣхъ книгъ состоитъ, а книги не покупаются, а только развѣ иногда крадутся пріятелями у пріятелей. Изъ этого отчета слѣдуетъ, что я могу быть, такъ сказать, только половиннымъ членомъ Общества, т. е. жертвовать ему моими трудами и временемъ—только.

Досточтимый и благороднѣйшій изъ человѣковъ не князей и князей-человѣковъ! рѣшите, до какой степени можетъ быть терпимо таковое мое оканство и могу-ли я принадлежать далѣе къ Обществу, которое впрочемъ я глубоко уважаю за дѣло, за его труды и за людей, изъ которыхъ оно умѣло себя создать.

Само собою разумѣется, что письмо это не должно имѣть оффиціальной гласности и остается только между вами и мною.

Съ глубокимъ сердечнымъ уваженіемъ и неизмѣнною любовію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Никитенко.

XXIX. Письма И. С. Тургенева.

I.

Письмо къ княгинѣ О. С. Одоевской.

С. Спасское, 26-го мая 1856 г.

Зачѣмъ я не Державинъ, любезная княгиня! Какъ бы я ударилъ въ струны, чтобы возблагодарить васъ за вашу доброту и снисходительность! Говоря серьезно, я вамъ очень благодаренъ и постараюсь лично изъявить вамъ мои чувства въ половинѣ іюля въ Ораніенбаумѣ, куда я

непремѣнно отправлюсь изъ Петербурга. А теперь пока не много имѣю я сказать вамъ о томъ, что я дѣлаю въ деревнѣ—потому что, правду говоря, я ничего не дѣлаю—ѣмъ, гуляю и сплю—и по цѣлымъ часамъ не сознаю въ головѣ своей присутствія малѣйшей мысли.—Это очень покойно, и, вообразите себѣ—гораздо пріятнѣе, чѣмъ я ожидалъ!

За симъ еще разъ благодарю васъ, цѣлую ваши ручки, кланяюсь князю и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

II.

Письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

Баденъ-Баденъ, 5-го (17-го) апрѣля 1868.
Thiergartenstrasse, 3.

Любезнѣйшій князь.

Позвольте поручить вашему — можно сказать всей Россіи извѣстному — радушію и вашей добротѣ подателя этого письма Николая Михайловича Стромилова, молодаго человѣка и начинающаго литератора. Обстоятельства его тѣсны и затруднительны, но онъ готовъ трудиться и проситъ одного: работы. Но и работу не всегда легко достать — и вы, какъ одинъ изъ патріарховъ Москвы, въ которой онъ желаетъ поселиться, можете оказать ему великую услугу вашими совѣтами и вашей помощью. Заранѣе благодарю васъ за все, что вы сдѣлаете для этого молодаго человѣка, и прошу васъ, а также и любезнѣйшую княгиню принять увѣреніе въ нелицемѣрной моей дружбѣ и преданности.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

XXX. Письмо Н. И. Костомарова.

Саратовъ, 18-го іюля 1856 г.

Ваше сіятельство князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года я обращался къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о помѣщеніи меня на службу при Императорской Публичной Библіотекѣ. Но какъ въ настоящее время должность библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, по смерти г. Штукенберга [1]), остается незанятою, то я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство, по моему прошенію, посланному на имя директора Библіотеки опредѣлить меня на это мѣсто. Будьте милостивы, ваше сіятельство, окажите мнѣ это благодѣяніе. Занимавъ нѣкогда каѳедру русской исторіи [2]), посвятивъ болѣе пятнадцати лѣтъ изученію отечественной ста-

[1]) Библіотекаремъ Румянцовскаго Музея былъ Иванъ Христіановичъ Штукенбергъ.

[2]) Въ 1846 г. въ университетѣ св. Владиміра.

рины, я ревностно желаю принести, по возможности, какую-нибудь пользу наукѣ. Знаю, что я не ознаменовалъ себя ничѣмъ такимъ, что бы мнѣ давало право на вниманіе вашего сіятельства; напротивъ, на мнѣ лежитъ память монаршаго гнѣва за юношескія увлеченія, которыя я долженъ былъ искуплять многолѣтними, горькими страданіями [1]). Поэтому, получивъ прощеніе государя императора [2]), я, для возвращенія на прежній путь служенія наукѣ, обращаюсь единственно къ вашему великодушію. Даровавши мнѣ должность, о которой я прошу ваше сіятельство, вы доставите мнѣ возможность сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ безбѣдной жизни. Заслужить вашу милость и сдѣлаться, сколько мои способности дозволятъ, ея достойнымъ—я поставлю цѣлью всей моей будущей дѣятельности. Я прошу покорнѣйше ваше сіятельство, въ случаѣ согласія вашего, сдѣлать распоряженіе о переводѣ меня, сообразно поданному мною прошенію; въ противномъ же случаѣ, если просимая мною теперь должность библіотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ [3]) не можетъ быть замѣщена мною, не откажите, ваше сіятельство, приказать увѣдомить меня о томъ.

Приношу увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Николай Костомаровъ.

XXXI. Письмо Д. А. Смирнова [4]).

Губернскій г. Владиміръ, 3-го декабря 1858 г.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Я очень хорошо помню тотъ ласковый и обязательный пріемъ, который вы нынѣшней весной сдѣлали мнѣ, какъ племяннику Грибоѣдова и человѣку, который и прежде бывалъ у васъ въ домѣ вмѣстѣ

---

[1]) Участіе въ такъ-называемомъ «Кириллo-Меѳодіевскомъ обществѣ», за что въ 1847 г. Костомаровъ былъ арестованъ и высланъ въ Саратовъ.

[2]) Осенью 1855 года Н. И. Костомаровъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать изъ Саратова на четыре мѣсяца въ Петербургъ (см. автобіографію Н. И. Костомарова въ „Русской Мысли“ 1885 года, іюнь, стр. 30).

[3]) Какъ извѣстно, Костомаровъ не былъ опредѣленъ на должность библіотекаря Румянцовскаго Музея.

[4]) Дмитрій Александровичъ Смирновъ (р. 1819 † 1866), воспитанникъ Московскаго университета, извѣстенъ своими трудами по собиранію матеріаловъ для біографіи А. С. Грибоѣдова. Краткія біографич. свѣдѣнія о Д. А. Смирновѣ см. въ „Трудахъ Владимірской ученой архивной коммиссіи“, книга II (Владиміръ. 1900), Приложенія, Портретная галлерея уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи. Составилъ А. В. Смирновъ, выпускъ I, стр. 25—27).

съ Виноградовымъ [1]), о которомъ мы вспомнили. Помню я и то, что, предложивши вамъ снять копію съ одного изъ оригинальныхъ портретовъ моего знаменитаго дяди, я обѣщалъ вамъ фотографическую копію и съ другого (20-ти лѣтъ). Оригиналъ этого послѣдняго портрета теперь уже въ Петербургѣ, на-дняхъ съ него будетъ снята копія, и я прошу васъ, князь, чтобы вы позволили привезти и лично отдать въ ваши руки эту копію родному племяннику моему, лейбъ-гвардіи Московскаго полка офицеру Поливанову [2]), и еще прошу васъ, князь, чтобы вы обязали меня и приняли этотъ портретъ дяди отъ меня въ подарокъ, въ знакъ моего отличнаго къ вамъ уваженія и признательности за честь и удовольствіе вашего знакомства.

Вѣроятно, и вы вспомните, что̀ обѣщали мнѣ. Вы обѣщали мнѣ всѣ имѣющіяся у васъ бумаги, которыя касаются Грибоѣдова; по весной вы сказали, что онѣ въ вашемъ имѣніи, что послать за ними некого, кромѣ вашего камердинера, который былъ вамъ необходимъ, потому что вы были нездоровы. Умоляю васъ, князь (просто—умоляю),—если вы еще не вызвали ихъ изъ вашего домашняго архива, то сдѣлайте милость, вызовите хоть къ Новому году: я къ этому времени надѣюсь снова быть въ Петербургѣ, видѣться, разумѣется, съ вами и получить ваше позволеніе снять съ нихъ копіи. Всякая Грибоѣдовская строка для меня—драгоцѣнность, за которой я готовъ хоть пѣшкомъ Богъ знаетъ куда идти. Притомъ же я надѣюсь, что то, что вы разъ обѣщали,—можно почитать исполненнымъ.

Еще у меня къ вамъ просьба, князь. Не знакомы-ли вы съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко [3]), который хочетъ издавать «Русское Слово»? Если знакомы,—я очень радъ, потому что вы, вѣрно, не откажетесь сказать о мнѣ графу доброе слово и сдѣлать ему слѣдующее предложеніе: можетъ быть, ему будетъ угодно и онъ признаетъ не безполезнымъ для себя войти въ сношенія съ человѣкомъ, у котораго всѣ главные въ Россіи матеріалы о Грибоѣдовѣ и который молча, въ тишинѣ кабинета, уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ этими матеріалами.

---

[1]) Вѣроятно, кандидатомъ юридическаго факультета Московскаго университета Гавріиломъ Виноградовымъ († 1842), который при посредствѣ князя Одоевскаго хотѣлъ поступить на службу во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи (см. Опись бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, напеч. въ приложеніяхъ къ «Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1884 г.», Спб. 1887, стр. 8). Сочиненіе Виноградова «О судѣ по формѣ» Н. В. Калачовъ намѣревался напечатать въ «Юридическихъ Запискахъ» Рѣдкина (см. Бумаги кн. В. Ѳ. Одоевскаго, переплетъ № 8, ст. 7).

[2]) Матвѣй Михайловичъ Поливановъ, въ то время прапорщикъ л.-гв. Московскаго полка.

[3]) Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко († 1876) издавалъ въ Петербургѣ журналъ „Русское Слово“.

Теперь одинъ (о которомъ сейчасъ скажу подробно) изъ трудовъ моихъ о Грибоѣдовѣ готовъ совершенно, и я около Новаго года поѣду въ Петербургъ его продавать,—разумѣется, не дешево: подобнаго рода вещи не подходятъ подъ общую категорію журнальныхъ статей. Я дѣлаю графу это предложеніе, потому что дѣйствительно онъ, можетъ быть, разсудитъ, что не безполезно напечатать въ его, при томъ же новомъ, журналѣ вещь, о которой можно смѣло сказать, что ее прочтетъ вся Россія. Всѣ русскія редакціи и много людей образованныхъ давно знаютъ, что я занимаюсь Грибоѣдовымъ, и на всякую статью о немъ, подписанную моимъ именемъ, обратятъ особенное вниманіе. Это совсѣмъ не относится къ моей выгодѣ, а развѣ напротивъ въ отношеніи ко мнѣ будутъ требовательнѣе... Трудъ, который теперь готовъ у меня—это «черновая» дяди, мой кладъ, моя драгоцѣнность, которую я (въ подлинникѣ) не отдамъ на вѣсъ золота. Я говорилъ вамъ, князь, что я получилъ въ подарокъ отъ лучшаго друга дяди С. Н. Бѣгичева [1]) цѣлую, большую, переплетенную тетрадь разныхъ черновыхъ бумагъ его, однимъ словомъ, кладъ совершенный, особенно теперь, когда ищутъ и добиваются всякой новой строки знаменитаго писателя. Боже мой, чего только нѣтъ въ этой тетради! Тутъ и путевыя записки, и стихотворенія, и замѣтки о русской археологіи, и даже то, что всѣ почитали погибшимъ—отрывки изъ знаменитой «Грузинской ночи», и все это сбито, перемѣшано, перепутано, такъ что представляетъ истинный хаосъ. Все это было нужно «разобрать» во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. систематизировать, разобрать лексически (пожалѣйте меня, князь: отъ послѣдняго я почти ослѣпъ, потому что часто при разборкѣ связныхъ трудныхъ мѣстъ употреблялъ увеличительное стекло вершка четыре въ діаметрѣ), объяснить комментаріями, для чего я долженъ былъ прочесть груды книгъ, и чтобы объяснить то, о чемъ не найдешь въ книгахъ, найти корреспондентовъ въ Грузіи, Арменіи, Крыму, на Кавказѣ и объяснителей по Персіи. Труда было страшно много (повторяю, что я почти ослѣпъ), и этотъ-то первый мой трудъ о Грибоѣдовѣ я предлагаю графу Кушелеву. Я надѣюсь, что отъ статей моихъ не откажется ни одна редакція, но я желалъ бы имѣть дѣло съ графомъ... Надо замѣтить, что за двумя, довольно большими, статьями о «черновой» [2]) послѣдуетъ одна,—думаю, что любопытная—статья: «Матеріалы для исторіи Горе отъ ума» [3]) и наконецъ

[1]) Степана Никитича Бѣгичева († 1857).

[2]) Сообщеніе Д. А. Смирнова «А. С. Грибоѣдовъ. Черновая тетрадь Грибоѣдова» было напечатано въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г., № 4, отд. I, стр. 1—82, и № 5, отд. I, стр. 9—116.

[3]) Вѣроятно, здѣсь Д. А. Смирновъ имѣетъ въ виду снятую имъ копію съ первоначальнаго текста „Горя отъ ума“, по рукописи, принадлежавшей Бѣ-

послѣдній отдѣлъ (3-й): «Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова» [1]). Въ обоихъ послѣднихъ отдѣлахъ будетъ много любопытнаго, новаго, находящагося въ однѣхъ только моихъ рукахъ. Вотъ какое у меня Грибоѣдовское богатство!

Я надѣюсь, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, что вы не поставите себѣ въ особенный трудъ передать графу Кушелеву все, что я пишу къ вамъ, или просто передать ему мое письмо, которое ему все подробно разскажетъ. Если графу угодно будетъ «пріобрѣсти» меня, то я буду ждать отъ него нѣсколькихъ строкъ и полнаго адреса. Тогда я, съ полной увѣренностью, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благороднымъ, у котораго статьи мои будутъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣлы, сейчасъ же вышлю ихъ ему по почтѣ и ровно черезъ три недѣли (чтобы дать время прочесть статьи) пріѣду въ Петербургъ для личныхъ о нихъ переговоровъ.

Простите, князь, что я безпокою васъ, но, когда я весной къ вамъ явился, отрекомендовался и напомнилъ, что имѣлъ честь знать васъ и прежде, вы спросили меня: «Отчего же вы ко мнѣ не писали?»—«Я не смѣлъ васъ безпокоить, князь»—было моимъ отвѣтомъ. «Племянникъ Грибоѣдова всегда можетъ писать ко мнѣ»—сказали вы. Слова эти мнѣ очень памятны—и вотъ причина, или правильнѣе основаніе, по которому я васъ безпокою. Не смѣю просить отвѣта, но не скрываю отъ васъ, что отвѣтъ вашъ много бы доставилъ мнѣ удовольствія. Всего болѣе, князь, прошу васъ о вашихъ бумагахъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими всегда буду имѣть честь быть вашимъ, милостивый государь князь, покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Смирновъ.

XXXII. Письма А. Н. Сѣрова.

1.

20-го февраля 1859 г.

Князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Пользуясь благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ вашего сіятельства и съ позволенія, личио полученнаго, обременяю васъ просьбами.

Во-первыхъ, прилагаю при семъ статейку о Лаубѣ [2]). Посланная

гичеву (а нынѣ хранящейся въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ), со вступительною статьею. Этотъ трудъ Д. А. Смирнова остался неизданнымъ, но извѣстенъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ спискахъ,

[1]) Эти „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ Д. А. Смирнова были напечатаны въ 1868 году въ „Бесѣдахъ въ Обществѣ Любителей россійской словесности“, вып. второй, отд. 2, стр. 1—30.

[2]) Скрипачъ Фердинандъ Лаубъ (р. 1832 † 1875).

въ редакцію «Спб. Вѣдомостей» черезъ васъ, она непремѣнно явится въ печати. (Чего, быть можетъ, и не случилось бы, еслибъ я самъ отъ себя доставилъ статью Краевскому) [1]). Условія мои для напечатанія только тѣ, чтобъ ко мнѣ была доставлена корректура (sine qua non!) и чтобъ по напечатаніи даны были мнѣ 3 или 4 отдѣльныхъ оттиска этой статейки. Попросите также, чтобъ не медлили помѣщеніемъ—концертъ Лауба—3-го марта, а послѣ концерта это будетъ «de la moutarde après souper» [2]).

Вторая моя униженнѣйшая просьба касается—вы догадываетесь—лекцій моихъ [3])! Вы сами обѣщали мнѣ тиснуть обо мнѣ нѣсколько строкъ. Теперь именно это необходимо.

Съ будущаго раза (тоже 3-го марта, въ одинъ вечеръ съ Лаубомъ! начинается вторая половина курса моего. Желательно бы зазвать побольше слушателей.

Скажите въ «Вѣдомостяхъ», что теперь остается самая интересная часть курса (ритмъ, мелодія, контрапунктъ, формы сочиненій музыкальныхъ и, наконецъ—оркестровка).

Скажите, что все это будетъ въ бѣгломъ, конечно, но полномъ очеркѣ, гдѣ существенные предметы будутъ разсмотрѣны всѣ. Скажите, что всего этого, въ такомъ изложеніи, трудно добиться по книгамъ. Надо перечитать бездну, чтобъ доискаться результатныхъ выводовъ, а тутъ выводы эти предлагаются публикѣ, какъ ошелушенный орѣшекъ. Остается только — скушать. (Вторая половина курса вся—за 5 р. серебромъ!) Но охотниковъ—на мои блюда—немного!!

Вмѣстѣ съ вами я знаю, что всякое начинаніе трудно, что никакое дѣло сразу не пріймется (особенно—дѣло музыкальное въ нашей публикѣ!!)

Но, тѣмъ не менѣе, равнодушіе всеобщее къ моему доброму предпріятію сильно меня волнуетъ и бѣситъ.

Ни одного студента на курсѣ, который читается въ ихъ санктуаріи!

---

[1]) А. А. Краевскій въ это время редактировалъ, вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Статья Сѣрова о Лаубѣ не появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (см. слѣдующее письмо Сѣрова). Въ № 10 „Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника“ 1859 г. была помѣщена статья Сѣрова „Концертъ Фердинанда Лауба“ (см. также „Критическія статьи А. Н. Сѣрова“, т. II, стр. 1042—1045).

[2]) Т. е. послѣ ужина горчица.

[3]) Въ 1858 и 1859 гг. Сѣровымъ было читано, въ залѣ С.-Петербургскаго университета, 16 публичныхъ лекцій „О музыкѣ съ ея технической, эстетической и исторической сторовы“.

Ни малѣйшаго вниманія со стороны начальства (!), которое должно было,—помимо достоинства того, что я читаю,—уважать первое на Руси предпріятіе въ такомъ родѣ. Ни въ одной газетѣ ни полслова. Расшевелите немножко cette masse inerte et inepte [1]), кольните, разожгите ихъ чѣмъ-нибудь каленымъ. Авось добрыя слова ваши упадутъ не на такую каменистую почву, какъ самыя лекціи мои, когда васъ нѣтъ въ моей залѣ! Горько то, что такъ долго мнѣ придется ратовать за свое дѣло безъ успѣха (моральнаго и пекуніарнаго). Между тѣмъ состарѣюсь, и энергіи зѣло поубавится! Утѣшительнаго только и есть, что такіе люди какъ вы не повертываетесь спиною къ моимъ стремленіямъ.

А вообще—земля тяжелая для искусства!

Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не замедлите исполненіемъ моихъ просьбицъ.

Въ статьѣ обо мнѣ потрудитесь прибавить въ примѣчаніи, что слѣдующая, 8 лекція—3-го марта, по случаю концерта Лауба начнется получасомъ раньше обыкновеннаго, то есть въ 6½ часовъ.

Адресъ мой (для корректуры объ Лаубѣ): На Лиговкѣ, близъ бассейновъ, на углу Озернаго переулка, въ своемъ домѣ.

Глубоко преданный вамъ А. Сѣровъ.

P. S. Отъ Листа (изъ Веймара) пришло письмо чрезвычайно интересное.

2.

25-го февраля (1859).

За что же мнѣ васъ винить въ томъ,—какъ я и ожидалъ впрочемъ,—что Краевскій сильно неблаговолитъ къ моимъ, какимъ бы то ни было, работамъ.

Весьма вѣроятно, что онъ найдетъ какой-нибудь предлогъ или затрудненіе по случаю и вашей статьи обо мнѣ! Такъ у насъ на Руси печка печетъ!

Замѣтьте, что я никогда никакихъ личныхъ столкновеній не имѣлъ съ А(ндреемъ) А(лександровичемъ). Только его постояннаго (и ничего не смыслящаго) сотрудника по музыкѣ г. Манна [2]),—который вовсе не «манна» на своемъ полѣ,—какъ-то однажды погладилъ противъ шерсти.

Мнѣ жаль не моей работы, не времени (и такъ его много пропадаетъ иногда), но жаль—Лауба. Его мало знаютъ, а мои строчки, при всей безавторитетности нашей журналистики вообще и

[1]) Т. е. эту косную и глупую массу.

[2]) Ипполитъ Александровичъ Маннъ (р. 1823 † 1894), драматургъ и музыкальный критикъ, велъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ музыкальную лѣтопись.

моей въ особенности, все-таки хоть сколько-нибудь пособить могли бы извѣстности у насъ такого первостатейнаго таланта.

Если есть возможность чего-нибудь надѣяться отъ «Инвалида», брякните въ «Инвалидѣ».

Вы полагали продать статью (!!), а ее и даромъ не хотятъ!

Мнѣ сдается, что и «Инвалидъ» откажетъ. Впрочемъ, для пользы Лауба, возьмите на себя еще разъ самый неблагодарный въ свѣтѣ трудъ: хлопотать за глубоко вамъ преданнаго А. Сѣрова.

3.

Вѣна, 28-го августа (9-го сентября) 1859.

Ваше сіятельство!

Помня двѣ неглупыя поговорки, одну родную: «Повинную голову и мечъ не сѣчетъ»—другую обще-европейскую: «meglio tardi che mai» [1]), уповаю на свойственное вамъ великодушіе, на снисходительность, результатную отъ глубоко-гуманнаго просвѣщенія, и хочу вѣрить, что вы простите мнѣ большую мою вину предъ вами, т. е. мое долговременное молчаніе, тогда какъ я обязанъ былъ написать вамъ еще изъ Веймара, еще въ половинѣ русскаго іюня, т. е. при самомъ началѣ моего нынѣшняго пребыванія за границей, которое теперь подходитъ уже къ концу!

Дѣло въ томъ, что о веймарскомъ печальномъ событіи [2]) я писалъ печатно [3]). Мои строки къ вамъ были бы только повтореніемъ того же. Странная мнѣ судьба, что я удостоился быть представленъ великой княгинѣ за двѣ недѣли до ея кончины!

Впослѣдствіи, многообразныя впечатлѣнія и занятія отвлекли меня совершенно отъ всякой корреспонденціи съ Петербургомъ (кромѣ печатныхъ заграничныхъ писемъ, которыя я—до времени—довольно аккуратно помѣщалъ въ своемъ постоянномъ органѣ, «Музыкальномъ Вѣстникѣ»).

Фаустова «Гретхенъ» въ лицѣ геніальной Маріи Зебахъ [4]), «Фиделіо» Бетховена (для меня еще въ первый разъ въ жизни), Рейнскій

---

[1]) Т. е. лучше поздно, чѣмъ никогда.

[2]) Кончина великой княгини Маріи Павловны, великой герцогини Саксенъ-Веймарской († 11-го (23-го) іюня 1859).

[3]) Въ „Заграничныхъ письмахъ", печатавшихся въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ" 1859 г. (см. „Критическія статьи А. Н. Сѣрова", т. II, стр. 1092—1096).

[4]) Пѣвица Марія Зебахъ (Seebach, р. 1834, въ Ригѣ), вышедшая въ 1895 г. замужъ за пѣвца Нимана.

водопадъ, Озеро 4-хъ кантоновъ и другія неописываемыя прелести альпійской природы, сокровища живописи и скульптуры въ Мюнхенѣ и здѣсь, въ Вѣнѣ, блистательнѣйшія представленія «Лоэнгрина» на сценѣ дрезденской и вѣнской, личное знакомство съ великимъ Рихардомъ Вагнеромъ... Скажите на милость, когда же тутъ еще и письма писать?! Едва, едва успѣвалъ я дѣлать самыя коротенькія замѣтки въ своемъ дневникѣ, чтобы впечатлѣнія не спутались и не улетучились!

Прошлое лѣто было для меня эпохою «Тангейзера» и личнаго сближенія съ Листомъ; нынѣшнее лѣто эпоха «Лоэнгрина» и личнаго сближенія съ Вагнеромъ... Въ Швейцарію, въ Луцернъ, я ѣздилъ нарочно, чтобъ лицомъ къ лицу видѣть автора лучшихъ въ свѣтѣ оперъ, побесѣдовать съ нимъ,—всего этого я достигъ (хотя Вагнеръ былъ sur le point ѣхать изъ Луцерна въ Парижъ, гдѣ, если можно будетъ, останется довольно долго: «провинціальная» швейцарская жизнь стала для него невыносима). Познакомился я съ великимъ Рихардомъ по-пріятельски (имѣю право теперь, еслибъ подражалъ Лазареву [1]), заказать для себя визитныя карточки: «amico di Lisst e di Wagner»).

Надо вамъ замѣтить, что случилось такъ, что у меня и письма не было рекомендательнаго отъ Листа къ Вагнеру (его другу, какъ вамъ не безъизвѣстно). Надо было «ледяную корку» перваго знакомства съ довольно мизантропически настроеннымъ художникомъ—«лбомъ прошибать». Впрочемъ, немножечко дѣлу пособило то, что Вагнеръ меня зналъ уже и по нѣмецкимъ статьямъ въ «Лейпцигской Музыкальной Газетѣ». Такъ оно и обошлось гладѣнько.

Помнится, «Лоэнгрина» вы на сценѣ еще не слыхали? Спѣшите услышать. Описывать это диво дивное вамъ, конечно, я не возьмусь. (Васъ я исключаю изъ публики, для которой пишу въ «Вѣстникѣ»).

Эта опера выше «Тангейзера», безпрекословно и на много процентовъ. «Оберонъ» Веберовъ, пестрыя произведенія еврея Мейербера etc.—все это пигмеи и уроды передъ истиннымъ музыкально-драматическимъ стилемъ «Лоэнгрина»! Вагнеръ просто Шекспиръ оперной сцены. Теперь онъ только-что кончилъ еще оперу: «Tristan und Isolde», которую въ октябрѣ дадутъ въ первый разъ въ Карлсруэ. Въ головѣ у него созрѣваютъ еще четыре новыя музыкальныя драмы,—одна другой богаче,—судя по тому, какъ онъ мнѣ разсказывалъ ихъ планы и свои намѣренія...

---

[1]) Александру Васильевичу Лазареву, автору ораторій „Страшный Судъ“, и „Сотвореніе міра“ (о немъ см. въ „Критическихъ статьяхъ А. Н. Сѣрова“, т. III, стр. 1255—1257).

Другой музыкальный герой, коего эффигія [1]) украшаетъ этотъ листокъ, въ мое пребываніе въ домѣ его, очень заботился объ участи моей французской статьи (о Ростиславѣ [2]) и Рубинштейнѣ), препровожденной къ вашему сіятельству черезъ барона Мальтица [3]) 19-го іюня (1-го іюля). Участь этой статейки мнѣ рѣшительно неизвѣстна, но предчувствіе говоритъ мнѣ, что редакція «Journal de St.-Pétersbourg» нашла благовидный предлогъ, чтобы не помѣстить моей работы...

Подивитесь моимъ замысламъ. Несмотря на весьма незначительный результатъ моего прошлогодняго публичнаго курса, тотчасъ по пріѣздѣ, постараюсь открыть новый. Хочу побѣдить петербургскую публику хоть настойчивостью (gutta cavat lapidem) [4]) и буду читать «исторію оперной музыки» (вѣроятно, въ залѣ Бенардаки, по субботамъ, отъ 2-хъ до 4-хъ). Изъ 16-ти лекцій двѣ послѣднія будутъ посвящены исключительно русской школѣ, т. е. операмъ Глинки. Впрочемъ, обо всемъ этомъ надѣюсь потолковать съ вами лично. Изъ Вѣны ѣду скоро опять въ Дрезденъ, Веймаръ, а тамъ черезъ Берлинъ и Штеттинъ во-свояси.

Искренно преданный вамъ А. Сѣровъ.

4.

Баденъ-Баденъ, 2-го сентября (21-го августа) 1864.

Многоуважаемый Владиміръ Ѳедоровичъ.

Собираясь отсюда въ обратный путь во-свояси (хотя это отчасти еще зависитъ отъ одного письма Рихарда Вагнера—если онъ теперь у себя въ Штарнбергѣ, а не у короля Баварскаго во дворцѣ, то, по его приглашенію, мы ѣдемъ въ Штарнбергъ и прогостимъ тамъ нѣсколько дней)—начинаю подумывать о житьѣ-бытьѣ на родинѣ. Первое, что тутъ для меня важнѣе всего (съ матеріальной точки зрѣнія)—это вопросъ: будетъ-ли нынѣшнею осенью и зимою моя «Юдиѳь» на московской сценѣ? Отъ этого «to be or not to be» [5]) зависятъ средства моего существованія до окончанія «Рогнѣды», съ которой особенно спѣшить не могу, но все-таки надѣюсь покончить ее къ ян-

[1]) Т. е. изображеніе. Въ началѣ письма наклеена небольшая фотографическая карточка Сѣрова.

[2]) Псевдонимъ Ѳеофила Матвѣевича Толстого (р. 1809 † 1881), композитора и музыкальнаго критика газетъ: „Journal de St-Pétersbourg“ и „Голоса“.

[3]) Баронъ Аполлонъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1795 † 1870) былъ съ 1841 по 1868 г. русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

[4]) Т. е. капля долбитъ камень.

[5]) Т.-е. быть или не быть.

варю [1]) къ бенефису Біанки [2]). Къ вамъ,—не сомнѣваясь въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи,—обращаюсь прямо съ просьбицей такого содержанія: потрудитесь развѣдать какъ слѣдуетъ (и лучше стороной), намѣренъ-ли А. Ѳ. Львовъ [3]) дѣйствительно сдержать свое слово, мнѣ имъ данное касательно постановки «Юдиѳи» въ Москвѣ и сдѣланы-ли къ тому хоть какія-либо приготовленія?—Объ этомъ искренно прошу васъ отвѣтить мнѣ, если возможно, скорѣнько, въ Петербургъ по адресу, который сообщу въ концѣ письма.

Искалъ я, искалъ всю зиму и всю весну въ московскихъ газетахъ обѣщанной вами статейки о моей еврейской вдовѣ [4])—и не обрѣлъ желаемаго! Я почти увѣренъ, что вы же сами себя увѣряли, что непремѣнно напишете эту «рекламу» и—не исполнили своего намѣренія—для меня благодѣтельнаго—только потому, что разнообразныя занятія отвлекли васъ отъ музыкально-журналистическихъ дѣлъ—это жаль! Статья, вами написанная, была бы отличнымъ приготовленіемъ къ моей оперѣ въ просвѣщенныхъ слояхъ московской публики. Петербургскій успѣхъ для нея уже довольно сильная рекомендація (въ такой области, гдѣ Москва не антагонистъ Питеру)—но при серьезности и не-русскости сюжета въ моей первой оперѣ, надо бы все хорошенечко разжевать москвичамъ, чтобъ они—первые раза—не отнеслись къ моему произведенію какъ-нибудь совсѣмъ дико. Что и это возможно, за примѣрами далеко ходить не приходится. Вообразите себѣ, что Францъ Листъ, для котораго нарочно—вслѣдствіе чрезвычайно милаго письма, которое онъ мнѣ написалъ изъ Рима въ Вѣну,—я пріѣхалъ въ Карлсруэ (на Tonkünstler-Versammlung) съ тѣмъ, чтобъ—по его просьбѣ—познакомить его съ Юдиѳью—не раскусилъ моей партитуры!! Отнесся къ ней легко, по-французски (faites quelque chose plutôt sur le terrain national—laissez les juifs en repos etc.) [5]), и не далъ себѣ труда просмотрѣть всѣ акты. Кто судитъ объ Юдиѳи по первымъ двумъ дѣйствіямъ (безъ Олоферна и ассирійскаго элемента вообще), тотъ судитъ косо и криво. Признаюсь, что отъ Листа я этого никакъ не ожидалъ, и приписываю такой результатъ только жестокой разсѣянности, въ которой онъ находился, среди штата своихъ придворныхъ лизуновъ и поклонниковъ. Il est très mal entouré, du moins en Allemagne [6]).

[1]) «Рогнѣда» была представлена въ 1-й разъ на сценѣ Маріинскаго театра 27-го октября 1865 года, въ бенефисъ О. А. Петрова.

[2]) Валентина Біанки (†1884), оперная пѣвица.

[3]) Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

[4]) Т.-е. о «Іудиѳи».

[5]) Т. е. Напишите лучше что-нибудь на національный сюжетъ; оставьте евреевъ въ покоѣ.

[6]) Т. е. окружающіе его люди, по крайней мѣрѣ въ Германіи, весьма посредственны.

Вознагражденіемъ за это непріятное впечатлѣніе не могли быть для меня музыкальные праздники въ Карлсруэ, гдѣ на программѣ между прочимъ красовались геніальныя произведенія Юрія Арнольда [1]) (!)—(увертюра къ «Борису Годунову» и т. д.). Листовскія вещи (XIII Psalm—для тенора съ хоромъ и оркестромъ,—Festklänge и Mephistowalzer, Epizode aus Lenau's Faust) [2]) въ высшей степени интересны и замѣчательны. Особенно Псаломъ—прелесть! Дѣйствительно религіозная музыка и между тѣмъ не только не скучная, не сухая,—но симпатическая отъ ноты до ноты и увлекательная. «Festklänge» мнѣ были извѣстны изъ концертовъ Бюлова [3]). Вальсъ «Мефистофеля» съ нѣкоторыми дѣйствительно адскими выходками (въ поэмѣ Ленау чортъ, недовольный вялыми плясками веселящихся въ одномъ кабачкѣ, самъ беретъ скрипку и заставляетъ всѣхъ плясать по-своему—идея пресчастливая) въ сущности интересенъ не музыкою, а музыкальною оркестровкою. При всемъ томъ, я почти жалѣю, что послушался приглашенія Листа. Лучше, чѣмъ ѣхать на скуку и досаду въ Карлсруэ, провели бы еще нѣсколько дней въ Альпахъ, въ Интерлакенѣ,—гдѣ моя Валентина [4]) чувствовала себя какъ въ раю! Швейцарія (которую и я видѣлъ какъ слѣдуетъ только въ этотъ разъ) произвела на насъ впечатлѣніе очаровательное! Сколько пишутъ, пишутъ объ этомъ всемъ, и все-таки печатныя описанія и тѣни того не даютъ что̀ даетъ одинъ взглядъ на эти красоты, вѣчно-свѣжія, вѣчно-юныя.

Здѣсь въ Баденѣ, куда меня зазвалъ И. С. Тургеневъ, большой отрадой для меня были минуты, проведенныя у Віардо̀ [5])! Вотъ эта госпожа прослушала мою оперу, какъ слѣдуетъ, отъ ноты до ноты, сама и подпѣвала и подъигрывала—не пропуская ни малѣйшей подробности во всѣхъ 5 актахъ! Комплиментовъ расточать она не любитъ,—и я видѣлъ, что если она хвалитъ, то хвалитъ въ самомъ дѣлѣ отъ сердца. Она, какъ и многіе другіе, увѣрена, что «Юдиѳь» и на германскихъ сценахъ понравится. Но это совершится не такъ-то скоро! Вездѣ—полнѣйшее равнодушіе со стороны дирекцій къ новымъ партитурамъ. А на бѣду я еще русскій. Изъ Россіи—Европа выписываетъ себѣ пеньку и кожу, но до русской музыки, т. е. до музыки, русскимъ написанной — Европѣ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ. Пробить просѣку въ этомъ отношеніи трудновато. У меня, впро-

---

[1]) Композиторъ и музыкальный писатель Юрій Карловичъ Арнольдъ (р. 1811 † 1880).

[2]) «Фаустъ»—поэма Ленау (литературное имя поэта Нимбша фонъ-Штрелленау, р. 1802 † 1850).

[3]) Извѣстный піанистъ Гансъ Бюловъ.

[4]) Жена А. Н. Сѣрова, Валентина Семеновна.

[5]) Извѣстной Полины Віардо̀.

чемъ, большая надежда въ этомъ случаѣ на великую княгиню Елену Павловну. Листъ тоже говоритъ, что вслѣдствіе подарка, ею мнѣ сдѣланнаго, она теперь сама у меня въ долгу: въ Карлсруэ труппа прехорошенькая, а дворъ Баденскій въ связяхъ съ нашимъ императорскимъ; въ Штутгартѣ королевой Ольга Николаевна. Вотъ на чемъ—по совѣту лицъ свѣдущихъ—я долженъ выстраивать свои планы, оставивъ достоинства партитуры совсѣмъ въ сторонѣ. Въ Вѣнѣ, несмотря на пребываніе тамъ $2^1/_2$ мѣсяца, я почти ничего рѣшительнаго не уладилъ, хотя, впрочемъ, «Юдиѳь» занесена тамъ въ списокъ «кандидатныхъ» оперъ. Подробнѣе обо всемъ этомъ—при свиданіи. Если «to be» [1]), я почти немедленно по возвращеніи пріѣду въ Москву и поселюсь тамъ до глубокой зимы (т. е. пока окончу «Рогнѣду»).

Надѣюсь по пріѣздѣ въ Питеръ найти письмецо отъ Львова и отъ в а с ъ, на прежней своей квартирѣ: на углу Мойки и Демидова переулка, въ домѣ Липина, кварт. № 8.

Отвѣтомъ чрезвычайно обяжете преданнаго вамъ искренно А. Сѣрова.

5.

9-го февраля 1866 г.

Многоуважаемый князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Прошлою осенью я писалъ къ вамъ, по случаю постановки моей «Юдиѳи» въ Москвѣ, и отвѣта не получилъ. Не думаю, чтобы вы н е х о т ѣ л и удостоить меня нѣсколькихъ строкъ, приписываю молчаніе ваше случайности какой-нибудь, и теперь sans rancune [2])—снова обращаюсь къ вамъ съ эпистолой, но п о д р у г о м у совсѣмъ дѣлу. Дѣло это близко касается любимѣйшаго для васъ предмета: древняго русскаго церковнаго пѣнія.

Вамъ извѣстно, что по этому предмету, т. е. касательно монополіи Пѣвческой капеллы и связанныхъ съ этимъ обстоятельствъ, учреждается коммиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина и въ коммиссіи этой в ы будете однимъ изъ главныхъ членовъ.

Намъ приходится работать на одномъ полѣ, потому что и меня призывалъ къ себѣ министръ народнаго просвѣщенія, показывалъ мнѣ переписку по этому дѣлу съ начальник(омъ) Пѣвческой капеллы и московскимъ митрополитомъ. Министру угодно было поручить мнѣ написать нѣсколько статей по этому предмету для «Сѣверной Почты», гдѣ я могъ бы изложить обстоятельно свои взгляды на в о з с т а н о в л е н і е церковно-русскаго пѣнія въ его древней, первобытной простотѣ. Кромѣ того министръ желаетъ, чтобы я принялъ на себя составленіе у ч е б н и к а по этой части для народныхъ школъ по всей Россіи.

---

[1]) Т. е. быть.

[2]) Т. е. забывъ прошлое.

И для статей, и для учебника мнѣ прежде всего необходимо посовѣтоваться съ в а м и, Владиміръ Ѳедоровичъ, какъ съ испытаннѣйшимъ знатокомъ этого дѣла.

Въ статьяхъ необходимо коснуться исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Но предметъ этотъ донельзя м а л о разработанъ у насъ. По газетамъ вижу, что въ настоящую минуту передано в а м ъ на просмотръ сочиненіе В. Стасова: «Матеріалы для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи». Вотъ какъ разъ то, что̀ мнѣ нужно. Не соблаговолите-ли сообщить мнѣ, хоть очень вкратцѣ, п о с л ѣ д о в а т е л ь н ы я д а н н ы я по этому предмету, не нарушая права «авторства» Стасовскаго. Тутъ есть, безъ сомнѣнія, источники о б щ е о т к р ы т ы е и о б щ е д о с т у п н ы е. Укажите мнѣ на нихъ. Я теперь же, Великимъ постомъ, и поработалъ бы надъ всѣмъ этимъ.

«Учебникъ» съ изложеніемъ единственной н о р м а л ь н о й гаммы,—гаммы бѣлыхъ клавишъ,—какъ основанія нашихъ гласовъ и в с е г о церковнаго пѣнія греко-русской церкви,—такой учебникъ любимѣйшая мечта моя въ отношеніи музыки, яко н а у к и. Онъ будетъ о ч е н ь к р а т к і й, но въ немъ будетъ в с е, что̀ н у ж н о.

Васъ ждутъ въ Питеръ,—но когда же? Вы, между прочимъ, и «Рогнѣды» еще не слыхали! Охъ мнѣ это ваше служеніе въ московскомъ Сенатѣ! Какъ оно мнѣ не по сердцу! (Хотя, быть можетъ, для пользы дѣла ваше московское пребываніе принесло не малую лепту!)

Пожалуйста отвѣтьте мнѣ въ этотъ разъ, чтобы я зналъ, чего держаться въ своихъ работахъ и планахъ.

Преданнѣйшій вамъ А. Сѣровъ.

P. S. Поздравьте меня съ монаршею милостью за композиторскіе труды: съ пенсіономъ въ 1.000 руб. въ годъ. Столько же выдавалось Г о г о л ю. Меня къ нему и приравняли. Не обидно!

6.

8-го марта 1868 г.

Спасибо вамъ и большое!

Реклама дѣльная и благородная—что бываетъ не часто [1]). Печатайте въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Вамъ лучше знать нравы и обычаи московской читающей публики. Объ японцахъ вышло к с т а т и подъ общій тонъ вашей статьи. Конкуренція дѣйствительно курьозная:

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ кн. Одоевскаго: „Рогнѣда и другая новая опера Сѣрова въ его концертѣ 10 марта въ воскресенье, въ Большомъ Театрѣ". Эта статья, подписанная псевдонимомъ: „Тихонычъ", была напечатана въ № 67 газеты „Современныя Извѣстія" 1868 г. (отъ 9-го марта). Были и отдѣльные оттиски этой статьи (см. опись бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго въ приложеніи къ «Отчету Императ. Публич. Библіотеки за 1884 годъ", Спб. 1887, стр. 42).

мой первый концертъ въ Москвѣ и рядомъ японскіе фокусники, для отвлеченія публики!

На «Карпатскую Розу» отпустили 15 тысячъ—съ рискомъ выбросить ихъ за окно и—выбросили, а на «Рогнѣду» въ Москвѣ, послѣ выручки 30 тысячъ въ 15 первыхъ представленій петербургскихъ, колеблется между 13-ю и 8-ю тысячами—гдѣ логика??

Еще разъ—спасибо отъ сердца!

Весь вашъ А. Сѣровъ.

XXXIII. Письмо Н. А. Некрасова.

Помѣщаемое ниже письмо Н. А. Некрасова къ князю В. Ѳ. Одоевскому было вызвано слѣдующимъ письмомъ князя Владиміра Ѳедоровича къ Некрасову [1]):

10-го января 1860.

Вотъ что случилось, любезный поетъ: на-дняхъ, когда я, больной, сидя за фортепьянами, перекладывалъ на музыку ваше прекрасное стихотвореніе «Прости», ко мнѣ постучался одинъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которыхъ такъ много на свѣтѣ, и шепнулъ: «Переверни-ка страницу, и найдешь описаніе человѣка [2]), который пишетъ объ электричествѣ для мужиковъ, у котораго есть гайдуки, которые имѣютъ галуны, который кричитъ и топаетъ на нихъ и не умѣетъ отличать пьянаго отъ голоднаго—и все это тебѣ будутъ читать подъ носомъ, ибо ты, какъ литераторъ, вѣрно будешь на чтеніи» [3]).

Что это за извѣстіе? Я всегда былъ того мнѣнія, что всякій публичный (волею или неволею) человѣкъ есть нѣчто въ родѣ публичной дѣвки и долженъ быть готовъ на всякій трактаментъ. Этого правила я всегда держался — ссылаюсь на весь міръ крещеный. Но дѣло вотъ въ чемъ: и дѣвку въ такихъ случаяхъ называютъ по имени, чтобы она могла отозваться, сколько можетъ; безъ имени же разборъ труденъ; иного публика не отнесетъ къ публичному человѣку, а иное отнесетъ, и весьма. Попробуемъ же разобрать, что именно:

Есть-ли гайдуки? Нѣтъ, а есть только инвалидъ сторожъ, который топитъ печи.

---

[1]) Черновой оригиналъ этого письма сохранился въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Письмо было отправлено Некрасову черезъ И. И. Панаева, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сдѣланная на письмѣ замѣтка кн. Одоевскаго.

[2]) Т. е. стихотвореніе „Филантропъ“.

[3]) Рѣчь идетъ о первомъ литературномъ вечерѣ, устроенномъ 10-го января 1860 года „Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

Есть-ли передняя? Нѣтъ, а есть каморка возлѣ кабинета, куда всякій ходилъ и ходитъ безъ спроса.

Топалъ-ли ногами?—Иногда бы и хотѣлось, — да не могу: ноги не держатся.

Кричалъ-ли?—Иногда бы и хотѣлось, да горло слабо и часто болитъ.

Занимается-ли публично благотворительностью? — Грѣшенъ; былъ предсѣдателемъ Общества [1]) цѣлыхъ девять лѣтъ, каждый годъ по выбору двухсотъ человѣкъ; но полагаю, что за эти девять лѣтъ многое простится мнѣ на томъ свѣтѣ; грѣшнѣе меня тотъ, кто не знаетъ, что такое было Общество посѣщенія, сколькимъ и какъ оно помогало, и какъ оно рушилось; кто не знаетъ и того, что слѣды этого Общества до сихъ поръ здравствуютъ и въ оставшихся заведеніяхъ, довольно однакоже замѣчательныхъ, и въ нѣсколько сотняхъ лицъ, призрѣнныхъ, воспитанныхъ, возвращенныхъ, которыхъ не худо бы спросить, если ужъ на то дѣло пошло, дѣйствительно-ли кто выходилъ отъ насъ безъ рубля, когда онъ былъ, или безъ ласковаго слова или совѣта.

Писалъ-ли объ электричествѣ для мужиковъ? Хоть и не объ электричествѣ, но грѣшенъ, писалъ для мужиковъ, и именно о химическихъ и физическихъ предметахъ, и писалъ одинъ во всей русской литературѣ. Впрочемъ, за этотъ неблагодарный грѣхъ также многое мнѣ простится.

Какъ же не умѣетъ отличать пьянаго отъ голоднаго?—Пьянымъ, къ сожалѣнію, не бывалъ,—не имѣю къ тому способности; голоднымъ—случалось, и потому отличать одно отъ другаго сумѣю безошибочно.

Да съ чего же однакожъ взялся весь анекдотъ? А я почему знаю? Въ массѣ 18 тысячъ семействъ, на которыхъ распространялись дѣйствія Общества посѣщенія бѣдныхъ, было не безъ негодяевъ, и неблагодарныхъ, и нахальныхъ, хитрыхъ и лживыхъ.

Такъ я вспоминаю, что когда-то одинъ изъ нихъ дѣйствительно меня разсердилъ, но только это было не въ великолѣпной передней и не въ сопровожденіи гайдуковъ, а просто на Невскомъ проспектѣ. Приняло Общество двухъ дѣвочекъ съ улицы въ свое заведеніе, омыло, одѣло и стало ихъ кормить и учить. Разъ въ воскресенье отецъ, здоровый дѣтина, попросилъ отпустить ихъ къ нему, а затѣмъ снялъ съ нихъ платье, чулки и башмаки, надѣлъ на нихъ прежнее рубище и привелъ на Невскій проспектъ; да на бѣду не узналъ, подвелъ дѣтей именно къ предсѣдателю Общества, увѣряя, что у нихъ нѣтъ пристанища. Если бы предсѣдатель при такой продѣлкѣ не разсердился, то былъ бы мокрою курицею, чѣмъ онъ ни-

[1]) Т. е. Общества посѣщенія бѣдныхъ.

когда не былъ. Если за такихъ негодяевъ вступается поэзія, — то остается лишь возложить упованіе на Аллаха.

Вотъ моя исповѣдь, которую бы я сказалъ всенародно, безъ церемоній, какъ подобаетъ публичному человѣку, если бы былъ названъ по имени. Тогда бы, можетъ, пришлось сказать слово, два по поводу гибели Общества [1]), которое, смѣло могу сказать, заслужило не упрековъ, но сохранило навсегда право на полное и безусловное уваженіе со стороны всѣхъ мыслящихъ и добрыхъ людей, — какъ по трудамъ своимъ, такъ и по страданіямъ, имъ вынесеннымъ, но тѣ и другіе остались незамѣченными для нашей прозорливой литературы.

Предоставляю все это вашему усмотрѣнію. Я не хочу вѣрить, чтобы вы имѣли намѣреніе намекнуть на меня, а просто намекъ попался подъ стопу или риему; въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы съ вами находимся, вы бы о такомъ гнусномъ нарушеніи моей обязанности сказали бы мнѣ прямо,—и не такія вещи мнѣ приходилось выслушивать;—и не зажималъ я ушей.—Но обращаю ваше вниманіе на то, что для публики все это не существуетъ, она будетъ видѣть лишь тѣ признаки, по которымъ къ фантастическому лицу можно приложить имя, волею и неволею довольно извѣстное. Подумайте объ этомъ результатѣ, который, вѣрю, вамъ самимъ будетъ и неожиданнымъ, и непріятнымъ, по его дѣйствію въ публикѣ.

Некрасовъ въ тотъ же день поспѣшилъ отвѣтить князю В. Ѳ. Одоевскому слѣдующимъ письмомъ:

10-го января 1860.

Князь, никогда ни къ кому не чувствовалъ я столько благодарности, какъ въ настоящую минуту къ вамъ за ваше прямое обращеніе ко мнѣ. Хорошо, что не поздно! Какъ бы я бѣсился и сожалѣлъ завтра, еслибъ прочелъ сегодня «Филантропа» и подалъ нашей публикѣ, которая ужасно наклонна всегда видѣть личности, поводъ къ разнымъ глупымъ толкамъ. Надо вамъ сказать, что лѣтъ пять тому назадъ, при выходѣ «Филантропа», до меня доходило, будто нѣкоторые думаютъ, что я имѣлъ въ виду васъ, но потомъ я забылъ объ этомъ, а то, конечно, не вздумалъ бы читать «Филантропа». Теперь прочту другое стихотвореніе. Не могу покончить этимъ, надо вамъ при этомъ случаѣ сказать, что я рѣшительно не имѣлъ въ виду васъ (ч е с т н о е с л о в о!).

---

[1]) Дѣятельность Общества посѣщенія бѣдныхъ продолжалась недолго, съ 1846 года по 1855 годъ, когда оно закрылось.

Когда я хотѣлъ издавать «Петербургскій Сборникъ», со мной было вотъ что: я пришелъ къ Далю, который жилъ въ 8-мъ, кажется, этажѣ, просить у него статьи. Я очень запыхался и, можетъ быть, сконфузился — я былъ тогда начинающій. Даль мнѣ въ просьбѣ моей отказалъ, а черезъ нѣсколько дней сказалъ Тургеневу: Что за человѣкъ Некрасовъ? онъ пришелъ ко мнѣ пьяный, и проч. Тургеневъ, я думаю, это помнитъ. Я не былъ ни пьянъ, ни голоденъ, это заставило меня подумать, какъ Даль дошелъ до такого заключенія обо мнѣ, — вышло стихотвореніе «Филантропъ». Но, по-моему, я и Даля тоже въ немъ не изображалъ, я вывелъ черту современнаго общества, — и совѣсть моя была и остается спокойна.

Почему это къ вамъ отнесли? Да потому, что первоначально въ стихахъ этотъ филантропъ названъ сіятельнымъ.—Повѣрьте, для нашей публики этого довольно.

Глубокоуважающій князя Одоевскаго Н. Некрасовъ.

Я писалъ это лежа, потому что очень утомленъ; еслибъ нужны были церемоніи, то пришлось бы отложить отвѣтъ до завтра.

XXXIV. Письмо П. А. Плетнева.

21-го февраля 1861.

Очень сожалѣю, что не имѣлъ чести видѣть ваше сіятельство и лично сообщить вамъ о дѣлѣ, которое, конечно, не можетъ быть вамъ непріятно. На масленицѣ въ четвергъ, 2-го марта, предположено праздновать пятидесятилѣтній юбилей князя П. А. Вяземскаго, какъ русскаго поэта. Родственники князя, вѣруя въ давнее съ нимъ дружество вашего сіятельства и А. В. Веневитинова, избрали въ распорядители праздника—васъ по части артистической, а его по хозяйственной. Но какъ первое дѣло сложнѣе втораго, то вамъ предоставлено право пригласить помощниками себѣ еще два лица изъ гостей, а именно: графа В. А. Соллогуба и знаменитость первой величины — Рубинштейна.

Между тѣмъ, какъ на землѣ ничего нельзя воздвигнуть небеснаго безъ матеріальнаго основанія, то естественно, что для желаемаго выполненія задуманнаго праздника вамъ необходимо приступить къ устроенію его обще съ А. В. Веневитиновымъ. Итакъ не будетъ-ли вашему сіятельству благоугодно, по усмотрѣнію вашему, назначить

Алексѣю Владиміровичу [1]) свиданіе и вмѣстѣ условиться о томъ, что каждый изъ васъ признаетъ за необходимое для осуществленія идеаловъ съ обѣихъ сторонъ?

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

[1]) Веневитинову.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской.

(Біографическій очеркъ по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи л.-гв. Кексгольмскаго полка).

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской командовалъ Вторымъ гренадерскимъ полкомъ въ теченіе послѣднихъ $4^1/_2$ лѣтъ Великой Сѣверной войны и, украшая ряды гренадеръ и прославляя ихъ своею доблестью, сдѣлалъ свой полкъ болѣе извѣстнымъ въ арміи подъ именемъ «Гренадерскій князя Борятинскаго», чѣмъ подъ дѣйствительнымъ названіемъ «Второй гренадерскій». Больше, чѣмъ сто лѣтъ спустя, въ 1838 году, когда столѣтнимъ полкамъ жаловались юбилейныя ленты съ первыми ихъ именами и вводились знаменныя скобы, Кексгольмскому полку были выданы ленты и скобы съ надписью «1710 г. Гренадерскій Князя Борятинскаго», въ предположеніи, что это и было первое имя полка. Крѣпко же было связано княжье имя съ полкомъ, если и вѣкъ спустя не только не разсталось съ гренадерами, но затмило ихъ первыхъ командировъ и показалось родоначальнымъ именемъ полка тѣмъ, кто наводилъ тогда архивныя справки.

Такъ, съ 1838 года и доселѣ, имя четвертаго командира кексгольмцевъ князя Борятинскаго красуется на полковыхъ знаменахъ и славится въ полку больше, чѣмъ другія имена полковыхъ героевъ [1]).

По многимъ свидѣтельствамъ онъ и достоинъ этой доброй и долгой памяти потомковъ «своихъ» гренадеръ.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской принадлежалъ къ семьѣ, не

---

[1]) Ошибка эта замѣчена въ 1897 году, и тогда же состоялось высочайшее повелѣніе объ исправленіи ея при выдачѣ юбилейнаго знамени въ 1910 г.

только знатной своимъ титуломъ, но и занимавшей при Петрѣ довольно видное положеніе, благодаря родству и близости съ сильными людьми, окружавшими государя. Отецъ князя Ивана Ѳедоровича—князь Ѳедоръ Юрьевичъ былъ окольничимъ, мать его приходилась сродни всемогущему любимцу государя, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову [1]), самъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ близкимъ человѣкомъ у генералъ-адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, а женитьбой, еще до принятія полка, на дочери государственнаго канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина, Наталіи Гавриловнѣ [2]), вошелъ въ высшій кругъ придворной и вельможной петербургской знати.

О службѣ Ивана Ѳедоровича до полковничьяго чина не встрѣчено никакихъ указаній [3]). Первое свѣдѣніе относится ко 2-му апрѣля 1714 г., когда Борятинской вступилъ въ командованіе Вологодскимъ пѣхотнымъ полкомъ (нынѣ 12-й гренадерскій Астраханскій), принявъ его отъ полковника Фливерка [4]).

Спустя три года, на Святкахъ 1716 года, мы застаемъ Ивана Ѳедоровича въ Москвѣ, въ отпуску у матери и родныхъ, князей Прозоровскихъ и Гагариныхъ, хлопотливо исполняющимъ разныя порученія свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, наградой за которыя было назначеніе его, спустя четыре мѣсяца, командиромъ Втораго гренадерскаго полка. Порученія эти были весьма различнаго свойства, но всѣ одинаково доказывали особое довѣріе, которымъ пользовался князь Борятинской у своего могущественнаго «патрона». Въ Москвѣ онъ долженъ былъ сосватать племянницу князя Меншикова, падчерицу князя Прозоровскаго, за другаго племянника Александра Даниловича, князя Александра Андреевича Черкасскаго, да, кромѣ того, прикупить свѣтлѣйшему нѣсколько штукъ самыхъ лучшихъ аргамаковъ и иноходцевъ.

Первое порученіе окончилось неудачей: «Или воля Божія не допустила, или ея, невѣстино, къ совершенству нежеланіе»,—какъ доносилъ

---

[1]) Московск. главн. архивъ мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма лит. Б, № 42. Княгиня Анна Борятинская князю А. Д. Меншикову, Москва, 22-го янв. 1717 г. Въ этомъ письмѣ княгиня Анна (мать князя Ивана Ѳедоровича) называетъ своею внучкой племянницу А. Д. Меншикова, падчерицу князя Прозоровскаго.

[2]) Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга.—Головкина, Наталія Гавриловна родилась въ 1689 году.

[3]) Въ 1707 году л.-гв. Семеновскаго полка поручикъ, князь Иванъ Борятинской былъ разжалованъ въ солдаты за то, что, будучи уволенъ въ отпускъ въ Москву, „на срокъ не явился“ (Сборникъ военно-истор. матеріаловъ, вып. I, стр. 211). Нѣтъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, былъ-ли это князь Иванъ Ѳедоровичъ или его однофамилецъ и тезка.

[4]) Лефортовскій архивъ, оп. 213. Сказка Вологодскаго полка.

Борятинской своему «патрону». Дѣло же съ лошадьми стояло гораздо лучше и, купивъ свѣтлѣйшему двухъ иноходцевъ у Гагариныхъ, да еще гдѣ-то трехъ, изъ которыхъ одинъ былъ «голубой» масти, Иванъ Ѳедоровичъ отправился въ Петербургъ [1]).

26-го апрѣля, уже изъ Ревеля, съ дороги въ финляндскую армію, князь Борятинской писалъ Александру Даниловичу: «Нижайше благодарствую за высокія милости, оказанныя отъ вашей свѣтлости ко мнѣ, слугѣ вашему, въ присутствіе мое въ Санктъ-Питербурхѣ, которыя всегда изъ моей головы не выходятъ и понуждаютъ ежечасно благодареніе возсылать» [2]); а спустя еще нѣсколько дней, удачливый полковникъ явился въ Або къ командующему финляндской арміей князю Михайлѣ Михайловичу Голицыну и вручилъ ему «указъ» отъ «главнаго аншевта», генералъ-адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина о своемъ назначеніи командиромъ одного изъ двухъ гренадерскихъ полковъ. 2-го мая князь Борятинской сдалъ командованіе Вологодскимъ полкомъ [3]); а 24-го мая князь Голицынъ уже донесъ Апраксину объ исполненіи его указа, вызвавшаго цѣлую перетасовку командировъ. «Получилъ я указъ вашъ съ полковникомъ княземъ Борятинскимъ, по которому вашего сіятельства указу полковнику Билцу [4]) поручилъ Первой гранодерской полкъ, понеже онъ претендовалъ, того опасаючись, чтобъ не имѣлъ надъ нимъ старшинства [5]), а полковнику, князю Борятинскому, Второй гранодерской, а бригадиръ фонъ-Менгденъ [6]), по желанію своему, взялъ подъ имя свое [7]) Вологодской полкъ»... [8]).

Въ тотъ же день и князь Борятинской отправилъ благодарственное письмо [9]) генералъ-адмиралу:

---

[1]) Московск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б., № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 1-го, 13-го и 18-го января 1717 г. и помѣтка князя А. Д. Меншикова на письмѣ отъ 13-го января. Тамъ же. Княгиня Анна Борятинская князю А. Д. Меншикову, Москва, 22-го января 1717 г.

[2]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42, князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Ревель, 26-го апрѣля 1717 г.

[3]) Денису Яковлевичу Бильсу, командовавшему Вторымъ гренадерскимъ полкомъ до назначенія князя И. Ѳ. Борятинскаго.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 213. Сказка Вологодскаго полка.

[5]) Предполагалось, очевидно, дать князю Борятинскому Первый гренад. полкъ (нынѣ 63-й пѣх. Углицкій), но Бильсъ запротестовалъ, опасаясь, что тогда Борятинекой будетъ считаться старше его.

[6]) Командиръ Перваго гренадерскаго полка.

[7]) Организація того времени допускала командованіе полками бригадировъ, называвшихся, въ этихъ случаяхъ, „бригадиръ и полковникъ отъ полку".

[8]) Арх. морск. мин., № 361, л. 95. Князь М. М Голицынъ графу Ѳ. М. Апраксину, Або, 24-го мая 1717 года.

[9]) Арх. морск. мин., № 444, л. 170, князь И. Ѳ. Борятинской графу Ѳ. М.

«Сіятельнѣйшій графъ генералъ-адмиралъ, милостивый мой государь и патронъ! Инаго доношенія вашему графскому сіятельству ничего не имѣю, только прибылъ я въ Або сего мѣсяца 20-го дня и письмо, посланное отъ вашего сіятельства сіятельнѣйшему князю Михаилу Михаиловичу вручилъ исправно, по которому нынѣ опредѣленъ я во 2-й гранодерской, а господинъ полковникъ Билсъ въ 1-й гранодерской полки, за что вашему сіятельству моему милостивому патрону, нижайше благодарствую. Всегда же себя вручаю въ ваши высокія милости и пребываю сіятельнѣйшаго графа, милостиваго моего государя и патрона, нижайшій слуга, князь Иванъ Борятинской».

Въ сказкѣ Втораго гренадерскаго полка, въ графѣ о прибыли, помѣщена замѣтка [1]):

«Въ 1717 году мая 23-го дня, по приказу отъ генералитету изъ Вологодскаго пѣхотнаго полку полковникъ князь Иванъ княжъ Федоровъ сынъ Борятинской, при немъ денщиковъ 6».

Князю Борятинскому довелось командовать полкомъ въ тотъ періодъ Сѣверной войны, въ который она приняла почти исключительно прибрежный и партизанскій характеръ; война слагалась изъ ежегодныхъ, болѣе или менѣе энергичныхъ, набѣговъ нашихъ галерныхъ флотилій на шведскій берегъ, сопровождавшихся обычно безпощаднымъ опустошеніемъ для «устрашенія» и «склоненія къ мирнымъ негоціаціямъ» обезсилѣвшаго, но все еще заносчиваго и несговорчиваго сосѣда. Въ этихъ безконечныхъ «партіяхъ» и «поискахъ» князь Борятинской проявилъ всю энергію, служебную честность и отвагу, какими былъ одаренъ, и прославился со своими гренадерами на всю финляндскую армію. Лучшимъ днемъ той службы и командованія полкомъ, въ который имя Борятинскаго и его гренадеръ прогремѣло на всю Россію, было 13-е августа 1719 года, день изумительной, по дерзости демонстративной высадки князя Борятинскаго въ проливѣ Стекъ-Зундъ, въ 10 верстахъ отъ Стокгольма. Въ боевой инструкціи, полученной княземъ передъ этимъ поискомъ, было сказано: «Въ прочемъ поступать, какъ надлежитъ честному и вѣрному командиру» [2]),—и онъ исполнилъ этотъ наказъ. Со своими гренадерами и сборнымъ отрядомъ отъ разныхъ полковъ, онъ высадился съ галеръ на берегъ, съ наступленіемъ ночи разгромилъ подошедшихъ шведовъ и произвелъ жестокое опустошеніе берега подъ самою столицей. Всю ночь, на 14-е августа,

---

Апраксину, Або, 24-го мая 1717 г. Фотографія письма въ музеѣ офицерскаго собранія л.-гв. Кексгольмскаго полка, отд. V.

[1]) Лефорт. архивъ, оп. 213. Сказка 2-го грен. полка.

[2]) Арх. морск. мин., № 256—473, л. 175—176. Инструкція графа Ѳ. М. Апраксина князю И. Ѳ. Борятинскому, отъ 13-го августа 1719 г.

Стокгольмъ видѣлъ зарево недальнихъ пожаровъ, и жители, встревоженные жаркой перестрѣлкой, съ минуты на минуту ждали вступленія русскихъ. Эта тревога распространилась по всему государству, отразилась на засѣдавшемъ уже Аландскомъ конгрессѣ и доставила великую радость царю.

5-го сентября князь Борятинской, вернувшись въ Або изъ похода, отправился въ Петербургъ [1]), а 14-го—былъ пожалованъ, лично государемъ, въ бригадиры за дѣло подъ Стокгольмомъ [2]).

Несмотря на это производство, князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ оставленъ командиромъ Втораго гренадерскаго полка, именуясь съ этого дня «бригадиръ и полковникъ отъ полку» [3]). Но къ полку своему новый бригадиръ возвратился только къ началу кампаніи 1720 года, оставаясь всю зиму въ Петербургѣ и пожиная лавры устрашителя Стокгольма.

Вѣроятно, не безъ содѣйствія его высокихъ «патроновъ», Меншикова и Апраксина, въ январѣ 1720 года состоялось постановленіе Военной коллегіи, которымъ Борятинскому поручалось, оставаясь въ Петербургѣ, заняться обученіемъ рекрутъ и высылкой маршевыхъ командъ для укомплектованія финляндской арміи [4]). Князь Иванъ Ѳедоровичъ занимался, впрочемъ, этимъ дѣломъ только два мѣсяца: 16-го марта онъ отправился въ отпускъ въ Москву, по случаю смерти сестры и болѣзни матери [5]), 11-го апрѣля вернулся обратно въ Петербургъ, тотчасъ же сдалъ свое командованіе подполковнику Полозову и выѣхалъ въ Або къ полку [6]).

Двѣ послѣднія кампаніи Сѣверной войны 1720 и 1721 годовъ князь Иванъ Ѳедоровичъ провелъ съ полкомъ, по-прежнему выдѣляясь изъ общихъ рядовъ, принимая участіе въ военныхъ совѣтахъ, гдѣ мнѣніе его всегда склонялось въ сторону «газарда» [7]), и часто исполняя, вмѣстѣ съ гренадерами, особыя порученія князя М. М. Голицына.

---

[1]) Лефорт. арх., оп. 213. Сказка 2-го гренад. полка.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Арх. морск. мин., № 257—487, л. 33, графъ Ѳ. М. Апраксинъ князю И. Ѳ. Борятинскому, С.-Петербургъ, 22-го января 1720 г.

[5]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 55, лл. 62 и 63. Прошеніе князя Борятинскаго объ увольненіи въ отпускъ, отъ 16-го марта 1720 г., приговоръ Военной коллегіи того же дня и росписка князя Борятинскаго 11-го апрѣля 1720 г.

[6]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 43. л. 11. Приговоръ Военной коллегіи 11-го апрѣля 1720 г.

[7]) Арх. морск. мин., № 257—487, л. 270. Князь М. М. Голицынъ графу Ѳ. М. Апраксину, донесеніе о консиліи 30-го апрѣля 1720 г.: „10 человѣкъ объявили, что того чинить... не безъ газарду... Бригадиры Левашовъ и князь Борятинской къ переходу склонность имѣли“...

Въ ночь на 22-е октября 1721 года князь Борятинской вступилъ со своими гренадерами на галерахъ въ Неву, вмѣстѣ съ ними былъ на утро при торжественномъ объявленіи Ништадтскаго мира и слышалъ, какъ тесть, графъ Гаврила Ивановичъ, возглашалъ отъ имени Сената и Синода: «Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ всероссійскій!».

4-го декабря того же года, отправивъ полкъ на зимнія квартиры, князь Иванъ Ѳедоровичъ выѣхалъ въ полугодовой отпускъ [1]) и больше уже не возвращался къ гренадерамъ.

7-го марта 1722 года на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Александръ Кондратьевичъ Зыковъ [2]).

Ко времени командованія княза Борятинскаго полкомъ относится его участіе еще въ одномъ, но глубоко прискорбномъ государственномъ дѣлѣ: 24-го іюня 1718 года, вмѣстѣ со своимъ тестемъ и съ первымъ командиромъ гренадеръ, полковникомъ Лутковскимъ, онъ подписалъ, въ числѣ прочихъ судей, смертный приговоръ царевичу Алексѣю Петровичу [3]).

Полугодовой отпускъ князя Борятинскаго, который онъ взялъ, чтобы привести въ порядокъ запущенныя въ періодъ долгой войны свои личныя дѣла, понеже «въ домѣ своемъ не бывалъ и имѣлъ въ домашныхъ и въ деревенскихъ случаяхъ нужду», еще не кончился, какъ Петръ Великій уже потянулъ Россію къ другому морю, къ индійскимъ торговымъ путямъ, и снова призывалъ на службу своихъ закаленныхъ боевыхъ сотрудниковъ.

3-го апрѣля 1722 года императоръ далъ указъ Военной коллегіи: «Къ полкамъ Низоваго корпуса, кои стоятъ по Волгѣ, отправить бригадировъ: въ Ярославль Левашова, а во Тверь Борятинскаго и быть имъ подъ командой генералъ-маіора Матюшкина» [4]).

Въ маѣ, вмѣстѣ съ полками своей команды, на рѣчныхъ судахъ, князь Борятинскій пустился внизъ по Волгѣ къ Астрахани, куда собрался въ іюлѣ весь «низовый корпусъ», назначенный въ Персидскій походъ, и прибылъ государь съ государыней. 27-го іюля наши передовыя суда уже свозили десанты на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ, откуда начиналось наступленіе въ персидскіе предѣлы.

Въ этотъ день государь, вмѣстѣ со всѣми, сопутствовавшими ему министрами, генералами и бригадирами, празднуя годовщину морскихъ

---

[1]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 89, лл. 302 и 303. Прошеніе князя Борятинскаго отъ 3-го декабря 1721 г. и приговоръ Военной коллегіи 4-го декабря 1721 г.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 128, л. 63.

[3]) Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, изд. второе, т. VII, стр. 114.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 97, л. 144. Высоч. указъ Военной коллегіи 3-го апрѣля 1722 г.

побѣдъ при Гангутѣ и Гренгамѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливую высадку на персидскій берегъ, устроилъ свою обычную пирушку на галерѣ графа Апраксина и закончилъ ее неожиданной потѣхой, о которой надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ князю Борятинскому довелось въ ней отличиться своимъ молодечествомъ.

Вспомнивъ «корабельное обыкновеніе», разсказываетъ участникъ похода морякъ Соймоновъ [1]), «по которому небывалыхъ прежде на какомъ-либо морѣ купаютъ, что̀ чинится изготовленнымъ на концѣ райны блокомъ, съ котораго сидящіе на доскѣ спускаются въ воду трижды, или откупаются подарками», государь рѣшилъ, что «здѣсь было новое море для нашихъ мореплавающихъ» и «желалъ имѣть увеселеніе видѣть оную церемонію; и, какъ онъ самъ себя отъ оной не выключилъ, то другіе не могли отговориться, коль имъ не страшно казалось такое дѣйствіе... Первой купался генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Головинъ... Потомъ слѣдовалъ государь самъ, по немъ генералъ-адмиралъ, и такъ далѣе весь генералитетъ и министры. Весело было смотрѣть, какъ нѣкоторые исправили сію церемонію съ крайнею робостію, а другіе весьма бодро поступили... Генералъ-маіоръ Матюшкинъ изо всѣхъ наибольшимъ страхомъ былъ объятъ, а бригадиръ князь Борятинской наибольшую оказалъ смѣлость».

Въ Персидскомъ походѣ князь Борятинской провелъ три кампаніи 1722, 23 и 24 годовъ въ должности бригаднаго командира, являясь однимъ изъ старшихъ начальниковъ послѣ командира всего низоваго корпуса генералъ-маіора Матюшкина и непосредственно участвуя во всѣхъ главныхъ совѣщаніяхъ и предпріятіяхъ войны.

Въ кампаніи 1722 года, еще въ бытность государя, отъѣхавшаго въ Россію въ началѣ октября, князь участвовалъ въ занятіи Дербента, а въ слѣдующемъ году во взятіи Баку, гдѣ и остался въ качествѣ коменданта новозавоеванной крѣпости [2]).

Въ началѣ 1724 года князь Иванъ Ѳедоровичъ едва не сдѣлался одною изъ безчисленныхъ жертвъ этой тяжелой войны, въ которой мы почти не имѣли боевыхъ потерь, но схоронили тысячи людей, погибшихъ отъ изнурительныхъ лихорадокъ. Въ іюлѣ [3]) этого года Борятинской, совершенно больной, выѣхалъ изъ Баку въ далекій путь, направ-

---

[1]) Ѳ. И. Соймоновъ, „Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на немъ россійскихъ завоеваній“ (Спб. 1763). О томъ же см. „Походный журналъ 1722 г.“ (Спб. 1855) и „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (Москва. 1872), т. II, стр. 96—121: „Книга расходная пріему подъячаго Гаврилы Замятнина 1722 г.“.

[2]) Военно-учен. архивъ главнаго штаба (см. „Каталогъ“ его, вып. 1, Спб. 1886, № 107. „Планъ города или крѣпости Баку“—экспликація.

[3]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 184.

ляясь въ Москву, и только въ ноябрѣ добрался до дому [1]). «Жестоко стражду и едва по избѣ временемъ могу пройтить», писалъ Иванъ Ѳедоровичъ князю А. Д. Меншикову, поздравляя его съ наступающимъ праздникомъ [2]).

По пріѣздѣ въ Москву князь Борятинской узналъ о послѣдней милости къ нему Петра Великаго, назначавшаго его, по всей вѣроятности въ виду его болѣзни, членомъ засѣдавшей въ Петербургѣ государственной военной коллегіи [3]). Но князь не могъ уже продолжать путешествіе, явился въ Московскую контору военной коллегіи и просилъ объ освидѣтельствованіи его здоровья. Въ послѣднихъ числахъ декабря, по приговору московской конторы [4]), онъ былъ свидѣтельствованъ «чрезъ дохтуровъ Годлоба Шоберта, Антонія Толса, да лѣкаря Ягана Зума», которые поставили нижеслѣдующій діагнозъ [5]):

«Имѣетъ болѣзнь авъеекъцію ипохондрика, и понеже де во оной болѣзни многіе приключаются сипътоми въ воздыханіи, временемъ имѣетъ респуряцію несвободною и хотя въ пищѣ имѣетъ охоту, однакожъ, по принятіи оной пищи, въ животѣ слышитъ немалую тягость; плеваніемъ часто мокрота происходитъ, но къ тому кислые отрыганія, въ животѣ ворчаніе, боль и запоръ и ношные поты бываютъ, у него жъ чечюйная болѣзнь».

Государственная военная коллегія, ознакомившись съ этимъ актомъ, постановила: «велѣть оному брегадиру... лечитца въ Москвѣ и чтобъ чрезъ всякую треть года объявлять ему о себѣ въ той конторѣ, а изъ той конторы, свидѣтельствуя ево, писать объ немъ въ военную коллегію» [6]).

Болѣзнь князя Ивана Ѳедоровича не оставляла его и не давала служить по крайней мѣрѣ два года. Во все царствованіе императрицы Екатерины I онъ оставался въ Москвѣ не у дѣлъ и, получая даже кабинетныя должности, сначала члена (въ іюнѣ 1725 года) [7]), а позже (1 марта 1725 года) «презуса» [8]) московской конторы военной колле-

---

[1]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 189. Доношеніе въ военную коллегію изъ ея московской конторы, декабрь 1724 г.

[2]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42; князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 21-го декабря 1724 г.

[3]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 246, л. 507 (или 307).

[4]) Лефорт. арх., оп. 1, св. 238, л. 189. Доношеніе.

[5]) Тамъ же, л. 193. Копія приказа военной коллегіи 15-го января 1725 г.

[6]) Тамъ же.

[7]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской—князю А. Д. Меншикову. Москва, 15 іюня 1725 г.

[8]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 292, л. 29.

гіи, неизмѣнно и настойчиво писалъ князю Меншикову о своей болѣзни и просилъ освобожденія отъ всякихъ дѣлъ.

30-го апрѣля 1725 года онъ писалъ: «свидѣтельствуюся Богомъ живымъ и кленуся Ево праведнымъ судомъ, что еще отъ болѣзни не весьма пришелъ въ здоровье и труда не могу такова понести... еслибъ нынѣ вскорѣ ѣхать въ Санктъ-Питербурхъ» [1]).

Немного позже, 15-го іюня 1725 года, получивъ извѣстіе о своемъ назначеніи членомъ московской конторы, онъ писалъ почти съ отчаяніемъ: «Прошу показать со мною Божескую милость и уволнить меня отъ того дѣла, ибо, государь, совѣстно доношу, что за болѣзнію моею не могу еще никакихъ трудовъ понести... отъ чего и ея величества всемилостивѣйшей нашей государыни императрицы дѣла весьма упустятся» и умолялъ всемогущаго временщика уже «припадая къ ногамъ» его свѣтлости «увольнить отъ сего дѣла, хотя не на долгое время для лѣченія» [2]).

Письмо князя Ивана Ѳедоровича свѣтлѣйшему отъ 19-го декабря 1726 года, въ которомъ онъ просилъ его освободить отъ должности презуса въ московской конторѣ военной коллегіи, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ для характеристики его взгляда на долгъ военной службы.

«...уже ваша свѣтлость изволите вѣдать..., что истинно боленъ и не отваливаюся и ниже вымышляю,.. ибо, государь, не токмо править дѣла, на мнѣ положенныя, могу, но нѣсколько мѣсяцовъ изъ избы не выхожу и до сего времени, за болѣзнію моею, и токмо что имя ношу у дѣла, а плода отъ меня никакова нѣтъ. Того ради прошу нижайше... увольнить меня хотя на время, если вовсе не можно отставить отъ службы, отъ дѣлъ за болѣзнію моею,... ибо, государь, и отъ сего имѣю сумнѣніе не малое, что опредѣленъ я у дѣла, а дѣла не правлю..., а если, что пропущено будетъ, дабы на мнѣ не взыскалось» [3]).

Къ несчастіямъ Ивана Ѳедоровича за этотъ періодъ его жизни присоединилась еще и потеря жены, скончавшейся 29-го іюня 1726 г. и погребенной имъ въ московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ [4]).

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Боратинской князю А. Д. Меншикову, Москва, 30-го апрѣля 1725 г.

[2]) Тамъ же, Москва, 15-го іюня 1725 г.

[3]) Тамъ же, Москва, 19-го декабря 1726 г.

[4]) Архим. Григорій „Историческое описаніе московскаго Златоустовскаго монастыря", Москва, 1871, стр. 25. Надгробная надпись: „1726 году, іюня 29-го дня, преставися раба Божія, генералъ-маіора князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго жена его, княгиня Наталія Гавриловна; а житія ея было 36 лѣтъ".

Обладая высокими качествами офицера, «совѣстно» относящагося къ своимъ даже невольнымъ прогуламъ, требовательнаго къ самому себѣ и настолько прямаго, чтобъ заявить: «что имя ношу у дѣла, а плода отъ меня никакова нѣтъ», князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ то же время истымъ сыномъ своего вѣка и не считалъ, что чины и милости должны раздаваться независимо отъ родства и свойства съ высокими міра сего.

Больной и сокрушающійся о невозможности служить и «никакихъ трудовъ понести», онъ, въ то же время, едва заслышавъ въ Москвѣ о готовящейся свадьбѣ старшей дочери покойнаго императора Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, уже торопится «вручить себя въ высокія и богатыя милости» свѣтлѣйшаго князя и пишетъ ему въ Петербургъ, за три недѣли до свадьбы: «нынѣ слышимъ грядущее торжество и народную радость всемилостивѣйшей нашей государыни цесаревны, и мню, что многіе послѣдніе раби ихъ величествъ взыщутся при той радости за службы; того ради вашу свѣтлость, премилостиваго государя моего, всенижайше прошу показать со мною отеческую милость и не оставить меня, послѣдняго слугу своего, при такомъ радостномъ случаѣ, и какую изволите со мною милость покажите» [1]).

Однако же свадьба царевны состоялась 21-го мая, а милость князю Борятинскому вышла только къ Преображеньеву дню [2]). Этой милостію было производство въ генералъ-маіоры, о чемъ увѣдомилъ новопожалованнаго самъ его высокопоставленный тесть Гаврила Ивановичъ Головкинъ [3]).

Еще болѣе характернымъ является письмо [4]), которымъ князь Борятинской поздравилъ Меншикова, съ «учиненнымъ превысочайшимъ обрученіемъ» императора Петра II «съ нареченною нашею государынею цесаревною»—то-есть съ дочерью Меншикова—княжной Маріей Александровной. «И желаю», добавлялъ Борятинской къ своему поздравленію, «да Всемогущій свыше предпослать соблаговолитъ волю Свою святую съ пожеланнымъ благополучнымъ окончаніемъ для всенародной пользы и радости».

Но пожеланія князя не сбылись. Это письмо было написано 12-го іюня, обрученіе состоялось 25-го мая, а три—четыре мѣсяца спустя

---

[1]) Моск. главн. арх. мин. иностр, дѣлъ. оп. 264, письма, лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову. Москва, 30-го апрѣля 1725 г.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 1, св. 220, л. 430.

[3]) Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, оп. 264, письма лит. Б, № 42. Князь И. Ѳ. Борятинской князю А. Д. Меншикову. Москва, 20 августа 1725 г.

[4]) Тамъ же, Москва, 12-го іюня 1727 г. Фотографія письма въ музеѣ офицерскаго собранія л.-гв. Кексгольмскаго полка, отд. V, № 108.

звѣзда свѣтлѣйшаго померкла: 8-го сентября 1727 года онъ выѣхалъ въ ссылку вмѣстѣ съ несчастной своей дочерью.

На судьбѣ князя Ивана Ѳедоровича это паденіе всесильнаго патрона, неизмѣнно покровительствовавшаго ему въ теченіе по крайней мѣрѣ десяти послѣднихъ лѣтъ, вопреки обычному, въ подобныхъ случаяхъ, гоненію на всѣхъ родныхъ и близкихъ, повидимому, нисколько не отразилось. По крайней мѣрѣ 4-го февраля 1728 года, въ день торжественнаго въѣзда въ Москву молодаго императора, онъ, очевидно, уже оправившись отъ своей долгой болѣзни, вдвоемъ съ генераломъ Бономъ командовалъ восьмью полками, разставленными въ шпалерахъ отъ Тріумфальныхъ до Воскресенскихъ воротъ [1]).

Затѣмъ за періодъ времени отъ паденія Меншикова до кончины императора Петра II, свѣдѣній о князѣ И. Ѳ. Борятинскомъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Лишь съ избранія на всероссійскій престолъ императрицы Анны Іоанновны мы снова встрѣчаемся съ княземъ, для котораго царствованіе этой государыни сложилось въ непрерывный рядъ наградъ и милостей.

Неожиданная кончина въ Москвѣ (18-го января 1730 года) юнаго императора, представителя мужской линіи, какъ извѣстно, захватила врасплохъ всѣхъ, кто могъ и долженъ былъ рѣшить вопросъ о замѣщеніи вновь опустѣвшаго россійскаго престола. Извѣстно также, что Верховный тайный совѣтъ, замѣнившій недавно Сенатъ и составленный всего лишь изъ восьми «верховниковъ», остановился на принятомъ всѣми партіями избраніи племянницы Петра Великаго герцогини Курляндской Анны Іоанновны, предложилъ ей отъ себя, черезъ особую депутацію, подписать «ограничительные пункты», еще раньше переѣзда изъ Митавы въ Москву. Для громаднаго большинства государственныхъ сановниковъ, дворянства, московской знати, представителей войскъ, а за ними и всего народа такое ограниченіе самодержавной власти не уживалось съ представленіемъ о священной особѣ главы государства. Тотчасъ же, вслѣдъ за избраніемъ императрицы и вѣстью о составленіи «пунктовъ», вся служилая и родовитая Москва соединилась въ партіи, чтобы низвергнуть замыслы «верховниковъ» и не позволить имъ присвоить себѣ долю самодержавной власти. Одна изъ этихъ партій, оказавшаяся сильнѣе другихъ и сыгравшая, по прибытіи новой императрицы, рѣшительную роль въ этихъ событіяхъ, собиралась въ московскомъ домѣ генералъ-маіора князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, подъ его защитой.

Душой этой партіи былъ своякъ князя Борятинскаго, женатый, какъ и онъ, на дочери графа Головкина, бывшій генералъ-прокуроръ Ягу-

[1]) „Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. 101, стр. 433.

жинскій [1]), съ ними же были ихъ родичи князья Черкасскіе, негласно ихъ тесть Гаврила Ивановичъ, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ и длинный рядъ своихъ, стоявшихъ у власти людей.

Еще раньше депутаціи «верховниковъ», въ Москву помчался посланецъ Ягужинскаго съ совѣтомъ и просьбой къ императрицѣ не подписывать «пунктовъ» и не вѣрить, что они исходятъ отъ воли народной; а 25-го февраля, на десятый день прибытія въ Москву Анны Іоанновны, во дворцѣ нежданно появился «генералитетъ и шляхетство» съ заявленіемъ, выразившимся лучше всего въ возгласахъ гвардейскихъ офицеровъ: «Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы, она сама должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи» [2]). Тутъ же была доложена и другая просьба дворянъ о возстановленіи Правительствующаго Сената избраніемъ «21 персоны».

Въ присутствіи всѣхъ собравшихся императрица потребовала представленія «пунктовъ», подписанныхъ ею еще въ Митавѣ, и «при всемъ народѣ изволила, принявъ, разорвать».

4-го марта состоялось назначеніе 21 сенатора, при чемъ въ числѣ избранныхъ императрицею оказался и генералъ-маіоръ князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій [3]), а также его тесть графъ Головкинъ, свояк Ягужинскій и родичъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій.

Шесть недѣль позже, 28-го апрѣля, въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты [4]).

3-го февраля 1731 года, въ день первой годовщины полученія въ Москвѣ подписанныхъ Анной Іоанновной пунктовъ и ареста «верховниками» Ягужинскаго, «любовь Борятинскаго къ Престолу», по выраженію Бантыша-Каменскаго, «была награждена орденомъ св. Александра-Невскаго».

О дальнѣйшей службѣ князя Борятинскаго извѣстно, что 7-го декабря 1731 года «ради прекращенія зашедшихъ между калмыцкихъ ссоръ и для усмиренія противниковъ» ему было приказано ѣхать въ Астрахань и принять «въ команду всѣ стоящіе полки по линіи Царицынской и на Черемшанскихъ форпостахъ», а также Донскихъ и

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей.

[2]) Эпизодъ восшествія на престолъ Анны Іоанновны переданъ нами по „Исторіи Россіи“ Соловьева.

[3]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.; т. 101, стр. 553; Полн. Собр. Законовъ, № 5510.

[4]) П. Барановъ, Опись высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петерб. Сенатскомъ архивѣ, т. II, Спб. 1875, стр. 220, № 3761; Описаніе коронаціи императрицы Анны Іоанновны. Библіотека Главнаго штаба, № 13625.

Яицкихъ казаковъ [1]). Князь Борятинской провелъ полтора года на Волгѣ, умиротворяя затѣявшихъ междоусобную войну калмыковъ и охраняя нашу восточную границу отъ постоянныхъ вторженій закаспійскихъ кочевниковъ. Довѣріе къ нему правительства выразилось въ этотъ періодъ времени въ высочайшемъ указѣ «поступать... смотря на обращенія... по своему разсмотрѣнію... не отписываясь, дабы съ тѣмъ время опущено не было [2])».

Въ іюнѣ 1733 года, когда начинались «польскія замѣшательства», князь Борятинскій получилъ приказаніе императрицы сдать калмыцкія дѣла генералъ-маіору Тараканову, а самому «ѣхать къ лифляндскому корпусу въ крайней скорости и быть тамъ подъ командой» генерала Ласси [3]). Въ августѣ, побывавъ въ Петербургѣ, князь выѣхалъ уже на театръ войны [4]) и пробылъ въ кампаніи два года.

21-го августа 1735 года [5]) онъ былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ слѣдующемъ 1736 году, на свою послѣднюю должность главнокомандующаго Малороссіи. 9-го февраля 1737 года князь Иванъ Ѳедоровичъ получилъ и послѣднюю свою награду генералъ-аншефа, т. е. полнаго генерала [6]).

«Недолго»,—говоритъ Бантышъ-Каменскій [7]),—«малороссіяне, претерпѣвшіе въ то время чрезмѣрныя тягости, по причинѣ турецкой войны, находились подъ благодѣтельнымъ и кроткимъ начальствомъ его [8])», 18-го февраля 1733 года, въ Глуховѣ, «къ сожалѣнію призна-

---

[1]) Лефорт. архивъ, оп 47, св. 45, л. 7. Промеморія Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Военную коллегію, 7-го декабря 1731 г., за подписями графа Головкина, Остермана и Миниха. Тамъ же, т. 4, св. 51, л. 13.

[2]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 46, л. 236, указъ Военной коллегіи, 16-го ноября 1732.

[3]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 52, л. 281.

[4]) Лефорт. архивъ, оп. 4, св. 49, л. л. 416, 432 и 433.

[5]) Барановъ, Опись высоч. повелѣніямъ и указамъ, хранящ. въ Спб. Сенатск. архивѣ, т. II, стр. 380, № 5254.

[6]) Тамъ же, стр. 453, № 5842.

[7]) Словарь достопамятныхъ людей.

[8]) Ко времени управленія Малороссіей относится эпизодъ, характеризующій склонность князя И. Ѳ. Борятинскаго къ принятію, при случаѣ, весьма рѣшительныхъ мѣръ. Эпизодъ этотъ разсказанъ въ Исторіи Россіи Соловьева (т. 20, стр. 321): „Въ 1737 году произошло столкновеніе у черниговскаго архіерея Иларіона Рогалевскаго съ капитаномъ Кобылинымъ, который набиралъ казаковъ. Кобылинъ жаловался, что въ церкви, послѣ торжественнаго молебна, архіерей не допустилъ его къ кресту и сказалъ: «Чортъ тебѣ, к—сыну, далъ указъ, покажи указъ!» Князь Борятинской, управлявшій въ то время Малороссіею, произвелъ слѣдствіе и арестовалъ архіерея, за что получилъ выговоръ отъ императрицы: «Намъ зѣло непріятно и къ великому нашему удивленію касается, что вы онаго архіепископа безъ нашего указа подъ такой крѣпкій караулъ брать велѣли, не разсуждая, что изъ такихъ поступковъ всякія слѣдствія произойти могутъ».

тельнаго народа», князь Иванъ Ѳедоровичъ скончался. 13-го марта его тѣло было отправлено въ Москву [1]) и погребено, по всей вѣроятности, въ Златоустовскомъ монастырѣ, въ церкви Іоанна Златоуста, возобновленной его отцомъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ [2]). Въ томъ же монастырѣ покоится и прахъ его патрона, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина [3]) формировавшаго и самый полкъ, которымъ командовалъ Борятинской.

Во всѣхъ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Борятинскомъ нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одного отзыва о немъ современниковъ, которымъ была бы отмѣчена непосредственно хоть одна черта его характера. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приведенные факты не даютъ-ли намъ возможность хоть въ нѣсколькихъ чертахъ обрисовать этого человѣка. Будетъ-ли ошибкой сказать о немъ, что это былъ богатый, знатный и свободный духомъ русскій баринъ, офицеръ, преисполненный храбрости и молодечества, энергичный до «газарда», проникнутый высокими чувствами сознанія долга и слуга своей родины.

Б. Адамовичъ.

---

[1]) Справка Глуховскаго предводителя дворянства.

[2]) Точныхъ указаній о мѣстѣ погребенія Ивана Ѳедоровича нами не найдено. При нашемъ посѣщеніи Златоустовскаго монастыря 27-го января 1902 года никакихъ указаній нами не было получено, кромѣ догадокъ братіи: что князь Иванъ Ѳедоровичъ погребенъ подъ Златоустовскою церквью. См. архимандритъ Григорій, «Историческое описаніе московскаго Златоустовскаго монастыря», Москва, 1871, стр. 6.

[3]) См. «Русскій Инвалидъ» 1900 г., № 250, 1901 г., № 6, и 1902 г., № 85. Б. Адамовичъ «Могила сподвижника Петра Великаго графа Ѳ. М. Апраксина».

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ

Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 62.

Ce 12 Août 1815.

Chers et bien aimés enfants, le courrier du 22 est arrivé: c'est vous dire en un mot l'émotion que j'éprouve.Il est des moments où le silence est plus expressif que les paroles: je ne puis parler, mes enfants; je bénis mon Dieu du bonheur qu'Il a destiné a mon Annette, je Le bénis de m'avoir donné de si bons enfants, de me voir tendrement aimée de vous, êtres chéris et inexprimablement aimés à votre tour, et les larmes me coulent des yeux. Je suis là tout sentiment, toute émotion, toute satisfaction, et ne puis vous exprimer ce que je sens. Voilà donc le sort de notre bonne Annette assuré, je m'en réjouis du fond de l'âme et puis dire qu'un des voeux les plus chers de mon coeur est comblé: remercions en Dieu et notre cher Alexandre. Cette réponse arrivée le 22 Juillet est une nouvelle bénédiction de la Providence; qu'il m'est consolant de me dire qu'Annette datera son bonheur de ce jour. La lettre du prince d'Orange à l'empereur est charmante et bien aimable pour moi. Je suis bien disposée à l'aimer et à le chérir: il me paraît si parfaitement dans notre cercle de famille que je me flatte qu'il nous chérira tous. Chers enfants, vos lettres du 22 m'ont vivement touchée; cher Nicolas, cher Michel, recevez tous, tous mes remercîments et dites-vous que votre amitié fait le charme et la consolation de mes jours. Cher

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1904 г.

Michel, jai été bien émue par ce que vous me dites de tendre et d'affectueux et vous en remercie du fond de mon coeur, tout comme vous aussi, cher Nicoche. Dieu vous bénira et vous donnera un jour dans vos enfants le même bonheur, la même satisfaction dont vous me faites jouir. Le reste à demain, mes enfants, mon agitation est trop grande pour continuer. Mille remercîments, cher Nicoche, pour la charmante et même belle robe que vous m'avez envoyée, mais c'est trop beau, cher enfant, et je suis peinée de ce que vous vous êtes mis en dépense pour moi: une misère m'aurait fait le même plaisir. Bien obligée, cher Michel, du portrait que vous promettez, il me fera le plus grand plaisir. Vous avez vu par ma lettre d'hier que je vous le demandais. Bonsoir, bons, chers et bien aimés enfants. Qu'il me tarde de vous revoir.

Ce 13 Août, Vendredi.

Je ne puis que vous embrasser, mes bons enfants, il m'est de toute impossibilité de vous écrire ce soir: je suis accablée d'affaires; Annette vous l'attestera, mes enfants. Adieu donc mille fois. Le reste à la première fois.

Ce 14 Août, Samedi.

Je suppose qu'Annette, ou plutôt je sais qu'Annette vous a fait ma commission, mes bons amis. Je n'ai pas quitté la plume et cependant je ne puis vous écrire que pour vous bénir, vous embrasser et vous dire que dès demain je vous écrirai, s'il plaît à Dieu, à mon aise, aujourd'hui la plume me tombe des mains. Voici une lettre de la comtesse Litta. Votre anneau lui a fait un plaisir extrême. Adieu, mes bons amis, que Dieu vous bénisse et vous conserve tels que vous êtes. Dès que vous saurez que l'empereur aura fait ma commission au prince d'Orange, faites-lui mes amitiés et dites-lui que je désire qu'il se trouve en disposition de m'aimer comme je le fais de le chérir. Adieu, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme. Mes compliments à vos messieurs. Qu'est-ce que leur silence vis-à-vis de moi, si contraire à leurs instructions? Que Dieu vous conserve, mes chers enfants, ne m'oubliez pas et rappelez vous de mes conseils.

12-го августа 1815 г.

(Переводъ). Милыя и дорогія дѣти, прибылъ курьеръ, посланный 22-го іюля; этого достаточно, чтобы вы поняли, какъ я была глубоко взволнована: бываютъ минуты, когда молчаніе выразительнѣе словъ, я не въ силахъ говорить, дѣти мои, я благословляла Бога за то счастье, которое Онъ нис-

посылаетъ моей Аннетѣ, я благодарю Его за то, что у меня такія хорошія дѣти, за то, что меня такъ нѣжно любятъ эти дорогія для меня существа, которыхъ я въ свою очередь несказанно люблю, и слезы льются у меня изъ глазъ. Я вся взволнована, растрогана и глубоко обрадована и не могу выразить всего, что я чувствую. Итакъ, судьба нашей доброй Анеты устроена, я радуюсь этому до глубины души и могу сказать, что исполнилось одно изъ самыхъ завѣтныхъ моихъ желаній: возблагодаримъ за это Бога и нашего дорогого Александра. Этотъ отвѣтъ, полученный 22-го іюля, есть новое благословеніе Божіе; какъ мнѣ пріятно сознаніе, что счастье Анеты началось съ этого дня. Письмо принца Оранскаго къ императору прелестно и очень любезно по отношенію ко мнѣ. Я готова нѣжно любить его: мнѣ кажется, онъ такъ подходитъ къ нашей семьѣ, что я надѣюсь, что онъ полюбитъ всѣхъ насъ. Милыя дѣти, полученныя мною ваши письма, отъ 22-го іюля, глубоко тронули меня; очень очень благодарю васъ за нихъ, дорогой Николай, дорогой Михаилъ, повѣрьте, что ваше дружеское отношеніе составляетъ прелесть и утѣшеніе моей жизни. Дорогой Михаилъ, я была очень тронута нѣжными и сердечными выраженіями вашего письма и благодарю васъ за него отъ всей души, такъ же, какъ и васъ, дорогой Никошъ. Да благословитъ васъ Господь и да ниспошлетъ Онъ вамъ въ вашихъ дѣтяхъ такое же счастье, такое же утѣшеніе, какое вы доставляете мнѣ. Остальное до завтра, дѣти мои, мое волненіе слишкомъ велико; я не могу продолжать. Тысячу благодарностей, милый Никошъ, за прелестное и даже великолѣпное платье, которое вы мнѣ прислали; оно ужъ слишкомъ хорошо, милое дитя, и я огорчена тѣмъ, что вы потратились для меня: какая-нибудь бездѣлица доставила бы мнѣ такое же удовольствіе. Очень благодарна вамъ, дорогой Михаилъ, за обѣщанный портретъ, онъ доставитъ мнѣ величайшее удовольствіе. Вы видѣли изъ моего вчерашняго письма, что я просила васъ о немъ. Прощайте, добрыя, милыя и любезныя дѣти. Я не дождусь свиданія съ вами.

13-го августа, пятница.

Я могу только обнять васъ, мои добрыя дѣти; сегодня вечеромъ я не имѣю никакой возможности написать вамъ: у меня бездна дѣла. Аннета подтвердитъ вамъ это, дѣти мои. Итакъ, тысячу разъ прощайте. Остальное при первомъ удобномъ случаѣ.

14-го августа, суббота.

Я полагаю или, лучше сказать, я знаю, что Аннета исполнила мое порученіе, добрые друзья мои. Я не выпускала пера изъ рукъ, а между тѣмъ я могу написать вамъ всего нѣсколько словъ, чтобы сказать вамъ, что я васъ благословляю, цѣлую и что я напишу вамъ, Богъ дастъ,

на свободѣ, завтра; сегодня перо валится у меня изъ рукъ. Вотъ письмо отъ графини Литта. Ваше кольцо доставило ей огромное удовольствіе. Прощайте, добрые друзья мои, да благословитъ васъ Господь и да сохранитъ Онъ васъ такими, каковы вы теперь. Какъ только вы узнаете, что императоръ исполнилъ мое порученіе относительно принца Оранскаго, передайте ему мой привѣтъ и скажите ему, что я желаю, чтобы онъ могъ полюбить меня такъ же горячо, какъ я его люблю. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душой и сердцемъ. Кланяйтесь отъ меня вашимъ кавалерамъ. Что означаетъ ихъ молчаніе, столь не соотвѣтствующее даннымъ имъ инструкціямъ? Да хранитъ васъ Господь, дорогія дѣти, не забывайте меня и вспоминайте о моихъ совѣтахъ.

Num. 63.

Ce Dimanche, 15 Août 1815.

Je vous renouvelle encore une fois, mes bons, chers enfants, mes remercîments pour vos dernières chères lettres du 22 Juillet: elles m'ont fait un plaisir inexprimable, car elles m'expriment si bien votre tendresse, votre amitié, que j'en ai été touchée bien profondément. Je me sens heureuse de vous être chère, mes bons amis, et vous assure bien que vous me l'êtes au delà de toute expression. Je jouis avec vous et vous avec moi du bonheur qu'attend notre chère Annette, ma pensée n'est occupée que du sort qui l'attend et j'ai plaisir à voir combien tous ceux qui le savent s'en réjouissent; je trouve que ce parti réunit tous les avantages qu'on pouvait désirer, et certainement le bonheur des deux individus est à espérer: notre princesse d'Orange future est bien, bien satisfaite et sa mine heureuse me réjouit le coeur. Comme le temps a été superbe aujourd'hui, j'ai fait l'extraordinaire pour le Dimanche de dîner au Pavillon des roses, ce qui a fait grand plaisir à toute la société qui était très auguste, les grandes autorités étant venues me voir; vos musiciens ont joué pendant le dîner, cher Nicoche, ainsi cela donnait un petit air de fête à ce dîner, et j'ai dit à Annette tout bas que je fêtai la bonne nouvelle in petto. Le soir nous avons joué au boston, et je vous dirai, cher Nicoche, comme une très grande nouvelle, que j'ai joué et gagné une grande misère ouverte, cela a fait événement dans le salon. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien.

Ce 16 Août.

Les gazettes arrivées par mer ne m'amusent pas du tout, car on dit que les esprits sont très exaspérés en France et que les factions se prononcent de plus en plus. Cela ne m'étonne pas, vu la grande impu-

nité qui y règne; tous les scélérats qui ont conspiré contre le roi et l'état sont en sécurité: le vice s'en encourage et les suites en sont funestes; ajoutez à cela les contributions, les craintes des démembrements, et en vérité je bénirai Dieu quand je vous saurai tous sortis de cette moderne Babylone. Ne pourrez-vous pas bientôt me parler du départ de l'empereur et du vôtre? Tous les voeux tendent à en attendre la nouvelle. Bonsoir, chers enfants, je vous donne toutes mes bénédictions.

Ce 17 Août.

Nous avons un temps magnifique qui m'a fait promener longtemps dans mon jardin, mes bons amis, ensuite j'ai eu à faire, et voilà le moment d'expédier ma lettre, ainsi pour cette fois je dois être brève, j'en suis au regret et réparerai mes torts demain. Nous dînâmes au nouveau chalet, voilà l'extraordinaire de la journée. Quand partez-vous de Paris, mes bons enfants? Que je voudrais que nous sachions le départ de l'empereur, ce séjour est bien, bien inquiétant. Adieu, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et fais mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Toute à vou pour la vie.

Marie.

Воскресенье, 15-го августа 1815 г.

(Переводъ). Еще разъ повторяю вамъ, добрыя и дорогія дѣти, мою благодарность за ваши послѣднія дорогія для меня письма отъ 22-го іюля: они мнѣ доставили несказанное удовольствіе, такъ какъ въ нихъ выразилась вся ваша нѣжность, вся ваша дружба ко мнѣ; я была ими глубоко тронута. Я счастлива, что я для васъ дорога, мои добрые друзья, вѣрьте мнѣ, что и вы мнѣ безконечно дороги. Я наслаждаюсь вмѣстѣ съ вами счастіемъ, которое ожидаетъ нашу дорогую Аннету, мои мысли заняты предстоящей ей судьбою, и я съ удовольствіемъ вижу, какъ рады этому всѣ тѣ, кои объ этомъ знаютъ; я нахожу, что этотъ бракъ соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества, какихъ можно было желать; можно надѣяться на счастье двухъ лицъ: наша будущая принцесса Оранская очень, очень довольна; ея счастливый видъ радуетъ меня. Такъ какъ погода была сегодня превосходная, то я рѣшила обѣдать въ Розовомъ павильонѣ, что̀ по воскресеньямъ не принято; это доставило большое удовольствіе всему обществу, которое было очень изысканное, такъ какъ всѣ высшія власти посѣтили меня; ваши музыканты играли во время обѣда, дорогой Никошъ, что̀ придало ему праздничный видъ; я сказала Аннетѣ тихонько, что я праздную втайнѣ

добрую вѣсть. Вечеромъ мы играли въ бостонъ, и скажу вамъ, дорогой Никошъ, большую новость, я съиграла и выиграла большой открытый мизеръ; это произвело большую сенсацію въ гостиной. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно.

16-го августа.

Газеты, полученныя моремъ, не содержатъ ничего для меня утѣшительнаго; въ нихъ пишутъ, что во Франціи умы очень возбуждены и что партіи выражаютъ свои взгляды все болѣе и болѣе открыто; это меня не удивляетъ, принимая во вниманіе существующую тамъ безнаказанность; всѣ злодѣи, составившіе заговоръ противъ короля и правительства, находятся въ безопасности: это поощряетъ порокъ и влечетъ за собою пагубныя послѣдствія; прибавьте къ этому подати, боязнь раздробленія; я буду благословлять Бога, когда узнаю, что вы уѣдете изъ этого новаго Вавилона. Не сообщите-ли вы мнѣ вскорѣ объ отъѣздѣ императора и вашемъ собственномъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого извѣстія. Прощайте, милыя дѣти, благословляю васъ отъ всего сердца.

17-го августа.

Сегодня погода была у насъ великолѣпная, поэтому я долго гуляла въ своемъ саду, добрые друзья мои, потомъ я была занята дѣлами, и вотъ уже пришло время отправлять письмо, поэтому оно будетъ на этотъ разъ краткимъ, о чемъ я сожалѣю, и завтра постараюсь исправить свою вину. Мы обѣдали въ новомъ шалэ; вотъ чѣмъ ознаменовался этотъ день. Когда уѣзжаете вы изъ Парижа, добрыя дѣти мои? Я бы хотѣла получить извѣстіе объ отъѣздѣ императора: его пребываніе тамъ очень, очень безпокоитъ меня. Прощайте, добрыя дѣти, отъ души цѣлую васъ и кланяюсь генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Ваша навсегда Марія.

Num. 64.

Ce 18 Août 1815.

Mes bons amis, je vis de souvenir aujourd'hui et me rappelle avec un plaisir extrême la cérémonie de l'année passée, c'est à dire sous le rapport de la beauté de la cérémonie militaire de l'anniversaire de la belle journée de Culm, mais le souvenir de votre chute, cher Michel, me fait ..... [1]) de l'effroi et je remercie Dieu de vous en avoir fait si bien tiré. J'espère que vous serez précautionnés aux manoeuvres, mes bons amis, et penserez à vos chevaux tout en vous occupant de vos devoirs du moment. Je voudrais pouvoir vous lorgner et vous voir, vous

[1]) Слово неразобрано.

à votre brigade, cher Nicoche, et Michel à son artillerie; j'en aurais bien du plaisir, mais, mes bons amis, pourvu que je vous revoie, j'en aurai toujours et toujours. Si vous voulez savoir à quoi je m'occupe dans ce moment, je vous dirai que c'est au trousseau d'Annette, je ne fais que cela; j'ai en tête qu'il faut se presser un peu, car il me paraît que Guillaume ne l'est pas mal à en juger par ce que vous me dites de lui. Je dis avec vérité que mon coeur dévance le moment de l'aimer comme mon fils: de tout temps j'ai pris un intérêt réel à lui, et lorsqu'il était en Espagne, je cherchais son nom dans les gazettes avec crainte, et ses succès, sa belle conduite me faisaient toujours le plus grand plaisir; dès depuis, sachant son désir de s'unir à ma fille, il s'est encore mieux frayé le chemin de mon coeur; la gloire qu'il a acquise nouvellement, son charmant caractère, sa manière d'être le lui ont gagné tout à fait, et j'ai bien, bien de l'impatience à le voir; j'espère qu'il m'aimera aussi et qu'il sera bon et tendre fils pour moi. Nous avons un temps superbe depuis quelques jours, aussi voyageons nous pour le dîner dans mon jardin; aujourd'hui c'était le tour du pavillon Élisabeth. Le comte Kotschoubei et sa femme étaient des nôtres; Kurakin a un peu de goutte aux genoux, mais cependant il a assisté au dîner; sa démarche est si bien connue à Pétrouche que lorsqu'il est chez moi et que le prince Kurakin est au petit jardin, sans le voir, il dit: «Et voilà le prince Kurakin qui vient». Il est très gentil ce cher petit bout d'homme, il pétille d'esprit; il est vif, gai, chantant, dansant et courant toute la journée. Vous ne me dites rien du petit garçon de Catiche: ne l'avez-vous pas vu? Faites-moi l'amitié, mes bons amis, de me donner des nouvelles de M-r Pougens: il ne me donne pas signe de vie; lui est-il arrivé malheur? Informez-vous en, je vous en prie. Je ne conçois rien au silence de M-r de Savrassof qui ne m'a pas donné non plus signe de vie et ne m'a envoyé aucun compte depuis votre départ, quoique dans l'instruction il était dit qu'il devait l'envoyer, s'il était possible, tous les mois! Aucun de vos messieurs ne m'a écrit non plus, quoique l'instruction le disait! Je vous avoue, mes enfants, que j'en suis tout étonnée. Bonsoir, chers et bons amis, dormez bien.

Ce 19 Août, Jeudi.

Chers bien aimés enfants, j'ai reçu vos lettres du 29 Juillet et vous dis avec toute la satisfaction et le bonheur du coeur maternel que votre lettre, cher Nicolas, m'a rendue heureuse par les sentiments que vous y exprimez et votre manière de voir et de juger. Restez fidèle à ces principes, cher Nicoche, et vous baserez votre bonheur temporel et spirituel. Croyez-moi, mes enfants, il n'existe pas pour l'homme, si on

s'écarte de la vertu; celui qui se livre au vice est dans un état de démence, car de fait il perd et son existence et son âme; même en retournant à la vertu il lui reste un ver rongeur par le souvenir de ses erreurs. Comme tous vos détails sur Guillaume m'intéressent: cher et bon jeune homme, il me tarde bien de le voir; l'empereur m'a dit que dans 2 mois il serait chez nous, au plus tard dans trois. Je me dis donc que je vous reverrai, cette idée me transporte, car en vérité sans vous, mes enfants, pas de bonheur pour votre mère. Cher Nicoche, votre portrait n'est pas votre portrait, mais celui du prince Serge Soltikof: vous y avez 30 ans; Villamof dit que vous y avez l'air d'un professeur de mauvaise humeur. Non, ce n'est pas vous, cher Nicoche, ce n'est pas votre bonne physiognomie, vous avez un air malade qui me désolerait s'il existait. Que j'aurais voulu que vous vous fassiez peindre par Isabey: le portrait de l'empereur est charmant et frappant. J'attends celui de Michel et verrai comment il aura rembruni cette physiognomie gaie et ouverte. Non, mes enfants; il faut qu'on vous rende tels que vous êtes pour me plaire; toujours je vous remercie mille fois d'avoir pensé à moi et de vous être ennuyés pour moi. Bonsoir, chers et bons amis.

Ce 20 Août, Vendredi.

Chers enfants, le trousseau de votre soeur m'a pris tout mon temps: il faut se dépêcher, car nous n'avons que deux mois à le préparer; je désire qu'il réussisse. Annette est heureuse, contente, je jouis de son bonheur et je ne sais pas qui de nous deux aimera davantage Guillaume, s'il la rend aussi heureuse que mon coeur le désire. Notre temps est superbe; puisse-t-il être constant. Chers enfants, vous, qui aimez à m'obliger, tâchez de me trouver de jolis dessins à Paris pour la broderie au canevas, pour meubles et bordure, et portez-les moi. Adieu mille et mille fois; mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves militaires. Je suis bien touchée du zèle du bon Czernichef dont vous me parlez, cher Nicoche. Que Dieu vous conserve tous deux et vous ramène dans mes bras.

Marie.

J'ai le Musée et l'ouvrage de Humboldt.

18-го августа 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, я живу сегодня воспоминаніями и съ удовольствіемъ припоминаю прошлогоднюю церемонію, т. е., собственно говоря, прелесть военной церемоніи празднованія годовщины Кульмской битвы; но, вспоминая ваше паденіе, дорогой Михаилъ, я содрагаюсь отъ ужаса и благодарю Бога, что все обошлось такъ благополучно. Надѣюсь

что вы будете осторожны на маневрахъ, мои добрые друзья, и позаботитесь о вашихъ лошадяхъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ обязанностей въ данное время; мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ въ корнетъ во главѣ вашей бригады, дорогой Никошъ, а Михаила во главѣ его артиллеріи; это доставило бы мнѣ большое удовольствіе, но, добрые друзья мои, лишь бы мнѣ снова увидѣть васъ, это удовольствіе я буду имѣть очень часто. Если вамъ хочется знать, чѣмъ я занята въ настоящую минуту, то скажу вамъ, что я занята приданымъ Анеты, я ни о чемъ больше не думаю; мнѣ кажется, что надобно нѣсколько поторопиться, ибо, судя по тому, что вы пишете о Вильгельмѣ, мнѣ кажется, что онъ торопится: скажу вамъ откровенно, что я заранѣе люблю его, какъ сына; я всегда искренно интересовалась имъ и, когда онъ былъ въ Испаніи, я съ боязнью искала его имя въ газетахъ; его успѣхи, его прекрасное поведеніе всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе; а съ тѣхъ поръ, какъ я узнала о его желаніи вступить въ бракъ съ моей дочерью, онъ сталъ еще ближе моему сердцу; слава, которую онъ въ послѣднее время пріобрѣлъ, его прекрасный характеръ, его обхожденіе окончательно завоевали мое сердце, и я съ большимъ нетерпѣніемъ желаю его видѣть; надѣюсь, что онъ также полюбитъ меня и будетъ для меня добрымъ и нѣжнымъ сыномъ. Погода стоитъ у насъ нѣсколько дней восхитительная, поэтому мы обѣдаемъ въ разныхъ мѣстахъ парка, сегодня была очередь Елисаветина павильона. Графъ Кочубей съ супругою были нашими гостями; у Куракина немного болятъ колѣни отъ подагры, тѣмъ не менѣе онъ присутствовалъ на обѣдѣ; Петруша такъ хорошо знаетъ его походку, что когда онъ бываетъ у меня, а князь Куракинъ гуляетъ въ маленькомъ садикѣ, то, еще не видя его, онъ говоритъ: «Вотъ идетъ князь Куракинъ». Этотъ крохотный человѣчекъ очень милъ и очень уменъ; живой, веселый, онъ цѣлыми днями поетъ, танцуетъ, бѣгаетъ. Вы ничего не пишете мнѣ о сыночкѣ Катиши: развѣ вы его не видѣли? Будьте такъ добры, милые друзья мои, сообщите мнѣ что-нибудь о г. Пуженсѣ; о немъ ни слуху, ни духу: не случилось-ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе? Освѣдомьтесь пожалуйста о немъ. Молчаніе Саврасова для меня совершенно непонятно, о немъ также нѣтъ ни слуху, ни духу; онъ не присылалъ мнѣ отчета съ самаго вашего отъѣзда, хотя въ данной ему инструкціи сказано, что онъ обязанъ присылать его, по возможности, ежемѣсячно; никто изъ вашихъ кавалеровъ также не пишетъ мнѣ, хотя это предписано имъ инструкціей. Признаюсь вамъ, дѣти мои, я очень этимъ удивлена. Прощайте, милые и добрые друзья мои, спите спокойно.

19-го августа, четвергъ.

Милыя и дорогія дѣти, я получила ваши письма отъ 29-го іюля, скажу вамъ, со всею откровенностью счастливаго материнскаго сердца, что ваши письма, дорогой Николай, чрезвычайно порадовали меня по тѣмъ чувствамъ, какія въ нихъ выражены, и по высказаннымъ въ нихъ мыслямъ и сужденіямъ. Будьте вѣрны этимъ правиламъ, дорогой Никошъ, и вы положите этимъ основаніе вашему временному и вѣчному счастью. Повѣрьте мнѣ, дѣти мои, для человѣка не можетъ быть счастья, если онъ отклоняется отъ пути добродѣтели; тотъ, кто предается пороку, находится въ состояніи безумія и на самомъ дѣлѣ губитъ свою жизнь и душу; даже если онъ возвратится къ добродѣтели, то у него все-же останется угрызеніе совѣсти при воспоминаніи о своихъ заблужденіяхъ. Какъ меня интересуютъ всѣ подробности, сообщенныя вами о Вильгельмѣ: милый, добрый молодой человѣкъ; не могу дождаться минуты, когда я его увижу; императоръ писалъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ къ намъ мѣсяца черезъ два, самое большее черезъ три. Слѣдовательно, я васъ увижу; эта мысль приводитъ меня въ восторгъ, такъ какъ, говоря откровенно, безъ васъ, дѣти мои, нѣтъ счастья для вашей матери. Дорогой Никошъ, вашъ портретъ не похожъ на васъ, это портретъ Сергѣя Салтыкова; вамъ можно дать на немъ 30 лѣтъ; Вилламовъ говоритъ, что у васъ на этомъ портретѣ видъ профессора, въ дурномъ настроеніи духа: нѣтъ, это не вы, дорогой Никошъ, это не ваше доброе лицо, у васъ больной видъ, который привелъ бы меня въ отчаяніе, еслибы онъ дѣйствительно былъ таковъ. Какъ бы я хотѣла, чтобы вы заказали свои портреты Изабею: портретъ императора прелестенъ и поразителенъ по сходству. Я ожидаю портрета Михаила; посмотрю, какъ онъ изобразитъ это веселое и открытое лицо хмурымъ. Нѣтъ; дѣти мои, чтобы портреты мнѣ понравились, нужно, чтобы васъ изобразили такими, какъ вы есть; тѣмъ не менѣе, тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы обо мнѣ подумали и поскучали для меня. Прощайте, милые и добрые друзья мои.

20-го августа, пятница.

Дорогія дѣти, приданое вашей сестры занимаетъ все мое время; приходится спѣшить, такъ какъ намъ осталось всего два мѣсяца, чтобъ приготовить его, а я хочу, чтобъ оно вышло удачно. Аннета счастлива, довольна, я наслаждаюсь ея счастьемъ и не знаю, кто изъ насъ двухъ будетъ любить Вильгельма больше, если онъ сдѣлаетъ ее столь счастливой, какъ я этого желаю отъ всего сердца. Погода у насъ великолѣпная, дай Богъ, чтобы она установилась. Милыя дѣти, вы любите дѣлать мнѣ пріятное; постарайтесь найти для меня въ Парижѣ хорошенькіе

рисунки для вышиванья по канвѣ, для мебели и бордюра, и вышлите ихъ мнѣ. Прощайте тысячу, тысячу разъ, передайте мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Я очень тронута усердіемъ добраго Чернышева, про котораго вы мнѣ пишете, дорогой Никошъ. Да сохранитъ васъ Господь обоихъ и да приведетъ Онъ васъ въ мои объятія. Марія.

У меня есть Музей и сочиненіе Гумбольдта.

Num. 65.

Ce 21 Août 1815, Samedi.

Le trousseau à soigner pour Annette m'a obligée d'aller en ville, mes bons amis, uniquement pour cet objet, le temps pressant, l'arrivée des princes étant fixée à 2 ou 3 mois. Me trouvant donc à Pétersbourg pour la première fois depuis que le sort de notre Annette est fixé, nous nous sommes rendues à la forteresse pour demander aux pieds du tombeau de votre digne et respectable père ses bénédictions pour elle., que je le suis bien persuadée qu'il daignera lui accorder. Nous avons d'abord débarqué au Palais d'hiver et sommes allées dans la chambre où nous écoutâmes la messe pour faire notre prière, ensuite nous avons passé chez vous et c'est dans la chambre à coucher de Michel que nous avons pris tous les arrangements nécessaires, que nous avons fait le choix d'étoffes, de broderie, de basin, de cotonnade etc.; mes chambres se réparent, ce qui m'a fait passer dans les vôtres. Tous ces choix et commandes nous ont pris presque vers les trois heures où nous avons dîné dans vos chambres, cher Nicoche, et nommément dans votre salon et chambre d'étude. Nous avons dû éviter la salle à manger, car on avait repeint le corridor, ce qui donnait une infection dans les chambres qui ont des portes sur le corridor. Nous n'étions qu' Annette, la comtesse, Paschkof, Villamof et moi. .....[1]), le comte Tolstoi et M-r de Wiasmitinof ont dîné chez moi. Le dîner fini nous avons passé sur votre balcon et je vous envoie un échantillon de l'herbe qui y croît. Le temps était superbe, les arbres se touchent; après avoir resté là un quart d'heure à nous enchanter de la vue de la Néva, nous avons terminé nos affaires à 6 heures, nous nous sommes mises en voiture et avons été à la forteresse et de là nous sommes revenues en 3 voitures ici, où nous sommes arrivées à $8^1/_2$. J'ai tant trimballé, chers enfants, que je meurs de sommeil. Bonsoir donc, mes bons amis, les vôtres se portent bien et la baronne aussi.

[1]) Одна фамилія осталась неразобранною.

Ce 22 Août, Dimanche.

Bonsoir, mes bons amis, nous avons eu grand monde, comme presque tous les Dimanches; le temps m'a engagée à dîner au Pavillon des roses; il y avait foule autour de la salle; c'est toujours le cas; et croiriez-vous, mes enfants, que les portes vitrées de la salle à manger sont remplies de monde chaque soir; il ne désempare la plupart du temps que lorsque je me retire. Pawlowsk est en grande faveur cette année et plaît beaucoup. Savez-vous, mes enfants, que je crois beaucoup de vos lettres perdues; les miennes ne peuvent l'être, parce que l'empereur reçoit toutes mes lettres, ainsi je suppose qu'il en est de même de celles que je vous écris; mais je crois que les vôtres se perdent dans les chancelleries où vous les déposez. Nicoche ne m'a pas écrit par le comte Schouvalof et ne m'a pas dit le mot de Napoléon, j'ai reçu alors une lettre de Michel. Nicoche ne m'accuse pas mon cadeau pour sa fête et j'ignore s'il lui est parvenu et s'il lui a fait plaisir, ensuite il y a des intervalles, surtout dans les lettres de Michel, de 8 jours. Vous ne m'avez pas dit, si vous avez reçu ma lettre par le jeune Villamof si vous l'avez vu; vous ne me répondez pas sur Pougens. Tout cela me fait croire à la perte de mes lettres: j'en suis peinée, parce que je ne veux pas que vous croyez que je puisse vous oublier, vous deux que j'aime de toutes les facultés de mon âme. Bonsoir, mes bons amis; je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Lundi, 23 Août.

Nous avons encore une belle journée, mes enfants, mais sommes menacés d'orage. Annette m'a montré les belles fleurs et plumes que vous lui avez envoyées, cher Nicoche, vous êtes c o m m i s s i o n n a i r e p a r f a i t dans toute l'étendue du terme; rien de plus beau que les fleurs, on a plaisir à les voir, aussi j'espère, cher Nicoche, que vous soignerez de même le choix de celles que vous m'enverrez, comme je vous en ai prié et vous en serai bien obligée. Annette s'en est beaucoup réjoui et nous répétons souvent que vous êtes bien, bien aimable sous tous les rapports; aussi j'entends dire du bien de vous deux souvent et chaque fois mon coeur m'en bat de joie. Je viens de recevoir une lettre de félicitation pour mon jour de nom du prince r(oyal) de Wur(temberg); dites-moi, le voyez-vous familièrement? Je vous avoue, cher Nicoche, qu'un passage de vos lettres m'est inintelligible: comment pouvez-vous craindre qu'on vous diffame auprès de Ca(to): c'est impossible; elle connait votre coeur et vos principes. Le prince r(oyal) de Wur(temberg) vit-il retiré, ou est-il répandu dans le monde? Pense-t-il à Cato et paraît-il l'aimer? Son sort me donne de l'inquiétude; elle a été si heureuse, que toute comparaison doit être difficile pour le prince, car il ne sera pas

pour elle ce que George a été. Mes amitiés à Guillaume; bien des compliments au général, à vos messieurs et à nos bons militaires. Que Dieu vous conserve, mes bons amis, et vous ramène bientôt dans mes bras. Adieu, ne m'oubliez pas.

Marie.

Суббота, 20-го августа, 1815 г.

(Переводъ). Хлопоты о приданомъ Аннеты заставили меня отправиться въ городъ, добрые друзья мои; время не терпитъ, такъ какъ пріѣздъ принцевъ назначенъ черезъ два или три мѣсяца. Пріѣхавъ въ Петербургъ впервые послѣ того, какъ судьба нашей Аннеты выяснилась, мы отправились въ крѣпость, чтобы у могилы вашего достойнаго и уважаемаго отца испросить его благословеніе; я убѣждена, что онъ не откажетъ ей въ немъ. Мы вышли изъ экипажа у Зимняго дворца и прошли въ комнату, гдѣ отслушали обѣдню и помолились, потомъ мы прошли къ вамъ и въ спальнѣ Михаила сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, выбирали матеріи, вышивки, канифасъ, бумажныя матеріи и пр.; мои комнаты ремонтируются, поэтому я прошла къ вамъ. Всѣ эти выборы и заказы заняли у насъ время почти до трехъ часовъ; затѣмъ мы пообѣдали въ вашихъ комнатахъ, дорогой Никошъ, именно въ вашемъ залѣ и учебной комнатѣ. Мы не могли быть въ столовой, потому что корридоръ выкрашенъ и вслѣдствіе этого во всѣхъ комнатахъ, выходящихъ въ корридоръ, отвратительный запахъ. Насъ было только Аннета, графиня, Пашковъ, Вилламовъ и я. ..... [1]), графъ Толстой и Вязмитиновъ обѣдали у меня. Пообѣдавъ, мы вышли на вашъ балконъ; посылаю вамъ образецъ травы, которая тамъ растетъ. Погода была великолѣпная, деревья распускаются; простоявъ тамъ съ четверть часа и полюбовавшись видомъ на Неву, мы окончили свои дѣла въ шесть часовъ, сѣли въ карету и поѣхали въ крѣпость, а оттуда въ трехъ каретахъ отправились обратно и вернулись въ половинѣ девятаго; я такъ много суетилась, милыя дѣти, что я совсѣмъ засыпаю. Прощайте же, добрые друзья мои, всѣ ваши и баронесса здоровы.

22-го августа, воскресенье.

Здравствуйте, добрые друзья мои, у насъ было много гостей, какъ это бываетъ почти каждое воскресенье; погода соблазнила меня обѣдать въ Розовомъ павильонѣ; вокругъ зала стояла толпа; это всегда такъ бываетъ; вѣрите-ли, дѣти мои, возлѣ стеклянной двери столовой каждый вечеръ толпится народъ и не расходится обыкновенно до тѣхъ поръ, пока я не уѣду. Павловскъ въ этомъ году въ большой модѣ и многимъ нравится. Знаете-ли вы, дѣти мои, мнѣ кажется, что многія изъ вашихъ

[1]) Одна фамилія осталась неразобранною.

писемъ пропали; мои письма не могли затеряться, такъ какъ императоръ получаетъ всѣ мои письма; такъ же точно, я полагаю, и вы получаете ихъ, но я думаю, что ваши письма пропадаютъ въ канцеляріяхъ, куда вы ихъ отдаете. Никошъ не прислалъ мнѣ письма съ графомъ Шуваловымъ и не написалъ мнѣ ни слова про Наполеона, но я получила письмо отъ Михаила. Никошъ не извѣстилъ меня о полученіи подарка, посланнаго мною ко дню его ангела, и я не знаю, получилъ-ли онъ его и доставилъ-ли онъ ему удовольствіе; затѣмъ въ письмахъ, въ особенности въ письмахъ Михаила, встрѣчаются пробѣлы въ 8 дней. Вы не пишете, получили-ли вы мое письмо, посланное съ молодымъ Вилламовымъ, и видѣли-ли вы его; вы не отвѣчаете мнѣ относительно Пуженса. Все это заставляетъ меня думать, что мои письма пропадаютъ; это меня огорчаетъ, такъ какъ я не хочу, чтобъ вы думали, что я могу забыть васъ обоихъ, ибо я люблю васъ отъ всей души. Прощайте, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всего сердца.

Понедѣльникъ, 23-го августа.

Сегодня у насъ опять прекрасная погода, дѣти мои, и, кажется, будетъ гроза. Аннета показывала мнѣ прелестные цвѣты и перья, которые вы ей прислали, милый Никошъ; вы прекрасный коммиссіонеръ въ полномъ смыслѣ этого слова; цвѣты восхитательны, на нихъ пріятно смотрѣть, поэтому я надѣюсь, дорогой Никошъ, что вы тщательно выберете тѣ цвѣты, которые вы мнѣ пришлете, о чемъ я васъ просила; я буду вамъ за это весьма благодарна. Аннета очень ими довольна, и мы часто повторяемъ, что вы очень, очень любезны во всѣхъ отношеніяхъ; я часто слышу о васъ обоихъ много хорошаго, и сердце мое каждый разъ при этомъ радостно бьется. Я только-что получила поздравительное письмо къ дню моего ангела отъ принца Виртембергскаго; скажите мнѣ, видитесь-ли вы съ нимъ запросто? Признаюсь вамъ, дорогой Никошъ, одно мѣсто въ вашихъ письмахъ мнѣ непонятно: какъ могли вы бояться, что васъ очернятъ въ глазахъ Като? Это невозможно; она знаетъ ваше сердце и ваши правила. Какъ живетъ принцъ Виртембергскій? уединенно, или же онъ часто бываетъ въ обществѣ? Думаетъ-ли онъ о Като, любитъ-ли онъ ее? Ея судьба меня тревожитъ; она была такъ счастлива, что принцъ едва-ли можетъ выдержать сравненіе, ибо онъ не можетъ быть для нея тѣмъ, чѣмъ былъ Георгъ. Мой привѣтъ Вильгельму; кланяйтесь генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ военнымъ. Да сохранитъ васъ Господь, добрые друзья мои, и да приведетъ Онъ васъ скоро въ мои объятія. Прощайте, не забывайте меня. Марія.

Num. 66.

Ce 24 Août, Mardi.

Où êtes-vous, mes bons amis? Seriez-vous encore à Paris? Je ne le suppose pas, car je me flatte encore toujours vous revoir au mois de Sep(tembre), et demandez-vous à vous mêmes si ma joie sera grande de vous embrasser. Je n'ai rien de bien intéressant à vous dire d'ici. Nous avons fait une promenade charmante à cheval ce matin, le temps était très agréable et nous en avons bien profité, car notre promenade a été longue et vive. Le comte Tolstoi est venu dîner chez nous, ce qui nous fait chaque fois plaisir; il est rempli d'attention pour nous; il est très occupé de son jardin et moi du mien; je fais un changement à la partie derrière la volière, où se trouve le Labyrinthe qui l'embellira beaucoup. Garpogne est content de mon idée et il a déjà sa hache à la main. Vous me feriez plaisir, mes enfants, si vous êtes encore à Paris, de me faire avoir l'ouvrage français intitulé «Le bon jardinier», mais il faut le demander complet avec le supplément qui a paru cette année et celui qui est déjà annoncé pour l'année prochaine et doit même paraître à la fin de celle-ci. Dites-moi, mes bons amis, si vous vous êtes un peu occupés de mes commissions et par quelle voie me parviendront-elles? N'oubliez pas de me parler de Pougens: je le suppose mort, car on ne m'envoie ni feuilles littéraires, ni livres. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement.

Ce 25 Août, Mercredi.

Nous avons eu une véritable journée d'automne, cependant j'a trouvé le moment de me promener, mais au moment où je vous écris il n'y a que 6 degrès de chaud. J'ai été assez occupée par le trousseau d'Annette et cette occupation sera encore de durée. Pour la soirée nous l'avons passée à lire un nouvel ouvrage sur l'Angleterre par un M-r de Lévis: on m'en a fait l'éloge, mais pour la soirée d'aujourd' hui je l'ai trouvé d'un style à pretention; on dit que l'intérêt de l'ouvrage va en croissant. Que lisez-vous, mes amis? à quoi vous occupez-vous? c'est ce que je désirerais beaucoup de savoir. Bonsoir, mes chers enfants, je vous embrasse bien tendrement et vais me coucher après avoir prié Dieu pour vous!

Ce 26 Août, Jeudi.

Nous avons fait un grand extraordinaire, chers enfants, de dîner hors de la maison et de manger la soupe chez Madame Pléchéyef don

c'est la fête. Nous y retournons ce soir pour assister à un petit spectacle d'enfants. L'année passée vous étiez des nôtres, mes bons amis, et celle-ci a une distance énorme de nous tous: que Dieu vous ramène au plus tôt chez nous. Les gazettes disent que l'empereur quittera bientôt Paris; j'aime à le croire, car tous nos voeux l'appellent chez nous. Je vous dirai qu'en dînant chez Madame Pléchéyef j'ai vu le manège dont la façade est devenue très jolie. Rien de nouveau du reste. La date du jour fera couler bien des larmes; j'ai pensé au bon papa Lamsdorf qui doit être en Courlande, mais je n'ai pas de nouvelles de son arrivée, à la pauvre Hofen, au g(énéral) Klinger qui est des nôtres, à Bagration, Kutaissof et tant et tant de malheureux qui ont payé de leur sang leur noble et beau courage. Que le rapprochement du temps d'alors à celui du moment pénètre l'âme de reconnaissance pour l'Être Suprême: remercions Le de Ses bienfaits et soyons Lui toujours fidèles. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse bien tendrement et vous donne toutes mes bénédictions. Mes compliments au général, aux vôtres *et à* nos bons et braves militaires. Ne m'oubliez pas.

Marie.

24-го августа, вторникъ.

(Переводъ). Гдѣ вы, мои добрые друзья? Неужели вы все еще въ Парижѣ? Я этого не предполагаю, такъ какъ я все еще льщу себя надеждой увидѣть васъ въ сентябрѣ; подумайте сами, какъ велика будетъ *моя* радость обнять васъ. Я не имѣю ничего интереснаго написать вамъ отсюда: мы совершили сегодня утромъ прелестную прогулку верхомъ; погода была очень пріятная, и мы хорошо ею воспользовались, такъ какъ наша прогулка была продолжительная и быстрая. Графъ Толстой обѣдалъ съ нами, это всегда доставляетъ намъ удовольствіе, онъ чрезвычайно внимателенъ къ намъ; онъ очень занятъ своимъ садомъ, а я своимъ. Я сдѣлала измѣненіе въ той части сада, которая находится позади птичника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лабиринтъ; это послужитъ къ бо́льшему украшенію сада: Гарпонъ доволенъ моею мыслью, онъ уже взялся за топоръ; если вы *все* еще въ Парижѣ, то вы мнѣ доставите удовольствіе, дѣти мои, пріобрѣтя для меня сочиненіе на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Хорошій садовникъ»; но только спросите полное изданіе, съ дополненіемъ, вышедшимъ въ этомъ году, и съ тѣмъ, о которомъ объявлено на слѣдующій годъ и которое должно выйти въ концѣ нынѣшняго года. Напишите мнѣ, добрые друзья мои, исполнили-ли вы мои порученія и какимъ путемъ они будутъ доставлены мнѣ? Не забудьте написать мнѣ о Пуженсѣ: я полагаю, что онъ умеръ, такъ какъ онъ не высылаетъ мнѣ ни лите-

ратурныхъ журналовъ, ни книгъ. Прощайте, мои добрые друзья, цѣлую васъ нѣжно.

25-го августа, среда.

Сегодня у насъ былъ настоящій осенній день, однако я нашла время совершить прогулку, но въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, всего шесть градусовъ тепла. Я была занята приданымъ Аннеты, и оно займетъ еще нѣкоторое время. Мы провели вечеръ за чтеніемъ новаго произведенія Левиса объ Англіи: мнѣ его очень хвалили, но то, что мы читали сегодня вечеромъ, показалось мнѣ слишкомъ напыщеннымъ; говорятъ, что интересъ этого произведенія, по мѣрѣ чтенія, все ростетъ. Что вы читаете, друзья мои? Чѣмъ вы заняты? Я очень хотѣла бы это знать. Прощайте, мои дорогія дѣти, цѣлую васъ нѣжно и иду спать, помолившись за васъ.

26-го августа, четвергъ.

Сегодня было необыкновенное событіе, дорогія дѣти, мы обѣдали не дома, а у г-жи Плещеевой; это былъ день ея ангела, мы будемъ у нея опять сегодня вечеромъ на дѣтскомъ спектаклѣ. Въ прошломъ году вы были съ нами, добрые друзья мои, а теперь вы на огромномъ разстояніи отъ всѣхъ насъ: да приведетъ васъ Господь скорѣе къ намъ. Въ газетахъ говорятъ, что императоръ скоро уѣдетъ изъ Парижа; я хочу этому вѣрить, такъ какъ всѣ желаютъ этого вмѣстѣ съ нами. Скажу вамъ, что, обѣдая у г-жи Плещеевой, я осмотрѣла манежъ, фасадъ котораго сталъ очень красивъ. Болѣе нѣтъ ничего новаго. Сегодняшнее число вызоветъ у многихъ слезы! Я вспоминала добраго папашу Ламсдорфа, который долженъ быть въ Курляндіи (я не имѣю свѣдѣній о томъ, что онъ туда пріѣхалъ), бѣдную Гофенъ, ген. Клингера, который теперь съ нами, вспоминала Багратіона, Кутайсова и еще столькихъ несчастныхъ, которые поплатились кровью за свою благородную, доблестную храбрость. Насколько сравненіе тогдашняго времени съ теперешнимъ заставляетъ быть благодарнымъ Богу: возблагодаримъ же Его за Его благодѣянія и будемъ всегда преданы Ему. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Привѣтъ генералу, всѣмъ вашимъ и нашимъ доблестнымъ военнымъ. Не забывайте меня. Марія.

Num. 67.

Ce Vendredi, 27 Août 1815.

Les gazettes que je viens de recevoir me font éprouver un sentiment de malaise, quoique je ne crois pas à leur vérité: elles disent que

le siège de Huningue va commencer, que le prince impérial d'Autriche, vous deux, mes bons amis, et le m(aréchal) Barclai de Tolli y assisteront. Cela me paraît très peu croyable, car on ne vous fera pas faire vos premières armes avec une armée étrangère, et je ne suppose pas que l'empereur vous éloigne de lui pour objet pareil; j'espère donc que la poste prochaine nous lirons qu'il n'y a rien de vrai à cette nouvelle. Mais qu'est ce donc que ce drapeau tricolore qui reparaît à Strasbourg, Huningue, Bélfort? Qu' est-ce encore ce drapeau rouge qui doit s'élever en signe d'intelligence avec ceux qui portent les oeillets rouges? Enfin, comme je suis en train de questionner, qu'est ce que ce rapprochement de Madame Murat de Vienne, son superbe établissement et ces envois de cérémonie d'elle à Marie-Louise et de Marie-Louise à elle? Tout cela me déplaît très fort. D'ici je ne puis rien vous dire sinon que nous avons monté à cheval, que le soir nous avons vu les vues des Cordillères publiées par Humboldt. Notre temps est gris, mais il n'a pas plu. Aucune nouvelle de vous, mes bons amis, ce qui m'attriste beaucoup. Bonsoir, mes bons amis, j'ai bien sommeil, ainsi je me borne à vous embrasser tendrement.

Ce Samedi, 28 Août.

Pas de courrier, mes enfants, ainsi je me sens très bête. Nous avons monté à cheval avec Annette et avons été bien mouillées, ce qui au reste ne nous a pas déplu. Pour cette soirée nous l'avons employée à voir les belles vues d'Espagne publiées par Laborde. Rien de nouveau. mes enfants, ainsi recevez mille bénédictions et l'assurance de tout mon amour. Je meurs de sommeil.

St.-Pétersbourg, ce 29 Août.

Je suis ici, chers enfants, depuis le dîner. Tolstoi, Kurakin, Wiasmitinof, Litta et Nélédinski ont été des nôtres. La matinée a été superbe, mais de gros nuages s'amoncellent sur nos têtes et je crains pour la matinée de demain. Après le dîner j'ai été faire ma visite aux sourds et muets: votre petit favori vous fait ses compliments. M. Jauffret en dit un bien extrême, il croit qu'il sera un être très distingué. Naumof a grandi d'une demi-tête. L'institut va bien et ferait plaisir à voir à l'abbé Sicard. Avez-vous visité son institut? Vous devez le faire encore, si vous vous trouvez à Paris à la réception de cette lettre: comme il n'y a pas longtemps que vous avez vu celui-ci, vous pourriez faire des comparaisons intéressantes. Nous voici 11 jours sans vos nouvelles; cette privation m'est bien, bien sensible. Dieu veuille qu'elle ne dure plus longtemps. Je vous félicite aussi, mes chers enfants, de la belle fête de demain. Qu'il m'est cruel de la passer ainsi seule et de

ne pas jouir de la consolation d'embrasser et de bénir mon cher Alexandre; veuille l'Être Suprême m'accorder dorénavant ce bonheur. L'enthousiasme que l'empereur inspire est un triomphe pour mon coeur maternel, chacun le bénit, le chérit, le respecte et le nomme le bienfaiteur de l'humanité, le protecteur, le conciliateur: tous les suffrages sont pour lui. Dieu veuille nous le conserver et le faire bénir de siècle en siècle. Je suis très curieuse de ce que vous me direz, chers enfants, du procès de Labédoyère et du jugement qu'on a porté sur lui. J'ai vu que le prince r(oyal) de Wurtemberg, Guillaume et le prince de Prusse ont assisté au plaidoyer; la lecture en est très intéressante et je ne cache pas que la candeur de ses aveux et la noblesse avec laquelle il les a faits m'ont émue; il a été criminel sans doute, mais il me semble qu'il l'a été par un enthousiasme très blâmable, mais non par scélératesse, comme Napoléon; au reste je puis me tromper facilement dans l'éloignement dans lequel je me trouve. Que vous en a dit Guillaume? Faites mes amitiés à ce prince et assurez le de mon bien sincère attachement. Mes compliments au général, à vos messieurs et à tous nos braves. Adieu, mes chers et bons enfants. Je remercierai Dieu de coeur et d'âme lorsque j'aurai le bonheur de vous revoir et de vous embrasser.

Marie.

La comtesse de Bussy vous supplie de soigner l'incluse et ce petit paquet de thé pour son parent.

Пятница, 27-го августа 1815 г.

(Переводъ). Полученныя мною газеты вызываютъ во мнѣ тягостное чувство, хотя я и не вѣрю имъ: въ нихъ пишутъ, что предстоитъ осада Гюнингена, что австрійскій наслѣдный принцъ, вы оба, мои добрые друзья, и фельдмаршалъ Барклай-де-Толли примутъ участіе въ этомъ; мнѣ это показалось маловѣроятнымъ, ибо васъ навѣрно не заставятъ выступить впервые на полѣ брани въ рядахъ иностранной арміи; я не думаю, чтобъ императоръ отдалилъ васъ отъ себя съ этой цѣлью; поэтому я надѣюсь, что со слѣдующей почтой мы узнаемъ, что въ этомъ извѣстіи нѣтъ ни слова правды. Но что же это однако за трехцвѣтное знамя, которое снова появилось въ Страсбургѣ, въ Гюнингенѣ и Бельфорѣ? Что это за красный флагъ, который долженъ быть поднятъ въ знакъ единомыслія съ тѣми, кто носитъ красную гвоздику? Такъ какъ я уже начала задавать вопросы, то скажите мнѣ, что означаетъ сближеніе г-жи Мюратъ съ Вѣною, ея великолѣпная обстановка и церемоніальныя посылки отъ нея къ Маріи-Луизѣ и отъ Маріи-Луизы къ ней? Все это мнѣ очень не нра-

вится. Мнѣ нечего сообщить вамъ отсюда, могу сказать вамъ только, что мы катались верхомъ, а вечеромъ разсматривали виды Кордильеровъ, изданные Гумбольдтомъ. Погода у насъ сѣрая, но дождя не было. Отъ васъ нѣтъ извѣстій, мои добрые друзья, это меня очень огорчаетъ. Прощайте, добрые друзья мои; ограничусь тѣмъ, что нѣжно цѣлую васъ.

Суббота, 28-го августа.

Курьера все нѣтъ, дѣти мои, поэтому я чувствую себя очень грустно. Мы катались верхомъ съ Аннетой и сильно промокли; впрочемъ, это не было особенно непріятно. Сегодняшній вечеръ мы употребили на просмотръ чудныхъ видовъ Испаніи, изданныхъ Лабордомъ. Ничего новаго, дѣти мои. Посылаю вамъ тысячу благословеній и прошу васъ вѣрить моей любви. Я до смерти хочу спать.

Петербургъ, 29-го августа.

Я здѣсь, дорогія дѣти, съ обѣда. Толстой, Куракинъ, Вязмитиновъ, Литта и Нелединскій обѣдали съ нами. Утро было великолѣпное, но теперь собираются громадныя тучи, и я боюсь за завтрашній день. Послѣ обѣда я посѣтила глухонѣмыхъ; вашъ маленькій любимецъ посылаетъ вамъ поклонъ. Господинъ Жофрэ отзывается о немъ чрезвычайно хорошо и полагаетъ, что онъ будетъ выдающимся человѣкомъ. Наумовъ выросъ на полголовы. Въ училищѣ все идетъ хорошо, аббатъ Сикаръ взглянулъ бы на него съ удовольствіемъ. Посѣтили-ли вы его институтъ? Вы должны это сдѣлать, если вы будете еще въ Парижѣ при полученіи этого письма: такъ какъ вы видѣли недавно наше училище, то вы можете сдѣлать любопытныя сравненія. Вотъ уже одиннадцать дней, какъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій отъ васъ; это лишеніе для меня очень чувствительно. Дай Богъ, чтобы оно продолжалось недолго. Поздравляю васъ также, милыя дѣти, съ завтрашнимъ дорогимъ праздникомъ. Какъ мнѣ тяжело провести его одной и не имѣть утѣшенія поцѣловать и благословить моего дорогаго Александра; да ниспошлетъ Господь мнѣ это счастье впредь. Восхищеніе, вызываемое вездѣ императоромъ, есть торжество для моего материнскаго сердца; всѣ его благословляютъ, любятъ, уважаютъ и называютъ благодѣтелемъ рода человѣческаго, покровителемъ, примирителемъ; всѣ единогласно одобряютъ его. Да сохранитъ его Господь и да будетъ онъ благословенъ во вѣки вѣковъ. Мнѣ очень любопытно, что вы скажете мнѣ, дорогія дѣти, о процессѣ Лабедойера и о приговорѣ, который ему вынесли. Я знаю, что принцъ Виртембергскій, Вильгельмъ и принцъ Прусскій присутствовали при защитительной рѣчи; очень интересно было прочесть ее, и я не скрою отъ васъ, что чистосердечіе его признаній и благородство,

съ которымъ онъ ихъ дѣлалъ, тронули меня: онъ, конечно, былъ преступенъ, но мнѣ кажется, что онъ совершилъ преступленіе въ порывѣ увлеченія, которое, разумѣется, достойно порицанія, но что онъ не злодѣй, какъ Наполеонъ; впрочемъ, я могу ошибаться, находясь такъ далеко оттуда; что говоритъ объ этомъ Вильгельмъ? Передайте мой привѣтъ принцу, увѣрьте его въ моемъ искреннемъ расположеніи. Поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ. До свиданья, мои дорогія дѣти. Отъ всего сердца и отъ всей души возблагодарю Бога, когда буду имѣть счастье снова увидѣть и обнять васъ. Марія.

Графиня де Бюсси усердно проситъ васъ передать прилагаемое письмо и этотъ маленькій пакетъ чаю ея родственнику.

Num. 68.

Au Palais Taurique, ce 30 Août 1815.

Mes chers enfants, ma journée a été si remplie, et si bien remplie, que je me sens grandement envie de dormir, mais je n'ai pu me refuser la satisfaction de vous dire que la fête a été superbe, car le temps était si beau qu'il y avait foule; l'ordre était parfait; on aurait pu entendre voler une mouche à l'église, les rues étaient remplies et les toits même garnis. Le déjeuner était très bon, mais le pauvre métropolite est bien faible, il n'a pas dit la messe, mais il avait officié au Te Deum; il a assisté à l'église et nous a conduit chez lui, mais l'escalier l'a beaucoup fatigué, aussi nous avons été assis tout le temps et je l'ai prié de ne pas me reconduire. Notre dîner a été très beau. Il a plu pendant que nous étions à table. Après le dîner j'ai été voir les orphelines militaires et l'Institut Marie. Ensuite j'ai travaillé. Madame d'Adlerberg a eu la surprise de l'arrivée de son fils qui a été envoyé ici en commission. Elle en est d'un grand bonheur. J'ai vu tous les vôtres aujourd'hui, tous vous présentent leurs hommages. Bonsoir, mes bons amis, mes yeux me tombent. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce 31 Août.

Pas de courrier encore, mes enfants; il en est arrivé un qui avait été expédié le 6 au comte Miloradovitch, qui assure que l'empereur et vous deux vous vous portez bien; mais pas un mot de lettre depuis le 29 Juillet, ainsi il y a un mois passé que je ne sais rien de vous, mes amis: c'est désolant. Ma journée a été très remplie, j'ai vu mes nouvelles petites ce matin, ce qui m'a arrêtée quelques heures à la communauté, ensuite j'ai eu la visite d'usage de l'archevêque, après quoi nous avons

été au Palais d'hiver pour les chambres d'Annette qu'on va rafraîchir un peu. J'ai eu du monde à dîner. Le temps s'est mis à la pluie et elle a été si battante que je n'ai pas eu le coeur de sortir, j'ai travaillé, fait mes comptes, et nous avons passé la soirée à lire. Voilà le récit de ma journée, chers enfants, que je termine en vous embrassant et vous donnant mille bénédictions.

Ce 1 Septembre, au Palais Taurique.

Comment écrire lorsqu'on ne reçoit pas de réponse, pas signe de vie? Depuis le 29 Juillet je n'ai pas un mot, pas une ligne de vous, mes chers enfants, car voyant, mes amis, que l'empereur n'expédie pas de courrier, il fallait m'écrire par la poste pour ne pas me laisser sans nouvelles. Je l'avais intimé à vos messieurs, mais personne d'eux ne m'a adressé une ligne, ce qui n'est pas bien et me paraît inconcevable. M-r de Gourief est venu chez moi et m'a dit que vous aviez un bon chez lui en rente de deux mille roubles en argent et de deux mille en or, qui étaient un bénéfice du change, et m'a demandé s'il fallait le garder ou vous l'envoyer; je lui ai dit que je croyais qu'il vous ferait plaisir de vous envoyer la lettre de change, que vous ne seriez pas fâchés de ce petit surnuméraire. Aujourd'hui on a porté l'argent de votre tierçal; j'ai signé pour vous dans le livre en ces termes: Въ отсутствіе великаго князя Николая Павловича (Михаила Павловича) роспишусь Марія. J'attends votre réponse pour savoir ce que vous disiez, s'il vous faut envoyer l'argent, ou s'il faut vous le conserver ici. Comme il y a longtemps que je vous ai écrit à ce sujet, la réponse doit m'arriver en peu. Je n'ai rien à vous mander d'ici sinon le retour du comte Golovkin avec une bien meilleure mine et bien meilleure santé, cette course lui a fait le plus grand bien: il a rapporté à ce qu'il paraît une humeur bien sereine. Madame dit se bien porter aussi de sa course. J'ai été occupée la matinée à mes instituts, cette après-dînée j'écris et demain matin je pars pour mon cher Pawlovsk où je resterai jusqu'au 14, pour aller le 16 d'ici à Gatchina où, s'il plaît à Dieu, je vous reverrai, je m'en meurs d'envie. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves; dites au bon Ruhl que je le prie de ne pas oublier l'achat de ces bonnes pastilles pour la toux. J'ai vu annoncé dans les feuilles publiques un ouvrage bien intéressant, les Mémoires de Madame de La Rochejacquelin; faites-moi le plaisir de me l'envoyer. Répondez-moi, je vous en prie, sur Pougens.

Въ Таврическомъ дворцѣ, 30-го августа 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я была сегодня такъ занята весь день, что мнѣ ужасно хочется спать, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать вамъ, что праздникъ былъ великолѣпный, такъ какъ погода была восхитительная; была бездна народу; порядокъ былъ образцовый, въ церкви можно было слышать, какъ пролетала муха, всѣ улицы и даже крыши были полны народа; завтракъ былъ прекрасный, но бѣдный митрополитъ былъ очень слабъ, онъ не служилъ обѣдни, а только молебенъ. Онъ былъ въ церкви и пригласилъ насъ къ себѣ; но лѣстница очень утомила его; мы все время сидѣли, и я просила его не провожать насъ. Обѣдъ былъ великолѣпенъ; въ то время, какъ мы сидѣли за столомъ, шелъ дождь. Послѣ обѣда я поѣхала навѣстить сиротъ военныхъ и Маріинскій институтъ. Затѣмъ я работала. Къ г-жѣ Адлербергъ неожиданно пріѣхалъ сынъ, посланный сюда съ порученіемъ. Она очень счастлива. Я видала сегодня всѣхъ вашихъ; всѣ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Покойной ночи, друзья мои, глаза у меня слипаются. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

31-го августа.

Все еще нѣтъ курьера, дѣти мои; прибылъ курьеръ, посланный 6-го числа къ графу Милорадовичу; онъ утверждаетъ, что императоръ и вы оба здоровы; я не имѣла отъ васъ ни слова съ 29-го іюля, слѣдовательно, вотъ уже мѣсяцъ, какъ я не имѣю о васъ никакихъ извѣстій, друзья мои; это меня приводитъ въ отчаяніе. Сегодня я была весь день очень занята, по утру я видѣла моихъ новенькихъ малютокъ и провела съ ними нѣсколько часовъ въ Смольномъ, затѣмъ у меня былъ съ обычнымъ визитомъ архіерей, а по его отъѣздѣ мы отправились въ Зимній дворецъ осмотрѣть комнаты Аннеты, которыя будутъ отдѣлываться. Къ обѣду у меня были гости. Затѣмъ погода нахмурилась, и пошелъ такой проливной дождь, что я не имѣла духу выйти, я работала, сводила счеты; вечеромъ мы читали. Вотъ вамъ отчетъ въ проведенномъ днѣ, дорогія дѣти, который я заканчиваю, обнимая васъ и посылая вамъ тысячу благословеній.

1-го сентября, въ Таврическомъ дворцѣ.

Возможно-ли писать, когда не получаешь отвѣта, когда вы не подаете признака жизни? Съ 29-го іюля я не имѣла отъ васъ ни слова, ни строчки, дорогія дѣти; видя, что императоръ не посылаетъ курьера, вамъ слѣдовало, друзья мои, написать мнѣ по почтѣ, чтобъ не оставлять меня безъ извѣстій о себѣ. Я приказала это вашимъ кавалерамъ, но ни одинъ изъ нихъ не написалъ мнѣ ни строчки, это нехорошо и

просто непостижимо. У меня былъ Гурьевъ и сказалъ мнѣ, что у него есть для васъ бонъ на двѣ тысячи рублей серебромъ и на двѣ тысячи золотомъ: сумма эта образовалась отъ выигрыша по курсу онъ спросилъ меня, слѣдуетъ-ли ему хранить его, или послать вамъ; я сказала, что по моему мнѣнію вамъ было бы пріятно получить вексель, и вы будете, вѣроятно, довольны имѣть эту маленькую лишнюю сумму. Сегодня принесли ваше третное жалованье, я росписалась за васъ въ книгѣ такъ: «Въ отсутствіе в. к. Николая Павловича (Михаила Павловича) росписуюсь Марія». Ожидаю отъ васъ отвѣта; напишите мнѣ, слѣдуетъ-ли выслать вамъ эти деньги, или же ихъ оставить тутъ. Такъ какъ я давно уже писала вамъ объ этомъ, то отвѣтъ не долженъ замедлить. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго; графъ Головкинъ вернулся, онъ имѣетъ гораздо лучшій видъ и очень поздоровѣлъ, эта поѣздка повидимому послужила ему въ большую пользу; онъ возвратился въ прекрасномъ настроеніи духа. Его супруга говоритъ также, что путешествіе принесло ей пользу. Утромъ я была занята моими институтами, послѣ обѣда я пишу, а завтра утромъ ѣду въ мой милый Павловскъ, гдѣ я пробуду до 14-го числа; 16-го я поѣду отсюда въ Гатчину, гдѣ, Богъ дастъ, увижусь съ вами, чего мнѣ страстно хочется. Прощайте, дорогія дѣти, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Марія.

Мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ; передайте доброму Рюлю, что я прошу его не забыть пріобрѣсти тѣ хорошія пастилки отъ кашля. Я видѣла въ газетахъ публикацію объ очень интересномъ сочиненіи: «Записки г-жи de La Rochejacquelin»; будьте такъ любезны выслать мнѣ его. Отвѣтьте пожалуйста относительно Пуженса.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

Продолженіе слѣдуетъ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

жизни 60-хъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страницахъ „Искры", въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого подлеца, который не увидѣлъ бы въ одинъ прекрасный день своей физіономіи въ ряду карикатуръ „Искры", съ полною подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ... Главное крѣпостное укрѣпленіе, однимъ своимъ видомъ приводившее въ ужасъ провинцію,—былъ отдѣлъ „Намъ пишутъ",—въ которомъ въ очень бойкой, но всегда дѣловой формѣ описывалась провинціальная жизнь, по сообщеніямъ безчисленныхъ корреспондентовъ".

Для иллюстраціи того страха, который внушала особенно въ провинціи, „Искра", достаточно сказать,—замѣчаетъ г. Лемке,—что гдѣ-то въ деревнѣ, между другими выигрышами, была разыграна и „Искра" за 1860 годъ. Она досталась гимназисту. У него сейчасъ же отобрали журналъ, выдавъ деньгами за полную подписную стоимость. Начальство мотивировало такое свое распоряженіе стремленіемъ къ огражденію юноши отъ страсти къ „непризнанію поставленныхъ закономъ властей".

Интересно подражаніе „Вѣткѣ Палестины", озаглавленное „Кредитная бумажка", помѣщенное въ 16 № за 1859 годъ:

Скажи мнѣ, ветхая бумажка,
Гдѣ ты была, гдѣ ты жила?
Въ какомъ чиновничьемъ карманѣ
Ты темный вѣкъ свой провела?
Не на дому-ль тебя въ халатѣ
Совѣтникъ важный принималъ?
Въ части-ль, въ полиціи, въ палатѣ
Писецъ ревниво поджидалъ? и т. д.

Невѣжество чиновничества часто обличалось „Искрою"; вотъ выдержка изъ № 45 за 1859 г.: „Департаментъ спрашиваетъ, не имѣется-ли въ вдѣшней губерніи антрацита? то какъ прикажете отписать? Я не знаю, что это за антрацитъ.—Такъ какъ наша губернія изобилуетъ лѣсами, то, надо полагать, что тутъ спрашивается о какомъ-нибудь звѣрѣ; отвѣчайте, что въ нашей губерніи такихъ звѣрей не водится".

Древніе языки, о введеніи которыхъ въ школу такъ хлопотали два московскіе публициста, давали „Искрѣ" прекрасный матеріалъ для хлесткой, мѣткой и всегда умной сатиры. И что при этомъ важно—это проницательное пониманіе истинной подкладки проектовъ „Леона Катковскаго" (Леонтьева и Каткова) о вбиваніи классическаго клина въ головы начинавшаго мыслить по-новому русскаго общества. Каткову, быстро перебѣжавшему, въ 1861 г., съ первыми признаками реакціи, на противоположную сторону, въ „Искрѣ" было посвящено много стиховъ, прозы, каррикатуръ, шарадъ.

Когда въ 1863 г., съ началомъ польскаго возстанія, съ Страстного бульвара раздался возгласъ: „шапками закидаемъ!"—„Искра" сейчасъ же рисуетъ шляпный магазинъ:

„Это неслыханная цѣна за фуражку,—очень дорого!

„Вздорожали-съ; а скоро нигдѣ не достанете: „Московскія Вѣдомости" скупаютъ всѣ шапки".

„На столѣ лежитъ портретъ. Гость спрашиваетъ хозяина:—Кто это такой? - Это Катковъ, да вотъ не знаю, гдѣ его повѣсить".

Въ 1860 г. въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета происходилъ гремѣвшій въ свое время диспутъ Костомарова съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. По отзывамъ современниковъ,—это было крупное событіе дня, это было публичное единоборство молодой и старой Россіи. „Искра" занесла этотъ день въ свои лѣтописи каррикатурой, имѣющей всѣ элементы серьезной, вдумчивой сатиры. Диспутъ о томъ, кто были первые призванные къ намъ варяги: литвины или норманны. Непомнящіе родства Варяго-Руссы, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ дружиной, сидятъ на скамьѣ осужденныхъ и ждутъ приговора.—Одинъ изъ судей: „Послѣ долгаго и безполезнаго плаванія по морю Варяжскому, мы бросаемъ якорь и объявляемъ, что, не открывъ настоящаго происхожденія вашего, гг. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, мы откладываемъ начатое преніе и просимъ покорнѣйше насъ и публику, удостоившую насъ своимъ посѣщеніемъ, пожаловать для выслушанія окончательнаго приговора, въ эту же залу, ровно черезъ 1.000 лѣтъ отъ настоящаго дня".

Характерно приводимое г. Лемке распоряженіе министра народнаго просвѣщенія относительно отдѣла „Намъ пишутъ": „Въ журналѣ „Искра" помѣщается постоянно, въ продолженіе уже довольно долгаго времени, особый отдѣлъ подъ названіемъ „Намъ пишутъ", въ которомъ разсказываются, подъ вымышленными именами мѣстъ и лицъ, случившіяся будто бы въ нашихъ губерніяхъ происшествія, большею частію въ служебномъ мірѣ, при чемъ какъ лица, такъ и происшествія выставляются въ каррикатурномъ и часто совершенно ложномъ видѣ... Появленіе въ печати такого рода доносовъ, такъ сказать, привилегированныхъ, ибо оклеветанное и опозоренное въ нихъ лицо не имѣетъ никакой возможности ни оправдаться, ни защищаться противъ взводимыхъ на него обвиненій, составляетъ безпримѣрный въ исторіи литературы фактъ злоупотребленія печатнымъ словомъ". Этотъ отдѣлъ былъ прекращенъ.

Одновременно съ „Искрою" начали выходить: „Арлекинъ", просуществовавшій всего одинъ годъ, „Гудокъ", прекратившійся на 22-мъ нумерѣ, и „Развлеченіе", существующее и по настоящее время. Съ 1860 г. вновь открытый журналъ „Свѣточъ" началъ выпускать ежемѣсячно, въ видѣ приложенія, „Каррикатурный Листокъ", издававшійся только одинъ годъ; съ декабря 1861 г. издавался „Зритель" и прекратился въ 1863 г., за недостаткомъ подписчиковъ; въ началѣ 1862 г. вышелъ „Гудокъ", купленный Стелловскимъ у прежняго его издателя Блока; онъ прекратилъ свое существованіе, несмотря на сочувствіе публики, съ первыхъ нумеровъ за 1863 г.; въ этомъ же году появились „Заноза" и „Оса", прекратившіяся въ 1865 г.

Такова исторія сатирической литературы за указанный періодъ.

И. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. СЕНТЯБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго ..... 481—504
II. Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ 1849 г. Викторина Павлова..... 505—506
III. Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія, Октября 23-го дня 1818 года о покупкѣ въ казну наборщика Степанова..... —531
IV. Торговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 532—552
V. Ив. Серг. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ. (1838—1840 гг.). Н. Гутьяра..... 553—577
VI. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Бооль. 578—593
VII. П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. (Страница изъ жизни нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей первой половины XIX в.). Вячеслава Каминскаго..... 594—627
VIII. Записки Михаила Чайковскаго. (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ..... 628—642
IX. Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. (Письма къ нему разныхъ лицъ). 643—667
X. Изъ архива А. В. Никитенко 668—687
XI. В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ. Сообщилъ И. А. Бычковъ..... 688—690
XII. Изъ рескриптовъ императора Павла I. Сообщилъ Александръ Успенскій..... 691—700
XIII. Къ біографіи В. Н. Каразина: I.—Письма В. Н. Каразина П. И. Кеппену. Сообщ. В. И. Срезневскій. II.—Н. А. Мурзанова..... 701—707
XIV. Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. П. Висковатова-Висковатаго..... 708—714
XV. Проектъ генералъ-интенданта Кожинина о новомъ способѣ поселенія войскъ. Сообщ. Михаилъ Соколовскій..... 715—716
XVI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **генералъ-маіора Владиміра Георгіевича фонъ-Бооль.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.

1904.

Библіографическій листокъ.

Упрощённая русская азбука і правописаніе Константина Александровіча Сорокина. Спб. 1903 г. Цена 20 коп.

Въ виду возникшаго въ послѣднее время вопроса объ упраздненіи нѣкоторыхъ буквъ изъ русскаго алфавита и объ упрощеніи правописанія,—слѣдуетъ остановиться на книгѣ г. Сорокина.

Но прежде, чѣмъ разбирать книгу г. Сорокина, приведемъ мнѣніе графа Л. Н. Толстого по поводу реформы ореографіи („Русь“ 15-го іюля № 212, фельетонъ г. А. Зенгера): „По-моему,—говорилъ графъ Л. Н. въ бесѣдѣ съ г. Зенгеромъ,—реформа эта нелѣпа... Да, да, нелѣпа... Это типичная выдумка ученыхъ, которая, конечно, не можетъ пройти въ жизнь. Языкъ—это послѣдствіе жизни; онъ создался исторически, и малѣйшая черточка въ немъ имѣетъ свое особое, осмысленное значеніе... Человѣкъ не можетъ и не смѣетъ передѣлывать того, что создаетъ жизнь; это безсмысленно—пытаться исправлять природу, безсмысленно... Говорятъ, гимназистамъ будетъ легче. Да, можетъ быть, но зато намъ будетъ труднѣе; да и имъ будетъ легче только писать, а читать они будутъ дольше, чѣмъ мы читаемъ.

„Для меня, напримѣръ,—продолжалъ графъ Толстой,—очень трудно разбирать письма безъ твердаго знака: сплошь да рядомъ читаешь и не знаешь, къ какому слову отнести промежуточную букву: къ предыдущему или послѣдующему... Что же касается до уничтоженія „э“, „ѣ“ и прочихъ буквъ, то ужъ это нелѣпо..

„Это, какъ я уже сказалъ, упроститъ, можетъ быть, письмо, но за то безусловно удлинитъ процессъ чтенія: вѣдь мы только пишемъ по буквамъ, читаемъ же вовсе не по буквамъ, а по общему виду словъ. Мы беремъ слово сразу нашимъ взглядомъ, не разбивая его на слоги, и потому для всякаго читающаго каждое слово, обладая своеобразнымъ написаніемъ, имѣетъ свою особую физіономію, которую ей создаютъ именно эти „ѣ“ и „э“. И благодаря этой физіономіи, я узнаю это слово, даже не вникая въ него, какъ узнаю знакомое лицо среди сотни другихъ, менѣе знакомыхъ; и потому я такое слово воспринимаю легче другихъ... Вотъ, я очень бѣгло читаю, такъ что нижу всегда нѣсколько впередъ, и если, напримѣръ, я впереди вижу „ѣ“ въ словѣ „тѣнь“, то я уже знаю, что это именно „тѣнь“, а не „темя“ или что-либо другое; и, зная, что это „тѣнь“, я уже предугадываю всю фразу, и мнѣ это облегчаетъ процессъ чтенія.

„Однимъ словомъ, благодаря такимъ „личнымъ“ признакамъ, которыми одарены слова при современномъ правописаніи, я получаю возможность читать быстро. Если же написаніе станетъ однообразнымъ, т. е. каждое слово лишится своихъ личныхъ признаковъ, то узнавать мнѣ его будетъ труднѣе и, конечно, читать я буду медленнѣе“.

Вся книжечка г. Константина Сорокина заключаетъ въ себѣ 40 страницъ крупнаго, азбучнаго шрифта, за исключеніемъ двухъ страницъ предисловія, напечатанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ (оно-то и объясняетъ, въ чемъ состоитъ упрощеніе правописанія), съ рисунками и примѣрами, или, какъ ихъ называетъ авторъ,—образцами для чтенія,—попадерганными изъ различныхъ азбукъ и хрестоматій.

Обратимся къ заглавію. Самый текстъ его показываетъ, что авторъ взялся за непосильную для себя задачу. Не даромъ сказано: „Quod licet Jovi, non licet bovi“. Отчего онъ озаглавилъ книгу,—если можно примѣнять это названіе къ этому произведенію печати,—„Упрощённая русская“... и т. д.? Казалось бы, надо было употребить слово „упрощенная“, такъ какъ, очевидно, если упрощается азбука, то упрощается и правописаніе.

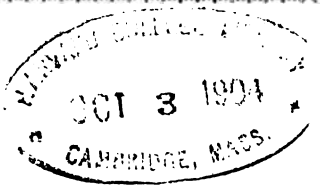
Но въ чемъ же заключается упрощеніе? Прежде всего г. К. А. Сорокинъ (ужъ очень хотѣлось ему видѣть напечатаннымъ свое имя; не только подъ предисловіемъ, но даже и подъ помѣщенными въ концѣ книги разгадками, стоитъ: К. А. Сорокинъ) упразднилъ *и* и *г*,—послѣднюю потому, что она встрѣчается только въ нѣсколькихъ словахъ.

„Буквы же *і*—*и*—заявляетъ авторъ,—хотя встрѣчаются одинаково часто (съ этимъ нельзя согласиться: скорѣе можно предположить,—да это такъ и на самомъ дѣлѣ,—что буква *і* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ *и*, такъ какъ она ставится передъ гласными, полугласной *й* и еще въ немногихъ словахъ передъ согласными,—міръ и др.,—(тогда какъ *и* сопровождаетъ всѣ согласныя, которыхъ больше, чѣмъ гласныхъ, и этою буквою начинаются многія слова); по начертанію *і* проще (вполнѣ съ этимъ согласны!) (,) и въ иностранныхъ языкахъ этотъ звукъ изображается такимъ же образомъ“ (къ чему намъ здѣсь иностранные языки? Буквы

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

ВЛАДИМІРЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ

ФОНЪ-БООЛЬ.



Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

III [1]).

Учрежденіе Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.—Воззрѣнія князя на унизительное положеніе нашего духовенства.—Забота князя возвысить это положеніе.—Отсюда мысль объ Обществѣ.—Составленіе устава Общества и присвоеніе членамъ его особыхъ крестовъ, какъ способъ къ созданію огромныхъ матеріальныхъ средствъ.—Императрица, покровительница Общества.—Образованіе Совѣта и практическія его дѣйствія.—Энергическія дѣйствія императрицы.—Мое столкновеніе съ княземъ.—Интриги Ба—ея противъ меня, какъ управляющаго дѣлами Совѣта.—Стремленіе князя обогатить Общество.—Коварное участіе въ дѣлахъ Общества со стороны Головнина.—Послѣдствія этого участія.—Поѣздка моя въ Гатчинскій дворецъ.—Замѣчательный разговоръ съ княземъ.—Его грустное настроеніе.—Государь не утвердилъ доклада князя.—Громадное вліяніе этого обстоятельства на князя.—Моя поѣздка съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ на Кавказъ.—Замѣчательныя инструкціи, данныя мнѣ княземъ.—Графъ Левашовъ, замѣстившій меня въ дѣлахъ Общества.

Предварительно надобно замѣтить, что, обозрѣвая въ продолжительныхъ бесѣдахъ со мной настоящее положеніе государства, князь часто съ горечью христіанина и истинно-русскаго человѣка останавливался на бѣдномъ и унизительномъ положеніи нашего духовенства. Изображая главнѣйшія черты этого положенія съ тою прозорливостью, которая всегда составляла принадлежность его обширнаго ума, онъ приводилъ различные факты, сюда относящіеся, которые случалось ему замѣчать въ

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1904 г.

жизни. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что, въ бытность свою въ Лондонѣ или Парижѣ, онъ видѣлъ, какъ какой-то русскій баринъ, имя ужъ не помню, считалъ любимѣйшею забавою потѣшаться надъ какимъ-то изъ нашихъ церковно-служителей, который посѣщалъ его время отъ времени. По словамъ князя, господинъ этотъ изобрѣталъ различныя и въ высшей степени оскорбительныя для этой личности шутки; но тотъ не только не оскорблялся, но когда шутникъ, развалясь на диванѣ, хохоталъ надъ нимъ—онъ, какъ собака, смиренно и почтительно цѣловалъ у него руки и ноги. Передавая съ глубокимъ чувствомъ негодованія и отвращенія эти сцены, князь ставилъ въ параллель нашему духовенству духовенство преимущественно англійское, гдѣ духовныя лица и по рожденію, и по образованію, и по обезпеченности, стоятъ на-ряду со всѣми другими высшими классами и пользуются вполнѣ тѣмъ общимъ уваженіемъ, которое должно принадлежать духовнымъ лицамъ.

Соображенія, которыя князь развивалъ на эту тему, исполнены были мудрости истиннаго государственнаго человѣка. Ясно было, что поднять наше дворянство и поднять наше духовенство князь считалъ какъ будто одною изъ главныхъ задачъ своей жизни. Я говорилъ уже, что по первому вопросу онъ работалъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, будучи блестящимъ адъютантомъ наслѣдника. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ не чуждъ сильнѣйшаго участія князя, хотя законъ этотъ и не удовлетворялъ его вполнѣ именно въ томъ отношеніи, что предоставляетъ, въ случаѣ прекращенія прямой нисходящей мужской линіи, вступать во владѣніе маіоратными или заповѣдными имѣніями женщинамъ, тогда какъ, по убѣжденіямъ князя, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ искать мужчинъ въ боковыхъ линіяхъ, а женщинамъ давать право владѣнія только въ случаяхъ неизбѣжной необходимости, когда во всѣхъ отрасляхъ и линіяхъ рода не осталось положительно ни одного мужчины. Что касается до вопроса о духовенствѣ, то, повидимому, князь хорошо сознавалъ, что здѣсь вмѣшательство молодаго адъютанта было бы болѣе чѣмъ страннымъ, и ожидалъ, когда карьера выдвинетъ его на такой постъ, съ котораго голосъ его по этому вопросу не будетъ казаться уже страннымъ и неумѣстнымъ. Всесильное положеніе намѣстника было именно такимъ положеніемъ, гдѣ князь имѣлъ уже полную возможность приложить свои завѣтныя идеи къ дѣлу.

Извѣстно, что христіанство на Кавказѣ имѣло нѣкогда сильное развитіе; но прежніе грузинскіе цари и правительства, слабосильные вообще и подавляемые извнѣ напоромъ исламизма, не имѣли возможности поддерживать, какъ должно, православную церковь, и потому христіанство гасло, а на мѣсто его водворялось магометанство. Во время знаменитаго похода 1859 г., въ нѣдрахъ непокорныхъ горъ, всѣ

мы видѣли кресты и многіе другіе слѣды угасшаго христіанства. Отсюда явилась мысль князя возстановить въ горахъ христіанство, тамъ, гдѣ оно существовало, и для этого создать особое Общество. Это была видимая и понятная цѣль; но за нею скрывалась другая главная цѣль князя поднять силою, богатствомъ и вліяніемъ этого Общества все русское духовенство.

Самому Обществу князь думалъ первоначально дать образованіе, подобное образованію тѣхъ знаменитыхъ орденовъ, которые пріобрѣтали въ чужихъ государствахъ страшную силу и нравственнымъ могуществомъ и матеріальнымъ богатствомъ. Князь отлично зналъ исторію всѣхъ этихъ орденовъ и много говорилъ о способахъ примѣненія ихъ устройства къ устройству нашего Общества. Но такое примѣненіе, на первыхъ же порахъ, признано было въ Петербургѣ неудобнымъ; тѣмъ не менѣе, князь крѣпко стоялъ на томъ, чтобы создать изъ этого Общества неисчерпаемый кладъ, изъ котораго бы первоначально наши кавказскіе миссіонеры и духовныя лица могли получать обезпеченное содержаніе, а потомъ такое же содержаніе могло быть распространено и на все русское духовенство.

У князя была, какъ онъ самъ выражался, манера пробовать людей для испытанія: къ чему и въ какой степени они способны. Составленіемъ устава для этого Общества онъ перепробовалъ многихъ. Началось съ Иваницкаго, этого умника, который на словахъ города бралъ и болѣе другихъ восхищался этимъ предположеніемъ князя. Ему именно князь, прежде всего, и предложилъ облечь это предположеніе въ форму устава. Вышла чепуха непроходимая, доказательствомъ которой можетъ служить одно то, что намѣстника, т. е. князя, онъ облекалъ чудовищнымъ наименованіемъ: «Великаго предсѣдателя Общества». Подобные опыты съ равнымъ успѣхомъ сдѣланы были съ нѣкоторыми другими лицами; наконецъ, дѣло было передано мнѣ.

Заваленный обычными дѣлами канцеляріи, я не имѣлъ физической возможности самъ лично и непосредственно заняться составленіемъ этого проекта; для этого надобно было бы положительно остановить теченіе всѣхъ другихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ уже выше, у меня не было вице-директора, который могъ бы замѣнить меня, хотя на нѣсколько дней. Поэтому мнѣ оставалось обдумать планъ проекта, составить программу и раздѣленіе частей и избрать изъ моихъ многочисленныхъ сотрудниковъ такого, который, подъ моимъ личнымъ руководствомъ, могъ бы съ наибольшимъ успѣхомъ исполнить этотъ предварительный трудъ. Выборъ мой остановился на Берже, который былъ секретаремъ Географическаго общества, управлялъ Тифлисскою публичною библіотекою, печаталъ различныя статьи о Кавказѣ и вообще имѣлъ репутацію ученаго человѣка. По канцеляріи онъ принадлежалъ

къ отдѣленію секретныхъ дѣлъ и, будучи однимъ изъ помощниковъ управляющаго этими дѣлами, со стороны дѣловой былъ мало мнѣ извѣстенъ, хотя при нѣкоторыхъ, рѣдкихъ впрочемъ, объясненіяхъ, оставлялъ во мнѣ выгодное впечатлѣніе, какъ человѣкъ умный и образованный. Поручивъ г. Берже эту работу, я сообщилъ ему личныя наставленія о порядкѣ, въ какомъ она должна быть сдѣлана, и передалъ самый планъ устава, мною на бумагѣ набросанный. Г. Берже чрезвычайно польстило это порученіе, и онъ съ энергіею принялся за этотъ трудъ, хотя, какъ мнѣ тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, его смущало совершенное незнакомство его съ подобными работами. Какъ обыкновенно, по Тифлису пошелъ гулъ, что Берже сдѣлано такое важное порученіе, особенно между его сослужащими. Гулъ этотъ, тоже по обычаю, тотчасъ дошелъ до князя и къ удивленію не совсѣмъ благопріятно подѣйствовалъ на него.—Я слышалъ, что вы поручили составленіе устава Берже,—спросилъ однажды князь.—Такъ точно,—отвѣчалъ я.—Вы не знаете Берже,—началъ князь немножко капризнымъ тономъ—это ученый мужъ и напутаетъ такъ же, какъ Иваницкій!

Дѣйствительно, работа Берже оказалась чрезвычайно сложною и добросовѣстною, но мало практическою, такъ сказать; во всякомъ случаѣ, какъ матеріалъ, она была мнѣ полезна. Надобно было только освободить ее отъ многихъ отвлеченностей, которыми усердно преисполнилъ ее мой ученый сотрудникъ, и придать ей ту ясность, сжатость и опредѣлительность, которыя составляютъ принадлежность всякаго устава. Въ основаніе устава положены тѣ же существенныя черты, на которыхъ образованы разныя другія общества. Такъ, напр., оно должно составляться изъ членовъ, раздѣленныхъ на четыре категоріи: членовъ почетныхъ, членовъ дѣйствительныхъ, членовъ-сотрудниковъ и членовъ-ревнителей. Такъ какъ главная задача Общества заключалась въ образованіи обширныхъ матеріальныхъ средствъ, то для каждаго разряда членовъ установлены кресты различныхъ степеней и сообразно тому различные взносы въ кассу Общества. Почетные члены должны вносить 1.000 р. и получать крестъ золотой съ украшеніями для ношенія на шеѣ. Члены дѣйствительные, внося ежегодно по 500 р., получаютъ такой же золотой крестъ на шею, но безъ украшеній. Члены третьяго разряда, обязанные вносить по 200 р., получаютъ золотой крестъ для ношенія на груди; наконецъ, члены четвертаго разряда, внося только по 20 руб. ежегодно, получаютъ крестъ серебряный, также для ношенія на груди. Членами Общества могутъ быть лица всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Намѣстникъ имѣетъ званіе предсѣдателя Общества и направляетъ его дѣйствія. Внутренній распорядокъ въ дѣлахъ Общества принадлежитъ Совѣту, подъ предсѣдательствомъ

экзарха Грузіи, которому присвоено званіе вице-предсѣдателя Общества. Общество должно отправлять миссіонеровъ, строить церкви, учреждать школы и т. п. Наконецъ, Общество поставлено подъ августѣйшее покровительство государыни императрицы. Эти основныя черты сохранены неприкосновенными и при высочайшемъ утвержденіи устава; но до этого утвержденія онъ подвергался безчисленнымъ мытарствамъ и затрудненіямъ. Началось съ того, что князь, получивъ отъ меня проектъ устава, сталъ передавать его рѣшительно всѣмъ, отъ кого ожидалъ получить какое-нибудь дѣльное замѣчаніе. Само собою разумѣется, что каждый желалъ отличиться и сочинялъ замѣчанія. На мою долю, конечно, падало разбирать ихъ и разъяснять князю ихъ дѣльность или ихъ неосновательность. Потомъ образовался высшій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя изъ двухъ экзарховъ: бывшаго Исидора, назначеннаго уже въ это время кіевскимъ митрополитомъ, на поддержку котораго князь сильно разсчитывалъ, такъ какъ, при отправленіи своемъ къ новому мѣсту назначенія, онъ долженъ былъ видѣть государя и императрицу и по инструкціямъ князя лично объяснить имъ всю важность и пользу этого дѣла, и другаго—Евсевія, пріѣхавшаго уже на смѣну Исидора. Комитетъ этотъ собирался и засѣдалъ въ Боржомѣ, гдѣ князь проводилъ лѣто 1858 г. и порядкомъ меня мучилъ именно въ слѣдствіе моего разъединенія съ нимъ. Воззрѣнія этого комитета передавались мнѣ письменно состоявшимъ при князѣ чиновникомъ Булатовымъ, незнакомымъ со всѣми подробностями и интересами этого дѣла, отчего возникало много недоумѣній, требовавшихъ также письменныхъ съ моей стороны разъясненій, что, при моихъ обычныхъ занятіяхъ, страшно затрудняло меня. Наконецъ, уставъ и при немъ великолѣпная бумага въ Кавказскій комитетъ съ препровожденіемъ его были совершенно изготовлены.

Оставалось сочинить, такъ называемое, воззваніе къ народу или публикѣ принять живое участіе въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ; это была самая труднѣйшая часть работы, именно потому, что должна была имѣть нѣкоторый характеръ проповѣди. Первымъ сочинителемъ этого воззванія былъ, по моему убѣдительному приглашенію, священникъ Романовъ, преподаватель Тифлисской гимназіи, проповѣдями котораго, краткими, сильными и эффектными, я постоянно любовался. Оказалось, что этотъ, во всякомъ случаѣ почтенный, священникъ писалъ далеко не такъ блистательно, какъ говорилъ. Вторымъ сочинителемъ этого воззванія былъ, также по моей просьбѣ, Кипіани, въ это время уже членъ Совѣта намѣстника, человѣкъ, отлично знавшій грузинскую исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію развитія и паденія тамъ христіанства, а въ то же время отлично владѣвшій перомъ. Къ сожалѣнію, и его сочиненіе оказалось, на мои глаза, мало удовлетворительнымъ.

Заботы и труды, съ которыми созидалось это воззваніе, не могли не сдѣлаться извѣстными новому экзарху, и онъ поспѣшилъ прислать на ту же тему свое сочиненіе; но оно оказалось положительно хуже обоихъ предъидущихъ. Не удовлетворяясь ни однимъ изъ этихъ сочиненій и въ то же время сознавая, что всѣ эти произведенія принадлежатъ людямъ значительнымъ и компетентнымъ, я не рѣшился передѣлывать ихъ и, представивъ подлинникомъ князю, присоединилъ съ нимъ свое собственное сочиненіе. Князь не плѣнился однако ни однимъ изъ представленныхъ ему проектовъ и составилъ свое воззваніе, слѣпивъ его изъ частей, взятыхъ изъ нашихъ сочиненій. Это произведеніе также нельзя назвать удачнымъ, тѣмъ не менѣе оно, конечно, восторжествовало и вмѣстѣ съ уставомъ вышло въ свѣтъ. Но, до выхода въ свѣтъ, дѣло это должно было выдержать много претковеній разнаго рода въ высшей уже сферѣ. Когда Кавказскій комитетъ, по установленному порядку, передалъ это дѣло на предварительное заключеніе разныхъ государственныхъ лицъ, отовсюду посыпались различныя замѣчанія. Въ ряду этихъ замѣчаній особенною силою отличались замѣчанія графа Блудова, управлявшаго тогда II отдѣленіемъ Собственной его императорскаго величества канцеляріи, и московскаго митрополита Филарета. Но эти оффиціальныя замѣчанія не могли поколебать дѣла: мнѣ удалось написать одну изъ самыхъ удовлетворительнѣйшихъ бумагъ, въ которой, разобравъ всѣ эти замѣчанія и воздавъ имъ должную хвалу, я одни изъ нихъ, менѣе существенныя, принималъ къ исполненію и сообразно тому вводилъ въ уставъ соотвѣтственныя измѣненія, а въ отношеніи другихъ, болѣе существенныхъ, приводилъ энергическіе доводы, по которымъ невозможно было ихъ принять. Бумага была столь удачна, что князь—замѣчательное дѣло!—не измѣнилъ въ ней ни одного слова. Гораздо большій вредъ дѣлу приносили не эти оффиціальныя замѣчанія, но ядовитые протесты благопріятелей князя, царедворцевъ, въ ряду которыхъ особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличались князь Горчаковъ и князь Долгоруковъ. Они положительно смѣялись надъ придуманною княземъ продажею крестовъ и энергически утверждали, что такая продажа не только унижаетъ правительство, но профанируетъ самое христіанское дѣло, съ которымъ она связана. Однимъ словомъ, протестъ при дворѣ противу этого дѣла былъ такъ силенъ, что, сколько можно было заключать по разнымъ признакамъ, колебалъ государя и императрицу. Но князь въ то время былъ въ блестящей полосѣ своего счастія, и ему все, несмотря ни на какія препятствія, ни на какіе протесты—удавалось. Такъ было и тутъ. Я ужъ не помню, сами-ли обстоятельства такъ расположились, старался-ли князь направить дѣло такимъ образомъ, или ловкій и преданный въ то время князю Бутковъ устроилъ такъ, а не иначе—только все это

предположеніе, со всѣми замѣчаніями, противу него сдѣланными, и всѣми объясненіями, противу этихъ замѣчаній написанными, докладывалось и рѣшалось окончательно именно въ тотъ моментъ, когда, покоривъ и прославъ въ Петербургъ знаменитаго и казавшагося необоримымъ Шамиля, князь, вслѣдъ за тѣмъ, самъ явился сюда свѣтиломъ первой величины. Объ этомъ самомъ высокомъ моментѣ въ существованіи князя я буду говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же достаточно сказать, что добрый государь, желая осыпать всевозможными почестями героя, какъ будто старался—вещь мало вѣроятная!—самъ держаться на второмъ планѣ. Такой моментъ славы и могущества повториться не могъ. Понятно, какое громадное вліяніе онъ имѣлъ на дѣло объ Обществѣ возстановленія христіанства на Кавказѣ и если не на совершенное уничтоженіе царедворскихъ интригъ противу него, то на значительное ослабленіе ихъ, хотя съ внѣшней стороны.

Князь Александръ Ивановичъ самъ разсказывалъ мнѣ подробности придворной войны, происходившей за Общество между нимъ и его врагами. Изъ его словъ видно было, что война эта не представляла серьезнаго государственнаго характера, но имѣла видъ остроумныхъ стычекъ между царедворцами, окружающими государя и императрицу. Князь, по его словамъ, въ присутствіи своихъ противниковъ, просилъ государя, въ особенную ему милость, никогда и ни зачто не давать ни князю Горчакову, ни князю Долгорукову знаковъ Общества, если оно состоится. «Это будетъ самымъ сильнымъ для нихъ наказаніемъ, ваше величество»,—прибавлялъ князь—«за ихъ упорство и противодѣйствіе этому святому дѣлу. Тогда они будутъ мучиться желаніемъ пріобрѣсти эти знаки, и мученіе будетъ продолжаться вѣчно, потому что вы, государь, не можете присоединить къ христіанскому Обществу такихъ лицъ, которыя стараются его разрушить». Само собою разумѣется, что мысль эту князь облекалъ въ ту изящную, шутливую форму, которой, кажется, одинъ князь и владѣлъ. Между тѣмъ наединѣ со мной онъ придавалъ ей весьма серьезное значеніе.

Надо замѣтить, что независимо отъ крестовъ различныхъ степеней, которые онъ усвоялъ Обществу, онъ имѣлъ твердое намѣреніе ввести въ немъ ленты и звѣзды также различныхъ степеней. Но, видя многоразличные протесты противу самого учрежденія Общества, а можетъ быть и не встрѣтивъ должнаго сочувствія со стороны государя, онъ рѣшился мысль о лентахъ и звѣздахъ отложить до времени и осуществить впослѣдствіи, когда Общество уже установится и пріобрѣтетъ нѣкоторую силу; но никакъ не отмѣнить, потому что именно на ней, преимущественно, князь и созидалъ свои обширные планы, вѣрные или мечтательные, это другой вопросъ. Останавливаясь часто на этой мысли, князь подробно развивалъ, какое значеніе и вліяніе будутъ

имѣть эти звѣзды Общества. Онъ разказывалъ мнѣ, какую страшную цѣну пріобрѣли ордена «Золотаго руна», «Подвязки» и какихъ-то другихъ, именно оттого, что ихъ умно и скупо раздаютъ; какъ сами государи жаждутъ ихъ получить и не всѣ, однако же, получаютъ. Такими же, въ своихъ мечтаніяхъ, князь хотѣлъ сдѣлать и звѣзды Общества. По его планамъ надобно было, чтобы государь жаловалъ ихъ самымъ высшимъ лицамъ и въ особенно рѣдкихъ случаяхъ. Тогда эти звѣзды станутъ если не выше, то и не ниже Андрея, и честь принадлежать Обществу будетъ считаться величайшею честью. Но трудно передать здѣсь всѣ соображенія, какія князь развивалъ на этотъ мотивъ. Достаточно сказать, что князь искренно вѣрилъ, что князь Горчаковъ, князь Долгоруковъ и др. будутъ дѣйствительно испытывать мученія, не получая этихъ звѣздъ и лентъ. Увы! мечтамъ объ этихъ звѣздахъ, подобно многимъ другимъ мечтамъ князя, не суждено было осуществиться. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди. Обращаюсь къ первоначальному утвержденію устава Общества. Для этого предназначалось составить особенный совѣтъ въ комнатахъ императрицы; но это предназначеніе не могло состояться вслѣдствіе болѣзни князя, лишавшей его возможности подняться вверхъ въ комнаты императрицы изъ комнатъ Зимняго дворца, въ которыхъ князь помѣщался; послѣ довольно продолжительнаго и тщетнаго ожиданія, что князь поправится, предполагалось учредить засѣданіе въ комнатѣ князя, куда и императрица изъявляла готовность спуститься; но это предположеніе отклонено самимъ княземъ. Тогда, послѣ различныхъ переговоровъ, рѣшено было сдѣлать засѣданіе совѣта въ другой, тоже нижней, части Зимняго дворца, куда императрица изволитъ сойти сверху, а князя, который не могъ ходить, атакованный подагрой, подвезутъ туда на особыхъ катающихся креслахъ. Я помню живо день, въ который происходило это достопамятное засѣданіе. Всѣ министры, долженствовавшіе участвовать въ немъ, заходили къ князю. Въ числѣ ихъ былъ и Муравьевъ, бывшій тогда министромъ государственныхъ имуществъ и впослѣдствіи прославившійся въ Западномъ краѣ. Какъ теперь смотрю на его болѣзненно расплывшуюся фигуру, которой, казалось, дни уже сочтены. Мнѣ тогда, конечно, и въ голову не приходило, что въ этомъ, повидимому разваливающемся, тѣлѣ, найдется столько энергіи, чтобы сослужить государству, въ трудныя минуты, большую службу, тѣмъ болѣе, что уже и въ то время поговаривали объ оставленіи имъ министерства, именно вслѣдствіе болѣзненнаго его состоянія. Я могъ довольно продолжительно любоваться его личностью, ибо до пріема его княземъ и послѣ пріема, онъ что-то долго разглагольствовалъ съ другими, ожидающими очереди пріема, господами, въ той сосѣдней съ кабинетомъ князя комнатѣ, гдѣ находились постоянно дежурные и состоящіе при князѣ. Къ

назначенному моменту всѣ эти господа перешли въ комнаты, назначенныя для засѣданія, а вслѣдъ затѣмъ покатили туда больнаго, безногаго и задумчиваго князя... Результатъ этого засѣданія угадать было не трудно: уставъ Общества былъ утвержденъ.

По возвращеніи нашемъ на Кавказъ, князь на меня же возложилъ осуществленіе всего того, что требовалось уставомъ. Прежде всего надобно было образовать Совѣтъ, для управленіи дѣлами Общества. На первое время князь желалъ сохранить личное предсѣдательство въ этомъ Совѣтѣ. Членами были: экзархъ, старикъ Фадѣевъ и я, облеченный въ то же время обязанностями управлять дѣлами Общества. Ясно было, что князь желалъ вести дѣло со мною, по-прежнему; остальное составляло одну декорацію. При моихъ прямыхъ обязанностяхъ дѣла Общества были бы для меня страшнымъ обремененіемъ, если бы я не позаботился тотчасъ пріобрѣсти собственно для этихъ дѣлъ надежнаго и нѣкоторымъ образомъ спеціальнаго помощника, такъ какъ они имѣли значительною частію священный или духовный характеръ. Въ этомъ отношеніи я былъ особенно счастливъ. Надо замѣтить, что до учрежденія Общества въ Тифлисѣ существовала уже, въ исключительномъ завѣдываніи экзарха, такъ называемая Осетинская комиссія, о которой я почти не имѣлъ никакого понятія. Когда дѣла Общества были возложены на мою отвѣтственность, явилась необходимость, именно по духовному характеру этихъ дѣлъ, въ частныхъ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ моихъ съ экзархомъ. Оба экзарха Грузіи, съ которыми я былъ знакомъ въ Тифлисѣ, бывшій Исидоръ, потомъ митрополитъ кіевскій, а потомъ митрополитъ с.-петербургскій, и заступившій его мѣсто Евсевій, бывшій, кажется, до того времени подольскимъ архіепископомъ, по убѣжденію моему, принадлежали къ золотой посредственности. Разница была въ томъ только, что Исидоръ, человѣкъ, повидимому, крайне простой, умѣлъ какъ-то ладить съ намѣстниками, какъ Воронцовымъ, такъ и Барятинскимъ, и безспорно только этому былъ обязанъ сначала возведеніемъ еще въ Тифлисѣ въ санъ митрополита, а затѣмъ занятіемъ высшихъ духовныхъ степеней въ государствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что готовность и искусство сего мужа ѣздить верхомъ съ княземъ Воронцовымъ въ его обычныхъ и продолжительныхъ прогулкахъ имѣли здѣсь не малое значеніе. Между тѣмъ красивый, полный, съ великолѣпнымъ тенoромъ, Евсевій былъ положительно противенъ князю Александру Ивановичу, который не находилъ даже нужнымъ скрывать своихъ ощущеній и постоянно отзывался о немъ неблагосклонно. Здѣсь также не малое значеніе имѣли козни Ба—мея, который, будучи потомъ введенъ княземъ въ составъ Совѣта Общества, по своему неизмѣнному обычаю, считалъ долгомъ перессорить князя со всѣми.

Такимъ образомъ, при одномъ изъ моихъ совѣщаній съ экзархомъ

Евсевіемъ, когда представилась надобность въ ближайшемъ разъясненіи какого-то вопроса, онъ приказалъ позвать нѣкоего господина. Явилась личность, поразившая меня прежде всего красотою туземнаго характера. Прекрасные глаза съ умнымъ, какимъ-то задумчивымъ выраженіемъ, вьющіеся волоса, стройный станъ дѣлали изъ него положительнаго красавца. Но болѣе всего располагала въ его пользу та сдержанность, милая скромность, которая отличала всю его фигуру. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня замѣчательною внѣшностью этого господина, приняло громадные размѣры, когда я услышалъ требуемое отъ него экзархомъ объясненіе, каждое слово котораго было полно ума и самаго точнаго знанія дѣла. Смотря на него и слушая его, я видѣлъ, что Богъ посылаетъ мнѣ истинный кладъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ ушелъ, я спросилъ только, кто это? Экзархъ отвѣчалъ: дѣлопроизводитель Осетинской коммиссіи.

Возвратясь въ свой департаментъ (въ это время, между прочимъ, я былъ и директоромъ департамента общихъ дѣлъ, гдѣ и находился мой рабочій кабинетъ), я тотчасъ распорядился пригласить ко мнѣ этого господина на другой день, въ назначенный часъ. Оказалось, что это уроженецъ Имеретіи, Пурцеладзе, отлично кончившій курсъ сначала въ Тифлисской семинаріи, а потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи; что въ настоящее время онъ состоитъ профессоромъ семинаріи и въ то же время дѣлопроизводителемъ Осетинской коммиссіи, что всѣ подробности вопроса о первоначальномъ развитіи христіанства на Кавказѣ, о паденіи его и о способахъ къ возстановленію его тамъ, гдѣ оно существовало, ему извѣстны, какъ свои пять пальцевъ, на томъ основаніи, что Осетинская коммиссія имѣетъ совершенно тѣ же цѣли, для которыхъ учреждено Общество, но мало заботится о достиженіи ихъ, ограничиваясь образованіемъ изъ ежегодно отпускаемыхъ ей казною значительныхъ суммъ (цыфры уже не помню) капитала, который и теперь уже достигъ большаго размѣра (цыфры тоже не помню).

При разсужденіяхъ о задачѣ, предлежащей Обществу, Пурцеладзе выказалъ удивительныя практическія знанія въ томъ, гдѣ и что сдѣлано, какъ принялось и что нужно сдѣлать; разсказывалъ, въ какомъ аулѣ въ какомъ положеніи церкви; гдѣ и съ какимъ успѣхомъ существуютъ учрежденныя школы; кто изъ миссіонеровъ нашихъ хорошъ и кто не надеженъ; изображалъ ихъ затруднительное матеріальное положеніе, способы къ улучшенію ихъ быта и къ утвержденію ихъ вліянія на народъ. Словомъ, если бы стали, какъ говорится, со свѣчею искать человѣка, наиболѣе пригоднаго для дѣлъ нашего Общества, лучше Пурцеладзе найти было невозможно.

Слушая его, я тотчасъ рѣшилъ завладѣть самымъ Пурцеладзе, а

кстати и деньгами Осетинской коммиссіи, разрушивъ самое ея существованіе, какъ уже не совмѣстное съ существованіемъ нашего Общества. Соотвѣтственно тому, я сдѣлалъ выгодное предложеніе Пурцеладзе при переходѣ его въ мою команду и, получивъ его согласіе, представилъ на другой же день свои предположенія князю Александру Ивановичу, который вполнѣ и одобрилъ ихъ. Пріобрѣтя, въ лицѣ Пурцеладзе, такого драгоцѣннаго помощника, я живо повелъ дѣло Общества и сознавалъ въ себѣ дѣйствительно, въ отношеніи этого дѣла, значительную силу, которой никто у меня не оспаривалъ, потому что мои сочлены были слабоваты и рады, что я не привлекалъ ихъ къ личной съ ихъ стороны дѣятельности, а князь Александръ Ивановичъ, какъ и всегда, облекалъ меня полнѣйшимъ довѣріемъ.

Занятія Совѣта располагались такимъ образомъ: я обрабатывалъ различные вопросы, стоящіе на очереди, заготовлялъ относящіяся къ нимъ бумаги, потомъ составлялъ реестръ или программу этихъ вопросовъ и представлялъ ее, съ принадлежащими къ ней бумагами, князю, который, разсмотрѣвъ все это, назначалъ день и часъ для засѣданія Совѣта. Въ назначенное время члены Совѣта собирались въ комнатахъ князя и слушали то, что я имъ читалъ и предлагалъ. Совѣтъ, выслушавъ все, что было ему предъявлено, расходился; программа засѣданія обращалась въ журналъ, и на основаніи этого журнала составлялось донесеніе императрицѣ.

Первое время нашихъ дѣйствій, естественно, должно было посвятить преимущественно различнымъ вопросамъ по внутреннему устройству и образованію Общества. Въ ряду этихъ вопросовъ—вопросъ о рисункѣ крестовъ для членовъ Общества и о цвѣтѣ ленты, на какой эти кресты должны быть носимы—занималъ не послѣднее мѣсто. Рисунки крестовъ изготовлены были у насъ въ Тифлисѣ подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ самого князя. Основаніе этого рисунка—крестъ изъ виноградной лозы, съ которымъ Св. Нина проповѣдывала Евангеліе въ Грузіи, обвитый ея волосами. Избраніе цвѣта ленты предоставлено было августѣйшей покровительницѣ, и выборъ ея величества палъ на модный въ то время цвѣтъ: groselle des Alpes.

Императрица, съ первыхъ дней существованія Общества, стала принимать въ немъ самое живѣйшее участіе и дѣлать всевозможное съ своей стороны, чтобы дать ему прочное существованіе Она подарила Обществу свой собственный капиталъ болѣе ста тысячъ руб. и высылала нѣсколько разъ богатыя церковныя вещи для Закавказскихъ горскихъ церквей. Энергія ея величества достойна была истинной христіанки и простиралась до такой степени, что она скоро начала находить наши мѣстныя дѣйствія довольно слабыми и медленными. Отзывы ея величества въ этомъ отношеніи стали доходить разными путями до насъ

и не лишены были нѣкоторой справедливости. И, дѣйствительно, князь Александръ Ивановичъ, неспособный, какъ я много разъ уже выше замѣчалъ, къ продолжительному и упорному труду, въ то же время осаждаемый постоянно недугами, значительно самъ тормозилъ это дѣло, хотя никакое другое изъ гражданскихъ дѣлъ не пользовалось съ его стороны такимъ, какъ оно, вниманіемъ. Князь какъ-будто считалъ свои личныя обязанности совершенно исполненными, побѣдивъ своихъ петербургскихъ враговъ и достигнувъ утвержденія устава, возбуждавшаго такую могущественную оппозицію, и полагалъ, что все остальное должно было сдѣлаться само собою или другими уже подчиненными ему людьми.

Взглядъ этотъ не былъ бы лишенъ основанія, если бы князь не вздумалъ удержать за собою личнаго предсѣдательства въ Совѣтѣ и первоначальнаго руководства дѣйствіями Общества, для чего требовалась нѣкоторая дѣловая стойкость, которой не оказывалось. Отъ этого происходило то, что, представивъ ему программу засѣданія Совѣта, я долженъ былъ напоминать о ней князю нѣсколько разъ потомъ. При подобныхъ напоминаніяхъ, князь всегда говорилъ: «хорошо, хорошо! не сердитесь! сегодня непремѣнно просмотрю!» и опять забывалъ. Понятно, что дѣла не могли идти быстро, хотя я съ своей стороны посвящалъ имъ обычную свою энергію, хорошо зная, что они лежатъ на моей преимущественно отвѣтственности и что сама императрица живо интересуется ими.

Въ уставѣ Общества опредѣлены уже были главныя черты его дѣятельности: постройка церквей, учрежденіе школъ, отправленіе миссіонеровъ и т. п. Слѣдуя этому уставу, я поручилъ опытному Пурцеладзе разработать эти предметы отдѣльно и по каждому изъ нихъ составить подробный планъ: что, когда и какъ должно сдѣлать Общество? Съ глубокимъ сознаніемъ могу сказать, что это была самая солидная, самая капитальная работа по Обществу, за время управленія моего дѣлами его. Но—удивительная вещь!—именно эта работа не только не была оцѣнена по достоинству, но принята даже неблагосклонно, вслѣдствіе интригъ.

Однажды князь Александръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: «какъ вы думаете, не взять-ли намъ въ Совѣтъ Ба—мея? Вы вѣдь знаете, что это ученый мужъ, археологъ, нумизматъ! Быть можетъ, онъ будетъ намъ полезенъ?» Что было отвѣчать на это? Въ этотъ моментъ я зналъ Ба—мея только, какъ человѣка, весьма вѣжливаго, предупредительнаго и дѣйствительно образованнаго. Нѣкоторыя его свойства сдѣлались мнѣ уже потомъ извѣстными, частію по словамъ самого князя, частію по общимъ отзывамъ, а главное по собственному опыту, именно при общемъ нашемъ участіи въ дѣлахъ Общества. Кромѣ того ясно было,

что въ самыхъ этихъ вопросахъ князя заключалось собственное его предрѣшеніе, противъ котораго идти было невозможно, хотя бы я имѣлъ на то самыя уважительныя причины. Поэтому и я сказалъ, что участіе такого спеціальнаго человѣка въ Обществѣ дѣйствительно будетъ полезно. На этомъ основаніи Ба—мей и одѣланъ былъ членомъ Совѣта.

Трудно изобразить ту предупредительность, которою онъ окружалъ меня, и которая, своею утонченностью, ставила меня въ затрудненіе. Онъ утверждалъ, что только желаетъ быть моимъ подчиненнымъ и помогать мнѣ, если я найду его къ тому достойнымъ; и, дѣйствительно, на первыхъ порахъ, держалъ себя совершенно согласно этому заявленію. Введенный мною въ глубину дѣлъ, онъ, при свиданіяхъ съ княземъ, говорилъ уже съ нимъ о дѣлахъ Общества, какъ знатокъ, и тѣмъ самымъ произвелъ на него впечатлѣніе. Затѣмъ ему оставалось, по его обычаю, разстроить другихъ съ княземъ и выступить самому, какъ сильному дѣятелю. Однажды онъ, въ самыхъ почтительныхъ впрочемъ выраженіяхъ, передалъ мнѣ, что онъ представилъ князю какую-то мысль, что князю она понравилась, но что онъ приказалъ ему переговорить о ней со мной. Это было именно въ то время, когда я готовилъ тѣ капитальныя работы, о которыхъ говорилъ выше, которыми разсчитывалъ прославиться, и которыя, по глубокому моему убѣжденію, должны были составить самое вѣрное и прочное основаніе всѣмъ дѣйствіямъ Общества. Мысль, которую передавалъ мнѣ Ба—мей, кромѣ того, что была на мои глаза совершенно не практична, но шла рѣшительно въ перерѣзъ тому плану, который я уже составилъ, и тѣмъ обширнымъ работамъ, которыя изготовлялись. Я живо выразилъ ему полнѣйшее мое несочувствіе къ этой мысли, онъ началъ развивать и подкрѣплять ее, а я опровергать его доводы, такъ что у насъ образовалось довольно оживленное преніе, среди котораго, подъ вліяніемъ моего нѣсколько заносчиваго характера, я объявилъ ему положительно, что «если онъ съ княземъ, среди моихъ обдуманныхъ и систематическихъ работъ, будетъ путать меня сообщеніемъ различныхъ своихъ мыслей и проектовъ, то онъ собьетъ меня съ толку».

Этихъ неосторожныхъ словъ было слишкомъ достаточно для такого ловкаго человѣка. Въ сношеніяхъ съ княземъ я тотчасъ замѣтилъ, что они, дополненныя и пріукрашенныя, дошли уже до него и значительно воздѣйствовали на его гордость и самостоятельность. Кромѣ того видно было, что Ба—мей, ужъ непонятно какими путями, средствами и доводами—успѣлъ убѣдить князя, что я въ союзѣ съ экзархомъ и нахожусь подъ его вліяніемъ и что Пурцеладзе не что иное, какъ агентъ экзарха, введенный имъ въ Общество именно для проведенія и поддержанія его видовъ. Отсюда еще большее нерасположеніе къ экзарху, ко-

торый, по правдѣ сказать, при своей посредственности, не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ особенныхъ видовъ; отсюда предубѣжденіе противу неповиннаго Пурцеладзе; отсюда, наконецъ, значительное, хотя временное, охлажденіе ко мнѣ по дѣламъ Общества. При всѣхъ этихъ условіяхъ тѣ обширные, капитальные планы, которые представлены мною по каждому роду дѣятельности Общества, какъ я сказалъ уже, не нашли должной оцѣнки, такъ какъ князь видѣлъ уже въ нихъ идеи экзарха, который, хотя рѣшительно не зналъ ничего, что здѣсь мною разсказано, тѣмъ не менѣе, какъ-то инстинктивно, возненавидѣлъ и съ своей стороны Ба—мея.

Такимъ образомъ, хотя главнымъ центромъ дѣятельности Общества все-таки оставался я, но уже значительно охлажденный къ нему этимъ столкновеніемъ. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Князь, осаждаемый болѣе и болѣе недугами, собирался уѣхать изъ Тифлиса; въ то же время и я предполагалъ удалиться оттуда подъ видомъ семейныхъ обстоятельствъ. При этомъ общемъ нашемъ предположеніи князь совѣтовался со мною: какимъ образомъ лучше распредѣлить многія мои должности и, между прочимъ, должность управляющаго дѣлами Общества. Я энергически доказывалъ, что для этого лучше Ба—я и вообразить ничего нельзя, тѣмъ болѣе, что кромѣ его и на самомъ дѣлѣ некому было поручить эту должность. За нимъ она и осталась.

Во время двухлѣтняго отсутствія своего изъ Тифлиса, князь два раза появлялся въ Петербургѣ: въ первый разъ, въ 1861 г., изъ Дрездена, куда и я былъ вытребованъ, но тогда князя занимало преимущественно мингрельское дѣло, о которомъ частію уже я разсказывалъ, а потомъ участіе въ разныхъ политическихъ вопросахъ, участіе, какъ оказалось, не совсѣмъ удачное, какъ въ видахъ государственныхъ, такъ и для него собственно. Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ, со всѣми его интересами, было совершенно забыто; по крайней мѣрѣ я не помню ни дѣлъ, ни разговоровъ въ этотъ моментъ, сюда относящихся. Не то совсѣмъ было во второй его пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1862 году. Съ видимымъ и непонятнымъ для всѣхъ окружающихъ князя охлажденіемъ ко всѣмъ кавказскимъ дѣламъ, онъ чрезвычайно сильно занимался именно дѣлами Общества.

Главною его заботою было упрочить и для того обогатить Общество, и въ этомъ отношеніи княземъ, дѣйствительно, сдѣлано весьма много. Я говорилъ уже, что у Общества былъ уже значительный капиталъ, подаренный императрицею; потомъ мы успѣли, упразднивъ существованіе Осетинской коммиссіи, завладѣть запаснымъ ея, довольно значительнымъ, капиталомъ и ежегодною суммою, изъ казны на эту коммиссію отпускаемою; точно также мы, еще въ бытность въ Тифлисѣ, завоевали значительную часть той ежегодной суммы, какая соста-

вилась отъ возвышенія платежей за ордена. Остальную часть этой суммы, которую хотѣли обратить куда-то въ другую сторону, князь присвоилъ тоже Обществу именно въ этотъ пріѣздъ. Кромѣ того князь выпросилъ у государя въ собственность Обществу 100/т. десятинъ земли изъ свободныхъ земель Кавказскаго и Закавказскаго края.

Князь любилъ высчитывать со мною богатство и будущіе доходы Общества. Самою громадною частію этихъ доходовъ считались взносы членовъ Общества. Но осуществленію этихъ доходовъ препятствовали въ этотъ моментъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, хотя кучи крестовъ для раздачи членамъ Общества были уже заготовлены при содѣйствіи секретаря императрицы, Морица, но дипломы не только не были готовы, но даже и не сочинялись. Дѣло это было предоставлено искусству вице-президента Императорской академіи художествъ, стараго кавказца, князя Гагарина, и хотя его постоянно осаждали, съ одной стороны, письменныя напоминанія изъ Тифлиса, а съ другой личныя настоянія того же Морица, однако же князь, какъ подобаетъ истинному артисту, оставался къ тѣмъ и другимъ совершенно равнодушнымъ и только, вслѣдствіе моихъ энергическихъ представленій, будучи вызванъ лично княземъ Барятинскимъ, обѣщалъ ему заняться изготовленіемъ дипломовъ; во-вторыхъ, почти въ одно время съ утвержденіемъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, началось переселеніе туземныхъ мусульманъ въ Турцію, и хотя переселеніе это возникло изъ причинъ, почти не имѣющихъ ничего общаго съ учрежденіемъ Общества, тѣмъ не менѣе, при тогдашнемъ настроеніи кавказскаго мусульманства, признано было полезнымъ пріостановить на нѣкоторое время раздачу крестовъ, дабы, какъ говорится, «не подлить масла въ огонь»; во время пріѣзда князя въ Петербургъ, причины эти если не совершенно уничтожились, то значительно ослабли, такъ что раздача крестовъ могла бы начаться, если бы не остановка за дипломами; въ третьихъ, и это едва-ли не главное, при самомъ учрежденіи Общества и изданіи въ свѣтъ извѣстнаго воззванія къ христолюбивой публикѣ, дѣйствительно общественное вниманіе было значительно возбуждено къ этому учрежденію, и желающихъ принадлежать къ нему и получать извѣстные кресты явилось значительное число; но почти двухлѣтнее молчаніе Общества и отсутствіе столь ожидаемыхъ крестовъ въ публикѣ—имѣло естественнымъ послѣдствіемъ почти совершенное исчезновеніе прежняго общественнаго вниманія къ дѣлу. Объ Обществѣ почти совсѣмъ забыли.

Вотъ тутъ-то именно и развернулись сложныя и немножко затѣйливыя комбинаціи князя. Онъ находилъ необходимымъ появленіе въ нашей прессѣ нѣкоторыхъ нападокъ на бездѣйствіе Общества, и потомъ, какъ бы вызванныхъ этими нападками, сильныхъ статей, кото-

рыя должны были, пользуясь присланнымъ князю, именно въ это время, отчетомъ Общества, развернуть блистательнымъ образомъ разумную дѣятельность его и тѣмъ самымъ, т. е. этой искусственной журнальной битвой, привлечь снова сочувствіе народа къ Обществу. Для исполненія этихъ сокровенныхъ замысловъ, князь пригласилъ Головнина, въ то время министра народнаго просвѣщенія, который охотно пошелъ въ заговорщики и часто пріѣзжалъ къ князю въ Царское Село. Ужъ не знаю, въ слѣдствіе-ли этого плана или независимо отъ него, дѣйствительно въ какой-то газетѣ было напечатано что-то въ томъ родѣ, что объ Обществѣ ничего не слышно. Очевидно, что такой пріемъ вовсе не соотвѣтствовалъ идеямъ князя, и потому онъ просилъ Головнина изготовить что-нибудь болѣе солидное и серьезное. Головнинъ и изготовилъ!!.

Когда, однажды, по требованію князя, я вошелъ къ нему въ кабинетъ, князь схватилъ со стола какія-то бумаги и, подавая ихъ мнѣ, голосомъ, въ которомъ замѣтно смѣшивались чувства какой-то горечи и досады, сказалъ мнѣ: «Посмотрите! какъ хорошо понялъ меня Головнинъ!». Это были корректурные листы изготовленной по желанію князя статьи, присланные къ нему на предварительный просмотръ при самомъ любезнѣйшемъ письмѣ Головнина. Пробѣгая коротенькія строки этой корректуры, я глазамъ своимъ не вѣрилъ... Существенная задача князя состояла въ томъ: надо выстрѣлить въ Общество изъ пистолета для того, чтобы оно могло отвѣчать пушками. Князь былъ чрезвычайно доволенъ этимъ уподобленіемъ, когда, въ пространныхъ нашихъ объясненіяхъ я именно этими словами опредѣлялъ его задачу. Трудно было не понять ее, особенно такому умницѣ, какимъ слылъ Головнинъ или какимъ по крайней мѣрѣ долженъ быть министръ народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ въ статьѣ его приводились такія злѣйшія нападки не только на дѣятельность Общества, но на самыя основанія его учрежденія, какія только могли быть созданы совокупными стараніями пятидесяти самыхъ закоренѣлыхъ враговъ князя. Такъ, напр., въ ней говорилось, что въ исторіи не было примѣра, чтобы подобныя общества находились подъ руководствомъ не высшаго какого-нибудь духовнаго сановника, а военнаго человѣка; что князь Барятинскій, быть можетъ, отличный полководецъ, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ компетентенъ въ дѣлѣ распространенія христіанства; что неограниченное командованіе имъ цѣлымъ Обществомъ составляетъ также явленіе необычайное, ибо Совѣтъ, составленный изъ лицъ, не избранныхъ цѣлымъ Обществомъ, а имъ назначенныхъ и ему подчиненныхъ, составляетъ пустую декорацію и т. п.

Я не знаю, какъ самъ князь, говоря, что Головнинъ его не понялъ, въ душѣ смотрѣлъ на эту продѣлку, но я лично смотрѣлъ на нее, какъ

на насмѣшку надъ самимъ княземъ. Результатомъ нашего объясненія съ княземъ было то, что мнѣ поручено было написать изложеніе, во-первыхъ того, какъ неудобна эта статья, полная такихъ сильныхъ нападокъ на Общество и на князя, противу которыхъ защищаться и трудно, и не прилично, во-вторыхъ, того, въ чемъ именно состоитъ настоящая идея князя, въ третьихъ, того, что сдѣлано Обществомъ со времени его учрежденія.

Вопросъ о томъ, что сдѣлано Обществомъ, былъ значительно затемненъ самимъ Головнинымъ, ибо именно онъ преимущественно своими восторженными похвалами тому, что сдѣлано, положилъ основаніе сложному плану князя. Дѣло въ томъ, что еще до учрежденія Общества извѣстный нашъ кавказскій ученый генералъ Усларъ давно уже посвятилъ себя изученію различныхъ туземныхъ нарѣчій, не имѣвшихъ письменнаго языка, и составленію для нихъ словарей. Потому-ли, что Б—ей считалъ и себя знатокомъ этого же дѣла, или потому, что онъ не могъ видѣть спокойно никакого успѣха, кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было достигаемаго, только онъ постоянно врывался въ области ученыхъ и добросовѣстныхъ занятій Услара, и на этомъ поприщѣ происходили у нихъ ожесточенныя стычки, памятныя всему Тифлису. Вступивъ въ составъ Совѣта Общества, сдѣлавшись управляющимъ дѣлами его, и, главное, получивъ въ команду такого образованнаго, добросовѣстнаго и скромнаго господина, какъ Пурцеладзе, Ба—ей предпринялъ подставить, подъ прикрытіемъ оффиціальнаго плана, ногу Услару и на казенныя деньги сдѣлать то, чего тотъ достигалъ упорно и медленно, исключительно собственными трудами и средствами. Въ этихъ видахъ онъ нашелъ необходимымъ образовать письменный языкъ для тѣхъ племенъ, среди которыхъ должно распространяться христіанство, и для того составить словари нарѣчіямъ, у нихъ существующимъ. Сообразно этому посланы были чиновники для отысканія по краю людей, способныхъ для этого дѣла, т. е. знающихъ туземныя нарѣчія и въ то же время русскій языкъ грамматически. Потомъ эти отысканные знатоки вызваны были въ Тифлисъ, обезпечены значительнымъ содержаніемъ и, образовавъ особую коммиссію, должны были заняться осуществленіемъ задачи и въ то же время переводомъ на туземные языки различныхъ священныхъ книгъ.

Я уже, конечно, не могу припомнить положительно, что именно сдѣлано этою коммисіею; помню только, что въ отчетѣ Общества, присланномъ сюда князю и составленномъ, разумѣется, если не самимъ Ба—емъ, то подъ ближайшимъ его руководствомъ и наблюденіемъ, эта сторона дѣятельности Общества озарена блистательнымъ свѣтомъ и этотъ свѣтъ, казалось, ослѣпилъ Головнина, дѣйствительно или ложно,— это опять другой вопросъ. По словамъ его, это дѣло государственной

важности, дѣло всеобщей цивилизаціи, дѣло, касающееся самого сердца министерства народнаго просвѣщенія, которое одною изъ священныхъ своихъ обязанностей должно считать: сочувствовать, содѣйствовать цивилизующей дѣятельности Общества. Положительно не знаю, но думаю, что именно въ этихъ восторгахъ зародилась у князя мысль сдѣлать Головнина своимъ соучастникомъ и сотрудникомъ въ предпринятомъ ослѣпленіи публики.

Но пока мы возились съ этимъ коварнымъ сотрудникомъ, который притворился непонимающимъ задачи и собирался въ своей ложной наивности печатать такія статьи, которыя, если бы и не убили наповалъ, то неизбѣжно нанесли бы тягчайшія раны не только Обществу, но и самому князю, произошелъ нѣкоторый скандалъ собственно по вопросу: что сдѣлано Обществомъ? Слѣдилъ-ли Усларъ за своимъ врагомъ, или сама судьба такъ распорядилась, только, вслѣдъ за полученіемъ отъ Ба—ея отчета по Обществу, въ которомъ онъ изображалъ, надо замѣтить, широкими только чертами, подвиги по составленію словарей для туземныхъ нарѣчій, Усларъ прислалъ въ военное министерство Д. А. Милютину самые эти словари, имъ уже составленные, а Милютинымъ переданные князю. Явился вопросъ: кто же составлялъ эти достославные словари: Ба—ей-ли, именемъ Общества, или Усларъ? Но вопросъ этотъ нисколько не затруднялъ прозорливаго князя, слишкомъ хорошо знакомаго съ личностями Ба—ея и Услара. Я, кажется, говорилъ уже выше, что вся невыгода въ этомъ вопросѣ осталась на сторонѣ Ба—ея. «Я очень хорошо понимаю все это»,—воскликалъ князь. «Это все дѣла Ба—ея. Боже мой! что за человѣкъ! всегда и всюду интригуетъ!» Я замѣтилъ князю, что полезно было бы и Услара сдѣлать также членомъ Совѣта Общества, «тогда»,—прибавилъ я, «предъ лицомъ вашимъ они не осмѣлятся враждовать и интриговать, а оба соединятъ свои знанія и усилія, чтобы исполнить такое важное дѣло».

— По возвращеніи нашемъ надо что-нибудь сдѣлать—какъ-то задумчиво отвѣчалъ князь,—вѣроятно, придется пожертвовать Б а—емъ.

Въ моемъ же сочиненіи, изготовляемомъ для Головнина, вопросъ этотъ объясненъ такимъ образомъ, что дѣло по составленію словарей совершилось въ Обществѣ при дѣятельномъ участіи Услара. Это хотя и не совсѣмъ было вѣрно съ дѣйствительностью, но хоть сколько-нибудь сглаживало ужасающія противорѣчія. Тетрадь, мною написанная, поступила къ Головнину. Чтобъ не прерывать рѣчи, я долженъ тутъ же сказать, что она поставила меня въ личныя отношенія къ Головнину. Ужъ не помню, какъ это случилось, только дальнѣйшіе переговоры между нимъ и княземъ какъ-то пріостановились и возобновились только тогда, когда мы, передъ самымъ отправленіемъ на Кавказъ, переѣхали изъ Царскаго Села въ Зимній петербургскій дворецъ. Именно въ это время Головнинъ опять сталъ ѣздить къ князю, и я былъ призванъ

принять участіе въ ихъ совѣщаніяхъ. Головнинъ, какъ водится, объявилъ, что ему очень пріятно со мною познакомиться; составленную мною тетрадь называлъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, изъ котораго только онъ и могъ уразумѣть сущность дѣла, а въ заключеніе просилъ меня пріѣхать къ нему, для дальнѣйшихъ объясненій и совѣщаній. Я отвѣчалъ, что радъ буду всегда явиться къ нему, когда онъ только назначитъ; но что это будетъ для него совершенно потерянное время, потому, что у меня никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ помѣщенныхъ въ тетради, рѣшительно нѣтъ и что если ему угодно глубже войти въ дѣло, то отличные для этого матеріалы онъ всегда можетъ получить, во-первыхъ, отъ г. Буткова, такъ какъ въ дѣлахъ Кавказскаго комитета заключается вся исторія образованія Общества, а во-вторыхъ, отъ г. Морица, у котораго хранятся всѣ донесенія Общества императрицѣ, изображающія дѣятельность Общества.

Головнинъ совершенно удовлетворился указаніемъ этихъ богатыхъ источниковъ и развилъ ту мысль, что въ замѣнъ печатанія различныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, по его мнѣнію, было бы лучше и полезнѣе напечатать одну общую статью объ Обществѣ въ Академическомъ календарѣ, который расходится въ 40 т. экземпляровъ. Эта мѣра, по убѣжденію Головнина, разомъ ознакомитъ огромную массу публики съ дѣломъ Общества, чего нельзя достигнуть, при посредствѣ періодическихъ изданій, не имѣющихъ такого громаднаго количества подписчиковъ, и въ то же время избавитъ Общество отъ значительныхъ расходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Головнинъ изъявилъ готовность постоянно печатать въ календаряхъ отчеты Общества, если только они будутъ доставляться заблаговременно. Князь, вѣроятно, разсчитывая, что если въ его присутствіи и при его вліяніи вопросъ о статьяхъ противъ Общества, а потомъ въ пользу Общества, такъ дурно принялся, то въ его отсутствіи онъ можетъ совершенно запутаться, вынужденъ былъ согласиться съ предложеніемъ Головнина, послѣдствіемъ котораго было дѣйствительно появленіе въ Академическомъ календарѣ 1862 г. обширной и хорошей статьи объ Обществѣ. Затѣмъ, дальнѣйшая судьба печатанія отчетовъ Общества, какъ говорится, остается уже для меня покрытою мракомъ неизвѣстности, такъ какъ, вслѣдъ затѣмъ, отношенія князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мои отношенія къ Кавказу совершенно измѣнились.

Задумалъ-ли самъ князь это измѣненіе, или сама судьба предупредила и исполнила его,—вопросъ трудный, хотя въ свое время я посвящу ему много страницъ моего слабаго произведенія. Здѣсь же достаточно сказать, что если было много данныхъ, наклоняющихъ рѣшеніе этого вопроса въ одну сторону, то было также много данныхъ, притягивающихъ это рѣшеніе въ противоположную сторону. Ясно было только одно, что князь желалъ упрочить и укрѣпить Общество всевозможными средствами.

*

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петербургъ, князь сначала жилъ въ Царскомъ Селѣ; потомъ, въ обычное время, вмѣстѣ съ дворомъ, переѣхалъ въ Гатчино, куда, по приказаніямъ его, я долженъ былъ довольно часто являться. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ, я долженъ былъ довольно долго дожидаться князя, который, какъ мнѣ сказали, былъ у государя съ докладомъ. Когда князь возвратился, то тотчасъ потребовалъ меня. Привыкнувъ на лицѣ его читать внутреннее его состояніе, я тотчасъ замѣтилъ, что состояніе это не нормально. Въ подобныхъ случаяхъ князь всегда начиналъ говорить съ какимъ-то меланхолическимъ оттѣнкомъ, какъ будто ему особенно нужно было сочувствіе преданнаго человѣка. На столѣ лежали принесенныя имъ отъ государя бумаги, тутъ же находились нѣсколько звѣздъ и лентъ, значеніе которыхъ, конечно, я не могъ понять. Князь, по обычаю, началъ какимъ-то общимъ разговоромъ о ходѣ дѣлъ, о составѣ высшаго управленія; въ словахъ его замѣтно было чувство какого-то недовольства. Сужденія его, какъ и всегда, исполнены были величайшей мудрости, и въ моемъ истинномъ, глубокомъ благоговѣніи предъ его великими государственными воззрѣніями я замѣтилъ князю: какъ было бы хорошо, если бы эти воззрѣнія были приняты въ руководство нашимъ высшимъ правительствомъ. «Что вы говорите?»—какъ-то грустно воскликнулъ князь,—вѣдь я же сижу въ Совѣтѣ министровъ, по желанію государя. Я по лицамъ ихъ вижу, что я не могу одолѣть ихъ, что они въ грошъ меня не ставятъ. Да вѣдь печатаютъ же, что изъ всѣхъ нашихъ бездарностей самый бездарный—фельдмаршалъ». Я сталъ было доказывать, что князю необходимо одолѣть свое недовѣріе къ собственнымъ силамъ, что клевета, напечатанная въ какомъ-нибудь «Колоколѣ», ругающемъ всѣхъ наповалъ, не можетъ имѣть никакого значенія; что на самыхъ высокихъ государственныхъ людей Англіи и Франціи постоянно сыпятся всевозможныя нападки и т. п.; но все это не имѣло успѣха и вовсе не дѣйствовало на князя. Какъ бы слѣдуя исключительно направленію собственныхъ своихъ мыслей, онъ продолжалъ:

— Милютинъ говоритъ, что даже нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они не признаютъ во мнѣ ничего. Вы совсѣмъ другаго круга, говоритъ онъ, и никогда къ нимъ не принадлежали; поэтому естественно, что они не признаютъ въ васъ значенія. Я, напротивъ, изъ ихъ же толпы; несмотря на это, они и на меня также постоянно нападаютъ и точно также не признаютъ и во мнѣ никакого значенія.

Передавая эти слова князя, въ возможной точности, я и тогда не понималъ объясненія Милютина, которое князь приводилъ; точно также не понимаю и теперь. Кто эти «они», которые на него нападаютъ и не признаютъ въ немъ никакого значенія? Весьма естественно, что у него могли происходить, какъ у министра, какія-нибудь дѣловыя ошибки съ своими товарищами-министрами; но онѣ никакъ не могли быть

поставлены въ параллель съ тѣмъ общимъ непріязненнымъ настроеніемъ, которое князь видѣлъ во всемъ составѣ тогдашняго высшаго управленія по отношенію къ нему. Иногда маленькія черты объясняютъ многое. Точно также и теперь, для объясненія мрачнаго настроенія князя, я приведу маленькую черту изъ внѣшняго поведенія, такъ сказать, того же маленькаго Головнина. Въ предъидущіе пріѣзды князя въ Петербургѣ, доступъ къ нему не былъ простъ и легокъ для кого бы то ни было. Я видѣлъ и многіе видѣли, что не только какой-нибудь вновь испеченный министръ, члены императорской фамиліи, почтительно ожидали въ его пріемной. Тутъ же этотъ самый Головнинъ, въ сюртукѣ, въ какихъ-нибудь сѣрыхъ штанахъ, шелъ прямо въ кабинетъ князя, проходя въ шляпѣ почти чрезъ всю пріемную, гдѣ находилось постоянно много людей. Поведеніе этого господина вообще было такъ неприлично, что у насъ, окружающихъ князя, являлась мысль остановить его при входѣ въ пріемную, или при выходѣ оттуда и «заставить снять шляпу», но она не осуществилась въ отвращеніе скандала, который могъ не понравиться князю, чего мы болѣе всего боялись; между тѣмъ мы видѣли ясно, что поведеніе Головнина, чуждое простыхъ приличій, было явно преднамѣренно. Онъ видимо хотѣлъ показать самому князю и его приближеннымъ: «вотъ, дескать, ты фельдмаршалъ, намѣстникъ Кавказа, да еще другъ государя, а я этого знать не хочу и прихожу къ тебѣ въ сюртукѣ и сѣрыхъ штанахъ». Если таково было отношеніе къ князю и другихъ господъ, на всѣхъ другихъ точкахъ, то ясно, что оно не представляло ничего сходнаго съ отношеніями, въ которыхъ находился Д. А. Милютинъ, и слова его, переданныя мнѣ княземъ, вѣроятно, были сказаны имъ, какъ нѣкое утѣшеніе, не совсѣмъ удачно приведенное.

Такое оппозиціонное настроеніе этихъ господъ, безспорно, непріятное само по себѣ для человѣка, вкусившаго уже сладость всеобщаго поклоненія, все-таки далеко было отъ того, чтобы тягаться съ силой, которую князь имѣлъ въ любви и довѣріи къ нему государя. Но кажется именно въ этотъ моментъ, въ моментъ гатчинскихъ моихъ объясненій съ княземъ, онъ замѣтилъ, что сила эта тоже начинаетъ немного колебаться. Среди этихъ объясненій, въ которыхъ князь жаловался, что онъ не можетъ «одолѣть» этихъ господъ, а я утверждалъ, что онъ непремѣнно одолѣетъ ихъ точно такъ же, какъ одолѣлъ оппозиціонныхъ представителей Кавказа, если только станетъ на твердую точку среди петербургскаго управленія, князь, вдругъ, внезапно подошелъ ко мнѣ и какъ-то таинственно сказалъ мнѣ: «знаете, что я вамъ скажу?» Послѣ минутной паузы онъ добавилъ: «Государь не утвердилъ моего доклада!» Видно было, что это обстоятельство, не привычное и не ожиданное для него, произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Я молчалъ, съ одной стороны, не зная, въ чемъ государь не утвердилъ

доклада, а съ другой, не видя ничего поразительнаго въ томъ, что государь выразилъ свое мнѣніе и остался при немъ. Чрезъ нѣсколько секундъ князь продолжалъ: «Я просилъ государя учредить звѣзды для нашего Общества; государь не согласился!» Тутъ только я понялъ значеніе кучи звѣздъ и лентъ, которыя князь носилъ государю вмѣстѣ съ своимъ докладомъ. На мои собственно глаза бѣда была еще не велика. Я тотчасъ заявилъ князю ту мысль, что государь, безъ сомнѣнія, согласится на это впослѣдствіи, когда князь приведетъ Общество въ то блестящее положеніе, которое онъ ему предназначилъ; но по всему было замѣтно, что князь пораженъ былъ не тѣмъ, что учрежденіе звѣздъ не состоялось, а тѣмъ собственно, что государь не утвердилъ его доклада. Трудно утверждать, но предполагать можно, что мнительный и подозрительный князь провидѣлъ въ этомъ фактѣ нѣкоторую связь съ тою оппозиціею, которую онъ, по собственному его выраженію, читалъ на лицахъ министровъ.

Когда мы отправились изъ Петербурга и съ трудомъ добрались до Вильны, гдѣ и совершилась передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, то и тамъ, несмотря на то, что князь былъ поглощенъ, можно сказать, сложными комбинаціями, которыя связаны были съ этимъ переворотомъ, онъ удѣлялъ значительную часть своихъ заботъ тому же Обществу. Князь Гагаринъ началъ намъ высылать туда проекты и рисунки дипломовъ и печати Общества. Мы передѣлывали эти проекты и пересылали ихъ князю Гагарину; завязалась довольно жаркая и сложная корреспонденція вслѣдствіе того, что князь Гагаринъ держался исключительно стороны художественной, а князь Александръ Ивановичъ—стороны своихъ видовъ и предположеній, что̀ представляло поводъ къ различнымъ недоумѣніямъ. Наконецъ, при самой передачѣ Кавказа великому князю, князь Александръ Ивановичъ выразилъ величайшую заботливость относительно будущности Общества.

Началъ онъ съ того, что, зная мою рѣшимость, по случаю этого переворота, не возвращаться уже на Кавказъ, онъ предпринялъ сломить это упорство. Какъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ князь и какъ дѣйствовалъ я, будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ и подробно; здѣсь же, придерживаясь собственно исторіи Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, я приведу только то, что сюда относится. Князь, послѣ общихъ разсужденій о томъ, что я, не ограничиваясь собственно семейными интересами, долженъ думать и объ интересахъ отечества,—сказалъ: «въ отношеніи различныхъ вашихъ должностей я нѣсколько безпокоюсь; ихъ можно замѣстить и другими лицами, но вы знаете, какъ много посвятили мы съ вами труда и заботъ устройству Общества. Это лучшій мой памятникъ на Кавказѣ, и вы были, можно сказать, единственнымъ моимъ сотрудникомъ. Вы только одни знаете мои виды и идеи, которыя я желалъ осуществить. Если я оставлю Кавказъ,

да и вы туда не вернетесь—все разрушится. Вы для меня должны туда возвратиться»... На мои доводы о затрудненіяхъ разнаго рода, препятствующихъ мнѣ продолжать службу на Кавказѣ, которую я и принялъ единственно по настояніямъ князя, князь сказалъ: «ну, поѣзжайте туда съ великимъ княземъ на время по крайней мѣрѣ, чтобы поддержать и установить прочно наши начала. Въ этомъ, надѣюсь, вы мнѣ не откажете»...

Трудно было бороться съ княземъ. Если личность его вообще подавляла всѣ другія личности, то на мою она имѣла особенно могущественное вліяніе. Я никогда и не умѣлъ и какъ-то не успѣвалъ высказывать предъ нимъ все, что бы хотѣлъ и что должно было. Такъ точно и тутъ. Хотя въ прошедшемъ уже были данныя, которыя ясно показали мнѣ, что обаятельный князь думаетъ исключительно о своихъ интересахъ, а о моихъ или вовсе не думаетъ, или думаетъ очень, очень мало, и хотя при этомъ сознаніи я имѣлъ твердую рѣшимость не поддаваться многорѣчивымъ убѣжденіямъ ѣхать на Кавказъ, чтобы подчинять тамъ себя совершенно новому начальству, которое меня не знало и котораго я не зналъ, тѣмъ не менѣе я не могъ устоять противу настояній князя и какъ-то смутно выразилъ согласіе вернуться на Кавказъ только на время. Надо замѣтить, что я уже, кажется, замѣтилъ выше, что между княземъ и моею женою шла постоянная борьба за мою личность: одинъ тянулъ меня постоянно на Кавказъ, а другая въ Петербургъ. Князь зналъ, что жена моя за это его ненавидитъ; она знала, что и онъ ее недолюбливалъ. Эта интересная борьба въ свое время выступитъ на сцену; здѣсь же достаточно сказать, что жена слѣдила съ живѣйшимъ интересомъ за совершающимся въ Вильнѣ переворотомъ и благодарила уже Бога, что, отзывая князя съ Кавказа, Онъ посылаетъ и намъ неизреченную милость и развязываетъ меня разомъ и съ княземъ, и съ Кавказомъ. Какъ я ни старался въ письмахъ къ ней смягчить результатъ нашихъ переговоровъ съ княземъ, указывая преимущественно на временный только характеръ новой поѣздки моей на Кавказъ и на совершенную невозможность дальнѣйшимъ моимъ упорствомъ разорвать окончательно и навсегда всѣ свои отношенія съ княземъ, отвѣтъ ея былъ исполненъ невообразимаго, по силѣ и энергіи, протеста. Дѣлать было однако нечего.

Къ величайшему счастію, у князя образовалась привычка читать всѣ письма, какія я получалъ въ этотъ періодъ изъ Петербурга. Съ одной стороны любопытство, что говорятъ тамъ о немъ, а съ другой праздность и скука, въ которой онъ преимущественно пребывалъ въ Вильнѣ, были вѣроятною тому причиною. Какъ-то однажды онъ спросилъ: «что вамъ пишутъ изъ Петербурга?» Я прочиталъ ему какой-то отрывокъ изъ какого-то письма. На другой день опять тотъ же вопросъ, и когда я отвѣчалъ, что есть письмо отъ жены, но мало инте-

ресное, князь сказалъ: «прочитайте, если можно». Я прочиталъ. Такъ какъ у меня съ женой въ это время шла самая жаркая переписка, то князь, привыкнувъ къ тѣмъ днямъ, въ которые я получалъ письма изъ Петербурга, самъ уже призывалъ меня и спрашивалъ: «есть письма?» Я отвѣчалъ, что есть, да читать нельзя. И, дѣйствительно, не зная вовсе этого порядка, жена нисколько не церемонилась въ отношеніи князя и высказывала многія горькія для него истины. «Ничего»,—отвѣчалъ князь,—«читайте! Я вѣдь знаю, что жена ваша ненавидитъ меня». И я читалъ. Когда во время чтенія наткнешься на слишкомъ уже сильныя фразы и постараешься какъ-нибудь перескочить черезъ нихъ, князь замѣчалъ это и капризно говорилъ: «Боже мой! да читайте все; что вы тамъ сочиняете?» Между прочимъ было одно письмо просто невозможное для чтенія князю, что̀ я и заявилъ ему на обычный его вопросъ. «Да прочитайте, прошу васъ; что вы нѣжничаете со мною, какъ съ барышней; развѣ вы меня не знаете!» Я долженъ былъ прочитать и это письмо.

Безошибочно можно сказать, что оно произвело на князя сильное впечатлѣніе и повернуло дѣло. На другой или на третій день, утромъ, онъ призываетъ меня къ себѣ: «ну, я вижу, что съ вами ничего не подѣлаешь. Жена совершенно завладѣла вами. Вы просто у ней подъ башмакомъ»,—шутливо началъ говорить князь,—«ну, оставайтесь, Богъ съ вами; давайте подумаемъ, какъ устроить Общество. Какъ вы полагаете, что если съ одной стороны Ба—ей, а съ другой Пурцеладзе, взятые вмѣстѣ»... Князь видимо затруднялся выразить свою мысль, и потому я прервалъ его словами: «Ваше сіятельство желаете знать, могутъ-ли Ба—ей и Пурцеладзе, взятые вмѣстѣ, замѣнить меня?» «Ну да! да!»—живо отвѣчалъ князь. «Не могутъ»—рѣшительно сказалъ я. «Ба—ей, при всей его учености, мало дѣловитъ, въ чемъ онъ и самъ сознается. Поэтому онъ не можетъ быть хорошимъ докладчикомъ и руководителемъ, однимъ словомъ—центромъ дѣлъ Общества. Кромѣ того онъ со всѣми членами Общества перессорился. Экзархъ его ненавидитъ; Фадѣевъ тоже»... «Правда, правда!»,—замѣтилъ князь. «Пудцеладзе»,—продолжалъ я,—«напротивъ очень дѣловитъ, но онъ хорошъ какъ работникъ, и не имѣетъ ни способности, ни опытности для высшаго положенія какъ докладчика; кромѣ того Ба—ей и не дастъ ему хода»... «Правда, правда»,—снова замѣтилъ князь,—«да кого же вы думаете назначить на это мѣсто?»—спросилъ князь. «Позвольте подумать, ваше сіятельство».—отвѣчалъ я. Вслѣдъ затѣмъ я представилъ ему двухъ или трехъ кандидатовъ; но они почему-то не понравились князю, а пока я пріискивалъ четвертаго—пріѣхалъ въ Вильно великій князь Михаилъ Николаевичъ уже въ качествѣ намѣстника кавказскаго, а я остался при великомъ князѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ 1849 года.

Въ «Русской Старинѣ» 1887 года, № 12, въ статьѣ Н. М. Колмакова «Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ», на 758 стран., почтенный авторъ, передавая о натянутыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между графомъ Панинымъ и Михаиломъ Николаевичевъ Муравьевымъ (впослѣдствіи графъ), говоритъ о желаніи послѣдняго, какъ завѣдывающаго межевою частью въ Имперіи, избавиться отъ подчиненія министру юстиціи, къ чему Муравьевъ «принималъ разныя мѣры, къ числу которыхъ относится и то, что межевой корпусъ получилъ военное устройство». По словамъ г. Колмакова, это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ бытность въ Москвѣ императора Николая Павловича въ концѣ 40-хъ годовъ, Муравьевъ, какъ директоръ межеваго корпуса, успѣлъ показать государю Константиновскій институтъ въ отличномъ видѣ, чѣмъ государь остался доволенъ, При этомъ Муравьевъ успѣлъ убѣдить государя, что корпусу не достаетъ одного — военнаго устройства. Разсказъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ и требуетъ разъясненія. Авторъ, живя въ Петербургѣ, вѣроятно слышалъ этотъ разсказъ не изъ первыхъ рукъ и со словъ другихъ помѣстилъ его въ свою статью. Мнѣ, какъ бывшему воспитаннику Константиновскаго межеваго института, почти современнику преобразованія межеваго корпуса, извѣстенъ поводъ преобразованія института и корпуса въ военное устройство. Начать съ того, что Муравьевъ никогда не назывался директоромъ ни корпуса, ни института, а былъ управляющимъ и попечителемъ межеваго института. Директоромъ же института, въ концѣ 40-хъ годовъ, былъ Николай Павловичъ Смецкій, прежде служившій ротнымъ командиромъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ,— человѣкъ до педантизма любившій во всемъ порядокъ и нѣмецкую чистоту, строгій къ себѣ и другимъ, но крайне справедливый, ненавидящій ложь и неправду. Онъ и никто другой былъ причиною преобразованія института. Со времени учрежденія этого заведенія до лѣта 1849 года никто изъ государей не посѣщалъ института. Въ концѣ августа этого года, императоръ Николай, проѣзжая изъ Лефортова по старой Басманной улицѣ, замѣтилъ на парадномъ крыльцѣ института браваго

швейцара—отставнаго гвардейца, отдающаго ему честь. Взглянувши на верхъ, государь увидѣлъ вывѣску института, и ему захотѣлось взглянуть на неизвѣстное, до этого времени, заведеніе. Остановивъ экипажъ, онъ, быстрыми шагами, вбѣжалъ на верхъ прямо въ рекреаціонныя залы, гдѣ, въ то время по окончаніи классовъ, находились воспитанники съ своими наставниками,—вовсе не ожидавшіе такого высокаго посѣтителя. По счастію директоръ былъ въ зданіи и немедленно явился передъ государемъ. Бодрый и веселый видъ воспитанниковъ, прекрасныя залы и другія помѣщенія, вездѣ необыкновенный порядокъ и чистота, произвели впечатлѣніе и вызвали полное одобреніе государя, который въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ директора, разговаривалъ съ дѣтьми и въ заключеніе замѣтилъ, что не нашелъ такого порядка въ кадетскихъ корпусахъ. На это директоръ Смецкій сказалъ: что если было бы дано институту военное устройство, то можно было бы надѣяться представить въ будущемъ институтъ еще въ лучшемъ видѣ. Государь тутъ же обѣщалъ дать институту всѣ права военно-учебнаго заведенія наравнѣ съ институтами: путей сообщенія, горнаго и лѣснаго. Осмотръ продолжался болѣе получаса, при чемъ государь заглянулъ на дворъ, заходилъ въ больницы, въ садъ и осмотрѣлъ все до послѣдней мелочи и всѣмъ остался доволенъ. На прощанье поцѣловалъ директора и, сопровождаемый воспитанниками въ неописанномъ восторгѣ съ криками «ура», выбѣжавшими всею гурьбою провожать его на улицу,—сѣлъ въ коляску, гдѣ долго раскланивался съ провожавшими. Впечатлѣніе этого высокаго посѣщенія долго жило въ сердцахъ и до сихъ поръ вспоминается современниками. Дальнѣйшій ходъ преобразованія намъ неизвѣстенъ; по всей вѣроятности, когда дѣлу объ устройствѣ института на правахъ военно-учебнаго заведенія данъ былъ по волѣ государя ходъ, то возникъ вопросъ о преобразованіи всѣхъ межевыхъ чиновъ, и при этомъ все дѣло велось Муравьевымъ, какъ управляющимъ межевою частью въ Имперіи. При посѣщеніи же государемъ въ 1849 году Константиновскаго межеваго института, достовѣрно извѣстно, что Муравьева не было, а слѣдовательно института онъ не могъ показывать. Считаю въ заключеніе нужнымъ добавить, что бывшее помѣщеніе института на старой Басманной было устроено прежнимъ его владѣльцемъ княземъ А. Б. Куракинымъ, со всею роскошью и прихотями вельможи XVIII столѣтія. Порядокъ во всемъ и вездѣ соблюдался во все время управленія директора Смецкаго, который, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ. знавшихъ его, вынужденъ былъ выйдти въ отставку въ 1856 году въ чинѣ генералъ-маіора.

Викторинъ Павловъ.

Копія.

Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія. Октября 23-го дня 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова.

XII. Представленіе хозяйственнаго комитета главнаго училищъ правленія отъ 2-го сентября № 1461, о томъ, что въ слѣдствіе опредѣленія главнаго правленія училищъ 26-го іюня, сносился оный съ госпожею Фелькнеръ въ разсужденіи продажи въ казну принадлежащаго ей дворового человѣка Якова Степанова, разумѣющаго типографское наборное искусство. Госпожа Фелькнеръ на сіе отвѣтствовала, что она согласна продать его въ казну за двѣ тысячи рублей, за ту же самую цѣну, каковая взимается казною за рекрута, то есть необразованнаго крестьянина. Наборщикъ Яковъ Степановъ былъ испытанъ въ искусствѣ своемъ факторомъ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, который донесъ, что хотя онъ имѣетъ первоначальныя только познанія, но что онъ замѣтилъ въ немъ расположеніе и охоту къ усовершенію себя, хорошее поведеніе и благонравіе, почему и думаетъ, что пріобрѣтеніе его можетъ впредь быть очень полезно для типографіи. Въ послѣдствіи времени по рекомендаціи фактора и по недостаточному числу наборщиковъ, принятъ онъ къ типографіи съ платою по добровольному условію, по 25 р. въ мѣсяцъ. Управляющій же типографіею донесъ Комитету, что со времени принятія сего наборщика къ типографіи, онъ не замѣтилъ въ его поведеніи ничего, кромѣ похвалы достойнаго. Комитетъ, уважая свидѣтельство управляющаго типографіею и фактора и находя цѣну, просимую госпожею Фелькнеръ, умѣренною, мнѣніемъ полагаетъ: наборщика Якова Степанова пріобрѣсти покупкою за двѣ тысячи рублей.

Вѣрно: Вице-директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Эзовъ.
Съ подлиннымъ свѣрялъ: Дѣлопроизводитель М. Новицкій.

№ 3443.

Сія выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ, отъ 23-го октября 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова, выдана изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ казенной печати, дочери бывшаго печатника Якова Степанова, Маріи Степановой, вслѣдствіе ея прошенія. Причитающійся гербовый сборъ уплаченъ. С.-Петербургъ, марта 14-го дня 1883 г.

Вице-директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Эзовъ.
(М. П.)

Дѣлопроизводитель М. Новицкій.

The missing pages were removed by the Censor — again provided in 1905 No. 2

Тарговицкая конфедерація [1]).

I.

Въ первыхъ числахъ марта 1792 г., ровно за два мѣсяца до вступленія въ Польшу русскихъ войскъ, посланныхъ Екатериною II для возстановленія порядка, нарушеннаго конституціей 3-го мая 1791 г. [2]), въ Петербургъ прибыли «недовольные» конституціей польскіе магнаты, для свиданія съ императрицей и ходатайства у нея о помощи въ ихъ борьбѣ съ утвердившеюся въ Варшавѣ новою формою правленія.

На берегахъ Невы зародилась, такимъ образомъ, конфедерація, прозванная Тарговицкой, по мѣсту, гдѣ заложили свой станъ конфедераты 7-го (18-го) мая, въ тотъ день, когда русскія войска переступили границу Рѣчи Посполитой.

Конфедераціи, какъ средство борьбы «недовольныхъ» съ существующимъ правительствомъ, издавна были въ Польшѣ явленіемъ столь обычнымъ, что установилось даже понятіе, будто конфедерація не есть бунтъ, а вполнѣ легальное и справедливое явленіе политической жизни.

«Появляясь въ Рѣчи Посполитой, конфедерація считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала ото всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, отъ войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ;

---

[1]) Władysław Smoléński. „Konfederacya Targowicka". Kraków. 1903. Костомаровъ. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой". Соловьевъ. „Исторія паденія Польши".

[2]) См. „Конституція 3-го мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи". „Рус. Стар.", іюнь 1904 г.

при такомъ взглядѣ, весьма естественно, исчезало различіе между законною властью и мятежнымъ скопищемъ» [1]).

Творцами Тарговицкой конфедераціи, которая была устроена по общему образцу, существовавшему въ давнія времена, были: генералъ-артиллеріи Станиславъ (Щенсный) Потоцкій, польный гетманъ Северинъ Ржевусскій, генералъ-маіоръ польской службы Симонъ Косаковскій и великій гетманъ Францискъ-Ксаверій Браницкій, вокругъ которыхъ группировалось нѣсколько второстепенныхъ лицъ.

Для характеристики дѣятелей конфедераціи, не безъинтересно будетъ ознакомиться вкратцѣ съ ихъ прошлымъ.

Станиславъ-Щенсный Потоцкій женился совсѣмъ юношей, по любви и противъ воли отца, и, лишившись жены, когда ему не было и двадцати лѣтъ, былъ такъ потрясенъ этой потерею, что впалъ въ меланхолію, почти лишился разсудка и не могъ до конца жизни оправиться отъ этого недуга; былъ всегда задумчивъ, разсѣянъ и ко многому равнодушенъ.

Человѣкъ мало развитой и довольно лѣнивый, онъ не задавался обширными планами, но сосредоточивался обыкновенно на одномъ предметѣ; руководствовался въ своихъ поступкахъ семейными традиціями и, главнымъ образомъ, личной выгодою и тщеславіемъ, былъ доступенъ похваламъ и лести и легко поддавался совѣтамъ близкихъ ему людей, при чемъ наибольшее вліяніе имѣли на него не столько умные и доброжелательные люди, сколько низкопоклонные.

Отъ природы добрый и мягкій, онъ становился упрямъ и запальчивъ, когда имъ овладѣвала какая-нибудь мысль, которую онъ отстаивалъ обыкновенно съ упорствомъ маніака. Отказаться отъ высказаннаго однажды мнѣнія не позволяло ему тщеславіе, которое было развито въ немъ до болѣзненности.

Послѣ перваго раздѣла Польши, когда странѣ нужны были люди для дѣятельности на общественномъ поприщѣ, Потоцкій не заявилъ себя ничѣмъ. Въ то время онъ былъ занятъ, главнымъ образомъ, увеличеніемъ своего состоянія. Управляя своими обширными помѣстьями въ Украйнѣ, которыя занимали вмѣстѣ съ его староствами 3.000.000 морговъ, и гдѣ жило 130.000 крестьянъ, онъ руководствовался не столько передовыми взглядами, сколько узкими своекорыстными цѣлями и поэтому смотрѣлъ съ опасеніемъ на сосѣднія русскія земли, гдѣ помѣщики, заботясь о заселеніи своихъ земель, давали переселенцамъ всевозможныя привилегіи и льготы. Желая удержать своихъ крестьянъ отъ переселенія, Потоцкій убавилъ имъ барщину, довольствуясь двѣ-

---

[1]) Костомаровъ, 465.

надцатью грошами чинша за рабочій день, и прослылъ такимъ образомъ благодѣтелемъ народа.

Слава его возросла еще болѣе въ 1784 г., когда онъ подарилъ Рѣчи Посполитой 24 орудія съ запряжкою и снарядилъ отрядъ въ 400 человѣкъ пѣхоты, которыхъ онъ обязался содержать на свой собственный счетъ. Его превозносили за это пожертвованіе въ печати и въ рѣчахъ, которыя произносились на сеймѣ.

Въ 1786 г. Щенсному снова воздавались публично похвалы за усмиреніе крестьянскаго бунта въ Украйнѣ и за помощь, оказанную народу во время чумы.

Такимъ образомъ онъ заслужилъ славу человѣка добродѣтельнаго и безупречнаго.

Въ 1788 году Потоцкій принялъ въ качествѣ посла Брацлавскаго воеводства участіе въ засѣданіяхъ сейма, съ цѣлью пропагандировать мысль о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Россіей, съ которой его связывали интересы имущественные и нравственные. Въ союзѣ Польши съ Россіей, которая вела въ то время войну съ Турціей, онъ видѣлъ не только безопасность своихъ украинскихъ владѣній, но также и средство обогатиться, поставляя продовольствіе для императорской арміи. Нравственно Щенснаго связывали съ Россіей льстивыя увѣренія, которыя императрица расточала ему, послѣ свиданія съ нимъ въ Каневѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, подавая ему, между прочимъ, надежду получить по смерти Станислава-Августа польскую корону. Когда большая часть сейма, подъ вліяніемъ Пруссіи, выразила желаніе освободиться отъ опеки Россіи, Щенсный, возмущенный этимъ, уѣхалъ изъ Варшавы, а вслѣдъ затѣмъ и изъ Польши. Обнародованіе конституціи 3-го мая побудило его вступить сначала тайно, а затѣмъ открыто въ сношеніе съ Россіей.

Мнѣніе поляковъ о гражданскихъ доблестяхъ Щенснаго было такъ велико, что его не могло поколебать даже извѣстіе о тайныхъ сношеніяхъ, которыя Потоцкій имѣлъ съ Безбородко въ Яссахъ.

«Я не могу себѣ представить,—писалъ королю епископъ Каменецкій,—чтобы генералъ Потоцкій хотѣлъ видѣть отечество объятое огнемъ и пламенемъ. Я всегда зналъ его за человѣка въ высокой степени честнаго и увѣренъ, что онъ не приметъ участія ни въ какихъ недостойныхъ происках; но кто поручится, что Москва не постарается найти въ лицѣ его втораго Понинскаго» [1]).

Роль, которую старикъ-епископъ предназначалъ второму Понин-

---

[1]) Письмо отъ 16-го (27-го) января 1792 г. (Рукоп. арх. кн. Чарторыйск., № 928).

скому [1]), принялъ на себя «добродѣтельный» Потоцкій. Его влекло въ Петербургъ желаніе удовлетворить свои оскорбленныя чувства и тщеславіе, возбужденное лестью императрицы.

Въ этомъ поддерживалъ его польный гетманъ Ржевусскій.

Когда, въ 1788 г., князь Потемкинъ, говоря о полякахъ, которые были готовы помочь Россіи въ войнѣ съ турками, назвалъ Ржевусскаго, то императрица спросила его: не тотъ-ли это Ржевусскій, который былъ арестованъ въ 1767 г. и содержался въ Калугѣ? Если это онъ,—прибавила она,—то на него трудно разсчитывать».

Дѣйствительно, кто бы могъ думать, что Северинъ Ржевусскій предложитъ свои услуги правительству, по повелѣнію котораго онъ былъ арестованъ въ ночь съ 13-го на 14-е октября 1767 г. и сосланъ въ Калугу, гдѣ онъ провелъ безвыѣздно пять лѣтъ.

По возвращеніи въ 1773 году въ отечество, онъ питалъ непримиримую ненависть и злобу къ Россіи.

«Слава Богу, — писалъ онъ подольскому воеводѣ Замойскому,— продолжительное пребываніе въ суровой неволѣ не убило во мнѣ любви къ нашей вѣрѣ и къ польской вольности. Я возвратился въ свое отечество тѣмъ же, какимъ былъ ранѣе; угнетеніе, которое мнѣ довелось испытать такъ долго, послужило лишь къ тому, что моя любовь къ отечеству и моя невинность воспылали еще ярче.... Я буду всегда дѣйствовать заодно съ тѣми, кои будутъ работать для блага отечества, и никогда не буду помогать тѣмъ, кто захочетъ дѣйствовать противъ него. Я научился у отца носить съ честью имя поляка и не могу мыслить иначе».

Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимою мечтою было поднять Польшу и за возвращеніе отнятыхъ земель произвести всеобщую войну. Онъ заводилъ тайные клубы, съ цѣлью образовать заговоръ, и вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи.

«Гордый и необузданный въ страстяхъ, самолюбивый, впечатлительный, пылкій и неразсудительный,—онъ былъ всегда готовъ увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своекорыстіе». Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе униженія, которое постигло носимый имъ санъ польнаго гетмана, послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго и Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ для этого же дѣла опирался на ея помощь.

[1]) Адамъ Понинскій польскій политическій дѣятель († 1798 г.). Во время Барской конфедераціи хотѣлъ стать на сторону короля, во главѣ реконфедераціи, но не успѣлъ выполнить этого плана. Въ качествѣ великаго коронаго маршала съ 1773—1775 гг. управлялъ краемъ какъ дактаторъ.

Рѣчь Посполитая щедро вознаградила Ржевусскаго за пятилѣтнее томительное изгнаніе, отдавъ въ его владѣніе Ковельское староство на Волыни, въ которое входило три города и 30 селъ; его отцу была дана гетманская булава, а ему самому—званіе польнаго гетмана. Отецъ передалъ булаву Бранницкому и удалился отъ дѣлъ; сынъ же поставилъ себѣ цѣлью защищать свободу народа или, лучше сказать, добиваться всѣми силами усиленія гетманской власти.

По мнѣнію Ржевусскаго, всякій патріотъ обязанъ защищать ту форму правленія, при которой онъ родился.

«Кого судьба бросила въ монархію, пусть живетъ въ ней спокойно,—говорилъ онъ,—такъ какъ монархія имѣетъ для многихъ свои преимущества. Но тотъ, кто родился свободнымъ, долженъ и умереть свободнымъ; только выродокъ можетъ пожелать лишиться свободы; измѣнникомъ отечества былъ бы тотъ, кто захотѣлъ бы лишить свободы и другихъ».

Сперва Ржевусскій боролся перомъ противъ мысли о необходимости для Польши наслѣдственнаго правленія и издалъ съ этой цѣлью рядъ брошюръ. Хотя онъ и признавалъ въ душѣ, что наслѣдственность престола усилила бы могущество Польши, сдѣлала бы ее государствомъ независимымъ и грознымъ для сосѣдей, однако онъ не хотѣлъ чтобы престолъ былъ наслѣдственнымъ, увѣренный въ томъ, что усиленіе Польши встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны сосѣднихъ державъ.

«Наслѣдственность польскаго престола не можетъ быть утверждена безъ кровопролитной и продолжительной войны,—говорилъ онъ.—Европа обагрится скорѣе кровью, нежели сосѣднія съ Польшею державы согласятся добровольно на то, чтобы польскій престолъ сдѣлался наслѣдственнымъ. Перемѣна формы правленія, происшедшая въ Польшѣ касается ихъ слишкомъ близко и угрожаетъ ихъ спокойствію, поэтому они не преминутъ воспрепятствовать ей, или же, давъ ей утвердиться, постараются ниспровергнуть ее».

«Въ полякахъ еще не угасла любовь къ свободѣ; многіе изъ нихъ считаютъ по-прежнему свободное избраніе короля краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется народная вольность. Они не могутъ смотрѣть равнодушно на наслѣдственность престола: почувствовавъ, что они утратили свободу, они возьмутся, быть можетъ, за оружіе».

Ржевусскій прельстилъ ограниченнаго Потоцкаго, рисуя ему заманчивый политическій идеалъ будущаго. Ему было не трудно склонить его на свою сторону, тѣмъ болѣе, что онъ предоставилъ Потоцкому главную роль въ дѣлѣ спасенія отечества, взявъ на себя роль совѣтника и безкорыстнаго участника. Вообще, Ржевусскій имѣлъ обыкновеніе скрываться за спиною другихъ и дѣйствовать исподтишка.

Потоцкій не только усвоилъ его политическіе взгляды, но даже самый способъ его мышленія; онъ сталъ даже подражать слогу гетмана и ссылался на его доказательства и доводы.

Современники отлично знали, какое огромное вліяніе имѣлъ Ржевусскій на Потоцкаго. Король даже послалъ нарочно въ Вѣну Станислава Потоцкаго, поручивъ ему вырвать Щенснаго изъ подъ опеки гетмана. Этимъ объясняется, почему во время преній, вызванныхъ на сеймѣ пребываніемъ «недовольныхъ» пановъ въ русскомъ лагерѣ, гнѣвъ патріотовъ обрушился, главнымъ образомъ, на Ржевусскаго, который, по ихъ мнѣнію, подстрекалъ ко всему Щенснаго.

Безупречная слава, которой пользовался Потоцкій, не позволяла осудить его.

Въ Яссахъ Потоцкій и Ржевусскій встрѣтились съ Симономъ Косаковскимъ, который уже въ 1790 г. былъ предназначенъ для той роли, которую они взяли на себя послѣ провозглашенія конституціи 3-го мая.

Во время Барской конфедераціи, Косаковскій, подъ предлогомъ преслѣдованія русскихъ, производилъ въ Литвѣ грабежи; послѣ перваго раздѣла Польши онъ поступилъ въ ряды польской арміи, неоднократно былъ посломъ на сеймѣ и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, епископомъ инфляндскимъ, находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ, и въ то время, какъ епископъ получалъ ежегодно изъ русскаго посольства 1.500 дукатовъ секретной пенсіи, Симонъ Косаковскій выразилъ желаніе служить въ рядахъ русскаго войска.

Князь Потемкинъ рекомендовалъ его императрицѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

«Польской службы генералъ-маіора Косаковскаго, въ разсужденіи вашего объ немъ свидѣтельства, позволяемъ принять въ армію нашу бригадиромъ, считая старшинствомъ въ семъ чинѣ съ того времени, какъ онъ въ генералъ-маіоры пожалованъ»,—отвѣчала на ходатайство Потемкина Екатерина [1]).

Отклоняясь королю передъ отъѣздомъ въ русскую армію, Косаковскій далъ слово, что «ежели, чего Боже упаси, дѣло дойдетъ до непріязненныхъ дѣйствій между Москвою и Польшею, то онъ оставитъ русскую службу» [2]).

---

[1]) Потемкинъ—императрицѣ 10-го (21-го) марта 1790 г. (Бумаги князя Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго. Спб. 1895, стр. 14). Рескриптъ императрицы Потемкину 8-го (19-го) апрѣля 1790 г. (Сборникъ ист. общ., т. 42, стр. 73).

[2]) Король—Деболи 14-го (25-го) апрѣля 1792. (Popiel. Powstanie i upadek konstytucie 3-go maja. Kraków, 1891, стр. 68).

Отправляясь въ Яссы къ Потемкину, онъ уже зналъ себѣ цѣну, какъ видно изъ письма Булгакова къ генералу Каховскому:

«Поведеніе его, я думаю, по пріѣздѣ къ вамъ, удивитъ васъ,—писалъ русскій посланникъ. Онъ, думаю, вовсе не имѣетъ въ головѣ быть въ нашей службѣ, если не быть первымъ по князѣ человѣкомъ» [1]).

Хотя Косаковскій и не сдѣлался первымъ, по Потемкинѣ, человѣкомъ, но онъ былъ вскорѣ произведенъ въ генералъ-поручики и съумѣлъ сдѣлаться нужнымъ человѣкомъ при Петербургскомъ дворѣ, не говоря уже о томъ, что онъ былъ аттестованъ Потоцкимъ какъ «человѣкъ, могущій играть большую роль въ Польшѣ», и съумѣлъ снискать расположеніе Платона Зубова, вѣдавшаго дѣла польскія вмѣстѣ съ Аркадіемъ Ивановичемъ Морковымъ. Въ Петербургѣ Косаковскаго считали вѣрноподданнымъ императрицы, хотя онъ не выразилъ ничѣмъ публично своего враждебнаго отношенія къ конституціи 3-го мая; его неодобреніе къ новому порядку вещей, установившемуся въ Польшѣ, проявилось только въ томъ, что онъ не былъ съ визитомъ у польскаго посланника при Петербургскомъ дворѣ—Деболи. Готовясь выступить съ своимъ корпусомъ къ польской границѣ, онъ объяснялъ это движеніе Станиславу-Августу чрезъ посредство своего младшаго брата, воеводы витебскаго, тѣмъ, что онъ рѣшилъ расположиться на квартирахъ въ Полоцкѣ, чтобы быть ближе къ своимъ литовскимъ помѣстьямъ [2]). Двуличностью, которая составляла отличительную черту Косаковскихъ, превосходилъ его только одинъ епископъ инфляндскій А въ отношеніи нахальства, грубости и цинизма ему не было подобнаго.

Таковы были, по отзывамъ современниковъ, главные дѣятели Таговицкой конфедераціи.

Въ половинѣ марта къ Потоцкому и Ржевускому присоединился гетманъ Браницкій, который получилъ трехмѣсячный отпускъ, давъ королю честное слово и письменное обязательство въ томъ, что онъ останется вѣренъ конституціи и возвратится въ Варшаву по первому требованію Рѣчи Посполитой. Хотя въ Петербургѣ не особенно полагались на него, зная его непостоянство, тѣмъ не менѣе желали, чтобы онъ пріѣхалъ, принимая во вниманіе занимаемое имъ въ Польшѣ высокое оффиціальное положеніе, но, впрочемъ, не возлагали надеждъ на его инициативу и на правильность его сужденія. Для Потоцкаго онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи помѣхою, но въ глазахъ Ржевускаго имѣлъ большое значеніе, какъ единомышленникъ въ его домогатель-

---

[1]) „Рус. Арх." 1865, стр. 553.

[2]) Король—Деболи 14-го (25-го) апрѣля. (Popiel, стр. 68).

ствахъ объ усиленіи гетманской власти. При переговорахъ «недовольныхъ» съ Петербургскимъ дворомъ Браницкій не игралъ никакой роли, тѣмъ болѣе, что со смертью Потемкина онъ лишился связей и утратилъ свое значеніе.

Кромѣ этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Петербургъ пріѣхали одновременно съ ними: каштелянъ перемышльскій князь Антоній Четвертинскій, кавалеръ польскихъ орденовъ Юрій Вѣльгорскій, червоноградскій хорунжій Антоній Злотницкій, брацлавскій хорунжій Адамъ Мощенскій, владимірскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польской булавы Михаилъ Кобылецкій, воевода подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишекъ Гулевичъ и Томашевскій.

Мощенскій, Свѣйковскій, Злотницкій, Загорскій и Сухоржевскій были послами на послѣднемъ сеймѣ.

Всѣ эти господа были люди близкіе къ Потоцкому. Мать Гулевича была нѣкогда камерфрейлиной у его матери, его отецъ управлялъ имѣніемъ Потоцкаго Гуманщизной, а онъ самъ сопровождалъ Щенснаго въ его путешествіяхъ за границу. Мощенскій управлялъ имѣніями Потоцкаго и вмѣстѣ съ Томашевскимъ, который жилъ постоянно въ Тульчинѣ, имѣлъ большое вліяніе на Потоцкаго. Свѣйковскій, сестра котораго была замужемъ за Мощенскимъ, Злотницкій и Загорскій подслуживались къ Потоцкому, для достиженія своихъ личныхъ служебныхъ и матеріальныхъ выгодъ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Тульчину состоялъ также Вѣльгорскій, бывшій польный литовскій писарь, давно уже знакомый петербургскому свѣту.

Ржевусскій привлекъ съ собою въ Петербургъ только одного близкаго къ нему человѣка—Кобылецкаго, который былъ въ чинѣ полковника, но служилъ въ имѣніи гетмана. Къ ихъ компаніи принадлежалъ также Сухоржевскій; онъ не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ цѣлей; но, страстный поклонникъ старинныхъ республиканскихъ учрежденій, былъ еще болѣе ярымъ противникомъ наслѣдственности престола, нежели самъ Потоцкій и Ржевусскій.

Потоцкій продолжалъ по-прежнему титуловаться генераломъ-артиллеріи, хотя сеймъ лишилъ его этого званія, а Ржевусскій подписывался гетманомъ, несмотря на то, что это званіе было уничтожено.

«Какъ ихъ не принять?»,—сказала Екатерина II, когда ей доложили о пріѣздѣ Потоцкаго и Ржевусскаго. «Одинъ тридцать лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой изъ непріятеля сдѣлался, по обстоятельствамъ, намъ другъ, потому что республика не можетъ устоять безъ Россіи» [1]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 86.

Потоцкому и Ржевусскому было отведено помѣщеніе во дворцѣ; Браницкій съ женою занялъ аппартаменты князя Потемкина. Всѣ они, вмѣстѣ съ Симономъ Косаковскимъ, бывали ежедневно на малыхъ пріемахъ у императрицы; Платонъ Зубовъ относился къ нимъ съ довѣріемъ; сановники угощали ихъ роскошными обѣдами.

Русскіе министры часто совѣщались съ польскими панами; но императрица и П. А. Зубовъ нерѣдко бесѣдовали съ ними и наединѣ, и на эти тайныя совѣщанія не приглашались даже гр. Безбородко и вице-канцлеръ Остерманъ. Императрицу особенно интересовали жалобы польскихъ магнатовъ на сеймъ и ихъ разсказы о томъ, что въ Варшавѣ усиливается якобинскій духъ. Въ началѣ апрѣля въ кругу императрицы разсказывали, будто Станиславъ-Августъ, желая организовать въ Варшавѣ клубъ якобинцевъ, пригласилъ изъ Парижа итальянца Массеи (Mazzei), который, будто-бы, бился объ закладъ, что императрица будетъ вскорѣ убита. Петербургское общество относилось къ полякамъ недоброжелательно, опасаясь, что они вовлекутъ своими интригами Россію въ новую войну; имъ ставили въ укоръ, что они прибѣгали къ иноземной помощи противъ своего собственнаго отечества; но поляки, имѣя надежду достигнуть своей цѣли, подкупленные любезнымъ пріемомъ, который былъ имъ оказанъ при дворѣ, продолжали дѣйствовать въ томъ же духѣ.

По мнѣнію императрицы, ея министрамъ надлежало выработать совмѣстно съ польскими панами республиканскую форму правленія и обезпечить ее новымъ трактатомъ, который замѣнилъ бы прежній договоръ, уничтоженный послѣднимъ сеймомъ.

«Мы признаемъ,—писала Екатерина графу Безбородко,—одну республику, съ нею дѣло общее имѣемъ противу революціи, въ томъ обязаны трактатами, съ нею заключенными, кои свято и ненарушимо содержать желаемъ, яко дружественнѣйшій поступокъ, который ей оказать можемъ; всякъ же, съ нами одномыслящій, будетъ намъ другъ, такъ какъ разномыслящій съ нами будетъ намъ и республикѣ противящимся» [1]).

И дѣйствительно, результатомъ совѣщаній петербургскихъ министровъ съ польскими панами явился выработанный проектъ новаго правленія Польши, которое должно было замѣнить конституцію 3-го мая; кромѣ того былъ выработанъ планъ дѣйствій «недовольныхъ» совмѣстно съ русской арміей.

Будущая польская конституція должна была состоять изъ двадцати трехъ пунктовъ, изъ коихъ важнѣйшими были нижеслѣдующіе:

Чтобы ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какія времена не до-

---

[1]) Екатерина—Безбородкѣ, безъ даты. (Сборникъ ист. общ., т. 42, стр. 253, 254).

пускалось предлагать или учреждать престолонаслѣдіе, подъ страхомъ строжайшаго наказанія.

Чтобы равномѣрно запрещено было подъ страхомъ таковаго же наказанія избирать преемника королю во время его жизни.

Чтобы всѣ верховныя права, утвержденныя вторымъ актомъ, отдѣльно отъ трактата, заключеннаго въ 1768 г. между Россіей и Польшей, были подтверждены и возобновлены, и преимущественно статья 21-я этого акта.

Чтобы преимущества должностей высшихъ генераловъ были возстановлены въ томъ видѣ, какъ было въ 1717 году, или въ царствованіе Августа III, какъ необходимый противовѣсъ королевской власти.

Чтобы все, что было утверждено на послѣднемъ сеймѣ ко вреду союза съ Литвою, было уничтожено и все оставлено на прежнемъ положеніи.

Чтобы законъ, отмѣняющій должность старостъ, былъ уничтоженъ.

Чтобы никто не могъ быть приговоренъ къ лишенію жизни, чести имущества и званія безъ суда.

Чтобы воспитаніе юношества никогда не находилось въ рукахъ короля и чтобы оно сообразовалось съ основными законами республики

Чтобы никакой вопросъ, противный религіи, свободѣ и верховнымъ законамъ, не могъ быть предложенъ сейму.

Чтобы не дозволялось печатать ничего противозаконнаго.

Чтобы налоги, установленные съ 1787 г., были уменьшены въ размѣрѣ.

Чтобы въ армію республики допускались офицерами только поляки изъ дворянъ.

Чтобы liberum veto соблюдалось во всѣхъ случаяхъ, предписанныхъ закономъ.

Чтобы опредѣлено было: какіе предметы должны рѣшаться единогласно и какіе большинствомъ голосовъ, и чтобъ война, миръ, усиленіе войскъ, налоги, договоры и другіе предметы подобной важности рѣшаемы были большинствомъ или на свободномъ, или на конфедераціонномъ сеймѣ.

Чтобы актъ относительно гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ диссидентовъ въ Польшѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ измѣненъ законами 1775 г., былъ соблюдаемъ ненарушимо и во вѣки.

Чтобы всѣ эти статьи были включены въ pacta conventa (ограничительныя условія) будущихъ королей Польши [1]).

Послѣ того какъ выработанный такимъ образомъ проектъ будущей польской конституціи и планъ дальнѣйшихъ дѣйствій были одобрены Ека-

---

[1]) Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 303.

терпною, былъ составленъ въ Петербургѣ и актъ генеральной коронной конфедераціи. Начальникомъ или маршалкомъ конфедераціи былъ избранъ Щенсный-Потоцкій. Браницкому и Ржевусскому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они же должны были привести все польское войско къ присягѣ конфедераціи.

Маршалкомъ генеральной литовской конфедераціи былъ избранъ извѣстный своимъ богатствомъ и многочисленными связями канцлеръ князь Александръ Сапѣга, котораго, впрочемъ, не успѣли еще извѣстить объ этомъ и заручиться его согласіемъ. Если бы Сапѣга отказался отъ предложеннаго ему званія, то его мѣсто долженъ былъ занять коронный маршалъ Потоцкій. Начальникомъ литовскихъ войскъ былъ назначенъ генералъ-поручикъ Косаковскій, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императрицы. Ему поручалось привлечь къ конфедераціи литовскіе воеводства и повѣты; онъ же долженъ былъ отвезти письмо, которое графу Безбородко поручено было написать отъ имени императрицы канцлеру Сапѣгѣ съ предложеніемъ принять званіе маршала.

Относительно нѣкоторыхъ новыхъ пунктовъ конституціи и своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, Браницкій и Ржевусскій высказывали взгляды, которые не особенно нравились ни императрицѣ, ни Щенсному Потоцкому. Между прочимъ, они домогались, чтобы имъ было предоставлено право собирать съ жителей Польши подати на содержаніе войскъ, коими они должны были командовать.

Актъ генеральной коронной конфедераціи былъ подписанъ и скрѣпленъ въ Петербургѣ 16-го (27-го) апрѣля 1792 г.

Того же числа императрицею былъ данъ слѣдующій рескриптъ М. В. Каховскому:

«Находящіеся здѣсь благонамѣренные поляки, установивъ между собою и утвердивъ ихъ подписаніемъ и присягою актъ конфедераціи и формальнаго прошенія о помощи и покровительствѣ нашихъ, поднесли намъ оные; по совершеніи сего избранный по волѣ и предназначенію нашему генеральнымъ маршалкомъ коронной конфедераціи, артиллеріи генералъ графъ Потоцкій, разсудилъ за благо, не теряя времени, отправить отсюда въ Подольское воеводство старосту и ордена Святаго Станислава кавалера Злотницкаго, и въ Брацлавское воеводство хорунжаго и также кавалера ордена Святаго Станислава Мощенскаго, для благовременнаго тамъ расположенія умовъ къ приступленію къ сей конфедераціи. Соизволивъ на сію мѣру, мы повелѣваемъ вамъ не только принять ласково и дружелюбно помянутаго г. Злотницкаго, когда онъ у васъ съ симъ явится, предписавъ равномѣрно командующему Ольвіопольскимъ корпусомъ нашему генералъ-поручику Дерфельдену, чтобъ и онъ также былъ снисходителенъ къ

г. Мощенскому; но и преподать имъ всѣ зависящія отъ васъ пособія къ успѣху на нихъ возложеннаго дѣла».

Мысли, изложенныя въ актѣ конфедераціи, были развиты подробнѣе въ брошюрѣ, озаглавленной «Mémoires sur la révolution de Pologne» и написанной съ цѣлью очернить сторонниковъ конституціи и показать, какія благодѣянія были оказаны польскому народу Россіей. Брошюра эта принадлежала перу секретаря Платона Александровича Зубова, Альтести.

Въ толпѣ приближенныхъ, окружавшей фаворита, было три «дѣльца», которые дѣлали, подъ эгидой могущественнаго покровителя, все, что имъ было угодно. Это были секретари Платона Александровича: Альтести, Грибовскій и Рибасъ.

Альтести, уроженецъ Рагузы, котораго Булгаковъ взялъ изъ купеческой конторы для занятій въ своей канцеляріи, въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, при объявленіи войны съ Турціей, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ къ Зубову [1]), а теперь, желая прислужиться ему, написалъ вышеупомянутую брошюру, въ которой онъ доказывалъ, что Польша была ранѣе пустыней, наполненной толпою дикихъ людей, и только благодаря Россіи дошла до той степени цивилизаціи, на которой она находилась въ то время. По словамъ автора, она была всѣмъ обязана гарантіи Россіи. Императрица защитила Польшу отъ вторженія татаръ и гайдамачины, положила основаніе ея благоустройству и спокойствію, покровительствовала развитію въ ней земледѣлія и торговли. Въ 1788 г. кучка безнравственныхъ людей, подкупленныхъ недоброжелателями, ниспровергла гарантированное ею правительство и дѣйствовала заодно съ разными бездѣльниками и негодяями. Императрица оказала безкорыстно помощь народу, коимъ завладѣла эта кучка бездѣльниковъ. Только одни злодѣи считаютъ русское войско непріятельскимъ. Императрица ничего болѣе не желаетъ, какъ только снискать признательность польскаго народа. Интриганы и негодяи не найдутъ помощи и поддержки ни у одной изъ европейскихъ державъ. Просвѣщенная Европа будетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на постыдную гибель тѣхъ, кои стараются подорвать основы цивилизаціи.

Таково было содержаніе пасквиля Альтести, которому придавали въ Петербургѣ значеніе манифеста и который былъ разосланъ повсюду въ то время, какъ русскія войска вступили въ Польшу.

---

[1]) Князь А. П. Зубовъ. «Рус. Стар.», т. XVII, 1876, стр. 455.

II.

По заключеніи, 29-го декабря 1791 г. (9 -го января 1792) въ Яссахъ мира съ Турціей, командующему молдавской арміей генералу Каховскому было повелѣно вывести войска изъ Молдавіи двумя корпусами, такимъ образомъ, чтобы къ 1-му (12-му) мая они прибыли на Днѣстръ и вступили въ Польскую Украйну, «заблаговременно наискрытнѣйшимъ образомъ принявъ мѣры къ переправѣ чрезъ рѣку такъ, чтобы учинять оную нечаянно и въ неожиданномъ поляками мѣстѣ» [1]). Первый корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Михаила Голенищева Кутузова, долженъ былъ перейти рѣку противъ Могилева, а второй подъ командою генерала Дунина, у Сорокъ.

Въ то же время третьему корпусу, расположенному въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, было приказано перейти въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвіополя, и четвертому, генерала Леванидова, находившемуся въ окрестностяхъ Кіева, двинуться изъ Василькова.

Дальнѣйшихъ распоряженій о движеніи войскъ въ мартѣ мѣсяцѣ сдѣлано не было, въ виду высказаннаго Государственнымъ Совѣтомъ мнѣнія о необходимости для Россіи дѣйствовать въ дѣлахъ польскихъ совмѣстно съ Австріей и Пруссіей.

Императрица утвердила окончательно планъ вступленія русскихъ войскъ въ границы Рѣчи Посполитой только тогда, когда исчезла необходимость считаться съ Австріей, вовлеченной въ войну съ Французской республикой.

Назначивъ, указомъ отъ 1-го (12-го) мая Каховскаго главнокомандующимъ украинской арміей, состоявшей изъ четырехъ вышеупомянутыхъ корпусовъ, Екатерина дала ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, подробную инструкцію, въ которой говорилось, что вышеупомянутые корпуса пойдутъ внутрь Польши и будутъ дѣйствовать совмѣстно.

Кутузову, переправясь черезъ Днѣстръ при Могилевѣ, повелѣвалось слѣдовать къ Винницѣ, Леванидову отъ Василькова къ Бердичеву, отдѣливъ часть отряда къ Овручу.

Дунинъ же отъ Сорокъ долженъ былъ идти въ Немировъ, сохраняя сообщенія съ Кутузовымъ и Дерфельденомъ, который отъ Ольвіополя пойдетъ на Умань и Погребище.

Каховскому предписывалось постараться отрѣзать и окружить польскія войска, находившіяся въ Брацлавскомъ и Кіевскомъ воеводствахъ, и принудить ихъ положить оружіе. А если бы поляки, чувствуя свою слабость и безсиліе, заблаговременно отступили и не препятство-

---

[1]) Рескриптъ Екатерины II отъ 14-го (25-го) марта 1792 г. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 241).

вали движенію русской арміи, въ такомъ случаѣ кіевскій корпусъ Левандова, сверхъ Овручскаго поста, долженъ былъ какъ можно скорѣе занять Улику и учредить сильный постъ въ Мстиславѣ и Олесницѣ, а Дунинъ долженъ былъ идти изъ Немирова въ Житоміръ и подкрѣплять Васильковскій корпусъ, если въ томъ встрѣтилась бы надобность.

Такимъ образомъ, Брацлавское и Кіевское воеводства «могли удержаться въ нашихъ рукахъ, и границы россійскія въ сей сторонѣ были бы совершенно закрыты, и въ случаѣ нужды эти два корпуса могли бы дѣйствовать соединенно».

Ольвіопольскому корпусу Дерфельдена было приказано остаться во воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ для заведенія магазиновъ и удержанія въ повиновеніи жителей въ занятыхъ русскими земляхъ.

Одновременно съ движеніемъ молдавской арміи въ Польшу, рѣшено было двинуть въ Литву бѣлорусскую армію. 2-го (13-го) апрѣля состоялся высочайшій указъ, коимъ командованіе этой арміи было ввѣрено генералу Кречетникову и ему повелѣно сосредоточивать войско въ слѣдующихъ пунктахъ:

Главный корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ Кречетникова, долженъ былъ собраться при Полоцкѣ и, раздѣлившись на двѣ части, идти въ Гродно.

Въ то же время первый корпусъ долженъ былъ идти въ Вильно и, занявъ этотъ городъ, послать часть своего отряда на Ковно, а остальную часть разсѣять по Литвѣ, чтобы удержать жителей въ повиновеніи, лѣвый же корпусъ, собранный при Рогачевѣ, назначался въ помощь украинской арміи генерала Каховскаго. Онъ долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ чрезъ Слуцкъ, Слонимъ, сквозь лѣса и болота въ Волынь, гдѣ, занявъ выгоднѣйшія позиціи и пользуясь трудностью проходовъ, стараться отрѣзать польскія войска, находившійся въ Украйнѣ, и своимъ присутствіемъ ободрить и подкрѣпить населеніе Волынскаго воеводства, не сочувствовавшее конституціи 3-го мая.

Когда лѣвый флангъ литовской арміи примкнулъ бы такимъ образомъ къ украинской арміи, занявъ большую часть Польши и литовская конфедерація соединилась бы съ коронною, то Каховскій и Кречетниковъ, дѣйствуя совмѣстно, должны были двинуть одновременно большія силы къ Варшавѣ, «для занятія этой столицы и разогнанія скопища, собраннаго тамъ подъ именемъ сейма» [1]).

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, планъ, коимъ должны были

[1]) Рескрипты Екатерины Каховскому и Кречетникову. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 245, 256).

руководствоваться при вторженіи въ Польшу главнокомандующіе русскими силами.

Обоимъ генераламъ повелѣвалось избѣгать всякихъ насилій, «употреблять угрозы только тамъ, гдѣ они встрѣтятъ сопротивленіе и недоброхотство»; и даже въ томъ случаѣ, если бы они вынуждены были дѣйствовать оружіемъ и «силу отражать силою», имъ настоятельно предписывалось дѣйствовать осторожно и такъ, чтобы «начинъ», или, такъ сказать, первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ не ими, а непріятелемъ.

Хотя императрица и выражала желаніе, чтобы русская армія обращалась дружески съ мѣстнымъ населеніемъ, но оно должно было все же удовлетворять надобности войска, хотя при этомъ главнокомандующимъ повелѣвалось строго слѣдить за тѣмъ, чтобы размѣръ требуемаго провіанта и фуража не былъ обременителенъ для жителей. При этомъ православное населеніе повелѣвалось щадить болѣе другихъ, не показывая однако этого явно.

Конфедераты должны были вступить въ Польшу одновременно съ русской арміей, составляя какъ бы ея передовой отрядъ, если не въ матеріальномъ, то въ нравственномъ смыслѣ.

Покончивъ свои совѣщанія съ русскими министрами, подписавъ актъ конфедераціи и давъ присягу соблюдать его въ точности, Потоцкій, Ржевусскій и ихъ сотоварищи уѣхали изъ Петербурга на границу Польши.

Извѣщая Каховскаго рескриптомъ отъ 16-го (27-го) апрѣля 1792 г.[1]) о томъ, что «избранный по волѣ и предначертанію» ея генеральнымъ коронным маршаломъ конфедераціи генералъ-артиллеріи Потоцкій рѣшилъ отправить Злотницкаго въ Подольское воеводство, а Мощенскаго въ Брацлавское, для того чтобы расположить заблаговременно умы мѣстнаго населенія въ пользу конфедераціи, императрица повелѣвала главнокомандующему не только принять этихъ господъ «ласково и дружелюбно», но дать имъ всѣ зависящія отъ него пособія къ успѣшному выполненію возложеннаго на нихъ дѣла.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, Екатерина увѣдомила генерала Кречетникова о томъ, что къ нему посылается на границу Литовскаго княжества генералъ-поручикъ Косаковскій, для составленія въ Литвѣ конфедераціи, и что онъ везетъ письма къ великому канцлеру литовскому князю Сапѣгѣ, къ епископу виленскому князю Масальскому и къ епископу инфляндскому Коссаковскому [2]).

---

[1]) Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 275.

[2]) Рескриптъ М. Н. Кречетникову отъ 11-го (22-го) апрѣля 1792. (Тамъ же, стр. 270).

«Перваго изъ сихъ,—писала императрица,—мы назначемъ въ маршалы генеральной литовской конфедераціи и поручили генералу Косаковскому учинить ему о томъ формальное предложеніе... двухъ же послѣднихъ приглашаемъ участвовать въ семъ предпріятіи и оному споспѣшествовать зависящими отъ нихъ способами».

Одновременно съ этимъ рескриптомъ Екатерина препроводила Кречетникову присланный ей Булгаковымъ изъ Варшавы списокъ «полякамъ, живущимъ въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ», на которыхъ, по мнѣнію посланника, можно было разсчитывать и ожидать отъ нихъ единомыслія и содѣйствія, и которыхъ можно было поэтому опредѣлять къ разнымъ должностямъ при собираемой конфедераціи.

Булгаковъ насчитывалъ 15 сенаторовъ и 36 пословъ сеймовыхъ, которые открыто высказывали свое неодобреніе майской конституціи, и 19 сенаторовъ и 20 пословъ, которые были недовольны ею, но выжидали удобнаго момента выказать свои чувства. Какъ видимъ, число этихъ лицъ было невелико, но императрица не создавала себѣ никакихъ иллюзій и считала, что партія конфедератовъ состояла всего изъ 15—16 человѣкъ, такъ какъ единомышленники ихъ были подавлены господствующей силой и не въ состояніи что-либо предпринять; впрочемъ, она допускала, что можно было разсчитывать, что со вступленіемъ въ Польшу русскихъ войскъ къ нимъ присоединятся недовольные конституціей 3-го мая, преимущественно изъ числа шляхты воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго. Не желая пренебречь ничѣмъ, чтобы набрать себѣ сторонниковъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, императрица приказала гр. Безбородко приготовить съ этой цѣлью и послать Булгакову письма къ великому коронному канцлеру Малаховскому, къ надворному маршалу Рачинскому, къ кастеляну винницкому Ожаровскому и къ воеводѣ серадскому Валевскому, изъ коихъ первые три издавна были преданы Россіи, а Валевскій всегда заявлялъ о своемъ сочувствіи прежней конституціи. Хотя, разумѣется, нельзя было сказать, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ непремѣнно примкнетъ къ конфедераціи.

Бо́льшаго результата императрица ожидала отъ писемъ, посланныхъ чрезъ Косаковскаго въ Литву къ епископамъ виленскому и инфлянтскому.

Небольшая горсть людей, составившихъ конфедерацію, была, конечно, слишкомъ слаба, чтобы дѣйствовать сами по себѣ. Только, при помощи русскихъ войскъ, которыя должны были войти въ Польшу съ разныхъ сторонъ, и при матеріальной поддержкѣ со стороны Россіи эта партія могла пріобрѣсти ту устойчивость, которая необходима для представительной корпораціи.

Императрица вполнѣ понимала это и приказала на удовлетвореніе

особыхъ нуждъ конфедераціи, въ особенности первое время, ассигновать и выдать Каховскому 300.000 и Кречетникову 200.000 рублей, которыми они были уполномочены располагать по востребованію со стороны маршаловъ конфедераціи и для продовольствія и содержанія польскихъ войскъ, которыя присоединятся къ конфедераціи, а также для привлеченія на сторону русскаго войска бѣднѣйшихъ жителей Польши и польскаго войска, державшаго сторону новой конституціи.

Екатерина предвидѣла, что съ конфедератами будетъ много хлопотъ, и что для преданія ихъ дѣйствіямъ законной силы недостаточно будетъ одной военной опоры, а придется прибѣгнуть и къ другимъ средствамъ, какъ-то: къ сношеніямъ и перепискѣ съ тѣми изъ поляковъ, которыхъ надо будетъ привлечь на сторону Россіи по причинѣ ихъ вліянія на народъ въ провинціяхъ или съ пограничнымъ начальствомъ сосѣднихъ державъ, или, наконецъ, съ главными членами конфедераціи, и поэтому императрица сочла нужнымъ дать въ помощь генералу Каховскому, которому она довѣрила не только командованіе войсками, но и руководство политическими операціями,—человѣка, котораго способности и привычка къ такого рода дѣламъ были бы ручательствомъ успѣха.

Выборъ палъ на дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Бюллера, который былъ извѣстенъ императрицѣ своимъ усердіемъ и дарованіями, къ которымъ присоединялась та заслуга, что онъ долго служилъ и частью по дѣламъ Польши, подъ начальствомъ князя Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго.

Польскіе паны не предчувствовали, какія предосторожности были приняты по отношенію ихъ императрицей, и не подозрѣвали той роли, которую она предназначала имъ играть.

Уже такія фразы, встрѣчавшіяся въ рескриптахъ, какъ напр. «избранный по волѣ и предназначенію нашему генеральнымъ маршаломъ коронной конфедераціи, артиллеріи генералъ Потоцкій», или «великаго канцлера литовскаго князя Сапѣгу мы назначаемъ въ маршалы генеральной литовской конфедераціи» [1]), ясно показывали Каховскому и Кречетникову, какъ относилась императрица къ небольшой кучкѣ людей, которые воображали, что они будутъ главными дѣйствующими лицами въ этомъ дѣлѣ и что оно доставитъ Екатеринѣ только славу безкорыстной возстановительницы республиканскихъ учрежденій.

Тактика императрицы по отношенію къ этимъ людямъ выразилась еще яснѣе въ инструкціи, данной 19-го (30-го) апрѣля дѣйстви-

[1]) Рескрипты отъ 16-го (27-го) апрѣля М. В. Каховскому и 11-го (22-го) апрѣля 1792 г. М. Н. Кречетникову (Сборн. ист. общ., т. 47, стр. 275–276).

тельному статскому совѣтнику барону Бюллеру при назначеніи его состоять при генеральной коронной конфедераціи.

«Достоинство императрицы не позволяетъ ей», — говорилось въ этой инструкціи,—«придать дѣятельности барона Бюллера какой-либо оффиціальный характеръ, какъ это обыкновенно дѣлается въ сношеніяхъ съ самостоятельными и признанными державами; но такъ какъ все-таки необходимо, чтобы онъ имѣлъ какой-нибудь явный знакъ довѣрія ея величества императрицы, ему будетъ дано письменное удостовѣреніе съ приложеніемъ собственной ея величества печати, которое и послужитъ ему для утвержденія въ полномочіи относительно конфедераціи».

Съ того момента, когда конфедерація вступитъ подъ охраною русскаго войска въ Польшу, барону Бюллеру повелѣвалось находиться при конфедератахъ безотлучно, за исключеніемъ того времени, когда онъ долженъ будетъ выѣхать для свиданія съ генераломъ Каховскимъ.

Главное его дѣло должно было состоять въ томъ, чтобъ наблюдать за дѣйствіями конфедератовъ и направлять ихъ цѣли сообразно съ желаніями императрицы.

Барону Бюллеру поручено было сообщить генералу Каховскому декларацію, которую Булгакову было повелѣно передать варшавскому правительству отъ имени императрицы, а также актъ конфедераціи и письмо, поданное Екатеринѣ польскими панами съ просьбою о помощи.

«Эти документы съ заключающимися въ нихъ мотивами и аргументами должны были служить ему руководствомъ и темой во всѣхъ объясненіяхъ съ поляками изустно или письменно».

На обязанности Бюллера лежало, послѣ открытія правильныхъ засѣданій конфедераціи, удалять изъ нихъ злоупотребленія всякаго рода, на которыя могли бы покуситься нѣкоторые члены общества въ видахъ своего личнаго интереса или мщенія, или вліянія какихъ-либо страстей. Особенное вниманіе повелѣвалось ему обратить на то, чтобъ налоги, взимаемые съ воеводствъ и уѣздовъ, покорныхъ конфедераціи, были распредѣлены съ умѣренностью и справедливостью, не вымогались бы черезъ силу и находились подъ контролемъ и присмотромъ конфедераціи.

Эта статья требуетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, — говорилось въ инструкціи,—что начальники конфедеративныхъ войскъ уже требовали права самимъ собирать налоги, назначенные на содержаніе командуемыхъ ими войскъ. Въ случаѣ, если бы объ этомъ снова зашла рѣчь, Бюллеръ долженъ былъ вмѣстѣ съ маршаломъ конфедераціи отвергнуть вновь это требованіе. Вообще, онъ долженъ былъ, ссылаясь на

непремѣнную волю императрицы, входить съ представленіями во всѣхъ случаяхъ, гдѣ понадобилось бы поддержать порядокъ и повиновеніе, предписанные правилами конфедеративнаго сейма, въ чемъ его долженъ былъ поддерживать графъ Потоцкій, «добродѣтельный гражданинъ, не имѣвшій другой цѣли, кромѣ блага отечества, и достойный довѣрія во всѣхъ отношеніяхъ».

Баронъ Бюллеръ долженъ былъ съ полной откровенностью условиться съ нимъ на счетъ всѣхъ дѣйствій, клонившихся къ сохраненію порядка въ нѣдрахъ конфедераціи, или къ расширенію и распространенію ея, сообразуясь съ совѣтами графа Потоцкаго, относительно сношеній съ особами, которыхъ нужно было привлечь въ конфедерацію, или относительно перемѣщенія русскихъ войскъ съ одного пункта на другой. Въ этомъ случаѣ онъ былъ обязанъ сообщать изустно или письменно свои предположенія генералу Каховскому, которому было повелѣно принимать къ исполненію всѣ его представленія, имѣвшія цѣлью съ одной стороны положительную пользу, а съ другой не представлявшія какихъ-либо неудобствъ.

Настоящая миссія и дѣятельность барона Бюллера должна была начаться лишь съ момента соединенія литовской конфедераціи съ коронной, а для того, чтобы онъ могъ достигнуть результатовъ, предположенныхъ императрицей, ему было подробно объясненъ ея взглядъ на дѣло.

«Главная цѣль Россіи — возстановленіе въ Польшѣ прежняго свободнаго правленія, счастливо сходится съ желаніемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ четвертей населенія самой этой націи», — говорилось въ его инструкціи. Этотъ обоюдный интересъ Россіи и Польши состоитъ въ томъ, чтобы разрушить то, что совершено 3-го мая.

«Это есть единственная цѣль настоящей конфедераціи и содѣйствія, какимъ удостоиваетъ ее императрица. Несомнѣнно, что замѣтная перемѣна, произведенная временемъ въ нравахъ, взглядахъ и характерѣ польской націи, не допускаетъ ее искать въ примѣрѣ древнихъ республикъ образца правленія, которому она стала бы подражать, при томъ болѣе современные законы, принятые въ 1768 и 1775 г., были не столько дурны и недостаточны сами по себѣ, сколько по тому, что въ нихъ вкрались неточности и злоупотребленія. Поэтому ея величество думаетъ, что, возстановивъ часть этихъ законовъ и упрочивъ ихъ возобновленіемъ прежняго равновѣсія, существовавшаго между властями государства, не трудно будетъ согласить ихъ съ цѣлью, предположенною ею и тѣми изъ поляковъ, которые просили ея покровительства».

Поэтому обязанностью барона Бюллера было постоянно имѣть въ виду

23 статьи будущей польской конституціи и не допускать ничего, что было бы несогласно съ ними.

Но между этими статьями, были и такія, которыя не вполнѣ согласовались съ видами нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ конфедераціи; такова, между прочимъ, была статья, касающаяся отмѣны налоговъ, которая «косвенно возставала противъ умноженія арміи, опредѣленнаго декретомъ послѣдняго сейма..... «Было бы неумѣстно,—говорилось въ инструкціи,—пожертвовать тщеславію этихъ лицъ или другому какому-нибудь, можетъ быть, еще болѣе предосудительному мотиву самымъ существеннымъ пунктомъ, необходимымъ для благосостоянія республики и спокойствія ея сосѣдей. Съ другой стороны, нѣкоторые воспротивятся, можетъ быть, увеличенію власти, присвоенной этимъ самымъ начальникамъ. Но такъ какъ этотъ пунктъ не такъ важенъ, какъ предыдущій, то можно будетъ согласиться на нѣкоторыя измѣненія, въ особенности относительно раздачи жалованья войскамъ, которое можно будетъ поручить въ другія руки, лишь бы только главная цѣль, ограничить власть короля властью начальниковъ войскъ,—была достигнута».

Такъ какъ проектъ новой конституціи, который долженъ былъ обсуждаться на совѣщаніяхъ конфедератовъ, долженъ былъ подходить какъ можно болѣе къ принципамъ прежнихъ договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Польшею и къ намѣченнымъ въ Петербургѣ 23 пунктамъ будущей конституціи, то Бюллеру повелѣвалось, если онъ замѣтитъ отступленіе отъ этихъ принциповъ, то чтобы онъ старался направить умы, «дѣйствуя то убѣжденіемъ, то принимая властительный тонъ», на который онъ имѣлъ право, какъ довѣренное лицо императрицы.

Вообще, онъ долженъ былъ знать, что «характеръ поляковъ состоитъ изъ смѣси хвастовства, изворотливости и лукавства, которому надо противопоставлять твердость, ловкость и благоразумное недовѣріе».

Вслѣдствіе этого ему повелѣвалось быть постоянно насторожѣ, слѣдить за дѣйствіями конфедератовъ, за ихъ отношеніями между собою и за ихъ перепиской съ друзьями, «чтобы быть въ состояніи остановить во-время уклоненія, которымъ они могли предаться».

Онъ долженъ былъ стараться излѣчить ихъ «отъ предразсудковъ, которыми многіе были заражены противъ гарантіи, установленной предшествующими трактатами между Россіей и республикой», и вести дѣло такъ, чтобы они сами просили объ этой гарантіи и приняли ее для новой конституціи, которую они себѣ выработаютъ».

Изъ вышеприведенной инструкціи видно, что на барона Бюллера была возложена обязанность не только наблюдать за конфедератами, но опекать ихъ и направлять ихъ дѣйствія согласно волѣ и желаніямъ императрицы, въ рукахъ которой они являлись такимъ образомъ лишь

орудіемъ для достиженія намѣченныхъ ею цѣлей. По мѣрѣ надобности Бюллеру было повелѣно посылать въ Петербургъ «аккуратныя донесенія» и вести въ то же время послѣдовательную переписку съ Булгаковымъ, для чего коллегія иностранныхъ дѣлъ снабдила его шифромъ, такъ какъ всѣ его дѣйствія должны были держаться въ величайшей тайнѣ.

Участіе шляхты, присоединившейся къ конфедераціи, въ достиженіи цѣлей, намѣченныхъ императрицею, было по ея мнѣнію желательно, но не составляло безусловной необходимости.

«Военныя силы, коими мы располагаемъ,—писала она Бюллеру,—служатъ достаточнымъ ручательствомъ успѣха въ нашемъ предпріятіи».

7-го (18-го) мая Булгаковъ передалъ польскимъ министрамъ декларацію о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу и «два русскихъ Сципіона» (какъ ихъ назвалъ Завадовскій) [1]): Каховскій и Кречетниковъ, начали военныя дѣйствія, первый съ 64.000, а второй съ 32.000 арміей.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Для поглощенія Польши идутъ два новые россійскіе Сципіоны: Каховскій и Кречетниковъ», писалъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову 14-го (25-го) мая 1792 г. (Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 79).

И. С. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ.

(1838—40 гг.).

Чѣмъ было то «нѣмецкое море», въ которое «бросился внизъ головою» И. С. Тургеневъ въ концѣ 30-хъ годовъ? Чѣмъ было оно въ то время, когда русская молодежь съ особенной силой начала стремиться туда, подобно древнимъ славянамъ, искавшимъ начальниковъ у заморскихъ варяговъ, по выраженію того же Тургенева?

Іюльская революція 1830 года, взволновавшая западно-европейское общество, возбудившая надежды однихъ и напугавшая другихъ, вызвала сильную реакцію въ Германіи, особенно въ Прусскомъ королевствѣ. Реакція эта, объявивъ походъ противъ всего французскаго, противъ всѣхъ ученій и взглядовъ, исходившихъ изъ «очага всякаго нечестія», достигла вполнѣ своихъ результатовъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ. Все протестующее, недовольное притаилось по уголкамъ, скрываясь отъ зоркихъ глазъ полиціи, и только такъ называемая «молодая Германія» нарушала общую благопристойную тишину своей критикой общественной жизни, не выступая, впрочемъ, изъ границъ тѣсной литературной партіи и не касаясь прямо щекотливыхъ вопросовъ политики.

Мудрено было идеализировать дѣйствительность, окрашенную въ такія сѣренькія краски. Но прогрессъ нѣмецкой науки и философіи, прогрессъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный для того времени, могъ вызвать сочувственное отношеніе къ германскому міру 30-хъ годовъ; и нигдѣ это сочувствіе не выразилось столь горячо и сильно, какъ у насъ въ Россіи. Журналъ «Московскій Наблюдатель», ставшій въ 1838 году органомъ молодыхъ русскихъ писателей и ученыхъ, стремившихся къ германской наукѣ и германской философіи, такъ выра-

жалъ свои симпатіи къ Пруссіи и ея столицѣ: «Пруссія есть государство протестантское и потому по преимуществу германское, и такъ какъ оно при томъ еще и самое могущественное изъ германскихъ государствъ, слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея правительства наукѣ были также причиною утвержденія въ Берлинскомъ университетѣ германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая философія и оттуда осіяла своими свѣтозарными лучами всю Германію». Такъ выражался журналъ, гдѣ сотрудничалъ рядомъ съ Бѣлинскимъ Константинъ Аксаковъ, рядомъ съ Бакунинымъ—Катковъ. Такое почти восторженное отношеніе къ Пруссіи исключало, конечно, возможность вліянія «молодой Германіи» на русское общество, и тотъ же журналъ свысока отнесся къ «этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ» [1]).

Ни въ одной странѣ, повторяемъ, не проявлялось такъ много симпатій къ Пруссіи 30-хъ годовъ, какъ у насъ. Кромѣ общихъ причинъ тутъ дѣйствовала и спеціальная: русское правительство поощряло интересъ въ нашей молодежи къ «умному отечеству» тогдашнихъ нѣмцевъ, особенно къ Берлину. Пруссія была въ то время передовымъ бойцомъ противъ вѣчно волнующейся, либеральной Франціи, и въ Берлинѣ вплоть до 1848 г. сочинялись проповѣди, выходили ученые трактаты, создавались философіи и искусство для борьбы съ французскимъ «нечестіемъ». Борьба эта велась и представителями власти, и церковными проповѣдниками, и профессорами, и художниками [2]). Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, освобожденный Россіей отъ цѣпей Наполеона, былъ на положеніи почти вассала императора Николая I. Подъ крылышкомъ прусскаго короля, въ стѣнахъ консервативнѣйшаго изъ университетовъ нечего было бояться ни вліянія «изувѣра Дидерота», ни системы Сенъ-Симона, ни уже выступавшей на литературномъ горизонтѣ Жоржъ-Зандъ.

Берлинъ конца 30-хъ годовъ, конечно, не представлялъ ничего подобнаго тому, что видимъ теперь въ столицѣ Германской имперіи съ ея полуторамилліоннымъ населеніемъ. Даже въ 1847 г. Тургеневъ характеризовалъ прусскую столицу весьма сдержанно: «что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2 и ло-

---

[1]) „Жизнь и труды Погодина“. Н. Барсукова V, 136 и 149.

[2]) Анненковъ „Воспом. и критич. очерки“. III, 58—61.

жатся спать гораздо прежде куриц, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ «тиргартена» и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмѣетъ передъ закономъ». Шутки въ сторону, Берлинъ до сихъ поръ еще не столица, по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40 года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ), но большія внутреннія перемѣны совершились» [1]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ Берлинъ былъ въ сущности бѣднымъ городомъ, хотя и старался придать себѣ подобіе большой резиденціи и важнаго политическаго центра. Въ научномъ отношеніи онъ, однако, стоялъ высоко, и молодой еще совсѣмъ университетъ его (основанъ въ 1810 году) пользовался тогда заслуженной извѣстностью. Достаточно назвать въ числѣ его профессоровъ хотя бы Риттера, Ранке, Савиньи, чтобы оцѣнить все значеніе Берлина для молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ туда учиться.

И. С. Тургеневъ выѣхалъ изъ Россіи въ маѣ 1838 года на томъ самомъ пароходѣ, который сгорѣлъ у Мекленбургскихъ береговъ. Несчастье это, описанное имъ въ его предсмертномъ разсказѣ «Пожаръ на морѣ», прошло для него совершенно благополучно, и Тургеневъ, высадившись на берегъ, черезъ Любекъ и Гамбургъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ поступилъ въ число студентовъ университета. Въ слѣдующемъ 1839 году Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на лѣто въ деревню своей матери, конецъ года провелъ въ Петербургѣ и въ началѣ 1840 г. вновь поѣхалъ за границу. Мартъ, апрѣль и почти весь май прожилъ въ Римѣ; въ концѣ послѣдняго мѣсяца заглянулъ въ Неаполь и черезъ Геную и Швейцарію прибылъ снова въ Берлинъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, гдѣ продолжалъ свои занятія еще полгода. По крайней мѣрѣ въ его черновыхъ бумагахъ сохранилась запись, что новый 1841 годъ Тургеневъ встрѣчалъ еще въ столицѣ Пруссіи («1 jan. 1841 à Berlin; retour en Russie на Александрѣ»). Университетскій дипломъ его подписанъ былъ 18-го ноября 1840 г. (D. Berolini, d. XVIII mens. Novembr. MDCCCXL) [2]).

Путешествіе по Швейцаріи не касается прямо нашей задачи, но мы остановимся на немъ минуту въ виду почти полнаго незнакомства

---

[1]) „Современникъ“ 1847 г. кн. 3. „Письма изъ Берлина“.

[2]) Эта дата списана нами съ подлиннаго диплома, находившагося въ Спасскомъ.

читающей публики съ этимъ фактомъ біографіи Тургенева. Объ этомъ путешествіи онъ впослѣдствіи разсказывалъ такъ: «Въ Швейцаріи я купилъ себѣ блузу, ранецъ, палку, взялъ карту и отправился пѣшкомъ въ горы, не нанявъ себѣ даже гида. Это, впрочемъ, привело къ тому, что путешествіе мое обошлось весьма и весьма недорого и было не въ примѣръ пріятнѣе. Въ Швейцаріи обыкновенно всѣ интересныя мѣста ограждены загородками, и чтобы пройти за нихъ, надо всегда что-нибудь платить, а такъ какъ я представлялъ изъ себя простаго пѣшехода, а не иностраннаго туриста, то меня всюду пропускали безплатно. Въ гостиницахъ, въ то время какъ наверху какой-нибудь англичанинъ платилъ за обѣдъ вдвое и втрое дороже, я ѣлъ внизу то же самое, но за какой-нибудь одинъ или полтора франка, при чемъ подавали мнѣ обѣдъ скорѣе, чѣмъ богачу-англичанину» [1]). Замѣчательно, что это путешествіе по Швейцаріи, первое и послѣднее въ жизни Тургенева, не оставило никакихъ слѣдовъ въ его произведеніяхъ, если не считать нѣсколькихъ строчекъ въ разговорѣ между Юнгфрау и Финстераарго́ріомъ, украшающемъ его «Стихотворенія въ прозѣ». Нельзя же приписывать это равнодушіе къ горной природѣ невысокому мнѣнію Тургенева о швейцарцахъ, которыхъ онъ назвалъ разъ въ письмѣ къ Флоберу (30-го іюня 1874 г.) «самымъ утомительно-скучнымъ и бездарнымъ народомъ». Все это тѣмъ болѣе неожиданно, что мимолетное посѣщеніе Иваномъ Сергѣевичемъ по пути изъ Рима въ Швейцарію озера Лаго-Маджіоре съ его isola bella породило превосходную главу (14-ую) въ «Призракахъ». Поѣздка въ Неаполь вспоминалась имъ въ XII письмѣ (ночное катанье по заливу) разсказа «Переписка» и въ томъ мѣстѣ поэмы «Параша», гдѣ дается описаніе неаполитанскаго лѣта, приведшее въ восторгъ Бѣлинскаго:

„Прежаркій день... но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ“... и т. д.

Короткое пребываніе въ Сорренто послужило, между прочимъ, матеріаломъ для его «Трехъ встрѣчъ», если не считать его драматическаго отрывка «Вечеръ въ Сорренто».

Пріѣзжавшіе въ Берлинъ молодые русскіе устраивались тамъ, въ общемъ, очень хорошо. Они пользовались такимъ вниманіемъ и довѣріемъ, что даже наши остзейцы въ Германіи называли себя не нѣмцами, а все русскими. Въ Берлинѣ въ то время публика вмѣстѣ съ королемъ сочувственно относилась къ Россіи, т. е. къ оффиціальной Россіи, и прежде всего къ русскому императору. Портретъ его, сдѣланный Крогеромъ (въ серединѣ 30-хъ годовъ) и изображавшій въ нату-

[1]) „Русская Старина“, 1883 г., окт. 206.

ральную величину государя и всю его свиту верхами, былъ выставленъ напоказъ, и вокругъ него всегда толпилась публика, и слышались хвалебные отзывы объ осанкѣ, о мужественной твердости, о семейныхъ его добродѣтеляхъ и проч. Пироговъ, отмѣчая всѣ эти факты въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ въ заключеніе: «Не могу еще не упомянуть о неслыханномъ мною кредитѣ, которымъ пользовались въ то время мы, русскіе, у нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Мнѣ покоя не давалъ одинъ портной, отпустившій всѣмъ новаго платья въ кредитъ на нѣсколько тысячъ талеровъ. Этотъ портной, и вмѣстѣ содержатель магазина, непремѣнно хотѣлъ, чтобы и я у него заказалъ въ долгъ платья, хотя бы сотни на двѣ талеровъ; книжный продавецъ отпускалъ мнѣ также въ кредитъ на нѣсколько сотъ талеровъ различныхъ книгъ и журналовъ. Время уплаты долга не опредѣлялось; векселя и гарантій никакихъ не требовалось»... Довольно замѣтное охлажденіе, даже враждебное отношеніе къ Россіи стало появляться въ Пруссіи лишь послѣ 1840 года, съ воцаренiемъ Фридриха-Вильгельма IV.

Изъ числа профессоровъ, лекціи которыхъ слушалъ Тургеневъ въ Берлинѣ, впослѣдствіи часто вспоминалъ онъ Вердера, «при одномъ имени котораго воодушевлялись» слушатели, особенно русскіе. Онъ объяснялъ философію Гегеля. «Съ благоговѣніемъ» слушалъ Иванъ Сергѣевичъ Стеффенса, защитника спекулятивнаго направленія въ естествознаніи, любившаго касаться вопросовъ времени съ религіозно-философской точки зрѣнія. Чтенія Шталя остались памятны Тургеневу особенно потому, что на нихъ студенты иной разъ «съ ожесточеніемъ шикали». Шталь, философъ-піэтистъ и одинъ изъ будущихъ основателей газеты Kreuz-Zeitung, излагалъ тогда основанія, необходимыя для осуществленія истинно-христіанскаго государства, нигдѣ еще не достигшаго вполнѣ своего настоящаго типа. Кромѣ того, Тургеневъ слушалъ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, посѣщалъ лекціи исторіи Ранке и сравнительнаго землевѣдѣнія Риттера. О лекціяхъ послѣдняго онъ такъ отзывался позднѣе въ одномъ изъ писемъ къ Ханыкову (1871 г. 29-го дек.): «О Риттерѣ я могу сказать вамъ слѣдующее. Я слушалъ его въ Берлинѣ въ зимній семестръ съ 38 на 39 годъ. Онъ вмѣстѣ съ Гансомъ [1]), скоро потомъ умершимъ, считался самымъ краснорѣчивымъ преподавателемъ въ ту эпоху Берлинскаго университета. Слушателей у него было очень много и не между одними студентами; приходили и офицеры, и чиновники, и даже дамы. Онъ читалъ въ одной изъ самыхъ большихъ аудиторій. Наружность его была замѣчательно почтенная и важная; массивная голова,

[1]) Эд. Гансъ (1797—1839), юристъ школы Гегеля, противникъ исторической школы Савиньи.

правильныя черты, высокій лобъ, выразительные большіе глаза и сочный, звучный, пріятный голосъ внушали невольное уваженіе; а плавная, спокойная и въ то же время картинная, колоритная рѣчь увлекала неотразимо и лилась безостановочно, какъ рѣка! Я никогда не видывалъ болѣе изящнаго профессора, изящнаго безъ всякой приторности, величаваго безъ напыщенности. Кстати о его голосѣ: Риттеръ былъ уже старъ въ 1838 году и потерялъ нѣсколько зубовъ; но подобнаго голоса я на каѳедрѣ тоже не слыхивалъ. (Особенно выдавался онъ послѣ птичьяго свиста Ранке, шепеляваго мурлыканья А. Бока и допотопнаго мычанья Цумпта, его современниковъ). Много-ли выносили слушатели фактическихъ знаній изъ его лекцій, и насколько онѣ были научно-серьезны — это другой вопросъ; но онъ несомнѣнно умѣлъ возбудить интересъ къ географіи, предѣлы которой онъ расширилъ, успѣлъ заставить полюбить ее, не считать ее болѣе сухимъ перечнемъ рѣкъ, горъ, лѣсовъ и т. п.» [1]).

Никто, впрочемъ, такъ сильно не дѣйствовалъ на Тургенева, какъ Вердеръ, тогда еще совсѣмъ молодой профессоръ (род. въ 1806 г.). Хорошо знакомый тогдашней образованной молодежи русской, учившейся въ Берлинѣ, Вердеръ былъ, по словамъ Анненкова, типомъ добродѣтельнаго, довѣрчиваго, дѣтски-чистаго нѣмецкаго ученаго. Съ большимъ жаромъ объясняя и комментируя логику Гегеля, онъ безпрестанно прибѣгалъ къ цитатамъ изъ 2-й части «Фауста» и отвлеченнымъ формуламъ учителя старался сообщить жизнь и поэзію, возводя ихъ до нравственныхъ правилъ, связывая съ ними достоинство человѣка и эстетическое воспитаніе его. Вотъ какъ отзывался о немъ его близкій другъ Станкевичъ: «Профессоръ Вердеръ рѣдкій молодой человѣкъ, наивный, какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ, какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится самому лучше, и самъ становишься лучше» [2]).

«Я занимался философіей, древними языками, исторіей,—разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ про то время, — и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худ-

[1]) «Ежемѣсячн. сочин.» 1891 г., дек. 312.
[2]) Анненковъ. „Воспом. и крит. очерки". III, 354.

шихъ кандидатовъ». Слова о недостаточной подготовкѣ Тургенева нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что Петербургскій университетъ не далъ ему знанія даже грамматики. Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ въ виду основательность изученія, отсутствіе поверхностности, торопливаго всезнайства, столь распространеннаго въ нашемъ обществѣ, что̀ онъ позднѣе и заклеймилъ устами Потугина въ «Дымѣ»: «Статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи—это тоже мы можемъ, а попробовалъ я какъ-то предложить одному такому сочинителю и политико-эконому назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете-ли, что изъ этого вышло? Вышло то̀, что политико-экономъ, съ отчаянія, въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ, наконецъ, Монфермейль, вспомнивъ, вѣроятно, польдекоковскій романъ». Кромѣ того, признанія Тургенева касаются болѣе всего филологическаго факультета, недостатки котораго замѣчаемы были даже питомцами другихъ факультетовъ того же университета, не побывавшими за границей. Такъ, В. В. Григорьевъ (оріенталитъ), сравнивая результаты научной подготовки филологовъ съ таковыми же у студентовъ восточнаго отдѣленія, высказалъ, въ сущности, ту же мысль Ивана Сергѣевича: «Можно сидѣть за умственною работою съ ранняго утра до поздняго вечера и все-таки не научиться путно ничему, остаться ученикомъ навѣки безъ всякой возможности выйти въ мастера. Стоитъ только для этого, какъ многіе и дѣлаютъ, приняться за работу съ конца, т. е. усвоить себѣ послѣдніе результаты науки, и потомъ «слѣдить за успѣхами ея», читая тьму журналовъ и обозрѣній. Этимъ способомъ ученость пріобрѣтается очень скоро, и при томъ ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, какъ все фальшивое, непрочна и, какъ все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы (студенты восточнаго отдѣленія) работали иначе: насъ заставляли учиться съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходить весь процессъ основательнаго пріобрѣтенія свѣдѣній, со всѣми его трудностями, учили бороться съ ними безъ отдыха и побѣждать. Въ дѣлѣ воспитанія важно не то, чему учить, а какъ учить» [1]).

Но изъ Тургенева не вышелъ и сухой собиратель знаній. Послѣднія не были для него простымъ балластомъ памяти. Отъ такой инертности его прежде всего спасало усиленное занятіе философіей Гегеля съ ея широкими обобщеніями, съ ея строго логическими построеніями. Да и поэтическая натура Ивана Сергѣевича никогда не допустила бы такой односторонности. Вотъ почему съ нимъ могъ произойти такой, напримѣръ характерный случай, записанный Фетомъ. Разъ на охотѣ (въ 1859 г.) Иванъ Сергѣевичъ шутливо потребовалъ отъ него названій пяти пор-

[1]) «В. В. Григорьевъ» Н. И. Веселовскаго, стр. 12.

тугальскихъ городовъ, кромѣ Лиссабона. «Только пяти, настойчиво прибавлялъ онъ. Назвавъ Опорто и Коимбру, я было сталъ втупикъ», разсказываетъ Фетъ: «но вдругъ вспомнилъ урокъ изъ Арсеньевской Географіи, и языкъ мой машинально пролепеталъ: Тавиро, Фаро и Лагосъ, портовые города.—«Ха-ха-ха! вынужденно захохоталъ Тургеневъ,—какой ужасный вздоръ».—«Очень жаль, что вы ихъ не знаете»,—сказалъ я, надѣясь на своего Арсеньева, какъ на каменную гору. Тургеневъ досталъ памятную книжку и записалъ города. «Хотите пари?» —«Пожалуй, отвѣчалъ я, на бутылку шампанскаго!»—«Нѣтъ, фальцетомъ протянулъ Тургеневъ: я хочу пробрать васъ хорошенько,—на дюжину шампанскаго!»—«Это значило бы пробрать васъ!»—«Знаемъ мы эти штуки! воскликнулъ Тургеневъ: это незнаніе въ одеждѣ великодушія». Мы ударили по рукамъ. На другой день Тургеневъ, подходя ко мнѣ въ биліардной со старой книжкой въ рукахъ, сказалъ: «А вѣдь шампанское-то я проигралъ, вѣдь вотъ они въ самомъ дѣлѣ, эти нелѣпые города» [1]). Иванъ Сергѣевичъ потому и высказалъ столь рѣшительно сомнѣніе въ знакомствѣ Фета съ географіей Португаліи, что ему, конечно, не могло придти въ голову, чтобы дѣйствительныя знанія пріобрѣтались, напримѣръ, запоминаніемъ трехъ незначительныхъ городовъ съ опущеніемъ десятка болѣе крупныхъ и важныхъ.

Насколько прочны были знанія, пріобрѣтенныя Тургеневымъ въ Берлинскомъ университетѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что Иванъ Сергѣевичъ до конца своей жизни свободно читалъ и любилъ читать римскихъ авторовъ въ подлинникѣ и могъ писать чуть не цѣлыя посланія друзьямъ на латинскомъ языкѣ; но онъ не былъ, конечно, столь одностороннимъ, чтобы видѣть въ древнихъ языкахъ альфу и омегу всякаго образованія. Вотъ что писалъ онъ впослѣдствіи по этому поводу Фету (6-го авг. 1871 г.): «Я выросъ на классикахъ и жилъ, и умру въ ихъ лагерѣ, но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherie даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другаго. «Fair play»,—говорятъ англичане; равенство и свобода,—говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться одинаковыми правами» [2]).

Но не древніе языки, повторяемъ, были главнымъ предметомъ занятій Тургенева: философія Гегеля, царившая тогда въ умахъ передовой молодежи русской, преимущественно въ кружкѣ Станкевича—вотъ что поглощало его вниманіе въ Берлинѣ, вотъ что составляло главный предметъ его споровъ съ пріятелями. Герценъ во всякомъ

---

[1]) Фетъ. «Мои воспоминанія». I, 308—309.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія". II, 237.

случаѣ, немного преувеличилъ въ своей извѣстной характеристикѣ увлеченій Гегелемъ, когда писалъ, что «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и проч. Гегеля, который бы не былъ взятъ нашими философами отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи перехватывающаго духа, принимая за обиды мнѣнія объ абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Гегель властвовалъ тогда въ мысляхъ не однихъ только русскихъ, вліяніе его сказывалось и среди нѣмецкихъ ученыхъ настолько сильно, что, по свидѣтельству Пирогова, учившагося въ 30-хъ годахъ въ Берлинѣ, вредно отказывалось даже на медицинѣ, отвлекая ее отъ чистаго наблюденія опыта.

Рядомъ съ увлеченіемъ философіей шло увлеченіе нѣмецкой поэзіей, преимущественно «Фаустомъ» Гете. Недаромъ критическая статья о «Фаустѣ» и переводъ отрывка изъ этой поэмы были въ числѣ первыхъ литературныхъ трудовъ Ивана Сергѣевича по возвращеніи изъ Берлина на родину. Черезъ 15 лѣтъ Тургеневъ вспоминаетъ свои увлеченія великимъ твореніемъ Гете въ слѣдующихъ строкахъ своего чуднаго разсказа «Фаустъ»: «Я увидѣлъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за границы, между прочимъ, Гетевскаго «Фауста». Тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, что было время, я зналъ «Фауста» наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова; я не могъ начитаться имъ... Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурнаго изданія 1828 года). Я унесъ съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленія духа земли, его слова: помнишь: «на жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенья» возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейленъ Клару, Штихъ и Зейдельмана въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все и вся»...

Вспоминая свои первые восторги «Фаустомъ», Тургеневъ, въ приведенномъ отрывкѣ перенесся воображеніемъ къ театру, къ лучшему въ то время берлинскому артисту Зейдельману и перенесся недаромъ; берлинская сцена, хотя въ общемъ и не бывала выдающейся, уступая не только парижской, но и вѣнской, такъ привлекла къ себѣ вниманіе русской молодежи, что до насъ дошли характеристики почти всѣхъ главныхъ артистовъ того времени въ письмахъ и воспоминаніяхъ

друзей Тургенева и его самого. Особенный восторгъ возбуждалъ упомянутый уже Зейдельманъ, отличавшійся въ роляхъ «Натана Мудраго» въ драмѣ Лессинга, Полонія въ «Гамлетѣ» и Мефистофеля въ «Фаустѣ». Игру въ послѣдней роли, такъ прочно оставшейся въ памяти Тургенева, Анненковъ описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени слѣдующимъ образомъ. «Невозможно болѣе отдѣлиться отъ собственной личности; при томъ же онъ (Зейдельманъ) еще создалъ какія-то особенныя ухватки, свидѣтельствовавшія о его чертовскомъ происхожденіи: такъ, онъ безпрестанно выправлялся, какъ будто испанская куртка помяла его крылья, ходилъ неровно и большими шагами, какъ будто копытцамъ его неловко въ узкихъ башмакахъ, страшная улыбка не сходила съ лица съ начала до конца пьесы, довершая различіе его отъ окружающихъ его людей. Но это только наружная отдѣлка роли; внутренняя еще совершеннѣе. Несмотря на видимую зависимость отъ Фауста, онъ господствовалъ надъ нимъ всею силою своего духа, а когда снизошелъ онъ до волокитства за старой вдовою, иронія была поразительна» [1]). Правда, русскіе студенты довольно скоро подмѣтили въ немъ излишнюю заботливость о внѣшней отдѣлкѣ ролей, но жизнерадостная молодость готова была всему посылать свой восторженный привѣтъ. Такъ привлекали къ себѣ ея вниманіе и двѣ соперничавшія, хотя и вполнѣ заурядныя, пѣвицы: высокая красивая брюнетка Леве, возбуждавшая горячую симпатію Грановскаго, и блондинка Фассманъ, очаровавшая Станкевича. Тургеневъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, не избѣгалъ и фарсовъ Кенигштадтскаго театра, гдѣ отличались два комика: Гернъ и Бекманъ. «Гернъ былъ карикатуристъ въ родѣ Живокини, у Бекмана было много неподдѣльнаго спокойнаго юмору», такъ отзывался о нихъ Иванъ Сергѣевичъ. Неистовый смѣхъ возбуждали они особенно въ знаменитыхъ въ то время фарсахъ, на которые стекался весь Берлинъ: «Путешествіе на общій счетъ» и «1739, 1839 и 1939 годы».

Тургеневъ не отказывалъ себѣ и въ другихъ удовольствіяхъ: посѣщалъ публичныя гулянья, маскарады, совершалъ прогулки верхомъ, но совершенно не употреблялъ вина и не участвовалъ ни въ студенческихъ кутежахъ, ни въ «коммершахъ», хотя потомъ и описалъ послѣдніе не безъ теплаго чувства во второй главѣ своей «Аси». Заходилъ онъ развѣ въ тотъ погребъ (ресторанъ), гдѣ пьянствовалъ знаменитый романтикъ и ненавистникъ филистеровъ — Гофманъ. Но и сюда онъ показывался лишь для того, чтобы, глядя на картину, висѣвшую на стѣнѣ, вспомнить о писателѣ, сочиненія котораго производили чарующее впечатлѣніе на тогдашнюю молодежь, и настоящее безпри-

[1]) „Анненковъ и его друзья", 131.

страстное мнѣніе о которомъ Иванъ Сергѣевичъ высказалъ лишь много позднѣе, упрекнувъ его въ XII главѣ «Вешнихъ водъ» за отсутствіе поэзіи. На картинѣ этой былъ изображенъ Гофманъ въ ту минуту, какъ, устремивъ масленые глаза на Девріента, вынимаетъ онъ часы и напоминаетъ знаменитому трагику, такому же пьяницѣ, какъ и онъ самъ, о времени идти въ театръ на работу, а Девріентъ, какъ школьникъ, почесываетъ въ головѣ и высоко поднимаетъ прощальный бокалъ. Но Тургеневъ не уклонялся отъ участія въ студенческихъ серенадахъ, которыя устраивались слѣдующимъ образомъ: студенты, восхищенные лекціями профессора, нанимали музыкантовъ, приходили подъ окно учителя и, послѣ увертюры, пѣли пѣсни въ честь науки, университета и преподавателя. Послѣдній, выходя къ студентамъ, горячо благодарилъ ихъ за оказанную ему честь. «Помните-ли восторженныя описанія лекцій Вердера—писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ 1847 году [1]),—ночной серенады подъ его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ»?

Изъ товарищей Тургеневъ посѣщалъ преимущественно тѣхъ, которые жили скромно; за ихъ длинными бесѣдами подавался обыкновенно рѣдкій въ то время въ Берлинѣ русскій чай и хлѣбъ съ холодной говядиной. Изъ семейныхъ домовъ Иванъ Сергѣевичъ любилъ посѣщать Фроловыхъ, проводившихъ зимы 1837—40 годовъ въ прусской столицѣ. Вотъ, что онъ самъ разсказываетъ объ этой семьѣ, вѣрнѣе о ея хозяйкѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Станкевичѣ: «Г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замѣчательная. Уже немолодая, съ здоровьемъ совершенно разстроеннымъ (она скоро потомъ умерла), некрасивая, она невольно привлекала своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей. Она обладала искусствомъ mettre les gens à leur aise—сама говорила немного, но каждое слово ея не забывалось. Въ ней было много наблюдательности и пониманія людей. Русскаго въ ней было мало—она скорѣе походила на очень умную француженку, un peu de l'ancien régime. Стефанія Баденская считала ее въ числѣ своихъ пріятельницъ. Беттина часто ходила къ ней, хотя въ душѣ ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась съ Беттиной un peu de haut en bas. Вердеръ бывалъ у ней часто; Гумбольдъ посѣщалъ ее иногда. Я ходилъ молчать, разиня ротъ, и слушать. Фроловъ самъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ — сидѣлъ въ углу, разливалъ чай, значительно мычалъ, поводилъ глазами, подергивалъ усы, но не раскрывалъ рта. Варнгагенъ (извѣстный біографъ) ходилъ къ Фроловымъ—онъ любилъ выводить на свѣжую воду Беттину, которая его терпѣть не могла и называла его Giftesel» [2]).

---

[1]) „Современникъ", 1847 г. кн. 3.

[2]) „Вѣсти. Евр.", 1899 г., кн. 1, стр. 11.

*

Мы должны остановиться на минуту на упомянутыхъ въ этомъ отрывкѣ именахъ Гумбольда, Варнгагена и Беттины. Гумбольдъ (Александръ), за 10 лѣтъ передъ тѣмъ совершившій свое извѣстное путешествіе по Россіи, походившее скорѣе на тріумфальное шествіе, чѣмъ на научную экспедицію, съ 1832 года проживалъ въ Берлинѣ. Между трудами своими по обработкѣ «Космоса» онъ находилъ тамъ время посѣщать университетскія лекціи, чтобы, по его выраженію—«наверстать то, что упустилъ въ юности». Гумбольда въ этомъ отношеніи можно считать какъ бы однокурсникомъ Тургенева, такъ какъ знаменитаго ученаго, «Аристотеля XIX вѣка», тогда уже 70-ти лѣтняго старика, нерѣдко можно было видѣть въ аудиторіи среди студентовъ старательно слушавшаго и записывавшаго лекціи тѣхъ же самыхъ профессоровъ, какихъ слушалъ и Тургеневъ со своими друзьями — Бека, Риттера и другихъ.

Беттина или Елизавета фонъ-Арнимъ, экзальтированная поклонница Гете, влюбившаяся въ него, 60-лѣтняго старика, когда самой было всего 22 года, незадолго до появленія Тургенева въ Берлинъ издала свою переписку съ великимъ германскимъ поэтомъ. Несмотря на то, что Фролова относилась къ ней нѣсколько свысока, а Варнгагенъ любилъ «выводить ее на свѣжую воду», несмотря на то, что горячей поклонницѣ Гете было тогда уже 53 года, и она красила свои волосы, Тургеневъ признавался впослѣдствіи, что вмѣстѣ съ друзьями «воспламенялся отъ Беттины».

Варнгагенъ фонъ-Энзе—выдающійся нѣмецкій критикъ и біографъ первой половины прошлаго столѣтія, хорошо былъ извѣстенъ въ русскомъ образованномъ обществѣ конца 30-хъ годовъ, главнымъ образомъ, благодаря кружку Станкевича, къ которому Варнгагенъ былъ близокъ. Особенно подкупало молодыхъ русскихъ писателей его глубокое уваженіе къ Пушкину. Критическая статья о нашемъ поэтѣ, помѣщенная Варнгагеномъ въ журналѣ (основанномъ Гегелемъ) «Jahrbücher für urssenchaft. Kritik» въ 1839 году вызвала, между прочимъ, восторженный отзывъ Каткова въ «Отечеств. Запискахъ» за тотъ же годъ. На Беттину Варнгагенъ нападалъ потому, что его собственная жена, знаменитая Рахиль († 1833), такъ много сдѣлавшая для ознакомленія берлинской публики съ Гете, несмотря на свое преклоненіе передъ геніемъ творца «Фауста», никогда не искала ни его знакомства, ни переписки съ нимъ.

Тургеневъ, равнодушный къ студенческимъ шалостямъ, имѣя довольно ограниченный кругъ товарищей, сдержанный въ спорахъ и бесѣдахъ, находилъ выходъ своимъ молодымъ, юношескимъ потребностямъ въ совершенно дѣтскихъ забавахъ. «Сколько припомню,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—я, несмотря на свои 21—22 года, былъ

еще совсѣмъ мальчуганъ. Судите сами: то я читалъ Гегеля и изучалъ философію, то я со своимъ дядькой забавлялся—и чѣмъ бы вы думали?—воспитаніемъ собаки, случайно мнѣ доставшейся. Съ собакой этой возня у меня была пребольшая: притравили мы ее къ крысамъ. Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу, я сію же минуту бросаю и Гегеля и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами. Впрочемъ, съ дядькой я жилъ полнымъ пріятелемъ и бывало строчилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ любовныя письма къ его возлюбленной» [1]). Грановскій, зайдя разъ къ Тургеневу, засталъ его играющимъ въ картечные солдатики съ этимъ самымъ «полнымъ пріятелемъ». И молодой баринъ, и его крѣпостной слуга пресерьезно опрокидывали другъ у друга карточныя шеренги.

Дядька Ивана Сергѣевича, сопровождавшій его за границу—Порфирій Тимофеевичъ Кудряшовъ, былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ для него въ берлинскій періодъ; но здѣсь мы должны обратить вниманіе лишь на тѣхъ лицъ, которыя оказали благотворное вліяніе на будущаго романиста. Мы должны остановиться на Невѣровѣ, Грановскомъ, Станкевичѣ и Бакунинѣ; особенно на двухъ послѣднихъ. Переходя къ этимъ замѣчательнымъ личностямъ, прежде все должны указать на то, что всѣ они были старше Тургенева: Невѣровъ на 8 лѣтъ, Грановскій и Станкевичъ на 5 лѣтъ и Бакунинъ на 4 года.

Невѣровъ, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, началъ службу канцеляристомъ въ уѣздномъ судѣ. По смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи, приготовился, минуя гимназію, къ поступленію въ Московскій университетъ, куда и поступилъ въ 1828 году. Кончивъ курсъ кандидатомъ, онъ съ 1832 по 1836 годъ служилъ въ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», а затѣмъ въ маѣ 1837 г. отправился въ Берлинскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи до весны 1839 г. Вернувшись въ Россію, Невѣровъ занималъ директорскія мѣста въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1864 по 1879 г. былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Въ Берлинѣ Невѣровъ жилъ нѣкоторое время въ одномъ домѣ съ Тургеневымъ и не мало содѣйствовалъ сближенію Ивана Сергѣевича съ Грановскимъ и Станкевичемъ. Невѣровъ былъ совсѣмъ не лишнимъ собесѣдникомъ въ кругу молодежи, страстно увлекавшейся философіей Гегеля, такъ какъ не особенно довѣрялъ послѣдней и не жаловалъ вообще неопредѣленныхъ порывовъ, предчувствій, стремленій. Станкевичъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся «положительнымъ, порядочнымъ направленіемъ, соединеннымъ съ снисхожденіемъ и величайшей добротою». Иванъ Сергѣе-

[1]) „Русск. Стар." 1883 г., октябрь, 205.

вичъ впослѣдствіи встрѣчался съ Невѣровымъ лишь въ мартѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ и никогда не состоялъ съ нимъ въ переписке, но это не мѣшало ему сохранять добрыя воспоминанія о берлинскомъ товарищѣ.

Точно также лишь одну зиму встрѣчался Тургеневъ въ Берлинѣ съ Грановскимъ. Послѣдній одновременно съ Невѣровымъ вернулся въ Россію въ 1839 году. Въ своемъ извѣстномъ некрологѣ, посвященномъ знаменитому профессору, Иванъ Сергѣевичъ признается, что въ Берлинѣ «почти не видался» съ Грановскимъ, «не сошелся съ нимъ». «Говоря правду,—продолжаетъ Тургеневъ,—я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ». Всегда замѣчательная скромность Ивана Сергѣевича сказывается въ этихъ словахъ. Онъ не сошелся съ Грановскимъ въ Берлинѣ, т. е. не сдѣлался его другомъ въ настоящемъ значеніи слова, но отношенія между ними за границей не были лишь чисто внѣшними, хотя вполнѣ сердечныя связи между ними завязались позднѣе, по возвращеніи Тургенева на родину. Уже одно письмо Ивана Сергѣевича къ нему о смерти Станкевича указываетъ, что о холодности не можетъ быть и рѣчи; ея не было въ отношеніяхъ Тургенева къ Грановскому и тогда, когда оба они были еще на студенческой скамьѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, встрѣчались они въ Берлинѣ не очень рѣдко, и къ этимъ встрѣчамъ, а не къ однимъ позднѣйшимъ, мы должны отнести слѣдующія слова Тургенева: «Каждое свиданіе оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, онъ внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно-чистымъ, ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другаго; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: «ничто человѣческое мнѣ не чуждо», и потому и его не чуждалось ничто человѣческое.

Но какъ бы благотворно ни было вліяніе Грановскаго на Ивана Сергѣевича въ берлинскій періодъ жизни послѣдняго, оно не можетъ равняться, однако, съ вліяніемъ на него Станкевича. Знакомство Тургенева съ этой замѣчательной личностью, ставшей какъ-бы центромъ того идеализма, которымъ отличались 40-ые годы, цѣликомъ относится именно къ этому пребыванію Ивана Сергѣевича за границей.

Тургеневъ познакомился со Станкевичемъ въ сентябрѣ 1838 года въ Берлинѣ, куда прибылъ Станкевичъ изъ своего путешествія по Рейну и Бельгіи. До этого времени Иванъ Сергѣевичъ мало о немъ слышалъ. «Помню я,—писалъ онъ впослѣдствіи, — что, когда Грановскій упомянулъ о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, я спросилъ его, не

«виршеплетъ»-ли это Станкевичъ? И Грановскій, смѣясь, представилъ мнѣ его подъ именемъ «виршеплета». Въ теченіе зимы (1838—39 гг.) я довольно часто видался со Станкевичемъ (въ кружкѣ Фроловыхъ), но не помню, чтобы мы вмѣстѣ ходили на лекціи: онъ бралъ privatissima у Вердера, а въ университетъ не ходилъ. Станкевичъ не очень меня жаловалъ и гораздо больше зналъ съ Грановскимъ и Невѣровымъ; я очень скоро почувствовалъ къ нему уваженіе и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей, впрочемъ, не отъ его обхожденія со мною, которое было весьма ласково, какъ со всѣми, но отъ внутренняго сознанія «собственной недостойности и лживости». Послѣднія слова воспоминаній опять нуждаются въ оговоркѣ. Идеализмъ и отзывчивость Станкевича порука тому, что «уваженіе» и «нѣчто въ родѣ болѣзни» со стороны Тургенева не остались безъ отклика. «Недостойность и лживость» Ивана Сергѣевича, конечно, были прежде всего внѣшними недостатками молодости, и самъ Станкевичъ въ письмахъ къ московскимъ друзьямъ своимъ предостерегалъ не судить о Тургеневѣ по его внѣшности. Правда, былъ одинъ поводъ къ нѣкоторой сдержанности отношеній Станкевича къ Тургеневу:— наговоръ на Ивана Сергѣевича со стороны дѣвушки, которой интересовался въ то время Станкевичъ, но это недоразумѣніе скоро разсѣялось. «Во время моего пребыванія въ Берлинѣ,—продолжаетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я не добился довѣренности или расположенія Станкевича,—онъ, кажется, ни разу не былъ у меня; Грановскій былъ всего только разъ, и при мнѣ у нихъ не было откровенныхъ разговоровъ. — Я встрѣчалъ его потомъ, въ началѣ 1840 года (мартъ, апрѣль, май), въ Италіи, въ Римѣ. Въ Римѣ я сошелся съ нимъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ—я его видѣлъ каждый день, и онъ ко мнѣ почувствовалъ расположеніе. Въ Римѣ находилось тогда русское семейство Ховриныхъ, къ которому Станкевичъ, я и еще одинъ русскій — А. П. Ефремовъ [1]) ходили безпрестанно. Семейство это состояло изъ мужа (весьма обыкновеннаго человѣка, отставнаго гусара), жены, извѣстной московской барыни, Марьи Дмитріевны, и двухъ дочерей... Мы разъѣзжали по окрестностямъ Рима, вмѣстѣ осматривали памятники и древности. Станкевичъ не отставалъ отъ насъ, хотя часто плохо себя чувствовалъ, но духъ его никогда не падалъ, и все, что онъ ни говорилъ о древнемъ мірѣ, о живописи, ваяніи и т. д., было исполнено возвышенной правды и какой-то свѣжей красоты и молодости. Въ 12 и 13 главѣ своей фантазіи «Призраки» Тургеневъ обезсмертилъ одну изъ такихъ поѣздокъ со Станкевичемъ.

---

[1]) А. П. Ефремовъ (1815—76) питомецъ Московскаго университета. Съ 1839 по 1843 г. учился за границей. По возвращеніи въ Россію, нѣкоторое время занималъ каѳедру географіи въ Московскомъ университетѣ.

Самый фактъ, развившійся въ чудную картину этихъ главъ, Иванъ Сергѣевичъ передаетъ такъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Разъ возвращаясь въ открытой коляскѣ изъ Альбано, поравнялись мы съ высокой развалиной, обросшей плющемъ; мнѣ почему-то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ «Divus Carus Iulius Caesar!» Въ развалинѣ эхо отзывалось будто стономъ. Станкевичъ, который до того времени былъ очень разговорчивъ и веселъ, вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?»

Въ Римѣ Тургеневъ сильно интересовался также музыкой и живописью, послѣдней въ такой степени, что началъ даже брать уроки у нѣмецкаго живописца Рунде. Музыкальный вкусъ Ивана Сергѣевича развивался подъ вліяніемъ піаниста Брыкчинскаго, поляка, друга Листа. Брыкчинскій часто бывалъ у Ховриныхъ и близко сошелся со Станкевичемъ. «У Брыкчинскаго,—писалъ Тургеневъ,— было весьма замѣчательное, энергическое и умное лицо, онъ зналъ, что его болѣзнь (чахотка) безнадежна, а мы всѣ знали, что и Станкевича болѣзнь безнадежна».

Эстетическія удовольствія, серьезныя бесѣды пріятелей были вполнѣ непринужденны, не имѣли и тѣни напряженности и легко смѣнялись шуткой, веселой шалостью. «Въ Римѣ я одно время рисовалъ каррикатуры—вспоминалъ впослѣдствіи Тургеневъ,—иногда довольно удачно. Станкевичъ задавалъ мнѣ разные забавные сюжеты и очень этимъ потѣшался. Особенно смѣялся онъ одной каррикатурѣ, въ которой я изобразилъ свадьбу Маркова (живописца, впослѣдствіи профессора) [1]); Марковъ вздыхалъ по Шушу [2]), къ которой, грѣшный человѣкъ, и я не былъ совершенно равнодушенъ». Въ этихъ шуткахъ особенно ярко проявлялась симпатія Станкевича къ Тургеневу, но Иванъ Сергѣевичъ приводитъ и другаго рода примѣры искренняго расположенія своего друга: «Станкевичъ нѣсколько разъ осаживалъ меня довольно круто, чего онъ въ Берлинѣ не дѣлалъ—въ Берлинѣ онъ меня чуждался. Разъ въ катакомбахъ, проходя мимо маленькихъ нишей, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились остатки подземнаго богослуженія въ первые вѣка христіанства, я воскликнулъ: «Это были слѣпыя орудія Провиденья!» Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ, да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ передъ мраморной статуей св. Цециліи я проговорилъ стихи Жуковскаго: «И прелести явленіемъ, по привычкѣ, любуется, какъ встарь, душа моя».

---

[1]) Марковъ, Ал. Тар., 1801—1878 г.г.

[2]) Старшая дочь Ховриныкъ.

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по привычкѣ любуется прелестью, да еще въ такіе молодые года».

Характеризуя нравственный обликъ своего друга, Тургеневъ писалъ впослѣдствіи: «Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересуясь каждымъ человѣкомъ и, какъ-бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Никто такъ гуманно, такъ прекрасно не спорилъ, какъ онъ. Фразы въ немъ и слѣда не было; даже Толстой (Л. Н.) не нашелъ бы ея въ немъ... Невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе» [1]). Намъ понятенъ будетъ послѣ приведенныхъ словъ тотъ порывъ скорбнаго чувства, вызванный извѣстіемъ о смерти Станкевича, который такъ краснорѣчиво выразился въ извѣстномъ письмѣ Тургенева къ Грановскому отъ 4-го іюля 1840 г.: «Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой... Я сблизился съ нимъ въ Римѣ; я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души... Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ... Мы часто говорили о смерти: онъ признавалъ въ ней границу мысли и, мнѣ казалось, тайно содрогался... Ему-ли умереть? Онъ такъ глубоко, такъ искренно признавалъ и любилъ святость жизни, несмотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить, онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи... Холодная рука смерти пала на его голову, и цѣлый міръ погибъ. Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи «in ihm ist auch ein Theil von Innen gestorben». Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: «Ich fühle es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler meine Jünger sterben, ob Ich überlebe sie!». Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Я оглядываюсь, ищу,—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?». Остановимся на этой именно выпискѣ изъ длиннаго письма Ивана Сергѣевича, чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ его: достойнымъ послѣдователемъ Станкевича, не давшимъ погибнуть его вліянію, и былъ прежде всего самъ поставившій этотъ вопросъ—И. С. Тургеневъ.

Объ общемъ облагораживающемъ, возвышающемъ вліяніи Станке-

---

[1]) Воспом. Тургенева о Станкевичѣ въ „Вѣстн. Евр.“ 1899 г., кн. 1, стр. 14.

вича мы еще скажемъ дальше, а здѣсь отмѣтимъ тѣ черты, характеризующія позднѣйшую дѣятельность Тургенева, на укрѣпленіе и развитіе которыхъ Станкевичъ долженъ былъ оказать рѣшительное и сильное вліяніе.

Послѣ Пушкина одинъ только Тургеневъ обладалъ той полнотой духовной свободы, какая необходима для истиннаго художника. Недаромъ въ защиту знаменитаго сонета Пушкина: «Поэтъ, не дорожи любовію народной», Тургеневъ писалъ: «Безъ образованія, б е з ъ с в о б о д ы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—не мыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя». Станкевичъ въ высокой степени обладалъ этимъ качествомъ, и нигдѣ не проявлялось оно въ столь наглядномъ и блестящемъ видѣ, какъ въ Римѣ. Въ то время, какъ иностранные туристы считали своимъ долгомъ восторгаться и восхищаться окружающими красотами природы и искусства по установленнымъ шаблонамъ, повторяя заѣзженные возгласы и замѣчанія, съ книжкой въ рукахъ объѣзжая и обѣгая всѣ закоулки Рима, какъ бы желая убѣдиться только—все-ли на своемъ мѣстѣ, Станкевичъ сумѣлъ быть и оригинальнымъ, и искреннимъ въ своихъ наблюденіяхъ, какъ это видимъ изъ его переписки. Любуясь Колизеемъ, онъ не повторяетъ затвержденныя на школьной скамьѣ разсужденія объ этомъ памятникѣ величія Рима, а говоритъ, что думаетъ и чувствуетъ: «Не знаю, каковъ онъ былъ въ своемъ цвѣту, въ первобытномъ видѣ, но вѣрно не лучше, чѣмъ теперь. Я не думалъ много о его назначеніи... Я видѣлъ только огромную гармоническую развалину и темносинее небо, просвѣчивавшее во всѣ ея окна». Точно также въ замѣчаніяхъ Станкевича и о другихъ памятникахъ Рима не найдемъ ни пустаго повторенія ранѣе высказанныхъ мнѣній, ни напрасныхъ усилій проникнуть въ тѣ стороны искусства, которыя не вызывали живаго отклика въ его душѣ. Посѣтивъ величественный соборъ Петра, Станкевичъ замѣчаетъ: «Я никогда не могъ ждать отъ архитектуры чего-нибудь охватывающаго душу; душа выше ея, но она довольна, когда находитъ себѣ такое жилище». Съ полной откровенностью заявляетъ онъ передъ «Моисеемъ» Микель-Анджело, что художникъ понималъ въ представленіи божественнаго одно только свойство—силу.

Эта свобода воззрѣній, эта постоянная оригинальность должна была оказать сильное вліяніе на молодаго воспріимчиваго Тургенева, не разлучавшагося въ Римѣ со Станкевичемъ. Слѣды впечатлѣнія, произведеннаго тогда на Ивана Сергѣевича этой стороной характера его друга, видимъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ его обличеніи по адресу соотечественниковъ, посѣщающихъ Италію,—обличеніи, вложенномъ въ

уста Гамлета Щигровскаго уѣзда: «Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила... Словомъ, и тутъ велъ себя, какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи... Сказать бы мнѣ это просто вслухъ... Нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески».

Вся жизнь Станкевича, по выраженію его біографа, «есть только исторія необыкновенно пытливаго ума, ищущаго гармоническихъ, согласныхъ соотношеній съ необычайно деликатнымъ и любящимъ сердцемъ». Насколько добросовѣстенъ и искренекъ былъ Станкевичъ въ стремленіи согласовать слово съ дѣломъ, мысль съ нравственной и житейской практикой, видно уже изъ того, что онъ даже отвлеченнѣйшіе выводы гегелевской философіи старался привести въ живую связь съ потребностями сердца, съ образомъ дѣйствій, со всей своей жизнью. Конечно, онъ переставалъ быть отъ этого философомъ на нѣмецкій манеръ, но противорѣчій мысли съ дѣломъ не бывало и слѣда. Всѣмъ извѣстно, сколь многіе изъ прославленныхъ писателей нашихъ далеки были отъ этого идеала, и если Иванъ Сергѣевичъ являлся здѣсь блестящимъ исключеніемъ, то этимъ онъ очень много былъ обязанъ Станкевичу. Ему онъ обязанъ развитіемъ въ себѣ и тѣхъ идеальныхъ отношеній къ женщинѣ, тѣхъ чистыхъ воззрѣній на любовь, какими отличался Тургеневъ передъ всѣми русскими писателями, отличался даже передъ Пушкинымъ съ его чуднымъ типомъ Татьяны. Иванъ Сергѣевичъ нечаянно былъ замѣшанъ въ одну сердечную исторію Станкевича, съ другой стороны Станкевичъ былъ какъ бы посредникомъ въ одной сердечной исторіи Тургенева. Этого вполнѣ достаточно было, чтобы заронить хорошія сѣмена въ душу будущаго творца такихъ типовъ, какъ Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», Елена въ «Наканунѣ» и другихъ. Всѣ эти сердечныя исторіи были, конечно, юношескими увлеченіями, не имѣвшими рѣшающаго значенія въ жизни того и другаго, но дѣло отъ этого не мѣняется. Въ Берлинѣ Станкевичъ познакомился съ веселой и умной дѣвушкой, которую всѣ знали подъ именемъ Берты и которая жила съ дядей, добрымъ ограниченнымъ старикомъ, выдававшимъ себя за барона. Ею-то и увлекся Станкевичъ. «Я разъ поѣхалъ съ ней кататься верхомъ въ Тиргартенъ,—разсказываетъ Тургеневъ,—она очень со мною кокетничала, а вернувшись, увѣрила Станкевича, что я дѣлалъ ей предложеніе, а она просто мнѣ не нравилась». Этотъ казусъ былъ одно время причиной даже нѣкоторой холодности Станкевича къ Тургеневу. Когда друзья жили въ Римѣ, Иванъ Сергѣевичъ увлекся старшей дочерью Ховриной, которую звали Шушу; ей тогда только-что минуло

16 лѣтъ, она была очень мила и въ тайнѣ чувствовала симпатію къ Станкевичу. Послѣдній зналъ объ увлеченіи своего друга и подтруниваль добродушно надъ Иваномъ Сергѣевичемъ, говоря, что «Шушины глазки растревожили молодца». Вотъ несложные сердечные эпизоды двухъ молодыхъ людей. Но они не могли пройти безслѣдно для Тургенева, именно вслѣдствіе чрезвычайно совѣстливаго, чистаго, идеальнаго отношенія Станкевича къ подобнымъ вопросамъ. «Потребность любви,—писалъ Станкевичъ одному изъ друзей,—должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи; нѣтъ, любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую, полнѣйшую жизнь». «Любовь—вѣдь это родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновенье, каждую точку жизни»,—писалъ онъ въ другой разъ.

Мы не хотимъ преувеличивать значеніе Станкевича въ нравственномъ развитіи Тургенева; Бѣлинскій, съ которымъ вскорѣ по возвращеніи на родину сблизился Иванъ Сергѣевичъ, не менѣе благотворно вліялъ на него, но почва была подготовлена все же Станкевичемъ.

Какъ мы уже говорили, въ началѣ іюля 1840 года Тургеневъ вернулся въ Берлинъ изъ своей поѣздки по Италіи и Швейцаріи. Какъ разъ къ тому же времени появился въ прусской столицѣ и столь извѣстный впослѣдствіи Бакунинъ. Онъ близко сошелся съ Иваномъ Сергѣевичемъ, они поселились въ одной квартирѣ и всюду показывались вмѣстѣ.

Бакунинъ явился тогда въ Берлинъ совсѣмъ не тѣмъ революціонеромъ и анархистомъ, какимъ его знали въ 1848 году и позднѣе. Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ въ немъ не «отрицателя всѣхъ извѣстныхъ формъ правленія», не «врага сложившихся окончательно государствъ, обособившихся національностей, ихъ общественныхъ преданій и вѣрованій», а человѣка совсѣмъ противоположной окраски. На своихъ современниковъ въ концѣ 30-хъ годовъ Бакунинъ производилъ впечатлѣніе человѣка «глубоко консервативнаго, религіознаго, даже съ мистическимъ оттѣнкомъ, семейно-добродѣтельнаго, нравственнаго, музыкальнаго»,—какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ. Съ 1838 года въ возобновленномъ «Московскомъ Наблюдателѣ» Бакунинъ, страстный проповѣдникъ философіи Гегеля, на которую натолкнулъ его Станкевичъ, сталъ проповѣдовать ученіе о разумности и святости всего дѣйствительно существующаго, выводя это ученіе изъ разсужденій любимаго философа. Въ названномъ журналѣ онъ доказывалъ, что «въ жизни все прекрасно, все благо и что самыя страданія въ ней необходимы, какъ очищеніе духа». «Примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени,—писалъ

Бакунинъ,—и Гегель и Гёте,—главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни».

Ученіе о разумности всего существующаго, провозглашенное Бакунинымъ, какъ извѣстно, надѣлало много шуму въ концѣ 30-хъ годовъ и сбило съ толку Бѣлинскаго, который признался въ одномъ письмѣ къ Станкевичу, что для него слово дѣйствительность стало равнозначительно слову Богъ. Но молодые русскіе гегеліанцы скоро убѣдились въ своей односторонности, и уже въ 1842 году Бакунинъ помѣстилъ въ извѣстномъ журналѣ А. Руге—статью свою подъ псевдонимомъ Elizard, которая возбудила вниманіе ученыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ своими искусно построенными обвиненіями нѣмецкаго генія въ безплодной способности его переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики и затѣмъ, увидавъ ихъ въ облаченія и пышныхъ орнаментахъ философской теоріи, успокаиваться и приниматься опять за новыя упражненія въ томъ же родѣ [1]). Какъ бы то ни было, но въ періодъ совмѣстной жизни съ Тургеневымъ Бакунинъ былъ еще безграничнымъ оптимистомъ. Нельзя, конечно, предполагать, что вопросы политики и общественной жизни занимали видное мѣсто въ ихъ бесѣдахъ и спорахъ; Бакунинъ, какъ и всѣ члены кружка Станкевича, интересовались болѣе всего вопросами общими: о нравственности, о цѣли жизни, о бытіи Бога и др. Недаромъ Тургеневъ, изобразивъ въ своемъ Рудинѣ характеръ Бакунина, заставилъ героя повѣсти говорить свои вдохновенныя рѣчи на темы о самолюбіи, о просвѣщеніи, о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка, о позорѣ малодушія и лѣни, о трагическомъ въ жизни и искусствѣ, о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы.

Относительно вліянія, произведеннаго Бакунинымъ на Тургенева, можно съ увѣренностью сказать, что оно было не глубоко, не проникало въ самыя основы души, какъ вліяніе Станкевича, оно было довольно поверхностно, хотя, можетъ быть, и сильно; затрогивало болѣе умъ, чѣмъ сердце. Бѣлинскій справедливо отзывался о Бакунинѣ 30-хъ годовъ: «Это пророкъ и громовержецъ, но съ румянцемъ на щекахъ и безъ пыла въ организмѣ». Лучшей оцѣнкой вліянія Бакунина являются замѣчанія Тургенева, вложенныя въ уста Лежнева въ «Рудинѣ». Эта оцѣнка тѣмъ болѣе важна для насъ, что выводится изъ сравненія Бакунина (Рудина) со Станкевичемъ (Покорскимъ). Характеристику эту мы и должны выписать, замѣнивъ псевдонимы настоящими именами, на что̀ даетъ намъ право позднѣйшее признаніе самого Тургенева: «Когда я изображалъ Покорскаго (въ «Рудинѣ»), образъ Стан-

[1]) Анненковъ, „Воспом. и критич. очерки", III, 166.

кевича носился предо мною, но все это только блѣдный очеркъ» [1]).— «Въ основу Рудина положенъ Бакунинъ. Я его хорошо зналъ и прожилъ съ нимъ, будучи студентомъ въ Берлинѣ, цѣлый годъ въ одной комнатѣ [2]). Но обратимся къ сравнительной характеристикѣ Станкевича и Бакунина, какими они являлись въ студенческихъ воспоминаніяхъ Тургенева, излагаемыхъ устами Лежнева: «Станкевичъ и Бакунинъ не походили другъ на друга. Въ Бакунинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Станкевича, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ: Бакунинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски, но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Станкевича. Станкевичъ былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не далъ бы никому въ обиду. Бакунинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть-ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе, тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ ихъ во имя общихъ началъ и идей и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ, одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Станкевичу всѣ отдавались сами собой. Зато Бакунинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Станкевичъ и чѣмъ всѣ мы; при томъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину вѣрили, что обладаете истиной... Оттого-то Бакунинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите-ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже по-

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1899 г., янв., стр. 15.

[2]) Воспомин. А. Половцева въ календарѣ „Царь-колоколъ" на 1887 г., стр. 77.

нятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона міроваго мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Бакунина, намъ впервые показалось, что мы, наконецъ, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконецъ, завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! Но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ-бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призваными къ чему-то великому... Бакунину мы тогда были обязаны многимъ. Станкевичъ былъ несравненно выше его, безспорно; Станкевичъ вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый, зато, когда онъ расправлялъ свои крылья,—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Бакунинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ, страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура-съ!».

Самый придирчивый біографъ не прибавитъ, ни выкинетъ изъ приведенной выписки ни единаго слова. Эта лучшая характеристика Бакунина въ первый періодъ его дѣятельности до 1842 года и лучшая оцѣнка его вліянія на Тургенева. Лишь философскій оптимизмъ его, отмѣченный въ подчеркнутыхъ нами словахъ, былъ воспринятъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ очень умѣренной степени. Извѣстное изреченіе Гегеля: «что разумно—то дѣйствительно, что дѣйствительно—то разумно» Тургеневъ понималъ не въ Бакунинскомъ смыслѣ; онъ твердо помнилъ, что Гегель не все существующее признавалъ за дѣйствительность. Но вліяніе Бакунина на Ивана Сергѣевича имѣло и обратную, темную сторону, чего нельзя сказать про вліяніе Станкевича. «Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей—говоритъ Лежневъ,—кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ а стоитъ только произнести при немъ имя Станкевича, и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупоришь забытую стклянку съ духами». Такого отзыва не прочтемъ о Бакунинѣ во всей повѣсти. Что же касается собственно отрицательной стороны вліянія Бакунина, то она сказалась въ нѣкоторомъ вле-

ченіи къ фразѣ и позѣ, которымъ Иванъ Сергѣевичъ сердилъ своихъ знакомыхъ въ первое время по возвращеніи изъ-за границы. Что такой результатъ могъ получаться отъ рѣчей и проповѣдей Бакунина, даже у вполнѣ спокойныхъ натуръ, можемъ видѣть изъ той же повѣсти Тургенева въ разсказѣ Лежнева о своемъ юношескомъ романѣ, въ который вмѣшался Рудинъ со своими толкованіями и разъясненіями. «Я уши развѣсилъ—признается Лежневъ, слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться переталъ». Все это не значитъ, конечно, будто у Бакунина наклонность къ фразѣ и позѣ была сознательнымъ кокетствомъ: онъ еще въ ранней молодости представлялъ себя героемъ, совершающимъ высокіе подвиги, при чемъ часто исчезалъ изъ подъ родительскаго крова, обставляя свои побѣги романтическими подробностями [1]). Нельзя, конечно, увлеченія Тургенева внѣшностью, эффектомъ, оригинальничаньемъ приписывать одному вліянію Бакунина, но въ манерѣ держать себя такого впечатлительнаго юноши, какимъ былъ тогда Иванъ Сергѣевичъ, несомнѣнно, сказывалось воздѣйствіе и его университетскаго товарища.

Въ заключеніе интересно отмѣтить тѣ выводы и впечатлѣнія о нѣмцахъ и нѣмецкой культурѣ, какіе вынесъ Тургеневъ изъ Берлина. Сдѣлаемъ это по наиболѣе подходящей для указанной цѣли критической статьѣ его о «Фаустѣ» Гете. Помѣщенная въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 годъ, а составленная, конечно, раньше, она хотя не передаетъ первыхъ свѣжихъ впечатлѣній, но должна быть отнесена къ періоду особеннаго увлеченія автора германской наукой и философіей.

Не скрывая своего уваженія къ нѣмецкой національности, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ о ней, однако, совершенно спокойно, безъ всякаго пристрастія. Искорки увлеченія появляются у него, лишь когда онъ переходитъ къ своей родинѣ. «Мы не будемъ безсмысленно преклоняться передъ «Фаустомъ»—пишетъ критикъ—потому, что мы русскіе; но поймемъ и оцѣнимъ великое твореніе Гете, потому что мы европейцы... Насъ не испугаетъ отсутствіе «примиренія» (въ «Фаустѣ»), о которомъ мы говорили выше; мы какъ народъ юный и сильный, который вѣритъ и имѣетъ право вѣрить въ свое будущее—не очень-то хлопочемъ объ округленіи и завершеніи нашей жизни и нашего искусства». Отдавая должное добросовѣстности и трудолюбію нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, Тургеневъ въ то же время называетъ типичнаго филистера Вагнера въ трагедіи Гете «нѣмцемъ par excellence». «Нѣмцамъ пора бы оторваться»,—говоритъ Иванъ Сергѣевичъ въ другомъ мѣстѣ: «отъ слишкомъ исключительнаго поклоненія «Фаусту», потому

[1]) „Русск. Стар." 1896 г., дек., Біографія Бакунина.

что своимъ прошедшимъ, какъ бы оно прекрасно ни было, слишкомъ долго любоваться не слѣдуетъ; пора, давно пора нѣмцу Фаусту выйти изъ своей кельи, въ которой онъ все еще сидитъ о-бокъ съ Вагнеромъ, такъ же, какъ и императоръ Фридрихъ, въ народныхъ сказаніяхъ, сидитъ и дремлетъ подъ землей».

Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, еще одно характерное мнѣніе Тургенева о тогдашней Германіи: «Нѣмецъ вообще не столько гражданинъ, сколько человѣкъ; у него чисто-человѣческіе вопросы предшествуютъ вопросамъ общественнымъ; эпоха, о которой мы говорили выше (конецъ XVIII в.), вполнѣ соотвѣтствовала коренному направленію германскаго народа, и вотъ явился поэтъ, котораго недаромъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи всякихъ гражданскихъ убѣжденій и называли язычникомъ».

Этотъ выводъ объ отсутствіи всякой національной исключительности у нѣмцевъ, впослѣдствіи, конечно, измѣненный Иваномъ Сергѣевичемъ, снимаетъ съ Тургенева всякій упрекъ, будто онъ уваженіе къ нѣмецкой наукѣ и образованности могъ соединять съ сочувствіемъ къ «культуртрегерству» Германіи, враждебному его родинѣ.

Н. Гутьяръ.

Воспоминанія педагога.

Михайловская Артиллерійская академія [1]).

16 іюня 1856 года я былъ выпущенъ изъ корпуса въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской Артиллерійской академіи, а 25-го іюня я получилъ изъ академіи распоряженіе отправиться на Охтенскій пороховой заводъ, для изученія пороховаго дѣла. Пробывъ здѣсь три недѣли, я съ другими товарищами долженъ былъ отправиться на Сестрорѣцкій оружейный заводъ также на три недѣли, а затѣмъ до 1-го сентября посѣщалъ Петербургскій арсеналъ. 1-го сентября въ академіи начались лекціи.

Начальникомъ артиллерійскаго училища и академіи былъ генералъ Р. Онъ хотя и показывался въ академіи ежедневно, но обыкновенно молча проходилъ мимо насъ въ перемѣну, поэтому мы его знали мало; однако одно обстоятельство сразу показало намъ, что онъ былъ за человѣкъ. Вскорѣ послѣ начала курса, приходитъ къ намъ, въ перемѣну между лекціями, казначей училища поручикъ Бурелли и предлагаетъ всѣмъ намъ росписаться въ полученіи нами 75 рублей для поѣздки въ Петрозаводскъ. Такъ какъ никто изъ насъ, поступившихъ въ первый годъ въ академію, въ Петрозаводскъ не ѣздилъ и денегъ на эту поѣздку не получалъ, то всѣ офицеры отказались росписаться; Бурелли говоритъ на это, что таково приказаніе начальника академіи. Видя, что никто не хочетъ расписываться, Бурелли ушелъ, но черезъ нѣсколько минутъ является снова вмѣстѣ съ генераломъ, который обратился къ намъ съ такой рѣчью: «Господа, если вамъ предлагаютъ рос-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1904 г.

писаться, значитъ, это такъ надо, никто не прикажетъ вамъ расписываться въ томъ, чего вы не получали; не угодно-ли вамъ тотчасъ же при мнѣ росписаться». Въ то время мы были воспитаны въ страхѣ передъ начальствомъ, и потому одинъ за другимъ стали расписываться, а генералъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ насъ не приложилъ своей руки. По уходѣ начальства, мы хотя и посмѣялись между собою и стали разсчитывать полученную сумму, то она оказалась довольно значительною, но на подобныя дѣла тогда и мы, кадеты, смотрѣли такими снисходительными глазами, что вскорѣ объ этомъ и забыли. Въ томъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ предстояло празднованіе 25-тилѣтняго юбилея Якова Ивановича Ростовцева; по этому поводу начальство распорядилось со всѣхъ офицеровъ обоихъ курсовъ академіи удержать изъ жалованья по 10 руб. (что дало около 1000 р.), говоря, что это назначается на обѣдъ Якову Ивановичу. Мы спрашивали, допустятъ-ли насъ на этотъ обѣдъ, но начальство объявило черезъ Бурелли, что на обѣдъ мы не имѣемъ права явиться. Такъ какъ здѣсь дѣло коснулось нашихъ собственныхъ денегъ, то этотъ огромный для того времени вычетъ изъ жалованья вызвалъ большой разговоръ, и дѣло какъ-то дошло до Якова Ивановича, который приказалъ возвратить намъ эти деньги [1]). Кстати о казначеѣ Бурелли. Это былъ италіанскій выходецъ, все образованіе котораго состояло въ знаніи французскаго языка. Онъ кое-какъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію и впослѣдствіи былъ произведенъ офицеромъ въ гарнизонную артиллерію; въ артиллерійское училище онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ завѣдывающаго аммуничными вещами; здѣсь, для поддержанія его средствъ къ жизни, служащіе выбрали его казначеемъ. Начальству онъ понравился, сталъ быстро повышаться, сперва его перевели въ полевую артиллерію, потомъ въ гвардейскую, (за какое-то отличіе по службѣ), и въ послѣднее время онъ въ чинѣ полковника гвардейской артиллеріи былъ сдѣланъ начальникомъ старшаго курса въ артиллерійской академіи. Положимъ, что должность эта была только синекурою, но сколько заслуженныхъ и раненныхъ артиллеристовъ считали бы за счастье получить ее. Личность эта была въ высшей степени не симпатичная; онъ былъ крайне грубъ и дерзокъ съ нами и въ то же время, при своей глухотѣ, заставлялъ насъ по два и по три раза «кричать» ему то, что намъ было нужно. Много онъ имѣлъ исторій съ офицерами изъ-за своей грубости, но начальство его любило; онъ умѣлъ его обойти. Что за человѣкъ былъ Бурелли, видно изъ слѣдующаго факта. Въ семидесятыхъ уже

[1]) Въ то время мы получали жалованье по третямъ, при чемъ прапорщикъ гвардіи получалъ 19 р. съ копѣйками въ мѣсяцъ; 10 руб. составляло болѣе половины мѣсячнаго жалованья.

*

годахъ, профессоръ химіи артиллерійской академіи генералъ Н. П. Ѳедоровъ, уѣзжая на лѣто за границу, просилъ Бурелли, какъ казначея, спрятать въ казенномъ ящикѣ его собственныя деньги—что-то около 6 тыс. рублей. По возвращеніи своемъ, Ѳедоровъ много разъ спрашивалъ у Бурелли свои деньги, но никакъ не могъ получить ихъ, Бурелли все было некогда; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ѳедоровъ, видя, что Бурелли водитъ его за носъ, явился къ нему на квартиру и рѣшительно потребовалъ деньги, тогда Бурелли сознался, что денегъ у него нѣтъ, что онъ ихъ истратилъ. Доложили начальнику академіи, который, боясь скандала, просилъ Ѳедорова дать нѣкоторый срокъ для пополненія этихъ денегъ, а въ то же время было сообщено объ этомъ оренбургскому генералъ-губернатору—Крыжановскому, также бывшему прежде начальникомъ училища и академіи и также любившему Бурелли; Крыжановскій далъ Бурелли участокъ уфимскихъ земель, изъ продажи котораго Бурелли не только могъ выплатить Ѳедорову, но еще и поправилъ свои дѣла.

Съ 1-го сентября въ академіи начались лекціи, и я увидѣлъ, что недобросовѣстность бывшаго моего преподавателя высшей математики капитана, а потомъ подполковника П. имѣла огромное вліяніе на возможность слѣдить за лекціями въ академіи. Такіе предметы, какъ высшая математика, теоретическая механика, практическая механика и балистика, я не могъ понимать, такъ какъ, благодаря П., очень плохо зналъ начало интегральнаго исчисленія, читаннаго намъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ, а безъ этого нельзя было двинуться ни шагу. Пришлось заниматься лишь тѣми предметами, которые были мнѣ подъ силу, экзаменъ держать я отказался и потому былъ въ іюнѣ откомандированъ отъ академіи въ свой (л.-гв. Волынскій) полкъ. Въ полку я принялся за изученіе высшей математики и въ одинъ годъ успѣлъ столько сдѣлать, что снова поступилъ въ академію прямо на старшій курсъ и черезъ годъ окончилъ академію. Разумѣется, принявшись усиленно за занятія, я могъ бы и въ первый годъ пребыванія своего въ академіи изучить тѣ части интегральнаго исчисленія, которыя зналъ очень плохо; но пятнадцатилѣтнія занятія до академіи настолько успѣли утомить меня, что первый годъ по выходѣ изъ корпуса приниматься еще за усиленныя занятія мнѣ было тяжело. Надо замѣтить, что большая часть офицеровъ чувствовали утомленіе корпусными занятіями, и въ академіи занимались кое-какъ; этимъ объясняются то обстоятельство, что изъ 50-ти офицеровъ, поступавшихъ въ младшій классъ академіи изъ всѣхъ корпусовъ, лучшихъ учениковъ, едва 20-ть человѣкъ, переходило въ старшій, а остальные по неуспѣшности удалялись въ свои полки. Установленіе впослѣдствіи двухлѣтней обязательной службы въ строю до поступленія въ академію было мѣрой вполнѣ цѣлесообразной.

Хотя я былъ въ артиллерійской академіи два раза, но въ этихъ запискахъ я соединяю вмѣстѣ эти оба года пребыванія въ академіи.

Наиболѣе замѣчательное лицо изъ профессоровъ академіи былъ знаменитый академикъ М. В. Остроградскій, читавшій балистику. До моего поступленія въ академію въ 1856 году, Остроградскій читалъ теоретическую механику, но въ этомъ году умеръ профессоръ балистики и читать этотъ предметъ было некому, такъ какъ единственное лицо, которое готовилось къ занятію каѳедры этого предмета—Маіевскій, находился тогда за границей и возвратился въ Петербургъ, лишь черезъ два года. Академикъ и европейская знаменитость, Остроградскій могъ бы, кажется, считать себя человѣкомъ вполнѣ независимымъ, а между тѣмъ онъ отличался низкопоклонствомъ и удивительно боялся начальства. Остроградскій, какъ извѣстно, былъ высокаго роста и очень толстъ; когда онъ приходилъ на лекцію, то офицеры брали его пальто и надѣвали на себя вдвоемъ, вставляя по двѣ руки въ каждый рукавъ, и застегивали его на себѣ и такъ ходили, заложивъ по двѣ руки въ каждый карманъ.

При входѣ Остроградскаго въ аудиторію, служитель вслѣдъ за нимъ приносилъ подносъ съ двумя графинами воды и съ двумя стаканами и ставилъ его на столѣ. Остроградскій начиналъ съ того, что, наливъ въ оба стакана воду, изъ одного выпивалъ ее, а въ другой опускалъ руку и, захвативъ пальцами воду, смазывалъ себѣ кривой глазъ (Остроградскій, говорятъ, еще въ малолѣтствѣ лишился одного глаза), при чемъ вода текла по лицу и капала на сюртукъ; затѣмъ Остроградскій начиналъ или читать лекцію, или разговаривать и, во время лекціи, нѣсколько разъ смачивалъ себѣ глазъ, пилъ воду, нерѣдко въ тотъ же стаканъ онъ погружалъ губку, которой вытиралъ доску, и потомъ пилъ изъ него. Остроградскій любилъ нюхать табакъ, но никогда не имѣлъ при себѣ ни табаку, ни табакерки. Одинъ изъ офицеровъ покупалъ нюхательный табакъ и держалъ при себѣ, въ той же четверкѣ, поднося ему по его просьбѣ. Только этого офицера и зналъ Остроградскій по фамиліи и, бывало, всегда обращался къ нему во время лекціи: «Ждановъ! есть табакъ?». Тотъ подносилъ ему распечатанную четверку, Остроградскій запускалъ въ нее всѣ пять пальцевъ, бралъ здоровую понюшку и нюхалъ, при чемъ обсыпалъ себя, говоря: «Жданову на экзаменѣ поставлю полный баллъ». Въ началѣ лекціи Остроградскій вынималъ изъ кармана чистый большой носовой платокъ, которымъ вытиралъ себѣ лицо, руки и сюртукъ, такъ что, при концѣ лекціи, платокъ дѣлался совершенно мокрымъ, и онъ уже держалъ его за уголъ, волоча по полу. Одѣвался Остроградскій довольно небрежно, и даже въ сухую погоду сапоги его почему-то были загрязнены. Нѣсколько дней Остроградскій былъ боленъ и когда затѣмъ явился на

лекцію, то былъ въ фуфайкѣ или въ кофтѣ съ такими длинными рукавами, что бѣлые рукава выходили изъ-за рукавовъ сюртука на четверть аршина и забавно болтались ниже его рукъ. Остроградскій говорилъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ, въ говорѣ его слышались *о* вмѣсто *а* и *э* вмѣсто *е*; какъ настоящій малороссъ, онъ былъ очень лѣнивъ, ему лѣнь было даже читать свой предметъ, который онъ зналъ въ совершенствѣ и потому не нуждался въ приготовленіи къ лекціи; онъ готовъ былъ проболтать цѣлый часъ съ четвертью (такое время тогда назначалось на лекцію), лишь бы ничего не читать. Прежніе годы начальство академіи не знало, какъ заставить Остроградскаго читать свой предметъ, а не терять время въ разговорахъ; но незадолго до моего поступленія въ академію вопросъ этотъ рѣшенъ былъ довольно хитрой выдумкой. Воспользовавшись тѣмъ, что Остроградскій боялся начальства, даже самаго маленькаго, ему назначили въ качествѣ репетитора одного изъ офицеровъ, только-что окончившаго въ академіи курсъ—прапорщика Голензовскаго. Обязанность Голензовскаго состояла въ томъ, чтобы сидѣть на лекціяхъ Остроградскаго и потомъ вторично читать намъ ту же лекцію. Этого прапорщика Остроградскій очень боялся и когда является на лекцію, то смотритъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно сидитъ Голензовскій. Если Голензовскій на своемъ мѣстѣ, Остроградскій приступаетъ къ чтенію безъ всякихъ разговоровъ; если онъ не видитъ Голензовскаго, то, не довѣряя себѣ, обратится съ вопросомъ къ офицерамъ: «а что, Голензовскій здѣсь?» При отвѣтѣ—«нѣтъ», онъ начинаетъ разгонаривать, но едва отворяетъ дверь и входитъ Голензовскій, Остроградскій тотчасъ обрываетъ разговоръ, часто на серединѣ фразы, встаетъ и начинаетъ читать лекцію. Если Голензовскій не покажется всю лекцію, Остроградскій проговоритъ весь часъ съ четвертью. Разговоры Остроградскаго были самые разнообразные. Больше всего онъ любилъ разсказывать различные историческіе анекдоты и преимущественно изъ жизни Наполеона и другихъ великихъ полководцевъ; но иногда разговоръ касался другихъ предметовъ. Однажды, придя на лекцію и справившись, отсутствуетъ-ли Голензовскій, Остроградскій обратился къ офицерамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Господа! Я только-что получилъ новое изданіе логариѳмическихъ таблицъ Калета; я предлагаю старое изданіе этихъ таблицъ желающимъ обмѣняться со мною на какую-нибудь книгу.

Одинъ изъ офицеровъ предлагаетъ ему сочиненіе Третьяковскаго, Остроградскій соглашается, и они ударяютъ по рукамъ. Вслѣдъ за тѣмъ другой офицеръ говоритъ, что онъ готовъ былъ бы предложить въ обмѣнъ на таблицы Калета сочиненія Лермонтова.

— О, говоритъ Остроградскій,—Лермонтовъ лучше Третьяковскаго.

И, обратившись къ первому, онъ проситъ позволенія разрушить ихъ условіе.

При чтеніи балистики, Остроградскій говорилъ:

— У насъ есть семь формулъ, которыми мы будемъ пользоваться, а чтобы ихъ помнить, назовемъ каждую изъ нихъ по имени одного изъ великихъ полководцевъ, которыхъ также было семь. И на дальнѣйшихъ лекціяхъ онъ такъ и называлъ ихъ: возьмемъ Юлія Цезаря! возьмемъ Аннибала, возьмемъ Наполеона и т. д., при этомъ кстати приводилъ какой-нибудь анекдотъ изъ жизни Наполеона.

Однажды, Остроградскій началъ разсказывать о Наполеонѣ. Голосъ у Остроградскаго былъ зычный, и онъ сообщаетъ намъ, какъ Наполеонъ, обратившись къ солдатамъ, крикнулъ: les soldats, désirez vous!.. въ этотъ моментъ отворяется дверь, и въ аудиторію входитъ великій князь. Остроградскій, съ удивительной для его толщины легкостью, подбѣжалъ къ доскѣ и началъ, схвативъ мѣлъ: «возьмемъ интегралъ иксъ де иксъ ($\int x . dx$). Все это было сдѣлано такъ комично, что, несмотря на присутствіе великаго князя, всѣ улыбались, да и самъ великій князь, который вѣроятно слышалъ возгласъ Остроградскаго, также улыбнулся и вышелъ.

На экзаменѣ Остроградскій любилъ, чтобы отвѣчающій соображалъ въ умѣ всѣ небольшія вычисленія. Одинъ изъ офицеровъ Ф. былъ плохой математикъ; записки балистики были составлены очень сжато такъ что переходъ отъ одной формулы къ другой требовалъ цѣлаго ряда вычисленій. Офицеръ этотъ не умѣлъ самъ продѣлать эти вычисленія, но, обладая счастливой памятью, выучилъ всѣ формулы и при отвѣтѣ на экзаменѣ прямо говорилъ: «сдѣлавъ такія-то и такія-то вычисленія, получимъ» и затѣмъ пишетъ слѣдующую формулу. Остроградскій представить себѣ не могъ, что все это было заучено, но при каждой строкѣ, которую писалъ Ф., подскакивалъ на стулѣ, крича: «вотъ это такъ математикъ! какъ онъ быстро въ умѣ дѣлаетъ сложныя вычисленія!» По окончаніи отвѣта, онъ обращается къ Голензовскому: «12-ть балловъ ему, я нахожу, что и этого мало!» Тотъ же офицеръ на экзаменѣ высшей алгебры у П. Л. Лаврова, хотя также заучилъ отвѣтъ, но тотчасъ же былъ уличенъ въ незнаніи математики и, получивъ неудовлетворительный баллъ, былъ удаленъ изъ академіи.

Когда въ академію пріѣзжалъ Я. И. Ростовцевъ, то Михайло Васильевичъ удивлялъ насъ своимъ низкопоклонствомъ и стараніемъ угодить ему, несмотря на то, что самъ Ростовцевъ относился къ Остроградскому съ явнымъ уваженіемъ.

Кстати, нѣсколько словъ о семейной жизни Остроградскаго. Остроградскій много лѣтъ не жилъ съ своей женой, что̀ служило предметомъ различныхъ толковъ и сплетенъ. У насъ говорили, что онъ гдѣ-то на

станціи ночью по ошибкѣ сѣлъ въ чужой экипажъ, въ которомъ уже сидѣла, какъ онъ думалъ, его жена; когда обнаружилась ошибка, бывшая женщина посовѣтовала ему не исправлять этой ошибки, такъ какъ жена его все равно уѣхала съ ея мужемъ. Такимъ образомъ онѣ помѣнялись женами съ однимъ помѣщикомъ. Впослѣдствіи мнѣ довелось точно узнать эту исторію отъ человѣка очень близкаго къ Остроградскому. Михайло Васильевичъ ежегодно ѣздилъ въ свое имѣніе, въ Полтавской губерніи. Одинъ годъ жена его уѣхала въ имѣніе раньше мужа, и когда Остроградскій пріѣхалъ, то жена его оказалась у сосѣда Козельскаго; Остроградскій поѣхалъ туда, жену свою не засталъ тамъ, а нашелъ всѣ ея платья и вещи, которыя показали ему, что жена его окончательно поселилась у Козельскаго. Онъ тотчасъ уѣхалъ домой, а вслѣдъ за нимъ пріѣхала къ нему жена Козельскаго и объявила ему, что такъ какъ жена его переселилась къ ея мужу, то она сама не намѣрена жить дома, а останется у него въ качествѣ воспитательницы его дѣтей. Болѣе близкія отношенія ихъ были созданы сплетней.

У Остроградскаго былъ одинъ сынъ и нѣсколько дочерей; сынъ не только не унаслѣдовалъ отъ отца блестящихъ его математическихъ способностей, но оказался очень слабымъ ученикомъ именно въ математикѣ и, будучи опредѣленъ въ артиллерійское училище, былъ оттуда исключенъ за неуспѣхи.

Преподавателемъ математики въ академіи былъ полковникъ Петръ Лавровичъ Лавровъ, извѣстный впослѣдствіи какъ эмигрантъ и ярый агитаторъ, издававшій за границею газету «Впередъ». Петръ Лавровичъ былъ человѣкъ науки, всегда занимавшійся, всегда серьезно относившійся къ своему дѣлу. Онъ читалъ намъ интегральное исчисленіе, теорію конечныхъ разностей и теорію вѣроятностей, при этомъ никогда не позволялъ себѣ заводить какіе бы то ни было разговоры, и кромѣ дѣла мы никогда ничего отъ него не слышали. Будучи его учениками мы и не подозрѣвали въ немъ будущаго политическаго дѣятеля, какимъ онъ оказался впослѣдствіи, и, при большемъ тактѣ, Россія никогда не нажила бы себѣ въ немъ такого сильнаго и опаснаго врага. Послѣ извѣстнаго выстрѣла Каракозова 4-го апрѣля 1866 г., въ Петербургѣ было арестовано много лицъ, нашли почему-то нужнымъ произвесть обыскъ и у Петра Лавровича; при обыскѣ у него нашли переписку съ различными заграничными соціалистическими обществами. Лаврова тотчасъ уволили отъ службы и арестовали и хотя въ дѣлѣ Каракозова онъ, какъ оказалось, участія не только не принималъ, но и не зналъ никого изъ арестованныхъ тогда лицъ; но его административнымъ порядкомъ сослали на жительство въ какой-то городъ Вологодской губерніи. Вотъ эта-то ссылка, лишившая его возможности проводить время въ научныхъ занятіяхъ, въ которыхъ онъ нуждался, какъ въ хлѣбѣ насущномъ,

заставила его изыскивать способы бѣжать за границу, что̀ ему и удалось исполнить. Если бы его оставили жить въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ, то онъ занимался бы литературой и ни въ какія политическія дѣла Россіи не вмѣшивался бы, что̀ видно даже и изъ того, что и за границей онъ вскорѣ совершенно разошелся съ соціалистами-динамитчиками. Надо замѣтить, что Лавровъ очень дорожилъ своимъ мундиромъ и своей службой и, будучи человѣкомъ скупымъ, опасался скомпрометтировать себя не только передъ правительствомъ, но и передъ начальствомъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ состоялъ преподавателемъ, и никогда никто не имѣлъ причины быть имъ въ этомъ отношеніи недовольнымъ.

Преподавателемъ физики въ младшемъ курсѣ былъ полковникъ Аксель Вильгельмовичъ Гадолинъ, человѣкъ не только способный, но талантливый, прекрасно знавшій и читавшій предметъ; чтеніе его, а затѣмъ въ старшемъ курсѣ академика Э. Ф. Ленца развили во мнѣ особенную любовь къ физикѣ, которая зародилась еще въ корпусѣ.

Артиллерію читалъ полковникъ А. С. Платовъ, также отличавшійся превосходнымъ знаніемъ своего предмета.

Теоретическую механику читалъ бездарный преподаватель поручикъ Бѣляевъ, который читалъ по запискамъ Остроградскаго; этими записками мы и пользовались, а чтеніемъ Бѣляева никто не интересовался.

Практическую механику читалъ бывшій въ то время инспекторъ классовъ училища и академіи полковникъ Шитцъ, также не отличавшійся большими дарованіями.

Другіе преподаватели ничѣмъ не выдавались изъ уровня посредственности. По тактикѣ и военной исторіи читалъ полякъ, капитанъ генеральнаго штаба—Оскерко, который скомпрометтировалъ себя во время польскаго возстанія и затѣмъ неизвѣстно куда дѣвался.

Завѣдывающій курсомъ былъ старый полковникъ Комендантовъ, человѣкъ ограниченный, отъ котораго мы никогда не слыхали умнаго слова, и надъ которымъ офицеры всегда издѣвались. Комендантовъ вскорѣ затѣмъ помѣшался; онъ былъ крайне скупъ, и ему все казалось, что онъ обѣдняетъ; онъ все считалъ деньги и продалъ свое заведеніе бассейныхъ каретъ [1]) за какую-то бездѣлицу.

Когда я черезъ годъ снова поступилъ въ академію въ старшій курсъ, составъ служащихъ тамъ совершенно уже измѣнился: начальникомъ училища и академіи былъ генералъ Крыжановскій, а Р. былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта; инспекторомъ классовъ,

[1]) Комендантовъ, въ подраженіе Шлиппенбаху, устроилъ городскія кареты, ходившія отъ Покрова до Песковъ; линія эта приносила ему огромный доходъ.

вмѣсто умершаго полковника Шитца, былъ назначенъ Платовъ; Комендантовъ умеръ, и на его мѣсто поступилъ Беренсъ; изъ-за границы прибыли новые профессоры баллистики—Маевскій, химіи — Шишковъ, теоріи повозокъ — Горловъ, лекціи практической механики, вмѣсто Шитца, читалъ И. Вышнеградскій [1]); прибавивъ къ нимъ Э. Ф. Ленца, читавшаго физику и физическую географію, Платова—артиллерію, мы имѣли цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ и преподавателей на старшемъ курсѣ академіи.

Изъ всѣхъ этихъ преподавателей только одинъ Маевскій вначалѣ возбуждалъ противъ себя нѣкоторое неудовольствіе. Зная прекрасно свой предметъ, онъ читалъ съ какой-то непривлекательной манерой фата, чѣмъ и произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе, такъ что офицеры называли его фиглярамъ; впослѣдствіи большинство изъ насъ приглядѣлось къ его манерѣ, но нѣкоторые перестали посѣщать его лекціи и до конца года не ходили его слушать, а занимались дома по составленнымъ имъ прекраснымъ запискамъ. Одинъ изъ офицеровъ, прапорщикъ Ханыковъ, хорошій математикъ, никогда не бывалъ на лекціяхъ Маевскаго, что̀ не ускользнуло отъ вниманія послѣдняго; на экзаменѣ Маевскій долго смотрѣлъ на Х. и, наконецъ, спросилъ: кто этотъ офицеръ? Узнавъ фамилію, онъ подошелъ къ нему и говоритъ: «имѣю честь рекомендоваться,—полковникъ Маевскій», на что̀ Х. спокойно отвѣтилъ: — прапорщикъ Х., затѣмъ оба дружелюбно потрясли взаимно руки. Экзаменовалъ Маевскій его больше полутора часа, говоря: «я васъ никогда не видѣлъ на лекціи и потому, извините меня, я долженъ хорошо познакомиться съ вашими знаніями». И все-таки поставилъ ему 12 балловъ, сказавъ: «хотя я и рекомендовался ему, но сознаюсь, что онъ превосходно знаетъ предметъ».

По окончаніи экзаменовъ, всѣ окончившіе курсъ по 1-му разряду получили право носить мундиръ гвардейской артиллеріи, служа по учебному вѣдомству. Это единственное право, которое получили мы за наши занятія въ академіи, въ 1870 году было, не извѣстно по какой причинѣ, отнято у насъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, когда мы уже находились на службѣ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

При переходѣ изъ младшаго курса академіи въ старшій, офицеры, для изученія техническаго дѣла въ Россіи, ѣздили на заводы, я же, какъ поступившій прямо въ старшій курсъ, былъ отправленъ на заводы по окончаніи курса въ іюнѣ и до 1-го октября 1859 года. Поѣздку эту я совершилъ вмѣстѣ съ офицерами, переходившими въ старшій курсъ, на слѣдующіе заводы: въ Сестрорѣцкъ (оружейный заводъ), въ Колпино (механическій заводъ), въ Петрозаводскъ (чугунно-литейный)

[1]) Впослѣдствіи министръ финансовъ.

въ Питкеранде въ Финляндіи (мѣдноплавильный) и на Охтенскій (пороховой) заводъ и на капсюльное заведеніе...

Реформа военныхъ гимназій.

Записки мои, со времени описанія реформы кадетскихъ корпусовъ, едва обнимаютъ двадцатилѣтній періодъ, и уже мнѣ приходится говорить вторично о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній. Перемѣнились лица,—измѣнились и взгляды, тамъ время требовало перемѣны въ системѣ воспитанія, здѣсь лица требовали возвращенія къ старому. Отъ стараго ушли и къ старому вернулись; впрочемъ, это уже не въ первый разъ: при Екатеринѣ роты въ корпусѣ замѣнили возрастами и офицеровъ дежурныхъ—воспитателями, при Павлѣ возрасты замѣнили ротами, воспитателей дежурными офицерами и ротными командирами, при Александрѣ II роты замѣнили возрастами, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ—воспитателями, при Александрѣ III снова вернулись къ старому; будемъ надѣяться, что придетъ время, когда опять вернутся къ воспитанію. Такая ужь участь русскаго юношества, постоянно подвергаться экспериментамъ.

Въ мартѣ 1881 года, тотчасъ послѣ полученія телеграммы изъ Петербурга о смерти Александра II, командиръ 13-го корпуса, расположеннаго въ Кіевѣ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, устроивъ торжественную панихиду и присягу войскамъ кіевскаго гарнизона, вскорѣ затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, откуда вернулся довольный и веселый, что̀ заставило кіевлянъ предполагать, что онъ ожидаетъ новаго назначенія. Въ маѣ Ванновскій получаетъ изъ Петербурга телеграмму, въ которой ему предложена должность оренбургскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, вмѣсто генерала Крыжановскаго, удаленнаго за раздачу оренбургскихъ и уфимскихъ земель. На отвѣтъ Ванновскому назначенъ былъ срокъ недѣля, по прошествіи которой онъ и послалъ въ Петербургъ свое согласіе. Вскорѣ однако Ванновскій получилъ новую телеграмму съ требованіемъ немедленно явиться въ Петербургъ. Изъ Петербурга Ванновскій телеграфировалъ своей женѣ: «мнѣ предложено военное министерство, на-днях̀ состоится высочайшій приказъ о назначеніи меня управляющимъ военнымъ министерствомъ». Эта телеграмма тотчасъ разнеслась по Кіеву и привела всѣхъ въ изумленіе. Никто не ожидалъ, чтобы Петръ Семеновичъ, строевой генералъ и ничего больше, получилъ бы такой постъ. Одинъ

извѣстный генералъ даже выразился по этому поводу публично: «вся русская армія удивлена этимъ назначеніемъ».

Какъ извѣстно, назначеніе Ванновскаго военнымъ министромъ повлекло за собою удаленіе отъ занимаемыхъ ими должностей всѣхъ безъ исключенія начальниковъ военныхъ управленій и между прочимъ Н. В. Исакова, вмѣсто котораго назначенъ былъ, опять на удивленіе русской арміи, генералъ Н. А. Ма—нъ, человѣкъ, никогда не стоявшій около учебнаго и воспитательнаго дѣла. Для насъ, давно уже служившихъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ и хорошо знавшихъ Ванновскаго, было ясно, что другаго выбора и быть не могло, потому что Ванновскій желалъ имѣть главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній вполнѣ покорное ему лицо, въ которомъ бы онъ не встрѣтилъ сопротивленія въ своихъ преобразованіяхъ.

Будучи знакомымъ съ Ванновскимъ въ Кіевѣ и хорошо зная его, я, какъ и всѣ знавшіе его характеръ, ожидали большихъ перемѣнъ въ министерствѣ, такъ какъ Ванновскій, будучи честолюбивъ и самолюбивъ до крайности, непремѣнно пожелаетъ, чтобы во всѣхъ частяхъ военнаго министерства остался слѣдъ его управленія. Разумѣется, я въ запискахъ своихъ коснусь преобразованія однихъ только военно-учебныхъ заведеній.

Въ іюлѣ 1882 года вышелъ приказъ о переименованіи военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса и воспитанниковъ этихъ корпусовъ въ кадетъ. Хотя измѣнили только названіе, но главное управленіе стало издавать приказы, которые показали, что характеръ отношеній управленія къ этимъ заведеніямъ измѣнился: въ приказахъ этихъ стали появляться замѣчанія и строгіе выговоры директорамъ заведеній, чего не было со временъ Ростовцева. Въ самыхъ корпусахъ также отразился новый духъ: многіе воспитательные вопросы, которые прежде обсуждались въ педагогическихъ комитетахъ и приводились въ исполненіе только послѣ обсужденія и рѣшенія ихъ комитетомъ, теперь стали прямо предписываться къ исполненію приказомъ по корпусу, отдаваемымъ директоромъ. Если въ началѣ еще сохранилась нѣкоторая тѣнь воспитанія, то только потому, что директора корпусовъ оставались еще тѣ же люди, которые управляли военными гимназіями. 1882—83 учебный годъ прошелъ однако безъ большихъ перемѣнъ, было только распоряженіе не принимать вновь воспитателями лицъ гражданскихъ; уже въ 1883—84 учебномъ году были потребованы въ Петербургъ нѣкоторые директора кадетскихъ корпусовъ, для обсужденія проекта преобразованія. Ясно было, что хотятъ вернуться къ прежнимъ корпуснымъ порядкамъ. Въ началѣ остановились на переименованіи въ первое время старшаго возраста въ строевую роту, собравъ въ этой ротѣ воспитанниковъ 7-го и 6-го классовъ, которымъ дать организацію, по-

добную ротамъ военныхъ училищъ, и выводить воспитанниковъ въ лагерь. Съ августа 1884 года было приступлено къ преобразованію. Введены были опять ротные командиры и дежурные офицеры. Дежурными офицерами назначены были молодые офицеры, взятые изъ строя, совершенно не знакомые съ требованіями воспитанія. Духъ управленія корпусовъ измѣнился еще рѣзче. Педагогика была отброшена, какъ ненужный балластъ; когда однажды обратились было къ помощнику главнаго начальника генералу Зедделеру съ какимъ-то вопросомъ, и при этомъ были высказаны педагогическія соображенія-то онъ только отмахнулся рукой, говоря: «охъ, ужь эта мнѣ педагогика!» Въ маѣ 1885 года было приказано назначить въ старшей ротѣ каждаго корпуса фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ; хорошо еще, что пока остановились на одной ротѣ, въ другія роты еще не рѣшились дать унтеръ-офицеровъ, такъ какъ директора положительно возстали противъ этого.

Опять приходится задавать себѣ старый вопросъ: нужно-ли было преобразовывать военныя гимназіи? На этотъ вопросъ отвѣчу слѣдующее: въ коренныхъ преобразованіяхъ военныя гимназіи не нуждались; надо было только уменьшить ихъ комплектъ и уменьшить численность каждаго возраста, т. е. слѣдовало выполнить тотъ принципъ, отъ котораго такъ скоро отступились, при началѣ преобразованій военныхъ гимназій, и тогда только воспитаніе могло идти успѣшнѣе, а возвращаться къ кадетскимъ корпусамъ, т. е. къ тѣмъ порядкамъ, которые совершенно отжили свой вѣкъ, было анахронизмомъ, и придетъ время, когда господа преобразователи раскаятся въ своемъ промахѣ.

Интересно то обстоятельство, что многія изъ лицъ, писавшихъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ проектъ преобразованія прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, были еще живы и могли бы возвысить свой голосъ противъ обратныхъ преобразованій; почему же они молчали? Нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Милютина, Исакова, Корсакова и др., никто не спрашивалъ и никто ихъ не слушалъ; но вотъ Да—ичъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей прежнихъ преобразованій и первый директоръ военной гимназіи, когда къ нему прямо обратились съ вопросомъ: Что же вы не отстаиваете военныхъ гимназій, которыя вы же взлелѣяли? отвѣтилъ: «да, въ то время это было увлеченіе».

Новый духъ кадетскихъ корпусовъ выразился между прочимъ и въ новыхъ назначеніяхъ, совершенно прежде невозможныхъ, на должности директоровъ: стали назначать батальонныхъ командировъ изъ военныхъ училищъ (изъ Павловскаго училища полковникъ Рѣпинъ—въ Воронежскій корпусъ), начальниковъ юнкерскихъ училищъ (Варшавскаго полковникъ Левачевъ—во вновь открытый Донской кадетскій корпусъ въ Новочеркаскѣ; начальникъ Тверскаго кавалерійскаго училища полковникъ Рейнеке—въ 3-й московскій, а потомъ въ Омскій и, нако-

нецъ, въ Нижегородскій корпусъ), словомъ, хорошаго строевика или манежнаго начальника стали предпочитать педагогамъ. Назначенъ былъ директоромъ начальникъ учебнаго отдѣленія главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній генералъ В—ій въ 4-й московскій корпусъ. Человѣкъ этотъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ состоялъ лишь въ канцеляріи и никогда не стоялъ около живыхъ людей: ни воспитателемъ, ни преподавателемъ, даже дежурнымъ офицеромъ при воспитанникахъ никогда не былъ; удивительно-ли, что новые порядки, да еще при такомъ новомъ неопытномъ и неумѣломъ директорѣ, вызвали въ строевой ротѣ 4-го моск. корпуса скандалъ, напомнившій кадетскіе скандалы и скандалъ 2-го кадетскаго корпуса въ годъ его преобразованія. Скандалъ окончился тѣмъ, что кадеты побили дежурнаго офицера, а когда В—ій, спустя два часа, самъ показался было въ роту, то и ему подшибли ногу обломкомъ скамейки. Наказаніе послѣдовало такое: роту уничтожили на тотъ годъ, кадетъ исключили частью въ солдаты (20 человѣкъ), частью перевели въ другіе корпуса, а директора пришлось убрать опять въ канцелярію. Кадета Солтанова, побившаго офицера, назначили въ дисциплинарный батальонъ!

Назначеніе по одному ротному командиру—полковнику обошлось государству не дешево. Ротный командиръ, кромѣ квартиры, получаетъ въ годъ 1.500 р. жалованія, слѣдовательно, всѣ 20-ть ротн. командировъ во всѣхъ корпусахъ—30 тысячъ, кромѣ того, такъ какъ не во всѣхъ корпусахъ оказались на лицо квартиры, то нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось выплачивать еще квартирныя деньги, такъ что всего пришлось выдавать 32.760 р., почти тридцать три тысячи выкинуть для учрежденія должности двадцати дармоѣдовъ, безъ которыхъ двадцать слишкомъ лѣтъ отлично обходились военныя гимназіи! Чтобы достать эти 33 тысячи, пришлось закрыть въ Омскѣ (въ Сибири) военную прогимназію въ 200 интернов; такимъ образомъ назначеиные по одному ротному командиру въ каждомъ корпусѣ проглотили цѣлое учебно-воспитательное заведеніе! Правда, прогимназія стоила 47 тысячъ въ годъ, и остальныя 14 тысячъ пошли на увеличеніе комплекта воспитанниковъ въ Сибирскомъ корпусѣ.

Въ августѣ того же 1885 года велѣно было всѣхъ бывшихъ кадетъ 4-го московскаго корпуса, исключенныхъ въ солдаты за произведенный ими безпорядокъ, принять въ военныя училища, если они выдержатъ экзаменъ. Всѣхъ 20 человѣкъ распредѣлили по тремъ училищамъ: въ Константиновское и Павловское по 7, а въ Александровское—6, въ числѣ назначенныхъ въ Павловское училище былъ и Солтановъ, избившій своего офицера. Не знаю, какъ держали экзаменъ въ остальныхъ двухъ училищахъ, но изъ 6 назначенныхъ въ Александровское училище трое только выдержали экзаменъ, хотя и имѣли только по 6-ти балловъ

въ среднемъ. Надо замѣтить, что главное управленіе видимо желало во что бы то ни стало опредѣлить ихъ въ училища; вмѣсто 14-ти предметовъ, изъ которыхъ держатъ экзаменъ воспитанники 7-го класса корпусовъ, велѣно было ихъ подвергнуть экзамену только изъ 6-ти предметовъ, при томъ по уменьшенной программѣ. Изъ предназначенныхъ въ Александровское училище только одинъ удовлетворилъ условію поступленія (не менѣе 7-ми въ среднемъ), комитетъ училища призналъ возможнымъ представить троихъ, т. е. всѣхъ выдержавшихъ, хотя бы и на 6; несмотря на это снисхожденіе, главный начальникъ приказалъ принять еще четвертаго, получившаго изъ математики 4 б., и отказано только двоимъ, получившимъ въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ 5 балловъ. Въ остальныхъ училищахъ были приняты всѣ экзаменовавшіеся. Такимъ образомъ, кадеты, потушившіе лампы, побившіе стекла, мебель, ругавшіе офицеровъ, избившіе одного изъ офицеровъ, разбившіе ногу директору и грудь ротному командиру,—въ томъ же учебномъ году были приняты въ училище вмѣстѣ съ своими товарищами, пострадали же: директоръ, у котораго отняли заведеніе инспекторъ классовъ, котораго перевели въ Нижній Новгородъ, ротный командиръ, который долженъ былъ выйти въ отставку, всѣ дежурные офицеры, которыхъ исключили изъ числа служащихъ въ корпусѣ. Мудрено-ли, что кадеты говорили затѣмъ: «мы остались правы, а кого хотѣли выгнать, того и выгнали», и въ день годовщины этого знаменитаго дня на всѣхъ доскахъ 4-го корпуса явилась надпись: «годовщина» [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію хода дальнѣйшихъ преобразованій военно-учебныхъ заведеній, остановлюсь нѣсколько на личности главнаго начальника.

Если, какъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ моихъ записокъ, генералъ Исаковъ былъ не на своемъ мѣстѣ въ этой должности, то генералъ Ма—нъ уже совершенно никуда не годился; первый свысока и издали смотрѣлъ на свое вѣдомство, а этотъ только и боялся, какъ бы кто-нибудь не забылъ, что онъ главный начальникъ. «Я вашъ главный начальникъ!» повторялъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. «Для васъ главный начальникъ звѣзда!» любилъ выражаться онъ передъ своими подчиненными. Исаковъ вельможа, баринъ и все-таки считалъ нужнымъ знакомиться съ своими подчиненными, зная, что изъ нихъ ему придется дѣлать выборъ при назначеніи въ

[1]) Изложенное выше было написано въ 1886 году. Послѣ этого въ Павловскомъ училищѣ юнкеръ Солтановъ, столь снисходительно допущенный въ это училище, бросился со штыкомъ на дежурнаго офицера, за что и былъ отданъ подъ судъ. Излишнее снисхожденіе, скажемъ слабость, окончательно сгубило молодаго человѣка.

различныя должности: директора, инспектора и друг. Онъ по нѣсколько часовъ говорилъ съ инспекторомъ классовъ того заведенія, которое посѣтилъ, или съ преподавателемъ, котораго ему рекомендовали какъ могущаго занять должность инспектора. Онъ въ личной бесѣдѣ узналъ человѣка и его взглядъ на дѣло воспитанія. Н. А. Ма—нъ считалъ за униженіе снисходить до разговора съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ начальниковъ заведеній. Онъ, напр., такъ выразился одному директору корпуса, который рекомендовалъ ему своего инспектора, который имѣетъ всѣ права на полученіе должности директора: «какъ вы хотите, чтобы я назначилъ на должность директора корпуса человѣка, котораго я не видалъ въ глаза; вотъ погодите, я побываю въ вашемъ заведеніи и познакомлюсь съ нимъ, и тогда посмотримъ». Пріѣхавъ въ это заведеніе, онъ познакомился съ инспекторомъ, но какъ? Когда директоръ представилъ ему инспектора, то онъ молча протянулъ ему руку и, хотя пробылъ два дня въ городѣ, былъ нѣсколько разъ въ заведеніи, но ни одного слова болѣе не сказалъ съ инспекторомъ. Такъ онъ знакомился и съ другими инспекторами. Понятно послѣ этого, что Ма—нъ, прослуживъ пять лѣтъ по военно-учебнымъ заведеніямъ въ должности главнаго начальника (писано въ 1886 году), не зналъ никого изъ служащихъ [1]). Понятно также, почему онъ дѣлалъ такія странныя и неудачныя назначенія директоровъ, какъ упомянутыхъ выше лицъ, или какъ Кругликова, о которомъ я говорилъ выше, директоромъ Полтавскаго корпуса, соннаго человѣка, который и въ учительской семинаріи въ должности директора, при семидесяти ученикахъ, былъ чистымъ нулемъ. Въ отношеніи воспитанниковъ Ма—нъ держалъ себя болѣе нежели странно. Пріѣхавъ въ Александровское военное училище въ Москвѣ, онъ увидѣлъ довольно красиваго юношу дежурнымъ и при всѣхъ юнкерахъ сталъ говорить: «ахъ какой огурчикъ! Вотъ красавчикъ! Вы сдѣлаете себѣ карьеру!» Не буду дѣлать никакихъ комментаріевъ на эти его слова, скажу только, что несчастный юнкеръ слылъ у товарищей до самаго выпуска подъ названіемъ «огурчикъ». Въ Воронежскомъ корпусѣ Ма—нъ взялъ за обѣдомъ у одного воспитанника ложку, чтобы попробовать супъ; отдавая ему ложку, онъ сказалъ: «вы пожалуйста не бойтесь кушать этой ложкой, я не боленъ» (!?) При вступленіи въ должность, Ма—нъ всюду находилъ безпорядки, все хулилъ, все находилъ распущеннымъ, а черезъ годъ ужъ онъ призналъ возможнымъ находить все прекраснымъ, приписывая конечно себѣ улучшеніе военно-учебныхъ заведеній. Пріѣзжая въ какое-нибудь заведеніе и простоявъ, напр., только обѣдню, онъ собиралъ затѣмъ воспитанни-

[1]) Въ настоящее время (1898 г.) онъ прослужилъ уже 17 лѣтъ начальникомъ въ военно-учебныхъ заведеній и все-таки никого и ничего не знаетъ.

ковъ въ залу и заявлялъ: «найдя заведеніе въ блестящемъ состояніи, я прошу начальника заведенія уволить васъ на сутки въ отпускъ». Часъ пребыванія у обѣдни давалъ ему уже право судить о блестящемъ состояніи заведенія! Въ издаваемомъ при главномъ управленіи «Педагогическомъ сборникѣ» Ма—нъ самъ просматривалъ всѣ статьи, назначенныя редакторомъ для печатанія и отнюдь не допускать никакихъ критическихъ статей. «Мы, говорилъ онъ, въ своемъ же журналѣ да еще будемъ писать на себя критику». Вслѣдствіе этого, онъ не допустилъ даже указанія на недостатки «Каталога книгъ для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ», составленнаго коммиссіей при главномъ управленіи. Исаковъ, напротивъ того, разсылалъ циркуляры, въ которыхъ предлагалъ служащимъ разбирать выработанные коммиссіей при главномъ управленіи различные вопросы. Понятно, что «Педагогическій сборникъ» потерялъ при Ма—нѣ всякій интересъ въ средѣ служащихъ.

Въ 1887 году всѣ роты корпусовъ получили ротныхъ командировъ, для чего закрыли еще прогимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину.

(Страница изъ жизни нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей первой половины XIX вѣка).

I.

Едва-ли въ исторіи нашей литературы XIX вѣка можно встрѣтить личность подобно Плетневу, имя котораго пользовалось бы такою извѣстностью, между тѣмъ какъ сама жизнь и дѣятельность оставалась бы совершенно неизвѣстною читающей публикѣ. Что это дѣйствительно такъ, достаточно раскрыть любой учебникъ литературы, въ которомъ болѣе или менѣе обстоятельно изложены біографіи нашихъ первоклассныхъ писателей первой половины девятнадцатаго столѣтія. Имя Плетнева упоминается въ нихъ неоднократно, идетъ-ли рѣчь о жизни и дѣятельности Пушкина, Жуковскаго, Крылова или Гоголя. Но при всемъ томъ ни слова не говорится о жизни и дѣятельности самого Плетнева. Благодаря, однако, частому упоминанію этого имени, оно настолько прочно запечатлѣвается въ памяти, что всякій, кто только читалъ эти біографіи, всегда скажемъ, что это имя ему хорошо извѣстно. Съ другой стороны, неоднократное упоминаніе о Плетневѣ даетъ основаніе предполагать, что эта личность стояла въ довольно близкихъ отношеніяхъ ко всѣмъ тѣмъ писателямъ, въ біографіяхъ которыхъ она упоминается. И, дѣйствительно, подобное предположеніе находитъ для себя довольно вѣское, фактическое подтвержденіе, если подробно разсмотрѣть оставшуюся послѣ Плетнева переписку и, наконецъ, бросить бѣглый взглядъ на характеръ и направленіе литературы русской въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, имѣя въ виду при этомъ дѣятель-

ность того кружка, главнымъ представителемъ котораго былъ Пушкинъ, а по смерти послѣдняго первенствующее мѣсто въ немъ занялъ Плетневъ.

П. А. Плетневъ родился 10-го августа 1792 года. По окончаніи Педагогическаго института въ 1814 г., отдался педагогической дѣятельности въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Благодаря знакомству съ Жуковскимъ, назначенъ воспитателемъ къ наслѣднику престола великому князю Александру Николаевичу въ 1828 году и состоялъ въ этой должности до 1840 года. Въ это же время онъ давалъ уроки русскаго языка великимъ княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Съ 1832 года назначенъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета и главнаго Педагогическаго института. Съ 1840 г. онъ былъ избранъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета и оставался въ этой должности до 1861 года. Въ 1841 году былъ избранъ членомъ возникшаго тогда при Академіи наукъ отдѣленія русскаго языка и словесности, въ коемъ званіи оставался по мартъ 1865 г., при чемъ съ 1859 года состоялъ предсѣдателемъ этого отдѣленія. Умеръ 29-го декабря 1865 г. Литературная дѣятельность выразилась въ критическихъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ литературы, изданіи журналовъ «Соревнователь» (въ 1819 г.), «Современникъ» (въ 1838 г.), стихотворныхъ опытахъ (Соч. и перев. П. А. Плетнева, три тома, изд. 1885 г.) Направленіе его литературной дѣятельности и взгляды имѣютъ тѣсную связь съ задачами литературныхъ обществъ, отличавшихся новымъ направленіемъ въ началѣ XIX вѣка, и между прочимъ пушкинскаго кружка.

Пушкинскій кружокъ, сформировавшійся въ первой четверти XIX-го столѣтія подъ именемъ «Арзамаза», представлялъ собою «своего рода Олимпъ» и пользовался огромнымъ авторитетомъ въ обществѣ и литературѣ того времени. Это была, по мнѣнію Скабичевскаго, та «литературная аристократія, которую составляли выдающіеся писатели того времени Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Батюшковъ». Установившаяся между ними близость имѣла для себя главнымъ образомъ, если не исключительно, литературную почву. Всѣ члены этого кружка въ одинаковой мѣрѣ и съ необыкновеннымъ интересомъ старались работать для установленія различныхъ формъ поэтическаго творчества по преимуществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стремились къ тому, чтобы устранить ту реторическую напыщенность, которая господствовала раньше въ литературныхъ произведеніяхъ, и, наконецъ, выработать вполнѣ правильный языкъ и стиль, при чемъ на это послѣднее обращали свое особенное вниманіе. Будучи проникнуты такими задачами, члены этого кружка слѣдили за всѣмъ, что только появлялось новаго въ литературѣ. Коль скоро они замѣчали что-либо выдающееся, не обходили его молчаніемъ и, стараясь привлекать молодыхъ авторовъ въ свой кружокъ,

*

способствовали оживленію его. Поэтому названный литературный кружокъ былъ тѣмъ мостомъ, по которому вступали молодые и неувѣренные еще въ своихъ силахъ авторы на болѣе широкое поприще литературной дѣятельности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и Плетневъ. Его имя сдѣлалось извѣстнымъ кружку съ того времени, когда стали появляться его первые литературные критическіе опыты. Эти послѣдніе обратили на себя вниманіе и доставили Плетневу полную возможность стать членомъ кружка. Нельзя съ точностью сказать, когда Жуковскій ввелъ Плетнева въ кружокъ. Но несомнѣнно, что этотъ фактъ, какъ нельзя лучше, отвѣчалъ желаніямъ и стараніямъ самого Плетнева, видѣвшаго для себя въ этомъ залогъ успѣшной и плодотворной дѣятельности. Иначе нельзя было бы объяснить той искренней благодарности, которую Плетневъ неоднократно высказывалъ Жуковскому въ своихъ письмахъ. Очевидно, что онъ хорошо сознавалъ то великое значеніе, какое имѣлъ кружокъ въ дѣлѣ его литературнаго развитія.

Такимъ образомъ внѣшнимъ поводомъ къ сближенію Плетнева съ писателями, его современниками, было существованіе кружка, съ одной стороны, и появленіе первыхъ его литературныхъ опытовъ, съ другой. Эти послѣдніе на первыхъ порахъ служили для Плетнева главнымъ связующимъ звеномъ съ кружкомъ, члены котораго были объединены главнымъ образомъ литературными интересами. Самъ Плетневъ, вступая въ кружокъ, являлся почитателемъ и поклонникомъ тѣхъ писателей, которые пользовались тогда всеобщею извѣстностью, и въ первыхъ его критическихъ статьяхъ, касавшихся произведеній Пушкина, Жуковскаго и др. (Сочин. и переписка Плетнева, т. I), это имъ выражено довольно ясно.

Сближеніе Плетнева съ писателями-членами кружка, начавшееся на почвѣ строго литературныхъ интересовъ, переходитъ затѣмъ въ тѣсную дружбу съ ними. Это легко объясняется тѣми особыми условіями и обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ, съ одной стороны, Плетневъ, а съ другой, его литературные сверстники и друзья.

Спустя немного времени послѣ вступленія въ кружокъ, Плетневъ успѣлъ пріобрѣсть въ немъ извѣстное значеніе и вѣсъ, благодаря главнымъ образомъ своимъ критическимъ трудамъ. По мѣрѣ того, какъ появлялись эти послѣдніе, къ голосу его критики стали прислушиваться и дорожить его мнѣніемъ не только второстепенные писатели, но даже и тѣ свѣтила, которымъ онъ обязанъ былъ первыми шагами своей литературной дѣятельности. Такому быстрому усиленію авторитета и значенія Плетнева могло способствовать то обстоятельство, что онъ въ кружкѣ былъ единственнымъ критикомъ. Главная причина заключалась еще и въ справедливости и безпристрастіи его, какъ критика, въ отсутствіи духа мелочной полемики, переходящей въ простую придирчивость,

и, наконецъ, въ тѣхъ симпатичныхъ чертахъ характера, которыя сообщали извѣстное обаяніе его личности и невольно располагали каждаго въ его пользу. Все это способствовало тому, что постепенно создавалось вліяніе Плетнева въ кружкѣ, отразившееся на видныхъ его представителяхъ—Пушкинѣ и Жуковскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ ними, а также полнаго преклоненія предъ ними Плетнева, есть основаніе заключить и о вліяніи этихъ писателей на Плетнева. Такимъ образомъ, путемъ частыхъ сношеній и общности интересовъ создается нравственная связь между Плетневымъ и названными писателями-членами кружка. Связь эту закрѣпляли и внѣшнія обстоятельства. Жизнь Плетнева складывалась такимъ образомъ, что онъ съ первыхъ дней поступленія своего на службу почти безвыѣздно жилъ въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ его товарищи по кружку вели жизнь кочевую и въ большинствѣ случаевъ вдали отъ столицы. Въ виду этого у Плетнева была полная возможность исполнять тѣ порученія, исполненіе которыхъ было связано съ непремѣннымъ пребываніемъ въ столицѣ. Цѣня въ Плетневѣ широкій жизненный опытъ, безкорыстное и честное отношеніе къ дѣлу, друзья его неоднократно обращаются къ нему съ самыми разнообразными просьбами, какъ, напримѣръ, о высылкѣ необходимыхъ книгъ, о хлопотахъ относительно изданія сочиненій, о сношеніяхъ съ цензурой и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто они обращаются къ нему и за совѣтами о томъ, что слѣдуетъ предпринять для болѣе выгоднаго изданія сочиненій, когда удобнѣе приступить къ этимъ изданіямъ и т. п. Затѣмъ, они съ живымъ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ читаютъ тѣ поправки, которыя дѣлаетъ Плетневъ въ ихъ сочиненіяхъ, и, отдавая эти сочиненія прежде всего на его судъ, просятъ высказать относительно ихъ свое мнѣніе. Наконецъ, они же дѣлаютъ Плетнева повѣреннымъ своихъ семейныхъ тайнъ, стараясь дѣлиться съ нимъ впечатлѣніемъ каждаго новаго событія въ ихъ жизни, радостное-ли оно или печальное. На подобныя отношенія давало право то участіе, та теплота и задушевность, которыми отвѣчалъ всегда Плетневъ, стараясь удовлетворить просьбы своихъ товарищей по кружку. Такими чертами проникнуты вообще отношенія Плетнева къ Пушкину и Жуковскому,—тѣ отношенія, которыя, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе скрѣплялись, переходя съ годами въ тѣсную и искреннюю дружбу. И нужно сказать, что на длинномъ протяженіи лѣтъ эти отношенія поддерживаются съ одинаковымъ интересомъ съ обѣихъ сторонъ. Прерываются эти отношенія только у могилы кого-нибудь изъ друзей, вызывая въ оставшихся сердечное чувство участія, пріятныя воспоминанія о золотомъ и невозвратномъ прошломъ, грустное сознаніе надвигающагося одиночества и, наконецъ, желаніе почтить чѣмъ-либо память умершаго друга.

Имѣя въ виду выяснить отношеніе Плетнева къ знаменитымъ современникамъ его — Пушкину и Жуковскому, мы должны замѣтить, что Плетневъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ является, съ одной стороны, какъ литературный критикъ, а съ другой, какъ близкій, преданный человѣкъ; точнѣе говоря, какъ другъ «самый услужливый» [1]), «самый вѣрный» [2]) и самый отзывчивый. Съ этихъ точекъ зрѣнія, на основаніи главнымъ образомъ переписки Плетнева, будетъ данъ разборъ этихъ отношеній.

II.

Жуковскій стоялъ къ Плетневу болѣе близко, чѣмъ всѣ другіе члены пушкинскаго кружка. Какъ извѣстно, вся служебная дѣятельность Плетнева ограничивалась исключительно педагогическимъ поприщемъ. Между тѣмъ, Жуковскій былъ по призванію поэтъ и писатель. Единственный разъ онъ выступилъ въ роли педагога тогда, когда былъ приглашенъ въ качествѣ воспитателя къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу. Стараясь отыскать себѣ помощниковъ въ этомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, онъ остановилъ свой выборъ на Плетневѣ, который оказалъ ему незамѣнимую услугу, какъ въ дѣлѣ составленія программы, такъ и въ дѣлѣ самаго преподаванія. Такимъ образомъ, литература и педагогія — вотъ тѣ элементы, которые соединяли двухъ дѣятелей, давали пищу ихъ разговорамъ, тему ихъ письмамъ. Сходство задачи, общность интересовъ, освѣщаемая сознаніемъ ихъ великой важности и значенія, установило такой порядокъ, что для обоихъ сдѣлалось нравственною необходимостью дѣлиться другъ съ другомъ своими мыслями. И дѣйствительно, мы видимъ, что отношенія Плетнева къ Жуковскому, начавшіяся съ 20 годовъ XIX вѣка, прерываются почти наканунѣ смерти Жуковскаго [3]), которая вызвала въ Плетневѣ чувство глубокой грусти и тяжелое сознаніе одиночества. Единственное утѣшеніе онъ находитъ въ томъ, что пишетъ біографію Жуковскаго. Этимъ занятіемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается облегчить и свое личное горе—смерть горячо любимой имъ дочери Ольги, умер-

---

[1]) Такъ называетъ его Пушкинъ въ письмѣ къ А. А. Бестужеву. „Русская Старина", 1882, № 2, стр. 450.

[2]) „Вѣстн. Евр." 1895, кн. XI, стр. 278.

[3]) Послѣднее письмо Плетнева къ Жуковскому помѣчено 9-мъ апрѣля 1852 г., а 12-го апр. того же года Жуковскій умеръ. Соч. и перед. Плетнева, т. III, стр. 738—739.

шей 15-го октября 1852 года. Что Жуковскій дѣйствительно былъ дорогъ Плетневу, что привязанность послѣдняго была велика и искренна, объ этомъ въ достаточной степени говоритъ ихъ переписка, обнимающая собою время съ 1823 по 1852 г. Установившіяся дружескія сношенія отличаются въ теченіе этого длиннаго періода времени удивительнымъ постоянствомъ и ровностью, глубиною чувства и самой неподдѣльной искренностью. Въ нихъ мы не замѣчаемъ тѣхъ скачковъ, которые бы говорили то объ особенныхъ приливахъ чувства, то объ охлажденіи. Напротивъ, жизненные факты и явленія довольно ровно и послѣдовательно укладываются въ одно русло, всегда одинаково полное чувства взаимной дружбы, привязанности и глубокаго уваженія.

Въ 1832 году Жуковскій, какъ извѣстно, отправился за границу для поправленія своего здоровья, сознавая въ то же время «прочность, правильность и благоуспѣшность ученія, уже развитаго по его началамъ въ образованіи государя наслѣдника» [1]). Послѣ отъѣзда Жуковскаго за границу Плетневъ продолжалъ преподавать наслѣднику престола. Съ первыхъ же писемъ Плетневъ начинаетъ говорить объ этомъ общемъ и одинаково важномъ для нихъ обоихъ дѣлѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 8-го декабря 1832 г. онъ пишетъ Жуковскому въ Швейцарію: «занятія съ великимъ княземъ идутъ у меня противъ прежняго гораздо успѣшнѣе; но это относится къ практической части языка (что впрочемъ для него болѣе необходимо). Онъ теперь пишетъ, соблюдая связь мыслей, заботясь о точности выраженій, округляя фразы, и очень мало дѣлаетъ ошибокъ ортографическихъ. Въ его разсказахъ есть уже нѣкоторая свобода и пріятность. Что касается до теоріи языка, онъ все еще небольшой до нея охотникъ. Но я пользуюсь каждымъ случаемъ, чтобы на нее обращать его вниманіе, и когда правило представляется легкимъ, онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ принимаетъ его. Въ декламаціи великій князь также примѣтно успѣваетъ: ему только вредитъ неровность голоса, который отъ росту какъ-то двоится» [2]). Изъ этихъ словъ видно, до какой степени интересовало Плетнева дѣло воспитанія. Онъ старается въ деталяхъ передать Жуковскому все, что сдѣлано, что необходимо сдѣлать, каковы успѣхи и въ чемъ оказывается недостатокъ. Съ неослабѣвающимъ интересомъ говоритъ Плетневъ объ этомъ предметѣ и въ слѣдующихъ письмахъ, оттѣняя по возможности успѣхи съ очевиднымъ намѣреніемъ доставить этимъ Жуковскому какъ можно больше удовольствія. Такъ, въ письмѣ отъ 11-го марта 1833 года, сообщая объ успѣхахъ, оказанныхъ великимъ княземъ на экзаменѣ, Плетневъ отмѣчаетъ удивительную способность

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 98.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 520.

выражаться. «Онъ могъ», говоритъ Плетневъ, «по цѣлому часу безостановочно разсказывать, сохраняя достоинство слога, чистоту языка и пріятность тона» [1]). Плетневъ не скрываетъ при этомъ того чувства радости, которымъ хотѣлъ подѣлиться съ Жуковскимъ по поводу того, что ихъ совмѣстный трудъ принесъ, наконецъ, желанные плоды.

Да и самъ Жуковскій, очевидно, не сомнѣвался нисколько въ педагогическомъ тактѣ и способностяхъ Плетнева, и, получая свѣдѣнія о занятіяхъ съ великимъ княземъ, вполнѣ соглашался съ тѣми замѣчаніями Плетнева, которыя касались хода преподаванія.

Но такое согласіе Жуковскаго не ограничивалось только вопросами педагогическими. Оно шло гораздо далѣе и выражалось въ томъ, что Жуковскій признавалъ за Плетневымъ неоспоримый авторитетъ въ вопросахъ литературной критики. Результатомъ этого было то, что Жуковскій всегда просилъ у Плетнева отзыва о своихъ сочиненіяхъ, которыя онъ собирался печатать. Это мы можемъ прежде всего видѣть изъ письма отъ 27-го іюля 1840 года, въ которомъ Жуковскій пишетъ Плетневу: «съ сего времени опредѣляю васъ моимъ литературнымъ палачемъ» [2]). Посылая затѣмъ въ 1845 году «Сказку объ Иванѣ Царевичѣ» и прося помѣстить ее въ «Современникѣ», Жуковскій говоритъ: «вы можетъ быть найдете, что она черезъ-чуръ длинна; но мнѣ хотѣлось въ одну сказку впрятать многое характеристичное, разсѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказкахъ». Здѣсь онъ отмѣчаетъ причину, по которой «сказка» отличается большимъ объемомъ, а далѣе говоритъ о своемъ переводѣ Одиссеи. Онъ думаетъ, что переводъ Этотъ сдѣлаетъ «великое дѣло, если только удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда удалось подружить русскихъ съ поэзіей нѣмцевъ». Наконецъ, послѣ сообщенія нѣкоторыхъ своихъ плановъ Плетневу, Жуковскій заключаетъ свои слова такъ: «все здѣсь писанное между нами двумя. Отвѣчайте, какъ вы думаете» [3]).

Въ 1849 году, когда уже и вторая часть Одиссеи была готова, Жуковскій пишетъ Плетневу о планахъ своихъ занятій, при чемъ въ концѣ письма говоритъ: «вотъ вамъ мой полный отчетъ, любезный Петръ Александровичъ;... дайте свое мнѣніе объ «Одиссеѣ» [4]). Въ 1850 году Жуковскій посылаетъ ему для просмотра свои произведенія. «Посылаю вамъ», говоритъ онъ, «мои отрывки въ прозѣ на судъ и на осужденіе», при чемъ проситъ его сдѣлать поправки, такъ какъ «въ иныхъ мѣстахъ попадается и безсмыслица» [5]). Наконецъ, когда нѣко-

[1]) Соч. и переп. Плетнева, стр. 524—529.
[2]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 532.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 555—556.
[4]) Ibid., стр. 615—617.
[5]) Сочин. и переп. Плетнева, т. III, стр. 670—672.

торыя статьи Жуковскаго не были допущены цензурой къ напечатанію, онъ обращается къ Плетневу съ просьбой позаботиться о переписк'ѣ ихъ на его счетъ, при чемъ добавляетъ: «чтеніе монхъ статей подало бы вамъ поводъ дѣлать мнѣ замѣчанія pro и contra, а мнѣ подало бы также поводъ отвѣчать вамъ, съ вами соглашаться или оправдывать и тѣмъ объяснять свои мысли» [1]). На основаніи этихъ немногихъ выдержекъ изъ писемъ Жуковскаго не трудно убѣдиться въ томъ, что Жуковскій высоко цѣнилъ въ Плетневѣ критика, мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ и руководился въ своихъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ. Насколько высоко ставилъ Жуковскій правдивое слово критика-друга, можно судить хотя-бы по тому впечатлѣнію, какое производили на Жуковскаго болѣе или менѣе благонріятные отзывы Плетнева. Такъ, когда Плетневъ на неоднократныя просьбы Жуковскаго высказать свое мнѣніе объ «Одиссеѣ», переведенной имъ, исполнилъ это, при чемъ очень хорошо отозвался о ней [2]), то Жуковскій не могъ скрыть своей радости и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого чувства пишетъ Плетневу: «наконецъ ваше письмо прибыло ко мнѣ; оно порадовало мнѣ сердцеза мою «Одиссею», которая не есть отъ меня даръ современникамъ—въ наше время литература взяла уродливое, безнравственное, лишенное всякаго очарованія направленіе... То, что вы говорите мнѣ о трудѣ моемъ, который сладостно повеселилъ мою старость и озолотилъ мнѣ многіе плоды жизни, для меня весьма удовлетворительно» [3]). Наоборотъ совершенно иному чувству предается Жуковскій, если Плетневу что-либо препятствуетъ долгое время высказать свой взглядъ относительно его сочиненія. Такъ, напримѣръ, посланныя въ 1850 году Жуковскимъ рукописи его сочиненій не были прочтены Плетневымъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Не желая упрекать Плетнева, Жуковскій тѣмъ не менѣе не можетъ не выразить своего огорченія по данному случаю [4]).

Уважая въ Плетневѣ авторитетнаго критика, Жуковскій видѣлъ въ немъ также опытнаго и практичнаго друга, которому можно было смѣло давать самыя важныя порученія, съ одной стороны, и совѣтомъ котораго можно руководиться въ самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, съ другой [5]). Этимъ объясняется тѣ многочисленныя просьбы объ исполненіи самыхъ разнообразныхъ порученій, съ которыми Жуковскій обращался къ Плетневу главнымъ образомъ во время своего

---

[1]) Ibid., стр. 687.
[2]) Сочин. и переп. Плетнева, т. III, стр. 618—620.
[3]) Ibid., стр. 630.
[4]) Ibid., стр. 679.
[5]) Ср. Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 93.

пребыванія за границей. Не перечисляя подробно всѣхъ, такъ какъ такое перечисленіе не можетъ имѣть особенно важнаго значенія, мы должны замѣтить, что главныя порученія и большинство ихъ касалось изданія сочиненій, уже появившихся въ печати отдѣльными томами, а также печатанія въ повременныхъ изданіяхъ тѣхъ сочиненій, которыя въ печати не появлялись еще.

Выразивъ желаніе въ 40 годахъ, еще до женитьбы, продать свои «сочиненія кому-нибудь на вѣчное владычество» и поручая дружбѣ Плетнева эту заботу, Жуковскій довольно часто обращается къ Плетневу съ просьбами по этому поводу. Послѣ же своей женитьбы Жуковскій сталъ всѣми силами стремиться осуществить это желаніе, побуждаемый къ тому сознаніемъ необходимости обезпечить свою семью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Плетневу онъ упоминаетъ объ этомъ, при чемъ старается опровергнуть всякіе упреки въ корыстолюбіи, говоря, что «будущее жены и дѣтей не выходятъ у него изъ головы». Всѣ свои планы, касающіеся задуманнаго имъ предпріятія, онъ направляетъ къ Плетневу, несмотря на то, что у него былъ постоянный повѣренный по изданію и продажѣ сочиненій, Родіоновъ [1]).

Когда къ 1849 г. у Жуковскаго созрѣла мысль о новомъ изданіи своихъ произведеній, то подъ вліяніемъ главнымъ образомъ совѣтовъ Плетнева онъ рѣшается хлопотать о продажѣ этого изданія правительству. Съ этою цѣлью онъ составляетъ подробный проектъ и, посылая его Плетневу, пишетъ: «оставляю все на ваше разрѣшеніе» [2]). Впослѣдствіи, насколько можно видѣть изъ переписки, этотъ проектъ осуществился: правительство купило новое изданіе въ количествѣ 4.000 экземпляровъ, а также, благодаря главнымъ образомъ распорядительности Плетнева и его умѣнію вести дѣло, еще 580 экземпляровъ, оставшихся отъ предыдущаго изданія [3]). Послѣ того какъ было улажено дѣло относительно изданія сочиненій Жуковскаго, купленныхъ правительствомъ, послѣдній присылаетъ Плетневу три тетради новыхъ произведеній съ просьбой отдать ихъ на разсмотрѣніе цензуры. Это порученіе доставило Плетневу массу хлопотъ и въ концѣ концовъ не привело къ желанному результату.

Кромѣ того Жуковскій обращался съ просьбой къ Плетневу и въ другихъ случаяхъ; такъ, напр., по поводу изданія первой части «Одиссеи», онъ пишетъ Плетневу: «вы должны позаботиться о томъ, чтобы это изданіе было на выгоднѣйшихъ для меня условіяхъ»; затѣмъ Жуковскій поручаетъ Плетневу вести дѣло съ издателемъ Смирдинымъ относи-

---

[1]) Сочин. и перепи. Плетнева, т. III, 605—606.
[2]) Ibid., т. III, стр. 635.
[3]) Ibid., стр. 718.

тельно новаго изданія его сочиненій [1]), спрашиваетъ у Плетнева совѣтовъ относительно новаго изданія своихъ сочиненій, вышедшаго съ прибавленіемъ «новыхъ стихотвореній». Когда же это изданіе было закончено, то продажу онъ поручаетъ Плетневу.

Вообще нужно сказать, что Плетневу давались Жуковскимъ довольно сложныя и разнообразныя порученія, требовавшія немало опыта, а также и умѣнья. Кромѣ трудностей, лежавшихъ въ характерѣ самыхъ порученій, создавались многія препятствія современнымъ положеніемъ вещей, условіями жизни и обстановкою службы. Но, несмотря на все это, Плетневъ всегда относился съ полнымъ вниманіемъ къ просьбамъ своего друга и съ большимъ стараніемъ и аккуратностью исполнялъ ихъ, было-ли это дѣло о продажѣ сочиненій Жуковскимъ въ казну, или дѣло о трехъ тетрадяхъ его сочиненій, потерпѣвшихъ неудачу въ цензурѣ. Изъ нихъ послѣднее порученіе доставило Плетневу много труда, хлопотъ и непріятностей. Путешествіе этихъ трехъ тетрадей сочиненій Жуковскаго по мытарствамъ цензуры, реформированной новыми законоположеніями, рисуетъ довольно ярко одну изъ самыхъ выдающихся сторонъ тогдашней русской жизни. Довольно продолжительное пребываніе ихъ въ цензурѣ не имѣло рѣшительно никакого смысла и вызвало слѣдующія, полныя огорченія слова, Жуковскаго: «возьмите назадъ мои манускрипты изъ цензуры» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство даетъ поводъ какъ Жуковскому, такъ и Плетневу изливать свое негодованіе на цензуру и порядки, царившіе въ ней. Жуковскому въ особенности было крайне тяжело и обидно слышать упреки, выраженные духовнымъ цензоромъ относительно его сочиненія «о внутренней христіанской жизни (въ тетради № 3). По этому поводу онъ пишетъ Плетневу: «я знаю, что у меня въ томъ, что представлено въ манускриптахъ моихъ на судъ цензуры, нѣтъ ни одной вредной мысли. Можетъ быть, иное худо и неясно выражено; можетъ быть, иное ошибочно; еще тотъ не родился, кто бы мыслилъ безошибочно; вреднаго нѣтъ и быть не можетъ. По моему направленію философскому я строгій христіанинъ... Что же касается другихъ моихъ мнѣній политическихъ, философскихъ и чисто-литературныхъ, то я увѣренъ, что они не только не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго, но могли бы имѣть доброе вліяніе на русскихъ читателей и особенно на нашу молодежь... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи неприкосновеннымъ... Такія мнѣнія не только не могутъ быть у насъ вредны, но они должны

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 373—375.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III. стр. 685.

быть необходимо пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ ума и сердца, покореннаго высшей правдѣ» [1]). Открыто исповѣдуя такіе взгляды, Жуковскій съ полнымъ правомъ могъ возмущаться тѣми препятствіями, которыя были устраиваемы цензурой, несмотря на все стараніе Плетнева парализовать ихъ. Вообще же при такихъ порядкахъ въ цензурѣ, какіе описаны Плетневымъ въ связи съ хлопотами по поводу сочиненій Жуковскаго, отнималась, повидимому, у авторовъ всякая возможность писать съ надеждой, что написанное будетъ разрѣшено печатать. Поэтому-то Жуковскій въ томъ же письмѣ къ Плетневу замѣчаетъ слѣдующее: «я не покину пера, но навсегда отказываюсь отъ печатанія. Буду писать про себя и можетъ быть болѣе прежняго; но безъ всякой гордой мысли автора» [2]). Эти слова Жуковскаго послѣ всей описанной нами исторіи вполнѣ понятны и естественны. Обобщая затѣмъ всѣ свои впечатлѣнія, вызванныя непріятностями со стороны цензуры, Жуковскій въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу говоритъ: «то, что вы пишете о цензурѣ и о замѣткахъ ея на мои статьи, дѣйствуетъ на душу, какъ удушье на горло, не потому, что касается меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе; болѣе говорить не буду» [3]). И, на самомъ дѣлѣ, приведенный эпизодъ, который относится къ 1850 году, является однимъ изъ тѣхъ, которые доставляли не мало огорченій и тяжелыхъ минутъ въ жизни нашимъ писателямъ.

Участіе Плетнева въ данномъ случаѣ выразилось прежде всего цѣлой филиппикой, направленной по адресу нашей цензуры. Исполняя порученіе Жуковскаго, онъ самъ воочію убѣдился въ ложности того положенія вещей, какое существовало. Кромѣ того ему, какъ человѣку, имѣвшему личное, непосредственное сношеніе съ цензурой, пришлось гораздо больше испытать и вынести непріятностей, о которыхъ онъ хотя и не писалъ, но которыя переживалъ. Поэтому онъ довольно рѣзко отзывается о томъ направленіи цензуры, какое существовало въ то время, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ Жуковскому, что отложилъ чтеніе его сочиненій до того спокойнаго будущаго, когда станетъ замѣтно, что ужъ «проползла туча цензуры». Затѣмъ, излагая свои соображенія, по которымъ, ему казалось, цензура не разрѣшила къ напечатанію сочиненій Жуковскаго, онъ замѣчаетъ, что сочиненіе Жуковскаго «Русская и англійская политика» не прошло въ цензурѣ, потому что «общая цензура подобныхъ статей ни у кого сама собою не разрѣшаетъ» [4]). Отно-

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 685—686.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 686 – 687.
[3]) Ibid., стр. 709.
[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 703.

сительно сочиненія Жуковскаго «Аксіомы» Плетневъ пишетъ: «здѣсь много касающагося духовной цензуры, которая, повидимому, все отвергаетъ, что пишетъ о религіи, о Богѣ человѣкъ свѣтскій» [1]). Въ заключеніе своихъ соображеній объ этомъ инцидентѣ Плетневъ говоритъ: «поправокъ, измѣненій и т. п. никто не требовалъ. Всѣ испуганы высокостью истинъ, какихъ не видывали въ нашей литературѣ. Нужно на то высшее освященіе» [2]). Но такъ какъ это «высшее освященіе» не всякому можно было получить, то просьбы авторовъ, даже такихъ извѣстныхъ, какъ Жуковскій, оставались неудовлетворенными.

Безуспѣшность хлопотъ Плетнева не останавливала его дѣятельности и не повергала въ уныніе. Напротивъ, въ неудачахъ онъ почерпалъ новыя силы, новую энергію и достигалъ все-таки своей цѣли въ большинствѣ случаевъ. Достаточно указать на то, какъ онъ настойчиво велъ, по порученію Жуковскаго, дѣло со Смирдинымъ—этимъ неуступчивымъ издателемъ. Такая же настойчивость его обнаружилась тогда, когда онъ хлопоталъ о продажѣ сочиненій Жуковскаго въ казну и когда ему приходилось чуть не съ бою брать каждую незначительную уступку въ пользу своего друга. Вообще говоря, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, со стороны Плетнева очень ясно обнаруживается черта безусловно честнаго и вполнѣ искренняго отношенія къ интересамъ своего друга—Жуковскаго.

Если мы теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ относился Плетневъ къ просьбамъ Жуковскаго, желавшаго услышать его отзывы о своихъ новыхъ произведеніяхъ, то и здѣсь мы можемъ отмѣтить симпатичныя черты. Не касаясь по существу взглядовъ Плетнева на тѣ или другія произведенія Жуковскаго, мы должны замѣтить, что онъ здѣсь является на высотѣ своего положенія, оправдывая вполнѣ то уваженіе, которымъ онъ пользовался, какъ критикъ. Имя «литературнаго палача», какое далъ ему Жуковскій [3]), является поэтому за нѣкоторыми исключеніями соотвѣтствующимъ, такъ какъ личныя чувства въ данномъ случаѣ далеко не всегда принимаются въ разсчетъ. Сужденія Плетнева кратки, точны и мѣтки въ большинствѣ случаевъ. Указывая достоинства произведеній, Плетневъ въ то же время не стѣсняется отмѣчать и недостатки, хотя послѣдніе большею частью относились къ формѣ, а не содержанію. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться, читая его замѣтки относительно, напр. «Одиссеи», переведенной Жуковскимъ, какъ первой ея части [4]), такъ и второй [5]), гдѣ онъ съ похвалой отзывается

[1]) ibid.
[2]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 704.
[3]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 532.
[4]) Ibid., стр. 593 и 599.
[5]) Ibid., стр. 612—613.

о трудѣ Жуковскаго, указывая на важность и значеніе этого труда. Кромѣ того вполнѣ хорошіе отзывы даетъ Плетневъ о «Рустемѣ и Зорабѣ», о «Лебедѣ» [1]), а также о стихотвореніяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Для немногихъ» [2]). Отмѣчая достоинства названныхъ сочиненій, Плетневъ указывалъ и недостатки, касающіеся главнымъ образомъ техническихъ оборотовъ и выраженій. Впрочемъ, тѣ отзывы о сочиненіяхъ Жуковскаго, какіе мы встрѣчаемъ въ перепискѣ, даютъ только болѣе или менѣе общую характеристику ихъ. Гораздо больше значенія имѣютъ тѣ совѣты, которые даетъ Плетневъ Жуковскому, какъ критикъ и другъ. Этими совѣтами опредѣляется въ большинствѣ случаевъ характеръ и направленіе литературныхъ работъ Жуковскаго, такъ какъ въ нихъ указываются темы и вопросы, затрогивавшіеся и разрабатывавшіеся впослѣдствіи Жуковскимъ.

Такъ, поощряя его къ литературнымъ работамъ успѣшнымъ исполненіемъ нѣкоторыхъ порученій, Плетневъ способствуетъ вѣрному осуществленію тѣхъ литературныхъ задачъ, которыя ставилъ себѣ Жуковскій. Когда талантъ Жуковскаго опредѣлился вполнѣ, выразившись кромѣ того, въ нѣсколькихъ томахъ его произведеній, Плетневъ пишетъ къ нему, убѣждая его жить «для любви, дружбы и поэзіи» [3]). Эту мысль Плетневъ затѣмъ развиваетъ болѣе подробно, при чемъ преимущественное вниманіе останавливаетъ на поэзіи. Хваля литературныя произведенія Жуковскаго, онъ между прочимъ говоритъ: «вы и поэзія— близнецы. Въ какомъ бы костюмѣ оба ни явились вы, всѣ чувствуютъ что вы родные оба. И экзаметръ древнихъ, и безрионенный вашъ ямбъ, равно какъ самая проза ваша, ни въ чемъ не нуждаются, какъ скоро вы дали имъ жизнь. И это я говорю не по пристрастію къ вамъ, не по личности (какъ многимъ кажется), а потому, какъ я удовлетворяюсь» [4]). Вскорѣ затѣмъ, когда Жуковскій въ 1845 году прислалъ въ «Современникъ» для напечатанія «Сказку объ Иванѣ Царевичѣ» и готовилъ къ печати переводъ «Одиссеи», Плетневъ ему пишетъ: «по моему мнѣнію, кромѣ поэзіи и домашняго мира, ничто уже не должно здѣсь, на землѣ, входить въ святилище души вашей. Вы совершили все, чего могло требовать отъ васъ просто человѣческое» [5]). Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, подѣлившись тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ», Плетневъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «я не перестану думать, что... самая поэзія въ настоящій

[1]) Ibid., стр. 725.

[2]) Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 726—727.

[3]) Ibid., стр. 537.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 552. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 277, 337.

[5]) Ibid., стр. 560.

періодъ вашей дѣятельности и составляетъ потребность дыханія души вашей», а далѣе: «все, что ни сочините вы.... мы примемъ въ назиданіе наше, а вашу поэзію во всѣхъ ея видахъ сердце наше приметъ въ себя, какъ лучшій элементъ его дыханія» [1]).

Сообщая далѣе въ 1847 г. Жуковскому о хлопотахъ относительно изданія его сочиненій, Плетневъ убѣждаетъ его такими словами: «останьтесь только поэтомъ въ святомъ своемъ пріютѣ и не хлопочите о томъ, что думаетъ Академія» [2]). Спустя нѣкоторое время послѣ этого Жуковскій пишетъ о своемъ намѣреніи оставить поэзію и заняться прозою. Плетневъ настойчиво совѣтуетъ ему не дѣлать этого. «Ваше предположеніе», говоритъ онъ, «откланяться поэзіи и жить для прозы совсѣмъ не нравится мнѣ. Поэзія, ужь если она внѣдрена въ человѣка, не принадлежитъ извѣстному возрасту, или извѣстнымъ обстоятельствамъ жизни: она дыханіе, душа его, жизнь его. Что ни начали бы вы писать—вы все поэтъ. И въ прозѣ вы не перестанете быть поэтомъ. Это уже судьба ваша. Итакъ, не обманывайте себя, будто вы властны тутъ выбирать одно или другое: при васъ вѣчно одно. Работайте по влеченію и прихоти, но напередъ знайте, что поэзія нигдѣ не разстанется съ вами» [3]). Не менѣе ясно и убѣдительно говорилъ Плетневъ о поэзіи, какъ истинномъ призваніи Жуковскаго, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній прислалъ свой проектъ относительно продажи своихъ сочиненій въ казну. «Высшій талантъ вашъ», замѣчаетъ Плетневъ, «какъ поэта и какъ писателя, есть исключительно ваше назначеніе. Отвратиться отъ обязанностей, съ нимъ соединенныхъ, есть тяжкій грѣхъ» [4]). Всѣ эти настойчивыя убѣжденія не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а производили свое надлежащее дѣйствіе. Привыкнувъ всегда съ полнымъ вниманіемъ выслушивать своего друга, считая его письма настоящимъ «лакомствомъ» для себя, Жуковскій не могъ не повиноваться правдивому и убѣдительному голосу. Съ своей стороны и Плетневъ, убѣждая Жуковскаго «жить для поэзіи» и видя, что его убѣжденія не остаются напрасными, старается довольно подробно и обстоятельно формулировать свои взгляды относительно даннаго вопроса. Предостерегая Жуковскаго отъ увлеченія въ крайность, выразившуюся въ опредѣленіи понятія поэзіи, которая по мнѣнію Жуковскаго обнимала только стихотворныя произведенія, Плетневъ значительно расширяетъ ея объемъ. «Не воображайте», говоритъ онъ Жуковскому», что, убѣждая васъ не переставать быть поэтомъ, я исключительно желаю видѣть стихи ваши.

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 563.
[2]) Ibid., стр. 588.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 618.
[4]) Ibid., стр. 636.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ я изложилъ вамъ, что когда вы пишете вслѣдствіе потребности души своей, это все выходитъ, какъ ваша поэзія, стихами-ли то написано или прозой» [1]).

Указаніями на общее направленіе литературной дѣятельности Жуковскаго не исчерпываются совѣты Плетнева. Онъ также намѣчалъ отдѣльныя темы, отдѣльные вопросы. Такъ, когда появился переводъ первой части «Одиссеи», Плетневъ убѣждаетъ Жуковскаго взяться за переводъ второй части и такимъ образомъ перевести всю «Одиссею», между тѣмъ какъ Жуковскій хотѣлъ оставить совершенно продолженіе своего труда по выходѣ въ свѣтъ первой части. «Это лучшее изъ всего», говоритъ Плетневъ, «что по волѣ Провидѣнія связано съ вашимъ назначеніемъ» [2]). Далѣе, въ одномъ изъ писемъ, относящихся ко времени изданія «Современника», Плетневъ проситъ Жуковскаго написать кое-что о томъ, «какою теперь представляется ему бѣдная русская литература, или о томъ, что онъ думаетъ о литературѣ въ Европѣ» (Франціи Англіи и Германіи) [3]). Въ другомъ письмѣ онъ рекомендуетъ Жуковскому заняться переводомъ Шекспира, убѣждая при этомъ «побороться» съ нимъ (т. е. Шекспиромъ) и высказывая увѣренность въ томъ, что занятіе Шекспиромъ можетъ увлечь Жуковскаго. Но съ особенною настойчивостью убѣждаетъ Жуковскаго Плетневъ заняться составленіемъ собственной автобіографіи въ видѣ записокъ или мемуаровъ. Указывая на огромное значеніе подобнаго труда, въ которомъ были бы очерчены личности нашихъ великихъ писателей—Карамзина, Дмитріева, Крылова, Батюшкова и Пушкина, Плетневъ вставляетъ такое замѣчаніе: «это будетъ завѣтъ вашъ потомству, которое безъ него останется въ слѣпотѣ насчетъ прекраснаго прошлаго, бывъ отуманено скаредностью настоящаго, усиливающагося разрушить все лучшее въ литературѣ» [4]). Наконецъ, Плетневъ убѣждаетъ его заняться переводомъ «Иліады», а когда Жуковскій на это сообщаетъ ему, что онъ пишетъ новую поэму («Агасферъ или Вѣчный жидъ») [5]), то Плетневъ совѣтуетъ ему поспѣшить окончаніемъ этой поэмы [6]).

Ко всѣмъ отмѣченнымъ совѣтамъ своего друга Жуковскій былъ всегда очень внимателенъ и старался приводить ихъ въ исполненіе. Если же нѣкоторые изъ нихъ не были выполнены, какъ, напр., относительно составленія автобіографіи, то это объясняется тѣмъ, что Жуковскій слишкомъ высоко и даже, можно сказать, своеобразно смотрѣлъ

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 652.
[2]) Ibid., стр. 580. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 149, 378.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 568.
[4]) Ibid., стр. 623.
[5]) Ibid., стр. 698—699.
[6]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 702.

на задачу, лежавшую въ основѣ этого труда. Пока же Плетневъ успѣлъ выяснить свой взглядъ на это, обстоятельства перемѣнились, и совѣтъ остался неисполненнымъ. Въ большинствѣ же случаевъ эти совѣты и убѣжденія Плетнева несомнѣнно имѣли важное значеніе въ литературной дѣятельности Жуковскаго, который, находя нравственную поддержку въ другѣ, время отъ времени обогащалъ соотвѣтственно его указаніямъ литературу новыми произведеніями.

Нравственная поддержка, которую оказывалъ Плетневъ своему другу и которая выражалась то въ порицаніи, то въ похвалахъ и поощреніи, имѣла весьма важное значеніе прежде всего потому, что вообще побуждала къ труду. Плетневъ не разъ прямо высказываетъ Жуковскому свое неудовольствіе, когда узнаетъ, что его другъ предается бездѣлью: «Говорятъ», пишетъ онъ Жуковскому, «вы такъ наслаждаетесь счастливымъ бездѣйствіемъ, что и пера не мочите чернилами. Какъ это грустно» [1]). Въ то же время, такъ какъ трудъ литературный могъ идти правильно и успѣшно только при постоянномъ физическомъ здоровьи трудящагося, то Плетневъ неоднократно говоритъ Жуковскому о томъ образѣ жизни, какой онъ самъ ведетъ и какой по его мнѣнію слѣдуетъ вести, чтобы пользоваться полнымъ физическимъ здоровьемъ; только благодаря послѣднему, человѣкъ является вполнѣ способнымъ къ самому тяжелому и упорному умственному труду. Для подтвержденія своихъ словъ Плетневъ ссылается на авторитетъ доктора Нордстрема и др., оканчивая почти каждое письмо къ Жуковскому просьбой беречь свое здоровье. Мы не знаемъ, насколько исполнялъ эти именно совѣты Жуковскій; можно думать, что онъ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, какъ и къ другимъ совѣтамъ Плетнева. Но въ данномъ случаѣ важно то, что Плетневъ этими совѣтами выражалъ самое полное, безкорыстное, искреннее участіе и расположеніе къ своему другу. Тѣ совѣты и дружескія наставленія, которыя высказывалъ Плетневъ Жуковскому съ любовью, а вмѣстѣ съ твердымъ сознаніемъ ихъ пользы и примѣнимости, невольно нашли въ себѣ и нравственное обязательство къ ихъ исполненію. Этимъ опредѣляется та роль и значеніе, которыя нужно приписать Плетневу въ жизни и дѣятельности Жуковскаго.

Гораздо больше было вліяніе Жуковскаго на Плетнева. Послѣдній, какъ извѣстно изъ его біографіи, былъ ученикомъ Жуковскаго и, если даже можно такъ выразиться, литературнымъ крестнымъ сыномъ. Благодаря Жуковскому, Плетневъ былъ введенъ въ литературный кружокъ; главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ онъ получилъ литературное воспитаніе и развитіе; его поддержкѣ онъ обязанъ первыми

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 531. Ср. Переписка Грота съ Плетневымъ, т. I, стр. 46; т. II, стр. 134.

шагами своей литературной дѣятельности и наконецъ высокимъ званіемъ воспитателя наслѣдника цесаревича Поэтому Плетневъ всегда чувствовалъ себя обязаннымъ Жуковскому и очень часто высказывалъ это.

При этомъ Плетневъ старался выяснить то несомнѣнное значеніе и вліяніе, какое имѣлъ на его жизнь и дѣятельность, а также и на его развитіе Жуковскій. Въ этомъ отношеніи намъ представляется особенно характернымъ одно письмо Плетнева, выдержку изъ коего мы считаемъ необходимымъ привести: «Много было случаевъ»,—говоритъ Плетневъ, — «которые передо мною раскрывали вашу благородную, возвышенную душу. Не говорю уже о томъ, что всѣмъ своимъ нынѣшнимъ счастіемъ обязанъ я единственно хорошему обо мнѣ вашему мнѣнію. Да если бы и не привелъ мнѣ Богъ такъ близко сойтись съ вами, все бы вы были для меня, какъ и для всякаго не безъ души человѣка, существомъ утѣшительнымъ, святымъ» [1]). Эти слова, не нуждаясь въ комментаріяхъ, представляютъ съ одной стороны полное душевное признаніе высокихъ качествъ Жуковскаго, а съ другой—глубокую благодарность Плетнева [2]). Выражая эту благодарность очень часто и называя при этомъ Жуковскаго самыми нѣжными именами — то ангеломъ утѣшенія, то искреннимъ другомъ, Плетневъ не рѣдко обращался къ нему за разными совѣтами подобно тому, какъ и Жуковскій обращался къ Плетневу. Эти совѣты касались почти исключительно литературной дѣятельности Плетнева и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Въ 1847 году вышло въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Крылова, при которомъ Плетневъ помѣстилъ біографію этого писателя. Эту біографію онъ посылаетъ Жуковскому съ просьбой сообщить свое мнѣніе относительно ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открываетъ Жуковскому свое желаніе вообще заниматься біографіями «лучшихъ писателей нашихъ», тѣмъ болѣе, что тогда въ его распоряженіи было гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ раньше, такъ какъ онъ отказался отъ издательства «Современника» [3]). «Надобно»,—пишетъ по этому поводу Плетневъ,—«услышать мнѣ умное и правдивое слово, по хорошей-ли я намѣренъ идти дорогѣ и довольно-ли къ тому у меня умственныхъ силъ» [4]). Жуковскій не только одобрилъ его желаніе, но и убѣдительно

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 536; письмо это помѣчено 3-мъ сентября 1840 года.

[2]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. III, стр. 76. Иниціатива устройства литературнаго праздника по случаю 50-лѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго принадлежала Плетневу.

[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 577.

[4]) Ibid., стр. 578.

совѣтовалъ ему заняться этимъ. Что Плетневъ, дѣйствительно, послѣдовалъ совѣту друга, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова самого Плетнева, который писалъ Жуковскому такъ: «совѣту вашему заниматься біографіями послѣдую»[1]), а затѣмъ и оставшіеся послѣ него труды.

Въ другой разъ Плетневъ обратился къ Жуковскому по слѣдующему поводу. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ поручило Плетневу составить статью относительно сочиненій Жуковскаго, при чемъ выразило желаніе, чтобы Плетневъ принялъ въ руководство именно пятое изданіе (т. е. 1849 г.). Исполняя это постановленіе II отдѣленія Академіи Наукъ, Плетневъ написалъ по данному поводу статью, которая была напечатана въ «Извѣстіяхъ», издаваемыхъ при Академіи Наукъ. Послѣ напечатанія ея Плетневъ проситъ Жуковскаго высказать свое мнѣніе по поводу этой статьи. «Вы не церемоньтесь»,—говоритъ Плетневъ,—«со мною и чистосердечно скажите, какъ вамъ покажется мое усердное мараніе»[2]). Этимъ можно почти исчерпать въ главныхъ и существенныхъ чертахъ затронутый нами вопросъ о вліяніи совѣтовъ Жуковскаго на ходъ литературной дѣятельности Плетнева.

Итакъ, на основаніи приведеннаго выше разсмотрѣнія болѣе выдающихся и характерныхъ моментовъ изъ жизни, а также и отношеній Плетнева къ Жуковскому можно съ полною основательностью констатировать фактъ взаимнаго вліянія Плетнева и Жуковскаго. Сказываясь то въ большей, то въ меньшей степени, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ обстоятельствахъ жизни, это вліяніе способствовало образованію той солидарности во взглядахъ политическихъ, литературныхъ и общественныхъ, которую признавалъ самъ Плетневъ, говоря: «мы одно любимъ, одного желаемъ».

Разсматривая отношенія Жуковскаго и Плетнева къ фактамъ ихъ личной жизни, мы не можемъ не остановить своего вниманія на тѣхъ мысляхъ, которыя выражаютъ общіе взгляды ихъ на личную жизнь, ея цѣли и задачи, а также показываютъ степень удовлетворенности или неудовлетворенности друзей своимъ положеніемъ. «Вы не можете себѣ представить»,—пишетъ Жуковскому Плетневъ въ 1833 году (письмо отъ 17-го февраля),—«какъ ужъ тягостна мнѣ становится такая жизнь. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я еще не жилъ, какъ другіе. Я только работалъ, да и то безъ выгоды; потому что если я пересталъ бы сегодня работать по обыкновенному, то принужденъ былъ бы и себѣ и своимъ отказывать въ необходимомъ, или по крайней мѣрѣ въ томъ, къ чему всѣ привыкли. Но теперь уже поздно о чемъ-нибудь мечтать. Лучше свыкаться съ идеею о необходимости своихъ трудовъ и близости ихъ

[1]) Ibid., стр. 582.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 739.

у гроба. Правда, я ужъ довольно свыкся съ послѣднею мыслію особенно въ прошедшіе два года и въ нынѣшній»[1]). Такое мрачное настроеніе, ближайшій поводъ къ которому подала смерть Гнѣдича, имѣло свое глубокое основаніе. Тяжелая служба, соединенная съ массою трудовъ и заботъ чисто механическихъ, формальныхъ, но въ то же время неотложныхъ, заполняла все его время. Не позволяя Плетневу предаваться съ полнымъ увлеченіемъ своимъ любимымъ занятіямъ, они даже дѣлали невозможнымъ своевременные и аккуратные отвѣты на письма друзей его. Объ этомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жуковскому; изливъ свои тяжелыя чувства, онъ этимъ облегчаетъ свое душевное горе.

Что касается Жуковскаго, то у него не встрѣчаемъ такихъ жалобныхъ нотъ; это объясняется тѣмъ, что обстоятельства его жизни сложились иначе, чѣмъ Плетнева. При обсужденіи имъ вопросовъ о цѣли и задачахъ жизни, мы замѣчаемъ тонъ болѣе ровный и настроеніе болѣе спокойное. Если что и дѣйствуетъ удручающе на Жуковскаго, то это пребываніе на чужбинѣ и болѣзнь его жены. Подъ вліяніемъ впечатлѣній, вызываемыхъ непосредственно этими фактами, онъ говоритъ: «крестъ мой не легокъ, иногда тяжелъ до упада»[2]). Но такому настроенію, которое выражается въ этихъ словахъ, онъ не даетъ развиться до такой степени и обнаружиться съ такою силою, какъ это мы видимъ у Плетнева.

Независимо отъ тѣхъ или иныхъ настроеній, которыя переживали Жуковскій и Плетневъ, они стараются принципіально выяснить вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Такъ, Жуковскій довольно подробно развиваетъ свое мнѣніе о томъ, въ чемъ должна заключаться наука жизни «Наука жизни», какъ онъ говоритъ, «есть признаніе воли Божіей». Это «признаніе» представляетъ нѣсколько ступеней: «сперва просто признаніе, что она (т. е. воля Божія) выше всего и что мы здѣсь—для покорности; потомъ смиреніе въ признаніи, исключающее всякіе толки ума или страждущаго сердца, могущіе привести къ ропоту; затѣмъ покой въ смиреніи и цѣлительная довѣренность; наконецъ, сладостное чувство благодарности за науку страданія и живая любовь къ Учителю и Его живому ученію»[3]). Такой взглядъ, который долженъ примирять человѣка со всѣмъ, что бы ни послала ему жизнь, представлялъ собою нѣчто устойчивое, положительное, которое способно было поддержив ать бодрость духа и вѣру въ самого себя при всѣхъ невзгодахъ и испы таніяхъ жизни. Подобныя мысли высказывалъ и Плетневъ, когда, опи-

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 525.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 629.
[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 629.

савъ свое тяжелое положеніе, онъ говоритъ, что свыкся съ нимъ. Впрочемъ, сперва онъ не вполнѣ соглашался съ Жуковскимъ въ данномъ вопросѣ. Впослѣдствіи же онъ окончательно принялъ мнѣніе Жуковскаго. Поэтому, когда ему вновь приходится упоминать объ испытаніяхъ и невзгодахъ житейскихъ, онъ говоритъ уже тономъ объективнаго наблюдателя, не давая развиваться тому пессимистическому настроенію, которое мы видимъ у него въ 1833 году, когда онъ писалъ Жуковскому [1]). Между тѣмъ сама жизнь представила впослѣдствіи много такого, что дѣйствительно было болѣе тяжелымъ и мрачнымъ, чѣмъ та обстановка, подъ вліяніемъ которой Плетневъ высказывалъ свои неутѣшительныя и лишенныя какой-либо надежды на лучшее мысли въ 1853 году.

Сфера личной жизни Плетнева и Жуковскаго не можетъ исчерпывать собою всѣхъ вопросовъ, которые вызывали въ нихъ то или иное обсужденіе. Жизнь общественная и государственная интересовала друзей можетъ быть даже въ иныхъ случаяхъ болѣе, чѣмъ своя личная. Къ такимъ фактамъ нужно прежде всего отнести юбилеи и празднованія, соединявшіяся съ ними. Таковъ, напр., пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова, 200-лѣтній юбилей Гельсингфорсскаго университета, а также 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго.

Всѣ эти событія подробно описываетъ Плетневъ, равно какъ и печальныя событія: смерть Карамзина, Гнѣдича, Крылова и Гоголя. О послѣднихъ годахъ и дняхъ жизни Гоголя, о смерти его Плетневъ подробно пишетъ Жуковскому. Послѣдній отвѣчалъ Плетневу, что «для нашей литературы онъ потеря незамѣнимая» [2]), высказывая при этомъ довольно своеобразную мысль, будто настоящимъ призваніемъ Гоголя было монашество. Заботясь, далѣе, объ увѣковѣченіи памяти умершихъ писателей устройствомъ-ли памятника, какъ, напримѣръ, Крылову, или чѣмъ-либо инымъ, друзья заключаютъ свои письма грустнымъ признаніемъ того, что быстро рѣдѣютъ ряды ихъ литературныхъ товарищей уносящихъ съ собою въ могилу неосуществившіяся надежды и самыя лучшія воспоминанія прошлаго.

Такой интересъ къ отдѣльнымъ писателямъ и ихъ судьбѣ не отдѣляется отъ интересовъ строго литературныхъ. Такъ, Плетневъ, имѣвшій полную возможность зорко слѣдить за всѣми явленіями литературы, отмѣчаетъ ея общее направленіе и характеръ, насколько они выразились въ періодической прессѣ и беллетристикѣ. «Господа модные писатели», говоритъ онъ, «заботятся только какъ-нибудь запродать ру-

---

[1]) См. выше, стр. 611.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 732.

копись и выхватить за нее у какого-нибудь барышника деньги. А что въ этой рукописи для ихъ имени и чести, какъ она будетъ относиться къ современному состоянію литературы и выйдетъ-ли когда? это ихъ не занимаетъ. Имъ только нужно, какъ ни попало, добыть денегъ; потому что они должны являться непремѣнно въ театрѣ, потомъ на вечерѣ, гдѣ играютъ въ карты, и даже наконецъ еще гдѣ-нибудь повеселиться такъ, чтобы слѣдующее утро можно было проспать самымъ богатырскимъ сномъ» [1]). Характеризуя издателей въ письмахъ къ Жуковскому, Плетневъ говоритъ: «вы совсѣмъ не можете ясно представить, что новѣйшіе издатели книгъ дѣлаютъ изъ пьесъ и именъ, цѣнимыхъ дорого публикою. Нынѣ это родъ векселей, которые по востребованію надобности продаются однимъ лицомъ другому то за высшую, то за низшую цѣну» [2]). Поэтому Плетневъ постоянно говоритъ о необходимости противодѣйствовать этому вредному направленію, высказывая при этомъ твердое намѣреніе внести въ это дѣло свою посильную лепту. «Я рѣшился», пишетъ онъ Жуковскому, «по временамъ открывать ту истину, которую затемнить такъ усиливаются наши журналисты. Воевать съ ними я не намѣренъ, но долгомъ почитаю говорить правду, не различая никого» [3]). Подобнаго рода желанія Плетневъ, дѣйствительно, старался приводить въ исполненіе, помѣщая свои статьи и замѣтки по данному вопросу въ отдѣлѣ «Современника» подъ заглавіемъ «Разное» въ то время, когда онъ состоялъ издателемъ этого журнала.

Характеризуя въ общихъ чертахъ направленіе современной литературы и главнымъ образомъ журналистики, въ своихъ письмахъ къ Жуковскому, Плетневъ съ особеннымъ вниманіемъ отличалъ и вновь появлявшіяся произведенія. Преимущественное вниманіе Плетневъ останавливалъ на тѣхъ произведеніяхъ, въ авторахъ которыхъ онъ видѣлъ несомнѣнный талантъ. Онъ особенно слѣдилъ за дѣятельностью Гоголя. Послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ» Плетневъ въ 1842 году писалъ Жуковскому: «это безъ сомнѣнія лучшее изъ всего, что только есть въ нашей литературѣ» [4]), а далѣе говоритъ вообще о сочиненіяхъ Гоголя, помѣщенныхъ въ изданіи «Собраній» его (4 тома) [5]). Вслѣдъ за Гоголемъ Плетневъ обратилъ свое вниманіе на талантъ Островскаго—автора появившейся тогда пьесы «Свои люди—сочтемся». Эту пьесу Островскаго Плетневъ причислялъ по духу и характеру къ Го-

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 543—544.
[2]) Ibid., стр. 550.
[3]) Ibid., стр. 573.
[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 539.
[5]) Ibid., стр. 578.

голевскимъ. Наконецъ, онъ указалъ на тотъ огромный авторитетъ, которымъ пользовались критическія статьи Бѣлинскаго. Убѣждая Жуковскаго писать свою автобіографію, о чемъ рѣчь была выше [1]), Плетневъ приводитъ слѣдующіе аргументы: «вы до переѣзда во дворецъ лучшую часть жизни провели съ лучшими нашими литераторами. Кому-нибудь надо же произнести о нихъ вдохновенное слово. Иначе къ отдаленному потомству они обречены будутъ явиться съ ярлыками, наклеенными на нихъ Бѣлинскимъ» [2]). Впрочемъ, на основаніи этого заключать объ отрицательномъ отношеніи Плетнева къ Бѣлинскому нельзя. Извѣстное «Письмо къ издателю», которое первое опредѣлило надлежащимъ образомъ значеніе критическаго дарованія Бѣлинскаго, было помѣщено въ «Современникѣ», издававшемся Пушкинымъ при участіи его друзей, къ которымъ принадлежалъ и Плетневъ [3]).

Въ заключеніе необходимо остановить вниманіе на характеристикѣ происходившихъ тогда въ Западной Европѣ событій, которая выразилась довольно ясно въ сужденіяхъ Плетнева и Жуковскаго, повѣрявшихъ другъ другу свои задушевныя мысли, вызываемыя текущими событіями. Прежде всего Плетневъ, отмѣчая движеніе въ 1848 года въ Германіи, выражаетъ глубокую скорбь своему другу по поводу того, что «нѣтъ пріюта мирному человѣку», который «не пользуется даже личною неприкосновенностью въ то время, какъ вездѣ кричатъ о свободѣ. Вотъ куда повлекли разнузданныя страсти и безвѣріе», восклицаетъ онъ [4]). Жуковскій, можетъ быть вторя своему другу, хотя скорѣе по личному убѣжденію и подъ вліяніемъ личныхъ непріятныхъ впечатлѣній, высказывается по тому же поводу еще болѣе рѣзко. «Хотѣлось пріютиться на родинѣ подъ мирнымъ покровомъ самодержавнаго русскаго царя, а Богъ велѣлъ переселиться въ край разбоя, гдѣ звѣрскій деспотизмъ черни называютъ свободою и безстыдно проповѣдуютъ неправду подъ именемъ закона». Затѣмъ, сообщивъ Плетневу о томъ, что онъ поселился въ Баденѣ, продолжаетъ: «Баденъ меньше другихъ пунктовъ Германіи подверженъ ударамъ политическаго землетрясенія (то-есть Баденъ-городъ); вся же здѣшняя сторона заражена республиканизмомъ въ самомъ дурномъ смыслѣ». Обобщая далѣе свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью и событіями того времени, Жуковскій говоритъ: «такого безсмыслія (при всей цивилизаціи, произведенной вѣками), такой трусости, такого отсутствія всѣхъ здравыхъ идей, всѣхъ рѣшительныхъ намѣреній и во снѣ вообразить

---

[1]) См. выше, стр. 608.

[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 655.

[3]) И. Ивановъ. Исторія русской критики, изд. 1900 г., т. III и IV, стр. 122.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III стр. 600—601.

было невозможно» [1]). Такимъ образомъ, солидарность въ политическихъ воззрѣніяхъ нашихъ друзей была полная, несмотря на то, что они жили въ совершенно различныхъ условіяхъ и обстановкѣ. Если не Плетневу, то Жуковскому во всякомъ случаѣ гораздо удобнѣе было присмотрѣться къ событіямъ, происходившимъ вокругъ него, и охарактеризировать болѣе безпристрастно, чѣмъ это онъ сдѣлалъ. Но «склоняясь», какъ говоритъ Пыпинъ, «къ сантиментальному піэтизму, Жуковскій не въ состояніи былъ понять совершившихся событій». Это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ въ событіяхъ 1848 года ничего не видѣлъ, кромѣ буйства черни и развратныхъ людей, а все «развитіе цивилизаціи и европейской образованности считалъ постояннымъ приближеніемъ Европы къ послѣдней гибели» [2]). Но если Жуковскій, отдавшись «сантиментальному піэтизму», и не могъ вполнѣ критически отнестись къ событіямъ и оцѣнить ихъ—болѣе или менѣе безпристрастно, то подобное отношеніе къ тѣмъ же событіямъ со стороны Плетнева нельзя объяснить вліяніемъ этого піэтизма; вѣроятнѣе всего объяснять это вліяніемъ Жуковскаго, глазами котораго онъ смотрѣлъ на отмѣченныя событія. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что, какъ можно видѣть изъ другихъ произведеній Плетнева, онъ былъ способенъ къ болѣе широкому взгляду на Западную Европу и существующіе въ ней порядки.

Заканчивая этимъ разсмотрѣніе отношеній Плетнева къ Жуковскому, необходимо замѣтить, что Жуковскій стоялъ къ Плетневу ближе, чѣмъ всѣ прочіе литературные его друзья и современные писатели. Судьба Плетнева во многомъ зависѣла отъ Жуковскаго, который привилъ къ нему тотъ идеализмъ, какой характеризуетъ его личность.

III.

Если Жуковскій очень близко стоялъ къ Плетневу, то этого нельзя безусловно сказать о Пушкинѣ. Прежде всего послѣдній былъ воспитанъ въ совершенно другихъ условіяхъ, и если онъ былъ членомъ одного и того же литературнаго кружка, что и Плетневъ, то скорѣе является представителемъ «либеральныхъ» его элементовъ, тогда какъ Плетневъ и Жуковскій принадлежали къ консервативнымъ его элементамъ. Кромѣ того нужно замѣтить, что Пушкину судьба не всегда улыбалась; и онъ неоднократно былъ подвергаемъ лишеніямъ; такъ, напр., въ 1820 году

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 603—604.

[2]) А. Н. Пыпинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ девятнадцатаго столѣтія", стр. 33—34.

(весною) [1]) долженъ былъ выѣхать изъ С.-Петербурга. Поэтому его участіе въ кружкѣ не было такъ замѣтно по своимъ результатомъ, какъ это могло быть при его личномъ непосредственномъ присутствіи. Но тѣмъ не менѣе по словамъ біографа Пушкина—Анненкова онъ «сохранилъ навсегда уваженіе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ кружкѣ, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ» [2]). Живя вдали отъ С.-Петербурга, Пушкинъ старался всегда поддерживать дружественныя отношенія съ членами этого кружка, а въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ Плетневъ.

Дружба Плетнева съ Пушкинымъ отличается нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ съ Жуковскимъ. Тамъ, какъ мы видѣли, почвою для нея служили не только литературные интересы, не только обоюдное участіе въ кружкѣ, но еще особыя чисто личныя отношенія, вызванныя извѣстными обстоятельствами жизни. Дружба Плетнева съ Пушкинымъ обусловливалась главнымъ образомъ литературными интересами. Кромѣ того Плетневъ все-таки считалъ Жуковскаго своимъ ментором въ дѣлѣ литературнаго воспитанія и развитія, и это сквозитъ вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ возможность наблюдать отношенія Плетнева къ Жуковскому. Что же касается отношеній къ Пушкину, то здѣсь скорѣе Плетневъ самъ является въ роли ментора; это особенно замѣтно тогда, когда Пушкинъ спрашиваетъ у него совѣта относительно какого-нибудь предпріятія, или вообще дѣла, близко интересовавшаго самого Пушкина. Такъ, напр., однажды Плетневъ пишетъ Пушкину слѣдующее: «милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ столько же, сколько и твоей славѣ» [3]). Но менторство Плетнева все-таки нельзя считать главною и исключительною чертою въ отношеніяхъ его къ Пушкину, точно такъ же, какъ нельзя считать литературные интересы единственными и исключительными. Близость и дружба между ними основывается на взаимной симпатіи и уваженіи къ личнымъ достоинствамъ ума и характера каждаго. Видя другъ въ другѣ товарищей не только по литературному кружку, но и по возрасту, они устанавливаютъ такія равныя отношенія, какія мы можемъ обыкновенно наблюдать между сверстниками. Простота, непринужденность и даже нѣкоторая фамильярность, свойственная особенно Пушкину—вотъ главныя черты ихъ отношеній. Какъ Плетнева, такъ и Пушкина въ одинаковой степени интересуетъ настоящее; о немъ они

---

[1]) Прошлаго столѣтія.

[2]) А. Н. Пыпинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ девятнадцатаго столѣтія“, стр. 71—72.

[3]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 325.

исключительно говорятъ, его только явленія стараются обсуждать и устанавливаютъ послѣ этого соотвѣтственный взглядъ. Между тѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому Плетневъ часто затрогиваетъ прошлое. Такимъ образомъ отношенія Плетнева къ Пушкину представляютъ собою отношенія двухъ друзей-сверстниковъ, которые при различіи во взглядахъ были солидарны вполнѣ въ основныхъ принципахъ относительно задачъ и цѣлей литературной дѣятельности, объединявшихъ членовъ того литературнаго кружка, къ которому они оба принадлежали. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, какъ это мы дѣлали при разсмотрѣніи отношеній Плетнева къ Жуковскому, постараемся указать на болѣе важныя и существенныя черты.

Преданные всецѣло интересамъ литературы, Плетневъ и Пушкинъ дѣлаютъ ее исходной точкой тѣхъ сужденій, которыя даютъ пищу ихъ перепискѣ и отношеніямъ. На первомъ планѣ мы встрѣчаемъ рядъ просьбъ и порученій такого же рода, какія были и со стороны Жуковскаго. Всѣ эти просьбы и порученія, съ которыми обращался Пушкинъ къ Плетневу, касаются главнымъ образомъ изданія и продажи его сочиненій. Издатели стремились преслѣдовать только свои личныя выгоды. Они старались монополизировать право изданія сочиненій болѣе извѣстныхъ авторовъ, не желая въ то же время предоставлять «ни малѣйшихъ выгодъ самимъ авторамъ». Проникнутые такими стремленіями, они дѣйствовали настолько ловко, что въ большинствѣ случаевъ достигали своей цѣли, и авторамъ оставалось только жаловаться на несправедливое къ нимъ отношеніе. Но Плетневъ, постоянно жившій въ С.-Петербургѣ, хорошо былъ знакомъ съ подобными выходками издателей и потому противопоставлялъ ихъ замысламъ въ такихъ случаяхъ свою личную опытность, чѣмъ достигалъ совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ этого желали издатели. Такъ было тогда, когда ему приходилось отстаивать интересы своего друга при изданіи «Онѣгина» и другихъ сочиненій. Плетневъ по этому поводу старается излить все негодованіе въ своихъ письмахъ къ Пушкину и не стѣсняется называть при этомъ издателей довольно нелестными для нихъ именами, какъ, напримѣръ, вандалами, варварами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается во-время предупредить каждый неудачный шагъ со стороны своего друга. Плетневъ хорошо и ясно сознавалъ, что въ этомъ отношеніи онъ можетъ принести ему и дѣйствительно приносилъ несомнѣнную пользу.

Исполняя такимъ образомъ со свойственною ему аккуратностью порученія, стараясь предупредить всякій неосторожный шагъ со стороны Пушкина, Плетневъ находилъ возможнымъ и необходимымъ побуждать его и къ литературной работѣ. Какъ извѣстно, въ 1824 году Пушкинъ поселился въ Михайловскомъ. Будучи лишенъ здѣсь необходимаго общества, своихъ друзей, вообще той хорошей обстановки, ко-

торая всегда оказываетъ благотворное вліяніе на человѣка и его дѣятельность, онъ подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ предавался по временамъ полному бездѣлью. Плетневъ, видя, какимъ успѣхомъ пользуются выходящія въ свѣтъ произведенія Пушкина, и осуждая лѣнь вообще [1]), старается выяснить всю ложность такого поведенія Пушкина и тѣмъ побудить его къ дѣятельности. «Умоляю тебя,—пишетъ онъ ему въ одномъ письмѣ,—«отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію» [2]). При этомъ нужно замѣтить, что особенное вниманіе обращалъ Плетневъ на «Онѣгина», появленіе котораго произвело настоящую сенсацію въ читающей публикѣ. Плетневъ настоятельно проситъ Пушкина объ окончаніи поэмы, взывая къ нему: «сдѣлай милость, выпусти «Онѣгина» [3]). Затѣмъ, указавъ достоинства сочиненій Гоголя, Плетневъ пишетъ Пушкину: «все это я пересказываю тебѣ, чтобы и ты передумалъ хорошенько о своей литературной дѣятельности въ будущемъ и съ Божіей помощью принялся бы за что-нибудь хорошенькое, гдѣ бы открылось поле для дѣятельности и другихъ людей съ чистою душою и благороднымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству» [4]). Поощряя Пушкина къ литературной дѣятельности вообще, Плетневъ въ данномъ случаѣ имѣлъ, вѣроятно, въ виду изданіе журнала, къ которому Пушкинъ намѣренъ былъ приступить.

Что касается самыхъ произведеній, ихъ сюжета и разработки его, то въ этомъ отношеніи совѣты Плетнева были предупреждаемы Пушкинымъ, который всегда поражалъ своего друга оригинальностью сюжетовъ, художественностью обработки и вообще такими достоинствами своихъ произведеній, которыя вызывали только одинъ восторгъ и удовольствіе со стороны Плетнева. Нѣкоторое, впрочемъ, исключеніе составляла полемика, на которую старался вызвать Пушкина Плетневъ, такъ какъ самъ онъ не принималъ въ ней никакого участія по принципу. Такъ онъ одинъ разъ предлагаетъ между прочимъ Пушкину высказать свое мнѣніе относительно романа Булгарина: «И. Выжигинъ» [5]). Въ другой разъ Плетневъ совѣтуетъ ему «отдѣлать романтиковъ-нѣмцевъ за то, что они не понимаютъ ни испанскихъ романтиковъ, ни Шекспира». Во всѣхъ этихъ случаяхъ Плетневъ старался дѣйствовать на друга не одними только словами совѣта. Онъ неоднократно давалъ свои лестные отзывы не только относительно произведеній Пушкина, но

---

[1]) Это, какъ мы видѣли, онъ высказалъ и Жуковскому, см. выше, стр. 609.
[2]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 324.
[3]) Ibid., стр. 336.
[4]) Ibid., стр. 366.
[5]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 348.

и относительно отдѣльныхъ мыслей и сужденій его, выраженныхъ въ тѣхъ или иныхъ статьяхъ.

Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось одними совѣтами, просьбами, порученіями и ихъ исполненіемъ; Плетневъ принималъ близко къ сердцу интересы чисто литературные: онъ радовался радостями литературы, страдалъ ея страданіями. Въ этомъ отношеніи, несмотря на различіе взглядовъ, Плетневъ и Пушкинъ были вполнѣ солидарны и проявляли одинаковый интересъ къ ея явленіямъ и судьбѣ ея дѣятелей. Со стороны Плетнева это выражалось въ томъ, что онъ старался сообщать Пушкину о новостяхъ въ литературѣ, о перемѣнахъ въ жизни и судьбѣ писателей-друзей. Имена Жуковскаго, Гоголя, Глинки, Дельвига, Гнѣдича, Вяземскаго и другихъ постоянно упоминаются въ письмахъ Плетнева, если только спрашиваетъ объ этихъ лицахъ Пушкинъ. Сообщая о томъ или иномъ ходѣ ихъ дѣятельности, а также и объ ихъ жизни, Плетневъ старается такимъ образомъ скрасить то тяжелое и непріятное положеніе, въ которомъ находился его другъ Пушкинъ, жившій въ деревнѣ (1824—1826 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ Плетневъ характеризуетъ тѣ произведенія названныхъ писателей, которыя вышли въ свѣтъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ отмѣчаетъ хорошія стороны ихъ и утѣшается мыслію, что поле литературной дѣятельности не только не остается безъ работниковъ, но находитъ самыхъ усердныхъ и самыхъ плодотворныхъ. Все это несомнѣнно должно было ободрять Пушкина въ его заточеніи, тѣмъ болѣе, что его личная жизнь не могла представить вообще захватывающаго интереса.

Кромѣ радостныхъ явленій въ жизни литературы тогдашняго времени, на которыя указывалъ Пушкину Плетневъ, были и свои печальные дни. Они совпадаютъ со смертью Дельвига и Молчанова, близкихъ и дорогихъ для Плетнева лицъ. По поводу ихъ смерти Плетневъ изливаетъ передъ Пушкинымъ свои чувства глубокой скорби и сожалѣнія. Онъ говоритъ, что смерть этихъ лицъ очень сильно поразила его; она превратила его въ полнаго автомата, такъ что онъ ко всему охладѣлъ и не видитъ въ будущемъ ничего отраднаго. Такое мрачное настроеніе старается разсѣять Пушкинъ; онъ къ этому времени уже женился и былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ надеждъ. Его слова утѣшенія, съ которыми онъ обратился къ Плетневу, очень характерны. «Опять хандришь»,—пишетъ Пушкинъ. «Эй, смотри: хандра хуже холеры: одна убиваетъ тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди: умретъ Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы еще встрѣтимъ новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки

сантиментальничать; а намъ-то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы» [1]).

Эти слова Пушкина, который убѣждалъ друга не предаваться печали и горю, а глядѣть съ вѣрою и надеждою на будущее, весьма важны для характеристики душевнаго настроенія Пушкина.

Наконецъ, нужно замѣтить, что довольно не рѣдко Плетневъ переходилъ на почву личную, говоря о своей семейной жизни, о своихъ удачахъ и неудачахъ, интересуясь въ то же время и личною жизнью друга. Зная изъ его писемъ, какую нравственную пытку представляла жизнь въ деревнѣ, гдѣ Пушкинъ долженъ былъ находиться безвыѣздно не по собственному желанію, Плетневъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы облегчить то тяжелое положеніе, въ которомъ находился его другъ. Благодаря этимъ усиліямъ и ходатайствамъ со стороны Плетнева, а также и другихъ друзей удалось дѣйствительно облегчить положеніе Пушкина, который, получивъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ, значительно ободрился, воспрянулъ духомъ, словомъ, освободился отъ той хандры, которая оказывала на него сильное и далеко не благотворное вліяніе, во время пребыванія его въ деревнѣ. Такое заботливое и внимательное отношеніе къ себѣ со стороны Плетнева высоко цѣнилъ Пушкинъ; онъ видѣлъ въ немъ лучшаго друга, на котораго можно положиться въ трудныя минуты жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ Плетнева человѣкомъ вполнѣ свѣдущимъ и компетентнымъ въ вопросахъ литературы. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ случай, когда Пушкинъ при появленіи сочиненія Булгарина «Самозванецъ» возымѣлъ желаніе «раздавить его». Но прежде чѣмъ приступить къ осуществленію этой мысли, онъ обращается къ Плетневу, спрашивая о томъ, будетъ-ли прилична подобная выходка съ его стороны и вообще слѣдуетъ-ли осуществить эту мысль. Когда же Плетневъ не только не одобрилъ этого намѣренія, но подвергъ его осужденію, то Пушкинъ не сталъ возражать; онъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ своего друга.

Обобщая все сказанное, нужно замѣтить, что Плетневъ не развивалъ Пушкину какихъ-либо плановъ и задачъ литературной дѣятельности, какъ это онъ дѣлалъ Жуковскому. Онъ, равно какъ и Пушкинъ, затрогивалъ только тѣ факты, какіе представляла жизнь современная, не задаваясь при этомъ и всестороннимъ уясненіемъ смысла и цѣли жизни, что̀ видимъ въ его перепискѣ съ Жуковскимъ.

Стараясь оберегать интересы Пушкина, какъ друга, Плетневъ смотрѣлъ на это дѣло гораздо шире, а не съ личной только точки зрѣнія. Онъ видѣлъ въ немъ первокласснаго представителя литературы, пере-

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 376; письмо 22-го іюля 1836 года.

доваго борца за правду въ литературѣ и жизни, а потому побуждалъ его выяснить «правды чистыя ученья» и тѣмъ способствовать развитію и укрѣпленію правильныхъ литературныхъ взглядовъ въ обществѣ. Кромѣ того онъ видѣлъ въ своемъ другѣ и высоко-гуманнаго человѣка, беззавѣтно преданнаго тѣмъ идеальнымъ принципамъ, носителемъ и хранителемъ которыхъ былъ извѣстный уже намъ литературный кружокъ. Такимъ образомъ интересы Пушкина, какъ друга Плетнева, совпадали вполнѣ съ интересами его, какъ передоваго представителя литературы, а также и члена литературнаго кружка. Сознанію Плетнева это совпаденіе представлялось со всею ясностью и очевидностью. Обнаружившійся съ полною силою геній Пушкина не возбуждалъ въ Плетневѣ, какъ другѣ-сверстникѣ, никакой зависти; это было не въ нравахъ того кружка, гдѣ Плетневъ получилъ свое литературное воспитаніе. Напротивъ, Плетневъ душевно желалъ и всѣми силами старался способствовать тому, чтобы литературная дѣятельность Пушкина шла по надлежащему и правильному пути. Что эту задачу именно преслѣдовалъ Плетневъ, въ томъ не оставляютъ никакого сомнѣнія его собственныя слова. «Поздравляю тебя, душа моя»,—пишетъ онъ Пушкину по случаю его помолвки. «Теперь смотрю на тебя съ спокойствіемъ, потому что ты ступилъ на дорогу, по которой никто не смѣетъ вести тебя, кромѣ разсудка твоего и совѣсти; а на нихъ-то я всегда надѣялся въ тебѣ больше всего» [1]). Такимъ образомъ Плетневъ успокаивается совершенно только тогда, когда видитъ, что его другъ вступилъ, по его мнѣнію, на путь правильной и производительной работы. Поэтому Плетневъ при появленіи каждаго новаго произведенія Пушкина радуется вмѣстѣ съ нимъ радостью искренняго друга, привѣтствуя его, какъ новый залогъ успѣшнаго развитія таланта и процвѣтанія литературы.

Таковы отношенія Плетнева къ Жуковскому и Пушкину, насколько можно судить объ этомъ на основаніи его переписки съ ними, помѣщенной въ сборникѣ его сочиненій (т. III). Но наше изложеніе было бы не полнымъ, если бы мы оставили безъ вниманія переписку Я. К. Грота съ Плетневымъ, изданную въ 1896 г. и имѣющую довольно близкое отношеніе къ затронутому нами вопросу. Если выше приходилось намъ дѣлать извѣстныя заключенія на основаніи переписки Плетнева съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, то въ перепискѣ Я. К. Грота съ Плетневымъ самъ Плетневъ довольно ясно и опредѣленно говоритъ иногда о своихъ отношеніяхъ къ Жуковскому и Пушкину, высказывая также при этомъ свои взгляды, характеризующіе произведенія названныхъ писателей и особенности ихъ талантовъ.

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 349.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ трехтомной перепискѣ Грота съ Плетневымъ очень немного найдется писемъ, въ которыхъ бы не упоминались имена Жуковскаго и Пушкина. Это съ особенною силою подчеркиваетъ фактъ близости, существовавшей между Жуковскимъ и Пушкинымъ, съ одной стороны, и Плетневымъ—съ другой. Описывая Гроту свои ежедневныя занятія, Плетневъ упоминаетъ въ числѣ прочихъ о чтеніи произведеній Пушкина и Жуковскаго въ кругу близкихъ лицъ, къ которому принадлежала вел. кн. Ольга Николаевна, а затѣмъ супруга наслѣдника престола вел. кн. Марія Александровна; иногда, по словамъ Плетнева, подобныя чтенія происходили въ присутствіи всей царской семьи (напр. «Пиковая Дама») [1]. Эти чтенія были своего рода праздниками, вызывая среди участниковъ восторгъ и преклоненіе передъ талантами авторовъ прочитанныхъ произведеній [2]. Стараясь оправдать этотъ восторгъ, Плетневъ довольно нерѣдко дѣлаетъ свои замѣчанія по поводу того или другаго произведенія, читаннаго въ кругу близкихъ лицъ; такія замѣчанія онъ дѣлаетъ по поводу перевода «Одиссеи» [3], «Наль и Дамаянти» [4]—Жуковскаго, «Онѣгина» [5]—Пушкина и др. Оставляя въ сторонѣ подробности, такъ какъ изложеніе ихъ не входитъ въ нашу задачу, мы считаемъ необходимымъ привести тѣ замѣчанія Плетнева, которыя касаются общаго характера дѣятельности, а равно значенія названныхъ писателей.—Набрасывая Гроту планъ лекцій по русской литературѣ, Плетневъ говоритъ: «Опиши новую школу Жуковскаго и Пушкина — истинныхъ художниковъ образованной націи» [6]. Въ другомъ письмѣ Плетневъ говоритъ: «Жуковскій и Пушкинъ служатъ масштабомъ высшаго литературнаго достоинства, какое могло созрѣть въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ» [7]. По поводу совѣтовъ Грота написать что-либо о Жуковскомъ и Пушкинѣ Плетневъ пишетъ: «Легко сказать: пиши о Жуковскомъ и Пушкинѣ. Вѣдь это не Крыловъ, гдѣ разложилъ хронологически его изданіе—да и валяй, что придетъ въ голову, гдѣ выпуклость анекдотовъ совсѣмъ закрываетъ недостатки тонкости ума и вкуса. Жуковскій и Пушкинъ—это вся наша новѣйшая литература; это наши Шиллеръ и Гёте. Дотроньсь до нихъ, такъ надобно будетъ приподнять всё и всѣхъ» [8]; въ другомъ мѣстѣ Плетневъ пишетъ: «Труды Жуковскаго и Пушкина буду считать выше другихъ...

---

[1]) Письмо отъ 26-го ноября 1840 г.
[2]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. I, стр. 636.
[3]) Ibid., т. III, стр. 149.
[4]) Ibid., т. II, стр. 231.
[5]) Ibid., т. I, стр. 332
[6]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. II, стр. 90.
[7]) Ibid., т. III, стр. 320.
[8]) Ibid., т. III, стр. 32.

вліяніе ихъ вѣчно: человѣкъ никогда не перестанетъ быть человѣкомъ и всегда найдетъ въ нихъ то, что питаетъ и назидаетъ его душу» [1]). Особенно много похвалъ удѣляетъ Плетневъ Жуковскому. «Подобныя явленія»,—говоритъ Плетневъ по поводу сборника «Новыхъ стихотвореній Жуковскаго»,—«принадлежатъ всему человѣчеству, особенно въ наше грустное время» [2]). Впрочемъ, увлеченіе Жуковскимъ, легко объяснимое на почвѣ ихъ личныхъ отношеній, не мѣшаетъ Плетневу высказать вѣрный взглядъ на его значеніе въ русской литературѣ. «Какъ Дмитріевъ усвоилъ нашей литературѣ легкость и грацію французской поэзіи, не создавъ ничего народнаго, самобытнаго, такъ Жуковскій», говоритъ Плетневъ,—«привилъ нашей литературѣ формы, краски и настроеніе нѣмецкой поэзіи» [3]).

Не отрицая извѣстнаго значенія за приведенными взглядами Плетнева, какъ одного изъ первыхъ и надлежащихъ цѣнителей Жуковскаго и Пушкина, нельзя считать ихъ всегда безусловно вѣрными. Личныя отношенія въ данномъ случаѣ имѣли не вполнѣ благотворное вліяніе, внося иногда черту пристрастія и преувеличенія особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось произведеній Жуковскаго. Противъ упрековъ, взводившихся Гротомъ по данному поводу, Плетневъ находилъ нужнымъ оправдываться, говоря слѣдующее: «Повѣрь, что въ моемъ энтузіазмѣ къ Жуковскому и Пушкину нѣтъ пристрастія, а одна штудировка ихъ, которая раскрыла передо мною всѣ стороны ихъ изумительныхъ совершенствъ. Имъ я обязанъ рѣдкимъ чутьемъ замѣчать въ своихъ и чужихъ стихотвореніяхъ всѣ тонкости красотъ и слабыхъ мѣстъ, всѣ уклоненія отъ надлежащей потребности стиха и всѣ приближенія къ его достоинству» [4]). Оправданіе Плетнева, какъ показываютъ приведенныя слова, выходило довольно слабымъ и не могло уничтожить нападковъ; оно только отмѣчало то вліяніе и значеніе, какое для него имѣли Жуковскій и Пушкинъ, подтверждая тѣ выводы, какіе сдѣланы нами выше [5]). Пристрастіе къ Жуковскому, объясняемое особымъ характеромъ ихъ взаимныхъ отношеній [6]), повидимому, не опровергается и самимъ Плетневымъ, который по данному поводу говоритъ слѣдующее: «Желаю, чтобы почаще ты (т. е. Гротъ) упоевался чтеніемъ Жуковскаго и Пушкина... Приводя на память счастливѣйшія минуты жизни моей, я вполнѣ убѣдился, что Жуковскій своими сочиненіями еще болѣе

[1]) Ibid., т. III, стр. 367.

[2]) Ibid., т. III, стр. 369. Ср. выше о литературныхъ нравахъ (стр. 601, 614); о цензурѣ (603 стр.).

[3]) Ibid., т. II, стр. 112.

[4]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, изд. 1896 г., т. I, стр. 280.

[5]) Стр. 7–9.

[6]) См. стр. 616—617.

доставилъ ихъ мнѣ, нежели Пушкинъ» [1]). Здѣсь мы имѣемъ возможность констатировать фактъ преобладающаго значенія Жуковскаго въ жизни Плетнева, который проводитъ довольно ясно параллель между Жуковскимъ и Пушкинымъ, весьма важную для выясненія вопроса объ отношеніяхъ между этими писателями и имъ самимъ.

Впрочемъ, признавая за Жуковскимъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ вліянія на свою жизнь, что̀ отмѣчено было и нами выше [2]), Плетневъ во многихъ случаяхъ не дѣлаетъ различія между Жуковскимъ и Пушкинымъ, когда говоритъ о дружбѣ, ея правилахъ, о друзьяхъ; иногда же въ подобныхъ случаяхъ онъ ограничивается упоминаніемъ имени одного только Пушкина [3]). Тѣсная связь, существовавшая между Плетневымъ и названными писателями, дала поводъ Гроту убѣждать Плетнева въ необходимости для него составить комментаріи къ сочиненіямъ Жуковскаго и Пушкина. Плетневъ отказывался взяться за этотъ трудъ, такъ какъ не признавалъ за подобными комментаріями какого-либо значенія для печати и общества. «Они будутъ касаться», говоритъ Плетневъ, «преимущественно частныхъ домашнихъ обстоятельствъ, при которыхъ писаны пьесы. Это хорошо разсказывать другу во время чтенія пьесы» [4]). Впослѣдствіи (въ 1849 г.) Гротъ вѣроятно на основаніи этихъ словъ Плетнева проситъ у него объясненій относительно «Путешествія въ Эрзерумъ». Плетневъ, отвѣчая на просьбу Грота, пишетъ: «Всѣ упоминаемыя тутъ лица уже не принадлежатъ эпохѣ, въ которую Пушкинъ жилъ близъ меня и дѣлился со мною каждою идеею» [5]). Въ заключеніе приведенныхъ нами мыслей Плетнева, освѣщающихъ разсматриваемый въ этой статьѣ вопросъ, слѣдуетъ привести слѣдующія слова: «Для меня сочиненія Жуковскаго и Пушкина представляютъ картину разныхъ эпохъ моей жизни».

Изложенными данными, заимствованными изъ переписки Грота съ Плетневымъ, можно исчерпать все то, что необходимо было привлечь въ интересахъ большей полноты и обстоятельности при разсмотрѣніи настоящаго вопроса. Какъ слова Плетнева, они служатъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы были нами на основаніи переписки его съ Жуковскимъ и Пушкинымъ и которые сводились къ тому, что между названными писателями и Плетневымъ существовали близкія

---

[1]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 594.
[2]) См. стр. 616.
[3]) Перепп. Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 196; т. II, стр. 221 и др.
[4]) Ibid., I, стр. 495. Ср. ibid. Письмо отъ 24-го февр. 1842 г.
[5]) Ibid., т. III, стр. 403.

дружескія связи; эти связи скрѣплялась и поддерживались литературными интересами преимущественно, а затѣмъ обстоятельствами личной жизни каждаго изъ нихъ, которыя одинаково ихъ всѣхъ интересовали. За исключеніемъ приведенныхъ мѣстъ изъ переписки Грота съ Плетневымъ, все остальное въ ней и даже письмо Жуковскаго къ Плетневу, которое не вошло въ собраніе сочиненій Плетнева [1]), не представляетъ ничего новаго по интересующему вопросу. Приводя только разнаго рода мелочные факты, дѣлая упоминанія о лицахъ, событіяхъ и т. д., переписка Грота съ Плетневымъ не даетъ новыхъ основаній для характеристики отношеній Плетнева къ Жуковскому и Пушкину, детально иллюстрируя [2]) лишь то, что извлечено изъ переписки самого Плетнева съ названными писателями, и развертывая передъ нами картину той жизни и ея интересовъ, начало коихъ связано было съ возникновеніемъ общества «Арзамасъ». Какъ живой протестъ противъ комедіи Шаховскаго «Новый Стернъ», гдѣ осмѣянъ Карамзинъ, и «Липецкія воды», гдѣ осмѣянъ Жуковскій—это общество положило начало объединенію сооихъ членовъ на почвѣ самыхъ близкихъ и задушевныхъ интересовъ—любви къ родинѣ и родной литературѣ. Хотя Плетневъ и говоритъ, что «энтузіазмъ къ Жуковскому былъ особенно въ числѣ причинъ основанія общества, и каждый, вступая въ члены, бралъ себѣ новое имя — и всегда какое-нибудь изъ балладъ Жуковскаго» [3]), однако всѣ одинаково были одушевлены одною цѣлью, которую выразилъ Плетневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Гроту, говоря: «Надобно намъ прежде всего возвысить въ глазахъ иностранцевъ цѣну языка нашего, вѣры, законовъ, литературы, мѣстности, всего, всего, что связано съ бытіемъ отечества нашего» [4]). Связанные съ осуществленіемъ этой задачи, не потерявшей своего значенія и въ настоящее время, интересы Плетневъ считалъ очень важными, чтобы увлекаться духомъ полемики; оттого его «литературныя ссоры не носили характера озлобленія» [5]); оттого великій Пушкинъ цѣнилъ его высоко, находя въ немъ «духъ благоволенія ко всѣмъ» [6]). Все это поднимаетъ Плетнева и его друзей—Жуковскаго и Пушкина надъ уровнемъ мелочныхъ и злобныхъ интересовъ, даетъ идейную окраску ихъ связямъ, отношеніямъ, наконецъ, самой ихъ дѣя-

---

[1]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 408.
[2]) Ibid., т. II, стр. 362; т. I, стр. 99 и др.
[3]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 275.
[4]) Ibid., т. I, стр. 71.
[5]) Ibid., т. II, стр. 731.
[6]) Ibid., т. I, стр. 499.

тельности, составляющей свѣтлую страницу въ исторіи нашего самосознанія вообще и литературы въ частности.

Вячеславъ Каминскій.

15 іюня 1904 г.
с. Будки.

Источники и пособія, коими приходилось пользоваться при составленіи настоящей статьи:

1. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева (т. III).
2. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ (три тома).
3. А. Н. Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ XIX столѣтія.
4. И. Ивановъ. Исторія русской критики, изд. 1900 г., т. III и IV.
5. «Вѣстникъ Европы» 1895 г., кн. XI.
6. «Русская Старина» 1882 г., кн. II.

Записки Михаила Чайковскаго.

LXXX [1]).

Судьба адреса, подписаннаго офицерами.—Грыглашевскій въ Стамбулѣ.—Усиленныя ученія и маневры.—Недоброжелательство Эюбъ-паши.—Похороны маіора Дверницкаго.—Мнѣніе маршала о политикѣ Али-паши.—Я оставляю полкъ.—Первыя впечатлѣнія въ Стамбулѣ.—Назначенная мнѣ пенсія.—Бесѣда съ сераскиромъ.—У великаго визиря.—Заблужденіе моего сына.—Мое предсказаніе оправдывается.—Отношеніе къ казацкой организаціи русскаго посольства.—Положеніе поляковъ по отношенію къ Россіи и славянамъ.—Заключеніе.

Въ скоромъ времени маіоръ Али-эфенди получилъ отвѣтъ на поданное имъ прошеніе; ему было отказано въ переводѣ изъ полка; а на запросъ, сдѣланный маршаломъ, настрожайше былъ подтвержденъ приказъ о возможно скоромъ введеніи въ наше войско турецкаго языка.

Пригласивъ къ себѣ гг. офицеровъ, я предложилъ имъ прочесть этотъ приказъ, заявилъ имъ, что я слагаю съ себя командованіе войскомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтовалъ имъ, ради собственной ихъ пользы, подать великому визирю адресъ съ протестомъ противъ введенія турецкаго языка, на что они тотчасъ изъявили свое согласіе, такъ какъ подача адреса есть своего рода манифестація, до чего поляки всегда большіе охотники. Но я былъ увѣренъ, что, кромѣ нѣсколькихъ наиболѣе раз-

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1904 г.

витыхъ офицеровъ, остальные не понимали важности этого адреса и согласились на мое предложеніе, такъ же не разсуждая, какъ они согласились на демонстрацію противъ меня.

Собравшись у маіора Мурадъ-бея (Ланцкоронскаго), офицеры упросили Ричарда Берзинскаго составить текстъ адреса. Мурадъ, съ своей стороны, принялъ согласіе собрать подписи и участвовать въ выборѣ депутата, но подписать адресъ отказался, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ мусульманинъ; это была, конечно, только одна уловка; настоящая причина его отказа заключалась въ томъ, что онъ разсчитывалъ получить при этой реформѣ чинъ подполковника. Такимъ образомъ, онъ остался до конца вѣренъ себѣ, такъ какъ я уже говорилъ, что именно онъ, первый, подалъ мысль о введеніи въ наше войско турецкаго языка. Мурадъ-бей и Фарнезе ненавидѣли другъ друга, но въ этомъ случаѣ они сошлись и дѣйствовали сообща, въ надеждѣ, что каждому изъ нихъ удастся такимъ образомъ скорѣе достигнуть своей цѣли, а затѣмъ можно будетъ такъ или иначе отдѣлаться отъ докучливаго товарища.

Адресъ былъ написанъ въ такомъ духѣ, что, въ случаѣ отказа со стороны правительства, офицеры не могли подвергнуться наказанію или даже получить выговора, или быть исключены изъ полка.

Онъ былъ подписанъ всѣми офицерами, за исключеніемъ Мурадъ-бея. Капитанъ Конарскій былъ выбранъ депутатомъ; это былъ самый способный и образцовый офицеръ нашего полка и при томъ хорошій патріотъ. Выборъ этотъ меня очень обрадовалъ, такъ какъ я видѣлъ, что дѣло находилось въ хорошихъ рукахъ. Я немедленно отправился къ маршалу и привезъ Конарскому разрѣшеніе ѣхать въ Стамбулъ. Офицеры сдѣлали складчину и дали ему денегъ на дорогу и на пребываніе въ столицѣ, какъ вдругъ явился ко мнѣ маіоръ Мурадъ-бей и заявилъ, что офицеры, принявъ во вниманіе, что капитанъ Конарскій не знаетъ хорошо турецкаго языка и не имѣетъ въ Стамбулѣ знакомыхъ, рѣшили, что онъ врядъ-ли можетъ исполнить возложенное на него порученіе, и вздумали послать, вмѣсто него, капитана Грыглашевскаго, но такъ какъ выборъ былъ уже сдѣланъ, то рѣшено было бросить жребій, и онъ, Мурадъ-бей, по старопольскому обычаю, пустилъ дѣло на узелки, и жребій палъ на капитана Грыглашевскаго.

Я не могъ ничего возразить противъ этого, такъ какъ капитанъ Грыглашевскій былъ извѣстенъ мнѣ какъ человѣкъ вполнѣ порядочный, я опасался только вліянія, какое могли имѣть на него мой младшій сынъ и моя старшая дочь, которые ратовали за введеніе въ полкъ турецкаго языка и за удаленіе мое изъ полка, первый потому, что онъ самъ разсчитывалъ занять мое мѣсто, а вторая потому, что она надѣялась руководить братомъ и добиться чрезъ него всего, чего она хотѣла.

Капитанъ Грыглашевскій уѣхалъ въ Стамбулъ, а нѣсколько дней

спустя, я получилъ отъ моего адъютанта Буржинскаго шифрованную депешу слѣдующаго содержанія: «Грыглашевскій не подалъ адреса и не подастъ его, ибо онъ находится уже въ рукахъ Фарнезе».

Возвратясь въ Шумлу, Грыглашевскій не далъ офицерамъ, какъ бы слѣдовало, отчета въ своей поѣздкѣ, а разсказалъ Мурадъ-бею, что сераскиръ принялъ его сурово, едва не посадилъ подъ арестъ, грозилъ даже отдать его подъ судъ, и разныя тому подобныя небылицы, а Мурадъ-бей, съ своей стороны, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе офицеровъ, но ничего не могъ добиться въ Стамбулѣ.

Онъ и мнѣ началъ разсказывать то же самое, но я сразу попросилъ его замолчать, сказавъ, что я все равно не вѣрю его словамъ и что ему, какъ моему ближайшему сослуживцу (онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моимъ адъютантомъ), не годится обманывать меня. Впослѣдствіи, года полтора послѣ того какъ я разстался съ полкомъ, маіоръ Канелли, пріѣхавъ въ Стамбулъ, разсказалъ мнѣ и Бервинскому, что какъ только Грыглашевскій уѣхалъ, Фарнезе былъ увѣдомленъ объ этомъ телеграммой. Пріѣхавъ въ Стамбулъ, Грыглашевскій былъ прежде всего съ визитомъ у моего младшаго сына, который не совѣтовалъ ему подавать адреса, чтобы не повредить этимъ своей карьерѣ. Выйдя отъ сына, онъ встрѣтилъ поручика Христофовича, который спросилъ его, привезъ-ли онъ адресъ, подписанный офицерами, и, одобривъ эту мысль, попросилъ дать ему адресъ для прочтенія и подписи. Капитанъ, по простотѣ душевной, а, быть можетъ, и съ умысломъ, чтобы избавиться отъ хлопотъ, отдалъ адресъ поручику и ужъ больше его не видалъ, такъ какъ Христофовичъ передалъ его Фарнезе, а тотъ положилъ его въ карманъ, сказавъ Грыглашевскому съ усмѣшкой, что сераскиръ разрѣшилъ ему сдѣлать съ адресомъ все, что онъ хочетъ. Офицеры повѣрили этой баснѣ. Истина открылась только тогда, когда Грыглашевскій и Христофовичъ поссорились съ Фарнезе и подали въ отставку. Узнавъ, какъ было дѣло, офицеры, однажды за ужиномъ, у маіора Канелли, стали укорять Грыглашевскаго за его поступокъ, тогда онъ признался во всемъ, и, что всего любопытнѣе, нашелъ сказать въ свое оправданіе только одно, что онъ возвратитъ деньги, данныя ему на дорогу и на жизнь въ Стамбулѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Я имѣлъ случай провѣрить разсказанное Канелли со словъ очевидцевъ, которые находились въ то время въ Стамбулѣ. Къ сожалѣнію, я убѣдился изъ разговора съ ними, какъ мало поляки дорожили своимъ добрымъ именемъ. Рѣшительно всѣ, съ кѣмъ я ни говорилъ объ этой продѣлкѣ, не только не возмущались ею, но иные даже говорили съ усмѣшкой: «умный италіанецъ! (Фарнезе), хорошую сыгралъ штуку съ полякомъ».

Самому Фарнезе я не удивлялся, ибо, если бы онъ отдалъ великому визирю или сераскиру адресъ, подписанный офицерами, то это скомпрометтировало бы его въ глазахъ высшаго начальства, которое полагало, что, предлагая ввести въ наше войско турецкій языкъ, онъ дѣйствовалъ по желанію и полномочію офицеровъ.

Но я никакъ не могъ понять, что заставляло поляковъ играть ему въ руку? что можно было думать о нихъ? что можно сказать, напр., о Христофовичѣ, который рѣшился вымаиить воровскимъ образомъ адресъ, только для того, чтобы помѣшать благородной манифестаціи офицеровъ, въ которыхъ проснулась, наконецъ, совѣсть и заговорилъ патріотизмъ? Что можно подумать о капитанѣ Грыглашевскомъ, который виновенъ во сто разъ болѣе, ибо, подписавъ адресъ и самъ, добровольно, взявшись исполнить порученіе, возложенное на него обществомъ офицеровъ, онъ обманулъ самымъ постыднымъ образомъ оказанное ему довѣріе и пожертвовалъ добрымъ именемъ поляковъ изъ-за матеріальныхъ и при томъ довольно призрачныхъ выгодъ, такъ что послѣ этого всѣ порядочные люди въ Турціи имѣютъ право сказать, что поляки измѣнили своему знамени. Такъ выразился о нихъ, въ разговорѣ со мною, оберъ-церемоніймейстеръ Кіамиль-бей, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Парижа.

Грустно было слышать поляку такой упрекъ изъ устъ турка, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вполнѣ заслуженъ. Скажу откровенно, чѣмъ ближе я имѣлъ случай узнать поляковъ, тѣмъ болѣе я радовался тому, что я рѣшился, наконецъ, разстаться съ ними, бросить службу и не тратить болѣе силъ на борьбу за честь польскаго имени, которымъ они такъ мало дорожили.

Но мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, оставить казацкій полкъ въ самомъ блестящемъ видѣ, въ смыслѣ военной выправки, и поэтому я устраивалъ какъ можно чаще джигитовки, каруселн, маневры, разъѣзды, засады и тому подобныя кавалерійскія ученія. Казаки отличались въ этихъ военныхъ упражненіяхъ, но четвертый полкъ гвардейской кавалеріи, состоявшій также подъ моей командою, не могъ сравняться съ ними въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, мнѣ удалось значительно вымуштровать его, и среди офицеровъ этого полка было ужъ довольно много такихъ образцовыхъ и прекрасныхъ кавалеристовъ, которые могли бы занять первое мѣсто въ самой превосходной кавалеріи въ мірѣ.

Маршалъ, паши, иностранные консулы и посторонніе офицеры пріѣзжали въ нашъ лагерь, чтобы присутствовать на каруселяхъ и джигитовкахъ, и выражали свое искреннее одобреніе превосходной выправкѣ солдатъ. Маршалъ хотѣлъ ввести подобное же ученіе во всей кавалеріи. Рущукскій вали Мехмедъ-Арифъ-паша, бывшій директоромъ канцеляріи Сердаръ-экрема въ 1854 г., нарочно пріѣзжалъ въ Шумлу, чтобы видѣть это ученье, и былъ также отъ него въ восторгѣ.

Болгары гордились этимъ, говоря: кавалерія султана намъ родная, въ ней служатъ наши братья, наши сыновья, чего только не сдѣлаютъ наши молодцы, если ихъ обучать какъ слѣдуетъ.

Маршалъ не разъ говорилъ мнѣ, что болгары такъ увлеклись казаками, что перестали даже читать газеты и толковать о франко-прусской войнѣ. Однимъ словомъ, казацкій полкъ пользовался, въ отношеніи военной выправки, вполнѣ заслуженной славой, и можно смѣло сказать, что онъ былъ первымъ полкомъ въ турецкой конницѣ и не спасовалъ бы передъ самой лучшей кавалеріей въ мірѣ.

Въ лагерь ожидали султана; маршалъ хотѣлъ встрѣтить его у села Каспечанъ со вторымъ корпусомъ, въ составъ котораго входило 24 баталіона пѣхоты, 4 полка кавалеріи и полкъ артиллеріи, а я долженъ былъ ожидать въ лагерѣ съ гвардіей и редифами. Въ отрядѣ гвардіи было 11 эскадроновъ кавалеріи, три батареи артиллеріи и 18 баталіоновъ редифовъ.

Между тѣмъ были назначены маневры. На совѣтѣ пашей я слышалъ, что мнѣ придется атаковать съ гвардейской кавалеріей правое крыло непріятеля, который долженъ былъ спуститься съ горъ на ровное мѣсто и, перейдя его, вступить въ ущелье, слѣдовательно, мнѣ предстояло дѣйствовать съ кавалеріей на весьма ограниченномъ пространствѣ. Несмотря на доброжелательное отношеніе ко мнѣ маршала, начальникъ его штаба, Ахмедъ-эюбъ-паша, любимецъ сераскира, и весь штабъ относились ко мнѣ совсѣмъ иначе. Поэтому мнѣ не прислали плана маневровъ и расположенія войскъ, который былъ разосланъ всѣмъ прочимъ пашамъ; впослѣдствіи это было объяснено тѣмъ, что некому было написать его по-французски, а я, будто бы, не понялъ бы его по-турецки.

Войскамъ было приказано не трогаться со своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока адъютантъ маршала не дастъ знакъ начинать маневры. Мѣстность, на которой они должны были происходить, находилась позади главнаго лагеря, не менѣе какъ въ шести верстахъ отъ лагеря гвардейскихъ войскъ. Всѣ стояли наготовѣ у своихъ лошадей въ тотъ моментъ, когда прискакалъ адъютантъ. Но въ это же самое время раздались выстрѣлы изъ орудій,—знакъ, что битва началась.

Къ счастью, я былъ отлично знакомъ съ мѣстностью, такъ какъ нѣсколько лѣтъ охотился на ней за зайцами.

Я раздѣлилъ 11 эскадроновъ гвардіи на три отряда, первый, подъ командою подполковника Рахми-эфенди, состоялъ изъ двухъ эскадроновъ четвертаго полка и двухъ эскадроновъ казаковъ,— всѣ четыре на бѣлыхъ лошадяхъ, второй отрядъ—изъ четырехъ эскадроновъ четвертаго полка на гнѣдыхъ лошадяхъ, подъ командою маіора Хаджи-Али-аги, а третій изъ трехъ казацкихъ эскадроновъ, подъ командою моего сына

Тимуръ-бея. Съ этими тремя отрядами я проскакалъ чрезъ главный лагерь, а затѣмъ пустился оврагами, такъ что когда непріятель, въ составѣ 6 баталіоновъ и 1 батареи артиллеріи вступалъ на открытое мѣсто, мое войско уже было готово атаковать его. Эюбъ-паша, который, не зная славянскаго языка, самъ не командовалъ войскомъ, а былъ только зрителемъ и недоброжелательнымъ критикомъ, стоя подлѣ маршала, утверждалъ, что мы не подоспѣемъ во-время и что непріятель успѣетъ скрыться въ ущелье.

Маршалъ, у котораго былъ очень вѣрный глазъ и который видѣлъ развѣвавшіяся въ долинѣ знамена, сказалъ съ улыбкой:

— Въ полѣ Садыкъ-пашу не надуешь, онъ человѣкъ бывалый, съумѣетъ найтись.

Въ эту минуту казаки Тимуръ-бея атаковали съ фланга непріятельскую кавалерію и окружили ее такъ неожиданно, что она остановилась какъ вкопанная и стала спѣшиваться, опасаясь натиска казаковъ. Два эскадрона Рахми-эфенди бросились въ разсыпную на орудія, а прочіе атаковали пѣхоту, и непріятельская колонна была взята въ плѣнъ. Оставивъ Али-агу при плѣнныхъ, я поспѣшилъ къ обрадованному маршалу за дальнѣйшими приказаніями. По окончаніи маневровъ, которыми маршалъ остался весьма доволенъ, онъ угостилъ насъ превосходнымъ ужиномъ, а затѣмъ мы отправились на охоту.

Подъ Шумлой скончался маіоръ Дверницкій, уроженецъ Галиціи, но не родственникъ извѣстнаго генерала Дверницкаго. Его хотѣли похоронить, какъ католика, на армяно-католическомъ кладбищѣ, но чорбаджій и болгары были противъ этого, они явились къ маршалу и заявили, что офицеръ, служившій вмѣстѣ съ болгарами, въ войскѣ султана, долженъ быть похороненъ болгарами и не иначе какъ въ болгарской церкви. Ихъ желаніе было удовлетворено, церковь была ярко освѣщена, и все болгарское духовенство Шумлы собралось на отпѣваніе. Оркестръ казацкаго полка, подъ управленіемъ прекраснаго капельмейстера чеха Якобичка, исполнилъ похоронный маршъ. Казаки въ полной парадной формѣ, провожавшіе останки Дверницкаго, и залпъ изъ орудій, произведенный въ тотъ моментъ, когда гробъ опускали въ могилу,— все это было для болгаръ зрѣлищемъ невиданнымъ. Маршалъ поспѣшилъ донести правительству о сочувствіи, выраженномъ болгарами нашей польско-славянской организаціи, и въ заключеніе писалъ, что нашему войску слѣдуетъ оставить его знамя, такъ какъ это принесетъ несомнѣнно пользу правительству. Но все было напрасно; рѣшеніе Дары-шуры было неизмѣнно, и подполковникъ Фарнезе позаботился о томъ, чтобы оно было выполнено какъ можно скорѣе.

По окончаніи маневровъ, я возобновилъ свою просьбу объ увольненіи меня въ отставку, не получивъ никакого отвѣта. Но мною было по-

лучено письмо отъ командующаго гвардіей, въ которомъ онъ сообщалъ, что подполковникъ Арифъ-бей, Фарнезе, не могъ быть посланъ, согласно представленію маршала на Ливанъ, такъ какъ онъ подтвердилъ обѣщаніе ввести въ казацкое войско турецкій языкъ и поэтому долженъ вернуться въ полкъ, чтобы выполнить вмѣстѣ съ Али-эфенди приказъ Дары-шуры.

«Я склоненъ видѣть во всей этой исторіи только желаніе нашего правительства снискать расположеніе Россіи», сказалъ мнѣ маршалъ, прочитавъ письмо; быть можетъ, это и необходимо въ виду пораженія Франціи. Правительство хочетъ отдѣлаться отъ поляковъ, чтобы устранить всякій поводъ къ неудовольствію со стороны Россіи, и радо, что оно нашло поляка, который помогаетъ ему въ этомъ, чтобы имѣть право сказать: «славянское войско не могло долѣе существовать, такъ какъ сами поляки погубили свою организацію».

Я отчасти и самъ думалъ это, такъ какъ еще въ бытность мою въ Шумлѣ было получено извѣстіе, что Россія пріобрѣла вновь право имѣть флотъ на Черномъ морѣ, и Англіи пришлось наконецъ, понять, что ея вліяніе на востокѣ ничтожно безъ такого сильнаго союзника, какимъ была для нея Франція. Предоставленію Россіи правъ имѣть флотъ на Черномъ морѣ предшествовали переговоры между русскимъ посольствомъ и Али-пашею. Этотъ великій визирь, которому нельзя отказать въ дипломатическихъ способностяхъ, старался заручиться пріязнію и даже покровительствомъ Россіи, и поэтому вполнѣ возможно, что онъ пожертвовалъ ради этого нашей организаціей, которую сами поляки не умѣли уберечь, и которую они погубили своими собственными руками.

Вскорѣ послѣ этого письма было получено извѣстіе, что ни султанъ, ни сераксиръ не пріѣдутъ въ лагерь подъ Шумлою; тогда я попросилъ разрѣшенія отправиться по своимъ дѣламъ въ Стамбулъ и получилъ, по телеграфу, отпускъ на мѣсяцъ съ разрѣшеніемъ пріѣхать въ Стамбулъ вмѣстѣ съ моимъ старшимъ сыномъ и съ штабсъ капитаномъ Морозовичемъ. Въ то же время возвратился въ полкъ Фарнезе и былъ принятъ торжественно, но нѣсколько дней не являлся ни ко мнѣ, ни къ маршалу. Мнѣ пришлось обратиться къ маршалу съ просьбою, чтобы онъ прислалъ его ко мнѣ со своимъ адъютантомъ, что тотъ и исполнилъ. Фарнезе хотѣлъ, какъ видно, вызвать меня, во что бы то ни стало, на столкновеніе, котораго я всячески избѣгалъ.

Я приказалъ ему немедленно принять командованіе полкомъ, принять дѣла отъ меня и отъ офицеровъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ со мною въ отпускъ, написать на турецкомъ языкѣ приказъ о введеніи въ войско турецкаго языка, приложивъ къ нему переводъ на польскій языкъ, и разослать его всѣмъ офицерамъ подъ росписки, чтобы всѣ

знали, въ какомъ положеніи находилось дѣло и не могли впослѣдствіи сослаться на то, что имъ ничего не было извѣстно.

Сдавъ бригаду командиру четвертаго гвардейскаго полка, полковнику Али-бею, и отклонивъ всякіе проводы, я уѣхалъ съ моимъ сыномъ, ни съ кѣмъ не простясь, какъ бы въ отпускъ. Это вполнѣ согласовалось, вѣроятно, съ желаніемъ высшей власти такъ же, какъ и съ моими собственными чувствами; мнѣ было бы слишкомъ тяжело прощаться съ солдатами, съ коими я прослужилъ столько лѣтъ, и видѣть еще разъ въ полномъ сборѣ офицеровъ, которые добровольно погубили польское войско, находившееся подъ моею командою. Мнѣ было бы тяжело прощаться съ ними и сказать привѣтствіе тѣмъ, кого я такъ любилъ, и тѣмъ, къ коимъ я питалъ столь непріязненныя чувства, поэтому я предпочелъ ни съ кѣмъ не прощаться.

Мой вѣрный слуга Ахмедъ-ага отправился сухимъ путемъ съ моей лошадью и экипажемъ, а мой гнѣдой боевой конь «Гизель», на которомъ я водилъ казацкія сотни въ Дели-Орманъ, уже былъ такъ старъ, что я оставилъ его доживать свои вѣка во Шумлѣ, у чорбаджія Анастасья Стояновича. Я простился съ нимъ навѣки и горевалъ о немъ не менѣе, какъ о моихъ казакахъ и какъ о своей молодости. Все прошло, все было кончено. На старости лѣтъ приходилось начинать новую жизнь.

Въ Стамбулѣ насъ съ сыномъ никто не ждалъ, никто не приготовилъ намъ квартиры. Мой младшій сынъ былъ слишкомъ занятъ своей молодой женою, чтобы подумать о старикѣ-отцѣ, а для остальныхъ я, какъ отставной, не имѣлъ уже значенія и не могъ никому быть полезенъ.

Намъ пришлось оставить вещи въ цейхгаузѣ и ходить по городу въ поискахъ за квартирою. Конечно, это пустяки, но мнѣ это было почему-то прискорбно, и я припомнилъ литовскую поговорку, что медвѣдь рычитъ, когда его ударитъ вѣточка, и молчитъ, когда его придавитъ всей своей тяжестью дубъ.

Я отправился прежде всего въ сераскеріатъ, гдѣ командующій гвардіей маршалъ Эссадъ-паша сказалъ мнѣ, что мое прошеніе объ отставкѣ принято и что въ награду за мою службу мнѣ назначена пожизненная пенсія въ размѣрѣ одной трети жалованья, которое я получалъ на службѣ, т.-е. 6.250 піастровъ въ мѣсяцъ, при весьма лестномъ рескриптѣ, въ которомъ говорилось, что въ 17 лѣтъ, кои я командовалъ казаками и драгунами, мною сдѣлано столько, сколько иной сдѣлаетъ въ пятьдесятъ лѣтъ.

Это было все очень красиво на словахъ, но на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ иначе, ибо мнѣ было прибавлено въ сущности только 1.250 піастровъ къ пожизненной пенсіи, назначенной мнѣ султаномъ Абдулъ-Ме-

джидомъ за услуги, оказанныя турецкому правительству до поступленія моего на военную службу.

Выдача мнѣ этой пенсіи была прекращена, какъ и всѣ остальныя пенсіи, пожалованныя покойнымъ султаномъ, но на совѣтѣ министровъ было рѣшено вернуть ее мнѣ и выдавать ежемѣсячно, въ случаѣ моего выхода въ отставку, я же, въ своемъ прошеніи объ отставкѣ, отказался отъ этой пенсіи, такова была истинная подкладка этого дѣла, такъ что, въ сущности, пенсія, назначенная мнѣ за мою службу въ войскѣ, была незначительна.

Всѣ паши и военные, съ которыми мнѣ пришлось когда-либо служить, выразили мнѣ свое сожалѣніе по поводу моего выхода въ отставку, а кавалерія, встрѣтившись однажды со мною, когда я уже снялъ военный мундиръ, отдала мнѣ честь, какъ своему бывшему командиру, ставъ во фронтъ. Хотя это было нарушеніемъ правилъ и она получила за это выговоръ отъ сераскира, но, признаюсь, это было для меня отрадно въ томъ одиночествѣ, въ какомъ я неожиданно очутился.

Сераскиръ, Гуссейнъ-Авни-паша, принялъ меня любезно, но, повидимому, былъ недоволенъ моимъ выходомъ въ отставку. Я былъ у него по утру, въ его лѣтнемъ помѣщеніи, на берегу Босфора. Какъ сейчасъ помню нашъ разговоръ.

— Не повліяла-ли на ваше рѣшеніе (выйти въ отставку) побѣда, одержанная нѣмцами надъ Наполеономъ?

— Отчасти и это имѣло вліяніе.

— Или, быть можетъ, причиною было наше сближеніе съ Россіей?

— Нѣтъ, ибо хотя я полякъ и столько лѣтъ сражался противъ Россіи, но я вполнѣ признаю, что Россія есть лучшій союзникъ для Турціи, и если я, съ своей стороны, былъ хотя малѣйшею помѣхою къ существованію между ними добрыхъ отношеній, то я радъ, что своимъ выходомъ въ отставку я могъ оказать услугу странѣ, которая такъ великодушно приняла меня въ свое подданство и которой я служилъ всѣмъ сердцемъ и впредь готовъ служить по первому требованію правительства, насколько у меня хватитъ силъ и умѣнья.

— Даю вамъ слово,—отвѣчалъ на это сераскиръ,—что введеніе въ славянское войско турецкаго языка не есть уступка, сдѣланная Россіи, ибо она этого не требовала; правительство давно уже имѣло это въ виду, теперь же сами офицеры выразили желаніе, чтобы у нихъ былъ введенъ турецкій языкъ, и я охотно поддержалъ ихъ просьбу, такъ какъ она вполнѣ согласовалась съ моимъ давнишнимъ рѣшеніемъ.

— Я не протестую противъ этого,—возразилъ я,—но я считалъ своей обязанностью высказать свой взглядъ. Къ тому же я чувствовалъ, что послѣ этого преобразованія нашей организаціи я не могъ бы

служить такъ успѣшно, какъ прежде, а тѣмъ болѣе съ тѣми лицами, коимъ поручено совершить эту реформу. Поэтому я и просилъ уволить меня въ отставку, рѣшивъ предоставить мѣсто тѣмъ, кои съумѣютъ, вѣроятно, поставить войско на болѣе высокую ступень, нежели оно было при мнѣ, и могутъ принести болѣе пользы государству.

— Ваша служба оцѣнена,—отвѣчалъ онъ,—и я увѣренъ, что мы еще повоюемъ вмѣстѣ съ вами, если только будетъ война.

Великій визирь принялъ меня еще любезнѣе и сказалъ, что правительство разсчитываетъ на меня.

Я отвѣчалъ ему на это вполнѣ откровенно, что, при теперешнихъ отношеніяхъ къ Россіи, въ моей службѣ едва-ли окажется надобность; что я могъ бы скорѣе быть помѣхою, нежели принести пользу, и что я охотно откажусь отъ всякой дѣятельности, если это можетъ упрочить отношеніе Турціи къ Россіи. Я отъ души поздравилъ его съ сближеніемъ съ нею и сказалъ, что по моему убѣжденію, послѣ пораженія, понесеннаго Франціей, только дружескія отношенія къ Россіи могутъ обезпечить Турцію отъ внутреннихъ смутъ и отъ внѣшнихъ войнъ.

Онъ улыбнулся, но былъ такъ смущенъ, что не зналъ, что мнѣ отвѣтить на это. Я узналъ только впослѣдствіи причину этого смущенія.

Оказывается, что когда мое прошеніе объ отставкѣ было принято, то великій визирь отправился къ русскому посланнику, чтобы сообщить ему пріятное извѣстіе о моемъ выходѣ въ отставку, и сказалъ ему, между прочимъ, что черная точка, вліявшая на отношенія между державами, исчезла съ горизонта, что я уже не состою болѣе на службѣ.

Посланникъ отвѣчалъ на это довольно холодно:—«тѣмъ хуже для турецкаго правительства, такъ какъ оно потеряло въ немъ честнаго и способнаго слугу».

Услыхавъ это, стороною, я просилъ моего друга Антона Алеона, который былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Али-пашею, спросить его: правда-ли это? и онъ подтвердилъ эти слова.

Боснякъ Азисъ-паша оказалъ мнѣ, по моемъ пріѣздѣ въ Стамбулъ, самое сердечное гостепріимство и, хотя нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, которымъ я оказывалъ въ свое время услуги, отнеслись ко мнѣ вполнѣ безучастно, что вполнѣ естественно въ чиновничьемъ мірѣ Турціи, но таковыхъ было немного. Большинство турецкихъ сановниковъ, въ томъ числѣ Риза-паша, Кибризли Мехмедъ-паша, Селимъ-паша, Намыкъ-паша и Сеидъ-бей отнеслись, ко мнѣ самымъ сердечнымъ образомъ, и послѣдній даже помогъ мнѣ устроиться.

Я познакомился съ женою моего младшаго сына и съ ея родными; но такъ какъ этотъ бракъ былъ причиною охлажденія сына ко мнѣ и къ нашему польскому дѣлу, которое было мнѣ дороже всего на свѣтѣ, то мнѣ не особенно было пріятно встрѣчаться съ ними; къ тому же

мой младшій сынъ видимо радовался моей отставкѣ, ибо онъ льстилъ себя, по невѣдѣнію, надеждою, что Фарнезе только временно будетъ командовать полкомъ, а что онъ, пользуясь особымъ благоволеніемъ султана, получитъ одинъ за другимъ чинъ полковника и паши и займетъ сначала его, а потомъ и мое мѣсто. Друзья-пріятели внушили ему эту мысль изъ зависти ко мнѣ.

Пріѣхавъ въ Стамбулъ, я сразу сказалъ сыну, что я сомнѣваюсь, чтобы, по выходѣ моемъ въ отставку, наша организація осталась въ такомъ почетѣ, какъ прежде, и чтобы она была такъ нужна правительству, и что я опасаюсь даже, какъ бы это не повліяло на его карьеру, какъ бы онъ и его товарищи поляки и славяне не были удалены изъ свиты султана. Оно и не могло быть иначе, такъ какъ они не имѣли, сами по себѣ, никакихъ заслугъ, и все ихъ преимущество заключалось въ томъ, что они принадлежали къ казацкому войску, состоявшему подъ моей командою; меня же уважали въ Турціи за мои прежнія заслуги какъ политическаго дѣятеля и какъ представителя извѣстной политической идеи.

Весьма вѣроятно, что мой сынъ не повѣрилъ тогда моимъ словамъ, точно такъ же, какъ офицеры не хотѣли понять, что, лишая казацкую организацію ея политическаго характера и отказываясь отъ польско-славянскаго знамени, они сами теряли всякое значеніе.

Изъ всѣхъ казаковъ и драгунъ, только двое подали въ то время въ отставку, въ видѣ протеста противъ отученія нашего войска: то были мой старшій сынъ, Тимуръ-бей (Адамъ Чайковскій) и Ричардъ Бервинскій. Третій, Османъ-ага (Морозовичъ), просилъ, по той же причинѣ, объ увольненіи его въ отставку, но получилъ отказъ, такъ какъ онъ былъ долженъ въ полковую кассу; по уплатѣ долга онъ вышелъ изъ полка.

Впослѣдствіи и всѣ прочіе офицеры, одинъ за другимъ, оставили полкъ, впрочемъ, по совершенно иной причинѣ, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Меня не столько огорчала неблагодарность поляковъ по отношенію ко мнѣ, хотя всѣ видѣли, какъ я былъ преданъ имъ и заботился объ ихъ благѣ, сколько ихъ легкомысленное отношеніе къ чести польскаго имени, которое выразилось въ овацiяхъ, оказанныхъ Фарнезе, взявшему на себя задачу искоренить изъ нашего войска польскій духъ.

Устроившись въ Стамбулѣ, я занялся писаніемъ повѣстей и своихъ воспоминаній и сидѣлъ спокойно дома, не мѣшаясь болѣе въ политику. До меня только доходили слухи о непріятностяхъ, которыя постигли поляковъ, находившихся на турецкой службѣ.

Прежде всего мой младшій сынъ былъ удаленъ отъ двора, лишился званія адъютанта султана и былъ причисленъ къ сераскеріату. Этому

радовались его товарищи, Лизакевичъ и Коваленко, которымъ онъ доставилъ мѣста при дворѣ; но вскорѣ ихъ постигла та же участь, они лишились своихъ адъютантскихъ мѣстъ и были прикомандированы къ полкамъ; вмѣстѣ съ ними были удалены отъ двора всѣ славяне и всѣ христіане, числившіеся въ казацкомъ и драгунскомъ полку.

Имъ не помогъ въ этомъ случаѣ баронъ Окша, хотя всѣ они были его агентами, служили ему вѣрою и правдою и, по его наущенію, дѣйствовали противъ меня, за Фарнезе.

Моего младшаго сына обманули, говоря ему, что Фарнезе хотѣлъ только временно занять мѣсто, которое не могло быть предоставлено ему сразу. Онъ хлопоталъ за него у командующаго гвардіей, Эссадъ-паши и у Реуфъ-паши, предсѣдателя Дары-Шуры, съ которыми, какъ адъютантъ султана, онъ былъ въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ.

Ослѣпленіе его доходило до того, что когда Фарнезе, несмотря на мой протестъ, былъ назначенъ къ намъ, то онъ писалъ своимъ знакомымъ офицерамъ, чтобы они приняли Фарнезе какъ можно любезнѣе, такъ какъ онъ будетъ только временно его замѣстителемъ. Узнавъ объ этомъ письмѣ, Фарнезе попросилъ показать его, а затѣмъ, пригласивъ къ себѣ офицеровъ, вполнѣ логично опровергъ все сказанное въ немъ, сославшись на точный смыслъ приказа, коимъ онъ былъ назначенъ командиромъ полка, а не какимъ-то замѣстителемъ Музаферъ-бея.

Такимъ образомъ, мой сынъ сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ. Итальянецъ ловко обдѣлалъ свои дѣлишки и одурачилъ поляка, но не съумѣлъ сдержать своего слова и сдѣлать изъ казаковъ первый полкъ въ мірѣ. Полкъ пришелъ въ упадокъ и изъ лучшаго полка турецкой кавалеріи, какимъ онъ былъ при мнѣ, сдѣлался самымъ послѣднимъ.

Фарнезе, прежде всего, попросилъ прислать ему турецкихъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ поляки и прочіе славяне не умѣли писать по-турецки.

Затѣмъ, такъ какъ охотниковъ славянъ и христіанъ поступить въ полкъ не являлось, а поляковъ, которые отъ бѣды рѣшались идти охотниками, онъ не принималъ, то онъ началъ высказывать въ своихъ донесеніяхъ сомнѣніе насчетъ вѣрности и преданности славянъ и христіанъ, вслѣдствіе чего сераскиръ приказалъ укомплектовать полкъ мусульманами, для чего были присланы самые плохіе рекруты, негодные къ службѣ въ турецкихъ полкахъ. Такимъ-то образомъ Фарнезе сгубилъ превосходнѣйшую кавалерію въ мірѣ.

Но какова была дальнѣйшая участь офицеровъ, кои такъ радостно привѣтствовали преобразованіе полка? Къ сожалѣнію, мое предсказаніе относительно ихъ сбылось вполнѣ. Имъ не долго пришлось радоваться моему выходу въ отставку. Не получая жалованья, притѣсняемые начальствомъ, которое обращалось съ ними пренебрежительно, они, одинъ

за другимъ, оставили полкъ, но не такъ, какъ подобало полякамъ, выразивъ этимъ протестъ противъ отуреченія войска, но какъ наемники, недовольные своими господами за то, что они имъ плохо платили.

Надобно сказать, что русское посольство въ Турціи и русскіе консулы не только никогда не преслѣдовали польско-славянскую организацію, но не причиняли ей и тѣхъ мелкихъ и подъ-часъ весьма докучливыхъ непріятностей, къ которымъ представители иностранныхъ державъ въ Турціи всегда могутъ найти поводъ. Напротивъ того, они много разъ способствовали улаженію возникавшихъ недоразумѣній.

Что касается меня, то я долженъ также откровенно сказать, что я никогда не питалъ ненависти или непріязни къ русскимъ и къ русскому правительству, стоящему во главѣ огромной и могущественной монархіи.

Я всегда любилъ русскихъ какъ славянъ и ставилъ ихъ выше насъ за ихъ единодушіе и готовность приносить личныя, безкорыстныя выгоды въ жертву на алтарь отечества.

Поляки не имѣли до 1863 г. ни малѣйшаго повода питать какую-либо непріязнь къ русскимъ, а императора Александра II они должны были глубоко уважать и любить, такъ какъ его расположеніе къ нимъ и желаніе сдѣлать для нихъ все возможное ни для кого не было тайною. Все то, что я слышалъ о немъ, еще въ бытность его цесаревичемъ, располагало меня въ его пользу, и я отъ души радовался его вступленію на престолъ, такъ какъ съ этимъ открывалась для поляковъ новая эра надеждъ. Я всей душою сочувствовалъ идеѣ и политикѣ маркиза Велепольскаго и высказывалъ это въ письмахъ къ моимъ друзьямъ эмигрантамъ; писалъ объ этомъ и моимъ пріятелямъ въ Польшу и совѣтовалъ полякамъ примкнуть къ нему. Я полагаю, всякій убѣдился въ настоящее время въ томъ, что избранный имъ путь сближенія съ Россіей былъ для Польши единственнымъ путемъ, который могъ привести ее къ благоденствію и спасенію. Поэтому мнѣ нечего говорить объ этомъ, такъ же точно, какъ не мое дѣло выяснять, по чьей винѣ поляки уклонились съ должнаго пути и были приведены къ пропасти, разверзшейся предъ ними въ 1863 году.

Пора взглянуть правдѣ въ глаза безъ самообольщенія и пагубныхъ мечтаній.

Польскіе эмигранты такъ упали, съ теченіемъ времени, нравственно и до того утратили всякое политическое значеніе, что они не могутъ быть ничѣмъ полезны Польшѣ, но они, несомнѣнно, вредятъ Россіи, стоящей во главѣ славянскихъ государствъ, тѣмъ, что польскіе эмигранты служатъ, по большей части, нѣмцамъ, мадъярамъ и Богъ вѣсть кому противъ славянства, поэтому ихъ дѣятельность неудобна для Россіи, хотя, разумѣется, ни мало не опасна для нея.

Полякамъ, ради своихъ собственныхъ выгодъ, слѣдуетъ быть прежде всего славянами и брататься съ славянами, живущими подъ скипетромъ славянскаго царя.

Столько лѣтъ служенія польскому дѣлу, столько стараній и труда, положенныхъ на него, за что я видѣлъ съ ихъ стороны только однѣ непріятности, даютъ мнѣ право откровенно высказать мой взглядъ, тѣмъ болѣе, что я доказалъ его не только словомъ, но и дѣломъ, разрѣшивъ моему старшему сыну, Адаму Чайковскому, который вполнѣ раздѣлялъ мои мысли и мои чувства къ братьямъ славянамъ, отправиться въ славянскую Россію и поступить на службу въ войско русскаго царя.

Великодушный монархъ принялъ его въ число своихъ подданныхъ и въ ряды своей арміи, которая составляетъ гордость и надежду славянъ.

Предоставивъ сыну моему дѣятельную роль, я остался одинъ со своими воспоминаніями и ожидаю конца жизни, а подъ Алемъ-Дагомъ меня ждетъ могила боевой спутницы моей жизни, которая служила столько лѣтъ вмѣстѣ со мною польскому дѣлу.

Если бы милосердый Господь, въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ, судилъ моимъ костямъ лечь на вѣчное упокоеніе въ землѣ моихъ предковъ, въ возлюбленной моей Украйнѣ, то я вернулся бы на родину, предоставивъ себя безусловно на волю царя.

Это былъ бы самый лучшій конецъ жизни для поляка-славянина.

Этими грустными словами заканчиваетъ Чайковскій записки, составленныя имъ на чужбинѣ. Тридцать лѣтъ, проведенныхъ Садыкъ-пашею на Востокѣ, среди Балканскихъ славянъ, уяснили ему всю ложность того положенія, которое заняли поляки въ славянскомъ мірѣ, пріобщившись душой и сердцемъ къ западу—и въ то же время все значеніе и призваніе Россіи, какъ православной, славянской державы.

Отказавшись отъ турецкой пенсіи, полученной имъ за службу оттоманскому правительству, онъ обратился къ великодушію государя и получилъ, какъ извѣстно, разрѣшеніе возвратиться въ Россію, въ свое помѣстье Черниговской губерніи, гдѣ онъ продолжалъ заниматься литературой и гдѣ имъ были набросаны разныя замѣтки и воспоминанія, составляющія какъ бы дополненіе къ его запискамъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ изливаетъ, подъ-часъ въ довольно рѣзкой формѣ, все то, что наболѣло у него въ душѣ за тѣ 30 лѣтъ, въ теченіе коихъ онъ старался высоко держать польское знамя въ сформированномъ имъ казачьемъ войскѣ, описываетъ интриги, которыя вели противъ него эмигранты-поляки, не раздѣлявшіе его польско-славян-

скихъ взглядовъ, и развиваетъ высказанную имъ многократно въ печати мысль о необходимости для поляковъ тѣснаго единенія съ Россіей.

Какъ бы ни были, подъ-часъ, крайни и рѣзки сужденія, высказываемыя Чайковскимъ, озлобленнымъ веденною имъ многолѣтнею борьбою, но все же его «Замѣтки и Воспоминанія», какъ искренній голосъ восьмидесятилѣтняго старца-поляка, заслуживаютъ полнаго вниманія.

В. Т.

Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

(Письма къ нему разныхъ лицъ).

1.

Письмо князя А. Куракина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

15-го сентября 1813 г. Павловское.

Государь мой Дмитрій Николаевичъ! Письмо ваше отъ 2-го текущаго, я имѣлъ удовольствіе получить и при ономъ приложенный пробный листокъ издаваемаго вами въ свѣтъ сочиненія. Какъ красотою литеръ, такъ бумагою и форматомъ онаго я остался очень доволенъ и для напечатанія 600 экземпляровъ, вмѣстѣ съ двумя весьма любопытными уставами орденовъ Св. апостола Андрея и Св. Екатерины по возвращаемому при семъ образцу, выключая того мѣста, которое на немъ чернилами вычернено, посылаю я вамъ тысячу рублей. Изданіе вами сего сочиненія будетъ вамъ шагомъ къ полученію одной изъ четырехъ орденовъ вакансіи герольда. Мнѣ пріятно васъ въ семъ ожиданіи вашемъ увѣрить. Но при семъ долженъ вамъ сказать, что жалованье, герольдамъ производившееся, давно уже прекращено, а оставлены имъ одни почетные знаки.

За присланную вами собственно вашего сочиненія книгу «Жизнеописаніе митрополита [1]) Амвросія» приношу мою благодарность. Еще въ малолѣтствѣ моемъ, когда я имѣлъ случай видать его довольно часто въ нашемъ домѣ, былъ я свидѣтелемъ того должнаго, имъ внушаемаго,

---

[1]) Рукою Д. Н. Бантышъ-Каменскаго слово митрополитъ зачеркнуто и написано „архіепископъ".

почтенія, которое послѣ и во мнѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ къ его отличнымъ добродѣтелямъ возродилось.

Примите увѣреніе, что я съ моею къ вамъ дружбою пребываю вашего высокоблагородія вѣрный слуга князь Александръ Куракинъ.

P. S. Скажите мой дружескій поклонъ вашему почтенному родителю и обѣимъ сестрицамъ вашимъ.

2.

Письмо графа А. Мусина-Пушкина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

21-го ноября 1813 г., с. Плошка.

Невозможно болѣе и чувствительнѣе одолжить, какъ вы то сдѣлали, любезный другъ мой Дмитрій Николаевичъ, доставленіемъ прекраснаго и чувствительнаго изданія, которое я вчера только получилъ, и съ онымъ два письма ваши отъ 8-го и 15-го чиселъ. Изданіе прекрасное, а содержаніе еще лучше: я оное прочиталъ сряду три раза; и всякій разъ обливался пріятными и утѣшительными слезами. Ежели при изданіи имѣли вы намѣреніе описаніемъ качествъ покойнаго усладить горесть ближнихъ его, то успѣли въ томъ совершенно, ибо всякій, кто читалъ здѣсь, обливался слезами; а особливо заключеніе острымъ и умнымъ перомъ написано. Есть пословицы: дерево узнается по плодамъ, и другая: яблоко отъ яблони недалеко катится. Вы обѣ сіи пословицы собою подтверждаете и доказываете ясно, что ступаете по слѣдамъ почтеннаго своего родителя, которому (между нами) я цѣны не знаю! Надобно у васъ учиться, какъ людей къ себѣ привязывать. Прошу считать на мою къ вамъ преданность и вѣрить, что ни въ чемъ возможномъ никогда вамъ отказу не будетъ; но напротивъ радъ буду случаю, когда встрѣчу (возможность?) сдѣлать вамъ услугу, или угодное. Вы спрашиваете подробностей службы и портрета графа Ивана Алекс. Отсюда онымъ услужить вамъ не могу; развѣ когда въ Петербургѣ, что могу узнать сообщу, а на память свою не надѣюсь, чтобы не соврать. Изъ родословной выписку при семъ прилагаю. Портретъ князя Петра Ивановича Прозоровскаго былъ у дяди кн. Михаила Никитича Волконскаго и у князя Ѳедора Николаевича Голицына...[1]) тутъ легко достать можете, а о прочихъ не знаю, гдѣ бы достать могли. Ежели бъ живъ былъ Волконскій кн. Павелъ Михайловичъ, у него много было старинныхъ портретовъ, но теперь гдѣ они не знаю, должны быть у кн. Ѳедора Сергѣевича Голицына, женившагося на Прозоровской княжнѣ. Флавіановой рѣчи назначеніе: извольте

[1]) Одно слово не разобрано.

взять для себя сколько угодно, а затѣмъ прошу приказать переплесть въ корешекъ, или въ бумажку 200, изъ коихъ прошу сюда ко мнѣ прислать 50, въ Петербургъ переслать 50 и оставить у себя для меня 100; а остальныя промѣнять книгопродавцамъ на какія-нибудь русской исторіи книги, ибо теперь у меня ничего, даже моихъ изданій нѣтъ. Всѣмъ вашимъ и батюшки вашего знакомымъ прошу переслать по экземпляру; а кому изъ моихъ знакомыхъ роздать, пришлю записку. Затѣмъ поздравляю васъ съ наступающею именинницею, которую прошу отъ меня и отъ всего моего семейства поздравить и вѣрить, что я навсегда вашъ вѣрный слуга графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

P. S. Подлинно жаль, что не имѣемъ мы доски портрета любезнаго Александра; очень бы хорошо приложить къ изданію его жизни. Епиграфъ помѣстили вы очень удачно.

Вотъ еще вамъ коммиссія: вамъ, помнится, извѣстно, что я написалъ разсужденіе о найденныхъ человѣческихъ головахъ въ городскомъ валу въ Твери. Бумаги сіи у меня сгорѣли, но отыскать оныя есть слѣдъ: въ церковной типографіи былъ нѣкто секретаремъ г. Щепкинъ. Онъ знакомъ мнѣ со времени служенія въ Св. Синодѣ и служилъ подъ начальствомъ Александра Аполлоновича Наумова, а нынѣ въ отставкѣ. Гдѣ онъ теперь живетъ по разореніи Москвы не знаю, но его навѣрное знаютъ всѣ служащіе въ типографіи и книгопродавцы вамъ знакомые. Ежели бы вы его отыскали, то прошу потребовать у него копію разсужденія о найденныхъ головахъ, которую онъ у меня списалъ; вы тѣмъ меня одолжите.

3.

Письмо графа А. Мусина-Пушкина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1-го декабря 1813 г., с. Плошка.

Съ прошедшею почтою получилъ я отъ г. Калайдовича отъ 20-го числа письмо, коимъ требуетъ онъ еще объясненія: о Полтинѣ, о Игоревой Пѣшѣ и о другихъ еще подробностяхъ. Когда съ нимъ увидитесь, прошу ему сказать, что я какъ удосужусь и буду поздоровѣе, то отвѣчать ему буду и по желанію его исполню охотно; а какъ я примѣчаю, что онъ до историческихъ и отечественныхъ древностей охотникъ и знатокъ, то вмѣсто требуемаго имъ съ полтины рисунка прилагаю ему подлинную; что надѣюсь скоро исполнить и прислать съ отправляющимися отсюда людьми въ Москву на слѣдующей недѣлѣ. Съ прошедшею почтою получилъ я журналъ «Вѣстникъ Европы», въ коемъ къ крайнему удивленію нашелъ записку біографіи моей напечатан-

ную, чего я въ журналѣ никакъ видѣть не надѣялся, ибо въ оной есть такія обстоятельства, кои кромѣ меня никому не извѣстны; а потому и ясно, что оная мною сочинена, которую читавъ незнающіе меня коротко, или кто изъ неблагонамѣренныхъ легко почтетъ меня лжецомъ, или хвастуномъ, что̀ крайне непріятно, ибо въ доказательство тому остались только тѣ люди, кои у меня многое видали, а чтобъ всякому неблагонамѣренному было чѣмъ запереть ротъ, того способа я злодѣемъ лишенъ: вотъ, что для меня весьма непріятно.

Записку сію сдѣлалъ я по письму вашему изъ уваженія желанія преосвященнаго калужскаго и послалъ оную къ вамъ съ тѣмъ (ежели вспомните), чтобы показали оную почтенному вашему батюшкѣ, и ежели онъ одобритъ, то бы доставили куда слѣдуетъ. Показали-ли вы оную ему, я не знаю, а напротивъ того теперь вижу оную въ журналѣ; что̀, признаюсь вамъ, мнѣ весьма непріятно, лучше бы о томъ прежде печатанія со мною снестись. Ежели бы милый Александръ былъ живъ, я бы никогда не допустилъ напечатать то, что теперь напечатано, ибо при жизни его сочли бы хвастовствомъ, но теперь ему въ томъ нѣтъ нужды: вотъ какъ я о семъ думаю; а потому и на себя отношу. Откровенность мою прошу принять за мое къ вамъ уваженіе и искреннюю любовь, ибо съ пріятелями я всегда такъ обращаюсь, пребываю навсегда вашимъ вѣрнымъ и искреннимъ слугою.

4.

Письмо Василія Капниста—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

18-го ноября 1820 г. Обуховка.

Съ чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше: оно доказываетъ, что вы меня не позабыли. Вы знаете привязанность мою къ вамъ и сколь бесѣды съ вами были мнѣ пріятны; несказанно обяжете меня, если и въ разлукѣ согласитесь продолжать оныя.

Вы справедливо замѣтили, что отецъ мой убитъ въ Егерсдорфскомъ сраженіи, которое происходило 1757 года августа 19-го числа. Онъ погребенъ на мѣстѣ побѣды россійской. Весьма любопытно будетъ и пріятно читать мнѣ невинное претерпѣніе отца моего, изображенное столь искуснымъ и живымъ перомъ.

Вы говорите, что съ удовольствіемъ слышали чтеніе нѣкоторыхъ сочиненій моихъ въ обществѣ университета; друзьямъ пристрастіе свойственно: сомнѣваюсь, чтобы столичная публика была одного съ вами мнѣнія. Недавно послалъ я Антону Антоновичу портретъ мой: вы конечно узнаете его, ибо онъ весьма похожѣе того, который вы доставили

мнѣ. Сдѣлайте одолженіе, узнайте отъ пріятеля вашего, кто ему доставилъ списокъ съ подлинника, котораго, сколько я помню, никому я для снятія копіи не давалъ.

Цѣлую руки милостивой государыни любезной супруги вашей и милостивыхъ государынь сестрицъ вашихъ. Анна Николаевна, конечно, извѣстила васъ, какому превосходному экзамену воспитанниковъ были мы свидѣтелями. Истинно неслыханное чудо совершила княгиня въ Малороссіи, такими успѣхами и въ такое короткое время. Правду говорятъ, что дѣло мастера боится.

Съ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью пребуду на всегда, и проч.

5.

Письмо князя Александра Голицына—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1-го ноября 1822 г. № 3185. С.-Петербургъ.

Препровожденные при письмѣ вашемъ отъ 15-го сентября сего года три экземпляра изданной вами книги подъ названіемъ «Исторія Малой Россіи», въ четырехъ частяхъ, я получилъ, и изъ сего числа два экземпляра оной, согласно съ желаніемъ вашимъ, представилъ отъ имени вашего ихъ величествамъ государынямъ императрицамъ. Государыня императрица Елисавета Алексѣевна, удостоивъ сочиненіе сіе принять, повелѣть мнѣ соизволила изъявить вамъ благоволеніе ея величества съ одобреніемъ полезныхъ и похвальныхъ трудовъ вашихъ. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна, принявъ книгу вашу съ удовольствіемъ, повелѣла за усердіе побудившее васъ къ сему приношенію, изъявить вамъ также благоволеніе ея величества.

Исполняя симъ таковую волю ихъ императорскихъ величествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываюсь принести вамъ и съ своей стороны благодарность за экземпляръ помянутой исторіи, назначенный вами собственно для меня.

6.

Собственноручное письмо князя Н. Репнина—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

7-го ноября 18?2 г. Полтава.

Удивитесь, можетъ быть, любезный Димитрій Николаевичъ, получивъ отъ меня письмо, но сіе да будетъ вамъ доказательствомъ, что

дружба моя сильнѣе вашей недовѣрчивости и простите правду— упрямства.

Два дня послѣ вашего отъѣзда получилъ я прямо изъ Петербурга повторительное удостовѣреніе, что мѣсто, о коемъ я для васъ ходатайствовалъ, къ 1-му январю будетъ вамъ дано, т. е. тотчасъ по возвращеніи государя. Сіе побудило меня остановиться представленіемъ въ Сенатъ сообщеніями и предложеніями, и вы bon-gré-mal gré доселѣ еще считаетесь правителемъ канцеляріи моей; теперь отъ васъ самихъ зависитъ дать ходъ сему дѣлу, или нѣтъ. Ежели вы не отреклись еще отъ похоти на воеводство и хотите на семъ свѣтѣ посвятить еще чему-либо . . . . . то прошу подъ предлогомъ отеческой любви явиться ко мнѣ въ Полтаву и, взявъ мое письмо, отправиться въ Петербургъ; либо съ возвращеніемъ К. Давыдова сказать мнѣ, чтобъ я бумаги отправлялъ. Прощайте, любезный измѣнникъ.

Аннѣ Николаевнѣ искреннее и сердечное почтеніе.

7.

Письмо Евгенія, митрополита кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

19-го ноября 1822 г. Кіевъ.

При почтенномъ письмѣ вашемъ отъ 20-го октября имѣлъ я честь получить трудовъ вашихъ Исторію Малой Россіи, достойную любопытства и уваженія всѣхъ любителей отечественнаго бытописанія. Я видѣлъ ее въ Кіевѣ еще до полученія отъ васъ; а теперь буду пользоваться ею собственно какъ памятникомъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Но замѣчанія мои на оную, если какія мнѣ встрѣтятся, сообщить могу не прежде, какъ по прочтеніи всей на досугѣ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы, имѣвши столь много источниковъ, какіе въ началѣ книги сами объявили, мало можете отъ меня воспользоваться, ибо я о Малороссіи зналъ доселѣ только то, что писали о ней Миллеръ, Шереръ и Туманскій; а въ Кіевѣ я ничего еще не нашелъ о семъ для меня новаго; встрѣтилось мнѣ здѣсь только лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельманово, котораго я прежде не видалъ. Но оно вамъ извѣстно. Всѣ читавшіе вашу Исторію жалѣютъ только, что введеніе ваше въ оную очень коротко. А можно бы вамъ побольше написать о происхожденіи казаковъ. Бывши въ Калугѣ, я получилъ отъ графа Бутурлина и читалъ «Histoire des Cosaque par Lesures», напечатанную въ Парижѣ въ 1814 г. въ 2 томахъ и посвященную нашему государю. Книга сія достойна вниманія. Но она между вашими источниками не показана.

На просьбу вашу о портретахъ гетмановъ малороссійскихъ, отвѣтствую, что здѣсь въ Лаврѣ видѣлъ я одного только Хмѣльницкаго портретъ. Но разспрошу, нѣтъ-ли гдѣ и другихъ.

Родственникамъ вашимъ кіевскимъ постараюсь я оказать всякую услугу, какую только они отъ меня потребуютъ. Симъ желаю я засвидѣтельствовать вамъ искреннее почитаніе и преданность, съ которыми всегда пребуду вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Евгеній, митрополитъ кіевскій.

8.

Письмо графа А. А. Аракчеева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

11-го января 1823 г. С.-Петербургъ

По полученіи письма вашего отъ 27-го декабря при сочиненіи вашемъ Исторіи Малой Россіи, я спѣшу принести вамъ, милостивый государь, за оное мою благодарность, но при семъ изъявляю свое и сожалѣніе, что на переплетъ употребили такія лишнія издержки.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

9.

Письмо Евгенія, митроп. кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

28-го февраля 1823 г. Кіевъ.

На письмо ваше отъ 3-го января поздно отвѣчаю; но тѣмъ не меньше усердно благодарю за ваше поздравленіе меня съ новымъ годомъ.

Лезюрову книгу «Histoire des Cosaques», думаю, можете отыскать въ московскихъ библіотекахъ, ибо она съ самаго появленія обратила на себя всѣхъ вниманіе, и нельзя статься, чтобы охотники не успѣли ее купить, а у меня изъ нея только выписки.

Если вамъ и теперь попадаются новыя рукописи о Малороссіи, то мы надѣемся, что второе изданіе вашей Исторіи будетъ совершеннѣйшее; а я ничего еще для васъ отыскать не могъ, ни даже портретовъ.

Молю Господа Бога, да подкрѣпитъ Онъ ваши силы, и призывая Его на васъ благоволеніе, всегда есмь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Евгеній, митрополитъ кіевскій.

10.

Собственноручное письмо Петра Капцевича—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

17-го января 1826 г. Омскъ.

Милостивый государь мой Димитрій Николаевичъ! Сообщаю вашему превосходительству копію съ оффиціальнаго извѣстія о происшествіи, случившемся въ столицѣ 14-го числа декабря [1]). Оно сообщено мнѣ по высочайшей волѣ государя императора и будетъ объявлено въ войска Сибирскаго корпуса. Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, сообщить оное къ свѣдѣнію его высокопреосвященству архипастырю нашему. Здоровье мое вяло, день лучше, день хуже, но перестаютъ морозы для меня тяжкіе, и надѣюсь, что я поправлюсь. Сегодня отправлена военная команда въ д. Мизана на подводахъ, а черезъ 4 дня выѣзжаетъ туда г. Кушнеревъ; я совершенно покоенъ, что нѣтъ тамъ ничего важнаго кромѣ одного неповиновенія и злыхъ отъ крамолы внушеній, но для виду и для примѣру другихъ дѣлается сіе какъ бы выставкой; прежде оказывается участіе къ крестьянамъ, какъ то въ душѣ моей есть истинно, а послѣ онаго и внушенія получатъ достойное наказаніе зачинщики.

Прошу вѣрить совершенному моему уваженію и истинному почтенію, съ коими и пребуду, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

11.

Письмо Евгенія, митрополита кіевскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

16-го іюня 1829 г. Кіевъ.

Милостивый государь Димитрій Николаевичъ! Письмо вашего превосходительства отъ 1-го іюня имѣлъ я честь получить іюня 11-го и на оное отвѣтствую, что время кончины Кіевомихайловскаго игумена Ѳеодосія Софоновича не найдено; а время кончины митрополита Діонисія Балабана означено 1663 года на его портретѣ въ Софійскомъ соборѣ; но мѣсто погребенія его въ Лаврѣ не найдено. Прочіе вопросы ваши я давалъ семинаристамъ здѣшней семинаріи, которые, какъ туземцы, знаютъ суевѣрія своей отчизны не меньше священниковъ.

---

[1]) Извѣстное печатное объявленіе.

Отвѣты ихъ при семъ къ вашему превосходительству препровождаю. [1]). Примите, милостивый государь, увѣреніе мое во всегдашнемъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга.

12.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

28-го марта 1834 г.

Препровождаю при семъ къ вашему превосходительству копію, которую вы желали имѣть, съ письма Н. М. Карамзина, по случаю кончины незабвеннаго нашего благодѣтеля. Мнѣ очень будетъ пріятно и впредь оказывать вамъ такого рода услуги. Между тѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Письмо Н. М. Карамзина—Ив. Ив. Дмитріеву.

1-го декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

Любезный другъ!

Мы не имѣли времени приготовиться къ удару: изумились и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его мать добродѣтельная, братъ, великія княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Слезы печали имѣютъ свою сладость. Объ императрицѣ Елизаветѣ едва смѣю думать: она кажется мнѣ какимъ-то лучезарнымъ ангеломъ въ состояніи неизъяснимомъ. Сердце рвется къ ней. Я мужъ, отецъ и ненадеженъ здоровьемъ: не могу рѣшиться. Впрочемъ, кому быть утѣшителемъ ея, кромѣ Бога? Что для нея теперь жизнь и пріязнь, самая искреннѣйшая? Пишу къ тебѣ единственно для того, чтобы мысленно прижать тебя къ сердцу въ горести глубокой. Я неравнодушенъ къ судьбѣ Россіи; но теперь сердце занимается только жалостію, что не стало того, кого мы любили! будь здоровъ, милый другъ. На вѣки твой

Н. Карамзинъ.

Петербургъ удивительно тихъ. Всѣ мои обнимаютъ тебя нѣжно.

---

[1]) Отвѣтовъ при письмѣ не оказалось.

13.

Письмо Берлинскаго—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

20-го октября 1839 г. Кіевъ.

Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее ваше письмо отъ 30-го сентября, въ которомъ изволите предлагать желаніе ваше о свѣдѣніи погребенныхъ въ Кіевѣ князей фельдмаршаловъ Прозоровскаго и Сакена, на что̀ долгомъ считаю донести; о первомъ: что по справкѣ моей и разспросамъ оказалось, на то особую при семъ записку прилагаю, написанную лучшею рукою, нежели моя 75-ти лѣтняя. Сверхъ оной еще можно дополнить, что домъ князя Прозоровскаго каменный, построенъ въ Печерской части города на выѣздѣ къ заставѣ Васильковской; и по совершенномъ устроеніи крѣпости не можетъ существовать. При заложеніи сего дома въ 1810 году и домовой въ немъ церкви митрополитомъ Серапіономъ, говорилъ при случаѣ рѣчь извѣстный кіевскій протоіерей Леванда, которая рѣчь и напечатана въ 3-й части его проповѣдей; имъ же и надпись надъ урною составлена.

О князѣ фельдмаршалѣ Фабіянѣ фонъ-деръ Сакенѣ слѣдуетъ только донести, что его тезоименитство въ Кіевѣ праздновали всегда 20-го генваря. Онъ скончался 1837 года апрѣля 7-го дня; при погребеніи его 10-го того же мѣсяца, говорилъ рѣчь профессоръ здѣшняго университета г. Максимовичъ, которая также напечатана. Тѣло его проводилъ здѣшній епископъ викарный Иннокентій со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. Племянникъ сего фельдмаршала графъ, камергеръ Иванъ Остенъ-Сакенъ, по знакомству, показывалъ мнѣ прекрасный рисунокъ монумента, присланный ему изъ Курляндіи, какой намѣрено было тамошнее дворянство поставить тамъ по перенесеніи его гроба изъ Кіева въ Курляндію; но почему это не исполнено, мнѣ не извѣстно. Только и по сю пору могила его находится по правую сторону Богородично-Рождественской церкви у дальнихъ пещеръ на бастіонѣ крѣпостномъ.

14.

Письма И. Снегирева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1.

23-го мая 1841 г. Москва.

Ваше превосходительство, любезнѣйшій кумъ и незабвенный благодѣтель! Съ душевною радостію прочитавъ въ газетахъ о награжденіи васъ чиномъ, давно заслуженнымъ, обязанностію себѣ поставляю поздра-

вить ваше превосходительство, желая искренно, чтобъ лѣта испытаній замѣнились лѣтами счастія, а счастливымъ быть никогда не поздно. Съ удовольствіемъ видѣлъ я также похвальные отзывы о новомъ почтенномъ трудѣ вашемъ, которымъ дополнили вы литературную свою славу. Ваши книги должны быть настольными у всякаго прямо русскаго, и ни одинъ историкъ не обойдется безъ нихъ. Отецъ архимандритъ Аполлосъ поручилъ мнѣ всеусердно поздравить ваше превосходительство съ новымъ возвышеніемъ и поднести изданную имъ книжку о Новоспасскомъ монастырѣ.

Наконецъ и Шишковъ (А. С.) скончалъ свое теченіе. Любопытно знать, кто-то его замѣнитъ. Преосвященный кіевскій, нынѣ вологодскій Иннокентій проѣздомъ черезъ Москву посѣтивъ меня, сказывалъ, что нынѣ Академія сдѣлалась щедрѣе, печатаетъ на свой счетъ переводы съ нѣмецкаго философскихъ сочиненій; она только (т. е. Д. Н. Языковъ) не благоволитъ къ издателю словаря русскихъ писателей, сочиненія ея почетнаго члена. Г. Языковъ ничего и никогда не писалъ ко мнѣ объ этомъ предметѣ, хотя и обѣщалъ, а только черезъ васъ предлагалъ стѣснительныя для меня условія. Между тѣмъ нѣмецкіе, французскіе и англійскіе журналы меня упрекаютъ, что я не продолжаю! Графъ Строгановъ очень торопилъ меня напечатать къ пріѣзду государя въ Москву двѣ тетради Памятниковъ Московской Древности для поднесенія. Несмотря на то, что я еще не кончилъ и половины своихъ поисковъ въ архивахъ и что болѣли у меня третій мѣсяцъ глаза, я издалъ ихъ и приготовилъ; но сіятельный, по принятому имъ обычаю перемѣняться, не поднесъ. Теперь я въ недоумѣніи, должно-ли мнѣ продолжать начатое и оглашенное въ журналахъ. Какъ въ продолженіе 13-ти лѣтней службы въ цензурномъ комитетѣ я не получилъ ни одной награды, тогда какъ ежегодно получали денежное награжденіе секретарь, писцы и даже сторожа комитетскіе, то предсѣдатель и представилъ меня къ полученію 1000 дес. земли. Не знаю только, вѣрно-ли это и какой ходъ имѣетъ это представленіе по отношеніямъ министра къ попечителю? Отдаю вамъ, незабвенный благодѣтель и другъ, отчетъ въ дѣлахъ своихъ, потому особенно, что вы всегда принимали искреннее участіе въ нихъ. Отъ всей души вамъ преданный, желаю вамъ съ любезнымъ семействомъ всякаго блага, честь и счастіе. Имѣю быть на всегда вашего превосходительства преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою.

2.

12-го апрѣля 1845 г. Москва.

Пріятнѣйшею обязанностію поставляю себѣ поздравить почтеннѣйшаго кума и благодѣтеля съ праздникомъ праздниковъ, сердечно желая

ему внѣшнихъ и внутреннихъ благъ отъ всещедраго Промысла. Христосъ Воскресе! Съ удовольствіемъ и участіемъ я прочелъ дѣльную статью вашу о Крыловѣ, которая мнѣ показалась лучше всѣхъ широкоописаній. Въ ней вы соединили все, что можетъ быть любопытно и важно, описавши его фактами, а не фразами. Трудами своими, ваше превосходительство, оказали незабвенныя услуги исторіи и литературѣ. Право, это не лесть, когда всѣ пользуются ими.

Вы изволили меня спрашивать, сколько у меня дѣтей? Честь имѣю отвѣтствовать: я живу въ Троицкой улицѣ и дѣтей у меня трое изъ девяти. Изъ литературныхъ чадъ своихъ я нынѣ окончилъ памятники московской древности IX, X и XI книжку, коими довершается описаніе Кремля. Вашему превосходительству извѣстно, что мимо автора типографщикъ Селинъ поднесъ ихъ всей Царской фамиліи, отъ коей и награжденъ перстнями и табакерками. Я остался въ сторонѣ, какъ неприкосновенный къ дѣлу. Теперь, при выходѣ послѣднихъ трехъ книгъ, типографщикъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ поднести ихъ государю и его фамиліи отъ своего имени, хотя въ соизволеніи высочайшемъ сказано обо мнѣ. Г. министръ въ письмѣ своемъ, въ отвѣтъ на мое, сказалъ, что, по окончаніи моего труда, онъ готовъ поднести отъ моего имени государю и прочимъ особамъ высочайшей фамиліи. Теперь я не знаю, какъ мнѣ поступить? Экземпляры этой части доставлены типографщикомъ императорской фамиліи и остальныя книги будутъ имъ же представлены. Какъ же мнѣ явиться съ другимъ экземпляромъ уже извѣстной имъ книги. Я не сомнѣваюсь, что если великодушный министръ, обративъ свое вниманіе на это обстоятельство и на обнесеннаго чарочкой писателя, употребитъ свое благотворное ходатайство, то я не останусь обиженнымъ и обойденнымъ. Въ то самое время, какъ по отношенію министра внутреннихъ дѣлъ, историческое общество въ 1840 году поручило мнѣ этотъ трудъ съ назначеніемъ 3.000 р. ежегодно, составленъ былъ журналъ, подписанный княземъ Д. В. (Голицынымъ) и графомъ С. С. (Уваровымъ) и напечатанный въ газетахъ. На требованіе мое назначенныхъ денегъ отвѣчали, что ихъ негдѣ взять и что ошибка въ редакціи журнала; изданіе князь Г. поручилъ Селину, для коего я принужденъ былъ работать за маловажную плату. Дѣло изъ казеннаго превратилось въ частное. Представляя вашему радушному вниманію это обстоятельство, я надѣюсь, что вы не останетесь къ нему равнодушнымъ и замолвите обо мнѣ доброе слово. Неужели трудъ и трудящійся обречены на обидное забвеніе, когда печатникъ награжденъ и отличенъ! Извините меня великодушно, что я такъ много пишу о себѣ, по пословицѣ, что у кого болитъ, тотъ объ томъ и говоритъ. Желая вамъ съ любезнымъ семействомъ непрерывнаго счастья, честь имѣю быть съ ду-

шевною преданностію вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

3.

21-го апрѣля 1845 г. Москва.

Достопочтенный другъ, кумъ и благодѣтель! Хотя вы и не родственникъ мнѣ, но въ дѣлѣ моемъ показываете истинно родственное усердіе. По Евангелію, сотворивый милость есть ближній. Изъ вспоминаній вашихъ вижу ясно, что память не измѣняетъ вашему превосходительству. Грѣхъ юности моей не помяни, Господи! По благодушному вызову вашему П. М. Д. (Памятники Московской Древности) честь имѣю вамъ представить для поднесенія. Надѣюсь, что великодушный и благородный министръ не оставитъ въ забвеніи моихъ трудовъ и не допуститъ преградить мнѣ путь къ милостямъ царскимъ, кои изливаются на многихъ. Если писецъ награжденъ столь щедро, то зачѣмъ обойти писателя? Я не отважился писать къ графу Строганову, который самъ обѣщалъ мнѣ по окончаніи моего труда исходатайствовать у государя покровителя отечественности соотвѣтственную награду. Въ жизни моей за прежніе труды я, по предстательству С. С. Уварова, получилъ перстень, который по нуждѣ продалъ за 250 р. ассигнаціями. Теперь же, имѣя на себѣ долги для устроенія имѣньишка своего и не малое семейство, я былъ бы счастливъ, если бъ получилъ половину даннаго г. Погодину, которому за поднесеніе писемъ пожаловано 4.000 с. (руб. серебромъ).

По справкѣ доставлю вамъ отвѣты на вопросы вашего превосходительства. Напрасно вы говорите, будто я одинъ хвалю ваши труды; нѣтъ, какъ цензоръ, скажу, что достоинство ихъ составляетъ то, что всѣ наши и чужестанные историки ими пользуются и на васъ ссылаются.

И. И. Дмитріевъ ничего достопамятнаго не говорилъ предъ смертію, кромѣ того что прогналъ священника, который пришелъ его исповѣдовать; онъ былъ въ забытьи и погребенъ въ Донскомъ минастырѣ. На отпѣваніи его и я былъ. Объ этомъ есть статья въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Моя жена и дѣти всеусердно благодарятъ ваше превосходительство за воспоминаніе. Я ничего столько не желаю, какъ вашего долгоденствія съ благоденствіемъ и благословенія Божія въ любезныхъ дѣтяхъ вашихъ. Преданный вамъ душевно, хотя не родной по крови, но по сердцу и душѣ не чужой.

П. П. Пожалуйте не упоминайте о родственности Сергѣю Семеновичу.

4.

23-го мая 1845 г. Москва.

Я думаю, вы уже изволили получить письмо мое съ двумя экземплярами моей книги, ввѣряемой великодушному покровительству просвѣ-

щеннѣйшаго и посему справедливаго и благотворительнаго министра. Селинъ, еще нерасплатившійся со мною, теперь въ Петербургѣ для поднесенія государю моего труда, и вѣроятно, съ письмами отъ графа, который сначала обнадежилъ меня самъ своимъ ходатайствомъ, но теперь отрекся. Итакъ, все упованіе мое возлагаю по Богѣ на благодушіе Сергѣя Семеновича Уварова. Желаніе мое я объяснилъ искренно вашему превосходительству, не утаивъ и нужды своей.

Честь и обязанность имѣю препроводить къ вамъ для библіотеки вашей экземпляръ словаря свѣтскихъ писателей, изданнаго съ моей рукописи Погодинымъ.

О Текели я особеннаго ничего не знаю. Костровъ похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ, по свидѣтельству старожиловъ. Съ даромъ поэзіи онъ соединилъ въ себѣ доброту и остроуміе. Вотъ примѣры, многимъ извѣстные и непридуманные:

Получивъ отъ императрицы за первыя пѣсни Иліады 1.000 рублей новыми ассигнаціями, онъ пошелъ въ Цареградскій трактиръ, гдѣ встрѣтилъ одного печальнаго офицера. Сколько онъ ни приглашалъ его выпить съ собою по стакану пуншу, тотъ никакъ не соглашался и сколько ни спрашивалъ о причинѣ печали, тотъ отвѣчалъ только: «оставьте меня, я несчастенъ». Наконецъ выведенный изъ терпѣнія вопросами и разспросами сердобольнаго Кострова, съ сердцемъ сказалъ ему: «что о томъ говорить, чему нельзя пособить; я бѣдный человѣкъ, а теперь самый несчастный; потерялъ казенныхъ денегъ 800 р. и долженъ перемѣнить шпагу на тесакъ». Услышавъ это, Костровъ сказалъ: «я нашелъ ваши деньги и не хочу воспользоваться ими—и, съ этимъ словомъ вынувъ ихъ изъ кармана, положилъ на столъ предъ офицеромъ и тотчасъ ускользнулъ изъ трактира; но трактирщикъ зналъ Кострова и открылъ все. На языкѣ Кострова пить съ воздержаніемъ значило пить такъ, чтобы держаться на ногахъ. Однажды шелъ онъ изъ Царьградскаго съ студентомъ Верещагинымъ, тоже поэтомъ, который, напившись съ воздержаніемъ, поползъ на четвереньках. Костровъ ему закричалъ: «Верещагинъ! не по чину, не по чину». Въ концѣ прошедшаго вѣка подгулять въ дружеской бесѣдѣ не считалось ни безчестнымъ, ни зазорнымъ. Лѣтъ за 40 и за 50 были въ Москвѣ боярскіе и купеческіе домы, гдѣ радушно принимали и подчивали досыта ученыхъ, любили слушать ихъ споры, въ кои ихъ втравливали. Въ одномъ изъ такихъ домовъ, именно у Карина, Костровъ такъ упился, что сидѣлъ на канапяхъ, опрокинувшись на спинку ихъ. Нѣкоторые, желая надъ нимъ подшутить, сказали: «что, Ермилъ Ивановичъ, у тебя мальчики въ глазахъ!» И самые глупые,—отвѣчалъ поэтъ.

Въ бытность свою въ Москвѣ Екатерина II поручила И. И. Шувалову пригласить Кострова къ столу своему. Этотъ истинный и незабвен-

ный меценатъ тотчасъ призвалъ къ себѣ Кострова, велѣлъ его одѣть на свой счетъ и убѣждалъ неотмѣнно явиться трезвымъ въ назначенный день къ нему, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. Настаетъ день и часъ, Шуваловъ безпрестанно посылаетъ за Костровымъ; но его нигдѣ не нашли. Шуваловъ принужденъ былъ ѣхать одинъ во дворецъ и извиниться предъ императрицей болѣзнію поэта. Недѣли черезъ двѣ является Костровъ къ своему начальнику, который съ добродушіемъ сказалъ ему: «не стыдно-ли тебѣ, Ермилъ Ивановичъ, промѣнять дворецъ на кабакъ?» «Побывайте-ка, Иванъ Ивановичъ, въ кабакѣ; право, не промѣняете его ни на какой дворецъ!» Что жъ Шуваловъ? разсердился, выгналъ что-ли Кострова? Нѣтъ, кротко улыбнулся, промолвивъ: «de gustibus non disputandum est».

Не знаю, пригодится-ли все это мараніе мое для біографіи; по крайней мѣрѣ, оно выказываетъ Кострова, какъ человѣка. Кому неизвѣстно, что великій Суворовъ переписывался съ Костровымъ стихами и что послѣдній посвятилъ ему свой переводъ Оссіана! Такія воспоминанія истинно утѣшительны и отрадны, какъ отголосокъ патріархальныхъ временъ. Не таковъ былъ тотъ дипломатическій чопорный поэтъ, о которомъ вы изволили писать. Точно онъ корчилъ мецената; но надъ всѣми окружавшими его смѣялся, ссорилъ и дурачилъ ихъ: это поэзія сплетень. Не такъ поступали добросовѣстные покровители ученыхъ, къ числу коихъ безспорно принадлежитъ и покойный вашъ родитель, увѣковѣчившій добромъ и трудомъ свою память.

Преосвященный Евгеній пишетъ ко мнѣ четко своею рукой письма, издаетъ свои проповѣди избранныя. Я сообщу ему о вашемъ воспоминаніи, безъ сомнѣнія для него пріятномъ.

Кирѣевскій оставилъ на четыре книжки «Москвитянина», отставшаго двумя мѣсяцами. Жаль, что московскіе журналисты не выдерживаютъ, а Погодинъ вездѣ выигрываетъ, какъ петербургскій кулакъ. Петербургскимъ это потѣха и выигрышъ. Говорятъ, что Ольхинъ переноситъ въ Москву «Сынъ Отечества».

Отецъ архимандритъ Аполлосъ всеусердно благодаритъ ваше превосходительство за память о немъ.

Отъ всей души желая вамъ съ любезными дѣтьми всякаго блага, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ, душевною преданностію и признательностію вѣрный и покорный слуга И. Снегиревъ.

5.

2-го ноября 1845 г.

Ваше превосходительство! Какъ во всякомъ, такъ и въ этомъ письмѣ вы обязываете меня благодарить за истинно дружеское, смѣю сказать, родственное благодѣтельное участіе во мнѣ и въ судьбѣ трудовъ (моихъ).

По вашему предстательству, г. министръ поднесъ мою книгу государю и цесаревичу; отъ перваго я имѣлъ счастіе получить перстень, оцѣненный въ Москвѣ отъ 500 до 600, а отъ другаго благодарность, послѣ мастера Селина. При моихъ обстоятельствахъ я желалъ бы испросить отъ Кабинета, вмѣсто перстня, деньги, по назначенной цѣнѣ; но не знаю, какъ поступить и къ кому обратиться. За безцѣнокъ отдать не хочется въ нуждѣ настоящей, безъ коей мнѣ пріятно было бы сохранить въ семействѣ своемъ царскій даръ. Погодину дано 4.000 р. сер. по ходатайству г. министра, сверхъ другихъ наградъ. Но мнѣ другое счастіе, даже мастеровой типографщикъ поставленъ выше меня. Получивъ перстень отъ товарища министра кн. Ш(иринскаго), я его увѣдомилъ о полученіи, но къ г. министру не писалъ. Позвольте мнѣ узнать, надобно ли къ нему писать? Кажется, онъ еще не возвратился изъ Варшавы. Г. Сербиновичъ въ Москвѣ, но я еще не успѣлъ съ нимъ видѣться и поговорить. Если Богъ благословитъ, мнѣ хочется сдѣлать путешествіе, полезное для моего здоровья и рекомендуемое врачами, въ Тульскую и Орловскую области. Жена моя и дѣти свидѣтельствуютъ вашему превосходительству искреннее свое почтеніе, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и преданнымъ слугою.

6.

19-го ноября 1846 г. Москва.

Ваше превосходительство, достопочтеннѣйшій кумъ и благодѣтель!

Не удивляйтесь и не сомнѣвайтесь, что я замедлилъ отвѣтомъ на пріятнѣйшее и драгоцѣннѣйшее письмо ваше отъ 29-го октября; только вчерашній день я получилъ отвѣтъ на вашъ вопросъ отъ г. Дмитріева, занятаго писаніемъ московскихъ элегій. Записку его въ подлинникѣ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству.

Весьма радъ и отъ всей души поздравляю васъ съ Божіею и царскою милостію, коими желаю вамъ сколь можно долѣе наслаждаться. Будьте увѣрены, что чувство моей признательности и преданности къ вамъ, моему благодѣтелю, нисколько не измѣнились, и воспоминаніе о васъ живетъ въ моемъ сердцѣ. Вы *чужіе* мнѣ по крови, но *родные* по душѣ. Вашу любовь ко мнѣ, укрѣпленную давностью, я почитаю дарóмъ Божіимъ.

Жена моя и дѣти свидѣтельствуютъ искреннее почтеніе и благодарность вашему превосходительству.

Очень радъ, что вы возобновляете изданіе общеполезнаго словаря знаменитыхъ россіянъ; увѣренъ, что въ немъ найду много новаго и при томъ такого, что не прошло чрезъ московское чистилище. Я желалъ бы, чтобы вы исключили изъ этого пантеона имена бунтовщиковъ и

злодѣевъ. Вмѣсто ихъ пусть вступятъ въ него тѣ знаменитости, кои недавно сошли съ поприща своего, кромѣ гернгутера Ливена.

Въ первомъ изданіи у васъ былъ пропущенъ, не знаю почему, Херасковъ и Платонъ? О Новиковѣ есть много статей въ «Москвитянинѣ». Я слышалъ, что баронъ Корфъ пишетъ жизнь Сперанскаго.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю появленія сего полезнаго труда, этой настольной книги для всякаго русскаго громотея.

Постоянно дополняя и поправляя свои Памятники Московскихъ Древностей, я желалъ бы сдѣлать дешевое изданіе, доступное для всякаго, но еще не нашелъ средствъ.

Теперь печатаю возможно полное собраніе русскихъ пословицъ — ихъ текстъ, съ варіантами изъ лѣтописей, грамотъ и рукописей; образчикъ ихъ я подалъ С. С. Уварову, который, несмотря на свое предубѣжденіе противъ старыхъ и пристрастіе къ новымъ, принялъ меня очень благосклонно. Онъ замѣтилъ, что не всѣ пословицы можно объяснить: изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ пропускать. Многое объясняется жизнію народа и случайно открываемыми фактами; гдѣ отыскано много источниковъ, тамъ они указаны. Здѣсь я руководствовался словами г-на le Roux de Lincy, издавшаго недавно ученымъ образомъ французскія пословицы: J'ai préféré, je l'avoue, citer simplement sans avoir prétention de tout expliquer.

Въ пословицахъ вся душа народа. Кто же возьмется ее вполнѣ обнять, проникнуть и объяснить?

Этимъ трудомъ занимаюсь между дѣломъ на отдыхѣ; но вечеромъ при свѣчахъ глаза мнѣ напоминаютъ, что они не прежніе.

Всѣ мои книги и деньги, около 25 тыс. рубл., утонули въ Ширяевскомъ конкурсѣ. Это плоды 25 лѣтнихъ работъ.

По милости графа С. С. Уварова, И. И. Давыдовъ получаетъ мѣсто въ Педагогическомъ институтѣ; а мы отстаемъ отъ товарищей своихъ,

Свидѣтельствуя вамъ искреннее почтеніе и душевную преданность, честь и счастіе имѣю быть и проч.

Если найдете свободную четверть часа и предметъ, порадуйте меня писаніемъ вашимъ.

7.

27-го декабря 1846 г. Москва.

Пріятнѣйшею обязанностью себѣ вмѣняю поздравить васъ съ новымъ годомъ, сердечно желая вамъ провести многіе года въ совершеномъ благополучіи съ любезнѣйшимъ вашимъ семействомъ.

На вопросъ вашего превосходительства о преосвящен. Серафимѣ Глаголевскомъ честь имѣю отвѣчать то, что мнѣ достовѣрно извѣстно.

*

Въ Петербургскихъ газетахъ, или въ «Христіанскомъ Чтеніи», кажется, помѣщена его біографія.

Онъ уроженецъ Калужскій, учился въ Троицкой лаврѣ, откуда въ 80-хъ годахъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ обучался и училъ въ гимназіи, на содержаніи Дружескаго общества, подъ покровительствомъ Новикова. Товарищими его были въ Московскомъ университетѣ Матвѣй Десницкій, Сандуновъ, Сохацкій, Снегиревъ, и, кажется, митр. Евгеній, въ мірскомъ Евфимій Болховитиновъ. Отношенія его, очень близкія къ одной секретаршѣ, заставили его идти въ монахи, къ чему особенно склонилъ его митр. Платонъ, чтобы избавить отъ непріятныхъ послѣдствій дѣла. Это случилось въ 1788 или 87 г. Статный, миловидный Стефанъ Глаголевскій слылъ блёсточкою. Когда его постригали въ монахи, дамы восклицали: «какъ онъ милъ и прекрасенъ!» «Это мой сынъ», сказала одна старушка, стоявшая тутъ же. Отецъ его былъ священникъ, отрѣшенный отъ мѣста за невоздержаніе. Но Серафимъ, несмотря на его слабость и безпокойный нравъ, держалъ его у себя и всегда показывалъ къ нему рѣдкое въ нашъ вѣкъ снисхожденіе и терпѣніе. Однажды полиція схватила и привела отца его съ панагіею сына, которую онъ продавалъ, разумѣется, унесши ее. Серафимъ оправдалъ его, сказавъ, что самъ послалъ продать его по нуждѣ въ деньгахъ.

Въ Московской академіи онъ былъ учителемъ богословія, а не ректоромъ послѣ Евлампія, и проповѣдникомъ. Онъ почитался знатокомъ латинскаго, французскаго и русскаго языковъ; въ 1789 г., будучи іеромонахомъ, онъ издалъ: Цвѣтъ чистаго латинскаго языка. При Павлѣ I Серафимъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на череду; въ присутствіи государя вышелъ говорить наизусть проповѣдь, но отъ смущенія забылъ ее; ему велѣно было возвратиться въ Москву. Платонъ въ утѣшеніе (ему) исходатайствовалъ его себѣ викаріемъ и въ 1799 году декабря 25-го посвященъ отъ митрополита въ епископы въ Троицко-Сергіевской лаврѣ; въ 1801 г. былъ при коронаціи Александра I, а въ 1804, января 29-го, переведенъ въ Вятку, куда отправился съ большимъ прискорбіемъ. Во время нашествія Наполеона его чуть не захватили непріятели. Изъ тверскихъ онъ переведенъ 1819 г. въ Москву, которая приняла его весьма хорошо. Митрополію ему предрекалъ давно Платонъ; «ты до нея дотерпишься»— говорилъ прозорливый іерархъ. И точно главною чертою характера въ Серафимѣ была терпѣливость и умѣніе выжидать благопріятныя обстоятельства. Въ 1821 году онъ нареченъ митрополитомъ новгородскимъ, вѣнчалъ на царство Николая I, имѣвшаго къ нему искреннюю довѣренность и уваженіе до смерти его. Имя Серафима утвердило русскій переводъ Евангелія и Псалтыря. Иностранцы вмѣняютъ ему въ подвигъ уничтоженіе масонскихъ ложъ, библейскаго общества и духовнаго ми

нистерства, а торжественное свидѣтельство государя — присутствіе на площади въ декабрьскомъ мятежѣ. Слова царя пойдутъ въ потомство. Среди холеры онъ выходилъ увѣщевать и утѣшать народъ. Во многихъ важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, какъ кормчій церкви.

Смоленской проповѣди его у меня нѣтъ, но есть прекраснѣйшая привѣтственная рѣчь Александру I въ Москвѣ. Громкія и радостныя восклицанія народа сопровождали государя до Успенскаго собора, гдѣ Серафимъ встрѣтилъ его словами: «В. Г. Въ священномъ писаніи сказано, что предъ Александромъ Великимъ умолче земля, а предъ тобою вся Москва изливается въ радостныхъ восклицаніяхъ». Тѣ немногія изъ напечатанныхъ его проповѣдей обнаруживаютъ основательность мыслей, большую начитанность и чистый слогъ, показывающій глубокое изученіе русскаго языка.

Кромѣ благоразумной, хорошо разсчитанной терпѣливости, въ немъ было милосердіе и великодушіе. Вдовы и сироты въ немъ находили отца. Въ Смоленскѣ одинъ священникъ не хотѣлъ похоронить бѣднаго рыбака потому, что вдова не могла ему заплатить столько, сколько онъ требовалъ на отпѣваніе. Серафимъ, узнавъ это, самъ отпѣлъ бѣдняка, принудилъ священника взять съ своего архіерея деньги за отпѣваніе и помогъ вдовѣ и ея дѣтямъ. Въ Твери онъ просилъ торжественно прощенія у священника, оскорбленнаго имъ понапрасно; ибо онъ его принялъ за другаго, заслужившаго выговоръ. Врагамъ своимъ часто отомщалъ онъ благодѣяніями и услугами.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Серафимѣ! Жизнь его достопамятна, сколько его личностію, а болѣе по отношенію ея ко многимъ важнымъ событіямъ въ Россіи. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ видно, что подъ личиною стариковской простоты онъ былъ политикъ. Въ молодости своей отличался насмѣшливостію. На экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ при императрицѣ, когда Германъ ученицамъ доказывалъ, что благоденствіе государства основывается на мореплаваніи, Серафимъ сказалъ: «какъ вы, милостивый государь, основываете благоденствіе народа на водѣ, а не на религіи, которая есть твердая его основа». Исторія его съ Фотіемъ, думаю, вамъ извѣстна, такъ равно и переписка съ митрополитомъ Филаретомъ, по случаю запрещенія катихизиса послѣдняго.

Увѣренъ, что опытное перо ваше придастъ интересъ общій біографіи сего архипастыря, питомца Платонова. Рѣдкому святителю посчастливилось имѣть послѣ себя сряду трехъ преемниковъ изъ любимыхъ своихъ питомцевъ, которыхъ онъ самъ предназначалъ на свое мѣсто: Августинъ, Серафимъ и Филаретъ.

Извѣстно-ли вашему превосходительству, что св. Дмитрій Ростовскій

говорилъ надгробное слово Лефорту! Оно есть въ новгородской Софійской библіотекѣ.

Къ числу знаменитыхъ россіянъ слѣдуетъ присоединить двухъ знаменитыхъ богослововъ: Ѳеофилакта Горскаго, послѣдняго епископа Переславскаго и Іакинѳа Карпинскаго; они извѣстны даже и иностранцамъ въ переводахъ. Перваго система богословія до нынѣ служитъ руководствомъ въ училищахъ, такъ какъ и послѣдняго. Оба были латинисты. См. поучительныя слова, въ разныя времена сказанныя Кирило-Бѣлозерскимъ архимандритомъ Іакинѳомъ Карпинскимъ. С.-Петербургъ 1782 г. Въ одномъ изъ нихъ есть разсужденіе о греческой иконописи, весьма замѣчательное.

Отъ преосвященнаго Евгенія я давно не получалъ писемъ, да и самъ виноватъ, давно къ нему за недосугами не писалъ. Все трудишься да все назади остаешься; не только товарищи, но и ученики давно перегнали меня по службѣ и производству.

Отецъ архимандритъ Аполлосъ всеусердно благодаритъ васъ за вспоминаніе; онъ жалуется на нездоровье.

Ваша кума, моя жена съ дѣтьми свидѣтельствуетъ искреннее почтеніе вашему превосходительству, желая отъ души вмѣстѣ со мною вамъ съ любезною супругою и дѣтьми счастія и радости въ новомъ году и на многія лѣта.

Вашъ вѣрный, искренній и преданнѣйшій слуга И. Снегиревъ.

8.

7-го января 1847 г. Москва.

Очень радъ, что имѣю пріятнѣйшій случай заочно бесѣдовать съ вашимъ превосходительствомъ, почтеннѣйшимъ кумомъ и любезнѣйшимъ сердцу моему благодѣтелемъ. Любовію своею и довѣренностію ко мнѣ вы мнѣ замѣняете истинно роднаго; самая многолѣтняя давность съ отрадными воспоминаніями придастъ этому новую цѣну, которую прибавляетъ всякій новый годъ. Дай Богъ, чтобы жизнь ваша, посвященная истинѣ, добру и полезнымъ трудамъ, продлилась сколь можно долѣе. Съ утѣшеніемъ слышу и на опытѣ вижу, что вы всецѣло сохранили тѣ силы, которыя другіе, не достигнувъ полвѣка, утрачиваютъ въ наше время, когда взапуски гоняются за вѣкомъ и за Европою; но эти межеутки отъ одного берега отстаютъ, а къ другому не пристаютъ. Вы же идете твердою стопою къ предназначенной цѣли. Имя родителя вашего и ваше останутся незабвенными и въ области исторіи и въ сердцахъ всѣхъ благомыслящихъ.

Искренно радъ, если чѣмъ-либо могу быть полезнымъ вашему превосходительству. Рѣчь Серафима изволите найти на оборотѣ листа, списан-

ную вѣрно съ печатнаго. Подъ словами царя я разумѣю рескриптъ митрополиту С(ерафиму) о дѣйствіяхъ его 14-го декабря, когда онъ выходилъ на площадь увѣщевать мятежныхъ, подъ ружейными выстрѣлами. Это напечатано въ газетахъ того времени. О(тецъ) Аполлосъ и пр. увѣряютъ, что Серафимъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ на череду не при Павлѣ, но въ концѣ царствованія Екатерины II. Не угодно-ли видѣть вѣрность указаній хронологиста Хавскаго въ его указателѣ источниковъ исторіи и географіи Москвы, М. 1839, ч. 8, стр. 300 и 301?

«1799 года, декабря 25-го Серафимъ Глаголевскій, викарій въ Москвѣ, хиротонисанъ изъ архимандритовъ Заиконоспасскихъ, а въ 1774 году переведенъ въ Вятку».

Прошу не вѣрить тому человѣку, который хочетъ унижать труды другихъ и въ томъ числѣ мои! Не думайте, чтобы это былъ одинъ промахъ; въ его книгѣ наберешь сотни. Онъ зять И. И. Давыдова. Я ни на кого не писалъ критикъ, тружусь тихомолкомъ, безъ притязанія на славу и даже извѣстность. Не имѣя за себя предстателей, далеко отсталъ отъ товарищей и учениковъ своихъ; я лишь статскимъ совѣтникомъ, и тогда какъ моихъ сослуживцевъ уволили съ полною 5 т. пенсіею, мнѣ дали только 2 тыс. Нужда и привычка заставляютъ держаться за цензуру, коей я многимъ пожертвовалъ, остальное поручаю Богу, единственной моей надеждѣ и опорѣ въ жизни.

Поручая себя вашему благорасположенію и любви, съ истиннымъ почтеніемъ, преданностію и признательностію честь имѣю быть и проч.

15.

Письмо князя Витгенштейна—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

5-го сентября 1841 г., М. Каменка.

Я имѣлъ честь получить, при письмѣ вашего превосходительства отъ 24-го прошедшаго іюля, экземпляръ составленныхъ вами біографій россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, которыя съ великимъ удовольствіемъ прочитывая, нашелъ, что сколько знамениты дѣйствія мужей, прославившихъ себя и отечество своими достохвальчыми заслугами и подвигами на пользу онаго, столько и описаніе оныхъ пріятно и соотвѣтственно событіямъ. Что относится до моей біографіи, то оная написана согласно съ обстоятельствами, сопровождавшими дѣйствія мои на поприщѣ военномъ, съ нѣкоторыми однакожъ маловажными неполностями, которыя неминуемо должны были послѣдовать при затруднительномъ собраніи объ оныхъ свѣдѣній, и противъ которыхъ я, согласно вашему, милостивый государь, желанію, препровождаю при семъ мои замѣчанія.

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принесть вашему превосходительству искреннѣйшую мою благодарность за сдѣланное мнѣ одолженіе и доставленное удовольствіе и при томъ увѣрить въ особенномъ и истинномъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть и проч.

Собственноручныя замѣчанія генералъ-фельдмаршала князя Витгенштейна на біографію его.

Стран. 1-ая.—1) Генералъ-фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ родился въ Переяславѣ.

Стран. 4-ая.—2) Онъ отставленъ былъ отъ службы императоромъ Павломъ I января 1-го дня 1801 года, а 2-го ноября того года императоромъ Александромъ принятъ опять въ оную, съ назначеніемъ командиромъ Елисаветградскаго гусарскаго полка. Въ январѣ же 1802 года назначенъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка.

3) Въ войну съ Франціею 1805 князь Витгенштейнъ откомандированъ былъ княземъ Кутузовымъ подъ Вишау съ двумя гусарскими, однимъ драгунскимъ полками и 12-ти орудіями конной артиллеріи. Съ симъ отрядомъ атаковавъ французскую кавалерію, занимавшую позицію предъ Вишау, разбилъ ее и взялъ въ плѣнъ 24 штабъ и оберъ-офицера и до 400 человѣкъ нижнихъ чиновъ; убитыхъ и раненыхъ было въ семъ дѣлѣ до 500 человѣкъ; въ русскомъ же отрядѣ былъ уронъ незначительный. Сего сраженія былъ свидѣтелемъ блаженныя памяти императоръ Александръ и послѣ онаго изволилъ сказать князю Витгенштейну, что онъ въ первый разъ въ жизни былъ на полѣ битвы.

Стран. 21-ая и 22-ая. 4) Въ сраженіи подъ Полоцкомъ 5-го октября 1812 года, французская кавалерія, состоявшая изъ кирасирскихъ полковъ, пробила центръ русскихъ войскъ и овладѣла артиллерійскою батареею полковника (что нынѣ генералъ-лейтенантъ) Байкова, который отбивался прибойниками. Въ то самое время князь Витгенштейнъ, будучи на лѣвомъ флангѣ, съ однимъ баталіономъ Калужскаго пѣхотнаго полка и двумя эскадронами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, и увидѣвъ, что онъ отрѣзанъ, повелъ атаку на непріятеля на правый флангъ, а Гродненскій гусарскій полкъ, подъ командою подполковника Ридигера, ударилъ на лѣвый. Непріятель былъ опрокинутъ, потерявъ много людей, а начальникъ отряда, сынъ бывшаго французскимъ консуломъ, полковникъ Лебрёнъ, взятъ въ плѣнъ. Отбитая же артиллерія полковника Байкова, воспользовавшись симъ случаемъ, обратила свой огонь на бѣгущаго непріятеля и нанесла ему большой вредъ.

Стран. 29-ая.—5) С.-Петербургское дворянство, съ соизволенія го-

сударя императора, прислано 31-го августа 1814 года князю Витгенштейну грамоту съ изъясненіемъ въ оной: «что въ засвидѣтельствованіе признательности своей къ знаменитымъ подвигамъ князя Витгенштейна, охранившаго въ 1812 году С.-Петербургскую столицу и губернію отъ вторженія непріятельскаго, онъ и родъ его внесенъ въ дворянскую родословную книгу С.-Петербургской губерніи, въ пятую ея часть». Таковыя грамоты получены княземъ Витгенштейномъ отъ дворянства Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерній.

Въ построенной въ Печорахъ церкви, вмѣсто предполагавшагося обелиска [1]), коего князь Витгенштейнъ не пожелалъ, по просьбѣ его, поставлены на стѣнахъ въ церкви двѣ черныя доски и на оныхъ написаны имена всѣхъ убитыхъ подъ Полоцкомъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по числу убитыхъ каждаго полка.

Стран. 61-ая, 62-ая и 63-ая.—6) 15-го февраля 1814 года въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ, король прусскій находился лично при князѣ Витгенштейнѣ, въ продолженіе всего дѣла, и видя во время атаки русскихъ на центрѣ французской позиціи, на высотахъ бывшей, что оныя взяты храбрыми русскими войсками штурмомъ и непріятель прогнатъ штыками, снималъ съ своихъ адъютантовъ ордена «Пуръ-лемеритъ» и посылалъ ихъ на мѣсто сраженія баталіоннымъ командирамъ. Въ семъ сраженіи дѣйствовали одни французскія войска,—а когда обходъ совершенъ графомъ Паленомъ и принцомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ и французы начали отступать, тогда уже графъ Вреде атаковалъ городъ и овладѣлъ онымъ. Здѣсь находился князь Шварценбергъ и получилъ контузію.

Вторая записка князя Витгенштейна, составленная для Бантышъ-Каменскаго.

Такъ какъ Бантышъ-Каменскій имѣетъ уже формуляръ мой по 1827 годъ, гдѣ вся моя служба показана, то продолженіе оной состоитъ въ томъ, что въ 1828 году командовалъ я арміею противъ турокъ—въ продолженіе коей получилъ я, іюня 9-го числа, въ лагерѣ при Трояновомъ валѣ на рѣкѣ Карасу, алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго и девять орудій изъ взятыхъ въ продолженіе первой кампаніи девяти крѣпостей, а именно:

1) при переправѣ за Дунай съ батареи, дѣйствующей противъ насъ; 2) Тулчи; 3) Исачи; 4) Браилова; 5) Мачина; 6) Кюстенджи; 7) Гирсова; 8) Варны; 9) Кале.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1890 г., № 10, стр. 143. Ред.

Въ 1829 году по неоднократнымъ моимъ просьбамъ, былъ я уволенъ отъ командованія арміей, о чемъ прилагается копія рескрипта.

Въ 1834 году получилъ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго отъ короля прусскаго, съ согласіемъ его императорскаго величества,—также прилагается копія рескрипта. Дипломъ и указъ Правительствующаго Сената можно видѣть изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей», тогда опубликованныхъ.

Отецъ мой служилъ въ русской службѣ генералъ-лейтенантомъ и былъ женатъ на графинѣ Финкенштейнъ въ Пруссіи, отъ которой я родился;—во второмъ супружествѣ имѣлъ онъ за собою вдову графиню Бестужеву-Рюмину, урожденную княжну Долгорукову. Воспитывался я у фельдмаршала князя Салтыкова, который былъ президентомъ Военной коллегіи и смотрѣлъ за воспитаніемъ великихъ князей во время царствованія императрицы Екатерины II. Супруга фельдмаршала князя Салтыкова была урожденная княжна Долгорукова и родственница моей мачихи. Я родился въ 1768 году, 25-го декабря. Князь Витгенштейнъ.

16.

Письмо графа Строганова—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

24-го декабря 1845 г.

Милостивый государь Димитрій Николаевичъ! Въ письмѣ вашемъ отъ 4-го сего декабря вы извѣстили меня о продажѣ библіотеки покойнаго академика Языкова. По этому случаю я покорнѣйше прошу васъ доставить мнѣ на короткое время каталогъ книгъ, какой есть; послѣ того я васъ рѣшительно увѣдомлю, могу-ли оказать съ своей стороны содѣйствіе къ покупкѣ библіотеки или части оной.

17.

Письма В. Панаева—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1.

3-го октября 1846 г. С.-Петербургъ.

Въ числѣ бумагъ, полученныхъ мною съ прибывшимъ вчера фельдегеремъ, оказалась и выписка изъ сочиненной вашимъ превосходительствомъ біографіи князя А. Н. Голицына. Печатать дозволено, только В. Ѳ. Адлербергъ, для большей исторической вѣрности, замѣтилъ, что извѣстныя слова при взглядѣ на портретъ князя государь изволилъ

написать не на бумагѣ, а на стѣнѣ, подъ самымъ портретомъ: это дѣйствительно такъ. Сверхъ того замѣчу отъ себя, что портретъ былъ, кажется, не живописный, а гравированный. Впрочемъ, объ этомъ я справлюсь и вамъ сообщу послѣ.

Оффиціальный отзывъ генерала Адлерберга достигнетъ до Цензурнаго комитета развѣ дней черезъ десять, ибо проектъ онаго посылается къ подписанію только сегодня.

2.

20-го мая 1847 г.

Идилліи изданы въ 1820 году. Россійская Академія наградила меня за нихъ золотою медалью. Изданы также особо: Похвальное слово императору Александру I въ 1816 и Похвальное же слово князю Кутузову-Смоленскому въ 1823 году. За послѣднее императоръ пожаловалъ мнѣ богатый бриллiантовый перстень, а императрица (Елисавета Алексѣевна)—фермуаръ моей невѣстѣ. Я тогда былъ помолвленъ. Сверхъ того въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ эпоху времени отъ 1817 по 1826 годъ, напечатано нѣсколько моихъ стихотвореній, въ различныхъ родахъ поэзіи и болѣе десяти повѣстей, заимствованныхъ изъ истинныхъ происшествій. Я полагалъ, что бывальщина лучше небывальщины и что правда усугубляетъ интересъ разсказа.

Изъ пятерыхъ моихъ братьевъ я—четвертый, душевно преданный вашему превосходительству, В. Панаевъ.

Изъ архива А. В. Никитенко.

I.

Письма П. Леонтьева—А. В. Никитенко.

1.

15-го апрѣля 1852. Москва.

Задержанный поѣздкою въ Тулу, я не успѣлъ придать письма въ спутники тому экземпляру 2-й книги «Пропилеевъ», который, надписанный на ваше имя, я препроводилъ для доставленія вамъ въ книжный магазинъ Ѳ. В. Базунова, вмѣстѣ съ первыми экземплярами, отправленными въ Петербургъ. Позвольте поправить эту оплошность теперь и вмѣстѣ просить васъ представить отъ моего имени прилагаемый при семъ экземпляръ его превосходительству Абраму Сергѣевичу Норову, который былъ такъ внимателенъ ко мнѣ, что выразилъ письмомъ свое сожалѣніе о томъ, что я не могъ быть имъ принятъ въ бытность мою въ Петербургѣ.

Вторая книга «Пропилеевъ» имѣетъ болѣе литературный характеръ, нежели первая, и составъ ея, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, удачнѣе и стройнѣе. Я жалѣю только, что мѣсто не позволило мнѣ помѣстить въ ней ни одной статьи о художествѣ.

Въ 3-ей книгѣ я надѣюсь восполнить этотъ недостатокъ, а вмѣстѣ продолжать рядъ переводовъ драматическихъ произведеній древности.

Желая искренно, чтобы эта вторая книга заслужила, подобно первой, ваше одобреніе, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою П. Леонтьевъ.

2.

1855 г.

Послѣ свиданія съ вами въ прошлый вторникъ я продолжалъ думать и передумывать о журнальномъ дѣлѣ. Взвѣшивая извѣстныя мнѣ соображенія, которыми руководился Михаилъ Никифоровичъ (Катковъ) при составленіи программы, и сообщенныя вами основанія сомнѣній А. С. [1]), важности и существенности которыхъ нельзя оспаривать, я пришелъ наконецъ къ мысли о слѣдующемъ среднемъ пути, который можетъ быть въ состояніи помирить и тѣ и другія. Сожалѣю, что время не позволяетъ мнѣ лично узнать отъ васъ ваше мнѣніе объ этихъ предположеніяхъ, но, желая привезти съ собою въ Москву какъ можно болѣе данныхъ для Михаила Никифоровича, я просилъ Меѳодія Никифоровича [2]) побывать у васъ и предоставить это письмо на ваше благоусмотрѣніе и благосклонное обсужденіе.

Я выхожу отъ вашей мысли, что не слѣдуетъ упускать превосходнаго случая воспользоваться программою «Сына Отечества», и что изданіе политическаго листка въ настоящее время можетъ встрѣтить непреодолимыя затрудненія. Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе о мѣрѣ возможности слѣдующихъ двухъ измѣненій, которыя имѣли бы для М. Н. значительную важность:

1. Нельзя-ли, вполнѣ сохраняя программу «Сына Отечества», просить о дозволеніи измѣнить заглавіе журнала. Основаніе для этого то, что «Сынъ Отечества» издавался въ нынѣшніе годы крайне небрежно и неправильно, вслѣдствіе чего совершенно потерялъ довѣріе публики: предразсудокъ противъ имени стараго журнала, неудовлетворившаго своихъ подписчиковъ, можетъ быть перенесенъ на новый журналъ той же фирмы. А примѣръ—«Финскій Вѣстникъ», перемѣнившій свое заглавіе въ послѣдній годъ прошлаго царствованія.

2. Нельзя-ли, пожертвовавъ листкомъ, просить о разрѣшеніи издавать, лишь на время войны, прибавленія къ возобновляемому журналу съ правомъ помѣщать въ этихъ прибавленіяхъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства. Такія прибавленія конечно не могутъ идти въ сравненіе съ политическими газетами, а между тѣмъ они могли бы послужить значительною поддержкою журнала въ настоящее нелитературное время, когда военныя извѣстія поглощаютъ всеобщее вниманіе. Цензурныхъ затрудненій при подобныхъ «текучихъ извѣстіяхъ» не могло бы быть, ибо они перепечатывали бы однѣ оффиціаль-

---

[1]) Авраама Сергѣевича Норова.

[2]) Брата М. Н. Каткова.

ныя вѣсти, самимъ правительствомъ сообщаемыя ко всеобщему свѣдѣнію.

Позвольте просить васъ о сообщеніи Меѳодію Никифоровичу вашего взгляда на эти два пункта и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы еще разъ поблагодарить васъ за рѣдкое радушіе и любезную внимательность, которыми вы украсили время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Съ сердечнымъ уваженіемъ имѣю честь быть искренно преданный вамъ покорнѣйшій слуга П. Леонтьевъ.

II.

Письма Г. П. Данилевскаго—А. В. Никитенко.

1.

2-го апрѣля 1854 г.

Заходилъ я къ вамъ, Александръ Васильевичъ, съ Дружининымъ, который кланяется вамъ; мы шли отъ Виктора Павловича Гаевскаго, очень серьезно больнаго грудью.

Вы были такъ внимательны въ послѣдній разъ ко мнѣ. Дѣло теперь вотъ въ чемъ: мое кровохарканье такъ же безпокоитъ меня и грудь такъ же требуетъ поѣздки хотя на два мѣсяца въ степь; но... теперь моя судьба, подъ вліяніемъ близкаго вѣроятно повышенія моего начальника, должна измѣниться. Я, видя все будущее отъ одной службы, долженъ ждать этого измѣненія здѣсь, и тогда уже, снова укрѣпившись на мѣстѣ, ѣхать иначе не смѣю! Я бы желалъ опять остаться чиновникомъ особыхъ порученій при будущемъ товарищѣ [1]); здѣсь единственно могу своими силами принести пользу и быть свободенъ для честнаго выполненія литературнаго зова.

Не можете-ли вы, мой всегдашній высокій защитникъ, поддержать меня заранѣе, здѣсь рѣшается участь многаго хорошаго въ моемъ будущемъ и въ моей молодости. А это зависитъ отъ Абрама Сергѣевича (Норова) и его взгляда на мою судьбу, за три года первой службы при немъ. Я знаю, что если это будетъ зависѣть отъ Павла Ивановича,—послѣдній меня пригрѣетъ. Не оставьте же меня... Глубоко уважающій васъ Григорій Данилевскій.

2.

15-го апрѣля 1855 г.

Представляю вамъ, моему дорогому и незабвенному учителю и руководителю первыхъ моихъ литературныхъ шаговъ, разсказъ объ украин-

[1]) Князѣ П. А. Вяземскомъ.

скихъ старцахъ-пчеловодахъ и о поэтическихъ захолустьяхъ нашей общей родины, гдѣ еще длится медленное замиранье старины, подъ наплывомъ новыхъ пришельцовъ. Это отрывокъ изъ той грустной панихиды, которая служится нынѣ по старинѣ Украйны не однимъ моимъ сердцемъ!

Не знаю, судьба-ли это дѣлаетъ, или моя природа,—только видно, не ужиться мнѣ на сѣверѣ. На-дняхъ опять разболѣлась грудь моя,—отрыжка тѣхъ страданій, которыя нѣкогда посѣтили мою студенческую молодость. Что ни весна,—безсонницы и кровохарканье не даютъ мнѣ покоя! А тутъ еще подмываетъ меня вѣянье весны и чего-то далекаго и золотаго, чему имя—родина! Не знаю, справлюсь-ли я съ собою, только видно, прійдется просить мнѣ и Павла Ивановича и Абрама Сергѣевича объ отпускѣ, если можно соединенномъ съ откомандировкой по Археографической коммиссіи, какъ прошлый годъ. Моимъ рапортомъ и найденными рукописями въ монастыряхъ и въ городахъ остались довольны и министръ и Коркуновъ. Теперь же кстати и по еврейскому комитету лѣтомъ будетъ отдыхъ: Мухлинскій, нашъ предсѣдатель, ѣдетъ на каникулы въ Литву; а Мандельштамъ на воды хочетъ проситься. Не знаю, право, какъ мнѣ быть? Боюсь сдѣлать что-нибудь неугодное министру.

3.

28-го октября 1855 г.

Поручая вашему благосклонному вниманію, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, статью мою о «Полтавскихъ достопамятностяхъ», составленную изъ моихъ замѣтокъ, этого лѣта, для «Журнала Министерства Просвѣщенія» если можно, для ближайшей книжки, я вмѣстѣ съ этимъ, для любопытства, сообщаю вамъ и рисунки главнѣйшихъ мѣстъ, сдѣланные въ каммеръ-обскуру. По совѣту съ Авраамомъ Сергѣевичемъ и княземъ [1]), я думаю отдать эти рисунки Тиму, для «Художественнаго Листка», чтобы получить ихъ оттиски, и приложить эти оттиски къ отдѣльному выпуску брошюры, шрифтомъ журнала, по напечатаніи статьи въ немъ. Если бы вы, соображая интересъ статьи, идущей въ тактъ съ теперешнимъ трудомъ Н. Г. Устрялова, и, оставя въ сторону какую-нибудь сухую и черствую статью журнала, какими до васъ угощалъ Сербиновичъ читателей, пустили ее и въ декабрьскую книжку, тогда бы я оттиски съ рисунками могъ бы выпустить какъ разъ къ новому году. Авраамъ Сергѣевичъ заинтересованъ

[1]) П. А. Вяземскимъ.

статьей и, вѣроятно, самъ вамъ о ней скажетъ; рисунки также ему понравились.

Оставляя статью вамъ, за рисунками я явлюсь на-дняхъ.

4.

1-го іюля 1856 г.

Сдѣлавши главныя поѣздки по югу Россіи, по порученію отъ великаго князя Константина Николаевича, для «Морскаго Сборника», я теперь собралъ значительное количество матеріаловъ объ указанныхъ мнѣ «Чумакахъ» и другихъ предметахъ, и готовлюсь сдѣлать послѣдній главнѣйшій переѣздъ. Черезъ мѣсяцъ, около половины августа, думаю уже быть на мѣстѣ и снова вступить въ обязанности службы, при князѣ Петрѣ Андреевичѣ (Вяземскомъ), къ которому на-дняхъ писалъ о выполненіи моего порученія. Васъ спѣшу извѣстить о сдѣланной мною находкѣ, въ семьѣ помѣщицы Курисъ, близъ Одессы, неизданныхъ двадцать Суворовскихъ бумагъ. (Курисъ—предокъ, былъ секретаремъ при Суворовѣ). Въ числѣ ихъ есть неизвѣстная ода Кострова и нѣсколько писемъ другихъ особъ къ Суворову (Платона Зубова, напримѣръ) кромѣ собственныхъ писемъ, замѣтокъ дневныхъ и стиховъ самого Суворова. Списавши письма и всѣ клочки бумагъ, я снабдилъ ихъ справками печатными и воспоминаніями семьи Курисъ, и получилъ право на изданіе бумагъ. Статья, по обѣщанію моему Каткову, послана безъ имени моего въ «Русскій Вѣстникъ». Указываю вамъ на нее, какъ на свидѣтельство моихъ скромныхъ, посильныхъ заботъ о розысканіяхъ историко-литературныхъ, сверхъ даннаго мнѣ порученія. Въ этомъ во всемъ я обязанъ сѣменамъ, брошеннымъ вами въ душу того поколѣнія, которое толпилось вкругъ вашей каѳедры въ университетѣ. И потому, не переставая вѣчно благодарить васъ, моего наставника, я, какъ гражданинъ литературнаго молодаго нашего общества, не перестаю благодарить васъ и моего путеводителя по литературному пути, гдѣ болѣе и болѣе спадаетъ съ меня кора ветхости и непрочности, для болѣе зрѣлаго и прочнаго дѣла жизни. Пишу со станціи, при звукахъ пѣсенъ украинскихъ, при заходящемъ солнцѣ и обычной картинѣ нашего вечера: табунъ бѣжитъ съ поля, поднимая пыль, къ рѣкѣ, стадо идетъ по толокѣ, гуси летятъ съ молодыхъ гречихъ и просъ, и статныя дѣвки, всѣ заквѝчанныя маками и барвинкомъ, идутъ, неся грабли, съ покосовъ...

Не поминайте насъ лихомъ!

Гдѣ-то вы живете на дачѣ и что вашъ маленькій козакъ? И есть-ли у васъ такіе вареники съ вишнями свѣжими, какіе я ѣмъ каждый день?

5.

28-го сентября 1856 г.

Не заставши васъ дома, имѣю честь обратиться съ покорнѣйшею просьбою объ оказаніи вашего вниманія моей статьѣ «Суворовскія бумаги», о которой я писалъ вамъ лѣтомъ и которую теперь взялъ у меня г. Галанинъ. Она теперь у васъ. Не будучи велика, гораздо меньше моей статьи «Полтавская старина»—она можетъ быть скоро напечатана, и я крайне желалъ бы увидѣть ее въ этой книжкѣ, при появленіи моего отчета, по совершенной командировкѣ, и въ «Морскомъ Сборникѣ».

Щербину порченнаго и заболѣвшаго я отвезъ четыре дня назадъ въ Петропавловскую больницу. Онъ вамъ очень кланяется.

6.

22-го іюля 1868 г. Харьковъ.

Не знаю, кто и какого рода отзывъ дадутъ о моей книгѣ «Украинская Старина» въ коммиссіи по уваровскимъ преміямъ. Сентябрь близокъ. Вы, мой дорогой и незабвенный учитель, были такъ добры, что предложили мнѣ послать это изданіе на премію и въ прошлую зиму принимали въ немъ участіе. Поэтому, спѣшу вамъ сообщить для передачи г.г. судьямъ, которые по отзыву эксперта должны постановить рѣшеніе о моей книгѣ, что я, несмотря на занятія мои по званіямъ члена Харьковской губернской земской управы и почетнаго мироваго судьи приготовляю къ выпуску 2-й томъ этой Старины, для чего и нужна мнѣ сумма премія, такъ какъ издатели 1-го выпуска, здѣшніе богатые студенты Любарскій и Заленскій, сошли со сцены.

Во 2-й выпускъ, въ случаѣ полученія преміи, войдутъ: 1) «Петръ Первый на Донцѣ», разсказъ изъ семейной хроники 1709 г.; 2) «Первые поселенцы въ Харьковской губерніи изъ-за Днѣпра, по фамильнымъ бумагамъ помѣщиковъ XVIII вѣка»; 3) «Біографія поэта Гулака-Артемовскаго» (въ pendant къ напечатаннымъ въ 1-мъ выпускѣ Сковороды, Квитки и Каразина); 4) Нѣсколько любопытныхъ актовъ изъ здѣшняго губернскаго архива, въ родѣ сообщеннаго мною и напечатаннаго на-дняхъ у Бартенева въ его «XVIII вѣкѣ» (сборники)—акта «Въѣздъ Екатерины II въ Харьковъ» и пр. и пр.

На ваше сочувствіе я всегда разсчитывалъ. Но я боюсь за Пекарскаго, который никогда не любилъ меня вмѣстѣ съ былой К° «Современника». Не знаю, кто другіе члены коммиссіи. Если тамъ Устряловъ, со-

общите ему это мое письмо. Я также былъ однимъ изъ любимыхъ его учениковъ.

Къ Срезневскому и Сухомлинову, какъ людямъ, лучше другихъ имѣющимъ возможность оцѣнить мой трудъ, я пишу о 2-мъ выпускѣ. Но не знаю, кто другіе, могущіе быть въ коммиссіи судьями по уваровскимъ преміямъ.

Если бы вы, Александръ Васильевичъ, захотѣли вспомнить меня, среди и другихъ моихъ занятій (въ томъ числѣ по сооруженію Азовской линіи), я бы васъ просилъ сообщить мнѣ: что готовится къ 8-му февраля 1869 г. для юбилея С.-Петербургскаго университета и къ кому адресоваться? Я бы что-либо приготовилъ и прислалъ бы къ этому дню.

Казимірѣ Казиміровичѣ и дочерямъ вашимъ прошу передать мое почтеніе.

Вашъ глубоко-уважающій и любящій ученикъ и слуга Г. Данилевскій.

Прошу передать мое сердечное уваженіе А. С. Норову.

7.

1-го іюня 1873 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, первую часть моего романа. Если она вами начнется и прочтется легко—это будетъ единственнымъ предметомъ для моей рѣшимости—поднести вамъ на прочтеніе продолженіе. Иначе—такъ вы и не узнаете—ни судьбы моего героя, ни судьбы героини и второстепенныхъ лицъ. Я всячески старался, чтобы рукопись была переписана четче; но все-таки въ нее кое-гдѣ вползли потомъ менѣе четкія поправки.

Въ пятницу зайду узнать, черезъ недѣлю,—начато-ли чтеніе? А если начата эта часть и прочтена,—я въ субботу же доставлю вторую. Меня бомбардируютъ изъ Москвы, прося присылки этого романа. Но, хотя тамъ въ немъ и нуждаются, пока я не узнаю о немъ вашего мнѣнія и не увижу на поляхъ вашихъ дорогихъ замѣтокъ карандашемъ, я туда этой рукописи не пошлю.

Въ Академію 31-го я вамъ приносилъ и письма редакторовъ «Русскаго Вѣстника» и «Бесѣды»; но вы были послѣ вашей рѣчи заняты съ другими.

8.

17-го февраля 1874 г.

Разсказъ только-что принесли изъ переписки. Какъ видите, многоуважаемый Александръ Васильевичъ, я постарался переписать его осо-

бенно хорошо, жалѣя глаза ваши или И. А. Гончарова,—кому изъ васъ прійдется его читать и о немъ докладывать комитету редакціи(?).

А. А. Краевскій письмомъ назначилъ мнѣ срокъ для доставленія разсказа—20-е февраля. Я его доставляю вамъ 17-го, т. е. тремя днями ранѣе. Не можете-ли вы мнѣ за это сдѣлать еще одну уступку,—въ случаѣ принятія разсказа,—дать мнѣ его на день для того, чтобъ еще надъ нимъ поработать. Онъ написанъ на-скоро, и я едва успѣлъ его прочесть въ коніи набѣло.

III.

Письма Ѳ. Чижова—А. В. Никитенко.

1.

7-го февраля 1843 г. Римъ.

Долго шло письмо ваше, мой добрый другъ, Александръ Васильевичъ, но, наконецъ, слава Богу, сегодня, только сейчасъ я получилъ его. Благодарю и васъ и Казимиру Казимировну за сохраненіе ко мнѣ старой дружбы, простите, глупая благодарность, я въ этомъ и не могъ сомнѣваться; но, привыкши быть вблизи моихъ друзей, невольно сгрустнулъ, когда нѣтъ ни отъ кого ни полслова. Не понимаю, что̀ сдѣлалось съ Полѣновымъ, хотя и увѣренъ, что молчаніе его никакъ не происходитъ отъ невнимательности. Увидѣвъ его, скажите ему это—ну, да и будетъ.

Письмо ваше тронуло другія струны, не знаю, оно какъ-то зашевелило въ сердцѣ, а движеніе этого сквернаго сосудика мнѣ всегда достается дорого, скверный сосудикъ, самый скверный; пожалуй, въ немъ есть много и хорошаго, въ моемъ сердцѣ, какъ и въ каждомъ,—но это хорошее такъ смѣшано, такъ сбито съ гадостями, что не знаешь, какъ и что выйдетъ, когда все уляжется на своемъ мѣстѣ. Съ нѣкотораго времени всѣ мои виды, все мое вниманіе устремилось на практическую работу надъ самимъ собою,—вотъ вамъ отвѣтъ на вопросы, что̀ дѣлается внутри меня. Болѣе нежели уединенная жизнь, жизнь отшельника, строгость, доходящая до педантически смѣшнаго (когда она не выходитъ изъ убѣжденія), стараніе, большею частью тщетное, не переносить эту глупую строгость въ сужденія и даетъ ей мѣсто, только въ работѣ надъ самимъ собою; однимъ словомъ, иноческая жизнь со всѣми ея мерзостями внутренними—вотъ вполнѣ теперешняя жизнь моя. Можетъ быть, вы будете бранить ее, я и самъ браню; но что же дѣлать, когда она одна даетъ мнѣ и пріютъ и нѣкоторое спокойствіе. Внѣшняя жизнь моя, то-есть мои планы поневолѣ соединились съ этимъ

отшельничествомъ, много тутъ работали и обстоятельства. Бросивъ меня въ пучину жизни, навязавъ на меня тысячу и условныхъ, и неусловныхъ обязанностей, проклятыя обстоятельства отняли много силы, не отняли ничего отъ демоническаго самолюбія. Такъ было во мнѣ, или не такъ, я не знаю; но только, подъ вліяніемъ такого внутренняго хода, я составилъ планъ моей жизни, или, вѣрнѣе, планъ трудовъ моихъ, о которомъ до сихъ поръ не говорилъ, потому что боялся высказать. Ради Бога, забросьте въ него вашу думу подъ свободный часъ, согрѣйте эту думу любовью ко мнѣ и напишите, что изъ этого выйдетъ. Вы говорите мнѣ, чѣмъ я займусь и какъ я займусь, говорите, что для занятія философіею какъ наукою не нужно было бы таскаться за моря. Пожалуй и такъ, но это ко мнѣ нейдетъ, я не въ состояніи заниматься философіею какъ наукою, тутъ нуженъ талантъ самостоятельный, нужно можетъ быть кое-что и болѣе личнаго таланта, именно потребность общества, чего, по моему мнѣнію, въ насъ еще не образовалось. Я люблю философію съ другой стороны, люблю ее какъ явленіе жизни, и въ этомъ отношеніи она влечетъ меня къ себѣ сильно. Въ философіи не философія занимаетъ меня, а человѣкъ, тотъ, другой, третій, все-равно, будетъ-ли это одинъ человѣкъ, высказавшійся въ системѣ, народъ въ ряду системъ, или все человѣчество во всемъ томъ, что мы называемъ философіею. Вотъ какъ она меня завлекаетъ. Изъ этого вы видите, что она тутъ второстепенное лицо, первое—жизнь, скажите и мнѣ сами, если разъ я увлекся этимъ, можно все же остановить себя и сказать: ну, хорошо, и изучай философію, какъ явленіе жизни ума человѣческаго, этого на твой вѣкъ и будетъ. Человѣчество живо не однимъ умомъ, другія стороны жизни его еще заманчивѣе, и что умъ, когда нѣтъ сердца! Жизнь одного ума и холодна и непонятна, какъ хотите, а надобно познакомиться и съ жизнью сердца. Вотъ и другое занятіе,—исторія искусствъ, какъ прямыхъ и законныхъ дѣтей сердца человѣческаго. Это двѣ главныя вѣтви, конечные цвѣта радуги, но сколько же тутъ пойдетъ переходовъ, какъ начнешь въ нихъ вглядываться, хочешь не хочешь, а невольно зайдешь въ третію область, жизнь воли, то-есть въ исторію всякаго рода человѣческихъ дѣяній.

Вижу, Александръ Васильевичъ, что вы очень и очень непріязненно смотрите на то, какъ завладѣла мною бѣсовская самонадѣянность, умоляю васъ, ради Бога, будьте снисходительнѣе. Положа руку на сердце, говорю вамъ, что если все это вышло изъ гордости человѣческой, то только по неумѣнію возобладать надъ собою. За то я самъ буду и жертвою. Съ трепетомъ и какимъ душевнымъ трепетомъ передалъ я вамъ мои глупые планы, а вмѣстѣ и съ какимъ-то довольствомъ: если я избралъ алтарь моего служенія, если мой выборъ предписанъ мнѣ моимъ убѣжденіемъ, зачѣмъ мнѣ приносить жертву въ катакомбахъ?

Нитью моего странствованія по лабиринту жизни выбралъ я искусство, то-есть жизнь сердца, во-первыхъ, въ немъ все яснѣе высказывается, потому менѣе подчиняется обстоятельствамъ, во-вторыхъ, сами люди въ немъ благороднѣе. Но искусство будетъ для меня только руководителемъ.

Какъ первую попытку, думаю я, по окончаніи первой моей поѣздки за границу, представить мою Венецію, въ ней я думаю изобразить тотъ періодъ человѣческой жизни, о которомъ люди забыли, почему, Богъ знаетъ, именно переходъ отъ жизни чувства средней исторіи къ жизни ума, анализа, явившагося въ новой исторіи. Боюсь я за одно, и боюсь сильно,—за недостатокъ таланта въ изображеніи жизни, онъ можетъ мнѣ сильно помѣшать при исполненіи. Но попробую: не пойдетъ, выберу другой путь исполненія. По теперешнимъ предположеніямъ, я хочу изъ каждаго періода венеціанской жизни взять одно происшествіе и въ немъ въ формѣ разсказа, повѣсти, изобразить ея сущность и пружины, явно или тайно двигавшія ее на пути ея естественнаго развитія. Въ концѣ я передамъ ходъ венеціанской школы искусства и въ этомъ ходѣ постараюсь представить значеніе венеціанской исторіи. Съ этимъ намѣреніемъ теперь я сильно и очень сильно работаю надъ изученіемъ всѣхъ сторонъ венеціанской жизни. Даже если мнѣ и не удастся исполненіе, и тогда пріобрѣтеніе итальянскаго языка и полное изученіе народа, пропущеннаго въ новой европейской исторической литературѣ, окупятъ мнѣ мои занятія. Еще одно, въ настоящей моей жизни я нахожу бездну наслажденій, и это что-нибудь да значитъ. День мой съ 6-ти часовъ утра до 11-ти вечера, за исключеніемъ четырехъ или пяти часовъ для обѣда, для свиданія съ Языковымъ (больнымъ нашимъ поэтомъ) и Гоголемъ, для прогулки по галлереямъ и мастерскимъ художниковъ, весь остальной день отданъ Венеціи или вообще изученію Италіи. Думаю, что, изучивши ее, я превозмогу большую и весьма большую трудность, потому что эта страна была колыбелью всей новой образованности. Нѣсколько получасовъ посвящаю матеріальнымъ работамъ, то-есть для насущнаго хлѣба; теперь оканчиваю подробный разборъ итальянской книги, вышедшей подъ именемъ политической экономіи среднихъ вѣковъ, то-есть собственно картины средневѣковой Италіи, я думаю, для «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Гебгардту бью челомъ, да испроситъ мнѣ милости у близкаго ему редактора и всего болѣе платы. Александръ Васильевичъ, если можно, отбросьте лѣнь на эту минуту и отвѣчайте мнѣ, не откладывая,—по сущности письма моего вы видите, что отвѣтъ важенъ.

Весною я поѣду изъ Рима, прогулявшись по берегу Адріатики, то-есть осмотрѣвъ многое замѣчательное, пущусь въ Венецію, и если ничто

не отвлечетъ на сѣверъ, тамъ останусь мѣсяца на три, потомъ къ осени опять въ Римъ. Письма ко мнѣ лучше было бы писать прямо, иначе ихъ я и чрезъ годъ не дождусь. Адресъ самый вѣрный: «à monsieur Tchijoff, antico café greco, à Rome». Гдѣ бы я ни былъ, мнѣ они непремѣнно будутъ переданы.

Здоровье мое идетъ порядочно, особенно нынѣшнею зимою. Зима у насъ была такова, что я не топилъ ни разу мою комнату, большею частію ее грѣло солнце. 31-го января и 1-го февраля жарко было ходить въ одномъ лѣтнемъ сюртукѣ, за то теперь больше недѣли такіе дожди, что это ужасъ. Съ утра до вечера льетъ, льетъ безъ перемежки. Тибръ три дня какъ уже выступилъ изъ береговъ; по нѣкоторымъ улицамъ, къ нему прилежащимъ, ѣздятъ на лодкахъ. Если еще такъ будетъ дня четыре, плохо будетъ для транстеверинцевъ, и теперь правительство принуждено ихъ кормить; но народъ сильно недоволенъ. Даютъ всего по фунту хлѣба, и римляне кричатъ вездѣ, что все пожираетъ поповское правленіе. Сегодня я пошелъ было посмотрѣть на разлитіе воды, да дождь не пустилъ. Сейчасъ иду и, что увижу, припишу.

Все кончилось, Тибръ понизился аршина на полтора. Вотъ вамъ наши новости. Вы не можете себѣ представить тишины нашей жизни; теперь еще иностранцы много прибавляютъ шуму, а безъ нихъ такая патріархальность, какой нигдѣ не найдешь кромѣ Рима.

По утрамъ, напримѣръ, я въ халатѣ, то-есть шубкѣ, только подъ шинелью, хожу въ кофейню, тамъ встрѣчаемся съ художниками, и это нисколько не странно. Въ трактирахъ лакеи шумятъ, балагурятъ, и все это съ такою чинностію. Позвольте вы шутку нѣмецкому или французскому лакею, онъ непремѣнно нагрубитъ, итальянецъ, какъ старый камердинеръ, онъ и сядетъ разсчитываясь и назоветъ васъ Александрушко, Alexandrino и при всемъ этомъ вѣжливъ и предупредителенъ. Чтобъ видѣть вполнѣ состарившійся народъ, чтобъ получить объ этомъ понятіе, непремѣнно надобно быть въ Италіи. Все обрисовываетъ старость, начиная отъ любимой итальянцами шахматной игры до ихъ растабарыванія въ кофейняхъ, отъ ихъ литературы, въ области изящнаго вертящейся или на самыхъ истертыхъ истинахъ, или на самомъ подробномъ разсказѣ о старинѣ, до всего рѣшительно, вездѣ все одно и то же. Особенно это видно въ ходѣ дѣлъ; повѣрьте, что большая половина проволочекъ зависитъ не отъ мошенничества, какъ у насъ, а отъ какого-то оцѣпенѣнія; все это дряхло, все валится. Но Богъ съ нею, какъ бы ни было, а Италія чудо какъ хороша, и, побывавъ разъ, трудно разстаться съ мыслію, что больше ея не увидишь. Пріѣзжайте, Александръ Васильевичъ, пока я здѣсь; гдѣ я васъ встрѣчу, какъ хозяинъ, это въ Венеціи. Душка Ве-

нецiя, сказала бы институтка, именно, душка Венецiя. Такъ мила, такъ обворожительна, такъ прекрасна и теперь, что я всегда съ грустiю изъ нея выѣзжаю. Я тамъ нанималъ квартиру у одного венецiанца, очень хорошую комнату за 75 копѣекъ въ день съ постельнымъ бѣльемъ и прислугою. Кто же мнѣ прислуживалъ? Воду приносила или жена его, 32 лѣтъ венецiанка, типъ венецiанской красоты, или миленькая ея племянница 15-ти-лѣтняя Э й я, какое имя! Прощаясь, хозяйка поцѣловала меня, мужъ ея называлъ меня братомъ и велѣлъ племянницѣ поцѣловать меня; такую доброту можно найти только въ Венецiи и развѣ у насъ. У насъ ея много, очень много! Вы пишете, что у насъ сильно бранятъ Европу; это очень понятно. Съ понятiемъ объ европейской образованности мы невольно соединяемъ педантскiй академизмъ, которымъ она высказывается, когда является въ докторской мантiи, и какъ хотите, народу молодому съ свѣжими силами нельзя сносить этой устарѣлости. Истинная же образованность, вошедшая въ кровь, такъ тиха, такъ скромна, что ее никто и не замѣчаетъ, а если и замѣчаетъ, приписываетъ ее людямъ, а не Европѣ и не слѣдствiю образованности. Впрочемъ, еще одно: если начали бранить, слава Богу, начали чувствовать свои силы. Какъ хотите, по мнѣ брань самая безсмысленная лучше безусловной покорности. Я имѣю право это говорить, потому что тамъ, гдѣ случается говорить публично, вездѣ тѣми слабыми силами, какiя даны мнѣ, стою за образованность. Едва есть мѣсто отъ души обнять васъ.

Вашъ Чижовъ.

Я уже и не пишу объ нашихъ; всѣмъ поклонъ, Гебгардту и Петросиму въ особенности. Отъ Полѣнова подожду, подожду, да накажу его пріятельскимъ письмомъ. Еще разъ земной поклонъ Казимирѣ Казимировнѣ за память обо мнѣ. Есть важное дѣло написать къ Michel Куторгѣ, да все собираюсь. Потрудитесь пока сказать ему, а я напишу послѣ и даже скоро, но все лучше сказать хоть коротенько: бывши въ Брюсселѣ, онъ получилъ отъ Кетле (Quetelet) что-то для передачи университету, который не отозвался ничѣмъ на вѣжливость брюссельскаго ученаго. Теперь Кетле не знаетъ, отдано-ли университету или нѣтъ?

2.

9-го сентября 1844 г. Венецiя.

Давно хотѣлось мнѣ писать къ вамъ, но не писалось, а много было на душѣ, много диктовалось сердцемъ, привыкшимъ любить васъ. Сегодня письмо Гебгардта воскресило во мнѣ все: оно посадило меня между вами въ Итальянской; я не умѣю иначе представить нашей бесѣды,

хотя вы и давно оставили Итальянскую. Кругомъ меня душно отъ жару, что я люблю до безумія; отъ солнца окна закрыты ставнями, но во мнѣ не угомонивается чувство, всколыхненное малымъ письмомъ Гебгардта; я къ Джульетѣ, нѣтъ Джульеты; мало въ эту минуту,—я заставилъ ее пѣть и между тѣмъ пишу къ вамъ, мой добрый другъ, Александръ Васильевичъ. Какъ много доставило мнѣ радости извѣстіе, первый разъ принесенное бѣглo Порошинымъ, второй разъ переданное Гебгардтомъ о томъ, что вы трудитесь надъ исторіей русской литературы. Наше время, время трудовъ историческихъ, это разъ; старое, мое личное убѣжденіе, время самостоятельныхъ трудовъ для славянскаго уха: но объ этомъ послѣ, для этого будутъ наши вечера на будущій годъ,—не думаю, чтобъ это убѣжденіе нашло себѣ враговъ въ славянахъ нашихъ, когда подъ его защитою я такъ братски жалъ руку и на Адріатическомъ морѣ простому черногорцу, и въ Истріи—бѣдному поселянину, и въ Парижѣ—профессору въ Collège de France. Оно дало мнѣ *сотни* братьевъ, братьевъ юныхъ душою, крѣпкихъ тѣломъ, полныхъ вѣры и смиренія сердечнаго, оно представило мнѣ въ лучшемъ свѣтѣ моихъ законныхъ родныхъ братьевъ и еще больше побратало меня съ вами, моимъ старинным братомъ по душѣ. У васъ—исторія литературы, у Вронченки—переводъ Фауста,—даже и въ Парижѣ отъ этихъ извѣстій я не могъ бы не быть веселымъ. Даже и въ Парижѣ,—простите мнѣ это выраженіе,—я могу уважать Парижъ, думаю объ немъ, сознаюсь, что нельзя не любить его, но онъ найдетъ въ сердце. Это вѣчный балъ жизни, а я съ дѣтства привыкъ больше къ тихой бесѣдѣ на балѣ мнѣ скучно и душно. Настоящее парижское движеніе—рѣшительно бальная суматоха, все движется, умъ, сердце, все въ ходу, все занято рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ человѣчества, но Богъ знаетъ почему, о всемъ толкуютъ, не рѣшая, хотя и толки есть своего рода дѣло. Но какъ Парижъ является не тѣмъ, чѣмъ думаешь найти его, и какъ онъ перемѣнился въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ можно было ясно его видѣть, и не бывши въ немъ. Но Богъ съ нимъ, Парижемъ; вы объ немъ много услышите отъ его жаркаго защитника, нашего милаго, добраго Виктора Степановича. Онъ первый принесъ мнѣ живыя вѣсти о васъ и о другихъ, многихъ порадовалъ, однимъ сильно опечалилъ, это вашею разладицею съ Полѣновымъ. Гебгардтъ двумя, тремя *строками* пояснилъ дѣло,—но развѣ ничего не значитъ десятилѣтіе, больше, двѣнадцатилѣтіе? его во всей жизни врядъ-ли удастся встрѣтать два раза и то второй разъ оно уже начнется слишкомъ поздно, такъ что ходъ жизни успѣетъ ослабить чувства. Да, двѣнадцатилѣтіе должно было бы сковать колечко терпимости, но не принимайте этого за упрекъ: я люблю васъ и тоже сильно люблю Полѣнова; вотъ причина, почему говорю вамъ такъ, впрочемъ, мнѣ нечего и извиняться. Вы жили едва-ли

(и даже не едва-ли) не больше меня, не лѣтами, а внутреннею жизнію, а потому вамъ нечего говорить о цѣнѣ чувствъ, сколько бы у нихъ ни отнимали этой цѣны наши личные недостатки.

Въ нынѣшнюю поѣздку мою на сѣверъ, я былъ у Печерина, провелъ день тихо, спокойно и ладно. Онъ сблизился съ своимъ бытіемъ; въ сближеніи его я больше вижу, что онъ нашелъ пріютъ огромному самолюбію, нежели точно покорился сердцемъ и умомъ религіи. Религія для него пристань, а разъ ее нашедши, нашедши послѣ долгихъ бѣдствій и терзаній, съ нею уже трудно разстаться, тѣмъ больше, что точно это пристань самая вѣрная и истинно успокоивающая, а не только дающая пріютъ тѣмъ, кто входитъ въ нее съ полною покорностью сердца. Жаль мнѣ, что у Печерина почти не осталось воспоминаній о прошедшей жизни сердца, но винить его не смѣю, можетъ быть, ни съ его стороны, ни съ нашей, не было никакого истинно сердечнаго соединенія, все было, можетъ быть, условное, все и уничтожилось съ оставленіемъ условій. Нашъ разговоръ ограничивался тѣмъ, что̀ наиболѣе занимало насъ обоихъ, именно религіею и ея формами, съ полнымъ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ, налагаемыхъ образованностію, и съ полнымъ спокойствіемъ, купленнымъ цѣною истиннаго убѣжденія; я сказалъ ему и его собратамъ, что мы теперь не о томъ должны заботиться, чтобъ соединиться богослуженіемъ, а о томъ, чтобъ быть братьями внутри насъ, тогда объяснится для насъ и различіе богослуженій, тогда откроется, быть можетъ, и необходимость его, то-есть необходимость историческая, потому что безусловнаго на землѣ нѣтъ, все подъ условіемъ времени и мѣста. Вотъ вамъ донесеніе о Печеринѣ; мало, но только и было, больше сказать нечего. Въ Парижѣ я встрѣтилъ еще нашего переселенца, позабылъ фамилію, онъ еще писалъ философскія статьи; но Печеринъ вамъ скажетъ о немъ. По мнѣ: молодо, зелено, а выстоится хорошо, да не окиснетъ, будетъ вино славное.

Не полѣнитесь разъ написать мнѣ въ Римъ, когда вздумаете, увѣдомьте о вашемъ семействѣ, о Казимирѣ Казимировичѣ, которой низко, пренизко кланяюсь. Еще около года я остаюсь за границею,—зачѣмъ? чтобы напиться Италіи до-пьяна. Чудное питье, чудное питье, какого я никогда не воображалъ найти на землѣ; вотъ четвертый разъ я въѣзжаю въ нее и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ бо̀льшимъ наслажденіемъ, не знаю чѣмъ это кончится. Въ теперешній пріѣздъ мой, она приняла меня съ полною любовію; выслала мнѣ навстрѣчу миленькую 22-хъ-лѣтнюю итальяночку съ соловьинымъ голосомъ—она была моею спутницею до Монако и до Бергамо. Это первая пѣвица Лиссабонскаго театра; но душа ея еще чище ея голоса. Богъ ей далъ все, немножечко еще прибавить къ ея монастырскому воспитанію, и дѣло кончено. Въ письмѣ

я руководствую ея итальянскимъ и французскимъ чтеніемъ, она пишетъ мнѣ свои сужденія: взглядъ итальянки, воспитанной во всей сельской патріархальности, я не дамъ за него десяти озаналовъ, которые такъ напыщенно читаютъ о Данте на парижской каѳедрѣ, между тѣмъ, какъ она просто, чистымъ сердцемъ понимаетъ поэтовъ благословенной своей родины.

Порошинъ оправдаетъ меня въ глазахъ вашихъ за занятія Венеціею, за которую, какъ я слышалъ отъ Галагана, меня побранивали: онъ не умѣлъ меня оправдать ничѣмъ, кромѣ денегъ, ну, онъ молодъ, а деньги тутъ не участвуютъ. Для насущнаго хлѣба, я перевелъ жизнь Бенвенуто Челлини, простаго мужика, золотыхъ дѣлъ мастера, жившаго въ началѣ и половинѣ XVI столѣтія; онъ пишетъ обо всемъ спроста и такъ знакомитъ съ исторіею того времени, съ вседневною уличною и домашнею жизнью, какъ не узнаешь ее ни откуда. Можетъ быть, переведу еще записки Альфіери. Еще я началъ писать рядъ путевыхъ писемъ, въ которыхъ у меня помѣстится почти вся Италія. Не многіе, особенно изъ нашихъ, заглядывали съ такимъ вниманіемъ и съ такою любовію, какъ я, во всѣ уголки, во всѣ закоулки этой обворожительной страны; еще я проживу въ ней мѣсяцевъ восемь, пользуясь всѣмъ, что было писано, а всего болѣе собственнымъ взглядомъ, передамъ ее всю, можетъ быть, найдутся читатели. Сѣверная и средняя Италія дадутъ мнѣ историческій ходъ живописи, средняя и южная — скульптуры и архитектуры, особенно Сицилія, гдѣ я проживу около двухъ мѣсяцевъ. Что будетъ, то и будетъ: скажете, что идетъ, напечатается; скажете—плохо, сильно плохо, пойдетъ на домашнее употребленіе.

Для Венеціи готовятся у меня матеріалы, и въ Парижѣ мнѣ удалось найти много любопытнаго, между прочимъ одну небольшую рукопись конца XVI вѣка; я ее списалъ и здѣсь на-дняхъ помѣщаю, съ небольшимъ предисловіемъ, въ одномъ венеціанскомъ журналѣ. Это описаніе праздниковъ, которые Венеція, но старая Венеція, давала Генриху III-му, когда онъ ѣхалъ на престолъ французскій. Замѣчательно то, что описывается простой веронезецъ, пріѣхавшій посмотрѣть и праздники, пишетъ безъ притязаній на плохомъ венеціанскомъ языкѣ, но подробно и потому занимательно. Вотъ вамъ полное донесеніе о себѣ; за все это имѣю полное право требовать отъ васъ письма о всѣхъ и вся.

Пожалуйста поклонитесь нашимъ: Куторгамъ, Сорокину, Доктору Петросиму [1]) напишу изъ Рима; онъ, бездѣльникъ, лѣнивъ, да и занятъ сильно. Я пока эти дни безъ работы, потому что оставилъ все плать-

[1]) Докторъ Петръ Петровичъ Эвенгофъ.

въ Трiестѣ и не могу выйти ни въ библiотеку, ни къ тѣмъ, съ кѣмъ надобно было бы посовѣтоваться. Я писалъ къ Гебгардту, какой праздникъ устроился у нашихъ собратьевъ въ Истрiи; оттуда я возвратился третьяго дня, и дотого надоѣли мнѣ непрiятности съ австрiйскимъ чиновникомъ, къ тому же теперь въ Трiестѣ ужасъ какъ дорого, потому что тамъ императоръ; все это заставило меня изъ Ровиньи, то-есть съ русскаго берега Истрiи, пуститься въ Венецiю на баркѣ съ четырьмя моряками. Тутъ 150 верстъ разстоянiя по морю; но мы прiѣхали безъ всякихъ особыхъ приключенiй, только море продержало насъ два дня. Чтобы вамъ прогуляться по Европѣ?—повѣрите-ли, что самыя непрiятности и опасности имѣютъ бездну прелести. Въ Европѣ опасности нѣтъ, но по этимъ странамъ надобно имѣть бездну терпѣнiя, чтобъ путешествовать съ черепашными австрiйскими дилижансами, тогда только избѣжишь ихъ. Я сдѣлалъ эту поѣздку верхомъ и на баркахъ. Прощайте, обнимаю васъ.

Вашъ Чижовъ.

Я позабылъ отвѣтить Гебгардту, что съ Гоголемъ и Языковымъ мы прожили цѣлую зиму въ Римѣ, въ одномъ домѣ, всякiй день проводили вмѣстѣ вечера. Гоголь не гордъ, а имѣетъ своего рода оригинальность въ жизни,—это его дѣло; теперь онъ постоянно живетъ во Франкфуртѣ, а временно поѣхалъ въ Остенде, пользоваться водами. Надняхъ я буду отвѣчать ему на его письмо. Въ Франкфуртѣ тоже и Жуковскiй, но мнѣ нельзя было нынѣшняго года съѣздить туда, было далеко и не время, торопился въ Италiю.

Потрудитесь сказать Прейсу, что въ Перейскую церковь прислано множество вещей и что перейцы и священникъ ему кланяются; они помнятъ ихъ съ Срезневскимъ, да тутъ же Прейсу и мой поклонъ.

3.

31-го декабря 1849 г. Кiевъ.

Трудно какъ-то писать безъ дѣла, и потому я радъ дѣлу, чтобъ хоть по этому случаю побесѣдовать съ вами. Начну съ дѣла: теперь у васъ одинъ изъ нашихъ кiевскихъ профессоровъ, Селинъ, держитъ экзаменъ на доктора. Вы его знаете, слѣдовательно, мнѣ нечего просить за него; но дѣло въ томъ, что онъ часто ходитъ по небу и пропускаетъ необходимое на землѣ, этого-то я и боялся. Между тѣмъ, чтобъ обрисовать его вамъ, я скажу одно, что въ Кiевѣ это одинъ изъ немногихъ представителей чистоты и благородства, потому что къ несчастiю у многихъ, особенно по словесному факультету, рыльцо въ пушку. Сказавши это, я считаю просьбу мою высказанною вполнѣ и

даже не сомнѣваюсь, что вы съ своей стороны поможете ему и сами, и вашимъ вліяніемъ. Побаиваюсь я немного нашего милаго, но часто щепетильнаго Михаила Семеновича Куторги,—при свиданіи замолвите у него за Селина и сами, и отъ меня.

Дѣлу конецъ—теперь къ бездѣлію.

Съ тѣхъ поръ какъ я съ вами разстался и до сего времени, я все хлопочу о моемъ шелковичномъ предпріятіи; оно ввело меня въ сношеніе съ крестьянскимъ бытомъ здѣшней околицы и въ такую простоту жизни, о которой я когда-то мечталъ, но что̀ не считалъ возможнымъ. Тишина и простота новыхъ занятій, я надѣюсь, введетъ тишину и въ душу, а въ ней сильный недостатокъ. Особенно былъ сильнѣйшій недостатокъ въ то время, когда я съ вами былъ въ Петербургѣ. Сколько разъ хотѣлось мнѣ просто, по-старинному, по-братски провести вечерокъ съ вами, съ Петросимомъ[1]) и съ Гебгардтомъ,—но въ душѣ не было силъ обратиться къ прошедшему. Между нимъ и настоящимъ всталъ гробъ, который унесъ съ собою живую часть души и, что̀, бывало, ни затронетъ душу, все въ ней отзывается одною смертію. Время уложило все, снова начинаешь оживать, хоть и чувствуешь, что живешь половинно. Въ это время дѣятельность тихая, безмятежная, жизнь посреди природы, вдали отъ всѣхъ общественныхъ отношеній,—самое лучшее цѣлительное средство. Я поселяюсь въ 50-ти верстахъ отъ Кіева, близъ Днѣпра, вдали отъ всего помѣщичьяго; кругомъ поля, сады и хаты,—подлѣ шелковичныя плантаціи. Между тѣмъ, пока еще дѣло мое не совсѣмъ рѣшено, я заготовляю матеріалы для изданія въ свѣтъ книги,—о различіи живописи отъ иконописи и теперь поднялъ изъ старины все знаніе латыни, читаю соборы и творенія отцовъ Церкви. Вотъ мое время. Въ замѣнъ моего отчета, передайте вы, чѣмъ вы занимаетесь, какъ поживаете, каково здоровье ваше и Казимиры Казимировны. Что толстякъ Гебгардтъ? Нажилъ-ли онъ, наконецъ, милліонъ и пересталъ-ли быть скупердяемъ? Что Ѳединька[2]), рисуетъ глазки съ Викторомъ Ивановичемъ[3]), или же перешелъ къ носикамъ. Ѳединька всегда меня переноситъ къ геологическому состоянію, потому что самъ онъ олицетвореніе слоя, остановившагося въ первоначальномъ періодѣ своего развитія, онъ остановился на возрастѣ ученика и весь вѣкъ назначенъ быть ученикомъ или учителя гимнастики, или Виктора Ивановича... Петръ Петровичъ[4]) обитаетъ-ли все съ своими звѣрями: шпакомъ, обезьяною и Ѳедоромъ? Какъ бы мнѣ хотѣлось перетащить

---

[1]) Докторъ Эвенгофъ.
[2]) Младшій Гебгардтъ.
[3]) Барановскій.
[4]) Эвенгофъ.

его сюда, когда бы только двинулись дѣла мои. Откликнитесь, Александръ Васильевичъ, или попросите отъ меня Казимиру Казимировну извѣстить меня о себѣ и о васъ,—буду ждать вашихъ строкъ, обнимаю васъ товарищески и дружески.

Вашъ Ѳ. Чижовъ.

Вотъ хорошо, писалъ, писалъ и не поздравилъ ни васъ, ни Казимиры Казимировны съ новымъ годомъ; дайте же еще васъ обнять, у Казимиры Казимировны поцѣловать ручки и пожелать всего, чего можетъ желать искренняя дружба,—живите весело, веселье лучше всего. Carpe diem, лови день; что вырвано у времени, то и наше.

4.

9-го ноября 1864 г.

Наше время—время дѣла, суетъ, хлопотъ и разсчетовъ, по сему не будь дѣла, не напишешь ни полслова. Ну собрались-ли бы мы писать, вы—ко мнѣ, я—къ вамъ, если бы дѣло меня не толкнуло подъбокъ, и если бы васъ не заставила необходимость мнѣ отвѣтить. Дѣло мое слѣдующее: здѣшняя цензура, собраніе идіотовъ въ родѣ нашего давнишняго знакомаго Росковшенка и себя сберегающихъ Петровыхъ, не пропустила статьи моего молодаго пріятеля (Н. Б.) о Лжедимитріи, отданной имъ въ газету «День». Пропуститъ-ли верхняя цензура,—это въ руцѣ Божіей, которая въ подобныхъ случаяхъ является почти всегда его карающей шуйцей. Только, сдѣлайте милость, будьте такъ добры, толкните, чтобы высшая цензура не держала этого долго, ибо авторъ ждетъ здѣсь рѣшенія и не ѣдетъ въ деревню. Чтобъ напомнить вамъ о семъ, посылаю вамъ стараго Чижова въ фотографическомъ его фракѣ. Казимирѣ Казимировнѣ передайте дружеское пожатіе руки, а васъ позвольте обнять вашему старому Чижову.

Я теперь весь по уши въ желѣзныхъ дорогахъ и банкахъ, купеческихъ, разумѣется...

У насъ начинается Московскій купеческій банкъ.

5.

18-го ноября 1864 г.

Долгъ платежемъ красенъ; очень благодарю васъ за вашу карточку и за приписку отъ имени Казимиры Казимировны. Подлые годы уносятъ все, стираютъ живость чувствъ, о позывахъ страстей не оставляютъ и помину,—за то уничтожая все настоящее живое и кипучее, яснѣе и свѣтлѣе даютъ взглянуть на прошедшее.

В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ.

12-го августа 1812 года Жуковскій, какъ извѣстно, вступилъ, въ чинѣ поручика, въ ряды Московскаго ополченія. Послѣ Бородинской битвы, онъ, состоя при главной квартирѣ, дошелъ съ арміею до Вильны, гдѣ въ ноябрѣ занемогъ сильною горячкою. Друзья Жуковскаго, не получая о немъ никакихъ извѣстій, находились въ большой за него тревогѣ. А. И. Тургеневъ писалъ въ Вильну къ тамошнему почтъ-директору Андрею Ивановичу Бухарскому[1]) и къ виленскому римско-католическому епископу Іерониму Стройновскому[2]), прося ихъ сообщить ему какія-либо свѣдѣнія о Жуковскомъ, которому, черезъ Бухарскаго, Тургеневъ послалъ письмо и деньги. Ни Бухарскій, ни Стройновскій ничего не могли узнать о Жуковскомъ[3]). Въ то время, какъ Бухарскій писалъ нижепомѣщаемое отвѣтное письмо Тургеневу, Жуковскій находился уже на родинѣ, въ Бѣлевѣ, куда, оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ прибылъ 6-го января 1813 года.

Вотъ письмо Бухарскаго къ Тургеневу[4]):

Вильно, 29 генваря 1813.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь!

Я имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 24 сего генваря съ почталіономъ Непорошневымъ. Могу увѣрить васъ, милостивый государь

[1]) Андрей Ивановичъ Бухарскій (р. 1767†1833), впослѣдствіи бывшій сенаторомъ, извѣстенъ также какъ переводчикъ и стихотворецъ (писалъ оды и комедіи).

[2]) Іеронимъ Стройновскій (р. 1752†1815) сперва былъ профессоромъ и ректоромъ Виленской академіи, затѣмъ членомъ Римско-католической коллегіи въ Петербургѣ, а съ 1808 г. виленскимъ епископомъ.

[3]) См. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, Москва. 1895, стр. 96—97; Остафьевскій Архивъ, т. I, Спб. 1899, стр. 13.

[4]) Подлинники какъ этого письма, такъ и помѣщаемаго ниже письма епископа Досиѳея къ А. И. Тургеневу, сохранились въ бумагахъ В. А. Жуковскаго.

мой, что я употребилъ всѣ старанія, какія только зависѣли отъ меня, чтобы отыскать здѣсь въ Вильнѣ родственника вашего Василія Андреевича Жуковскаго, и для меня весьма пріятно было бы оказать вамъ сію услугу и посредствомъ оной воспользоваться честію вашего знакомства. Но всѣ стараніи мои были тщетны, и мы не только не могли отыскать его здѣсь, но даже и узнать, не отправился-ли онъ куда-либо отсюда. Епископъ Стройновскій съ своей стороны отъискивалъ его столь же безуспѣшно. Итакъ не оставалось намъ ничего болѣе сдѣлать, какъ отправить присланное съ помянутымъ почталіономъ письмо и деньги обратно съ нимъ же.

Исполнивъ сіе, я поставляю долгомъ увѣрить васъ, милостивый государь мой, въ томъ, что я имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою Андрей Бухарскій.

Слѣдующее письмо епископа орловскаго Досиѳея (Ильина) къ Тургеневу относится къ 1814 году, къ тому времени, когда Жуковскій изыскивалъ всѣ способы, чтобы повліять на Е. А. Протасову дать согласіе на бракъ его съ Марьею Андреевною, препятствіе чему Екатерина Аѳанасьевна полагала въ слишкомъ близкомъ родствѣ Жуковскаго съ ея дочерью. «Здѣсь есть люди,—писалъ Жуковскій Тургеневу изъ Черни, 5-го мая 1814 года,—которыхъ она (Е. А. Протасова) уважаетъ и которые готовы съ нею говорить з а н а с ъ, именно баронесса Черкасова (Марья Алексѣевна, жена стариннаго знакомаго Протасовыхъ, барона Ивана Петровича Черкасова). Она хочетъ ей присовѣтовать отдаться на судъ орловскаго архіерея Досиѳея. Согласится-ли она на это, не знаю; но во всякомъ случаѣ надобно предупредить Досиѳея. Можешь-ли это взять на себя? Если можешь, то пиши къ нему немедленно. Болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: я с ы н ъ е я о т ц а. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ-ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу. Это письмо отправь къ нему немедленно[1])». «Ты вѣрно уже получилъ мое письмо, посланное съ эстафетою, въ которомъ прошу о письмѣ къ Досиѳею—писалъ Жуковскій Тургеневу во второй половинѣ мая того же года.—И теперь повторяю ту же просьбу. Но не знаю, будетъ-ли какая-нибудь польза, захотятъ-ли съ нимъ совѣтоваться и примутъ-ли его совѣтъ. Не одинъ фанатизмъ противъ меня вооружается. Есть много нечувствительности и упрямства. Если нельзя дойти до сердца, то разсудокъ убѣдить трудно; а при слабомъ, нерѣши-

[1]) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 116.

тельномъ характерѣ (Е. А. Протасовой) едва-ли и возможно. Я самъ съ твоимъ мнѣніемъ согласенъ: монаховъ вводить въ это дѣло опасно. Но если уже нельзя будетъ избѣжать отъ нихъ, то хотя приготовленныхъ монаховъ, а не простыхъ, покрытыхъ непроницаемою рясою, заставить дѣйствовать. Итакъ пиши къ Досиѳею. Напиши объ немъ и къ Ивану Владиміровичу (Лопухину, извѣстному масону, пріятелю отца А. И. Тургенева, Ивана Петровича, принимавшему близкое участіе въ сердечномъ дѣлѣ Жуковскаго), который твое письмо подкрѣпитъ въ случаѣ нужды своимъ...[1])».

Тургеневъ поспѣшилъ исполнить просьбу своего друга, какъ это видно изъ слѣдующаго письма епископа Досиѳея:

11 іюня 1814 года.

Высокородный господинъ, милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить. Весьма утѣшаюсь, что сынъ искренняго моего друга напелъ меня. Вы, милостивый государь, наслѣдникъ добродѣтелей покойнаго родителя вашего. Я имѣю право просить васъ, чтобы вы, вмѣсто покойнаго, усладили сердце мое вашею ко мнѣ любовію. Оно для васъ будетъ неизмѣннымъ. Изволите просить меня о споспѣшествованіи съ моей стороны браку г. Жуковскаго. О семъ бракѣ писалъ ко мнѣ и Иванъ Владиміровичъ [2]); при томъ увѣдомилъ, что госпожа Протасова желаетъ ко мнѣ пріѣхать для разрѣшенія совѣсти.

Къ разрѣшенію сего брака никакого не нахожу сумнѣнія. Мать невѣсты мнитъ я к о б ы... Въ тайномъ свидѣтелей нѣтъ и одна догадка. Я к о б ы не есть доказательство, и я к о б ы разрѣшить не сумнѣваясь. Да избавить меня Господь дѣло рѣшить на одномъ я к о б ы!

Сіи мои чувствованія по побужденію дружбы вамъ открываю. Ожидаю матери, чтобы успокоить ея совѣсть и побудить совѣтомъ моимъ къ скорѣйшему совершенію брака для счастія любящихся. Васъ, милостивый государь, паки дружбою ко мнѣ покойнаго родителя вашего убѣждаю полюбить меня.

Пребываю съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію вашего высокородія, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Досиѳей, епископъ орловскій.

Намъ неизвѣстно, исполнила-ли Е. А. Протасова свое намѣреніе съѣздить къ преосвященному Досиѳею; если эта поѣздка и состоялась, то во всякомъ случаѣ она не повліяла на рѣшеніе Екатерины Афанасьевны не давать согласія на бракъ ея дочери съ Жуковскимъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Тамъ же, стр. 118.
[2]) Лопухинъ.

Изъ рескриптовъ императора Павла I.

1798 г.

1.

Кол. сов. Гильдебранту объ изобрѣтенныхъ имъ подошвахъ.

15-го января.

Господинъ коллежскій совѣтникъ Гильдебрантъ. Пріемля съ благоволеніемъ изобрѣтеніе ваше о приведеніи русскихъ подошвъ въ лучшую противъ англійскихъ прочность и благодаря васъ за усердіе ваше, я отдалъ письмо ваше сыну моему великому князю Александру Павловичу для разсмотрѣнія въ воинской коммиссіи; а васъ прошу, если не поставите за трудъ, пріѣхать сюда на время для объясненія ему [1]) самолично способа толь полезнаго изобрѣтенія. Вашъ благосклонный.

2.

М. М. Хераскову благодарность за стихи.

16-го февраля.

Господинъ тайный совѣтникъ Херасковъ. Я получилъ стихи, вами сочиненные, по случаю рожденія сына моего. Въ нихъ я видѣлъ изъявленіе чувствованій вашихъ, за которыя васъ благодаря, пребываю вамъ благосклоннымъ.

---

[1]) Это слово приписано государемъ собственноручно.

3.

Бѣлорусскому губернатору Жегулину выговоръ.

21-го марта.

Господинъ тайный совѣтникъ и бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ. Извѣстясь съ неудовольствіемъ, что вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, налагая на комендантовъ обязанность свидѣтельствовать въ городахъ провіантскіе магазейны и денежную казну, нужнымъ почитаю подтвердить вамъ, чтобы вы впредь ограничили себя исполненіемъ только должности своей по гражданской части, не дѣлая никакихъ военнымъ чиновникамъ препорученій, не свойственныхъ имъ по воинскому уставу, который рекомендую вамъ читать чаще для познанія, что, по силѣ онаго, не должны вы мѣшаться въ части военной службы.

4.

Архіепископу тверскому Иринею благодарность за присылку креста царя Алексѣя Михайловича.

2-го іюля.

Преосвященный архіепископъ тверскій Ириней. Я получилъ исправно доставленные мнѣ чрезъ васъ при письмѣ отъ священника Спасо-Преображенской церкви Петра Симеонова ковчегъ и животворящій съ святыми мощами крестъ. Монахиня Варсонофія, получившая оный отъ своей матери, извѣстна мнѣ по приближности къ любезнѣйшей бабкѣ моей, въ Бозѣ опочивающей императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и по предсказанію, событіемъ потомъ оправданному, о времени моего рожденія, ею учиненному. Крестъ сей, чрезъ ея руки нынѣ до меня дошедшій, сугубо мнѣ драгоцѣненъ, яко залогъ святыни и яко принадлежность предку моему царю Алексѣю Михайловичу, и я приношеніе сего дара пріемля въ полной по достоинству онаго цѣнѣ и съ приличнымъ тому уваженіемъ, васъ за доставленіе мнѣ онаго благодарю и съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ благоволеніемъ пребываю всегда благосклонный [1]).

---

[1]) Подобный же рескриптъ былъ данъ и на имя священника Петра Симсонова. Послѣдній былъ возведенъ въ санъ протоіерея, по приказанію государя, петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ.

5.

Епископу бѣлогородскому Θеоктисту благодарность за стихи семинаристовъ.

7-го іюля.

Преосвященный епископъ бѣлогородскій и курскій Θеоктистъ. Благодарю васъ за доставленіе привѣтственныхъ мнѣ стиховъ, отъ питомцевъ Бѣлогородской семинаріи подносимыхъ. Съ удовольствіемъ видя въ приношеніи семъ успѣхи ученія и словесность отечественную, въ нѣдрахъ вамъ ввѣренной паствы процвѣтающую, отношу оное къ рачительному вашему о томъ попеченію, за что изъявя мое благоволеніе, пребываю вамъ благосклонный.

6.

Генералъ-маіору Кропотову выговоръ по поводу просьбы подпоручика Рагозина 1-го объ опредѣленіи его въ сенатскіе курьеры.

19-го августа.

Господинъ генералъ-маіоръ Кропотовъ. Изъ препровождаемой при семъ просьбы полка вашего отъ подпоручика Рагозина 1-го увидите вы нелѣпое желаніе его изъ оберъ-офицерскаго чина быть помѣщену въ сенатскіе курьеры. За таковую безразсудность должны вы, по полученіи сего повелѣнія нашего, онаго Рагозина арестовать на мѣсяцъ, взявъ при томъ въ замѣчаніе ваше то, что въ полку, вамъ ввѣренномъ, офицеры такими для званія ихъ и разсудка постыдными и непристойными просьбами насъ утруждать дерзаютъ, за что объявляемъ мы вамъ негодованіе наше.

7.

А. И. Голенищевой-Кутузовой благодарность за поздравленіе со днемъ рожденія и за кошелекъ.

25-го сентября.

Авдотья Ильинишна. Поздравленіе ваше по случаю дня рожденія моего и присланный мнѣ отъ васъ собственныхъ трудовъ вашихъ кошелекъ я пріемлю съ благоволеніемъ и, благодаря васъ за питаемыя вами чувства всегдашняго ко мнѣ усердія, пребываю вамъ доброжелательный.

8.

П. И. Измайлову благодарность за письмо.

12-го ноября.

Петръ Ивановичъ. Правиломъ сердца моего поставляя всѣмъ, искренно преданнымъ къ особѣ моей, изъявить всегда знаки несомнѣнные моего благоволенія и васъ издавна въ числѣ оныхъ зная, вамъ много за письмо ваше благодарствую, и пожеланія ваши на мой счетъ, въ намъ изображенныя отъ усерднаго ко мнѣ сердца вашего, суть моему весьма пріятны.

Желаю вамъ добраго здоровья, поздравляю въ новомъ чинѣ и вѣрить прошу тому, что я навсегда къ вамъ пребываю благосклонный.

9.

Бѣлорусскому губернатору Жегулину выговоръ.

13-го ноября.

Господинъ тайный совѣтникъ и гражданскій бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ. Съ крайнимъ негодованіемъ моимъ увидѣлъ я глупость вашу въ присылкѣ съ эстафетомъ нарочнымъ, не по обыкновенной почтѣ, донесеніе совсѣмъ пустое и ничего не значущее отъ 4-го ноября и твердо приказываю вамъ отъ подобныхъ старыхъ глупостей впредь воздерживаться.

10.

Владимірскому губернатору Руничу по поводу сгорѣвшихъ старообрядческихъ церквей въ Верхне-Успенскомъ монастырѣ.

16-го ноября.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и владимірскій гражданскій губернаторъ Руничъ. Вслѣдствіе донесенія вашего, въ коемъ упоминаете вы объ извѣстіи, къ вамъ присланномъ, касательно погорѣнія церквей въ Верхне-Успенскомъ старообрядческомъ монастырѣ, сказать вамъ здѣсь я имѣю, что грамоты, о которой пишете вы, давать я приличія не вижу, а на построеніе всѣхъ оныхъ погорѣв-

шихъ церквей нужное число денегъ повелѣваю вамъ выдать изъ казны моей. Пребываю къ вамъ благосклонный.

11.

А. А. Турчаниновой благодарность за стихи.

20-го декабря.

Анна Александровна. Присланные вами ко мнѣ сочиненія вашего стихи подъ названіемъ «Приношеніе праху блаженной и вѣчно-достойной памяти государя императора родителя моего» принялъ я съ чувствіемъ, имъ приличнымъ, и одобряя дарованія разума вашего, дѣлающія честь вашему полу, посылаю вамъ при семъ знакъ моего благоволенія. Пребываю къ вамъ благосклонный.

1799 г.

1.

Архіепископу казанскому Амвросію съ препровожденіемъ 15.000 р. для раздачи бѣднымъ невѣстамъ Петербурга.

20-го февраля.

Преосвященный Амвросій, архіепископъ казанскій и свіяжскій. По случаю, благословеніемъ Всевышняго, совершившаго(ся) обрученія любезнѣйшей дочери нашей великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ, препровождаемъ при семъ 10.000 отъ насъ и 5.000 отъ любезнѣйшей супруги нашей, препоручая вамъ купно съ с.-петербургскимъ губернаторомъ барономъ фонъ-деръ-Паленомъ раздать сумму сію на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ въ нашемъ столичномъ градѣ С.-Петербургѣ по общему соображенію вашему ихъ поведенія и состоянія. Пребываемъ къ вамъ благосклонный [1]).

---

[1]) Такіе же рескрипты даны были на имя фонъ-деръ-Палена, митрополита московскаго Платона и московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова.

2.

Минскому губернатору Карнѣеву выговоръ.

15-го апрѣля.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и минскій гражданскій губернаторъ Карнѣевъ. Рапортъ вашъ отъ 27-го марта я получилъ и съ удивленіемъ въ немъ увидѣлъ представленіе ваше о предполагаемой вами и ни на чемъ не основанной надобности въ перемѣнѣ выборовъ въ судьи чрезъ три года въ противность порядку, на сіе по прочимъ губерніямъ учрежденному, ежегоднымъ оныхъ избраніемъ, и, не находя нимало причинъ, понудившихъ васъ войти съ представленіемъ столь недѣльнымъ, совѣтую впредь отъ подобныхъ остерегаться.

3.

Тверскому губернатору Тейльсу повелѣніе открыть торговыя бани.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и тверскій гражданскій губернаторъ Тейльсъ. По случившемуся въ Твери приключенію, что женщина Ворошилова найдена мертвою въ печи, въ которой она по обыкновенію парилась, повелѣваю вамъ немедленно, снесясь съ тамошнимъ комендантомъ барономъ Марковскимъ 2-мъ, учредить вольныя торговыя бани. Пребываю вамъ благосклонный.

4.

Астраханскому вице-губернатору Каховскому выговоръ.

4-го іюля.

Господинъ коллежскій совѣтникъ и астраханскій вице-губернаторъ Каховскій. Принявъ съ негодованіемъ моимъ рапортъ вашъ отъ 15-го іюня, въ которомъ вы ложно доносите мнѣ, будто неизвѣстно вамъ, отчего сдѣлался пожаръ въ городѣ Астрахани въ амбарахъ подполковницы Поповой, въ коихъ казенная мука находилась, объявляю вамъ за сіе донесеніе мое неудовольствіе, поелику извѣщенъ я, что тотъ пожаръ произошелъ отъ поджога, и наистрожайше вамъ повелѣ-

ваю не дерзать впредь поступать столь несходственно съ долгомъ вашимъ; въ противномъ же случаѣ вы строго наказаны будете [1]).

5.

Графу Салтыкову 2-му по поводу изобрѣтенія новаго способа выдѣлки сахара.

5-го іюля.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-ой. Изобрѣтенный аптекаремъ Биндгеймомъ новый способъ, столь полезный для государства моего, въ дѣланіи сахару, не заимствуясь изъ иностранныхъ земель пескомъ, изъ одной только бѣлой свеклы, я, апробуя, изъявляю за пріемлемыя въ семъ случаѣ со стороны вашей попеченія совершенное мое вамъ благоволеніе, каковое и за то изобрѣтеніе способа объявите оному аптекарю, а при томъ положите ваше мнѣніе, исключительную-ли дать ему на сію привилегію, или, предоставя оное казнѣ, сдѣлать ему особливое какое награжденіе, и мнѣ о семъ донесите. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

6.

Маіоршѣ Надаржинской о портретѣ Петра I.

11-го декабря.

Госпожа маіорша Надаржинская. Присланный отъ васъ при письмѣ портретъ блаженной и вѣчно достойной памяти государя императора Петра Перваго я получилъ и, вамъ его возвращая, оставляю его въ фамиліи вашей, яко памятникъ отличныхъ милостей прапрадѣда моего, предкомъ вашимъ пристойно заслуженный. Пребываю вамъ благосклонный.

---

[1]) Въ тотъ же день государь далъ слѣдующій указъ Сенату: „По причинѣ случившагося въ Астрахани пожара въ амбарахъ подполковницы Поповой, гдѣ хранилась мука казенная, повелѣваемъ Сенату нашему весь казенный ущербъ взыскать съ тамошняго вице-губернатора Каховскаго и потомъ намъ донести".

1800 г.

1.

М. М. Хераскову по поводу его поэмы „Царь“.

29-го марта.

Господинъ тайный совѣтникъ и Московскаго университета кураторъ Херасковъ.

Присланную ко мнѣ отъ васъ поднесенную поэму вашу подъ названіемъ «Царь» я получилъ и, отдавая всю должную справедливость вашимъ дарованіямъ и равномѣрно тому усердію, коимъ вы руководствовались въ семъ сочиненіи вашемъ, благодарю васъ за изъявленіе въ немъ вашей ко мнѣ преданности; въ разсужденіи же похвалъ, кои вы мнѣ приносите, то я не нахожу себя быть ихъ достойнымъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

2.

Архіепископу с.-петербургскому Амвросію по поводу поступленія семинаристовъ на гражданскую службу.

27-го мая.

Преосвященный Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій. Узнавъ, что изъ Тверской семинаріи, по требованію недѣльному с.-петербургскаго гражданскаго губернатора князя Мещерскаго, уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваю вамъ сдѣлать преосвященному тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобъ впредь безъ особаго моего повелѣнія изъ сего званія въ другія не поступали. Вы же имѣйте неослабный надзоръ надъ тѣмъ, чтобъ сія воля моя по всѣмъ епархіямъ равномѣрно исполнялась. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Слѣдующія строки написаны собственноручно государемъ: «Предпишите всѣмъ епархіямъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашивать».

3.

Генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову 2-му повелѣніе заключить князя Голицына въ смирительный домъ за его отказъ вступить въ бракъ съ дѣвицей, съ которою былъ помолвленъ.

10-го іюля.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-ой. Отставнаго корнета князя Голицына, вслѣдствіе донесенія вашего, за неисполненіе обѣщанія его жениться на дочери отставнаго жъ корнета Павловой, съ которою онъ уже былъ помолвленъ, и за прочіе его противу оной дурные поступки повелѣваемъ посадить въ смирительный домъ безъ срока. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Слѣдующія слова написаны собственноручно императоромъ: «А деньги или удовлетвореніе съ него взыскать. П.».

4.

Саратовскому губернатору Ланскому повелѣніе объявить купчихѣ Петровой, что государь крестится такимъ же крестомъ, какъ и она.

13-го іюля.

Господинъ тайный совѣтникъ и саратовскій гражданскій губернаторъ Ланской. Въ отвѣтъ на рапортъ вашъ іюня отъ 30-го числа въ разсужденіи донесенія въ немъ вашего о женѣ саратовскаго купца Петровой, повелѣваемъ вамъ въ обращеніе ея отъ ея безумныхъ толковъ сказать ей отъ меня именно, что я самъ такимъ же, какъ и она, крестомъ крещуся. А если и послѣ сего останется она непреклонною, тогда отдать ее подъ начало въ ближній женскій монастырь. Пребываю къ вамъ благосклонный.

5.

Святѣйшему Синоду объ увольненіи митрополита Гавріила отъ должности.

19-го декабря.

Указъ нашему Синоду. Митрополита новгородскаго Гавріила отъ управленія епархіею увольняя, повелѣваемъ ему остаться въ Новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ онъ нынѣ находится.

6.

Митрополиту Гавріилу о томъ же.

20-го декабря.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ. Съ удивленіемъ видя изъ полученнаго мною письма вашего просимый вами пенсіонъ и дозволеніе имѣть вамъ пребываніе ваше въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ, и находя, что вы милостями моими награждены уже весьма довольно устроеніемъ васъ при томъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, повелѣваю вамъ, не мысля о прочемъ, остаться въ Новгородѣ. О увольненіи же вашемъ далъ я свое повелѣніе.

Сообщилъ **Александръ Успенскій**.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

I.

Письма В. Н. Каразина П. И. Кеппену [1]).

1.

Село Кручикъ, окт. 16 1826.

За что вы меня такъ любите, почтенный, достойнѣйшій уваженія и любви Петръ Ивановичъ?.. Вотъ уже дошли ко мнѣ и послѣднія

---

[1]) На обложкѣ, въ которой хранятся письма, рукою П. И. Кеппена послѣ имени Каразина и краткихъ о немъ свѣдѣній приписано: „Ему Харьковъ обязанъ университетомъ". Здѣсь кстати привести замѣтку Кеппена о Каразинѣ, написанную въ 1863 г. и напечатанную въ „Чтеніяхъ московскаго общ. ист. и др." за тотъ же годъ въ кн. 3-й: „Пользуясь усердно сообщаемыми мнѣ чтеніями Общества, я давно уже собираюсь представить оному нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до помѣщенныхъ въ 3-й книгѣ 1861 года статей о покойномъ Васильѣ Назарьевичѣ Каразинѣ, который, сколько мнѣ извѣстно, воспитывался у моего дѣда по матери Ивана Петровича Шульца. Каразинъ былъ постояннымъ другомъ нашего семейства, и, въ бытность мою студентомъ Харьковскаго университета, онъ обращался ко мнѣ для перевода на нѣмецкій языкъ его сочиненій. Въ Петербургѣ онъ, 3-го января 1820 года внесъ въ мой альбомъ отрывокъ изъ своей рѣчи о истинной и ложной любви къ отечеству, произнесенной 21-го августа 1818 года въ Харьковѣ, въ публичномъ собраніи Филотехническаго общества. Тутъ же онъ прибавилъ: „Родился 1773 года января въ 30-й день, Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Кручикѣ, принадлежавшемъ его отцу, а нынѣ ему принадлежащемъ; вступилъ въ службу въ 1791-мъ, оставилъ оную въ 1804-мъ, содѣйствовалъ къ основанію Харьковскаго университета въ 1802, 3-мъ и 4-мъ, а къ основанію Филотехническаго общества въ 1811 годахъ". „Недостаточно, по моему мнѣнію, еще оцѣнено то обстоятельство, что Каразинъ уже въ 1810-мъ году, именно, въ запискѣ, читанной имъ 15-го марта того года въ засѣданіи Московскаго общества испытателей природы, относительно метеорологическихъ наблюденій, опередилъ ученыхъ западной Европы. Тутъ онъ впервые изрекъ мысль о пользѣ многочисленныхъ мете-

страницы вашихъ Библіографическихъ листовъ [1]) и ваши замѣчанія о нарѣчіяхъ венгерскихъ [2]). Все прежде посыланное вами въ свое время также получено съ чувствомъ усердной къ вамъ благодарности. Я не писалъ къ вамъ—по извѣстнымъ причинамъ, по которымъ давно ни къ кому не пишу. Ожидаю со дня на день, что мои обстоятельства перемѣнятся: и тогда, вѣрьте, что тѣмъ или другимъ образомъ постараюсь вамъ доказать, сколько я цѣню ваше, столь постоянное ко мнѣ благорасположеніе. Надѣюсь служить вамъ между прочимъ и нѣсколькими матеріалами для трудовъ вашихъ. Сіи труды почтенны въ моихъ глазахъ!.. Вы прямой ученый, каковыхъ у насъ еще мало: избравшій въ необъятной массѣ человѣческихъ познаній опредѣленную часть и полюбившій ее всѣмъ сердцемъ не изъ видовъ какихъ, или по легкомыслію перепархивающій изъ вѣтви на вѣтвь. Вы оставите по себѣ сокровища, ихъ же (простите мнѣ славенщину) тля не тлитъ и татіе не окрадываютъ.

Оканчиваю письмо на сей разъ, которое и не написалъ бы я, еслибъ не долженъ былъ облегчить свою совѣсть, давно уже меня за васъ укоряющую. Простите! Скажите мое истинное и совершенное почитаніе милостивому государю Ѳедору Павловичу, и увѣрены будьте сами, что я по жизнь сохраню къ вамъ то же чувствованіе.

Вашъ преданнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

На оборотѣ не Каразинымъ приписано:

Его Высокоблагородію милостивому государю моему Петру Ивановичу Кеппену въ С.-Петербургѣ.

По неизвѣстности мнѣ его квартиры покорнѣйше прошу доставить его родительницѣ М. Г. Каролинѣ Ивановнѣ Кеппенъ въ Харьковѣ. О чемъ и беру смѣлость ее просить.

2.

Москва, 14-го генв. 1829.

Самъ я удивляюсь, милостивый государь почтенный мой Петръ Ивановичъ, какъ я до сихъ поръ къ вамъ не писалъ, не могши ни

орологическихъ станцій, мысль, которая стала осуществляться въ Россіи лишь съ 1833 года (см. К. Веселовскаго сочиненіе о климатѣ Россіи. Спб. 1857, 4, стр. IX и д.). Отправляясь въ чужіе краи въ 1821 году, я, при проѣздѣ чрезъ Харьковъ, видѣлъ у себя В. Н. Каразина. Возстаніе грековъ волновало его душу, и онъ собирался опять писать къ царю, посылая ему увѣщанія. Предвидя, что такой шагъ могъ бы навлечь ему новыя неудовольствія, я упросилъ его оставить это намѣреніе, и просьба моя была имъ уважена".

[1]) Послѣдній № Библіографическихъ листовъ П. И. Кеппена (№ 43) вышелъ 28 мая 1826 г.

[2]) Вѣроятно, Literärnotizen, betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialecte in Ungern und Siebenbürgen (SPb. 1826).

почему винить васъ въ этомъ грѣхѣ: ибо вы и квартиры моей здѣсь не знаете.

Позвольте же поздравить васъ съ Новымъ годомъ! Удостойте передать и маменькѣ вашей и сестрицамъ это поздравленіе.

Въ сосѣдствѣ вашемъ, т. е. въ Севастополѣ, теперь мой старшій сынъ [1]). По жестокой ранѣ своей, полученной 3-го октября за Варною, онъ былъ привезенъ въ тамошніе гошпитали. Слава Богу, теперь онъ вышелъ изъ бѣды! Скоро долженъ будетъ возвращаться въ полкъ. Утѣшьте, обласкайте его на перепутьѣ. Поручаю его, какъ молодаго человѣка, достойнаго благорасположенія друга моего Каролины Ивановны и почтеннаго ея сына, передаю его вмѣсто своихъ въ в а ш и объятія. Можетъ быть, нужно вамъ будетъ его предувѣдомить въ Севастополѣ, чтобы онъ не миновалъ вашего дома. А къ любезнѣйшему Карлу Ивановичу я уже писалъ въ Одессу, равно просилъ о немъ и достойнаго вашего генералъ-губернатора [2]).

Не упустите увѣдомить о вашихъ упражненіяхъ и образѣ жизни, пріятномъ безъ сомнѣнія! Также и о испрошеніи чего-либо въ пользу бѣднаго іерусалимскаго патріарха не забудьте.

Вашъ драгоцѣнный для меня отзывъ найдетъ меня въ Москвѣ, на углу Поварской и Молчановки въ домѣ генералъ-маіора Базилевича. Простите! Душевно васъ обнимая, съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду по жизнь мою.

Вашъ преданный слуга Василій Каразинъ.

Скоро пришлю вамъ экз. вступительной моей рѣчи въ Обществѣ исторіи и древностей, которая однако еще не написана [3]). Столько заботъ, хлопотъ и разсѣянія въ огромной Москвѣ!

Сообщилъ В. И. Срезневскій.

---

[1]) Василій Васильевичъ Каразинъ, авторъ книги «Иліодометръ для повѣрки часовъ» (Харьковъ, 1825); ему же принадлежитъ переводная статья „О лупѣ", напеч. въ Украинскомъ журналѣ 1824 г. (см. Данилевскій „Украинская Старина", 1866, стр. 149).

[2]) М. С. Воронцовъ.

[3]) Въ протоколахъ Общества нѣтъ свѣдѣній о произнесеніи этой рѣчи (см. Труды общ. ист. и др.", ч. 8-я).

II.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Дубравина «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ» [1]) между прочимъ упоминается о неутвержденіи Каразина предсѣдателемъ уголовной палаты. Мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

Въ 1828 году происходили въ Слободско-Украинской губерніи выборы чиновниковъ на гражданскія должности, при чемъ кандидатами въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда были избраны маіоры Михаилъ Бедрага и Иванъ Гиржевъ и статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ. 10-го ноября 1828 г. губернаторъ представилъ Правительствующему Сенату объ испрошеніи высочайшаго утвержденія одного изъ двухъ первыхъ въ означенной должности. 23-го февраля 1829 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату о назначеніи предсѣдателемъ маіора Гиржева. Когда Гиржеву былъ объявленъ высочайшій указъ и приглашеніе явиться къ должности, то онъ далъ письменный отзывъ, въ которомъ указалъ на невозможность, по старости и болѣзненному состоянію, принять на себя обязанности предсѣдателя и просилъ представить о томъ его величеству и его отъ должности уволить. Губернаторъ донесъ о такомъ случаѣ Правительствующему Сенату и представилъ формулярный списокъ третьяго кандидата, В. Н. Каразина. При чемъ, по отношенію къ Каразину губернаторъ нашелъ нужнымъ сообщить Сенату, что изъ дѣлъ предмѣстниковъ его видно, что по высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго величества, отъ 10-го мая 1821 года, статскому совѣтнику Каразину назначено было непремѣнное мѣстопребываніе въ помѣстьи его тамошней губерніи, съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ заниматься, и что по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника главнаго штаба отъ 5-го ноября 1826 года, разрѣшено Каразину жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ, однакожъ, С.-Петербурга, впредь до повелѣнія и съ тѣмъ, чтобъ воздержался отъ всякаго сужденія, до него не принадлежащаго.

Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду, что избранные дворянствомъ чиновники и уволены могутъ быть лишь съ согласія дворянства же, вернулъ представленіе губернатору, съ предписаніемъ предложить

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г. № 4, стр. 7—9.

дворянству, если оно согласно на увольненіе Гиржева, избрать къ представленному прежде кандидату Бедрагѣ другаго кандидата и затѣмъ представить Сенату для утвержденія. Относительно же Каразина Правительствующимъ Сенатомъ указывалось, что въ виду донесенія губернатора Правительствующій Сенатъ и не можетъ представить его кандидатомъ на высочайшее утвержденіе предсѣдателемъ въ палату уголовнаго суда, а полагаетъ поставить на видъ дворянскому собранію неумѣстность таковаго выбора.

Между тѣмъ В. Н. Каразинъ, интересуясь избраніемъ и узнавъ объ отправленіи въ Сенатъ его формулярнаго списка, писалъ 6-го іюля министру юстиціи:

«Получивъ списокъ съ таковаго же формулярнаго о службѣ моей, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ отъ 22-го числа прошедшаго мѣсяца за подписаніемъ г-на слабодско-украинскаго предводителя дворянства Времева, нашелъ я въ оном значительныя упущенія. Нисколько не обвиняя почтеннаго сего чиновника, тѣмъ не менѣе обязанностью моею, какъ отца шестерыхъ сыновей, ставляю дополнить упущенное предъ лицемъ вашего сіятельства и августѣйшаго государя императора, которому необходимо изволите докладывать по поводу вступившаго обо мнѣ представленія...

Въ четвертой графѣ подъ надписью: когда въ службу вступилъ и пр. сказано только, что я подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета. Но я, по прошествіи двадцати семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ молчалъ о участіи моемъ въ семъ дѣлѣ, долженъ, теперь, въ семъ вѣроятно какъ первомъ, такъ и послѣднемъ случаѣ, сказать истину: что я былъ виновникомъ и главнымъ исполнителемъ сего государственаго учрежденія, равно какъ и пожертвованій на оное, простиравшихся до шести сотъ осьмнадцати тысячъ рублей по тогдашнему курсу, что̀ составило бы два милліона по нынѣшнему; что я не только уклонился въ то время отъ предложеннаго мнѣ всемилостивѣйшаго награжденія за мой подвигъ, но понесъ чувствительнѣйшія огорченія, самое состояніе мое разстроено въ конецъ (въ Правительствующемъ Сенатѣ извѣстно, что все мое имѣніе продается съ аукціона); что не взирая на это я, и въ отставку вышедъ, продолжалъ еще усердно заниматься дѣлами университета. Во всемъ этомъ я, еслибъ настояла надобность, могъ бы представить множество доказательствъ, въ письмахъ ко мнѣ и обо мнѣ лицъ, не подозрительныхъ въ пристрастіи. Но дабы не затруднять правительство, беру смѣлость сослаться только на нынѣшняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, его сіятельство графа Виктора Павловича Кочубея, въ памяти коего (смѣю надѣяться) и въ бумагахъ сохранилось болѣе, нежели нужно для подтвержденія моего показанія. Ему же,

яко управлявшему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, совершенно извѣстно, въ чемъ состояли «нескромныя представленія блаженной памяти государю императору», о коихъ г. губернскій предводитель упоминаетъ въ формулярномъ спискѣ. Уповаю, что жертва, принесенная мной всѣмъ благосостояніемъ моимъ и многочисленнаго моего семейства государю и отечеству, будетъ имѣть свою цѣну теперь, когда событія оправдали мое дерзновеніе, и что наслѣдникъ Александра Благословеннаго обратитъ напослѣдокъ на меня достойный его взоръ милости и правды!»

Имѣя въ виду, что формулярные списки составляются изъ документовъ о службѣ чиновниковъ, министромъ 22-го августа 1829 г. было предписано слободско-украинскому губернскому прокурору объявить Каразину, чтобы онъ имѣющіеся у него документы (по отношенію къ университету) представилъ мѣстному начальству для дополненія формулярнаго о службѣ его списка.

Когда сообщеніе министра было объявлено В. Н. Каразину, то онъ, 22-го сентября, вручилъ губернатору четыре свертка бумагъ и просилъ представить ихъ къ министру юстиціи, что̀ губернаторомъ и было 26-го сентября исполнено, а 2-го октября того же 1829 г. Каразинъ изъ Харькова послалъ новое письмо:

«Въ канцелярію его высокопревосходительства, господина управляющаго министерствомъ юстиціи.

«Благоволите, милостивые государи, пріобщить къ бумагамъ уже доставленнымъ на имя его высокопревосходительства отъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора по дѣлу о пожертвованіи на Харьковскій университетъ и четыре, при семъ прилагаемыя. Не имѣвъ ихъ тогда (подобно какъ и многихъ другихъ, кои бы могли служить доказательствами), я сейчасъ оныя получаю по благосклонности г-на предводителя дворянства нашего уѣзда изъ архива онаго; и по совѣту его превосходительства г-на губернатора имѣю честь представить непосредственно».

Димитрій Васильевичъ Дашковъ, возвращая губернатору представленныя имъ и В. Н. бумаги, въ отношеніи своемъ отъ 13-го ноября 1829 г. писалъ: «Прочитавъ оныя со вниманіемъ, я не могу не отдать полной справедливости усердію и дѣятельному участію, которыя оказалъ г. Каразинъ на пользу отечества въ учрежденіи Харьковскаго университета; но со всѣмъ тѣмъ находя не относящимся до меня исправленіе послужнаго его списка, представленнаго въ Правительствующій Сенатъ за подписаніемъ г. губернскаго предводителя дворянства, покорно прошу васъ, милостивый государь, сдѣлавъ по сношенію съ г. предводителемъ дворянства нужныя въ послужномъ спискѣ (Каразина) дополненія, представить оный отъ себя въ Правительствующій Сенатъ въ

замѣнъ доставленнаго уже вами по случаю избранія г. Каразина въ число кандидатовъ на вакансію предсѣдателя уголовной палаты».

Въ январѣ 1830 года формуляръ В. Н. былъ дополненъ, согласно его домогательствамъ и желанію, но въ Сенатъ представленъ не былъ, въ виду послѣдованія уже указа, отъ 19-го сентября 1829 г., о неутвержденіи его въ должности предсѣдателя палаты.

Н. А. Мурзановъ.

Карлъ Карловичъ Зейдлицъ.

Карлъ Карловичъ Зейдлицъ «другъ и братъ» Жуковскаго, какъ именуетъ его въ письмахъ самъ поэтъ, былъ моложе его на 15 лѣтъ. Онъ познакомился съ Василіемъ Андреевичемъ на «коммершѣ» студентовъ въ Дерптѣ 14-го августа 1815 г., описанномъ поэтомъ потомъ въ извѣстномъ стихотвореніи, посвященномъ старику профессору Эверсу:

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ, на мигъ товарищъ ихъ,
Съ веселыми весельемъ подѣлиться;
Но въ семъ кругу меня мой геній ждалъ:
Тамъ Эверсъ мнѣ на дружбу руку далъ...

а Василій Андреевичъ подалъ руку на дружбу восторженному 17-лѣтнему младшему во всемъ собраніи «фуксу» (новичку) Карлу Карловичу Зейдлицу. Они выпили «брудершафтъ», и Зейдлицъ вѣрно хранилъ клятву во всю жизнь Жуковскаго, а когда великій поэтъ и человѣкъ скончался, онъ поставилъ ему нерукотворный памятникъ въ «умно, правдиво и сердечно написанномъ очеркѣ».

Зейдлицъ родился въ Ревелѣ 6-го марта 1798 г. По окончаніи курса наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, со степенью доктора медицины, онъ поѣхалъ за границу и работалъ преимущественно въ Парижѣ и Монпельѣ. Въ Пизѣ онъ ознакомился съ употребленіемъ стетоскопа, только еще получившимъ примѣненіе, и первый ввелъ его употребленіе въ Россіи. Карлъ Карловичъ разсказывалъ, какъ на него «окрысились» коллеги по ремеслу и славили его шарлатаномъ. Затѣмъ съ 1836 года Зейдлицъ занимаетъ профессуру въ Медико-хирургической академіи и съ 1847 года, выйдя въ отставку, поселяется въ Дерптѣ и позднѣе въ имѣніи Мейерсгофѣ, пріобрѣтенномъ для Жуковскаго и затѣмъ имъ у

него перекупленномъ. Зейдлицъ скончался 7-го февраля 1885 года, на 88 году жизни. Это былъ высокообразованный и начитанный человѣкъ. Энергію дѣятельности сохранилъ онъ до конца жизни. Членъ многихъ ученыхъ обществъ, онъ постоянно работалъ на пользу науки и былъ полонъ самыхъ животрепещущихъ интересовъ.

Я познакомился съ нимъ у графини Софьи Михайловны Сологубъ, рожденной Віельгорской, прелестной, идеальной женщины, большимъ другомъ Юрія Самарина, воспѣтой Лермонтовымъ, очень любимой Гоголемъ и особенно Жуковскимъ. Жена извѣстнаго нашего писателя, она доживала вѣкъ свой въ Дерптѣ, гдѣ воспитывала дѣтей. Я очень любилъ эту, тогда уже престарѣлую женщину, относившуюся ко мнѣ съ искренною пріязнью, Здѣсь упоминаю о ней потому, что она помогала Зейдлицу при составленіи его очерка жизни Жуковскаго на русскомъ языкѣ, послѣ того, какъ онъ въ 1868 году издалъ его на языкѣ нѣмецкомъ. Зейдлицъ владѣлъ когда-то русскимъ языкомъ вполнѣ и переписывался съ Жуковскимъ по-русски (иногда по-нѣмецки или по-французски), но, проживая въ 1847 году въ Лифляндіи, онъ вращался въ обществѣ, въ которомъ говорили исключительно по-нѣмецки, и отвыкъ отъ русскаго языка, что̀ замѣчалось въ оборотахъ рѣчи и нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Вотъ тутъ-то помощь графини пришлась кстати. Въ высшей степени скромная Софья Михайловна, не довѣряя силамъ своимъ, уговорила Зейдлица отдать очеркъ на пересмотръ профессору Дерптскаго университета А. Н. Котляревскому. Котляревскій многое выкинулъ. «Преимущественно касавшееся религіозныхъ чувствъ писателя и придворной его жизни, какъ неимѣющихъ интереса для русскихъ читателей. Сверхъ того,—писалъ онъ Зейдлицу,—они (т. е. эти мѣста біографіи) могутъ подать поводъ къ неприличнымъ выходкамъ и насмѣшкамъ въ нашей quasi демократической печати». Зейдлицъ, полагаясь на сужденіе профессора, которому русская читающаяся публика должна была быть болѣе извѣстна, чѣмъ ему,съ конца 40-хъ годовъ поселившемуся въ Прибалтійскомъ краѣ, выкинулъ изъ рукописи всѣ указанныя мѣста и—какъ самъ выражается—чтобы гусей не раздразнить, рѣшается напечатать очеркъ свой съ выпусками и безъ многихъ писемъ Жуковскаго. Такимъ образомъ, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за 1869 годъ, было напечатано лишь извлеченіе изъ нѣмецкаго труда Зейдлица подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго». Этимъ заглавіемъ Котляревскій замѣнилъ данное труду своему Зейдлицемъ: «Очеркъ поэтической жизни Жуковскаго», чѣмъ старикъ былъ недоволенъ [1]).

[1]) Въ предисловіи къ письмамъ Жуковскаго, изданнымъ мною въ „Русской Старинѣ“ 1883 года, январь, стр. 193 и д., Зейдлицъ смягчилъ то, что писалъ мнѣ объ изданіи своей біографіи. Съ трудомъ уговорилъ я его смяг-

Ближе съ Зейдлицемъ сошелся я въ концѣ 70-хъ годовъ черезъ проживавшую въ Дерптѣ Авдотью Петровну Елагину. Зейдлицъ, по желанію Авдотьи Петровны, подарившей ему письма Жуковскаго къ ней и роднѣ, просилъ меня приготовить изданіе писемъ. Приближался день столѣтней годовщины дня рожденія Жуковскаго. Старикъ былъ очень тронутъ тѣмъ, что дожилъ до этого дня. Не думалъ онъ, что ему выпадетъ на долю быть свидѣтелемъ чествованія памяти друга. Вотъ тогда-то зародилась мысль издать пересмотрѣнную и пополненную всѣмъ, что̀ выкинулъ Котляревскій, біографію. Онъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ письмомъ:

Высокочтимый профессоръ!

Такъ какъ вы приняли на себя трудъ приготовить къ печати помѣщаемую въ «Русской Старинѣ» переписку Василія Андреевича

чить тоже и нападки свои на одного московскаго редактора (см. тамъ же, стр. 195). Онъ согласился не выставлять имени этого почтеннаго редактора и опустить нѣкоторыя подробности, взявъ съ меня обѣщаніе, что я при случаѣ, когда опять придется говорить объ этомъ предметѣ, напишу выпущенное имъ. Суть заключается въ томъ, что почтенный редакторъ пріѣхалъ въ имѣніе къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной и просилъ по старой дружбѣ просмотрѣть богатый семейный архивъ, гдѣ находились и письма Жуковскаго къ Бунинымъ, Протасовымъ, Майеръ и др. Редакторъ гостилъ тамъ недѣли двѣ. Хозяйка была удивлена, что онъ днемъ много спалъ. Редакторъ отговорился дѣйствіемъ деревенскаго воздуха, наводящаго сонливость. Но слуга, присутствовавшій при разговорѣ, донесъ потомъ: „Помилуйте, какъ же имъ не спать днемъ, когда они всю ночь пишутъ“.

Надо замѣтить, что доступъ къ архиву былъ данъ г. редактору подъ честнымъ его словомъ, что онъ ничѣмъ не воспользуется безъ согласія Авдотьи Петровны и ничего списывать не будетъ. Днемъ онъ, дѣйствительно, заходилъ въ архивъ не на долго. Читалъ и бесѣдовалъ съ домочадцами. Никому въ голову не приходило, что онъ работаетъ ночью и такимъ образомъ обходилъ обѣщаніе. Сынъ Авдотьи Петровны, Василій Алексѣевичъ Елагинъ, узнавъ истину, пропустилъ нѣсколько дней, и неожиданно, поздно ночью, когда редакторъ давно распростился и вмѣстѣ со всѣми отправился спать, вошелъ въ комнату съ рукописями. Онъ засталъ редактора за работой: письма были тщательно переписаны. Василій Алексѣевичъ поблагодарилъ редактора за трудъ: „Теперь у насъ будутъ и копіи, составленныя знатокомъ дѣла“,— сказалъ онъ и отнялъ всѣ ихъ. Редакторъ уѣхалъ разочарованный и пристыженный. Авдотья Петровна Елагина, передавая Зейдлицу нѣкоторыя письма въ оригиналѣ, передала и копіи, писанныя рукою редактора. Съ этихъ копій и печатались письма въ „Русской Старинѣ“ покойнымъ Семевскимъ, а что не напечатано, находится у меня. Вотъ этотъ-то инцидентъ съ названіемъ имени редактора Зейдлицъ хотѣлъ опубликовать уже тогда, въ 1883 году. Страшно возмущенный циническою выходкою того же редактора, пріѣхавшаго къ нему съ свѣдѣніями (см. „Русск. Стар.“ въ означенномъ мѣстѣ), прося меня издать письма, онъ поставилъ условіемъ не печатать ихъ въ московскомъ журналѣ, принадлежавшемъ злополучному редактору. П. В.

Жуковскаго къ племянницѣ его Маріи Андреевнѣ Протасовой и тѣмъ сдѣлать ее доступной для литературно-образованной публики, то прошу васъ тоже приготовить къ печати новое изданіе моего, появившагося въ свѣтъ 14 лѣтъ тому назадъ, очерка жизни друга В. А. Жуковскаго, какъ дара моего къ торжественному празднованію 29-го января 1883 года столѣтней годовщины его рожденія.

Съ полнымъ уваженіемъ преданный вамъ
д-ръ К. фонъ-Зейдлицъ.
Дерптъ, 7-го декабря 1882 года.

При этомъ Карлъ Карловичъ дополнилъ, что выручку отъ продажи біографіи онъ жертвуетъ на памятникъ Жуковскому, который, онъ не сомнѣвается, будетъ рѣшено воздвигнуть одному изъ достойнѣйшихъ людей и поэтовъ Россіи.

Времени терять было нечего. Я поспѣшилъ къ недомогавшему тогда старцу и принялся за дѣло. Карлъ Карловичъ внимательно слушалъ, когда я читалъ ему написанное. Онъ давалъ указанія и поясненія. М. М. Стасюлевичъ охотно согласился издать Біографію бывшаго когда-то редактора «Вѣстника Европы»; славнаго поэта, и я частями посылалъ наскоро составляемый трудъ, въ основаніе котораго легли: писанное Зейдлицемъ на нѣмецкомъ языкѣ и печатавшійся «Очеркъ» въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія».

Уже 21-го января 1883 года, за 8 дней до празднованія юбилея, Михаилъ Матвѣевичъ писалъ мнѣ:

Многоуважаемый
Павелъ Александровичъ!

Сегодня мнѣ выдался очень счастливый день: въ 10 часовъ утра я былъ у начальника по дѣламъ печати и поднесъ ему отъ имени автора экземпляръ съ просьбою и т. д., которую онъ обѣщалъ исполнить; въ 12 часовъ благополучно кончился цензурный срокъ; но самое лучшее то, что въ 2 часа я внесъ отъ имени Карла Карловича въ думу предложеніе принять чистую выручку изъ продажи изданія, а именно: 780 рублей впередъ, не ожидая результатовъ самой продажи (я пришлю вамъ и Карлу Карловичу разсчетъ, на основаніи котораго я сдѣлалъ эту операцію). Дума приняла и опредѣлила: 1) благодарить отъ имени всего городскаго общества черезъ городскаго голову почтеннаго К. К. и 2) въ нынѣшнемъ году приступить къ выполненію дѣла, если эта ссуда будетъ возвышена новыми приношеніями (а это будетъ); въ крайнемъ же случаѣ она сама дополнитъ изъ суммъ, отказанныхъ на украшеніе города. Мѣстомъ будетъ Александровскій садъ, въ сторонѣ Зимняго дворца, гдѣ жилъ Жуковскій. Благодаря этому, Карлу Карловичу

не нужно ждать 2 или 3 года, когда распродалось бы все изданіе, и онъ сегодня можетъ уже сказать, что цѣль имъ достигнута вполнѣ. Прочитайте ему это мое письмо, чтобы онъ не былъ удивленъ, когда получится благодарность отъ города С.-Петербурга. Пусть это будетъ первою его и вполнѣ заслуженною имъ наградою. Это письмо отъ думы можно будетъ также прочесть на вашемъ актѣ и т. д.

Вашъ М. Стасюлевичъ.

Дума и многія другія учрежденія готовились праздновать этотъ день. Дерптскій университетъ, который былъ обязанъ продолженіемъ своего существованія заступничеству Жуковскаго, когда было рѣшено закрыть его, положилъ праздновать день торжественнымъ актомъ и поручилъ мнѣ приготовить къ нему рѣчь. Къ вечеру того дня профессора университета и многіе изъ общества должны были собраться въ квартирѣ дочери умершей уже тогда графини Сологубъ, Елизаветы Владиміровны Сабуровой, на торжественный раутъ съ чтеніемъ и живыми картинами изъ сочиненій Жуковскаго. Я приготовилъ актовую рѣчь на русскомъ языкѣ (напеч. въ № 3 «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.»), но меня просили произнести ее по-нѣмецки, такъ какъ къ торжественному дню собирались посѣтить семьи всей дерптской интеллигенціи, и многіе извнѣ хотѣли пріѣхать тоже. Желаніе это я исполнилъ [1]). Многое было выслано мною въ Петербургъ для выставки, по поводу которой я велъ переписку съ вицепрезидентомъ Академіи наукъ Я. К. Гротомъ, и мнѣ удалось съ точностью опредѣлить годъ рожденія поэта, о чемъ существовало разногласіе (см. біографію В. А. Жуковскаго и предисловіе мое къ ней). Занятый въ Дерптѣ, я не могъ принять приглашенія Академіи участвовать на торжественномъ актѣ ея. Отъ приглашенія отказался и Карлъ Карловичъ. Старикъ былъ такъ потрясенъ, что его боялись пустить въ университетъ и вечеромъ на собраніе у г-жи Сабуровой (приглашенія исходили отъ г-жи Сабуровой и К. К. Зейдлица). Онъ подчинился и только просилъ объ одномъ, чтобы ему были пропѣты нѣкоторые романсы, излюбленные Жуковскимъ и переведенные имъ на русскій языкъ. То были: пѣснь: «Къ востоку» (Nach Osten) музыка Wetzel'a и Вейерауха романсъ на слова «Розы расцвѣтаютъ» («Wenn die Rosen blühn»). Я уговорилъ дочь мою, только-что прибывшую изъ-за границы, ученицу Арто, сдѣлать старику пріятное, и было трогательно видѣть то глубокое движеніе души, которое отразилось на лицѣ бѣлаго старца.

---

[1]) Университетъ издалъ эту рѣчь: „Rede zur Feier des Hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukowsky am 29 Januar 1883, gehalten von Pr. Dr. Paul v. Wiskomatoff". Dorpat 1883.

Карлъ Карловичъ не многимъ пережилъ эти для него знаменательные дни, полные дорогихъ воспоминаній; онъ скончался 7-го февраля 1885 года.

При всей своей рѣзкости и гнѣвности Карлъ Карловичъ былъ человѣкъ высокаго идеала. Свидѣтель самыхъ задушевныхъ чувствъ Жуковскаго, любви его къ «Машѣ» и теплыхъ отношеній къ сестрѣ ея, Александрѣ Андреевнѣ, по мужѣ Воейковой, скончавшейся въ Пизѣ (онъ привезъ и тѣло ея въ Россію), Зейдлицъ не могъ простить Жуковскому его брака, заключеннаго уже старикомъ, съ молодой дочерью пріятеля своего Рейтерна. Карлъ Карловичъ говорилъ о томъ съ горечью, хотя и послѣ этого брака оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Карлъ Карловичъ говаривалъ: «другъ обязанъ не оправдывать, но понимать друга; такъ и я относился къ затѣѣ Василія Андреевича. Онъ всю жизнь мечталъ о семейной счастливой жизни. Въ молодости ему было въ томъ отказано, затѣмъ все время его было поглощено заботами о воспитаніи наслѣдника престола столь любимой имъ Россіи. Онъ въ эти годы даже и мало, очень мало творилъ, такъ проникнутъ былъ онъ важностью возложеннаго на него порученія». Когда воспитаніе наслѣдника было закончено, Василій Андреевичъ опять берется за литературный трудъ, и почти одинокій протягиваетъ руки къ запретному кубку. Онъ пытается зажить семейной жизнью, осуществить мечту юности и всей своей жизни. Онъ совѣтовался съ Зейдлицемъ... «Я ему не противорѣчилъ, я зналъ, что эта любящая душа не могла быть въ одиночествѣ». Такъ говорилъ мнѣ Карлъ Карловичъ, передавая нѣкоторыя, самыя интимныя подробности. Но прибавлялъ онъ: «Больно было мнѣ видѣть Жуковскаго, въ юности сѣдлавшаго пегаса, сидящимъ въ послѣдніе дни жизни на деревянномъ россинантѣ. Доктора предписали ему движеніе, и такъ какъ садиться на лошадь онъ не могъ, то въ кабинетѣ его стояло искусственное подобіе коня, на которомъ онъ совершалъ гимнастическія прогулки».

Зейдлицъ хранилъ въ памяти идеальный образъ «Маши» и всѣ эпизоды любви къ ней Жуковскаго. Онъ до конца дней ходилъ на могилу Марьи Андреевны и приносилъ на нее свѣжіе цвѣты. Мнѣ онъ подарилъ фотографію, на которой видна могила «Маши» на Дерптскомъ кладбищѣ, а передъ ней одинокій старецъ Зейдлицъ, безъ шляпы, съ лицомъ, обрамленнымъ густыми, какъ снѣгъ бѣлыми, длинными волосами.

Дочь Маши отъ Мойера, Екатерина Ивановна, вышедшая замужъ за сына Авдотьи Петровны, Василія Алексѣевича Елагина, проживала въ то время въ Дерптѣ и была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Зейдлицу. Весь кружокъ былъ занятъ своего рода культомъ Жуковскаго и всякихъ семейныхъ воспоминаній. Уважая эти чув-

ства, я не могъ въ редактируемой мною біографіи говорить о многихъ, ставшихъ мнѣ извѣстными фактахъ. Нѣкоторые факты изъ жизни Жуковскаго не помѣщены въ біографіи, кое-что требуетъ инаго освѣщенія, особенно касающееся послѣдней поры жизни Жуковскаго. Несмотря на все желаніе быть объективнымъ, Зейдлицъ все же не правъ въ оцѣнкѣ послѣдняго періода жизни поэта. Тѣмъ не менѣе, книга его проникнута большой теплотой и правдивостью, особенно въ описаніи двухъ первыхъ періодовъ жизни Василія Андреевича.

Переписка Жуковскаго съ Зейдлицемъ находится у меня. Печатая её, я думалъ высказать и то, что знаю и слышалъ и чего не могъ сказать въ сочиненіи, вышедшемъ подъ именемъ глубокоуважаемаго мною Карла Карловича,—друга еще не достаточно оцѣненнаго большаго поэта и человѣка; но отлагаю это до времени, когда появится новое изданіе труда Зейдлица или другая болѣе полная біографія.

П. Висковатовъ-Висковатый.

Проектъ генералъ - интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ [1]).

6-го февраля 1817 г.

Содержаніе большой арміи хотя для Россіи необходимо, но по мѣрѣ доходовъ государства и по низкой степени усовершенствованія, на коей находятся хлѣбопашество и всѣ производительныя занятія вообще, для оной гораздо труднѣе, нежели по соразмѣрности для всякаго другаго. Армія одна истощаетъ почти всѣ доходы, а для гражданскаго устройства остается слишкомъ мало. Сіе есть главнѣйшая причина, что по гражданской бытности ежегодно усиливаются неустройства, безпорядки, недостатокъ нужнѣйшихъ заведеній, злоупотребленія, продажа правосудія и прочее; даже примѣчательному глазу скрыться не можетъ, что внутреннее благосостояніе съ нѣкотораго времени идетъ болѣе назадъ, нежели впередъ. Симъ же самымъ содержаніе свыше милліона праздныхъ рукъ со временемъ еще болѣе затруднить должно.

Поселеніе войскъ по сей части принесло бы неоцѣненную пользу, если бы тутъ не открылись два особенныя затрудненія.

Огромность издержекъ, если поселить воиновъ въ необитаемыхъ мѣстахъ,и значительность издержекъ и разстройство обывателей, если оныя поселить съ переводомъ части крестьянъ.

Невозможность содержать поселенный полкъ въ комплектѣ, ибо черезъ 25 лѣтъ изъ цѣлаго поселеннаго полка едва-ли можно будетъ набрать нѣсколько ротъ, а размноженіе людей, напримѣръ, какъ было въ казачьихъ войскахъ, не такъ скоро можетъ усиливаться, особливо въ населенныхъ до того мѣстахъ, чтобы оно было достаточно укомплектовывать полкъ; да и въ сѣверныхъ краяхъ вообще народонаселеніе имѣетъ тѣснѣйшія границы. Правда, что можно присовокупить къ войсковому поселенію часть изъ мѣстныхъ поселянъ, но тогда съ важнѣйшими издержками получается то, къ чему безъ оныхъ,кажется, можно было доходить чрезъ систему полковыхъ кантоновъ.

Положимъ, что по западной границѣ государства во второй линіи

---

[1]) Представлено при письмѣ къ князю П. М. Волконскому отъ 6-го февраля 1817 г., Моск. отд. гл. шт.; св. 91, № 50.

губерній полагается осѣдлое войско, составляющее населеніемъ своимъ одну полосу отъ Балтійскаго по Черное море.

Каждому пѣхотному полку назначить кантонъ, напримѣръ, два уѣзда въ 600.000 душъ, изъ коего укомплектуется рекрутами.

Новые рекруты, по выученіи, будутъ отпускаемы въ свои дома на собственное пропитаніе, собираясь еженедѣльно для ученія въ частности, ежемѣсячно или смотря по разстояніямъ чрезъ два мѣсяца по ротамъ, ежегодно, по-полковно.

По мѣрѣ выбытія старыхъ солдатъ полкъ, наконецъ, будетъ имѣть налицо одну шестую часть комплекта, составленную наиболѣе изъ кадровъ.

Сіе ускорится, если старымъ солдатамъ позволится жениться на дочеряхъ казенныхъ крестьянъ съ полученіемъ домовыхъ отпусковъ и если служба солдатская будетъ составлять только 12 лѣтъ. Отчасти также можно перевести солдатъ, урожденныхъ изъ тѣхъ мѣстъ, изъ полка въ полкъ.

Солдаты изъ имѣній помѣщиковъ, во время отпусковъ, отправляютъ обыкновенныя повинности, а по отставкѣ возвращаются имъ; въ долговыхъ отпускахъ находятся подъ расправою унтеръ-офицеровъ, въ разныхъ мѣстахъ распредѣленныхъ и ближайшихъ ротъ.

Провіантомъ содержится отъ казны одна наличная часть полка и весь полкъ во время сбора. При малыхъ сборахъ люди могутъ имѣть свой провіантъ; даже и по части провіанта вообще можно изыскивать для казны облегченіе на счетъ земли, тѣмъ болѣе, что чрезъ кантоновъ рекрутская повинность очень облегчается.

Обмундированіе станетъ долѣе, жалованье получатъ одни наличные люди; офицеры остаются на казенномъ содержаніи.

Оружіе, оружейныя и мундирныя вещи хранятся при ротныхъ дворахъ.

Поселеніе на семъ основаніи можно распространить и на кавалерію, хотя, впрочемъ, не удобовозможно, чтобъ регулярная кавалерія была на ногѣ милиціи.

Систему кантоновъ нѣкоторымъ образомъ можно отнести и къ артилерійскимъ лошадямъ.

Еще можно раздѣлить войско, по сей системѣ устроенное, на регулярное и на ополченіе, и въ послѣднемъ могутъ служить отчасти сами помѣщики.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій**.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стран.

I. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 117—130, 306—320

II. 1-ая Московская гимназія въ 50-хъ годахъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній) . . . . 167—199

III. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Бооля. 213—227, 287—305, 578—593

IV. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. 241—266, 481—504

V. Записки Михаила Чайковскаго (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ. 267—286, 628—642

VI. Выписка изъ журнала главнаго училищъ правленія. Октября 23 дня 1818 г. о покупкѣ въ казну наборщика Степанова . . . . —531

Портреты.

I. Портретъ ген.-лейт. Николая Ѳедоровича Дубровина и два рисунка вида Алексѣевскаго равелина. (При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ генералъ-маіора фонъ-Бооль. (При 9-й книгѣ)

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ. Проф. Евг. Боброва.	5—35
II.	О возобновленіи въ церквахъ моленій по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ. 6-го іюня 1815 г.	36
✓III.	Польская конституція 3-го мая 1791 г. и отношеніе къ ней Россіи. В. В. Тимощукъ.	37—59
IV.	Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко	60
V.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго	61—85
VI.	Письмо гр. А. А. Аракчеева М. М. Сперанскому. 24-го марта 1819 г. Спб.	86
VII.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ . . 87—112	457—480
VIII.	Алексѣевскій равелинъ. Ал. Маркевича . .	113—115
IX.	Пожертвованіе гр. Н. П. Румянцова	116
✓X.	Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ . . . . . 131—149,	385—412
XI.	Тульскому гражд. губерн. Иванову 16-го сент. 1801 г. О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Еропкина	150
XII.	Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 151—166,	413 - 442
XIII.	Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ. Сообщ. Александръ Успенскій	200
XIV.	Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи 1826 года	201—211
XV.	Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го марта 1795 г. о государственномъ переворотѣ въ Швеціи. Сообщ. Александръ Успенскій. . . .	212
XVI.	Осквернепіе православнаго храма евреемъ. Сообщ. А. Мердеръ.	228
XVII.	О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка. И. Фр. Павловскаго	229—239
XVIII.	Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 г.	240
XIX.	Нѣкоторыя обстоятельства жизни Владиміра Ивановича Даля. (По поводу статьи «В. И. Даль» (по воспоминаніямъ его дочери)—«Русск. Вѣстн.» 1879 года, іюль). Дмитрія Завалишина.	321—339
XX.	«Дѣло» о философіи Круга. (Къ характеристикѣ казанскихъ профессоровъ эпохи Магницкаго). Сообщ. П. Головачевъ.	340—352

стран.

XXI. Изъ русской военно-уголовной старины (высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-суднымъ дѣламъ). Сообщ. Михаилъ Соколовскій . . . . . 353—368
XXII. Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Сообщ. А. Миловидовъ. . 369—384
XXIII. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской. (Біографическій очеркъ по матеріаламъ, собраннымъ для исторіи лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка). Б. Адамовича. . . . . 443—456
XXIV. Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Викторина Павлова. . . . . 505—506
XXV. Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ. 532—552
XXVI. И. С. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ (1838—40 г.г.). Сообщ. Н. Гутьяръ . . . 553—577
XXVII. П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. Вячесл. Каминскаго . . . 594—627
XXVIII. Изъ бумагъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго . . . 643—667
XXIX. Изъ архива А. В. Никитенко. . . . . 668—687
XXX. В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 годахъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. . . 688—690
XXXI. Изъ рескриптовъ императора Павла I. Сообщ. Александръ Успенскій . . . . . 691—700
XXXII. Къ біографіи В. Н. Каразина. Сообщ. В. И. Срезневскій и Н. А. Мурзановъ. . . 701—707
XXXIII. Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. П. Висковатаго. 708—714
XXXIV. Проектъ генералъ-интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ. Сообщ. Мих. Соколовскій . . . . . 715—716

Библіографическій листокъ.

1. Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ первый. Крестьянское дѣло. Москва. 1903 г.—Н. Кашкадамова (на оберткѣ іюльской книги).

2. Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.). Эпоха цензурнаго террора (1814—55 гг.). Русское „Bureau de la presse". Ѳаддей Булгаринъ. Съ 19 портретами и 81 карикатурой. Спб. 1904.—Н. Кашкадамова (на оберткѣ августовской книги).

3. Упрощенная русская азбука правописаніе. К. А. Сорокина.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ сентябрьской книги).

а, о, напримѣръ, въ очень многихъ языкахъ обозначаются одинаково, а *е? к?*)

Далѣе авторъ, всекопечно, упраздняетъ преслопутую букву *ъ*.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь куріозныя соображенія, которыми руководился г. Сорокинъ, для устраненія этой ненавистной буквы. „Изъ буквъ *е — ъ — э*, — говорятъ онъ, — наиболѣе соотвѣтствующей очевидно (почему это очевидно?) является *е*. Буква *ъ* самая трудная буква (запомнимъ это на всякій случай) русской азбуки: во-первыхъ, самое названіе (это слово, кстати сказать, при переносѣ раздѣлено такъ; названіе) *ять* не соотвѣтствуетъ звуку *е* (правильно!), означаемому этою буквою; во-вторыхъ, кромѣ незначительныхъ правилъ (какъ же, г. К. А. Сорокинъ, — незначительныхъ? — когда вы шестью строками раньше утверждали, что *ъ* самая трудная буква: для самой трудной буквы сдѣлали достаточно *незначительныхъ* правилъ!), указывающихъ постановку ея, въ остальныхъ, многочисленныхъ случаяхъ приходится ставить *ъ* или на угадъ (а почему на угадъ не ставить и другія буквы, менѣе трудныя: по крайней мѣрѣ скорѣе можно угадать), или по памяти изъ практики; въ нѣкоторыхъ словахъ она не соотвѣтствуетъ даже произношенію“.

Далѣе г. Сорокинъ заявляетъ: „изъ буквъ *ѳ—о* очевидно (опять „очевидно“, и опять я спрошу почему?) болѣе полезно (ни о какой пользѣ и рѣчи быть не можетъ, смѣемъ увѣрить васъ, г. Сорокинъ) принять *ѳ*, какъ наиболѣе соотвѣтствующую своимъ названіемъ произношенію и наиболѣе распространенную“.

О наибольшей распространенности *ѳ* мы спорить не будемъ, но, по нашему мнѣнію, *фертъ* и *вита* одинаково соотвѣтствуютъ опредѣленному этими буквами звуку; поэтому „очевидно“ для автора — вовсе не очевидно для читателя.

Относительно буквы *ъ* авторъ говоритъ: „Буква *ъ* не обозначаетъ никакого звука (она придаетъ согласному звуку *твердость*, въ отличіе отъ мягкаго знака — *ь*: цѣлъ — цѣль), а слѣдовательно, существованіе ея излишне. Добавка *ъ* въ концѣ словъ (а въ серединѣ?) является напрасной тратой времени для пишущаго и наборщика (и какой заботливый г. Сорокинъ: все предвидѣлъ: и писателя, и читателя, и даже наборщика! Такъ и вспоминаются слова поэта: „не брошены слабый, вдова, сирота могущимъ во власть безъ покрова“), увеличеніемъ толщины книги и лишнимъ утомленіемъ глазъ читающаго (къ чему тутъ „лишнимъ“, — достаточно просто утомленія глазъ).

Въ срединѣ словъ вмѣсто *ъ* авторъ рекомендуетъ ставить *раздѣлительный знакъ*, по-просту тире.

Сокращая излишнія буквы азбуки, — гласитъ далѣе новый архиграматикъ, — и считаю нужнымъ въ то же время (напечатано *тоже*) необходимымъ, въ виду особаго произношенія, ввести въ нее, какъ самостоятельныя буквы *ѣ, й*“.

Такимъ образомъ г. Сорокинъ упраздняетъ: *и, г, ъ, э, о, э* и вводитъ *ѣ* и *й* (какъ-будто эти двѣ послѣднія буквы не существовали до появленія въ свѣтъ „Упрощенной азбуки“!). А почему бы не упразднить заодно и букву *щ*, какъ составную: изъ *з* и *ч* (извощикъ — извозчикъ), *с* и *ч* (щастіе — счастіе), *ш* и *т* (шти — щи), и тогда одной буквой было бы меньше, и легче было бы запомнить, и рѣже бы приходилось угадывать (впрочемъ, виноватъ, — угадывать позволяется, по рецепту г. Сорокина, только букву *ять*!).

Слѣдовало бы г. Сорокину сказать что-нибудь о правописаніи словъ съ удвоенными согласными, а то изъ его „сокращенной азбуки“ не почерпнешь свѣдѣній, какъ писать, напримѣръ, слово: коммиссія, комиссія, комиссія или комисія и т. п.

Не мѣшало бы упомянуть и о знакахъ препинанія. Изъ нихъ можно устранить, напримѣръ, *точку съ запятой*, замѣнивъ ее одной *точкой*.

Если принять во вниманіе нигдѣ не оканчивающіяся попытки людей болѣе авторитетныхъ и болѣе грамотныхъ, чѣмъ г. Сорокинъ (такія ошибки, какъ, напримѣръ, притомъ, тоже время; неправильные переносы: наз-ваніе, сущест-вованіе и невѣрная пунктуація, — и все это въ самой главной, основной части книжки, — да и въ образцахъ встрѣчаются погрѣшности, — все это доказываетъ съ полной *очевидностью*, что г. Сорокинъ находится въ большой враждѣ съ орѳографіей. Ужъ не потому-ли пришла ему мысль упростить правописаніе?), — попытки изгнать изъ русскаго алфавита нѣкоторыя буквы, — то приходится заключить, что и попытка г. Сорокина будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что приведенныя имъ соображенія, какъ видитъ читатель, слишкомъ легковѣсны, если не сказать болѣе.

Назначенная за книгу цѣна 20 коп. — очень высока.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ перес. 2 р.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. **Зыковъ**.

DUE ~~MAY 18 '3[illegible]~~

DUE ~~JUN 19 '3[illegible]~~

DUE ~~AUG 28 '3[illegible]~~

Cancelled

MAY 19 '61 H

2829019

FEB 16 '70 H